

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК МЕТАИСТОРИЯ

Капитальная работа Б. Н. Миронова — уникальный вклад в историографию России по каким бы историографическим меркам ее ни оценивать — по российским, американским или европейским. «Социальную историю России» можно считать вехой в европейской историографии. Достижение тем более замечательное, если иметь в виду, что автор выполнил оригинальное исследование в каждой из областей, рассмотренных в книге: демография, урбанизация, семейная организация, социальная стратификация и социальная мобильность, сельская и городская община, право, суд и государственность. Трудно предположить, что кто-нибудь другой, кроме Миронова, мог бы взяться за решение этой задачи. И хотя он великодушно благодарит во Введении к книге многих коллег в России и за рубежом за помощь, на самом деле книга является исключительно его делом, и именно он дает нам «широкую картину» социальной жизни России.

Источниковедческая база книги огромна. Автор опирается на методологию, исследования и достижения дореволюционных российских, советских, постсоветских, американских, канадских, австралийских и европейских ученых, а также и на собственные изыскания по широкому кругу проблем в архивах и библиотеках России. Миронов первый, кто попытался освоить этот массив накопленных данных по социальной истории императорской России в рамках единой интерпретации под углом зрения собственной концепции и творчески переработать существующие интерпретации.

Вскоре после публикации на русском языке, как будто в ответ на недавнюю жалобу на отсутствие литературы по истории России, монография появилась и в английском переводе, что также происходит впервые в академической практике. Благодаря этому уникальный подход автора становится широко известным в России; в то же время историки и исследователи за пределами России, которые не читают по-русски, получают доступ к первому всестороннему ревизионистскому синтезу российской социальной истории.

В дополнение к указанным академическим новшествам приятно обратить внимание также и на то, что книга чрезвычайно хорошо подготовлена, оживлена интересными иллюстрациями, снабжена обширными статистическими данными, отражая увлечение Миронова клиометрикой, и имеет беспрецедентный научный аппарат, включающий как сноски, так и библиографию в алфавитном порядке,¹ не говоря уже о предметном указателе и указателях имен, иллюстраций, таблиц. Вызывает сожаление отсутствие карт.

Таким образом, книга представляет собой смелую попытку синтезировать исследования последних десятилетий (включая написанное за рубежом), предложить такой анализ фундаментальных процессов, моделей российской социальной истории и закономерностей ее динамики, который бы учитывал все существенные достижения исторической науки. Потребность в такой синтезирующей книге ощущалась давно, однако создание ее долго не могло

состояться, не в последнюю очередь потому, что немногие отваживались интегрировать и заново осмыслить огромный объем специальных исследований и дать свежий взгляд на развитие российского общества периода империи.

Как ни важен такой синтез, Миронов, однако, этим не ограничивается; он дает *метаописание* российского исторического процесса, чтобы продемонстрировать его «нормальность». Выявляя модели в социальном развитии отдельных сфер (например, в демографии или структуре семьи), автор стремится показать, что Россия следовала — с некоторым запозданием — той общей схеме развития, которая была свойственна также и Западной Европе. Его принципиальная цель состояла в том, чтобы доказать несостоятельность популярной идеи о «необыкновенности» или «самобытности» России, высказанной еще дореволюционными авторами и активно возродившейся в постсоветское время. Автор ясно дает понять, что «нормальность развития — свидетельство того, что в свое время у русских будет и благосостояние, и правовое государство, и гражданское общество». Таким образом, несмотря на периодические кризисы и отклонения, Россия в целом следовала дорогой модернизации вместе с Западом. Миронов надеется, что в условиях тяжелого постсоветского кризиса его «клиотерапия» подаст соотечественникам весть о том, что в долгосрочной перспективе Россию ожидает благоприятное будущее, что в конце концов она вновь возродится и будет продолжать свое развитие по западноевропейской модели. По ходу исследования автор прилагает значительные усилия, чтобы разрушить некоторые особенно популярные мифы, а именно: «Россия была типичной колониальной империей, угнетавшей народы, входившие в ее состав; российское общество было закрытым; русские не знали самоуправления; крепостное право блокировало социально-экономическое развитие страны; в России правили не законы, а люди; государство и бюрократия не заботились об обществе и народе; все или почти все реформы были несостоятельны; самодержавие в XVIII—начале XX в. было институтом, который мешал развитию страны; в судах царил произвол» (1, 15).^{*}

Миронов тщательно прочел и оценил огромное количество первичных источников и опубликованной литературы, хотя никакая монография (даже та, которая состоит из двух томов) не может быть исчерпывающей. Сами по себе данные, дотошно и кропотливо собранные автором по разным вопросам, удивят интересной новой информацией и свежими интерпретациями даже специалистов в узких сферах исследования. Хотя можно поспорить относительно того или иного факта, той или иной интерпретации, бесспорно, что Миронову удалось сформировать огромную базу надежных сведений (в том числе и в форме десятков таблиц), касающихся не только России, но также Западной Европы и Соединенных Штатов, и поставить эту информацию в широкий сравнительный контекст.

Разумеется, даже человек с такой, как можно судить по данной книге, неистощимой энергией и такими впечатляющими интеллектуальными способностями, как Миронов, не может охватить все аспекты социальной истории и удовлетворить всех читателей в полной мере. Относительно мало внимания уделено нерусским меньшинствам, миграции, промышленным рабочим, здравоохранению и медицине, образованию, частной филантропии, социальной политике и народной религии; книга не охватывает проблематику гендерной истории, безумия, идентификации «я» и «других» и различные неинституциональные, культурные измерения социальной истории (например, «прайваси» и интимности), которые недавно стали предметом пристального изучения со стороны зарубежных историков.² Эти упущения

---

^{*} * Здесь и далее в тексте даются ссылки на «Социальную историю России периода империи» (1-е изд.), первая цифра означает том, вторая — страницу.

отражают отчасти состояние самой исторической науки, но в то же время являются сознательным решением автора уклониться от исследования тех вопросов, которым отдают предпочтение современные историки постмодернистской ориентации. В этом смысле «Социальная история...» представляет собой критический синтез объективной социальной и институциональной истории предреволюционного российского общества, однако именно это обеспечивает — эмпирически и аналитически — отправную точку для исследования также и в этих новейших областях историографии, особенно в интеллектуальной или культурной истории, которой теперь занимаются многие социальные историки, принадлежавшие ранее школе «Анналов».

Работая в рамках традиции школы «Анналов», автор предлагает по существу *структуралистскую* интерпретацию: он стремится определить, построить модель и интерпретировать фундаментальные процессы и силы, которые *volens-nolens* изменили российское общество (и государство) в течение императорского периода. Хотя книга состоит из тематических глав, написанных на высоком профессиональном уровне, автор не сформулировал ясно внутреннюю логику ее структуры, и логика становится понятной (правда, вряд ли до конца) не сразу. В сущности, исследование распадается на две части (что соответствует и его формальному разделению на два тома) — в первой речь идет о социальной динамике, во второй — о праве, государстве и гражданском обществе. Таким разделением автор стремится показать, что любое измерение демонстрирует «нормальность российского исторического процесса», однако причинная связь между этими двумя частями остается неясной. Это справедливо также и для проблемы движущей силы: широкая динамика подчеркивает непреклонную склонность российской истории к нормальности, но автор воздерживается от обсуждения факторов этого развития по нормальному пути. В строгих историко-философских понятиях он находит в развитии России некоторую степень исторической неизбежности («прогресс»), но не объясняет в отличие от позитивистов, идеалистов и марксистов более раннего времени, что управляет этим процессом.

Этот структурализм объясняет также невнимание к *событийной* истории. Прежде всего, это касается российского революционного движения, ссылки на которое фигурируют в исследовании только спорадически. Наверное, это упущение оправданно: после бесконечных трактатов о классовой борьбе и прогрессивной интеллигенции, которые десятилетиями печатались в России, может быть, гораздо важнее познакомить читателей с основами российского демографического, социального и институционального развития. Однако, на наш взгляд, справедливо поставить вопросы и относительно социального конфликта, и революционной интеллигенции, хотя бы потому, что они занимали так много места в исторической памяти и представлениях о дореволюционной России, особенно в последние десятилетия существования империи. Более важно, что исключение событийного ряда позволяет использовать важную методологическую возможность, а именно: исследовать критические, принципиальные эпизоды в истории страны, которые глубоко переконфигурировали современное сознание и отношения. Действительно, как давно продемонстрировал Виктор Тернер,³ такое экстраординарное игнорирование событий обнажает лицемерие повседневности и рутину институциональной жизни и обнаруживает основные ценности и отношения. Хотя автор сознательно и не использовал эту методологию, будущие попытки диахронически анализировать развитие общества, отношений и менталитета вполне могли бы сосредоточиться на нескольких симметрично определяемых моментах в опыте России периода империи.

Книга Миронова ставит и другие важные методологические проблемы, среди которых и такая фундаментальная — что такое социальная история? Этот вопрос был остро поставлен как безотлагательный в западной историографии в последние годы. Отвлечемся пока от того, что Миронов понимает

под этим термином. Как хорошо известно, современная социальная история была, по крайней мере частично, продуктом школы «Анналов», чьи представители были не удовлетворены тем, что при объяснении исторических изменений первое место отводилось политике (в особенности «высокой» политике); но социальная история была также результатом работы группы историков, уставших от традиционного марксистского подхода, который объяснял историческое развитие с помощью грубой модели базис—надстройка.⁴ Эти критики (из них поздний Эдвард Томпсон был наиболее влиятельным) предложили другое прочтение истории — смотреть на прошлую социальную действительность сквозь призму опыта социальных групп, до той поры считавшихся в историографии маргинальными. Несколько позже, однако, социальные историки столкнулись с необходимостью ответить на вызов «культурной истории» в различных ее ипостасях.⁵ В частности, их спрашивали, имеется ли опыт, который может быть понят независимо от лингвистических или дискурсивных практик, описывавших этот опыт. Миронов считает своей главной задачей обнаружить социальные реальности и определить социальные практики, игнорировавшиеся до настоящего времени или неправильно истолкованные. Трудность здесь состоит в том, что в этом подходе не находится места для того взгляда, согласно которому, как выразился Роджер Чартиер в 1982 г., «сами по себе представления о социальном мире являются элементами социальной действительности»; другими словами, общество — не первично, а производно от представлений.⁶

Миронов старался избежать этого редукционистского взгляда на историю (заменить историческую реальность представлениями) с помощью привлечения данных о самовосприятии и самоидентификации действующих лиц. Он уделяет значительное внимание культурным нормам и практикам, например в исследовании отношения крестьянина к детям или при изучении мира отходников, в среде которых крестьянский менталитет преобладал (1, 344). Но, рассматривая этот пример, автор стремится идентифицировать сложное мировоззрение крестьянина, в то время как, наверное, больше внимания следовало бы уделить тем способам, которыми менталитет крестьянства конструировался внешними наблюдателями, для кристаллизации собственной самоидентичности.⁷ Возьмем другой пример. Любое изучение преступления должно было бы начинаться с уяснения того, что сами по себе категории преступлений были продуктами представлений современников о преступлении и отражали озабоченность бюрократии, социальных работников, газетных редакторов и так далее. Однако автор не обсуждает, как понятие преступления конструировалось современниками: вместо этого он ограничился анализом статистических данных о преступности (2, 78-96).⁸

В этой связи отсылаем читателя к недавней работе, которая движется от изучения социального к изучению культурного.⁹ На элементарном, но тем не менее фундаментальном уровне главная мысль состоит в том, что в историческом исследовании следует уделять больше внимания способам представления современниками социальной действительности, а также тому, кто именно это делал и для какой цели. Вот некоторые важные вопросы, которые прежде всего приходят в голову в связи с этим: когда можно говорить о «социальном» в предреволюционной России, как различные понятия «социального» борются друг с другом? Что современники считали социальными, или общественными, проблемами, каким образом некоторые явления стали признаваться и трактоваться в качестве предметов, заслуживающих научного исследования, социальной политики и наблюдения, какими критериями они руководствовались для отнесения тех или иных вопросов к актуальным, какие средства они предлагали для их решения и почему? Как «образованное общество» пришло к тому, чтобы идентифицировать себя в качестве группы интересов, отделенной одновременно и от народа, и от бюрократии? Насколько существенны были эти различия?¹⁰ Разумеется, чем

больше людей вовлекалось в ту или иную общественную проблему и чем злободневнее представлялась проблема, тем сильнее была оппозиция между образованным обществом (цензовым обществом) и народом.

Следующий важный вопрос касается убеждения Миронова в том, что социальная история России должна осмысляться и концептуализироваться в терминах «модернизации». Нам импонирует мысль автора, что изучение российской истории долгое время затруднялось вследствие распространения в советской историографии грубого экономического редукционизма и телеологии, что все социальные, экономические и политические события в конечном итоге увязывались с революционными преобразованиями (1, 14). Как указывалось ранее, освободившись от этой традиции, Миронов оказался способным серьезно трактовать именно те социальные, экономические и политические процессы, которые многими советскими историками просто игнорировались.¹¹ Он делает это в рамках теории модернизации. Он тратит много сил, чтобы показать, что социальные институты делались более «рациональными» в веберянском смысле этого слова, все более полагались на определенные юридические нормы, а не на обычай и традицию. Узкое и ограниченное социальное взаимодействие менялось на все более открытое и широкое. Реальные достоинства, а не привилегии становились основой для продвижения по службе. Личность получала больше возможности для своего проявления; индивидуумы успешно утверждали свое достоинство и протестовали против вмешательства корпорации в личную жизнь, будь это вмешательство основано на власти патриарха в рамках большой семьи или на власти традиционной земельной общины или других корпоративных институтов (2, 288). Другими ключевыми компонентами модернизации были появление «гражданского общества» и правового государства. Они суть классические элементы в одной влиятельной версии истории западноевропейского развития.¹²

Мастерски описывая этот процесс, Миронов указывает на некоторые специфические особенности российского социального развития (например, на продолжающееся господство «традиционного» крестьянского общества и трудовой морали). Но для него главное различие между Россией и Европой состоит в асинхронности развития, а не в существовании процесса развития. То, что самодержавие стремилось ускорить процесс развития, вносило невероятное напряжение в социальную жизнь (2, 291-304). То же самое справедливо и для советского проекта модернизации.¹³ В данном контексте было бы полезно подключить к нашей дискуссии концепцию Александра Гершенкрона, который был склонен к веберянскому видению модернизации: он считал, что страны второй волны модернизации, как Россия, должны были по необходимости показать другую модель развития по сравнению со странами, которые стали на путь модернизации ранее.¹⁴

Однако трудность здесь состоит в том, что «модернизация» (иногда «социальная модернизация») ставит собственные проблемы. Как модель она способствует привлечению внимания к ключевым аспектам развития, но в то же самое время она заменяет один вид телеологии на другой. Модернизационная модель — это один из многих способов представления прошлого. Как схематическая форма представления прошлого она не оставляет места для тех форм социального поведения и организации людей, которые не пересекаются с данной схемой и являются по определению отсталыми. Она имеет тенденцию рассматривать прошлое сквозь призму дихотомий традиция/современность и неподвижность/подвижность, которые не всегда помогают пониманию. Это может сузить видение исторических изменений.¹⁵ Миронов — слишком внимательный ученый, чтобы пропустить своеобразие социальной организации и культурной практики в дореволюционной России, но его книга тем не менее имеет тенденцию минимизировать это своеобразие в поиске «движущих» сил. Так, он уделяет мало внимания маргинальным

социальным группам вроде бандитов, цыган, нищих, сектантов и других. Было бы также интересно знать, как будет выглядеть российская модернизация, если ее изучать с точки зрения нерусских меньшинств — от периферии, а не от центра.¹⁶

Наконец, стоит отметить, что Миронов придает большое значение тому, как модернизация обеспечивала возможности для индивидуальной деятельности и самоопределения (1, 524-525; 2, 287-288). Однако этот подход не принимает в расчет вызова, сделанного прежде всего Мишелем Фуко понятиям Просвещения об автономном «я». Согласно Фуко, «современное я» производится и ограничивается изменяющимися режимами знания и технологии власти, которые работают вместе на различных уровнях. Однако простое упоминание имени Фуко может вызвать дрожь у некоторых историков.¹⁷

Как уже говорилось, сила монографии состоит в богатстве содержащихся в ней статистических данных, которые окажут огромную помощь исследователям фактически в каждой области социальной истории, конечно, при условии большой осторожности (как автор неоднократно предупреждает) при их использовании. Частично это проблема явной ненадежности исходных данных: чем дальше мы уходим назад от известной переписи 1897 г., тем больше подозрений вызывают цифры. Массовая неграмотность, различные препятствия (особенно финансовые) для точности, явная некомпетентность, огромная перегрузка административными обязанностями небольшой, централизованной бюрократии — все эти факторы делали точный и поддающийся проверке сбор данных практически невозможным. Особенной осторожности требует работа с динамическими рядами, так как структура данных и их географическая привязка (вследствие многократных перемен в административном разделении страны) были подвержены постоянному и существенному изменению. В некоторых случаях, например в росте преступности или семейных тяжб и вообще в любом резком увеличении чего-то на душу населения, может отражаться либо глубокое социальное изменение, либо *явный рост численности чиновников*, которые занимались этими проблемами. Не менее важен сам рост административных и судебных учреждений. Например, новая судебная система, возникшая после судебной реформы 1864 г., способствовала развитию народного юридического сознания и, как жаловались современники, начиная с 1880-х гг. вызвала резкое увеличение сутяжничества.

Цифры могут быть чрезвычайно показательными, но они все же требуют, чтобы пристальный анализ установил их субъективное значение. Если объективная динамика какого-либо явления представляет важную величину, то не меньшую роль играет и восприятие этого явления современниками, так как само восприятие — важная реальность, имеющая право на самостоятельное изучение. Например, автор, сравнивая статистику разводов по России и ряду стран в 1841—1913 гг., приходит к выводу, что в России число разводов на 1000 жителей «равнялось ничтожной величине» (1, 176). По сравнению с западноевропейскими странами и с тем, что произошло после революции 1917 г., этот вывод верен. Однако с перспективы 1914 г. виделось другое — страна находилась в состоянии фундаментальной перестройки традиционной семьи; быстрый рост числа разводов — от 77 в год в 1840-х гг. к почти 4000 в 1914 г. являлся только одним из наиболее тревожных индикаторов этой трансформации. Огромное увеличение числа разводов (почти все по причине прелюбодеяния) оказало чрезвычайное воздействие на дискурс современников, возбуждая опасения относительно необратимого разрушения основ патриархального порядка семейной жизни и вдохновляя общественность на борьбу за либерализацию семейного права и за отделение церкви от развода, т. е. передачу бракоразводных дел в руки государства. Короче говоря, важно не только собрать и проверить сырые статистические

данные, но также и объяснить, почему учреждения собирали именно их и в такой специфической форме и как общественное мнение отражалось в собранной статистике.

Кроме того, будущие историки наверняка захотят идти далее статистических материалов, находящихся в центральных архивах и публикациях центральных учреждений, и попытаются восстановить картину на основе информации, находящейся в местных архивохранилищах. Обращение к местным архивам — это только частично вопрос исправления сведений, собранных, агрегированных и отправленных местными властями в центр. Гораздо более важно, что первичные данные, содержащиеся в сообщениях низовых органов власти, позволяют историку увидеть исторический процесс во всей его полноте. Только таким образом и возможно оценить экстраординарную сложность поведения и социальных отношений, то калейдоскопическое разнообразие, которое, как правило, исчезает в совокупных и средних числах. Например, для получения всероссийской статистики соблюдения исповеди и причастия автор суммировал епархиальные данные из дел синодского архива; однако систематический анализ приходских исповедных книг, находящихся в областных архивах, обнаруживает гораздо более сложную картину соблюдения и пропуска исповеди, чем это получается на основе официальных епархиальных и общероссийских материалов, в том числе показывает и те варианты причин пропуска исповеди, которые не учитывались официальной формой отчета.

Высказанные соображения — не критика обсуждаемой книги, а предложения для будущих стратегий и направлений исследования. Но можно поставить автору вопрос относительно его основополагающего предположения о «нормальности российского исторического процесса». Проблема здесь состоит не в том, чтобы утверждать некоторую самобытность России, а в том, что понятие нормальности находится в рискованной близости к абсолютизации и идеализации западноевропейских и американских стандартов политического и социального развития. Возможно попасть в западно-Фрэнсиса Фукуямы¹⁸ относительно «конца истории», радуясь по поводу необратимого поражения коммунизма и славного триумфа того, о чем американцы трубят как о демократии, свободном рынке и гражданском обществе. Точно так же как постсоветская Россия страдает от своих собственных проблем, так и западные общества страдают (и все более и более будут это осознавать) от таких фундаментальных проблем, как плутократия в политике, как глобализация, уничтожающая индивидуальные, местные и даже национальные права, как неолиберальная модель рыночной экономики, углубляющая разрыв между богатыми и бедными, между развитыми и слаборазвитыми странами. Современное государство, фантастически финансируемое за счет растущего валового национального продукта и вооруженное всеми инструментами технократической и компьютерной эпохи, материализует саму форму репрессии, которую Мишель Фуко и многие другие осудили. Ни в коем случае не является аксиоматическим, что эта западная модель плутократии, глобализации и экономического неолиберализма является желательной и что ей уготована длительная жизнь; на самом деле, все это — проявления нового империализма, и они порождают мощные противодействующие компенсационного свойства силы, направленные на ограничение непрерывного роста власти государства и его учреждений. Как ни парадоксально, но следует чувствовать некоторую ностальгию и зависть в отношении самой институциональной отсталости России при старом режиме, где по крайней мере до середины XIX столетия государство осуществляло только спорадический контроль над обществом и индивидуумом. Во всяком случае, критерий для измерения «нормальности» требует размышления; нет необходимости и, вероятно, даже никто и не должен предполагать, что западная модель идеальна или уже действительно достигла своей заключительной стадии.

Если говорить о концепции «Социальной истории...» в целом, то на первый взгляд она напоминает либеральную версию российской истории, так как Миронов отстаивает концепцию непрерывной, прогрессивной модернизации и определенно помещает Россию в рамки европейских социальных, экономических и политических традиций. Что же тогда исключительного во вкладе Миронова? Это прежде всего то, что немногие, если вообще кто-нибудь из историков, пытались думать и писать подобным образом после Октябрьской революции; большинство предпочитало доказывать отсталость России, меньшая часть — ее неповторимость и прогрессивность, и лишь горстка либералов даже перед революцией придерживалась мнения о европейской сущности России. Более существенно, однако, что Миронов делает ряд уникальных прорывов, которые продвигают наше знание и понимание социальной истории имперской России намного дальше сравнительно с его предшественниками, причем делает это посредством оригинального исследования, а не с помощью подгонки фактов под заданную схему, используя таким образом гораздо более утонченный методологический подход, чем тот, который обычно практиковали либеральные историки.

Далее, он разрабатывает свой тезис о европейскости России, отталкиваясь от ряда западных работ, которые в течение десятилетия или двух спокойно отходили от пессимистической марксистской парадигмы российского социального, экономического и политического развития особенно после отмены крепостного права. В этом процессе преодоления марксистских стереотипов под влиянием таких постмарксистов, как Макс Вебер, Фердинанд Теннис, школа «Анналов», Мишель Фуко, Баррингтон Мур (Barrington Moore), Теда Скокпол (Theda Skocpol) и Чарльз Тилли (Charles Tilly), Миронов первым создает новую парадигму российской истории, которая является более социологической, чем политической в своем понимании причинности и несомненно лучше подходит для постсоветской эпохи. Эта парадигма лишь на первый, поверхностный взгляд напоминает либеральную версию. Для понимания императорского режима России Миронов действительно совершил нечто аналогичное тому, что Альфред Коббан и его преемники сделали для нашего понимания происхождения Французской революции,¹⁹ и, без сомнения, наследство Миронова также будет спорным, по крайней мере некоторое время.

Из каких составных элементов состоит эта новая парадигма, предложенная Мироновым? Во-первых, это основанное на осторожном пересмотре имеющихся свидетельств положение автора, что самодержавное (имперское) российское государство было позитивной и движущей силой социальных изменений в стране, идя, как правило, впереди общества; что самодержавие по большей части работало в сотрудничестве с общественностью; что в течение более чем трех столетий процесс модернизации был в основном успешным; что в начале XX столетия Россия превратилась в правовое де-юре государство; что гражданское общество находилось в процессе формирования; что Россия принадлежит Европе и что те российские социальные институты, процессы и явления, которые обычно трактуются как уникальные, фактически были свойственны всем европейским государствам.

Принимая эти ключевые положения, автор, разумеется, должен ответить на вопрос, почему в России произошла революция. И здесь проблема не свелась к тому, чтобы поддержать то или другое социально детерминированное объяснение российской революции, предложенное за последние 35 лет. Автор стремится понять, почему самодержавное государство оказалось настолько хрупким, что не выдержало давления Первой мировой войны. И его ответ на этот вопрос логически вытекает из вышеупомянутых предположений. В то время как Россия действительно успешно модернизировалась при лидирующей роли государства, народ, также участвовавший в этом процессе, сдерживался в своем движении вперед вполне нормальным, но более

медленным темпом изменения в своих социальных представлениях и ориентациях — в своем менталитете. В то же самое время Миронов указывает на известные барьеры, возникшие между европеизированной элитой и народом, которые только усиливали разрыв между ними, порождая асинхронность в социальных процессах и явлениях. Он обращает внимание и на то, что вместе с тем и правительство отказалось от своего традиционного сотрудничества с обществом в интересах поддержания экономического развития, что в свою очередь создавало пропасть между государством и образованным обществом — не только политически, но и особенно в смысле системы ценностей и менталитета. В результате, несмотря на легитимность самодержавия, ему не удалось полностью сплотить народ, так же как и часть элиты, в цельную нацию и создать единое многонациональное государство.

Но наиболее важная часть этого объяснения состоит в следующем: революция, по мнению Миронова, была в некотором смысле весьма естественным (нормальным) явлением, учитывая, что напряжения в модернизации, подобно задержке в развитии народного менталитета, были сами по себе нормальны и, следовательно, ввиду этого правительство не несло прямой ответственности за такой результат. Вместе с тем Миронов не возлагает всю вину за революцию на интеллигенцию, как снова стало популярным. Напротив, он рассматривает революцию как нормальную, даже позитивную реакцию, как временное социальное бедствие модернизации, призванное гармонизировать традиционные российские ценности с ценностями рыночной экономики и создать то, что Миронов иронически называет «капитализмом с человеческим лицом». Далее, автор считает, что Октябрьская революция была не марксистской прогрессивной революцией, за которую, как полагали революционеры, они боролись, и которую историки на Востоке и Западе по разным причинам впоследствии защищали, а скорее революцией против модернизации и в защиту традиции. Тем не менее советское правительство, по мнению автора, продолжило процесс модернизации и создало условия, которые обеспечили мирный переход к заключительной стадии модернизации, формированию открытого и демократического общества и положительной трудовой этики, необходимой для функционирования рыночной экономики.

Таковы в схематичном виде концепция и аргументация Миронова. Хотя многие ее части знакомы, он — первый историк, который подвел под нее солидное социальное основание, подкрепил собственным оригинальным исследованием, а также творчески использовал работы других историков. Однако ядро и новизна всей книги, на наш взгляд, состоит в детальной социальной истории народа. Для иллюстрации этого более подробно остановимся на трактовке Мироновым аграрно-крестьянского вопроса, являющегося самым важным в его аргументации, потому что крестьянство составляло огромное большинство населения и, как показывает автор, не только находилось во второй половине XIX—начале XX в. под влиянием социальных изменений, происходивших в городе, но и само оказывало значительное влияние на городских собратьев, помогая формированию того, что называется рабоче-крестьянской субкультурой. Сердцевину крестьянского общества составляла крестьянская община и ее двойники, распространенные во всем российском обществе, ответственные за разлад между воззрениями и ценностями, разделяемыми народом и элитой, которая двигала процесс модернизации российского общества. Однако, возлагая значительную долю ответственности за медленный темп социального развития России на общину как прародителя народа, автор не поддается соблазну воспользоваться популярным искусством дискредитации. Даже тогда, когда он устанавливает довольно определенную связь между общинным патриархатом и авторитаризмом государства, с одной стороны, и патриархатом и воспроизводством специфической культуры деревни, ориентированной на тради-

цию, с другой, — его истинная цель состоит в том, чтобы деидеологизировать и деидеализировать общину и показать ее в реалистическом виде.

Община и крестьянское общество представляются в книге как диалектический комплекс, находящийся между традицией и современностью, между командой (крепостничеством) и рынком, коммунизмом и индивидуализмом, но с акцентом на изменения и появление элементов модернизма, рынка и индивидуализма. Например, община накануне эмансипации 1861 г. напоминала традиционную большую крестьянскую семью, функционировала как механизм выживания/страхования, навязывала своим членам единодушие в мыслях и равенство в материальном отношении с целью поддержания стабильности. После эмансипации и община, и семья постепенно изменялись под действием разнообразных факторов в направлении большей оппозиции к власти, большей вовлеченности в рыночную экономику, большей свободы для индивидуума (в пределах нукlearной семьи), что увеличивало конфликты интересов и поколений; управление в общине стало основываться на демократическом принципе большинства, а не традиционного единодушия. И все же и семья, и община боролись за выживание, за поддержку традиции и сохранение/восстановление своей власти. То же сочетание прогрессивного развития с одновременной тенденцией к самозащите, которая замедляла модернизацию, наблюдалось в более раннее время в европейских странах. Центральное место в аргументации Миронова, на наш взгляд, принадлежит его положению, что ни семья, ни община, не говоря уже об отдельном крестьянине, не были демократическими или общинными по своей внутренней природе. Как резюмирует сам автор, община не была «ни органической демократией, ни благотворительным учреждением».

Как община и семья развивались в направлении индивидуализма, так и законодательство, согласно Миронову, эволюционировало в направлении защиты индивидуальных прав. В этом контексте Миронов полагает, что сохранение обычного права в деревне обеспечивало относительный порядок и стабильность сельской жизни, что является существенным отходом от историографической традиции, акцентировавшей свое внимание на крестьянском партикуляризме и бунтах. В то же самое время он доказывает, что обычное право было пронизано юридическими нормами, заимствованными из официального права. Только там, где в законодательстве были пропуски, община создавала свои собственные нормы. Не игнорирует автор и борьбу различных групп, особенно сельской общины, за автономию и независимость от государства — борьбу, которую он рассматривает как главный источник для постоянного стремления самодержавия усилить и централизовать государственную власть. С другой стороны, он не находит никаких свидетельств, что император или бюрократия стремились навязать обществу тотальный контроль; напротив, они предпочитали искать различные формы компромисса и разделения ответственности между правительством и общественными силами. Упадок власти семьи и общины происходил стихийно и особенно ярко проявился в росте преступности.

Что касается сельской экономики, то Миронов бросает вызов традиционному представлению о существовании фундаментального кризиса крестьянского хозяйства в конце XIX в. (точно так же он оспаривает мнение о кризисе крепостного хозяйства накануне отмены крепостничества), тем самым подрывая социально-экономический аргумент в пользу неизбежности революции. Он оценивает крестьянскую экономику достаточно позитивно, доказывая временный и ограниченный характер так называемого кризиса и приводя доводы в пользу устойчивого повышения уровня жизни крестьянства до революции. Рост индивидуализма в деревне проявился в постепенном переходе под давлением прироста населения к более интенсивным формам сельского хозяйства, так же как в диверсификации источников дохода, где такие возможности существовали. Хотя крестьянское хозяйство не было

полностью интегрировано в рыночную экономику, рынок тем не менее все более и более регулировал экономические отношения в деревне.

Миронов также находит многочисленные свидетельства возраставшей неудовлетворенности передельной общиной со стороны крестьян. Даже там, где она господствовала, — в центральной России увеличивалось число конфликтов между поколениями как в семьях, так и в общине по поводу оптимальной формы землевладения. В западном же регионе преобладало подворное землевладение, а между центральным и западным районами находилась довольно обширная зона, где переделы прекратились и наблюдался спонтанный переход к индивидуальным формам землевладения. Параллельно этому некоторые сельские общины урбанизировались. Все это вместе взятое способствовало развитию индивидуализма. В целом Миронов полагает, что около 56 % крестьян были в той или иной степени не удовлетворены общинной формой собственности, образуя прочную социальную базу для столыпинской реформы. Опираясь на эти явления, реформа ставила целью содействовать дальнейшей индивидуализации сельского общества и интенсификации крестьянского хозяйства по европейской модели и преуспела в этом. К 1917 г. около трети крестьян, живших в передельных общинах, воспользовались реформой, чтобы вырваться на свободу. И если бы, как полагает Миронов, реформа не была прервана войной и продолжалась прежним темпом, то к 1927 г. (конечная дата двадцатилетнего периода, просимого Столыпиным для проведения реформы) община могла фактически исчезнуть. Таким образом, крестьянская экономика, по мнению автора, находилась в состоянии естественного (нормального) процесса развития, которое несколько раньше наблюдалось в других европейских странах. В России, как и всюду в Европе, крестьяне и частная собственность не исключали друг друга. Неудивительно, что Миронов отклоняет аргумент Ричарда Пайпса об отсутствии истинной собственности и истории права собственности в России в качестве объяснения ее отсталости.

Все аргументы Миронова основаны на данных, либо им впервые вводимых в научный оборот, либо уже имеющих в литературе, но часто игнорируемых теми, кто привержен господствующей парадигме и склонен к упрощенному объяснению происхождения революции. Взятые в целом, они очень убедительны, хотя некоторые из них не бесспорны. Прежде всего отметим, что иногда автор отдает предпочтение своему подходу, своей методике и тем новым данным, которые он обнаружил, не принимая в достаточной мере во внимание те известные, иногда многочисленные свидетельства, которые противоречат его точке зрения. Например, не вполне убеждает вывод о росте индивидуализма в пореформенное время как важном факторе роста преступности; не кажется бесспорным и вывод о развитии правомерного управления, полученный по статистическим данным о судебном преследовании чиновников за служебные преступления. Порой кажется, что автор слишком прямолинейно и субъективно трактует данные о развитии государственного аппарата в сторону его совершенствования.

Однако другие доводы Миронова представляются новаторскими, например, его положение о том, что сельскохозяйственная отсталость и низкая производительность труда были результатом потребительской трудовой этики крестьянства. Опираясь на Чайнова, автор обнаруживает, что между количеством рабочей силы, необходимой для обработки имеющейся земли, количеством избыточной рабочей силы и числом праздничных дней в различных регионах существовала взаимозависимость, что черноземные регионы уступали по производительности нечерноземным, несмотря на большую плодородность почвы и лучшие климатические условия, вследствие недостаточных затрат труда. Также новаторскими представляются разделы главы «Город и деревня», посвященные менталитету крестьян, мещан, рабочих и других социальных групп и борьбе между традиционализмом и современ-

ностью в общественном сознании. Правда, в объяснении автором причин крепостничества, на наш взгляд, просматриваются традиционные представления о народе, в частности, когда доказывается, что крестьянство само способствовало своему закреплению, во-первых, своей недисциплинированностью, которая вынудила правительство навязать крепостное право (дисциплину) для достижения военных, политических и экономических целей государства, и, во-вторых, своей патриархальностью и верой в царя, которые сдерживали крестьянское движение против развития крепостничества.

Таким образом, с одной стороны, работа в целом дает бесспорно оптимистическую и детерминистскую хронику неизбежного развития индивидуализма; но, с другой стороны, автор неоднократно оговаривается и указывает, как и надлежит хорошему историку, каким он на самом деле и является, что к 1917 г. процесс модернизации был не полон, далек от завершения, в одних сферах только начат, в других — остановился на середине, что традиции все еще доминировали, что защитные реакции традиционных институтов и медленно изменяющегося менталитета на модернизацию обусловили революцию 1917 г., которая хотя и укрепила эти традиционные учреждения и ценности, но в то же время установила социальную преемственность между послереволюционной и дореволюционной эпохой. Если бы социальная модернизация шла быстрее, то в значительной степени достигла бы своих целей в аграрной сфере к 1927 г.

Но что это — предсказание? Безусловно, социальный историк может ограничиться указанием на тенденции, процессы и направления развития и не подражать своей кузине социологии, которая пытается предсказывать. Однако Миронов пробует предсказывать своим собственным способом, принимая в качестве одного из инструментов детерминистскую веру в то, что процессы, которые он исследует, скорее естественно (нормально), органически развиваются, чем являются результатом комбинации внешних сил и внутренних социальных, экономических и политических событий (заметим, что эта вера является частично наследием непокорного позитивистского либерализма и позитивистского марксизма). Эти незначительные оговорки не мешают сделать вывод, что автор достиг потрясающих результатов, а его конечная цель служить «социальным доктором» в своей стране, помогать исправлению неправильных исторических представлений, накопленных в течение жизни последних поколений, и таким образом способствовать дальнейшему ее прогрессу, заслуживает уважения. Книга Миронова устанавливает новую парадигму, которая несомненно будет направлять исследование по крайней мере следующего поколения историков, а, возможно, и дальше.

Питер Гетрелл, Дэвид Мэйси, Грегори Фриз**

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библиография, возможно, содержит извинительные упущения, но было бы неблагодарно критиковать за них автора, учитывая, что он сделал так много. Включение в анализ западной литературы, в течение десятилетий намеренно пренебрегаемой и замалчиваемой в советской России, особенно полезно для российских читателей.

² См. некоторые важные работы на английском: *Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca: Cornell University Press, 1994; Hutchinson J. F. Politics*

** ** Питер Гетрелл (Peter Gatrell), профессор Манчестерского университета (Великобритания); Дэвид Мэйси (David A. J. Macey), профессор Миддлбери Колледж (США); Грегори Фриз (Gregory Freeze), профессор Брандайского университета (США).

and Public Health in Revolutionary Russia 1890—1918. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990; *Lindenmeyr A.* Poverty is Not a Vice : Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 1996. Другие работы опубликованы совсем недавно и не могли быть учтены автором: *Engelstein L.* Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale. Ithaca: Cornell University Press, 1999. Отметим, справедливости ради, что очень мало исследований прошло мимо внимания Миронова, и даже специалисты, вероятно, найдут у него ссылки на множество работ, которые им неизвестны.

³ *Turner V.* Dramas, Fields and Metaphors: Symbolic Action in Human Society. Ithaca: Cornell University Press, 1974.

⁴ *Thompson E. P.* The Making of the English Working Class. Harmondsworth: Penguin Books, 1968. Незадолго до смерти Томпсон опубликовал: *Thompson E. P.* 1) Customs in Common. Penguin Books, 1993; 2) Witness Against the Beast: William Blake and the Moral Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

⁵ Эти дискуссии имели место в журналах, посвященных исследованию социальной истории, особенно в: *Social History* (University of Hull) и в меньшей степени в *Journal of Social History* (University of Pittsburgh). Большой вклад в дискуссию внес английский историк Стедман Джоунс: *Jones S.* Languages of Class: Studies in English Working-Class History 1832—1982. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. Развитие этой концепции см.: *Jones S.* The Determinist Fix: Some Obstacles to the Further Development of the Linguistic Approach to History in the 1990s // *History Workshop Journal*. 1996. Vol. 42. P. 19—35.

⁶ *Hunt L.* (ed.) The New Cultural History. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 7.

⁷ В этой связи можно рекомендовать работу Кати Фриерсон: *Frierson C.* Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth-Century Russia. New York: Oxford University Press, 1993. См. также: *Lehning J.* Peasant and French: Cultural Contact in Rural France during the Nineteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

⁸ Ссылки на зарубежную литературу по данному вопросу можно найти в книге Миронова (2, 106—107).

⁹ *Hunt L., Bonnell V.* (eds.). Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture. Berkeley: University of California Press, 1999.

¹⁰ Попытку исследовать эту проблему в английской истории см.: *Poovey M.* Making a Social Body: British Cultural Formation 1830—1864. Chicago: Chicago University Press, 1995. В работе Питера Гетрелла сделана попытка показать, что во время Первой мировой войны в России существовало конкретное социальное явление (миграция населения), которое различными политическими интересами было представлено и проблематизировано как «беженство»:

Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during the First World War. Bloomington: Indiana University Press, 1999.

¹¹ См. отличную новейшую работу Саймона Диксона, которая опирается на эту концепцию: *Dixon S.* The Modernization of Russia 1676—1825. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. Подобно Миронову, Диксон также ставит свое исследование в рамки широкого европейского контекста и получает интересные результаты. Аналогичный очерк предлагает Джанет М. Хартлей: *Hartley J. M.* A Social History of the Russian Empire 1650—1825. London: Longman, 1998. Подход Миронова поддерживается в новейших исследованиях Дэвида Муна и Джеффри Хоскинга: *Moon D.* The Russian Peasantry 1600—1930: The World the Peasants Made. London: Longman, 1999; *Hosking G., Service R.* (eds.). Reinterpreting Russia. London: Arnold, 1999.

¹² Примером работы, где эта позиция особенно четко выражена, может служить: *Wrigley E. A.* The Process of Modernization and the Industrial Revolution in England // *Journ. of Interdisciplinary History*. 1972. Vol. 3. P. 225—59. Литература о модернизации громадна; классическими являются работы Блэка (С. Е. Black), Леви (Marion Levy) и Эйзенштадта (S. N. Eisenstadt). Полезный сборник статей: *Black C. E.* (ed.). Comparative Modernization: A Reader. New York; London: The Free Press, 1976. Критику концепции модернизации см.: *Cammack P.* Dependency and the Politics of Development // *Leeson P. F., Minogue M. M.* (eds.). Perspectives on Development. Manchester: Manchester University Press, 1988. P. 89—125. Ответ на критику теории модернизации см.: *Grew R.* More on Modernization // *Journ. of Social History*. 1981. Vol. 14. P. 179—87.

¹³ См. интересный общий обзор этого и других проектов модернизации: *Scott J. C.* Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998.

¹⁴ *Gershenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, Mass: Belknap Press, 1962. Перевод этой классической работы на русский язык был бы чрезвычайно полезным.

¹⁵ Саймон Диксон остроумно избегает некоторых ловушек, свойственных этой концепции, убедительно доказывая, что правители России принимали проект модернизации, с чем историки обязаны серьезно считаться. По его мнению, финансовые и другие требования самодержавного государства поощряли население искать защиту в крепко связанных общинах, которые, разумеется, казались «отсталыми» более позднему поколению «модернизаторов»: *Dixon S.* Modernization... P. 256—257. О последующих проектах модернизации см.: *Scott J. C.* Seeing Like a State. Ch. 6; *Kingston-Mann E.* In Search of the True West: Culture, Economics and Problems of Russian

Development. Princeton: Princeton University Press, 1999.

¹⁶ Начало положено: см., например: *Brower D. R., Lazzerini E.* (eds.), *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples. 1700—1917.* Bloomington: Indiana University Press, 1997.

¹⁷ В своей наиболее крайней формулировке это звучит так: «...Ничто в человеке, и даже в его теле, не является достаточно устойчивым, чтобы служить основанием для признания самого себя или для понимания других людей». Цит. по: *O'Brien P.* Michel Foucault's History of Culture // *Hunt L.* (ed.). *New Cultural History.* P. 25—46 (цитата на с. 35). К русистам, для которых Фуко является источником вдохновения, относятся: *Kotkin S.* *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization.* Berkeley: University of California Press, 1995; *Holquist P.* «Information is the Alpha and Omega of our Work»: Bolshevik Surveillance in its Pan-European Context // *Journ. of Modern History.*

1997. Vol. 69. P. 415—450. Более скептический подход демонстрирует Л. Энгельштайн: *Engelstein L.* *Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia//Amer. Hist. Rev.* 1993. Vol. 98. P. 338— 353. Прямое осуждение постмодернистского подхода, известного как «лингвистический поворот», см.: *Palmer B. D.* *Descent into Discourse: The Reification of Language and the Writing of Social History.* Philadelphia: Temple University Press, 1990. Более взвешенную дискуссию см.: *Berkhofer R. F.* *Beyond the Great Story: History as Text and Discourse.* Cambridge, Mass.: Belknap Press, 1995.

¹⁸ *Fukuyama F.* *The End of History and the Last Man.* New York: Free Press, 1992.

¹⁹ *Cobban A.* *The Social Interpretation of the French Revolution.* New York, 1999; *Furet F.* *Interpreting the French Revolution.* New York, 1981.

ДИСКУССИЯ ВОКРУГ «СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ПЕРИОДА ИМПЕРИИ»

Вокруг «Социальной истории...» развернулась острая и широкая, по российским меркам, дискуссия — мне известно 19 рецензий, опубликованных и озвученных в России и за рубежом,¹ и материалы четырех коллективных обсуждений в журналах «Отечественная история»² и «Slavic Review»,³ в петербургском Доме ученых⁴ и на экономическом факультете С.-Петербургского государственного университета.⁵ Участники дискуссии (в общей сложности высказали свою точку зрения 62 человека) образуют достаточно представительную выборку из мирового сообщества историков и, можно надеяться, адекватно отражают его мнение.

Живая дискуссия не может не вызывать положительных эмоций и у автора, и, наверное, у любого человека, кому дороги интересы российской историографии. Она указывает на то, что в настоящее время происходит стирание различий в уровне исторических исследований между столицами и провинцией, что стена между западной и отечественной историографией быстро разрушается, если уже не разрушилась вовсе, что формируется сообщество историков-русистов не только всероссийского, но и мирового масштаба — это нормально для эпохи глобализации. Автор, отождествленный с адвокатами самодержавия, правыми кадетами и консервативными либералами, опубликовал книгу, проникнутую соответствующей идеологией, и при этом не только не отправлен на 101-й километр, но работает и возражает оппонентам на страницах ведущих исторических журналов России и США — возможно ли это было вообразить 20 лет тому назад?! Налицо большое разнообразие мнений — надежное свидетельство того, что в страну пришли плюрализм, терпимость, свобода слова. По моему впечатлению, результаты обсуждения обнаруживают достаточно тесную связь между возрастом российских участников и отношением к книге: чем моложе участник дискуссии, тем симпатичнее ему применяемые в книге подходы и высказываемые идеи — появляется надежда, что труд найдет продолжателей. Радует также, что зарубежные участники, представляющие продвинутую социальную науку Запада, достижения которой активно использованы в «Социальной истории...», в целом более адекватно понимают авторский замысел и более положительно оценивают книгу, чем мои соотечественники. Мнения участников дискуссии можно резюмировать таким образом, что «Социальная история...» — состоявшаяся книга, как выразился С. С. Секиринский, «исследование в целом создает широкую и емкую *матрицу*, наполнение, исправление и расширение содержательных ячеек которой — задача дальнейших разработок в области социальной истории». Меня, как автора, такой итог вполне удовлетворяет, ибо я разделяю концепцию погрешимости, или фаллибилизма, согласно которой, все наше знание — принципиально гипотетично, и сознаю, что в любом научном произведении речь может идти о большей или меньшей *ненадежности* высказываемых взглядов, несмотря на все старания исследователей, включая и социальных историков, сделать историю научной.

Глубоко убежден, что всякая критика — доброжелательная и тенденциозная, конструктивная и нигилистическая — полезна для автора и для дела. Поэтому я искренне благодарен всем коллегам, в рецензиях и выступлениях которых было высказано, с моей точки зрения, много ценного, но одновременно и спорного. Постараюсь осветить поставленные проблемы.

Руководящие принципы. Принимаясь за работу, я сформулировал для себя основные принципы, которыми старался постоянно следовать.

1. Системность, комплексность исследования, анализ главных институтов и структур (природа, люди и этносы; сословия и классы; семья; община; общество и государство; город и деревня; крепостничество; официальное и обычное право) в их взаимодействии и взаимовлиянии.

2. Глобальность интерпретации, логически вытекающая из системности подхода: выводы, основанные на анализе всех институтов и структур, должны подтверждать и дополнять друг друга.

3. Историзм: институты, структуры и процессы изучать в их развитии.

4. Целостность анализа, которая имеет содержательное и хронологическое измерение. Содержательно объект (семья, община, общество, государство и т. д.) анализируется в совокупности его основных аспектов, при этом целое не сводится к частям, так как объект больше, чем сумма всех его аспектов (например, община больше, чем совокупность всех ее структур и функций). Хронологически исследуется период империи — своеобразный и целостный период в истории России.

5. Междисциплинарность: использование понятий, концепций и методологии социологии, политической экономии, географии, антропологии, психологии, демографии, статистики, политологии.

6. Использование частных, или специальных, теорий для анализа конкретного материала (например, колонизацию изучать с точки зрения экономической целесообразности и эффективности, опираясь на теорию падающей производительности труда; социальную структуру — под углом зрения социальной стратификации и мобильности; общину — с точки зрения превращения общности в общество; государственность — под углом зрения легитимности, типов господства, и т. д.).

7. Применение антропологического подхода, т. е. структуры и процессы изучать в человеческом измерении: демографические процессы — сквозь призму демографического менталитета, государственность — под углом зрения отношения населения к власти, и т. д.

8. Обоснование всех существенных выводов по возможности массовыми статистическими данными.

9. По возможности полный учет литературы не только отечественной, но и зарубежной.

10. Четкое определение ключевых понятий, которое позволяет найти в источниках эмпирические признаки и выразить их в количественной форме (так называемая эмпирическая и операционная интерпретация понятий).

Судя по выступлениям, мне в основном удалось реализовать эти принципы. Однако не все удовлетворены самими этими принципами, а некоторые считают, что автору приходилось в некоторых случаях от них отступать.

Слабые места. Участники дискуссии правильно нащупали слабые места и диагностировали причину — дефицит серьезных микрорисследований, недостаточная изученность многих принципиальных проблем отечественной истории. «Социальная история...» отражает не только достижения и упущения автора, но и общее состояние историографии, ибо даже гениальный историк не может заменить целое сообщество историков. Именно трактовка тех вопросов, которые хуже и меньше всего исследованы в историографии, вызвала наибольшие возражения. Влияние географической среды на исторический процесс долгое время минимизировалось и потому игнорировалось; колонизация и подвижная граница только недавно перестали быть за-

претными темами; национальный вопрос в советское время изучался однобоко — то под углом зрения подавления нерусских, то с точки зрения бесчисленных благодеяний, которые русские дали нерусским; изучение менталитета находится в начальной стадии; роль самодержавия в истории России искажалась; историческая компаративистика находится в стадии становления; маргинальные социальные группы общества — нищие, проститутки, сексуальные меньшинства и т. п. совсем не изучались, а привилегированные группы населения (дворянство, купечество, духовенство, интеллигенция) исследовались недостаточно; преобразование сословной социальной структуры в классовую в последней трети XIX—начале XX в. обходилось вниманием, так как считалось, что классы существовали и до Великих реформ; внутрисемейные отношения не являлись предметом исторического анализа; при изучении взаимоотношений общества и государства внимание фокусировалось на просчетах государства (между тем, как остроумно выразился В. П. Булдаков, «государственность в России чаще оказывалась „умнее" обществу»), а при исследовании реформ — на просчетах и ошибках реформаторов; историография преступности крайне бедна; вопрос о становлении гражданского общества и правового государства в императорской, самодержавной России казался неуместным.

Сначала кратко резюмирую наиболее существенные частные замечания и соображения. Актуальны и правильны предостережения против европоцентризма, нового телеологизма (А. П. Шевырев, Манфред Хильдемайер, Булдаков) и новой тенденциозности (Даниэл Филд, В. В. Согрин), так же как и призывы усилить работу по изучению источников в провинциальных архивах, проводить на их основе микроисследования (Грегори Фриз, А. И. Куприянов, Булдаков), больше внимания уделить маргинальным социальным группам (Филд, Питер Гетрелл, В. Г. Хорос) и обыденной жизни простых людей (Н. В. Куксанова), не игнорировать зигзаги и противоречия в лидерстве самодержавия (А. Н. Медушевский, Хорос, Согрин, Филд), не идеализировать деятельность властных структур (Дэвид Мэйси, Люц Хэфнер, М. Д. Карпачев, Джон Бушнелл, Согрин, Филд, Хорос). Всем российским западникам следует прислушаться к предостережениям Фриза против идеализации западных достижений и против недооценки важных преимуществ общественной жизни в традиционном обществе. Заслуживает пристального внимания мнение Гетрелла, что в историческом исследовании следует уделять больше места тем способам, которыми современники представляли социальную действительность, а также тому, кто именно это делал и для какой цели. Замечание Н. Н. Болховитинова, что миграция не всегда является «предохранительным клапаном», совершенно справедливо. Плодотворна мысль Т. М. Китаниной, что в «политическом пробуждении национальных окраин империи, в развитии национального самосознания важную роль играл и возросший экономический потенциал национальных территорий». Согласен с замечаниями С. В. Тютюкина по поводу трактовки рабочего класса, с интересными соображениями Т. Г. Леонтьевой и А. В. Камкина о духовенстве и Н. А. Ивановой о сословном и классовом строе, с мнением В. В. Зверева о желательности усиления антропологического аспекта, с предложением М. Д. Долбилова о необходимости более глубокой разработки вопроса о социальной идентификации сословий и его интересными соображениями о сочетании абсолютного характера верховной власти с ее функциональной «предельностью». Представляются очень продуктивными мысль Медушевского, что все российские реформы одновременно вели к сплочению антимодернизационных сил, и мысль Куприянова, что процесс урбанизации заключается не только в возрастающей роли городов в истории общества, но и в распространении городских учреждений культуры (школа, театр, библиотека) и элементов городского повседневного быта в сельской местности. Следует прислушаться к замечанию Хильдермайера, что особен-

ности российской колонизации не стоит преувеличивать, к замечанию Бушнелла, что существует множество данных, свидетельствующих об историческом динамизме крестьянства еще до 1861 г., и к предложению Хэфнера об изучении добровольных ассоциаций в качестве важных элементов зарождавшегося в России гражданского общества. Чрезвычайно интересны соображения Хороса о феномене люмпенизации в России начала XX в. и Мэйси о необходимости смены парадигм в русистике.

Наши разногласия: Кто виноват? Что делать? Единство мнений среди современных людей невозможно. И слава Богу — как скучна была бы жизнь! По большому счету разногласия даже по частным вопросам обуславливаются разными теоретическими ориентациями людей. Если руководящая идея Буддакова состоит в том, что «в истории все определяется не так называемыми объективными факторами, а людскими представлениями, часто идущими вразрез с ними», а, согласно моему убеждению, важные исторические события не столько делаются, сколько происходят, то естественно, что нам трудно прийти к консенсусу. Если все непредсказуемо и случайно, то поиски закономерности тщетны, стремление найти логику событий наивно, цифры лукавы, утверждения о нормальности исторического процесса раздражают, эмоционально-интуитивный, художественный подход кажется более результативным, чем сравнительно-исторический или структуралистский. Напротив, если события *происходят*, то уместен научный, позитивистский подход к их изучению и соответственно поиск закономерностей и логики в исторических событиях. Думаю, что самые сердитые дискуссанты разделяют или по крайней мере отдают предпочтение первому подходу, а наиболее удовлетворенные — второму. И здесь ничего изменить нельзя, да и не нужно. И абстрактное, и художественное, конкретно-образное, мышление имеют свои преимущества и недостатки, отлично работают в одних случаях и плохо в других. Следует также понимать, что в исследовании, которое ставит задачей определение траектории социального развития, более адекватным будет абстрактно-позитивистский подход, а в исследовании, посвященном какому-нибудь важному событию или человеку, — конкретно-исторический.

Важная причина разногласий заключается в различных установках сознания, которые действуют как автоматизмы мышления. Если для Шевырева несправедливость дореформенного суда — «очевидная всем вещь», а для меня — нет, то какие бы ни приводились доводы, они не покажутся ему достаточными. Например, 1861—1864 гг., на мой взгляд, очень удачны для проверки деятельности суда — в период перехода от одной судебной системы к другой возможностей для произвола судей намного больше, чем в стабильные годы (это мы испытали в последнее десятилетие). А для него — это «самое, пожалуй, неблагоприятное для коррупции время в истории дореформенного суда». Если для Л. В. Даниловой сословный строй априорно не содержит ничего позитивного для становления гражданского общества, то очевидно, что она не может согласиться с «постулатом о сословном строе как о стартовой площадке восхождения к гражданскому обществу и правовому государству» в противоположность тем, кто думает, что уважение к сословным правам, определенным в законе, сословная честь, сословное самоуправление, сословное представительство служили предпосылкой для развития гражданственности и правового государства. Если в голове Ю. А. Тихонова «не укладывается представление о таком феодальном обществе доимперского периода, где бы не было сословий и сословных групп», то он не может принять вывод об отсутствии в России до XVIII в. сословного строя. Результаты подведения фактов под точные дефиниции его не убедят.

Вот еще один любопытный пример того, как установки мешают трезво смотреть на вещи. И. Л. Архипова удивило высказанное мною положение о важной функции тайной полиции, которая при отсутствии гласности вы-

подняла роль информатора верховной власти о настроениях в обществе. Это можно понять — у порядочного российского человека к тайной полиции отношение крайне отрицательное, но, например, у американцев, немцев, французов — более сложное, так как они понимают, что от полиции бывает не только зло, но и польза. В социологии есть аксиома — любой институт должен выполнять какие-нибудь общественно полезные функции, иначе он перестает существовать. И в России ввиду отсутствия свободы прессы и представительных органов тайная полиция служила суррогатным органом информации. Печально, но факт. И функционирование полиции в этом качестве следует изучать в рамках проблемы коммуникационных связей между обществом и государством, без чего социум существовать не может. Ту же роль выполняли жалобы и доносы, которые являлись российской формой административной жалобы. Ибо институт административных жалоб является важным механизмом обратной связи и саморегуляции общественных отношений в обществах недемократических и нерыночных. Так было не только в советской, но также в императорской России. Можно печалиться по этому поводу, но полезнее изучать — это важная и интересная проблема, которой в последнее время стали активно заниматься как наши западные коллеги, так и отечественные социологи. Последние обнаружили, что в обществах со слабым развитием рынка административные жалобы поддерживают координацию сдаточно-раздаточных потоков и обеспечивают саморегуляцию нерыночных, раздаточных экономик.⁶

Но в случае с установками дело поправимое — когда исследователь поймет, что устаревшие стереотипы мешают ему быть объективным, он откажется от них.

Еще проще в тех довольно многочисленных случаях, когда разногласия вызываются неточным прочтением текста или намеренным заострением вопроса. Например, А. И. Аврус и Ю. Г. Голуб не согласны с утверждением, что нерусские имели *одинаковые* с русскими возможности для карьеры. Но ведь это не мое утверждение — это они неверно интерпретировали меня. В главе 1 (1, 68, сн. 31) прямо сказано: «Доступ к власти для них (русских. — *Б. М.*) был легче, чем для многих, но не всех других народов». То, что представителей некоторых народов не было в элите, могло также объясняться не юридическими запретами, а отсутствием соответствующей мотивации или объективными трудностями. Но это вопрос, не относящийся к праву, а у меня речь идет о правовых ограничениях. У неграмотного чуваша, мордвина или калмыка из глухого села, как правило, не было мотивации стать генералом, а если мотивация появлялась, то он им становился (отец В. И. Ленина).

Н. В. Пиотух утверждает, что я возвращаюсь к безуказной теории закрепощения крестьянства. Между тем в книге прямо говорится: «В конце XVI в. серия крепостительных указов правительства Бориса Годунова, в особенности указы 1592 и 1597 гг., завершила юридическое оформление крепостного права на всей территории Русского государства» (1,366).

Н. П. Дроздова так интерпретирует мою трактовку причин отсталости: «Вряд ли можно объяснить экономическую отсталость и крепостнические отношения России *только* (курсив мой. — *Б. М.*) потребительской мотивацией крестьянства». Я же пишу: «Что служило причиной малой результативности крестьянской экономики? Причин было *много*, и главная среди них, по-видимому, состояла в трудовом этосе крестьян, ориентировавшем их на такую трудовую активность, целью которой было удовлетворение элементарных материальных потребностей» (1, 401). Много причин действовало, а не одна, главная — не значит решающая причина.

Хэфнер приписывает мне точку зрения, что «общество, благодаря прессе и органам местного самоуправления, добилось контроля не только над локальной, но и центральной государственной администрацией». В то время

как в книге речь идет лишь о том, что коронная администрация стала *считаться* с прессой и общественным самоуправлением. А между «считаться» и «находиться под контролем», как сказал один известный герой, — дистанция огромного размера. Хэфнеру также кажется, что я не придерживаюсь моей собственной терминологии, когда изучаю урбанизацию, поскольку за города принимаю официальные города, а, согласно принятому мною самим определению, к городам следует относить поселения, которые сами современники считали городами. Между тем современники и принимали за города только официальные города, да и сама коронная администрация была современником процесса урбанизации.

В. С. Вахрушев решил, что я поддерживаю мнение о «вредности» русской художественной классической литературы. Я же говорю о пристрастности беллетристов, а не о вредности литературы. Недавно журнал «Отечественная история» провел круглый стол на тему взаимоотношений художественной литературы и историографии. Лейтмотив дискуссии — литература дает для историка очень ценную информацию независимо от того, пристрастна или объективна она в подаче и трактовке материала.⁷ Я также убежден, что литература является ценнейшим источником для социального историка, и поэтому часто обращаюсь к ней за сведениями по самым разным вопросам, которые не нашли отражения в классических исторических источниках.

Нет возможности привести и другие, по-своему интересные примеры. Все эти разночтения при доброй воле легко устранимы. Должен признать, что в этих недоразумениях есть и моя вина — неудачные формулировки, и объективная причина — текст так велик, что рецензенту трудно его полностью освоить.

Противоречия: истинные или мнимые? По мнению некоторых участников дискуссии, в работе встречаются противоречия. «Тщательно представленный фактический материал опровергает многие обобщения автора», — считает, например, Альфред Дж. Рибер. О «концептуальной противоречивости» говорит А. С. Ахизер, по его мнению, мои «выводы заслоняют ту глубинную реальность страны, которой наполнена вся книга». Согрину, написавшему необыкновенно глубокую рецензию на книгу, показалось даже, что «выводы двух томов находятся в очевидном противоречии. И если из первого тома могут черпать аргументы и факты по преимуществу „пессимисты“, то второй том будет вдохновлять „оптимистов“... На взгляд Миронова они вполне совместимы, на мой же взгляд, друг друга исключают». В чем дело, неужели автор нечувствителен к противоречиям?

Мои оппоненты забыли, что главный вывод моего исследования состоит в том, что в России в период империи происходило *зарождение* индивидуалистской личности, демократической семьи, собственности, гражданского общества и правового государства. Нигде и ни единым словом не сказано о том, что указанные процессы завершились даже в советское время. Об этом говорит сам подзаголовок книги «Генезис личности, демократической семьи...». Рибер, объясняя свою позицию, вопрошает: о каком прогрессе в положении русской женщины может идти речь, если даже в начале XX в. она рожала от 8 до 10 раз и была исключена из общественной жизни. О таком прогрессе, как указывается в книге, что в XVIII—первой половине XIX в. она рожала еще больше, не пользовалась контрацепцией, не смела поднять голос против мужа и искать защиту против его произвола. А в конце XIX—начале XX в. десятки тысяч крестьянок, я уже не говорю о женщинах из среднего класса, жаловались в суд на рукоприкладство своих мужей, на отказ дать им паспорт для занятия отходничеством (1, 209—211). В начале XVIII в. жену за убийство мужа зарывали живой в землю; муж за аналогичное преступление отделывался легким наказанием. А в начале

XX в. в отношении всех преступлений мужчина и женщина находились в равном положении.

О каком правомерном государстве при Николае I можно говорить, если при нем царствовал такой же политический произвол, как и при Петре I, удивляются некоторые рецензенты. Самодержавный режим при Николае отличался от самодержавного режима при Петре в принципиальном пункте — в первом случае самодержавие действовало в рамках закона, а во втором случае в рамках царского произвола. Например, декабристов судили и с политическими противниками режима поступали по закону, а не по произволу императора, в то время как со стрельцами и другими противниками Петра разбирались по произволу царя, а не по закону. О каком правовом государстве после 1906 г. может идти речь, если Николай II мечтал о замене законодательной думы на законосовещательную, если провозглашенные демократические свободы нередко нарушались и т. п. Я и не утверждаю, что Россия после принятия конституции и созыва Государственной думы стала правовым государством *де-факто*, а пишу лишь о том, что в России установился режим правового государства *де-юре* (2, 176—177). И это не игра словами, не софистика, не трюк и, конечно, не апологетика и не противоречие. Это проза жизни. Ни в одной стране мира после принятия конституции не устанавливался на следующий день режим правового государства *де-факто*. Требовались десятки лет, прежде чем нормы конституции внедрялись в общественную и политическую жизнь и даже после этого неоднократно случались сбои в их применении и в Великобритании, и во Франции, и в Германии. Почему же от России нужно требовать невозможного и ненормального?! Прогресс шел, но медленно и трудно, как всегда и везде, и на это я указывал в книге десятки раз. Тем не менее говорить о прогрессе в такой ситуации я считаю не только возможным, но и необходимым. И здесь также нет противоречия между фактами и выводами.

Прогресс шел также с зигзагами и задержками, а иногда и с отступлениями, и на это в книге указывалось много раз. Но зигзаги и отступления — это нормально для любой европейской страны, где за революциями всегда следовала контрреволюция. В России, правда, дело осложнялось тем, что государство до конца XIX в. шло впереди общества и потому забегало с реформами, в том смысле что они обгоняли возможности общества их ассимилировать. Это приводило к тому, что останавливаться или отступить надо было чаще. Но процесс реформирования всегда возобновлялся с новой силой с той точки, на которой он остановился. Как назвать такой прогресс — линейным, параболическим, ритмическим или, как предлагает Ахиезер, дуалистическим? Я предпочитаю говорить о нормальном и органическом прогрессе. Нормальном, потому что именно нормальное развитие состоит из чередований фаз подъема и упадка, расцвета и кризиса. Органическом, потому что хотя государство и забегало вперед общества, оно действовало в соответствии с его интересами и наметившимися тенденциями, которые оно замечало быстрее и раньше, чем общество. Существование зигзагов, задержек и отступлений не подрывает моего вывода о поступательной социальной модернизации России периода империи и не вступает с ним в противоречие.

Совсем не могу принять заключения Согрина о принципиальном противоречии первого и второго тома «Социальной истории...». Дело в том, что эволюция социальных структур и институтов, в рамках которых живут и действуют миллионы простых людей, — семья, община, крепостное право и другие — происходит медленнее, чем государственных институтов, которые организуются и управляются элитой общества, самой образованной и развитой его частью. Поэтому российская государственность — главный инструмент модернизации в руках самодержавия — развивалась быстрее, чем базисные институты. Вторым важнейшим инструментом государства в деле

модернизации являлось официальное право; оно развивалось параллельно с государственностью, но быстрее, чем обычное право, цитаделью которого было крестьянство. Наконец, намного быстрее народа, а затем и быстрее государства развивалась общественность, особенно тогда, когда она возмужала, приобрела образование и стала питаться европейскими идеями. В силу большей развитости общественность быстрее, чем даже государство, понимала общественные нужды. Она требовала от него ускорения реформирования общественных институтов, не считаясь с возможностями ни народа, ни самого государства. Поэтому общественность входила в конфликт с государством и в своей борьбе с ним чрезвычайно способствовала развитию институтов гражданского общества. Более того, небольшая по численности, но образованная и материально обеспеченная российская общественность интенсивно и часто искусственно подталкивала процесс развития гражданского общества в России, который также обгонял возможности народа принять в нем участие. Поэтому и гражданское общество развивалось в России быстрее, чем первичные институты и структуры. Как известно, уже само появление общественности с независимым мнением — это признак зарождения гражданского общества. Таким образом, более медленное развитие базисных институтов, эволюции которых посвящен первый том, и вторичных институтов — права, гражданского общества и государственности, эволюции которых посвящен второй том, — отражение реальных процессов, имевших место в России, а не результат противоречивости в мыслях автора «Социальной истории...».

Многие оппоненты, на мой взгляд, проявили правовой нигилизм — для них провозглашение каких-то принципов в законе не имеет никакого значения. Указ о трехдневной барщине якобы не оказал влияния на практику; включение в 1832 г. 47-й статьи в Основные законы о подчинении самодержавной власти принципу законности — мнимое ограничение прерогатив императора; принятие новых Основных законов в 1906 г. и учреждение российского парламента — «кажущийся либерализм», и т. д. Между прочим, правовым нигилизмом страдают отечественные, а не зарубежные оппоненты. Приходится напомнить, что «вначале было слово». Все социальные изменения начинаются с кем-то произнесенных слов, которые через определенное время, иногда очень длительное, становятся законом, и уже затем законы медленно и постепенно входят в жизнь — это нормальная европейская практика. В России было то же самое. Именно поэтому классики российской историографии уделяли такое пристальное внимание развитию права, и мы не должны отказываться от этого наследия. Я вижу огромный прогресс в том, что Петр I не помышлял ни о каком ограничении самодержавия, Николай I ввел в Основные законы пункт об ограничении самодержавия законом, а Николай II — и об ограничении самодержавия представительным учреждением. Огромный прогресс заключался и в том, что в 1797 г. был издан указ о трехдневной барщине и, наверное, прозвучал во всех церквях, и в том, что по закону стали действовать земства, городские думы и суды присяжных наряду со старыми институтами — общинами, купеческими и мещанскими обществами, цехами и волостными судами. Те, кто считает закон пустым звуком, естественно, не видят прогресса. И, на мой взгляд, заблуждаются. Ссылки на тоталитарный Советский Союз, где была конституция, которая не исполнялась, бьют мимо цели. СССР распался быстро и бескровно в значительной степени потому, что была конституция, дававшая союзным республикам право на самоопределение, и потому, что в соответствии с конституцией во всех республиках были созданы республиканские (как казалось, декоративные) органы власти, заполненные представителями коренной национальности, которые могли взять власть в свои руки. Мирному характеру и быстроте третьей буржуазной революции в России в 1991—1993 гг. мы также обязаны во многом советской конституции, которая

на словах обещала нам политические свободы. Благодаря интенсивной пропаганде, и те, кто в это верил, и те, кто этому не верил, были психологически подготовлены к тому, чтобы стать участниками демократических преобразований, так как идею парламента и гражданских прав никто не оспаривал.

Наконец, нельзя не сказать, что во всех сопоставлениях России и Запада образ России занижен, а образ Запада завышен, вследствие чего сравнивается идеализированный образ Запада с карикатурным образом России. С Западом ассоциируются лучшие черты и самые большие достижения европейской цивилизации и забываются антисемитизм и холокост, контрреформация и варфоломеевские ночи, жестокие революции и контрреволюции, фашизм в Германии и Италии, рабовладение в XIX в., маккартизм во второй половине XX в. и расизм XXI в. в США⁸ и т. д. Но российские провалы и кризисы никогда не забываются. Подобный прием увеличивает контрастность, подчеркивает незавершенность и как бы ненормальность российской модернизации.

Уточнить понятия. Преобладающее большинство участников дискуссии поддержали мой десятый принцип, которому я следовал при работе над книгой: четкое определение ключевых понятий, их эмпирическая и операционная интерпретация. Этим, вероятно, объясняется то, что большинство рецензентов отметили, как выразился Согрин, «хороший язык и стиль». Вместе с тем прозвучало несколько замечаний относительно трактовки отдельных понятий. Аврус и Голуб не согласились с моей интерпретацией понятий «народ», «общество», «интеллигенция»; в отношении интеллигенции их поддержал Архипов. Хэфнеру показалось неадекватным мое название процесса понижения доли городского населения в XVIII—первой XIX в. деурбанизацией (в третьем издании это учтено); в понимании общественности он призывает следовать И. Канту, а в определении гражданского общества включить аспект самоорганизации, или культуру добровольных ассоциаций. Н. Е. Чистякова возражает против использования понятия «демографический менталитет» (учтено в третьем издании), так как оно не получило широкого употребления в демографической литературе. Уильяму Г. Вагнеру хотелось бы, чтобы я внес большую ясность в определение правового государства. А. Г. Слуцкий предложил дать современную трактовку закона падающей производительности земли как закона о падающей производительности труда, примененного к участку земли с фиксированной площадью, или, более широко, как закона убывающей производительности любого переменного ресурса при прочих фиксированных (это предложение реализовано). Н. В. Романовский считает неоправданным использование неологизмов, придающих тексту неточный, метафоричный характер.

В ряде специально оговоренных мною случаев, к которым относятся понятия «народ», «общество», «общественность», «интеллигенция», «город» и некоторые другие, я следовал за источниками и современниками, так как мне казалось, что это не только передает аромат эпохи и позволяет правильно понять многочисленные цитаты из источников, но и, как в случае с урбанизацией, правильно оценить изучаемый процесс. Поэтому критики правы, что такие определения не соответствуют сегодняшнему их пониманию. Однако я до сих пор не уверен, что в историческом сочинении всегда следует руководствоваться только современными интерпретациями понятий. Иногда история понятия несет много информации об эволюции данного явления, как это было продемонстрировано на примере бюрократии, взятки, государства и других. Что касается гражданского общества и правового государства, то существует несколько определений, и я выбрал, на мой взгляд, наиболее употребительное и работоспособное в моей ситуации при изучении эволюции государственности и гражданского общества за длительный период. В определении гражданского общества аспект самоорганизации присутствует (1, 110). Но вот культура добровольных ассоциа-

ций (клубов, объединений, обществ) в книге действительно не нашла отражение по той причине, что это — большая, но слабо изученная в историографии проблема. По этому вопросу я начал было собирать архивный материал, но его оказалось так много, что я вынужден был отказаться от самостоятельного изучения данной темы.⁹

Понятие «клиотерапия», которое я ввел в научный оборот для обозначения важной функции историков — устранять мифы из массового сознания, прямо говорить о российских недостатках, не шая национального самолюбия, но и не выдумывать их там, где их нет, у большинства участников дискуссии вызвало одобрение и понимание. Однако Согрин увидел в клиотерапии новую оптимистическую идеологию, которой я будто бы хочу заменить умершую марксистскую парадигму отечественной истории. Воистину: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Я провожу аналогию между клиотерапией и психоанализом. Хорошо известно, что суть психоанализа — не оптимистическая трактовка истории пациента, не создание новых иллюзий, а честное, нелицеприятное, жестокое исследование его личности, так как выздоровление наступает только в том случае, если эта история правильно понята и объяснена.

Как показывает мой опыт, определение ключевых понятий в монографии безусловно помогает правильному пониманию текста и авторского замысла и встречает поддержку у читателей.

«История с географией». Моя трактовка роли географического фактора как важной, но не решающей в социально-экономическом развитии России нашла положительный отклик у большинства высказавшихся по этому вопросу коллег. Симптоматично, что особенно активную поддержку моя точка зрения получила со стороны географа Э. Л. Файбусовича. Однако экономисту В. Т. Рязанову, который ни в коей мере не является поклонником географического детерминизма, показалось, что географическая среда имела большее значение, чем придается ей в книге, однако он, к сожалению, не привел конкретных данных на этот счет. Еще более решительно в поддержку тезиса о важной роли географического фактора выступила Пиотух. «Нет никаких серьезных аргументов против вывода о скудном питании крестьян и недостатке их бюджета», — утверждает она. Между тем такие аргументы в книге приведены. Известно, что питание — главный фактор, от которого зависит рост человека (2, 335—336). В конце XVII—начале XVIII в. рост солдат в большинстве европейских армий был 164—165 см, — таким же как и рост российских рекрутов. Причем в южных странах с более благоприятным климатом — Франция, Италия, Испания — мужчины имели меньший рост, чем в северных странах с более суровым климатом. Отсюда следуют два вывода: на рубеже XVII—XVIII вв. питание российского крестьянина находилось на общеевропейском уровне; холодный климат не являлся решающим фактором плохого питания.

«Откуда, — спрашивает Пиотух, — автор берет такую продолжительность страдного времени в России, как 6—7 месяцев, когда достаточно заглянуть в опубликованные владельческие инструкции XVII—XVIII вв., чтобы увидеть, что цикл сельскохозяйственных работ был ограничен 5—6 месяцами: начинались они в конце апреля—начале мая, заканчивались в конце сентября—начале октября и были расписаны буквально по дням». У меня речь идет не о страдном времени, а о том, сколько дней в году могли осуществляться сельскохозяйственные работы. Если все такие дни суммировать и перевести в месяцы, то для конца XIX в. и для нечерноземной полосы их наберется на 6—7 месяцев. Возможно, в XVII—XVIII вв. из-за изменения климата было иначе. Кроме того, при таком методе подсчета дни с положительной температурой могли быть вкраплены в зимние месяцы, когда работать все равно было нельзя. В инструкциях же принимались во внимание

только такие дни, когда работать было должно. Все это нужно тщательно изучать. Источники фенологических данных указаны в книге.

Следует также иметь в виду, что время монистических объяснений в мировой науке прошло, поэтому и географический детерминизм — давно преодоленная не только в социальных науках, но и в самой географии теория, на чем специально остановился Файбусович. Однако есть принципиальная разница между теми, кто отводит природе решающую роль в историческом процессе, и теми, кто считает ее просто важной. Каждый здравомыслящий исследователь понимает большое значение географического фактора. Проблема состоит в том, как правильно оценить степень и механизмы влияния географической среды на благосостояние населения, сельское хозяйство, урожайность, жилище, менталитет, обычаи и традиции. Здесь непочтый край работы. Пионерами здесь следует считать А. В. Дулова и в последнее время Л. В. Милова, очень много сделавшего для понимания роли географического фактора в истории России — в новейшей отечественной историографии именно он поставил изучение географической среды на твердый научный фундамент. Однако, вероятно чрезмерно увлекшись, он, на мой взгляд, переоценил ее вклад в исторический процесс и сделал ответственной за все, что произошло в России важного. Я возражаю только против того, чтобы отдать географии контрольный пакет акций в объяснении нашей истории, так как убежден, что географический фактор оказал существенное влияние на исторический процесс и его следует тщательно изучать. Например, в последней трети XVIII в. похолодание климата стало важным фактором снижения урожайности в основных сельскохозяйственных районах России примерно на 25%, что привело к понижению благосостояния населения и вызвало значительное понижение роста российских рекрутов.¹⁰

«Лукавые цифры». Жалобы на абстрактность цифр и их лукавство в устах историков привычны, понятны и простительны. Мне приходилось много лет читать в университете курс «Количественные методы в истории», и во время зачета на вопрос, как было с математикой в школе, 99% студентов отвечали — трудно. Немудрено, что цифры кажутся некоторым коллегам странноватыми. Правда, Н. И. Цимбаев в письме в редакцию «Отечественной истории» по поводу дискуссии по моей книге уверенно заявил, что «знание элементарной математики не более полезно для историка, чем умение хорошо танцевать».¹¹ С чем вряд ли согласятся педагоги и психологи, которые экспериментально доказали важность математики для развития интеллекта, абстрактного мышления у детей независимо от того, чем они в дальнейшем будут заниматься профессионально.

На самом деле слово абстрактнее цифр, а не наоборот; получение и оперирование цифрой требует большей предварительной работы, чем со словом; конкретная цифра, приводимая автором, возлагает на него более серьезную ответственность, так как легче проверяется, чем сказанное им слово. «Лукавых цифр» нет, есть лукавые исследователи. Поэтому, когда говорят о «лукавых цифрах», имплицитно намекают на лукавство автора. Один из принципов, которым я руководствовался, состоял в том, чтобы все существенные выводы базировать на статистических данных, причем не на намеренно подобранных, а на всех доступных к настоящему моменту, и «зачастую» не по 3—4 губерниям, как кажется М. В. Шиловскому, а в большинстве случаев на евросоветских данных, хотя и 3—4 губернии, т. е. 1—1.5 млн человек, — это достаточная выборка для вывода с высокой степенью вероятности. Как правило, проводилась оценка их точности и делались необходимые оговорки; всегда принималась во внимание приблизительность исторической статистики, а выводы, полученные на ее основе, проверялись нарративными источниками. Например, достаточно высокая объективность дореформенного суда доказывается не только данными о судебных приговорах за 1861—1864 гг. (Шевырев), но и сведениями о числе жалоб и

апелляций и мемуарными свидетельствами (2, 62—67). Идеала, конечно, я не достиг, но к нему стремился, избегая всякого лукавства и замазывания.

Больше внимания экономике. Согласен с Островским, Китаниной, Тихоновым и экономистами Дроздовой, Н. В. Расковым, И. М. Рисованным, Рязановым, что не помешало бы уделить больше внимания экономике, глубже проработать такие темы, как трудовая этика, экономические причины устойчивости сельской общины, характеристика экономического строя и его специфика сравнительно с западноевропейскими странами, целесообразность заимствования успешно действовавших на Западе форм хозяйствования, связь между благосостоянием и размерами крестьянской семьи, экономические причины закрепощения и раскрепощения сословий. Однако у социальных историков много своей работы, и они не могут выполнять обязанности экономических историков. Я бы с удовольствием воспользовался результатами исследований на эти темы, если бы они существовали. Но, к сожалению, все экономические сюжеты, затронутые в монографии, приходилось исследовать самостоятельно, а это занимает много времени, учитывая, что каждая значительная тема требует нескольких месяцев, а иногда и лет напряженной работы. Свежей представляется мысль Дроздовой, что «поведение крестьянина было по-своему рационально и вполне укладывается в рамки современной теории общественного сектора, согласно которой, в частности, изъятие чрезмерно большой доли доходов в виде налогов ведет к тому, что люди предпочитают уменьшать продолжительность и интенсивность труда и замещать труд досугом». Но ведь это проблема для целой диссертации или монографии. Если бы Дроздова это доказала на фактах, историки, включая, конечно, и меня, были бы ей очень признательны.

Русской безнадежностью веет от замечания Раскова, что крепостной крестьянин, как и современный фермер, мог бороться с природой, но ему было не одолеть общество. «В таких (как в России. — *Б. М.*) общественно-экономических условиях не смог бы работать ни один европейский фермер, он бы, так же как наш мужик, от безысходности просто спился». Слов нет, нелегко эффективно трудиться в России, преодолеть сопротивление среды чрезвычайно тяжело. Однако всегда находились отдельные крестьяне, помещики, колхозы, совхозы и фермеры, которые, несмотря на все препятствия, хозяйствовали весьма успешно. Если бы среда фатально этому мешала, то успех даже немногих был бы невозможен. Следует также иметь в виду, что и на Западе трудно эффективно хозяйствовать, о чем определенно говорят сотни тысяч разоряющихся ежегодно малых предприятий.

Рисованный полагает, что причина хронической отсталости России и незавершенности модернизации кроется в имперской форме государства. Однако почему-то другие империи, например Британская, Французская, Германская, быстро развивались и своевременно проводили реформы. Следовательно, дело не в форме государства, во всяком случае, не только в ней. Монистическое объяснение является недостаточным.

Демографические проблемы. Стивен Л. Хок указал на неизвестную мне работу американского слависта Даниэла Кайзера, в которой приведены новые данные о возрасте вступления в брак в начале XVIII в., полученные на основе обработки 12 ландратских книг 1710-х гг. Согласно им, фактический брачный возраст был выше, чем мы до сих пор думали, — не 13—15 лет, а 20 для женщин и 22 года для мужчин. Правда, данные Кайзера получены расчетным путем: от возраста матери отнимался возраст старшего ребенка и получался так называемый сингулятивный средний возраст при вступлении в первый брак. Поскольку в начале XVIII в. первые дети часто умирали, девочки неполно фиксировались в переписях, а смертность матерей при рождении детей была высокой, горожане позже крестьян вступали в брак, сингулятивный средний возраст при браке, скорее всего, завышал фактический возраст вступления в первый брак. Вероятно, с поправками на указанные

обстоятельства и прямые данные современников¹² составлял у сельского населения около 16—18 лет у женщин и 18—20 у мужчин (в третьем издании внесены соответствующие поправки).

По мнению Хока, в пореформенной России рождаемость не снижалась и не регулировалась, как показано в монографии. Однако все имеющиеся данные, в том числе и приводимые западными авторитетами в российской демографии,¹³ говорят о том, что рождаемость медленно и с колебаниями снижалась, а многочисленные свидетельства врачей-современников и данные опросов женщин ясно показывают, что рождаемость стала регулироваться. Результаты регулирования были незначительны, потому что методы контрацепции были несовершенны и использовались главным образом горожанками и в меньшей степени крестьянками.

Преемственность в развитии государственности. Вагнер ставит интересный вопрос о преемственности между государственностью XVII в. и государственностью начала XVIII в., между народной монархией и абсолютизмом и справедливо упрекает меня за то, что в книге не дано четкого объяснения причин перехода от народной монархии к абсолютизму, не показана преемственность между двумя формами государственности, а сам переход выглядит как разрыв между петровским и московским периодами. Почему я уклонился от обсуждения этих вопросов? Дело в том, что традиционно начало абсолютизма, или самодержавия, в исторической литературе ведется с середины XVII в., а многими исследователями — со времен Ивана Грозного. Поэтому до сих пор вопрос о преемственности и изменении государственности в первой половине XVIII в. не возникал. Теперь, когда все больше исследователей склоняются к мысли, что в начале XVIII в. тип российской государственности изменился, такой вопрос, естественно, встает. Однако пока в литературе не предложено убедительного объяснения — для этого требуются большие разыскания. Впрочем, некоторые моменты трансформации в книге затронуты. В главе 6 «Крепостное право от зенита до заката», показано, что государство законодательно закрепощало все слои населения с их согласия, а иногда и по их инициативе, т.е., если так можно выразиться, демократическим путем (1, 368—371, 413). Люди пошли на этот опасный шаг, потому что с помощью крепостного права стремились как можно более равномерно распределить между всеми повинности и налоги, и надо признать, что в этом они оказались правы. В той же главе показано, что в России существовало корпоративное крепостничество, опять же установленное по инициативе и с согласия самого населения. Как это ни парадоксально, но демократические организации, такие как крестьянская или посадская община, при согласии большинства вполне демократически закрепостили своих членов не в меньшей степени, чем помещики — своих крестьян. Таким образом, в конкретных российских условиях между демократией и крепостничеством иногда не было противоречия. Население добровольно отказывалось от своих прав, если это приносило ему (или казалось, что приносило) материальные или социальные выгоды. В силу этого переход от патриархальной монархии, в которой существовали элементы демократии, к абсолютизму, который эти элементы на общегосударственном уровне уничтожил, не являлся разрывом преемственности. Еще более важно, что на протяжении XVII—начала XX в. государство всегда было вынуждено делиться властью с обществом, допускать существование достаточно сильного муниципального самоуправления, потому что никогда не имело аппарата, который мог бы справиться с управлением без помощи самого населения. Расщепление, или разделение, властных и управленческих функций между верховной властью и ее администрацией, с одной стороны, и городскими и сельскими общинами, городскими и дворянскими корпорациями, с другой — характерная черта императорского периода, и в этом отношении наблюдалась полная преемственность между киевским, московским и импе-

раторским периодами российской истории (2, 180). Наконец, в книге показано, что прерогативы государства и общества зависели от силы того и другого. В XVIII—первой половине XIX в. сила государственного аппарата росла, что позволяло ему меньше считаться с обществом и с демократическими традициями (2, 201—204).

Империя и национальный вопрос. Возможно ли написать социальную историю Российской империи XVIII—начала XX в., историю империи как особого социума или сообщества, — ставит нестандартный вопрос Вилард Сандерлэнд. Действительно, я написал книгу по социальной истории России, а не по социальной истории Российской империи. Собственно Россия была самой важной частью империи, но все-таки частью, и именно эта часть была в центре моего внимания. Ни в заглавии, ни во Введении я не претендовал на раскрытие социальной истории империи. Это особая и едва ли исполнимая задача, во-первых, из-за огромных трудностей. Во-вторых, я сомневаюсь, что в принципе может существовать такой предмет, как социальная история Российской империи, если иметь в виду социальную историю не отдельных этносов, входивших в состав империи, а социальную историю империи в целом, империи как сообщества или как социума. Ведь Российская империя никогда не была нацией-государством. Даже современная Россия до сих пор не является таковой. Когда Вы спрашиваете современного россиянина любого возраста: кто Вы по национальности? Он ответит — карел, русский, татарин, еврей и т. д. Редко кто скажет россиянин. Если задать такой же вопрос гражданину США, то он ответит — американец. В состав империи входило много этносов, и социальная жизнь каждого из них текла по особым обычаям и законам. Этносы, конечно, взаимодействовали, в большей степени на уровне элит, чем на уровне народов, но не жили единой жизнью, общими мыслями и настроениями, не существовали как единое общество. Выяснение того, как этносы взаимодействовали, что думали друг о друге, как друг к другу относились, как друг на друга влияли может быть предметом очень важного и интересного исследования, но все же это выходит за рамки социальной истории России. Предметом социальной истории империи, на мой взгляд, может быть сравнительная социальная история отдельных народов — поляков, финнов, армян и других, входивших в состав Российской империи. Такой сравнительный анализ может стать очень продуктивным во многих отношениях, в том числе и для ответа на вопрос о соотношении плюсов и минусов для нерусских, живших в составе империи.

По мнению Авруса, Голуба и Слуцкого, я преуменьшил негативные последствия, порожденные имперским строительством, для еврейского народа, а по мнению В. Сандерлэнда, — для башкирского народа. Позволю сделать достаточно грубую и, естественно, приблизительную оценку положения евреев, башкир и русских на 1897 г. Оценка приурочиваются к 1897 г., потому что это был год всеобщей переписи. ООН для оценки благосостояния населения использует так называемый индекс человеческого развития (Human Development Index), который включает три показателя — долголетие (средняя продолжительность предстоящей жизни), образованность (грамотность взрослого населения и доля детей, обучающихся в школе) и материальное благополучие (валовой продукт на душу населения); каждый показатель имеет равное значение для индекса.¹⁴ К концу XIX в. средняя продолжительность предстоящей жизни у новорожденного еврея равнялась 39.0 лет, башкира — 37.3 года, а у русского — 28.7, т. е. соответственно на 10.3 и 8.6 лет меньше (1, 208). Сравнительно низкая смертность обеспечивала более высокие темпы естественного прироста у евреев и башкир по отношению к русским. За 1795—1897 гг. численность евреев возросла с 750—800 тыс. до 5 216 тыс. — примерно в 6.7 раз. Таких темпов прироста — 1.9% в год — не знала ни одна народность в России. Благодаря этому в XIX в. доля евреев в населении страны возросла с 2 до 4.15%, несмотря даже на то, что к России

были присоединены Закавказье, Казахстан и Средняя Азия. В конце XVIII в. евреи были девятым по численности народом России (после русских, украинцев, белорусов, поляков, литовцев, латышей, татар и финнов), а в начале XX в. — пятым, опередив финнов, литовцев, латышей и татар.¹⁵ То же наблюдалось среди башкир. Их численность в XVIII в., когда Башкирия находилась в состоянии смуты и башкиры, недовольные своим положением, поднимали одно восстание за другим, уменьшалась. Напротив, в XIX—начале XX в., когда, по моей оценке, башкиры получили привилегии и статус, который их удовлетворял, т. е. произошло то, что я называю решением башкирского вопроса, восстания прекратились и численность башкир стала увеличиваться. До решения башкирского вопроса в конце XVIII в. доля башкир в населении России уменьшилась с 1.1% в 1719 г. до 0.5% в 1795 г. вследствие эмиграции и снижения естественного прироста; после решения башкирского вопроса в конце XVIII в. доля башкир в населении России стала увеличиваться и составила 0.8% в 1857 г. и 1.0% в 1914 г. Для сравнения укажу, что доля русских непрерывно уменьшалась — с 70.7% в 1719 г. до 44.6% в 1914 г. (1, 25—26).

Грамотность у евреев была намного выше, чем у русских и других славянских народов. Что касается грамотности на идиш, то среди мужчин она была почти поголовной, вследствие того что подавляющее число мальчиков проходило через начальную еврейскую религиозную школу (хеде). По-видимому, достаточно высокой была грамотность на идиш и среди женщин, но достоверных данных об этом нет. Удивительнее другое — даже по грамотности на русском евреи превосходили самих русских, а также украинцев и белорусов. В 1897 г. среди евреев мужского пола грамотность составляла 31.2%, среди женского пола — 16.5%, а среди трех славянских народов — 29% и 8.2% соответственно.¹⁶ Грамотность башкир, если судить по Уфимской губернии, где они преимущественно проживали, равнялась около 18.5%, а русских в той же губернии — 16.7%.¹⁷

Некоторое представление о доходе могли бы дать государственные доходы на душу населения, которые в 1890-е гг. в 30 великороссийских губерниях составляли 7.39 р., в губерниях еврейской оседлости — 6.17 р., в Уфимской губернии — 2.70 р.¹⁸ Однако государственные доходы в губерниях в значительной степени складывались из прямых и косвенных налогов с населения. Налоговая политика правительства преследовала цель по возможности уменьшить налоговое бремя для нерусских народов за счет русских. Кроме того, башкиры употребляли водку меньше русских, что также уменьшало государственные доходы в Уфимской губернии. Вследствие этого доходы на душу еврейского и башкирского населения в действительности были больше, чем о них можно судить по государственным доходам на душу населения. Как бы там ни было, но по долголетию и грамотности российские евреи и башкиры опережали русских, а по доходу, вероятно, несколько отставали. Следовательно, в целом индекс человеческого развития у евреев был выше, чем у русских, а у башкир примерно таким же.¹⁹

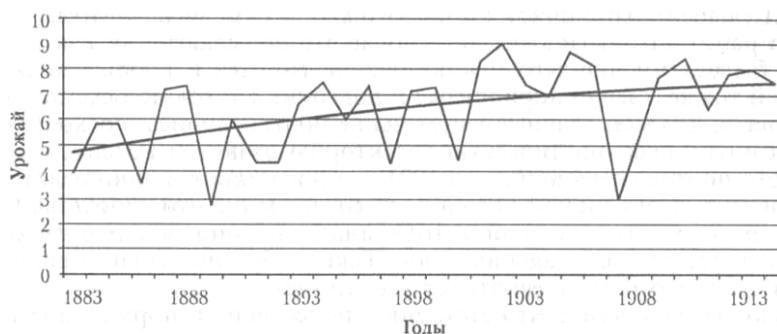
Мои оппоненты правы, когда говорят о необходимости оценивать баланс плюсов и минусов для отдельных этносов, так как положение отдельных народов сильно различалось. Но поскольку в состав империи входило более 200 больших и малых народов, то индивидуальные оценки для всех народов пока (и думаю в будущем) невозможны из-за отсутствия соответствующих данных. Но если бы мы даже такими индивидуальными оценками располагали, все равно потребовалось как-то обобщить все оценки. Позволю сделать еще одну оценку положения русских и нерусских в целом на тот же 1897 г. Средняя продолжительность предстоящей жизни у русских составляла 28.7 года, у нерусских — 35.4. Грамотность взрослого населения у русских равнялась 20%, нерусских — 35%.²⁰ Государственные доходы на душу населения в 30 великороссийских губерниях составляли 7.39 р., а в 39 губер-

ниях с преимущественно нерусским населением — 7.88 (1, 33). Второй косвенный показатель благосостояния населения—длина тела новобранцев за 1874—1883 гг. (за другие годы я пока данными не располагаю). Средний рост новобранцев из 28 великороссийских губерний был примерно на 1 см ниже среднего роста новобранцев из прочих 22 губерний, населенных преимущественно нерусскими (1, 350). Таким образом, по долголетию и грамотности русские существенно отставали от нерусских, по доходу, учитывая приблизительность оценки, положение мало различалось. Следовательно, в целом индекс человеческого развития у нерусских был выше, чем у русских, и положение нерусских в целом было более предпочтительным. Эти данные приведены в моей книге, правда, не в одном месте, а в нескольких главах, хотя, вероятно, их следовало бы где-нибудь объединить. Они-то мне и позволили высказать мнение, что именно в целом плюсы от нахождения в составе России перевешивали минусы. Повторяю, для отдельных народов ситуация могла быть иной, и это интересно будет выяснить, что, однако, не входило в мою задачу.

Еще одно замечание Сандерлэнда касается особенностей Российской империи. Я сформулировал четыре особенности Российской империи, отличавшие, на мой взгляд, ее от европейских империй, имевших колонии на других континентах. Эти империи я принял за стандарт, так как считаю Россию европейской страной. Оппонент против этих признаков не возражает, но полагает, что этого недостаточно по двум причинам. Во-первых, необходимо сравнить и с другими — Оттоманской, китайской, Могольской и др.— империями. Думаю, что это предложение резонно. Во-вторых, Сандерлэнд находит, что некоторые черты, которые я отношу к особенностям Российской империи, были присущи и некоторым другим империям: в частности, русские священники в Казанской губернии были лишь немногим более толерантны к исламу, чем французские миссионеры-иезуиты в Квебеке к язычеству. Однако сам оппонент признает, что русские были хоть немного терпимее французов. Более существенно другое — русские не чувствовали превосходства над мусульманами, благодаря чему последние входили в политическую и интеллектуальную элиту Российской империи, хотя со временем сильно обрусели. Напомню фамилии некоторых представителей элиты тюркского происхождения, и все станет ясно — Аксаковы, Апраксины, Аракчеевы, Бахтины, Бердяевы, Булгаковы, Бухарины, Голенищевы-Кутузовы, Горчаковы, Дашковы, Ермоловы, Карамзины, Киреевские, Куракины, Мещерские, Мусины-Пушкины, Нарышкины, Пироговы, Самарины, Суворовы, Таганцевы, Татищевы, Тимирязевы, Тургеневы, Тухачевские, Тютчевы, Ушаковы, Чаадаевы, Черкасские, Шаховские, Шереметьевы, Юсуповы и т. д. — список длинный.²¹ Ни британская, ни французская, ни испанская элита не имеют в своем составе столько представителей покоренных народов. Еще более существенно третье. Набор признаков Российской империи дает систему, новое целое, которое не сводится к отдельным признакам и не разлагается на них. Да, отдельные признаки Российской империи были свойственны другим европейским империям, но все вместе — нет. Поясню мою мысль такой аналогией. Обезьяна во многом похожа на человека, по ряду признаков его превосходит (острее зрение, сильнее физически, в первые месяцы после рождения даже умнее младенца одного с ней возраста), но по совокупности важнейших признаков она представляет другую систему, отличную от человека.

Спрямять или не спрямять? Многие участники дискуссии зафиксировали в «Социальной истории...» «спрямление», когда важные детали и частности или колебания в развитии какого-нибудь явления не принимаются в расчет. Как правило, применение такого приема ставится в упрек, так как он якобы либо обедняет историческую действительность, либо искусственно создает тенденцию, которой в действительности нет.

Всем случалось читать стенограмму собственного выступления и обнаружить, что когда говорил, вроде бы все было ясно и понятно и самому, и слушателям, а в стенограмме — не все. Нужно здорово потрудиться, чтобы сделать смысл ясным и понятным. В аналогичной ситуации находится исследователь, который своей целью ставит постижение тенденции, смысла и значения исторических событий за почти 300-летний период. Приходится «спрямлять», так как иного способа определить тенденцию или траекторию развития не существует. В точных и естественных науках этот прием формализован и называется аппроксимацией.

Урожай озимой ржи в Подольской губернии в 1883—1914 гг., сам.

Источник: *Четвериков Н. С.* Статистические и стохастические исследования. М., 1963. С. 60.

Например, глядя на кривую графика движения урожаев озимой ржи в 1883—1914 гг., отражающую изменение ежегодных урожаев, трудно на глаз определить какую-либо тенденцию в ее изменении. Однако тенденция обнаруживается, если специальным методом «спрямить» кривую. Оказывается, что урожайность росла по типу параболы, т. е. со временем темпы прироста урожайности уменьшались. Думаю, никто не станет спорить, что и кривая реальных данных, и парабола, обнаружившая закономерность в их изменении, имеют значение. Между ними нет противоречий — они говорят о разных, но одинаково полезных вещах. По аналогии, я нередко искал параболу в изучаемых явлениях, а не только конкретно-историческую кривую. Но разве не целесообразны и полезны оба подхода?!

П. Н. Зырянов не согласен с положением, что к 1917 г. дворяне юридически утратили все свои сословные права: «Не говоря уже о Дворянском банке, дворянство, например, не уплачивало волостных сборов, которые почти целиком шли на общегосударственные нужды... И в значительной степени именно из-за нежелания участвовать в них дворянство провалило волостную реформу. Не обращая внимания и на этот факт, автор уверенно говорит о „юридической и фактической ликвидации привилегий дворянства“ (1, 141). Между тем проект уездной реформы тоже был провален, и руководителем уезда оставался предводитель дворянства, исполнявший эту роль крайне плохо. И никто не отменял требований закона, чтобы земские начальники назначались из дворян, предпочтительно местных...». Да, некоторые маленькие привилегии сохранились, но в какое сравнение они идут с теми, которые дворяне утратили?! Как правильнее сделать общий вывод о динамике сословных прав дворянства с начала XVIII по начало XX в.: дворянство сохранило свои привилегии или их утратило?

Социальное развитие России в реальных координатах происходило по кривой, наподобие той, которая отражает ежегодные изменения урожаев — вперед-назад. Но в этом на первый взгляд беге на месте была траектория с

вектором — с конца XVII в. по конец XX в. российское общество развивалось по линии становления индивидуалистской личности, малой демократической семьи, частной собственности, гражданского общества и правового государства. И меня радует, что принципиально с этим никто не спорит.

Указанную траекторию я обнаружил только после того, как исследование было полностью закончено. Начиная книгу, я предполагал назвать ее «Социальная история России периода империи», а по завершении появился принципиальный подзаголовок, и названия глав приняли нынешний вид. Вероятно, это создало у некоторых читателей впечатление, что «анализу материала и умозаключениям автора почти всегда предшествует определенная схема» (Шевырев). Априорной схемы не было, но имелись гипотезы. Думаю, мало кто работает без гипотез, но многие это скрывают, так как среди историков бытует мнение, что использование гипотез и вообще каких-либо концепций тождественно априоризму и подгонке фактов под схемы. Вынужден признать, что мои главные гипотезы не подтвердились, поскольку предполагали иную, пессимистическую траекторию развития России, и есть документ, это подтверждающий, — в 1991 г. я представил в одно издательство план-проспект «Социальной истории...», содержащий эти гипотезы. Однако гипотезы и используемые мной методы анализа помогли мне организовать материал, вовсе не предвешая выводов. Таким образом, за годы работы над книгой я из пессимиста превратился в оптимиста.

Нормальна ли Россия? Кажется, мое утверждение о нормальности исторического развития России, т. е. его типичности в европейских рамках и конгруэнтности социальному развитию западноевропейских стран, разволновало некоторых российских коллег. Иностранцы приняли этот тезис совершенно спокойно и поддержали его. Полагаю, это только отчасти связано с тем, что одним нравится жить в стране нормальной, а другим, рассердившимся, — в стране непредсказуемой, непонятной, в стране-загадке, в стране-утоконе, словом, в стране ненормальной. О вкусах не спорят. В чем же тогда дело? Буддаков помогает это понять: «Автор попытался взглянуть на два с половиной века российской истории под совершенно определенным — эволюционистским — углом зрения. Сразу же замечу, что для меня как историка революции, т. е. исследователя „спрятанной“ до поры до времени смуты, такой подход представляется *заведомо сомнительным* (курсив мой. — Б. М.), ибо он ориентирован по преимуществу на устойчивость и даже предсказуемость развития России. К тому же автор захватил период от одной смуты до другой». Для тех, кто полагает, что развитие происходит скачками и революции являются локомотивами истории, эволюционное развитие и нормальность — ненормальны. Таким образом, одна из причин расхождений в оценке нормальности России обусловлена различными методологическими ориентациями, а не ошибками конкретно-исторического анализа. Спорить здесь, наверное, бесполезно. Однако следует иметь в виду: разговоры о том, что «умом Россию не понять, аршином общим не измерить», демобилизуют и деморализуют. Если не понять, зачем изучать и стремиться понять?!

Некоторые участники тезис о нормальности не приемлют из-за асимметричности развития в различных сферах российской социальной жизни (Шевырев, Данилова), из-за частых сбоев, т. е. откатов назад, обратимости процесса развития (Леонтьева). Однако вряд ли это может служить основанием для отнесения России к числу ненормальных европейских стран. Согласно теоретикам модернизации, синхронные изменения во всех сферах жизни и соответствующие одномоментные системные сдвиги в обществе в целом осуществляются редко; более часто встречается такой вариант, когда отдельные сектора развиваются асимметрично, когда изменение в одной из социальных сфер вызывает трансформацию в других сферах и в социуме в целом с большим лагом. Динамика развития стран так называемой догоняющей модер-

низации, к числу которых относятся все страны Восточной и Юго-Восточной Европы, — это вообще непрерывный процесс односторонних, однобоких изменений.²²

Замечу, что нормальность в моем понимании не отменяет специфики российского исторического процесса. Согласен с участниками дискуссии, которые отметили, что в моих выводах акцент сделан на общее с европейскими странами, а российская специфика, объективно отраженная в самом исследовании, в выводах и заключительной главе, оказалась несколько в тени, в результате получился дисбаланс и общая картина предстала до некоторой степени смещенной в сторону общего (Элиза К. Виртшафтер, Ахиезер, И. В. Побережников, Согрин). Отчасти это сделано намеренно, чтобы подчеркнуть европейскость России, чаще отрицаемую, чем признаваемую. Вместе с тем отмечу, что Британия, Германия, Греция, Испания, Португалия, Франция и любая другая *нормальная* европейская страна также имели много специфического в своем историческом развитии. Пожалуй, француз, англичанин, как и представитель любой европейской нации, даже обидится на того, кто скажет, что история его страны напоминает историю другой. Поэтому россияне здесь неоригинальны. Однако в отличие от россиян ни француз, ни англичанин, ни любой другой европеец не станут отрицать общности их судьбы и истории. Дроздова правильно отметила, что социальные явления могут быть внешне похожими, не имея ничего общего. Я бы добавил, что бывало и наоборот — некоторые внешне непохожие явления на самом деле имеют много общего и даже принципиальное сходство. Предполагаю, что в отечественной истории второй случай встречался не реже, чем первый. Столыпинская реформа имеет принципиальное сходство с английским огораживанием, Основные законы 1906 г. — эквивалент конституции. В Московской Руси было больше случаев принципиального сходства между внешне непохожими явлениями.²³ Прав Фриз, призывающий поразмышлять над критериями нормальности.

Историк и теория. Нигде в книге ни единого слова не сказано о превосходстве макроисследований над микроисследованиями, как показалось некоторым коллегам. Я лишь констатировал, что первые не менее необходимы для историографии, чем вторые. Мне очень нравится самому проводить микроисследования и знакомиться с результатами исследований, проведенных другими. Говорить же, что макроисследования вырастают и основываются на микроисследованиях столь же банально, как утверждать, что лучше быть умным, чем глупым. Но «всякому дню подобает забота своя». В настоящее время многие разочаровались в формационной теории, многих не устраивает цивилизационная или модернизационная парадигма. Вследствие этого в отечественной историографии в настоящий момент остро недостает макроисследований, хотя именно они создают новые парадигмы, которые хотя бы на какое-то время дают ориентиры для конкретных исследований. Не случайно в точных и естественных науках говорят, что нет ничего практичнее хорошей теории. Один из важнейших мотивов, побудивший меня к работе над «Социальной историей...», состоял в том, чтобы найти для себя ориентиры, своего рода карту-схему для комфортабельного перемещения в российском историческом пространстве периода империи. Кто-то возможно и может бродить по улицам и переулкам огромного города без карты, у меня да и у многих других такое занятие вызывает уныние и скуку. Но на карте-схеме переулки и маленькие улицы, как правило, не отмечаются, поэтому, как верно заметил Филд, мой «социальный ландшафт состоит главным образом из магистралей и больших площадей».

В ряде отзывов прозвучало недоверие к использованным в книге социологическим теориям и концептам. Это, на мой взгляд, отражает широко распространенную среди историков аллергию к теории, полагающих, что применение теории ведет к утрате объективности исследования, к априоризму.

В частности, некоторым коллегам показалось, что «Социальная история...» основана на теории модернизации, под которую как бы подогнан российский материал. Это неверно. Если бы российская государственность не развивалась в сторону правового государства, общество не приобретало черты гражданского общества, семья не становилась малой и демократической, то использование теории модернизации или любой другой теории не могло бы обнаружить этих процессов. Если бы социальные группы не эволюционировали от общностей к обществам, то и этот процесс не удалось бы зафиксировать. Но естественно, что если бы автор не поставил вопросов о том, становились ли государственность правовой, общество — гражданским, семья — малой и демократической, община обществом, то и ответов на эти вопросы не было бы получено. Таким образом, применение любой теории не предопределяет выводов, а только помогает поставить интересные вопросы и организовать материал. Аллергия к теории, — возможно, защитная реакция против монопольного положения марксизма, которое он занимал в советской социальной науке. Но сейчас монополии нет и аллергию можно считать пережитком прошлого. Что касается терминологии, то многие понятия из теории модернизации прочно вошли в язык социальной науки. Если кто-то использует слово «бессознательное», то это не свидетельствует о том, что он фрейдист. Впрочем, теория модернизации, на мой взгляд, полезный инструмент анализа в историческом исследовании, хотя она, как правильно сказал М. А. Клупт, не должна стать единственно верной. Многие выводы исследования действительно коррелируют с выводами классического варианта этой теории — надежное свидетельство того, что Россия является нормальной европейской страной и развивается в общеевропейском русле.

С другой стороны, некоторые рецензенты считают, что именно более широкая опора на теорию поможет правильно объяснить противоречивость и своеобразие российского исторического процесса и предлагают усилить теоретический и методологический аспект (Ахизер, Побережников, Рибер, Романовский, Слуцкий, Согрин). Романовский не только аргументированно поддержал междисциплинарную ориентацию «Социальной истории...», но и высказал глубокие и стимулирующие идеи о необходимости для социальных историков активнее использовать социологию. Во-первых, он очень интересно интерпретировал фактический материал, содержащийся в книге, в социологических понятиях. Во-вторых, предложил некоторые социологические методы для анализа конкретных сюжетов. Например, для анализа причин краха империи под влиянием модернизации он рекомендует взять на вооружение концепцию Э. Дюркгейма об интеграции и солидарности. Применяя эту концепцию, можно сказать: крах наступил, вследствие того что в ходе модернизации традиционная механическая солидарность в общностях ослабла, а новая органическая рациональная солидарность в обществе еще не успела сложиться. И к 1914 г. это привело к ослаблению интеграционного потенциала социума в целом. Под влиянием войны наступила полная дезинтеграция общества, приведшая к распаду власти и государства. Вторая плодотворная идея состоит в том, чтобы приложить социологию коммуникаций к анализу взаимоотношений между верховной властью и бюрократией, с одной стороны, и народом и общественностью, с другой, — а также между народом и общественностью. В пользу такого подхода говорит то, что разрывы в каналах коммуникаций между обществом и государством совпадали с периодами смут и революций, напротив, существование диалога уменьшало или снимало социальную напряженность. Использование социологии коммуникаций при изучении российской государственности и взаимодействия общества и государства, различных сословий и классов друг с другом, на мой взгляд, действительно очень перспективно. Общественный порядок — всегда результат коммуникации действующих в историческом

процессе актеров (сословий, классов, элиты, народа, общественности, государства) и только при наличии интенсивной коммуникации между ними возможен компромисс — основа порядка и стабильности. Эти вопросы рассмотрены в книге (2, 247—257), но недостаточно. Интересно предложение обращаться к гендерной социологии при анализе положения женщин в обществе. Как и Романовский, я глубоко уверен, что именно в социологии социальные историки найдут огромные резервы для повышения уровня анализа исторической действительности. Согласен с рецензентом, что более активно следует использовать и теорию модернизации. Данная теория вышла из моды (хотя до сих пор в ходу) на Западе, где она долго и плодотворно применялась. Однако в России только недавно появились первые обнадеживающие опыты ее адекватного приложения к российскому материалу.²⁴

Интересное предложение сделал Побережников, активно работающий с теорией модернизации и вообще в ракурсе междисциплинарной истории,²⁵ — посмотреть на процесс российской модернизации с точки зрения теории диффузии. Россия, считает он, использовала в целях модернизации механизмы диффузии, западные институты и ценности в качестве образцов для подражания. Диффузия не сопровождалась заменой старых институтов и ценностей новыми — происходило сложное взаимодействие между «традиционным» и «современным», которое сопровождалось трансформацией содержания того и другого, перестановкой акцентов в том и другом. Вследствие этого возникавшая в результате этого взаимодействия амальгама «старого» и «нового» не была элементарной калькой с того, чем было, например, современное европейское сообщество. Действительно, именно так все и происходило в ходе европейской модернизации. Индустриализация — составная часть модернизации началась в Англии, затем пришла в континентальную Европу, захватывая одну страну за другой, и в каждой происходила с большими или меньшими особенностями, повторяя английскую индустриальную революции лишь в общих чертах. Демографическая революция началась во Франции, на другие страны распространилась с важными отклонениями от французской модели. В России все процессы, составлявшие модернизацию, происходили также своеобразно, сохраняя лишь принципиальное сходство.

Россия — отсталая страна? Бушнелл полагает, и многие с ним согласны, что Россия двигалась по европейскому пути, только медленнее, поэтому она со временем превратилась в отсталую страну. Не могу с этим согласиться.

У психологов есть такое понятие «социально запущенный ребенок». Ребенок родился совершенно нормальным, но, что называется, в трудной семье — пьянство и бедность родителей привели к тому, что за ним плохо ухаживали, с ним не занимались (не читали книг, не играли), вследствие чего его развитие затормозилось. В школе обнаруживается, что ребенок не справляется с программой, и его отправляют в специальную школу, где другая программа, другие подходы. Ровесники этого ребенка из нормальных семей вовремя прошли все стадии умственного развития, а этот бедняга — нет. И вот он стал социально запущенным. При очень благоприятных обстоятельствах он может догнать сверстников, не самых лучших, хотя пороку не выдумает. На мой взгляд, говорить, что России «отсталая» страна — это то же, что назвать ее социально запущенным ребенком. И аргументация та же самая. На заре истории, в киевское время, мы были как бы нормальными европейцами, но в середине XIII в. на 250 лет попали в тяжелые условия монголо-татарского ига — тяжелое детство. Только от него освободились, подросло крепостное право — еще на 250 лет — тяжелое отрочество. Монголо-татарское иго и крепостное право нас затормозили, заморозили, сделали отсталыми или, как говорят современные теоретики модернизации, — недоразвитыми, и до сих пор мы не можем быть наравне с ровесниками из западноевропейских стран. Я думаю по-другому. Россия действительно с опозданием переживает все те же процессы и проходит те же

стадии, что и западноевропейские страны, но не потому, что россияне — умственно отсталые или социально запущенные дети, а потому, что Россия как государство и цивилизация позже, чем западноевропейские страны, если можно так сказать, родилась. Уже Киевская Русь не являлась феодальным обществом в европейском смысле этого понятия; феодальные черты появились несколькими столетиями позже — в XIII—XVI вв. Мы всегда, по крайней мере последнюю тысячу лет, когда возникла наша государственность, бежали быстро, по крайней мере так же быстро, как наши соседи на Западе. Это дает основание считать Россию не отсталой и запущенной, а «молодой» и быстро растущей страной. Должен признаться, что метафора «молодая Россия» мне не очень нравится по той же причине, как и Б. Парамонову — «десять веков, какая уж тут молодость; да ведь даже и не о зрелости уже можно говорить, а как бы и о конце».²⁶ Наверное, название России страной *другого часового пояса* адекватнее передает смысл ее «отставания» от западноевропейских стран, где солнце христианской цивилизации взойшло на несколько столетий раньше.

В заключение хочу еще раз поблагодарить всех участников дискуссии за большой труд по прочтению «Социальной истории...» и высказанные соображения и замечания, учесть которые, правда, очень нелегко — диапазон мнений был столь широк, что учет пожеланий одной стороны ведет к усилению критики — с другой. Однако на перекрестке мнений обозначились три главных направления усовершенствования предложенной концепции:

наполнить формально-юридический анализ эмпирическими данными, усилить фактическое обоснование выводов, например об эволюции российской государственности в сторону правового государства, общества — в направлении гражданского общества, и т. д.;

усилить теоретический и методологический аспекты анализа, более активно использовать социологические концепции и теории, принять во внимание постмодернистские концепты, в частности, учесть так называемый лингвистический поворот;

расширить рамки анализа, включив в исследование новые объекты — маргинальные социальные группы, рабочий класс, добровольные ассоциации, и т. п.

Очевидно, что полная реализация этих пожеланий потребует многолетних изысканий не только с моей, но со стороны всего исторического сообщества, так как «Социальная история...» — работа синтезирующая. В мои планы входила подготовка через несколько лет нового расширенного и исправленного издания книги, где критика была бы принята во внимание в полной мере. Предложение издательства «Дмитрий Буланин» опубликовать третье издание «Социальной истории...» застало меня в разгар работы над новой книгой по антропометрической истории России за три столетия, XVIII—XX вв., которая, как я предполагал, должна была стать подготовительной для нового издания. Дело в том, что антропометрические данные дают мощный инструмент для оценки динамики благосостояния населения и благодаря этому — для эмпирической проверки эффективности работы экономики, самодержавия и всего государственного механизма. Однако до окончания работы еще далеко. Поэтому я решаюсь на третье издание без существенной переработки, тем более что еще не накопилось достаточно материала, который я собираю со времени окончания книги в 1999 г., для ревизии сделанных выводов. Но третье издание — не стереотипное: в нем исправлены замеченные неточности и опечатки предыдущих изданий, дополнена библиография, включены новые антропометрические данные и мой ответ на критику; оно содержит также предисловие, написанное по просьбе издательства известными западными русистами проф. Брандайского университета (США) Грегори Фризом, проф. Манчестерского университета (Вели-

кобритания) Питером Гетреллом и проф. Миддлбери (США) Колледж Дэвидом Мейси.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аврус А. И., Голуб Ю. Г. Новый рубеж отечественной исторической науки // Клио: Журнал дня ученых. 2001. № 2 (14). С. 244—247; *Архинов И. Л.* История в поисках человека: (О новых тенденциях в изучении российской истории) // Звезда. 2002. № 3. С. 211—216; *Ахизер А. С.* Специфика исторического опыта России: Трудности и обобщения: Размышления над книгой // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4. С. 209—221; *Булдаков В. П.* Социальная история России: Лечение новыми иллюзиями? // Украинский гуманитарный огляд. Київ, 2000. Вып. 4. *Вахрушев В. С.* Драма или трагедия? Размышления над книгой Б. Н. Миронова «Социальная история России» // Российский исторический журнал (г. Балашов). 2000. № 1. С. 47—57; *Карпачев М. Д.* Умом Россию понимая // Новый мир. 2000. № 6. С. 218—225; *Побережников И. В.* // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 406—410; *Рибер А.* [Рец. на кн.] // Ab Imperia. 2000. № 3—4. С. 433—437; *Романовский Н. В.* О социологизме исследования истории России // Социологические исследования. 2000. № 4. С. 143—148; *Согрин В. В.* Клиентария и историческая реальность: (Размышление над монографией Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи») // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 144—160; *Файбусович Э. Л.* Союз двух муз // География. № 11. 2000. 1.03. С. 14; *Хорос В. Г.* Оглянись, понимая: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1,2 // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 380—391; *Хэфнер Л.* [Рец. на кн.] // Ab Imperia. 2000. № 3—4. С. 424—432 (эта же рецензия опубликована в Германии: *Haefner L.* Social'naja istorija Rossii perioda Imperii // Jahrbücher für Osteuropäische Geschichte. 2001. N. 1. S. 99—104); *Ingold F. Ph.* Klio, steh mir bei Boris Mironows Neuinszenierung der russischen Geschichte // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2001. N. 8. 10. Jan.; *Okenfus M. J.* A Social History of the Russian Empire and of Imperial Russia // Jahrbücher für Osteuropäische Geschichte. 2001. N. 1. S. 96—99; *Wirtschaftler E K.* // Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2. N. 2. P. 1—7; *Zelnik R.* // Amer. Hist. Rev. 2001. December. P. 1903—1904; *Парамонов Б.* Российская история — нормальный ход? // Радио «Свобода». 2001. 24 мая; www.svoboda.org/programs/rq/2001.

² На круглом столе выступили 32 человека: А. И. Аврус, Н. Н. Болховитинов, В. П. Булдаков, Дж. Бушнелл, П. Гетрелл, Ю. Г. Голуб, Л. В. Данилова, М. Д. Долбилов, Н. П. Дроздова, В. В. Зверев, П. Н. Зырянов, Н. А. Иванова, А. В. Камкин, М. Д. Карпачев, Т. М. Китанина, Н. В. Куксанова, А. И. Куприянов, Т. Г. Леонтьева, А.

Н. Медушевский, Д. А. Дж. Мэйси, А. В. Островский, Н. В. Пиотух, Н. В. Романовский, С. С. Секиринский, Ю. А. Тихонов, С. В. Тютюкин, Д. Филд, Г. Л. Фриз, М. Хильдермайер, А. П. Шевырев, В. В. Шелохаев, М. В. Шиловский: Российский старый порядок: Опыт исторического синтеза: «Круглый стол» / Материал подгот. С. С. Секиринский // Отечественная история. 2000. № 6. С. 43—93.

³ На форуме выступили У. Г. Вагнер, Д. Л. Рансэл, В. Сандерлэнд, С. Л. Хок: Forum // Slavic Rev. 2001. Vol. 60. N. 3. P. 550—599; *Ransel D. L.* A Single Research Community: Not Yet (p. 550—557); *Wagner W. G.* Law and State in Boris Mironov's *Sotsial'naiia istoria Rossii* (p. 558—565); *Mironov B. N.* Response to William G. Wagner's «Law and State in Boris Mironov's *Sotsial'naiia istoria Rossii*» (p. 566—570); *Sunderland W.* Empire in Boris Mironov's *Sotsial'naiia istoria Rossii* (p. 571—578); *Mironov B. N.* Response to Willard Sunderland's «Empire in Boris Mironov's *Sotsial'naiia istoria Rossii*» (p. 579—583); *Hock St. L.* B. N. Mironov and his «Demographic Processes and Problems» (p. 584—590); *Mironov B. N.* Response to Steven L. Hock's «Mironov and his „Demographic Processes and Problems”» (p. 591—599).

⁴ При обсуждении книги 15 декабря 1999 г. в С.-Петербургском Доме ученых выступили 8 человек: И. И. Елисеева, М. А. Клупт, И. Н. Олегина, А. В. Островский, А. Г. Слуцкий, Э. Л. Файбусович, Н. Е. Чистякова, Л. Е. Шепелев: *Елисеева И. И.* Обсуждение монографии Б. Н. Миронова «Социальная история России» // «Английская набережная, 4»: Ежегодник Санкт-Петербургского науч. об-ва историков и архивистов. СПб., 2000. С. 467—473; *Рабжаева М. В.* Смена вех в понимании российской истории: Обсуждение книги Б. Н. Миронова «Социальная история» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 3. № 2. С. 174—189.

⁵ На обсуждении 1 декабря 1999 г. выступили Н. П. Дроздова, Н. В. Расков, И. М. Рисованный, В. Т. Рязанов, В. А. Ушанков: *Дроздова Н. П.* // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика. 2000. Вып. 3. № 21. Сент. С. 169—174.

⁶ *Бессонова О. Э., Кирдина С. Г., О'Саливан Р.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Новосибирск, 1996. С. 129—136, 173—175; *Кирдина С. Г.* Институ-

циональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 88—92.

⁷ Секиринский С. С. (ред.). История России XIX—XX веков: Новые источники понимания. М., 2001.

⁸ «По данным исследований, проведенных газетой „Вашингтон Пост“», в США продолжает существовать расовая и этническая дискриминация. Почти половина — 46% опрошенных чернокожих американцев заявили, что за последние 10 лет сталкивались с проявлениями расовой дискриминации. На этот вопрос ответили положительно 39% опрошенных американцев азиатского происхождения и 18% белых. Расовые проблемы стали препятствием к карьерному росту для 35% чернокожих, 19% американцев латиноамериканского происхождения, 18% выходцев из Азии и 10% белых. С угрозами и нападениями на этой почве сталкивались 17% афроамериканцев, 13% латиноамериканцев, 15% азиатов и 9% белых». Вашингтон-онлайн, 26 июня 2001 г. www.washprofile.org

⁹ **Общие работы** по истории общественных организаций в России: Ануфриев Н. П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Елистратов А. И. (сост.). Вопросы административного права. М., 1916. Ч. 1. С. 15—44; Стенанский А. Д. 1) История общественных организаций дореволюционной России. М., 1977; 2) Материалы легальных общественных учреждений Царской России (середина XVIII в.—февраль 1917 г.) // Археогрфический ежегодник. 1978. М., 1979. С. 69—80; 3) Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX—XX вв. М., 1980; 4) Общественные организации в России на рубеже XIX—XX веков. М., 1982. См. также: Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии Н. Новгород, 1991.

О добровольных обществах: Андреева Т. А. Общественные организации средних городских слоев Урала // Социально-политические институты провинциальной России (XVI—начала XX вв.). Челябинск, 1993. С. 36—51; Бердова О. В. Культурная жизнь Костромы и Костромской губернии по материалам местной периодической печати конца XIX—XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Дашкевич Л. А., Корсунова С. Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала: XIX век. Екатеринбург, 1997. С. 170—195; Зорин А. Я., Ключина Е. В. Общественные организации городов // Зорин А. Н. (руковод. проекта). Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 416—467; Зорина Л. И. Уральское общество любителей естествознания. 1870—1929: (Из истории науки и культуры на Урале) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995; Общества//Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 21. С. 607—628; Пирогова Е. П. 1) Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989; 2) К истории уральских научно-краеведческих центров пореформенного периода // Культура и интеллигенция России: Социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII—XX вв.):

Матер. Третьей Всероссийской научной конференции. Т. 1: Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII—XX вв.). Омск, 1998. С. 61—63; 3) Научно-краеведческие общества пореформенного Урала // Уральский сборник: История. Культура. Религия. II. Екатеринбург, 1998. С. 185—197; 4) Пермская ученая архивная комиссия и ее деятели // Уральский сборник: История. Культура. Религия. III. Екатеринбург, 1999. С. 197—233; Соболева О. Ю. Региональные легальные общественные организации на рубеже XIX—XX вв. (1890—1914): (На материалах Костромской и Ярославской губерний): Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1993; Туманова А. С. 1) Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX—XX веков: Учеб. пособие. Тамбов, 1999; 2) Самодержавие и общественные организации в России: 1905—1917 годы. Тамбов, 2002; Хэфнер Я. «Храм праздности»: Ассоциации и клубы городских элит в России: (На материалах Казани: 1860—1914 гг.) // Зорин А. Н. (руковод. проекта). Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 468—526.

О клубах и салонах см.: Аронсон М. И., Рейсер С. А. (сост.). Литературные кружки и салоны. Л., 1929; Барсуков А. П. Российское благородское собрание в Москве по сохранившимся архивным документам. С приложением Правил Российского Благородного собрания 1803 г. и Устава 1849 г. М.; Л., 1930; Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1968. С. 235—261; К истории Московского английского клуба // Русский архив. 1889. Т. 27. С. 85—98; Клуб // Новый энциклопедический словарь. Пг., б. г. Т. 21. Стб. 914—917; Комиссаренко С. С. Клуб как социально-культурное явление: Исторические аспекты развития: Учеб. пособие. СПб., 1997; Науменко В. К истории учреждения Киевского Дворянского собрания // Киевская старина. 1889. Ч. 2. С. 495—499; Никольский В. А. (ред.). Московское купеческое собрание; Исторический очерк. М., 1914; Петров Ю. В. Клубные объединения и их роль в консолидации гражданского общества // Горшков М. К. и др. (ред.). Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт: Матер. международного симпозиума 31 марта—1 апреля 1995 г. М., 1995; Туев В. В. История клубов Кузбасса. Кемерово, 1996; Хованский Н. Ф. Немецкий и коммерческий клубы в Саратове // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы / Изд. Саратовского Общества вспомоществования нуждающимся литераторам. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 353—362.

Большой интерес к общественным организациям в рамках большой проблемы станов-

ления гражданского общества в России проявляют зарубежные историки: *Бредли Дж.* Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5. С. 77—89; *Линденмайер А.* Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // *Захарова Л. Г., Эклоф Б., Бушнелл Дж.* (ред.). Великие реформы в России: 1856—1874. М., 1992. С. 283—300; *Bernstein L.* Women on the Verge of a New Language: Russian Salon Hostesses in the First Half of the Nineteenth Century // *Goscilo H., Holmgren B.* (eds.). *Russia—Women—Culture*. Bloomington, Civil Culture, and Obshchestvennost' in Moscow // *Clowes E. W., Kassow S. D., West J. L.* (eds.). *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Parliament of Public Opinion: Association, Assembly, and the Autocracy, 1906—1917* // *Taranovski Th., Mclnemy P.* (eds.). *Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle?* Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 212—236; *Frieden N. M.* Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1865—1905. Princeton: Princeton University Press, 1981; *Holmgren B.* Stepping Out / Going Under: Women in Russia' Twentieth-Century Salons // *Goscilo H., Holmgren B.* (eds.). *Russia—Women—Culture*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1996. P. 225—246; *Lindenmeyr A.* 1) Voluntary Associations and Russian Poverty is not a Vice: Charity Society and the State in Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996; *Ruane Ch.* Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers: 1860—1914. Pittsburgh, Penn; London: University of Pittsburgh Press, 1994; *Sandler St.* Pleasure, Danger, and Dance: Nineteenth-Century Russian Variations // *Goscilo H., Holmgren B.* (eds.). *Russia—Women—Culture*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1996. P. 247—272; *Swain G. R.* Freedom of Association and the Trade Unions, 1906—1914 // *Crisp O., Edmondson L.* (eds.). *Civil Rights in Imperial Russia*. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 171—190.

¹⁰ *Миронов Б. Н.* Бремя величия: Военные победы и уровень жизни россиян в XVIII столетии // *Родина*. 2001. № 9. с. 32—36. Обзор географо-детерминистских идей в мировой литературе см.: *Синицкий Л. Д.* Очерк истории антропогеографических идей. М., 1909. См. также: *Файбусович Э. Л.* Начало и конец века: Ренессанс географического детерминизма // *Лавров С. Б., Хореев Б. С., Межевич Н. М.* (ред.). Естественнo-историческая специфика России и русские геополитические концепции: (Матер. Всероссийской конференции). СПб., 1999. С. 44—49.

¹¹ *Отечественная история*. 2002. № 2. с. 202.

¹² *Boškovska N.* 1) Die russische Frau im 17. Jahrhundert. Köln, 1998; 2) Muscovite Women during the Seventeenth Century: At the Peak of the Deprivation of their Rights or on the Road towards New Freedom? // *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*. 2001. Vol. 56.

¹³ *Coale A. J., Anderson B. A., Härm E.* Human Fertility in Russia since the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979. P. 17

¹⁴ См.: *Баркалов Н. Б., Иванов С. Ф.* (ред.). Основы изучения человеческого развития. М., 1998; *Саградов А. А.* 1) Народонаселение и устойчивое развитие. М., 1998; 2) Россия и индекс человеческого развития // *Население и общество: Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2000. № 43. Февр.

¹⁵ Недавно вышедшая книга Шара Фриз содержит много интересной информации о демографии российских евреев периода империи: *Freeze Ch. Y.* *Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia*. Hanover, NH: Brandeis University Press, 2002.

¹⁶ Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. 144—145.

¹⁷ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 45. Уфимская губерния. СПб., 1904. Ч. 2. С. 61 65.

¹⁸ *Антропов П. А.* Финансово-статистический атлас России. СПб., 1898. Табл. 1—4.

¹⁹ Врачи написали десятки работ, в которых били тревогу по поводу физического вырождения русского народа. Это мнение не имело под собой основания и, по-видимому, функционировало в качестве аргумента в политических спорах. См., например: *Дедюлин С. А.* К вопросу о причинах физического вырождения русского народа: (Составлено по отчетам Государственного контроля в диаграммах и таблицах) / Докл. Высоч. утвержденному Обществу для содействия русской промышленности и торговле 25 марта 1899 г. СПб., 1900.

²⁰ Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения. Т. 2. С. 151.

²¹ *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

²² *Tiryakian E.* Modernization in a Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe // *Grancelli B.* (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; New York: De Gruyter, 1995. P. 255.

²³ *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в Древней Руси. М.; Пг., 1923. С. 181—186.

²⁴ *Алексеев В. В. и др.* Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург; Лувен, 1997; *Алексеев В. В.* (ред.). Опыт российских модернизаций XVIII—XX веков. М., 2000; *Вишневецкий А. Г.* Серп и рубль : Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Волны политической модернизации в истории России : К обсуждению гипотезы // *Полис*. 1998. № 2.

С. 39—51; Модернизация: Факторы, модели развития, последствия изменений // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. Вып. 5—6.

²⁵ *Побережников И. В.* Модернизационная перспектива: Теоретико-методологические и дисциплинарные подходы // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 16—25; 2) Дилеммы теории модернизации // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 6—15; 3) Модернизация: Определение понятия, параметры и критерии // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX—XXI столетий: Четвертые Всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 105—121.

²⁶ *Пармонов Б.* Российская история — Нормальный ход?

ОТ АВТОРА

Желание написать обобщающую книгу по социальной истории императорской России у меня возникло давно, но до 1990 г. оно носило платонический характер: опубликовать самостоятельное исследование большого объема для ординарного профессора в СССР было нереально. Однако в начале 1990-х гг. стало очевидно, что для историка в России вновь наступило время писать о том, что он считает важным, и так, как представляется ему правильным. Возник замысел книги. Мои первые зарубежные командировки в течение 1989—1990 гг. в Гарвардский, Калифорнийский и ряд других университетов США, в Институт аграрных исследований в Париже и в Славянский центр Торонтского университета, а также на международные конференции в Валенсию, Лондон, Милан и Мадрид стимулировали начало работы. Хотелось наконец провести самостоятельное исследование так, как делали наши зарубежные коллеги: не опасаясь ни рецензентов, ни редакторов, ни цензуры, ни, что не менее важно, самоцензуры. В 1980-х гг. советские историки, изучавшие дореволюционное прошлое, мне кажется, страдали больше не от цензуры, а от самоцензуры.

Приступив к работе, я вскоре понял, что необходимо основательно познакомиться с зарубежной литературой по социальной истории России, Европы и США, которая была слабо представлена даже в лучших петербургских и московских библиотеках. Мне посчастливилось получить по конкурсу годовую стипендию в Международном центре научных исследований им. Вудро Вильсона в Вашингтоне, где у меня были исключительно благоприятные условия для работы и возможность неограниченно пользоваться библиотекой Конгресса США. Однако зарубежной литературы было так много, что освоить ее за год оказалось невозможно. Благодаря Б. Рублу, директору Института им. Дж. Кеннана (Blair Ruble, Kennan Institute for Advanced Russian Studies), я смог сделать большое количество ксерокопий, которые оказали мне неоценимую помощь при работе в России.

В 1993—1995 гг. работа продолжалась преимущественно в Петербурге. Лишь на непродолжительное время я выезжал в исследовательские командировки в Германию и Японию и на несколько международных конференций, где имел возможность обсудить законченные главы. Некоторые фрагменты книги, по мере их подготовки, обсуждались в моем Институте российской истории Российской Академии наук.

В первом приближении рукопись была завершена в конце 1995 г. На следующий год на ее основе я прочел большой курс «Социальная история императорской России» в Орегонском университете США и в Тюбингенском университете в Германии. Чтение лекций, общение со студентами и преподавателями, а также доклады на семинарах и конференциях помогли мне выявить недостатки и просчеты первого варианта книги. 10-месячная стипендия Славянского центра Хоккайдского университета в Японии в 1997— начале 1998 г. предоставила мне отличную возможность тщательно отредак-

тировать и во многих случаях переписать заново текст и обсудить некоторые разделы книги с японскими коллегами.

Таким образом, книга является результатом моей работы в Институте российской истории РАН и сотрудничества с исследователями из крупных университетов и международных исследовательских центров. Мне помогало много людей, всем им я выражаю свою глубокую благодарность. Наиболее существенную помощь я получил от Д. Рэнсела и Б. Эклофа, С. Серегни и Б. Уодворт (David Ransel, Ben Eklof, Scott Seregny, Brad Woodworth: Indiana University), Д. Байрай (Dietrich Beyrau: Universität Tübingen, Германия), К. Блэк (Clayton Black: Washington College), Д. Броуэра, П. Линдerta, А. Олмстеда (Daniel Brower, Peter Lindert, Alan Olmstead: University of California), Дж. Брэдли (Joseph Bradley: University of Tulsa), Дж. Бушнелла (John Bushnell: Northwestern University), П. Гетрелла (Peter Gatrell: University of Manchester), Р. Джонсона (Robert Johnson: University of Toronto, Канада), А. Кимбелла (Alan Kimball: University of Oregon), Ш. Кодзима (Shuichi Kojima: Konan University, Япония), К. Леонард (Carol Leonard: Oxford University), Ст. Мерля (Stephan Merl: Universität Bielefeld, Германия), Д. Мэйси (David Macey: Middlebury College), К. Е. Нунец и Г. Тортелла (Clara Nunez, Gabriel Tortella: Universidad de Alcalá, Испания), У. Пинтнера (Walter Pintner: Cornell University), Ж. Постель-Вине и Ж.-М. Шове (Gill Postel-Vinay, Jean-Michel Chevet: Institut National de la Recherche Agronomique, Париж), У. Розенберга (William Rosenberg: University of Michigan), У. Сандерлэнд (Willard Sunderland: Cincinnati University), Т. Судзуки (Takeo Suzuki: Waseda University, Япония), Ц. Тогавы, Т. Мочизуки и Р. Ямамура (Tsuguo Togawa, Tetsuo Mochizuki, Rihito Yamamura: Slavic Research Center Hokkaido University), К. Уоробек (Christine Worobec: Kent State University), Д. Филда (Daniel Field: Syracuse University), Г. Фриза (Gregory Freeze: Brandeis University). Я всегда чувствовал и высоко ценил поддержку моих петербургских коллег, в особенности Л. А. Булгаковой,

А. Г. Манькова, В. А. Нардовой, М. М. Сафонова, А. Н. Цамутали,

В. А. Шишкина, Л. И. Першиной и, к сожалению, не доживших до завершения книги Л. Н. Семеновой, З. В. Степанова и А. Л. Шапиро (С.-Петербургский институт истории РАН). Мне хочется поблагодарить также

С. И. Варехову (Российский государственный исторический архив), М. А. Матвееву (Архив Русского географического общества), Л. А. Процай (Центральный государственный архив кинофотофонодокументов г. С.-Петербурга), Н. П. Дроздову, Т. М. Китанину, В. В. Козловского (С.-Петербургский государственный университет).

Разумеется, за все содержание книги, в особенности за ее недостатки, ответственность лежит на мне.

ВВЕДЕНИЕ

Специализация историков на исследовании частных проблем и коротких исторических периодов в наше время стала требованием профессии и фактом историографии. Плюсы ее очевидны: доскональное знание изучаемого предмета; применение специальной, нередко тонкой методики анализа. Но и недостатки существенны: придается чрезмерное значение деталям; утрачивается понимание связи между изучаемыми аспектами и целым явлением; происходит отказ от обобщений и объяснений; специалист в какой-нибудь узкой области не в состоянии понять, что, как и насколько хорошо делает его коллега. Отсюда возникает потребность в обобщении знаний и в формулировке более широких и общих идей, помогающих понять значение происшедшего, объяснить его смысл, выяснить причины. Реализовать такую задачу возможно в рамках социальной истории. Социальная история не может быть чисто социальной, как экономическая — чисто экономической, политическая — чисто политической и культурная — чисто культурной, так как все действия людей имеют экономический, социальный, культурный и политический аспекты.¹

При изучении коротких или суперкоротких периодов затруднительно, если вообще возможно, разглядеть долговременные изменения и тенденции. Говоря это, я далек от утверждения, что всегда предпочтительнее исследовать длинные периоды. Однако изучение исторических событий в перспективе трех различных временных протяженностей — длинной, средней и короткой — дает существенно иные результаты, так как каждая временная протяженность соответствует определенному уровню исторической реальности. Ввиду этого изменения в самых глубоких слоях реальности могут быть адекватно поняты при анализе ее в перспективе длительной временной протяженности, а в средних слоях — средней временной протяженности. Третий, самый поверхностный уровень истории, составляющий так называемую событийную историю, существует и расшифровывается в рамках «нормального» человеческого времени — день, месяц, год.²

Таким образом, тенденции, смысл и значение исторических событий становятся понятными в контексте, во-первых, истории всеобъемлющей, но рассмотренной под социальным углом зрения, во-вторых, в рамках длинных или средних периодов. При этом следует ясно сознавать, что преодоление фрагментации знаний и выявление тенденций требуют жертвы деталями, но дают компенсацию — общую картину.

В отечественной и зарубежной русистике в настоящее время широко распространено мнение, что только новые данные, извлеченные из долго закрытых для исследователей архивных фондов, могут помочь обнаружить истину. Отсюда архивная лихорадка. Что касается советского периода, то это часто справедливо. Относительно же досоветского периода, на мой взгляд, главная проблема здесь, по крайней мере для отечественной историографии, состоит в том, чтобы переосмыслить уже собранные данные с точки зрения современной социальной науки, ибо в течение долгого времени они анали-

зировались сквозь призму теории и методологии середины XIX в. Как ни хорош был марксистский подход в свое время, к настоящему моменту и в своем ортодоксальном варианте, которого придерживались советские историки, он устарел. Еще в 1909 г. С. Л. Франк справедливо заметил: «Веруя в Лассалю и Маркса, мы, в сущности, веруем в ценности и идеи, выработанные Руссо и де Местром, Гольбахом и Гегелем, Берком и Бентамом, питаемся объедками с философского стола XVIII и начала XIX века. И, воспринимая эти почтенные идеи, из которых большинство уже перешагнуло за столетний возраст, мы совсем не останавливаемся сознательно на этих корнях нашего мирозерцания, а пользуемся их плодами, не задаваясь даже вопросом, с какого дерева сорваны последние и на чем основана их слепо исповедуемая нами ценность».³

Более 80 лет западноевропейская историография развивалась в соответствии с новыми теориями, концепциями, понятиями, вырабатываемыми в социальных науках, а советские историки, за исключением немногих смельчаков, были вынуждены твердо придерживаться «нестареющего учения». Вследствие этого в изучении социальной истории между западной и советской историографией произошло тяжелое по своим последствиям размежевание. Советские историки справедливо критиковались и критикуются за такие недостатки в их подходе к изучению прошлого, как:

1) **экономизм**, который отдает приоритет экономическому фактору в ущерб другим и часто приводит к редукции многостороннего, многомерного социального объекта к одному, экономическому аспекту;

2) **априоризм**, под влиянием которого факты подгоняются под заданные теорией схемы (например, локомотивами истории всегда были революции, люди делились на эксплуататоров и эксплуатируемых и все сводилось к классовой борьбе и т. п.);

3) **презентизм**, который приводит к навязыванию людям прошлого мотиваций и представлений современных людей;

4) **материализм**, вынуждающий историка недооценивать в общественной жизни значение идей, например, представлений об обществе, государстве и человеке, которых придерживались различные социальные группы, роль личности и других субъективных факторов в истории;

5) **объективизм**, в соответствии с которым теоретические конструкции рассматриваются как объективная реальность, например, сконструированный исследователем класс считается реальным, объективно существующим классом, а социальные группы определяются по численности, членам, границам в ущерб отношениям внутри и между группами, при этом игнорируются групповые представления и самоидентификация;

6) **универсализм**, который приводит к недооценке значения национальных, культурных, религиозных особенностей в развитии отдельных стран;

7) **идеологизация и политизация** исторической науки. По словам А. И. Солженицына, «русская история стала искажаться задолго до коммунистической власти: страстная радикальная мысль в нашей стране перекашивала русское прошлое соответственно целям своей борьбы».⁴

Отрыв отечественной историографии от мировой имел еще одно негативное последствие: понятийный аппарат — эта матрица, в которую укладываются отдельные факты, устарел и перестал совпадать с тем, который используется в западноевропейской историографии. Отсюда часто возникали и до сих пор возникают взаимное непонимание и недоразумения. Например, когда «буржуазный» историк использует понятие «класс», то он вкладывает в него совсем другой смысл, чем российский историк марксистской ориентации. Для последнего класс — почти вечная социальная категория, для первого — категория, более или менее адекватная лишь для капиталистического общества. Аналогично обстоит дело с другими ключевыми понятиями социального анализа, такими как сословие, государство, общество, феодализм, крепостниче-

ство и др. Многие понятия, ставшие привычными в западной историографии, крайне слабо или в искаженном виде ассимилировались советской историографией, например, социальная мобильность, менталитет. Перед отечественными историками стоит актуальная задача — усовершенствовать понятийный аппарат в соответствии с современной наукой.

Итак, кроме общих методологических трудностей, с которыми столкнулись современные историки во всем мире, отечественные историки имеют дополнительные проблемы.⁵

Советская историография, на мой взгляд, отличалась негативизмом в отношении отечественной истории дооктябрьского периода, подобно тому, как современная историография — в отношении советского периода. Господствовали парадигмы, которые поддерживали минорную или черную тональность в трактовке прошлого: народ страдал и бедствовал; элита маниакально преследовала корыстные классовые интересы, забывая об интересах общества, государства и нации; самодержавие было озабочено только интересами дворянства и самосохранением; почти все реформы императорского периода были неудачны, так как задумывались с единственной целью сохранить прогнивший самодержавный режим; дворянство эксплуатировало крестьянство, город — деревню, купцы и буржуазия — мещан и рабочих, Российская империя — все народы, населяющие страну, а самодержавие поддерживало эксплуататоров; крепостное право было только кошмаром и несчастьем; бюрократия отличалась некомпетентностью и коррупцией; право служило господствующему классу, суды были продажны; общественное мнение попиралось самодержавием и т. д. и т. п. Пожалуй, нигде в мире историки не изображают столь негативно историю собственной страны. Можно удивляться, как подобный негативизм не породил у русских общенациональный комплекс неполноценности и не отнял гражданское мужество. Историки в значительной мере создают как историю страны, так и нацию. Именно они формируют понимание прошлого, заставляют людей забывать одни события и хорошо запоминать другие, воспитывают морально-культурные традиции, национальное самосознание и национальное достоинство.⁶ П. Б. Струве писал в 1921 г.: «России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или в общину, но ей важно, чтобы ты чтит величие ее прошлого и чаял и требовал величия для ее будущего, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия. Ими, их духом и их мощью мы только и можем возродить Россию. В этом смысле прошлое России, и только оно, есть залог ее будущего».⁷

В процессе формирования нации без мифотворчества не обходится ни в одной стране.⁸ Однако большинство мифов о России, как это ни парадоксально, не поднимает, а несправедливо унижает наше национальное достоинство. Вот некоторые из них: Россия была типичной колониальной империей, угнетавшей народы, входившие в ее состав; российское общество было закрытым; русские не знали самоуправления; крепостное право блокировало социально-экономическое развитие страны; в России правили не законы, а люди; государство и бюрократия не заботились об обществе и народе; все или почти все реформы были несостоятельны; самодержавие в XVIII—начале XX в. было институтом, который мешал развитию страны; в судах царил произвол.⁹

Причина негативного мифотворчества состоит в том, что мифы создавались в отечественной историографии в эпоху борьбы общества с авторитаризмом государственной власти во имя благородной задачи — утвердить

в России гражданское общество и правовое государство. Потом эти мифы входили в учебники и в массовое сознание. Нигилистические настроения среди интеллигенции всегда были в моде в России,¹⁰ ввиду этого фрондировать с кем бы то ни было, осуждать отечественную историю, российские традиции и порядки считалось и до сих пор считается хорошим тоном среди русской интеллигенции, даже тогда, когда для этого нет оснований.

Особенно не повезло в историографии российским реформаторам и правительственной политике, которая, как правило, рассматривалась со специфических точек зрения: 1) чего не сделали верховная власть и правительство, 2) какие ошибки они совершили, 3) недостатки в организации и управлении, 4) упущенные возможности. Всякая оценка предполагает существование некоего образца, модели, с которыми сравнивается реальность. Для России такие образцы для сравнения всегда заимствуются из опыта западноевропейских стран, которые в деле модернизации всегда шли впереди. Подобные сравнения, с одной стороны, очень продуктивны. Однако вследствие того, что сравнения основывались на высоком западноевропейском стандарте, они всегда занижали отечественные достижения, а иногда просто их обесценивали. Например: отменили в России крепостное право в 1861 г. Подумаешь, достижение, считали многие, — в западноевропейских странах это сделали несколькими столетиями раньше, да и лучше. Ввели в России конституцию. Разве это достижение? По сравнению с английской или французской это — псевдоконституция. Следовательно, нужно посмотреть на проблему шире и глубже, избежать односторонности и партийности в анализе. Такую возможность до некоторой степени дает взгляд на проблему с точки зрения соответствия государственных структур и правительственной политики экономическим, социальным, психологическим и прочим возможностям общества и с точки зрения того, что было бы, если бы западноевропейская модель была осуществлена в России. Необходимо также принимать во внимание и то, что ни одно европейское общество в полной мере не реализовало провозглашаемых идеалов, в частности принципов гражданского общества и правового государства, но все к ним стремились и достигали больших или меньших успехов на этом пути. Элита и правительство России тоже стремились к этому идеалу, и хотя в меньшей степени приблизились к нему сравнительно с другими европейскими странами, тем не менее достигли известного прогресса.

Думаю, что в настоящий момент мы, россияне, нуждаемся в **клиотерапии** — в трезвом знании своих достоинств и недостатков, чтобы иметь возможность достоинства развивать, а недостатки лечить и устранять. Лучшее средство избавиться от недостатков — знать их происхождение, ибо как предрассудки — это осколки прежних истин, так и особенности социальных институтов, которые теперь являются недостатками, когда-то были достоинствами. Историки могут стать социальными врачами. Подобно тому как психоаналитик избавляет пациентов от различных комплексов, которые мешают им жить, путем объективного анализа их личной истории, так и историки могут избавить свой народ от комплексов, сформировавшихся в ходе национальной истории (кстати, многие из них сложились под влиянием положения, в котором оказался народ, поздно включившийся в процесс модернизации и пытавшийся догнать ушедших вперед), путем достоверного анализа прошлого. И подобно тому как психоаналитики должны время от времени сами подвергаться психоанализу, так и историки должны время от времени лечить свою методологию и избавляться от своих устаревших стереотипов.

Итак, я стремился исследовать социальную историю императорской России, опираясь на достижения отечественной и зарубежной, прежде всего американской, историографии, которая в настоящее время является самой продвинутой частью зарубежной русистики, используя понятийный аппарат и

подходы современной социальной науки, избегая как негативизма, так и апологетики в отношении национальных достижений. Анализ выполнен в традициях социальных историков, стремящихся сделать историографию научной¹¹ скорее на макроуровне, чем на микроуровне, так как мне хотелось понять логику российской культуры, мысли и истории. При таком подходе обнаруживаются две закономерности исторического развития России: поступательность и нормальность. Трехвековой ход российской модернизации оказывается в целом успешным: движение России вперед время от времени прерывалось 15—25-летними кризисами, вызываемыми войнами, общественными смутами или радикальными реформами наподобие тех, которые сейчас испытывает Россия. После кризиса поступательное движение возобновлялось с новой силой. Такой общий для всех стран в Новое время и потому нормальный процесс общественного развития дает надежду, что современный трудный для россиян кризис — явление временное и скоро благополучно окончится. Стоит особо подчеркнуть **нормальность российского исторического процесса**. Россия — не ехидна в ряду европейских народов, а нормальная европейская страна, в истории которой трагедий, драм и противоречий несколько не больше, чем в истории любого другого европейского государства. Акцентирование трагедийности хода российской истории,¹² кровавой драматичности,¹³ цикличности, или маятниковости,¹⁴ инверсионных поворотов, т. е. резких смен господствующих социально-культурных укладов,¹⁵ на мой взгляд, порождено парадигмой, господствующей в научном и массовом сознании, о необыкновенности России. Многим приятно думать, что в отличие от любой другой страны «умом Россию не понять, аршином общим не измерить», что хотя и тяжелее в ней жить, чем в других европейских странах, но зато она идет своим собственным путем. Как будто нормальность эволюции принижает. Между тем нормальность развития — гарантия того, что в свое время и в России будет и благосостояние, и правовое государство, и гражданское общество, и все другие блага цивилизации, которых так жаждет современный россиянин.

Книга оказалась настолько велика по объему, что не осталось места для пространных историографических экскурсов. Читатель найдет их в общих курсах историографии,¹⁶ в исторических обзорах, а также в сборниках статей, посвященных историографическим проблемам.¹⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992. С. 9—10; *Зелдин Т.* Социальная история как история всеобъемлющая // *Полетаев А. В.* (ред.). Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993. Вып. 1. С. 154—162; *Зидер Р.* Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // Там же. С. 163—181.

² *Бродель Ф.* 1) История и общественные науки: Историческая длительность // *Кон И. С.* (ред.). Философия и методология истории. М., 1977. С. 115—142; 2) Материальная цивилизация... Т. 3. С. 66—84, 641.

³ *Франк С. Л.* Этика нигилизма: (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 198.

⁴ *Солженицын А. И.* Предисловие к серии «Исследования новейшей русской истории» // *Леонтович В. В.* История либерализма в России: 1762—1914. М., 1995. С. I. См. также: *Афанасьев Ю. Н.* (ред.). Советская историография. М., 1996. С. 30—31, 143, 162, 318—319 и др.; *Соколов А. К.* (ред.). Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: Проблемы источниковедения советской истории. М., 1994; *Козлов В.* Российская история: Обзор идей и концепций, 1992—1995 годы // Свободная мысль. 1996. № 4. С. 104—120.

⁵ *Гуревич А. Я.* О кризисе современной исторической науки // ВИ. 1991. № 2—3. С. 21—36.

⁶ Я не придерживаюсь постмодернистского взгляда, согласно которому прошлое создано исключительно самими историками.

Однако большая роль историков в создании образа прошлого несомненна: *Смит С.* Постмодернизм и социальная история на Западе: Проблемы и перспективы // *ВИ.* 1998. № 8. С. 159—161.

⁷ *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // *Вехи.* Из глубины. М., 1991. С. 476.

⁸ *Anderson B.* Imagined Communities : Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. New York, 1983; *Duglas M.* How Institutions Think. Syracuse, 1986. P. 112; *Greenfield L.* Nationalism Five Roads to Modernity. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1992. P. 486—489.

⁹ *Кантор В.* «...Есть европейская держава» Россия : Трудный путь к цивилизации: Исторические очерки. М., 1997. С. 11—290, 467—477.

¹⁰ *Франк С. Л.* 1) Этика нигилизма : (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // *Вехи.* Из глубины. С. 167—199; 2) *De Profundis* // Там же. С. 478—499; *Хевеши М. А.* Анархизм и нигилизм как умонастроение // *Социологические исследования.* 1998. № 2. С. 119—126.

¹¹ *Зелдин Т.* Социальная история как история всеобъемлющая; *Зидер Р.* Что такое социальная история?; *Lloyd Ch.* Explanation in Social History. Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 313—317.

¹² *Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 398, 442, 642—668; *Ragsdale H.* The Russian Tragedy : The Burden of History. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1996.

¹³ *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1993. С. 269; *Carrere d'Encausse H.* The Russian Syndrome : One Thousand Years of Political Murder. New York: Holmes and Meier, 1992.

¹⁴ *Ахиезер А. С.* Россия: Критика исторического опыта. М., 1991. Т. 1—3; *Эйдельман Н.* «Революция сверху» в России. М., 1989; *Ianov A.* The Origins of Autocracy: Ivan the Terrible in Russian History. Berkeley: University of California Press, 1981; *Crummey R. O.* (ed.). Reform in Russia and the USSR. Urbana: University of Illinois Press, 1989.

¹⁵ *Ерасов Б. С.* Социальная культурология. М., 1996. С. 518—519.

¹⁶ Очерки истории исторической науки в СССР: В 5 т. М., 1955—1985; *Цамутали А. Н.*

1) Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977;

2) Борьба направлений в русской историографии в период империализма : Историографические очерки. Л., 1986; *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. СПб., 1993, и др.

¹⁷ *Большакова О. В.* 1) Бюрократия и Великие реформы 1864 года в России (1860—1870-е гг.) : Современная англо-американская историография: Научно-аналитический обзор. М., 1996; 2) Военные реформы в России 1861—1874 гг.: Английская и американская историография // *Реферативный журн.: Социальные и гуманитарные науки.* Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История. 1999. Вып. 1; 3) Крестьянское сельскохозяйственное образование в России в конце XVIII—начале XX в. // Там же. 1999. Вып. 4; 4) Отмена крепостного права в России:

Англоязычная историография 60—90-х годов // Там же. 1999. Вып. 4; 5) Судебная реформа 1864 года и формирование правовой культуры в дореволюционной России: (Обзор англоязычной литературы) // Там же. 2000. Вып. 1; *Бушуев С. В.* История государства Российского: Историко-библиографические очерки, XVII—XVIII вв. М., 1994; История и историки. 1965—1990; 1995; 2001. М., 1965—2001; *Коновалов В. С.* Аграрный вопрос в России в начале XX столетия: Обзор. М., 1996; *Медушевский А. Н.* 1) Государственный строй России периода феодализма (XV—XIX вв.): (Зарубежная историография): Научно-аналитический обзор. М., 1989; 2) Административные реформы в России XVIII—XIX в. в сравнительно-исторической перспективе: Научно-аналитический обзор. М. 1990; 3) Реформы Петра I и судьбы России: Научно-аналитический обзор. М., 1994; *Мионов Г. Е.* 1) История государства Российского: Историко-библиографические очерки: XIX в. М., 1995; 2) История государства российского: Хрестоматия. Свидетельства. Источники. Мнения. XVIII век: В 2 кн. М., 2000, 2001; *Сахаров А. Н.* (ред.). 1) История СССР в современной западной немарксистской историографии: Критический анализ. М., 1990; 2) Историки России: XVII—начала XX в. М., 1996; 3) Россия XIX—XX вв.: Взгляд зарубежных историков. М., 1996; *Шарифжанов И. И. и др.* (ред.). Историческая наука в меняющемся мире. Казань, 1993, 1994. Вып. 1—2; *Шевырин В. М.* 1) Революция 1905—1907 годов: (Обзор советской литературы): Научно-аналитический обзор. М., 1985; 2) Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России: (Советская историография 70—80-х гг.): Научно-аналитический обзор. М., 1987; 3) Российский либерализм (конец XIX в.—1917 г.) в англо-американской историографии: Научно-аналитический обзор. М., 1988; 4) Государственная Дума в России (1906—1917): Обзор. М., 1995; *Шевырин В. М.* (ред.). 1) Сословно-представительные учреждения России (XVIII—начала XX в.): Сб. обзоров. М., 1993; 2) Россия XX столетия в исторической науке: Взгляды, концепции, ценностные подходы. М., 2000.

ГЛАВА I

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС, БОГАТЫЕ РЕСУРСЫ И ОБШИРНОСТЬ ТЕРРИТОРИИ

О российской экспансии написано много как в России, так и за рубежом и высказано несколько точек зрения: от признания России агрессивной империалистической державой, стремящейся к бесконечному расширению своих границ, до оправдания колониационного движения интересами не только русских, но и самого населения присоединенных территорий. Данный сюжет, как никакой другой, подвержен влиянию международной политической конъюнктуры. В периоды ослабления международной напряженности трактовка проблемы отличается значительной объективностью.¹ В периоды обострения международных отношений и столкновения интересов России и других великих держав академизм уступает место политическим страстям, тон публикаций изменяется: Россия обвиняется в экспансионизме и империализме. При изучении территориальной экспансии России очень часто не принимается во внимание, что экспансия в смысле захвата чужих территорий и колонизация в смысле освоения пустующих и никому не принадлежащих, по крайней мере формально, земель происходили рука об руку. Порой экспансию просто невозможно отделить от колонизации, так как в XVI—XIX вв. на просторах Евразии четкие государственные границы нередко отсутствовали, да и многие народы государственности вообще не имели. Тесное переплетение экспансионистских и колониационных задач и совпадение во времени усиления экспансии и колонизации делают целесообразным рассмотрение обоих процессов вместе, под углом зрения расширения границ.

Пользуется вниманием исследователей и проблема влияния географической среды на социальные процессы, экономику, общественные и политические институты. Для русских эта тема является до некоторой степени болезненной: богатая природными ресурсами страна, а народ не благоденствует в экономическом отношении. Одни, преимущественно иностранные исследователи используют этот сюжет для доказательства неспособности населения России воспользоваться своими богатствами вследствие недостатков их общественных и политических институтов, например общины или абсолютизма. Другие, главным образом русские авторы применяют иной подход: дефекты российских общественных и политических институтов они объясняют особенностями географической среды.

В рамках одной главы невозможно рассмотреть все аспекты многогранной темы. Поэтому остановимся на наиболее важных, с моей точки зрения, проблемах — на расширении территории и трудностях, которые возникали в связи с этим перед обществом и государством, а также на влиянии географического и демографического факторов на социальное и экономическое развитие страны.

РАСШИРЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ И РОСТ НАСЕЛЕНИЯ

С 1646 по 1914 г. территория России увеличилась с 14.1 до 21.8 млн км², или в 1.55 раза,² а население — с 7 до 178 млн человек, или в 25.4 раза. Территория европейской части страны за это время увеличилась с 4.1 до 4.8 млн км², а население — с 6.7 до 143.3 млн человек (табл. I.1). Только США опережали Россию по темпам роста населения: с 1790 по 1915 г. население США увеличилось с 3.9 млн до 100.5 млн,³ или в 25.8 раза, т. е. за 125 лет больше, чем в России за 266 лет. Все европейские страны по росту населения далеко отставали от России. Это привело к тому, что в 1760-е гг. Россия стала самым населенным государством в Европе. В 1762 г. на долю России приходилось 18% населения всей Европы (23.2 из 130.0 млн), в 1800 г. — 22% (39 из 175 млн), в 1850 г. — 27% (68.5 из 255 млн), в 1910 г. — 32% (161 из 505 млн).⁴ В 1914 г. на территории России в границах 1646 г. проживал 41% всего населения, а на присоединенной и захваченной территории — 59%.⁵

Таблица I.1
Рост населения Российской империи в XVII—начале XX в.

Год	Население в границах России 1646 г.			Население на присоединенной территории		Плотность населения в России, человек на 1 км ²					
	млн	млн	%	млн	%	в текущих границах	в границах 1646 г.	на присоединенной территории	Европейская Россия*	Европейская Россия**	Сибирь
1646	7.0	7.0	100			0.5	0.5		1.6	1.6	0.0
1678	11.2	9.6	85.7	1.6	14.3	0.8	0.7	5.3	1.7	1.7	0.0
1719	15.6	13.6	87.2	2.0	12.8	1.1	1.0	5.0	3.5	3.5	0.0
1762	23.2	18.1	78.0	5.1	22.0	1.6	1.3	—	5.2	5.2	0.1
1782	28.4	22.1	77.8	6.3	22.2	2.0	1.6	—	6.2	6.2	0.1
1796	37.4	23.8	63.6	13.6	36.4	2.3	1.7	5.4	7.5	7.5	0.1
1815	46.3	28.6	61.8	17.7	38.2	2.7	2.3	5.9	8.7	8.8	0.1
1858	74.5	40.8	54.8	33.7	45.2	4.1	2.9	8.2	12.4	12.4	0.2
1897	128.9	52.0	40.3	76.9	59.7	5.9	3.7	10.0	19.9	19.5	0.5
1914	178.4	73.0	40.9	105.4	59.1	8.2	5.2	13.7	29.9	26.6	0.8

* С Польшей, Финляндией, но без Северного Кавказа.

** Без Польши, Финляндии и Северного Кавказа.

Источники: Бушей А. (ред.). Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2. С. 58; Водарский Я. Е. 1) Население России за 400 лет (XVI—начало XX в.). М., 1973. С. 2—28; 2) Население России в конце XVII—начале XVIII века. М., 1977. С. 192—193; Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963. С. 159—165; Симоленко Г. Сравнительная статистика Царства Польского и других европейских стран. Варшава, 1879. Т. 1. С. 102. Приложение. С. 025—026; Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 1—3; Статистический ежегодник Финляндии 1916 г. Гельсингфорс, 1917. С. 8; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С. 33—62; Статистический ежегодник России 1916 г. М., 1918. Вып. 1. С. 85—86.

Из этого следует, что основным источником роста населения во второй половине XVII—начале XX в. были присоединения, завоевания и естественный прирост нерусского населения. Однако русские никогда не загоняли туземное население в резервации, не отбирали земли, находившиеся в хозяйственном обороте, ограничиваясь, как правило, пустующими участками. При этом представителям других этносов не запрещались миграции ни в пределах империи, ни за ее пределы, и они в такой же примерной степени переселялись на собственно русские земли, в какой русские переселялись на присоединенные. В 1897 г. на территории, инкорпорированной Россией после 1646 г., проживало 76.9 млн человек, из них лишь 12.2 млн, или 15.7%,

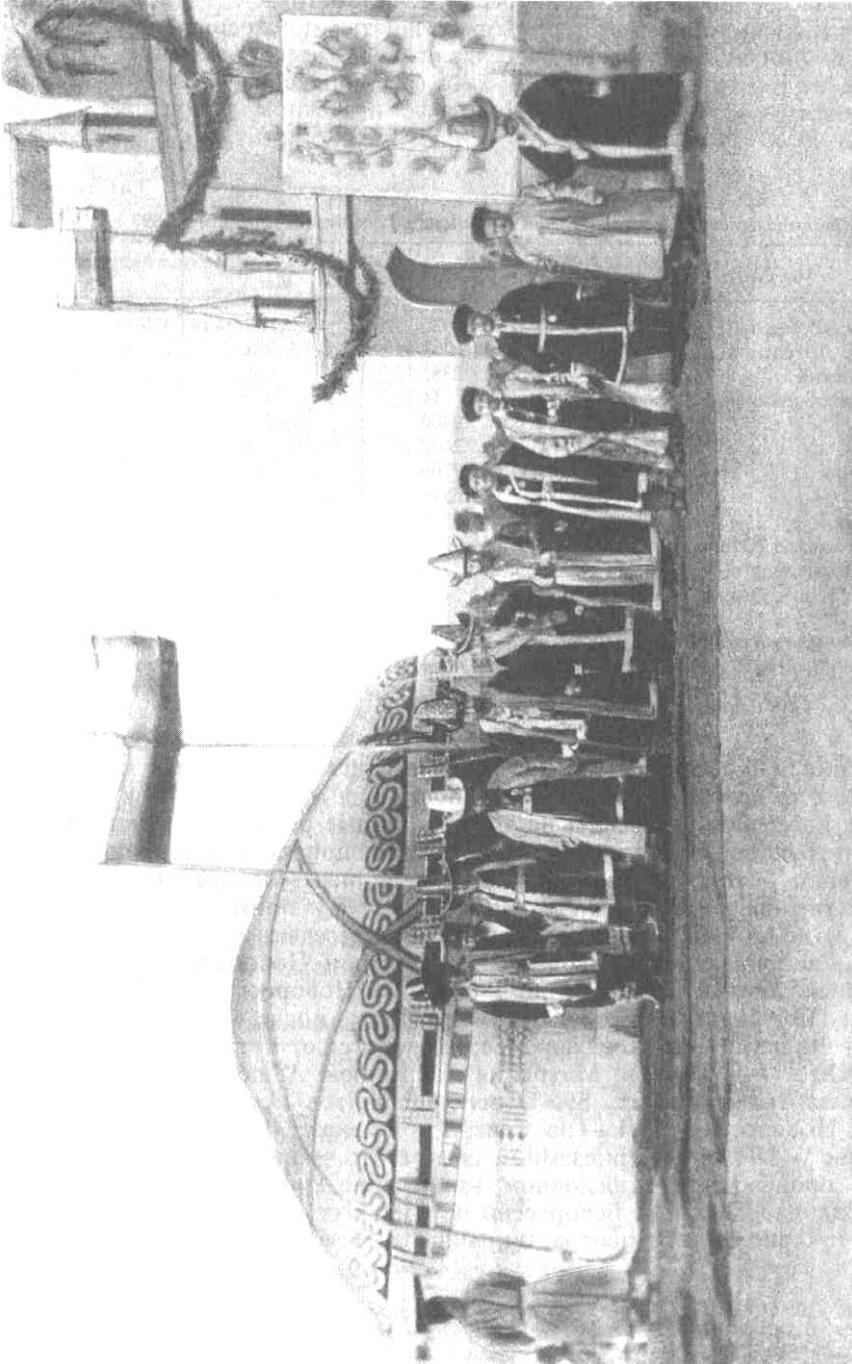

Рис. 1. Делугация от казахов приветствует наследника-цесаревича. Тургайская обл. 1891 г.

были русскими; на территории, заселенной до 1646 г., проживало 52.0 млн, из них 8.5 млн, или 16.3%, были нерусскими. В основном русские переселялись на незаселенные земли Новороссии, Юго-Востока, Северного Кавказа и Сибири и очень мало — на территории, занятые и освоенные другими народами. В Финляндии русские составляли 0.23% всего населения, в Польше — 2.8, на Кавказе — 4.3% и т. д., зато в Новороссии — 21.4%, на Северном Кавказе — 42.2, в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье — 57.9, Сибири — 76.8% (табл. I.2).

Таблица I.2
Распределение русского населения по районам Российской империи в 1897 г.

Район	Население, тыс.	Русские, тыс.	Русские, %
Бессарабская губерния	1935	156	8.1
Белорусско-литовский	10 063	566	5.6
Прибалтийский	2385	114	4.8
Левосторонняя Украина	17 134	1423	8.3
Польша	9400	267	2.8
Финляндия	2600	6	0.23
Средняя Азия	7700	588	7.6
Кавказ	5516	235	4.3
Новороссия	6296	1345	21.4
Нижнее Поволжье, Южное Приуралье	10 115	5858	57.9
Северный Кавказ	3784	1595	42.2
Сибирь	5759	4424	76.8
Итого в границах 1897 г.	82 687	16 577	20.0
В границах 1646 г.	45 594	3912	8.6

Источник: Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 2. С. 2—91.

По данным о темпах роста населения в отдельных районах можно более точно определить места выхода и поселения мигрантов: низкие темпы прироста населения указывали на то, что данные регионы служили источником мигрантов, наоборот, высокие темпы прироста населения свидетельствовали о том, что районы принимали переселенцев, при условии, что естественный прирост населения был всюду примерно одинаковым (табл. I.3). В XVIII в. основные потоки переселенцев, как и в XVI—XVII вв., направлялись в Черноземный центр и Поволжье, с 1780-х гг., после присоединения Крыма, и до 1861 г. — в Новороссию, в Нижнее Поволжье и Приуралье; в последней трети XIX в., после окончательного завоевания Кавказа, — в Предкавказье, Новороссию, а также в Сибирь; в начале XX в. — в Сибирь. Миграция в Среднюю Азию была ничтожной. В целом за 1678—1915 гг. 39.4% всех мигрантов поселились в Сибири, 23.5 — в Новороссии, 19.1 — на Северном Кавказе, 13.1 — в Поволжье и Приуралье и 4.9% — в Черноземном центре. До эмансипации 1861 г. переселенцы происходили в основном из нечерноземных губерний Севера, Северо-Запада, Центра и Белоруссии. С 1860-х гг. к ним добавились мигранты из Черноземного центра, Украины и Поволжья.

Таблица I.3
Среднегодовой прирост населения по районам России в XVIII—начале XX в. (в %)

Район*	1678—1719 гг.	1719—1782 гг.	1782—1857 гг.	1867—1897 гг.	1897—1914 гг.
1. Север	0.26	0.42	0.56	0.97	1.63
2. Северо-Запад	0.65	0.72	0.47	1.61	1.80
3. Нечерноземный центр	0.47	0.40	0.36	0.74	1.77
4. Прибалтийский	—	0.81	0.53	0.77	1.45
5. Белорусско-литовский	1.72**	1.13**	0.17***	1.69	1.76
6. Северное Приуралье	0.26	1.14	1.16	1.01	1.68
7. Черноземный центр	1.11	0.88	0.71	0.81	1.95
8. Левобережная Украина	1.11	1.02	0.38	1.27	1.85
9. Правобережная Украина	—	—	0.55***	1.78	1.84
10. Среднее Поволжье	1.84	0.81	0.82	0.84	1.72
11. Нижнее Поволжье, Южное Приуралье	1.84	2.33	1.83	1.63	1.97
12. Новороссия	—	3.53	2.03	2.40	2.01
13. Северный Кавказ	—	—	3.23	3.23	2.47
14. Сибирь	2.19	1.32	1.21	4.86	3.30
В среднем	0.78	0.96	0.99	1.54	1.94

Данные табл. I.4 дают представление о количестве переселенцев по различным направлениям миграций.

* Районы включали следующие губернии в границах 1897 г.: 1 — Архангельская, Вологодская, Олонекская; 2 — Новгородская, Псковская, С.-Петербургская; 3 — Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Тверская, Ярославская; 4 — Курляндская, Лифляндская, Эстляндская; 5 — Виленская, Гродненская, Ковенская, Витебская, Минская, Могилевская, Смоленская; 6 — Вятская, Пермская; 7 — Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская; 8 — Полтавская, Харьковская, Черниговская; 9 — Волынская, Киевская, Подольская; 10 — Казанская, Пензенская, Саратовская, Симбирская; 11 — Астраханская, Оренбургская, Самарская, Уфимская; 12 — Бессарабская, Донская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская; 13 — Кубанская, Ставропольская, Терская, Черноморская; 14 — Амурская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская, Приморская, Тобольская, Томская, Якутская.

** Данные относятся к Смоленской губернии. *** 1795—1858 гг.
Источники: *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII—начале XVIII века. С. 152; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. С. 164—165; *Яцунский В. К.* Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг. // ИСССР. 1957. № 1. С. 192—224; Статистический ежегодник России 1916 г. Вып. 1. С. 25—51.

Таблица I.4
Численность переселенцев по районам вселения в 1678—1915 гг. (в тыс.)

Район вселения	1678—1740 гг.	1740—1782 гг.	1782—1858 гг.	1870—1896 гг.	1897—1915 гг.	1678—1915 гг.
Черноземный центр	260	370	—	—	—	630
Север, Сибирь и Казань	90	—	517	926	3520	5053
Новороссия	—	135	1510	1045	333	3023
Поволжье и Приуралье	—	270	968	358	80	1676
Северный Кавказ	—	—	565	1687	296	2448
Итого	350	775	3560	4016	4229	12 830

Источники: *Бескровный Л. Г. и др.* Миграции населения России в XVII—начале XX в. // *Колесников А. Д.* (ред.). Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1982. С. 26—32; *Брук С. И., Кабузан В. М.* Миграция населения в России в XVIII—начале XX века // ИСССР. 1984. № 4. С. 41—59.

Рис. 2. Вид чайханы в Бухаре.
1902 г.

Рис. 3. Женщины в чадрах с
детьми и мужчины-грузчики на
торговой улице. Баку. 1905 г.

По национальному составу среди мигрантов преобладали русские, затем украинцы и белорусы. Представителей остальных народов было мало. Общее число переселенцев за 237 лет, 1678—1915 гг., оценивается в 12.8 млн человек, в том числе за 180 лет, в 1678—1858 гг., — 4.7 млн и за 57 лет, в 1858—1915 гг., — 8.1 млн. Значит, в среднем в год мигрировали в 1678—1858 гг. 26 тыс. человек, в 1858—1915 гг. — 143 тыс. человек. Среднегодовая численность населения России за 1678—1858 гг. составила 32 млн человек, в 1858—1915 гг. — 118 млн, следовательно, в среднем в год переселялось в 1678—1858 гг. 0.08% и в 1858—1915 гг. — 1.2% всех жителей страны. Широко распространенное представление о том, что население России **всегда** было очень подвижным, не соответствует действительности для периода с 1678 по 1858 г., когда в России существовало крепостное право, но, вероятно, справедливо для времени до середины

XVII в. и в меньшей степени — для пореформенного периода. Например, по данным переписей (писцовых книг), в некоторых уездах в мирный и благоприятный в экономическом отношении период между 1498 и 1539 гг. только около 30% крестьян оставались в домах своих отцов или поселялись в ближайшем соседстве, 36% переехали в другие селения данного уезда и 20% выселились за пределы своего уезда (о судьбе остальных нет данных). В годы кризиса, 1539—1576 гг., за пределы уезда выселилось до 60% крестьян.⁶

После 1646 г. плотность населения стала расти повсеместно, в районах как старого, так и нового заселения. Окончательное закрепощение населения в 1649 г. затормозило мощное переселенческое движение, начавшееся в середине XVI в. Колонизация возобновилась с новой силой после эмансипации, поглощая около 77% естественного прироста населения страны, что замедлило рост плотности населения в районах старого заселения, но не остановило его совсем.

Число сельских поселений в России в течение XVIII—начала XX в. увеличивалось, в то время как в Западной Европе оно уменьшалось (в США и Канаде начиная с XIX в.).⁷ Это говорит о том, что процесс внутреннего освоения земель в России не закончился вплоть до 1917 г., а в западных странах он завершился к началу промышленной революции в середине

XVIII в. Кроме факта освобождения от крепостной зависимости большую роль в усилении колонизации играло возникшее аграрное переселение в освоенных к середине XIX в. черноземных губерниях.

Хотя и до середины XVII в. Россия, как практически все европейские государства, была многонациональна, однако территориальная экспансия привела к тому, что Россия превратилась в многонациональную империю, в которой «титовальная» нация оказалась в меньшинстве. В 1646 г. на долю русских приходилось около 95% всего населения страны, к 1917 г. — 44.6%. В составе империи насчитывалось около 200 больших и малых народов, различных по религии, языку и культуре,⁸ на долю которых приходилось 55.4% населения (табл. I.5).

Таблица I.5
Этнический состав населения России в 1719—1914 гг. (в %)

Народ	1719 г.	1762 г.	1795 г.	1857 г.	1914 г.
Русские	70.7	62.3	48.9	45.9	44.6
Украинцы	12.9	14.6	19.8	17.1	18.1
Белорусы	2.4	6.7	8.3	5.3	4.0
Эстонцы	2.0	1.7	1.2	0.9	0.7
Татары	1.9	3.3	1.9	2.6	1.8
Чуваши	1.4	1.2	0.9	0.7	0.6
Калмыки	1.3	0.3	0.2	0.2	0.1

Таблица I.5 (продолжение)

Народ	1719 г.	1762 г.	1795 г.	1857 г.	1914 г.
Башкиры	1.1	0.6	0.5	0.8	1.0
Латыши	1.0	1.3	1.8	1.3	1.0
Финны	1.0	2.7	2.2	2.2	1.0
Мордва	0.7	0.9	0.8	0.9	0.7
Немцы	0.2	0.2	0.6	1.1	1.4
Поляки	—	0.2	6.2	5.3	6.5
Евреи	—	0.2	1.4	2.7	4.2
Казахи	—	—	—	2.2	2.7
Армяне	—	—	—	—	1.2
Азербайджанцы	—	—	—	—	1.2
Узбеки	—	—	—	—	1.2
Литовцы	—	—	2.0	1.6	1.0
Грузины	—	—	—	—	1.0
Молдаване	—	0.5	0.5	1.0	0.7
Другие	3.4	3.3	2.8	8.2	5.3
Итого, %	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
Итого, млн	15.7	23.6	41.2	75.9	171.8

Источники: Кабузан В. М. 1) Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М., 1990. С. 230; 2) Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. С. 125; Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика этнического состава населения России в эпоху империализма (конец XIX—1917 г.) // ИСССР. 1980. № 3. С. 74—93.

ФАКТОРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

Что стимулировало территориальную экспансию России во второй половине XVII—начале XX в.? В первую очередь геополитические соображения: обеспечить прочные границы, обрести незамерзающие порты, воспрепятствовать захвату пограничных территорий соперниками или включить их в сферу своего влияния. Правящая элита рассматривала Россию законной наследницей и преемницей Киевской Руси и Золотой Орды и стремилась «собрать русские земли», которые в XI—XII вв. входили в состав Киевской Руси, а в XIII—XVI вв. — в состав Золотой Орды, под скипетр русского царя.⁹ Следует согласиться со швейцарским историком А. Каппелером в том, что вплоть до конца XIX в. российская экспансия определялась преимущественно стратегическими и внешнеполитическими, а не экономическими соображениями, и с американским историком Р. Меллором в том, что «Россия приобретала лишь то, на что другие государства не претендовали, или то, что они не могли захватить».¹⁰ Движение к Черному морю в первую очередь диктовалось стремлением укрепить южные границы и покончить с набегами крымских татар, которые захватывали в плен русских и продавали их в рабство. За XVI—XVIII вв. они захватили в плен сотни тысяч русских и продали их в рабство в Стамбуле.¹¹ По свидетельству французского посла в России Л.-Ф. Сегюра, Екатерина II жаловалась Вольтеру, что татары «ежегодно заносили в Россию чуму и голод, истребляли и забирали в плен по 20 000 человек в год».¹² Движение к Балтийскому морю обуславливалось желанием иметь порты для экономических и культурных связей с Западной Европой.

Аннексия Северного Кавказа и Закавказья не может быть понята вне контекста войн с Ираном и Османской империей, аннексия Казахстана и Средней Азии — вне контекста противостояния между Россией и Великобританией и поражения России в Крымской войне 1853—1856 гг., аннексия Дальнего Востока — вне контекста противоречий между Россией, с одной

Рис. 4. Мемориал «В память победы над татарами 1552 г.: памятник по убиенным при взятии Казани», архитектор Н. Ф. Алферов, сооружен в 1823 г. Казань

стороны, и Великобританией, Францией, США и Японией, с другой. Только в практически незаселенную Сибирь (в момент ее присоединения в первой половине XVII в. на территории площадью в 10 млн км² проживало примерно 200 тыс. человек коренного населения)¹³ русских влекла исключительно возможность воспользоваться ее природными богатствами; движение на Дальний Восток и в Среднюю Азию отчасти стимулировалось также стремлением получить источники сырья и рынки сбыта. Во всех других случаях стратегические соображения доминировали.¹⁴

Что же касается собственно колонизации, то она, как это ни парадоксально, стимулировалась возникновением **относительного аграрного перенаселения**. Основная экономическая причина переселений в России, как и всюду, состояла в возникновении относительного аграрного перенаселения и вызываемого им кризиса системы хозяйства, какой бы она ни была. Дело в том, что каждой системе хозяйства соответствует предельная плотность населения, могущего найти себе в условиях данного строя хозяйства необходимые средства существования.¹⁵ При достижении этого предела наступает аграрное перенаселение — относительный недостаток земли, выход из которого возможен либо путем перехода к более интенсивному хозяйству, либо с помощью переселения. Переход к новой системе земледелия требует времени, знаний, средств и психологической перестройки, к этому способу население обращается лишь тогда, когда отсутствует возможность переселения. У населения России почти всегда существовала возможность для колонизации — вот почему оно чаще всего обращалось именно к переселению, а не к интенсификации земледелия.¹⁶

О том, что именно относительное перенаселение являлось важнейшим фактором земледельческой колонизации, говорят следующие данные. С 1860-х гг. основными губерниями выхода крестьянства являлись те губернии, где земельная теснота достигла такой остроты, что даже зажиточные крестьяне страдали от малоземелья, — это черноземные центрально-земледельческие,

украинские и средневолжские губернии старого заселения. Из них в 1870—1896 гг. выселились 3,4 млн человек, что составляло 12,2% сельского населения этих губерний в 1897 г. и около 87% всех российских переселенцев.¹⁷ Аграрное перенаселение больше ощущалось до эмансипации в районах господства крепостничества, после — в районах бывшего крепостничества, потому что крепостное право затрудняло свободные переселения крестьянства.

Стимулировало колонизацию и то обстоятельство, что районы вселения в отношении природных условий были весьма похожи на районы выселений: мигранты весьма редко идут в районы с новой, непривычной природной средой.

В массовом сознании крестьянства XVIII—XIX вв. обнаруживается *миграционная парадигма*, которая делала крестьянина психологически подготовленным для переселения. Учитывая привязанность крестьянина к родине, это служило весьма существенной предпосылкой массовых миграций. Крестьяне идеализировали акт миграции, рассматривая его как уход от несправедливой «новизны» и перенесение на новое место справедливой «старинь», как поиск рая на земле на далеких землях. Легенда о Беловодье — земле, где человека ожидает полное благополучие и свобода, бытовала среди крестьян до начала XX в.¹⁸ Происхождение этой парадигмы, возможно, уходит корнями в раскол русской православной церкви в середине XVII в., совпавший по времени с окончательным утверждением частновладельческого крепостного права. Раскольники уходили на новые места, скрываясь от преследований властей, крестьяне бежали на новые места в поисках спасения от крепостного права. На этом фоне и могла родиться парадигма миграции. В то же время ее утверждал сам факт постоянной колонизации.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ И НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Итак, территориальная экспансия имела тот фундаментальный результат, что превратила Россию в многонациональную империю и породила острые национальные конфликты. Накануне своего крушения в 1917 г. Россия была в политическом смысле унитарным, централизованным государством, полную автономию имели только Финляндия, Бухара, Хива и Урянхайский край, или Тува.¹⁹ Одна часть территории России оказалась в составе империи в результате завоевания (Прибалтика, Польша, Финляндия, Северный Кавказ, Средняя Азия), другая — была присоединена по договору (Левобережная Украина, Грузия, Бессарабия, некоторые земли Азербайджана и Казахстана), третья часть была инкорпорирована в ходе хозяйственной колонизации (Север, некоторые земли Поволжья и Сибири). Все государства мира в XVIII—начале XX в. использовали указанные способы увеличения своей территории, так как все они в то время признавались международным правом. Например, США в результате войны с Мексикой в 1846—1847 гг. захватили 1,36 млн км² (более половины первоначальной территории Мексики), на которой впоследствии разместились 7 штатов.²⁰

Полный императорский титул отражал рост Российского государства, законность завоеваний и присоединений, так как признавался всеми государствами, с которыми Россия имела дипломатические отношения. Напомним этот титул: «Божиею поспешествующею милостью, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигаль-

Рис. 5. Сарыкские ханы и старшины, приезжавшие в Ашхабад для изъявления лояльности Александру III от имени туркменского племени сарыков. 1884 г.

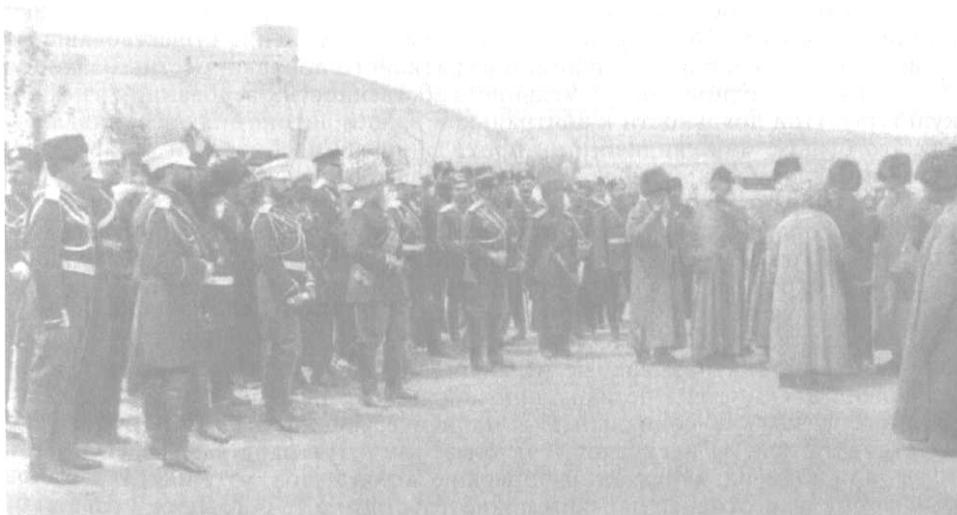

Рис. 6. Присяга на подданство России сарыкских ханов в присутствии главнокомандующего кн. А. М. Дондукова-Корсакова и всех представителей местной власти. 1884 г.

ский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северныя страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменские; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая».²¹ Единство империи обеспечивалось и олицетворялось императором и клятвой на верность со стороны местных элит. Восшествие на престол каждого нового императора сопровождалось личной клятвой всего населения империи.

Принципы национальной политики

С народами, имевшими государственность, заключался формальный договор. С теми же, кто ее не имел, дело ограничивалось принесением присяги на верность русскому царю. При добровольном присоединении отношения между государствами строились в соответствии с договором, который, однако, не создавал федерации: присоединение осуществлялось в форме протектората, переходившего со временем в полное подчинение. Иначе решался вопрос при завоевании. В этом случае административное и общественное устройство завоеванных областей зависело от воли России, которая обычно предоставляла завоеванной области широкую автономию, однако не приводившую к ее обособлению в отдельное государство. Степень автономии зависела от многих обстоятельств. Но первым основным принципом политики на инкорпорированных территориях являлось сохранение существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры. При лояльности к центральной власти автономия увеличивалась, как это было с Финляндией, при проявлении враждебности и сепаратизма автономия сужалась, как это было с Польшей после восстаний 1830 и 1863 гг. Проходило несколько десятилетий, иногда столетий, прежде чем вводились общероссийские порядки, но вплоть до 1917 г. полной административной, общественной и правовой унификации в так называемых национальных окраинах и великороссийских губерниях не произошло. Проиллюстрируем сказанное на примере Казахстана. Длительное политическое доминирование русских в Казахстане (большая часть территории, населенная казахами, так называемые Младший Жуз и Средний Жуз, была присоединена в 1730-е гг.) не нарушило образа жизни и не подорвало традиционные казахские социальные и политические институты. Продолжали действовать советы аксакалов, суд биев, институт рабства, разделение на жузы, или племена, курултай, избиравшие ханов жузов, хотя институт ханов был формально отменен царским правительством в 1824 г. Даже в советское время, несмотря на то что все традиционные институты были формально отменены, они фактически продолжали действовать, а после распада СССР они переживают возрождение.²²

Вторым, после уважения статус-кво, краеугольным принципом национальной политики являлось широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства, что облегчало для центральной власти управление новой территорией. Типичный пример дает Левобережная Украина, присоединение которой произошло без особых осложнений благодаря тому, что

Рис. 7. Традиционный суд, Казахстан. 1900-е гг.

украинская элита вошла в состав российского дворянства на равных с ним правах.²³

Третий основной принцип национальной политики состоял в создании некоторых преимуществ в правовом положении нерусских сравнительно с русскими. Даже евреи, хотя и проживали в черте оседлости и подвергались другим дискриминационным мерам, не закрепощались, не рекрутировались в армию, за исключением 1827—1856 гг., наравне с русскими, имели налоговые льготы и др. Процент евреев в гимназиях составлял в 1865 г. — 3.3%, в 1870 г. — 5.6%, в 1877 г. — 10%, в 1881 г. — 12.3%, но в последующие годы стал снижаться. То же наблюдалось и в высшей школе: в 1881 г. процент студентов еврейской национальности составлял в 1881 г. 8.8%, в 1886 г. — 14.5%, в 1907 г. — 12.1%, в 1911 г. — 9.4%. В черте еврейской оседлости еще в 1880-е гг. евреи преобладали на некоторых факультетах, например медицинском и юридическом: в 1886 г. на медицинском факультете Харьковского университета доля евреев составляла 41.5%, Одесского университета — 30.7%, а на юридическом — 41.2%.²⁴ Крещеные евреи имели те же права, что и русские,²⁵ и иногда делали исключительную карьеру на светской, военной или религиозной службе. Среди евреев известны генералы, адмиралы, министры и даже епископы. Например, внук крещеного еврея Александр Кржижановский (1796—1863) стал архиепископом.²⁶ Центральное правительство гарантировало личную свободу платящим ясак крестьянам, пастухам и охотникам, запрещая их закрепощать, как русских свободных крестьян. Поэтому нерусские народы, у которых до присоединения к России не было крепостнических отношений, так и не узнали, что это такое. До введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. большинство нерусских народов было освобождено от тяжелой рекрутчины. В 1881 г. к отбыванию повинности в облегченном виде было привлечено население Финляндии, в 1887 г. — Кавказа (в облегченном виде), но по-прежнему были освобождены от нее многие народы Сибири, Средней Азии и Европейского Севера. Сказанное не озна-

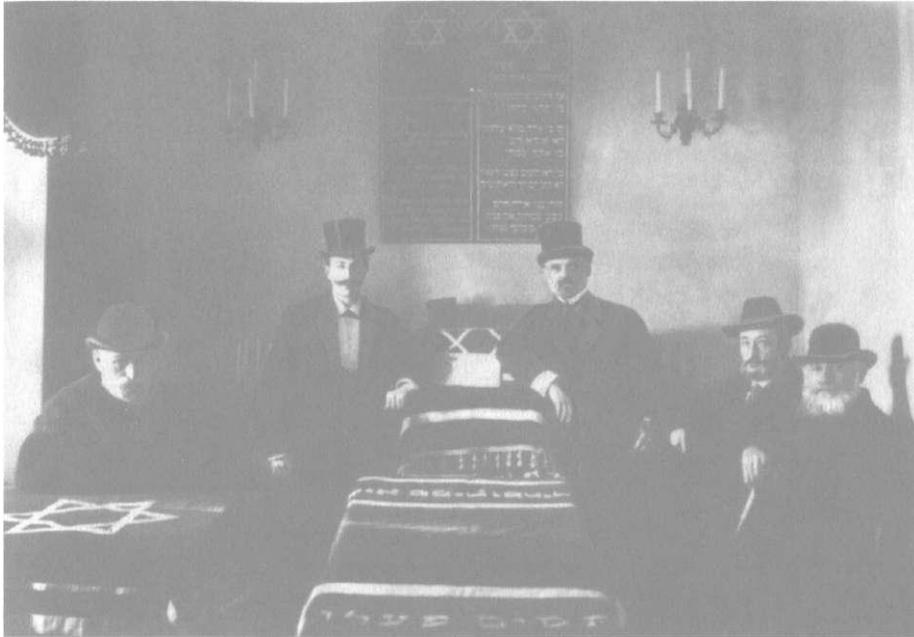

Рис. 8. Группа евреев в синагоге Николаевского военного госпиталя. С.-Петербург. 1914 г.

чает, что представители национальных меньшинств не испытывали притеснений со стороны коронной администрации, а указывает лишь на тот факт, что русские в этом отношении имели перед ними некоторое «преимущество». Статус «инородца», введенный в сословном законодательстве в 1822 г., не заключал в себе ничего унижающего и обидного. Он распространялся на малые народы Сибири, Европейского Севера, Кавказа, калмыков, впоследствии — на народы Казахстана. Инородцы подразделялись на оседлых, кочевых и бродячих, крещеных и некрещеных. Хотя в правовом положении каждой группы имелись некоторые особенности, все они по своим правам приближались до 1860-х гг. к государственным крестьянам, после — к сельским обывателям и управлялись «по законам и обычаям, каждому племени свойственным». Их элита признавалась за «почетных инородцев» и на время пребывания в должности получала соответствующий чин точно так же, как это практиковалось в отношении «природных обывателей», и ей был открыт доступ в дворянство. Оседлые инородцы могли переходить в любое из сословий империи. Сложное положение некоторых нерусских народов, на пример малых народов Сибири, в котором они оказались к началу XX в., объяснялось не столько притеснениями со стороны русских, сколько трудностями адаптации к европейской культуре, носителями которой являлись русские.²⁷

Согласно четвертому принципу национальной политики, этнические и национальные критерии, хотя и принимались во внимание, но по существу не мешали продвижению по социальной лестнице. Благодаря этому между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь, а политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными, включавшими протестантов-немцев и финнов, татар-мусульман, католиков-поляков и представителей многочисленных нерусских народов. Доля нерусских среди чиновников в 1730 г. составляла 30%, в 1850-е гг.—

16%.²⁸ В 1894—1914 гг. среди 215 членов Государственного совета — высшего законосовещательного органа до 1907 г. и второй палаты Государственной думы с 1907 г., часть членов которой назначалась императором, насчитывалось по крайней мере 12.1% лиц неправославного исповедания и, следовательно, нерусских. Из 568 лиц, занимавших высшие посты в центральном и региональном управленческом аппарате имперской администрации в 1903 г., свыше 10% относились к неправославным, главным образом к лютеранам и католикам, а из 6 тыс. в 1913 г. — от 10 до 15%. Всего в составе высшей бюрократии доля неправославных и, значит, нерусских составляла в 1825 г. — 11.1%, в 1853 г. — 32.7%, в 1917 г. — 11.8%.²⁹ В офицерском корпусе в 1867—1868 гг. 23% всех офицеров были неправославными, в том числе среди полных генералов на долю протестантов приходилось не менее 27%, в 1903 г. — соответственно 18 и 15%, в 1912 г. доля неправославных офицеров понизилась до 11%, а среди генералов повысилась до 20%.³⁰ Вплоть до 1917 г. лояльность трону, профессионализм и знатное происхождение ценились гораздо выше, чем этническая или конфессиональная принадлежность.³¹

Составной частью национальной политики являлось то, что правительство с помощью налоговой системы намеренно поддерживало такое положение в империи, чтобы материальный уровень жизни нерусских, проживавших в национальных окраинах, был выше, чем собственно русских, нерусские народы всегда платили меньшие налоги и пользовались льготами (табл. I.6).

Таблица I.6
Среднегодовые государственные доходы и расходы в 1892—1895 гг. и среднегодовые прямые налоги на душу населения в 1886—1895 гг. по группам губерний России без Финляндии и Средней Азии

Группа губерний*	Население, тыс.	Доходы, тыс. р.**	Расходы, тыс. р.**	Доход на д. н., коп.	Расход на д. н., коп.	Разница, коп.	Прямой налог на д. н., коп.
10 Привислинских	9443	99 425	48 069	10.53	5.09	5.44	1.35
3 Прибалтийских	2386	46 143	14 634	19.34	6.13	13.21	1.73
6 Украинских	17 221	130 827	64 611	7.60	3.75	3.85	1.27
Бессарабская	1936	8919	5443	4.61	2.81	1.80	1.42
7 Литовско-Белорусских	11 676	50 493	53 187	4.32	4.56	-0.24	1.14
6 Кавказских	5995	40 983	48 442	6.84	8.08	-1.24	0.79
3 Предкавказских	3729	13 465	11 616	3.61	3.12	0.49	0.53
3 Причерноморских	6282	72 073	37 654	11.47	5.99	5.48	1.49
Всего 39 губерний***	58 668	462 328	283 656	7.88	4.83	3.05	1.22
30 великорусских губерний	52 578	388 706	195 306	7.39	3.71	3.68	1.72
С.-Петербургская	2105	208 520	394 600	99.06	187.46	-88.4	7.21
31 великорусская губерния	54 683	597 226	589 906	10.92	10.79	0.13	1.91
Итого 70 губерний	113 351	1 059 554	873 562	9.35	7.71	1.64	1.55

Как видно из данных табл. I.6, в 1886—1895 гг. преимущественно нерусское население 39 губерний платило в год 1.22 р. налогов, в то время как население 31 великорусской губернии — 1.91 р., или на 59% больше. Исключений не было: во всех районах, заселенных преимущественно нерусским населением и подчиненных общероссийской налоговой системе, прямые налоги были меньше. В Финляндии и среднеазиатских автономиях существовали свои налоговые системы. То же следует сказать и о косвенных налогах. В результате общая сумма государственных доходов на душу населения в 31 великорусской губернии была на 39% выше, чем в остальных 39 губерниях (10.92 р. против 7.88 р.). «Инородцы обложены гораздо ниже русских», — верно констатировал известный финансист Н. П. Яснопольский, правда, не объясняя причину этого парадокса. Напротив, государственные расходы в 30 великорусских губерниях были меньше — 3.71 р. против 4.83 р. Это обеспечивало дополнительный финансовый поток (деньги предназначались на оплату услуг и закупки товаров местного производства для расположенной там армии) из центра в губернии, заселенные нерусским населением, и давало ему возможность воспользоваться этими средствами для удовлетворения своих потребностей.

Обращает на себя внимание региональный дефицит бюджета в Бело-русско-Литовском и Кавказском регионах, что было обусловлено их пограничным положением. Центральное правительство расходовало значительные суммы на армию, что стимулировало экономическое развитие этих регионов. Дефицит в С.-Петербургской губернии объяснялся большими расходами на центральное управление, двор и гвардию.

Районы, находившиеся на периферии Российской империи, имели некоторые преимущества для своего развития сравнительно с центральными российскими регионами благодаря налоговым льготам, освобождению от воинской повинности, удобному географическому положению на границе или у моря.³² Опасение сепаратизма вынуждало центральное правительство поддерживать это ненормальное для истинно колониальной державы положение.

Следует также отметить, что, как только оканчивалось очередное «покорение» той или иной земли, поведение русских по отношению к другим народам характеризовалось терпимостью и восприимчивостью к чужому, исключая, может быть, только евреев. Установка «мы» — русские и «они» — нерусские никогда не имела у русских, в особенности у крестьянства, столь абсолютного значения, как у большинства европейских народов. Под словом «мы» русские признавали не только этнически чистых русских, но и соседей, если они подчинялись русскому царю. Что же касается православных единоверцев, то русские не противопоставляли их друг другу, ибо два основных критерия национальности господствовали в сознании русского народа — принадлежность к православию и подчиненность православному русскому царю.³³ Разумеется, отношения между русскими и нерусскими не были идиллическими (таких отношений не наблюдалось и среди представителей одного народа, особенно если они принадлежали к разным сословиям), но они в принципе развивались в русле партнерства и добрососедства, исключение составляли поляки и некрещеные евреи. Экономическая выгода и христианское миссионерство в российской экспансии были выражены намного слабее, чем в политике морских держав Западной Европы, и, наоборот, факторы безопасности и сотрудничества с туземным населением — больше. Причина состояла в большей географической, исторической, культурной и религиозной близости между русскими и нерусскими, чем между западными европейцами и колониальными народами Америки, Азии и Африки. В российском варианте нерусские этносы находились по соседству, русские давно были с ними в контакте, образ жизни и верования между русскими и нерусскими имели больше сходства.³⁴ Отказ правящих верхов от

Рис. 9. Жертвы армяно-татарского погрома в Баку. 1905 г.

идеи превращения великорусской нации в господствующую также способствовал добрососедским отношениям между русским и нерусскими народами.

Перечисленные принципы национальной политики оставались общими для всего периода империи, но их реализация в существенной степени зависела от отношения к русскому господству со стороны элиты инкорпорированного народа и других факторов. Во-первых, важную роль играли традиции государственности и высоко развитой культуры, т. е. имел или не имел народ до присоединения свою территорию, границы, признаваемые мировым сообществом, администрацию, писанные законы, письменность, искусство, литературу и т. д. Эти традиции влияли как на политику российского правительства, так и на поведение национального меньшинства. Яркий пример — Польша и Финляндия. Польша имела традиции государственности, Финляндия — нет. В результате в одном случае — непрерывная война, закончившаяся разрывом, во втором — сотрудничество, закончившееся мирным разводом. Во-вторых, существенное значение имело сходство или различие религий и культур. Сравнительно мало проблем русскому правительству доставляли Грузия, Армения, Украина, Белоруссия и Молдавия и очень много — мусульманские народы. Христианские народы, за исключением поляков, оказывали несравненно меньшее сопротивление русской экспансии, чем исламские. В течение XVII—XVIII вв. четыре раза восставали башкиры с намерением перейти в подданство то сибирского хана, то Турции. Во время восстаний объявлялась «священная война» против русских, подвергались разорению сотни русских деревень, множество крестьян захватывалось в плен и продавалось в рабство.³⁵ Северный Кавказ также был присоединен к России после длительной и изнурительной войны. За покорение Кавказа Россия заплатила жизнями 200 тыс. своих солдат. Горское население неоднократно поднимало восстания. 25 лет (1834—1859) продолжалась война с созданным Шамилем имаматом на территории горного Дагестана и Чечни. О непримиримости горцев свидетельствовал не только

объявленный ими газават, но и тот факт, что после покорения Кавказа около 400 тыс. человек эмигрировали в Турцию (при содействии русского правительства).³⁶ Завоевание Средней Азии тоже сопровождалось большим кровопролитием с обеих сторон, уличными боями при взятии среднеазиатских городов и объявлением «священной войны» русским (например, бухарский эмир объявлял газават в 1868 г.). В-третьих, важен был способ присоединения, наличие международного признания или, наоборот, непризнания присоединения. Завоевание, хотя и считалось законным способом расширения территории, создавало больше проблем, чем мирное присоединение или колонизация. Россия не воевала с финнами, эстонцами, латышами, литовцами, белорусами, украинцами и молдаванами. Их земли перешли как военный трофей от тех, кто господствовал там до прихода русских. Для них присоединение к России означало только смену патрона, что облегчало восприятие русского владычества, примиряло с ним и способствовало мирному вхождению в состав России. Наконец, нерусское население принимало во внимание потери и приобретения от присоединения. Для Грузии, Армении, Левобережной Украины присоединение к России казалось наименьшим злом, а для кавказских горцев, среднеазиатских ханств — наибольшим. Подчеркну, что в данном случае более существенно не то, как это было на самом деле, объективно, а как казалось присоединенному народу, точнее — его элите.

Как показывает история России, национальный вопрос был для страны трудной проблемой. Однако иногда его решение бывало успешным. Был удачно в конце концов решен башкирский вопрос. Правительство ограничило расхищение земель, остановило начавшееся распространение крепостного права на башкир, в 1786 г. освободило их от уплаты ясака, а в 1798 г. превратило их в свободное военно-казачье сословие. В 1863—1865 гг. башкиры получили статус свободных сельских обывателей, на них были распространены реформы и русское законодательство, в низших административных единицах разрешалось ведение дел на родном языке. Впоследствии, вплоть до 1917 г., среди башкир сепаратистского движения не возникало.³⁷ Удачно был решен финляндский вопрос: финны, удовлетворенные полученной автономией, до изменения курса национальной политики в 1860-е гг. и особенно до нарушения русским правительством статус-кво в 1890-е гг. не доставляли большого беспокойства центральному правительству.³⁸

Но автономия удовлетворяла не всех. Польша дает пример того, как большая автономия, либеральное политическое устройство, намного более прогрессивное сравнительно с тем, которым обладала собственно Россия, не принесли успокоения в умы завоеванного народа. Чем это можно объяснить? С одной стороны, тысячелетняя традиция государственности, история, отмеченная многими достижениями, католицизм, чувство превосходства над победителем не позволили польскому народу примириться с утратой суверенитета. С другой стороны, как мне кажется, форсированное Россией государственное строительство в Польше в 1815 г. создало такое положение, что Россия — творец польской государственности — стала практически не нужна полякам после того, как новое польское государство было ею создано. Поляки поторопились избавиться от ненужной опеки.³⁹

Два этапа в национальной политике и причины смены курса в 1863 г.

В национальной политике российского правительства можно выделить два этапа — до и после 1863 г. с переходным между ними периодом между 1830 и 1863 гг. До 1830 г. политика была толерантной к национальным особенностям и прагматической. Приоритетами являлись социальная стабильность, внутренняя и внешняя безопасность. Если они подвергались угрозе

со стороны националистов, то правительство прибегало к энергичному вмешательству с использованием всех доступных средств, включая военную силу. Если же нерусские элиты проявляли лояльность и обеспечивали социально-политическую лояльность своих регионов, их принимали в качестве партнеров. После польского восстания 1830 г. политика стала более жесткой, но только в западных землях, Дагестане и Чечне она приняла форму репрессии и была направлена на ликвидацию их административно-политической автономии. До второго польского восстания 1863 г. национальная политика не имела культурно-языковой направленности, а ее жесткость проявлялась лишь в отношении польских сепаратистов и тех, кто их поддержал; в остальных национальных регионах сохранялся прежний курс. Достаточно сказать, что крепостное право сначала было ограничено или отменено в Латвии, Эстонии, Молдавии, Белоруссии и на Украине, а потом только у русских крестьян. Самые большие выкупные платежи за землю в 1861 г. были назначены русским крестьянам.

С 1863 г. курс на административную интеграцию национальных окраин в состав империи стал всеобщим и форсированным и к нему добавилась языково-культурная унификация в форме русификации. Следует отметить, что этот курс был созвучен настроениям, преобладавшим в русском обществе, а также и пробудившемуся русскому национальному самосознанию и в свою очередь способствовал его мобилизации. Проявлением новой национальной политики явились жестокое подавление польского восстания, меры, направленные на полную унификацию Западных земель и Закавказья (с 1860-х гг.), Балтийских губерний (с 1880-х гг.) и Финляндии (с 1890-х гг.), наступление на особое привилегированное положение балтийских немцев (с 1860-х гг.). Интеграционная политика выражалась в денационализации школы, в ограничениях на издания газет, журналов и книг на родном языке, доступа в гимназии и университеты. Например, в 1863 г. было запрещено печатание книг и преподавание на литовском языке в школах, в 1867 г. аналогичный закон был принят в отношении белорусского языка. На украинском языке запрещались издания книг для народа и сценические постановки. Были вновь предприняты попытки христианизации татар, чувашей, марийцев и удмуртов, правительство организовывало переселения русских в горячие точки, чтобы усилить русский элемент среди населения.

Юдо-, армяно- и германофобии противоречили стремлению центрального правительства к полной правовой, административной и культурной интеграции империи и в принципе не поддерживались им. Евреи и отчасти армяне и немцы по инициативе снизу превращались в «козлов отпущения», на которых сваливалась ответственность за все социальные и экономические проблемы, вызванные ускоренной модернизацией, и за просчеты, совершенные правительством во внутренней политике; антисемитизм выполнял важную социальную функцию — служил шлюзом, через который выходило массовое недовольство.⁴⁰ Дискриминация евреев усилилась после убийства Александра II в 1881 г., в котором принимала участие одна еврейка. Был ограничен их доступ в гимназии и университеты: устанавливалась норма их приема — 3% в столицах и 5% вне черты оседлости (процент был установлен по доле евреев в населении империи, равной 4%). С 1881 г. при попустительстве местной коронной администрации стали совершаться еврейские погромы, хотя большая часть правящей бюрократии была против антисемитизма, видя в нем опасность для общественного порядка. Обсуждая в Комитете министров в апреле 1882 г. еврейский вопрос, председатель Комитета М. Х. Рейтерн заявил: «Нужно защищать всякого от всяких незаконных посягательств. Сегодня травят и грабят евреев, завтра перейдут к так называемым кулакам. <...> Потом может очередь дойти до купцов и помещиков. При подобном бездействии властей возможно ожидать в недалеком будущем развития самого ужасного социализма».⁴¹

Рис. 10. Жертвы еврейского погрома в Одессе. 1905 г.

В чем причины смены курса? Одна из них состояла в том, что правительство разочаровалось в возможности спокойной и либеральной ассимиляции и пришло к мысли, что жесткая национальная политика поможет сохранить и укрепить государственное единство. Возник своего рода польский синдром — страх перед тем, что либеральный курс приводит к мятежам, а жесткий курс — к успокоению. Как возник этот синдром? В 1815 г., по окончании наполеоновских войн, к России по решению Венского конгресса было присоединено герцогство Варшавское. Александр I решил польский вопрос самым либеральным образом. Из герцогства было создано Царство Польское с конституцией, парламентом и большой автономией. В сущности, Россия воссоздала разрушенную польскую государственность на самых прогрессивных по тому времени основаниях, так как польская конституция была самой демократической в Европе. Все государственные должности предоставлялись только полякам, все официальное делопроизводство совершалось на польском языке. Провозглашалась свобода личности и печати. Господствующей религией объявлялся католицизм, другие вероисповедания пользовались равноправием. В составе российских вооруженных сил создавался Польский корпус под командованием наместника царя в Варшаве. Каждый новый русский император обязан был особо короноваться польской короной и приносить клятву верности польской конституции, что и сделали Александр I и Николай I. Русское правительство надеялось, что польский вопрос решен навсегда. Однако поляки в 1830 г., через несколько месяцев после присяги Николая I польской конституции, подняли первое восстание, дважды готовили покушение на императора,⁴² а в 1863 г. организовали второе восстание. После этого правительство обратилось к репрессивным методам решения польского вопроса. После первого восстания конституция была отменена и автономия сужена, а после второго восстания произошли

полное слияние польской территории с остальными областями империи и распространение на нее общерусского законодательства, которое, однако, не вытеснило Кодекс Наполеона даже к 1917 г. На польское дворянство, организовавшее восстание, обрушились репрессии, особенно сильные после второго восстания. Многие тысячи его участников были высланы в центральные и восточные районы России, казнены, эмигрировали за границу, значительная их часть лишилась всех прав состояния. Была проведена чистка польского шляхетства, в результате около 200 тыс. человек лишились дворянства. Земли высланных польских дворян перешли в казну, которая продавала или сдавала их в аренду русским помещикам. Была предпринята попытка поссорить польское крестьянство и дворянство. Если крестьянская реформа в России прошла с минимальными потерями для русских помещиков, то в Польше она была произведена в ущерб польским помещикам и в пользу крестьян. Восстаний больше не было.

Вторая причина изменения правительственного курса в национальной политике состояла в повсеместном развитии национальных движений, которые в ряде регионов появились, а в других усилились именно в 1860-е гг. Правительство изменило политику в надежде остановить их с помощью жесткого курса. Чем можно объяснить подъем национальных движений в 1860-е гг.? Великие реформы 1860-х гг., индустриализация и урбанизация, распространение грамотности, развитие школьного образования и печати привели к невиданной политической мобилизации всех этносов, включая русский. Развитие национальных движений в России, особенно на западной границе, неплохо укладывается в схему, предложенную чешским историком М. Хрохом для описания национальных движений в Центральной и Восточной Европе: *в фазе пробуждения* возникает интерес сравнительно небольшой группы национальной интеллигенции к языку, истории и фольклору своего народа; *в фазе агитации* национальное сознание распространяется в широких слоях этого этноса; наконец, *в фазе массового движения* данный народ в целом охватывается идеями национального самосознания и мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость. Таким образом, в каждом национальном движении была заложена, как мина замедленного действия, идея политического самоопределения, и если оно начиналось, то, как правило, развивалось до своего логического конца.⁴³ Из-за молодости России сравнительно с другими европейскими странами национальные движения охватили ее позже, чем остальную Европу, и внутри Российской империи ввиду различий в уровне развития отдельных этносов разворачивались асинхронно. С конца XVIII в. на западной периферии, в первой половине XIX в. — на южной и восточной окраинах национальные движения у наиболее развитых этносов вступили в фазу культурного пробуждения, во второй половине XIX—начале XX в. — в стадию политической агитации; стадия массовой мобилизации наблюдалась до 1905 г. только у русских, поляков, финнов, эстонцев, латышей, литовцев, грузин и армян, а у остальных этносов — в 1917 г. или позже. Языческие народы на Севере, Урале, Средней Волге и в Сибири вступили в культурную фазу в конце XIX в., поэтому фазы агитации достигли лишь некоторые из них около 1917 г.

Приложение схемы М. Хроха к национальным движениям народов в азиатской части России показывает, что грузины, как «старая» нация, не нуждались в культурном пробуждении, в агитационную фазу вступили после реформ 1860-х гг., политически мобилизовались в начале XX в. Армяне этап культурного возрождения прошли в XVIII в., в агитационную фазу вступили в первой половине XIX в., а к политической мобилизации приступили в конце XIX в., еще до революции 1905 г. Волжские и крымские татары, а также азербайджанцы культурные фазы переживали в XIX в., около 1905 г. вошли в агитационную фазу и в 1917 г. — в стадию политической мобили-

зации. Казахи в XIX—начале XX в. находились в стадии культурного возрождения.

Основополагающее значение для формирования характера отдельных национальных движений имело различие между «старыми» и «молодыми» народами. У первых существовали собственная дворянская элита и прочные традиции как государственности, так и общей и языковой культуры (поляки, грузины, волжские и крымские татары, азербайджанцы и др.). У вторых из-за отсутствия собственной элиты, а нередко и средних городских слоев социальная структура не была завершена; у них либо никогда не было своей государственности, либо она была разрушена в начале Нового времени; они не располагали своим литературным языком и высоко развитой культурой. «Старые» народы были «дворянскими», «молодые» — «крестьянскими», над последними господствовали дворянские элиты другой национальности. В Российской империи к «молодым» народам относилось большинство этнических групп — украинцы, белорусы, эстонцы, латыши, финны, чуваша, якуты и др. Особый случай представляли диаспоры евреев и армян с городскими элитами и высоко развитыми культурами, но без дворянства и традиций государственности. Соответственно своему положению и уровню развития «старые» и «молодые» народы, а также диаспоры выдвигали различные программы. Первые, руководимые дворянством, с самого начала стремились к восстановлению своей государственности, вторые под руководством лидеров из крестьянской среды — к созданию полноценной социальной структуры, развитию собственной высокой культуры и достижению автономии, третьи, ведомые интеллигенцией, — к равенству с господствующим этносом и национально-культурной автономии. До конца XIX в. с идеей суверенитета выступали армянские националисты, выдвинувшие идею «Великой Армении» — объединение армян России, Турции и Ирана в самостоятельное государство. Все остальные национальные движения ограничивались лозунгом национально-культурной автономии.

Очень важно отметить, что развитие нового русского национального самосознания после образования империи находилось в рамках европейских национальных движений. Его возникновение датируется XVIII в., сначала как реакция на усиление западного влияния на Россию, затем под воздействием идей просветительства и романтизма русская интеллигенция стала искать основы русской идентичности не в государстве и религии, как прежде, а в русском языке, истории и в самом русском народе. Польская конституция 1815 г., восстания поляков 1830 и 1863 гг. явились катализаторами русского национализма. Он часто принимал форму духовных и политических движений, одни из которых стремились сохранить самобытность русской культуры, другие имели целью преобразовать русское общество по западному образцу и объединить разнородные социальные слои в единую русскую нацию. В тех и других социальные и политические задачи явно преобладали над национальными. Имперский династический патриотизм и огромная дистанция между элитой и нижними слоями населения препятствовали как развитию и распространению русского национального самосознания, так и формированию современной русской нации. Эта сжатая и весьма приблизительная (ввиду слабой изученности вопроса) характеристика национальных движений в Российской империи, данная А. Каппелером, вероятно, правильно отражает основные вехи в их развитии.

Одновременный подъем национального движения среди русских и других этносов поставил центральное правительство перед соблазном активно использовать силу русского национализма и антисемитизма для нейтрализации оппозиционных движений и растущего социального напряжения, так как русский национализм поддерживал стремления к интеграции и унификации. Несмотря на это, государство предпочитало твердо придерживаться наиболее целесообразных в то время принципов легитимной, наднациональ-

Рис. 11. Группа буддистов на ступенях буддийского храма в С.-Петербурге. 1914 г.

ной монархии и не идти на поводу у крайних русских националистов. Один из самых прорусски настроенных императоров Александр III относился к самым беспокойным своим подданным, полякам, по словам С. Ю. Витте, «весьма милостиво», так как он «понимал, что раз Царство Польское было присоединено к России и поляки сделались его подданными, то он должен относиться к ним, как к своим подданным, т. е. преследуя общеимперские интересы, — дать возможность им спокойно жить».⁴⁴

Третья причина изменения курса национальной политики состояла в необходимости для современного государства, каким становилась Россия после Великих реформ, унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах, интегрировать общество по вертикали — через прежние сословные барьеры и по горизонтали — через национально-региональные границы, укрепить связи между всеми частями государственного аппарата независимо от их местоположения и всеми жителями страны независимо от их сословной и национальной принадлежности. Поскольку существование национально-региональных особенностей во всех сферах жизни служило важнейшим препятствием для реализации этих задач, правительство вынуждено было проводить модернизацию под знаком русификации, которая в тех условиях означала не создание преимуществ и привилегий для русских, а прежде всего систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию. Приведу характерный пример. Согласно отчету Главного командира Кронштадтского порта, из 314 рекрутов из Эстляндской губернии, поступивших во 2-й флотский экипаж в 1863—1864 гг., только 80, или 25%, «могут объясняться немного по-русски, а остальные очень слабо понимают русский язык». Командование с сожалением констатировало, что, хотя эстонские рекруты «к службе усердны, к ученью старательны, поведения хорошего,

склонность к пьянству проявляют не более 6 человек», но обучение русскому языку идет без большого успеха, так как они, «находясь в большом числе в каждом капральстве, имеют случай разговаривать между собой по-чухонски, и мало таких матросов (среди них. — Б. М.), которые бы могли их обучать русскому языку». Командир 2-го флотского экипажа сделал вывод о необходимости комплектования флота только из великорусских губерний: «Рекруты остзейских губерний из чухон, поступающие на службу во флот, по незнанию русского языка весьма трудно привыкают к работам на судах. Из поступивших в 1863 г. рекрут Вологодской и Олонецкой губерний оказывается, что они гораздо способнее к морскому делу. А потому полагал бы полезным комплектовать флот рекрутами из означенных губерний».⁴⁵ Как следует из приведенного примера, повсеместное в России введение обучения в школах на русском языке было вызвано в первую очередь потребностями модернизации и упорядочения страны, а не ассимиляции. Следует подчеркнуть, что всюду в Европе модернизация сопровождалась процессами, аналогичными русификации.

Изменение национального курса правительства происходило также под влиянием национальной политики в европейских государствах, где модернизация началась раньше и во второй половине XIX в. вступила в заключительную фазу. Например, Франция и Англия интегрировали свои национальные меньшинства в существенно большей степени, чем Россия, а Австрия и Германия с 1860-х гг. проводили более или менее успешную политику по созданию современных наций в рамках империи. Политика «культуркампа» в Германии, которая проводилась Бисмарком с целью устранить сепаратистские движения католиков, превратить страну в единую, централизованную империю, вероятно, послужила непосредственным толчком для изменения национальной политики в России.

Интеграционная политика имела двойственные результаты. С одной стороны, под ее влиянием национальные движения среди большинства «молодых» народов были заморожены в 1864—1905 гг. С другой стороны, эта же политика способствовала мобилизации против России не только образованных элит, но и широких слоев населения в «старых» нациях, например, среди поляков, армян, а также мусульман Средней Волги. Так, в конце XIX в. антирусские движения наблюдались среди башкирских и татарских крестьян, которые громили русские административные управления и прекратили обучение своих детей в русских классах башкирских и татарских школ. Естественно, что русификация обостряла национальный вопрос и усиливала революционное движение, в котором наиболее активное участие принимали представители нерусских народов. Данные о национальности 7 тыс. самых активных революционеров, сосланных в Сибирь в 1907—1917 гг. (табл. I.7), говорят о том, что среди наиболее активных революционеров на долю русских приходилось около 40%, а на долю нерусских народов — 60%. Если сопоставить долю данной национальности в населении с ее долей среди революционеров, а революционную активность русских принять за единицу, то окажется, что латыши были в 8 раз активнее русских, евреи — в 4, поляки — в 3, армяне и грузины — в 2 раза. Остальные народы проявляли слабую революционную активность. Наименее активными были украинцы и белорусы. Первые были в 3 раза менее активными, чем русские, вторые — в 11 раз. В «антиэлите» — среди руководства революционных организаций — всюду преобладали лица нерусского происхождения. Например, среди лидеров социалистов-революционеров и большевиков преобладали евреи, среди меньшевиков — грузины, евреи и лица других нерусских национальностей.⁴⁶

Таблица I.7
Национальный состав ссыльных революционеров в 1907—1917 гг.

Национальность	Ссыльные, %	Население, %	Отношение ссыльных к населению, %	Место по активности среди
Русские	43.5	43.4	1.00	6
Поляки	17.6	6.2	2.84	3
Евреи	15.8	3.9	4.05	2
Латыши	8.2	1.1	7.45	1
Украинцы	4.2	12.5	0.34	8
Грузины	2.3	1.1	2.09	5
Армяне	1.9	0.9	2.11	4
Эстонцы	0.6	0.8	0.75	7
Белорусы	0.4	4.6	0.09	11
Литовцы	0.2	1.3	0.15	10
Другие	5.4	24.2	0.22	9

Подсчитано по данным: *Хазиахметов Э. Н.* Сибирская политическая ссылка 1905—1917 гг.: (Облик, организации и революционные связи). Томск, 1978. Приложение 2; Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 2. С. 2—91.

Сказанное подтверждается данными о национальной принадлежности 469 революционеров-народников, привлеченных в 1871—1879 гг. за антиправительственную деятельность к суду. Среди представителей 18 национальностей русские составляли 70.8%, украинцы—11.7, поляки — 5.8, евреи — 4.9, армяне и грузины — по 0.9, остальные — по 0.2—0.4%. С учетом относительной численности каждого из 18 народов наиболее политически активными были русские, затем евреи, армяне, украинцы и поляки, грузины, немцы, эстонцы, латыши, белорусы. Подчеркнем, что только доля русских и еврейских революционеров превышала долю данных народов в населении империи.⁴⁷ По-видимому, эти сведения отражают социально-политическое самочувствие каждого народа. До 1860-х гг. социально-экономический статус русских, как мы видели, был ниже, чем у нерусских, — они и дали наибольшее число революционеров. За ними следовали евреи. Остальные народы, за исключением поляков, еще, по-видимому, не чувствовали национального угнетения и потому проявляли лояльность к властям. Под влиянием изменившейся национальной политики ситуация в революционном движении к началу XX в. принципиально изменилась. Теперь на первое место вышли представители национальных меньшинств, в особенности латыши, евреи, поляки, армяне и грузины.

В целом, однако, затормозить развитие национальных движений удалось лишь на сравнительно короткое время в значительной мере потому, что модернизация, охватившая Россию, подспудно создавала предпосылки для нового подъема национальных движений. Проведенная Россией эмансипация крестьянства, а также индустриализация и урбанизация повсеместно способствовали формированию среднего слоя в городе и деревне. Образование среднего класса подготовило прочную социальную базу национальных движений и обеспечило всеобщую интеграцию как «молодых», так и «старых» народов в новые нации. Распространение грамотности сделало пропаганду эффективной и способствовало мобилизации одних на борьбу за национально-культурную автономию, других — за суверенитет.

Развитию национальных движений чрезвычайно помогло русское «освободительное движение», которое «в войне против самодержавия искало всюду союзников, его тактикой было раздувать всякое недовольство, как бы оно ни могло стать опасным для государства, — указывал В. А. Маклаков. — Для этой же цели и по этим мотивам оно привлекло к общему делу и недовольствие национальных меньшинств».⁴⁸

Рис. 12. Вид православной церкви в Казанской губ. для крещеных татар, одетых в национальную одежду. 1900-е гг.

В конце XIX в. и особенно в ходе революции 1905 г. на базе национальных движений возникли национальные политические партии, которые после введения в России конституции в 1906 г. были легализованы. К февралю 1917 г. функционировали 113 национальных партий и 45 общерусских, к октябрю 1917 г. — соответственно 206 и 53. С идеей федерации выступили только Белорусская революционная громада и социалисты-федералисты Грузии, остальные партии своей конечной целью ставили достижение национальной независимости. Однако в начале Первой мировой войны руководители национальных партий в Государственной думе поддержали внешнюю политику российского правительства. Вплоть до Февральской революции 1917 г., свидетельствовал тот же В. А. Маклаков, «настоящего сепаратизма» нигде в России не наблюдалось, «начало войны сопровождалось патриотическим подъемом всех наших окраин и на их настроение нам жаловаться не приходилось». Сепаратизм возник из уверенности лидеров национальных движений, что либеральные партии «не будут противиться стремлению к отделению и благодаря поддержке в европейском общественном мнении». После падения монархии, весной и летом 1917 г., национальные движения, за исключением финнов и поляков, также не выдвигали требований выше культурной и административной автономии: федеративное устройство их устраивало. На выборах в Учредительное собрание в начале 1918г. национальные партии получили всего 22% голосов, в то время как доля нерусских избирателей, после отделения Польши и Финляндии, составляла около 50% от числа всех избирателей. Отсюда следует, что большинство нерусских жителей страны проголосовало не за свои национальные, а за общероссийские партии. Большевики во всех регионах, кроме Прибалтики и Белоруссии, имели весьма слабую поддержку, хотя только они на словах отстаивали право наций на самоопределение. Некоторое время после Октябрьской революции национальные партии занимали выжидательную позицию. Но первые мероприятия большевиков (в первую очередь

разгон Учредительного собрания) оттолкнули от них национальные партии, которые не могли с ними сотрудничать ввиду их стремления к централизации и монополюющей власти, подчинения вопроса о национальном самоопределении принципу классовой борьбы. Победа большевиков воспринималась многими нерусскими как победа города над деревней, рабочих над крестьянами, русских над нерусскими.⁴⁹ Произошло возвращение к идее национальной независимости.⁵⁰

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

Каковы были результаты территориальной экспансии для самой России? Они были неоднозначными. Рассмотрим сначала позитивные последствия. Вплоть до середины XVIII в. вся южная плодородная, черноземная половина Русской равнины представляла собой безлюдную степь — «дикое поле», крайне редко были заселены Заволжье и Сибирь, где вообще не было русских. Они сосредоточивались на Севере и в нечерноземной части Русской равнины, так как Казанское, Астраханское и Крымское ханства парализовали колонизационное движение на юг и восток. С середины XVI в., после победы над Казанским и Астраханским ханствами, начались массовые миграции, которые с разной интенсивностью в отдельные периоды продолжались до 1917 г. Во второй половине XVI—XVII в. основные потоки переселенцев направлялись в Черноземный центр, Камский край и Приуралье, благодаря чему центр русской населенности стал перемещаться с севера на юг, и процесс этот продолжился в XVIII—XIX вв. До начала XVIII в. 2/3 населения проживало в северной и лесной зонах, к концу XVIII в. благодаря переселениям с севера на юг большая часть населения стала проживать в более благоприятной для земледелия лесостепной и степной зонах, а к 1914 г. там сосредоточилось почти 2/3 населения Европейской России. Перемещение центра хозяйственной деятельности на юг чрезвычайно способствовало увеличению экономического потенциала страны, главным источником которого являлось сельское хозяйство (табл. I.8).

Таблица I.8
Площадь природных зон Европейской России и распределение населения между ними в конце XVII—начале XX в.

Зона*	Территория, в %				Население, в %				Плотность населения**			
	1678 г.	1719 г.	1856 г.	1914г.	1678 г.	1719г.	1856 г.	1914г.	1678 г.	1719г.	1856 г.	1914г.
Северная	46.4	43.9	39.1	38.4	12.8	13.0	11.3	9.5	0.8	1.0	3.4	6.5
Лесная	12.1	14.7	18.5	18.3	57.0	40.1	30.9	28.6	12.8	9.4	19.6	40.9
Лесостепная	20.9	19.8	20.3	19.9	27.9	44.3	44.5	40.6	4.1	7.7	25.8	54.1
Южная степная	20.6	21.6	22.1	23.4	2.3	2.6	13.3	21.3	0.3	0.4	7.1	23.8
Россия***	100	100	100	100	100	100	100	100	2.8	3.5	11.7	26.4

* Северная зона включала тундру, лесотундру и таежные леса (Архангельская, Вологодская, Вятская, Костромская, Олонецкая, Пермская губернии); Лесная зона — смешанные и широколиственные леса (Виленская, Витебская, Владимирская, Гродненская, Калужская, Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Минская, Могилевская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Псковская, С.-Петербургская, Смоленская, Тверская, Эстляндская, Ярославская губернии); Лесостепная зона (Волынская, Воронежская, Казанская, Киевская, Курская, Орловская, Пензенская, Подольская, Полтавская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Черниговская губернии); Южная степная зона вместе с Предкавказьем (Астраханская, Бессарабская, Донская, Екатеринославская, Кубанская, Оренбургская, Самарская, Ставропольская,

Таврическая, Терская, Уфимская, Херсонская, Черноморская губернии). ** Человек на 1 км². *** Европейская Россия с Предкавказьем, но без Польши и Финляндии.

Источники: *Арсеньев К. И.* Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 56—58; *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII—начале XVIII века. С. 152; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. С. 159—165; Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб., 1858. С. 201—207; Статистический ежегодник России 1914 г. С. 1—62; *Цветков М. А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. М., 1957. С. 111—115.

Экспансия в южном направлении увеличивала не только общий земельный фонд, но и степень его использования, так как по мере передвижения границы на юг доля земли, пригодной для земледелия и скотоводства, возрастала. В северной зоне доля пашни и лугов даже в 1914 г. составляла всего 9%, в то время как в лесной зоне уже в 1696 г. — 25.6%, в лесостепной — 54.8 и южной степной — 41.1%. Как видно из данных табл. I.9, в XVIII—XIX вв. площадь пашни и лугов увеличивалась главным образом за счет освоенных территорий лесостепной и степной зон. Благодаря экспансии и колонизации *процент окультуренной земли* с 1696 по 1887 г. повысился почти в 2 раза — с 24.4 до 45.9%.

Таблица I.9
Структура угодий Европейской России по природным зонам (в %)

Зона	Пашня			Луга, пастбища			Лес			Неудобные земли		
	1696 г.	1796 г.	1887 г.	1696 г.	1796 г.	1887 г.	1696 г.	1796 г.	1887 г.	1696 г.	1796 г.	1887 г.
Северная	1.8	4.3	6.7	1.3	1.9	9.1	74.9	71.7	65.3	22.0	22.1	18.9
Лесная	21.7	28.2	27.4	3.9	8.0	22.2	60.3	47.3	36.8	14.1	16.5	13.6
Лесостепная	19.9	36.6	60.0	34.9	27.9	18.1	28.8	20.9	14.8	16.4	14.6	7.1
Южная степная	1.6	5.6	32.7	39.5	37.7	32.8	23.3	16.1	10.5	35.6	40.6	24.0
Россия	7.9	16.7	27.3	16.5	15.8	18.6	52.7	44.8	37.4	22.9	22.7	16.7

Источники: *Цветков М. А.* Изменение лесистости Европейской России... С. 110—118.

К 1914 г. доля культурной площади возросла, по разным оценкам, от 2.1% до 6% и составила от 48% до 52%.⁵¹ И хотя Россия по-прежнему уступала по площади окультуренной земли большинству стран Западной Европы, где она составляла в конце XIX в. около 60—70%, исключая Норвегию, Швецию и Финляндию,⁵² достижение даже 48% освоения земельного фонда Европейской России стало возможным только вследствие увеличения территории в благоприятных для земледелия регионах.

К позитивным результатам экспансии следует отнести также плодотворное влияние на общественный быт России сословно-корпоративной организации и более развитой культуры, экономики, существовавших в инкорпорированных западных областях, в особенности в Прибалтике.

Негативные последствия экспансии были также весьма серьезными. Во-первых, под ее влиянием в народном сознании утвердилось убеждение об **экстенсивном развитии** как наиболее рациональной и эффективной форме ведения хозяйства, возникла вера в неисощимость природных ресурсов, ставшая парадигмой русского менталитета, и сформировалась психология беззаботности и нерасчетливости в обращении с природными ресурсами и собственностью. В перспективе такие убеждения и такая психология вели к отставанию.⁵³

Во-вторых, территориальная экспансия затрудняла формирование хорошо структурированной системы городов, которая бы могла наилучшим образом обслуживать потребности народного хозяйства. Дело в том, что рациональные целостные системы городов, обладающие развитой иерархи-

ческой структурой, могут занимать территорию не более сотни тысяч квадратных километров. В таких больших по территории странах, как Россия, США или Канада, невозможна рациональная единая система городов. Например, в США никогда и не пытались ее создать, там существует несколько региональных столиц, а национальная столица имеет лишь ограниченный набор политических функций.⁵⁴ В России вопреки экономической целесообразности такую единую, централизованную систему городов правительство создавало искусственно по административным соображениям и из-за страха сепаратизма. Следует согласиться с теми, кто считает, что с точки зрения экономической инфраструктуры Россия — жертва своего огромного пространства.

В-третьих, новые территории не только открывали новые возможности, но и требовали значительных усилий и средств для обеспечения коммуникаций, обороны и т. п. С одной стороны, это истощало центр, с другой стороны, выделенных средств всегда было мало, вследствие чего экспансия затрудняла создание инфраструктуры, адекватной потребностям страны, что до сих пор является слабым местом российской экономики.

В-четвертых, территориальная экспансия привела к тому, что Россия превратилась в многонациональную империю, а русские — в непривилегированное национальное меньшинство; **экспансия замедлила развитие единой российской нации.**⁵⁵ Финский, польский, балтийский и украинский регионы, выгодно используя огромный российский рынок, иностранный капитал, близость к Западу и экономические льготы, предоставленные центральным правительством, опережали в экономическом отношении обширную область русского заселения. По уровню грамотности русских опережали прибалтийские народы, поляки, евреи, финны, а также волжские и крымские татары, которые активно использовали письменность как средство сохранения своей национальной идентичности. Нерусские были значительно шире, чем русские, представлены среди людей квалифицированных профессий. Жизненный уровень русских был одним из самых низких в империи. Наконец, в стране начиная с 1830 г. нерусские народы постоянно создавали политическую напряженность, поддерживали революционное движение, с которым национальные движения по большей части совпадали. Постоянная необходимость обеспечения безопасности, поддержания власти и общественного порядка тяжелым бременем ложилась на страну, прежде всего на русских, ограничивала возможности социального, экономического и политического развития центра страны и тем самым способствовала сохранению отсталости России.

Не следует, однако, преувеличивать трудности и недооценивать выигрыш от экспансии, как это делают некоторые исследователи, полагающие что «если бы за Уралом плескался океан, то, скорее всего, Россия уже давно бы была полноправным членом сообщества цивилизованных стран».⁵⁶ В приведенной цитате содержится признание решающей роли демографического давления на экономические и культурные успехи народа. Давайте представим, что было бы с Россией, если бы она оставалась в границах 1646 г. Если бы все русские люди в 1897 г., которых насчитывалось 55,7 млн человек, оставались бы на территории европейской части страны в границах 1646 г., то к 1897 г. плотность населения здесь увеличилась бы примерно в 8 раз и составила бы около 14—16 человек на 1 км², как в Англии и Франции в XI в., в Германии и других западноевропейских странах в XVII в. Такой плотности населения обычно соответствует трехпольная система земледелия без активного использования удобрений.⁵⁷ Между тем фактически в 1897 г. на территории в границах 1646 г. проживало 50 млн — всего на 11 % меньше контрфактического расчета, а плотность населения составляла 12—14 человек на 1 км². В целом же в европейской части страны без Финляндии фактическая плотность на-

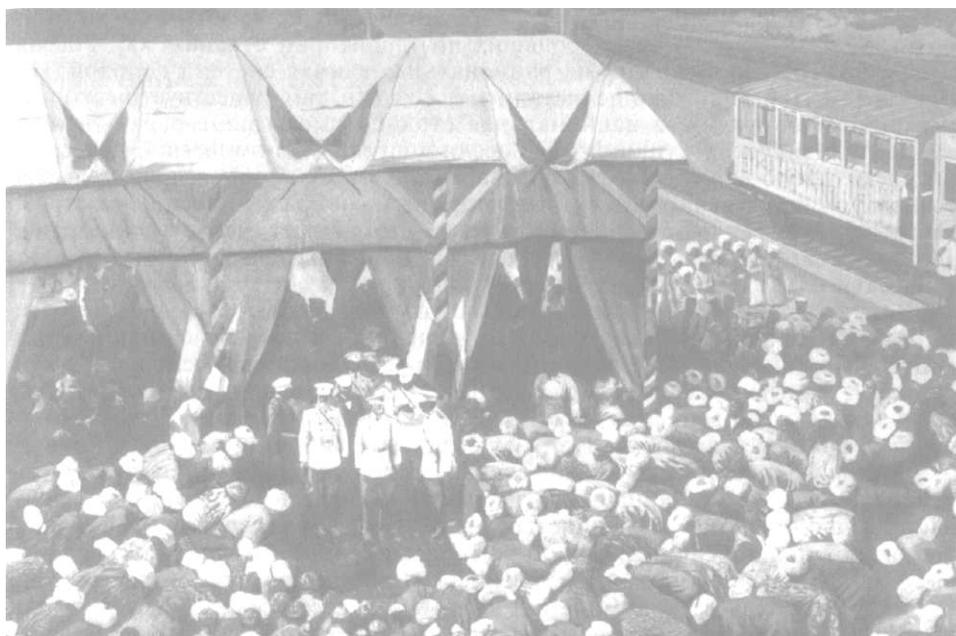

Рис. 13. Встреча местным населением Средней Азии нового генерал-губернатора. 1880-е гг.

селения в 1897 г. была в два раза выше — 24 человека на 1 км², а применение удобрений в сельском хозяйстве конца XIX в. стало почти всеобщим явлением. Следовательно, **территориальная экспансия привела к увеличению плотности населения и не препятствовала экономическому развитию России**, так как она инкорпорировала не только пустующие земли, но и густонаселенные районы с более развитой, чем на собственно русской территории, экономикой.

Следует заметить, что *парадигма экстенсивности*, с одной стороны, действительно задерживала переход к интенсивному хозяйству. Но, с другой стороны, экстенсивный путь развития экономики был неизбежным для России, более того — оптимальным. Интенсификация требует огромных затрат капитала и, если иметь в виду мировой опыт, как правило, происходит тогда, когда существует избыток труда, недостаток земли и достаток капитала. В России всегда был избыток земли и недостаток капитала, поэтому возникавший в отдельных районах избыток труда переливался в районы избытка земли и недостатка труда.

Капитал — это труд в превращенной форме, поэтому для его создания необходимо предварительное использование труда без непосредственного результата, во имя будущего дохода. Капитал предполагает накопление, сопряженное с принесением в жертву настоящей выгоды ради будущей. Надежда на будущий доход предполагает осознание идеи, что капитал, используемый в производстве, обладает способностью не только воспроизводить себя, но и давать некоторую прибыль. Идея накопления, предварительного использования труда ради получения прибыли в будущем отсутствовала в менталитете русского крестьянина. Отсюда мотив к накоплению у него был весьма слабым, что усугублялось недостатком бережливости и предусмотрительности, небрежным отношением к природным ресурсам и неуважением к собственности, не только чужой, но даже и своей.⁵⁸ Если количество сель-

скохозийственных орудий и скота принять за показатель склонности к накоплению, то оказывается, что того и другого крестьяне держали ровно столько, чтобы удовлетворить текущие потребности. В 1910 г., согласно данным первой и последней переписи сельскохозяйственного инвентаря, на 1 хозяйство приходилось 1.1 орудия вспашки (из них только 34% были усовершенствованными или железными, остальные деревянными) и 1.4 орудия рыхления почвы (из них лишь 5.4% были железными или усовершенствованными). Сельскохозяйственные машины использовались мало: 12.5% всех хозяйств применяли веялки, 4 — жатвенные машины, 3.1 — молотилки, 1.5 — сеялки и 0.5% — сенокосилки.⁵⁹ Машины имели главным образом владельцы земли на праве частной собственности. Но и среди них подавляющее большинство имело такие же орудия, как и крестьяне-общинники.⁶⁰ С рабочим скотом тоже существовала напряженность: в Европейской России в 1870 г. на один крестьянский двор приходилось 1.3 рабочей лошади, в 1900 г. — 0.92, в 1916 г. — 1.1 лошади.⁶¹

Подчеркнем, что парадигма экстенсивности утвердилась бы в сознании любого народа, если бы он находился в тех же условиях, что и русский народ. В соответствии с законом падающей производительности земли⁶² (в современной трактовке, закон убывающей производительности любого переменного ресурса при прочих фиксированных) *интенсивное* производство практикуется только там, где существует недостаток земли, и, наоборот, где налицо избыток земли, там господствует *экстенсивное* земледелие. Экономисты доказали, что «тщательность возделывания земли является одним из симптомов и следствий тех более тяжелых условий, которые земля начала требовать за любое увеличение получаемых с нее продуктов. Там, где принятию этой системы есть альтернатива, заключающаяся в получении требующегося обществу увеличения количества продовольствия с неосвоенных земель столь же хорошего качества, как те, которые уже возделаны, люди не предпринимают никаких попыток выжимать из земли количество продукта, хотя бы сколько-нибудь приближающееся к тому, что могут дать лучшие европейские методы земледелия. В таких местах землю эксплуатируют до той степени, при которой она приносит максимальную отдачу пропорционально затраченному труду, но не более того».⁶³ Причина этого состоит в том, что издержки интенсивного земледелия гораздо выше, чем при более примитивной системе ведения хозяйства. Следовательно, **экстенсивное земледелие при наличии запаса земель является наиболее рациональным способом ведения хозяйства**. И оно в свое время встречалось всюду, где существовал свободный фонд земель, а в США, Канаде, Австралии и некоторых других странах оно наблюдалось и в XIX в., хотя фермеры приехали из Европы, где давно практиковалось интенсивное земледелие.

В России же дополнительным стимулом для экстенсивного хозяйства служило то, что границы страны расширялись в направлениях от менее плодородных к более плодородным землям, на которых издержки производства были меньше, а производительность труда — выше, чем в районах старого заселения. В табл. I.10 приведены данные о региональных издержках зернового производства при трехпольном севообороте без применения машин и удобрений, которые были получены в 1933—1937 гг. в ходе исторических экспериментов, в точности имитировавших земледелие наших предков в тот период, когда они применяли трехполье и не использовали удобрения.

Данные показывают зависимость издержек производства от природных условий *в чистом виде* для всего изучаемого периода, так как эти условия в XVIII—XX вв. практически не изменялись. Сопоставление неизменных издержек производства с фактической урожайностью, которая со временем изменялась, позволяет статистически оценить региональные различия в производительности труда *в динамике*. Как видим, на протяжении XVIII—

Таблица 1.10
Региональные различия в производительности труда в зерновом производстве без применения машин и удобрений в Европейской России XVIII—XX вв.

Показатели	Районы старого заселения					Районы колонизации				
	Север	Северо-Запад	Черноземный центр	Белорусско-литовский	Право-бережная Украина	Левобережная Украина	Черноземный центр	Поволжье	Северный Кавказ	Новороссия
Урожайность зерновых, ц/га, 1860—1870 гг.	6.1	5.6	5.9	4.8	5.6	4.5	6.3	4.9	5.2	3.6
Отношение урожайности региона к минимальной, 1860-е гг.	169	156	164	133	156	125	175	136	144	100
Затраты труда на 100 га, чел.-дни	4920	3590	3030	3020	2800	2800	2309	1645	1580	1430
Отношение затрат труда региона к минимальным	344	251	212	211	196	196	161	115	110	100
Отношение урожайности к затратам труда	0.49	0.62	0.77	0.63	0.80	0.64	1.09	1.1	1.31	1.00
Отношение производительности труда региона к минимальной, 1860-е гг.*	100	127	157	129	163	129	222	241	267	204
То же, 1750—1800 гг.*	100	108	129	124	224	161	250	305	338	381
То же, 1801—1860 гг.*	100	108	127	143	211	168	219	286	338	381
То же, 1901—1910 гг.*	100	127	149	148	255	192	230	262	357	333

* По данным исторических экспериментов.

Источники: *Спирмилини С. Г.* (ред.). Естественноисторическое районирование СССР. Труды Комиссии по естественноисторическому районированию СССР. М.: Л., 1947. Т. 1. С. 353; *Материалы Комиссии 1901 г.* СПб., 1903. Ч. 1. С. 155—177; *Обручев Н. Н.* (ред.). Военно-статистический сборник. СПб., 1871. Вып. 4. С. 244—245; *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств.* Пг., 1917. Год 10. С. 8—62; *Индова Е. И.* Урожай в Центральной России за 150 лет (вторая половина XVII—XVIII в.) // *Ярицкий В. К.* (ред.). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 141—155; *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 77.

начала XX в. производительность труда в районах сельскохозяйственной колонизации была в 2—4 раза выше, чем в районах старого заселения, несмотря на то что в последних удобрения стали понемногу входить в практику земледелия еще в XVI в., в течение XIX в. их применение там стало повсеместным, в то время как в районах колонизации удобрения начали использоваться лишь с конца

XIX в. и в начале XX в. они еще не вошли прочно в сельскохозяйственный быт.

Таким образом, экстенсивный путь развития сельского хозяйства был оптимальным для России вплоть до начала XX в.: он не только поддерживал достаточно высокий жизненный уровень (так как крестьянство как до эмансипации, так и после нее в основном удовлетворяло свои потребности), но и создавал прочный запас ресурсов для будущего развития. К России вполне применима оценка, которую дал Ф. Бродель американской территории: «Американская бескрайность играла разные роли, говорила на разных языках. Она была тормозом, и она же была стимулятором, ограничением, но также и освободительницей».⁶⁴

РОЛЬ ПОДВИЖНОЙ ГРАНИЦЫ В ИСТОРИИ РОССИИ И США

Россия, как и США, в течение долгого времени была колонизирующей страной. Потому представляет интерес сравнить опыт двух стран в свете концепции Ф. Дж. Тернера о влиянии подвижной границы страны на ее развитие.⁶⁵ Такой анализ провел английский историк Д. Шоу на примере освоения Черноземного центра России в XVII в. Он обнаружил, что длительное существование подвижной границы на юге России в XVII в. и на западе США в XIX в. оказало принципиально иное влияние на развитие колонизируемой территории. В США подвижная граница в экономическом отношении способствовала развитию рыночной экономики в колонизируемом районе, освоение которого начиналось с охоты и разведения скота и постепенно завершалось возникновением торгово-промышленных городов. В России дело начиналось с военно-административного освоения новой территории, являвшейся сферой влияния крымских татар, которым покровительствовала Турция, и заканчивалось хозяйственным освоением земель, эксплуатировавшихся в основном на принципах натурального хозяйства. Но такой вывод справедлив только в том случае, если оставаться в рамках

XVII в., что вряд ли правомерно, поскольку *граница продолжала двигаться на юг еще полтора столетия*, до выхода на Черноморское побережье Крыма и на Северный Кавказ. В первой половине XIX в., благодаря выходу России к Черному морю и созданию ряда портов, прежде всего Одессы, возникла рыночная экономика и сформировалась довольно густая сеть городов, главными функциями которых были не административно-военная и аграрная, как было в XVII—XVIII вв., а торговая и промышленная. Следует также учесть, что в США подвижная граница на начальных стадиях также «варваризировала» колонистов, поскольку они были вынуждены обращаться к примитивным формам хозяйства — охоте, кочевому скотоводству и рыболовству, и способствовала экстенсивному развитию экономики не только в районах их вселения, но и выхода. Таким образом, экономическое развитие колонизируемой территории на южной границе России и западной границе США в принципе прошло те же стадии, только в России в более медленном темпе; сходство конечного экономического результата также очевидно. Замедленность экономической эволюции южных пограничных районов России обуславливалась тем, во-первых, что в XVII—XVIII вв. в экономике страны господствовали крепостнические отношения, а рыночные отношения были развиты слабо. Во-вторых, тем, что в России в отличие от США, где колонизация изначально имела экономическое назначение, новая территория сперва завоевывалась по стратегическим соображениям и только после прекращения военных действий начиналось ее экономическое освоение. Причем в России поток колонистов вследствие малочисленности населения в стране был намного меньше, чем в США.

В социальном отношении подвижная граница в США стимулировала развитие на осваиваемых территориях буржуазных отношений, демократии, малой семьи и индивидуализма, а в России — крепостнических отношений, большой семьи и общины. Трудно было бы ожидать другой результат, так как колонизация «дикого юга» Русской равнины происходила в XVII—

XVIII вв. — в период господства в России крепостничества, а колонизация «дикого Запада» Северной Америки в первой половине XIX в. — в период господства там капитализма. И русские, и американские колонисты, как и всякие колонисты вообще, переносили на новые земли те социальные отношения, которые существовали в местах их выселения.

В России подвижная граница служила «предохранительным клапаном», благодаря тому что новые земли становились убежищем для всех недовольных и бедняков, что разряжало социальное напряжение, предотвращало образование класса неимущих, задерживало имущественную дифференциацию

в районах выхода колонистов. Применительно к США этот тезис подвергся критике. Другие обобщения Тернера нашли свое подтверждение: в России, как и в США, на подвижной границе возникали специфические социальные группы населения, особый хозяйственный уклад, своеобразные правовые отношения; там ощущался недостаток правительственного контроля, процветало беззаконие, пришельцы вынуждены были приспосабливаться к новым условиям существования, опираясь преимущественно на собственные силы.⁶⁶ До середины XVIII в. на границе существовало казачество — специфическая социальная группа населения, образовавшаяся из беглых. Казачество имело своеобразное демократическое общественное устройство, долгое время обладало автономией от центральной власти, подчинялось своему обычному праву и традициям.⁶⁷

На подвижной северной границе России в XII—XVII вв.⁶⁸ и восточной границе в Поволжье, Южном Урале и Юго-Востоке,⁶⁹ в Сибири и на Дальнем Востоке⁷⁰ в XVIII—начале XX в. происходили аналогичные процессы. В перечисленных районах даже тогда, когда они осваивались до эмансипации 1861 г., крепостничество было слабее, после эмансипации там быстрее развивались рыночные отношения.⁷¹ Это было частично связано с тем, что данные территории осваивались преимущественно государственными крестьянами, которые не знали частновладельческого крепостничества, и с тем, что правительство запрещало закрепощать нерусское население, которое благодаря этому оставалось свободным от помещичьего гнета. Особенно большой экономической, социальной и культурной спецификой отличалась Сибирь, что послужило благоприятной почвой для существования в среде русской сибирской интеллигенции в середине XIX—начале XX в. так называемых сибирских областников, настроенных в пользу автономии Сибири на том основании, что ее жители превратились в новую «сибирскую нацию».⁷² Ряд современных историков также подчеркивают специфику сибирского образа жизни.⁷³

Если кратко обобщить русский опыт подвижной границы, то можно сказать, что результаты колонизации в существенной мере зависели от ее первоначальных целей, от того, кто и когда колонизовал новые земли, какой общественный и экономической быт там заставляли переселенцы, какой тип социальных отношений и какой образ жизни приносили они с собой. Когда военно-стратегические задачи колонизации были приоритетными, тогда ее результаты получались иными, чем в США; если же главной целью колонизации являлось сельскохозяйственное освоение, результаты были сходными. Социально-экономические результаты имели региональную специфику. Как писал Тернер, имея в виду США, «каждый большой район развивался своим особым путем, имел свой тип народа, собственный географический и экономический базис, собственные особые экономические и социальные интересы».⁷⁴ То же наблюдалось и в России, что позволило А. Н. Челинцеву в конце XIX—начале XX в. сформулировать концепцию экономических районов России как стадий сельскохозяйственной эволюции.⁷⁵ Подвижная граница как в США, так и в России способствовала формированию экономических районов, находившихся на разных стадиях экономического развития (так как районы колонизации, как правило, отставали в экономическом отношении от районов старого заселения), и в конечном счете — формированию многоукладной национальной экономики: в США — рабовладельческой и капиталистической, в России — крепостнической, капиталистической и «семейной». Результаты колонизации существенно зависели и от той стадии развития, на которой находилась сама «метрополия», от тех социально-экономических отношений, которые в ней господствовали в момент колонизации. Концепция Тернера и его последователей обобщает опыт колонизации США преимущественно в XIX в., когда в стране господствовали буржуазные отношения, демократические институ-

ты. Колонизация в России растянулась на несколько столетий и проходила большей частью в совершенно других условиях: в XVIII—первой половине XIX в. — при крепостном праве и самодержавии, в 1860—начале XX в. — в условиях развития правового, демократического государства и рыночной экономики, и лишь в 1906—1914 гг. — в условиях, более или менее сходных с американскими.

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ: БОГАТЫЕ ИЛИ БЕДНЫЕ?

Термин *природные ресурсы* обозначает тот компонент окружающей естественной среды, который используется в данный момент или может использоваться человеком в будущем для удовлетворения материальных и духовных потребностей: энергия солнца, земли и воды, земельные, минеральные, водные, растительные ресурсы, ресурсы животного мира и т. д. Для обозначения той части природного окружения человека, которая образует среду его обитания и с которой он непосредственно связан в своей жизни и деятельности, используется понятие *географическая среда*. Эти два понятия отражают различный взгляд на земное природное окружение: в первом случае акцент делается на их использовании преимущественно в производстве, во втором — на взаимодействии природы с человеком. Когда говорят о том, какие возможности создает природное окружение для деятельности человека, употребляют термин *природные ресурсы*; когда говорят о влиянии природного окружения на общество, используют термин *географическая среда*.

В отечественной историографии долгое время отрицалось существенное влияние географической среды на экономику, общество и культуру, но в последние 15—20 лет появились работы, где, наоборот, стало подчеркиваться важное, а иногда и решающее значение среды обитания.⁷⁶ Одни исследователи отмечают богатство ресурсов России, другие — недостатки природной среды: континентальность климата, общий дефицит тепла и влаги, непригодность значительной территории для земледелия, отсутствие значительных минеральных источников в европейской части страны особенно до XIX в., отдаленность от моря, невысокое плодородие почв, исключая черноземы, которые занимают относительно небольшое пространство, и т. д.⁷⁷ Кто же прав?

Географические условия для сельскохозяйственного производства в России действительно имеют ряд недостатков сравнительно со странами Западной Европы. Но не следует их и преувеличивать — сами недостатки иногда переходят в достоинства и, наоборот, достоинства — в недостатки. Например, континентальный климат имеет ряд минусов для сельского хозяйства, но он обладает и некоторыми плюсами. Более жаркий и влажный в весеннее и летнее время климат позволял выращивать однолетние культуры значительно севернее, чем в других странах. Например, хлопок возделывался в России под 42° северной широты, а в США — под 38°. Злаки, включая пшеницу, произрастали в России севернее, чем в других европейских странах, в самых северных российских губерниях — Архангельской, Вологодской и Олонецкой, причем урожаи там были в XVI—первой половине XIX в. выше, чем в среднем по России и в более южных губерниях Нечерноземного центра.⁷⁸

Россия сравнительно с европейскими странами хуже обеспечена осадками: на рубеже XIX—XX вв. среднегодовое количество осадков (470 мм) было на треть меньше, чем в соседних провинциях Германии и Австро-Венгрии, и вдвое меньше, чем в Северо-Западной Европе, а также в земледельческих штатах США. Однако недостаток осадков хотя бы отчасти компенсировался снеговой водой.⁷⁹ Средний уровень естественного плодо-

родия земли в России был ниже, чем в остальной Европе. Но русскому чернозему по естественному плодородию не было равных в мире, а он преобладал в 189, или в 38%, из 497 обследованных к концу XIX в. уездов России. Серые лесные почвы, распространенные в 20 уездах, или в 4% всех уездов, были также достаточно плодородны, а менее плодородные дерново-подзолистые почвы (в 167 уездах, или в 34.4% всех уездов)⁸⁰ имели свои преимущества: при их забрасывании они увеличивали свое плодородие, и пашня могла быть легко восстановлена крестьянином, на чем была основана залежная система земледелия. В отличие от них легкая и плодородная почва в гористых и холмистых районах Западной Европы, в частности в Средиземноморье, при забрасывании пашни, что случалось в периоды упадка и сокращения населения, не могла быть восстановлена, так как почвенный слой с неводеланных полей смывался, в результате чего пахотные угодья сокращались. В лесной зоне России земледелие на мелких участках было невыгодно, а более крупные массивы требовали использования тяглого скота, так как одним ручным трудом обойтись здесь было невозможно. Это делало необходимым органическое соединение земледелия и скотоводства.⁸¹ Климатические аномалии в России XII—XX вв. в целом находились на уровне европейских, а циклические колебания климата были синхронными.⁸² Таким образом, ни климат, ни почвы в России и на Западе не отличались столь существенно, чтобы видеть в них факторы, способные объяснить различия в их социальной и экономической истории.⁸³

Определенное значение имели также и другие особенности природных условий в России, но и их роль не следует переоценивать. Большая часть России отдалена от моря, и ее береговая линия слабо изрезана. На всем пространстве Западной Европы нет ни одного пункта, который бы отстоял от моря дальше, чем на 300 км, в то время как расстояние от Москвы до моря — 650 км, а от Уральских гор — более 1100 км; кроме того, большая часть российского побережья не имела транспортного значения. Эти обстоятельства затрудняли торговые сношения с другими странами. Зато Европейская Россия располагала развитой системой удобных судоходных рек, которые чрезвычайно облегчали торговые сношения не только внутри страны, но и с внешним миром.

Известно, что оптимальное разнообразие географических условий наиболее благоприятно воздействует на общественное развитие и способствует разделению труда. В этом отношении Россия имела худшие сравнительно с Западной Европой показатели: ее природные условия вследствие равнинного характера поверхности, несмотря на огромную площадь, довольно однообразны; отдельные природные ландшафты занимали огромное пространство и поэтому находились на большом расстоянии друг от друга (табл. I.8). Это влияло на однообразие экономической деятельности населения и замедляло развитие разделения труда, но не блокировало его. Поэтому до XIX в. разделение труда принимало преимущественно форму регионального и в меньшей степени деревенско-городского разделения труда: не столько город и деревня вступали в торговый обмен друг с другом, сколько один обширный район определенной специализации вступал в отношения обмена с другими обширными районами иной специализации. Замечу, что в данном случае природное однообразие на мелких территориях и крупные размеры специфических ландшафтных зон создавали только географические предпосылки для развития регионального разделения труда, но вовсе не блокировали деревенско-городское разделение труда. Последнее в большей степени тормозилось другими факторами — отсутствием четкого размежевания города и деревни до реформ 1775—1785 гг. (причем города до середины XVII в. вообще не были отделены от деревни в административном, экономическом и социальном отношениях), отсутствием монополии городского сословия на ремесленно-торговую деятельность и преимущественно адми-

нистративно-военным и аграрным характером городских поселений вплоть до начала XIX в. Вследствие этого столь характерный для Европы начиная со средневековья городской район, объединявший тесными торгово-экономическими связями город и его округу в единый экономический комплекс, не получил в России большого развития. Усовершенствование транспорта и дорожное строительство преодолевали фактор отдаленности специфических ландшафтных зон друг от друга, но этот процесс происходил параллельно прогрессу в средствах транспорта и качестве дорог, т. е. очень медленно. Однако и в природном однообразии Русской равнины имелся положительный момент: оно облегчало миграции населения и способствовало освоению равнины на всем ее огромном пространстве.

Географической особенностью России являлось окраинное размещение гор, где до 1917 г. были сосредоточены открытые к тому времени минеральные богатства и строительный камень. При примитивном транспорте это тормозило развитие горной, а вместе с тем и всей промышленности, поскольку уголь и железо являлись основой промышленного развития в XVIII—начале XX в., и обуславливало использование недолговечного дерева для строительства жилищ и дорог. Развитие транспорта отчасти преодолеvalo этот недостаток, но все равно промышленное сырье приходилось перевозить на большие расстояния, что удорожало конечный продукт.

Отдаленность от первоначальных очагов мировой культуры и от моря, колоссальность расстояний, однообразие природы, континентальность климата и другие географические особенности имели некоторое негативное влияние на экономическое развитие, но всего этого явно недостаточно, чтобы объяснить экономическую отсталость России и специфику ее общественных и политических институтов. Тем более что **недостатки качества природных ресурсов с лихвой компенсировались их количеством**. США в XVIII в. представляли первобытную сравнительно с Западной Европой и незаселенную страну, которая всего через одно столетие превратилась в первую державу мира. Между тем по своим природным условиям США значительно ближе к России, чем к Западной Европе, и по континентальности климата, и по отдаленности от моря, и по сравнительному однообразию природы. Несмотря на это, США в относительно короткий срок сумели победить пространство с помощью гигантской сети железных дорог, отвоевать громадные площади от леса под земледельческую культуру с помощью расчистки, научились бороться с засухой с помощью орошения и специальной агротехники. Как правильно указывали критики Тернера, это стало возможным не столько благодаря подвижной границе, которая воспитывала мужество, упорство, трудолюбие у мигрантов, сколько благодаря тому, что, будучи выходцами преимущественно из Западной Европы, они принесли с собой в США традиции, идеи, общественные и политические институты и менталитет западноевропейского человека.⁸⁴

Несмотря на некоторые недостатки природной среды в России, ее природа позволяла производить в больших количествах сырье и материалы, включая зерно, которые обеспечивали положительное сальдо ее торгового баланса (табл. 1.11). Товарная структура внешней торговли России говорит о том, что в экспорте львиная доля всегда принадлежала сырью и материалам, так как основную массу товаров в рубрике «готовые изделия» составляли чугун и железо отечественного производства. Однако и в импорте доля сырья и материалов всегда была значительной: до начала XIX в. немного меньше половины, а в XIX—начале XX в. — свыше 2/3. Дело состоит в том, что по ценности экспорт сырья и материалов в 1.9 раза превосходил их импорт. Кроме того, среди импортных товаров только кофе, пряности, табак высших сортов, рис, чай, шелк, вино, экзотические фрукты и овощи отсутствовали в России. Остальные товары — хлопок, уголь, металлы, рыба, кожи, меха, шерсть, соль, сало животное — ввозились только потому, что либо

производство и добыча их не были в достаточной мере налажены (например, хлопок мог в большом количестве производиться в Средней Азии и Закавказье), либо качество обработки за границей было выше (например, мехов, шерсти, кож), либо доставка их из Европы в пограничные районы была дешевле, чем из отдаленных районов России (например, уголь и железо импортировались в Прибалтику и Петербург).

Таблица I.11
Товарный состав внешней торговли России в XVII—начале XX в.
(в % к общей ценности вывоза и ввоза)

Группа товаров	1653 г.	1726 г.	1802—1804 гг.	1856—1860 гг.	1909—1913 гг.
Экспорт					
Сырье, материалы	95.0	44.5	77.6	92.7	95.5
Готовые изделия	2.5	52.0	14.0	7.3	4.5
Прочие*	2.5	3.5	8.4	—	—
Итого	100	100	100	100	100
Импорт					
Сырье, материалы	—	48.0	64.8	73.1	67.8
Готовые изделия	—	51.0	35.2	26.9	32.2
Прочие*	—	1.0	—	—	—
Итого	—	100	100	100	100

* Не расшифрованные в источнике и транзитные товары.

Источники: Курц Б. Г. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 163—171; Репин Н. Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700—начале 60-х гг. XVIII в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1986. С. 20—21, 603—660; Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. СПб., 1859. Ч. 3. С. 502—505; Покровский В. И. (ред.). Сборник статистических сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902. Т. 1. С. 104—141; Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя политика России. М., 1947. С. 348, 360.

Сырье и материалы, имевшиеся, но не производившиеся в достаточном количестве в России, составляли около 50% импорта во второй половине XIX—начале XX в. С развитием железнодорожного транспорта доля сырья и материалов в импорте постепенно снижалась.

По своим минеральным богатствам Россия в XVIII—начале XX в. также не была бедной страной. И если она уступала некоторым странам Западной Европы и США, то только потому, что была еще весьма слабо изученной в геологическом отношении. Это следует из того, что в 1985 г. с точки зрения освоенных природных ресурсов на душу населения Россия была на равных с США, на треть превосходила Англию, в 3 раза — Германию и Францию и в 13 раз — Японию.⁸⁵

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРОВ НА СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Некоторые авторы считают, что географические особенности России решающим образом повлияли на ее историческое развитие и ее социально-политические институты. Например, по мнению Н. И. Павленко, причина отсталости России к рубежу XVII—XVIII вв. состояла в неблагоприятных почвенно-климатических условиях, которые сковывали производительную и духовную жизнь народа.⁸⁶ Эту точку зрения подробно развил Л. В. Милов, по мнению которого, «тяжелые, суровые природно-климатические условия России», в особенности в ее ойкумене — Нечерноземном центре, оказали ре-

шающее влияние на развитие не только экономики, но также и российского государства и общества. Низкая агротехническая культура, небольшие запашки, низкий уровень производительности труда в сельском хозяйстве (в переводе на годовое измерение) вызывались низким естественным плодородием почвы, а главное — недостатком рабочего времени, так как русский климат позволял выполнять сельскохозяйственные работы лишь в течение 5 месяцев (с начала мая по начало октября — по григорианскому календарю), в то время как на западе Европы нерабочими были только декабрь и январь. Поскольку страна была аграрной, то и низкий объем совокупного прибавочного продукта имел тот же источник. Для изъятия небольшого прибавочного продукта у производителей с целью перераспределения его в интересах всего общества, а также для регулирования социальных и экономических отношений потребовалось установить режим крепостничества, а чтобы этот режим поддерживать, необходимо было сильное государство. Низкие урожаи приводили к постоянному недоеданию — вплоть до начала XX в. крестьянин потреблял около 1500—2000 ккал при потребности в 3000. При малодоходном, неустойчивом и рискованном хозяйстве можно было выжить только при условии солидарности крестьянства. Отсюда возникли общинные формы жизни, поскольку община обеспечивала взаимную поддержку, помогала бедным и т. п., а развитие института частной собственности на землю задержалось.⁸⁷ Такова в суммарном виде точка зрения исследователей, отводящих географическому фактору в социальной и политической истории России решающую роль. Как можно ее оценить?

Воздействие географической среды на человека и общественные явления происходит опосредованно и во взаимодействии с другими социальными, экономическими и политическими факторами, оценить индивидуальный вклад каждого из них не представляется возможным. Поэтому любые соображения о влиянии географической среды на отдельные институты, модели поведения, социальные и экономические процессы и политические явления в жизни общества носят по необходимости предположительный, а часто просто гадательный, спекулятивный характер, так как не могут быть подкреплены эмпирическими данными и уязвимы для критики.⁸⁸ Если суровость климата имела для России решающее, фатально негативное значение, то как объяснить, что народы ряда западноевропейских стран (например, Швеции и Финляндии), живя почти в столь же суровых природных условиях, не испытали их травматического воздействия? А как объяснить, что народы Германии, Норвегии, Дании, Северной Англии и Ирландии, живя в немногим лучших условиях, знали феодализм, Ренессанс, Реформацию, а Россия нет, и намного раньше нее рассталась с общинными отношениями, коллективной собственностью, крепостным правом, всесильной государственной властью и полюбили частную собственность, индивидуальную ответственность, демократию и интенсивный труд? Это возможно объяснить только тем, что действовали другие, кроме природы, факторы, роль которых не учитывается. Пример Нидерландов — страны с ничтожной территорией и бедной природными ресурсами — также показывает, что не ресурсы главное. Своим неожиданным для всех блистательным взлетом и могуществом в XVIII в. страна была обязана, по словам Ф. Броделя, «трудовым подвигам крестьянства».⁸⁹

Во многих случаях сторонники географического детерминизма используют несостоятельные предпосылки для своих построений. Возьмем, к примеру, тезис о хроническом недоедании, которым якобы страдали российские жители и из которого выводится склонность к солидарности и общинным формам жизни. По биологическим законам невозможно, чтобы в течение нескольких столетий народ хронически и значительно — на 30—50% — потреблял меньше, чем требует физиологическая норма. В этом случае он просто вымер бы, а не колонизовал или завоевал 21 млн км² территории. Тезис

о хроническом голодании находится в противоречии с фактами. По мнению иностранных наблюдателей XVI—XVII вв., в России был здоровый климат, продукты питания производились в избытке, русские отличались выносливостью, физической силой, здоровьем и долговечностью.⁹⁰ Например, известный немецкий ученый Адам Олеарий, живший в России в 1633—1639 гг. и написавший о ней самую известную и знаменитую книгу в XVII в., указывал: «Хотя холод у них зимою велик, тем не менее трава и листва весною быстро выходят наружу и по времени роста и созревания страна не уступает Германии»; «почва и кусты покрываются как бы одеждою (снегом. — *Б. М.*) и охраняются от резкого холода. <...> У них нет недостатка в тех плодах земли, которые необходимы для обыкновенного питания в жизни. Отсутствие некоторых плодов и растений следует приписать не столько почве и воздуху, сколько небрежности и незнанию жителей <...> Народ здоровый и долговечный. Недомагает он редко. <...> Русские являются людьми сильными и выносливыми, хорошо переносящими холод и жару <...> Женщины среднего роста, красиво сложены, нежны лицом и телом <...> Мужчины большей частью рослые, толстые и крепкие люди, кожей и натуральным цветом своим сходные с другими европейцами».⁹¹ Это писалось о русской ойкумене — Нечерноземном центре первой трети XVII в. Наблюдения Олеария подтверждаются современными исследователями. А. Л. Шапиро показал, что в XV—XVI вв. сельское хозяйство России и европейских стран со сходными с нею природными условиями (Польша, Германия и др.) находилось примерно на одинаковом уровне (имелись в виду агротехника, урожай, продуктивность животноводства), и лишь впоследствии, особенно в XVIII—XIX вв., обнаружилось отставание.⁹² Крестьянство самой северной части Русского государства в XV—XVI вв. (новгородских земель и Поморья) обеспечивало хлебом и себя, и городское население.⁹³ Не страдали дистрофией российские жители и в XVIII—XIX вв. и имели длину тела, примерно равную росту их соседей в странах Центральной и Восточной Европы.⁹⁴

Противоречит фактам и центральный тезис построений о недостатке рабочего времени для сельскохозяйственных работ (ввиду континентальности климата) как решающем факторе экономической отсталости. По данным на конец XIX в., в самом северном губернском городе России Архангельске (находится между 64° и 65° северной широты) в течение года было 185 дней с температурой выше 0°, когда можно было производить сельскохозяйственные работы, и 125 дней — с температурой выше 6°, при которой происходит рост злаков, в Москве — соответственно 220 и 165 дней, в Одессе — 285 и 225 дней, в Ялте (находится близ 44° северной широты), самом южном городе Европейской России, — 365 и 285 дней.⁹⁵ Если все эти дни суммировать и перевести в месяцы, то получается, что сельскохозяйственные работы в течение года в нечерноземной полосе могли производиться 6—7 месяцев в году, а в черноземной полосе — от 7 до 9 месяцев (в другие эпохи могло быть иначе, так как климат изменялся). Остальное время крестьяне могли отдавать неземледельческим промыслам, так как в России в отличие от многих европейских стран закон не запрещал им заниматься торговлей и кустарной промышленностью, что, кстати, многие земледельцы и делали. Тезис о недостатке рабочего времени находится в противоречии с тем, что православные русские люди имели большее число праздников, чем протестанты, католики и мусульмане, жившие с ними бок о бок, — вместе с воскресными днями от 120 до 140 в год против 80—120 у других народов, причем большинство их приходилось на весну и лето.⁹⁶ Хотят того сторонники географического детерминизма или нет, но природа под их пером превращается в своего рода «козла отпущения» и на нее взваливается вина за культурную и экономическую отсталость, за недостатки политического и общественного устройства страны.

Еще более спекулятивный характер имеют попытки связать с географическими условиями существования человека явления культуры, нравы и психологию народов. Например, классик российской историографии С. М. Соловьев объяснял суровыми природными условиями суровость русских нравов и исключение женщин из общественной жизни. Другой классик В. О. Ключевский тесно увязывал с природой «народное хозяйство и племенной характер великоросса».⁹⁷ Соблазну порассуждать на тему о влиянии русской природы на российскую историю и культуру поддавались многие знаменитые русские люди. Н. А. Бердяев считал главным фактором пространство: «Русская душа ушиблена ширью; она находится под своеобразным гипнозом безграничности русских полей и русского государства». В. В. Розанов видел проблему в температуре и длинных ночах: «Мало солнышка— вот все объяснение русской истории. Да долгие ноченьки. Вот объяснение русской психологичности». Теоретик эсеров В. М. Чернов решающую роль отводил континентальности климата: «Сама революция наша взлелеяна на том же лоне природы. Все в Европе равномернее, эволюционнее, постепеннее, чем у нас — вплоть до смены времен года <...> Природа революции в России сродни с этой революцией природы». Известный философ и социолог Ф. А. Степун из русского ландшафта выводил особенности национального характера: «Так как принцип формы — основа всякой культуры, — писал он в 1926 г., — то вряд ли будет неверным предположить, что религиозность, которой исполнена бесформенность русской равнины, есть затаенная основа того почвенного противления культуре, того мистического нигилизма, в котором в революцию погибли формы исторической России».⁹⁸ Подобные примеры легко продолжить.⁹⁹ Вошли в моду умозрительные рассуждения такого рода и в настоящее время, в особенности в современной культурологии, усматривающей в географии России «природные предпосылки российской ментальности».¹⁰⁰ Все они уязвимы, и опровергнуть их не представляет большой трудности, если удастся преодолеть страх перед именами авторов подобных построений.

Более убедительными выглядят предположения, связывающие социальные и экономические явления с ростом плотности населения, которая в свою очередь находилась в тесной связи с территориальной экспансией.¹⁰¹ Например, изменение форм землевладения, вероятно, до некоторой степени обусловливалось плотностью населения. Общинная форма не была первичной формой землевладения, она развивалась по мере роста плотности населения, причем сначала в центральных районах России, а потом только на окраинах. А. А. Кауфман, изучавший эту проблему на примере Сибири, установил, что при наличии фонда свободных, «ничейных» земель господствовало «захватное», индивидуальное землевладение: каждое хозяйство захватывало столько земли, сколько было в состоянии обработать. Истощение свободных земель побуждало земледельцев искать тот или иной способ закрепления земли за хозяйствами, что могло произойти в форме частной или коллективной собственности. Общинная форма собственности как в европейской части страны, так и в Сибири явилась формой перехода от захватного к частному землевладению по той причине, что для появления института частной собственности на землю требовался ряд дополнительных условий — развитость рыночных отношений, превращение земли в товар, личная свобода, индивидуалистический менталитет и т. д., которые в центральных регионах европейской части России в момент истощения фонда свободных земель, в XV—XVI вв., отсутствовали. В Сибири важным фактором перехода от захватного к передельно-общинному землевладению служили традиции, принесенные переселенцами из Европейской России, а также склонность коронной администрации поддерживать общинно-передельные порядки как более удобные для управления крестьянами.¹⁰² Таким образом, не якобы присущая русским людям солидарность, не континенталь-

ный климат и частые стихийные бедствия, а ряд экономических, юридических и социальных факторов способствовал утверждению в России коллективного землевладения; наличие свободного фонда земель лишь задерживало переход от коллективной к частной форме землевладения.¹⁰³ Резонно предположить, что низкая плотность населения оказывала некоторое влияние также на ранние браки и многодетность. Благодаря наличию большого фонда свободной земли при возможности ее колонизации, у крестьянского населения России вплоть до середины XIX в. не было серьезных стимулов откладывать вступление в брак или вообще от него отказываться, а также регулировать рождаемость.

Рост плотности населения постоянно толкал крестьянство не только к колонизации, но и к интенсификации земледелия. Но до эмансипации этот процесс развивался очень слабо, так как урожайность в течение XVI—первой половины XIX в. имела тенденцию снижаться.¹⁰⁴ С отменой частновладельческого крепостничества в 1861 г. интенсификация в Европейской России стала проходить более быстрыми темпами под влиянием сильного аграрного перенаселения. В 1860—1913 гг. урожайность на крестьянских землях выросла на 69%¹⁰⁵ — больше, чем за предшествующие 350 лет. Одновременно вследствие роста сельского населения величина земельного надела на душу мужского пола с 1861—1870 по 1891—1900 гг. сократилась всюду, а в среднем по Европейской России с 5.3 до 2.8 га. В результате возникло относительное аграрное перенаселение: по разным оценкам, его величина к 1900 г. составляла от 22 до 52% от общего числа работников.¹⁰⁶

Интенсификации производства предшествовало или ее сопровождало снижение жизненного уровня. С середины XIX в. до 1880-х гг. в целом наблюдалось ухудшение питания низших и средних слоев деревни и низших слоев городского населения, т. е. большинства населения России; параллельно этому происходило уменьшение длины тела новобранцев и увеличение доли тех из них, которые забраковывались по медицинским соображениям для службы в армии. За 1854—1874 гг. до введения всеобщей воинской повинности доля забракованных рекрутов возросла с 22.7 до 27%, а с 1874—1878 по 1899—1901 гг., когда действовали пониженные сравнительно с предшествующим периодом критерии физической годности к службе, — с 11.2 до 22.1%.¹⁰⁷ Крестьянство, взятое в целом, между 1860—1890-ми гг. испытывало кризис платежеспособности вследствие тяжелых финансовых условий отмены крепостного права и роста малоземелья. Недоимки по выкупным платежам, по государственным и местным налогам постоянно увеличивались — первые с 1861 до 1906 г., к моменту их отмены, составили 5% от общей суммы выкупа (учитывая и прощенные недоимки), вторые к 1896—1900 гг. — 106% от величины годового оклада.¹⁰⁸

Позитивные сдвиги в крестьянском хозяйстве в ответ на перенаселение и снижение жизненного уровня предупреждают о недопустимости глобализации понятия кризиса пореформенной деревни, что нередко делалось в советской историографии и справедливо вызывало негативную реакцию западных коллег.¹⁰⁹ Да и сам кризис носил относительный и временный характер. В 17 из 50 губерний Европейской России крестьянство более или менее справлялось со всеми платежами,¹¹⁰ всюду наблюдалось улучшение агротехники и повышение урожайности.¹¹¹ С конца XIX в. происходило улучшение питания, соответственно увеличивалась длина тела и уменьшался процент забракованных для военной службы новобранцев.¹¹²

Связь между падением жизненного уровня и интенсификацией производства не была специфически российским явлением. Обычно именно снижение качества жизни вследствие возросшей плотности населения заставляет людей осознать кризис данной системы земледелия и перейти к другой, более интенсивной системе.¹¹³ До тех пор пока крестьянство находило альтернативу интенсивности в колонизации, оно прежде всего использовало мигра-

цию как наиболее легкий и дешевый способ борьбы с перенаселением и лишь во вторую очередь — интенсификацию земледелия как более дорогой и трудный способ борьбы с ним. Когда колонизация перестала решать проблему перенаселения, тогда крестьяне в первую очередь обратились к интенсификации и во вторую очередь — к другим средствам, включая переселения. Эта зависимость объясняет, почему российское крестьянство до эмансипации предпочитало колонизацию, а после нее — интенсификацию или по крайней мере сочетание интенсификации с колонизацией. К середине XIX в. фонд свободных земель в Европейской России был в значительной степени исчерпан, а переселение в Сибирь само по себе требовало больших средств и являлось несравненно более тяжелым предприятием, чем колонизация в пределах Европейской России, как в экономическом, так и психологическом отношениях: для многих переселение в Сибирь было равносильно эмиграции из России.

Совпадение в пореформенной России перехода к более интенсивной системе земледелия с кризисом старой системы земледелия, аграрным перенаселением и падением жизненного уровня крестьянства является серьезным аргументом в пользу того, что давление роста населения способствовало интенсификации сельского хозяйства.¹¹⁴ Однако рост плотности населения не являлся решающим фактором. Если в качестве показателя степени интенсификации земледелия взять чистый доход с гектара земли, а в качестве показателя плотности населения — величину земельного надела на душу сельского населения, то связь между этими показателями для 50 губерний Европейской России в 1900 г., оцененная с помощью коэффициента корреляции, составляла 0,60, что означало, что плотность населения могла обуславливать интенсификацию земледелия не более чем на 36% (квадрат коэффициента корреляции).¹¹⁵

Таким образом, социально-экономические процессы в России, как и в других странах, испытывали многоплановое воздействие географического и демографического факторов. Однако нет оснований возлагать на них ответственность за своеобразие национальных социальных и политических институтов, что всегда и везде было делом рук человеческих, а не стихийных сил природы.

ИТОГИ : ДА ЗДРАВСТВУЮТ РОССИЙСКИЕ ПРОСТОРЫ!

Корифеи русской историографии (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, П. Н. Милоков и др.) справедливо считали территориальную экспансию ключевой проблемой российской истории.¹¹⁶ Экспансия имела важные позитивные последствия для России: увеличение природных ресурсов; перемещение центра населения и хозяйственной деятельности с севера на юг, в более благоприятную географическую среду; повышение безопасности проживания русских в пограничных районах и благодаря этому более рациональное перераспределение трудовых ресурсов между районами старого и нового заселения; плодотворное влияние на российское общественное устройство сословно-корпоративной организации, более развитой культуры и экономики, существовавших в инкорпорированных западных областях. Однако экспансия имела и негативные последствия: обуславливала экстенсивный характер природопользования, способствовала формированию аморфной системы сельских и городских поселений со слабой инфраструктурой и, наверное, самое важное — создала в конце концов серьезную национальную проблему. Национальный вопрос оказывал травматическое влияние на социальные процессы в «метрополии»: требовались значительные средства на

Рис. 14. Хан Хивинский генерал-майор Сеид-Асфендияф-Багадур-хан и сопровождающие его лица, прибывшие на празднование 300-летия Дома Романовых. С.-Петербург. 1913 г.

поддержание общественной стабильности, что тормозило экономическое развитие; возрастал налоговый пресс, что вызывало недовольство русского населения; нерусские народы подавали пример нелояльности к властям, что способствовало общему росту оппозиционных настроений в стране и ослаблению авторитета центральной власти. Но без территориальной экспансии Россия осталась бы небольшой и очень отсталой европейской страной, каковой она и была в действительности до XVI в., и никаких серьезных достижений в области литературы, искусства, науки и технологии ожидать от нее не приходилось бы, как нельзя было бы рассчитывать и на высокий уровень жизни ее граждан.

Российская империя никогда не была колониальной державой в европейском смысле этого слова (хотя элементы колониализма наблюдались, например, по отношению к народам Сибири)¹¹⁷ по нескольким причинам. Во-первых, русские не были «господствующим» народом империи: они подвергались частичной социальной дискриминации по сравнению с нерусскими и уступали ряду народов (например, немцам, полякам и евреям) по степени урбанизированности, уровню грамотности, экономическому развитию, по числу лиц, занятых в сфере интеллектуального труда. Русские в массе всегда жили хуже, чем нерусские. И если об уровне благосостояния судить по средней продолжительности жизни, то русские даже на рубеже XIX—XX вв. уступали не только латышам, эстонцам, литовцам, евреям и полякам, но также украинцам, белорусам, татарам и башкирам.¹¹⁸ Во-вторых, национальная политика России отличалась прагматизмом и терпимостью по отношению к нерусским, ставила на первое место не экономические, а политико-стратегические задачи; религиозная и языковая ассимиляция и долгое время также административно-правовая интеграция не входили в ее цели, «господствующий» народ не поглощал побежденных. Нерусские к этому настолько привыкли, что всякие попытки интеграции и модернизации

вызывали у них бурный протест, который подрывал стабильность социально-политического порядка и заставлял центральное правительство скоро от них отказываться. В-третьих, в экономическом и культурном смысле русский центр уступал западной периферии и незначительно превосходил большинство своих восточных и южных окраин. Сама Россия в период империи вследствие относительной культурной и экономической отсталости находилась в существенной зависимости от иностранного капитала, европейской науки и технологии. В-четвертых, Российская империя держалась в решающей степени на династическом и сословном принципе, а не на этническом и религиозном самосознании русских. В силу указанных особенностей, а также вследствие большого разнообразия религиозного, культурного, социального, экономического и политического положения народов, входивших в состав России, **ярлык «колониальной державы» не соответствовал ее сущности.**¹¹⁹

Специфически имперский характер российского политического устройства обеспечивал возможность управления многонациональным государством, которое включало десятки народов, находившихся на разных ступенях развития, позволял России успешно конкурировать с колониальными империями Запада и выдержать борьбу с восточными империями. Сам факт достижения Россией международного статуса империи считался в свое время и в действительности был огромным достижением. Не случайно потребовалось более двух десятков лет, чтобы после принятия Петром I титула императора в 1721 г. он был признан всеми великими державами: Швеция признала новый титул в 1723 г., Турция — в 1739 г., Англия и Германия — в 1742 г., Франция и Испания — в 1745 г., позже всех Польша — в 1762 г.¹²⁰

Только после 1863 г. национальная политика центрального правительства под влиянием европейской модели решения национального вопроса стала склоняться к последовательной интеграции всех частей империи в цельное национальное государство, но ввиду огромного многообразия этносов интеграция под ругательным термином «русификация» проводилась в разных регионах и среди разных народов с разной глубиной и интенсивностью, а иногда и с отклонениями от генеральной линии. Так, в отношении евреев, ногайских и крымских татар, черкесов и некоторых других народов сегрегация и принуждение к эмиграции были признаны более целесообразными средствами решения национальных противоречий, а в отношении кочевников, охотников и собирателей и оседлых мусульман Средней Азии была сохранена прежняя политика сосуществования. Интеграционная политика находилась в прямой зависимости от степени языковой, конфессиональной и культурной близости народов и опасности, которую представлял сепаратизм для формирования единого национального российского государства.

Концепция развития национальных движений, предложенная М. Хромом, служит только удобной схемой, пригодной для анализа европейских национальных движений в определенный период европейской истории, но ни в коем случае не является железным законом исторического развития всех народов, входящих в состав многонациональных государств. Нет достаточных оснований полагать, что закономерности развития национального сознания и национальных движений везде и всегда с неумолимостью физических законов приводят к возникновению сепаратистских настроений в многонациональном государстве, что, распространяя образование и культуру, создавая письменность и литературные языки, способствуя появлению высокой литературы и искусства, развивая национальные элиты, многонациональная страна готовит предпосылки для своего будущего распада. Теоретики модернизации полагают, что социальные отношения, основанные на первичных привязанностях — узах крови, расе, языке и религии, являются мощной силой в традиционных, доиндустриальных обществах, но с приходом индустриальной эры должны ослабевать.¹²¹

Рис. 15. Эмир Бухарский Сеид-Алим и сопровождающие его лица на праздновании 300-летия Дома Романовых. С.-Петербург. 1913 г.

Пример дореволюционной России говорит о том, что стремление к культурно-национальной автономии перерастало в желание отделиться не автоматически, а лишь под влиянием конкретных обстоятельств: 1) насколько стремления к национально-культурной автономии удовлетворялись центральным правительством, 2) насколько демократизировалась Россия, 3) насколько привлекательным было ее экономическое положение и развитие, 4) насколько выгодно было в экономическом и культурном смыслах отделение для данного народа. Изменение национальной политики в начале XX в. стало назревшей задачей российского правительства уже только по той причине, что русские составляли всего 45% населения России, а нерусские народы проявляли настойчивое стремление к автономии. Вместо этого центральное правительство долгое время не шло на уступки, что, можно думать, способствовало развитию сепаратизма и в конечном счете привело к развалу империи в 1917 г. Колебания национальных политических партий в 1917 г. в отношении того, оставаться с Россией или отделиться от нее, очень симптоматичны.¹²² Они показывают, что изменение курса Временного правительства в национальном вопросе, согласившегося на федеральное устройство России и даже признавшего (хотя условно, до окончательного рассмотрения этого вопроса Учредительным собранием) право Польши на самоопределение, создавало реальные предпосылки для разрешения национальных проблем мирным путем и в рамках демократического государства, только неудачный для России ход военных событий и победа большевиков окончательно преопределили развал страны.¹²³ Приход большевиков к власти способствовал этому процессу по трем причинам. Во-первых, из русских политических партий только большевики поддерживали лозунг национального самоопределения. Во-вторых, их приход к власти предрешил возникновение гражданской войны в России, участвовать в которой не хотел ни один народ. В-третьих, в условиях анархии сепаратистам было легче добиваться своих целей.

Несмотря на печальный финал российской территориальной экспансии, мне представляется, что общий ее итог оказался положительным не только для властной русской элиты, но для всего российского государства и большинства входивших в его состав народов. Если даже допустить, что на начальных этапах исторического развития природа обделила Россию ресурсами или не была к ней достаточно щедрой,¹²⁴ то этот недостаток был с лихвой компенсирован в ходе ее территориального расширения, которое превратило ее в мощную державу, богатую природными ресурсами. Уже в XVIII— начале XX в. проблема состояла не в величине природных ресурсов, а в их разведке, доступности и использовании. Следовательно, цена, которую заплатили русские за свою территориальную экспансию, была высокой, но не чрезмерной. Думаю также, что в конечном счете от российской экспансии выиграло большинство народов, входивших в состав империи, в том числе те, которые потом вышли из нее. Всем, включая русских, Россия обеспечивала безопасность, всем, а нерусским даже в большей степени, помогала развиваться и уж во всяком случае этому не препятствовала. Под крышей России многие народы создали свою письменность, интеллигенцию, высокое искусство, государственность со значительно меньшими издержками, чем они могли этого сделать вне России, поскольку Россия, как было показано, не была типичной колониальной державой. «Единство разноплеменной России держалось не только на силе, — справедливо считал В. А. Маклаков. — История национального вопроса в России — иллюстрация ошибок как власти, так и ее победителей — либерального общества».¹²⁵

Роль географической среды, в которой происходило развитие России, велика, особенно на ранних стадиях. Например, бесспорно влияние климата на земледелие, животноводство и все экономические явления и процессы, непосредственно связанные с биосферой. Среда обитания воздействует на социальные процессы и, как теперь полагают ученые-социобиологи, на популяционную генетику человека, на социальное поведение и социальную и этническую психологию, но, во-первых, отнюдь не решающее.¹²⁶ И, во-вторых, влияние климата и вообще географической среды на экономические и социальные явления — на общественные и политические институты, социальные напряжения, политику, цены и т. д. — опосредовано и усложнено другими факторами, отделить которые друг от друга и оценить точно их воздействие на общество и человека не представляется возможным. Вследствие этого всякие общие соображения на этот счет носят в значительной степени умозрительный характер и не могут быть ни обоснованы, ни проверены. Образец взвешенной оценки влияния географии на историю дает Ф. Бродель в своей известной книге «Что такое Франция? Пространство и история».¹²⁷

На более твердой почве стоят предположения, связывающие социальные и экономические явления с демографическими. Увеличение плотности населения постоянно заставляло людей искать способы борьбы с относительным перенаселением. Различные народы выбирали разные пути в зависимости от природных условий, политических и социальных институтов, менталитета, традиций, обычаев и закона: сокращение рождаемости и уменьшение числа детей в семье сначала через увеличение возраста вступления в брак, затем с помощью различных методов контрацепции; переключение населения из сельского хозяйства в промышленность, ремесло и торговлю; эмиграция; экспансия и колонизация. Россия долгое время предпочитала территориальный рост, и этот способ борьбы с перенаселением, как было показано, являлся оптимальным для населения, бедного капиталом и богатого рабочими руками и землей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Носков В. В.* Образ России в идеологии американской империи // *Фурсенко А. А.* (ред.). Проблемы социально-экономической истории России. Л., 1991. С. 288—300. Моя точка зрения по обсуждаемым в данной главе вопросам была высказана в докладе «Как решался национальный вопрос в Российской империи» на конференции «Актуальные проблемы федерализма в России», проведенной Общественной палатой С.-Петербурга и Российской Академией Государственной службы (С.-Петербург, март 1995 г.), в докладе «Центр и провинция в Российской империи» на международной конференции «Россия и провинция» (Париж, ноябрь 1995 г.) и в докладе «Цена экспансии: Национальный вопрос в России XVIII—начала XX в.» на международном симпозиуме «Quest for Models of Coexistence» (Саппоро, Япония, июль 1997 г.): *Mironov B. N.* The Price of Expansion: The Nationality Problem in Russia of the Eighteenth- Early Twentieth Centuries // *Inoue K., Uyama T.* (eds.). Quest for Models of Coexistence: National and Ethnic Dimensions of Changes in the Slavic Eurasian World. Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1998. P. 197—230.

² Площадь равнялась в 1678 г. — 14,4, в 1719—1762 гг. — 14,5, в 1796 г. — 16,6, в 1815 г. — 17,1, в 1858 г. — 18,2 млн км².

³ Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970. Washington: U. S. Department of Commerce, 1975. Vol. 1. P. 8.

⁴ *Брук С. И.* Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 14—15; *Mulhall M. G.* Dictionary of Statistics. London et al.: G. Routledge, 1892. P. 441.

⁵ *Брук С. И., Кабузан В. М.* 1) Этнический состав населения России // СЭ. 1980. № 6. С. 24—44; 2) Динамика численности и расселения русского этноса: (1678—1917) // Там же. 1982. № 4. С. 9—25.

⁶ *Масленникова Н. Н.* Опыт изучения крестьянских переходов в XVI в. по данным топо- и антропоники // *Янин В. Л.* (ред.). Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976. Вып. 1. С. 22—36.

⁷ *Гольц Г. А.* Динамические закономерности развития системы городских и сельских поселений // *Ланно Г. М.* и др. (ред.). Урбанизация мира. М., 1974. С. 59—60.

⁸ *Брук С. И.* Население мира. С. 218—219.

Канпелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад / Пер. с нем. С. Червонной. М., 1996. С. 21—22, 90, 154; *Halecki O.* Imperialism in Slavic and East European History // The American and East European Review. 1952. Vol. 11. P. 171—188; *Huttenbach H. R.* The Origin of Russian Imperialism // *Hunczak T.* (ed.). Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1974; *Kerner R. J.* The Urge to the Sea: The Course of Russian History. New York: Russell and Russell, 1971; *Vernadsky G.* The Expansion of Russia. New Haven: Yale University Press, 1933.

¹⁰ *Mellor R. E. H.* The Soviet Union and its Geographical Problems. London: Macmillan, 1982. P. 29.

¹¹ *Inalcik H.* Servile Labor in the Ottoman Empire // *Ascher A. et al.* (eds.). The Mutual Effects of the Islamic and Judo-Christian Worlds: The East European Pattern. New York: Brooklyn College Press, 1979. P. 39—40; *Fisher A.* Muscovy and the Black Sea Trade // Canadian-American Slavic Studies. 1972. Vol. 6, No. 4. P. 582, 593.

¹² *Лимонов Ю. А.* (ред.). Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 409.

¹³ К концу XVIII в. их численность возросла до 363,4 тыс.: *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 461, 469.

¹⁴ *Павлов П. Н.* Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 204—213; *Ямзин И. Л., Воццини В. П.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С. 27—66.

¹⁵ *Баранский И.* Краткий курс экономической географии. М.; Л., 1931. С. 35.

¹⁶ О колонизации в России имеется большая литература, укажем важнейшие работы: *Багалея Д. И.* 1) Очерк из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887. Т. 1; 2) Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры: Исторический этюд. Киев, 1889; *Верецагин А. В.* Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и ее результаты. СПб., 1885; *Верецагин П. Д.* Аграрные миграции крестьянства Белоруссии на окраины России в конце XIX—начале XX в. М., 1981; *Водарский Я. Е.* Рост распаханности Черноземного центра России в XVII—первой половине XVIII века // *Загоровский В. П.* (ред.). Историческая география Черноземного центра России: (Дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 29—41; *Геллер А. Б.* Переселенческая политика царизма и колонизация Казахстана в XX веке: (1900—1916). Л., 1954; *Гурвич И. А.* Переселения крестьян в Сибирь. М., 1889; *Иванович И.* Колонизация Кавказа: Очерк // ВЕ. 1900. № 4. С. 586—629; *Исаев А. А.* Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891; *Кабузан В. М.* 1) Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII—первой половине XIX века: 1719—1858 гг. М., 1976; 2) Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII—начале XX в.: (1795—1917 гг.) // ИСССР. 1979. № 3. С. 22—38; *Кауфман А. А.* Сибирское переселение на исходе XIX века: Историко-статистический очерк. СПб., 1901; *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века; *Меркулов С. Д.* Вопросы колонизации Приамурского края. СПб., 1911; Очерки по истории колонизации Севера. Пб.,

1922; *Покишиевский В. В.* Заселение Сибири: (Историко-географические очерки). Иркутск, 1951; *Преображенский А. А.* Очерки по истории колонизации Западного Урала. М., 1956; *Романов Н.* Переселение крестьян Вятской губернии. Вятка, 1880; *Сафронов Ф. Г.* Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в. Якутск, 1956; *Семенов П. П.* Значение Сибири в колонизационном движении европейских народов // Изв. РГО. 1892. Вып. 4. С. 349—369; *Серповский Н.* Переселения в России в древнее и новое время и значение их в хозяйстве страны. Ярославль, 1885; *Тихонов Б. В.* Переселения в России во второй половине XIX в.: По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978; *Шульгин М. М.* Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX в. М., 1928; *Ямзин И.* Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912. Теоретические обобщения по вопросу русской колонизации см.: *Кауфман А. А.*

1) Переселение и колонизация. СПб., 1905; 2) К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. М., 1898; 3) Формы хозяйства в их историческом развитии. М., 1910; *Огановский Н. П.* Закономерности аграрной эволюции. Т. 3, вып. 1: Население. Переселенческий вопрос. М., 1914. Библиографию см.: *Скляр Л. Ф.* Переселение и землеустройство Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 566—586.

¹⁷ *Тихонов Б. В.* Переселения в России во второй половине XIX в. С. 148—154; *Бескровный Л. Г. и др.* Миграции населения в России в XVII—начале XX в. // *Колесников А. Д.* (ред.). Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 26—32; *Anderson B. A.* Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth Century Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980.

Рашкин Д. И. Миграции в общественном сознании крестьянства эпохи позднего феодализма // *Ковальченко И. Д.* (ред.). Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI—начало XX в.). Таллин, 1986. С. 75—82.

¹⁹ Тува находилась на юго-востоке Сибири в верховьях Енисея, она вошла в состав России как протекторат в 1914 г.: *Тишков В. А.* Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 338.

²⁰ *Дробижев В. З. и др.* Историческая география СССР. М., 1973. С. 85—108, 167—175; *Шотов Б. М.* (ред.). Краткая история США. М., 1993. С. 94—95; *Даневский В.* Системы политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи: Историко-догматическое исследование. СПб., 1882. С. 311—334.

²¹ Свод законов Российской империи. Изд. 1906 г. СПб., 1906. Т. 1, ч. 1: Свод основных государственных законов. Ст. 37.

²² *Galiev A.* Traditional Institutions in Modern Kazakhstan // *Inoue K., Uyama T.* (eds.) Quest for Models of Coexistence: National and

Ethnic Dimensions of Changes in the Slavic Eurasian World. Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1998. P. 233—246. См. также: *Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII—первой трети XVIII в. Уфа, 1978. С. 13, 15, 23; *Дамешек Л. М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири: (XIX—начало XX века). Иркутск, 1986. С. 35—45; *Калинин Г. С., Гончарова А. Ф.* (ред.). История государства и права СССР. М., 1972. Ч. 1. С. 250—310, 387—476; *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1893. Т. 2. С. 254—264, 351—358; *Скрипелев Е. А.* (ред.). Развитие русского права в первой половине XIX века. М., 1994. С. 241—245; *Фирсов Н.* Положение инородческого населения Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 190—204; *LeDonne J.* Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762—1796. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. P. 265—340; *Rogger H.* Russia in the Age of Modernization and Revolution 1881—1917. London; New York: Longman, 1983. P. 182—207.

²³ *Фирсов Н.* Положение инородческого населения... С. 171—190; *Kohut Z. E.* Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s—1830s. Cambridge, MA: Harvard Ukrainian Research Institute, 1988.

²⁴ *Фрумкин Я. Г., Аронсон Г. Я., Гольденвейзер А. А.* (ред.). Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960. С. 355, 358.

²⁵ *Гиммельсон Я. И.* Законы о евреях: Систематический обзор действующих законоположений о евреях. Пг., 1914, 1915. Т. 1, 2; *Мыш М. И.* Руководство к русским законам о евреях. СПб., 1914; *Незначный Б.* Еврейский кагал. Организация еврейских общин. Киев, 1881; *Орианский И. Г.* Русское законодательство о евреях: Очерки и исследования. СПб., 1877; *Baron S. W.* The Russian Jew under Tsars and Soviets. New York: Macmillan, 1964; *Stanislawski M.* Tzar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825—1855. Philadelphia, PA: The Jewish Publication Society of America, 1983.

²⁶ *Родосский А. С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814—1869. СПб., 1907. С. 448.

²⁷ ПСЗ-1. Т. 38. № 29125, 29126, 29127; СЗРИ 1857. Т. 9. Законы о состояниях. Ст. 1, 1097, 1098, 1100; *Дамешек Л. М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири... С. 163—165; *Дорская А. А.* Российское законодательство XIX—начала XX в. о положении иноверцев // *Старцев В. И., Фруменкова Т. Г.* (ред.). Россия в девятнадцатом веке: Политика. Экономика. Культура. СПб., 1994. С. 63—70; *Елатьевский А. В.* Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в царской России (XVIII—начало XX в.) // *Буганов В. И.* (ред.). Источниковедение отечественной истории. 1984. М.,

1986. С. 55—57; *Миненко Н. А.* Северо- Западная Сибирь в XVIII—первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 303—304; *Мирошнев М. А.* О положении русских инородцев. СПб., 1901. С. 338, 503—504; *Фирсов Н.* Положение инородческого населения. С. 92, 93, 194; *Сбоев В. А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856. С. 9; *Ядрищев Н. М.* 1) Сибирские инородцы, их быт и современное положение: Этнографические и статистические исследования. СПб., 1891. С. 146—166; 2) Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 146—189; *Есевский С.* Миссионерство в России // Журнал МНП. 1867. Т. 135. С. 58—90; *Кеппен П. И.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861; *Кудряшев Г. Е.* Православная христианизация нерусских народов (на примере Среднего Поволжья и Приуралья) // *Курыгин П. К.* (ред.). Вопросы научного атеизма. М., 1980. Вып. 25. С. 150—169; *Можаровский А.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. М., 1880; *Оболенская С. В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII— XIX вв. // *Гуревич А. Я.* (ред.). Одиссей. Человек в истории: Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. М., 1991. С. 160—185; *Редигер А. Ф.* Комплектование и устройство вооруженных сил. СПб., 1892. С. 118—120; *Slocum J. W.* Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // *Russian Review*. 1998. Vol. 57, No. 2. P. 173—190.
- ²⁸ *Meehan-Waters B.* Social and Career Characteristics of the Administrative Elite, 1689—1761 // *Pintner W. M., Rowney D. K.* (eds.). Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. P. 84; *Pintner W. M.* The Evolution of Civil Officialdom, 1755—1855 // *Ibid.* P. 195, 197, 208.
- ²⁹ *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 56; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 106—178, 200—219; *Куликов С. В.* Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // *Островский А. В.* (ред.). Из глубины времен. 1995. № 5. С. 3—46; *Amburger E.* Geschichte der Behordenorganisation Russland von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966; *Armstrong J. A.* Mobilized Diaspora in Tsarist Russia: The Case of the Baltic Germans // *Azrael J. R.* (ed.). Soviet Nationality Policies and Practices. New York; London: Praeger Publishers, 1978. P. 63—106; *Lieven D. C. B.* The Russian Civil Service under Nicholas II: Some Variation on the Bureaucratic Theme // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1981. Bd 29. S. 366—403.
- ³⁰ *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий: 1881—1903 гг. М., 1973. С. 197—198; *Kenez P.* A Profile of the Prerevolutionary Officer Corps // *California Slavic Studies*. 1973. Vol. 7. P. 121—158; *Stein H.-P.* Der Offizier des russischen Heeres im Zeitalter zwischen Reform und Revolution: (1861—1905) // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1967. Bd 13. S. 346—507.
- ³¹ *Kanneler A.* Россия — многонациональная империя. С. 247—249. Хотя в некоторых отношениях русские могли иметь предпочтение перед некоторыми, но не всеми другими народами; например, доступ к власти для них был легче, чем для многих, но не всех других народов: *Суни Р.* Национализм и демократизация в русской революции 1917 г. // *Черняев В. Ю.* (ред.). Анатомия революции. СПб., 1994. С. 278—291; *Фирсов Н.* Положение инородческого населения... С. 92—155.
- ³² *Яснопольский Н. П.* О географическом распределении государственных доходов и расходов в России: Опыт финансово-статистического исследования. СПб., 1890. Ч. 1. С. 74, 110. См также: *Мирошнев М. А.* О положении русских инородцев. С. 503—510; *Spechler M. C.* The Economic Advantages of Being Peripheral: Subordinate Nations in Multinational Empires // *Eastern European Politics and Societies*. 1989. Vol. 3, No. 3. P. 448—464.
- ³³ *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Princeton: Princeton University Press, 1985. P. 214—245; *Kappeler A.* Some Remarks on Russian National Identities: (Sixteenth to Nineteenth Centuries) // *Ethnic Studies*. 1993. Vol. 10. P. 147—155; *Сикевич З. В.* Этносоциология: Национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб., 1994. С. 80—81. «В крестьянской чисто русской центральной России враждебности вообще к инородцу — будь то татарин, еврей, немец или француз — не было и нет» (*Друцкой-Сокольниковский Дм.* Антисемитизм на Западе и в России // *ИВ*. 1900. № 7. С. 96).
- ³⁴ Наиболее полное и объективное описание национальной политики дореволюционной России содержится в двух недавних исследованиях: *Кулешов С. В.* (ред.). Национальная политика России: История и современность. М., 1997. С. 9—198; *Kanneler A.* Россия — многонациональная империя.
- ³⁵ *Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII—первой трети XVIII в. С. 31, 46, 56—57.
- ³⁶ *Olson J. S.* (ed.). An Ethnohistorical Dictionary of the Russian and Soviet Empires. Westport, CT; London: Greenwood Press, 1994. P. 147.
- ³⁷ *Юлдашбаев Б. Х.* Проблема нации и политическое положение башкир в составе царской России. Уфа, 1979. С. 50—51, 54—56.
- ³⁸ *Михайлов С. К.* Юридическое положение Финляндии: Заметки по поводу отзыва

Сейма 1899 г. СПб., 1901. 117—140; *Hodgson J. H.* Finland's Position in the Russian Empire 1905—1910 // *Journal of Central Affairs*.

1960. July. Vol. 20. P. 158—173.

³⁹ *Колупанов Н. П.* Административное и судебное устройство Царства Польского от конституции 1815 года до реформы 1864 года // ЮВ. 1891. № 3. С. 323—353; *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915; *Wandycz D. S.* The Lands of Partitioned Poland 1795—1918. Seattle; London: University of Washington Press, 1974.

⁴⁰ *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше. С. 223—225; *Klier J., Lambroza Sh.* Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge et al.: Cambridge University press, 1992.

⁴¹ *Перетц Е. А.* Дневник. М., 1927. С. 133; *Ганелин Р. Ш.* Первая Государственная дума в борьбе с черносотенством и погромами // *Троицкий Н. А.* (ред.). Освободительное движение в России. Саратов, 1992. Вып. 15. С. 113—140.

⁴² Тайное общество, созданное в Варшавской офицерской школе подпрапорщиков в 1828 г., готовило покушение на Николая I во время его коронации польской короной, намеченного на май 1829 г. Раскрытие заговора предотвратило покушение. Однако в 1843 г., во время пребывания императора в Познани, покушение все-таки состоялось: *Сердюков Л. М.* Исторические рассказы и анекдоты из записок Богуславского // РС. 1879. Т. 26. с. 123—124; Покушение на жизнь императора Николая Павловича в Познани, 1843 г.: Рассказ очевидца // РС. 1880. Т. 28. С. 137—138. Выражаю благодарность М. Ф. Хартанович за сообщение источника сведений.

⁴³ *Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe : A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Характеристику национальных движений с точки зрения концепции Хроха, которой я придерживаюсь в своем изложении, см.: *Канпелер А.* Россия — многонациональная империя. С. 174—203.

⁴⁴ *Bumme C. Ю.* Воспоминания: В 3 т. Таллин; М., 1994. Т. 1. С. 353.

⁴⁵ ЦГА ВМФ, ф. 283, оп. 3, д. 3798 (1865 г.), л. 2, 4.

⁴⁶ *Kappeler A.* Zur Charakteristik russischer Terroristen (1878—1887) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1979. Bd 27. S. 520—547; *Lane D.* The Roots of Russian Communism: A Social and Historical Study of Russian Social-Democracy 1898—1907. Assen: Van Gorcum, 1964. P. 39—53; *Perrie M.* The Social Composition and Structure of the Socialist- Revolutionary Party before 1917 // *Soviet Studies*. 1972/1973. Vol. 24. P. 223—250; *Shapiro L.* The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement. *Slavonic and East European Review*. 1961. Vol. 40. P. 148—167.

⁴⁷ Подсчитано по: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Саратов,

1978. С. 338—390. Всего к суду было привлечено 662 человека; в расчет не включены 45 украинских крестьян, проходивших по Чигиринскому делу, которое правильнее, на мой взгляд, отнести не к политическому процессу, а к так называемому крестьянскому движению. См. также: *Канпелер А.* Россия — многонациональная империя. С. 179, 226—231.

⁴⁸ *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания). Париж, 1936. С. 222.

⁴⁹ *Афанасьев И. Л.* Проблема двоевластия и национальные движения на Украине и в Закавказье // *Черняев В. Ю.* (ред.). Анатомия революции. СПб., 1994. С. 324—333; *Кеттола Э.* Русская революция и независимость Финляндии // Там же. С. 294—307; *Черняев В. Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Там же. С. 308—323; *Чернов В. М.* Рождение революционной России (Февральская революция). Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934. С. 351—353; *Кривенько В. В.* Новые данные сравнительно-количественного анализа политических партий России // *Зевелев А. И.* (ред.). История национальных политических партий в России. М., 1997. С. 126, 128; *Кулешов С. В.* (ред.). Национальная политика России: История и современность. С. 199—277; *Маклаков В. А.* Власть и общественность... С. 227—228; *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 205—262, 364—366; *Старцев В. И.* Внутренняя политика временного правительства. Л., 1980. С. 216—218; *Pipes R.* The Formation of Soviet Union: Communism and Nationalism 1917—1923. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1954. P. 53; *Radkey O.* Russia Goes to the Poll: The Election to the All-Russian Constituent Assembly, 1917. Ithaca; London: Cornell University Press, 1990.

⁵⁰ По национальному вопросу в России имеется большая литература, укажу важнейшие работы, кроме приведенных выше: *Алишев С. X.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI—начало XIX в. М., 1990; *Аршаруни А., Габидуллин X.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931; *Берлин И.* Исторические судьбы еврейского народа на территории русского государства. Пг., 1919; *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы русских татар. М., 1992; *Высоцкий И. И.* Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией: (1710—1910 гг.). Рига, 1910; *Галоян Г. А.* Россия и народы Закавказья: Очерки политической истории их взаимоотношений с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1976; *Галузо П. Г.* Туркестан — колония: (Очерки по истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года). М., 1929; *Ганелин Р. Ш., Кельнер В. Е.* Проблемы историографии евреев в России: Вторая половина XIX—первая четверть XX в. *II Аграновская М.*

- (ред.). Евреи в России: Историографические очерки. М.; Иерусалим, 1995. С. 183—255; *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. Л., 1925. Т. 1,2; *Дикий А.* Евреи в России и СССР: Исторический очерк. 2-е изд. Новосибирск, 1994; *Дружинин Н. М.* (ред.). Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958; *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма: (XIX в.) // ВИ. 1995. № 9. С. 130—142; 1996. № 11—12. С. 39—72; *Кандель Ф.* Очерки времен и событий: Из истории российских евреев. Иерусалим, 1988, 1990; *Ланда Р. Г.* Ислам в истории России. М., 1995; *Локшин А.* (ред.). Евреи в Российской империи XVIII—XIX веков: Сб. трудов еврейских историков. М.; Иерусалим, 1995; *Самбук С. М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980; *Сулейменов Б. С., Басин В. Я.* Казахстан в составе России в XVIII—начале XX века. Алма-Ата, 1981; *Смирнов Н. А.* Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958; *Федоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири: (XVII—начало XX века). Якутск, 1978; *Хасанов Х. Х.* Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977; *Эгунов Н. П.* Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Уде, 1963; *Allworth E.* (ed.). Central Asia: 120 Years of Russian Rule. Durham; London, 1989; *Azrael J. R.* (ed.). Soviet Nationality Policies and Practices. New York; London: Praeger Publishers, 1978; *Blobaum R. E.* Rewolucja: Russian Poland, 1904—1917. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1995; *Demko G. J.* The Russian Colonization of Kazakhstan: 1896—1916. Bloomington: Indiana University Press; The Hugel: Mouton, 1969; *Fisher A.* The Crimean Tatars. Stanford: Hoover Institution Press, Stanford University, 1978; *Frankel J.* Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862—1917. New York et al.: Cambridge University Press, 1981; *Haberer E. E.* Jews and Revolution in Nineteenth Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; *Lantzeff G. V., Pierce R. A.* Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1973; *Lincoln W. B.* The Conquest of a Continent Siberia and the Russians. New York: Randon House, 1994; *Loit A.* (ed.). National Movements in the Baltic Countries during the 19th Century. Stockholm, 1985; *Pierce R.* Russian Central Asia, 1867—1917: A Study in Colonial Rule. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960; *Polvinen T.* Imperial Borderland: Bobrikov and the Attempted Russification of Finland 1898—1904. Durham, NC: Duke University Press, 1995; *Ragsdale H.* (ed.). Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; *Riazanovsky N. V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825—1855. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1959; *Rieber A. J.* 1) Struggle Over the Borderlands // *Starr F. S.* (ed.). The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia. Armonk, NY; London: M. E. Sharpe, 1994. P. 61—90; 2) Persistent Factors in Russian Foreign Policy: An Interpretive Essays // *Ragsdale H.* (ed.). Imperial Russian Foreign Policy. Washington; Cambridge: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1993. P. 315—360; 3) The Historiography of Imperial Russian Foreign Policy: A Critical Survey // *Ibid.* P. 361—444; *Rywkin M.* (ed.). Russian Colonial Expansion to 1917. London; New York, 1988; *Starr F. S.* (ed.). The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia. New York; London: M. E. Sharpe, 1994; *Suny R. G.* (ed.). Transcaucasia: Nationalism and Social Change: Essays in History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, University of Michigan, 1983; *Tewari J. G.* Muslims under the Czar and the Soviets. Lucknow, India: Academy of Islamic Research and Publication, 1984; *Thaden E. C.* Russia's Western Borderlands: 1710—1870. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984; *Thaden E. C.* (ed.). Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855—1914. Princeton: Princeton University Press, 1981; *Thaden E. C., Raun T.* (eds.). Finland and the Baltic provinces in the Russian Empire // *Journal of Baltic Studies* (special Issue). 1984. Vol. 15, No. 2/3. P. 87—224; *Vakar N. P.* Byelorussia. The Making of a Nation: A Case Study. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956; *Vucinich W. S.* Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples. Stanford, CA: University of California Press, 1972; *Zenkowsky S. A.* Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.
- ⁵¹ Первый расчет произведен по данным: *Цветков М. А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. М., 1957. С. 110—118; *Огановский Н. П.* (ред.). Сельское хозяйство России в XX веке: Сб. статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг. М., 1923. С. 76—77. Процент пашни, равный 29,2, принят по сведениям сельскохозяйственной переписи 1917 г. о 30 губерниях, общая площадь угодий и процент леса (35,2) — по данным Цветкова; площадь неудобной земли (16,7%) — по данным 1887 г., а площадь лугов вычислена как остаток между общей площадью угодий и известными видами угодий (100% - 29,2% - 35,2% - 16,7% = 18,9%). Второй расчет по данным выборочной (10%) сельскохозяйственной переписи населения 1922 г.: с 1887 по 1922 г. по Европейской России без территорий, отделившихся от России, и Крайнего Севера доля пашни возросла примерно на 5%, лугов и пастбищ — на 1% за счет соответствующего сокращения доли лесов и неудобной земли (Сб. статистических сведений по СССР. 1918—1923. Труды ЦСУ. Т. 18. М., 1924. С. 98). Очевидно, что главные изменения в структуре угодий произошли между 1887 и 1915 гг.
- ⁵² Сб. статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1916. Год 9. С. 2—3;

Кистяковский В. В. Учебник экономической географии: Россия сравнительно с важнейшими государствами мира. СПб.; Киев, 1911. С. 39—40.

⁵³ Кауфман А. А. 1) Переселения и колонизация. СПб., 1905. С. 319—327; 2) Аграрный вопрос в России: (Курс аграрного университета). М., 1919. С. 68—72; Поляков Ю. Российские просторы: благо или проклятие? // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 20—21.

⁵⁴ Трейвиш А., Шупер В. Теоретическая география, геополитика и будущее России // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 25—33. Правда, следует отметить, что под влиянием этой единой системы городов (наряду с другими факторами — существованием привилегированной столицы на северо-западной окраине страны, где были также сосредоточены лучшие порты для торговли с Западной Европой) в России уже в 1760—1770-х гг. возник единый национальный рынок: Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Л., 1981.

⁵⁵ Цимбаев Н. И. Россия и русские: (Национальный вопрос в Российской империи) // Вестник МУ. 1993. Сер. 8: История. № 5. С. 23—32; Cherniavsky M. Russia // Ranum O. (ed.). National Consciousness, History, and Political Culture in Early-Modern Europe. Baltimore: John Hopkins University Press, 1975. P. 134—135; Pipes R. Russia under the Old Regime. New York: Scribner, 1974. P. 234—239.

⁵⁶ Трейвиш А., Шупер В. Теоретическая география, геополитика и будущее России. С. 33.

⁵⁷ Кауфман А. А., Чекан И. В. К вопросу о соотношении между размерами земельного обеспечения и агрикультурным прогрессом. Пг., 1919. С. 1—22; Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941. С. 377. Самым ярким представителем демографической школы в России являлся М. М. Ковалевский, см.: Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898—1903. Т. 1—3.

⁵⁸ Гаряинов А. Взгляд на естественные и нравственные производительные силы России. СПб., 1858. С. 121—123; Бирюкович В. В. (ред.). Сельскохозяйственная техника: (Особое совещание. Свод трудов). СПб., 1903. С. 114; Риттих А. А. (ред.). Крестьянское землепользование: (Особое совещание. Свод трудов). СПб., 1903. С. 19—20; Скрипичин В. А. (ред.). Природные препятствия сельскому хозяйству: (Особое совещание. Свод трудов). СПб., 1903. С. 17—22; Флексор Д. С. (ред.). Охрана сельскохозяйственной собственности: (Особое совещание. Свод трудов). СПб., 1904. С. 98—210; Шидловский С. И. (ред.). 1) Общий обзор трудов местных комитетов: (Особое совещание. Свод трудов). СПб., 1905. С. 110—111, 114; 2) Земельные захваты и межевое дело: (Особое совещание. Свод трудов). СПб., 1904. С. 3—25.

⁵⁹ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1913. С. XXVIII—XXXI; Численность помещиков в 1905 г.: Статистика землевладения 1905 г. Свод

данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 128—129; Тюкавкин В. Г., Скрябин С. И. Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX—начале XX века // Ковальченко И. Д., Тишков В. А. (ред.). Аграрная эволюция России и США в XIX—начале XX века. М., 1991. С. 270—293.

⁶⁰ Это следует из такого расчета. Если принять, что все машины принадлежали только частным владельцам, оказывается, что сеялки имелись у 8% владельцев, уборочные машины — у 25%, молотилки — у 33% и только веялки — у всех.

⁶¹ Материалы Комиссии 1901 г. СПб., 1903. Ч. 1. С. 210—211; Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1916. С. 624, 634.

⁶² Суть закона состоит в следующем: «По достижении определенной и не очень высокой стадии развития сельского хозяйства при любом данном состоянии земледельческого искусства и агрономических знаний с увеличением затрат труда продукт не увеличивается в равной степени; любого увеличения продукта добиваются за счет более чем пропорционального увеличения прилагаемого к земле труда. Этот общий закон сельскохозяйственного производства является важнейшим положением политической экономии» (Милль Дж. С. Основы политической экономии М., 1980. Т. 1. С. 304). См. также: Маршалл А. Принципы экономической науки М., 1993. Т. 1. С. 214—245; Косинский В. А. К аграрному вопросу. Вып. 1. Крестьянское и помещичье хозяйство. Одесса, 1906. С. 115—134.

⁶³ Милль Дж. С. Основы политической экономии. Т. 1. С. 303—321. О позитивном влиянии колонизации см. также: Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3, вып. 1. С. 108—114; Ямзин И. Л., Воишин В. П. Учение о колонизации и переселениях. С. 66—68, 143—145; Яхонтов А. П. Переселение за пределы Украины. Харьков, 1926. С. 35—36.

⁶⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992. С. 400.

⁶⁵ Болховитинов Н. Н. США: Проблемы истории и современная историография. М., 1980. С. 301—338; Turner F. J. The Frontier in American History. New York: Holt, 1920; Treadgold D. W. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History. 1952. October. Vol. 26. P. 147—152.

⁶⁶ Pallot J., Shaw D. J. B. Landscape and Settlement in Romanov Russia 1613—1917. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 13—32.

⁶⁷ Голобуцкий В. А. 1) Черноморское казачество. Киев, 1956; 2) Запорожское казачество. Киев, 1957; Дружинина Е. Н. Северное

Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959; *Миллер Г. Ф.* Историческое сочинение о Малороссии. М., 1846. С. 39—55; *Ригельман А. И.* История или повествование о донских казаках. М., 1846; *Alexander J. T.* Empire of the Cossacks: Pugachev and the Frontier Jacquerie of 1773—1775. Lawrence, Kansas: Coronado Press, 1973; *Longworth Ph.* The Cossacks. London: Constable, 1969; *Seaton A.* The Horsemen of the Steppes: The Study of the Cossacks. London: Bodley Head, 1985.

⁶⁸ Очерки по истории колонизации Севера. С. 1—76; *Андреев А. И.* К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова // *Дела и дни.* 1920. Кн. 1. С. 23—36.

⁶⁹ *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и XVIII вв.: (Очерки по истории края и его колонизации). Одесса, 1882; 359—370; *Тарасов Ю. М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала: Вторая половина XVIII—первая половина XIX в. М., 1984. С. 80—87, 153—170, 171—173.

⁷⁰ *Быковня Г. Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 244—247; *Вибе П. П.* Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989; *Кабузан В. М.* Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII—начале XX в.: (1795—1917 гг.). С. 22—38; *Колесников А. Д.* (ред.). Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII—начале XIX в. Томск, 1978; *Скляр Л. Ф.* Переселение и землеустройство Сибири... С. 491—515; *Treadgold D. W.* The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1957. P. 206—220.

⁷¹ *Тихонов Б. В.* Переселения в России во второй половине XIX в. С. 148—149.

⁷² *Кулешов С. В.* (ред.). Национальная политика России: История и современность. С. 146—150; *Областничество // Шумяцкий Б. З.* (ред.). Сибирская советская энциклопедия. New York, NY: Norman Ross Publishing Inc., 1992. Т. 4. Стб. 2—9; *Потанин Г. Н.* Областнические тенденции в Сибири. Томск, 1917; *Сватиков С. Г.* Россия и Сибирь: (К истории сибирского областничества в XIX веке // *Вольная Сибирь.* Прага, 1928—1929. Т. 4. С. 83—99; Т. 5. С. 47—58; Т. 6—7. С. 72—87; Т. 8. С. 34—45.

⁷³ *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь... С. 300—304.

⁷⁴ *Turner F. J.* The United States 1830—1850: The Nation and Its Sections. New York, 1935. P. 11.

⁷⁵ *Челищев А. Н.* Сельскохозяйственные районы России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910. С. 128—135.

⁷⁶ *Анучин В. А.* Географический фактор в развитии общества. М., 1982; *Боряз В. Н., Потапов Л. П.* (ред.). Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ: (По этнографическим данным). Л., 1984; *Дулов А. В.* Географическая среда и история России: Конец XV—середина XIX в. М., 1983; *Жегулин В. С.* Историческая география: Предмет и метод. Л., 1982; *Ким М. П.* (ред.). Общество и природа:

Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981.

⁷⁷ *Калесник С. В. и др.* (ред.). Советский Союз: Географическое описание: В 22 т. М., 1966—1972; *Мильков Ф. Н., Гвоздецкий Н. А.* Физическая география СССР: Общий обзор. Европейская часть СССР. Кавказ. 5-е изд. М., 1986; *Auty R., Obolensky D.* (eds). An Introduction to Russian History: Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1976. P. 1—45; *Bater J. H., French R. A.* (eds.). Studies in Russian Historical Geography. London et al.: Academic Press, 1983. Vol. 1, 2; *Cole J. P.* The Geography of the USSR. London et al.: Butterworths, 1984; *Lydolph P. E.* Geography of the USSR. 5th ed. Elkhart Lake, WI: Misty Valley Publishing, 1990; *Parker W. H.* An Historical Geography of Russia. London: University of London Press, 1968; *Symons L., White C.* (eds.). Russian Transport and Geographical Survey. London: G. Bell and Sons, 1975; *White C.* Russia and America: Roots of Economic Divergence. London: Eroom Helm, 1987. Более полную информацию по данному вопросу см. в специальных библиографических указателях: *Harris Ch. D.* Guide to Geographical Bibliographies and Reference Works in Russian or on the Soviet Union. Chicago: The University of Chicago, 1975; *Sanchez J.* Bibliography for Soviet Geography: With Special Reference to Cultural Historical and Economic Geography. Chicago: Council of Planning Librarians, 1985.

⁷⁸ *Колесников П. А.* Северная деревня в XV—первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 295—305; *Михайловский В. Г.* Урожай в России 1901—1914 гг. // *Бюллетень Центрального статистического управления.* 1921. № 50. С. 2—5.

⁷⁹ *Бехтеев С. С.* Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия и меры к хозяйственному подъему. СПб., 1906. Т. 2. С. 180—206.

⁸⁰ Песчаные почвы преобладали в 56, или 11.3%, всех уездов, супесчаные — в 49, или 9.9%, смешанные почвы — в 16, или 3.2%, всех уездов: *Фортуатов А. Ф.* Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., 1893. С. 63.

⁸¹ *Анучин В. А.* Географический фактор в развитии общества. С. 111—112.

⁸² *Борисенков Е. П.* 1) Климат и деятельность человека. М., 1982. С. 29; 2) Колебания климата за последнее тысячелетие. Л., 1988. С. 208—209, 394—398, 401—404; *Кренке А. Н.* (ред.). Изменчивость климата Европы в историческом прошлом. М., 1995. С. 107—118. Каталог экстремальных сезонов. С. 196—209.

⁸³ *Лохтин П. М.* Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами: Итоги к началу XX века. СПб., 1901.

- С. 1—15; Бехтеев С. С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятiletия... Т. 2. С. 45—54.
- ⁸⁴ Wright B. Political Institutions and the Frontier: Sources of Culture in the Middle West // Fox D. R. (ed.). Sources of Culture in Middle West. New York, 1934; Webb W. P. The Western World: Frontier // Wyman W., Krober C. (eds.). The Frontier in Perspective. Madison, 1957. P. 112—115.
- ⁸⁵ Зайцев В. В. (ред.). Японская экономика в преддверии XXI века. М., 1991. С. 114—115.
- ⁸⁶ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 40.
- ⁸⁷ Милов Л. В. Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 3—30, 554—572.
- ⁸⁸ Ingram M. J., Farmer G., Wiegley T. M. L. Past Climate and Their Impact on Man: A Review // Ingram M. J., Farmer G., Wiegley T. M. L. (eds.). Climate and History: Studies in Past Climates and Their Impact on Man. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1981. P. 3—50.
- ⁸⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 3. С. 175—178; Рябчиков А. М. (ред.). Природные ресурсы зарубежных территорий Европы и Азии. М., 1976. С. 278—303.
- ⁹⁰ Миронов Б. Н. Революция цен в России XVIII в. // ВИ. 1971. № 1. С. 39—40.
- ⁹¹ Олгарий А. Описание путешествия в Московию // Лимонов Ю. А. (ред.). Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 328, 331, 335, 345.
- ⁹² Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед укреплением: (XIV—XVI вв.). Л., 1987. С. 16—30.
- ⁹³ Шапиро А. Л. (ред.). Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971. С. 349.
- ⁹⁴ Бунак В. В. Об увеличении роста и ускорении полового созревания современной молодежи в свете советских соматологических исследований // Вопросы антропологии. 1968. Вып. 28. С. 38—40; Деникер И. Человеческие расы. СПб., 1902. С. 685—692; Mironov B. N. Diet and Health of the Russian Population from the Mid-Nineteenth to the Beginning of the Twentieth Century // Komlos J. (ed.). The Biological Standard of Living on Three Continents. Boulder: Westview Press, 1995; Steckel R. H. Stature and the Standard of Living // Journal of Economic Literature. 1995. December. Vol. 33. P. 1919. Подробнее об этом см. в главе XI «Итоги социального развития России», т. 2 наст. изд.
- ⁹⁵ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1906. Т. 3. С. 120—128; Фельдман Ф. А. (ред.). Систематический сборник очерков по отечественному. СПб., 1898. С. 27, 29.
- ⁹⁶ Mironov B. N. Work and Rest in Peasant Economy of European Economy in the 19th and Early 20th Centuries // Blanchard I. (ed.). Labour and Leisure in Historical Perspective, Thirteenth to Twentieth Centuries. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. P. 55—64.
- ⁹⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1960. Кн. 1. С. 78;
- Ключевский В. О. Соч.: В 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 61—73, 292—315.
- ⁹⁸ Бердяев Н. А. О власти пространства над русской душой // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 66—68; Розанов В. В. Сборник: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. Уединенное. С. 600—601; Чернов В. М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934. С. 48—49; Стенун Ф. А. Мысли о России // Исупов К., Савкин И. (ред.). Русская философия собственности: XVIII—XX вв. СПб., 1993. С. 335.
- ⁹⁹ Бушуев С. В. История государства Российского: Историко-географические очерки, XVII—XVIII вв. М., 1994. С. 24—27; Дулов А. В. Географическая среда и история... С. 56.
- ¹⁰⁰ См., например: Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 43—48.
- ¹⁰¹ Сави А. Общая теория населения. М., 1977. Т. 1. С. 121—136, 199—219, 423—436.
- ¹⁰² Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908. С. 244—245, 408—440.
- ¹⁰³ Власова И. В. Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья: (XVII—XIX вв.) // Громыко М. М., Листова Т. А. (ред.). Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 24—44.
- ¹⁰⁴ Дулов А. В. Географическая среда в истории России. С. 56.
- ¹⁰⁵ Сельскохозяйственный промысел в России. СПб., 1914. С. 103—104; Яцунский В. К. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны // Яцунский В. К. (ред.). Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 140; Сб. статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. Год 10. С. 32—33.
- ¹⁰⁶ Лубны-Герчук Л. И. (ред.). Материалы к вопросу об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР. М., 1926. С. 159 (относительное аграрное перенаселение оценивается в 56% от общего числа рабочих рук в 1914 г.); Островский А. В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России: (1862—1914) // Водарский Я. Е. (ред.). Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 2. С. 175—181 (27—35%); Рындзюнский П. Г. К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX—XX вв. // Тихвинский С. Л. (ред.). Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 155—171 (22%); Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 249 (52%); см. также: Иванов Е. П. Отечественная историография аграрного перенаселения // ВИ. 1971. № 12. С. 31—42; Маслов П. Перенаселение русской деревни. М.; Л., 1930; Тюкавкин В. Г. Аграрное перенаселение в России в эпоху империализма-

ма // Ковальченко И. Д. (ред.). Социально-демографические процессы в российской деревне. С. 214—225.

¹⁰⁷ Уменьшение смертности за 1861—1910 гг. с 37 до 30 смертей на тысячу человек населения было вызвано, по мнению наиболее компетентных врачей и демографов, преимущественно улучшением и расширением бесплатной медицинской помощи, ростом культурного уровня населения, успехами самой медицинской науки, повысившими эффективность профилактической и лечебной медицины: Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 184; Соколов Д. А., Гребенцов В. И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901. С. 59—62; Вишневецкий А. Г., Волков А. Г. (ред.). Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 54—56; Рашид А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 188. Высказано предположение, что на снижение смертности повлияло также, кроме указанных факторов, увеличение в рационе питания населения картофеля вместо ржи, в зернах которой при определенных условиях образовывались грибки, вызывавшие массовые отравления крестьян, преимущественно детей: Matossian M. K. Climate, Crops, and Natural Increase in Rural Russia, 1861—1913 // Slavic Review. 1986. Vol. 45, No. 1. P. 457—469.

¹⁰⁸ Кованько П. Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения: (Выкупная операция 1861—1907). Киев, 1914. Приложение 4, табл. 4; Приложение 5, табл. 1; Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 290—291.

¹⁰⁹ Baker A. V. Deterioration or Development? The Peasant Economy of Moscow Province prior to 1914 // Russian History. 1978. Vol. 5. Part 1. P. 1—23; Gregory P. Grain Marketings and Peasant Consumption in Russia, 1885—1913 // Exploration in Economic History. 1980. Vol. 17. P. 135—164; Donnorummo R. P. The Peasants of Central Russia: Reaction to Emancipation and the Market, 1850—1900. New York: Garland, 1987. P. 312—314; Harrison M. The Peasantry and Industrialization // Davies R. W. (ed.). From Tsarism to the New Economic Policy. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1980. P. 104—124; Hoch St. On Good Numbers and Bad: Malthus, Population Trends and Peasant Standard of Living in Late Imperial Russia // Slavic Review. 1994. Vol. 53, No. 1. P. 41—75; Simms J. Y., Jr. 1) The Crisis of Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View // Ibid. 1977. Vol. 36, No. 3. P. 377—398; 2) The Crop Failure of 1891: Soil Exhaustion, Technological Backwardness and Russia's Agricultural Crisis // Ibid. 1982. Vol. 41, No. 2. P. 236—250; Wilbur E. M. Peasant Poverty in Theory and Practice: A View From Russia's Impoverished Center // Kingston-Mann E., Mixer T. (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia: 1800—1921. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 101—127.

¹¹⁰ В 17 губерниях недоимки были наибольшими и со временем уменьшались: Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 251—297.

¹¹¹ В. В. [Воронцов]. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892; Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 6, 79; Ч. 3. С. 265—280; Морачевский В. В. Успехи крестьянского хозяйства в России // Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. Пб., 1910. Год третий. С. 704—825; Поленов А. Д. Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний: Труды Особого совещания. М., 1901. С. 65—69.

¹¹² Mironov B. N. Diet and Health of the Russian Population... Об изменении длины тела см. главу XI «Итоги социального развития России», т. 2 наст. изд.

¹¹³ Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure. Chicago: Aldine, 1973; Clark G. Population Growth and Land Use. London, 1968; Simmons I. G. Changing the Face of the Earth: Culture, Environment, History. New York: Basil Blackwell, 1989. P. 189—195.

¹¹⁴ Кауфман А. А., Чекан И. В. К вопросу о соотношении между размерами земельного обеспечения и агрикультурным прогрессом. С. 1—32; Челинцев А. Н. Сельскохозяйственные районы России... С. 8—15.

¹¹⁵ Студенский Г. А. Очерки сельскохозяйственной экономики. М., 1925. С. 296 (доход с гектара земли по губерниям); Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 75—76 (величина наделов по губерниям). О вычислении и интерпретации коэффициентов корреляции и детерминации см.: Ковальченко И. Д. (ред.). Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. С. 136—176; Миронов Б. Н. История в цифрах. Л., 1991. С. 93—100; Bialock H. M., Jr. Social Statistics. Second edition. New York et al.: McGraw-Hill Book Company, 1972. P. 389—393; Dollar Ch. M., Jenson R. J. Historian's Guide to Statistics. Quantitative analysis and Historical Research. New York et al.: Holt, Rinehart and Winston INC, 1972. P. 61—63.

¹¹⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. С. 62—63; Ключевский В. О. Соч. Т. 1. С. 30—32; Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1: Население, экономический, государственный и сословный строй. 7-е изд. М., 1918. С. 53—67.

¹¹⁷ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С. 698—729; Doyle M. W. Empires. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1986; Fieldhouse D. K. The Colonial Empires. London: Longman, 1965; Mommsen W. G. Theories of Imperialism. New York: Random House, 1980.

¹¹⁸ Птуха М. Смертность 11 народностей Европейской России в конце 19 века. Киев, 1928. С. 1—57.

- ¹¹⁹ *Каннелер А.* Россия — многонациональная империя. С. 133—137; *Subtelny O.* The Habsburg and Russian Empires: Some Comparisons and Contrasts // *Haza T., Matsuzato K.* (eds.). *Empire and Society: New Approaches to Russian History.* Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1997. P. 73—92.
- ¹²⁰ *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909. С. 270.
- ¹²¹ *Доган М.* Сравнительный анализ спада национализма в Западной Европе: Динамика взглядов поколений // *Международный журнал социальных наук.* 1993. № 3. С. 35—62. Есть, впрочем, и противники данной точки зрения: *Hoben A., Hefner R.* The Integrative Revolution Revisited // *World Development.* 1991. Vol. 19, No. 1. P. 17—30.
- ¹²² *Гусев К. В.* (ред.). *Непролетарские партии в России: Урок истории.* М., 1984. С. 309—323, 364—376; *Каннелер А.* Россия — многонациональная империя. С. 291—303.
- ¹²³ *Ананьич Б. В.* (ред.). *Власть и реформы: От самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С. 676—677; *Станкевич В.* Судьбы народов России: Белоруссия. Украина. Литва. Латвия. Эстония. Армения. Грузия. Азербайджан. Финляндия. Польша. Берлин, 1921. С. 12—15; *Лазерсон М.* Временное правительство и права национальностей // *Русские записки.* Париж. 1939. Апрель. С. 178—187; *Browder R. P., Kerensky A. F.* (eds.). *The Russian Provisional Government. Documents.* Stanford, CA: Stanford University Press, 1961. Vol. 1. P. 426—432. Временное правительство согласилось на признание независимости Польши, восстановление конституции Финляндии, автономию Украины, Латвии, Эстонии и введение краевого управления для Закавказья; *Журавлев В. В.* Национальный вопрос в программах общероссийских политических партий начала XX в. // *Зевелев А. И.* (ред.). *История национальных политических партий в России.* М., 1997. С. 92.
- ¹²⁴ *Дулов А. В.* Географическая среда и история России... С. 14—133; *Кистяковский В. В.* Учебник экономической географии... С. 9—19, 120—129, 181—184, 204—212; *Фельдман Ф. А.* (ред.). Систематический сборник очерков по отечествоведению. С. 1—31; *Jasny N.* The Socialized Agriculture of the USSR. Stanford, SA: Stanford University Press, 1967. P. 103—132.
- ¹²⁵ *Маклаков В. А.* Власть и общественность... С. 233.
- ¹²⁶ *Дубинин Н. П.* Новое в современной генетике. М., 1986; *Фирсов Б.* Этнос и экологическая культура // *Общественные науки.* 1988. № 3. С. 98—111; *Фуллер Дж. Л., Хан М. Е.* На пути к генетике социального поведения // *Пономаренко В. В.* (ред.). *Актуальные проблемы генетики поведения.* Л., 1975. С. 22—38; *Cronk L.* *Human Behavioral Ecology // Annual Review of Anthropology.* 1991. Vol. 20. P. 25—52; *Kaye H. L.* *The Social Meaning of Modern Biology: From Social Darwinism to Sociobiology.* New Haven: Yale University Press, 1986; *Saegert S., Winkel G.* *Environmental Psychology // Annual Review of Psychology.* 1990. Vol. 41.
- ¹²⁷ *Бродель Ф.* Что такое Франция? Пространство и история. М., 1994. См. также: *Шварценберг Р. Ж.* Политическая социология: В 3 ч. М., 1992. Ч. 2. С. 113—119.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: ЗАРОЖДЕНИЕ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА

В данной главе предпринята попытка проследить, как изменялась социальная структура русского общества в императорский период и какую роль в этом играла вертикальная социальная мобильность. Анализ социальной структуры и социальной мобильности поможет ответить на чрезвычайно важный вопрос о причинах незавершенности к 1917 г. процесса формирования единой российской нации.

При изучении социальной структуры общества целесообразно «разложить» его на однородные социальные группы, ясно сознавая, что всякая социальная классификация, или стратификация, является в значительной мере условной, так как зависит от критериев, положенных в ее основу. Прежде всего определим, из классов или сословий состояло российское общество XVIII—начала XX в. Понятие *класс* обычно используется в современной научной литературе для обозначения больших групп людей в индустриальном обществе, отличающихся друг от друга по роду занятий, величине дохода, власти и влиянию в обществе.¹ Эти группы складываются стихийно, они являются открытыми для входа и выхода, их состав постоянно изменяется, отдельные индивиды входят в эти группы не по рождению, а в зависимости от многих факторов, таких как образование, способности, личные качества, случай и др. В классовом обществе все граждане имеют одинаковые права и обязанности, что закреплено в законодательстве. Несмотря на это, классы можно расположить иерархически (высший, средний, низший) в порядке их общественного значения, в соответствии с рядом критериев, среди которых наиболее важными считаются три: 1) социально-экономический статус, определяемый в зависимости от престижа социальной функции и профессии, от образования и дохода; 2) самоидентификация — представление человека о месте своем и себе подобных в обществе; 3) перекрестная идентификация — понятия людей друг о друге и одних социальных групп о других.

Понятие *сословие* в западноевропейском смысле, т. е. как *estate*, принципиально отличается от класса. Признаки сословия состоят в следующем: 1) каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычае или законе; 2) сословные права передаются по наследству, следовательно, приобретаются по рождению; 3) представители сословий объединяются в сословные организации или корпорации; 4) сословия обладают специфическим менталитетом и сознанием; 5) сословия имеют право на самоуправление и участие в местном управлении или центральном государственном управлении (в сословно-представительных учреждениях); 6) существуют внешние признаки сословной принадлежности— одежда, прическа, особые украшения и т. п. Сословия можно расположить иерархически, соответственно их правам и обязанностям, привилегиям или престижу, но представителей отдельных сословий нельзя иерархизировать сразу по двум или более признакам, например престижу и доходу, так как сословное право было равнодушно к имущественному по-

ложению, образованию и другим характеристикам человека. В сословном обществе нередкость встретить бедного образованного дворянина и богатого неграмотного крестьянина или богатого малограмотного мещанина и бедного образованного священника. В классовом обществе существует более четкое соответствие между доходом, престижем и образованием и другими признаками человека.

СУЩЕСТВОВАЛИ ЛИ СОСЛОВИЯ В РОССИИ?

В русском законодательстве понятию *сословие* (estate) в XVIII—первой половине XIX в. соответствует термин *сосостояние*. Значительно реже в этом же смысле во второй четверти XIX в. используется термин *сословие*. Во второй половине XIX—начале XX в. в обыденном, административном и научном языках термин *сословие* в смысле понятия *estate* постепенно заменяет термин *сосостояние*, последний приобретает значение семейного положения.²

Не было четкости и в научной литературе. Термины *сословие* и *класс* часто употреблялись в смысле больших социальных групп, например представителями государственной школы (С. М. Соловьевым, Б. Н. Чичериным, В. О. Ключевским, П. Н. Милоковым и др.). Их концепция о всеобщем закреплении сословий в XVI—XVII вв. и их раскрепощении в XVIII—XIX вв. подразумевала существование сословий до начала их закрепощения. Вместе с тем понятие *сословие* употреблялось в более узком смысле, как группа подданных, отличающихся своим юридическим положением, которое передается по наследству, и, наконец, в смысле, близком к современному.³

В дореволюционной российской историографии было высказано несколько точек зрения на социальный строй в России, некоторые из них отличались друг от друга акцентами, деталями. Абстрагируясь от нюансов, пусть важных, их можно свести к двум концепциям. Согласно первой (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. П. Павлов-Сильванский и др.), к XVIII в. естественным и органическим путем, в ходе социального, политического и экономического развития страны сформировался сословный строй. Государство содействовало формированию сословий ровно настолько, насколько это требовалось в ходе объективного развития событий. Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. подвели юридический итог этому закономерному процессу. В результате Великих реформ 1860—1870-х гг. сословный строй начал постепенно разрушаться, вследствие того что сословия стали трансформироваться в классы.⁴ Вторая концепция (П. Н. Милоков, Н. М. Коркунов и др.) отличалась от первой тем, что считала сословный строй в России хрупкой, недолговечной и искусственной структурой, созданной в результате попыток государства «привить к русской жизни начала западноевропейские, чуждые русской истории». Сформировавшись в течение XVIII в., он был в значительной степени разрушен преобразованиями 1860—1870-х гг., хотя самодержавие и его правительство наперекор объективному ходу событий до конца старого режима поддерживали сословную парадигму в русском обществе с помощью законодательных мер.⁵ Как видим, сторонники данной точки зрения также не отрицают того, что в течение большей части императорского периода в России существовали сословия, пусть и искусственно созданные. Стоит добавить, что сословная парадигма была присуща не только официальной России, но и массовому общественному сознанию вплоть до 1917 г.⁶

В советской историографии сословия трактовались как «социально- правовые группы, каждая из которых отличалась своим юридическим положением, определенными правами и обязанностями в обществе; в развитии,

сложившемся виде сословия характеризовались наследственностью, относительной замкнутостью, осознавали свое единство, закреплённое в общегосударственном масштабе».⁷

В России сословия существовали с X—XI вв. до 1917 г. Реформы 1860-х гг. нанесли серьёзный удар по сословному строю, но только Февральская и Октябрьская революции 1917 г. полностью разрушили его. Согласно марксистскому подходу, чистых сословий при феодализме, т. е. с X в. по 1860-е гг., как правило, не существовало. Одни из них принадлежали к господствующему или эксплуататорскому классу (дворянство), другие — к эксплуатируемому классу (крестьянство), третьи — к разным классам (гильдейское купечество и мещане). Отсюда вводится такое гибридное понятие, как «класс-сословие». С развитием в России после реформ 1860-х гг. капитализма сословия превращались в чистые классы, но процесс этот к 1917 г. не завершился.⁸

В новейшей американской историографии высказано несколько мнений о социальном строе российского общества императорского периода. М. Конфино полагает, что сословий в России никогда не существовало, а общество делилось на многочисленные социальные группы.⁹ По мнению Г. Фриза, сословный строй сложился в России в первой половине XIX в. и в основных чертах просуществовал до 1917 г.¹⁰ Большинство западных историков в понимании сословного строя склоняются к одному из вариантов государственной школы, полагая, что сословия были созданы государственной властью в России в течение XVIII в., получили первое законодательное оформление в 1785 г. жалованными грамотами дворянству и городам и вторичное — Сводом законов 1832 г. Достигнув апогея своего развития к середине XIX в., сословия благодаря реформам 1860-х гг. стали превращаться в классы.¹¹

Таким образом, за исключением Конфино, исследователи различных методологических ориентаций признают наличие в России XVIII—XIX вв. сословного строя, хотя многие говорят о его искусственности и принципиальном отличии от западноевропейской модели. Поэтому, а также в силу того, что русское законодательство признавало существование сословий, а массовое сознание принимало сословную парадигму, анализ социальной структуры целесообразно проводить именно в сословном разрезе. Но сначала попытаемся ответить на следующий вопрос: насколько русская модель сословности соответствовала западноевропейской?

Если применить критерии западноевропейского сословия к социальным группам России XVI—первой половины XVII в., то окажется, что в России в это время еще не существовало сословий. Во-первых, хотя различные группы населения отличались своим социальным статусом, но это различие было скорее фактическим, чем юридическим. Во-вторых, социальные группы различались не столько правами, сколько обязанностями по отношению к государству: одни служили ему лично, другие платили налоги и несли повинности, или тягло, третьи не несли ни государственной службы, ни государственного тягла (они работали за чужим тяглом, кормились поденной работой или питались Христовым именем). Соответственно этому общество разделялось на три состояния: 1) служилые люди, или чины служилые, 2) тяглые люди, или чины земские, или жилецкие люди, 3) нетяглые люди. Они в свою очередь подразделялись на несколько разрядов, соединявших служилых и тяглых людей неувимыми переходами. *Служилые люди* не образовывали сословия. Между ними не существовало сословного равенства и корпоративного единства: они объединялись в многочисленные служилые разряды, мало между собой связанные; даже между членами одного разряда постоянно существовали споры о служебном старшинстве, что несовместимо с сословным строем (споры о служебном старшинстве, или местничество, были отменены лишь в 1681 г.). Принадлежность к служилым людям опре-

делялась нахождение на придворной, военной или гражданской службе, а не наличием потомственных прав. Наличие привилегий определялось службой: если человек оставлял службу, он терял и привилегии. До середины XVII в. служилыми людьми могли стать как нетяглые люди (холопы), так и представители тяглых людей (крестьяне, посадские люди и др.). Культурные стандарты были едиными для всех социальных групп, включая и высший «чин» боярство.¹²

Тяглые люди также не образовывали сословия. Два главных признака тяглого состояния — уплата государственных налогов и выполнение повинностей и прикрепление к крестьянской и посадской общине — не являлись признаками сословия. Посадские люди — тяглое население каждого города — составляли тяглую общину на тех же основаниях, как и крестьянство в волости: прикрепление к месту жительства, общинное владение землей, круговая порука в уплате налогов и несении повинностей, выборное самоуправление. Между крестьянами и посадскими не было различий в правах и обязанностях, и даже сам город не являлся отдельной административной единицей. Переходы из одного разряда тяглого населения в другой были широко распространены и зависели от перемен в имущественной состоятельности и занятиях человека.

Еще менее единства имелось среди представителей *нетяглых людей*, так как они включали вольных, или гулящих, людей, бывших лично свободными, и холопов, находившихся в личной зависимости.¹³

Таким образом, Московское государство являлось государством бесклассовым и бессословным, так как существовавшие в то время социальные группы не подходили к сформулированным выше признакам класса и сословия. Обязанности по отношению к государству, большая или меньшая имущественная состоятельность, виды имущества и занятия были наиболее важными отличительными признаками различных разрядов служилых, тяглых и нетяглых людей. Но, как это ни парадоксально, они участвовали в работе представительного учреждения, что применительно к XVI—XVII вв. всегда рассматривается историками как важнейший признак сословия.¹⁴ Социальные группы приобретали и другие признаки сословия: наследственность социального статуса; различие в правах, хотя только фактическое; наличие корпоративной организации (например, общины у тяглых людей); самоуправление. С начала XVII в. наметилась тенденция к консолидации социальных групп в сословия. В актах и грамотах, принятых на земских соборах XVII в., обычно указывались те «чины», которые присутствовали на заседаниях и подавали свои мнения. Перечень 6—8 чинов в порядке ступеней иерархической лестницы переходил с небольшими вариациями из одного акта в другой, приобретая характер эталона. Иногда эти чины сводились в 3—4 группы: «духовный», «воинский», «торговый», «судебный» чин. Эта устойчивость номенклатуры чинов может свидетельствовать о перерастании «чинового» строя в сословный. Однако постоянная дробность этих групп говорит о том, что процесс консолидации социальных групп в сословия в середине XVII в. был весьма далек от завершения.¹⁵

Уложение 1649 г. явилось важным рубежом в развитии сословного строя в России. Если до этого времени отдельные социальные группы различались преимущественно обязанностями, то теперь — также и закрепленными в законе правами. Уложение предоставило им преимущества, или привилегии, в постоянное и наследственное обладание с целью закрепить за ними постоянные государственные обязанности и постоянное место жительства. Все служилые люди получили исключительное право иметь землю в личной собственности, потомственные служилые люди (служилые по отечеству) — владеть крепостными. Духовенство получило исключительное право на религиозную деятельность. Посадским было присвоено исключительное право на занятия торговлей, ремеслом и промышленностью в

черте города, а у крестьян осталось право на земледельческий труд, хотя и посадским не запрещалось заниматься сельским хозяйством. Права, полученные в XVII в. отдельными социальными группами, стали в XVIII в. важным фактором превращения их в сословия.

Вторым фактором, способствовавшим развитию сословного строя, послужило понятие чиновной чести. Человек при нанесении ему оскорбления действием или словом, что называлось бесчестьем, имел право на материальную компенсацию соответственно его чину или на выдачу оскорбителю головой, т. е. на милость оскорбленного. Сложный тариф денежных штрафов и наказаний за оскорбления существовал до 1649 г., но Уложение разработало его с особой тщательностью, посвятив ему 56 из 967 статей. Штраф колебался от 1 р. до 400 р. — огромной по тем временам суммы; за бесчестье патриарха оскорбителю выдавался последнему головой. Штраф за бесчестье, давая оценку социальной значимости чинов, устанавливал их иерархию. Это способствовало развитию мысли о сословной чести как средстве защиты интересов данной социальной группы.¹⁶

Третьим фактором развития сословности служило ограничение социальной мобильности, наследственное приращение социальных групп к занятию, службе, месту жительства. В результате этого приобретаемые ими права превращались в наследственные.¹⁷

Процесс образования сословий в XVIII в. пошел более быстрыми темпами под влиянием сословного строя, существовавшего в XVIII в. в странах Западной Европы. Это обстоятельство послужило важной причиной того, что Россия к концу XVIII в. с точки зрения сословного строя была похожа на современные ей европейские государства XVIII в., где он уже разрушался, а не на западный сословный строй XIII—XV вв. в момент его расцвета. При Петре I из служилых людей по отечеству начало складываться шляхетское, или дворянское, сословие, из посадских — мещанское, или гражданское, из низших разрядов служилых людей и государственных крестьян — сословие казенных крестьян, из частновладельческих крестьян и холопов — крепостное сословие, из белого и черного духовенства — духовное сословие. В царствование Петра I за сословиями сохранялась обязанность служить государству. Но Екатерина II своими жалованными грамотами дворянству и городам пыталась создать сословия, не только по форме, но и по духу схожие с западноевропейскими сословиями. И это, как мы увидим далее, ей в значительной мере удалось. Последовательно проведенные реформы Екатерины II положили сословный принцип в основу всего местного управления и судоустройства, придав ему огромное государственное значение.

Социальная структура русского общества получила вторичное, еще более четкое юридическое оформление как строго сословная в IX томе («Законы о состояниях») Свода законов Российской империи, опубликованного в 1832 г. и вошедшего в силу в 1835 г. Закон определил четыре главных сословия — дворяне, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели (они будут соответственно называться городским сословием и крестьянами). Поскольку вплоть до 1917 г. Свод законов коренным образом не перерабатывался, а лишь дополнялся новыми законами, то его сословная концепция придавала всем включаемым в него новым законодательным актам сословную окраску, которой они по замыслу были совершенно лишены. Последнее издание IX тома в 1899 г. положило в основу социального законодательства ту же классификацию сословий, хотя уже и не могло так же последовательно, как в 1832 г., провести сословный принцип.¹⁸ Причина в том, что многие реформы 1860-х гг., хотя и принимали во внимание различия между сословиями в образовании и материальной обеспеченности, были лишены строго сословного начала — такковы судебная, военная, полицейская реформы. Единственной крупной

реформой, носившей по необходимости сословный характер, было освобождение крестьян. Благодаря этому в пореформенное время сословия стали постепенно утрачивать свои специфические права и в правовом положении сближаться друг с другом.¹⁹

Даже после утверждения сословной парадигмы, не говоря уже о более раннем времени, каждое из четырех сословий, как оно определялось в законе, никогда не составляло единого целого, а подразделялось на разряды, весьма различные по своему юридическому положению. Дворянство разделялось на два разряда — потомственное и личное, городское сословие — на пять, духовенство — на несколько по вероисповеданиям, крестьянство до 1860-х гг. — на несколько разрядов и только в результате реформ 1860-х гг. более или менее консолидировалось в единое сословие. Несмотря на это, в общественном сознании *четырёхчленная сословная парадигма* существовала достаточно четко и с точки зрения престижа и предпочтительности сословия ранжировались следующим образом: дворянство—духовенство—городское сословие—крестьянство. Данная стратификация общества основывалась не на точной оценке какого-либо одного «параметра» человека, а имела в виду многие аспекты: собственность, власть, психологическое удовлетворение, место жительства, религию и т. п. Если попытаться в первом приближении привести в систему важнейшие из этих признаков, то мы получим следующую картину (для наглядности приводятся параллельные данные для США, которые были общими для всех вообще развитых западноевропейских стран). В начале XX в. в американском и в российском обществе каждый гражданин по общему правилу считал, что лучше, предпочтительнее или более достойно, если он:

США	Россия
Белый, а не черный	Белый, а не желтый или черный
Мужчина, а не женщина	Мужчина, а не женщина
Протестант, а не католик или еврей	Православный, а не какой-либо другой веры
Образованный, а не необразованный	Образованный, а не необразованный
Богатый, а не бедный	Богатый, а не бедный
Служащий, а не рабочий	Служащий, а не работник — рабочий, ремесленник или крестьянин
Из хорошей семьи, а не из плохой семьи	Из хорошей семьи, а не из плохой семьи
Молодой, а не старый	Для крестьян — старый или зрелый, а не молодой, для горожан — зрелый, а не молодой или старый*
Горожанин, а не сельский житель	Для крестьян — сельский житель, для остальных сословий — горожанин
Англосаксонской национальности, а не какой-либо другой	не Русский, а не какой-либо другой национальности
Американского происхождения, а не иностранного	не Российского происхождения, а не иностранного
Имеющий работу, а не безработный	Работающий в своем хозяйстве, а не в чужом, имеющий работу, а не безработный
Женатый, а не разведенный	Женатый, а не холостой или разведенный

* Выделены различия в предпочтениях американцев и русских. Источники: *Tumin M. M. Social Stratification... P. 27.*

Как видим, в некоторых случаях предпочтения россиян и американцев расходились. Российская система оценок, как и всякая другая, изменялась во времени, и в начале XVIII в. она в некоторых аспектах выглядела по-другому сравнительно с началом XX в. Теперь рассмотрим более подробно историю отдельных сословий.

СОСЛОВИЯ, ИХ СТРАТИФИКАЦИЯ И ВНУТРИСОСЛОВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Дворянство

Дворянство в первой четверти XVIII в. образовалось из высших разрядов служилых людей московского периода, которые находились на придворной, военной и гражданской службе и имели звание «*служилых людей по отечеству*»), т. е. были, во-первых, наследственно-служилыми людьми, занесенными в Разрядные книги XVII в. и Бархатную книгу 1687 г., и, во-вторых, землевладельцами.²⁰ Дворянство превратилось в сословие постепенно.²¹ Важнейшими вехами этой трансформации являлись 1714, 1719, 1762, 1766, 1775 и 1785 гг. В 1714 г. царским указом дворянские поместья — условные владения были обращены в собственность дворян — в вотчины. В 1719 г. персонально за каждым дворянином были навечно закреплены все крестьяне, жившие в его поместье, а его права над крестьянами были существенно увеличены: они приблизились к тем правам, которые до той поры имел господин в отношении своего холопа, что поставило крестьянина на грань помещичьей собственности. Право собственности на землю и права на крестьян были по-прежнему обусловлены службой, но теперь в том смысле, что распоряжаться поместьем *как своей собственностью* и владеть жившими в нем крестьянами дворяне могли только в том случае, если они находились на государственной службе или в законной отставке. В случае уклонения от службы без надлежащей причины поместье и крестьяне отбирались в пользу государства. Манифестом 1762 г. дворяне были освобождены от обязательной государственной службы (только в случае войны все дворяне могли быть призваны на военную службу) и обязанности обучения с сохранением за ними на правах собственности поместья и крестьян. В 1766 г. дворяне приобрели право иметь корпоративную организацию на уездном уровне. В 1775 г. уездная дворянская корпорация получила более правильную организацию, право иметь сословный дворянский суд и комплектовать из своей среды путем выборов коронную уездную администрацию. В 1785 г. Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородному российскому дворянству систематизировала и подтвердила все полученные прежде дворянством права и добавила новые, в частности, были образованы самоуправляющееся губернское дворянское общество и губернское дворянское собрание, которое получило права юридического лица. Грамота освободила дворянство от всех налогов, повинностей и телесных наказаний, установила внешние признаки дворянской принадлежности — мундир, шпага, экипаж, место в церкви и т. д. Важное отличие Жалованной грамоты от манифеста 1762 г. состояло в том, что она не осуждала уклонение от службы и не превозносила служащего дворянина, оставляя решение вопроса служить или не служить полностью на усмотрение самого человека. Таким образом, с 1785 г. всему дворянству, и только ему, были дарованы титул благородства (до Петра I принадлежавший лишь лицам царской фамилии), право иметь герб, владеть землей и крепостными, занимать средние и высшие должности в коронной администрации и армии; дворянство было освобождено от всех налогов, повинностей, обязательной службы (только в случае чрезвычайных обстоятельств дворяне могли быть призваны на службу) и объединялось в губернские дворянские общества с правами самоуправления и юридического лица. В результате дворяне превратились в привилегированное сословие и стали взаимно равны.²²

Два важных обстоятельства сопутствовали получению дворянами сословных прав. Первое — они долго и упорно добивались этих прав. Особое значение имели петиции Анне Иоанновне в 1730 г. и указы дворянским депутатам в Комиссии для составления нового Уложения при Елизавете Петровне и Екатерине II.²³ Второе — юридическому оформлению прав до неко-

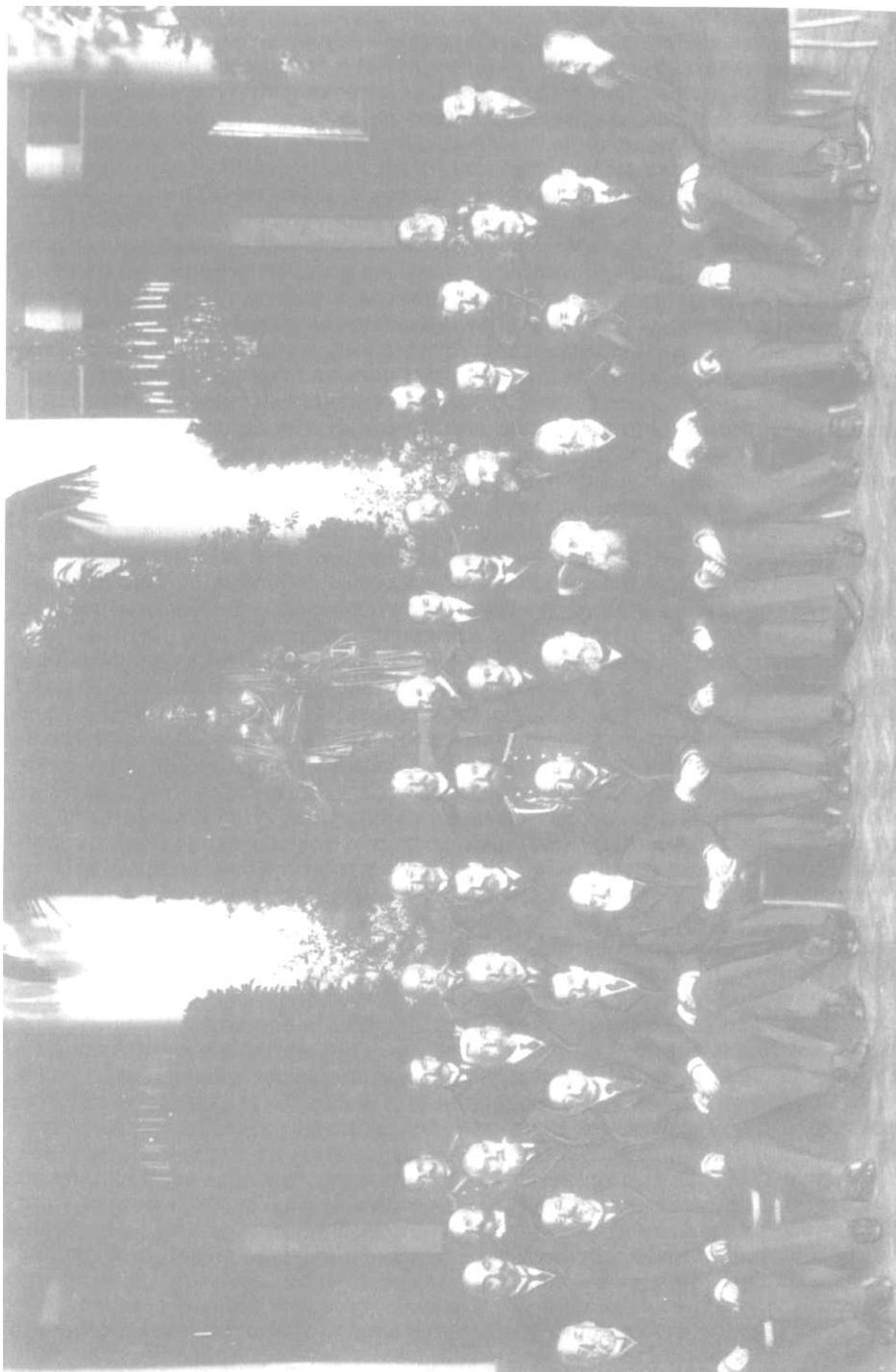

Рис. 16. Участники съезда предводителей дворянства в зале дворянского собрания в С.-Петербурге. 1911 г.

торой степени предшествовало фактическое обладание этими правами. Так, дворянство и до указов 1714 и 1719 гг. совершало сделки с поместьями и крестьянами, что стирало прежде четкую границу между поместьем и вотчиной, и коронная администрация смотрела на это снисходительно. Указу 1762 г. предшествовало сокращение в 1736 г. сроков обязательной службы до 25 лет, освобождение от службы одного из сыновей или братьев служащего дворянина для управления имением и возможность получения длительного отпуска с обязательством явиться на службу по первому требованию. Уездная организация дворянства существовала задолго до 1775 г. — в XVI—

XVII вв. Дворяне, жившие в одном уезде, объединялись в корпорацию под названием «служилый город», в рамках этой организации жили и делали карьеру. Хотя корпорация была предназначена правительством для контроля за несением дворянской службы, на практике она выполняла и другие социальные функции: использовалась дворянством для отстаивания своих интересов, для давления на правительство. От имени служилых городов дворянство обращалось с прошениями к царю и посылало своих представителей на земские соборы.²⁴ При Петре I уездное дворянство стало участвовать в местном управлении. Оно выбирало дворянские советы в помощь коронному уездному воеводе для управления уездом, земских комиссаров с разнообразными полицейскими обязанностями в помощь губернатору. Так дворянство постепенно приобретало влияние в местном управлении и некоторые черты самоуправления.

До 1762 г. важнейшими источниками дворянства являлись служба и рождение, с 1762 г. на первое место вышло рождение. В 1785 г. добавились новые способы приобретения дворянства — орден и пожалование государем, в 1806 г. — ученая степень доктора (она давала право на чин VIII класса и на потомственное дворянство, если человек находился на государственной службе). Принадлежность к дворянству подтверждалась специальным актом — до 1785 г. внесением в Бархатную книгу, заведенную в 1687 г., а с 1785 г. — внесением в губернские дворянские книги. Специальное герольдмейстерское учреждение разбирало все вопросы, связанные с принадлежностью к дворянству в общероссийском масштабе.

В дворянстве постепенно развивалось чувство дворянской чести и принадлежности к благородному сословию, которое во всем отличается от других классов населения. Даже русские просветители и писатели XVIII в. считали необходимым противопоставлять дворян народу, полагая, как например А. П. Сумароков, что дворянская мораль должна отличаться от крестьянской морали, или как Д. И. Фонвизин, что дворянин во всех отношениях должен стоять выше простолюдина. И действительно, в течение

XVIII в. дворянство шаг за шагом отрывалось от народа, чему в большой степени способствовало и правительство. Дворяне стали отличаться именем и фамилией, языком и образованием, манерами и одеждой (Жалованная грамота и последующие правительственные узаконения установили дворянскую униформу не только для мужчин, но и для женщин²⁵), западноевропейской ориентацией и менталитетом. Даже монастыри стали разделяться по сословному признаку — одни предназначались для дворян, другие — для народа. Например, в 1780-е гг., по свидетельству Фонвизина, в Киеве во Флоровский монастырь постригались благородные монахини, а в Богословский — простолюдинки.²⁶ Указ 1766 г. постановил изменять фамилии принятых на военную службу солдат с дворянскими фамилиями. Если, например, поступал в рекруты Семен Петрович Боборыкин, а фамилия Боборыкиных считалась дворянской, то рекрут становился Семеном Петровым, лишаясь отчества и родовой фамилии.²⁷ Командир гусарского полка при Павле I генерал-майор Чорбай так ревностно изменял фамилии своих солдат, что почти все они стали носить три фамилии — Иванов, Петров, Семенов, отчего возникли трудности при учете солдат в Военной коллегии.²⁸

Дворянство стало предпочитать французский язык русскому и к началу XIX в. так в этом преуспело, что многие дворяне, особенно из богатых и аристократических семей, плохо говорили по-русски. Как остроумно выразился известный исследователь истории дворянства, «изучением *французского языка* дворянство приготавливалось служить *в русской гвардии*».²⁹ Александр I был вынужден издать указ, запрещающий членам Государственного совета подавать свои мнения на французском языке.³⁰ Образование дворянства также приобрело сословный характер, и дворяне стремились дать образование своим детям в закрытых учебных заведениях, предназначенных специально для благородного сословия. Уже первые учебные заведения, открытые при Петре I, были сословно специализированы: подготовку офицеров из дворянства обеспечивали кадетские корпуса, чиновников из числа приказных людей — подьяческие училища, священников из представителей духовенства — духовные училища и семинарии. Профессионально-сословный характер образования сохранялся в основном и впоследствии, что оказало большое влияние на развитие сословного строя.

Большую роль в превращении дворянства в сословие играла гвардия, особенно в эпоху дворцовых переворотов 1725—1762 гг. В гвардии служил цвет дворянства, поэтому она отражала и выражала интересы и требования всей корпорации. Именно в силу этого в гвардии выкристаллизовалось дворянское самосознание, которое из гвардейских полков распространилось на все российское дворянство. Участие гвардии в дворцовых переворотах повысило ее престиж и усилило влияние на государственные дела, что одновременно подняло на небывалую прежде высоту и значение всего дворянства. Оно стало чувствовать себя причастным к принятию важнейших государственных решений, от которых зависела судьба страны. Наказы депутатам в Комиссию для составления нового Уложения 1767 г. ясно показали, что дворяне в целом проникнуты сознанием общности своих интересов, составляют единое целое и четко отделяют себя от всех остальных сословий.³¹

Превращению дворянства в сословие способствовало знакомство с западноевропейскими порядками и привлечение на русскую службу иностранцев, через которых в русскую среду проникали представления западного дворянства. И то и другое началось во второй половине XVII в., но особенно прогрессировало в первой половине XVIII в.

Таким образом, **в 1785 г. дворянство в общих чертах приобрело почти все признаки сословия:** 1) сословные права были закреплены в законе; 2) права являлись наследственными и безусловными; 3) дворянство имело сословную организацию в виде уездных и губернских дворянских собраний; 4) оно обладало сословным самосознанием и менталитетом; 5) дворянство имело право на самоуправление и участие в местном управлении; 6) оно имело внешние признаки дворянской принадлежности. По причине отсутствия в стране представительного учреждения у дворянства не было сословного представительства при верховной власти (в большинстве европейских стран такие учреждения в XVIII в. тоже отсутствовали или не действовали). Взамен этого дворянство имело сословный и независимый от коронной администрации суд, избирало из своего состава лиц на коронную службу в местных учреждениях и имело право петиций о своих нуждах высшей коронной администрации и самому государю посредством адресов и через специально избранных депутатов.³²

Стратификация дворянства. Итак, к 1785 г. дворянство консолидировалось в единое сословие. Но отдельные его представители дифференцировались по источникам получения дворянства и по своему имуществу. По источникам происхождения дворянство разделялось на следующие группы: 1) титулованное дворянство, т. е. дворянство, приобретенное на основании титула (граф, барон, князь и т. п.); 2) древнее, или находившееся в составе дворянства в момент издания Жалованной грамоты, в 1785 г., не менее 100 лет и записанное в первую Бархатную книгу; 3) пожалованное государем;

4) приобретенное военной службой; 5) приобретенное гражданской службой; 6) приобретенное по индигенату иностранных дворян, перешедших в русское подданство. Каждая группа записывалась в специальную часть губернской дворянской книги. Эта практика сохранилась до 1917 г.

Особую группу среди дворянства составляли *личные дворяне*. Эта социальная группа появилась в 1722 г. и включала лиц, находившихся на государственной службе, но не выслуживших чина, который давал статус потомственного дворянина. С 1785 г. личные дворяне были освобождены от телесных наказаний, налогов, рекрутской повинности, но не имели права владеть крепостными, записывались в особую часть городских обывательских книг, а не губернских дворянских книг и были слабо связаны с губернскими дворянскими обществами, хотя по закону считались ее членами. До 1860-х гг. они были связаны с ними тем, что могли занимать некоторые должности по выборам в органы дворянского самоуправления и уездную администрацию. С 1860-х гг. это право было утрачено, и личные дворяне потеряли реальную связь с губернскими дворянскими обществами.³³ Это дало основание некоторым исследователям считать, что личные дворяне являлись разрядом не дворянства, а потомственного почетного гражданства.³⁴ С этим мнением трудно согласиться. Личное дворянство приобреталось только государственной службой, в то время как почетное гражданство — успехами в предпринимательстве или на каком-либо профессиональном поприще. По своей культуре, бытовым привычкам и поведению личные дворяне принадлежали к дворянскому сословию и именно с ним идентифицировали себя. Население объединяло личных и потомственных дворян в одно дворянское сословие. Лишь некоторая часть родовитого и богатого потомственного дворянства дистанцировала себя от личных дворян. Зато правительство всегда считало их дворянами и объединяло их с потомственными дворянами в единую корпорацию. Когда некоторые члены Особого совещания по делам дворянства (1897—1901) предложили, уступая требованиям ряда губернских дворянских собраний, выделить личных дворян в особое сословие, правительство решительно отклонило эту идею.³⁵

С точки зрения доходов, образования, престижа дворянство разделялось на три страты — низшую, среднюю и высшую. Низшая страта, как правило, состояла из беспоместных и мелкопоместных дворян, средняя — из средне-поместных, высшая — из крупнопоместных дворян. Трехчленная стратификация, как будет показано далее, была свойственна всем другим сословиям, только критерии стратификации были иными. До отмены крепостного права в 1861 г. основным показателем материальной состоятельности дворянства являлись не размеры земельной собственности, а число крепостных крестьян. При залоге имения в банк величина ссуды зависела не от количества земли в имении, а от числа крепостных. Поэтому современники проводили стратификацию дворянства на основании числа крепостных крестьян. Образование, престиж, влияние дворянина зависели от дохода, который давали крепостные. Беспоместные и мелкопоместные дворяне с числом крепостных мужского пола менее 20 относились к низшей страте и считались бедными дворянами, среднепоместные дворяне с числом крепостных от 21 до 100 относились к средней страте и считались достаточными дворянами, крупнопоместные дворяне с числом крепостных более 100 относились к высшей страте и считались богатыми дворянами. Только средняя и высшая страты могли вести образ жизни, достойный дворянина. Личные дворяне не имели права владеть крепостными, основной доход им приносили жалованье или пенсия за службу. Вследствие того что они имели невысокие чины, их жалованье и пенсии были небольшими. По уровню жизни и другим признакам они приближались к мелкопоместному неслужащему дворянству и образовывали низшую часть низшей страты дворянства.³⁶

Критерий, который использовали современники для разделения дворянства на три страты, можно признать удовлетворительным. Например, в первой половине XIX в. считалось, что типичная семья, живущая в провинции, чтобы вести приличный дворянству образ жизни, должна иметь годовой доход в 300—400 р. серебром, а в Петербурге и Москве — в 1.5—2 раза выше.³⁷ Примерно такой оклад, который включал кроме жалованья так называемые добавочные деньги — наградные, столовые, квартирные и т. п., получали чиновники V—VIII классов и младшие офицеры в армии. Оклады зависели от местности проживания и в столицах были существенно выше.³⁸ Не случайно только чин VIII класса на гражданской службе и первый офицерский чин на военной службе до 1845 г. давали потомственное дворянство. Средний годовой оброк крепостных во второй трети XIX в. составлял в разных вотчинах от 8 до 16 р. серебром с души мужского пола.³⁹ Среднее число крепостных у среднепоместных дворян равнялось 46—50 (табл. II.4), отсюда следует, что типичное имение среднепоместного дворянина давало годовой доход от 400 до 800 р. серебром. Таким образом, жалованье чиновников средних рангов и типичное имение среднепоместного дворянина позволяло им жить по-дворянски. Чиновники IX—XIV классов, которые по своему чину являлись личными дворянами, получали жалованье в 2—2.5 раза ниже, чем чиновники V—VIII классов, поэтому по своим доходам они попадали в низшую страту дворянства, как и мелкопоместные дворяне. Если низшие чиновники жили только на жалованье, а мелкие помещики — на доходы от имения, то они не могли вести соответствующий званию дворянина образ жизни. Поэтому многие чиновники оставались безбрачными, поздно вступали в брак и были малодетными. Например, в Калужской губернии в 1850-е гг. 47% чиновников были холостыми; в Иркутской губернии 16% классных чиновников были холостыми, а на одну семью чиновника в среднем приходилось менее одного ребенка.⁴⁰ Дворяне, принадлежавшие к разным стратам, отличались не только доходами, но и образованием, так как дети получали образование в зависимости от состоятельности семьи. Образование давало преимущество при продвижении по службе и позволяло образованным чиновникам и офицерам достигать более высоких чинов. Разумеется, образ жизни дворянина в решающей степени определялся его доходами.

Весьма существенно, что и корпоративные права дворян также находились в зависимости от их состоятельности и чина. Согласно Жалованной грамоте дворянству, членом губернского дворянского собрания мог быть потомственный дворянин, записанный в дворянскую книгу данной губернии. Все такие дворяне имели право лишь *присутствовать* на заседаниях дворянского собрания. Но право принимать решения и занимать какую-либо общественную должность в дворянском самоуправлении или коронном управлении предоставлялось только дворянам с годовым доходом не менее 100 р. Это означало, что дворянин должен был иметь по крайней мере 20 душ крепостных, так как в 1780-е гг. средний оброк составлял около 5 р. серебром с души мужского пола.⁴¹ В 1831 г. цензы для участия в дворянском самоуправлении были пересмотрены. Членами губернского дворянского собрания по-прежнему считались все потомственные дворяне, живущие в данной губернии; все они могли только присутствовать на дворянском собрании. Те из них, которые имели по крайней мере первый классный чин и владели недвижимой собственностью в пределах губернии, участвовали в принятии решений дворянского собрания, но не могли избирать должностных лиц. Непосредственное право выбирать должностных лиц в дворянское самоуправление или коронное местное управление предоставлялось только дворянам, владевшим не менее чем 100 крепостными мужского пола или не менее чем 3270 га (3000 десятин) незаселенной земли. Дворяне, владевшие 5—99 крепостными или землей площадью от 164 до 3270 га, объединялись

в участки, чтобы в совокупности располагать 100 крепостными или 3270 га земли. Каждый такой участок имел право посылать уполномоченного с полным избирательным правом. Право занимать любую должность по выборам предоставлялось всем потомственным дворянам, некоторые низшие должности дозволялось занимать личным дворянам. Таким образом, по корпоративным правам дворяне существенно различались: одни могли только присутствовать на дворянском собрании и служить, если их выберут; вторые имели право участвовать в принятии решений; третьи могли также избирать на выборные должности. Права находились в зависимости от состоятельности, граница между различными группами дворянства как раз и проходила между владельцами 20 и 100 крепостными.⁴²

Первые более или менее полные и точные сведения о российском дворянстве мы имеем на 1858 г. (табл. II. 1). Согласно им, личных и потомственных мелкопоместных дворян, составлявших низшую страту дворянства, насчитывалось 614.3 тыс., или 69.1% всего дворянства; среднепоместных дворян, принадлежавших второй страте, — 164.5 тыс., или 18.5%; крупнопоместных дворян, составлявших высшую страту, — 110 тыс., или 12.4%. Низшей страте принадлежало 3.2% всех крепостных, средней—15.8, высшей—81% всех крепостных крестьян. Средняя страта дворянства была малочисленной; высшая — еще малочисленнее, но в ее руках сосредоточивалась львиная доля всех земельных богатств и крепостных. Среди бедного дворянства наблюдалось довольно значительное число деклассированных элементов, которые нигде не служили, не получили никакого образования, не имели крепостных, потеряли дворянское достоинство и по своему положению приблизились к крестьянству.⁴³ По приблизительному подсчету Министерства внутренних дел, таких лиц насчитывалось в 1846—1847 гг. до 109 тыс. мужского пола.⁴⁴ Деклассирование дворянства представляло проблему для правительства всегда. К началу XVIII в. «многие княжеские роды, происходившие от Рюрика, обеднели до того, что, например, князья Белосельские были послужильцами у Травинных (состояли на частной службе. — Б. М.), а князья Вяземские были деревенскими дячками, занимая эти места наследственно. Другие знатные дворянские фамилии дошли также до совершенного обнищания, и между ними представители боярского рода Ласкиревых, происходивших в прямом мужском колене от византийских императоров, из дома Ласкарисов, затерялись между однодворцами».⁴⁵ Петр I безуспешно пытался остановить обеднение дворянства посредством введения майората.

Т а б л и ц а II.1

Стратификация дворянства Европейской России без Польши и Финляндии в 1858 г.				
Категория дворян	Число дворян обоого пола		Число крепостных мужского пола у дворян	
	тыс.	%	тыс.	%
Личные	276.8	31.1	—	—
Потомственные	612.0	68.9	—	—
без земли и крепостных	33.9	3.8	—	—
с землей, без крепостных	96.6	10.9	—	—
без земли, с крепостными, до 4	16.8	1.9	12.0	0.1
с землей и крепостными, до 20	190.2	21.4	327.5	3.1
с землей и крепостными, 21—100	164.5	18.5	1666.1	15.8
с землей и крепостными, 101—500	92.4	10.4	3925.1	37.2
с землей и крепостными, 501—1000	11.2	1.3	1569.9	14.9
с землей и крепостными, 1000+	6.4	0.7	3050.6	28.9
Итого	888.8	100.0	10 551.2	100.0

Источники: Бушен А. (ред.). Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2. С. 267; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904. М., 1979. С. 60—61.

В какой мере полученные результаты можно распространить на XVIII— первую половину XIX в.? Согласно имеющимся весьма приблизительным до 1858 г. сведениям, число дворян мужского пола (счет идет на мужчин вследствие того, что демографическая статистика XVII—первой половины XIX в. женщин, как правило, не учитывала) с 1678 по 1719 г. возросло с 70 до 140 тыс. и к 1858 г. достигло 443 тыс. человек.⁴⁶ Численность личного и потомственного дворянства на протяжении всего изучаемого периода возрастала примерно в одинаковой степени, поскольку их соотношение на протяжении первой половины XIX в. почти не изменилось: в Европейской России без белорусских и украинских правобережных губерний на долю личных дворян приходилось 44—45%, потомственных — 55—56%, а на территории всей Европейской России — соответственно 31 и 69%.⁴⁷ Поскольку правила производства в дворянство в течение 1722—1845 гг. не изменялись, можно предположить, что и в XVIII в. начиная с 1720-х гг. и до раздела Польши в 1790-е гг. доля личного дворянства составляла около 45%, а потомственного — 55%. Присоединение литовских, украинских и белорусских земель после разделов Польши увеличило численность потомственного дворянства страны сразу в 3 раза и нарушило соотношение между личным и потомственным дворянством, так как института личного дворянства в Польше не существовало.⁴⁸

В табл. II.2 представлены данные о числе дворян-помещиков и их крепостных.

Таблица II.2
Стратификация помещиков по числу принадлежавших им крепостных в Европейской России без Польши и Финляндии (в %)

Помещики с числом крепостных	1678 г.		1727 г.		1777 г.		1833 г.		1857 г.	
	помещи-ки	крепост-ные								
20–	46.7	6.0	60.6	10.4	59	6	53.5	4.2	41.6	3.2
21—100	38.6	21.8	30.8	30.9	25	19	27.8	14.0	35.1	15.8
101—500	12.5	30.1	7.7	32.5	13	} 75	15.3	34.0	19.5	37.2
501—1000	1.3	11.6	0.6	8.9	2		2.1	14.6	2.4	14.9
1000+	0.9	30.5	0.3	17.3	1		1.3	33.2	1.4	15.9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источники: *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII—начале XVIII века. М., 1977. С. 71, 73; *Шепукова Н. М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII—первой половине XIX в. // *Яцунский В. К.* (ред.). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 402—419; *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 1. С. 30—31; *Тройницкий А. Г.* Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб., 1861. С. 67; *Kahan A.* The Cost of «Westernization» in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // *Cherniavsky M.* (ed.). The Structure of Russian History. New York: Random House, 1970. P. 227—228, 241, 242, 249.

Сведения о помещичьем душевладении обладают одним недостатком: имения, принадлежавшие одному лицу, но находившиеся в разных губерниях, принимались по условиям учета за владения разных помещиков. Это приводило к искусственному преувеличению общей численности помещиков и уменьшению числа крупных помещиков, хотя, по авторитетному мнению директора Центрального статистического комитета А. Тройницкого, эта неточность не могла быть значительной, так как число крупнопоместных помещиков, которые имели имения в разных губерниях, было невелико.⁴⁹

Согласно табл. II.2, доля мелких помещиков и доля принадлежавших им крепостных начиная с 1727 г. уменьшалась, напротив, доля крупных поме-

щиков и принадлежавших им крестьян возрастала. Доля средних помещиков и принадлежавших им крепостных в XVIII в. уменьшалась, а в первой половине XIX в. возрастала. Проведенная группировка помещиков относится к территории, которая в течение XVIII в. изменялась за счет включения украинских и белорусских земель. Это существенно повлияло на результаты стратификации и затемнило влияние социальных факторов, таких как естественный прирост дворян и крепостных, перераспределение крепостных внутри потомственного дворянства за счет сделок и браков, пожалование государственных земель и крестьян помещикам, увеличение числа дворян за счет социальной мобильности. Группировка помещиков, проживавших только на территории в границах 1-й ревизии населения 1719 г., устраняет влияние географического фактора и позволяет углубить наше понимание социальных факторов стратификации. Из данных табл. II.3 следует, что общее число помещиков в петровское царствование существенно увеличилось — более чем в 3 раза. Главная причина — щедрое пожалование из государственного фонда земель и крестьян, которые в последующие годы сокращались и в начале XIX в., при Александре I, вовсе прекратились. Медленное возрастание числа помещиков в 1727—1833 гг. решающим образом определялось естественным приростом сословия и в меньшей степени социальной мобильностью. В последние два десятилетия существования крепостного права ряды помещиков сократились почти до численности 1727 г.

Таблица II.3
Число помещиков, распределенных по трем стратам, на территории Европейской России в границах 1719 г.*

Год	Низшая страта		Средняя страта		Высшая страта		Итого	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
1678	9.7	47	8.0	38	3.1	15	20.8	100
1727	38.3	60	20.5	32	5.7	8	64.5	100
1777	41.0	59	18.0	25	11.0	16	70.0	100
1833	38.8	54	20.3	28	13.0	18	72.1	100
1858	25.5	39	24.6	38	15.4	23	65.5	100

* Низшая страта — владельцы менее чем 20 крепостных, средняя — владельцы 21—100 крепостных, высшая — владельцы более чем 100 крепостных (душ мужского пола).

Источники указаны в примечании к табл. II.2.

Число помещиков, принадлежавших к трем стратам, изменялось по-разному. С конца XVII в. до 1727 г. число помещиков возросло во всех стратах, но более всего в низшей, затем в средней, меньше всего — в высшей страте. В последующие годы стратификация помещиков мало-помалу приобретала вид, который она имела в конце XVII в., в результате того что численность самой многочисленной низшей страты дворянства и в абсолютном, и в относительном значении уменьшалась, а средней и особенно высшей страт увеличивалась. Поскольку крепостных могли покупать только потомственные дворяне, на основании приведенных данных можно предположить, что мелкопоместное дворянство продавало свои имения средним и в особенности крупным помещикам, а само, теряя землю и крепостных, как бы деклассировалось, по крайней мере как помещики. Другими словами, из среды помещиков вытеснялись мелкопоместные дворяне, а средние и крупные консолидировались.

В среде дворянства существовал значительный естественный прирост, лишь немногим меньший, чем в среде крестьян и городских сословий. Несмотря на это, в 1727—1858 гг. число помещиков, принадлежавших к низшей

Рис. 17. Николай II с семьей. 1900-е гг.

страте, уменьшилось, число помещиков, входивших в среднюю страту, увеличилось весьма незначительно, и лишь численность верхней страты помещиков существенно возросла: за 1727—1858 гг. среднегодовой прирост числа мелких помещиков составил - 0.31% (был отрицательным), средних — +0.14, крупных — +0.77, всех помещиков — +0.01%, а среднегодовой прирост всего населения России в границах начала XVIII в. (+0.81%) был в 81 раз выше, чем помещиков. Если бы численность мелких и средних помещиков возрастала такими же темпами, как и численность крупных помещиков, или в соответствии с естественным приростом, характерным для дворянства, то общее число дворян к 1858 г. составило бы 177 тыс. человек вместо 65 тыс., т. е. в 2.7 раза больше, чем было в действительности. Отсюда следует, что тысячи дворян-помещиков перемещались в другие профессиональные группы, главным образом в среду профессиональной интеллигенции, либо деклассировались. Как могло уменьшиться число дворян-помещиков, если единонаследие среди помещиков до 1845 г. не действовало и поместья в соответствии с законом после их смерти делились на доли по числу наследников мужского пола? Только самые родовитые и богатые помещики по высочайшему разрешению могли вводить в своем роде единонаследие. Таких семей в России насчитывались единицы. Анализ доходов помещиков помогает объяснить этот интересный феномен. С этой целью рассмотрим распределение крестьянства между разными стратами дворянства (табл. II.4).

Таблица П.4
Число крепостных мужского пола, принадлежавших помещикам, на территории Европейской России в границах 1719 г.

Год	Низшая страта помещиков			Средняя страта помещиков			Высшая страта помещиков			Итого		
	крепостные, тыс.	крепостные, %	крепостных на 1 помещика	крепостные, тыс.	крепостные, %	крепостных на 1 помещика	крепостные, тыс.	крепостные, %	крепостных на 1 помещика	крепостные, тыс.	крепостные, %	крепостных на 1 помещика
1678	89	-	9	325	-	41	1074	-	347	1488	-	72
1727	305	10	8	922	31	45	1760	59	309	2987	100	46
1777	316	6	8	940	19	52	3663	75	333	4919	100	71
1833	321	5	8	1 013	15	50	5339	80	410	6673	100	93
1858	2 12	3	8	1027	17	46	5200	80	333	6439	100	100

Источники указаны в примечании к табл. П.2.

Данные табл. П.4 отчетливо показывают, что общее количество крепостных, принадлежавшее мелкопоместному дворянству в 1727—1833 гг. и средне-поместному дворянству в 1727—1858 гг., изменялось очень мало. А стабильность среднего числа принадлежавших им крепостных просто поразительна: на протяжении 180 лет, с 1678 по 1858 г., мелкопоместное дворянство владело в среднем 8—9 крепостными, среднепоместное — 41—52 крепостными. Общее количество крепостных, принадлежавших высшей страте помещиков, с 1678 по 1833 г. медленно, но постоянно увеличивалось и лишь в 1833—1858 гг. немного сократилось. С 1727 по 1858 г. доля принадлежавших им крепостных возросла с 59 до 80%. В то же время среднее число крепостных на одного крупного, так же как на среднего и мелкого, помещика увеличилось незначительно — с 309 до 333. Таким образом, хотя число помещиков в отдельных стратах изменялось довольно существенно, среднее количество крепостных, приходившееся на одного помещика в каждой страте, было стабильным, отражая тот факт, что между численностью помещиков каждой страты и количеством принадлежавших им крепостных существовало более или менее твердое соотношение. В 1727—1858 гг. число мелкопоместных дворян и их крепостных сокращалось в среднем в год на 0.3%; наоборот, число среднепоместных дворян и их крепостных увеличивалось на 0.15%, а число крупнопоместных дворян — на 0.77%, а их крепостных — на 0.83% в год. Отсюда следует, что число крупных помещиков и их крепостных увеличивалось в полном соответствии с естественным приростом тех и других, число мелких помещиков и принадлежавших им крепостных уменьшалось вопреки существовавшему естественному приросту, а увеличение числа средних помещиков и их крепостных отставало от их естественного прироста примерно в 5 раз. В целом для всего исследуемого периода крупные помещики обеспечивали расширенное воспроизводство как самих себя, так и своих крестьян, средние — простое (или приближавшееся к нему) воспроизводство, а мелкие помещики не обеспечивали даже воспроизводства себя и своих крестьян. В чем причины столь различного демографического поведения помещиков разного достатка и их крепостных? Дело, по-видимому, заключалось в том, что мелкие помещики не имели земли для расширения хозяйства и поэтому вынуждены были продавать избыток крепостных в рекруты и крупным помещикам или отпускать на волю, а сами покидать ряды землевладельцев. Средние помещики, хотя и лучше обеспеченные землей, также не имели больших возможностей для расширения хозяйства и поэтому тоже были вынуждены тем или иным способом избавляться от избытка крепостных. И только крупные помещики, имевшие в достатке земли или могущие ее купить, в состоянии были расширять хозяйство, что позволяло

им поглотить весь естественный прирост крепостного населения и обеспечить увеличение своей численности.

Приведенные данные позволяют предположить, что поместное дворянство настойчиво поддерживало свой имущественный статус и старалось не опускаться ниже стандартов, существовавших для различных страт помещиков. При существовании довольно высокого естественного прироста населения в его среде (дворянские семьи были многодетными) и правил наследования, благоприятствующих разделам собственности (имущество, включая поместье, после смерти владельца делилось между всеми сыновьями поровну с выделом определенной по закону части в приданое дочерям), мелким и средним помещикам приходилось переходить в другие профессиональные группы и сословия. При этом они были вынуждены продавать своих крепостных без земли, что и объясняет упорное и длительное противодействие помещиков принятию закона, запрещавшего продажу крестьян без земли, а когда этот закон был принят в 1771 г., — его частое нарушение. Вскоре после отмены обязательной службы и прекращения раздачи государственных земель проникнуть в ряды помещиков стало весьма затруднительно, а выйти — легко. Твердое соотношение между численностью помещиков каждой страты и количеством принадлежавших им крепостных могло поддерживаться частично за счет естественного прироста крепостных, частично за счет высокой мобильности среди помещиков и дворянства в целом.

Большой интерес представляет оценка уровня неравенства среди дворянства. Для этой цели воспользуемся коэффициентом неравенства Джини, который принимает значения от 0 при полном равенстве до 1 при максимальном неравенстве членов данной совокупности.⁵⁰ Для дворян-помещиков коэффициент Джини по данным о числе крепостных, принадлежавших каждой страте, составил в 1678 г. — 0.74, в 1727 г. — 0.67, в 1777 г. — 0.72, в 1833 г. — 0.75 и в 1858 г. — 0.71. Отсюда следует, что уровень неравенства среди помещиков был высоким уже в конце XVII в., затем в первой четверти XVIII в., во время петровского царствования, он немного понизился, а к 1777 г. вернулся к уровню 1678 г. и сохранил его вплоть до эмансипации 1861 г. У дворян, находившихся на гражданской службе, т. е. прежде всего личных дворян, уровень неравенства по получаемому ими жалованью был намного ниже. Например, в 1857 г. 118.1 тыс. чиновников можно разделить по их классу на 4 группы: канцеляристы (27.2% всех чиновников), чиновники IX—XIV классов (59.6%), III—V классов (12.5%), I—IV классов (0.7%). По получаемому ими жалованью без наградных, столовых и квартирных они соотносились как 100:300:700:4300.⁵¹ И несмотря на серьезное различие в жалованье, уровень неравенства, измеренный коэффициентом Джини, оказался умеренным — 0.35. То же наблюдалось среди дворянства, находившегося на военной службе. Причина этого состояла в том, что чиновников и офицеров высших рангов, получавших действительно огромное жалованье, насчитывалось несколько сотен. Следовательно, личные дворяне, а также и потомственные, которые не имели поместий и жили на жалованье, различались в материальном отношении намного меньше, чем дворяне-помещики. Государство старалось удерживать неравенство между ними на более или менее умеренном уровне, чтобы был стимул делать карьеру и чтобы в то же время сохранялось единство служилого дворянства. Таким образом, личные и потомственные дворяне различались и по статусу, и по материальному достатку. Малочисленная дворянская элита, состоявшая из богатых дворян-помещиков, по своим доходам резко отрывалась от всего остального дворянства. В массе российское дворянство отнюдь не было богатым, как справедливо сказал Е. П. Карнович: «Все рассказы иностранцев о богатстве старой России представляют более вымысла, нежели правды. Россия была одной из беднейших стран Европы, и заезжих к нам иностранцев могло по-

ражать богатство только царского двора и некоторых, весьма немногих вельмож».⁵²

В пореформенное время дворянство стало постепенно утрачивать свои сословные привилегии, сближаясь в правовом положении с другими сословиями. В 1861 г. оно утратило монопольное право на владение крепостными (монополия на земельную собственность была утрачена еще в 1801 г., когда было разрешено недворянам покупать и продавать незаселенные земли); в результате реформы полиции в 1862 г. дворяне утратили право формировать уездную полицию, а после введения земств в 1864 г. потеряли монополию на формирование органов местного коронного управления; в 1863 г. телесные наказания были отменены для всех, кроме крестьян; в результате судебной реформы в 1864 г. дворяне попали под юрисдикцию общесословных судов, с 1874 г. стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности. Особо следует остановиться на утрате дворянством налоговых привилегий. До середины XIX в. оно обладало фактически налоговым иммунитетом: не платило прямых налогов. Попытки распространить налоги на дворян оказывались безрезультатными. В 1797 г. Павел I возложил на дворян добровольную обязанность содержать судебно-административные учреждения в губерниях за счет сборов с дворянских имений. Общая сумма издержек на местное управление была разверстана между помещиками пропорционально числу принадлежавших им крепостных, и они подчинились. Но в 1806 г. Александр I отменил сбор и переложил его на крестьян. В 1812 г. в связи с войной был введен процентный сбор с доходов с недвижимости, под который попало и дворянство. Помещики платили прогрессивный подоходный налог от 1 до 10% с добровольно объявленного дохода. В декабре 1819 г. сбор был отменен. До XVIII в. дворяне имевшие недвижимость в городах, а также и помещики в деревнях, по решению местного начальства вносили деньги наряду со всеми другими сословиями на покрытие расходов на общественные, или земские, потребности: содержание дорог, почт и др. Это был фактически налог, хотя эти сборы собирались без всяких твердых правил. Однако в XVIII в. дворяне были освобождены от всяких сборов и повинностей. В 1805 г. земские сборы под названием земских повинностей были поставлены на более или менее правильные, определенные в законе основания, но помещики, за исключением проживавших в новороссийских губерниях, по-прежнему от них освобождались. В 1851 г. земские повинности были разделены на местные, или губернские, предназначенные на покрытие расходов в губерниях, и общие, или государственные, предназначенные на общегосударственные цели. В 1853 г. правительство обязало дворян платить лишь губернские земские сборы (на долю помещиков приходилось 34.3% всех местных сборов в 1853—1856 гг. и 44.4% в 1860—1862 гг.). В результате на долю дворян приходилось менее 10% от общей суммы земских, местных и государственных, сборов. После эмансипации ситуация изменилась: введение любых новых налогов в стране стало распространяться на дворян в равной степени с другими сословиями. С 1863 г. дворяне стали платить новый государственный налог с городской недвижимости, с 1872 г. — государственные земские повинности (дворяне вносили около 35% от их общей суммы), с 1875 г. — государственный поземельный налог в сельской местности и т. п. С начала 1860-х гг. российская налоговая система стала радикально изменяться: она переходила с подушного принципа на подоходный, тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения. Соответственно налоговое бремя дворянства стало возрастать, что хорошо видно из следующего расчета. В 1859 г., по расчетам чиновников Министерства финансов, «высшие классы», дворянство и купечество, обеспечивали поступление в казну 17% доходов (главным образом за счет косвенных налогов), а низшие — 76% (7% государственных доходов приносили монетная, горная и другие регалии и государственное имущество), а в 1887 г., по расчету известного финансиста Н. П. Яснопольского, соответственно — 37.9%, 55.1 и 7% (для сравнения в Великобритании это соотношение

составляло 52:40:8, во Франции — 49:30:21, в Пруссии — 30:29:41). Следовательно, из общей суммы собственно налогов на высшие классы в 1859 г. приходилось 18%, на низшие — 82%, а в 1887 г. соответственно — 41% и 59%. Другими словами, для первых сравнительно со вторыми тяжесть налогов увеличилась почти в 2,3 раза, и тенденция эта в дальнейшем усиливалась. Привилегии по уплате налогов дворянство потеряло.

Таким образом, к 1917 г. дворяне утратили юридически почти все свои сословные права, их престиж уже не имел юридического базиса, а основывался главным образом на традиции и на покровительстве монарха и его правительства. По выражению М. Яблочкова, дворянство превратилось в «почетный класс», в «памятник старины».⁵³

Общая численность дворянства в пореформенное время продолжала расти: в Европейской России за 1858—1897 гг. она возросла с 886,8 тыс. до 1372,7 тыс. человек обоего пола, в том числе потомственных дворян — с 612,0 до 885,7 тыс., личных дворян — с 276,8 до 487,0 тыс. обоего пола. Доля потомственных дворян сократилась с 69 до 65%, соответственно доля личных дворян увеличилась с 31 до 35%.⁵⁴ К 1905 г. общая численность сословия достигла 1,6 млн человек обоего пола. Число дворян-помещиков продолжало уменьшаться, хотя и непрямолинейно: в 1861 г. в 50 губерниях их насчитывалось около 128,5 тыс., в 1877 г. — 117,6, в 1895 г. — 120,7, в 1905 г. — 107,5 тыс. (без членов семей). В результате доля помещного дворянства среди потомственного дворянства быстро и неуклонно снижалась: в 1858 г. она составляла 80—85%, в 1877 г. — 56, в 1895 г. — 40, в 1905 г. — 30,⁵⁵ а в общей численности сословия она упала с 63% в 1858 г. до 29% в 1897 г. и примерно до 22% в 1905 г. Таким образом, состав дворянства в пореформенную эпоху качественно изменился: увеличилась доля личного дворянства и уменьшилась доля помещного дворянства. Само помещное дворянство также претерпело изменения. Потеряв крепостных в результате реформы 1861 г., оно было вынуждено перестраивать свое хозяйство на основе использования наемной рабочей силы. Основным показателем состоятельности дворян-помещиков стала величина земельной собственности. В специальной статистической литературе второй половины XIX—начала XX в. и в исторической литературе приняты новые основания для разделения дворян-землевладельцев на три страты — мелкопоместные, среднепоместные и крупнопоместные. К низшей страте относились собственники 1—109 га земли (здесь и далее десятины переведены в гектары по соотношению 1 десятина равна 1,09 га), к средней — собственники 109—545 га, к высшей страте — собственники более чем 545 га. Соответственно новым обстоятельствам был изменен и ценз для получения права участвовать в дворянском собрании: он был переведен на землю и составил в 1870 г. 218—327 га в столичных и основных земледельческих губерниях и 327—545 га в промышленных, степных и лесных губерниях. В 1890 г. последовало понижение ценза — соответственно до 154—218 и 327—545 га. Как видим, критерии для разделения дворян-помещиков на страты, как и в дореформенное время, находились в зависимости от их собственности и корпоративных прав.

Стратификация дворян-помещиков в 44 губерниях Европейской России (без Прибалтики и Западных губерний) представлена в табл. II.5. Данные показывают, что число дворян-помещиков в течение 35 лет, с 1861 по 1895 г., возросло на 15%, в следующие 10 лет почти на столько же сократилось и в дальнейшем продолжало уменьшаться. При этом число мелких помещиков постоянно возрастало, а средних и крупных — уменьшалось. В 1861—1895 гг. увеличение числа помещиков отставало от естественного прироста, а после 1905 г. обнаружилось уменьшение их численности, что свидетельствует о перемещении дворян-землевладельцев в другие социальные и профессиональные группы. Особенно болезненно этот процесс происходил в низшей страте: большое число дворян превращалось в простых хлебопашцев или науперизировалось.

Т а б л и ц а П.5
Стратификация дворян-помещиков на территории 44 губерний Европейской России

Страта помещиков	1861 г.*			1877 г.			1895 г.			1905 г.		
	помещики, тыс.	площадь земли, тыс. га	средний размер имения, га	помещики, тыс.	площадь земли, тыс. га	средний размер имения, га	помещики, тыс.	площадь земли, тыс. га	средний размер имения, га	помещики, тыс.	площадь земли, тыс. га	средний размер имения, га
Низшая	41	2.3	56	56.4	1.9	34	66.4	1.9	29	59.7	1.6	27
Средняя	35	12.9	369	33.4	8.3	249	29.2	7.2	247	25.6	6.4	250
Высшая	24	60.5	2521	22.9	58.5	2555	19.2	44.9	2339	16.0	40.0	2500
В целом	100	75.7	757	112.7	68.7	610	114.8	54.0	470	101.3	48.0	474

* Распределение земли по стратам помещиков реконструировано на основании данных о распределении крепостных по этим же стратам.

Источники: *Обручев Н. Н.* (ред.). Военно-статистический сборник. Вып. 4: Россия. СПб., 1871. С. 188—189; Статистический временник Российской империи. 1886. Сер. 3. Вып. 10; Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. СПб., 1897; Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907; *Дубровский С. М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 81—101.

На протяжении всего пореформенного периода для всех групп помещиков было характерно сокращение земельных площадей, однако в большей мере сокращение затронуло среднюю и высшую страты. Всего дворянский земельный фонд за 1861—1905 гг. сократился на 58%. К 1917 г. обезземеливание дворянства зашло еще дальше: в 1906—1916 гг. дворянство потеряло в Европейской России еще около 29% земли,⁵⁶ следовательно, дворянский фонд к 1917 г. в 44 сопоставимых губерниях составил около 34 млн га и по сравнению с 1861 г. сократился более чем вдвое. При этом средняя величина имения у мелких помещиков неуклонно сокращалась, а у средних (за исключением 1861—1877 гг.) и у крупных помещиков была устойчива. До 1861 г. земля и крепостные оставались в руках потомственного дворянства, переходя только от мелких помещиков к средним и особенно крупным, так как потомственное дворянство до 1861 г. имело монополию на крепостных, а до начала XIX в. — и на землю. После эмансипации положение принципиально изменилось: крестьян помещики лишились сразу, а земля стала постепенно переходить от дворянства в руки других сословий. Если иметь в виду всех дворян-помещиков в целом, то можно сказать, что до 1861 г. их положение было устойчивым, а после 1861 г. началось их явное оскудение, происходившее несмотря на поддержку государства, которое только в течение 1857—1887 гг. пожаловало дворянам около 1 млн га земли и продало по невероятно низким ценам еще столько же.⁵⁷

Анализ процесса обеднения дворянства в относительных цифрах дает интересную дополнительную информацию. В противоположность тому, что мы наблюдали в дореформенный период, с 1861 по 1905 г. среди дворян-помещиков процент мелких помещиков возрос с 41 до 59, а средних и крупных уменьшился соответственно с 35 до 25 и с 24 до 16. По-видимому, крупные помещики превращались в средних, а средние — в мелких. После революции 1905—1906 гг. обнаружилось бегство богатых землевладельцев из деревни, в результате чего в 1916 г. доля средних помещиков упала до 18%, богатых — до 3%, соответственно доля бедных возросла до 79%. Последние до крайней возможности держались за землю. В 1861—1905 гг., как и до 1861 г., доля земли, принадлежавшая мелким помещикам, сократилась с 3 до 2,8%, а доля земли крупных помещиков возросла с 80 до 83%. Новое явление состояло в том, что доля средних помещиков в дворянском фонде земли сократилась с 17 до 14%. Крупные и средние помещики проявляли большую устойчивость, но и они разорялись или шли к упадку. В результате

большей устойчивости крупных землевладельцев уровень неравенства между дворянами-помещиками в пореформенное время продолжал возрастать: коэффициент Джини по землевладению в 1861 г. равнялся 0.62, в 1877 г.— 0.79, в 1905 г.—0.82. Следует принять во внимание, что коэффициенты Джини для периодов до и после 1861 г. не вполне сопоставимы: уровень неравенства помещиков в дореформенное время оценивался по числу крепостных, а в пореформенное — по количеству земли, в то время как величина коэффициента зависит от основания группировки и от числа групп, на которые разделяется дворянство по душевладению и землевладению.

В XVIII—первой половине XIX в. в среде дворянства существовала довольно интенсивная внутрисословная мобильность. Поскольку потомственное дворянство приобреталось путем получения первого офицерского чина в армии и сравнительно невысокого чина VIII класса на гражданской службе, а также путем награждения любым орденом, то государственная служба открывала широкие возможности для возведения классных чиновников XIV—IX рангов, имевших статус личного дворянства, в потомственное дворянство, которое приобреталось почти автоматически после 20—30 лет усердной службы. Для чиновников-дворян в средних чинах и для офицеров-дворян имела реальная возможность заслужить высшие чины или ордена высших степеней и переместиться в высшую страту дворянства. Огромное жалование, получаемое чиновниками и офицерами высших рангов, давало им благоприятную возможность поправить свои материальные дела путем покупки земли и крепостных. Положение мало изменилось после повышения «служебного» и «орденского» цензов. В 1845 г. класс, дававший потомственное дворянство в гражданской службе, был повышен с VIII до V; VI—IX классы стали давать личное дворянство, а X—XIV — личное почетное гражданство; в военной службе потомственное дворянство стал давать VIII класс, а низшие — только личное. С 1856 г. право на потомственное дворянство в гражданской службе давал IV класс, в военной — VI класс. Порядок службы оставался прежним, и вместе с продвижением по служебной лестнице поднимались статус чиновника и его жалование. До 1887 г. после 20 лет военной и 30 лет гражданской службы (в 1892 г. ценз был повышен соответственно до 25 и 35 лет) офицер или чиновник, если он имел чин не ниже VII класса, награждался орденом Владимира 4-й степени, что приносило его обладателю потомственное дворянство. До начала XX в. получить потомственное дворянство было легче по ордену, чем по чину. Например, в 1882—1896 гг. 72% лиц, имевших личное дворянство, были утверждены в правах потомственного дворянства по ордену и всего 28% — по чину.⁵⁸

Что касается неслуживших поместных дворян, а таких в конце 1840-х гг. насчитывалось около 48% (из 253 068), то вследствие господствовавших правил наследования, дававших всем детям равные права и приводивших к постоянному дроблению имений, в их среде преобладали процессы социальной деградации: из высшей страты помещики перемещались в среднюю, из средней — в низшую, из низшей — в беспоместные и до полного деклассирования. Многие дворяне-землевладельцы сливались с крестьянством. В 1846 г. в некоторых губерниях до 13% дворян лично занимались хлебопашеством.⁵⁹ Процесс деградации с отменой крепостного права усилился.⁶⁰ На рубеже XIX—XX вв. в Европейской России, по данным Особого совещания по делам дворянского сословия, имелись «сотни семей безграмотных, превратившихся в простых хлебопашцев дворян. <...> Экономически многие из них беднее крестьян, но тем не менее и земства, и администрация отказывают им в помощи, обращая их к дворянским сословным органам. Дворянские общества помочь им не могут».⁶¹ Обедневшие дворяне приезжали в города и поступали на государственную или частную службу, занимались предпринимательством, некоторые служили в качестве наемной прислуги, иногда случалось, что женщины-дворянки становились проститутками, а мужчины — люмпенами. Процесс обеднения большей

части дворянства сопровождался успешной адаптацией к новым условиям меньшей их части, которой удалось в конце XIX—начале XX в. войти в предпринимательскую элиту России.⁶²

Духовенство

Становление духовного сословия представляет большой интерес: оно наглядно демонстрирует, что в России XVIII в. образование сословий происходило в ходе объективного развития общества, волей и коллективными усилиями самих социальных групп, не только при поддержке, но иногда и вопреки намерениям высшей власти. Сословные права ограничивали власть самодержавия, так как ставили положение сословий на твердые юридические основания, поэтому за права приходилось бороться.

Духовенство разделялось на черное, или монашеское, и белое, или приходское. Среди русского духовенства на долю монахов приходилось около 10% всего духовенства, но они занимали командные позиции в русской православной церкви. Черное духовенство, представлявшее собой прослойку внутри духовенства, не будучи наследственным, не было и не могло быть сословием. Поэтому наше внимание будет сосредоточено на приходском духовенстве.

В XVI—XVII вв. клир церкви, состоявший из священнослужителей (священника и дьякона) и церковнослужителей, или причетников (дьячка, пономаря), избирался прихожанами. Выбор священнослужителей утверждался епископами после проверки квалификации кандидатов, от которых требовалось знание грамоты, Библии и церковной службы, а также обладание голосом и соответствующими сану моральными качествами, прежде всего трезвостью и скромностью поведения. Требования были сравнительно невелики, поэтому справиться с ними мог практически любой верующий грамотный человек. Благодаря этому состав духовенства теоретически мог постоянно обновляться за счет притока людей из других слоев населения. И обновление действительно имело место, но его степень не следует преувеличивать. Мы не располагаем статистическими данными о социальном происхождении новых клириков, но факты говорят о том, что к концу XVII в. замкнутость духовенства достигла значительных размеров и намного превышала замкнутость других профессионально-социальных групп.⁶³ Что способствовало этому?

Вступить в ряды духовенства для людей из крестьянства и посадских было непросто из-за крайне слабого распространения грамотности: в конце XVII в. грамотных насчитывалось не более 3% от общей численности населения. Дворянство же, в среде которого имелось наибольшее число грамотных людей, не стремилось к переходу в духовенство. Знание обрядов, священных книг и церковной службы из-за небольшого числа духовных школ приобреталось в большинстве случаев практическим путем. Ясно, что и здесь дети клириков имели несравненно больше возможностей овладеть необходимыми навыками сравнительно с посадскими и крестьянами. Во второй половине XVII в. в связи с расколом русской православной церкви, вызванным реформами патриарха Никона, а также из-за опасения, что в состав духовенства проникнут раскольники, требования к кандидатам стали повышаться. Духовные власти при утверждении кандидатов отдавали явное предпочтение детям духовенства. Церковный собор 1667 г. прямо осудил архиереев за поставление в священники и дьяконы людей, не принадлежавших к духовному званию. Светские власти хотя прямо не запрещали, но негативно относились к переходу крестьян и посадских в духовенство из-за нежелания терять налогоплательщиков.

Рис. 18. Послушники Коневского монастыря. С.-Петербургская губ.
1892 г.

Приходские общины при выборах кандидатов отдавали предпочтение представителям духовенства. Причина простая: прихожане, связанные круговой порукой в несении налогов и повинностей, не желали выбирать духовных лиц из своей среды, поскольку за человека, переходящего в состав духовенства из крестьян и посадских, налоги должна была платить его податная община. В силу этого население привыкло видеть в семьях духовенства как бы прирожденных кандидатов на церковные должности. Разумеется, прихожане имели возможность выбирать кандидатов не только из духовенства, проживавшего на территории их общины. Однако в случае приглашения кандидата со стороны возникала проблема с его обустройством на новом месте: новый священник должен был купить дом и землю, что не всем было под силу. Кроме того, были бы неизбежны трения с духовенством, проживавшим на территории общины, которому она отказала в доверии. Практические соображения заставляли приходскую общину чаще всего обращаться с предложениями к своему духовенству и только в редких случаях искать кандидатов на стороне. Так, будущий патриарх Никон и будущий вождь раскольников XVII в. протопоп Аввакум в молодости были изгнаны своими прихожанами с церковных кафедр вместе с семьями за слишком ревностное исполнение своих обязанностей и за непосильно высо-

кие требования благочестия от крестьян. Новые священники пришли со стороны.

Численность духовных лиц превосходила общественную в них потребность, так как в среде духовенства существовал предельно высокий естественный прирост, что объяснялось обязательным и ранним вступлением в брак и строгим запрещением любых способов ограничения рождаемости. Поэтому духовные лица принимали все возможные меры, чтобы закрепиться на одном месте. В частности, при занятии церковного места они заключали с общиной договор, в котором оговаривалось их право на потомственное владение домом, прицерковной землей и церковным доходом, т. е. фактически право на наследование церковной кафедры. Нередко священники покупали у приходских общин церковные места, которые благодаря этому закреплялись за определенной семьей и становились как бы ее собственностью. Так мало-помалу вместе с профессиональной наследственностью развивался обычай наследования церковных мест. Наследственное владение церковным местом шло вразрез с каноническими требованиями православия, поэтому церковные власти долго боролись с этим, но жизненные обстоятельства оказывались чаще всего сильнее и заставляли их смотреть на нарушение закона сквозь пальцы, а в конце концов и примириться с этим.

Таким образом, уже к концу XVII в. приходское духовенство приобрело такой важный признак сословия, как наследственность социального статуса и профессии. Но это не было еще закреплено в законе, а существовало как факт и как норма обычного права. В течение XVIII в. духовенство приобрело другие признаки сословия, добилось их юридического оформления и благодаря этому окончательно превратилось в сословие.⁶⁴ Подчеркнем, что первоначально это никак не входило в намерения правительства, потому что сословные права защищали духовенство от коронной администрации, а самодержавие в течение XVIII в. опасалось духовенства, так как видело в нем скрытую оппозицию проводившимся реформам по европеизации страны. Только под давлением объективных обстоятельств и церкви оно уступило и рядом указов юридически оформило стихийно проходивший процесс превращения духовенства в сословие. Последнее до того замкнулось для представителей других социальных групп, а церковная служба настолько сделалась его исключительной привилегией, что постороннему человеку весьма трудно было попасть даже на место церковного сторожа.⁶⁵ Решающую роль в этом сыграли: 1) ограничение доступа и свободного выхода из состава духовенства; 2) стеснение права выбора прихожанами клира; 3) требование иметь специальное духовное образование для поступления на духовную службу; 4) узаконение практики наследственности церковных должностей.

Дворяне считали ниже своего достоинства поступать на церковную службу в качестве приходского священника, тем более на должность церковнослужителя. Посвящение в клирики из крестьян и посадских, еще практиковавшееся в первой половине XVIII в., постепенно стало официально ограничиваться светскими властями. В 1774 г. доступ в духовенство из податных сословий был окончательно запрещен Синодом по настоянию Сената. В результате состав духовенства унифицировался. Если в 1730-е гг. на долю представителей светских по происхождению лиц приходилось около 4% всех клириков, то в 1760-е гг. — до 2%, а в 1780—1790-е гг. — всего 0.8%.⁶⁶ Одновременно свободный выход из духовенства был запрещен, каждый клирик прикреплялся к своей штатной должности и приходу. В 1760-е гг. духовенство было освобождено от всех повинностей и обязанностей перед государством, за исключением ведения актов гражданского состояния, и стало служить только алтарю.

С начала XVIII в. выборы клира прихожанами стали ограничиваться и в конце этого столетия окончательно вышли из практики, что было законо-

дательно закреплено в 1797 г. Синодом, который воспользовался императорским указом, запрещавшим подачу коллективных челобитных, и запретил коллективные прошения прихожан о назначении им священника как противоречащие императорскому указу. После смерти священников на церковные кафедры стали назначаться епископом наследники из числа его детей. Обычно место переходило к старшему сыну, которого отец заблаговременно готовил в свои наследники и который состоял при нем в качестве викария, дьякона или причетника. Если не было сыновей, то место переходило в наследство по женской линии и доставалось мужьям дочерей. Если дочери были малолетними, то по выбору семейства наследников назначался викарий, который исправлял должность до замужества дочери священника. Ликвидация выборов заставила детей духовенства получать профессиональное образование, без которого стало невозможно занять место, и до некоторой степени ослабила зависимость духовенства от приходской общины.

Истоки профессионального духовного образования в России уходят в XVII в., когда были созданы духовные школы при домах епископов, а в 1687 г. — первая духовная академия. Однако только в XVIII в. духовное образование получило широкое развитие. В 1720-е гг. появились первые семинарии в России, в 1808 г. их стало 36 — по числу епархий. Число студентов в семинариях к 1766 г. достигло 4,7 тыс., к 1808 г. — 29 тыс. В начале XVIII в. семинарии и другие духовные учебные заведения были открытыми для всех, но со второй половины XVIII в. доступ в них представителей других сословий был затруднен, и к концу этого столетия они стали практически закрытыми, что продолжалось до конца XIX в. В 1720—1740-е гг. в духовных учебных заведениях училось около 29% детей, не принадлежавших духовенству, в 1880 г. — всего 8%.⁶⁷ Это привело к тому, что специальное духовное образование, которое обязательно требовалось от священнослужителей начиная с 1722 г.,⁶⁸ стало достоянием только духовенства. Таким образом, замкнутость духовно-учебных заведений чрезвычайно способствовала превращению духовенства в сословие.

В течение XVIII в. духовенство приобрело особые права, которые были закреплены в законодательстве. В 1719 г. оно было освобождено от прямого налога, в 1724—1725 гг. — от рекрутской повинности, в 1801 г. священнослужители были избавлены от телесных наказаний. С 1722 г. только Синод в качестве специального церковного суда разбирал все гражданские дела между духовными лицами и уголовные преступления, кроме самых тяжких. Последние, так же как и гражданские дела между духовными и светскими лицами, начиная с 1735 г. разбирались в светских судах при обязательном присутствии особых депутатов от духовенства. В 1823 г. эти депутаты получили право голоса наравне с прочими судьями. Все эти права, можно сказать, были вырваны духовенством, прежде всего Синодом и иерархами, у верховной власти. Духовенство не поднимало восстаний, но настойчиво просило, требовало, пользовалось любой благоприятной возможностью, личными связями с императорами, чтобы добиться прав, повысить свой социальный статус и законодательно его закрепить. Правительство в течение всего XVIII в. считалось с Синодом и шло на уступки, понимая, какую огромную опасность может представлять духовенство в случае его враждебного отношения к существующему режиму. В конце XVIII в. влиятельные духовные лица, пользуясь благосклонным отношением Павла I к церкви, добились того, что верховная власть стала отмечать духовенство особыми наградами и отличиями (крест на цепи для ношения на шее, особый головной убор и т. п.), что, учитывая облачение духовенства, сообщало ему специфические внешние признаки.⁶⁹

Параллельно с приобретением духовенством особых прав развивались сословный менталитет и сословная честь. Биограф епископа Тихона Задонского (1724—1783) рассказал показательный эпизод из жизни своего героя.

Лишившись мужа, сельского дьячка, его мать бедствовала и решила отдать мальчика богатому бездетному ямщику, который хотел его усыновить и завещать ему свое имущество. Старший брат Тихона, служивший дьячком, встал на колени перед матерью и сказал: «Куда Вы ведете брата? Ведь ямщику отдадите, то ямщик он и будет, а я не хочу, чтоб брат ямщиком был. Я лучше с сумою по миру пойду, а брата не отдам ямщику. Постараемся обучить его грамоте, тогда он может в какой церкви в дьячки или пономари определиться».⁷⁰ Духовенство смотрело на себя как на пастырей и учителей, от которых зависело спасение людей; оно считало себя привилегированным сословием и претендовало на социальный статус, равный дворянскому. Эти взгляды высказаны в Наказе депутату в Комиссию для сочинения Уложения от Синода в 1767 г. и в протесте Синода 1769 г. против проекта о правах среднего рода людей, в котором законодатели объединили духовенство в одно сословие с купцами и ремесленниками.⁷¹ Духовенство требовало законодательного оформления своих сословных прав и предложило верховной власти утвердить иерархию духовных чинов наподобие иерархии военных чинов, в которой архиепископ приравнивался к генерал-аншефу (II класс в Табели о рангах), епископ — к генерал-поручику (III класс), настоятель монастыря — к генерал-майору (IV класс), священник — к поручику (XII класс), дьякон и монах — к прапорщику (XIV класс), церковнослужитель (дьячок, пономарь и т. п.) — к сержанту. Поскольку любой офицерский чин давал потомственное дворянство, духовенство претендовало на дворянство для монахов и священнослужителей. Требования духовенства, по крайней мере священнослужителей, были в значительной степени удовлетворены, так как по своим правам к началу XIX в. они сравнивались с личными дворянами в большом и малом, например, духовенство получило право ездить в каретах и могло награждаться орденами.⁷² Представители белого духовенства, получив орден за свою пастырскую службу, становились потомственными дворянами, не оставляя духовного сословия. Например, С. Зернов (1817—1886), сын дьякона Меленковского уезда Владимирской губернии, после окончания Московской духовной академии в 1846 г. принял священство, через 30 лет службы в качестве протоиерея одного из московских соборов был награжден орденом Св. Владимира за активную благотворительную деятельность и по ордену приобрел потомственное дворянство.⁷³

Сословные черты у духовенства развивались настолько быстро, что в первой половине XIX в. любой русский легко обнаруживал в человеке духовное лицо по речи, манерам, внешности, даже если оно было в гражданском платье или полностью раздетым.⁷⁴ Это было легко сделать, потому что, как писал один современник, все воспитание, включая духовные учебные заведения, прививает духовенству «особый взгляд на мир, на жизнь, на светское общество, приучает к особому роду мышления, к особому слогу, к особым внешним приемам».⁷⁵ В среде духовенства сформировалась специфическая культура, отличная как от европеизированной дворянской, так и от народной крестьянской культуры.

Согласно традиционному взгляду, сложившемуся в историографии, духовенство после петровских реформ, упразднения патриаршества и учреждения Синода в 1721 г. не имело своей корпоративной организации и самоуправления, его церковная администрация была интегральной частью коронной администрации, а сама церковь — одним из государственных институтов, составной частью самодержавного государственного строя.⁷⁶ Однако в действительности русская православная церковь представляла собой особый институт, который существовал как бы параллельно государственным институтам и пользовался значительной автономией. Церковь являлась если не государством в государстве, как это было до XVIII в., то по крайней мере субобществом в большом обществе. Она обладала такой административной и судебной организацией, которая позволяла духовенству иметь свое

особое управление с большой самостоятельностью, хотя высший орган церковного управления — Святейший Правительствующий Синод — считался и в значительной мере был государственным учреждением, а само управление церковью с конца XVIII в. строилось на бюрократических принципах. Добавим, что внутренними сословными делами духовенства управляли почти исключительно духовные лица, частью выбираемые, частью назначаемые. Все это дает основание для парадоксального на первый взгляд заключения, что **в рамках всей государственной системы духовенство как сословие пользовалось самоуправлением.**

В самом деле, управление церковью осуществлялось Синодом и духовными консисториями. Синод располагал исполнительной властью и, хотя не имел законодательной инициативы, тем не менее издавал указы, обязательные для исполнения по духовному ведомству. Его состав со временем изменялся, но с начала XIX в. и до конца старого режима он включал до 10 архиереев — представителей черного духовенства, а также духовника императора и главного священника армии и флота — представителей белого духовенства. Одни члены Синода были постоянными, присутствующими по положению, например митрополит С.-Петербургский, духовник императора и главный священник армии и флота, другие — временными, так как участвовали в заседаниях Синода один-два года по очереди. Во главе духовных консисторий стояли архиереи. Они назначались Синодом и утверждались императором. Архиерей осуществлял управление и суд в епархии вместе с духовной консисторией, члены которой избирались архиереем из черного и белого духовенства, и с помощью благочинных — старших священников, которые назначались архиереем и утверждались консисторией. Белое духовенство было представлено в составе консисторий значительно лучше, чем в составе Синода: в 1756 г. консистории состояли на 38% из приходских священников, а в 1860-е гг. — уже на 79%.⁷⁷ Если работу Синода контролировал обер-прокурор Синода, назначаемый императором из светских лиц, то духовные консистории и благочинные осуществляли управление вполне самостоятельно, поскольку надзор обер-прокурора носил поверхностный характер. Монастыри управлялись самими монахами. В результате духовенство имело реальное, достаточно независимое от государства сословное самоуправление, хотя оно и не основывалось на демократических выборах его органов снизу, со стороны рядовых монахов, священников и причетников, и осуществлялось под опекой государства и на бюрократических, точнее на полубюрократических, принципах, поскольку некоторые должности были выборными.

Таким образом, **духовенство к концу XVIII в.,** почти одновременно с дворянством, **превратилось во второе свободное сословие,** поскольку стало обладать всеми признаками сословия. Но два признака — участие в сословно-представительном учреждении и наличие корпоративной организации — в российских условиях приняли иную форму, чем это было в западноевропейских странах. Духовенство имело специфическое самоуправление и своеобразное сословное представительство при верховной власти через высший орган церковного управления — Синод, а при местной коронной власти — через духовные консистории. Необходимо особенно подчеркнуть, что приобретение сословных прав помогло белому духовенству избавиться от крепостной зависимости от архиереев в 1764 г. Именно борьба за личное достоинство и свободу служила побудительным мотивом стремления духовенства стать сословием. Известный историк русской церкви А. В. Карташов заметил: «Самозамыкание в сословную касту в духовенстве начиная с XVII в. диктовалось правильным инстинктом самосохранения, хотя бы и в крайней нищете, но в духовном достоинстве свободных „белых“ людей, а не кабальных и не рабов».⁷⁸ В первой половине XIX в. сословные признаки духовенства еще более развились, и оно стало самым замкнутым из всех

сословий. Стоит отметить, что превращение духовенства в сословие произошло в противоречии с церковно-канонической точкой зрения, согласно которой духовные лица как избираемые на служение церкви не могут составлять сословие.

Духовенство было образованнее других сословий. По *уровню грамотности* духовенство не уступало дворянству, ибо каждое духовное лицо, как и каждый чиновник и офицер, находившиеся на службе, были грамотными. В 1857 г. средний уровень грамотности среди дворян старше 9 лет равнялся 77%, а среди духовенства — 72%, в 1897 г. — соответственно 86 и 89%.⁷⁹ Но по *уровню образования* духовенство превосходило дворянство, так как значительное число священнослужителей училось в семинариях и академиях, где получало среднее или высшее профессиональное образование: в 1835 г. специальное образование имели 43% священников, в 1904 г. — 64%.⁸⁰ Общие данные об уровне образования дворянского и духовного сословий мы имеем только на 1897 г.: среди дворянства лиц, учившихся в высших и средних учебных заведениях, насчитывалось 33.5%, а среди духовенства — 58.5%.⁸¹ Поскольку уровень образования духовенства в 1860 и 1890 гг. был примерно одинаков, можно с большой вероятностью предположить, что и в середине XIX в. духовенство превосходило дворянство по уровню образования. Это подтверждается следующими данными: в 1850-е гг. среди высшей бюрократии России (члены Государственного совета, сенаторы, губернаторы и т. п.) насчитывалось 61% людей с высшим и средним образованием, а среди священников — 83%.⁸²

Высшая страта белого духовенства — священники — приближалась по своим юридическим правам к личному дворянству. Но в отношении дохода от службы они сильно различались. На гражданской службе чиновники, имевшие чины IX—XIV классов, которые давали личное дворянство, в последней трети XVIII в. получали ежегодное жалованье от 100 до 400 р.; военнослужащий, имевший первый офицерский чин, — 200 р., а средний годовой доход священников в городе составлял от 30 до 80 р., в деревне — от 25 до 40 р. Годовой доход низшей страты духовенства — церковнослужителей — составлял всего 10—20 р.⁸³ Как видим, между доходами равных по социальному статусу людей существовало явное несоответствие, которое еще более усиливается, если учесть превосходство духовенства в отношении образования. Причем если офицеры и чиновники получали гарантированное жалованье от государства и пенсию после службы, то большинство духовенства получало основной доход непосредственно от паствы за исполнение обрядов — венчания, отпевания и т. п. Этот доход был отнюдь не гарантированным и связанным с большими унижениями для духовенства. К 1860-м гг. несоответствие между доходами священников и младших чиновников и офицеров более или менее сгладилось, но способы получения духовенством дохода не изменились. Поэтому главное требование духовенства к моменту начала церковных реформ в 1860-е гг. состояло в том, чтобы получать жалованье. Таким образом, в течение XVIII—первой половины XIX в. белое духовенство по образованию превосходило правящую элиту России, а по уровню дохода уступало в XVIII в. даже младшим чиновникам и офицерам в 4—5 раз, в первой половине XIX в. — в 1.5—2 раза.⁸⁴

Дворянство считало, что духовенство находится на несравненно более низкой ступени социальной лестницы, и относилось к нему снисходительно, если не с презрением, так же, впрочем, как потомственные дворяне относились к личным. Однако и находящиеся на социальной лестнице ниже духовенства крестьяне и городские обыватели часто разделяли это негативное отношение. «Духовенство, особенно белое, потеряло уважение и любовь чуть не во всех сословиях, — констатировал в начале 1860-х гг. известный духовный автор Д. И. Ростиславов. — Отдельных из него лиц любят и уважают, но *целое сословие находится в презрении*». В числе причин этого Рос-

Рис. 19. Группа священнослужителей с членами своих семей. С. Путочино, Смоленская губ. 1912 г.

тиславов указал на далекую от идеала жизнь духовенства, его кастовость, существование духовной цензуры, но главным образом — на деятельность противников официальной церкви — раскольников, пользовавшихся большим уважением среди простого народа, и интеллигенции, имевшей авторитет среди привилегированных классов. Раскольники считали духовенство изменником истинного древнего православия, а интеллигенция — врагом просвещения, противником прогресса и стеснителем ума.⁸⁵ Наверное, духовенство не устраивало ни традиционалистов, ни западников потому, что оно придерживалось своеобразных культурных стандартов, которые сложились под влиянием в значительной степени европеизированного семинарского образования и православной системы ценностей. Образование, получаемое в семинариях, находилось в разладе как с понятиями образованных людей, так и с понятиями простого народа. Социальный статус, субкультура и экономическое положение духовенства также были оригинальными: не благородное, но и не подлое, не европейски ориентированное, но и не замкнутое на допетровские идеалы, не богатое, но и не бедное.⁸⁶ Противоречивость, пограничность, промежуточность положения духовенства в социальном, культурном и экономическом отношениях превратили его в культурный и социальный симбиоз. Мне кажется, что в случае с духовенством мы сталкиваемся с типичным примером маргинального сословия, которым все недовольны и которому все ставится в вину — и далекая от идеала жизнь, и замкнутость, и свирепость цензуры. Однако ни маргинальность, ни ярко выраженная сословность духовенства не являются достаточным объяснением негативного к нему отношения, по крайней мере со стороны простого народа, ибо подобное отношение к православному духовенству проявлялось и в более раннее время. Можно предположить, что многовековая борьба православного духовенства с язычеством, наследие которого прочно сохранялось в сознании народа до начала XX в., служила не менее важной причиной трудных взаимоотношений духовенства и народа. Во всяком случае

в некоторых западноевропейских странах, например Франции, священники вследствие враждебного отношения к народной культуре также не пользовались уважением крестьянства, считавшего, что, если у тебя умный сын, сделай из него каменщика, а если придурок — отправляй в попы.⁸⁷

Общественное мнение середины XIX в. полагало, что духовенство плохо справлялось со своими социальными функциями: по мнению церковных властей, оно неудовлетворительно исполняло свою роль пастырей, учителей и религиозных проповедников, а по мнению светских властей, — роль стражей общественного порядка. Вследствие этого церковные и светские власти в 1860—1870-е гг. провели серию церковных реформ в дополнение к общегосударственным реформам, так как последние оказались недостаточными, чтобы преобразовать духовное сословие в свободную профессиональную группу, как того хотели реформаторы. Была категорически запрещена наследственная передача церковных должностей и отменены все наследственные, семейные притязания на служебные места в церкви. Епископы были обязаны выбирать и назначать духовных лиц на вакантные места, принимая во внимание исключительно профессиональные и моральные качества кандидатов, а не социальное происхождение. Дети духовенства получали светский юридический статус: дети священников и дьяконов — потомственного почетного гражданства, а дети причетников — личного почетного гражданства. Благодаря этому наследственность духовного статуса ликвидировалась, а дети духовенства могли беспрепятственно выбирать себе жизненное поприще в соответствии со своими наклонностями и интересами. Одновременно отменялся обычай, по которому мужчины из духовного сословия обязаны были жениться только на дочерях духовных лиц. Духовные школы стали открыты для детей всех слоев населения. Отменялись разные ограничения на свободу слова и печати для духовенства.

Власть епископа над приходским духовенством была серьезно ослаблена: он потерял право переводить священника и церковнослужителей в отдаленные и малоодоходные приходы как меру наказания; стало возможным без его согласия выходить в досрочную отставку (до окончания 35-летнего срока службы) с сохранением пенсии и добровольно снимать сан. Личный суд епископа сохранялся только по маловажным проступкам, за которые следовало наказание в виде епитимьи. Более серьезные проступки по должности и против нравственности, а также гражданские дела и споры, возникающие по поводу пользования церковной собственностью, по жалобам на духовенство должны были рассматриваться в суде консистории после формального следствия по установленным правилам. За все преступления духовенство подлежало светскому суду наравне с лицами недуховного звания. Предусматривалось создание съездов выборных от духовенства для обсуждения вопросов, относящихся к лучшему устройству епархиальных духовных училищ и семинарий, и для выборов членов правлений духовных училищ, что ограничивало власть епископа в области духовного образования. Возможность добровольного отказа от сана получили монахи, причем они возвращались в прежнее, домонашеское, сословие со всеми правами, принадлежавшими им по происхождению. Бывшим монахам не возвращались чины и отличия, заслуженные лично до пострижения, воспрещалось вступать на гражданскую службу, а также жить в столицах и в течение 7 лет, на срок церковной епитимьи за расстрижение, проживать в той губернии, в которой он был монахом.

Церковные реформы предусматривали радикальное изменение социального положения и юридических прав белого духовенства: оно должно было превратиться в профессию религиозных пастырей, избравших свое поприще по внутреннему призванию. Однако проведение реформы в среде белого духовенства проходило с большим трудом и натолкнулось на значительные препятствия. Многие архиереи из сочувствия к духовным лицам, которые

после отставки оказались без средств существования, или из жалости к осиротевшим семьям продолжали признавать семейные претензии духовенства на наследование церковной должности. Выходцы из других классов населения охотно шли в духовные школы, но неохотно — на церковную службу: тяжелая и неблагодарная работа при невысоком за нее вознаграждении делала ее малопривлекательной. За 1880—1914 гг. доля представителей светских социальных групп среди семинаристов поднялась с 8 до 16.4%, среди учащихся духовных училищ — до 25.3%, но их доля среди клириков — с 0 до 1.5%. Из 2187 выпускников 57 семинарий в 1914 г. только 47.1% остались в духовном ведомстве, остальные поступили в светские духовные заведения (39.1%), на гражданскую службу (4%), учителями в школы и т. д. В духовные учебные заведения шли ради образования, а не ради будущей духовной профессии. Да и спрос на новых кандидатов был невелик, пока настоящее поколение не ушло в отставку. Между тем в составе духовенства было много сверхштатных лиц, имевших первоочередное право на замещение вакансий. Надежды на качественное улучшение духовенства не оправдались не только из-за слабого притока талантливых людей из других сословий, но и потому, что обнаружилось катастрофическое бегство способных семинаристов в университеты и другие светские учебные заведения, следовательно, отток детей духовенства из духовной профессии. Поскольку уходили наиболее способные, происходила утечка мозгов из церкви, ослабление ее интеллектуального потенциала.⁸⁸

До сих пор загадочным для исследователей представляется тот факт, что утечка мозгов в значительной мере направлялась в среду радикальной интеллигенции. Своего пика приток поповичей в революционную среду достиг в 1870-е гг.: 22% народников 1870-х гг. были выходцами из духовенства, в то время как доля духовенства во всем населении страны в 1870 г. составляла 0.9%. Но и впоследствии вклад духовенства в революционное движение был значителен: в руководстве эсеров «поповичи» составляли 9.4%, большевиков — 3.7%; кадетов — 1.6%. Революционную настроенность поповичей бывший семинарист митрополит Евлогий объяснял так: «Забитость, униженное положение отцов сказывалось бунтарским протестом в детях». По мнению Н. А. Бердяева, «смысл этого факта двоякий. Семинаристы через православную школу получали формацию души, в которой большую роль играет мотив аскетического мироотрицания. Вместе с тем в семинарской молодежи <...> назревал бурный протест против упадочного православия XIX века, против безобразия духовного быта, против обскурантской атмосферы духовной школы. Семинаристы начали проникаться освободительными идеями просвещения, но проникаться ими по-русски, т. е. экстремистски, нигилистически».⁸⁹

Хотя **антисословная реформа** и не достигла всех своих целей, она тем не менее **способствовала постепенному превращению белого духовенства из сословия в профессию именно потому, что все юридические основания для существования духовенства как сословия были разрушены. В основном лишение духовенства сословных черт завершилось в начале XX в.** Нас не должно удивлять, что среди клириков по-прежнему было мало представителей других сословий: в 1904 г. из 47 743 священников всего около 3% составляли люди светского происхождения, со средним или высшим светским образованием.⁹⁰ И мы не должны считать это доказательством того, что духовенство осталось сословием. Преобладание детей духовенства среди духовной профессии было традицией, естественным пережитком сугубой сословности духовенства, следствием острой конкуренции между детьми духовенства и светских социальных групп, словом, результатом только объективных обстоятельств, так как в законе не осталось никаких оснований для сохранения сословности. Таким образом, в пореформенное время духовенство, так же как и дворянство, утрачивало сословные черты: одна его часть в юридиче-

ском отношении представляла духовную профессию, другая — вышла из его состава и слилась с интеллигенцией и другими профессиональными группами. Например, в Москве в 1882 г. из 6319 лиц духовного звания отправлением культа были заняты всего около 40%, остальные служили чиновниками, педагогами, врачами, литераторами, артистами, 450 человек работали наемной прислужкой, 356 человек находились в больницах и богадельнях и 134 человека пребывали среди деклассированных элементов.⁹¹

Таблица II.6
Состав православного приходского духовенства в России в XVIII—начале XX в.

Год	Священники		Дьяконы		Причетники		Всего	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
1738*	—	37		10	—	53		100
1783	27.3	29	13.4	14	54.6	57	95.3	100
1824	34.1	31	15.1	14	59.7	55	108.9	100
1830*	—	31	—	14	—	55	—	100
1836	32.4	31	15.2	14	58.7	55	106.3	100
1860	37.8	33	12.6	11	64.1	56	114.5	100
1880	37.0	40	7.6	8	48.1	52	92.7	100
1890*		43	—	13	—	44	—	100
1904	47.7	45	14.7	14	44.2	41	106.6	100
1913	50.4	45	14.9	14	45.7	41	111.0	100

* Получено с помощью экстраполяции.

Источники: РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 18 (1738 г.), д. 275; оп. 64 (1783 г.), д. 580; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода за [1860; 1903—1904; 1913] год. СПб., 1862, 1909, 1915; Freeze G. L. The Parish Clergy... P. 54, 100, 378, 462.

Стратификация духовенства. Численность черного и белого духовенства христианских исповеданий с членами их семей в Европейской России и Сибири составляла в 1678 г. около 40 тыс., в 1719 г. — 140, в 1795 г. — 216, в 1850 г. — 281 и в 1897 г. — 240 тыс. человек мужского пола. На долю приходского духовенства приходилось до 90% всего духовенства. Оно состояло из трех основных групп — священников, дьяконов и причетников, соотношение между которыми находилось в соответствии с духовными штатами (табл. II.6). Представители каждой группы имели различный духовный статус и соответственно ему — разные обязанности при исполнении церковных обрядов: священник выполнял главную роль, без него вообще не могло совершаться никаких обрядов и таинств, дьякон помогал священнику, а причетники служили для создания пышности, торжественности службы, выполняя как бы эстетическую функцию. Священник и дьякон относились к священнослужителям разного ранга, а причетники — к церковнослужителям, не имевшим статуса священства. Священник являлся главой причта и обладал административной властью над остальными его членами. Для занятия соответствующей должности существовал возрастной ценз: минимальный возраст составлял для священника 30 лет, дьякона — 25, причетника — 15 лет.

Заметно отличались члены причта своими доходами, так как по обычаю они делились между священником, дьяконом и всеми причетниками в пропорции 4:2:1. Духовное образование служило важнейшим фактором при занятии церковной должности, поэтому члены причта существенно отличались уровнем образования (табл. II.7). Как следует из данных табл. II.6—II.7, структура приходского духовенства в течение XVIII—начала XX в. подвергалась некоторым изменениям. После церковных реформ при Петре I в первой четверти XVIII в. и до начала 1780-х гг. происходило уменьшение доли священников и увеличение доли дьяконов и причетников. С конца

XVIII в. и до 1860-х гг. доля священников немного возросла за счет дьяконов, а доля причетников оставалась без изменений. После церковных реформ 1860-х гг. и вплоть до 1913 г. доля священников возрастала, доля причетников уменьшалась, а доля дьяконов заморозилась.

Таблица II.7
Количество лиц с полным семинарским образованием среди белого православного духовенства (в %)

Год	Священники	Дьяконы	Причетники	Всего
1835	42.5	4.2	0.0	13.6
1860	82.6	15.6	0.4	29.2
1880	87.4	12.7	2.0	37.4
1904	63.8	2.2	1.9	29.4

Источник: Freeze G. L. The Parish Clergy... P. 455.

В результате к 1913 г. доля священников увеличилась на 8%, доля дьяконов — на 4%, доля тех и других вместе — на 12%, доля же церковнослужителей сократилась на 12%. В составе духовенства произошел позитивный качественный сдвиг: в составе причта священнослужителей стало больше половины — 59%, соответственно церковнослужителей было меньше половины — 41%. Поскольку священнослужители имели более высокий социальный статус, лучшее образование, более высокие доходы, чем церковнослужители, структурные сдвиги в составе духовенства должны были благоприятно сказаться и на общем социальном статусе духовенства, и на его благосостоянии, которое повышалось также и благодаря мерам, принимаемым духовными и светскими властями. По моим расчетам, реальные доходы приходского духовенства возросли за 1714—1913 гг. не менее чем в 3 раза, в том числе за 1714—1850-е гг. — до 2.5 раза.⁹²

Приведенные данные показывают, что качественный сдвиг в структуре духовенства произошел только после 1860 г. и он безусловно был связан с церковными реформами 1860-х гг., одна из целей которых как раз и состояла в улучшении качественного состава духовенства. Но реформаторы столкнулись с двумя непреодолимыми препятствиями. Первое состояло в том, что совершение церковной службы и всех обрядов в соответствии со строгими православными канонами требовало наличия священника, дьякона и причетников в определенной пропорции. Нарушить это соотношение было возможно, но до известного предела, который был достигнут в 1904 г., когда изменения в составе духовенства прекратились. Второе препятствие заключалось в любви народа к эстетическому и обрядовому аспектам религии, а структурный сдвиг в составе духовенства вел к умалению их значения.

Посмотрим, как изменялся уровень неравенства среди духовенства. С точки зрения соотношения доходов между тремя стратами сословия неравенство в течение XVIII—XIX вв. имело тенденцию снижаться: в 1738 г. коэффициент Джини по доходам священников, дьяконов и причетников составил 0.45, с 1787 по 1860 г. находился на уровне 0.33, а в 1904—1913 гг. равнялся 0.30. Выравнивание совокупного дохода отдельных страт всецело объяснялось изменением состава духовенства — увеличением доли священнослужителей и снижением доли церковнослужителей. Однако различия в доходах отдельных групп духовенства обуславливались не только установленным разделением доходов между ними, но и различиями в доходности отдельных приходов (табл. II.8). Как показывает коэффициент Джини, во Владимирской епархии среди сельских причтов уровень неравенства был несколько выше, чем среди городских причтов: 0.36 против 0.30. Однако и в том и другом случае неравенство было умеренным — примерно таким же,

как среди служащего дворянства, и много меньше, чем среди помещиков. По уровню доходов духовенство уступало дворянству, а сами доходы более равномерно распределялись как между отдельными группами духовенства, так и между отдельными причтами. Подобные расчеты, проделанные по данным о доходах 204 причтов С.-Петербургской епархии в 1863 г. и доходах 872 причтов (115 городских и 757 сельских) Ярославской епархии в 1867 г., дают тот же результат — умеренный уровень неравенства между различными причтами как в городе, так и в деревне.⁹³

Т а б л и ц а 11.8
Распределение годовых доходов по причтам Владимирской епархии в 1863 г.

Доходы, р.	Число городских причтов	Число сельских причтов
До 100	1	208
100—199	13	292
200—299	23	282
300—399	20	196
400—499	15	106
500—599	15	45
600—699	10	27
700—799	12	7
800—899	4	6
900—999	1	5
1000—2000	3	4
	117	1178

Источники: РГИА, ф. 804 (Присутствие по делам православного духовенства), оп. 1, д. 60, л. 5.

Между отдельными стратами белого духовенства существовали довольно значительные перемещения, вследствие чего духовная служба также строилась в значительной мере на традиционном иерархическом принципе с продвижением по служебной лестнице. В 1830 г. места священников на 20% занимались детьми дьяконов, на 33% — детьми причетников и на 47% — детьми священников, в 1860 г. — соответственно на 17, 34 и 49%. Места дьяконов замещались в 1830 г. на 24% — детьми священников, на 54% — детьми причетников и на 24% — детьми дьяконов, в 1860 г. — соответственно на 9, 74 и 17%. Места причетников замещались в 1830 г. на 21% детьми священников, на 9% — детьми дьяконов и на 70% — детьми причетников.⁹⁴ Статус не являлся жестко наследственным, но уровень мобильности представителей разных страт был различным. Самыми мобильными были дети дьяконов, затем — священников и, наконец, причетников, что определялось полученным образованием: семинарское или академическое образование почти гарантировало получение места священника. Но священникам и дьяконам, материально лучше обеспеченным, дать своим детям образование было легче, чем причетникам, поэтому и мобильность последних была минимальной. В результате церковных реформ 1860-х гг. мобильность внутри духовенства возросла ввиду огромного оттока детей духовенства с образованием.

Городское сословие

Происхождение городского сословия, которое в течение императорского периода несколько раз изменяло свое название — посадские, граждане, купцы, городские обыватели, как уже упоминалось, уходит в XVII в., когда его представители назывались **посадскими людьми**. Важная роль в процессе их

превращения в сословие принадлежала Уложению 1649 г. Оно установило городские границы, более четко обособило посадских от других категорий городского и сельского населения, наследственно прикрепило их к городской (посадской) общине, очертило круг их государственных служб (сбор косвенных налогов, охрана городов и т. п.), обязало платить налоги и нести разные натуральные повинности, монополизировало за ними торгово-промышленную деятельность в черте города, санкционировало их объединение в самоуправляющиеся городские общины, связав всех членов круговой порукой. Два важных обстоятельства сопровождали принятие нового законодательства. Во-первых, статьи Уложения, посвященные посадскому населению, были включены туда под прямым давлением посадских и явились ответом на их прошения, поданные на имя царя. Это свидетельствует о складывании сословного самосознания посадских — будущего городского сословия. Во-вторых, Уложение было принято на земском соборе, где наряду с дворянами и духовенством были представлены также и посадские люди.⁹⁵ Таким образом, уже в середине XVII в. посадские приобрели важнейшие признаки сословия: наследственность социального статуса, самоуправляющуюся корпоративную организацию, сословный менталитет и право участвовать в представительном учреждении.⁹⁶ Эти признаки в XVIII в. получили свое окончательное, завершающее развитие.

Законодательство Петра I усилило корпоративные организации посадских и учредило для них специальный суд. Опуская детали, отметим, что бывшие посадские люди разделялись на регулярных и нерегулярных граждан. Первые в зависимости от величины капитала были разделены на три гильдии купцов и цеховых ремесленников, которые объединялись в цехи по профессиям, наподобие западноевропейских цехов. Гильдии и цехи пользовались самоуправлением. Лица, не имевшие капитала, престижной профессии (такой, например, как доктор, аптекарь, художник, шкипер и т. п.) и не записанные в цех, составляли разряд нерегулярных граждан, или подлых людей. Они не имели собственного дела и получали жизненные средства путем найма в работные люди. Нерегулярные граждане не участвовали в самоуправлении, так как не избирали своих представителей в магистраты. В первой четверти XVIII в. в состав граждан вошли представители непривилегированных служилых людей («служилые люди по прибору»), городские жители, не принадлежавшие ни к какому званию или чину («вольные гулящие люди»), лица свободных профессий (врачи, художники и т. п.). Это обстоятельство несколько задержало, но не остановило консолидацию граждан в сословие.⁹⁷

После смерти Петра I сословный суд был отменен, а самоуправление городских обывателей было стеснено коронной администрацией.⁹⁸ Но оно возродилось с еще большей силой после реализации Грамоты на права и выгоды городам Российской империи, дарованной одновременно с Грамотой дворянству в 1785 г. Жалованная грамота городам, которая включала также пространное Ремесленное положение, определила юридическое положение городского сословия, корпоративные формы существования (гильдии, цехи, городское общество), создала сословный суд и организационные формы для правильного самоуправления (магистраты и городские думы). Ввиду нежелания дворянства и духовенства присутствовать в органах самоуправления, с одной стороны, и запрещения участвовать в них военным и крестьянам, постоянно проживавшим в городе, с другой — городское самоуправление фактически превратилось в самоуправление городских обывателей (как были названы бывшие посадские и граждане), т. е. купцов, мещан и ремесленников. В органах самоуправления не были представлены лица, не имевшие собственного дома, капитала, ремесла и моложе 25 лет, а также женщины. Принадлежность к городскому сословию закреплялась внесением в городскую обывательскую книгу. Грамота закрепила за городски-

ми обывателями исключительное право на занятие торговлей и промышленностью в черте города, усилила их корпоративные права, присвоила право сословного самоуправления через городскую думу и городского голову, передала в собственность общин городские земли, а в собственность отдельных лиц — торгово-промышленные заведения, ввела сословные суды и освободила их от выполнения тягостных казенных служб. Каждый город получил свой герб. Купечество было освобождено от прямого налога (подушной подати), вместо которого оно стало платить особый процент с объявленного капитала, и получило привилегию откупаться деньгами от рекрутской повинности. Грамота защитила имущество, честь и достоинство городских обывателей: только суд мог лишить их дарованных им прав; суд же присуждал за оскорбление к штрафу, которому подвергалось также и дворянство. Они получили право приносить жалобы о своих нуждах на имя губернатора. Наконец, грамота присвоила купцам первой гильдии право ездить в карете, запряженной парой лошадей, купцам второй гильдии — в коляске, запряженной парой лошадей, купцам третьей гильдии — в экипаже, запряженном одной лошадей. Мещане и ремесленники, можно предположить, должны были ходить пешком или ездить на телегах."

Права, полученные городскими обывателями, соответствовали их требованиям, высказанным в наказах своим представителям в Комиссию по составлению нового Уложения 1767 г.,¹⁰⁰ и это говорит о том, что у них к моменту издания Жалованной грамоты сформировалось сословное самосознание. Городские обыватели обладали специфическим менталитетом, имели свою субкультуру, что отражалось в их внешнем облике.¹⁰¹ Таким образом, **к концу XVIII в. окончательно сформировалось городское сословие**. Оно не имело только одного признака настоящего сословия — не участвовало в представительном учреждении.

В течение конца XVIII—первой половины XIX в. сословные права городских обывателей укреплялись и были вторично юридически подтверждены в Своде законов Российской империи 1832 г.¹⁰² Сословный дух, который последовательно выражался купечеством — высшей стратой сословия, достиг своего кульминационного развития.¹⁰³ Об этом свидетельствуют длительная и успешно закончившаяся в 1824—1830 гг. борьба, которую вело купечество против крестьянства и дворянства за адекватное обложение крестьянской торговли и промышленности налогами,¹⁰⁴ дружная борьба с коронной администрацией во второй четверти XIX в. за сохранение своего сословного самоуправления и суда.¹⁰⁵ В 1837 г. правительство решило ввести общий суд, объединив сословный суд городских обывателей (магистраты и ратуши) с уездными дворянскими судами. Из 671 городского поселения Европейской России лишь городские обыватели 86 городов и посадов согласились на эту меру, остальные ее решительно отвергли.¹⁰⁶

Однако во второй четверти XIX в. городские обыватели окончательно потеряли монополию на торгово-промышленную деятельность в черте города. С середины 1820-х гг. любой человек мог заниматься этой деятельностью всюду при условии приобретения промысловых свидетельств. Эта реформа способствовала более активному втягиванию в торгово-промышленную деятельность крестьянства и представителей других сословий: в 1830—1834 гг. среди держателей промысловых свидетельств на долю купечества приходилось 92%, крестьянства — 7%, дворянства — 0.4%, в 1850—1854 гг. — соответственно 86, 14 и 0.6%.¹⁰⁷ В конечном счете утрата монополии на торгово-промышленные занятия вела к превращению городских обывателей в классы предпринимателей, ремесленников и рабочих.

После Великих реформ распад городского сословия пошел еще быстрее.¹⁰⁸ Кроме общих реформ (судебной, военной, земской и т. д.), затронувших все русское общество и способствовавших девальвации сословной парадигмы, важная роль принадлежала новому Городовому положению

Рис. 20. Группа ткачих С.-Петербургской фабрики Торнтон на фабричном дворе. 1910-е гг.

1870 г. Оно превратило сословное городское самоуправление во всесословное, в котором дворянство и профессиональная интеллигенция заняли значительное место. Отмена подушной подати и круговой поруки в 1860-е гг. у мещанства, составлявшего около 90% общего числа городских обывателей, разрушила сословную городскую общину. С потерей сословного самоуправления и монополии на профессию, с упадком сословной общины, с заменой сословного суда всесословным, а рекрутской повинности всесословной воинской обязанностью от городского сословия практически ничего не осталось, кроме имени и формального названия сословием. Не случайно с 1870 г. городские обывательские книги, документировавшие принадлежность к городскому сословию, перестали вестись.¹⁰⁹ Вместе с тем настоящий буржуазный класс формировался трудно и медленно, был очень слабым,¹¹⁰ не в последнюю очередь потому, что городское сословие в России существовало весьма непродолжительное, сравнительно с западноевропейскими странами время — менее столетия.

Социальная стратификация. Общая численность городского сословия с 1719 по 1897 г. увеличилась с 297 тыс. до 5276 тыс. человек мужского пола. Но, как уже говорилось, сословие разделялось на несколько страт, которые различались правами, профессиональной деятельностью и доходами. В московскую эпоху основанием самостратификации посадских являлся доход, в соответствии с которым они разделялись на первостатейных, среднестатейных и третьестатейных. Точного имущественного ценза для всех городов не существовало, но принцип деления на три статьи, или страты, везде соблюдался, и от того, к какой страте принадлежал человек, зависела величина падавших на него налогов и повинностей, которые раскладывались посадской общиной. В 1721 г. посадские были разделены на регулярных граждан первой, второй гильдий и цеховых и нерегулярных граждан. Во второй половине 1720-х гг. по закону все городское сословие получило общее наименование купцов и стало разделяться на три гильдии. Деление на гильдии в сущности соответствовало прежнему делению на статьи, и само понятие

статья сохранилось и употреблялось наряду с понятием *гильдия*. Таким образом, в 1724—1775 гг. произошло фактическое возвращение к классификации городских обывателей на три статьи по сравнительной имущественной состоятельности, которая, однако, сопрягалась с делением по трем гильдиям следующим образом: в первые две статьи входили крупные и средние торговцы и мануфактуристы — купцы первой и второй гильдий, в третью статью — мелкие торговцы, цеховые, ремесленники и работающие по найму, или «чернорабочие» и «огородники», — купцы третьей гильдии.¹¹¹

В 1775 г. по закону было введено новое деление городского сословия на гильдейское купечество, мещанство и цеховых. Купечество было разделено на три гильдии на основании объявленного капитала, от которого зависело их налогообложение. Для записи в одну из трех гильдий устанавливался ценз или минимальный капитал: для первой гильдии — 10 тыс. р., для второй гильдии — 1 тыс. р., для третьей — 500 р. Остальные лица, не имевшие необходимого минимума капитала, были отнесены к мещанам или цеховым. Городовое положение 1785 г. сохранило классификацию 1775 г. и ее основания — величину объявленного капитала и род занятий, но ввело одну новую социальную категорию городского сословия — *именитых граждан*, в которую входили крупнейшие купцы и банкиры. Реформа 1775—1785 гг. превратила гильдейское купечество в привилегированную страту городского населения, так как купечество освобождалось от подушной подати, опеки посадской общины, рекрутская повинность заменялась денежным взносом и т. д. **Но принадлежность к купечеству перестала быть наследственной:** купеческие привилегии покупались, а не наследовались. Всякий городской обыватель мог записаться в купцы и приобрести привилегии, но в этом случае он должен был объявить капитал и платить гильдейский сбор, равный 1% с объявленного капитала. Сбор даже с купцов третьей гильдии был в 1775 г. в 4,2 раза, а с 1785 г. — в 8,4 раза больше, чем прямые налоги с мещан или цеховых, равные 1,20 р. Если сбор не уплачивался, то купец автоматически переходил в ряды мещан и за ним числилась недоимка. Напротив, звания мещанина и цехового были наследственными.

В 1832 г. категория *именитых граждан* была отменена и вместо нее вводилась новая категория — *почетное гражданство*, которое присваивалось императорскими указами на других основаниях, чем звание «именитые граждане». Потомственное почетное гражданство давалось по рождению детям личных дворян и детям православных священников, окончившим духовную академию или семинарию; по ходатайству — купцам первой и второй гильдий, состоявшим безвыходно в своей гильдии соответственно 10 и 20 лет или награжденным орденом, их детям, а также артистам, художникам, ученым с ученой степенью и лицам, имевшим класный чин. Личное потомственное гражданство присваивалось по рождению детям священников без специального образования; по ходатайству — лицам, окончившим университет и некоторые высшие учебные заведения, а также чиновникам, не имевшим по своему чину права на личное дворянство. Почетные граждане освобождались от уплаты прямого налога, рекрутской повинности и телесного наказания. Потомственное почетное гражданство имело большое преимущество перед званием купца — оно было наследственным и поэтому более привлекательным для человека, жаждущего обрести больше личных и имущественных прав.¹¹²

В 1863 г. была отменена третья гильдия, и представители всех сословий получили доступ в ряды купечества. Последующее законодательство не внесло изменений в структуру городского сословия, за исключением повышения величины капитала, требуемого для записи в гильдии.

Стратификация городских обывателей в соответствии с изменяющимся разделением его на различные категории представлена в табл. II.9 и II.10. Чтобы получить сопоставимую стратификацию за 1724—1897 гг., нерегулярные граждане, чернорабочие и огородники 1721—1724 гг. и купцы третьей

гильдии, или третьей статьи, 1724—1775 гг. отнесены к мещанам или цеховым; соответственно в 1721—1724 гг. к гильдейскому купечеству отнесены регулярные граждане, в 1724—1775 гг. — купцы первых двух гильдий, или статей. Как видно из данных табл. II.9 и II.10, в стратификации городского сословия происходили изменения, которые носили циклический характер и определялись социальной и экономической политикой правительства и экономической конъюнктурой. До Великих реформ 1860-х гг. абсолютная численность гильдейского купечества возрастала, за исключением короткого периода между 1812 и 1824 гг.

Таблица II.9
Стратификация городского сословия Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII—XIX вв.
(в тыс. мужского пола)

Год	Почетные граждане	Гильдейское купечество	Мещане и цеховые	Цеховые	Всего
1724*	—	50.0	133.1**	1.9	185.0
1744*	—	57.2	142.1**	12.7	212.0
1762*	—	72.8	141.9**	13.7	228.4
1782	—	87.0	249.2**	—	336.2
1795	—	117.8	464.4	—	582.2
1811	—	122.9	653.6	—	776.5
1815	—	81.4	616.7	—	698.1
1824	—	52.0	877.6	—	929.6
1825	—	77.5	1033.0	—	1110.5
1835	—	119.3	1259.4	—	1378.7
1840	2.4	136.4	1454.0	—	1592.8
1850	7.2	175.5	1704.4	—	1887.1
1858	10.9	204.8	1705.9***	145.6	2067.2
1863	17.8	235.7	1955.0***	133.1	2341.6
1870	29.0	208.4	2742.0	—	2979.4
1897	156.6	116.4	4625.1***	203.3 (1893 г.)	5101.4

* Вместе с Сибирью. ** Купцы 3-й гильдии. *** Мещане.

Источники: РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 2859; *Кеннен П.* Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в России в 1851 году. СПб., 1857; *Кизеветтер А. А.* Посадская община России XVIII столетия. С. 100—102, 112, 162—165; *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740—1860-е годы. Л., 1990. С. 164; Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 160—171; *Рындзюнский П. Г.* Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население // *Пауто В. Т.* (ред.). Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 90; Статистический временник Российской империи. 1866. Вып. 1. Отд. 1. С. 46—47; 1875. Сер. 2. Вып. 10. С. 30—35; *Яковцевский В. Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 54; *Hildermeier M.* Bürgertum und Stadt in Russland 1760—1870. Rechtliche Lage und soziale Struktur. Köln; Wien: Böhlaus Verlag, 1986. S. 50, 166—167, 347—350.

В 1812—1815 гг. число купцов снизилось в связи с Отечественной войной, принесшей разорение многим купцам, в 1815—1824 гг. — в связи с формальным разрешением в 1812 г. крестьянской торговли, которая подлежала меньшему налоговому обложению, чем купеческая торговля. После уравнивания финансовых условий крестьянской и купеческой торговли в 1824 г. численность гильдейского купечества начала вновь расти до 1863 г. Уменьшение доли гильдейского купечества, а среди него увеличение доли купцов третьей гильдии объясняется тем, что на протяжении 1775—1821 гг. возрос имущественный ценз для записи в любую гильдию, а гильдейский сбор с объявленного капитала увеличился с 1 до 5.225%.¹¹³ В 1824—1861 гг. ценз и гильдейский налог с купечества не только не изменялись, но были установлены в пониженном в 1.4 раза против прежнего размере. Вследствие этого численность купечества стала расти не только абсолютно, но и относительно: в 1824 г. доля гильдейского купечества среди городских обывателей равня-

лась 5.6%, в 1863 г. — 10%; одновременно прекратилось снижение доли купцов первых двух гильдий. Несмотря на все перипетии, капитал гильдейского купечества снижался только в годы сокращения его численности — в 1812—1824 гг., а в остальные годы возрастал: в 1802 г. сумма объявленного всеми купцами капитала составляла 98 млн р. серебром, в 1820 г. — 41 млн, в 1849 г. только в Европейской России — 113 млн р. золотом.¹¹⁴ Таким образом, нет оснований говорить об упадке гильдейского купечества в течение XVIII—первой половины XIX в. как постоянном процессе. Положение изменилось после реформ 1860-х гг.

Таблица П.10
Стратификация городского сословия Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII—XIX вв.
(в %)

Год	Почетные граждане	Купцы гильдии I	Купцы II гильдии	Купцы III гильдии	Купцы I—III гильдий	Мещане и цеховые	Цеховые	Всего
1724*	—	9.0	18.0	—	27.0	72.0**	1.0	100
1744*	—	9.0	18.0	—	27.0	67.0**	6.0	100
1764*	—	7.2	24.7	—	31.9	62.1**	6.0	100
1775	—	—	—	—	19.0	81.0	—	100
1782	—	—	—	—	26.0	74.0	—	100
1795	—	—	—	—	20.0	80.0	—	100
1811	—	0.5	1.0	14.5	16.0	84.0	—	100
1815	—	—	—	—	12.0	88.0	—	100
1824	—	—	—	—	5.6	94.4	—	100
1825	—	—	—	—	7.0	93.0	—	100
1835	—	0.2	0.5	7.9	8.6	91.4	—	100
1840	0.2	0.1	0.4	8.7	9.2	90.6	—	100
1850	0.4	0.1	0.4	6.5	7.0	93.0	—	100***
1858	0.5	0.2	0.5	9.0	9.7	83.0***	7.0	100***
1863	0.8	—	—	—	10.0	83.5***	6.0	100***
1870	1.0	—	—	—	7.0	92.0	—	100
1897	3.0	—	—	—	2.0	91.0***	4.0 (1883 г.)	100

* Вместе с Сибирью. ** Купцы 3-й гильдии. *** Мещане. **** Многие почетные граждане являлись одновременно купцами 1-й и 2-й гильдий, поэтому сумма долей отдельных категорий населения превышает 100.

Источники указаны в примечании к табл. П.9.

В 1863 г. закон открыл доступ в купечество всем сословиям и упразднил его сословные преимущества при уплате торговых сборов. Казалось бы, эта мера должна была привести к росту его численности. Но этого не произошло. Мне кажется, что причина этого заключалась в том, что *в глазах городских и сельских обывателей упала привлекательность купеческого звания*. С одной стороны, почетное гражданство давало те же привилегии, что и купеческое звание, а получить почетное звание было легче. В случае же получения потомственного почетного гражданства привилегии становились наследственными, в то время как привилегии купеческого звания были временными — пока человек был в состоянии уплачивать гильдейский сбор. Поэтому многие желающие приобрести привилегии, даваемые купеческим званием, предпочитали получить почетное гражданство. С другой стороны, если до реформ статус купца для человека из народа имел огромное преимущество и к нему многие стремились — для мещанина и крестьянина это был предел мечтаний, то в результате реформ 1860-х гг. возможность приобретения личных прав всеми сословиями заметно лишала купеческое звание привлекательности.

Категория цеховых была введена в 1721 г. вместе с их корпоративной организацией в цехи. Однако ввиду отсутствия традиции корпоративного устройства ремесленников и слабого развития ремесленного труда цехи раз-

вивались очень медленно. В 1740-е гг. они существовали в 92 городах, или в 46% городов, в 1760-е гг. — в 106 городах, или в 52% городов, и объединяли лишь треть всех городских ремесленников.¹¹⁵ Толчок развитию цехов дали Ремесленное положение 1785 г. и Устав цехов 1799 г., действовавший без изменений до 1917 г. Согласно этим законодательным актам, все ремесленники должны были записаться в цехи: коренные городские ремесленники как вечно-цеховые с правами мещанства, а пришлые из других мест и крестьяне как временно-цеховые без сословных прав мещанства. Подобная организация ремесленного труда была распространена на всю Россию, но вводилась только в тех городах, где число ремесленников достигало сколько-нибудь значительной величины.¹¹⁶ Благодаря принятым мерам число цехов и записанных в них ремесленников постепенно возрастало и к 1858 г. охватило до 7% всех городских обывателей. Но цехи существовали далеко не во всех городах: в 1764 г. — в 106, в середине XIX в. — в 180, в 1893 г. — в 142, в 1905—1917 гг. — в 29 городах России.¹¹⁷

Рис. 2 1 . Купцы. Кострома. 1870 г.

С быстрым развитием индустриализации страны после отмены крепостного права ремесленный труд стал постепенно вытесняться, следствием чего явилось сокращение доли цеховых примерно до 4% в 1893 г. Окончательно цеховая система прекратила свое существование после 1917 г.¹¹⁸ Таким образом, как и в случае с гильдейским купечеством, корпорация цеховых была на подъеме до 1860-х гг., после чего начала испытывать упадок, дожив, однако, до 1917 г.

Категория мещан непрерывно росла, поскольку впитывала в себя, во-первых, купцов, которые разорялись или не имели достаточно капитала для возобновления купеческих прав, во-вторых, цеховых, которые разорялись или изменяли профессиональную ориентацию, в-третьих, крестьян, которые мигрировали в город.

Верхушка городского сословия до 1860-х гг. была невелика: в 1820 г. во всей России насчитывалось всего 28 именитых граждан мужского пола без семьи или примерно 150 человек обоего пола с семьями, в 1863 г. число почетных граждан обоего пола составляло 17 833 человека. В пореформенное время по мере роста численности профессиональной интеллигенции и с падением престижа купеческого звания данная социальная прослойка стала быстро расти и в 1897 г. превысила на треть численность купечества — 156,6 тыс. против 116,4 тыс.

Итак, в течение почти двухсотлетнего периода происходило уменьшение доли гильдейского купечества и цеховых и, наоборот, росла доля мещанства

и почетных граждан. Соотношение различных страт во всем городском сословии имело тенденцию изменяться в пользу низшей страты — мещанства, в гильдейском купечестве — в пользу низшей гильдии. В пореформенное время доля гильдейского купечества пошла на убыль, зато доля профессиональной интеллигенции возростала, ибо категория почетных граждан в большинстве состояла из представителей интеллигенции. Общая тенденция в изменении структуры городских обывателей состояла в уменьшении доли привилегированной части сословия и росте доли непривилегированной части. В 1724 г. доля гильдейского купечества составляла 27%, а в 1897 г. — всего 2% и даже вместе с почетными гражданами — 5%. Соответственно доля мещанства и цеховых за это время выросла с 72 до 95%.

Результаты количественной оценки уровня неравенства среди городских обывателей представлены в табл. II.11.

Таблица II.11
Стратификация посадских в конце XVII—первой половине XVIII в. (в %)

Страта	Устюг	Тотьма	Соликамск		Москва		Кунгур	Ярославль
	1680 г.	1688 г.	1679 г.	1708 г.	1684 г.	1728 г.	1719 г.	1759 г.
Богатые	0.2	} 4.6	} 34.7	7.4	13.9	3.1	15.6	1.5
Средние	3.4			24.4	21.4	19.1	19.0	9.1
Бедные	10.8	} 95.4	} 65.3	54.7	} 64.7	51.7	60.4	84.4
Неимущие	85.6			13.5		26.1	5.0	5.0
Итого	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0
G*	—	—	—	0.821	0.380	0.543	—	0.632

* Коэффициент неравенства Джини (С) подсчитан только там, где имелись необходимые данные.

Источники: Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка. М., 1960. С. 494—499; Колесников П. А. Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в. // ИСССР. 1958. № 2. С. 131—143; Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957. С. 144—147, 198; Богоявленский С. К. Научное наследие... С. 127—128; Преображенский А. А. Очерки по истории колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в. М., 1956.

Для конца XVII—первой половины XVIII в. мы воспользовались данными о самоидентификации посадских, произведенной на основе имущества и доходов. В это время посадские разделялись на «лучших», «средних», «молодших», «самых худых», в 1722—1775 гг. — на купцов первой, второй, третьей статей (гильдий), оскуделых, что в переводе на современный язык можно более или менее адекватно перевести как богатые, средние, бедные и неимущие. В соответствии с этой классификацией городские общины раскладывали между жителями налоги и повинности, которые они несли в пользу государства. Согласно самоидентификации, более двух третей всех городских обывателей входило в категорию бедных и неимущих. Это была типичная картина в экономически развитых городах, таких как Москва, Ярославль, Кострома, Казань, Нижний Новгород, Тверь, Новгород, Астрахань и другие, для первой половины XVIII в.¹¹⁹

Распределение населения по стратам имеет смысл, но оно скрывает распределение имущества между ними. Для некоторых городов мы имеем данные о том, как община распределила причитающуюся ей сумму налога между отдельными семьями. Поскольку разверстка налога происходила в соответствии с имуществом и доходом, ее можно считать подходящей. В Москве в 1684—1691 гг. 10% самых бедных вносили 3.7% всех налогов, а 10% самых богатых — 31.5%, т. е. в 8.5 раза больше. В Соликамске в 1708 г. 7.3% самых богатых вносили 73.4% всех налогов, а 14.6% самых бедных бы-

ли по бедности вообще освобождены от налогов и т. д. Подобные оценки также раскрывают степень неравенства. Однако оценка уровня имущественной дифференциации с помощью специального коэффициента неравенства Джини, который принимает значение от 0 при полном равенстве и 1 при полном неравенстве, более наглядна, так как дает обобщенный и интегральный показатель уровня неравенства городских обывателей. Значение коэффициента Джини колебалось от 0.380 до 0.821. Как свидетельствует опыт России и других стран, в больших городах, а тем более в столицах уровень неравенства, как правило, выше. Чем же можно объяснить, что не в крупнейшем городе России — Москве, а в Соликамске с посадским населением в 9.5 раза меньшим, чем в Москве, уровень имущественного неравенства населения был выше? Дело в том, что Соликамск в XVII—XVIII вв. был крупнейшим в стране центром солеварения, почти все население которого занималось производством (вываркой) соли. Несколько десятков соляных варниц принадлежало узкому кругу богатых людей, на которых работало остальное население города, что и объясняет существование там более значительной имущественной поляризации населения, чем в Москве. Аналогичная картина наблюдалась в Великом Устюге, Тотьме и Ярославле, так как эти города в свое время также принадлежали к числу крупных торгово-промышленных центров страны. По-видимому, Москва более правдоподобно отражает нормальный для конца XVII—первой половины XVIII в. уровень неравенства среди посадских.

Таблица П.12
Стратификация городского сословия Европейской России без Польши и Финляндии (в %)

Год	Богатые		Средние		Бедные		Итого	
	купцы I и II гильдий	уплачиваемые налоги	купцы III гильдии	уплачиваемые налоги	мещане и цеховые	уплачиваемые налоги		
1811	1.5	24.6	14.5	62.3	84.0	13.1	100	100
1835	0.7	27.0	7.9	50.9	91.4	22.1	100	100
1858	0.7	14.8	9.2	73.7	90.1	11.5	100	100

Источники: *Руковский И. П.* Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1862. Приложение. Табл. 7. Остальные источники указаны в примечании к табл. П.9.

С 1775 г. единая прежде община посадских с точки зрения налогообложения распалась на корпорации купцов, цеховых, мещан, а купечество перешло к индивидуальной уплате налогов. Вследствие усложнения состава городской общины основания стратификации изменились: современники относили мещан и цеховых к бедной прослойке городского общества, купцов третьей гильдии — к средней, а второй и первой гильдий — к богатой прослойке.¹²⁰ Тогда стратификация городских обывателей примет следующий вид (табл. П.12).

Как можно видеть из данных табл. П.11 и П.12, низшая и высшая страты численно увеличились сравнительно с XVIII в., а средняя уменьшилась, что указывает на возросшее имущественное расслоение. Коэффициент Джини, подсчитанный по этим данным, подтверждает это наблюдение: в 1811 г. он равнялся 0.736, в 1835 г.—0.711, в 1858—1861 гг.—0.778.

С 1863 г. система обложения торговой и промысловой деятельности изменилась и усложнилась настолько, что не позволяет применить использованную выше методику для оценки уровня экономического неравенства. Но есть данные о городских выборах 1870—1880-х гг., произведенных на осно-

Рис. 22. Курские купцы с подарками Николаю II. Курск. 1902 г.

вании Городового положения 1870 г., которое ввело имущественный ценз. По новому избирательному закону городское население разделялось на две группы — цензовых граждан, отвечавших имущественному, возрастному и цензу оседлости и получавших избирательные права, и нецензовых граждан, не отвечавших этим цензам и потому лишенных избирательных прав. Цензовые граждане в свою очередь делились на три разряда в зависимости от величины уплачиваемых в городскую казну налогов. К первому разряду относились немногочисленные крупные плательщики, ко второму — средние, к третьему — самые многочисленные мелкие плательщики; сумма платежей, вносимых избирателями каждого разряда, давала одну треть всех городских сборов. Граница, отделявшая нецензовых граждан от цензовых, была не слишком велика: достаточно было обладать любым недвижимым имуществом, содержать торговые или промышленные заведения или иметь промысловое свидетельство на право заниматься торговлей, промышленностью или ремеслом, чтобы получить избирательные права. В выборах участвовали главы семей (или кто-либо по их поручению), достигшие 25-летнего возраста; лица, не владевшие недвижимым имуществом, должны были проживать на территории города не менее двух лет. Введенные цензы создали такой избирательный корпус, который на 70 % состоял из представителей торгово-промышленного сословия.¹²¹ Категории городских избирателей примерно соответствовали прежнему делению городских обывателей на богатую, среднюю и бедную прослойки: нецензовые граждане — бедная прослойка, или низшая страта, 3-й разряд избирателей — средняя прослойка, или средняя страта, 1-й и 2-й разряды избирателей — богатая прослойка, или высшая страта (табл. II.13).

Т а б л и ц а П.13
Стратификация горожан 40 губернских городов в 1883—1884 гг. (в %)

Страта	Доля в численности сословия	Доля уплачиваемых налогов
Богатые:	2.2	66.7
избиратели 1 -го разряда	0.4	33.3
избиратели 2-го разряда	1.8	33.4
Средние: избиратели 3-го разряда	19.2	33.3
Бедные: нецензовые граждане	78.6	0
Итого	100.0	100.0

Источники: *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России... С. 175. Расчет мой. — *Б. М.*

Учитывая преобладание в числе избирателей представителей городского сословия, можно сказать, что их структура к концу XIX в. мало изменилась по сравнению с серединой XIX в., но имущественная дифференциация, вероятно, еще более возросла. Об этом свидетельствует коэффициент Джини, достигший почти максимальной отметки — 0.911. Уровень неравенства даже среди цензовых граждан был высок, как показывает коэффициент Джини, равный 0.622. В 1892 г. было принято новое Городовое положение, которое отменило деление избирателей на разряды и тем лишило нас возможности оценить уровень имущественного неравенства, пользуясь избирательными списками. К сожалению, по причине разных оснований стратификации, принимаемых в течение конца XVII—XIX в., неполноты данных для XVIII в. и невозможности выделения в чистом виде представителей городского сословия среди избирателей 1880-х гг. мы не можем точно оценить, насколько повысился уровень неравенства в течение двух столетий. Одно несомненно — он повысился. Уже на рубеже XVII—XVIII вв. уровень неравенства среди городского сословия был достаточно высок, а в течение XVIII—XIX вв. он имел тенденцию к возрастанию, как это было в США и западноевропейских странах.¹²²

Важная особенность стратификации городских обывателей состояла в том, что верхняя страта сословия постоянно обновлялась вследствие высокой внутрисословной вертикальной мобильности. До середины XIX в. большинство купеческих фирм возвышалось и падало в течение жизни одного, самое большое двух поколений вследствие частых банкротств, неблагоприятных условий для предпринимательства и расточительства разбогатевших купцов, стремившихся подражать дворянскому образу жизни. На смену обедневшим купцам первой и второй гильдий приходили разбогатевшие купцы третьей гильдии, мещане или цеховые, так как никакого юридического барьера между разными стратами городских обывателей не существовало. Объявив капитал и заплатив определенную сумму налога, любой мещанин мог стать купцом любой гильдии, а разорившийся купец, который не в состоянии был уплачивать гильдейский сбор с объявленного капитала, автоматически переходил в мещанство.¹²³ Внутрисословная мобильность среди городского сословия со второй половины XIX в., по-видимому, стала ослабевать; обнаружился сильный приток крестьянства при уменьшении общей численности гильдейского купечества.¹²⁴ Но оценить меру этих изменений и ответить на вопрос, привело ли это к росту устойчивости крупного капитала, крупных купеческих фирм и промышленных предприятий, из-за отсутствия необходимых данных пока не представляется возможным.

Крестьянство

Крестьянство в середине XIX в. разделялось на несколько разрядов: 1) государственные, до 1866 г. принадлежавшие казне; 2) помещичьи, до 1861 г. принадлежавшие потомственному дворянству; 3) дворцовые, или удельные, до 1863 г. принадлежавшие императорской фамилии; 4) церковные, до секуляризации 1764 г. принадлежавшие монастырям; 5) экономические (эта категория существовала в 1764—1811 гг.); 6) посессионные, до 1861 г. закрепленные за посессионными мануфактурами. *Государственные крестьяне* вобрали в себя прежде всего бывших черносошных крестьян, многочисленные категории крестьян, не принадлежавших дворянству и императорской фамилии, нерусское население Поволжья, Приуралья и Сибири, платившее особый налог — ясак и потому называвшееся *ясачными инородцами*, церковных или монастырских крестьян после секуляризации 1764 г., а также многочисленные категории служилых людей по прибору. К началу XIX в. можно говорить о консолидации государственных крестьян. *Помещичьи крестьяне* образовались из частновладельческих крестьян и холопов, превращенных в помещичьих крестьян в ходе переписи податного населения, или ревизии, 1719 г. *Удельные крестьяне* как специальный разряд крестьян, принадлежавших отдельным членам императорской фамилии, появились в 1797 г. из бывших дворцовых крестьян. Дворцовые крестьяне принадлежали императорской фамилии в целом; превратившись в удельных, они обрели персонифицированных владельцев. *Монастырские крестьяне* XVIII в. являлись прямыми наследниками монастырских крестьян XVII в., в 1764 г. они были окончательно конфискованы у монастырей и образовали особый разряд экономических крестьян, которые в перепись 1815 г. перешли в состав государственных крестьян. Разряд *посессионных крестьян* образовался в XVIII в. из государственных крестьян, приписанных к заводам и фабрикам купцов, из купленных последними у помещиков, а также из пойманных беглых крестьян, которые отдавались на фабрики в вечную работу. По своему юридическому положению эти главные категории крестьян имели некоторые отличия, особенно существенные к началу XVIII в. Однако в течение XVIII в. их права и обязанности заметно выравнивались. Все они стали принадлежать к непривилегированным, или податным, слоям населения, не имевшим свободы передвижения и социальной мобильности, права выбора занятий, прикрепленным наследственно к своему социальному статусу, месту жительства, общине и владельцу. Это дает основание объединить все разряды крестьян, существовавшие до 1860-х гг., в единое сословие закрепощенных сельских обывателей. С 1719 (год 1-й ревизии) по 1857 г. (год последней 10-й ревизии) доля государственных крестьян увеличилась с 25.9 до 48.8%, доля всех остальных категорий крестьянства уменьшилась: помещичьих (вместе с посессионными крестьянами) — с 54 до 47.3%, удельных — с 7.7 до 3.9%, доля церковных (экономических) крестьян за 1719—1811 гг. уменьшилась с 12.4 до 8.5%.¹²⁵

Важная роль в процессе превращения крестьянства в непривилегированную социальную группу принадлежала указам 1590-х гг. и Уложению 1649 г., которые наследственно прикрепили их к сельской общине, лишили свободы передвижения, обязали платить налоги и нести разные натуральные повинности, санкционировали их объединение в самоуправляющиеся общины, связав всех членом круговой порукой. В середине XVII в. крестьяне приобрели два существенных признака сословия: наследственность социального статуса и корпоративную организацию в форме мира, или общины. Но вектор их социальной эволюции был направлен не в сторону развития сословных прав и привилегий, а в сторону укрепления

признаков крепостного состояния, что получило свое окончательное развитие в течение XVIII в.¹²⁶ Хотя к концу XVIII в. крестьяне приобрели еще два признака сословия: специфический менталитет и внешние признаки сословия,¹²⁷ они имели мало прав и совсем не располагали привилегиями. Екатерина II в 1785 г. подготовила для государственных крестьян проект Жалованной грамоты, в которой утверждались их сословные права — личная свобода, право собственности, крестьянский суд, самоуправление.¹²⁸ Однако по политическим соображениям — из-за нежелания возбуждать дворянство и возмущать обойденных в грамоте помещичьих крестьян — проект не был реализован, хотя он использовался на практике в государственной деревне.¹²⁹ Права и обязанности крестьян, как и обязанности перед ними их патронов, были закреплены в законе только в 1832 г.¹³⁰ Таким образом, **крестьяне в наименьшей степени соответствовали понятию сословия**. Однако, поскольку они все же обладали важными признаками сословия, **их можно считать** если не сословием, то во всяком случае **полусословием или квазисословием**.¹³¹

В результате реформ 1860-х гг. все категории крестьян консолидировались в единое сословие свободных сельских обывателей и постепенно стали утрачивать сословные черты, но процесс этот проходил очень медленно, вследствие того что правительственная политика намеренно консервировала патриархальность деревни и поддерживала сословные признаки крестьян. Только после отмены выкупных платежей за землю, подушной подати и круговой поруки, после получения права на выход из общины и изменение своего социального статуса в 1906 г. (указом 5 октября 1906 г. крестьяне, как и все лица податных сословий, были уравнианы в правах с другими сословиями в отношении поступления на государственную службу, в учебные заведения, в духовное звание и монашество) крестьянство стало быстро превращаться в настоящий класс в истинном значении этого понятия.

Стратификация крестьянства. Крестьянство на протяжении всего императорского периода оставалось самым многочисленным сословием: в 1678 г. численность крестьян мужского пола составляла около 8180 тыс., в 1858 г. — 23 889 тыс., в 1897 г. — 39 260 тыс. (вместе с казаками). Стратификация крестьянства была объектом пристального изучения начиная с конца XIX в. Этот интерес стимулировался спорами об оптимальном пути социально-экономического развития России. Народники доказывали, что страна благодаря своей самобытности может избежать капитализма, марксисты утверждали, что капитализм — неизбежная стадия развития каждого общества, следовательно, и России. После 1917 г. споры возобновились с новой силой и были связаны с решением вопроса: происходило ли буржуазное перерождение крестьянства в условиях новой экономической политики или нет? Коллективизация и репрессии прекратили эти споры. Но в 1960-е гг. в советской историографии споры о социальной дифференциации крестьянства возобновились в связи с дискуссией о хронологии капиталистического развития России. По-видимому, часть советских историков имела социальный заказ или чувствовала обязанность доказать, что к 1917 г. благодаря глубокому проникновению капитализма в российскую деревню имелись экономические предпосылки для социалистической революции. Считалось, что, чем глубже социальная дифференциация крестьянства, тем глубже корни капитализма в деревне. Одни историки датировали генезис капитализма в России XVI—XVII вв., другие — концом XVIII в., третьи — XIX в.¹³² Вмешательство политики или идеологии в исследование научной проблемы привело, как мне кажется, к преувеличению степени социальной дифференциации крестьянства. Западные историки не находили буржуазного расслоения в российской деревне ни до, ни после 1861 г., хотя, по мнению некоторых из них, развитие капитализма усиливало дифференциацию крес-

Рис. 23. Крестьяне-косцы, имение Архангельское. Владимирская губ. 1900-е гг.

Рис. 24. Крестьянская бедняцкая семья на поденных работах. Подольская губ. 1900-е гг.

тьянства.¹³³ В табл. II.14 обобщены данные по описанным в литературе 360 группировкам крестьянских хозяйств в отдельных имениях с конца XV в. до 1861 г.

Таблица II.14
Стратификация крестьянства Европейской России в 1495—1860 гг.

Годы	Число дворов	Население	Зажиточные, %	Средние, %	Бедные, %
1495—1505	5038		15	53	32
1600—1750	3479	24 353	15	53	32
1751—1800	34 116	235 036	10	48	42
1801—1860	39 178	286 863	23	53	24

Источники: Миронов Б. Н. Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности // Янин В. Л. (ред.). Проблемы аграрной истории (XIX—30-е годы XX в.). Минск, 1978. Ч. 2. С. 113.

В 92% случаев группировка крестьянских хозяйств производилась на основе числа лошадей, принадлежавших хозяйству, в 8% случаев — по посеву. Безлошадные хозяйства и хозяйства с 1 лошадью относились к бедным, с 2 лошадьми — к средним, с 3 и более — к зажиточным. Этот критерий, конечно, не может считаться удовлетворительным — он чаще всего принимался за основание стратификации из-за отсутствия данных о доходности.¹³⁴ Но до середины XIX в., когда крестьянское землевладение и скотоводство отличались стабильностью, ввиду того что малоземелье еще слабо ощущалось в деревне, когда крестьянство повсюду еще мало было вовлечено в промышленность и отхожие промыслы и главный доход получало от земледелия, эти группировки имели смысл. Тем более что группировки производились по отдельным имениям и с учетом оценки самих крестьян, помещиков и администрации государственных крестьян. Согласно данным табл. II.14, **в течение трех с половиной столетий, до середины XIX в., социальный состав крестьянства был стабильным.** В каждый данный момент преобладала средняя группа крестьян. Отдельные крестьяне в течение своей жизни легко переходили из страты в страту, вследствие чего состав каждой страты постоянно изменялся. Имущественные различия между представителями различных страт в массе отличались незначительно, хотя имелись отдельные исключительные случаи, когда помещичьи крестьяне становились очень богатыми людьми, владели записанными на имя помещика крепостными, землей, фабриками, огромным капиталом.¹³⁵

После 1860-х гг., когда крестьянская наделная земля была отделена от помещичьей и государственной земли, под влиянием быстрого роста населения средняя величина крестьянского землевладения стала уменьшаться, соответственно этому стала уменьшаться и численность скота, включая рабочий (табл. II.15). Под давлением растущего малоземелья крестьянство было вынуждено искать дополнительные заработки вне своего хозяйства. В силу этого группировки крестьянства по величине посева или числу лошадей не могут дать адекватной картины стратификации даже в земледельческих, не говоря уже о промышленных, губерниях, где значительная часть дохода получалась вне сельского хозяйства; необходимо учитывать общий доход крестьянского хозяйства на душу населения.

Таблица П.15
Численность земли и скота в крестьянских хозяйствах Европейской России без Польши и Финляндии

Показатели	1860-е гг.	1870-е гг.	1880-е гг.	1890-е гг.	1916г.
Земельный надел на душу населения, га	2.60	—	1.90	1.40	—
Земельный надел на одно хозяйство,	17.80	—	13.30	9.40	—
га	0.90	0.78	0.67	0.60	0.78
Посев на душу населения, га	5.40	4.50	4.00	3.50	4.50
Посев на одно хозяйство, га	0.26	0.24	0.23	0.18	0.26
Лошадей на душу населения, голов	1.66	1.53	1.48	1.16	1.40
Лошадей на одно хозяйство, голов					

Источники: Материалы Комиссии 1901 г. СПб., 1903. Ч. 1. С. 79, 176—177, 210—211; Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1: Европейская Россия. Пг., 1916. С. 624—641.

В табл. П.16 приведены результаты группировки 230 хозяйств в сельскохозяйственной Воронежской губернии по скоту, посеву и доходу.

Таблица П.16
Группировка 230 крестьянских хозяйств Воронежской губернии по 5 типам в 1896 г. (в %)

Основание группировки	Очень бедные	Бедные	Средние	Зажиточные	Богатые	Итого
Скот	19.1	35.2	22.2	15.2	8.3	100.0
Землевладение	2.6	28.7	36.5	21.3	10.9	100.0
Доход	2.2	27.0	51.7	16.1	3.0	100.0

Источники: Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. Ч. 2. С. 1—201.

Легко видеть, как существенно различаются группировки. Наиболее правильное основание группировки — доход — дает социальную структуру крестьянства, мало отличающуюся от той, что наблюдалась до реформ 1860-х гг. Группировка по посеву ближе к группировке по доходу, чем по скоту; именно последняя оказывается наименее адекватной.¹³⁶ Между тем стратификация крестьянства производилась советскими историками либо по лошадности, либо по посеву. Для всей России брались единые основания отнесения крестьянских хозяйств к той или иной страте, которые были приняты еще в середине XIX в.: хозяйства, владевшие менее чем 5 га земли, безлошадные или с 1 лошастью относились к бедным, или мелкокрестьянским; хозяйства, владевшие 5—10 га или 2 лошадьми, — к средним; хозяйства, владевшие более чем 10 га земли и более чем 2 лошадьми, — к зажиточным, или крупнокрестьянским капиталистическим.¹³⁷ Это нельзя считать корректным. Во-первых, количество скота и земли, находившейся в хозяйственном обороте, сильно варьировало во времени и по регионам. Например, в 1900 г. в Киевской губернии на хозяйство приходилось в среднем 4 га земли, а в Олонецкой губернии — 49 га, в Полтавской губернии одно хозяйство в среднем располагало 0.444 лошади, а в Оренбургской губернии — 1.747. Во-вторых, урожаи и цены росли неодинаково по районам, вследствие чего и доходы с единицы земли изменялись по регионам неравномерно. Следовательно, основания для группировки должны были учитывать вариацию величины земельного надела и лошадности как во времени, так и по регионам. В-третьих, некорректно за основание группировки принимать только посев, а не всю удобную землю, так как в таком случае не учитываются луговое хозяйство, особенно развитое в северных и промышленных губерниях, пар, лес и другие угодья, которые играли заметную роль в крестьянском хозяйстве. Кроме того, замена всей земли посевом, который был в 2 ра-

за меньше всего количества удобной земли, при сохранении прежних критериев искусственно изменяла структуру крестьянства в пользу бедной группы. Наконец, группировка на основании данных, относившихся к хозяйствам, искусственно преувеличивала уровень дифференциации, так как большие семьи имели больше скота и земли, а малые — меньше, но в переводе *на душу населения различия оказывались не столь существенными*. В результате указанных методических просчетов В. И. Ленин и вслед за ним советские историки получили следующую стратификацию крестьянства Европейской России на конец XIX—начало XX в.:¹³⁸

	Бедные, %	Средние, %	Богатые, %	Итого
1896—1900 гг. (по лошадности)	59.5	22.0	18.5	100
1917г. (по лошадности)	76.3	17.6	6.1	100
1917 г. (по посеву)	69.0	22.0	9.0	100

В 1917 г. в группу бедных попали 48% хозяйств с 1 лошастью и около 30% хозяйств с посевами от 2.3 до 4.4 га, которые соответствовали уровню среднестатистического хозяйства в Европейской России. В 1912—1916 гг. средний посев на одно крестьянское хозяйство равнялся 4.4 га, а среднее число рабочих лошадей — 0.75.¹³⁹ Приведенные данные не говорят ни об углублении дифференциации, ни о ее буржуазном характере, они вообще не раскрывают стратификации крестьянства. В лучшем случае они могли бы свидетельствовать об обеднении крестьянства, если бы имелись сведения о том, что источники дохода как от самого хозяйства, так и вне его также уменьшились. Но такими данными историки пока не располагают. Получить приблизительное представление о стратификации крестьянства в конце XIX в. позволяют данные табл. II.17.

Т а б л и ц а II.17

Экономические показатели крестьянских хозяйств Воронежской губернии в 1896 г.

Категория хозяйств по обеспеченности землей	Число хозяйств	Население обоого пола	Стоимость скота, тыс. р.	Доход, тыс. р.
Безземельные	7881	27 292	122.8	1137.8
До 5.5 га	43 197	223 391	3342.2	10 867.9
5.5—16.4га	81 547	520 448	11 074.9	28 353.4
16.5—27.3 га	30 682	261 798	7589.5	15 810.3
Более 27.3 га	13 514	162 528	6125.4	13021.5
Итого	176 821	1 195 457	28 254.8	69 190.9

И с т о ч н и к : *Щербина Ф. А.* Крестьянские бюджеты. Ч. 2. С. 273—285.

По доходности воронежское крестьянство разделялось на три страты: бедные — 12%, середняки — 82, богатые — 6%. С точки зрения использования рабочей силы хозяйства разделялись на хозяйства крестьянского типа, или средние, использовавшие только труд членов семьи, хозяйства буржуазного типа, или богатые, использовавшие преимущественно труд батраков, и хозяйства полупролетарского типа, или бедные, жившие преимущественно (эти хозяйства имели землю или скот) за счет продажи рабочей силы.¹⁴⁰ Как видно по этим группировкам, воронежское крестьянство в конце XIX в. было довольно однородно как в имущественном, так и в социальном отношениях. Очень низкие коэффициенты неравенства Джини это наблюдение подтверждают: неравенство в распределении земли между крестьянами оценивается как 0.249, неравенство в распределении скота — 0.173, а неравенство в доходах — наиболее точный показатель уровня неравенства — 0.090.

Можно ли распространить полученные результаты на все российское крестьянство конца XIX—начала XX в.? Группировки крестьянских хозяйств на основе дохода, выполненные земскими статистиками в четырех других губерниях (Костромской, Новгородской, Пензенской и Харьковской), полученный вывод подтверждают.¹⁴¹ По данным переписи 1897 г., в 50 губерниях Европейской России всех рабочих и прислуги, для которых данная профессия служила главным средством к существованию, насчитывалось всего 6809 млн обоого пола, или 7.3% всего населения, в среде крестьянства— 1836 млн обоого пола, или 2.3% от общего числа крестьян.¹⁴² Немецкий историк Х. Д. Лёве, использовав данные земской статистики об обеспечении крестьянства 60 уездов скотом за 1880—1905 гг., пришел к выводу, что дифференциация была несущественной и имела тенденцию уменьшаться. Американский историк Д. Филд применил коэффициент Джини для оценки динамики дифференциации по количеству земли и скота в двух уездах Полтавской губернии за 1880—1910 гг. Оказалось, что дифференциация в одном уезде немного возросла, а в другом осталась на прежнем уровне. На 1893—1905 гг. Филд оценил с помощью коэффициента Джини уровень неравенства среди крестьянства в 84 уездах 16 губерний по числу скота и в 58 уездах 9 губерний по количеству земли. Согласно результатам его анализа, коэффициент Джини по распределению скота колебался от 0.258 в Котельничском уезде Вятской губернии до 0.626 во Владимирском уезде Владимирской губернии, а по распределению земли — от 0.157 в Глазовском уезде Вятской губернии до 0.680 в Кобелякском уезде Полтавской губернии. Средний для всех участвовавших в анализе уездов коэффициент Джини по скоту равнялся 0.430, по земле — 0.396.¹⁴³ Результаты Филда преувеличили уровень неравенства крестьянства по двум причинам. Во-первых, автор по необходимости использовал данные о распределении скота и земли, приходившиеся на отдельное хозяйство, а не на душу населения, что, согласно его же расчетам, преувеличивало коэффициент Джини примерно на 10%. Во-вторых, как было выяснено по данным Воронежской губернии, неравенство по скоту и земле превосходило неравенство по доходу соответственно в 1.9 и 2.7 раза. Между тем, как уже было показано, именно доход на душу населения являлся наиболее точным показателем благосостояния хозяйства. Следовательно, истинный уровень неравенства между крестьянами на рубеже XIX—XX вв., если его оценивать коэффициентом Джини по доходу на душу населения, был низким — находился на уровне 0.133—0.206 и к 1917 г. едва ли мог увеличиться сколько-нибудь значительно. Таким образом, крестьянство в отличие от других сословий до самой революции 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношениях довольно однородной массой и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения.¹⁴⁴

Социальная и имущественная однородность крестьянства в значительной степени обуславливалась высокой мобильностью внутри самого крестьянства. До реформ 1860-х гг. крестьяне довольно легко переходили из одной страты в другую: более 80% крестьян в течение своей жизни изменяли свой первоначальный статус. Но в пореформенное время внутрисословная мобильность обнаружила тенденцию к снижению, в результате чего в начале XX в. только около половины крестьян переходило в течение жизни из первоначальной страты в другую, вторая половина все время оставалась в своей страте. Причина этого, как мне кажется, кроется в следующем. Во времена господства крепостного права практически каждая малая семья превращалась в составную или большую и благодаря этому переходила из страты бедных или средних крестьян в страту зажиточных, а более 10% крестьян всегда были членами составной семьи. В пореформенное время рост индивидуализма, сокращение земельных наделов и скота, стремление к самостоятельности и независимости от своих родственников способствовали тому, что росла доля малых семей и увеличивалось число семейных разделов, за-

труднявших превращение малой или расширенной семьи (обычно находившейся в страте бедных или средних крестьян) в составную или большую семью,¹⁴⁵ которая обычно бывала зажиточной (подробнее об этом см. в главе IV «Семья и внутрисемейные отношения»).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ И МЕЖСОСЛОВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Социальная структура российского общества

Теперь суммируем наши наблюдения о социальной структуре населения России за XVIII—начало XX в. и определим, какую роль играла социальная мобильность в ее изменении (табл. II.18 и II.19).

Таблица II.18
Социальная структура населения Европейской России без Польши и Финляндии в XVII—начале XX в. (в тыс. обоюбо пола)*

Сословие	1678 г.	1719 г.	1762 г.	1795 г.	1858 г.	1870 г.	1897 г.	1913 г.
Дворяне	158	304	212 (1782г.)	720	889	861	1373	1936
потомственные	—	—	—	403	612	544	886	—
личные	—	—	—	317	277	317	487	—
Духовенство	80	280	370	434	567	609	501	697
Военное	420	—	—	—	3767	3981	—	—
Армия и флот	80	219	273	449	927	704	1095	1320
Городское	390	578	617	1482	4300	6091	10 493	22 716
Крестьянство	8180	13 257	19 975	31 601	48 953	53 631	80 081	103 257
Разночинцы	—	240	366	911	730	383	738	258
Итого**	9228	14 878	21 813	35 597	59 206	65 556	93 186	128 864

* В 1678—1795 гг. численность женщин принималась равной численности мужчин. Данные о численности населения по сословиям за 1913 г. реконструированы на основе исповедных ведомостей 1895—1914 гг. и Сельскохозяйственной переписи 1916 г. Численность духовенства только христианских вероисповеданий. ** За 1678 и 1858—1913 гг. без регулярной армии. Военное сословие включало регулярную армию, детей, жен военнослужащих и отставных.

Источники: Бунге Н. Х. Изменение сословного состава населения в промежутках времени между 7, 8 и 9 ревизиями // Экономический указатель. 1857. № 44. С. 1022—1031; Бушен А. (ред.). Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. С. 267—293; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII века. С. 64—65, 82, 90, 105—107, 134, 192; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за [1836, 1858, 1870, 1897, 1913] год. СПб., 1838, 1860, 1872, 1899, 1915; Герман К. Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819. Ч. 1. С. 94—105; Заблоцкий М. П. Сведения о числе жителей по состояниям // Сб. статистических сведений о России, издаваемый РГО. СПб., 1851. Т. 1. С. 51—58; Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России... С. 59—181; Кабузан В. М., Троцкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России... С. 162—167; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России... С. 62; Обручев Н. Н. (ред.). Военно-статистический сборник. Вып. 4. Отд. 2. С. 40, 46, 53; Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 160—187. Т. 2. С. 256—295; Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1; Статистический временник Российской империи. СПб., 1875. Сер. 2. Вып. 10. Отд. 2(а). С. 22—27; Статистический ежегодник России за [1913, 1914, 1915] год. СПб., 1914—1916; Freeze G. L. The Parish Clergy... P. 54, 100, 378, 462; РГИА, ф. 796, оп. 176, д. 3790 (1895); оп. 181, д. 3451 (1900); оп. 184, д. 5736 (1903); оп. 440, д. 1244, 1245, 1248, 1249; оп. 442, д. 2394, 2570, 2578, 2591, 2603, 2604, 2622 (1910—1914).

Социальная структура населения в течение императорского периода изменялась очень медленно. Абсолютная численность всех сословий увеличивалась, но их доля в населении страны изменялась по-разному. Доля дворян-

ства, духовенства, военных и крестьянства имела тенденцию к сокращению, а доля городского сословия — к увеличению. Было немного отклонений от этой закономерности. Численность дворян дважды сильно возрастала — в 1678—1719 гг. и 1782—1795 гг. В петровское царствование дворянский корпус расширил свои ряды на 146 тыс., из-за того что государство (в связи с преобразованиями, непрерывными войнами, ростом бюрократии) призвало на военную и гражданскую службу тысячи людей из податных сословий, которые по Табели о рангах 1722 г. превратились в дворян, ибо каждый офицер приобретал потомственное дворянство, а каждый классный чиновник — личное, начиная с VIII класса — потомственное. Увеличение числа дворян в 1782—1795 гг. на 508 тыс. произошло вследствие инкорпорации в состав России украинских и белорусских земель после разделов Польши, где дворян было больше, чем во всех великорусских губерниях вместе взятых. Сокращение числа дворян также наблюдалось дважды — между 1719 и 1782 гг. и 1858 и 1870 гг. Причины этого состояли в следующем. Не всем, получившим дворянство в петровское время, удалось впоследствии удержаться в сословии: одни не успели или не сумели юридически укрепить свой новый статус, другие по окончании службы деклассировались, так как не приобрели землю и крепостных.

Таблица П.19

Социальная структура населения Европейской России без Польши и Финляндии в XVII—начале XX в. (в %)

Сословие	1678 г.	1719 г.	1762 г.	1795 г.	1858 г.	1870 г.	1897 г.	1913 г.
Дворяне	1.7	2.0	1.0 (1782 г.)	2.0	1.5	1.3	1.5	1.5
потомственные	—	—	—	1.1	1.0	0.8	1.0	—
личные	—	—	—	0.9	0.5	0.5	0.5	—
Духовенство	0.9	1.9	1.7	1.2	1.0	0.9	0.5	0.5
Военное	4.5	—	—	—	6.4	6.1	—	—
Армия и флот	0.9	1.5	1.2	1.2	1.6	1.1	1.2	1.0
Городское	4.2	3.9	2.8	4.2	7.3	9.3	11.3	17.6
Крестьянство	88.7	89.1	91.6	88.8	82.6	81.8	85.9	80.2
Разночинцы	—	1.6	1.7	2.6	1.2	0.6	0.8	0.2
Итого*	100	100	100	100	100	100	100	100

* За 1678 и 1858—1913 гг. без регулярной армии. Подсчитано по данным табл. П.18.

Когда между 1762 и 1785 гг. дворянство освободилось от обязательной государственной службы и превратилось в привилегированное сословие, то началась чистка его рядов от тех, кто не мог подтвердить свое дворянство. В результате и произошло сокращение его абсолютной численности. Второе сокращение числа дворян приходилось на 1863—1867 гг. и было связано с польским восстанием 1863 г. и последовавшими за ним репрессиями. В восстании приняло участие польское дворянство украинских и западных губерний Европейской России, на долю которого в 1858 г. приходилось около 53% всего дворянства Европейской России, в том числе 60% потомственного дворянства. После того как более 160 тыс. участников восстания погибли, были казнены, высланы в Сибирь, эмигрировали за границу, общее число дворян сократилось почти на 22%.¹⁴⁶ С окончанием репрессий многие дворяне вернулись в места своего постоянного проживания, благодаря чему доля дворянства в населении страны постепенно возвратилась к уровню 1858 г. В целом с окончанием петровских преобразований доля дворянства в населении страны чаще всего имела тенденцию сокращаться (за исключением 1782—1795 гг. и 1870—1897 гг., о чем уже шла речь) по двум причинам:

виду более низкого естественного прироста дворян и повышения ценза для получения как личного, так и потомственного дворянства.

Численность духовенства сократилась только однажды — в 1870—1897 гг. на 108 тыс. — в связи с церковными реформами, которые ликвидировали наследственность статуса духовенства и дали возможность всем желающим беспрепятственно оставлять духовную службу. В остальные годы численность духовенства росла; особенно быстро, как это ни парадоксально, в царствование Петра I — на 200 тыс., или в 3.5 раза, когда происходили чистки и масса церковников была отправлена в армию. Скорее всего, это парадоксальное увеличение численности сословия объясняется тем, что данные о его числе за 1678 г. не полны, хотя нельзя исключить и того, что население достаточно успешно пряталось от петровских призывов под сенью церкви. Что касается доли духовенства в населении страны, то она медленно и непрерывно убывала (с 1.9% в 1719 г. до 0.5% в 1913 г.) под влиянием целенаправленной политики светских и духовных властей, которые с начала XVIII в. стремились по возможности ограничить число духовных пастырей, чтобы не обременять население излишними поборами и не отвлекать от производительного труда, но самое главное, чтобы улучшить их материальное положение: так как главным источником существования духовенства была плата за исполнение церковных обрядов, то, чем меньше было служителей культа, тем больше приходилось дохода на каждого из них.

В течение 1699—1874 гг., до введения всеобщей воинской повинности в 1874 г., армия комплектовалась за счет рекрутской повинности городских обывателей и крестьян. Поскольку действительная служба была сначала пожизненной, с 1793 г. ограничивалась 25 годами, с 1834 г. — 20 годами, с 1855 г. — 12 годами, то люди, попавшие в солдаты, переходили в состав военного сословия и свой новый статус передавали жене и детям, если были женаты. Численность армии колебалась в отдельные годы, находясь в зависимости от международной обстановки, масштабов военных действий, соответственно изменялась численность военного сословия. Однако общая тенденция состояла в уменьшении как численности армии, так и доли военного сословия. С введением всеобщей воинской повинности военное сословие перестало существовать, так как лица, призывавшиеся в армию всего на несколько лет, на время службы и после нее оставались в своем сословии.¹⁴⁷

Численность городского сословия постоянно возрастала, но его доля в населении страны до 1775 г. сокращалась с 4.2 до 2.8%, а после губернской реформы 1775 г., превратившей 212 крупнейших сел в города и большую часть живших в селах крестьян — в мещан, и Жалованной грамоты городам 1785 г., давшей привилегию городскому сословию, стала возрастать, достигнув 7.3% в 1858 г. и 17.6% в 1913 г. Особенно быстрыми темпами доля городского сословия увеличивалась в конце XIX—начале XX в. в связи с интенсивной урбанизацией и индустриализацией страны.

Численность крестьян также возрастала, но их доля в населении страны изменялась нелинейно. За 1678—1775 гг. доля крестьянства увеличилась с 87.9 до 92%, что было связано с усилением крепостнического режима, уменьшением миграции в города и переводом в государственные крестьяне некоторых категорий служилых людей, не принадлежавших к дворянству, а также духовенства и некоторых других мелких социальных групп. В 1722—1785 гг. официально существовала социальная группа *торгующих крестьян*, которые могли заниматься торгово-промышленной деятельностью на законном основании при условии уплаты специального налога без перехода в посадские.¹⁴⁸ Легальная возможность заниматься предпринимательством в сфере торговли и промышленности до некоторой степени сдерживала социальные перемещения крестьянства в города. Под влиянием губернской реформы 1775 г., превратившей десятки тысяч крестьян в городских обывателей, доля крестьян, естественно,

Рис. 25. Студенты-разночинцы. С.-Петербург. 1914 г.

сразу уменьшилась с 91.6% в 1762 г. до 88.8% в 1795 г. Жалованная грамота городам 1785 г., даровавшая городским обывателям монополию на занятие торгово-промышленной деятельностью в черте города, стимулировала социальные перемещения крестьян в купечество и мещанство, что также способствовало уменьшению доли крестьян в населении страны. За 1785—1794 гг. в городское сословие перешли 17.1 тыс. крестьян мужского пола, а в 1719—1744 г. — всего около 2 тыс. С 1775 г. доля крестьян стала непрерывно уменьшаться вплоть до 1913 г. (с 91 до 80.1%) за одним исключением. Между 1874 и 1897 гг. произошло кратковременное увеличение доли крестьянства на 4.1% (с 81.8 до 85.9%), что объясняется введением всеобщей воинской повинности. С этого времени сословная принадлежность крестьян, призывавшихся на службу в армию, перестала изменяться, и по окончании службы они, как правило, возвращались в деревни. Многие представители военного сословия стали считаться крестьянами.

В официальной статистике понятие *разночинец* имело два значения. Оно использовалось для людей, которые в силу обстоятельств откреплялись от своего сословия, но в момент переписи не успевали закрепиться за другим сословием. По закону они находились в переходном положении и были обязаны через определенное время приписаться к какому-нибудь сословию. Во время господства крепостнических отношений у многих людей, принадлежавших к непривилегированным сословиям, было желание перейти в привилегированные сословия или из более непривилегированного сословия в менее непривилегированное сословие, например из помещичьих крестьян в государственные, из крестьян — в мещане или купцы и т. д. Эти люди, переходившие из одного сословия в другое, составляли в каждый момент значительную часть разночинцев. Во втором значении к разночинцам относились все те, кто принадлежал к некоторым мелким социальным группам (например, канцеляристы — мелкие чиновники без классного чина), имевшим особый, более привилегированный юридический статус, чем крестьянство и го-

родское сословие, так как они были освобождены от налога и рекрутской повинности, но менее привилегированный статус, чем дворянство. Разночинцы были как бы промежуточной социальной группой между податными и привилегированными сословиями, поэтому они не попадали в главные сословия. В табл. II.18 и II.19 и в тексте это понятие употребляется сразу в обоих значениях: оно обозначает всех тех, кто не попал в главные сословия, т. е. представителей мелких специфических по своему правовому положению сословных групп, людей, находившихся в переходном социальном состоянии, а также в 1719 г. представителей военного сословия. Численность разночинцев и их доля в населении в 1719—1833 г. увеличивались (с 1.6 до 4%), а в 1833—1913 гг. их доля уменьшалась (с 4 до 0.2%). Одна причина этого заключалась в том, что до 1833 г. по состоянию источников в состав разночинцев были включены представители военного сословия. Вторая причина состояла в том, что в 1834 г. вошел в силу новый Свод законов, который более четко распределил население по сословиям, упразднил мелкие сословные группы и консолидировал основные. В результате реформ 1860-х гг. стимулы для перехода из одного сословия в другое резко снизились, так как были сняты многие сословные ограничения на право заниматься любой профессиональной деятельностью. Отсюда и уменьшение числа разночинцев. Существование такой значительной по численности социальной группы, как разночинцы, свидетельствует о том, что социальная структура русского общества была достаточно пластичной, а сословия — мобильными.¹⁴⁹ Этот вывод подтверждается состоянием межсословной мобильности, к анализу которой мы и переходим.

Межсословная мобильность

Изменение численности отдельных сословий находилось в зависимости от двух факторов — естественного прироста населения в данном сословии и межсословной социальной мобильности. Рассмотрим сначала период до реформ 1860-х гг. Уровень естественного прироста не был одинаковым у различных сословий: в XVIII—первой половине XIX в. он составлял приблизительно у дворян 6 на тысячу человек, у духовенства и городских обывателей — 12, у крестьян — 16 на тысячу человек (см. в главе III «Демографические проблемы»). Основываясь на этих данных, можно предположить, что численность отдельных сословий за 1719—1858 г. могла возрасти за счет естественного прироста населения соответственно в 2.3, 5.2, 5.2 и 9.1 раза. Тогда в 1858 г. численность дворянства должна была бы составить 0.7 млн, духовенства—1.5, городских обывателей — 3 и крестьян — 121 млн человек обоего пола. Между тем фактически в 1858 г. дворян оказалось *больше* на 0.2 млн, духовенства — *меньше* на 0.9, горожан — *больше* на 1.3 и крестьян — *меньше* на 72 млн человек. Отсюда следует, что численность дворянства и городского сословия в значительной мере увеличивалась за счет социальных перемещений из духовенства и крестьянства.

Действительно, социальные перемещения обеспечивали рост численности дворянства в первой половине XVIII в. примерно на 30%, во второй половине XVIII в. — на 40%, в первой половине XIX в. — на 50%. К середине XIX в. «новое дворянство», получившее статус за службу, составляло около 59% сословия, на рубеже XIX—XX вв. — 66%.¹⁵⁰ Дворянское сословие было широко открыто не только при выходе, но и при входе для представителей всех других сословий, так как гражданская и военная государственная служба, а также получение ордена, среднего и высшего образования по закону давали право на личное или потомственное дворянство. Это хорошо иллюстрируют данные о социальном происхождении чиновников (табл. II.20).

Т а б л и ц а П л . 20
Социальное происхождение чиновников I—XIV классов (в %)

Сословие	1755 г.	1795—1805 гг.	1840—1855 гг.
Дворянство	49.8	39.4	43.6
Канцеляристы	17.5	9.7	6.6
Духовенство	2.1	19.0	20.2
Нижние воинские чины	0.8	12.5	19.9
Городские обыватели	0.8	4.7	2.9
Иностранцы	7.4	4.5	2.0
Крестьяне и прочие	21.6	10.2	4.8
Итого	100	100	100

И с т о ч н и к и : *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 213—215;
Pintner W. M. The Evolution of Civil Officialdom. 1755—1855 // *Pintner W. M., Rowney D. K.* (eds.). Russian Officialdom : The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. P. 197—200.

Как видим, в 1755—1855 гг. чиновничество более чем наполовину формировалось из недворян. Впрочем, так же обстояло дело и до введения Табели о рангах: в 1706—1709 гг. подьячие по своему социальному происхождению состояли на 30.9% из приказных, на 26.2% — из церковников, на 10% — из посадских, на 6.8% — из служилых людей по отечеству и на 7.6% — из служилых по прибору.¹⁵¹ Но до 1722 г. сама по себе государственная служба не давала автоматически дворянства. В составе офицерского корпуса также было много выходцев из недворян. На их долю в 1720-е гг. приходилось 38%, в середине XVIII в. — 14%, в 1816 г. — 26%.¹⁵² Особенно широко практиковалось производство в офицеры (а значит, и в дворяне) из нижних воинских чинов недворянского происхождения до 1830-х гг. «Армия наша переполнилась необразованными и даже неграмотными офицерами, некоторым удавалось достичь и до высших чинов, — сетовал один из современников. — Большинство же переполняло местные войска, составлявшие корпус внутренней стражи. В 1828 г. командир названного корпуса генерал- адъютант Комаровский доносил государю, что большинство офицеров корпуса настолько малограмотно, что не могут исполнять возложенных на них поручений. Им был представлен список 225 офицеров, вовсе не знавших грамоты».¹⁵³ При Николае I была расширена сеть военно-учебных заведений и повышены требования при производстве в офицеры. Но эта мера привела лишь к повышению образовательного уровня офицеров, их социальный состав продолжал изменяться в пользу людей недворянского происхождения. В 1816 г. среди офицеров насчитывалось 26% выходцев из недворян, в 1844 г. — 26, в 1864 г. — 30%, в том числе 20% происходили из низших воинских чинов — солдат и унтер-офицеров.¹⁵⁴

Избыточное число духовных лиц уходило в другие сословия добровольно или принудительно в ходе так называемых разборов духовенства, производившихся светской администрацией в XVIII—первой трети XIX в. Излишние поповичи переводились канцеляристами в состав бюрократии, солдатами в армию, а также в городские и сельские обыватели.¹⁵⁵ Например, по итогам разбора 1786 г. треть поповичей — 34.4 из 105.8 тыс. — была переведена в другие сословия, в том числе 28% были приписаны к канцеляристам, 67% — к городским обывателям, 5% — к крестьянам.¹⁵⁶ Принудительный перевод их в солдаты продолжался до последнего разбора духовенства в 1831 г., когда 5022 поповича были отданы в рекруты.¹⁵⁷ Велик был вклад духовенства в формирование профессиональной интеллигенции, которая по своему статусу принадлежала к личному или потомственному дво-

рянству.¹⁵⁸ Например, во второй четверти XIX в. среди бюрократии доля поповичей составляла около 20%, среди преподавателей учебных заведений — 35, среди гражданских врачей — 30%.¹⁵⁹ Но из других сословий в состав духовенства поступало ничтожное число лиц. Эти наблюдения подтверждаются данными о происхождении студентов С.-Петербургской духовной академии за 1814—1869 гг. и их карьере (табл. II.21).

Таблица II.21
Социальное происхождение и последующая служба 1383 студентов С.-Петербургской духовной академии, обучавшихся в 1814—1869 гг.

Происхождение и служба	Число лиц	%
Социальное происхождение студентов:		
из семьи священника	341	24.6
из семьи дьякона	62	4.5
из семьи причетника	88	6.4
из семьи крестьянина	1	0.1
из иностранцев	13	0.9
из светского звания	1	0.1
из крещеных евреев	1	0.1
неизвестно	876	63.4
Итого	1383	100
Последнее место службы по окончании академии:		
духовное ведомство*	527	38.1
белое духовенство	407	29.4
монашество	56	4.0
епископ, архиепископ, митрополит	90	6.5
гражданская служба в учебных заведениях	49	3.5
гражданская служба чиновником	122	8.8
военное ведомство**	10	0.8
офицер	1	0.1
умер до начала службы	17	1.2
издательская, литературная, благотворительная деятельность	5	0.4
частная служба	4	0.3
неизвестно	95	6.9
Итого	1383	100

* Преподавательская или административная служба в духовном ведомстве: в семинарии академии, консистории, духовной миссии, Синоде. ** Служба в качестве священника, преподавателя или чиновника. Подсчитано по данным: *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии, 1814—1869 гг. СПб., 1907.

Из 494 студентов российского подданства, о социальном происхождении которых имеются прямые указания, 99.4% были выходцами из духовного сословия. Иностранцы в подавляющем большинстве также происходили из среды духовенства. К сожалению, для 876 студентов нет сведений о социальном происхождении. Однако по косвенным признакам можно с большой уверенностью предполагать, что лица с неизвестным происхождением в действительности были выходцами из духовного сословия. В большинстве случаев о происхождении свидетельствуют фамилии, которые носили только представители духовного сословия, например Автократов, Аделафинский, Бессребренников, Благовещенский, Благовидов и т. п. Во-вторых, во многих случаях духовное происхождение выдают имена, например Еллидифор, Ио-

сиф, Ксенофонт, Никандр и т. п. В-третьих, родственные связи, например, иногда указывается, что студент был братом или племянником священника.

Данные о служебной деятельности 1271 выпускника академии (из их числа исключены умершие во время обучения в академии или сразу по ее окончании) показывают, что 85% из них стали священниками, преподавателями семинарий, монахами, 13.5% пошли на службу чиновниками или преподавателями светских учебных заведений, 0.8% — на службу в военное ведомство (главным образом военными священниками и преподавателями) и 0.7% занялись литературной, издательской, благотворительной деятельностью или ушли на частную службу.

Таким образом, приведенные данные подтверждают вывод о том, что духовное сословие было закрыто при входе и если не открыто, то по крайней мере полуоткрыто при выходе, поскольку 15% выпускников духовной академии оставили духовное ведомство.

Естественный прирост городских обывателей не мог обеспечить фактическое увеличение их численности, что предполагает существование значительных социальных перемещений в это сословие представителей других сословий — за 1719—1858 гг. около 1.3 млн человек. Действительно, сословие принимало церковников, канцеляристов, отставных военных и крестьян. В свою очередь городские обыватели переходили в солдаты по рекрутским наборам, в государственные крестьяне, на гражданскую службу, в духовенство, иногда и в дворяне.¹⁶⁰ Но в целом уходивших было меньше, чем прибывавших из других сословий. Величина и направление социальных перемещений существенно изменялись по регионам, зависели от экономической конъюнктуры и юридических возможностей, поскольку правительственный курс в отношении перемещений как в состав, так и из состава городского сословия колебался от либерального до ограничительного, хотя никогда не был запретительным. В первой половине XVIII в. из городских обывателей официально перешли в другие сословия примерно 0.2% от общей его численности, взяты в рекруты 6.8%, около 5% покинули города без официального разрешения. В то же время перемещения из других сословий в городские обыватели (около 10% их общей численности) в значительной степени компенсировали потери. Такое положение дел продолжалось до 1775 г., после чего переходы в городское сословие стали превосходить переходы из него в другие сословия даже с учетом наборов в армию. В 1826—1854 гг. в состав сословия перешло на 605 тыс. душ мужского пола больше, чем его покинуло, в том числе крестьян перешло на 165 тыс. больше, чем убыло граждан в состав крестьян, а перевес числа записавшихся в городские обыватели из прочих сословий над ушедшими в эти сословия составил 440 тыс.; кроме того, в солдаты было взято около 200 тыс. мужчин. С 1826 по 1854 г., за 28 лет, общее число лиц, перемещавшихся как из городского сословия, так и в него с учетом рекрутства, превысило 45% средней численности городских обывателей за эти годы.¹⁶¹ Это означало, что примерно каждый второй представитель городского сословия в течение своей жизни участвовал в социальных перемещениях. Как видим, к середине XIX в. уровень вертикальной социальной мобильности существенно возрос сравнительно с серединой XVIII в. Именно это и обеспечило рост численности и доли городского сословия в населении страны.

Крестьянство было наряду с духовенством вторым сословием, рост численности которого в огромной степени отставал от его естественного прироста: число крестьян в 1858 г. было на 72 млн меньше того числа, которое мог обеспечить его естественный прирост за 1719—1858 гг. Такое значительное отставание может быть объяснено как прямым результатом социальных перемещений — механической убылью в виде социальных перемещений в другие сословия,¹⁶² миграцией за пределы Европейской России, на окраины государства и за границу, так и косвенным следствием убыли крестьян

потерей того естественного прироста населения, который могли бы обеспечить ушедшие из сословия крестьяне. Основные потоки вертикальных социальных перемещений крестьянства направлялись в военное сословие через рекрутство, в меньшей степени — в купцы и мещане, и совсем немногим крестьянам удавалось перейти в духовенство и дворянство. За 1699—1858 гг. около 7,6 млн крестьян было взято в солдаты.¹⁶³ Численность крестьян, переходивших в мещане и купцы, со временем возрастала: в 1719—1744 г. перешло около 2 тыс. человек, в 1782—1811 гг. — 25, в 1816—1842 гг. — 450 тыс.¹⁶⁴ Если иметь в виду XVIII—первую половину XIX в., то крестьяне составляли основной источник пополнения городского сословия. Не случайно изменение доли городских обывателей и крестьян находилось в обратной зависимости: с увеличением доли крестьян уменьшалась доля городских обывателей, и наоборот.

Переходим теперь к характеристике социальной мобильности во второй половине XIX—начале XX в. Традиционным источником для изучения социальной мобильности являются переписи населения, данные которых использовались для анализа социальной мобильности в XVIII—первой половине XIX в. К сожалению, в 1857 г. в России была произведена последняя ревизия податного мужского населения, а первая и последняя всеобщая перепись населения императорского периода была произведена только в 1897 г. Вследствие этого для характеристики мобильности второй половины XIX—начала XX в. по необходимости приходится использовать другие, иногда менее информативные источники: данные об изменении естественного прироста у различных сословий и сдвигах социальной структуры населения, сведения о социальном составе учащихся и некоторые другие.

Естественный прирост у дворянства и городского сословия уменьшился благодаря тому, что образованные люди, в особенности проживавшие в городах, стали постепенно регулировать рождаемость в сторону ее уменьшения; естественный прирост у крестьян увеличился на треть благодаря более быстрому сравнительно с рождаемостью снижению смертности, а у духовенства— даже более чем на треть, так как рождаемость осталась на прежнем уровне, а смертность понизилась. Между тем доля дворянства в населении в 1913 г. находилась на том же уровне, что и в 1858 г. (1,5%), доля духовенства понизилась с 1 до 0,5%, доля городского сословия возросла с 7,3 до 17,6%, а доля крестьян уменьшилась с 82,7 до 80,1%. Подобная социальная структура в 1913 г. могла иметь место при двух условиях: если возросли сравнительно с дореформенным периодом перемещения в дворянство и городское сословие из других сословий и если увеличился отток людей из ду-

Рис. 26. Сельские рабочие: кузнецы. Семеновский уезд, Нижегородская губ. 1900-е гг.

Рис. 27. На фронте в минуту затишья. 1914 г.

ховенства и крестьянства в другие сословия. Итак, во второй половине XIX—начале XX в. **интенсивность межсословных перемещений увеличилась**, но их основные направления сохранились.

Как уже указывалось, в 1845 г., впервые после введения Табели о рангах 1722 г., установившей порядок получения дворянства, был повышен служебный ценз для приобретения дворянства. С этого времени первый офицерский чин давал не потомственное, а только личное дворянство, и лишь с присвоением штаб-офицерского чина майора приобреталось право на потомственное дворянство. На гражданской службе личное дворянство давал не первый классный чин (XIV), а чин IX класса, к потомственному дворянству приобщал чин статского советника (V класс), эквивалентный полковнику на военной службе. В 1856 г. для получения потомственного дворянства ценз был вновь увеличен на военной службе до чина полковника (V класс), на гражданской — до чина действительного статского советника (IV класс), или гражданского генерала. В 1898 г. для получения потомственного дворянства на гражданской службе стало требоваться пятилетнее пребывание в предыдущем чине, т. е. в чине V класса, а в 1900 г. — 20-летнее пребывание на службе в классных чинах.¹⁶⁵ Второй способ получения дворянства через награждение орденом также был ограничен. С 1780-х гг. по 1845 г. любой российский орден давал право на потомственное дворянство, с этого времени орденский ценз стал повышаться, и в 1900 г. это право было фактически ликвидировано, так как лишь те ордена давали дворянство, которыми могли награждаться люди, уже имевшие чин, обеспечивавший право на потомственное дворянство. Исключение было сделано лишь для ордена Святого Георгия, которым награждались офицеры, особо отличившиеся на войне. С 1845 по 1900 г. любой орден с некоторыми ограничениями давал право на личное дворянство и только высшие степени орденов — потомственное. В пореформенное время уменьшилось число пожалований в дворянство непосредственно монархом: за 1872—1904 гг. таких случаев насчитывалось всего

79, причем большинство пожалованных принадлежало к потомкам знати присоединенных к России территорий. И тем не менее, несмотря на все эти ограничения, ряды потомственного дворянства вплоть до 1917 г. расширялись. В правах потомственного дворянства с 1875 по 1896 г. было утверждено 39 535 лиц, в том числе 32% — по чину и 68% — по ордену.¹⁶⁶

Повышение цензов должно было бы сократить число случаев получения дворянства за службу, однако этого не произошло по той причине, что число претендентов на дворянское звание постоянно возрастало в связи с ростом бюрократии, офицерского корпуса и численности лиц, получавших среднее и высшее образование. Дело в том, что окончание учебного заведения давало право на поступление на государственную службу сразу в классном чине, причем чин зависел от успешности окончания учебного заведения. Например, окончившие гимназию с отличными успехами поступали на государственную службу с чином XIV класса, без похвального аттестата — канцеляристами, закончившие университет со званием студента получали чин XII класса, а со званием кандидата — X класса, окончившие с отличием духовную академию — чин IX класса, без похвального аттестата — X класса. Скорость продвижения по гражданской и военной службе после 1856 г. формально перестала определяться уровнем образования, но фактически не могла от него не зависеть, так как служба требовала профессиональных знаний и образования, без чего невозможно было ни поступить на службу, ни тем более сделать карьеру. В силу этого данные о сословном составе учащихся средних и высших учебных заведений могут служить показателем уровня социальной мобильности, так как окончание учебного заведения открывало возможности для карьеры на государственной службе, которыми многие пользовались (табл. П.22).

Т а б л и ц а П.22
Социальное происхождение учащихся гимназий и университетов (в %)

Сословие	Мужские гимназии					Университеты					
	1843 г.	1863 г.	1880 г.	1898 г.	1914г.	1855 г.	1863 г.	1880 г.	1895 г.	1914г.	1914г*
Дворянство	78.3	73.1	52.1	52.2	32.5	65.3	64.6	46.6	45.4	35.9	29.2
Духовенство	1.7	2.8	5.1	3.4	7.1	8.2	8.3	23.4	4.9	10.3	3.8
Городское	—	—	31.6	34.6	37.4	23.3	23.5	21.5	40.9	35.3	42.0
Крестьянство	—	—	6.9	7.1	20.0	1.0	1.6	3.3	6.8	14.5	20.8
Прочие	20.0	24.1	4.3	2.7	3.0	2.2	2.0	5.2	2.0	4.0	4.2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Состав студенчества высших учебных заведений технического профиля.

И с т о ч н и к и : Пискунов А. И. (ред.). Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 557—560; Лейкина-Свицкая В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 9, 15, 24.

Преобладание дворянства среди учащихся гимназий закончилось в начале XX в., среди студентов университетов — к 1880 г. Доля учащихся из дворянства к 1914 г. упала в гимназиях до 33%, в университетах — до 36 и в технических институтах, дававших высшее образование, — до 29%. В военно-учебных заведениях число учащихся из потомственного дворянства с 1881 по 1903 г. сократилось с 62 до 52%.¹⁶⁷ В духовных учебных заведениях также наблюдались сдвиги в сторону демократизации состава учащихся, хотя они были менее впечатляющими: в середине XIX в. представителей городского сословия и крестьянства не было вовсе, а в 1880 г. среди учащихся духовных училищ их насчитывалось 8%, среди учащихся семинарий — 7%. На духовную службу также прямо поступали представители других сословий, получившие светское образование. Например, в 1904 г. таких лиц насчитывалось 1172 из 47 743, т. е. 2.5%.¹⁶⁸ Церковными реформами, открыв-

шими вход и выход из духовного сословия, в большей степени воспользовалось само духовенство, чтобы выйти из сословия, чем представители других сословий, чтобы в него войти.¹⁶⁹

Вытеснение дворянства из учебных заведений, естественно, вело к его вытеснению из бюрократии и офицерского корпуса. Выходцы из потомственного дворянства среди классных чиновников в середине XIX в. составляли около 44%, в 1897 г. — 31, в офицерском корпусе в 1750-е гг. — 83 (с личными дворянами — 86%), в 1844 г. — 73.5, в 1895 г. — 51 (вместе с личными дворянами — 74%), в 1912 г. — менее 37% (вместе с личными дворянами — 54%).¹⁷⁰ Попав на государственную службу, представители недворянских сословий получали реальные шансы приобрести личное или потомственное дворянство. Однако шансы достичь высших рангов на государственной службе для выходцев из недворянских сословий в начале XX в. оставались теми же, что и в середине XIX в.: среди представителей высшей бюрократии доля потомственных дворян составляла в 1853 г. 89% (из 508 человек), а в 1903 г. — 86% (из 559 человек). Правда, и здесь произошли небольшие изменения, состоявшие в том, что среди чиновников высших рангов появилось больше представителей купцов и почетных граждан и меньше выходцев из духовенства, чем это было в 1853 г., и даже 2 выходца из крестьян и 4 из мещан, хотя с 1827 по 1906 г. закон запрещал крестьянам и мещанам поступать на государственную службу.¹⁷¹

ИТОГИ : ОТ ЭТАКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА К КЛАССОВОМУ

Московское государство было обществом не сословным и не классовым, а скорее **этакратическим** (от французского и греческого — «государственная власть»), так как в нем главным стратифицирующим фактором являлся вид обязанностей человека по отношению к государству (отсюда деление на людей служилых, тяглых и нетяглых), а социальная дифференциация и статус обуславливались положением человека в номенклатуре «чинов» и «разрядов». Состоятельность и занятия вытекали из служебного статуса; группы были открыты на входе и выходе. К середине XVII в. происхождение стало играть важную, а в случае с элитой решающую роль для социальной идентификации. Принятие нового Уложения 1649 г. ускорило развитие наметившейся тенденции к превращению социальных групп в сословия.

В XVIII в. процесс формирования сословий пошел еще более быстрыми темпами, чему очень способствовали Манифест о вольности дворянства 1762 г. и Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. **К концу XVIII в. в России в основном, хотя и с некоторыми особенностями сравнительно с западноевропейскими странами, сформировались сословия**, которые обладали главными признаками истинного сословия: 1) их сословные права были закреплены в законе; 2) права являлись наследственными и безусловными; 3) они имели свои сословные организации (дворянские собрания, городские думы, купеческие, мещанские, ремесленные, крестьянские общества и др.) и сословный, независимый от коронной администрации суд; 4) пользовались правом самоуправления; 5) обладали сословным самосознанием и менталитетом; 6) имели внешние признаки сословной принадлежности. По причине отсутствия в стране представительного учреждения российские сословия не имели только сословного представительства при верховной власти (в большинстве западноевропейских стран такие учреждения в XVIII в. тоже отсутствовали или не действовали).

В наибольшей степени идеальному типу сословия соответствовало дворянство, в наименьшей — крестьянство. Дворянство активно участвовало в политической жизни и управлении страной, его губернские корпорации избирали из своей среды лиц на коронную службу в местные учреждения и имели право представлять петиции о своих нуждах высшей коронной администрации и самому государю посредством адресов и через специально избранных депутатов. Хотя крестьяне приобрели ряд существенных признаков сословия (их социальный и профессиональный статус был наследственным, они были организованы в самоуправляющиеся сельские корпорации-общины, обладали специфическим менталитетом, имели внешние признаки сословия), у них было мало прав и совсем не имелось сословных привилегий, а их права и обязанности были закреплены в законе только в 1832 г. Таким образом, **российские крестьяне не стали сословием в полном смысле этого понятия**, как не стало в свое время сословием и крестьянство Западной Европы. Однако, поскольку они обладали важными признаками сословия, их можно с оговорками считать сословием или по крайней мере квазисословием.

Формирование сословий в России происходило под западноевропейским влиянием. Это обстоятельство послужило важной причиной того, что сословный строй, сложившийся в России к концу XVIII в., был похож на сословный строй европейских государств XVIII в., где он уже разрушался, а не на западный сословный строй в момент его расцвета в XIII—XV вв. Апогей сословного строя в России приходится на первую половину XIX в. благодаря тому, что в новом Своде законов 1832 г. социальная структура русского общества получила вторичное, еще более четкое юридическое оформление как строго сословная. Закон определил четыре главных сословия — дворянство, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели. Даже после утверждения сословной парадигмы следует иметь в виду, что каждое из четырех сословий, как оно определялось в законе, никогда не составляло единого целого. Ни в одной европейской стране даже в период расцвета сословного строя также не существовало четких консолидированных сословий — дворянства, духовенства, горожан и крестьян. Четкая трех- или четырехчленная сословная структура в европейских странах — не более чем теоретическая конструкция, идеальный, а не реальный тип сословного устройства общества. Например, во Франции в 1695 г. исследователи насчитывают 22 социальные группы, подразделявшиеся в свою очередь на 569 социальных подгрупп.¹⁷² Однако в России фрагментация общества была более выраженной вследствие того, что сословный строй существовал здесь сравнительно с Западной Европой непродолжительное время и не достиг того уровня завершенности, который наблюдался на Западе.

Благодаря реформам 1860-х гг. сословия стали постепенно утрачивать свои специфические привилегии, сближаться друг с другом в правовом положении и постепенно трансформироваться в классы и профессиональные группы. Дворяне-помещики сливались в один класс с частными землевладельцами, дворяне-чиновники — с чиновниками-недворянами, прочие категории личного и потомственного дворянства — с профессиональной интеллигенцией, происходило также «обуржуазивание» дворянства и «оземливание» буржуазии. Духовенство эволюционировало от сословия в сторону профессиональной группы духовных пастырей. Городское сословие превращалось в предпринимателей и рабочих. В единый класс постепенно консолидировались различные категории крестьянства, правда, медленнее других сословий, вследствие того что правительственная политика намеренно консервировала патриархальность деревни и поддерживала сословные признаки крестьян. Решающее значение в превращении сословий в классы и профессиональные группы имели, с одной стороны, юридическая и фактическая ликвидация привилегий дворянства, с другой — ликвидация правовой неполноценности мещанства и крестьянства. С отменой частновладельческого

крепостного права в 1861 г. бывшие помещичьи крестьяне сравнивались по своим правам с бывшими казенными крестьянами и городскими обывателями, а дворянство утратило свою главную привилегию — монопольное право на владение крепостными. После введения земских учреждений в 1864 г. все сословия получили право формировать органы местного самоуправления на уездном и губернском уровнях. Городская реформа 1870 г. превратила городское сословное самоуправление во всесословное самоуправление. В результате судебной реформы в 1864 г. сословные суды были упразднены и все население попало под юрисдикцию единых для всех общесословных судов. Благодаря введению всеобщей воинской повинности в 1874 г. было ликвидировано принципиальное различие между привилегированными и податными сословиями, так как представители всех сословий, включая дворянство, стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской повинности. Другие важные реформы, происшедшие в последней трети XIX—начале XX в., такие как отмена подушной подати и круговой поруки среди сельских и городских обывателей, включение дворянства в число налогоплательщиков, отмена паспортного режима, отмена выкупных платежей за землю, получение права на выход из общины в 1907 г., наконец, введение представительного учреждения и обретение политических прав всем населением в 1905 г., привели к тому, что к 1917 г. **все сословия юридически утратили свои специфические сословные права.**

Однако этого было недостаточно для трансформации сословной структуры общества в классовую. Настоящая классовая структура общества формируется в ходе так называемой профессионализации, под которой понимается консолидация представителей отдельных профессий в профессиональные организации с целью коллективного отстаивания своего общественного статуса и контроля за той сферой рынка, где данная профессиональная группа осуществляет свои функции. **Превращение сословий в классы через всеобщую и глубокую профессионализацию общества сделало в пореформенной России значительные успехи, но к 1917 г. далеко не завершилось.**¹⁷³

Дворянство, духовенство и городские обыватели были разделены внутри себя на страты, существенно отличавшиеся в имущественном отношении. На протяжении всего императорского периода средняя страта была слабой в количественном и материальном отношении, низшая страта, состоявшая из бедных и неимущих, — многочисленной, богатство сосредоточивалось в руках немногочисленной высшей страты. У дворянства и духовенства высшая страта по своему составу была устойчивой, а у городского сословия — напротив, крайне изменчивой. Уровень неравенства между отдельными стратами этих трех сословий в течение императорского периода возрастал, в особенности среди городского населения, как это было в западноевропейских странах.¹⁷⁴ В результате этого город, где сосредоточивались дворянство и городское сословие, а также находилась значительная часть духовенства, крестьянства и военных, поляризовался на ничтожную по численности богатую и образованную привилегированную верхушку и огромную массу бедного, малообразованного, непривилегированного люда. Подобная структура городского общества, в котором отсутствовала значительная средняя прослойка, или средний класс,¹⁷⁵ была чревата социальной неустойчивостью и социальными взрывами. Если брать страну в целом и единые для всех сословий стандарты стратификации, то средний класс также окажется крайне малочисленным. Число цензовых граждан, т. е. лиц, отвечавших имущественному цензу на право участия в выборах в Государственную думу, после изменения избирательного закона 3 июня 1907 г. в 50 губерниях Европейской России составляло всего около 1288 тыс., или 1.2% всего населения.¹⁷⁶ Поскольку избирательным правом пользовались только мужчины старше 25 лет, то среди мужского населения 50 губерний Европейской России в воз-

расте старше 25 лет доля цензовых граждан составляла 5.8% населения.¹⁷⁷ В это число, естественно, входил не только средний, но и высший класс с годовым доходом более 6 тыс. р. на человека. Численность последнего, по приблизительным оценкам Министерства финансов, достигала 63.3 тыс. семей, или 378 тыс. человек — около 0.35% населения 50 губерний Европейской России. Следовательно, доля среднего класса равнялась приблизительно 5.5% всего населения — это немного, но и не ничтожно мало. Об этом же говорят и данные о распределении национального дохода между «трудовыми классами», «имущими классами» и казной в начале XX в.: на долю первых приходилось 73.6%, вторых — 22.4, казны — 4%.¹⁷⁸

Реформы 1860-х гг. отрицательно сказались на материальном благополучии дворянства и положительно — на благополучии верхней страты городского сословия. Верхняя страта дворянства — помещики, которая до 1861 г. в целом проявляла устойчивость, после отмены крепостного права, несмотря на поддержку государства, начала разоряться и деклассироваться. Напротив, верхняя страта городского сословия обнаружила тенденцию к росту и устойчивости. Это хорошо просматривается по данным о распределении цензовых городских жителей, имевших право участвовать в выборах в 1893—1904 гг. Цензовые горожане 93 городов (40 губернских и 53 уездных и безуездных) включали 26.4% дворян, 52.2 купцов и почетных граждан, 21.4% мещан и ремесленников и небольшое число крестьян, проживавших в городах,¹⁷⁹ в то время как дворян в городском населении было 6.6%, купцов и почетных граждан — 2.2, мещан и ремесленников — 42.8%. Отношение доли сословий среди цензовых граждан к их доле в населении показывает *относительный уровень* благосостояния сословий. Это отношение составило для дворян 4.0 (26.4 : 6.6), для купцов и почетных граждан — 23.7 (52.2 : 2.2), для мещан и ремесленников — 0.5 (21.4 : 42.8). Отсюда следует, что в городах дворянство по своему богатству уступало купечеству и хотя превосходило мещан, но в меньшей степени, чем купцы превосходили дворян. Оскудение поместного дворянства происходило еще интенсивнее; дворянское землевладение быстро таяло и переходило в руки других сословий. Таким образом, в пореформенное время состав дворянства качественно ухудшался, его благосостояние падало и престиж в обществе снижался.

Падение престижа дворянского статуса хорошо иллюстрирует следующий факт. В последней четверти XIX в. многие лица, имевшие право на дворянство по чину или ордену, не ходатайствовали об утверждении их в дворянстве.¹⁸⁰ Некоторые даже игнорировали высочайшее пожалование в дворянство. А. П. Чехов (1860—1904) в 1899 г. был пожалован Николаем II в дворянство и в кавалеры ордена Святослава 3-й степени. Высочайший указ был оставлен Чеховым без внимания. Ни в письмах, ни в разговорах, ни в воспоминаниях современников не сохранилось даже упоминания об этом факте. Чехов как будто стыдился и скрывал это пожалование, вследствие чего биографы узнали о существовании указа лишь в 1930 г., через 26 лет после смерти писателя. Сын купца третьей гильдии отказался от возможности нобилитации — вещь, совершенно неслыханная в XVIII—первой половине XIX в. Не менее знаменитый, чем А. П. Чехов, поэт А. А. Фет (1820—1892), напротив, страстно добивался дворянского звания. После окончания университета в 1845 г. он поступил на военную службу, чтобы после производства в первый офицерский чин получить потомственное дворянство. Высшее образование давало ему право стать офицером через шесть месяцев. Но последовал указ о повышении ценза на право получения статуса потомственного дворянина: теперь только чин майора давал это право. Фет продолжал службу, к 1856 г. дослужился до капитана, но ценз вновь повысился до полковничьего чина. Фет оставил службу, стал землевладельцем и только в 1873 г. добился дворянства благодаря связям с императорским двором, сочинению од членам императорской фамилии и богатству, заработанному

честным трудом на ниве земледелия. Эти примеры наглядно показывают те изменения, которые происходили в сознании людей в пореформенные годы. Презрение к дворянскому статусу, обнаруженное Чеховым, проявляли не только рафинированные русские интеллигенты, но даже купцы. Известный предприниматель В. П. Рябушинский свидетельствует: «На моей памяти купеческое самосознание очень повысилось — дворянства почти никто не домогался, говорили: лучше быть первым среди купцов, чем последним между дворян».¹⁸¹ Московские купцы отказались во время коронации Николая II в 1895 г. стоять на церемонии вторыми после дворян, и протокол был изменен.¹⁸² Это было симптомом важного переворота, происходившего в общественном сознании: личные заслуги, талант, богатство, нажитое собственным трудом, начинали цениться более, чем дворянское звание, за которым, кроме сословной снеси, могло ничего и не стоять.

Крестьянство в отличие от других сословий до самой революции 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношении довольно однородным и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения. Социальная и имущественная гомогенность крестьянства в значительной степени обуславливалась высокой мобильностью внутри самого сословия.

Социальная структура всего населения в течение периода империи изменялась очень медленно. Абсолютная численность главных сословий увеличивалась, но, за исключением городских обывателей, их доля в населении страны уменьшалась: за 1719—1913 гг. дворянства — с 2 до 1.5%, духовенства — с 1.9 до 0.5%, крестьянства — с 89.1 до 80.1%, военное сословие и разночинцы исчезли и лишь доля городского сословия увеличилась с 3.9 до 17.6%.

Уже до реформ 1860—1870-х гг. сословия в большей или меньшей степени были открыты при входе и выходе и довольно активно взаимодействовали друг с другом, хотя степень их открытости была различной. Тесно взаимодействовали крестьяне, городские обыватели и военные, так как главным образом за счет перемещений крестьянства обеспечивалось воспроизводство городского сословия и армии. Обратные перемещения из мещанства, купечества и военных в крестьянство были сравнительно редкими. Перемещения из крестьянства и городских обывателей в дворянство были достаточно многочисленными, хотя и не прямо, а через армию, университет, государственную службу, но иногда и прямо — с помощью богатства; перемещения из дворянства в податные сословия были меньшими, но также значительными (этот вид мобильности совершенно не изучен). Дворянство и духовенство взаимодействовали еще более интенсивно в том смысле, что духовные лица, поступавшие на государственную службу, пополняли ряды дворянства.

В целом в XVIII—первой половине XIX в. уровень социальной мобильности дворянства, духовенства, городских обывателей и разночинцев был достаточно высоким, а крестьянства - низким. Все виды межсословных социальных перемещений, иногда значительные по абсолютному числу, охватывали незначительную долю населения податных сословий — в среднем за полтора столетия по 0.34% в год, главным образом из крестьянства и городских обывателей в военное сословие (0.24% в год). Следовательно, в социальных перемещениях участвовало всего около 10% каждого поколения, если принять его протяженность в 25—30 лет, что вполне согласовалось с сословным характером русского общества этой эпохи. Уровень социальной мобильности в городе был существенно выше, чем в деревне.

Следует иметь в виду, что интенсивность межличностных и культурных контактов между представителями разных сословий превосходила уровень межсословных перемещений благодаря горизонтальной социальной мобильности и матримониальным отношениям, поскольку миграции и брак в XVIII—первой половине XIX в. не являлись каналами межсословной мо-

бильности: переселенцы, как правило, оставались в прежнем сословии, беглые не учитывались официальной статистикой, а сословная принадлежность женщин и детей определялась по мужу (только дворянки по Жалованной грамоте дворянству 1785 г. сохраняли свой статус при выходе замуж за недворянина, но не передавали его своим детям). Правда, доля межсословных браков сравнительно со всем числом браков была значительной только в городе: в среде духовенства и дворянства — соответственно 83 и 78%, в среде городских обывателей и крестьянства — соответственно 37 и 59%, в среде разночинцев — 38%. Если мы возьмем только данные о браках дворянства, с одной стороны, и браках мещан, купцов и крестьянства, с другой, — то доля браков, заключенных дворянами между собой, составит 40%, между представителями непривилегированных сословий — 57%. Это означает, что податные сословия — 77% всего городского населения в 1858 г. — жили более изолированно, чем дворянство. В деревне вследствие однородности социального состава сельского населения (оно на 85—90% состояло из крестьян) браки, как правило, заключались почти исключительно между представителями одного сословия, и изолированность крестьянства от других, в особенности от привилегированных, сословий была еще большей.¹⁸³ **Горизонтальная социальная мобильность, которая в абсолютных цифрах охватывала большие массы населения, при переводе их в относительные показатели оказывалась также незначительной.** В 1678—1858 гг. в переселения было вовлечено до 4.7 млн человек, что составляло в среднем в год около 30 тыс. человек, или 0.1% среднегодовой численности населения, следовательно, 2—3% от численности каждого поколения.¹⁸⁴

В пореформенное время основные направления межсословных перемещений остались прежними: из крестьянства — в городское сословие, из духовенства — в дворянство и городское сословие. Но уровень межсословной социальной мобильности существенно возрос, благодаря чему открытость сословий увеличилась, что способствовало их трансформации в классы. Примерно в 2 раза увеличилась и горизонтальная социальная мобильность: в 1870—1915 гг. в пределах России переселились 8.1 млн человек, по 233 тыс. человек в среднем в год, или 0.2% среднегодовой численности населения.¹⁸⁵

Как и всюду, в России жизненный успех отдельного человека в сильной степени зависел от социального происхождения, материальной обеспеченности, службы, образования и случая. Интересные результаты дает корреляционный анализ факторов социальной мобильности чиновников в первой половине XIX в. Карьера (при устранении влияния возраста) примерно на 31% зависела от образования, на 18% — от социального происхождения, на 12% — от богатства (числа принадлежавших чиновнику крепостных душ) и на 39% — от других факторов: здоровья, национальности, родственных и личных связей, способностей, активности, благоприятного стечения обстоятельств.¹⁸⁶ Примечательно, что *роль социального происхождения для карьеры была сравнительно с другими факторами невелика и уступала образованию* — и это в период расцвета сословного строя. Думаю, что эти наблюдения можно распространить и на пореформенное российское общество, которое с точки зрения социальной мобильности отличалось от дореформенного главным образом интенсивностью процессов вертикальной социальной мобильности и тем, что еще большую роль в жизненном успехе стали играть образование, богатство и социальная активность человека.

Если говорить об уровне социальной мобильности отдельных сословий, то на протяжении всего императорского периода крестьянство и духовенство служили источником пополнения других сословий, но сами являлись закрытыми при входе. Перемещения в крестьянство из других сословий сравнительно с численностью крестьян были ничтожными, а проникновение в состав духовенства из других сословий представляло значительные трудно-

Рис. 28. Группа еврейских крестьян на фоне плодовой плантации в еврейской земледельческой колонии Графской. Екатеринославская губ. 1904 г.

сти. Получалось, что оба сословия варились в собственном соку, и в этом состояла одна из причин длительного существования особой субкультуры крестьянства и духовенства, их социальной и культурной обособленности от других сословий, их склонности к традиционализму или консерватизму.

Дворянство являлось открытым при входе и в значительной мере закрытым при выходе. Оно пополнялось наиболее способными и энергичными представителями духовенства, купечества, мещанства и крестьянства, которые к тому же были в высшей степени лояльными к существующему режиму, так как он дал им возможность войти в состав самого привилегированного сословия. Дворянство интенсивно получало свежую кровь и через браки с представителями других сословий, что усиливало его интеллектуальный и, так сказать, энергетический потенциал. Обедневшие дворяне деклассировались и сначала фактически, а потом и юридически уходили из сословия. Однако в дворянство переходили только те представители других сословий, которые в предшествующий переходу в дворянство период своей жизни получали образование, профессию, делали карьеру на государственной службе, приобретали мировоззрение и привычки, свойственные дворянству. Это означало, что они одворянивались прежде, чем получали статус дворянина. Данное обстоятельство вместе с ростом требований к служебному положению, дававшему право на дворянство, приводило к тому, что перемещения в дворянство из других сословий не нарушали, а, наоборот, способствовали формированию дворянской субкультуры, сословных традиций, понятий чести, манеры поведения, ментальности. Ибо никто так не был щепетилен в отношении соблюдения чистоты дворянской субкультуры, как новые дворяне. Таким образом, социальной мобильности весьма способствовала гибкая сословно-социальная политика правительства в вопросе формирования бюрократии, которая в 1720—1762 гг. делала ставку на дворянство, но допускала в среду чиновников представителей всех других социальных групп, в 1762—1798 гг. — на разночинцев, в 1798—1827 гг. — на податные сословия,

с 1827 г. и до Великих реформ — на канцелярских служащих, а после них источником формирования административных кадров стали все сословия.¹⁸⁷ **К 1917 г. сословия юридически утратили важнейшие специфические сословные привилегии и превратились в классы.** Однако, как это часто бывало в России, закон обгонял и жизнь, и массовые представления о социальной структуре общества, и социальные отношения, и социальное поведение. Социальные традиции оказались весьма живучими и служили препятствием для полной трансформации сословий в классы. Сословная парадигма, упраздненная юридически, не была окончательно ликвидирована фактически и психологически, хотя и в общественной практике, и в массовом сознании она безусловно в течение второй половины XIX—начале XX в. потеряла свое прежнее значение.¹⁸⁸ **Существование сословий с различными, а иногда и враждебными субкультурами, с огромной имущественной дифференциацией между ними и внутри себя затрудняло формирование не только среднего класса и гражданского общества, но также и единой российской нации с единой культурой, единой системой ценностей, единым стандартом.** Наличие в составе России других национальностей еще более замедляло этот процесс.¹⁸⁹ В результате складывание российской нации и российского национального государства к 1917 г. не завершилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 295—424; Beynon H. Class and Historical Explanation // *Bush M. L.* (ed.). *Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification.* London: Longman, 1992. P. 230—249; Reddy W. M. The Concept of Class // *Ibid.* P. 13—25; Tumin M. M. *Social Stratification: The Forms and Functions of Inequality.* London et al.: Prentice-Hall, 1967. Моя точка зрения на развитие сословного строя в России была высказана в докладе «Catherine II's Social Politics and its Results» на международной конференции «Katharina II., Russland und der Aufgeklärte Absolutismus» (Киль, ФРГ, ноябрь 1996).

² История понятий «сословие» и «состояние» в русском языке и законодательстве хорошо прослежена в: *Елпатьевский А. В.* Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в царской России: (XVIII—начало XX в.) // *Буганов В. И.* (ред.). *Источниковедение отечественной истории.* 1984. М., 1986. С. 34—72; Freeze G. L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *American Historical Review.* 1986. Vol. 91, No. 1. February. P. 11—36.

³ *Ключевский В. О.* История сословий в России // *Ключевский В. О.* Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 6. С. 276—292; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 30. С. 911—913 («Сословие»).

⁴ *Ключевский В. О.* История сословий в России. С. 305—306, 462—466.

⁵ *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 274.

Кузнецов Я. И. Характеристика общественных классов по народным пословицам и поговоркам // *ЖС.* 1903. Вып. 3. Отд. 5. С. 396—404.

⁷ СИЭ. М., 1971. Т. 13. С. 348—351.

⁸ См., например: *Белявский М. Т.* Классы и сословия феодального общества в свете ленинского наследия // *Вестник МУ.* 1970. Сер. 9: История. № 2. С. 68—72; *Буганов В. И. и др.* Эволюция феодализма

в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 84—119, 241—268; *Кошман Л. В.* Русская дореформенная буржуазия: Постановка вопроса и историография проблемы // *ИСССР.* 1974. № 6. С. 77—94; *Преображенский А. А.* Об эволюции классово-сословного строя в России // *Паушто В. Т.* (ред.). *Общество и государство феодальной России.* М., 1975. С. 69—82; *Сметанин С. И.* Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800—1861 гг.: (На примере городов Урала) // *ИЗ.* 1978. Т. 102. С. 153—182.

⁹ *Confino M.* Issues and Nonissues in Russian Social History and Historiography // *Kennan Institute for Advanced Russian Studies.* Occasional Paper. No. 165. Washington, 1983.

¹⁰ *Freeze G. L.* The Soslovie (Estate) Paradigm... P. 11—36.

¹¹ *Филд Д.* Социальные представления в дореволюционной России // *Дякин В. С.* (ред.). *Реформы или революция? Россия 1861—1917.* СПб., 1992. С. 67—78; *Inkeles A.* Social Stratification in the Modernization of Russia // *Black C. E.* (ed.). *The Transformation of Russian*

- Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. P. 338—352; *Rieber A. J.* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. P. XIX—XXVI, 424—427.
- ¹² *Карпович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц в России // Собр. соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 1. С. 465—467; *Пичета В. И.* Боярский быт в XVII веке // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1912. Т. 5, ч. 2. Вып. 5. С. 167—186.
- ¹³ *Ключевский В. О.* Соч. Т. 6. С. 157—171; *Уланов В. Я.* Положение низших классов в Московском государстве в XVI—XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1912. Т. 5, ч. 2. Вып. 5. С. 85—107.
- ¹⁴ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1900. С. 126—141; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С. 72; *Лазаревский Я. Я.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 1. С. 83.
- ¹⁵ *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 387—389.
- ¹⁶ *Бобровский П. О.* Преступления против чести по русским законам до начала XVIII в. СПб., 1889. С. 64—67.
- ¹⁷ *Ключевский В. О.* История сословий в России. С. 437—453.
- ¹⁸ *Палибин М. Н.* Законы о состояниях: (Свод законов. Т. 9. Издания 1899 года), с дополнениями, разъяснениями Правительствующего Сената и Святейшего Синода, циркулярами Министерства внутренних дел и алфавитным указателем. СПб., 1901.
- ¹⁹ *Freeze G. L.* The Soslovie (Estate) Paradigm... P. 25—36; *Филд Д.* Социальные представления в дореволюционной России. С. 72—78.
- ²⁰ *Павлов-Сильванский Н.* Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. С. 220—234.
- ²¹ Там же. С. 253—294.
- ²² *Евреинов Г. А.* Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898. С. 22—50; *Каменский А. В.* Российское дворянство в 1767 году: (К проблеме консолидации) // ИСССР. 1990. № 1. С. 58—77; *Марасинова Е. Н.* Эпистолярные источники о социальной психологии дворянства: (последняя треть XVIII в.) // Там же. № 4. С. 165—173; *Павлов-Сильванский Н.* Государевы служилые люди... С. 287—294; *Троцкий С. М.* К проблеме консолидации дворянства России в XVIII в. // *Анфимов А. М.* (ред.). Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1974. Сб. 8. С. 128—151.
- ²³ *Абрамов Я.* Сословные нужды, желания и стремления в эпоху Екатерининской комиссии: (1767—1769 гг.) // Северный вестник. 1886. № 4. С. 145—180; № 6. С. 47—67.
- ²⁴ *Новосельский А. А., Устюгов Н. В.* (ред.). Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 152—156.
- ²⁵ *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена. СПб., 1991. С. 35—46, 68—73.
- ²⁶ *Фонвизин Д. И.* Собр. соч. М.; Л., 1959. С. 563—570.
- ²⁷ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 17. № 12748.
- ²⁸ Там же. Т. 25. № 19208.
- ²⁹ *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 180.
- ³⁰ *Даневский П. Н.* История образования Государственного совета в России. СПб., 1859. С. 74.
- ³¹ *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887. Т. 1. С. 259; *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России... С. 415—419.
- ³² О превращении дворянства в сословие см.: *Каменский А. Б.* Сословная политика Екатерины II // ВИ. 1995. № 4—5; *Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление за столетие: 1762—1855. СПб., 1906. С. 214—219; *Порай-Кошиц И. А.* Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. 862—1796. СПб., 1874. С. 118—187; *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России... С. 58—87; *Яблочков М.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 329—335, 547—567.
- ³³ *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России, 1861—1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 36—37.
- ³⁴ *Ключевский В. О.* История сословий в России. С. 279.
- ³⁵ *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. С. 37.
- ³⁶ *Баранович М.* Рязанская губерния. СПб., 1860. С. 141 (Материалы для географии...); *Литинский.* Симбирская губерния. СПб., 1868. Т. 1. С. 258—259 (Материалы для географии...).
- ³⁷ *Зацук А.* Бессарабская область. СПб., 1862. Ч. 2. С. 120 (Материалы для географии...); *Попрцкий М.* Калужская губерния. СПб., 1864. Ч. 2. С. 310 (Материалы для географии...); *Домонтович М.* Черниговская губерния. СПб., 1865. С. 553—555 (Материалы для географии...); *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 72, 84—85.
- ³⁸ Подсчитано по: Общий штат губернских и уездных присутственных мест 1812 г. // ПСЗ-1. Т. 44, ч. 2. С. 220—223. В течение первой половины XIX в. штатные оклады не пересматривались, но они учитывали падение курса ассигнаций: ПСЗ-1. Т. 32. № 25249. С. 443—445; *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 228—235, 344—345.
- ³⁹ *Федоров В. А.* Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII—первой половины XIX в. М., 1974. С. 225—249.
- ⁴⁰ *Попрцкий М.* Калужская губерния. Ч. 2. С. 309; *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII—начале XIX в.: Формирование военно-бюрократ-

- тического дворянства. Красноярск, 1985. С. 165—166.
- ⁴¹ *Mironov B. N. Consequences of the Price Revolution in Eighteenth-century Russia // The Economic History Review. 1992. Vol. 45, No. 3. P. 468.*
- ⁴² *Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи: (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909. С. 386—399.*
- ⁴³ *Крживоблоцкий Я. Костромская губерния. СПб., 1861. С. 191 (Материалы для географии...).*
- ⁴⁴ *Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России... С. 43.*
- ⁴⁵ *Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. С. 451.*
- ⁴⁶ *Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII века. М., 1977. С. 90; Бушен А. (ред.). Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2. С. 267.*
- ⁴⁷ *Кабузан В. М., Троицкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782—1858 гг. // ИСССР. 1971. № 4. С. 166—167; Бушен А. (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 267.*
- ⁴⁸ *Кабузан В. М., Троицкий С. М. Изменения в численности... дворянства... С. 164—165.*
- ⁴⁹ *Тройницкий А. Г. Крепостное население России по 10-й народной переписи. СПб., 1861. С. 64.*
- ⁵⁰ *Dollar Ch. M., Jensen R. J. Historian's Guide to Statistics: Quantitative Analysis and Historical Research. New York et al.: Holt, Rinehart and Winston, 1971. P. 121—126.*
- ⁵¹ Подсчитано мною по данным: ПСЗ-І. Т. 44: Книга о штатах; *Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России... С. 71—90.*
- ⁵² *Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. С. 458.*
- ⁵³ О введении и отмене сборов с дворян на содержание местного коронного управления см.: ПСЗ-І. Т. 24. № 18278 от 18 декабря 1797 г.; Т. 29. № 22392 от 10 декабря 1806 г. и № 22706 от 4 декабря 1807 г.; *Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 488—489. О введении и отмене налога с объявленного дохода дворянских имений см.: ПСЗ-І. Т. 32. № 24992 от 11 февраля 1812 г. (пункты 20, 27, 28) и № 25001 от 20 февраля 1812 г.; Т. 36. № 28028 от 18 декабря 1819 г. О земских сборах с дворян см.: Историко-статистические сведения о земских повинностях. СПб., 1861. С. 23, 205—206; Труды Комиссии для пересмотра податей и сборов. СПб., 1863. Т. 3, ч. 1. Приложение 1. С. 12; *Алексеев М. Действующее законодательство о прямых налогах. СПб., 1879. С. 13—16, 122—136; Яснопольский Н. П. О географическом распределении государственных доходов и расходов в России: Опыт финансово-статистического исследования. СПб., 1890. Ч. 1. С. 27—31. См. также: Латкин В. Н. Учебник истории русского права... С. 392; *Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. DeKalb, IL: Northern Illinois University, 1985. P. 179—194; Яблочков М. История дворянского сословия в России. С. 676.***
- ⁵⁴ *Бушен А. (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 267; Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 164—165.*
- ⁵⁵ *Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. С. 37—44, 61, 67.*
- ⁵⁶ *Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 94—95. См. также: Анфимов А. М., Макаров И. Ф. Новые данные о землевладении Европейской России // ИСССР. 1974. № 1. С. 82—97; *Кочешков Г. Н. Российские землевладельцы в 1917 году. Ярославль, 1994. По подсчетам М. С. Симоновой, дворянское землевладение в 45 губерниях за 1862—1914 гг. сократилось с 87 181 до 40 675 тыс. десятин: Симонова М. С. К изучению процесса формирования буржуазной земельной собственности в Европейской России (1862—1914) // Волков М. Я., Тарновский К. Н. (ред.). Проблемы исторической географии. Вып. 2. Формирование экономических районов России. М., 1982. С. 164.**
- ⁵⁷ *Святловский В. В. Мобилизация земельной собственности в России: (1861—1908 гг.). СПб., 1911. С. 107.*
- ⁵⁸ *Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена. С. 18—19, 210. См. также: Блосфельд Г. (сост.). Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901; Гернет А. О. Законодательство о приобретении дворянского достоинства Российской империи. СПб., 1898.*
- ⁵⁹ РГИА, ф. 1262 (Рекрутский комитет при Втором отделении собственной его величества канцелярии), оп. 1, д. 183, л. 18, 30—31, Курская губерния. По данным главноуправляющего Вторым отделением Д. Н. Блудова, в 1846 г. в 33 губерниях Европейской России, где более всего имелось мелкопоместных дворян, насчитывалось 43 384 семейства (около 216 290 человек обоого пола) бедных дворян, которые либо имели менее 10 ревизских душ крестьян, либо владели только землей, либо не имели ни крепостных, ни земли. Часть из них лично занималась хлебопашеством. Например, в Курской губернии насчитывалось 4358 дворянских семей, из которых 555, или 12,7%, лично занимались земледелием. П. А. Зайончковский в книге «Правительственный аппарат» (С. 43, 229) со ссылкой на дело из фонда вел. кн. Константина Николаевича приводит другие данные: 109 444, или 43%, всех потомственных дворян лично занимались сельским хозяйством. Это не соответствует действительности и сильно преувеличивает степень деградации дворянства. В 1858 г. в Европейской России насчитывалось около 304,5 тыс. потомственных дворян мужского пола.
- ⁶⁰ *Борецкий А. Захудалое дворянство // Рус. мысль. 1882. Кн. 12. С. 339—353.*
- ⁶¹ Цит. по: *Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. С. 65.*
- ⁶² *Боханов А. Н. Крупная буржуазия России: Конец XIX в.—1914 г. М., 1992. С. 161—168; Нифонтов А. С. Формирование классов*

- буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // ИЗ. 1955. Т. 54. С. 243—244.
- ⁶³ Уланов В. Я. Московское духовенство в XVI—XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1912. Т. 5, ч. 2. Вып. 5. С. 187—200.
- ⁶⁴ Процесс этот хорошо прослежен в работах Г. Фриза: Freeze G. L. 1) *The Russian Levities: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1977. P. 13—45; 2) *The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. P. 144—188; 3) *Between Estate and Profession: The Clergy in Imperial Russia* // Bush M. L. (ed.). *Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification*. London: Longman, 1992. P. 47—65.
- ⁶⁵ Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 108—109.
- ⁶⁶ Freeze G. L. *The Russian Levities*. P. 196, 198, 200.
- ⁶⁷ Freeze G. 1) *The Russian Levities*. P. 88, 202; 2) *The Parish Clergy...* P. 385.
- ⁶⁸ ПСЗ-I. № 4022.
- ⁶⁹ Шенелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена. С. 156—158.
- ⁷⁰ Лебедев А. А. Святитель Тихон Задонский и вся Россия чудотворец (его жизнь, писание и прославление). СПб., 1896. С. 8—9.
- ⁷¹ Наказ Святейшего Синода в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения // Сб. РИО. 1885. Т. 43. С. 42—62; Наказ приходского духовенства г. Вереи в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения // Там же. 1894. Т. 93. С. 252—253; Покровский И. М. Екатерининская комиссия о составлении проекта нового Уложения и церковные вопросы в ней. Казань, 1910; Прилежаев Е. М. Наказ и пункты депутату от Святейшего Синода в Екатерининскую комиссию о сочинении нового Уложения // Христианское чтение. 1876. Т. 2. С. 223—265; Freeze G. L. (ed.). *From Supplication to Revolution: A Documentary Social History of Imperial Russia*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 37—44.
- ⁷² Беликов В. Отношение государственной власти к церкви и духовенству в царствование Екатерины II // ЧТОЛДП. 1875. № 7. С. 721—762; № 8. С. 70—86; № 10. С. 247—280; № 11. С. 310—344; Веденяпин П. Г. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны относительно православного духовенства // Православное обозрение. 1865. № 5. С. 69—71; № 7. С. 296—334; № 40. С. 217—231; Знаменский П. В. 1) Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880. С. 145—158, 181—183; 2) Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 460—490; Хитров М. Наше белое духовенство в XVIII столетии и его представители // Странник. 1896. № 8. С. 507—533; № 10. С. 276—297; № 11. 477—500; Шапов А. Состояние русского духовенства в XVIII столетии // Православный собеседник. 1862. Кн. 2. С. 16—40, 188—206.
- ⁷³ Зернов Н. М. (ред.). На переломе: Три поколения одной московской семьи: (семейная хроника Зерновых). Paris: Ymca-Press, 1970. Ч. 1. С. 11—12.
- ⁷⁴ Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства. Leipzig, 1858. С. 47.
- ⁷⁵ Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866. Т. 2. С. 388.
- ⁷⁶ Верховской П. В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX столетии. Варшава, 1912. Вып. 1; История христианской церкви в XIX веке. Пг., 1901. Т. 2. С. 503—730; Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898. Некоторые историки заходят так далеко, что считают духовных лиц «разновидностью государственных служащих»: Зольникова Н. Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири. XVIII в. Новосибирск, 1981. С. 180.
- ⁷⁷ Freeze G. L. 1) *The Russian Levities*. P. 53, 57; 2) *The Parish Clergy...* P. 12; Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве... Т. 2. С. 25.
- ⁷⁸ Карташов А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. 2. С. 525.
- ⁷⁹ Миронов Б. Н. История в цифрах. Л., 1991. С. 85.
- ⁸⁰ Freeze G. L. *The Parish Clergy...* P. 455.
- ⁸¹ Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 200, 202.
- ⁸² Freeze G. L. *The Parish Clergy...* P. 455; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 138, 140, 152, 161, 166, 170.
- ⁸³ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 257; Волков С. В. Русский офицерский корпус. С. 344; Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 9. С. 147; Freeze G. L. *The Russian Levities*. P. 122, 132, 136.
- ⁸⁴ Миронов Б. Н. Американский историк о русском духовном сословии // ВИ. 1987. № 1. С. 153—158.
- ⁸⁵ Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве. Т. 2. С. 373, 374—398. Слова Ростислава касались главным образом образованного общества, так как купечество и крестьянство относились к духовенству с большим доверием и уважением: Знаменский П. В. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. С. 174—180.
- ⁸⁶ Конюченко А. И. Русское православное духовенство во второй половине XIX—XX в. // Андреева Т. А. (ред.). Социально-политические институты провинциальной России: (XVI—начало XX в.). Челябинск, 1993. С. 76—94.
- ⁸⁷ Василенок С. И. Народ о религии: На материалах русского, украинского и белорусского фольклора. М., 1961. С. 267—277; Пушкарев Л. Я. Русские пословицы XVII в.

о церкви и ее служителях // *Смирнов Н. А.* (ред.). Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. Вып. 6. С. 153—168; *Weber E.* Peasants into Frenchman: The Modernization of Rural France, 1870—1914. Stanford, CA: Stanford University Press, 1976. P. 357—374. Негативное отношение крестьян к православному духовенству уходит корнями в Древнюю Русь и, вероятно, было связано с борьбой язычества и христианства. С той поры крестьяне плохой приметой считали встретить на дороге священника или монаха. См.: *Гальковский Н.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1913. Т. 2. С. 307. В советской историографии степень негативизма многократно преувеличивалась. На самом деле речь может идти не о враждебности, а о том, что крестьяне не испытывали подобающего пиетета к духовенству.

⁸⁸ Обзор деятельности духовного ведомства за 1915 год. Пг., 1917. С. 61, 63—64, 67; *Freeze G. L.* The Parish Clergy... P. 298—348, 385, 484.

⁸⁹ *Едлогий, митрополит.* Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 16; *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 40; *Шелохаев В. В.* (ред.). Политические партии России: Энциклопедия. М., 1996. С. 746—749. Подробнее см.: *Миронов Б. Н., Степанов З. В.* Историк и математика. Л., 1975. С. 127; *Manchester L.* The Secularization of the Search for Salvation: The Self-Fashioning of Orthodox Clergymen's Sons in Late Imperial Russia // *Slavic Review.* 1998. Vol. 57, No. 1. Spring. P. 50—76.

⁹⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1903—1904 годы. СПб., 1909. С. 112—113.

⁹¹ *Нифонтов А. С.* Формирование классов буржуазного общества. С. 248. См. также: *Елпатьевский А. В.* Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности... С. 37, 51—53, 60—61.

⁹² *Миронов Б. Н.* Американский историк о русском духовном сословии. С. 153—158.

⁹³ РГИА, ф. 804 (Присутствие по делам православного духовенства), оп. 1, д. 49, л. 275—277; д. 96, ч. 3, л. 9—15.

⁹⁴ *Freeze G. L.* The Parish Clergy... P. 162.

⁹⁵ *Маньков А. Г.* (ред.). Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 293—308.

⁹⁶ *Богоявленский С. К.* Научное наследие: О Москве XVII века. М., 1980. С. 74—105; *Ключевский В. О.* История сословий в России. С. 445—448; *Муллов П.* Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864. С. 34—47; *Плошинский Л. О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии: От начала Руси до новейших времен. СПб., 1852. С. 100—152; *Пригара А.* Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. Ч. 1. Происхождение состояния городских обывателей в России и организация его при Петре Великом. СПб., 1868. С. 65—100; *Снегирев В. Л.* Московские слободы: Очерки по истории Московского посада XIV—XVIII вв. М., 1956. С. 28—30; *Тимошина Л. А.*

К вопросу о самосознании высшего купечества России второй половины XVII века // *Горский А. А.* (ред.). Русская история: Проблема менталитета. М., 1994. С. 84—87; *Hittle J. M.* The Service City: State and Townsmen in Russia, 1600—1800. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1979. P. 149—166.

⁹⁷ Различные школы по-разному трактуют значение магистратской реформы для образования городского сословия: *Варадинов Н.* Гильдии: Историко-юридический очерк. СПб., 1861. 84—89; *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов в России. Т. 1. Города России в XVIII столетии. СПб., 1875. С. 199—247, 287—306; *Кафенгауз Б. Б.* Купечество. Города // *Кафенгауз Б. Б., Павленко Н. И.* (ред.). Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 211—229; *Кизеветтер А. А.* 1) Посадская община России XVIII столетия. М., 1903. С. 796—799; 2) Исторические очерки. М., 1912. С. 242—263; *Ключевский В. О.* История сословий в России. С. 462—463; *Плошинский Л. О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии... С. 194—195; *Пригара А.* Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. Ч. 1. С. 101—169; *Hittle J. M.* The Service City: State and Townsmen in Russia. P. 77—96.

⁹⁸ *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов в России. Т. 1. С. 346—354, 370—414; *Кизеветтер А. А.* Посадская община России XVIII столетия. С. 127—169; *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 31—76; *Плошинский Л. О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии... С. 195—206.

⁹⁹ Все историографические школы подчеркивают большое значение Жалованной грамоты городам в формировании городского сословия: *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов в России. Т. 1. С. 415—472; *Кизеветтер А. А.* Городовое положение Екатерины II: Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 321—473; *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города... С. 109—121; *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 175—190; *Плошинский Л. О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии... С. 239—283; *Рабцевич В. В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 110—165; *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 40—51; *Hittle J. M.* The Service City: State and Townsmen in Russia. P. 213—236.

¹⁰⁰ *Абрамов Я.* Сословные нужды, желания и стремления в эпоху Екатерининской комиссии... // Северный вестник. 1886. № 6.

- с. 68—84; № 7. С. 69—82; *Вознесенский В.* Городские депутатские наказы в Екатерининскую комиссию 1767 года // Журнал МНП. 1909. Ноябрь. С. 89—119; Декабрь. С. 241—289; *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. С. 209—241; *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города... С. 77—89; *Латкин В. Н.* 1) Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Т. 1. С. 425—524; 2) Проект нового Уложения, составленный законодательной комиссией 1754—1766 гг. С. 188—202; *Knabe B.* Die Struktur der russischen Posadgemeinden und der Katalog der Beschwerden und Forderungen der Kaufmannschaft: (1762—1767). Berlin: Otto Harrassowitz, 1975. S. 253—267.
- ¹⁰¹ *Горский А. Д.* (ред.). Очерки русской культуры XVIII века. М., 1990. Ч. 4. С. 252—298; *Козлова Н. В.* Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // *Тимошина Л. А.* (ред.). Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 214—229; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 281—285; *Тереженко А.* Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 1. Отд. 4 (наряд) и 5 (образ жизни).
- ¹⁰² СЗРИ 1832. Т. 9. Свод законов о состоянии людей в государстве; *Иванов П.* Обзорение прав и обязанностей российского купечества. М., 1826.
- ¹⁰³ *Нилова О. Е.* О профессиональном сознании московских текстильных фабрикантов в первой четверти XIX в. // *Горский А. А.* (ред.). Русская история: проблема менталитета. М., 1994. С. 117—120; *Вишняков Н. П.* Сведения о купеческом роде Вишняковых. М., 1911. Ч. 3. С. 87—99; [Ушаков А. С.]. Идеи чести в большинстве нашего купеческого общества // [Ушаков А. С.] Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М., 1865. Вып. 1. С. 36—54.
- ¹⁰⁴ *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. С. 85—90, 147, 166—167.
- ¹⁰⁵ *Mironov V. N.* Bureaucratic or Self-Government: The Early Nineteenth Century Russian City // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52, No. 2. P. 251—255.
- ¹⁰⁶ РГИА, ф. 1287 (Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел), оп. 37, д. 7, л. 241, 244. См. также: *Куприянов А. И.* Правовая культура горожан Сибири первой половины XIX в. // *Миненко Н. А.* (ред.). Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII—первой половине XIX века. Новосибирск, 1990. С. 98—99; *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. С. 407—408.
- ¹⁰⁷ *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. С. 378.
- ¹⁰⁸ *Иванов Л. М.* О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // *Иванов Л. М.* (ред.). Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 312—340; *Нифонтов А. С.* Формирование классов буржуазного общества... С. 239—250.
- ¹⁰⁹ *Барышников М. Н.* Политика и предпринимательство в России: (Из истории взаимодействия в начале XX века). СПб., 1997. С. 39—40, 230—232; *Боханов А. Я.* Крупная буржуазия России: Конец XIX в.—1914 г. М., 1992. С. 224, 257; *Елпатьевский А. В.* Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности. С. 36, 45—51, 59—60. См. также: *Иванов П.* Обзорение прав и обязанностей российского купечества. М., 1826; *Блуменбах Е.* Гражданское состояние (сословие) в России, а в частности в Прибалтийских губерниях: Его права и обязанности. Рига, 1899.
- ¹¹⁰ *Owen T. C.* 1) Capitalism and Politics in Russia: A Social History of Moscow Merchants, 1855—1905. New York, Cambridge, England: Cambridge University Press, 1981; 2) Impediments to Bourgeois Consciousness in Russia, 1880—1905: The Estate Structure, Ethnic Diversity, and Economic Regionalism // *Clowes E. W., Kassow S. D., West J. L.* (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 75—93; *Rieber A.* Merchants and Entrepreneurs... P. 416. Советские историки были с этим не согласны: *Разгон В. Н.* Современная американская и английская историография о формировании буржуазии в России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1983; *Рабинович Г. Х., Разгон В. Н.* Российская буржуазия периода империализма в современной американской и английской историографии // ВИ. 1985. № 2. С. 21—32.
- ¹¹¹ *Кизеветтер А. А.* Посадская община России... С. 127—169.
- ¹¹² *Рикман В. Ю.* Почетное гражданство и его генеалогия // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрин. М., 1992. С. 154—156.
- ¹¹³ *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. С. 42, 81.
- ¹¹⁴ *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740—1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 165.
- ¹¹⁵ *Кизеветтер А. А.* Посадская община России... С. 100—102, 112, 162—165.
- ¹¹⁶ *Гайсинович А. И.* Цехи в России в XVIII в. // Изв. АН СССР. 1931. Сер. 7: Отд-ние обществ. наук. № 5. С. 523—568; *Пажитнов К. А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. С. 48—55; *Полянский Ф. Я.* Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960. С. 102—150; *Рафиев Л. С.* К вопросу о возникновении цеховой организации ремесленников Сибири в XVIII в. // *Вилков О. Н.* (ред.). Города Сибири: (эпоха феодализма и капитализма). Но-

- воисибирск. 1978. С. 124—133; *Рабцевич В. В.* О цеховой организации ремесленников Западной Сибири в 80-х гг. XVIII—первой половине XIX в. // Там же. С. 134—142.
- ¹¹⁷ *Пажитнов К. А.* Проблема ремесленных цехов... С. 115, 166.
- ¹¹⁸ БСЭ. 3-е изд. М., 1978. Т. 28. С. 546.
- ¹¹⁹ *Волков М. Я.* Формирование городской буржуазии в России XVII—XVIII вв. // *Шушков В. И.* (ред.). Города феодальной России. М., 1966. С. 178—206; *Голикова Я. Б.* Очерки по истории городов России конца XVII—начала XVIII в. М., 1982. С. 132, 148; *Мельник Л. Г.* К вопросу об имущественном расслоении торгового населения посада Устюга Великого в XVIII в. // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. 1959. № 3. С. 81—100; *Сорина Х. Д.* К вопросу о процессе социального расслоения города в связи с формированием капиталистических отношений в России в XVIII—начале XIX в.: (г. Тверь) // Учен. зап. Калнинского пед. ин-та. 1964. Т. 38. С. 281—300; *Устюгов Н. В.* Научное наследие. М., 1974. С. 169—172.
- ¹²⁰ *Ган И. А.* О настоящем быте мещан Саратовской губернии // *Экономист*. 1861. Т. 4, № 1. С. 1—42; *Баранович М.* Рязанская губерния. С. 142—145; *Литинский*. Симбирская губерния. Ч. 1. С. 262—264.
- ¹²¹ *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х—начале 90-х гг. XIX в. Л., 1984. С. 69, 70—73.
- ¹²² *Williamson J. G., Lindert P. H.* American Inequality: A Macroeconomic History. New York et al.: Academic Press, 1980. P. 281—285.
- ¹²³ *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 140—143; *Голикова Н. Б.* Численность, состав и источники пополнения гостей в конце XVII—первой четверти XVIII в. // *Янин В. Я.* (ред.). Русский город. М., 1986. Вып. 8. С. 83—114; *Попова В. В.* Формирование крупной московской буржуазии в 30-50-х гг. XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; *Миронов Б. Н.* Социальная мобильность российского купечества в XVIII—начале XIX века // *Пуллаат Р. Н.* (ред.). Проблемы исторической демографии в СССР. Таллин, 1977. С. 207—217; *Терентьев М. А.* Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876. С. 195; *Шахеров В. П.* Экономико-правовые аспекты классово-сословной структуры сибирского города в период позднего феодализма // *Хроленок С. Ф.* (ред.). Экономическая политика царизма в Сибири в XIX—начале XX века. Иркутск, 1984. С. 3—14. Пожалуй, только один автор полагает, что «степень преемственности капиталов рядовых торговых людей была чрезвычайно высока»: *Демкин А. В.* К вопросу о преемственности торговых капиталов XVII в. (по материалам г. Торжка) // *Преображенский А. А.* (ред.). Промышленность и торговля в России XVII—XVIII вв. М., 1983. С. 174. Правда, его наблюдение относится к XVII в.
- ¹²⁴ *Боханов А. Н.* Крупная буржуазия России. Конец XIX в.—1914 г. С. 49—51, 68—75, 117—125, 223—224; *Гавлин М. Л.* 1) Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // *Анфимов А. М.* (ред.). Проблемы отечественной истории. М., 1973. С. 166—188; 2) Формирование крупной Российской буржуазии во второй половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974; *Гиндин И. Ф.* Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // ИСССР. 1963. № 2. С. 57—80; № 3. С. 37—60; *Лаверычев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России: 1860—1900. М., 1974. С. 64—65, 74—87; *Мосина И. Г., Рабинович Г. Х.* Буржуазия в Сибири в 1907—1914 гг. // *Рабинович Г. Х.* (ред.). Из истории буржуазии в России. Томск, 1982; *Нифонтов А. С.* Формирование классов буржуазного общества... С. 245; *Рындзюнский П. Г.* Утверждение капитализма в России: 1850—1880 гг. М., 1978. С. 229—261; *Бехтеев С. С.* Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия и меры к хозяйственному подъему. СПб., 1911. Т. 3. С. 126; *Ruckman J. A.* The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840—1905. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1984. P. 202—210.
- ¹²⁵ *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971. С. 59—182.
- ¹²⁶ *Латто-Данилевский А. С.* Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. СПб., 1905. С. 38—39.
- ¹²⁷ *Горский А. Д.* (ред.). Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. С. 299—356; *Литвак Б. Г.* О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // *Поринев Б. Ф., Анциферова Л. Я.* (ред.). История и психология. М., 1971. С. 199—214; *Терещенко А.* Быт русского народа. Ч. 1. Отд. 4 (наряд) и 5 (образ жизни). Что-то похожее на родовую честь существовало в среде крестьян, у которых даже в пореформенное время сохранились понятия «родовитых» и «неродовитых крестьян»: *Зырянов Я. Я.* Крестьянская община Европейской России: 1907—1914 гг. М., 1992. С. 235.
- ¹²⁸ Проект имп. Екатерины II об устройстве свободных сельских обывателей. / Сообщил В. И. Вешняков // Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 447—498.
- ¹²⁹ *Барллетт Р. Я.* Некоторые правовые аспекты взаимоотношений между государством и крестьянством в России во второй половине XVIII в. // *Нерсесянц В.* (ред.). История права: Англия и Россия. М., 1990. С. 126—129; *Дружинин Н. М.* Просвещенный абсолютизм в России // *Дружинин Н. М.* (ред.). Абсолютизм в России: (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 452; *Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 238; *Barillett R. P.* Catherine II's Draft Charter to State Peasantry //

Canadian-American Slavic Studies. 1989. Vol. 23, No. 1. P. 36—57.

¹³⁰ СЗРИ 1832. Т. 9. Свод законов о состоянии людей в государстве.

¹³¹ О формировании крестьянского сословия см.: *Беляев И.* Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 1860; *Дьяконов М. А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве: (XVI—XVII вв.) СПб., 1898; *Ланно-Данилевский А. С.* Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России; *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1,2; *Энгельман И.* История крепостного права в России. М., 1900.

¹³² См., например: Дискуссия о расслоении крестьянства в эпоху позднего феодализма // ИСССР. 1966. № 1. С. 70—81; *Сказкин С. Д.* (ред.). Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма: Материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11—13 мая 1966 г. М., 1969; *Шунков В. И.* (ред.). Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы всесоюзной дискуссии. М., 1969; *Преображенский А. А.* (ред.). История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в.—1861 г.). М., 1993. С. 179—192, 379—403.

¹³³ *Bohac R. D.* Family, Property, and Socioeconomic Mobility: Russian Peasants of Manuilovskoe Estate, 1810—1861. Ph. D. diss. University of Illinois at Urbana-Champaign, 1982; *Cox T.* Peasants, Class, and Capitalism: The Rural Research of L. N. Kritsman and his School. Oxford: Clarendon Press, 1986; *Field D.* The Polarization of Peasant Householders in Prerevolutionary Russia: Zemstvo Censuses and Problems of Measurement // *Agrarian Organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia and North America. Research in Economic History.* 1989. Suppl. 5. P. 477—505; *Melton E.* Proto-Industrialization, Serf Agriculture and Agrarian Social Structure: Two Estates in Nineteenth-Century Russia // *Past and Present.* 1985. No. 115. May. P. 69—107; *Сахаров А. М.* Проблема расслоения русского крестьянства в современной американской историографии // *Крестьянство Центрально-промышленного района: (XVIII—XIX вв.)*. Калинин, 1983. С. 112—119.

¹³⁴ Единственный пример стратификации по доходности дореформенного крестьянства: *Введенский Р. М.* Характер помещичьей эксплуатации и бюджеты оброчных крестьян в 20—40-е годы XIX в. // ИСССР. 1971. № 3. С. 44—57.

¹³⁵ *Кашин В. Н.* Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы. Л., 1934. С. 71—91; *Литвак Б. Г.* О поземельной собственности крепостных // *Новосельский А. А.* (ред.). Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Сб. 5. С. 338—347; *Небольсин А. Н.* О крепостных крестьянах-капиталистах Воронежской губернии // *Изв. Воронежского краеведческого об-ва.* 1927. № 3—5. С. 24—37; *Степанов А. А.* 1) Описи имущества крестьян села Иваново первой половины XIX в. // *Зап. историко-бытового отдела государственного*

Русского музея. 1928. Т. 1. С. 185—194; 2) *Крестьяне- фабриканты Грачевы: к характеристике крестьян-капиталистов второй половины XVIII—начала XIX в.* // Там же. С. 213—252.

¹³⁶ Использование такого гибкого показателя, как доходность на душу населения, позволяет применять более совершенную методику разделения крестьян на однородные группы с помощью коэффициента вариации. Исходные идеи стратификации крестьян по доходу с помощью коэффициента вариации состояли в том, что, во-первых, вариация доходов между хозяйствами, входящими в данную группу, должна быть незначительной, т. е. коэффициент вариации доходов не должен превышать 0,25, во-вторых, вариация доходов в пределах каждой группы крестьян должна быть одинаковой, т. е. в пределах 0,20—0,25. С этой целью сначала выделяется средняя группа крестьян, затем определяется состав остальных групп. Коэффициент вариации вычисляется как отношение стандартного отклонения к средней: *Ковальченко И. Д.* (ред.). Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. С. 96—97; *Floud R.* An Introduction to Quantitative Methods for Historians. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975. P. 82.

¹³⁷ *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1926. С. 79—80.

¹³⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1958. Т. 3. С. 138; *Данилов В. П.* Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации // *ИЗ.* 1956. Т. 55. С. 91; *Хрящева А. И.* Крестьянство в войне и революции // *Вестник статистики.* 1920. Сентябрь—декабрь. С. 3—47.

¹³⁹ Сельскохозяйственный промысел в России. Пг., 1914. Картограмма на с. 34 и текст к ней; *Статистический сборник за 1913—1917 гг.* М., 1921. Вып. 1. С. 184, 192—193.

¹⁴⁰ *Щербина Ф. А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. Ч. 1. С. 227—228.

¹⁴¹ См., например: Бюджеты крестьян Старобельского уезда Харьковской губернии. Харьков, 1915; Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии. Новгород, 1918; *Воробьева Н. И., Макаров Н. П.* Крестьянские бюджеты по Костромской губернии. Кострома, 1924. Вып. 1; Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии 1909—1913 гг. Ч. 3. Вып. 1. Бюджетные исследования крестьянского хозяйства. Пенза, 1923; *Прокопович С. Н.* Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924. Результаты обобщены в моей статье: *Мионов Б. Я.* Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности //

Янин В. Л. (ред.). Проблемы аграрной истории (XIX—30-е годы XX в.). Минск, 1978. Ч. 2. С. 106—115.

¹⁴² Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1906. С. 16—17.

¹⁴³ Löwe H. D. Differentiation in Russian Peasant Society: Causes and Trends, 1880—1905 // Bartlett R. (ed.). Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society. New York: St. Martin's Press, 1990. P. 165—195; Field D. Stratification and the Russian Peasant Commune: A Statistical Inquiry // Ibid. P. 143—164; Фило Д. Об измерении расслоения крестьян в пореформенной российской деревне // Ковальченко И. Д. (ред.). Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М., 1989. С. 47—73.

К такому же выводу пришли многие дореволюционные статистики: Вихляев П. А. Очерки из сельскохозяйственной действительности. СПб., 1901. С. 107; Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. С. 189—200; Челлишев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919. Некоторые отечественные и большинство западных исследователей поддерживают точку зрения об устойчивости крестьянского хозяйства: Анфимов А. М. К вопросу об определении экономических типов земледельческого хозяйства: (конец XIX—начало XX в.) // Анфимов А. М. (ред.). Вопросы сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 362—379; Кондратьев Н. Д. К вопросу о дифференциации деревни // Кондратьев Н. Д. Особое мнение. М., 1993. Т. 2. С. 155—176; Merl St. Socio-economic Differentiation of the Peasantry // Davies R. W. (ed.). From Tsarism to the New Economic Policy. Continuity and Change in the Economy of the USSR. Birmingham: Center for Russian and East European Macmillan Studies, 1990. P. 63—65; Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910—1925. Oxford: The Clarendon Press, 1972. P. 45—80; Wilbur E. M. Peasant Poverty in Theory and Practice: A View from Russia's Impoverished Center' at the End of the Nineteenth Century // Kingston-Mann E., Mixer T. (eds.). Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia: 1800—1921. Princeton, 1991. P. 107—127.

¹⁴⁵ Миронов Б. Н. Социальная мобильность и социальное расслоение в русской деревне XIX—начала XX в. // Сийлиласк К. (ред.). Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1972. С. 156—183; Shanin T. The Awkward Class... P. 71—80.

¹⁴⁶ Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России... С. 38—40.

¹⁴⁷ В главе анализ был ограничен основными гражданскими сословиями. Для интересующихся историей военного сословия:

Beyrau D. Militär und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland. Köln, 1984; Bushnell J. Peasants in Uniform: The Tsarist Army as a Peasant Society // Stearns P. N. (ed.). Expanding the Past: A Reader in Social History. New York, London: New

York University Press, 1988. P. 93—104; Curtiss J. S. The Russian Army under Nicholas I: 1825—1855. Durham, NC: Duke University Press, 1965; Keep J. L. H. Soldiers of the Tsar Army and Society in Russia: 1462—1874. Oxford: Clarendon Press, 1985; Wirtschafter E. K. From Serf to Russian Soldier. Princeton: Princeton University Press, 1990; Педигер А. Ф. Комплектование и устройство вооруженных сил. СПб., 1892.

¹⁴⁸ Тарловская В. П. Торговые крестьяне как категория городского населения: (конец XVII—начало XVIII в.) // Янин В. Л. (ред.). Русский город. М., 1986. С. 155—176.

¹⁴⁹ Вульфсон Г. Н. Понятие «разночинец» в XVIII—первой половине XIX в. // Смыков Ю. И. (ред.). Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Казань, 1967. Вып. 1. С. 107—124; Бушен А. (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 264; Wirtschafter E. K. Structure of Society. Imperial Russia's People of Various Ranks. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1994. P. 145—150.

¹⁵⁰ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России... С. 222; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России... С. 34.

¹⁵¹ Зевакин Е. С. Подьячие поместного приказа начала XVIII в.: (по «скаскам» 1706—1709 гг.) // ИЗ. 1941. Т. 11. С. 280—282 (данные о 278 подьячих).

¹⁵² Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Павленко Н. И. (ред.). Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 147; Троицкий С. М. Русский абсолютизм. С. 22; Волков С. В. Русский офицерский корпус. С. 269—270.

¹⁵³ Глиноецкий Н. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чиновно-производства в русской армии // Военный сборник. 1887. № 4. С. 279.

¹⁵⁴ Волков С. В. Русский офицерский корпус. С. 269—270; Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952. С. 28—29; Ильишев И. Некоторые статистические данные о корпусе офицеров нашей армии // Военный сборник. 1863. № 11. С. 241—242; Исторический очерк деятельности Военного управления в России. СПб., 1879. Т. 1. Приложение 20; Т. 2. Приложение 57; РГИА, ф. 1283 (Особое совещание по делам дворянского сословия), оп. 1, 1-е делопроизводство, д. 222, л. 24—28.

¹⁵⁵ Ден В. Э. Податные элементы среди духовенства России в XVIII веке // Изв. Российской Академии наук. Сер. 6. 1918. № 5. С. 267—292; № 6. С. 413—444; № 7. С. 679—708; № 13. С. 1357—1379; № 14. С. 1517—1548.

¹⁵⁶ Freeze G. L. The Russian Levities. P. 40.

- ¹⁴⁵ Столетие Военного министерства. СПб., 1904. Т. 4, ч. 2. Кн. 1. Отд. 1. Приложение 5.
- ¹⁴⁶ Brower D. R. Fathers, Sons, and Grandfathers: Social Origins of Radical Intellectuals in Nineteenth-century Russia // *Journal of Social History* (Great Britain). 1969. Vol. 2, No. 4. P. 333—355.
- ¹⁴⁷ Булгакова Л. А. Интеллигенция в России во второй четверти XIX века: Состав, правовое и материальное положение: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 24, 53, 56, 103, 165; Лейкина-Свирская В. Р. Формирование разночинской интеллигенции в России в 40-х годах XIX в. // ИСССР. 1958. № 1. С. 83—104.
- ¹⁴⁸ Павленко Н. И. Одрорянивание русской буржуазии в XVIII в. // ИСССР. 1961. № 2. С. 71—81; Чулков Н. Московское купечество XVIII и XIX вв.: Генеалогические заметки // Рус. архив. 1907. Кн. 3, № 12. С. 489—502; Щербатов М. М. Размышления об ущербе торговле, происходящем выхождением великого числа купцов в дворяне и офицеры // Щербатов М. М. Соч. СПб., 1896. Т. 1. Стб. 624—625; Пнин И. П. Опыт о просвещении относительно России. СПб., 1804. С. 72.
- ¹⁴⁹ Миронов Б. Я. Русский город... С. 151—161.
- ¹⁵⁰ Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII века. М., 1983. С. 111—127; Коцевский А. С. Роль беглых крестьян в формировании населения городов Южной Украины и Бессарабии во второй половине XVIII—первой половине XIX в. // Колесников А. Д. (ред.). Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1982. Вып. 2. С. 55—60.
- ¹⁵¹ Подсчитано по данным: Бескровный Л. Г. 1) Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 23—37, 294—297; 2) Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 71—86; Столетие Военного министерства. 1802—1902. СПб., 1902—1914. Т. 4, ч. 1. Кн. 1. Отд. 1, 2; Т. 4, ч. 2. Кн. 1. Отд. 2; Т. 4, ч. 3. Кн. 1. Отд. 2.
- ¹⁵² Миронов Б. Я. Русский город... С. 170—177.
- ¹⁵³ Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена. С. 18—19.
- ¹⁵⁴ Корелин А. Я. Дворянство в пореформенной России... С. 25, 28.
- ¹⁵⁵ Волков С. В. Русский офицерский корпус. С. 269.
- ¹⁵⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1903—1904 годы. С. 112—113.
- ¹⁵⁷ Freeze G. L. The Parish Clergy... P. 385.
- ¹⁵⁸ Дубенцов Б. Б. Самодержавие и чиновничество в 1881—1904 гг.: (Политика царского правительства в области государственной службы): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977. С. 63; Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий: 1881—1903 гг. М., 1973. С. 204—205; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. С. 94; Волков С. В. Русский офицерский корпус. С. 268—272, 352.
- ¹⁵⁹ Подсчитано по данным: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат... С. 106—178.
- ¹⁶⁰ Филд Д. Социальные представления в дореволюционной России. С. 70, 78.
- ¹⁶¹ Боханов А. Н. Крупная буржуазия России... С. 257—261; Balzer Я. The Problem of Professions in Imperial Russia // Clowes E. W., Kassov S. D., West J. L. (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 183—198; Balzer H. D. (ed.). Russia's Missing Middle Class: The Profession in Russian History. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1996. P. 3—38, 293—319; Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution: 1856—1905. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981; Kassov S. D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1989; Ruane Ch. Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers: 1860—1914. Pittsburgh, Penn: University of Pittsburgh Press, 1994. P. 185—198; Seregny S. J. Russian Teachers and Peasant Revolution: The Politics of Revolution in 1905. Bloomington: Indiana University Press, 1989 и др.
- ¹⁶² Williamson J. G., Lindert P. H. American Inequality... P. 281—285.
- ¹⁶³ О слабости среднего класса в России и причинах этого см.: Monas S. The Twilight Middle Class of Nineteenth-Century Russia // Clowes E. W., Kassov S. D., West J. L. (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 28—40; Timberlake Ch. E. The Middle Classes in Late Tsarist Russia // Bush M. L. (ed.). Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification. London; New York: Longman, 1992. P. 86—113.
- ¹⁶⁴ Министерство внутренних дел: Выборы в Государственную думу третьего созыва. Статистический отчет Особого делопроизводства. СПб., 1911. С. VII—X.
- ¹⁶⁵ По подсчету В. С. Дякина [Ананьич Б. В. (ред.). Власть и реформы... С. 561—562], средний класс, к которому он относит лиц, получивших избирательные права, в 1907 г. насчитывал всего 180 тыс. человек. Но с этим вряд ли можно согласиться, так как безо всякого обоснования из числа ценовых граждан было исключено 276 тыс. человек, получивших избирательное право по избирательным спискам предварительных съездов, и 832.3 тыс. человек, получивших избирательное право по спискам вторых съездов городских обывателей, — всего 1108.3 тыс. человек, среди которых было 52.9% владельцев недвижимого имущества, 10.5% — владельцев торгово-промышленных предприятий, 5.3% — плательщиков промыслового налога, 13.5% — получавших значительное жалование на государственной и частной службе, 11.3% — плательщиков квартирного налога, который взимался со съемщиков дорогих

квартир, 2.8% — настоятелей церквей и 3.7% — других лиц (Министерство внутренних дел: Выборы в Государственную думу третьего созыва. С. VII—X). В другой своей работе Дякин тех, кого он считал средним классом, отнес к имущим верхам, что представляется более правильным: Дякин В. С. Структура имущих верхов России в конце XIX—начале XX в.: К постановке вопроса // Шенелев Л. Е. (ред.). Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С. 127—148. В наш расчет численности среднего класса не вошли 490 тыс. крестьян-дворянохозяев (в 45 губерниях), имевших в собственности землю, так как по условиям избирательного закона они не образовывали особого разряда избирателей и не входили в состав землевладельцев. По определению, средний класс включает мелкую буржуазию, а крестьяне-собственники как раз и являлись мелкой сельской буржуазией. При включении крестьян-собственников доля среднего класса в населении возрастет на 2.2% и составит 7.7% в 1907 г. Подробнее см.: Миронов Б. Н. Опора, буфер и гарант // Родина. 2001. № 4. С. 45—51.

Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1905. С. 90—91. По оценке Министерства финансов, «интеллигентная», т. е. богатая, семья расходовала в год около 6 тыс. р., что в 23 раза превышало среднюю годовую зарплату промышленного рабочего: Струмилин С. Г. Избр. произведения: В 5 т. М., 1964. Т. 3. С. 324; Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России: (конец XIX—начало XX в.). М., 1979. С. 108—132. Средний заработок российского интеллигента с высшим образованием в 1913 г. составлял 1058 р. Именно 1 тыс. р. Министерство финансов принимало за минимум, свободный от обложения подоходным налогом. Лиц с доходом свыше 1 тыс. р. в империи в 1905—1906 гг. насчитывалось около 405 тыс.: Опыт приблизительного исчисления народного дохода. С. 91.

¹⁷⁹ Нардова В. А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX—начале XX века. СПб., 1994. С. 35—41.

¹⁸⁰ Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. С. 28.

¹⁸¹ Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 1994. С. 161.

¹⁸² Зиновьев К. Россия накануне революции. London, 1983. С. 47.

¹⁸³ Злобина И. В., Пихоя Р. Г. Семья на Урале в XVIII — первой половине XIX в. // Черкасова А. С. (ред.). Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 139—140. См. также: Семенова Л. Я. К истории генеалогии мастеровых Петербурга в XVIII—начале XIX в. // Павленко Н. И. (ред.). История и генеалогия. М., 1977. С. 237—265.

¹⁸⁴ Бескровный Л. Г., Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Миграции населения в России в XVII—начале XX в. // Колесников А. Д. (ред.). Проблемы исторической демографии СССР. Томск 1982. Вып. 2. С. 26—32.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Pintner W. M. Civil Officialdom and the Nobility in the 1850s // Pintner W. M., Rowney D. K. (eds.). Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. P. 237.

¹⁸⁷ Писарькова Л. Ф. От Петра I до Николая I: Политика правительства в области формирования бюрократии // ОИ. 1996. № 4. С. 29—43.

¹⁸⁸ Haimson L. H. The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // Slavic Review. 1988. Vol. 47, No. 1. P. 1—20; Gleason A. The Terms of Russian Social History // Clowes E. W., Kassow S. D., West J. L. (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 27.

¹⁸⁹ Rieber A. J. The Sedimentary Society // Clowes E. W., Kassow S. D., West J. L. (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 343—366; Kassow S. D. Russia's Unrealized Civic Society // Ibid. P. 367—372; Kappeler A. Россия — многонациональная империя. М., 1996. С. 201, 263—268; Kappeler A. Some Remarks on Russian National Identities (Sixteenth to Nineteenth Centuries // Ethnic Studies. 1993. Vol. 10. P. 147—155.

ГЛАВА III

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И НАЧАЛО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Цель данной главы состоит в том, чтобы выяснить, какая модель демографического поведения господствовала в России в течение XVIII—начала XX в., когда начался переход от так называемой восточноевропейской к западноевропейской модели брачности и от традиционной к современной модели воспроизводства населения, кто был пионером в регулировании рождаемости среди сословий и кто — среди регионов. Сведения о демографических процессах среди населения, принадлежавшего к иным, чем православие, вероисповеданиям, начали централизованно собираться лишь с 1840-х гг. Поэтому анализ до середины XIX в. будет ограничен православным населением, доля которого во всем населении страны составляла в 1858 г. 85%, в 1897 г. — 84%.¹

Источниками служат данные переписей-ревизий, проводившихся 10 раз в течение 1719—1857 гг., церковного метрического учета (регистрация браков, рождений и смертей) и исповедального учета (регистрация посещения исповеди), начавшегося в 1720-е гг., административно-полицейской демографической статистики и первой и единственной настоящей переписи населения, произведенной в 1897 г. В некоторых отношениях ревизский учет был несовершенен: он охватывал преимущественно налогоплательшее, или податное, население, не разделял городское и сельское население, часто не учитывал женщин, не отличался очень высокой точностью. Его итоговые данные применительно ко всей России опубликованы лишь частично — численность населения мужского пола по податным сословиям.²

Данные метрического учета, как показал их источниковедческий анализ,³ до 1830-х гг. имели низкую точность, главным образом по той причине, что священники, составлявшие метрические ведомости, плохо учитывали женский пол и младенцев, умерших в возрасте до 1 года, а на их долю приходилось до трети всех родившихся и до 40% всех умерших за год. После поправок на недоучет младенцев и лиц женского пола (как среди родившихся, так и среди умерших) данные метрического учета дают более или менее правдоподобную информацию о рождаемости и смертности, правда относящуюся только к населению православного вероисповедания. Что касается брачности, то метрический учет был более или менее точен, так как брачной церемонии предшествовало специальное изучение степени родства и свойства⁴ вступающих в брак, а факт венчания, произведенного священником, утверждался духовными властями в консистории. Следует иметь в виду, что, несмотря на поправки, данные о численности населения, а также брачности, рождаемости и смертности в XVIII—первой половине XIX в. далеки от совершенства, они позволяют выявить лишь основные тенденции в демографическом развитии.

Абсолютные значения общих коэффициентов брачности, рождаемости и смертности по Европейской России в течение XVIII—начала XX в. существенно колебались в отдельные годы, но вместе с тем обнаружили небольшую тенденцию к снижению (табл. III. 1). В действительности, как мы увидим

далее, эта тенденция была выражена более отчетливо, но она скрывалась вследствие улучшения качества демографического учета, которое способствовало увеличению абсолютного значения демографических показателей. Две тенденции — уменьшение коэффициентов и улучшение качества учета — нивелировали друг друга, и в результате истинная картина несколько искажалась.

Т а б л и ц а III.1

Общие коэффициенты брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста православного населения в Европейской России в XVIII—начале XX в.
(число демографических событий на тысячу человек населения)

	XVIII в.	1801—1860 гг.	1909—1913 гг.*
Все население:			
брачность	9.9	10.2	8.2
рождаемость	51	50	47
смертность	37	36	31
естественный прирост	14	14	16
Городское население:			
брачность	11.7	10.6	6.7
рождаемость	60.0	55.0	36.0
смертность	51.0	49.0	27.0
естественный прирост	9.0	6.0	9.0
Сельское население:			
брачность	9.7	10.1	8.4
рождаемость	50.0	50.0	49.0
смертность	36.0	35.0	32.0
естественный прирост	14.0	15.0	17.0

* Население всех конфессий.

И с т о ч н и к и : Миронов Б. Н. Русский город... Приложение.

Табл. 2. С. 259—260; Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. СПб., 1916.

Особенно заметное улучшение учета произошло после первой всеобщей переписи населения 1897 г., когда впервые были получены близкие к действительности данные о численности населения, его возрастной, половой, конфессиональной структуре и многие другие демографические характеристики. Проиллюстрируем сказанное одним примером. Согласно результатам, полученным на основе переписи населения, в 1896—1897 гг. общий коэффициент брачности на тысячу человек сельского населения Европейской России составил 9, рождаемости — 51.9, смертности — 32.9, а согласно данным весьма авторитетной Комиссии по исследованию вопроса о движении благосостояния сельского населения, полученным на основании сведений, которыми располагала администрация до проведения переписи, в 1896—1900 гг. коэффициенты составили соответственно 9, 49 и 31.⁵ Как видим, брачность по двум источникам совпала, а рождаемость и смертность по данным переписи оказались на 3 и 2 пункта, или на 6%, выше.

Изменения в демографических показателях до середины XIX в., несмотря на повышение качества демографического учета, были незначительными. Это свидетельствует о том, что **за 150-летний период ни городское, ни сельское население не испытывало в своем воспроизводстве серьезных перемен.** Об этом же говорит и стабильная возрастная структура населения — верный признак того, что основные демографические характеристики населения существенно не изменялись в XVIII—первой половине XIX в.⁶ Сделанный вывод для нас очень важен не только в содержательном, но и в источниковедческом отношении. Дело в том, что для периода до середины XIX в. мы

располагаем ограниченным набором демографических характеристик, относящихся ко всему населению (это динамика общей численности населения, общие коэффициенты брачности, рождаемости и смертности), но почти всеобъемлющим комплексом данных, относящихся к отдельным уездам и губерниям в 1830—1850-е гг. Если воспроизводство православного населения в течение 150 лет в целом отличалось стабильностью и не имело значительных региональных различий, значит, анализ данных за 1830—1850-е гг., касающихся отдельных местностей, может дать более или менее адекватное представление о воспроизводстве населения во всей России за период с начала XVIII до середины XIX в. За вторую половину XIX—начало XX в. корпус даже опубликованных данных позволяет получить надежную картину изменений в демографических процессах. Последняя оговорка касается дворянства и отчасти духовенства. Эти сословия, будучи малочисленными и освобожденными от государственных налогов, не учитывались ревизиями, а в метрических ведомостях объединялись с другими сословиями, поэтому мы имеем о них меньше всего информации.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Модель демографического поведения православных людей, которая оказывала решающее воздействие на воспроизводство населения в России, определялась крестьянством. Его доля среди жителей страны составляла в начале XVIII в. около 90%, в 1860 г. — 83%, в 1913 г. — 80%. Девять десятых крестьян жили в деревнях и занимались сельским хозяйством. Например, в 1897 г. 74% населения было занято сельскохозяйственным промыслом в качестве единственного или главного.⁷ На долю городского населения страны в 1914 г. приходилось всего 15%, а среди горожан в 1897 г. насчитывалось 44% крестьян по сословной принадлежности,⁸ большинство остальных было крестьянского происхождения. Чем дальше в прошлое мы уходим от 1914г., тем более крестьянским становится население России. В XVIII в. даже большинство городов России были аграрными, их население занималось преимущественно сельским хозяйством и по своему частному и общественному быту мало отличалось от крестьянства.

Модель демографического поведения крестьянства, действовавшая в XVIII—XIX вв., в основных чертах сложилась к концу XVII в. До XVIII в. она являлась единой для всех сословий, а на протяжении XVIII—XIX вв. претерпела некоторые изменения (для дворянства и образованных слоев населения — в большей степени, для мещан, купцов и особенно крестьян — в меньшей), но в основных чертах сохранилась и — самое главное — оставалась основной и референтной для подавляющего большинства населения. Это можно считать совершенно естественным, поскольку большая часть представителей других сословий, исключая дворянство, происходила из крестьян. Поэтому мне кажется целесообразным вначале рассмотреть эту базовую модель демографического поведения и лишь затем обратиться к анализу демографических процессов по статистическим сведениям, чтобы проверить, насколько правильно мы ее установили, уточнить временные рамки действия модели и выявить изменения, которые она испытала в течение двух столетий.

Демографическое поведение русского крестьянина XVIII—начала XX в. обуславливалось главным образом его воззрениями на брак, семью, детей. Эти взгляды своим происхождением и бытованием обязаны комплексу социально-экономических факторов, в ряду которых невозможность существования крестьянского хозяйства вне семейной формы, высокая смертность, не обеспеченная государством и слабо обеспеченная сельской общи-

ной старость были важнейшими. Представления о ценности семьи и детей, о священности и нерасторжимости брака нашли свое воплощение в нормах обычного права и крестьянской этики, которая в принципе совпадала с христианской православной этикой. Несоблюдение обычая и этических норм ставило крестьянина вне общины и по существу вне общества, потому что для подавляющего большинства крестьян до самого конца императорского режима община была его микрокосмом, где проходила вся его жизнь от рождения до могилы.

Брачные и семейные отношения в деревне имели не только интимный, но и публичный характер. В свадьбе участвовала почти вся деревня, девственность невесты публично удостоверялась — предьявлялась рубашка новобрачной или вывешивалась простыня новобрачных на заборе дома,⁹ раздел имущества, неподчинение детей родителям и важные семейные конфликты разбирались на общинных сходах, в последний путь провожали все односельчане. Публичность всех межличностных отношений на селе имела следствием подчиненность крестьянина четким нормам демографического поведения. Стоит подчеркнуть, что эти нормы освящались церковью, к началу XVIII в. они превратились уже в традицию, а традиции, тем более поддерживаемые православной верой, крестьянин привык уважать.

Каково же было содержание норм демографического поведения, в какой мере эти нормы находили воплощение в реальном поведении основной части населения России?

С точки зрения русского земледельца XVIII—начала XX в., брак — важнейшее условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса. Вступление же в брак — моральный долг.¹⁰ До брака крестьянский парень, хотя ему было и за 20 лет, никем в деревне всерьез не воспринимался. Он — «малый». Уже само название статуса неженатого молодого мужчины говорит об ущемленности его прав и неполноценности. И действительно, «малый» находился в полном подчинении старших, не имел голоса в семье, не участвовал в сельском сходе. Ему не доверялись некоторые сельскохозяйственные работы, например посев, который ассоциировался с оплодотворением, покидать деревню он мог лишь под присмотром взрослых. Только после брака «малый» становился настоящим «мужиком», т. е. приобретал права и обязанности полноценного члена семьи и общины. Неженатые мужчины вызывали подозрительное и презрительное отношение окружающих. Их называли обидными прозвищами, например «вековушами» по аналогии со старыми девами, что означало пожилой, засиделый, обойденный невестами парень. Люди вслух, в их присутствии бесцеремонно выражали свои догадки об их физическом уродстве как причине внебрачного состояния. Словом, холостое состояние рассматривалось как своего рода безнравственное поведение.¹¹ «Холостой, что бешеный. Холостой — полчеловека», — говорила русская пословица.¹² Считалось, что не женятся только физические и нравственные уроды, парни плохого рода, разорившихся семей или прослывшие «непутящими», «забубенными головами», т. е. распутными, буйными и беззаботными людьми, которые забыли страх Божий и наставление родителей.

Невеселая судьба ожидала и незамужнюю женщину. Недаром говорились: «Без мужа жена — всегда сирота». По крестьянским понятиям, женщина без мужа не имела самостоятельной ценности: «Птица крыльями сильна, жена мужем красна». После смерти родителей она была обречена на бедность или нищенство, выходом для нее могло служить пострижение в монастырь. Пословица «Жизнь без мужа — поганая лужа» отражала мироощущение крестьянки, по несчастливому стечению обстоятельств оказавшейся без семьи. Женщина девичеству всегда предпочитала самую плохую партию.

Взгляды крестьян на брак в значительной мере определялись экономическими и правовыми условиями их жизни. Прежде всего неженатый крес-

стьянин не мог получить полный земельный надел — главный источник средств существования — от помещика, администрации или общины. (Напомню, что до отмены крепостного права крестьяне вообще не были собственниками земли, с 1860-х гг. земля перешла в великорусских губерниях в собственность общины, а в украинских и белорусских — в индивидуальную собственность; только после 1907 г. русский крестьянин мог выйти из общины и закрепить землю за собой в собственность.) Между тем только получение земли и связанное с этим вхождение крестьянина в состав налогоплательщиков давало ему личные права — взрослый, но холостой мужчина находился в неопределенном положении. Важным было и то, что крестьянское хозяйство могло нормально существовать при наличии в нем и женских, и мужских рук, так как оно покоилось на половозрастном разделении труда. По воззрениям крестьян, мужчина не должен был делать женской работы, а женщина — мужской. Приготовление пищи, уход за скотиной, воспитание детей, бытовое обслуживание семьи, включая обеспечение всех ее членов домотканой одеждой, считалось делом женских рук. Полевая же работа, за исключением жатвы, заготовка дров, уход за постройками и т. п. лежали на мужских плечах. Только вместе крестьянин и крестьянка могли вести полноценное хозяйство, способное удовлетворять потребности семьи.

Понимание крестьянами брака как морального долга обуславливалось также их религиозными воззрениями. «Отношения полов, — учила церковь, — святы и чисты только в таинстве брака. <...> Те, кто волею Божьей принимают решение никогда не вступать в брак, должны воздерживаться от всяких интимных отношений, потому что это было бы изменой Богу. <...> Бог сотворил мужчину и женщину, чтобы они в браке соединили свои жизни как „плоть едина“».¹³ В соответствии с этими наставлениями церкви жизнь без семьи рассматривалась как отклонение от предначертаний Господних либо по причине несчастья, либо вследствие безнравственности. Напротив, женитьба, рождение и воспитание детей рассматривались как исполнение божественных указаний. В силу этого обряд венчания занимал особенное место в жизни крестьян и назывался ими «судом Божьим». «Обряд венчания, — заметил этнограф конца XIX в., — одно из самых великих таинств для крестьянина. Он не только уважает его, но и благоговейно готовится к нему, со страхом встречает. Тут Бог благословляет человека на новую жизнь, решает для него счастье или несчастье. Был жених добрый, невеста честная — присудит Господь толику счастья в брачной жизни, нет — не пошлет Господь и радости. Момент таинства поэтому — самый крупный и страшный в жизни — момент исполнения предначертания Божьего. Отсюда и название таинства судом Божьим».¹⁴

Итак, экономическая и моральная необходимость заставляла крестьян жениться при первом благоприятном случае, делала безбрачие почти невозможным в их глазах.

При заключении брака материальные расчеты имели очень большое значение, что позволило многим наблюдателям крестьянской жизни считать брак хозяйственной сделкой и отрицать какое-либо значение взаимной склонности, эмоций и наличия нематериальных соображений у жениха и невесты.¹⁵ Эта точка зрения утрирует положение дел. Конечно, браки устраивались родителями, и они всегда принимали в расчет прежде всего статус и престиж семей, из которых происходили новобрачные, затем личные качества невесты и жениха и лишь в последнюю очередь — их взаимные склонности. Напомню, что по русскому обычаю новобрачные не устраивали отдельного самостоятельного хозяйства, новая семья становилась частью уже существующей семьи отца жениха, в его дом переходила невеста на жительство. Вряд ли правильно считать желание родителей жениха иметь в доме работающую, здоровую, скромную, с хорошим характером, красивую женщину из хорошей семьи, так же как и желание родителей невесты отдать дочь

замуж за трудолюбивого, трезвого, здорового мужчину, хорошего рода, с честным хорошим именем на селе, которому не угрожает отдача в военную службу,¹⁶ исключительно материальными соображениями. Этот расчет включал психологические, эстетические, престижные соображения, поэтому брак не являлся хозяйственной сделкой.¹⁷ Случалось, что желания родителей и новобрачных совпадали, бывало и наоборот, но чаще всего молодые не испытывали друг к другу ни ярко выраженной симпатии, ни антипатии. Необходимо принять во внимание, что, хотя на протяжении всего изучаемого периода решающая роль в устройстве брака принадлежала родителям и они неизменно руководствовались одними и теми же вышеуказанными соображениями, желание новобрачных все более принималось в расчет. Это было следствием того, что, во-первых, возраст вступления в брак со временем повышался. Когда в начале XVIII в. сочетали браком девочку 12—14 лет и мальчика 13—15 лет, их симпатии родители могли игнорировать, а когда во второй половине XIX в. супругами становились молодые женщина и мужчина в возрасте 21 и 24 лет, совсем не учитывать их мнение было уже невозможно. Во-вторых, в молодых крестьянах понемногу развивались автономность, чувство собственной индивидуальности, вследствие чего к концу XIX в. они стали более упорно, чем их сверстники в XVIII—первой половине XIX в., настаивать на принятии во внимание их склонностей.¹⁸

Наконец, следует иметь в виду религиозные воззрения крестьян. Брак по страсти не являлся богоугодным делом, он содержал в себе, согласно их представлениям, что-то греховное, ибо цель брака состоит не в получении плотских радостей, а в устройстве семьи, рождении и воспитании детей. Страсти греховны и мешают устройству совместной жизни мужчины и женщины на правильных основаниях, т. е. таким образом, чтобы брак, по словам Иоанна Златоуста, превратил дом в «малую церковь», где Божья благодать существует для спасения и жизни человека.¹⁹ В отличие от современного человека крестьяне полагали, что не страсть, а необходимость оправдывает и одновременно облагораживает брак. Известный этнограф А. Ефименко заметила: «Выходить замуж по любви считается для девушки постыдным».²⁰

Согласно крестьянским представлениям, в брак необходимо было вступать в молодом возрасте. В XVII—первой половине XVIII в. считалось, что, чем раньше поженить молодых, тем лучше. Впоследствии точка зрения на то, какой возраст является наилучшим, изменялась. Если в начале XVIII в. оптимальным возрастом считались 16—18 лет для девушки и 18—20 для юноши, то во второй половине XIX в. — соответственно 20—22 и 23—25. На девушку старше идеального возраста смотрели как на засидевшуюся невесту, а на мужчину — как на старого холостяка. Оптимальный возраст до некоторой степени определялся духовными и светскими законами, но главную роль играли все же условия крестьянской жизни. Прежде всего отметим, что отсутствие необходимости для новобрачных устраивать собственное хозяйство создавало реальную возможность ранних браков. Родители жениха хотели взять в дом работницу помоложе и поздоровее, а поскольку разница в возрасте жениха и невесты была величиной достаточно фиксированной, то и сына приходилось женить раньше. Психологические соображения родителей также играли в этом важную роль. Патриархальная крестьянская семья строилась на строгом подчинении младших старшим, женщин — мужчинам. Чем дети были моложе, тем родители могли с большим успехом употребить свою власть над ними. Р. Я. Внуков — крестьянин, ставший этнографом, четко зафиксировал подобные мотивы: «Женить стараются помоложе — пока половой инстинкт заглушает в парне все остальные соображения, пока воля послабей, чтобы не женился по собственному желанию да не выбрал негодной жены. „Жени помоложе, пока послушен, а уматерееет — не уженишь“ — житейская мудрость стариков. Невесту хотя и взять помоложе,

попослушной. Полудетский характер, слабый организм, неумение работать — хорошее ручательство послушания невестки. Когда войдет в года невестка, окрепнет, задавят дети, поневоле смирится».²¹ Сразу после свадьбы невеста переходила в дом жениха, т. е. в другую семью, со своим укладом жизни; очень часто между молодой женой и родственниками, особенно свекровью, возникали трения. Поэтому крестьяне справедливо считали, что, чем моложе невеста, тем легче пройдет ее адаптация к новым условиям. Тяжелая крестьянская работа старила и истощала женщину; она рано теряла свою привлекательность и частично здоровье, а эстетические и практические соображения, как указывалось, играли важную роль при заключении брака. Жених хотел скорее стать полноправным «мужиком», невеста боялась засидеться в девках, ее родители страшились, что девушка до замужества может забеременеть, и тогда возможность замужества крайне затруднялась, если не исключалась, а на семью и род ложился страшный позор. Родители новобрачных хотели видеть внуков, чтобы быть уверенными, что их род не прервется, — этому придавалось большое значение. При высокой смертности только ранние браки могли это гарантировать. Ранние браки являлись способом дать легальный выход гиперсексуальности молодежи. И старики по-своему были правы: в деревнях, в которых под влиянием отходничества браки заключались в более старшем возрасте, было намного больше женщин с внебрачными детьми, с разбитой на этом основании судьбой.²²

Как видим, у крестьян имелось много соображений для ранних браков. Поэтому когда средний возраст вступления в брак в середине XIX в. приблизился к продолжительности одного поколения — 22—25 лет, то дальнейшее «старение» первых браков прекратилось.

Идеальная, с точки зрения крестьян, разница между возрастом жениха и невесты составляла 2—3 года. Девушка считала для себя бесчестьем выйти замуж за «старика» — мужчину старше ее более чем на 2—3 года. Это определялось высокой смертностью мужчин (средняя продолжительность жизни мужчин была примерно на 2—3 года меньше, чем женщин), их ранним старением от тяжелого труда и страхом женщины остаться вдовой, да еще с детьми. И это было резонно. При увеличении разницы в возрасте с 0 до 10 лет вероятность овдоветь к 40—50 годам увеличивалась почти вдвое.

Существенным препятствием к браку служило, пожалуй, только родство или свойство между желающими вступить в брак. По правилам православной церкви запрещались браки по кровному родству и свойству между одним супругом и родственниками другого до 7-й степени, между родственниками одного и другого — до 5-й степени и т. д. Точное соблюдение этих правил ставило трудности при вступлении в брак. Под влиянием требований жизни Синод после долгих колебаний принял в 1810 г. достаточно либеральный закон о браках, который понизил требования к родству на три степени. Например, браки по кровному родству и свойству между одним супругом и родственниками другого запрещались только до 4-й степени. Католическая церковь была либеральнее православной, а протестантская — либеральнее католической: у протестантов запрещались браки только между родственниками по прямой линии. Ограничения родственных отношений между вступающими в брак, которые соблюдались православным населением, практически исключали возможность существования кровного родства между будущими супругами и обеспечивали низкую степень кровного родства в популяции в целом. Это имело огромное значение для воспроизводства физиологически и психологически здорового поколения. По подсчетам некоторых исследователей, среди крестьян в конце XIX—XX в. некоторая степень кровного родства наблюдалась всего у 2—6 человек из тысячи. Таким образом, опыт поколений диктовал как соблюдение равенства в возрасте, так и недопустимость родственных отношений между супругами.²³

Если брак крестьяне считали богоугодным делом и полагали, что брачные узы неразрывны, то на развод они смотрели отрицательно. Но и здесь взгляды в течение XVIII—XIX вв. изменились. В начале XVIII в. народная этика допускала разводы и вторые браки при наличии многих оснований. Но постепенно под влиянием церкви число таких оснований сократилось до пяти: прелюбодеяние; неизвестное длительное отсутствие, ссылка или тюремное заключение; пострижение в монашество; близкое родство; вступление одного из супругов в отсутствие другого в новый брак.²⁴ Это совпадало с другой тенденцией: со временем идея священности и вечности (считалось, что и на том свете, в стране праведников, муж соединится со своей первой женой) брака все более укоренялась в сознании крестьян. В результате во второй половине XIX в. развод стал рассматриваться крестьянами как тягчайший грех, хотя и в XVIII в. первый брак, как правило, был единственным, если только он не прерывался ранней смертью одного из супругов.

Вдовство, особенно для женщин, крестьяне рассматривали как Божье наказание, огромное несчастье. Имеется много русских пословиц на этот счет: «Лучше семь раз гореть, чем раз овдоветь»; «В девках приторно, замужем натужно, а во вдовьей чреде (положении. — Б. М.), что по горло в воде»; «Вдовье дело горькое. Нет причитания супротив вдовьего (вдовий плач — самый горький. — Б. М.)». И вдовец, и вдова — «круглые сироты», которые нуждаются в помощи и защите. Поэтому второй брак не осуждался. Однако крестьяне относились к нему с некоторым подозрением из-за страха, что и он окажется недолговечным: один раз Бог покарал, покарает и второй. Третий же брак крестьянами порицался, поскольку считалось, что, вступая в третий брак, человек стремится изменить свою судьбу, явно идет наперекор Божьей воле оставить его одиноким. Крестьяне говорили: «Первая жена от Бога, вторая — от человека, третья — от черта». В этом пункте крестьянское мировоззрение вступало даже в противоречие с православной нормой, допускающей третий брак как последний. Девушка неохотно вступала в брак с вдовцом, так как боялась на том свете остаться одинокой, ибо ее муж там соединится с первой женой. Вдову неохотно брали замуж. Естественно, чаще всего вдовцы вступали в брак друг с другом. Согласно крестьянским представлениям, вступление в брак пожилых (например, для мужчины — в возрасте старше 60 лет, для женщины — старше 50 лет) считалось неприличным, «ибо брак от Бога установлен ради умножения рода человеческого», что находилось в противоречии с законом, который допускал брак до 80 лет.

Моральным оправданием брачной жизни служили дети — без них брак терял богоугодность. «У кого детей нет — во грехе живет», — говорила пословица. Многодетность освящалась церковью, прерывание беременности и вообще уклонение от рождения детей считалось и церковью, и крестьянами грехом. Имелись и экономические соображения, способствовавшие многодетности. Без взрослых сыновей хозяйство не имело шансов стать зажиточным, только большая семья, полагали крестьяне, могла рассчитывать на благосостояние. Без детей крестьянина в старости ожидала нужда, потому что после 60 лет у него забирались земля, по крайней мере частично, для нового поколения. Согласно этическим и правовым нормам, сын должен был материально содержать престарелых, немощных родителей, а дочь ухаживать за ними и оказывать моральную поддержку. Так в действительности и было. Уклонявшихся от этой обязанности детей община, крестьянский суд, а до отмены крепостного права помещики и администрация принуждали к выполнению своего долга перед родителями. Без детей старики могли рассчитывать только на помощь общины и родственников, но ее хватало ровно настолько, чтобы не умереть с голоду. Поэтому именно дети служили для крестьян как бы страховым полисом, который обеспечивал их в старости. «Корми сына до поры: придет пора — сын тебя прокормит». При отсутствии

сыновей допускалось усыновление, а если все дети были дочерьми, — принятие в семью зятьев. Усыновление проходило по приговору общины и в этом случае освобождало семью от воинской повинности. Приемные дети рассматривались как родные и не подвергались никакой дискриминации. Крестьяне говорили: «Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил».

Сколько же детей крестьяне считали необходимым иметь, чтобы обеспечить старость? Как минимум три сына: «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын». Почему именно три сына? «Первый сын — Богу, второй — царю, третий — себе на пропитание». Пословица имела в виду, что первый сын, скорее всего, умрет в младенчестве, второй пойдет служить в армию (до 1874 г. призыв на службу навсегда отрывал крестьянина от дома), в старости рассчитывать можно лишь на третьего сына. При равновероятном шансе рождения сына и дочери, чтобы иметь троих сыновей, нужно родить шестерых детей. Счет на сыновей велся потому, что «дочь — чужое сокровище: холь (ухаживай.—*Б. М.*) да корми, учи да стереги (от греха, т. е. внебрачной связи. — *Б. М.*), да в люди отдай». «Сына корми — себе пригодится; дочь корми — людям снадобится (пригодится. — *Б. М.*)». Можно удивляться точности крестьянского расчета. Согласно демографическим подсчетам конца XIX в., до 1 года доживали 70% родившихся мальчиков, до 21 года — возраста призыва на воинскую службу — 49%, до 45 лет — до того момента, когда старому отцу понадобится помощь сына, — 40%.²⁵ Единственного сына в армию не брали. Вот и получалось, что при нормальном ходе дел из трех сыновей только один мог помочь в старости. Смертность женского населения была лишь немногим меньше, поэтому из трех дочерей в старости можно было полагаться тоже на одну. Значит, на спокойную старость можно было надеяться, если в семье не менее шести детей. Отсюда пословица: «У кого детей много, тот не забыт от Бога». Сказанное, однако, не означает, что в среде крестьянства родители сознательно стремились ограничить число детей шестью. Всякое вмешательство в священное дело рождения рассматривалось как грех. «Крестьяне смотрят на зачатия и рождения по аналогии с животными и растениями, а последние для того и существуют, чтобы плодоносить», — писал в середине XIX в. священник Ф. Гиляровский.²⁶

Крестьяне резко отрицательно относились к внебрачной рождаемости. Внебрачные дети, не узаконенные через последующий брак, считались незаконнорожденными. Рождение вне брака сурово осуждалось. Женщине, в особенности девушке, родившей ребенка вне брака, и ее семье грозили позор, презрение односельчан, а без помощи родителей и нищета. Нередко она была вынуждена покинуть деревню, переезжать в город, становиться проституткой, подкидывать ребенка или в отчаянии убивать его. Женщины, забеременевшие не от мужа, пытались вызвать искусственный выкидыш, обращались к знахаркам, чтобы избавиться от плода. Незавидна была и судьба незаконнорожденных детей, так как родители «согрешившей» матери часто отворачивались от нее и от ее ребенка, ни отец, ни государство, ни община по закону не обязаны были содержать внебрачных детей. Они жили в деревне париями, их презирали, высмеивали, награждали унижительными кличками. Однако при достижении совершеннолетия мужчины получали земельный надел наравне с другими.

Итак, если суммировать демографический менталитет, то в самом общем виде можно сказать следующее. Освященный церковью брак и рожденные в нем дети — святое дело. Православный человек обязан иметь семью и детей, и чем раньше, тем лучше. Холостое состояние безнравственно. Дети — Божья благодать, противодействовать каким бы то ни было способом зачатию и рождению — грех. Детей рождается и умирает столько, сколько Бо-

гу угодно. Развод греховен, но в случае вдовства второй брак желателен и полезен.²⁷

Теперь обратимся к рассмотрению важнейших демографических явлений — брачности, рождаемости, смертности, естественного прироста населения, а также семейной структуры, средней продолжительности жизни и воспроизводства населения.

БРАЧНОСТЬ

Возраст вступления в брак

В течение XVIII—начала XX в. в России доминировали ранние браки. В XVII—начале XVIII в. большинство невест имели возраст 15—20 лет, женихи — 17—22 года, горожане вступали в брак на год-два позже крестьян, нередко заключались браки между 13—14-летней невестой и 15—16-летним женихом.²⁸ Соборное уложение 1649 г. рекомендовало опекунам выдавать замуж дворянских девушек-сирот в 15 лет.²⁹ Церковь ограничивала нижний предел бракоспособного возраста 12 годами для невесты и 15 годами для жениха,³⁰ в 1774 г. подняла его до 13 и 15 лет соответственно; в 1830 г. императорский указ повышает его — до 16 и 18 лет.³¹ Церковь поддержала светские власти и штрафовала священников, нарушавших закон. Однако заключенные браки, не соответствовавшие церковному возрастному цензу, не расторгались, но супруги разлучались до наступления гражданского совершеннолетия.³² Хотя традиция чрезвычайно ранних браков долго не была изжита, закон делал свое дело, и брачный возраст понемногу повышался. Согласно имеющимся данным, за 1780—1850-е гг. средний возраст невест вырос с 15—16 до 18—20 лет, женихов — с 16—18 до 20—21.³³ На окраинах России — на севере, в Сибири,³⁴ в южных губерниях — в брак вступали на год-два позже, чем в центральной части Европейской России. Например, в 1867 г. средний возраст вступления в первый брак составил в северной Архангельской губернии у женщин 22 года, у мужчин 26 лет, в южной Херсонской губернии — соответственно 20.1 и 27.5, в Сибири — 21.6 и 24.1 года, в то время как в Европейской России — 21.3 и 24 года.

По-видимому, кроме закона действовали и другие факторы, повышавшие нижний предел бракоспособного возраста, так как и до закона 1830 г. чаще всего заключались браки в возрасте выше нижнего предела. Можно предположить, что применительно к помещичьим крестьянам одним из таких факторов послужило появление первых признаков малоземелья в центральных губерниях страны во второй половине XVIII в. Вместе с законом 1771 г., запрещавшим продажу крепостных крестьян без земли, это могло вынудить мелких помещиков, которые составляли большинство землевладельцев, повысить бракоспособный возраст своих крепостных. Вторым фактором, который мог оказать влияние на увеличение возраста вступления в первый брак, возможно, было осознание образованным обществом вредности для здоровья чрезвычайно ранних браков. Брачный возраст у дворян стал повышаться с начала XVIII в. под влиянием европейских стандартов и указа Петра I, запретившего в 1714 г. опекунам венчать дворянских сирот ранее достижения 20 лет для мужчин и 17 лет для женщин. Указ не всегда соблюдался, хотя рассматривался как точка зрения верховной власти на бракоспособный возраст дворянства.³⁵ Дворянство в свою очередь влияло на возраст вступления в брак своих крепостных, так как вмешивалось в их матримониальные дела, хотя крестьяне, вопреки распространенному представлению, по преимуществу сами устраивали браки своих детей.³⁶ От XVIII—первой половины XIX в. сохранилось множество инструкций, данных помещиками своим приказчикам, которые включали и пункты о браках. Как правило,

они рекомендовали крестьянам вступать в брак по возможности раньше. В инструкциях первой половины XVIII в. чаще всего рекомендовалось венчать девушек в возрасте 15—16 лет, юношей — в 18 лет, а в инструкциях конца XVIII—первой половины XIX в. — соответственно в 16—18 и 18—20 лет; предельный возраст устанавливался для мужчин — 25 лет, для женщин — 20 лет.³⁷ Возможно, что инструкции отражали не только изменение гигиенических представлений дворянства, но также и усилившееся в первой половине XIX в. малоземелье в центре России. Аналогичный процесс повышения бракоспособного возраста происходил у государственных и удельных крестьян, вероятно, под влиянием их администрации.

Образованные классы общества, закон и администрация различных категорий крестьян руководствовались рекомендациями врачей, которые считали вредным для здоровья и для будущих детей вступление в брак ранее наступления половой зрелости. Согласно медицинским обследованиям, у русской крестьянки во второй половине XIX в. половая зрелость наступала в 16,2 года, колеблясь в пределах от 17,1 года на севере и до 15,3 на юге Европейской России.³⁸ У представительниц привилегированных классов половая зрелость наступала несколько раньше, чем у крестьянок.³⁹ Близко к модальному возрасту наступления половой зрелости — 16—17 лет — находился возраст вступления в первый брак у женщин, а возраст мужчин определялся последним. У простого народа разница между возрастом новобрачных обычно не превышала 4 лет в пользу женихов, лишь у образованных классов она часто бывала большей.

Русские врачи второй половины XIX в. считали, что вступление в брак до 20 лет преждевременно, так как во многих случаях полное физическое и половое созревание у брачующихся еще не наступало. Действительно, 8% новобранцев, призванных в армию в 1874—1901 гг., получили отсрочки по невозможности и слабости.⁴⁰ А им было не менее 21 года! В эти же годы у 10—17% девушек, вступавших в брак до 21 года, еще не было даже менструаций.⁴¹ Нет никаких оснований для предположения о том, что половая зрелость в XVIII—первой половине XIX в. наступала раньше. Следовательно, широко распространенное в XVIII и начале XIX в. вступление в брак в 14—16 лет было безусловно преждевременным и отрицательно сказывалось на здоровье и фертильности женщин. Постепенное повышение брачного возраста в законодательстве и вслед за ним и в жизни являлось рациональным решением правительства, принятым под влиянием образованных классов. В сущности это была ревизия возрастных стандартов вступления в брак, установленных в стародавние времена православной церковью Византии и Греции и перенесенных на русскую почву вместе с принятием христианства без необходимой адаптации к местным русским условиям. Ведь половое созревание в южных странах наступало несколькими годами раньше, чем в северных.

По-видимому, крестьянство и низшие слаты городского населения при вступлении в брак мало считались с гигиеническими соображениями. Об этом свидетельствуют довольно многочисленные просьбы к духовным властям со стороны родителей в течение всего XIX в. о разрешении брака девушкам в возрасте 12—15 лет. В качестве главного мотива выдвигалась обыкновенно такая причина, как необходимость иметь в доме жениха работницу или хозяйку. Для получения разрешения на брак девушка проходила медицинское освидетельствование на физическую зрелость и очень часто не выдерживала такого испытания, когда экспертом выступали профессиональные врачи, и, наоборот, получала свидетельство на зрелость, когда экспертами бывали сами священники.⁴²

К середине XIX в. большая часть девушек вступала в брак до 21 года, а мужчин — до 23—24 лет. После 23 лет вероятность для девицы выйти замуж падала и к 40 годам становилась ничтожной. Начиная с 1860-х гг. возраст

вступления в брак стабилизировался и вплоть до 1917 г. оставался неизменным. Средний возраст всех русских невест, вступавших в первый брак, в 1867—1910 гг. равнялся 21.4 года, женихов — 24.2 года.⁴³ Но за стабильностью среднего возраста скрывались изменения общей возрастной структуры брачущихся: доля вступающих в брак ранее 21 года уменьшалась, а в интервале 21—30 лет увеличивалась. Средний же возраст оставался неизменным, потому что доля лиц, вступающих в брак после 30 лет, уменьшалась. Второе изменение состояло в том, что возраст вступления в брак в различных регионах России постепенно выравнивался, приближаясь к среднероссийскому стандарту. Например, в самой северной Архангельской губернии в 1867 г. средний возраст вступления в брак равнялся у женщин 22 годам, у мужчин — 26 годам, а в 1910 г. — соответственно 21 и 25; в южной Херсонской губернии в 1867 г. женщины венчались в 20.1 года, мужчины — в 27.5, а в 1910 г. — соответственно в 22 и 25.8 года. Одновременно различия в возрасте жениха и невесты также стремились к некоему российскому стандарту.

Городские женихи и невесты были примерно на 3 года старше, чем новобрачные в деревне, причем в городах крупных — старше, чем в городах средних или малых. Например, в 1910 г. средний возраст вступления в брак у мужчин равнялся в крупных городах 27.7 года, в прочих городах — 26.8, в деревне — 24.8 года, у женщин — соответственно 24.3, 22.8 и 21.6 года. В последней трети XIX—начале XX в. в городах наблюдалось понижение возраста женихов, а у невест он практически остался без изменений, что вело к стиранию различий между городом и деревней в отношении возраста новобрачных. Причина этого явления состояла в росте крестьянской миграции в города, которая несла с собой сельскую модель брачности.

Средний возраст вступления в брак заметно варьировал по губерниям. Браки молодели с севера на юг и с запада на восток. Наиболее молодые браки наблюдались в регионах, имевших сугубо сельскохозяйственную специализацию, наиболее поздние — в промышленных и промысловых регионах. Зависимость от занятий сказывалась на возрасте вступления в брак даже в пределах одной губернии или уезда. Современники объясняли суть этой зависимости следующим образом: если село сельскохозяйственное, то жених и его родители стремились раньше получить работницу в дом, если промышленное или промысловое, то не торопились взять в дом лишнего едока.⁴⁴

Сезонность браков

В течение года браки распределялись неравномерно (табл. III.2). Наибольшее число браков заключалось в январе—феврале и октябре—ноябре. Причины помесечных колебаний были экономические и религиозные. Церковь воспрещала венчания на протяжении четырех постов — Великого (48 дней), Рождественского (40 дней), Петрова (20 дней) и Успенского (15 дней); с 25 декабря до 6 января, во все дни масленицы (неделя перед Великим постом) и пасхальной недели, в кануны и в самые дни церковных и государственных праздников, а также накануне среды, пятницы и воскресенья в течение всего года. Отсюда отсутствие браков в марте и декабре и небольшое количество браков в апреле, июне и августе. Частые колебания числа венчаний в феврале объясняются переходящим характером Великого поста, который мог начинаться и в феврале, и в марте. Многочисленные браки зимой и осенью были связаны также с аграрным циклом: с окончанием сельских работ в сентябре начиналось время свадеб (с перерывом в декабре в связи с Рождественским постом), достигавшее своего апогея в январе—феврале и замиравшее к началу нового цикла работ в марте—апреле.⁴⁵

Таблица III.2
Распределение браков по месяцам среди православного населения Европейской России в конце XVIII—начале XX в. (в %)

Годы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Сельское население												
1760—1780	31.5	21.7	—	3.2	8.4	2.0	5.2	0.9	5.2	12.4	9.5	—
1830—1850	17.9	11.2	—	8.7	16.9	1.1	6.2	1.5	6.2	15.8	14.5	—
1867—1871*	22.9	14.3	0.9	5.4	8.6	4.2	5.1	1.6	3.7	17.2	15.4	0.7
1906—1910*	24.7	17.5	1.0	3.6	8.1	4.7	4.1	1.9	4.4	15.8	13.3	0.9
Городское население												
1830—1850	14.4	11.1	—	6.2	16.0	1.7	6.7	1.9	6.4	17.6	18.0	—
1867—1871*	15.7	11.1	1.8	6.3	8.1	5.7	8.6	6.1	8.7	13.6	12.1	2.1
1906—1910*	16.6	14.1	1.7	6.1	8.0	6.2	8.5	5.7	7.8	13.0	10.3	2.0
Все население												
1830—1850	17.3	11.2	—	8.6	16.8	1.6	6.2	1.6	6.2	15.9	14.6	—
1867—1871	23.8	14.5	—	4.8	8.2	3.7	4.8	1.3	4.0	18.3	16.6	—
1885—1887*	22.2	19.7	1.1	4.3	7.1	3.8	4.2	1.6	3.7	16.8	14.6	0.9
1906—1910	25.3	17.3	—	3.7	8.3	4.3	4.5	1.8	4.6	16.7	13.5	—

* Данные относятся к населению всех вероисповеданий.

Источники: Маркевич Н. О народонаселении в Полтавской губернии. Киев, 1855. С. 54—58; Движение населения в Европейской России за [1867—1871, 1885—1887, 1906—1910] год. СПб., 1872—1879, 1889—1891, 1914—1916.

Сезонность браков у крестьянства сложилась под влиянием условий их жизни и оптимальным образом им соответствовала, она оказывала влияние на здоровье женщин и детей. Традиция заключать браки зимой была глубоко оправданной: по наблюдениям врачей и священников (уместно напомнить, что священники вели метрические записи в приходе, в семинариях получали медицинские знания и могли принять роды в случае необходимости), зимние свадьбы (и соответственно зачатия) в январе—феврале давали самых здоровых детей осеннего рождения. Осенние свадьбы и зачатия (которые стояли на втором месте после зимних) были менее благоприятны, поскольку рождения приходились на лето — страдное время и обилие инфекций способствовали большой смертности и рожениц, и их детей. Дети, зачатые весной и рожденные зимой (это была третья по численности группа), в физическом отношении оказывались наиболее слабыми — вот почему лишь те, кто не успевал жениться зимой, переносили свадьбы на весну, на масленицу. Летние зачатия и весенние роды — самые малочисленные — также были мало благоприятны для детей. Сезонность зачатий и зависимость между временем зачатия и здоровьем детей обуславливались, во-первых, сезонностью свободного времени и физических нагрузок, падавших на женщину в течение года (нагрузки были максимальными летом, меньшими весной и осенью и минимальными зимой); во-вторых, сезонностью менструаций, которые с наступлением постов и полевой страды, как правило, прекращались; в-третьих, тем, что наиболее важными периодами беременности являются — первый и последний. Анализ этих факторов приводит к выводу, что именно зима оказывалась оптимальным временем для свадеб и зачатий, как в реальности и было. Поскольку у женщин выработывался биологический ритм зачатий и рождений в одно и то же время, время свадьбы обуславливало весь дальнейший цикл семейной жизни. Женщина, вступившая в брак в «добрый час», будет рожать по 10—15 раз без проблем, а в

«недобрый час» — будет иметь одни выкидыши.⁴⁶ Интересно отметить, что представления об оптимальном времени вступления в брак подтверждаются современной медицинской наукой.⁴⁷ По наблюдениям Г. И. Успенского, сложившиеся в деревне традиции устанавливали между демографическими событиями, церковными требованиями и крестьянским трудом такую связь, которая обеспечивала максимальное число рабочих дней у женщин и максимизацию трудовых усилий у мужчин.⁴⁸

Сравнение распределения браков по месяцам у городского и сельского населения обнаруживает любопытный факт: после эмансипации 1861 г. помесечные колебания браков в городе и деревне становились более согласованными, значит, теснота связи между сезонностью браков в городе и деревне возрастала — указание на то, что миграция крестьян в город усиливалась, а вместе с нею возрастало и влияние сельской модели демографического поведения на городскую. Согласованность в изменении двух каких-то явлений четко оценивается с помощью *коэффициента корреляции*, значение которого с ростом согласованности увеличивается от 0 до 1 (при 0 согласованность отсутствует, при 1 достигает максимального уровня). В середине XIX в. коэффициент корреляции между сезонностью браков в городе и деревне составил 0.84, а в 1906—1910 гг. — 0.95.⁴⁹

Интересно знать, становилось ли со временем распределение браков по месяцам в пределах года более равномерным, так как это может служить показателем уменьшения зависимости населения от аграрного цикла, а возможно, и ослабления подчиненности требованиям церкви. Для оценки степени вариации какого-либо явления (в нашем случае распределения браков по месяцам) в статистике используется специальный показатель — *коэффициент вариации*, который принимает значения от 0 и выше; чем меньше его значение, тем меньше вариация, и наоборот.⁵⁰ Как показывает коэффициент вариации (v), в деревне изменчивость числа браков по месяцам в 1830—1850 гг. сравнительно с 1760—1780 гг. уменьшилась со 115 до 81, а в пореформенное время немного увеличилась — до 94, но не достигла уровня XVIII в.; более равномерно по месяцам стали распределяться браки в городе:

	1760—1780 гг.	1830—1850 гг.	1867—1871 гг.	1906—1910 гг.
Сельское население	$v = 115$	$v = 81$	$v = 88$	$v = 94$
Городское население	—	$v = 82$	$v = 51$	$v = 55$

Заслуживает также упоминания, что в пореформенное время у горожан сезонность браков, как показывают коэффициенты вариации, стала уменьшаться, в то время как у сельского населения она не изменялась. Отход городского населения от модели брачности сельского населения, которая в XVIII в. была для тех и других общей, являлся следствием вытеснения сельскохозяйственных занятий, распространенных среди горожан в XVIII в., торгово-промышленной деятельностью. И все же на протяжении XVIII—начала XX в. радикальных изменений в сезонности браков не произошло ни у городского, ни у сельского населения. Об этом свидетельствует очень большая согласованность в колебаниях брачности по месяцам в 1760—1780 гг. и 1906—1910 гг. в 1830—1850 гг. и 1906—1910 гг., оцененная с помощью коэффициента корреляции (r):

	1760—1780/1906—1910 гг.	1830—1850/1906—1910 гг.
Сельское население	$r = 0.954$	$r = 0.973$
Городское население	—	$r = 0.969$
Все население	—	$r = 0.982$

Уровень брачности

Брачность на протяжении всего XVIII—начала XX в. была не только ранней, но и почти всеобщей. Согласно имеющимся данным, в конце XVIII—первой половине XIX в. всего около 1% мужчин и женщин никогда не состояли в браке к 60 годам, что почти совпадало с долей инвалидов (слепых, немых и глухонемых) и психических больных в 1897 г., равной 0.9% от всего населения.⁵¹ До середины XIX в. среди крестьянства безбрачие почти вовсе отсутствовало,⁵² а в городах оно встречалось чаще, но достаточно редко. Например, в Ярославской губернии в 1850 г. среди людей старше 60 лет как в городе, так и в деревне безбрачных насчитывалось около 0.1%.⁵³ Однако в крупных городах количество безбрачных было значительно большим. Например, в Москве в 1782—1857 гг. среди купечества и мещанства в возрасте старше 35 лет число старых холостяков колебалось от 11% в 1782 г. до 5% в 1815 г., а старых дев — от 1% в 1795 г. до 8% в 1857 г.⁵⁴ В конце XIX в. количество людей, никогда не вступавших в брак, увеличилось, но все же оставалось невысоким: среди сельского населения в возрасте 50 лет лишь 3% мужчин и 4% женщин оставались вне брака, среди городского населения — соответственно 11 и 12%, среди всего населения — 4 и 5%.⁵⁵ Но в крупных городах безбрачие прогрессировало значительно быстрее. Например, в Петербурге в 1891—1900 гг. среди лиц в возрасте 50 лет насчитывалось 13—15% мужчин и 19—21% женщин, никогда не бывших в браке.⁵⁶ Несмотря на некоторое увеличение к концу XIX в. числа лиц, не вступавших в брак, в России доля людей, состоявших в браке, оставалась очень высокой. *Индекс доли состоящих в браке*, предложенный Э. Коулом, позволяет оценить, насколько реальное положение в той или иной популяции в отношении семейного состояния отличается от идеальной модели, где все бракоспособное население состоит в браке. Для Европейской России этот индекс на 1897 г. составил 0.69, в том числе для городского населения — 0.56, для сельского — 0.71. Следовательно, Россия всего на 31% не дотягивала до идеальной модели всеобщей брачности, в то время как США — на 42%, Франция — на 43%, Англия — на 52%.⁵⁷

При высокой смертности населения вдовство было частым явлением. И если бы не повторные браки, то доля вдов и вдовцов к 45 годам достигала бы 44%, к 55 годам — 65% от всего населения. В действительности в 1897 г. доля вдовых в возрасте 25 лет составляла среди мужчин 0.5%, среди женщин — 1.3%, в возрасте 45 лет — соответственно 4 и 14%, в возрасте старше 60 лет — 31 и 58%. Процесс овдовения во второй половине XIX—начале XX в. в одних губерниях замедлился, в других стабилизировался ввиду уменьшения смертности. Например, в Ярославской губернии с 1850 по 1897 г. доля вдовых во всем населении осталась на уровне 9%.⁵⁸ Доля вдовых среди всего населения понижалась, несмотря даже на уменьшение повторных браков: с 1867—1870 по 1906—1910 гг. доля повторных браков у мужчин сократилась с 19 до 14%, у женщин — с 14 до 9%. Вероятность вступить во второй брак у мужчин была существенно выше, чем у женщин: среднее число вступлений в брак для лиц, когда-либо состоявших в браке, в конце XIX в. равнялось 1.23 для мужчин и 1.04 для женщин. Это означает, что в повторный брак вступало около 23% мужчин и лишь 4% женщин.

Средняя продолжительность брака в 1897 г. у городского населения в возрасте до 50 лет была на 5 лет короче, чем у сельского населения, и равнялась 20 годам против 25 лет.⁵⁹ По наблюдениям врачей, средний возраст наступления климактерия во второй половине XIX в. и, вероятно, в более раннее время равнялся 45 годам, колеблясь в разных губерниях от 42 до 47 лет. Русские врачи отмечали, что физиологическая стерильность наступала фактически к 40 годам — за 4—7 лет до наступления менопаузы: к этому возрасту детородная деятельность женщин, принадлежавших к непривиле-

тированным сословиям, как правило, заканчивалась. Врачи полагали, что тяжелые условия жизни и громадные физические нагрузки преждевременно лишали женщину способности к деторождению.⁶⁰ Поскольку средний возраст вступления в первый брак у горожанок составлял 23.6 года, у крестьянок — 21.6, то весь репродуктивный период большинство горожанок и крестьянок проводило в браке, что способствовало поддержанию высокой рождаемости. В течение XVIII—XIX вв. ситуация в отношении длительности брака мало изменилась, так как брачный возраст, как мы видели, повышался, а смертность, как увидим далее, немного снижалась.

Ранние браки и небольшое число безбрачных обеспечивали в России очень высокий уровень брачности. С начала XVIII в. и до 1850-х гг. коэффициент общей брачности среди православного населения равнялся 10—11 бракам на тысячу человек населения, в том числе в деревне—10, в городе—11.⁶¹ Начиная с последней трети XIX в. уровень брачности стал понемногу снижаться и в 1911—1913 гг. упал до 8.2, в том числе в деревне — до 8.4, а в городе — до 6.7 браков на тысячу. Как видим, до 1860-х гг. средний уровень брачности в городе был выше, чем в деревне. Это объясняется тем, что в городе было больше людей бракоспособного возраста, чем в деревне. С середины XIX в. брачность в городе стала ниже сельской, несмотря на то что возрастная структура в городе сделалась еще более благоприятной, чем в деревне, для высокой брачности. Причины — более быстрый, чем в деревне, рост безбрачия среди городского населения и возникновение диспропорции между полами в пользу мужчин за счет мигрантов из деревни. Снижение общего уровня брачности было повсеместным, но в крупных городах оно было более значительным, чем в малых, а среди городского населения — большим, чем среди сельских жителей. Среди крестьянства брачность понизилась больше в земледельческих губерниях, чем в промышленных. В результате этого происходила нивелировка уровня брачности по регионам, о чем свидетельствует уменьшение вариации коэффициента брачности между 50 губерниями Европейской России: в 1861—1865 гг. коэффициент вариации равнялся 17%, а в 1896—1900 гг. — 10%.

Интересные результаты дает сравнение данных о снижении коэффициента брачности в различных регионах Европейской России среди крестьянства. Наибольшее снижение брачности наблюдалось в центральных земледельческих великороссийских и украинских губерниях, страдающих от перенаселения, а наименьшее — в промышленно развитых губерниях. Например, в аграрной Рязанской губернии общий коэффициент брачности за 1861—1900 гг. упал с 13 до 8 на тысячу, а в промышленной Московской губернии остался на уровне 9.⁶² Корреляционный анализ ясно обнаружил, что в земледельческих губерниях существовала тесная связь между снижением уровня брачности, ростом плотности населения и снижением количества возделываемой земли на душу населения. В 11 черноземных губерниях (Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Черниговская) коэффициент корреляции (r) между *снижением* брачности в 1861—1900 гг. и *уменьшением* количества пахотной земли и угодий на душу населения оказался высоким — $r=0.708$. Это указывает на то, что начиная с середины XIX в. рост аграрного перенаселения оказывал существенное влияние на снижение уровня брачности. В конце XIX—начале XX в. уровень брачности в 11 земледельческих губерниях находился в сильной зависимости от количества земли ($r=0.717$), в то время как в 1861—1865 гг., а следовательно, и в более раннее время такая зависимость отсутствовала ($r=0.102$). В 8 промышленных губерниях, где значительную часть своего дохода крестьяне получали от неземледельческих занятий (Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, С.-Петербургская, Смоленская, Тверская, Ярославская), уровень брачности в 1860-х гг. не зависел от обеспеченности крестьян землей ($r=0.123$), а в кон-

це XIX в. мало зависел ($r=0.406$), но обуславливался общей доходностью крестьянского хозяйства.

Зависимость между обеспеченностью землей и брачностью являлась отражением того факта, что в связи с аграрным перенаселением в деревне обнаружилась тенденция к обеднению, поскольку общая доходность крестьянских хозяйств также понижалась. Понижение благосостояния деревни при всей склонности земледельцев к семейной жизни уменьшало число желающих вступить в брак: ведь, чтобы сыграть свадьбу, нужны были немалые деньги на саму свадьбу, невесте на приданое и жениху на дары невесте.⁶³ Например, в Рязанской губернии в начале XX в. средней руки свадьба обходилась родителям жениха в 50 р., в то время как доход семьи середняка, состоявшей из 6 человек, составлял 77 р. в урожайный год.⁶⁴ Кроме того, в некоторых местностях семья жениха платила своеобразный выкуп за невесту, величина которого тоже сильно варьировала по местностям. Например, в Самарской губернии в 1870-е гг. он составлял от 20 р. за невесту из бедной семьи до 100 р. из богатой.⁶⁵ В конце XIX в. величина приданого невесты, которое она и ее родители начинали собирать с момента ее рождения, зависела от местности, традиции, семьи; обычно по стоимости оно было эквивалентно цене двух коров, но иногда приближалось к стоимости всего хозяйства отца невесты. Подготовка приданого наносила серьезный экономический ущерб крестьянскому хозяйству, а если дочерей было несколько, то грозила ему разорением. Однако уклонение от этих затрат наносило удар по престижу семьи, а честь для крестьянина значила много — больше, чем деньги.⁶⁶

Разводы

В России конца XVII—начала XVIII в. разводы не были редкостью, как можно было бы ожидать, основываясь на нормативной модели демографического поведения. До 1730 г. для развода обоим супругам достаточно было сделать заявление своему приходскому священнику и получить от него так называемое разводное письмо.⁶⁷ В некоторых случаях обходились и без священника. В 1718 г. петербургский житель К. И. Колесников, не желавший жить со своей законной женой, выдал ей «бракоразводную грамоту», или «отступное письмо»: «Кузьма Иванов сын Колесников дал сие письмо жене своей Агафье Елисеевой дочери, ежели похочет (захочет. — *Б. М.*) она идти замуж за другого, и я, Кузьма Иванов сын Колесников, в том сие письмо даю на все четыре стороны, и при сем письме свидетели...» (указаны два человека).⁶⁸ На окраинах России подобная практика сохранялась дольше. Вот интересный прецедент, случившийся в 1750 г. в далекой Тобольской губернии, который говорит о возможности обойти церковные постановления о разводе. Крестьянин С. И. Чюркин дал «отступное» письмо И. В. Баженову, второму мужу своей бывшей жены, в котором отказывался от всяких к ней претензий и, кроме того, брал на себя обязательство в случае разоблачения духовенством их сделки разделить штраф с Баженовым.⁶⁹ Легкость и распространенность разводов в России в начале XVIII в. отмечена иностранцами, посещавшими Россию.⁷⁰ Однако если одна из сторон не желала разводиться, то развод становился делом очень трудным. В конце XVII— начале XVIII в. насчитывалось до 26 законных поводов для развода, с 1723 г. число законных оснований упало до пяти: 1) прелюбодеяние, 2) неизвестное долгое отсутствие одного из супругов или ссылка и тюремное заключение, 3) уход в монастырь, 4) близкое родство, 5) вступление в брак при жизни супруга. Несогласие между супругами, физические недостатки, тяжелые болезни, побои не служили основанием для развода.⁷¹ В 1850 г. было разрешено разводиться также и в случае «физической неспособности к

Рис. 29. Деревенская свадьба. С.-Петербургская губ. 1900-е гг.

брачному сожитию», что было равносильно признанию тяжелой болезни в качестве основания для развода.⁷² Ограничения в основаниях для разводов иногда приводили к тому, что мужчины, желавшие развода, при несогласии жены на развод прибегали к побоям, чтобы заставить жену либо уйти в монастырь, либо согласиться на развод. В подобных случаях на помощь женщине приходили родственники, которые защищали ее перед светскими или духовными властями.⁷³

Начиная с 1760-х гг., когда церковная организация окрепла настолько, что более или менее могла контролировать матримониальные и бракоразводные дела, Синод стал препятствовать разводам: он пытался поставить развод в жесткие рамки духовных законов, сделать развод прерогативой формального духовного суда при епископе. Однако дело подвигалось медленно, о чем свидетельствуют повторные запрещения священникам давать «разводные письма» и признание Синода, сделанное в 1767 г., что «в епархиях обыватели многие от живых жен, а жены от живых мужей в брак вступают <...> и распускные (бракоразводные. —Б. М.) письма священо и церковнослужители им пишут, а другие, безрассудно утверждая оные быть правильными, таковые браки венчают».⁷⁴ В некоторых местностях священники по-прежнему расторгали браки своей властью.⁷⁵

Государство отдало матримониальную сферу полностью в руки церкви, и духовенство в первой половине XIX в. в основном добилось того, что официальный развод стал возможен только с санкции духовного суда и при самом строгом соблюдении требований к основаниям развода. Например, чтобы прелюбодеяние могло служить основанием для развода, стороне, которая добивалась развода, необходимо было представить нескольких живых свидетелей. Строгость оправдывалась тем, что развод стал рассматриваться как грех, подрывающий идею священности брака. Но в глухой провинции

и в отдаленных районах, где поблизости не было приходских священников, по-видимому, старые традиции развода продолжали действовать, о чем можно судить по указу от 6 февраля 1850 г., в котором напоминалось запрещение «самовольного расторжения браков без суда, по одному взаимному согласию супругов» на основании «разводных писем», выданных местными священниками, либо актов, утвержденных гражданскими чиновниками.⁷⁶

Вплоть до 1917 г. как официальный брак, так и официальный развод оставались прерогативой церкви. Нам неизвестна статистика разводов до 1836 г., но можно полагать, что ужесточение условий, выполнение которых стало необходимым для развода, привело к уменьшению числа формальных, санкционированных церковью разводов во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Действительно, в 1841—1850 гг. церковь санкционировала всего 770 разводов, т. е. в среднем по 77 разводов в год.⁷⁷ На 43 млн православного населения это ничтожно мало. После Великих реформ 1860-х гг. число разводов стало возрастать, однако до 1917 г. оно оставалось на очень низком уровне: за 20 лет, 1867—1886 гг., состоялось 16 945 разводов, по 847 разводов в год, за 8 лет, 1905—1913 гг. — соответственно 23 087 и 2565. На 1000 человек населения число разводов равнялось ничтожной величине: в 1841—1850 гг. — 0.002, в 1867—1886 гг. — 0.014, в 1905—1913 гг. — 0.029.⁷⁸ В 1900-е гг. в Австро-Венгрии коэффициент разводимости составлял 0.01, в Великобритании — 0.02, Германии — 0.4, Франции — 0.25, США — 0.8 и Японии — 1.1 на тысячу.⁷⁹

Данные об основаниях разводов представлены в табл. III.3.

Таблица III.3
Разводы среди православного населения Европейской России в середине XIX—начале XX в.

Основания разводов	Разводы, абс.		Разводы, %	
	1841—1850 гг.	1905—1912 гг.	1841—1850 гг.	1905—1912 гг.
Прелюбодение	31	18 801	4.0	97.4
Неспособность к супружеской жизни	15	449	2.0	2.3
Вступление в брак при жизни супруга	287	—	37.3	—
Безвестное отсутствие и ссылка в Сибирь	409	46	53.1	0.3
Близкое родство	28	—	3.6	—
Итого	770	19 296	100.0	100.0

Источники: Новосельский С. Л. Обзор главнейших данных по демографии... С. 29; Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным... С. 71—74.

Приведенные данные показывают, что во второй половине XIX—начале XX в. состав оснований для разводов радикально изменился. До 1850-х гг. главными основаниями для развода служили длительное отсутствие и вступление в брак при жизни супруга, в начале XX в. почти единственным основанием стала супружеская измена. Формальные разводы происходили главным образом в среде городского населения, их значительное увеличение отражает серьезные изменения в психологии горожан, произошедшие в результате реформ.

Кроме формального церковного развода существовали «самовольные разводы», которые церковью не санкционировались. Такие разводы имели место в течение всего XVIII—начала XX в. Дать количественную оценку этому явлению невозможно — оно не регистрировалось. Однако, согласно свидетельствам современников, на рубеже XIX—XX вв. «самовольные разводы» были более распространены сравнительно с XVIII—началом XIX в., что дает основание для предположения, что со временем их частота увели-

чивалась. Они практиковались среди всех сословий, но более всего и повсеместно — среди крестьянства.⁸⁰ Информатор Этнографического бюро В. Н. Тенишева из отнюдь не глухой Калужской губернии И. Григорьев отмечал в 1900 г., что формального церковного развода среди крестьян не бывает — они о нем не имеют понятия. Супруги расходятся фактически, живут отдельно, иногда заводят новую семью, разведенные женщины часто уходят в Москву и иногда живут без венчания с вдовцами. Нередко крестьяне за разводом обращаются в волостной суд. Последний не может дать формального развода, а лишь решает, кто прав, кто виноват. После развода, если детей мало, женщина вместе с детьми возвращается в дом родителей, забирая с собой приданое и те вещи, за которые заплачен выкуп. Если детей много, из дома уходит муж, оставляя все имущество жене и детям.⁸¹ Таким образом, ужесточение процедуры и дороговизна бракоразводного процесса делали для крестьян официальный развод недоступным, и они нашли выход в гражданском разводе, который санкционировался, разумеется нелегально, общиной и общественным мнением.

Если суммировать наши наблюдения над жизненным циклом типичной русской женщины в фертильном возрасте от 16 до 49 лет, вступившей в брак и прожившей с мужем до конца репродуктивного периода (до 49 лет), то на рубеже XIX—XX вв. из 33 лет она проводила в девичестве 6 лет, в замужестве — 25 лет, во вдовстве — 2 года, в разводе — две недели.

Семейное состояние населения

Таким образом, в России со второй половины XIX в. началось медленное снижение брачности. Главными факторами этого снижения, вероятно, были аграрное перенаселение, падение благосостояния, начавшееся изменение демографического менталитета населения, которое стало снисходительнее относиться к безбрачию, откладыванию брака, разводам. Это хорошо видно по данным о семейном состоянии важнейших сословий по пяти губерниям (Гродненской, Калужской, Пермской, Симбирской и Ярославской) в 1850-е гг. и 1897 г. (табл. III.4).

Изменения в семейном состоянии начались в городах. Уже в середине XIX в. среди купечества и мещанства по сравнению с крестьянством имелось почти в 2 раза больше неженатых (15% против 7%) и незамужних (21% против 12%) и меньше семейных людей (38% против 44% у мужчин и 32% против 40% у женщин). К концу XIX в. этот разрыв еще более увеличился, хотя и в деревне намечалась тенденция роста числа холостых и девиц. На рубеже XIX—XX вв. и в городе, и в деревне появилось некоторое число разведенных, которые в первой половине XIX в. практически отсутствовали. В деревне сократилось число состоящих в браке. Сравнивая семейное состояние населения на 1897 г. у четырех главных сословий, легко заметить, что наибольшие перемены произошли у духовенства и особенно дворянства, имевших высокий уровень грамотности. Суммируя наши наблюдения над динамикой брачности, можно сказать, что изменения брачной модели начались в городе в первой половине XIX в. и затем, во второй половине XIX в., они распространились на деревню. Инициаторами этих перемен выступали образованные слои населения, в первую очередь дворянство.

Поскольку именно в столице империи, Петербурге, концентрировались образованные люди и находилось много иностранцев, то изменения брачной модели там были особенно заметны. Уже в 1864 г. в столице доля холостых и девиц достигала 35%. Средний возраст вступления в первый брак составлял у мужчин 30.5 года, у женщин — 25.5 года. Сезонность браков существенно сгладилась.⁸² К началу XX в. появились первые сотни разведенных, которые во всем населении города составляли 0.18%.⁸³

Таблица ПЛ.4
Семейное состояние населения Европейской России в 1850-е гг. и в 1897 г. (в %)

Семейное состояние	Купцы, мещане		Крестьяне		Дворяне		Духовенство	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
1850-е гг., по пяти губерниям								
Не достигшие брачного возраста	42	33	44	40	—	—	50	39
Холостые и девицы	15	21	7	12	—	—	7	13
Состоящие в браке	38	32	44	40	—	—	37	35
Вдовы	5	14	5	8	—	—	6	13
1897 г., по пяти губерниям								
Не достигшие брачного возраста	34	33	47	41	—	—	—	—
Холостые и девицы	23	19	8	12	—	—	—	—
Состоящие в браке	40	34	41	38	—	—	—	—
Вдовы	3	14	4	9	—	—	—	—
Разведенные	0.1	0.1	0.07	0.05	—	—	—	—
1897 г., Европейская Россия								
Не достигшие брачного возраста	43	39	45	40	36	30	40	32
Холостые и девицы	17	16	11	12	26	24	19	27
Состоящие в браке	37	35	40	40	34	32	34	29
Вдовы	3	10	4	8	4	14	7	12
Разведенные	0.1	0.3	0.01	0.05	0.2	0.2	0.04	0.04

Источники: Луканин А. Население Оханского уезда Пермской губернии по сословиям, возрастам и семейному составу // Зап. РГО по отд-нию статистики. 1878. Т. 5. С. 206; Трубников В. В. Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии // Сб. статистических сведений о России, издаваемый РГО. 1858. Кн. 3. С. 417; О составе и движении населения по губерниям Нижегородской и Ярославской. СПб., 1861. Ярославская губерния. С. 90; Бобровский П. Гродненская губерния // Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1863. Т. 1. С. 536—540; Попроцкий М. Калужская губерния. СПб., 1864//Там же. Т. 1. С. 330; Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 198—207, 216—219, 224—225.

Итак, российская модель брачности XVIII в. отличалась от западноевропейской, для которой были характерны поздние браки (возраст невест превышал 25 лет, женихов — 27 лет) и значительная доля лиц, никогда не состоявших в браке (она составляла как минимум 10% и во многих случаях превышала 15%).⁸⁴ Начиная примерно с конца XVIII в. модель брачности начала изменяться сначала за счет возрастания нижнего предела бракоспособного возраста, затем за счет увеличения числа лиц, не вступающих в брак, за счет разводов и сокращения числа повторных браков. Тем самым традиционная модель всеобщих и ранних браков начала постепенно приспосабливаться к новым условиям и новым взглядам на семейную жизнь. Это относилось ко всем сословиям, но в разной степени. Тон изменениям в брачной модели задавали крупные города и образованные слои населения. Изменения брачной модели привели к снижению общего уровня брачности в стране. И все же Россия по этому показателю вплоть до начала XX в. занимала первое место среди развитых европейских стран и США. Только в 1900-е гг. на первое место вышли США, благодаря огромной эмиграции взрослого населения из Европы, и сохранили лидерство в последующие 40 лет.⁸⁵

РОЖДАЕМОСТЬ

Уровень рождаемости

Высокий уровень брачности при психологической установке на многодетность предполагал высокую рождаемость в России. Так оно и было. Общий коэффициент рождаемости в XVIII—первой половине XIX в. в Европейской России среди православного населения находился на уровне 50 рождений на тысячу человек населения, причем в городах коэффициент был примерно на 5—10 пунктов выше, чем в деревне. Начиная с 1860-х гг. рождаемость стала снижаться повсеместно, но в городах быстрее, чем в деревне, и в 1909—1913 гг. составила для православного населения в городах 34, в деревне — 44 на тысячу (для населения всех конфессий — соответственно 36 и 49 рождений на тысячу). Сколько же раз русская женщина рожала за свою жизнь при данном уровне рождаемости? Замужние крестьянки в последней трети XIX—начале XX в., прожившие в браке весь репродуктивный период своей жизни и обладавшие хорошим здоровьем, рожали в среднем 8—10 раз, следовательно, на каждую крестьянку, т. е. с учетом безбрачных, вдов и солдаток, приходилось в среднем по 6—8 рождений.⁸⁶ С большим основанием можно предполагать, что эти данные характеризуют **среднюю плодовитость всех русских женщин до середины XIX в.**, поскольку, согласно сведениям приходских священников, сколько-нибудь существенных различий в коэффициенте рождаемости и в отношении числа рождений на один заключенный брак как между городом и деревней, так и между разными сословиями, за исключением чиновников, не наблюдалось (табл. III.5).

Таблица III.5
Демографические процессы среди разных сословий в 1840—1850-е гг.
(на тысячу человек населения)

Сословия	Рождаемость	Смертность	Прирост	Брачность	Рождений на 1 брак
Дворяне-помещики	51	41	10	8.6	6.0
Духовенство	51	39	12	9.6	5.2
Купцы	51	39	12	8.2	5.5
Мещане	52	40	12	8.4	6.2
Крестьяне	51	35	16	10.0	5.2
Военные	52	43	9	8.2	6.3
Итого	51.1	35.9	15.2	9.9	5.3

Источники: Архив РГО, разр. 7, оп. 1, д. 29, л. 82—98 (Вологодская губерния); разр. 35, оп. 1, д. 9, л. 23—59 (С.-Петербургская губерния); разр. 22, оп. 1, д. 7, л. 1—58 (Московская губерния); разр. 38, оп. 1, д. 9, л. 1—51 (Смоленская губерния); *Попов В. А.* Движение народонаселения в Вологодской губернии в 1833—1858 гг. // Зап. РГО по отд-нию статистики. 1870. Т. 2. С. 233—239; *Гастев М.* Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. М., 1841. Ч. 1.

Что касается чиновников, то они, согласно свидетельствам современников, весьма неохотно связывали себя семейными узами, многие из них оставались холостяками, и если вступали в брак, то в зрелые годы, и вследствие этого у них было меньше детей, чем в семьях других сословий. Причина такого необычного для России брачного поведения состояла в том, что многие чиновники жили исключительно на жалованье. Пока они находились в малых чинах и получали скромное жалованье, женитьба означала для них падение благосостояния ниже того уровня, который было прилично иметь чиновнику. Они могли позволить себе жениться, когда достигали значительного чина, на что требовалось много лет службы. Вспомним Акакия Ака-

киевича Башмачкина из «Шинели» Н. В. Гоголя. Даже будучи холостым, он с трудом смогшить себе совершенно необходимую для него новую форменную шинель. Но, если бы он был обременен семейством, о шинели он мог бы лишь мечтать.

Во второй половине XIX—начале XX в. число детей у дворянок было примерно на 30% меньше, у купчих и мещанок — на 10% меньше, а у крестьянок — на 5—6% больше, чем в XVIII—первой половине XIX в. Общее представление об изменении рождаемости по сословиям в России за XVIII— начало XIX в. дают данные табл. III.6.

Таблица III.6
Количество детей в возрасте до 7 лет в общей численности населения Европейской России по сословиям (в %)

Сословия	1796 г.	1835 г.	1849 г.	1860 г.	1903 г.
Дворяне	15.9	15.0	15.3	15.2	10.9
Духовенство	18.3	20.5	20.5	19.4	18.4
Купцы, мещане	14.6	16.1	16.0	15.6	15.0
Крестьяне	14.9	17.8	17.7	18.3	18.6
Итого	14.9	17.6	17.5	18.0	18.2

Источники: 1796 г.: РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 78, д. 276; 1835 г.: Там же, оп. 117, д. 1828; 1860 г.: Там же, оп. 142, д. 2372; 1903 г.: Там же, оп. 184, д. 5736.

В XVIII—первой трети XIX в. различия в числе детей в возрасте до 7 лет у разных сословий были несущественными и несистематическими и, вероятно, объяснялись неточностью церковного демографического учета. Начиная со второй половины XIX в., когда точность учета существенно возросла, мы можем достаточно уверенно говорить, что число детей у дворян и чиновников стало значительно, а у купцов и мещан медленно уменьшаться, у крестьян же — напротив, немного увеличиваться. Это при том, что у всех сословий рождаемость снижалась. Нет ли здесь противоречия? Думаю, что нет, если мы примем во внимание, что детность сословий отражает изменение не только рождаемости, но и смертности и что начиная с 1860-х гг. смертность в России начала снижаться. Уменьшение смертности немного превышало снижение рождаемости, результатом чего явилось некоторое увеличение числа детей у крестьян. Вероятно, снижение смертности замедлило уменьшение детности семей, принадлежавших и к другим сословиям.

Чем можно объяснить понижение рождаемости?

Падение рождаемости началось в городе и после эмансипации распространилось на деревню, где интенсивнее происходило в губерниях сельскохозяйственной специализации сравнительно с губерниями промышленной ориентации. В тех и других снижение рождаемости согласовывалось с изменением земельной обеспеченности крестьянства: коэффициент корреляции между величиной надела и рождаемостью в промышленных губерниях равнялся 0.831, а в сельскохозяйственных — 0.623. В дореформенной деревне подобная зависимость отсутствовала. Ряд современников отмечали связь рождаемости с колебаниями урожаев и хлебных цен, с питанием и вообще с благосостоянием населения, с физическими нагрузками, в доказательство указывая на прекращение менструаций у женщин с наступлением постов, у крестьянок — во время полевой страды.⁸⁷

Особого внимания среди факторов, понизивших рождаемость у купцов, мещан и крестьян, заслуживает отход на сезонные работы крестьян в город, горожан в деревню, который особенно быстро стал развиваться начиная с 1860-х гг. Миллионы крестьян, включая женщин, и десятки тысяч мещан и

купцов ежегодно покидали, иногда на длительные сроки, свои дома ради заработка. Говоря об отходничестве, исследователи обычно имеют в виду крестьян.⁸⁸ Если брать абсолютные цифры отходников, то это правильно. Однако если учесть, какая доля горожан и крестьян занималась этим промыслом, то городское население окажется впереди сельского. В 1900 г. в Европейской России отхожими промыслами занимались около 3.8 млн крестьян — 4.7% от всего сельского населения, в то время как разрешений на право заниматься этим промыслом в среднем в год за 1891—1900 гг. было взято 7.2 млн.⁸⁹ Следовательно, на долю горожан, в первую очередь купцов и мещан, приходилось около 3.4 млн разрешений. Основываясь на этих данных, можно предположить, что отходничеством занимались около 4.7% сельского и свыше 28.1% всего городского сословия. На рождаемость населения отходничество влияло прежде всего вследствие длительной разлуки супругов. Что же касается крестьянства, то на него отходничество воздействовало и другим способом — тем, что изменяло стандарты традиционного демографического поведения. В уездах с развитым отходничеством благосостояние и грамотность были выше, быт имел сходство с городским, в брак вступали позже, в семьях было меньше детей, они получали больше ухода, их лучше воспитывали. Поэтому в таких уездах показатели смертности и рождаемости были на несколько пунктов ниже, средняя продолжительность жизни для новорожденных на 3—4 года больше сравнительно с чисто сельскохозяйственными уездами. Заметное отличие в образе жизни встречалось даже в пределах уезда, в соседних волостях, если одни занимались отходничеством, а другие — нет.⁹⁰

Начало регулирования рождаемости в России

Принято считать, что если общая рождаемость составляет 40—50 на тысячу человек населения, то брачная плодовитость находится на физиологическом пределе и что волевого сознательного ограничения числа деторождений у женщин не существует.⁹¹ Мы имеем массу свидетельств современников, подтверждающих этот тезис. В один голос они говорили, что женщины всех сословий не делали аборт, а подавляющее большинство их даже не знало о возможности искусственного прерывания беременности и противозачаточных средствах до 1920-х гг.⁹² «Деревня живет естественно-животной жизнью», — писал известный этнограф о российской деревне начала 1920-х гг.⁹³ Только богатые и образованные женщины стали обращаться к этим средствам в конце XIX в., вызывая возмущение некоторых известных общественных деятелей и врачей, которые доказывали, что презервативы и *coitus interruptus* чрезвычайно вредны для здоровья, и советовали лучше совсем отказаться от чувственных удовольствий, чем осложнять жизнь болезнями.⁹⁴ Долгое время к аборту отрицательно относились не только церковь и законодательство, но и врачи.⁹⁵ За 1840—1890 гг. во всех российских родовспомогательных учреждениях было сделано всего 247 официально разрешенных по медицинским соображениям аборт.⁹⁶ В 1889 г. на Третьем съезде Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова аборт был признан «нравственным и социальным злом». Время, однако, работало в пользу либерализации аборт. В 1910-е гг. только в Москве совершалось около 10 тыс. аборт в год. Менее 1% женщин, сделавших аборт, предстали перед судом, причем в 75% случаев они были оправданы.⁹⁷ Эти факты говорят о том, что не только общество, но и правоохранительные органы стали снисходительно смотреть на аборт. В 1913 г. под влиянием общественного движения за отмену уголовного преследования врачей и пациентов за производство аборт Двенадцатый съезд русских врачей поддержал это требование, хотя и не единодушно. В феврале 1914 г. в Петербурге проис-

ходило заседание Русской группы Международного союза криминалистов, посвященное абортам. В нем приняли участие виднейшие русские врачи, криминалисты и юристы. Были заслушаны два доклада. М. Н. Гернет отстаивал необходимость полной легализации, а Е. М. Кулишер — частичной легализации аборта (разрешать только по медицинским соображениям). После жаркой двухдневной дискуссии, в которой участвовали 30 человек, группа приступила к принятию резолюции. Большинством голосов (38 против 20 при 3 воздержавшихся) прошел проект Гернета, требующий исключения аборта из числа преступных деликтов.⁹⁸ Однако аборт в России был легализован только в 1920 г.

Тезис о всеобщности стихийной рождаемости в России до середины XIX в., а для крестьянства — до 1930-х гг. нуждается в корректировке. Известный демограф Э. Коул предположил, что «сознательное внутрисемейное регулирование рождаемости в каких-то формах подспудно существует в населенных, где еще не наблюдается постоянного и интенсивного снижения рождаемости».⁹⁹ Чтобы можно было данное наблюдение распространить на Россию, необходимо доказать, что у людей имелось желание ограничить рождаемость, что они знали способы, как это сделать, и применяли их на практике.

Для всего исследуемого времени стремление предотвратить беременность или избавиться от нежеланного ребенка было свойственно тем женщинам, которые вступали во внебрачные половые отношения, так как родить вне брака считалось большим позором и для женщины, и для ее родственников. Сколько же насчитывалось таких женщин? На этот вопрос приблизительный ответ дают данные о числе женщин в возрасте 16—49 лет с незаконнорожденными детьми среди всего женского населения в репродуктивном возрасте, которое составляло около 1%, если судить по Ярославской губернии 1850 г.¹⁰⁰ (по проценту внебрачных детей среди всех новорожденных губерния занимала срединное положение среди 50 губерний России). Тогда можно предположить, что женщин с внебрачными детьми уже в середине XIX в. насчитывалось около 260 тыс. Они распределялись неравномерно между городом и деревней. В целом по стране в 1859—1863 гг. в городах рождалось около 26% внебрачных детей, а в деревне — 74%, в 1910 г. — соответственно 41 и 59%.¹⁰¹ Распределение внебрачных детей между городом и деревней зависело от наличия в губернии крупных городов. Например, в 1850-е гг. в одной Москве рождалось около 67% всех незаконнорожденных Московской губернии. В Ярославской губернии с развитыми городами, но менее значительными, чем Москва, в городах сосредоточивалось 55% всех внебрачных детей губернии, а в Полтавской губернии, где отсутствовали крупные города, доля незаконнорожденных в городах составляла всего 25%, а остальные 75% находились в деревнях.¹⁰² Как видим, женщин, стремившихся избавиться от нежеланного ребенка, уже перед эмансипацией было много и в городе, и в деревне; после эмансипации их стало еще больше.

Доля зарегистрированных православными священниками незаконнорожденных детей в общем числе новорожденных в конце XVIII—первой половине XIX в. колебалась от 2% в Киевской губернии до 7% в Московской губернии, составляя в среднем по Европейской России около 3.3%.¹⁰³ В пореформенное время число внебрачных детей в абсолютном значении увеличивалось, но очень незначительно: в Европейской России в 1859—1863 гг. их регистрировалось в среднем в год 99 тыс.,¹⁰⁴ в 1910 г. — 106 тыс. Вследствие более быстрого роста населения процент зарегистрированных внебрачных детей у православных снижался: он составил в 1859—1863 гг. 3.4, в 1870 г. — 3.0, в 1885 г. — 2.7, а в 1910 г. — 2.3. Итак, получается, что по мере модернизации, урбанизации и индустриализации происходило относительное уменьшение числа внебрачных детей среди православных женщин, в то время как у старообрядцев, католиков, протестантов и иудеев оно уве-

личивалось.¹⁰⁵ Как можно объяснить этот парадокс? Есть исследователи, которые считают имеющиеся данные о внебрачных детях заниженными по той причине, что со временем изменялись методика их учета и политика воспитательных домов в отношении приема внебрачных детей.¹⁰⁶ Однако это не может объяснить сокращение процента незаконнорожденных детей в 1.5 раза, т. е. ежегодный недоучет нескольких десятков тысяч новорожденных. Единственное удовлетворительное объяснение, по моему мнению, состоит в том, что женщины, вступавшие во внебрачные отношения, применяли противозачаточные меры, а забеременевшие вне брака избавлялись от плода путем аборта или искусственного выкидыша. Только это объяснение может примирить противоречия на первый взгляд факты, наблюдавшиеся в пореформенное время: 1) число незамужних женщин, вступавших во внебрачные половые связи, по общему мнению современников, возрастало; 2) возможность скрыть факт беременности и внебрачного рождения как от родственников, так и от священников, увеличивалась; 3) среди старообрядцев, католиков, протестантов, иудеев и мусульман женщины, не состоявшие в браке, но рожавшие детей, не осуждались столь сурово, как среди православных, а их дети не дискриминировались; 4) женщинам не было смысла уклоняться от регистрации внебрачного ребенка, во-первых, потому, что, согласно религиозным представлениям, некрещеный младенец не попадал в рай, во-вторых, потому, что воспитательные дома, куда можно было сдать ребенка, в 1891 г. ввели ограничения на их прием: стали требоваться свидетельства от полиции или священников, подтверждающие, что приносимые в дома дети — незаконнорожденные.¹⁰⁷ Если наше предположение верно, то число женщин, применявших противозачаточные средства или делавших аборт в течение года, к 1910 г. превышало 125 тыс. Эта цифра получена следующим образом. В 1859—1863 гг. число внебрачных детей составляло 99 тыс., а их доля среди всех новорожденных — 3.4%. Если бы женщины не применяли мер против рождения внебрачных детей, то их число должно было бы составить в 1910 г. 232 тыс. (по проценту незаконнорожденных в 1859—1863 гг. от общего числа новорожденных в 1910 г.) Между тем фактически было зарегистрировано 106 тыс. внебрачных детей.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что начиная с середины XIX в. среди замужних женщин всех сословий, включая крестьянок, обнаружилось явное желание уменьшить число детей. Уже в народных пословицах, собранных В. И. Далем в 1840—1850-е гг., имеются такие, которые иронизируют над многодетностью и не рассматривают ее как безусловное благо: «Детки — на руках железа»; «Малые дети не дают спать, большие не дают дышать»; «Без них (детей. — *Б. М.*) горе, а с ними вдвое»; «Был бы коваль и ковалиха — будет и этого лиха» (здесь игра слов: в пословице слово «лихо» означает и детей, и зло или несчастье); «Прежде одну свинью кормили, а теперь с поросятами» (о жене сына, по обычаю приведшего в дом молодую жену); «Первые детки — соколятки, последние — воронятки»; «Хороши ягоды с проборцем, а дети с проморцем».¹⁰⁸ В 1860-е гг. появляются первые свидетельства современников о том, что матери желают избежать зачатия и беременности,¹⁰⁹ и их число со временем увеличивается.¹¹⁰ «О сохранении двух-трех детей родители заботятся более или менее сильно, дальнейшие же дети зачастую являются в тягость и к их судьбе относятся более чем хладнокровно: „пускай их Бог приберет к себе" — слова, которые часто приходится слышать нам, земским врачам, от крестьянок, матерей многочисленных семей. Такой взгляд находит свое оправдание в материальной обстановке, так как одному работнику очень трудно прокормить семью из 7—8 неработников при настоящем плохом положении крестьянского хозяйства <...> Если дети рождаются через 1—2 года, то становятся обузой для женщины, не получают надлежащего ухода и часто умирают».¹¹¹

Рост числа подкидышей мог бы служить хорошим показателем увеличения количества нежеланных детей. Но, хотя дети подкидывались по всей России на протяжении всего изучаемого периода, полных сведений об этом нет. В 1867 г. официальные данные о подкинутых младенцах в Европейской России были единственным раз опубликованы — подкидышей оказалось 2254. Как указали составители статистического сборника, в котором эти данные были опубликованы, сведения не полны.¹¹² Увеличение числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за подкидывание младенцев, свидетельствует о росте этого явления. В 1839 г. за подкидывание младенцев были привлечены 47 мужчин и 123 женщины, в 1873 г. — соответственно 93 и 118, в 1892 г. — 206 и 805, в 1913 г. — 410 и 1759.¹¹³ В действительности число подкинутых младенцев было во много раз больше, например в 1867 г., согласно крайне неполным официальным данным, было подброшено младенцев в 10 раз больше числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за подкидывание. Распространение детоубийств также может служить указанием на то, что для многих женщин дети становились нежеланными и они пытались от них избавиться¹¹⁴ (подробнее об этом далее).

Более адекватное представление о динамике числа нежеланных детей дает деятельность двух самых больших воспитательных домов в России, находившихся в Москве и Петербурге. По подсчетам Д. Рэнсела, в 1791—1800 гг. в оба дома поступали ежегодно 3342 младенца, в 1841—1850 гг. — 13 092, в 1871—1880 гг. — 20 169, в 1881—1890 гг. — 24 298, в 1891—1900 гг. — 17 785, в 1901—1910 гг. — 19 218, т. е. с конца XVIII в. до начала XX в. число подкидышей возросло в 5,8 раза, в то время как население России увеличилось в 2,9 раза.¹¹⁵ Число подкидышей, принятых в воспитательные дома, зависело не только от количества матерей, желавших их сдать, но и от возможностей и политики воспитательных домов. Поэтому, например, снижение численности подкидышей в 1891—1910 гг. вовсе не означает, что число нежеланных детей стало меньше, — просто воспитательные дома ввели ограничения на их прием, что сразу уменьшило количество желающих сдавать в них детей.

Итак, как ни отрывочны приведенные данные, они показывают, что во второй половине XIX—начале XX в. в России сотни тысяч русских женщин стали тяготиться многочисленными детьми и задумываться над тем, как облегчить бремя материнства, как уменьшить многодетность.

Знали ли женщины средства против этого? Уже в древнерусских памятниках XI—XII вв. мы встречаем свидетельства, что женщины использовали лекарства («зелье») для вытравливания плода и нагружали себя тяжелой физической работой, чтобы вызвать выкидыш.¹¹⁶ Судя по вопросникам, составленным монахами для исповеди в XIV—XVIII вв., церковники всякий раз спрашивали женщин на исповеди: «Не травила ли младенца во утробе? Не убила ли младенца во утробе?»¹¹⁷ Кроме того, и мужчин, и женщин постоянно призывали покаяться за отклонения (они во множестве перечислялись) от ортодоксального способа полового акта, признаваемого в православной церкви (муж мог любить жену, лежа на ней сверху), которые могли использоваться для избежания беременности. В одном вопроснике, относящемся к началу XVIII в., имеется такой вопрос: «Муж жену на себя пуская, аще ли семена изыдут?» (т. е. не вступал ли муж в половой контакт с женой после извержения семени?).¹¹⁸ Это указывает на то, что *coitus interruptus* был известен, но его использование считалось грехом. Врач А. О. Афиногенов, практиковавший в Рязанской губернии, привел следующие способы предотвращения беременности, известные русским женщинам в конце XIX в.: механические (поднятие тяжестей, прыжки, тугое бинтование и разминание живота, трясение всего тела и т. п.), лекарственные (от различных трав до ртути и фосфора, употребляемых внутрь), вытравливание плода, удлинение лактационного периода и аборт.¹¹⁹

Таким образом, в течение нескольких столетий люди знали одни и те же довольно несовершенные методы регулирования деторождения. И это было характерно не только для простого народа, но до середины XIX в. для всех вообще сословий. С 1860-х гг. представители образованных слоев русского общества узнали и стали применять более эффективные средства предотвращения беременности.¹²⁰ В 1880-е гг. Л. Н. Толстой писал: «С помощью науки на моей памяти сделалось то, что среди богатых классов явились десятки способов уничтожения плода. <...> Зло уже далеко распространилось и с каждым днем распространяется все дальше и дальше, и скоро оно охватит всех женщин богатых классов».¹²¹

Если люди имели потребность регулировать деторождение и знали, как это делать, то естественно ожидать, что они применяли эти, пусть весьма несовершенные, методы. Так оно и было в действительности, хотя информация об этом довольно ограниченная, поскольку по духовным законам все средства предотвращения беременности считались грехом, а по гражданским законам аборт был запрещен и уголовно наказуем, причем привлекались к ответственности как врачи, так и пациенты. Взгляд на применение любых способов предотвращения беременности и вызывание искусственного выкидыша как на большой грех был так распространен, что женщины, которые пользовались ими, тщательно скрывали это от всех — и от соседок, и от врачей — даже в 1920-е гг., когда аборт был официально разрешен.¹²² Судебный следователь из Казанской губернии В. Магнитский представил в 1871 г. в Русское географическое общество очерк о преступности, в котором сообщил, что изгнание плода у русских считается страшным грехом, тем не менее в каждом селе есть женщины, занимающиеся этим. Для изгнания плода знахарки дают пить сулему или советуют глотать жестяные кружочки. Выкидыши чаще всего зарываются в землю в подполье, реже их прячут в навозные кучи и бросают зимой в речки и ручейки. Для предотвращения беременности женщины тотчас после полового акта пьют ложку воды с порошком, обмыв руки своей мочой.¹²³

Согласно свидетельству Ф. В. Гиляровского, женщины, стремившиеся предотвратить беременность, увеличивали срок кормления грудью «далее пределов законных — двух великих постов», т. е. более двух лет. «Матери продолжают кормить грудью ребенка до четырех и до пяти лет и кормят чужого, иногда и беззубых щенят, не говоря уже об извлечении ими своего молока и более неестественным способом».¹²⁴ Продление лактации широко практиковалось в других губерниях вплоть до 1920-х гг. «Если последующая беременность долго не наступает, — отмечалось в одном исследовании 1920-х гг., — кормят, пока ребенок не застыдится, — до 4, 5 и 7 лет».¹²⁵ Этот метод до некоторой степени защищал женщин от новой беременности, так как, по данным русских врачей, около 80% женщин не имели менструаций при кормлении грудью.¹²⁶ Врач А. О. Афиногенов, практиковавший в конце XIX—начале XX в., и многие участники Двенадцатого съезда Общества русских врачей 1913 г. отмечали, что уже в 1880-х гг. в деревнях, особенно в подгородных, стали входить в практику аборт.¹²⁷ В деревнях они производились преимущественно «бабками» и знахарками.¹²⁸ Горожане познакомились с абортом раньше, и в начале XX в. промышленные города были охвачены «эпидемией аборт». «В рабочей среде стали смотреть на искусственный выкидыш как на нечто весьма обыденное и притом весьма доступное».¹²⁹ О возрастании числа аборт мы можем весьма приблизительно судить по данным о привлеченных к уголовной ответственности за производство аборт: в 1873 г. было привлечено 7 мужчин и 10 женщин, в 1892 г. — соответственно 3 и 16, в 1913 г. — 34 и 210.¹³⁰ Но это лишь верхушка айсберга. С одной стороны, по новым судебным уставам 1864 г. преследование за аборт ослабло, с другой — «преступники» научились скрываться от правосудия, ибо еще в 1830-е гг. за «кисребление беременности»

привлекались в среднем в год по 108 мужчин и 284 женщины,¹³¹ а с тех пор число абортосов сильно увеличилось. Но даже приблизительного представления о числе «криминальных» абортосов составить невозможно, потому что они тщательно скрывались от церковных и светских властей. Согласно данным проведенного в 1927 г. обследования украинских крестьянок в возрасте свыше 50 лет, т. е. рожденных до 1877 г. и проведших большую часть репродуктивного возраста до 1917 г., 9% из них пользовались тем или иным способом, чтобы предотвратить зачатие, чаще всего *coitus interruptus*. При этом в среднем на каждую женщину пришлось 7.4 живорожденного ребенка вместо 9—10 для всех женщин.¹³² Как видим, принимаемые меры отчасти помогали.

В городах движение женщин против многодетности приняло более широкие масштабы. Например, не в самом большом и культурном городе России Харькове тенденция к распространению «презервативных и абортивных средств» обнаружилась уже с конца 1860-х гг.¹³³ С 1890-х гг. образованные классы населения стали широко применять презервативы, которые, однако, по религиозным причинам и из-за дороговизны в крестьянский быт не входили. Презервативы рекламировались в газетах и продавались во всех аптеках, магазинах медицинских инструментов и резиновых изделий.¹³⁴ Харьковский врач П. Н. Чухнин в 1893 г. отметил, что «многие из его больных заявляли о своем нежелании иметь детей и многие говорили о тех мерах предосторожности, которые они предпринимали, чтобы предохранить себя от беременности; если прибавить к этому, что некоторые выкидыши вызваны были, по-видимому, умышленно, то мы увидим, что у современной женщины существует сильное стремление к ограничению числа беременностей».¹³⁵

Регулирование рождаемости постепенно входило в жизнь и начинало приносить свои результаты. Рождаемость в Петербурге с 1861—1865 по 1911—1915 гг. упала с 38 до 26 на тысячу человек населения, в Москве она уже в 1867—1880 гг. равнялась всего 23 на тысячу, но в отличие от Петербурга к 1911—1913 гг. повысилась до 29 на тысячу вследствие огромного притока крестьян.¹³⁶ Данный уровень рождаемости свидетельствует о том, что она стала регулироваться. Об этом говорит и тот факт, что общая и брачная плодovitость в Петербурге имела не только межсословные, но и внутрисословные отличия. В 1907—1912 гг. женщины бедных классов рожали в 3 раза чаще, чем представительницы богатых слоев, жены квалифицированных рабочих рожали в 2 раза реже, чем жены неквалифицированных рабочих.¹³⁷ К 1910 г. насчитывалось 15 губерний, где рождаемость была ниже 40 на тысячу и, следовательно, определенно контролировалась.¹³⁸

Знание методов регулирования рождаемости проникало в деревню через отходников. Врач Д. Н. Жбанков, используя данные за 1866—1883 гг., выяснил, что в волостях с развитым отходничеством женщины обыкновенно рожали через 3—5 лет, хотя мужья ежегодно на два-три месяца приходили домой, а в волостях «оседлых», крестьяне которых не занимались отходничеством, — через 1—2 года. Поэтому в первых волостях женщины рожали за репродуктивный период 5.3 раза, а во вторых — 9.2 раза, т. е. на 74% больше. При этом в «отхожих» семьях совсем нерожавших женщин насчитывалось 11%, а в «оседлых» — 3%.¹³⁹ Это дает веские основания для заключения, что мужчины-отходники приносили из города знания о том, как не допускать зачатия. Они их черпали часто у городских проституток, которые были экспертами в этом вопросе. И. Григорьев, практиковавший врач Ярославской губернии, где 37% взрослого населения занимались отхожими промыслами, установил в 1880-е гг., что в среднем ярославские крестьянки имели первые роды спустя 2.9 года после вступления в брак, в то время как в земледельческих губерниях — на первом году брака. Последний ребенок у ярославских женщин появлялся на свет, когда им было в среднем около

38 лет, но климакс в среднем у них наступал в 42 года.¹⁴⁰ Эти факты ясно указывают на то, что ярославские женщины регулировали рождаемость. Согласно исследованиям, проведенным врачами, в России в последней трети XIX в. первая беременность наступала спустя 15—21 месяц после вступления в брак, что указывает на использование методов регулирования рождаемости, так как беременность молодой и здоровой девушки, «честно исполнявшей свой супружеский долг», по свидетельству Ф. В. Гиляровского, наступала в первые дни супружеской жизни, в крайнем случае по истечении месяца.¹⁴¹

Таким образом, приведенные данные прямо говорят о том, что в последней трети XIX в. методы регулирования рождаемости стали постепенно входить в жизнь, сначала в городах, затем в деревнях, в среде образованных и богатых слоев населения, а затем и среди городских низов и крестьянства. Однако есть основания полагать, что регулирование рождаемости началось по крайней мере во второй трети XIX в., и началось оно среди помещичьих крестьян, особенно тех, которые страдали от малоземелья. Поскольку этот факт тщательно скрывался, его удалось зафиксировать с помощью статистического анализа демографических данных.

Мое внимание привлекла Полтавская губерния, потому что в 1861—1865 гг. при максимально высокой для сельского населения Европейской России брачности там была сравнительно низкая рождаемость (брачность в губернии составила 13, рождаемость — 50 на тысячу человек населения, в то время как в среднем по стране — соответственно 11 и 54 на тысячу). Кроме того, за 1835—1850 гг. мы располагаем разнообразными экономическими и демографическими данными по 15 уездам этой сугубо земледельческой губернии, заселенной православным населением численностью свыше 1.6 млн человек, среди которых было 42% помещичьих крестьян и 49% — государственных. Внешне все выглядело вполне традиционно — ранние и всеобщие браки, высокая рождаемость и смертность: в 1835—1850 гг. средний коэффициент брачности равнялся 11.1, рождаемости — 49.8, поднимаясь в отдельные годы до 56, и смертности — 40.1 на тысячу.¹⁴² Однако в губернии было мало земли — около 3 десятин (3.3 га) на душу населения, а пахотной — и того меньше.¹⁴³ Ранжирование уездов по величине демографических коэффициентов и количеству земли на душу населения обнаружило между этими показателями тесную зависимость: чем больше в уезде имелось земли, тем выше там была брачность и рождаемость населения, и наоборот. Корреляционный анализ доказал справедливость этого наблюдения: коэффициент корреляции между уровнем рождаемости и величиной земельного надела в уездах равнялся 0.58. Это означает, что земельный надел примерно на 33% ($0.58 \times 0.58 = 0.33$) обуславливал уровень рождаемости. Это немного, но важен сам факт наличия такой зависимости, который дает основание для двух предположений: 1) часть полтавских крестьянок с успехом или все, но без большого успеха из-за незнания совершенных методов контрацепции, сознательно регулировали рождаемость; 2) уровень рождаемости в 50—56 на тысячу, при существовании всеобщей и ранней брачности и хорошем здоровье женщин, может свидетельствовать о начале регулирования рождаемости. Действительно, в 1896—1897 гг. общая рождаемость населения России составляла 54% от физиологического максимума (за который принимается брачная рождаемость гуттеритов — членов американской религиозной секты, отличающихся хорошим здоровьем и полным отсутствием внутрисемейного регулирования), брачная рождаемость — 76%.¹⁴⁴ В эти годы средняя общая рождаемость составляла 50.1 на тысячу, в том числе у православного населения 53.1 на тысячу.¹⁴⁵ Таким образом, отклонение от предельно физиологической рождаемости в конце XIX в. было довольно значительным, но оно не могло возникнуть сразу, а появлялось постепенно. Все это позволяет с большой вероятностью предположить, что регулирование рождаемос-

ти в России началось по крайней мере во второй трети XIX в., но осуществлялось с небольшим эффектом.

Помещичьи крестьяне — пионеры регулирования рождаемости

С регулированием рождаемости связано, вероятно, явление, получившее в исторической литературе название «вымирание помещичьего крестьянства». Суть его состоит в том, что начиная с конца XVIII в. доля помещичьего крестьянства в общем населении страны сокращалась: в 1719 г. она равнялась—48.4%, в 1762 г.— 52.7, в 1796 г. — 53.9, в 1811 г. —51.7, в 1833 г.— 44.9 и 1857 г. — 39.2%, с 1830-х гг. вообще прекратился рост его абсолютной численности.¹⁴⁶ Этому феномену посвящена большая литература, но исследователи не могут прийти к общему мнению. Спор идет главным образом вокруг вопроса: что было главной причиной сокращения численности помещичьих крестьян — социальная мобильность или низкий естественный прирост, вызванный падением благосостояния?¹⁴⁷ Две главные причины мешают спорящим прийти к единому мнению. Во-первых, все участники дискуссии исходят из тезиса, что всякое уменьшение численности населения, в том числе и вызванное снижением его естественного прироста, есть признак кризиса и падения уровня жизни; во-вторых, все они использовали один и тот же источник — ревизии, данные которых не могут в принципе решить проблему вследствие того, что весьма неточно учитывают социальную и географическую мобильность, а также и естественный прирост населения. Для решения вопроса необходимо привлечь сами данные о брачности, рождаемости и смертности и допустить, что сокращение населения может быть результатом сознательного регулирования рождаемости, к которому обращается та или иная социальная группа, чтобы уменьшить или прекратить нежелательный рост своей численности.

Метрические ведомости, которые с 1720-х гг. велись в каждом приходе, содержат прямые данные о демографических процессах среди всего населения. Правда, требуется чрезвычайно кропотливая и трудоемкая работа, чтобы распределить общие данные о демографических процессах между отдельными сословиями. Мы располагаем такими сведениями по трем губерниям — по Харьковской за 1808—1817 гг. о 305 тыс. помещичьих и 446 тыс. государственных крестьян, по Полтавской губернии за 1835—1850 гг. — соответственно о 111 и 113 тыс. и по С.-Петербургской губернии — соответственно о 23 и 62 тыс. Анализ этих данных дает результаты, приведенные в табл. III.7. Если следовать логике дискуссионтов, то нужно признать, что прежде всего вымирало городское население, так как у него был самый низкий естественный прирост. Но обратимся к крестьянам. В Харьковской губернии у помещичьих и государственных крестьян наблюдалась одинаковая смертность, но у первых была ниже рождаемость, именно поэтому у них был пониженный естественный прирост. Принимая во внимание одинаковый уровень брачности у обеих категорий крестьян, остается допустить, что помещичьи крестьяне сознательно регулировали рождаемость, стремясь ее уменьшить. В Полтавской и С.-Петербургской губерниях у помещичьих крестьян не только рождаемость, но и смертность была ниже, чем у государственных, при примерно одинаковой брачности у полтавских крестьян и при большей брачности у помещичьих крестьян в С.-Петербургской губернии. Следовательно, и здесь можно говорить о первых попытках регулирования рождаемости помещичьими крестьянами. Выше было высказано предположение, что полтавское крестьянство регулировало рождаемость. Теперь можно более определенно сказать, что рождаемость регулировали, но, скорее всего, лишь помещичьи крестьяне.

Таблица III.7

Демографические процессы в среде помещичьих и государственных крестьян и городского населения в первой половине XIX в.
(на тысячу человек населения)

Сословие	Брачность	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост населения
Харьковская губерния, 1808—1817 гг.				
Крестьяне помещичьи	10.6	44.2	30.4	13.8
Крестьяне государственные	10.6	49.3	30.4	18.9
Городское*	10.3	48.1	35.0	13.1
Полтавская губерния, 1835—1850 гг.				
Крестьяне помещичьи	12.3	51.4	40.0	11.4
Крестьяне государственные	13.9	60.4	48.3	12.1
Городское*	10.5	49.3	41.9	7.4
С.-Петербургская губерния, 1841—1850 гг.				
Крестьяне помещичьи	10.5	50.0	34.0	16.0
Крестьяне государственные	9.8	53.0	36.0	17.0
Городское*	8.4	52.0	40.0	12.0

* Мещане, купцы, ремесленники.

Источники: *Каразин В. Н.* Сочинения, письма, бумаги. Харьков, 1910. С. 382—394; *Маркевич Н. А.* О народонаселении в Полтавской губернии. Киев, 1855. Табл. 29, 34, 38, 39; Архив РГО, разр. 35, оп. 1, д. 9, л. 23—59.

Сосредоточившись на данных о естественном приросте, исследователи проблемы вымирания помещичьего крестьянства пренебрегли вопросом о том, что было главным источником низкого прироста — смертность или рождаемость, а именно в этом состоит суть проблемы. Вот один пример. По данным ревизского учета в Симбирской губернии в 1834—1850 гг., естественный прирост помещичьих крестьян был ниже, чем у других категорий крестьян. Но это никак не говорит об их вымирании, так как смертность у них была низкая — 26 смертей на тысячу человек населения, у казенных — 40, у удельных крестьян — 25, а рождаемость — самая низкая: 46 на тысячу, в то время как у удельных крестьян — 56, у казенных — 61 на тысячу.¹⁴⁸ И в Симбирской губернии, как, впрочем, и в других губерниях, речь должна идти о регулировании рождаемости помещичьими крестьянами, а не об их вымирании, хотя возможны, конечно, отдельные отклонения от этой закономерности. Поскольку крепостное крестьянство всей России обладало пониженным естественным приростом населения¹⁴⁹ — главным образом за счет пониженной рождаемости, а не повышенной смертности, то наш вывод о начавшемся регулировании рождаемости можно распространить на крепостное крестьянство в целом.

Приведенные данные позволяют с большой вероятностью говорить не о вымирании помещичьих крестьян, а о том, что они раньше других категорий крестьян стали регулировать рождаемость. Это позволило им уменьшить смертность детей, облегчить положение женщин, повысить свое благосостояние. Вполне естественно, что именно помещичьи крестьяне выступили пионерами регулирования рождаемости: у них было меньше земли, чем у казенных крестьян; они несли большие повинности; они сильнее, чем менее закрепощенные категории крестьян, тяготились крепостной зависимостью.

Вероятно, что способам регулирования рождаемости они учились у помещиков прямо или через дворовых.

Итак, анализ истории рождаемости в России за 200 лет обнаружил, что она, как и брачность, претерпела достаточно серьезные изменения. Снижение рождаемости началось во второй трети XIX в. у дворянства, чиновничества, высшей страты городского населения, а также и у крепостного крестьянства; во второй половине XIX в. оно постепенно охватило все остальные группы населения. Снижение рождаемости в деревне с 1860-х гг. происходило под влиянием крупных промышленных городов. Как и в случае с брачностью, действовали экономические, культурные и психологические факторы. Увеличение плотности населения и соответствующее уменьшение природных ресурсов на душу населения в деревне во второй трети XIX в., изменение культурных стандартов у образованных классов общества и городских сословий — вот что являлось главными факторами снижения рождаемости. Оно происходило сознательно в результате снижения брачности и начавшегося со второй трети XIX в. регулирования рождаемости. Приводимые в табл. III.8 данные в суммарном виде выражают все изменения, произошедшие в России с брачностью и рождаемостью к началу XX в.¹⁵⁰

Таблица III.8
Факторы, определявшие среднее число детей, приходившихся на одну женщину в России на рубеже XIX—XX вв.

Среднее число детей, которое могла бы родить женщина за свою жизнь	12.44
Родила	6.24
Не родила	6.20
в том числе:	
из-за смерти некоторых женщин до 50 лет	1.26
из-за того, что некоторые женщины не вступили в брак	0.55
из-за того, что не все вступили в брак в 16 лет	2.38
из-за пребывания вне брака после овдовения	0.41
из-за плохого состояния здоровья или предотвращения рождений	1.60

Источники: Вишневский А. Г., Волков А. Г. (ред.). Воспроизводство населения СССР. С. 282.

На рубеже XIX—XX вв. российские женщины лишь наполовину использовали свой биологический потенциал (вместо 12—13 раз рожали в среднем 6—7 раз), главным образом вследствие того, что вступали в брак в более позднем возрасте, чем прежде (2.38), регулировали рождаемость (1.60) и из-за преждевременной смерти (1.26).

СМЕРТНОСТЬ

Уровень смертности и его факторы

На протяжении XVIII—начала XX в. смертность среди православного населения России находилась на очень высоком уровне как в городе, так и в деревне, как среди простого народа, так и среди привилегированной части общества (табл. III. 1). В XVIII в. общий коэффициент смертности в городе колебался между 40 и 60, в деревне — между 30 и 40 на тысячу человек населения. В первой половине XIX в. колебания смертности по годам несколько сгладились, но средний уровень оставался, как и прежде, высоким: в городе — около 49, в деревне — 35 на тысячу.¹⁵¹ С 1860-х гг. смертность начала постепенно снижаться: общий коэффициент смертности с 1851—1859 по 1909—1913 гг. в городе понизился с 53 до 27, в деревне — с 39 до 32 на тысячу.¹⁵² Снижение смертности было повсеместным, но в городе оно про-

Рис. 30. Похороны министра внутренних дел В. К. Плеве (1846—1904). С.-Петербург. 1904 г.

ходило интенсивнее, чем в деревне, в крупных городах — значительнее, чем в малых, среди привилегированных слоев — быстрее, чем среди низших классов населения.

Главными факторами снижения смертности в России были повышение культурного уровня населения и расширение бесплатной медицинской помощи. За 1850—1913 гг. грамотность населения в возрасте старше 9 лет выросла с 15 до 40%.¹⁵³ В 1837 г. в России насчитывалось 6.8 тыс. врачей (без дантистов), в 1846 г. — 8.7, в 1880 г. — 13.5, в 1913 г. — 28.1 тыс.¹⁵⁴ Число врачебных участков, где крестьянам оказывалась бесплатная медицинская помощь, за 1870—1913 гг. увеличилось с 530 до 2970, или в 5.6 раза.¹⁵⁵ Успехи самой медицинской науки повысили эффективность профилактической и лечебной работы медицинского персонала. Возникшие общества по борьбе с детской смертностью развернули работу по всей стране, и это имело большое значение, так как прежде всего падение детской смертности способствовало понижению общей смертности. Новые гигиенические навыки и представления постепенно распространялись среди населения, особенно городского и той части сельского, которая была тесно связана с городом. Результаты всей этой работы стали постепенно сказываться на снижении смертности от заболеваний. Например, за 1891—1914 гг. число умерших от скарлатины, дифтерии, кори и коклюша сократилось в 1.42 раза, от оспы — в 2.5 раза, от тифа — в 1.88 раза.¹⁵⁶

Важно отметить, что снижение смертности в 60-х гг. XIX в. происходило на фоне падения жизненного уровня сельского населения и ухудшения его питания.¹⁵⁷ Это говорит о том, что культура и медицинское обслуживание оказывали большее влияние на смертность, чем благосостояние, если, разумеется, его падение не заходило слишком далеко. Однако **снижение смертности имело негативные последствия для крестьянства**: оно привело к повышению естественного прироста и увеличению числа детей в семье (табл. III.5), так как падение смертности только у крестьянства превысило падение

Рис. 31. Группа умерших от истощения детей. 1892 г.

Рис. 32. Группа исхудавших крестьян. 1892 г.

рождаемости. У всех остальных сословий число детей в семьях сократилось благодаря тому, что рождаемость у них понизилась больше, чем смертность. Увеличение числа выживающих детей еще более усугубляло материальное положение крестьянства (86% населения) и в свою очередь имело два демографических последствия: с одной стороны, толкало население к понижению рождаемости, с другой — препятствовало ускорению дальнейших прогрессивных изменений в характере и уровне смертности. Ввиду этого вплоть до начала XX в. смертность сохраняла такие черты, как резкое преобладание смертей, обусловленных экзогенными факторами, т. е. факторами среды (инфекционные болезни, болезни органов дыхания, несчастные случаи, отравления, травмы), концентрация смертей в детских и зрелых возрастах и очень низкая средняя продолжительность жизни.

Исследователи обычно указывают в качестве факторов высокой смертности и ее характерных особенностей на бедность, хроническое недоедание, низкое качество питания народа, антисанитарную обстановку повседневного труда и отдыха, тяжелые жилищные условия, отсутствие элементарных гигиенических знаний и навыков.¹⁵⁸ Действительно, материальное благосостояние оказывало влияние на смертность, но не так прямолинейно, как иногда думают. Из данных табл. III.9 видно, что в 1830—1870-х гг. у более обеспеченных слоев городского населения смертность была ниже (за исключением военных и чиновников), а у сельского населения (если судить по всему населению), наоборот, — выше (наименьшая смертность у крестьян). Эти различия в уровне смертности в течение второй половины XIX—начала XX в. росли вследствие увеличения имущественной дифференциации городского населения при одновременной дифференциации районов городов по степени благоустройства и комфорта. Состоятельные слои населения заселяли благоустроенные кварталы, а бедные классы — неблагоустроенные, вблизи промышленных предприятий, как правило, на окраине города. Сочетание материального достатка с жизнью в лучших экологических условиях способствовало снижению заболеваемости и смертности привилегированных слоев общества.¹⁵⁹ Россия в этом отношении догоняла Европу.¹⁶⁰

Таблица III.9
Смертность среди разных сословий в 1840—1870-е гг.
(на тысячу человек населения)

Население	Дворяне	Духовенство	Купцы	Мещане	Крестьяне
Лужский уезд, 1841—1850 гг.	41*	39	39	40	35
Тульская губерния, 1860—1864 гг.	—	—	50	60	45
Одесса, 1851—1860 гг.	21*	—	20	34	53
Архангельск, 1870—1874 гг.	32**	19	19	33	37
Тула, 1860—1864 гг.	78***	36	37	45	63
Москва, 1834—1840 гг.	44**	21	34	35	38
С.-Петербург, 1870 г.	24*	25	30	41	43

* Помещики. ** Помещики и чиновники — дворяне и недворяне. *** Помещики, офицеры, чиновники — дворяне и недворяне.

Источники: Архив РГО, разр. 35, оп. 1, д. 9, л. 23—59 (Лужский уезд С.-Петербургской губернии); РГИА, ф. 796, оп. 145, д. 225; оп. 146, д. 307 (Тульская губерния); Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1867. № 1. С. 24; № 9. С. 88—89; *Гастев М.* Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. М., 1841. Ч. 1. С. 275—276; *Гобнер Ю.* Санитарно-статистическое описание С.-Петербурга. СПб., 1872; *Минейко Г.* О выдающихся особенностях смертности в городе Архангельске // Архангельские губернские ведомости. 1885. № 4—8; *Финкель М.* Исследование о смертности в Одессе в десятилетний период: с 1851 по 1860 год. Одесса, 1865. С. 34—37.

Среди крестьянства социальные различия в смертности до 1860-х гг. не были заметны ввиду его социальной однородности. Но к концу XIX в. имущественная дифференциация крестьянства достигла значительного уровня,¹⁶¹ и это обстоятельство сразу сказалось на различиях смертности отдельных его социальных слоев (табл. III. 10).¹⁶²

Таблица III.10
Влияние материального достатка на здоровье и смертность крестьянства Воронежской губернии в 1898—1902 гг.

(на тысячу человек населения)

Земли на хозяйство, га*	Общая смертность	Детская смертность	Инвалиды	Больные
Безземельные	35.0	217.1	39.1	9.7
Менее 5.5	34.1	212.6	17.8	5.8
5.5—15.9	33.2	186.6	14.7	4.2
16.0—27.0	28.6	168.1	11.5	3.2
Более 27.0	26.2	149.3	8.8	2.5

* Русские меры площади (десятины) переведены в гектары (га).

Источник: Шингарев А. И. Заболеваемость населения Воронежской губернии 1898—1902 гг. Воронеж, 1906. Т. 1, ч. I. С. 337—345.

Кроме материального достатка действовали еще три важных фактора высокой смертности: образ жизни (быт и культура), местожительство (город или деревня) и высокая рождаемость, обуславливавшая плохой уход за детьми.

Образ жизни. Если ранжировать сословия по уровню смертности, то окажется, что во всем населении наиболее высокая смертность наблюдалась у дворян, затем — у мещан, купцов, почетных граждан и духовенства, самая низкая — у крестьян. Другая картина в городах: чаще всего наивысшая смертность была у крестьян, затем — у мещан, дворян, самая низкая — у купцов и духовенства (табл. III.9). Учитывая приблизительность всяких демографических сведений, относящихся к периоду до конца XIX в., можно полагать, что эти данные правильно ранжируют сословия по высоте смертности, но вряд ли точно указывают ее сословный уровень. Если бы главные факторы высокой смертности сводились к условиям быта, питания и т. п., то во всем населении сословия по уровню смертности расположились бы в порядке, соответствующем их материальному положению: дворяне, купцы, духовенство, мещане, крестьяне, т. е. чем выше материальный уровень жизни сословия, тем ниже была бы у них смертность. Однако мы видим другое. Если бы материальные условия жизни не играли никакой роли, то и среди городского населения смертность по сословиям была такой же, как во всем населении. Но это не так. В чем же причина? Дело, по-видимому, в том, что значительную часть городских крестьян составляли мигранты и отходники, приезжавшие в город на заработки. Они были заняты на рискованных работах, жили в непривычных для них и во много раз худших условиях сравнительно с деревней — без семьи, без деревенской работы на свежем воздухе и других атрибутов сельской жизни, имели худшие жилищные условия и, возможно, даже хуже питались. Поэтому смертность крестьян в городе была самой высокой и выше, чем в деревне. В привычных условиях деревни, несмотря на низкий материальный уровень жизни, смертность у них была самая низкая. В условиях города смертность у мещан была в 1.7 раза выше, чем у купцов, но в деревне она у обеих групп повышалась, одновременно выравниваясь, поскольку те и другие отрывались от дома, от привычных им условий жизни, так же как крестьяне, приходившие в город на заработки.

Духовенство и дворянство в городе имели более низкую смертность, чем в деревне, потому что городское духовенство было намного обеспеченнее сельского и вело более спокойную и размеренную жизнь. Из дворян жизнь в городе могли позволить себе только богатые, которые, естественно, имели комфорт, лучшее из возможного медицинское обслуживание; кроме того, несколько месяцев в году они проводили в своих поместьях в деревне. У чиновников, которые жили только в городах, а также у военных смертность, как правило, везде была высокой. Причина в том, что у военных была опасная, а у чиновников — изнурительная служба. Разумеется, в данном случае имеются в виду не высшие, а низшие страты тех и других, поскольку уровень смертности чиновников и военных определяли не генералы, а низшие чины, которые были плохо материально обеспечены и многие из которых жили без семьи, что, как известно, не способствует долголетию. Священник И. Братолобов, обнаруживший, что во всем населении смертность у дворян и офицеров из дворян выше, чем у крестьян, несмотря на худшие условия жизни последних, так объяснил этот парадокс: «Мы легко поймем это явление, если обратим внимание на самый образ их жизни. Прежде всего воспитание — по большей части изнеженное, усложнение и с тем вместе ослабление организма употреблением часто самых разнообразных и изысканных видов пищи и питья, неразборчивость во времени для покоя и труда, столь враждебная здоровью, и другие подобные обстоятельства, неблагоприятные для здоровья и между тем обыкновенные в жизни военных и дворян, — вот причины наибольшей смертности в этих сословиях. Совсем не то в сословии крестьянском. Правда, что жилища крестьян не так опрятны, как жителей других сословий; избы по большей части дымные и курные, в болезнях они редко прибегают к лечению, а если и лечатся, то как-нибудь и чем-нибудь. Но образ жизни и занятия предотвращают болезни и уменьшают смертность. Крестьяне исключительно занимаются земледелием и работают на свежем воздухе, среди полей, лугов и лесов. Труд — в пору и в меру, покой и отдых — вовремя, жизнь — умеренная и непритворная, обилие жизненных удовольствий и довольство малым заключают более условий для долговечной жизни».¹⁶³ Эту же мысль мы встречаем через 40 лет у известного общественного деятеля и земского врача А. И. Шингарева, который на основе многолетних изысканий пришел к выводу, что быт, культура и образование — «первый по важности фактор болезненности и смертности населения. Деятельность медицинского персонала разбивается о народное невежество всегда и везде».¹⁶⁴

Местожительство. В течение XVIII—начала XX в. в городе смертность была выше, чем в деревне — 49—51 против 36—37 на тысячу человек населения (табл. III. 1). Со временем различия в смертности уменьшались, и если судить по общему коэффициенту смертности — 30.5 в городе и 35.4 на тысячу человек в деревне, то к концу XIX в. город даже превзошел деревню. Однако в данном случае общий коэффициент смертности исказил истинные различия в смертности между городом и деревней, так как — по природе общего коэффициента смертности — он не в состоянии учесть возрастные особенности городского и сельского населения. Между тем вследствие миграции в городе сравнительно с деревней проживало более молодое население, причем не за счет младенцев и детей, а за счет взрослых людей, которое характеризовалось меньшей смертностью, чем дети и старики. Чтобы выяснить истинные различия в смертности между городом и деревней, необходимо использовать *стандартизированный коэффициент смертности*, который оценивает смертность при стандартной, одинаковой возрастной структуре в городе и деревне. Если вычислить для городов и сел показатель смертности, приняв за стандарт возрастную структуру Европейской России, то стандартизированный коэффициент смертности для православного городского населения составит 37, для сельского — 34 на тысячу.¹⁶⁵ В 1842—

Рис. 33. Оказание помощи больной, пришедшей к источнику Серафима Саровского. Саровская мужская пустынь, Темниковский уезд, Тамбовская губ. 1903 г.

Рис. 34. Рабочая казарма. С.-Петербург. 1900-е гг.

Рис. 35. Водовоз, набирающий в бочку питьевую воду на Неве. С.-Петербург. 1913 г.

1851 гг. различия в смертности были еще более в пользу деревни — 34 против 46 на тысячу, если судить по стандартизированному коэффициенту смертности.¹⁶⁶ В чем причины более высокого уровня городской смертности?

Некоторое влияние на смертность могла оказывать густота населения в городах в связи с вредными последствиями для здоровья человека скопления людей, с загрязнением воздуха, почвы, воды и пр., скоростью распространения инфекционных заболеваний. Английский статистик В. Фарр в 1843 г. вывел на данных западноевропейских стран формулу, согласно которой смертность в городах пропорциональна корню десятой степени из плотности населения.¹⁶⁷ Однако на русских данных сколько-нибудь заметная зависимость между густотой населения и смертностью ни в городе, ни в сельской местности не обнаруживается. Главные факторы более высокой, чем в деревне, смертности в городе лежали в перенаселенности жилищ, в развитии пауперизма, алкоголизма и проституции, в существовании в городе большого числа вредных для здоровья профессий, в том, что санитарные и гигиенические условия жизни горожан, включая водоснабжение, удаление нечистот, борьбу с фальсификацией пищевых продуктов и заразными болезнями в течение XVIII—начала XX в., находились на весьма низком уровне и были намного хуже, чем у сельского населения.¹⁶⁸ Первые водопроводы были построены в Москве (в 1805 г.) и Петербурге (в 1859 г.), к 1910 г. в России (без Финляндии) имели водопровод 18% городов, канализацию — 3.5%, а скотобойни в городской черте — 83% городов.¹⁶⁹ Русские города в санитарном отношении заметно отставали от западноевропейских.¹⁷⁰ Это происходило потому, что лишь при Николае I со второй четверти XIX в. власти стали принимать меры по улучшению санитарного состояния городов.¹⁷¹ Среди этих мер важное место принадлежало постановлению правительства от 1826 г. о переносе в течение 10 лет вредных для здоровья горожан про-

Рис. 36. Рабочие жилища Выборгского района. С.-Петербург. 1900-е гг.

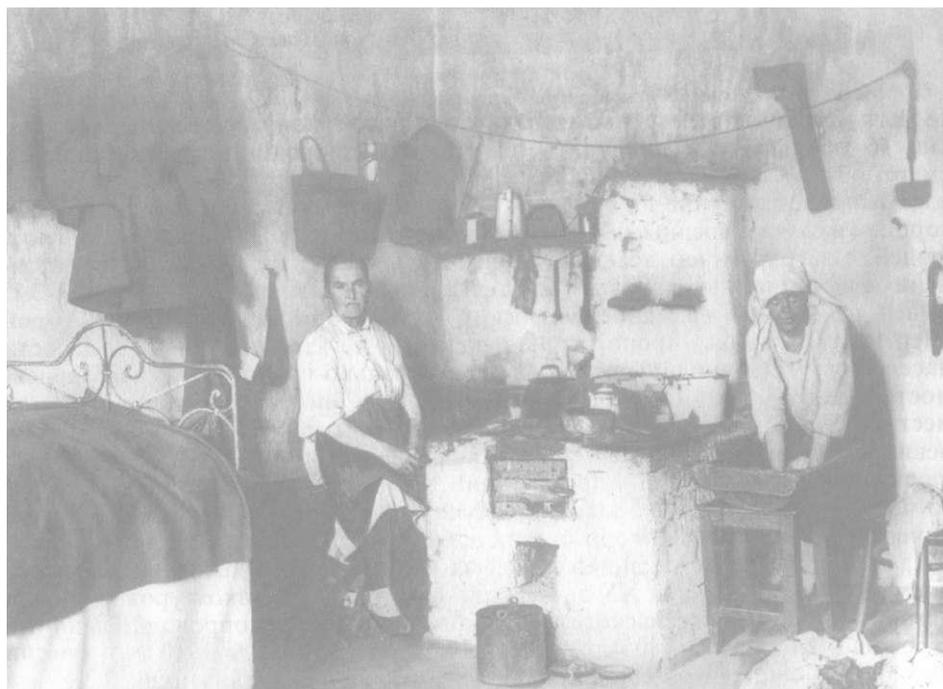

Рис. 37. Квартира рабочих. С.-Петербург. 1900-е гг.

мысленных заведений из городов вниз по течению рек. Начиная с 1870-х гг. городские думы стали более серьезно заниматься вопросами благоустройства городов и к 1917 г. им удалось сделать сравнительно много, но все же недостаточно, чтобы догнать в санитарном отношении западноевропейские города.

Высокая рождаемость и уход за детьми. Большое влияние на уровень смертности оказывала также высокая рождаемость и связанный с ней плохой уход за детьми. Ни одно общество, ни одна самая развитая экономика не в состоянии прокормить то огромное число детей, которое рожали русские женщины в течение XVIII—начала XX в., если бы дети не умирали тоже в огромном количестве. Младенческая смертность до середины XIX в. превышала 300 на тысячу, к концу XIX в. понизилась до 260, к 1911 г. — до 237 на тысячу, а до 5 лет даже в 1897 г. доживало всего 57% новорожденных.¹⁷² Это была какая-то адская машина: дети рождались, чтобы умереть, и, чем больше рождалось детей, тем больше умирало, а чем больше умирало, тем больше рождалось. Высокая рождаемость провоцировала высокую смертность, и наоборот. Если бы детей рождалось меньше, они получали бы лучший уход и их несомненно меньше бы умирало. Не случайно, наверное, чем выше был порядковый номер рождения (начиная с третьего ребенка), тем меньше было у ребенка шансов выжить — верное свидетельство повышенной смертности в многодетных семьях.¹⁷³ В данном случае речь идет не о прямой физиологической связи между рождаемостью и смертностью, а о такой зависимости, которая существовала опосредованно, обуславливалась влиянием бытовых, культурных и социально-экономических факторов.¹⁷⁴ Высокий уровень детской смертности, существовавший в России, являлся производным не только от низкой культуры, грамотности, недостатка медицинских знаний и бедности, он являлся порождением русской модели демографического поведения. В Германии, Австрии, Швеции, Франции и других странах, придерживавшихся иной, так называемой западной модели, в XVII—XVIII вв. общий коэффициент смертности составлял 25—28 на тысячу — меньше, чем в России даже в 1913 г. (31 на тысячу), в значительной степени потому, что рождаемость там была в пределах 28—32 на тысячу и матери могли выхаживать своих детей при том же уровне общей культуры, грамотности и медицинских знаний, которыми обладали в массе русские люди в начале XX в.

Среди православного населения России, и в особенности среди русского населения до 1860-х гг., **существовала самая расточительная, неэффективная, можно сказать, экстенсивная модель воспроизводства населения.** Среднее число девочек, которое надо было родить замужней женщине, чтобы обеспечить простую замену материнского поколения (так называемая цена простого воспроизводства населения), в середине XIX в. равнялось 2.4, а в западноевропейских странах в XVII—XVIII вв. — 1.8. Причина этого состояла в том, что у православных женщин до середины XIX в. существовала иная психологическая установка, другая парадигма в отношении числа рождающихся и умирающих детей — полагаться не на себя, а на Бога. «Вся забота нашего крестьянина о детях в раннем возрасте яснее всего выражается в его поговорке: „Жив, так и не тронь живет, а умер, так Бог прибрал — святая душенька будет" или „Если ребенок родился на живое, то выживет, если на мертвое, так умрет"». ¹⁷⁵ Уход за детьми, даже за первенцами, был минимальным.¹⁷⁶ Среди 11 народностей России в конце XIX в. смертность русских детей в возрасте до 3 лет включительно была наивысшей — выше даже, чем у белорусов, украинцев, молдаван, евреев, татар и башкир, которые в смысле материального и культурного уровня мало отличались от русских.¹⁷⁷ В остальных возрастных группах русские дети по уровню смертности не поднимались выше 5-го места. Сравнивая смертность русских и татарских детей, врач С. Ершов заключил, что уменьшить смертность русских детей

невозможно «без коренной ломки и усиленных материальных затрат», так как «разница в силе смертности детей двух народностей обуславливается различием во времени и способах прикармливания, в различии веками сложившихся привычек и обычаев ухода за детьми, в различии условий труда русской крестьянки и татарки <...> В самую опасную для детей пору — в летние месяцы — матери оставляют их на произвол судьбы. С грязным вонючим рожком, набитым жевкой (жеванным хлебом. — *Б. М.*), ребенок остается на весь долгий летний день под присмотром малолетних нянек-детей, слепых стариков и старух и других калек, вовсе неспособных к работе. Оставленные без призора дети валяются в жарко натопленной избе в заскорузлых, неменяющихся, немоющихся пеленках, покрытые зачастую с ног до головы калом, мочой и облепленные тысячами мух; но еще хуже участь детей, которых берут матери с собой в поле».¹⁷⁸ В конечном счете в возрасте до 10 лет — конца специфической детской смертности — русские дети отличались максимальной смертностью, а эстонские — минимальной (табл. III.11).

Таблица III.11

Индекс вероятности умереть у новорожденного мальчика до достижения им 10 лет у 11 народностей России в 1897 г.

(минимальная вероятность умереть у эстонца = 100)

Эстонцы	100.0	Евреи	123.8	Татары	143.1
Латыши	102.0	Украинцы	129.1	Чуваши	145.5
Литовцы	107.8	Башкиры	133.1	Русские	169.3
Молдаване	113.8	Белорусы	134.9		

Источник: *Птуха М.* Смертность 11 народностей Европейской России... С. 24.

Примерно такое же положение было и у девочек. Пройти суровую школу русского детства удавалось лишь 47% мальчиков и 50% девочек.¹⁷⁹ Разумеется, до 11 лет доживали самые здоровые, самые смысленные дети, способные пережить все невзгоды, которые выпадали на их долю. Однако то же происходило и у других народностей.¹⁸⁰ Вследствие этого, за исключением чувашей, средняя продолжительность предстоящей жизни в любом возрасте у русских оказывалась ниже. Более половины детей умирало, унося с собой в могилу и те затраты, которые успели сделать на них родители. Даже при минимальном уходе они были значительны — скольких мук и трудов стоили женщине только бесполезные беременности. Вот почему к 40 годам женщина-простолюдинка походила на старуху. «Грубоспартанское воспитание господствует в России в самых широких размерах до сих пор, — отмечал Е. А. Покровский в 1884 г. — Подобное отношение к детям вырабатывает такие качества, как выносливость, способность приспособляться к самым трудным условиям, терпение, покорность судьбе, закаленность, но вместе с тем имеет и такие негативные последствия, как огромную смертность, множество калек и инвалидов, а также то, что из младенчества в детство переходит много детей с плохим здоровьем».¹⁸¹

Детоубийство

В 1982 г. американский историк Р. Хелли высказал мысль, что в России XVI—XVII вв. было широко распространено детоубийство, главным образом девочек. Его вывод был основан на том, что среди свободных людей, самопродававшихся в холопы семьями, доля мальчиков составляла 63%, а девочек — 37%.¹⁸² Вывод Хелли осторожно поддержал Д. Рэнсел, указав на мягкое наказание родителей за убийство детей, тяжелые материальные условия жизни и т. п. как на факторы, способствовавшие детоубийству, и предположил, что детоубийство могло практиковаться и в последующем.¹⁸³ Рэнсел привел данные о том, что среди детей, сдаваемых в Петербургский и Московский воспитательные дома в XVIII—XIX вв., вплоть до 1830-х гг. девочек было намного (в 1780—1810-е гг. на 20—30%) больше, чем мальчиков, и что, когда родители просили о возвращении им их детей, требования мальчиков в 2—3 раза превышали требования девочек.¹⁸⁴ Однако эти факты говорят лишь о различной ценности мальчиков и девочек для родителей вплоть до конца XIX в. Постараемся разобраться в проблеме детоубийства.

То, что детоубийство имело место в России, как и во всех странах мира в XVI—XVIII вв., — факт бесспорный. Об этом говорят свидетельства современников и уголовная статистика начиная со второй трети XIX в. В 1835—1846 гг., за 12 лет, за детоубийство было сослано в Сибирь со всей России (без Польши и Финляндии) 737 человек, в том числе 697 женщин, в среднем по 61 человеку в год.¹⁸⁵ За 1874—1883 гг. к ответственности за детоубийство только по 33 губерниям в среднем в год привлекалось 96 женщин, в 1899—1906 гг. по всей России — 194, в 1913 г. — 397 женщин. Осужденные на 95—99% состояли из женщин.¹⁸⁶ Как можно видеть, число осужденных за детоубийство значительно обгоняло рост населения, это при том, что большинство виновных полиция не обнаруживала и не сообщала о них в вышестоящие инстанции.

Детоубийство всегда существовало и на Западе. Проблема состоит в другом — являлось ли детоубийство в России редким, исключительным или массовым, бытовым явлением? Я склоняюсь к первой точке зрения. *В источниках нет ни одного свидетельства об обычае убивать девочек или детей вообще.* Убийство детей всегда рассматривалось как тяжкое преступление, если не по гражданским, то по духовным законам (шестая заповедь Закона Божьего), которые имели для населения не меньшее, если не большее, значение. Статистика продажи в холопство оставляет открытым вопрос о судьбе девочек. Но мы должны принять во внимание, что женский пол в России всегда плохо учитывался во всех переписях и расчетах численности населения, особенно до середины XIX в. Например, согласно данным учета посещения причастия и исповеди в XVIII в. (напомним, что в православии к причащению допускались дети со дня рождения), девочек до 7 лет насчитывалось на 26% меньше, чем мальчиков, в том числе у духовенства — на 22%, у дворян и чиновников — на 12%, у крестьян — на 27%; среди детей от 7 до 16 лет соотношение полов несколько изменилось, но мальчиков по-прежнему было на 12% больше, чем девочек.¹⁸⁷ В метрических ведомостях, составлявшихся духовенством, вплоть до 1840-х гг. пропорция девочек среди новорожденных была ненормально низкой. Например, в 1800—1809 гг. она составляла 47%, в 1830—1839 гг. — 48%, а число умерших девочек было в 2—3 раза меньше действительного числа умерших. Но это не означает, что девочек убивали, потому что по другим источникам

в конце XVIII в. во всем населении доля мужчин равнялась 50% и лишь начиная с XIX в. стала снижаться и достигла к 1897 г. 49%.¹⁸⁸ Переписи населения XVI—XVII вв. не учитывали женщин, и только ревизии 1719—1857 гг. начиная с третьей учитывали их. Одна из причин недоучета женского пола состояла в том, что податной единицей выступала «мужская душа», вторая причина — в приниженном социальном статусе женщин. Приведенные данные показывают, как

Рис. 38. Квартира рабочих. С.-Петербург. 1900-е гг.

Рис. 39. Воспитанники Воспитательного дома (младшая группа) в кроватках во время тихого часа. С.-Петербург. 1913 г.

рискованно полагаться на демографические сведения XVIII—первой половины XIX в., где фигурирует женский пол.

В 1833 г. Вольное экономическое общество провело конкурс на лучшее исследование о причинах большой смертности детей в России, на который поступило 84 сочинения, и ни в одном из них не говорится о детоубийстве как важной причине высокой смертности детей и вообще о распространенности этого явления.¹⁸⁹ В исследовании И. Р. Лихтенштедта, признанном лучшим, автор пишет: «Умышленное убийство новорожденных и грудных детей редко случается в России, где замужние и незамужние матери могут сбывать своих детей в благоустроенные воспитательные дома» (имелись в виду Петербургский и Московский воспитательные дома).¹⁹⁰ Зато Лихтенштедт и другие авторы много пишут о бедности, низкой культуре, отсутствии правильного медицинского обслуживания, недостатках призрения и ухода за детьми как причинах высокой детской смертности.

Если бы детоубийство практиковалось в широких размерах, то логично предположить, что в первую очередь устранялись бы дети с крупными и явными физическими дефектами, которые в условиях деревни обрекали людей на бедность и страдания. Между тем число инвалидов и лиц с психическими заболеваниями среди русских и других народов, исповадовавших православие, было велико; по этому показателю они уступали только латышам, немцам, финнам и малым народам Севера (табл. III.12).

Таблица III.12
Распределение лиц, имевших физические недостатки, по родному языку (национальности) в России в 1897 г.
 (на тысячу человек населения)

Национальность	Слепые*	Глухонемые	Немые	Умалитенные	Итого
Русские	56	104	26	105	291
Украинцы	56	110	30	77	273
Белорусы	56	120	32	76	283
Поляки	32	113	26	85	256
Литовцы	40	93	29	89	250
Латыши	49	138	29	190	406
Молдаване	34	79	21	85	219
Немцы	33	101	24	150	308
Армяне	75	55	19	92	240
Евреи	35	93	35	98	262
Грузины	40	84	17	64	205
Горцы Кавказа	46	40	18	58	161
Финны	103	89	20	122	334
Эстонцы	59	109	31	191	391
Народы Севера	104	164	45	65	379
Итого	57	99	27	94	277

* Слепые от рождения.

Источник: Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 2. С. 184—205.

Мне приходилось слышать от старых женщин, работавших повивальными бабками до и сразу после 1917 г., что если рожденный младенец имел явные признаки детского церебрального паралича, болезни Дауна, расщепления губы, мягкого и твердого нёба, гидроцефалии и явных врожденных уродств, то они не слишком старались помочь ему выжить, а мертворожденных не пытались оживить. Но все эти болезни и врожденные уродства встречаются очень редко.

Число детоубийств начало несколько увеличиваться со второй половины XIX в., когда наказание за это преступление стало таким же, как за умышленное убийство. Но и на протяжении XVIII—начала XX в. данное пре-

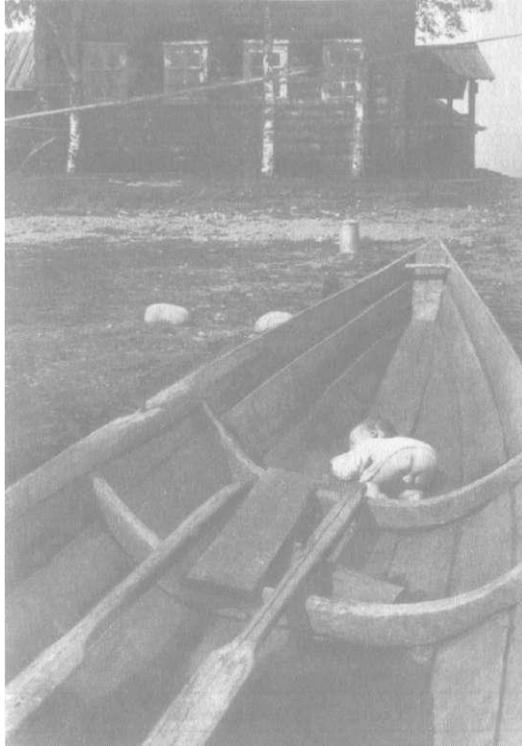

Рис. 40. Старшая сестра забыла о маленьком брате. Новолодожский уезд, С.-Петербургская губ. 1910-е гг.

ступление не имело характера бытового явления, малозначительного проступка. Верующие люди, а к ним относился весь народ, всегда считали убийство детей незамолимым грехом и решались на него, как правило, в состоянии отчаяния. До 98% детоубийств совершалось в сельской местности крестьянками, и жертвами этого преступления, как правило, были внебрачные дети, матери которых пытались таким способом спастись от позора и крайней нужды.¹⁹¹ За 1835—1843 гг. за детоубийство было сослано в Сибирь из крестьян 378, из военных — 78, из мещан — 12, из дворян — 4, из духовенства — 2 человека.

Другая проблема, связанная с детоубийством, состоит в том, что значительное число детей — по некоторым оценкам до трети — погибало из-за плохого ухода,¹⁹² что дает некоторое право назвать это скрытой формой детоубийства.¹⁹³ Как известно, всякая оценка какого-либо поступка должна учитывать его мотивацию. Есть основания для предположения, что в подавляющем числе случаев так называемого скрытого детоубийства отсутствовал умысел убить ребенка, но имелись либо фатализм, либо элементарная халатность, а в большинстве случаев явного детоубийства присутствовало

намерение, как это ни покажется странным, сделать ребенка счастливым. Писатель Андрей Платонов в одном из своих произведений описал, как голод в деревне в начале XX в. заставлял матерей расставаться со своими детьми. 5 лет подряд в деревне был неурожай, и матери-кормилицы либо «грудных постепенно томили сами, не давая досыта сосать (грудь. — Б. М.)», либо приглашали старуху, которая «лечила от голода малолетних: она им давала грибной настойки пополам со сладкой травой, и дети мирно затихали с сухой пеной на губах. Мать целовала ребенка и шептала: „Отмучился, родимый. Слава тебе, Господи!“. Она и старуха верили в облегчение его грустной доли, в то, что он сейчас „в раю ветры серебряные слушает“».¹⁹⁴

С одной стороны, имеется немало свидетельств о том, что в XVIII—XIX вв. родители фаталистически относились к смерти своих малолетних детей. Просвещенный человек XVIII в. А. Т. Болотов записал в дневнике после смерти своего первенца: «Надежда вскоре опять видеть у себя детей, ибо жена моя была опять беременна, помогла нам через короткое время и забыть сие несчастье, *буде сие несчастьем назвать можно* (курсив мой. — Б. М.)».¹⁹⁵ Почти через сто лет полковник Генерального штаба Липинский после личных наблюдений и бесед с провинциальными врачами констатировал: «Трудно представить, до какой степени доходит равнодушие крестьян и даже матерей не только к нравственному, но даже к физическому развитию

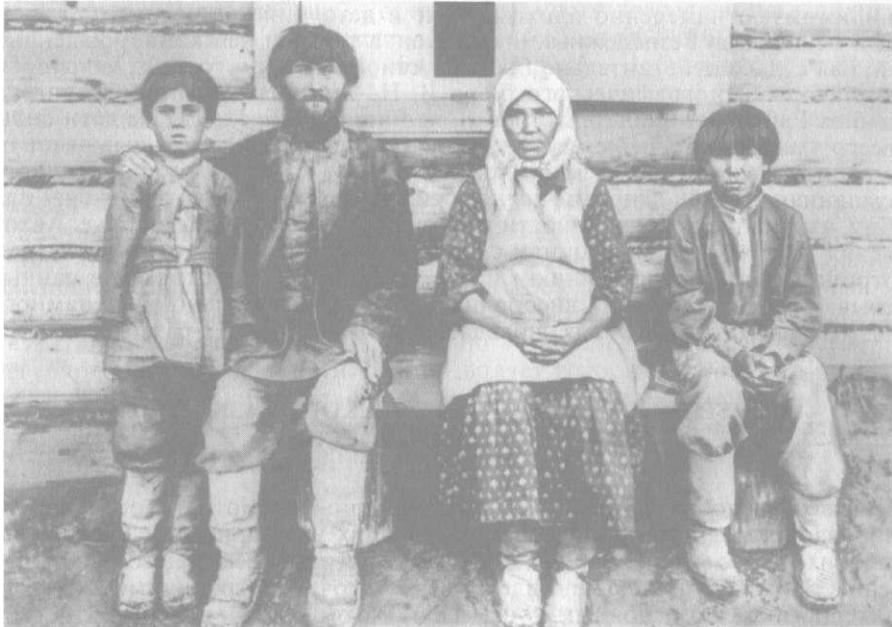

Рис. 41. Семья крещеного татарина Исидора возле новой избы. Д. Китяки, Казанская губ. 1900-е гг. (стоящий мальчик без обеих рук)

детей, особенно в первые годы детства».¹⁹⁶ С другой стороны, мемуарная и художественная литература дает примеры горячей и беззаветной любви родителей к детям, страшных переживаний женщины, потерявшей ребенка. Об этом же свидетельствует и фольклор. Например, сотни русских колыбельных песен указывают на любовь матерей к детям, на их желание вырастить их здоровыми и счастливыми. Однако, как это ни парадоксально, в 80 песнях (примерно в 5% от общего их числа) содержалось пожелание смерти своему ребенку. Некоторые исследователи толкуют этот факт прямолинейно — как отражение желания матери скорой смерти ребенку, чтобы избавить его от предстоящей тяжелой жизни.¹⁹⁷ В действительности дело обстояло по-другому. Смерть воспринималась крестьянами как сон, а сон и сновидения — как зона контакта со смертью, в силу чего сон и сновидения наделялись магическими функциями обережного (предохранительного) характера: считалось, что колыбельные песни с накливанием смерти ребенку предохраняют его от смерти.¹⁹⁸

Изучение представлений крестьян о смерти приводит к выводу: сравнительно спокойное отношение людей к смерти близких, включая ребенка, говорило не о жестокосердии, а являлось следствием страха растревожить, разволновать покойника, нарушить запрет.¹⁹⁹ Фаталистическое отношение к смерти детей объяснялось также тем, что смерть младенцев была слишком частым гостем в каждой семье: около трети детей умирало на первом году жизни и более половины — не дожив до 6 лет. Но, может быть, самое главное состояло в уверенности, что умершему ребенку уготована райская жизнь на том свете и что это милость судьбы, что Бог берет его к себе, пока он еще не нагрешил.²⁰⁰ В это верил царь Алексей Михайлович,²⁰¹ в таком убеждении оставались простые русские люди и в начале XX в. Возможно, именно вера в счастье ребенка на том свете помогала матерям расставаться со своими детьми, которые умирали как насильственной, так и своей смертью.

По-видимому, о намеренно плохом уходе и детоубийстве речь может идти лишь в отношении безнадежных инвалидов, а также и незаконнорожденных детей, чья судьба действительно была грустной. Об этом говорят некоторые информаторы Этнографического бюро В. Н. Тенишева. Например, упоминавшийся Григорьев свидетельствовал, что незаконнорожденные дети больше всего умирали в первые месяцы после рождения (из десяти выживает не более одного) «из-за намеренно плохого ухода», по причине «намеренного присыпания» (матери якобы нечаянно придавливали детей во время сна) или потому, что во время беременности мать испортила ребенку здоровье. Автор объяснял это тем, что к женщинам с незаконнорожденными относились резко отрицательно и родственники, и вся деревня.²⁰² Статистические данные показывают, что смертность внебрачных детей действительно была намного выше, чем законнорожденных, правда, не в 10 раз, а в 2.7 раза.²⁰³

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДРУГИХ НАРОДОВ РОССИИ

Нет возможности сколько-нибудь подробно рассмотреть особенности воспроизводства других народов, проживавших на территории России, поскольку их насчитывалось около 200, да и демографических источников для решения этой задачи пока выявлено недостаточно. Ограничимся краткой характеристикой по основным конфессиям, которых в Европейской России было четыре — католики (4.7% населения), протестанты (3.5%), иудеи (4.1%) и мусульмане (3.8%).

Католическое и протестантское население (латыши, эстонцы и литовцы) сосредоточивалось в Прибалтийских и Западных губерниях, которые вошли в состав России в течение XVIII в. с уже сложившимися культурами и моделями демографического поведения. Население Прибалтики имело исторически много общего с западноевропейскими странами в культурном, социальном и экономическом отношениях. Достаточно сказать, что уже в конце XVIII в. оно было на две трети грамотным.²⁰⁴ Демографическая модель Прибалтийского региона в XVIII—начале XX в. развивалась скорее под европейским, чем под русским влиянием. Находясь в составе России, прибалтийские народы, конечно, испытывали воздействие общероссийских социально-экономических процессов, но их культурные стандарты оставались нерусифицированными, поскольку российское правительство, за исключением отдельных непродолжительных периодов, придерживалось политики культурной автономии для народов, вошедших в состав России.

Демографическая модель, которая господствовала в Прибалтийском регионе в XVII—XVIII вв., представляла собой промежуточную модель между западноевропейской и восточноевропейской, что было естественным следствием его географического положения. Условная линия С.-Петербург—Триест, которая разделяла Европу на зоны господства западноевропейской и восточноевропейской моделей брачности, проходила через территорию пяти губерний России (Виленской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Эстляндской), населенную в основном католиками и протестантами. Если судить по данным, относящимся к хорошо изученной в демографическом отношении Эстонии, в сельской местности, где проживало около 94% населения, средний возраст вступления в первый брак в XVIII в. составлял у мужчин 26, у женщин — 23 года, около 84% женщин вступали в брак в возрасте до 24 лет, в браке к 35—39 годам состояли свыше 92% женщин, общий коэффициент брачности находился на уровне 9.5, рождаемости — 40, смертности — 31 на тысячу человек населения, брачная плодовитость составляла 8—9 рождений, число внебрачных детей — 2—3%.²⁰⁵ Примерно такое же положение наблюдалось среди литовского и латышского населения.²⁰⁶ Между

тем в странах с европейской моделью брачности возраст вступления в первый брак был на два года выше у женщин и на год — у мужчин, вне брака оставалось 10—15% населения, общие коэффициенты брачности, рождаемости и смертности были ниже.²⁰⁷

С начала XIX в. в Прибалтийском регионе проявилась тенденция к снижению брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста населения. Эта тенденция действовала вплоть до начала XX в. В результате семейная структура населения и интенсивность демографических процессов существенно изменились. Как видно из данных табл. III.13 и III.14, народы Прибалтийского региона по своим демографическим характеристикам приблизились к западноевропейским странам, но еще не полностью с ними сравнялись. Они достигли существенного прогресса в своем демографическом развитии: снизили смертность, активно вступили на путь внутрисемейного регулирования рождаемости. Это позволяет говорить о том, что на рубеже XIX—XX вв. эстонцы, латыши и литовцы находились на стадии демографического перехода от традиционной к рациональной модели демографического поведения и воспроизводства населения.²⁰⁸

Таблица III.13
Семейная структура населения различных конфессий в Европейской России без Польши и Финляндии в 1897 г. (в %)

Вероисповедание	Не состоит в браке		Состоит в браке		Вдовье		Разведенные	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Православные	56.0	52.1	40.3	39.4	3.7	8.4	0.03	0.04
Католики, лютеране	61.6	56.5	35.6	34.3	2.8	9.1	0.06	0.09
Иудеи	61.2	57.4	36.8	36.1	1.8	6.0	0.16	0.49
Мусульмане	58.0	45.9	39.4	45.6	2.4	8.4	0.10	0.12
В среднем	57.1	52.0	39.5	39.6	3.3	8.3	0.06	0.08

Источники: Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 2. С. XXXVIII.

Таблица III.14
Некоторые демографические характеристики населения различных конфессий в Европейской России в 1896—1904 гг.

Вероисповедание	Возраст вступления в брак, м	Возраст вступления в брак, ж	Брачность, на 1000	Рождаемость, на 1000	Смертность общая, на 1000	Отношение млад., на 1000*	Внебрачные дети, %
Православные	24.2	21.3	8.7	51.1	34.8	263	2.4
Католики	29.1	23.3	6.9	36.5	22.3	151	3.4
Протестанты	28.5	24.6	6.8	29.2	21.0	161	3.7
Иудеи	27.5	24.1	7.3	30.7	16.0	116	0.4
Мусульмане	27.6	22.2	10.9	43.9	27.7	158	0.2
В среднем	25.1	21.8	8.5	50.1	30.9	224	2.3

* Новорожденных.

Источники: Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике. С. 26—53.

Демографическая статистика относительно других народов России появилась только в конце XIX в. в результате проведения первой всеобщей переписи населения. За более раннее время существуют отрывочные данные. Поэтому о пути, который эти народы прошли в своем демографическом развитии начиная с XVIII в., можно лишь предположительно судить на основании анализа отрывочных сведений и данных первой переписи населения. На 1848—1852 гг. мы имеем следующие данные:²⁰⁹

	Рождений на 1 брак	Соотношение родившихся и умерших
Православные	4.7	1.30
Католики	4.3	1.31
Протестанты	4.2	1.25
Иудеи	4.5	1.15
Мусульмане	4.4	1.36
В среднем	4.5	1.29

Первый столбец показывает, что в середине XIX в. брачная плодовитость была наивысшей у православных, а наименьшей — у протестантов и что только у последних наблюдалось снижение рождаемости и брачности. Второй столбец показывает, что естественный прирост был наибольшим у мусульман, а наименьшим — у евреев, по-видимому, в связи со сравнительно низкой смертностью у мусульман и высокой смертностью у евреев, поскольку рождаемость у тех и других, как явствует из первого столбца, была высокой.

К 1897 г. евреи имели хорошие демографические показатели, в некоторых отношениях они были даже лучше, чем у католиков и протестантов: рождаемость у евреев была немного ниже, а брачность, наоборот, — выше; общая и особенно младенческая смертность находилась на существенно более низком уровне, а внебрачных детей практически не имелось (табл. III. 14). По средней продолжительности жизни они уступали прибалтийским народам (табл. III.15), возможно, вследствие того, что в еврейских семьях насчитывалось больше детей, уровень смертности которых был намного выше, чем у взрослых людей. Чтобы достичь таких результатов к концу XIX в., евреи должны были вступить в стадию демографического перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения во второй половине XIX в., ибо по демографическим показателям в середине XIX в., как мы видели, они мало отличались от православных и мусульман. Живя в черте оседлости, испытывая дискриминацию, имея низкий жизненный уровень, евреи, несмотря на это, смогли одними из первых вступить в стадию демографического перехода.

Мусульмане Европейской России — прежде всего волжские и крымские татары — по своим демографическим характеристикам в середине XIX в. мало отличались от православных, но к концу XIX в. они добились некоторых успехов, так как с точки зрения демографических характеристик находились посередине между православными, с одной стороны, и католиками и протестантами, с другой. Особенно выгодно они отличались от православных низкой младенческой смертностью.²¹⁰ Заслуживает внимания, что брачность у мусульман была выше, чем у православных, а рождаемость ниже, что указывает на то, что татары более активно применяли доступные им методы регулирования рождаемости. Мусульмане Средней Азии по своим демографическим показателям намного уступали не только татарам, но также и православным.²¹¹

Показатель «средняя продолжительность предстоящей жизни» для 11 народностей России на 1897 г. хорошо отражает уровень демографического развития каждого народа (табл. III.15).

Таблица III.15
Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении у 11 народностей Европейской России в 1896—1897 гг. (лет)

Национальность	Мужчины	Женщины	Национальность	Мужчины	Женщины
Русские	27.5	29.8	Башкиры	37.2	37.3
Чуваши	31.0	31.0	Молдаване	40.5	40.5
Татары	34.6	35.1	Литовцы	41.1	42.4
Белорусы	35.5	36.8	Эстонцы	41.6	44.6
Украинцы	36.3	39.9	Латыши	43.1	46.9
Евреи	36.6	41.4	В среднем	31.3	33.4

Источник: Птуха М. Смертность 11 народностей Европейской России... С. 37—38.

Рис. 42. Еврейская свадьба. С.-Петербург. 1900-е гг.

По средней продолжительности жизни на первом месте находились латыши, на последнем — русские. Этнические различия в продолжительности жизни обуславливались, во-первых, различной вовлеченностью отдельных народов в демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Прибалтийские народы и евреи раньше других вступили на этот путь и к концу XIX в. достигли значительных успехов под прямым влиянием новых демографических отношений, складывавшихся в Западной Европе, с которой у них были более тесные культурные, религиозные, экономические и другие связи. На рубеже XIX—XX вв. Прибалтика во всех отношениях была передовым регионом России. Демографический переход у других народов начался позже, естественно, они меньшего и добились. Второй фактор, определивший различия в средней продолжительности жизни, можно назвать культурным фактором. От него зависело отношение к детям, качество ухода за ними и т. д.

ИТОГИ:

ОТ ТРАДИЦИОННОГО К СОВРЕМЕННОМУ ТИПУ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Мы рассмотрели основные демографические процессы в России с начала XVIII по начало XX в. и обнаружили, что за 200 с лишним лет брачность, рождаемость и смертность заметно уменьшились, особенно в последней трети XIX—начале XX в. В результате этого произошло два важных демографических события: увеличилась средняя продолжительность жизни и естественный прирост населения. В 1838—1850 гг. средняя продолжительность

предстоящей жизни у новорожденных мальчиков составляла 25, у девочек — 27 лет, в 1904—1913 гг. — соответственно 32.4 и 34.5 года.²¹² Естественный прирост населения, долгое время бывший крайне изменчивым, обнаружил тенденцию к росту: с 1851—1860 по 1911—1913 гг. он вырос с 1.2% до 1.68%. Оба этих факта изменили режим воспроизводства населения, сделав его более рациональным. Чтобы оценить, насколько режим воспроизводства стал эффективнее, демографы предлагают два показателя: брутто- и нетто-коэффициенты воспроизводства населения. Брутто-коэффициент равен среднему числу девочек, которое родит одна женщина, прожившая до конца репродуктивного периода, т. е. до 50 лет, при сохранении тех условий жизни, в которых она жила на момент расчета коэффициента. Нетто-коэффициент равняется среднему числу девочек, рожденных «средней» женщиной в течение репродуктивного периода, которые доживут до того возраста, когда сами смогут рожать. Отношение брутто- и нетто-коэффициентов называется ценой простого воспроизводства, так как оно показывает, сколько девочек надо родить женщине, чтобы обеспечить простое воспроизводство населения или простую замену материнского поколения; это отношение служит мерой экономичности данного режима воспроизводства, или режима возобновления поколений. Брутто-коэффициент воспроизводства населения с 1851—1863 по 1904—1913 гг. понизился с 3.261 до 3.089, а нетто-коэффициент повысился соответственно с 1.442 до 1.636, цена простого воспроизводства населения понизилась с 2.261 до 1.839.²¹³ Следовательно, российская женщина стала меньше рожать, но, несмотря на это, каждое новое материнское поколение становилось более многочисленным. Причем замена одного материнского поколения другим стала проходить на 23% более эффективно (2.261:1.839), т. е. с меньшими физическими затратами со стороны женщины и меньшими материальными затратами со стороны родителей. Конечно, это был еще весьма далекий от совершенства режим воспроизводства населения. Такой режим существовал во Франции и Швеции в 1796—1800 гг. А в 1980-е гг. в развитых странах цена простого воспроизводства составляла в США и Франции 1.02, в Швеции — 1.01, в Японии — 1.0, в СССР в 1980 г. — 1.05.²¹⁴

Итак, хотя режим воспроизводства населения в России во второй половине XIX—начале XX в. немного усовершенствовался, он все еще оставался невероятно тяжелым для российских граждан. Примерно девяти женщинам из десяти приходилось по 8—10 раз рожать, что реально устранило их из общественной и культурной жизни и сводило по необходимости их существование к беременностям, уходу за детьми, из которых около половины умирало, и к тяжелой работе, поскольку мужчины не могли без их помощи материально обеспечить семью. Например, крестьянка вынуждена была накануне родов до позднего вечера работать в поле, а после родов, которые в 97—98% случаев проходили либо при помощи деревенских повитух, либо вообще без всякой помощи, уже на третий или четвертый день идти на работу.²¹⁵ Женщины из городских низов находились примерно в таком же положении. Женщинам из привилегированных слоев также приходилось много рожать, хотя они имели медицинскую помощь и послеродовой отдых. Данный режим воспроизводства населения был тяжелым и для мужчин, которые должны были добывать средства на большое число иждивенцев. Каждая трудящаяся семья несла огромные расходы на рождение и выращивание нового поколения, которые почти наполовину оказывались бесполезными из-за громадной смертности детей. Эти рациональные и нерациональные затраты задерживали экономический рост страны, препятствовали повышению благосостояния и сводили жизнь большинства трудящегося населения к работе и заботам о детях. Во второй трети XIX в. люди стали осознавать, что данное положение вещей ненормально, что необходимо регулировать рождаемость и уменьшить число детей до разумного числа. Это был мучи-

тельный процесс ломки старых стереотипов, традиций, поэтому он растянулся на несколько десятилетий и закончился в Европейской России только в 1960-е гг., когда окончательно завершился переход от традиционного к рациональному, или современному, типу воспроизводства населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бушен А. (ред.). Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. С. 232; Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. XV.
- ² Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963. С. 48—76. Большинство данных о движении православного населения в Европейской России за XVIII—первую половину XIX в. взяты из РГИА, из фонда Синода, где сосредоточивались сведения церковного демографического учета, а за 1867—1910 гг. — из статистического ежегодника «Движение населения в Европейской России за [1867—1910] год» (СПб., 1871—1916). При использовании ежегодников ссылки на них, как правило, не даются.
- ³ Кабузан В. М. Народонаселение России... С. 77—84; Миронов Б. Н. 1) Исповедные ведомости — источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII—первой половины XIX в. // Шишкин В. А. (ред.). ВИД. Л., 1989. Т. 20. С. 102—117; 2) О достоверности метрических ведомостей — важнейшего источника по исторической демографии России XVIII—начала XX в. // Фурсенко А. А. (ред.). Россия в XIX—XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 41—47.
- ⁴ Свойство — это отношения, возникавшие не по кровному родству, а из брачного союза, например отношения между родственниками супругов.
- ⁵ Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике. СПб., 1916. С. 37, 48; Материалы Комиссии 1901 г. СПб., 1903. Ч. 1. С. 12—13.
- ⁶ Вишневский А. Г., Волков А. Г. (ред.). Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 272, 275.
- ⁷ Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 2. С. L1.
- ⁸ Там же. Т. 1. С. 85.
- ⁹ Кистяковский А. Ф. К вопросу о цензуре нравов у народа // Зап. РГО по отд-нию этнографии. СПб., 1878. Т. 8. Отд. 1. С. 161—191.
- ¹⁰ Звонков А. П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии // Харузин Н. (ред.). Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 87.
- ¹¹ Ильинский Ф. Русская свадьба в Белгородском уезде. Кременец, 1893. С. 1—3.
- ¹² Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 360. В дальнейшем ссылки на источники пословиц даваться не будут. Все пословицы взяты из сборника Даля, а также из: Желобовский А. И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах // Филологические записки. Воронеж, 1892. С. 1—63; Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках // Вестник воспитания. 1908. Кн. 2. С. 112—162.
- ¹³ Хопко Ф. Основы православия. Вильнюс, 1991. С. 313—314.
- ¹⁴ Звонков А. П. Современный брак и свадьба среди крестьян... С. 113.
- ¹⁵ Семевский В. И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устои. 1882. № 2. С. 72; Богаевский П. М. Заметки о юридическом быте крестьян // Харузин Н. (ред.). Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 12.
- ¹⁶ Звонков А. П. Современный брак и свадьба среди крестьян... С. 77; Морачевич И. Село Кобылья, Вольнской губернии // Этнографический сборник РГО. СПб., 1853. Вып. 1. С. 303; Успенский М. Крестьянская свадьба // ЖС. 1898. Год восьмой. Вып. 1. С. 83.
- ¹⁷ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. СПб., 1879. С. 27—29.
- ¹⁸ Покровский Ф. О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // ЖС. 1896. Вып. 3—4. Отд. 1. С. 460.
- ¹⁹ Хопко Ф. Основы православия. С. 323.
- ²⁰ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 80.
- ²¹ Внуков Р. Я. Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929. С. 25—26.
- ²² Жбанков Д. Н. Влияние отхожих промыслов на движение народонаселения Костромской губернии по данным 1866—1883 гг. Кострома, 1887. С. 109.
- ²³ Средняя степень кровного родства в популяции, так называемый коэффициент инбридинга, в селениях Архангельской и Вологодской губерний в конце XIX—XX в. равнялся всего 0.00145—0.00568: Тарлычева Л. В. Изучение факторов брачной ассортивности на Севере Нечерноземной зоны РСФСР: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1980. С. 8. О зависимости между разницей в возрасте супругов и вероятностью овдоветь см.: Рыбаковский Л. Л. (ред.). Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 84.
- ²⁴ Заозерский Н. Государство и церковь в деле законодательства о поводах к разводу. СПб., 1913. С. 3—18.

- ²⁵ Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 120—134.
- ²⁶ Архив РГО, разр. 48, оп. 1, д. 90, л. 3.
- ²⁷ Обзор взглядов крестьян на вопросы семьи и брака см.: Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877; Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. С. 1—48; Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869. С. 26—42; Бородаевский С. Незаконнорожденные в крестьянской среде // Рус. богатство. 1898. № 10. С. 233—251.
- ²⁸ Каizer Д. Возраст при браке и разница в возрасте супругов в городах России в начале XVIII в. // Сословия и государственная власть в России: XV—середина XIX в. М., 1994. Ч. 2. С. 225—237; Boškovska N. Die russische Frau im 17. Jahrhundert. Köln, 1998.
- ²⁹ Маньков А. Г. (ред.). Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 75. Статья 11.
- ³⁰ Бердников И. С. Краткий курс церковного права православной греко-российской церкви. Казань, 1888. С. 71—74.
- ³¹ ПСЗ-I. Т. 19. № 14229. С. 1063; ПСЗ-II. Т. 5. Отд. 1. № 3807. С. 740.
- ³² Бердников И. С. Краткий курс церковного права... С. 72—73; Павлов А. С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 234.
- ³³ Архив РГО, разр. 48, оп. 1, д. 90, л. 3; разр. 38, д. 9, л. 14; разр. 22, д. 7, л. 11—12; разр. 35, д. 9, л. 37—38; Луканин А. О движении народонаселения по Соликамскому уезду за 1841—1850 гг. // Вестник РГО. 1853. Ч. 13. С. 267; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 213—214; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Ч. 1. С. 302—324; Bushnell J. Did Serf Control Serf Marriage? Orlov Serfs and Their Neighbors: 1773—1861 // Slavic Review. 1993. Vol. 52, No. 3. P. 438—441; Czup P., Jr. Marriage and the Peasant Joint Family in Russia // Ransel D. L. (ed.). The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research. Urbana et al.: University of Illinois Press, 1978. P. 103—123; Hoch St. Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1989. P. 76.
- ³⁴ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири: (XVIII—первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 182—187.
- ³⁵ Терещенко А. Быт русского народа: В 7 ч. СПб., 1848. Ч. 2. С. 37—38.
- ³⁶ Bushnell J. Did Serf Control Serf Marriage? P. 419—445.
- ³⁷ Александров В. А. Сельская община в России: (XVII—начало XIX в.). М., 1976. С. 304—305; Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 29—33.
- ³⁸ Бензенгр В. Н. Об антропологии женского населения Москвы // Антропологический вестник. 1900. Т. 3. С. 204; Груздев В. С. Начало половой зрелости у обитательниц России // Журнал Рус. об-ва охранения народного здравия. 1894. № 5. С. 321—344; № 6—7. С. 498—527.
- ³⁹ Славянский К. Ф. К учению о физиологических проявлениях половой жизни женщины-крестьянки // Здоровье. 1874/1875. № 10. С. 214.
- ⁴⁰ Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 32—33.
- ⁴¹ Богданов Л. Санитарные очерки Пошехонского уезда. Ярославль, 1881. С. 15; Славянский К. Ф. К учению о физиологических проявлениях... С. 214; Григорьев И. О половой деятельности женщин Мышкинского уезда Ярославской губернии // Врачебные ведомости. 1883. № 21—23; Олихов С. К вопросу о плодовитости крестьянок Кинешемского уезда // Земский врач. 1890. № 52. С. 824.
- ⁴² Афиногенов А. О. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины. СПб., 1903. С. 30.
- ⁴³ Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX—начале XX в. // Вишневский А. Г. (ред.). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 139.
- ⁴⁴ Шингарев А. И. Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб., 1907. С. 189.
- ⁴⁵ Плаксин В. Русский год // Семейный круг. 1860. № 6. С. 182.
- ⁴⁶ Гиляровский Ф. Женильба и замужье // Архив РГО, разр. 48, оп. 1, д. 90, л. 5.
- ⁴⁷ Игнатьева Р. К. Вопросы статистики недоношенности. М., 1973. С. 63—66, 102, 117—119, 124—127.
- ⁴⁸ Успенский Г. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 5. С. 184—185. Не следует думать, что все крестьянские обычаи были рациональными. Сельские священники отмечали, что такие брачные обычаи, как заплачка (невеста должна была 10—14 дней убиваться по своему девичеству), обливание ледяной водой после брачной ночи, молитвы на морозе, приводили к заболеваниям, которые в народе назывались порчей и приписывались колдовству: Гиляровский Ф. О так называемой в народе порче браков вследствие суровости брачных обычаев // Зап. РГО по отд-нию статистики. СПб., 1878. Т. 5. С. 129—156.
- ⁴⁹ О корреляционном анализе см.: Ковальченко И. Д. (ред.). Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. С. 137—176; Blalock H. M., Jr. Social Statistics. New York et al.: McGraw-Hill Book Company, 1971. P. 361—396.
- ⁵⁰ О коэффициенте вариации см.: Ковальченко И. Д. (ред.). Количественные методы в исторических исследованиях. С. 96—97.
- ⁵¹ Подсчитано по: Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 2. С. 184—205.

- ⁵² *Czap P., Jr.* The Perennial Multiple Family Household: Mishino, Russia, 1782—1858 // *Journal of Family History*. 1982. Vol 7. Spring. P. 10; *Hoch St. Serfdom and Social Control*... P. 78.
- ⁵³ О составе и движении населения по губерниям Нижегородской и Ярославской. СПб., 1861. Ярославская губерния. С. 92.
- ⁵⁴ *Юрченко Н. Л.* Ревизские сказки как источник по социально-демографической истории: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. Приложение. Табл. 25.
- ⁵⁵ *Тольц М. С.* Брачность населения России... С. 140.
- ⁵⁶ Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1892 год. СПб., 1894. С. 60; Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901—1902 гг. СПб., 1905. С. 17.
- ⁵⁷ *Вишневский А. Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // *Вишневский А. Г.* (ред.). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 131.
- ⁵⁸ О составе и движении населения по губерниям Нижегородской и Ярославской. Ярославская губерния. С. 92; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 50. Ярославская губерния. СПб., 1905. С. 28—29.
- ⁵⁹ *Тольц М. С.* Брачность населения России... С. 138—151.
- ⁶⁰ *Афиногенов А. О.* Жизнь женского населения... С. 37; *Синкевич Г. П.* Вологодская крестьянка и ее ребенок. М., 1929. С. 60; *Славянский К. Ф.* К учению о физиологических проявлениях... С. 216; *Григорьев И.* О половой деятельности женщин; *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР. М., 1974. С. 108.
- ⁶¹ *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740—1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. Приложение. Табл. 2.
- ⁶² Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 8—13.
- ⁶³ *Мальшин А.* Медико-топографическое описание Рязанского уезда // *Земский врач*. 1883. № 23. С. 368.
- ⁶⁴ *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 60, 83; *Столяров И.* Записки русского крестьянина // *Вострышев М. И.* (сост.). Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 359.
- ⁶⁵ *Матвеев П. А.* Очерки народного юридического быта Самарской губернии // *Зап. РГО по отд-нию этнографии*. 1878. Т. 8. Отд. 1. С. 25.
- ⁶⁶ *Ивановская Т.* Дети в пословицах и поговорках. С. 131; *Внуков Р. Я.* Противоречия старой крестьянской семьи. С. 7; *Синкевич Г. П.* Вологодская крестьянка... С. 35. По свидетельству бывшего крестьянина, «крестьянские обычаи требуют больших расходов во время семейных праздников; даже для достаточной семьи свадьба влечет за собой много расходов»; *Столяров И.* Записки русского крестьянина. С. 359.
- ⁶⁷ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев; СПб., 1900. С. 438—439; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города... С. 215—216.
- ⁶⁸ Описание архива Александро-Невской Лавры. СПб., 1911. Т. 2. Стб. 397.
- ⁶⁹ *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья... С. 310.
- ⁷⁰ *Седерберг Г.* Заметки о религии и нравах русского народа: 1709—1718 гг. // *ЧОИДР*. 1873. Кн. 2. С. 22; *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905. С. 177.
- ⁷¹ *Заозерский Н.* Государство и церковь в деле законодательства о поводах к разводу. С. 3—18; *Никольский.* Обзор главнейших постановлений Петра I в области личного семейного права. Ярославль, 1857. С. 88—90.
- ⁷² ПСЗ-П. Т. 35. Отд. 1. 1850 г. № 23906. С. 103—106. См. также: *К-в П.* Женщина по русскому законодательству: Расторжение брака // *Друг женщин*. 1883. № 8. С. 69—78; *Пахман С. В.* История кодификации гражданского права: В 2 т. СПб., 1876. Т. 1. С. 410—415.
- ⁷³ *Семенова Л. Н.* Очерки истории быта... С. 12—80.
- ⁷⁴ ПСЗ-П. Т. 18. № 12935. С. 171.
- ⁷⁵ *Семевский В. И.* Домашний быт и нравы крестьян... С. 77.
- ⁷⁶ ПСЗ-П. Т. 35. Отд. 1. № 23906. С. 105.
- ⁷⁷ *Лебедев А.* О брачных разводах по архивным документам Харьковской и Курской духовных консисторий. М., 1887. С. 10—31; *Преображенский И.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—41 по 1890—91 гг. СПб., 1901. С. 71—74; *Freeze G.* Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760—1860 // *The Journal of Modern History*. 1990. Vol. 62, No. 4. P. 709—746.
- ⁷⁸ *Бечаснов П.* Статистические данные о разводах и недействительных браках за 1867—1886 гг. (по епархиям Европейской России). СПб., 1893. С. 8; *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографии... С. 29.
- ⁷⁹ См. Статистическое приложение, т. 2 наст. изд., с. 383, табл. 6; *Mulhall M. G.* Dictionary of Statistics. London et al.: G. Routledge, 1892. P. 222.
- ⁸⁰ Архив РГЭМ, ф. 7 (В. Н. Тенишев), оп. 1, д. 32, 279, 401, 431, 517, 519, 552.
- ⁸¹ Архив РГЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 552, л. 2—3; д. 279, л. 2—3; д. 517, л. 16—18; д. 519, л. 27.
- ⁸² Санкт-Петербург: Исследование по истории, топографии и статистике столицы: В 3 т. СПб., 1868. Т. 1. С. 104, 134, 138, 144.
- ⁸³ Ежегодник С.-Петербурга за 1901—1902 гг. СПб., 1905. С. 17.
- ⁸⁴ *Hajnal J.* European Marriage Patterns in Perspective // *Glass D. D., Eversley D. E. C.* (eds.). *Population in History*. London, 1965. P. 101—143.
- ⁸⁵ См. Статистическое приложение, т. 2 наст. изд., с. 383, табл. 6.

⁸⁶ Афиногенов А. О. Жизнь женского населения... С. 37; Григорьев И. О половой деятельности женщин...; Жбанков Д. Н. Влияние отхожих промыслов... С. 58; Лепукалн А. К вопросу о плодovitости крестьянской женщины и смертности ее детей // Врачебная газета. 1926. № 29. С. 989—992; Нешель В. К вопросу о плодovitости женщин-крестьянок // Врач. 1889. № 32; Олихов С. К вопросу о плодovitости крестьянок... С. 824; Синкевич Г. П. Вологодская крестьянка... С. 41—42; Славянский К. Ф. К учению о физиологических проявлениях... С. 215; Соколов Н. К характеристике половой деятельности женщины-крестьянки // Протоколы заседаний и труды IV Московского губернского съезда земских врачей. М., 1880; Шингарев А. И. Положение женщин в крестьянской среде // Медицинская беседа. 1889. № 19. С. 284.

⁸⁷ Архангельский Г. И. Влияние урожая на браки, рождаемость и смертность в Европейской России // Сб. сочинений по судебной медицине и гигиене. СПб., 1872. Т. 1. С. 235—288; Афиногенов А. О. Жизнь женского населения... С. 44, 79, 120; Покровский В. И. Влияние урожая и хлебных цен на естественное движение населения // Чупров А. И., Постников А. С. (ред.). Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. Т. 2. С. 177—238; Шингарев А. И. Вымирающая деревня... С. 202—204.

⁸⁸ Жбанков Д. Н. Влияние отхожих промыслов... С. 40—41, 108.

⁸⁹ Подсчитано по данным: Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 218—219, 226—227.

⁹⁰ Жбанков Д. Н. Влияние отхожих промыслов... С. 39, 457—458, 70, 102.

⁹¹ Синкевич Г. П. Вологодская крестьянка... С. 39—40.

⁹² Там же. С. 46.

⁹³ Феноменов М. Я. Современная деревня. М., 1925. Ч. 2. С. 91.

⁹⁴ Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России. С. 105—134.

⁹⁵ Engelstein L. 1) Abortion and the Civic Order: The Legal and Medical Debates // Clements B. E., Engel B. A., Worobec Ch. D. (eds.). Russian's Women: Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley, CA et al.: University of California Press, 1991. P. 185—207; 2) The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-SiPcle Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 1992. P. 334—358.

⁹⁶ Михайлов В. М. Средние русские акушерские итоги за пятьдесят лет по материалам печатных отчетов родовспомогательных учреждений. 1840—1890. Новгород, 1895. С. 417.

⁹⁷ Третий съезд Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова в С.-Петербурге (3—10 января 1889 г.): Полный отчет. СПб., 1889. С. 177—178; Гернет М. Н. Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения // Отчет X общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов 13—16 февраля 1914 г. в Петербурге. Пг., 1916. С. 237—238.

⁹⁸ Двенадцатый съезд Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. СПб., 1913. Вып. 2. С. 25, 88, 92, 211; Гернет М. Н. Истребление плода... С. 233—277; Кулишер Е. М. Наказуемость аборта // Отчет X общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов 13—16 февраля 1914 г. в Петербурге в 1914 г. Пг., 1916. С. 245—255. Дискуссию на заседании Русской группы Международного союза криминалистов см.: Отчет X общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов 13—16 февраля 1914 г. в Петербурге в 1914 г. С. 271—333, 354—398; 400 (результаты голосования).

⁹⁹ Coale A. J. The Decline of Fertility in Europe from the French Revolution to World War II // Behrman S. J. et al (eds.). Fertility and Family Planning: A World View. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1969. P. 3—24.

¹⁰⁰ О составе и движении населения по губерниям Нижегородской и Ярославской. Ярославская губерния. С. 92.

¹⁰¹ Обручев Н. Н. (ред.). Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. СПб., 1871. С. 66—68; Движение населения в Европейской России за 1910 год. С. 51.

¹⁰² Архив РГО, разр. 22, оп. 1, д. 3, л. 1, 2; РГИА, ф. 796, оп. 138, д. 2476 (Полтавская губерния); О составе и движении населения по губерниям Нижегородской и Ярославской. Ярославская губерния. С. 92.

¹⁰³ Подсчитано по данным: РГИА, ф., 796 (Канцелярия Синода), оп. 63, д. 69; оп. 445, д. 423, 426; оп. 95, д. 1189; оп. 96, д. 1007; оп. 104, д. 1364; оп. 128, д. 2192; оп. 131, д. 260; Архив РГО, разр. 22, оп. 1, д. 3 (Московская); разр. 16, д. 1 (Киевская) и др. Начиная с 1780-х гг. и до середины XIX в. в метрических ведомостях по Астраханской, Вольнской, Воронежской, Донской, Новгородской, Московской, Пензенской, Полтавской, Псковской, Саратовской, Смоленской, Тамбовской, Тульской и некоторым другим губерниям, а со второй половины XIX в. по всем губерниям имелись данные о числе незаконнорожденных за год. См. также: Памятная книжка Воронежской губернии на 1861 год. Воронеж, 1861. С. 325; То же на 1870—71 год. Воронеж, 1871. С. 137—140; Лантев М. Казанская губерния. СПб., 1861. С. 169, 180 (Материалы для географии...); Сталь. Пензенская губерния. СПб., 1867. Ч. 2. С. 205 (Материалы для географии...); Липинский. Симбирская губерния. СПб., 1868. Ч. 2. С. 443 (Материалы для географии...).

¹⁰⁴ Обручев Н. Н. (ред.). Военно-статистический сборник. Вып. 4. С. 66—68.

¹⁰⁵ С 1870 г. данные о незаконнорожденных публиковались в ежегоднике «Движение населения в Европейской России».

¹⁰⁶ Ransel D. Problems in Measuring Illegitimacy in Prerevolutionary Russia // Journal of Social History Carnegie-Mellon University. 1982. Vol. 16, No. 2. December. P. 11—27.

- ¹⁰⁷ Матери внебрачных детей стремились скрыть факт рождения не от священников, а от родственников и знакомых. С этой целью они нередко при приближении родов изменяли место жительства — крестьянки уходили в город, горожанки переезжали на другую квартиру или в другой город: *Афиногенов А. О.* Жизнь женского населения... С. 76. Этот факт отмечен в беллетристике, см., например, роман Крестовского «Петербургские трущобы».
- ¹⁰⁸ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. С. 378—388.
- ¹⁰⁹ *Гиляровский Ф. В.* Исследование о рождении и смертности детей в Новгородской губернии. СПб., 1866. С. 74.
- ¹¹⁰ *Грязнов П.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. СПб., 1880. С. 168; *Ивановская Т.* Дети в пословицах и поговорках. С. 122; *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». С. 7—8; *Степанов В.* Сведения о родильных и крестильных обрядах в Клинском уезде Московской губернии // ЭО. 1906. № 3—4. С. 222; *Шейн П. В.* Великоросс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1, ч. 1. С. 10; *Энгельгардт А. Н.* Из деревни: 12 писем 1872—1887. М., 1937. С. 68.
- ¹¹¹ *Жбанков Д. Н.* Влияние отхожих промыслов... С. 456—458.
- ¹¹² Движение населения в Российской империи за 1867 год. СПб., 1872. С. IX, 10—11.
- ¹¹³ Отчет Министерства юстиции за 1839 год. СПб., 1840; Свод статистических сведений по делам уголовным, произведенным в [1873, 1892, 1913] году. СПб., 1875, 1896, 1916.
- ¹¹⁴ *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1940—1954. Т. 8. С. 110—114.
- ¹¹⁵ *Ransel D. L.* Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988. P. 303—308.
- ¹¹⁶ *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С. 242—244.
- ¹¹⁷ *Алмазов А.* Тайная исповедь в православной восточной церкви: В 3 т. Одесса, 1894. Т. 3. С. 156—296.
- ¹¹⁸ Там же. С. 293.
- ¹¹⁹ *Афиногенов А. О.* Жизнь женского населения... С. 57. Эти весьма несовершенные средства давали некоторый эффект: *Пилсудский Б.* Роды, беременность, выкидыши, близнецы, уроды, бесплодие и плодовитость у туземцев острова Сахалина. СПб., 1910. С. 14—16.
- ¹²⁰ *Милотин В.* Избр. произведения. М., 1946. С. 93—94.
- ¹²¹ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1938. Т. 25. С. 408.
- ¹²² *Синкевич Г. П.* Вологодская крестьянка... С. 46.
- ¹²³ Архив РГО, разр. 14, оп. 1, д. 27.
- ¹²⁴ *Гиляровский Ф. В.* Исследование о рождении и смертности детей... С. 50.
- ¹²⁵ *Синкевич Г. П.* Вологодская крестьянка... С. 58—59; *Афиногенов А. О.* Жизнь женского населения... С. 99.
- ¹²⁶ *Григорьев И.* О половой деятельности женщин...
- ¹²⁷ *Афиногенов А. О.* Жизнь женского населения... С. 57, 99; Двенадцатый съезд Общества русских врачей... Вып. 2. С. 92, 211.
- ¹²⁸ Архив РГЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 68, 216, 473, 499, 552; *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». С. 56—58.
- ¹²⁹ *Вигдорчик Н. А.* Детская смертность среди петербургских рабочих // Общественный врач. 1914. № 2. С. 217.
- ¹³⁰ Свод статистических сведений по делам уголовным, произведенным в [1873, 1892, 1913] году.
- ¹³¹ Отчет Министерства юстиции за [1834—1840] год. СПб., 1835—1841.
- ¹³² *Томиллин С. А.* К вопросу о плодовитости крестьянки и влиянии ее на детскую смертность // *Рябушкин Т. В.* (ред.). Советская демография за 70 лет. М., 1987. С. 107—109.
- ¹³³ *Багалец Д. И., Миллер Д. П.* История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 г.). Харьков, 1912. Т. 2. С. 123.
- ¹³⁴ *Боряновский А. Г.* О вреде средств, препятствующих зачатию // Врач. 1893. № 32. С. 886—887; *Милотин В.* Избр. произведения. С. 93—94.
- ¹³⁵ *Чухнин П. Н.* К статистике выкидышей и преждевременных родов среди народонаселения России // Труды пятого съезда Об-ва русских врачей в память Н. И. Пирогова. СПб., 1894. Т. 1. С. 533.
- ¹³⁶ *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет: (1811—1913) М., 1956. С. 234, 239.
- ¹³⁷ *Новосельский С. А.* Демография и статистика: (Избр. произведения). М., 1978. С. 136—142; *Вигдорчик Н. А.* Детская смертность... С. 212—253.
- ¹³⁸ Движение населения в Европейской России за 1910 год. С. 14—51.
- ¹³⁹ *Жбанков Д. Н.* Влияние отхожих промыслов... С. 17, 87.
- ¹⁴⁰ *Григорьев И.* О половой деятельности женщин...
- ¹⁴¹ *Гиляровский Ф. В.* Женитьба и замужье. Л. 3.
- ¹⁴² *Маркевич Н.* О народонаселении в Полтавской губернии. Киев, 1855. Приложение. Табл. 26.
- ¹⁴³ Там же. Приложение. Табл. 37.
- ¹⁴⁴ *Марченко О. В.* Индексы рождаемости по 50 губерниям Европейской России в конце XIX в. // *Вишневский А. Г.* (ред.). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 135—137.
- ¹⁴⁵ *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографии... С. 36. Рождаемость у православного населения составляла в 1900—1904 гг. 53.1 на тысячу, в 1910 г. — 46 на тысячу: См. также: *Вишневский А. Г.* 1) Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России. С. 130—134; 2) Воспроизводство на-

селения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 197—210.

¹⁴⁶ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971. С. 69, 89, 117, 129, 153, 177.

¹⁴⁷ Первую точку зрения поддержали: Рындыонский П. Г. 1) Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г.? // ВИ. 1967. № 7. С. 54—70; 2) Утверждение капитализма в России. М., 1978. С. 49—83; 3) К изучению динамики численности крепостного населения в дореформенной России // ИСССР. 1983. № 1. С. 203—213; Рянский Л. М. 1) Об изучении естественного прироста сельского населения в период кризиса феодальной системы // Ковальченко И. Д. (ред.). Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI—начало XX в.). Таллин, 1986. С. 193—198; 2) Движение крепостного населения в период кризиса феодализма в России: (Опыт количественного анализа по данным Курской губернии) // ИСССР. 1991. № 2. С. 142—151; Тройницкий А. Г. Крепостное население России по 10-й народной переписи. СПб., 1861. С. 54—56; Hoch St., Augustine W. A. The Tax Censuses and the Decline of the Serf Population in Imperial Russia // Slavic Review. 1979. Vol. 38, No. 3; Hoch St. Serfs in Imperial Russia Demographic Insights // Journal of Interdisciplinary History. 1982. Vol. 13, No. 2. P. 221—246. За вторую точку зрения высказались: Бунге Н. Х. Изменение сословного состава населения России в промежутках времени между 7 и 8, 8 и 9 ревизиями // Экономический указатель. 1857. № 44. С. 1022—1030; Водарский Я. Е., Кабузан В. М. Демографические проблемы истории СССР досоветского периода // Поляков Ю. А. (ред.). Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 110—119; Кабузан В. М. Крепостное крестьянство России в XVIII—50-х годах XIX века: Численность, состав, размещение // ИСССР. 1982. № 3. С. 67—85; Крутиков В. И. Изменение численности и социального состава населения Тульской губернии в конце XVIII—первой половине XIX века // Кондрашенко А. А. (ред.). Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР: Материалы межвузовской научной конференции. Смоленск, 1972. С. 123—129; Перковский А. Л. 1) Кризис демографического воспроизводства крепостного крестьянства России в первой половине XIX столетия // Вишневецкий А. Г. (ред.). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 167—191; 2) Воспроизводство крепостного населения Киевской губернии в 1834—1850 гг. // Ковальченко И. Д. (ред.). Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI—начало XX в.). Таллин, 1986. С. 183—192; Пустоход П. И. Помещики и крепостные Украины накануне реформы 1861 г. (по данным VIII и X ревизий) // Поляков Ю. А. Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988. С. 156—162; Солнцев С. И. Очерки из истории естественного движения населения и крестьянского землевладения в Европейской России. Б. м., б. г. С. 16—17; Шепукова Н. М. Изменение удельного веса помещичьих крестьян

в составе населения Европейской России в XVIII—первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960.

¹⁴⁸ Трубников В. В. Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии // Сб. статистических сведений о России, издаваемый РГО. 1858. Кн. 3. С. 362. Аналогичные результаты дает анализ демографических данных по вотчинам Шереметьевых за 1830—1832 гг. (РГИА, ф. 1088 (Шереметьевы), оп. 21, ч. 5, д. 10163) и Васильковскому уезду Киевской губернии за 1858—1859 гг. (Архив РГО, разр. 16 (Киевская губерния), оп. 1, д. 31). См. также: Табель приращения народонаселения в России с 7-й до 8-й ревизии, показывающая в каждой губернии или области процентную прибыль ревизских душ по всем податным сословиям // Материалы для статистики Российской империи, изд. при Статистическом отделе Совета МВД. СПб., 1841. Отд. 1. С. 149—150.

¹⁴⁹ Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика численности населения России в XVIII—начале XX в.: Источники и историография // Поляков Ю. А. (ред.). Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 132. Авторы считают, что пониженный естественный прирост, правда, вместе с рекрутскими наборами, за 1816—1850 гг. помешал увеличиться численности помещичьих крестьян на 3,3 млн человек.

¹⁵⁰ Вишневецкий А. Г., Волков А. Г. (ред.). Воспроизводство населения СССР. С. 282.

¹⁵¹ Миронов Б. Н. Русский город. Приложение. Табл. 2.

¹⁵² Новосельский С. А. 1) Смертность и продолжительность жизни... С. 180—187; 2) Обзор главнейших данных... С. 45—46.

¹⁵³ Миронов Б. Н. Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет: X—XX вв. // Studia Humanistica 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 24—46.

¹⁵⁴ Ханыков Я. В. Очерк истории медицинской помощи в России // Журнал МВД. 1851. Ч. 34. Апрель. 1851. С. 31—32; Миронов Б. Н. История в цифрах. С. 144.

¹⁵⁵ Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни... С. 184.

¹⁵⁶ Там же. С. 182, 184.

¹⁵⁷ Mironov B. N. Diet and Health of the Russian Population from the Mid-Nineteenth to the Beginning of the Twentieth Century // Komlos J. (ed.). The Biological Standard of Living on Three Continents: Further Explorations in Anthropometric History. Boulder: Westview Press, 1995. P. 59—80.

¹⁵⁸ Вишневецкий А. Г., Волков А. Г. (ред.). Воспроизводство населения СССР. С. 47—56.

¹⁵⁹ Вигдорчик Н. А. Детская смертность...; Матусевич И. О. Детская смертность в зависимости от густоты и скученности населения по участкам г. С.-Петербурга. СПб., 1904; Новосельский С. А. Влияние экономических усло-

- вий на частоту отдельных причин смерти // *Новосельский С. А.* Вопросы демографической и санитарной статистики. М., 1958. С. 76—86; *Пантюхов И.* Причины болезней киевлян. Киев, 1877. С. 64; *Финкель М.* Исследование о смертности в Одессе в десятилетний период: с 1851 по 1860 год. Одесса, 1865. С. 37—40.
- ¹⁶⁰ Смертность населения и социальные условия. Пг., 1916. С. 1—8.
- ¹⁶¹ *Филд Д.* Об измерении расслоения крестьян в пореформенной российской деревне // *Ковальченко И. Д.* (ред.). Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М., 1989. С. 47—73.
- ¹⁶² *Щербина Ф. А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 217—219.
- ¹⁶³ *Братолобов И.* Записка о движении народонаселения по Лугскому уезду за 1841—1850 гг. // Архив РГО, разр. 35, оп. 1, д. 9, л. 44.
- ¹⁶⁴ *Шингарев А. И.* Заболеваемость населения Воронежской губернии 1898—1902 гг. Т. 1, ч. 1. Общий очерк заболеваемости. Воронеж, 1906. С. 335—337.
- ¹⁶⁵ *Новосельский С. А.* Различия в смертности городского и сельского населения Европейской России // Общественный врач. 1911. № 4. С. 40—62. У Новосельского расчет сделан для всего населения, у меня — только для православного.
- ¹⁶⁶ *Миронов Б. Н.* Русский город. Приложение. Табл. 3. С. 259—260.
- ¹⁶⁷ *Новосельский С. А.* Различия в смертности городского и сельского населения... С. 44.
- ¹⁶⁸ *Аттенгофер Г. Л.* Медико-топографическое описание С.-Петербурга — главного и столичного города Российской империи. СПб., 1820; *Гюбнер Ю.* Санитарно-статистическое описание С.-Петербурга. СПб., 1872; *Икавитц Э.* Медико-топографическое описание Тамбовской губернии. М., 1865; *Кенигсберг М. М.* Опыт медико-топографического исследования города Оренбурга. СПб., 1886; *Лангель Р.* Краткое медико-физическое и топографическое обозрение Казанской губернии и губернского города Казани. Казань, 1817; *Пантюхов И. И.* Опыт санитарной топографии и статистики Киева. Киев, 1877; Санитарное состояние городов Российской империи в 1895 году по данным Медицинского департамента МВД. СПб., 1898. См. также: *Петров Б. Д.* Медико-топографические описания в России: (до 1861 г.) // Советское здравоохранение. 1960. № 1. С. 46—51.
- ¹⁶⁹ Водоснабжение и способы удаления нечистот в городах России. СПб., 1912; *Грацианов П. А.* Очерк врачебно-санитарной организации русских городов. Минск, 1899; *Жбанков Д. Н.* (ред.). Сборник по городскому врачебно-санитарному делу в России. М., 1915; *Маркузон Ф. Д.* Очерки по санитарной статистике в дореволюционной России. М., 1961. С. 5—69; Статистический ежегодник России: 1912 год. СПб., 1913. Отд. 5-й. С. 4—6; *Чертов А. А.* Городская медицина в Европейской России: Сб. сведений об устройстве врачебно-санитарной части в городах. СПб., 1903.
- ¹⁷⁰ *Скворцов И.* Санитарный быт русских и западноевропейских городов и международная гигиеническая выставка в Брюсселе. Казань, 1876. С. 1—61.
- ¹⁷¹ Свод узаконений и распоряжений правительства по врачебной и санитарной части: В 3 вып. СПб., 1895—1898; *Ханыков Я. В.* Очерк истории медицинской полиции в России // Журнал МВД. 1851. Ч. 33. С. 327—383; Ч. 34. С. 3—60.
- ¹⁷² *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных... С. 36—38.
- ¹⁷³ *Томлин С. А. К* вопросу о плодovitости крестьянки... С. 107—109.
- ¹⁷⁴ *Новосельский С. А.* Демография и статистика. С. 146—153 («О тесноте связи между рождаемостью и детской смертностью»).
- ¹⁷⁵ *Покровский Е. А.* Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М., 1884. С. 364; *Литинский.* Симбирская губерния. Ч. 2. С. 584.
- ¹⁷⁶ *Снигирев В. С.* О смертности детей на первом году жизни: Опыт медико-статистического исследования в Ставропольской губернии с 1857 по 1862 год. СПб., 1863. С. 1—31; *Ransel D.* Infant-Care Cultures in Russian Empire // *Clements B. E., Engel B. A., Worobec Ch. D.* (eds.). Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley, CA et al.: University of California Press, 1991. P. 113—134.
- ¹⁷⁷ *Птуха М.* Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века. Киев, 1928. С. 24.
- ¹⁷⁸ *Ериов С.* Материалы для санитарной статистики Свяжского уезда: Опыт сравнительной демографии русской и татарской народностей. СПб., 1898. С. 114—116. К аналогичным выводам приходили и другие современники: *Снигирев В. С.* О смертности детей на первом году жизни. С. 14, 31.
- ¹⁷⁹ *Снигирев В. С.* О смертности детей на первом году жизни. С. 27.
- ¹⁸⁰ *Птуха М.* Смертность 11 народностей Европейской России... С. 24. См. также: *Ериов С.* Материалы для санитарной статистики... С. 112.
- ¹⁸¹ *Покровский Е. А.* Физическое воспитание детей... С. 365, 370—371.
- ¹⁸² *Hellie R.* Slavery in Russia: 1450—1725. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1982. P. 448, 455—456, 459, 534.
- ¹⁸³ *Ransel D. L.* Mothers of Misery... P. 8—30.
- ¹⁸⁴ *Ibid.* P. 132, 136—137.
- ¹⁸⁵ *Анучин Е. Н.* Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827—1846 годов // Зап. РГО по отделению статистики. 1871. Т. 2. С. 350—355.
- ¹⁸⁶ *Гернет М. Н.* Детоубийство: Социологическое и сравнительно-историческое исследование. М., 1911. С. 69; Свод статистических сведений по делам уголовным, произведенным в 1913 году. См. также: *Боровитников М. М.* Детоубийство в уголовном праве. СПб., 1905.
- ¹⁸⁷ См., например: *Макарий.* Материалы для географии и статистики Нижегородской губернии // Сб. статистических сведений о Рос-

- сии, издаваемый статистическим отд-нием РГО. 1858. Кн. 3. С. 635—657.
- ¹⁸⁸ *Арсеньев К. И.* Исследования о численном соотношении полов в народонаселении России // Журнал МВД. 1844. Ч. 5, № 1. С. 5—47; *Шиловский К.* К вопросу об изменении полового состава населения во времени // Журнал Рус. об-ва охранения народного здравия. 1891. № 10. С. 1—8.
- ¹⁸⁹ РГИА, ф. 91 (Вольное экономическое общество), оп. 1, д. 312.
- ¹⁹⁰ *Лихтенштедт И. Р.* О причинах большой смертности детей на первом году их жизни и мерах к ее отвращению. СПб., 1839. С. 66.
- ¹⁹¹ Архив РГЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 499, л. 5—6; д. 552, л. 13; *Гернет М. Н.* Детоубийство... С. 143; *Грегори А. В.* Материалы по вопросу о детоубийстве и плодизгнании. Варшава, 1908. С. 234—246; *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». С. 56—58.
- ¹⁹² *Грегори А. В.* Материалы по вопросу о детоубийстве... С. 241.
- ¹⁹³ *Бессмертный Ю. Л.* Крестьянская семья во Франции IX в. // Средние века. 1975. Вып. 39. С. 241—247.
- ¹⁹⁴ *Платонов А.* Избр. произведения. М., 1983. С. 344.
- ¹⁹⁵ [Болотов А. Т.] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: 1738—1794: В 4 т. СПб., 1872. Т. 2. С. 645.
- ¹⁹⁶ *Литинский.* Симбирская губерния. Ч. 2. С. 583.
- ¹⁹⁷ *Мартынова А. Н.* Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // *Горелов А. А.* (ред.). Русский фольклор. Л., 1975. Т. 15. С. 145—155; *Martynova A.* Life of the Pre-Revolutionary Village as Reflected in Popular Lullabies // *Ransel D. L.* (ed.). The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research. Urbana et al.: University of Illinois Press, 1978. P. 171—188.
- ¹⁹⁸ *Еремينا В. И.* Заговорные колыбельные песни // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 29.
- ¹⁹⁹ *Ефименкова Б. Б.* Севернорусская причеть. М., 1980. С. 16.
- ²⁰⁰ *Чечулин Н. Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб., 1889. С. 45.
- ²⁰¹ *Бартенева П.* (ред.). Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856. С. 227—232.
- ²⁰² Архив РГЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 552, л. 12—13. Дети, которых признавали по медицинским соображениям не подлежащими обычному уходу, матери не выхаживали, а оставляли на волю Божью. Но это — «не признак пренебрежения или невежества. <...> Это было подтверждение их личной заботы о своих детях — решение поместить ближе к Богу и возложить ответственность за него на силы, превосходящие их собственные» (*Рэнсел Д.* «Старые младенцы» в русской деревне // *Данилов В. П., Милов Л. В.* (ред.). Менталитет и аграрное развитие России: Материалы международной конференции (XIX—XX вв.). М., 1996. С. 114).
- ²⁰³ *Гиляровский Ф. В.* Исследование о рождении и смертности детей... С. 588, 600.
- ²⁰⁴ *Миронов Б. И.* Динамика грамотности в Прибалтике во второй половине XVIII—XIX в.: Опыт исторического предсказания // Изв. Академии наук ЭССР. Общественные науки. Таллин, 1989. № 38/1. С. 42—50.
- ²⁰⁵ *Палли Х.* Естественное движение сельского населения Эстонии 1650—1799: В 3 вып. Таллин, 1980. Вып. 2. С. 79—120.
- ²⁰⁶ *Звидриньш П. П.* О некоторых особенностях демографического перехода к современному типу воспроизводства населения в Латвии // *Пуллак Р. Н.* (ред.). Численность и классовый состав населения России и СССР. (XVI—XX вв.). Таллин, 1979. С. 25—26.
- ²⁰⁷ *Najnal J.* European Marriage... P. 101—143; *Палли Х.* Некоторые характеристики развития семьи в странах Западной Европы XVII—XIX веков: (По материалам зарубежных исследований) // *Вишневский А. Г., Кон И. С.* (ред.). Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 169—182.
- ²⁰⁸ *Палли Х.* Воспроизводство населения Эстонии в XVII—XIX вв. // *Вишневский А. Г.* (ред.). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 214—22; *Звидриньш П. П.* 1) О некоторых особенностях демографического перехода... С. 25—31; 2) Уровень и динамика рождаемости и смертности в Латвии в период до Советской власти: (1840—1940) // Учен. зап. Латвийского ун-та. 1977. Т. 177. С. 47—82.
- ²⁰⁹ *Кайтша Е. И.* Движение народонаселения в России с 1848 по 1852 год // Сб. статистических сведений о России, издаваемый РГО. 1858. Кн. 3. С. 429—464.
- ²¹⁰ *Ершов С.* Материалы для санитарной статистики...; *Тезяков Н. И.* Материалы по изучению детской смертности в Саратовской губернии с 1902 по 1904 г. Саратов, 1908. Вып. 2. С. 92—97.
- ²¹¹ *Караханов М. К.* Демографические процессы в Средней Азии во второй половине XIX столетия // *Вишневский А. Г.* (ред.). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 191—213.
- ²¹² *Вишневский А. Г., Волков А. Г.* (ред.). Воспроизводство населения СССР. С. 61.
- ²¹³ Там же. С. 273. Для одного помещичьего имения в 1850—1856 гг. средняя продолжительность предстоящей жизни составляла для мальчиков 27,2, для девочек — 29,3 года, брутто-коэффициент воспроизводства населения — 3,46, нетто-коэффициент воспроизводства — 1,36: *Hoch St. Serfdom and Social Control...* P. 67, 69, 72.
- ²¹⁴ *Валентей Д. И.* (ред.). Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 71.
- ²¹⁵ Архив РГО, разр. 29 (Пермская губерния), оп. 1, д. 62, 1855 г.; *Иваницкий Н.* Сольвычгодский крестьянин, обстановка его жизни и деятельность // ЖС. 1898. Год восьмой. С. 62; *Афиногенов А. О.* Жизнь женского населения... С. 3—4.

ГЛАВА IV

СЕМЬЯ И ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ МАЛОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СЕМЬИ

История семьи в Европе и США показывает, что по мере урбанизации и индустриализации, по мере развития индивидуализма и роста культуры в обществе начинают преобладать малые демократические семьи, включающие родителей и несовершеннолетних детей. Развитые индустриальные общества состоят почти исключительно из малых семей, поскольку, когда дети становятся взрослыми, они отделяются от родителей и живут самостоятельно. Преобладающие формы семьи служат показателем уровня модернизации общества и в значительной мере обуславливают положение в нем женщин и детей. Вследствие этого семейная организация общества представляет большой научный интерес. В данной главе основное внимание будет обращено на выяснение форм семейной организации и характера межличностных отношений в семье — между супругами, между родителями и детьми, между взрослыми членами семьи, а также на социализацию молодого поколения внутри семьи. Эти вопросы будут рассмотрены в исторической перспективе и в сословном измерении.

ТИПОЛОГИЯ СЕМЕЙ В РОССИИ В ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Крестьянство

Понятия *семья*, или *смейство*, и *двор*, или *домохозяйство*, применительно к XVIII—началу XX в. были тождественными: они означали совокупность близких родственников, живших вместе и ведших одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался хозяином. Понятия *семья* в современном значении крестьянство не знало, хотя само слово «семья» существовало. До XVIII в. и высшие сословия понятие *семья* подменяли понятием *дом* для обозначения некоего единого хозяйственного, социального и психологического целого, члены которого находятся в отношениях родства и свойства, господства и подчинения и равно необходимы для его нормального функционирования. При этом домохозяйство могло состоять из одной брачной пары, включавшей родителей и неженатых детей, или из двух или более брачных пар, например, женатые дети, жившие вместе с родителями, женатые братья, жившие вместе одним хозяйством, и т. д. Главными критериями единства нескольких брачных пар в одном домохозяйстве, или семействе, являлись наличие общего нераздельного имущества и одного главы, который управлял этим имуществом и вообще всеми делами в хозяйстве. Все члены одного семейства, или хозяйства, жили одним двором, но не в том смысле, что они проживали в одной избе (постройке), а в том, что вели одно хозяйство, имели общее имущество. Поэтому хозяйство, двор и семья были синонимами. Согласно типологии, общепринятой в современной исторической демографии, различают пять форм семейной организации: 1) семья, состоящая из одного человека; 2) группа родственников или не-

Рис. 43. Малая городская семья. 1900-е гг.

родственников, не образующих семьи, но ведущих общее хозяйство; 3) простая малая, или нуклеарная, семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми; 4) расширенная семья, включающая супружескую пару с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях; 5) составная семья, состоящая из двух или более супружеских пар. В пятую категорию входят также и так называемые большие патриархальные отцовские или братские семьи, которые включают несколько поколений одного предка, образующих 3—5 и более супружеских пар, объединяющих 15, 20, 30 и более человек.¹ Эта форма семейной организации в западноевропейских странах в Новое время не встречалась и поэтому в специальный тип не выделена. До сих пор остается спорным вопрос, какие типы семьи доминировали среди крестьянства. В российской историографии в последние 25 лет получила преобладание точка зрения, согласно которой у крестьянства на протяжении XVI—начала XX в. неизменно превалировала малая семья.² Однако исследователи под влиянием этнографической методики к составным семьям нередко относят только большие семьи, а некоторые формы составной семьи (например, состоящие из родителей и женатых детей без собственных детей или родителей и одного женатого сына с детьми) относят к малым семьям.³ Подобный прием, оправданный при этнографическом подходе, приводит к преувеличению численности малых семей и исключает из анализа составную семью как самостоятельный тип, подменяя

ее большой семьей, которая, согласно принятой классификации, является разновидностью составной семьи. Зарубежные историки, занимающиеся данной проблемой, придерживаются мнения о преобладании среди крестьянства в императорский период, по крайней мере до эмансипации, составной семьи.⁴

Начнем с выяснения людности крестьянского двора (табл. IV.1). Но прежде необходимо сделать оговорку. В составе хозяйств-семей в XVII — начале XX в. довольно часто проживали неродственники — прислуга, работники, ученики мастеров и т. п., которые учитывались в текущей статистике как члены хозяйств. Согласно переписи 1897 г., посторонние лица увеличивали среднюю людность городской семьи на 0.9, а сельской — на 0.2 человека. Однако в группировках по числу человек в семье они учитывались наравне с родственниками, что преувеличивало среднюю величину семьи для деревни незначительно, а для города — существенно. Возможно, что для чистоты анализа следовало бы внести поправки в исходные данные. Но, во-первых, как это сделать — неясно, во-вторых, формально неродственники действительно не были членами семей, но фактически часто входили в семью наравне с родственниками вследствие патриархальности семейных отношений, а также потому, что «посторонние», учитываемые как члены семьи, не имели, как правило, собственной семьи, хозяйства и бюджета и жили в «чужих» семьях подолгу или даже постоянно. Хотя в данные о величине семей поправки не вносились, необходимо иметь в виду, что результаты анализа несколько архаизируют семейную организацию населения, в особенности городского.

Таблица IV.1
Средняя населенность крестьянского двора в России в конце XVII—начале XX в.
(человек обоого пола)

Район	1678 г.	1710 г.	1850-е гг.	1900-е гг.	1917 г.	1897 г.*
Северный	6.5	6.8	6.8	5.6	—	5.3
Северо-Западный	7.4	—	6.8	6.4	—	5.6
Нечерноземный центр	7.3	7.4	6.8	5.9	6.1	5.2
Черноземный центр	9.1	7.8	10.2	6.5	6.3	6.3
Поволжье	—	6.6	8.2	5.9	—	5.4
Киевская губерния	—	—	7.3	—	—	5.4
Европейская Россия	7.5	7.6	8.4	6.1	6.2	5.8

* Сельское население, включая некрестьянские сословия, по переписи 1897 г.

Источники: Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // ИСССР. 1981. № 3. С. 85; Водарский Я. Е. 1) Население России в конце XVII—начале XVIII века. М., 1977. С. 48, 221—231; 2) К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России в XVI—XVII вв. // Бескровный Л. Г. (ред.). Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 117—130; Кох О. Б. Крестьянская семья // Шапиро А. Л. (ред.). Аграрная история Северо-Запада России XVII века: (Население, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 55—62; Сваицкая З. М., Сваицкий Н. А. Земские подворные переписи, 1880—1913: Поуездные итоги. М., 1926; Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 16—22; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. СПб., 1858. С. 248; Фундуклей И. Статистическое описание Киевской губернии. Киев, 1852. Ч. 1. С. 297; Хрящева А. И. (ред.). Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г. М., 1922. С. 13; Сб. статистических сведений по Союзу ССР: 1918—1923. М., 1924. С. 107—113 (Труды ЦСУ. Т. 18).

Данные табл. IV.1 за отдельные годы не вполне сопоставимы, поскольку в разное время собирались различными способами. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что они все же правильно отражают господствующие тенденции в изменении населенности дворов.⁵ Средняя населенность крестьянского двора в течение XVIII—первой половины XIX в. в промысловых и промышленных регионах (Север, Северо-Запад и Нечерно-

земный центр) была стабильной или уменьшалась, а в сельскохозяйственных регионах возрастала. Это свидетельствует о том, что характер хозяйственной деятельности населения оказывал серьезное влияние на величину семьи: занятие земледелием способствовало увеличению размера семьи, а занятие торговлей, промышленностью в разных ее формах и промыслами, напротив, — уменьшению размера семьи. Во второй половине XIX—начале XX в. происходило повсеместное размельчение семей, причем этот процесс в большей степени охватил сельскохозяйственные губернии, что привело к выравниванию средней населенности крестьянского двора в районах промышленной и сельскохозяйственной ориентации.

На протяжении трех столетий средний крестьянский двор никогда не был многонаселенным, что создает искушение, которого, мне кажется, не избежали многие историки, интерпретировать малонаселенность как показатель полного господства малой семьи. Однако сама по себе малочисленность семьи не является достаточным критерием для заключения о преобладании в среде крестьянства малой семьи, так как может быть следствием высокой смертности и короткой продолжительности жизни. Например, семья из четырех человек может включать две полные семьи и являться составной, а не малой. Попытаемся ответить на вопрос о том, какие формы семейной организации преобладали среди крестьянства.

На 1850 г. мы располагаем данными о семейной структуре крестьянства четырех губерний — Ярославской, Нижегородской, Пермской и Киевской, в которых проживало более 4 млн крестьян. Наиболее полные сведения относятся к Ярославской губернии, по которой мы имеем данные о распределении домохозяйств-дворов по числу человек и о собственно семейной структуре населения (табл. IV.2).

Таблица IV.2
Населенность крестьянских дворов-семей в 1850-е гг. (в %)*

Губерния	Количество хозяйств с числом членов												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11—15	16—20	21—30
Ярославская	5.1	12.7	7.7	9.7	10.9	10.7	9.7	7.9	6.2	4.9	11.3	2.5	0.7
Ярославская**	39.6	20.3	7.9	7.3	6.2	4.9	3.7	2.5	1.8	1.4	3.4	0.7	0.3
Нижегородская	—	6.4	8.9	10.5	12.6	13.0	11.9	9.1	7.2	5.7	12.1	1.7	0.9
Пермская	4.7	6.9	8.3	11.6	11.7	10.9	8.5	7.1	5.7	5.6	14.1	3.6	1.3
Киевская	—	5.8	8.7	11.6	13.3	13.1	11.2	8.7	6.6	5.0	11.8	2.6	1.6

* Хозяйства с числом членов более 30 составляли в Ярославской губернии среди крестьян 0.04%, среди городского сословия — 0.06, в Пермской губернии — 0.11%. ** Городское сословие.

Источники: О составе и движении населения по губерниям Нижегородской и Ярославской. СПб., 1861; Архив РГО, разр. 29 (Пермская губерния), оп. 1, д. 41; Архив РАН, С.-Петербургское отд-ние, ф. 27, оп. 1, д. 128, л. 3—4; *Перковский А. Л.* Эволюция семьи и хозяйства на Украине в XVII—первой половине XIX столетия // Демографічні дослідження. 1979. Вып. 4.

Как следует из приведенных данных, в ярославской деревне в среднем на одно домохозяйство приходилось 1.95 семьи, 6.49 человека (3.01 мужчины и 3.48 женщины), в том числе 3.45 взрослых и 3.04 детей. Относительно двух других губерний нам известны лишь данные о распределении домохозяйств по числу человек, которые показывают, что в Пермской губернии домохозяйство в среднем состояло из 7.06 человека, в том числе 3.33 мужчины и 4.73 женщины, в Нижегородской — соответственно 6.89, 3.30 и 3.59, в Киевской — 7.32, 3.64 и 3.68. Но что на основании этих данных можно сказать о типологии семей?

Обычно распределение семей по типам производится на основании анализа состава каждой семьи с точки зрения родственных отношений. Этот кропотливый анализ требует специальных источников, которых, как правило, немного, вследствие чего и исследования о типологии семей малочисленны и относятся они в большинстве случаев к старому доброму времени, когда родственные отношения имели большое значение в жизни человека. Из-за недостатка соответствующих источников приходится обращаться к менее строгому методу — построению типологии семей на основании величины семьи, поскольку между типом и величиной семьи существовала довольно тесная связь. Для этого нам необходимо знать, сколько человек в среднем включали малые, расширенные и составные семьи. Возможность найти соотношение между величиной семьи и ее типом дает обращение к типичному жизненному циклу семьи, который в середине XIX в. имел следующий вид:

	Мужчины	Женщины
Возраст вступления в первый брак	24—25	21—22
Возраст при рождении первого ребенка	26—27	23—24
Возраст при рождении последнего ребенка	42—44	39—40
Продолжительность предстоящей жизни при вступлении в брак	35—36	39—40
Продолжительность предстоящей жизни после рождения последнего ребенка	24—25	27—28
Среднее число рождений на одну крестьянку	—	7—8

Если женщина весь репродуктивный период проводила в браке и обладала крепким здоровьем, то она рожала 10—11 раз. Однако вследствие задержки с выходом замуж, овдовения, бесплодия, безбрачия, плохого здоровья или намеренного предотвращения рождений крестьянки в среднем рожали по 7—8 детей, из которых почти каждый третий умирал в течение первого года жизни, только каждый второй доживал до 20 лет и каждый из трех выживших сыновей подлежал пожизненной воинской повинности. Отсюда следует, что средняя численность малой семьи в момент своего апогея, когда супругам было 40—45 лет, могла составлять 6 человек (2 родителя, 3 ребенка в семье и 1 сын в армии). К этому времени первые дети достигали 20 лет и численность семьи должна была начать постепенно сокращаться, если бы все дети покидали родительский дом. Наш расчет подтверждается данными о жизненном цикле семей духовенства, поскольку по уровню рождаемости и смертности духовенство было близко к крестьянству (табл. IV.3).

Таблица IV.3
Состав семей духовенства в середине XIX в. (Вологодская губерния, 1859 г.)

Возраст супруга	Число семей, имевших детей									Всего детей	Всего семей	Детей на 1 семью
	0	1	2	3	4	5	6	7	8+			
60+	18	29	26	16	8	4	2	—	—	193	103	1.87
55—59	11	28	26	21	10	11	4	2	—	276	113	2.44
50—54	9	25	35	28	29	26	15	6	2	575	175	3.29
45—49	10	15	19	26	29	38	20	13	8	716	178	4.02
40—44	21	19	22	32	46	60	43	25	15	1201	283	4.24
35—39	20	20	27	53	79	82	54	14	5	1426	354	4.03
30—34	21	32	72	103	78	45	16	5	1	1161	373	3.11
25—29	27	100	77	64	26	2	2	—	—	572	298	1.92
18—24	16	63	3	—	—	—	—	—	—	69	82	0.84
Итого	153	331	307	343	305	268	156	65	31	6189	1959	3.17

Источник: *Попов В. А.* Движение народонаселения в Вологодской губернии // Зап. РГО по отд-нию статистики. 1871. Т. 2. С. 235.

Как следует из приведенных данных, максимальной величины — 6.24 человека (2 родителя и 4.24 детей) семьи духовенства достигали, когда супругам было 40—44 года, после чего численность семьи начинала уменьшаться. Это было связано с тем, что в семьях духовенства только один сын наследовал отцу и становился его преемником как духовное лицо, остальные должны были устраивать свою жизнь на стороне; дочери же после выхода замуж, как и у крестьян, покидали родителей. Когда супруги достигали 60 лет, с ними могли еще оставаться только один сын, наследовавший отцу, и младшая дочь, не успевшая еще выйти замуж. В конце концов престарелые родители доживали жизнь с одним сыном.

Жизненный цикл семей духовенства дает нам историю малой семьи. По отношению к жизненному циклу крестьянских семей эта модель является контрфактической, поскольку показывает, что было бы с крестьянской семьей, если бы она действительно являлась малой, а крестьян, так же как и представителей духовного сословия, не брали в армию. Следует принять во внимание, что **духовенство являлось самым многодетным сословием** в России по причине раннего вступления в брак, относительного благосостояния и негативного отношения (по религиозным соображениям) ко всяким средствам, ограничивающим деторождение. Несмотря на это, средняя величина семьи белого духовенства составляла всего 5.17 человека.

В крестьянских семьях, как и в семьях духовенства, дочери после выхода замуж покидали родительский дом, но в отличие от духовенства каждый из трех крестьянских сыновей после достижения призывного возраста, равного 18 годам до 1840 г. и 20 годам с 1840 г., обязан был уходить в армию практически навсегда, так как служба продолжалась 20 и более лет. Рекрутская повинность крестьянства и меньшая сравнительно с духовенством детность крестьянских семей объясняют, почему, по нашему расчету, в малой крестьянской семье должно было оставаться трое детей, а в семьях духовенства среднее число детей доходило до 4.24. Второе отличие крестьянства от духовенства состояло в том, что крестьянские сыновья, кроме ушедших в армию, оставались с родителями, приводили в дом жен и обзаводились детьми. Начинался новый рост семьи, который, как правило, продолжался около 20—30 лет до смерти отца, потому что сыновья при живом отце от него не уходили и имущество с ним не делили. Если же они настаивали на разделе, то, согласно обычному праву, не получали никакого имущества. За 20—30 лет численность семьи заметно увеличивалась, так как две-три невестки за это время несколько раз рожали. Нередко случалось, что после смерти отца братья продолжали жить вместе. Большие отцовские и братские семьи нередко достигали значительной численности: например, самая большая семья в Ярославской губернии включала 72 человека, в Нижегородской — 46 и в Пермской — 44 человека. Иногда численность большой семьи превосходила и 100 человек.

Итак, в середине XIX в., а в более раннее время тем более, в среде крестьянства семьи, насчитывавшие 6 и более человек, как правило, являлись расширенными (одна семья и родственники) или составными. Даже в современной России 1994 г. 3.6% всех семей являлись составными, включавшими две и три брачные пары с детьми и без детей, при этом средний размер домохозяйств равнялся всего 5.6 человека.⁶ В пореформенное время началось снижение брачности и более активное и результативное регулирование рождаемости, что вело к уменьшению размеров семьи (подробно об этом см. в главе III «Демографические процессы и начало демографического перехода»). Следовательно, для всего изучаемого периода семьи, насчитывавшие 6 человек и более, как правило, не были малыми, а являлись расширенными или составными. Подчеркнем, что здесь речь идет о наиболее распространенных случаях, так как не все семьи численностью 5 человек и менее были малыми, как и не все семьи, насчитывавшие более 6 членов, были расши-

ренными или составными. Отдельные локальные исследования подтверждают расчет, что семьи численностью до 5 человек включительно чаще всего являлись малыми, в 6 человек — расширенными и в 7 и более — составными. Среди последних, с числом членов 11 и более человек, значительная часть, вероятно, относилась к большим семьям.⁷ В таком случае наша исходная табл. IV.2 примет следующий вид (табл. IV.4).

Таблица IV.4
Типология хозяйств-семей сельского населения в Ярославской, Нижегородской, Пермской и Киевской губерниях в середине XIX в. (в %)

Тип семьи	Ярославская		Нижегородская		Пермская		Киевская	
	хоз-ва	население	хоз-ва	население	хоз-ва	население	хоз-ва	население
Одинокие	5.1	0.8	—	—	4.7	0.7	—	—
Группа родственников	6.7	2.1	—	—	—	—	—	—
Малая	34.2	19.8	38.9*	21.4*	38.5*	20.3*	39.4*	19.2*
Расширенная	10.6	9.8	13.2	11.5	10.9	9.2	13.1	11.3
Составная	43.4	67.5	47.9	67.1	45.9	69.8	47.5	69.5
в том числе большая**	14.5	31.2	17.7	28.5	23.0	38.3	16.1	32.8

* Вместе с одинокими и группой родственников. ** С 11 и более членами.
Источники указаны в примечании к табл. IV.2.

В Ярославской, Нижегородской и Пермской губерниях крестьяне, не оставляя земледелия, активно занимались кустарной промышленностью, отходничеством, торговлей. В наибольшей степени это было характерно для ярославских крестьян и в наименьшей — для пермских. И несмотря на это, во всех трех губерниях *в каждый данный момент* количественно преобладали составные семьи, а вместе с расширенными семьями они составляли абсолютное большинство, как и в земледельческой Киевской губернии.

Однако кроме числа семей необходимо учитывать и население, жившее в семьях разного типа. Составные семьи охватывали до 70% всего крестьянства, малые семьи — около 20%, расширенные — 10%. В чисто земледельческих губерниях доля составных семей и населения, в них проживавшего, была выше.⁸ Об этом можно судить по тому, что среднестатистический размер семьи в таких губерниях был примерно на 25% больше, чем в губерниях промышленной ориентации (табл. IV.1). Например, в 1857 г. семья включала в среднем в Воронежской губернии 9.6 человека обоего пола, Вятской — 9.7, Курской — 9.1, Саратовской — 8.4, Тамбовской губернии — 9.0 человек обоего пола.⁹ В целом по Европейской России в 1850-е гг. средняя людность крестьянского двора составляла 8.4 человека, по неземледельческим Ярославской, Нижегородской и Пермской губерниям — 6.8. Таким образом, на основании этих данных можно предположить, что **до эмансипации в деревне преобладала составная крестьянская семья.**

Последняя треть XIX—начало XX в. отмечены уменьшением средней величины семьи и доли расширенных и составных семей (табл. IV.1, IV.5 и IV.6).

При анализе табл. IV.5 и IV.6 следует иметь в виду, что их данные относятся ко всему сельскому населению, а не собственно к крестьянству. В семейной структуре проживавших в деревне мещан, купцов и дворянства было больше малых семей и меньше расширенных и составных и их населенность была меньше, чем крестьянской семьи: на одну семью дворян приходилось 5.4 человека, духовенства — 5.8, городских обывателей — 5.1. Кроме того, перепись 1897 г. по непонятной пока причине на 5—7% преуменьшала людность крестьянского двора-семьи. Согласно ее данным, в 1897 г. в среднем по Европейской России одна семья сельских обывателей

включала 5.8 человека, в то время как в 1900-е гг., по данным земских обследований, и в 1917 г., согласно данным сельскохозяйственной переписи,— 6.1 человека.¹⁰

Т а б л и ц а IV.5

Типология хозяйств-семей сельского населения в Ярославской, Нижегородской, Пермской и Киевской губерниях в 1897 г. (в %)

Тип семьи	Ярославская		Нижегородская		Пермская		Киевская	
	хоз-ва	население	хоз-ва	население	хоз-ва	население	хоз-ва	население
Одинокие	8.1	1.7	5.9	1.2	3.4	0.7	2.1	0.4
Малая*	60.3	44.9	54.5	39.3	57.2	39.9	58.1	41.8
Составная**	31.6	53.4	39.6	59.5	39.4	59.4	39.8	57.8
в том числе большая***	1.4	2.8	4.0	8.1	2.5	5.2	1.2	2.4

* Вместе с группой родственников. ** Вместе с расширенной семьей. *** С 11 и более членами.
И с т о ч н и к: Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 16—22.

Т а б л и ц а IV.6

Типология хозяйств-семей сельского населения Европейской России по районам в 1897 г. (в %)

Район	Одинокие		Малая семья*		Расширенная и составная семья**		Большая семья**	
	хоз-ва	население	хоз-ва	население	хоз-ва	население	хоз-ва	население
Промышленной ориентации	4.3	0.9	52.6	38.0	40.6	56.0	2.5	5.1
Северный	2.8	0.7	50.4	37.2	44.2	56.8	2.6	5.3
Северо-Западный	4.8	0.9	48.9	35.1	42.4	56.1	3.9	7.9
Северо-Восточный	2.8	0.5	51.5	36.5	41.3	54.1	4.4	8.9
Нечерноземный центр	5.2	1.0	52.6	38.5	38.1	52.2	4.1	8.3
Прибалтийский	5.4	1.1	64.1	46.2	29.3	50.3	1.2	2.4
Аграрной ориентации	2.4	0.4	49.7	32.9	43.0	56.8	4.9	9.9
Юго-Восточный	2.4	0.4	50.7	32.4	41.5	56.8	5.4	10.4
Восточный	2.0	0.4	50.1	34.4	43.0	55.3	4.9	9.9
Средне-Волжский	3.9	0.7	51.4	36.4	40.8	55.0	3.9	7.9
Черноземный центр	2.5	0.4	44.6	28.0	44.4	54.4	8.5	17.2
Белорусский	2.3	0.4	47.7	29.1	45.1	60.6	4.9	9.9
Украинский	2.0	0.4	54.1	38.3	41.8	57.1	2.1	4.2
Новороссийский	2.2	0.4	52.9	36.0	41.8	57.3	3.1	6.3
Европейская Россия	2.9	0.5	50.5	34.2	42.0	56.0	4.6	9.3

* Вместе с группой родственников. ** С 11 и более членами.

И с т о ч н и к: Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 16—22.

Действительная величина средней крестьянской семьи была на 5—7% больше, чем показывают данные переписи 1897 г., и соответственно в среде крестьянства имелось примерно на 5—7% больше расширенных, составных и больших семей, чем в семьях других сословий, живших в деревне. Однако на общую картину это обстоятельство существенно повлиять не могло, поскольку в сельском населении на долю крестьянства приходилось более 90% всего населения.

Приведенные данные позволяют заключить, что на рубеже XIX—XX вв. во всех регионах малые семьи преобладали (хотя на Северо-Западе, в Черноземном центре и Белоруссии их доля была менее 50%), что в губерниях промышленной ориентации, где индустриализация и урбанизация зашли до-

статочко далеко, процесс размельчения семей продвинулся дальше сравнительно с губерниями сельскохозяйственной специализации.¹¹ Составная семья заметно и всюду сдала свои позиции сравнительно с серединой XIX в. В целом у крестьянства Европейской России малые семьи численно слегка преобладали — на их долю приходилось 50.5% всех семей. Но с точки зрения численности населения, проживавшего в семьях разного типа, во всех районах, кроме Прибалтики, к началу XX в. немногим более половины крестьян все еще проживали в составных, включая большие, семьях, если мы по аналогии с серединой XIX в. предположим, что расширенные семьи охватывали около 10% семей и населения.

Все приведенные группировки крестьянских семей по типам дают представление о семейной организации крестьянства *на момент группировки*, т. е. *в статике*. Но каждая семья была живым организмом, в течение своего существования она переживала жизненный цикл: испытывала рост, упадок и другие хозяйственно-морфологические процессы. При нормальных условиях **малая, составная или большая семьи представляли собой отдельные стадии в этом цикле**, ибо малая семья становилась составной и часто большой, а составная и большая семьи после раздела превращались в малые. Динамические переписи крестьянских хозяйств конца XIX—начала XX в., в ходе которых прослеживалась в течение 4—20 лет судьба каждого крестьянского хозяйства, со всей очевидностью обнаруживали эти изменения.¹² Согласно их данным, на определенный момент около 70% хозяйств развивались нормально, т. е. испытывали рост своего состава, 20% — разделялись, оставшиеся 10% хозяйств испытывали один из процессов: выселялись из деревни, прекращали свое существование, вселялись из других мест, соединялись или распадались. В эпоху крепостничества процесс роста крестьянской семьи нередко продолжался до большой семьи, в пореформенной деревне, как правило,— до составной семьи.

Если цикл крестьянской семьи в течение XVIII—начала XX в. не изменился, а естественный прирост населения начиная с последней трети XIX в. имел тенденцию увеличиваться, то почему тогда происходило уменьшение численности крестьянских семей, увеличение доли малых и уменьшение доли составных семей? Три фактора объясняют этот парадокс. Во-первых, происходило уменьшение доли больших семей ввиду того, что перерастание малой семьи в большую семью из распространенного обычая становилось исключением, даже в аграрных регионах. Среди 50 губерний Европейской России наивысший процент больших семей сохранился к началу XX в. в черноземной Воронежской губернии: их доля там была менее 15% (даже если к большим семьям относить те, в которых было более 10 человек), и в них проживало менее 30% всех крестьян. Но и здесь большая патриархальная семья отживала свой век, о чем говорит тот факт, что за 1858—1897 гг. средняя населенность крестьянской семьи в губернии уменьшилась с 9.4 до 6.6 человека. Молодое поколение предпочитало малую семью, и большие семьи держались исключительно властью и авторитетом «стариков». Молодежь не выделялась из больших семей нередко только из-за страха лишиться имущества при разделе.¹³ Во-вторых, практически каждая составная семья по достижении определенного уровня развития или после смерти главы семьи делилась, тогда как при господстве крепостнических отношений до 1861 г. около 10% хозяйств вообще не делились, все время оставаясь в группе составной или большой семьи.¹⁴ В-третьих, состав семей стал все чаще и чаще ограничиваться прямыми родственниками по нисходящей или восходящей линиям, что приводило к уменьшению численности семей. Наконец, обычай не делиться при жизни отца все чаще нарушался, вследствие чего **продолжительность пребывания крестьянского хозяйства на стадии составной семьи уменьшалась**. Рост семейных разделов приводил не только к разложению

Рис. 44. Составная крестьянская семья: два брата, один из них вдовец, у каждого по четверо детей. Волоколамский уезд, Московская губ. 1910 г.

Рис. 45. Крестьянская семья. Владимирская губ. 1900-е гг.

больших патриархальных семей, но и к уменьшению продолжительности существования составных семей.¹⁵

Таким образом, распределение семей на определенную дату создает иллюзию, что составная семья всюду сохраняла свои позиции вплоть до начала XX в. В действительности **в течение всего императорского периода** составная семья была лишь одной из стадий внутреннего развития семьи для преобладающего числа крестьян в определенный период их жизни, как правило, совпадающий с детством, отрочеством и старостью. До эмансипации эта стадия была практически обязательной для всех семей и к тому же самой продолжительной, а около 10% крестьян всю свою жизнь проводили в составной или большой семье. В пореформенное время многие семьи вообще не перерастали в составные, а стадию большой семьи переживали менее 10 % крестьян. Вместе с тем **вплоть до начала XX в. составная семья представляла собой обязательную и самую продолжительную стадию развития семьи для значительной части крестьянства в период их детства, отрочества и старости.**

Возникает вопрос: почему составные семьи, хотя бы и в качестве одной из стадий развития семьи, существовали так долго? Этому способствовал ряд факторов. Обычное право запрещало разделение семьи при жизни отца вопреки его желанию. Составные семьи, особенно в период господства крепостнических отношений, энергично поддерживались общиной, помещиками и коронной администрацией, управлявшей государственной деревней, которые нередко просто запрещали разделение семей.¹⁶ При прочих равных условиях составная семья сравнительно с малой обеспечивала большую экономическую эффективность в сельскохозяйственном производстве благодаря семейной кооперации на основе половозрастного разделения труда¹⁷ (табл. IV.7).

Таблица IV.7
Распределение крестьян, принимавших участие в полевых работах, по возрасту в конце XIX—начале XX в.

Возраст, лет	Участвуют во всех полевых работах, в % ко всему населению хозяйства*		Участвуют во второстепенных полевых работах, в % к населению данного возраста	
	мужской пол	женский пол	мужской пол	женский пол
11—13	—	—	21.4	23.5
12—15	3.0	11.0	-	-
14—15	—	—	23.6	35.9
16—17	5.0	13.5	3.1	9.1
18—45	60.0	28.9	0.4	0.5
46—60	22.7	38.5	1.0	5.3
60+	9.3	8.1	5.0	5.2

* Кроме пахоты.

Источник: Вихляев П. А. Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. М., 1915. С. 26—45.

Как видно из приведенных данных, мужчины и женщины старше 60 лет, т. е. в преклонном, с точки зрения крестьян того времени, возрасте, активно, почти наравне с людьми в зрелом возрасте участвовали в полевых работах. Об этом говорит то, что доля лиц от 60 лет и старше, принимавших участие во всех полевых работах, у мужчин превышала долю лиц данного возраста в сельском населении (9.3% против 8.2%), а у женщин была лишь немногим меньше (8.1% против 8.2%). Те из них, кто не сохранял полную силу, участвовали во второстепенных работах, глубокие старики ухаживали за младенцами и помогали в домашней работе. Дети участвовали в полевых работах с 11 лет, а помогали по дому и в уходе за маленькими детьми начиная

с 5 лет. Многочисленность семьи сообщала крестьянскому хозяйству устойчивость и являлась важным фактором крестьянского благосостояния в чисто земледельческих губерниях не только до, но и после эмансипации.¹⁸ В малой семье болезнь или смерть одного и часто единственного работника приводила хозяйство к разорению, в то время как в большой семье потеря одного работника не могла подорвать благосостояние хозяйства. В условиях высокой смертности и низкой средней продолжительности жизни составные семьи страховали детей от высокой смертности родителей (сирот, которых насчитывалось до 13% от общего числа детей в возрасте до 15 лет, воспитывали родственники),¹⁹ родителей — от высокой смертности детей, бесплодных — от отсутствия детей (в большой семье всегда были дети), давали приют немощной старости, страховали от болезней. При ранних браках и соответственно ранних материнстве и отцовстве в составной семье могла осуществляться преемственность отцов и детей, столь важная для устной крестьянской культуры, основанной на непосредственной передаче опыта от одного поколения к другому. Наконец, именно в составных семьях воспроизводились патриархальные отношения, утверждались авторитет и власть стариков, так как в них дети в большей степени подчинялись большаку и большухе, т. е. дедам и бабкам, чем родителям.²⁰ Словом, до определенного момента составная семья наилучшим образом обеспечивала воспроизводство населения, социальную защиту старых и детей и социализацию молодого поколения, и именно поэтому она до эмансипации постоянно получала сильную поддержку со стороны помещика в частных владениях и со стороны администрации в казенных имениях.

Факторами стабильности составной семьи являлись также слабое развитие товарно-денежных отношений в деревне и недостаток индивидуализма в крестьянах.

Несмотря на указанные преимущества составной семьи, начиная с последней трети XIX в. продолжительность существования составной семьи как стадии в развитии семьи стала сокращаться; во многих случаях малая семья стала воспроизводить саму себя, не перерастая в составную. Эти изменения в жизненном цикле крестьянской семьи происходили в результате участвовавших в последней трети XIX—начале XX в. семейных разделов.

Анализ семейных разделов помогает понять факторы типологии крестьянских семей. Современники почти единодушно утверждали, что имелись две причины участвовавших в пореформенный период разделов — экономическая и психологическая. Развитие неземледельческих занятий, в которые было вовлечено около 23% взрослого населения,²¹ сводило к минимуму экономические выгоды семейной кооперации.²² Растущее малоземелье и переобременение налогами и выкупными платежами действовали в том же направлении.²³ Малая семья, как более пластичная, была лучше приспособлена к развивавшемуся товарному хозяйству, ориентированному на рынок, связанному с неземледельческими занятиями, к колебаниям экономической конъюнктуры.²⁴ Малая семья имела более благоприятное соотношение работников и иждивенцев по сравнению с большими семьями. Мы располагаем уникальными сведениями о величине семьи, числе работников (мужчины в возрасте 16—60 лет, женщины — в возрасте 16—50 лет) и иждивенцев (лица младше 16 лет, женщины старше 50 и мужчины старше 60 лет) в 19 699 хозяйствах целой Пермской губернии за 1850 г..²⁵

Число членов семьи	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	21—25	26—35
% иждивенцев	39	40	41	46	47	48	47	48	47	46	50	48	50	51	50	48	52	52	52	52

Эти данные показывают, что нагрузка полных работников иждивенцами имела тенденцию увеличиваться по мере роста размера семьи. Обращает на себя внимание то, что доля иждивенцев в составных семьях достигает минимума при численности 10—11 человек, после чего начинает понемногу возрастать и стабилизируется при численности семьи в 18 и больше человек. Именно тогда, когда семья вырастала до 10—11 человек, и происходили чаще всего разделы хозяйства.²⁶ По-видимому, это был некий экономический оптимум, после чего экономические выгоды хозяйства не компенсировали накопление межличностных противоречий в семье, и она разделялась на несколько малых семей и самостоятельных хозяйств. Как показал экономический анализ, возросшая численность семьи являлась главным фактором разделов.²⁷

Раздел разросшегося хозяйства был нормальным явлением, рано или поздно это происходило почти с каждым крестьянским хозяйством, чаще всего после смерти главы семьи, что случалось обыкновенно тогда, когда последнему было около 65—70 лет, а его сыновья достигали возраста 40—45 лет. Чрезвычайно разросшееся хозяйство заходило в экономический тупик: увеличивались издержки производства, уменьшалась производительность труда, возникали серьезные психологические трения внутри семьи.²⁸ Отделившаяся брачная пара образовывала семью и начинала новый цикл. Сначала она испытывала рост, продолжавшийся 20—25 лет, в течение которых семья превращалась в составную; дальнейший рост заканчивался ее разделом.²⁹ В большинстве случаев раздел приводил к понижению благосостояния выделившихся семей. Пословица говорила: «Как разделились, так ушли нищими». Но постепенно благополучие возрастало и достигало максимума к моменту следующего раздела. Поскольку рост семьи при нормальных условиях сопровождался повышением ее благосостояния, то между возрастом главы хозяйства и его имущественным статусом наблюдалась связь. Известный экономист конца XIX в. И. А. Гурвич пришел к выводу, что «стариками, „средняками" (по возрасту. — Б. М.) и молодые являются представителями трех различных социальных классов в деревне: богатые, середняки и бедняки».³⁰

В 1861—1882 гг. в 46 губерниях Европейской России происходило ежегодно 108 тыс. разделов, в 1883—1890 гг. — по 150 тыс. В 1886 г. был принят закон, который разрешал семейный раздел при условии обязательного согласия главы семьи и двух третей сельского схода. Однако закон не привел к желаемому результату: число самовольных разделов не сократилось, и общее число разделов продолжало увеличиваться.³¹ Крестьяне, чтобы уйти от контроля администрации, производили самовольные разделы, но официально их не регистрировали, вследствие чего разделы незаметно для администрации вышли из-под ее контроля. Например, в Чухломском уезде Костромской губернии за 1888—1898 гг. было официально зарегистрировано 7 разделов, а в действительности их было произведено 484.³² Стремление к хозяйственной самостоятельности пересиливало экономические выгоды большой семьи там, где они имелись; отделявшихся не останавливала даже потеря имущества. Например, согласно обследованию в Ярославской губернии в 1873—1882 гг., в результате разделов 35% отделившихся семей не получили никакого имущества или получили очень мало.³³ Хозяйственная самостоятельность стала так высоко цениться крестьянами, что они готовы были платить за нее даже благосостоянием.

Специальное исследование, предпринятое в 1905 г. в Воронежской губернии, обнаружило, что составные семьи не имели преимуществ по сравнению с малыми семьями в отношении общего образования членов семьи и нововведений и улучшений в хозяйстве. Напротив, они были более традиционными и инертными. Например, грамотность женщин среди всех крестьянок губернии составляла 5,6%, а среди женщин составных семей — 1,9%.

В составных семьях главы семей не позволяли молодым заниматься промыслами из-за страха потерять над ними контроль. В малых семьях было больше демократизма, женщины и дети в них не были столь принижены, как в больших семьях. Напротив, в составных семьях большаки держали всех под строгим и неуспынным контролем. Автор исследования К. К. Федяевский отмечает, что благосостояние составных семей было незначительно выше благодаря семейной кооперации — основному ее преимуществу перед малой семьей.³⁴ Появление личной собственности у членов семьи, падение авторитета стариков, ослабление родительской власти, нарушение обычаев, запрещающих делиться при жизни родителей, рост индивидуализма среди молодого поколения, его желание освободиться от опеки старших и жить самостоятельно вели к семейным ссорам, что в конце концов приводило к семейным разделам.³⁵ «В малой семье, — стали думать некоторые крестьяне, — по себе каждый зарабатывает, по себе и получает; а коли семья большая, так он ничего себе самому не дождетя». Большой простор для инициативы отдельного лица и возможность самостоятельного независимого существования являлись сильным стимулом разделов.³⁶

Городское население

Среди отечественных историков преобладает точка зрения, что у российских горожан начиная по крайней мере с XVI в. безраздельно господствовала малая семья, что в XVII—XIX вв. семейная организация городских и сельских жителей не была тождественной.³⁷ Эти тезисы вызывают сомнения. Во-первых, некоторые исследователи оценивают среднюю величину городской семьи на 1678 г. в 7.4 человека на один двор-семью.³⁸ Напомню, что средняя населенность крестьянского двора в 1678 г. также составляла 7.4, а в 1710 г. — 7.6 человека.³⁹ И если цифра 7.4 человека на двор для горожан верна, то семейная организация городского и сельского населения не могла существенно различаться, так как демографические характеристики (брачность, рождаемость, смертность) у городского и сельского населения были одинаковыми. А поскольку, как мы видели, у крестьян, по крайней мере до эмансипации, составная семья являлась важнейшей стадией существования семьи, то и у горожан могло быть то же самое. Во-вторых, семьи, состоящие из двух и более супружеских пар, например составные братские семьи, исследователи относят к малой, а не к составной семье.⁴⁰ В-третьих, малочисленность семьи — главный аргумент в пользу тезиса о перманентном существовании малой семьи в городе — не может считаться достаточным, так как, согласно переписи населения 1897 г., в целом по Европейской России городская семья включала в среднем всего 4.3 человека, между тем как на долю составной семьи приходилось около 17% всех семей, в которых проживало около трети городского населения. Весьма важно отметить также, что на рубеже XIX—XX вв. средняя величина городских семей и их типология в аграрных и промышленных районах существенно отличались, что говорит о том, что семейная организация городского населения испытывала эволюцию.

С точки зрения семейной организации горожане и крестьяне в XVII—XVIII вв. не должны были существенно различаться еще и по той причине, что в это время большинство российских городов было аграрным, т. е. главным занятием их жителей являлось сельское хозяйство: еще в 1790-е гг. доля аграрных городов составляла 54%. В XVIII в. земледелие составляло основное занятие почти для половины городских жителей и только к середине XIX в. потеряло свое доминирующее значение в городской экономике, соответственно доля аграрных городов понизилась до 22%.⁴¹ В XVIII—первой половине XIX в. крестьяне составляли около трети всего городского насе-

ления.⁴² Естественно, что поскольку многие города мало отличались от деревень, то горожане не могли по своему жизненному укладу существенно отличаться от крестьян, в том числе и в семейной организации.

Население городов уже в XVIII в. было пестрым по социальному составу: купцы и ремесленники, военные и духовенство, крестьяне и дворяне, чиновники и работные люди. Семейный уклад различных сословий также различался. Дворяне после поступления в 16—18 лет на государственную службу, военную или гражданскую, рано покидали родительский дом и должны были свою семейную жизнь проводить вдали от него. После освобождения от обязательной государственной службы в 1762 г. они стали свободными людьми, могли устраивать свою жизнь по личному усмотрению, независимо от родителей. Напротив, дети купцов, мещан и крестьян, став взрослыми, не могли оставлять свои пенаты: они были привязаны к месту жительства, своему сословию, семье, сословной корпорации и фактически к профессии и поэтому были вынуждены следовать дорогой, проложенной их родителями. Примем также во внимание, что до конца XVIII в. семейное имущество торгово-промышленного населения городов по закону являлось общим достоянием семьи, им распоряжался ее глава, а дети находились в полной власти отца и не могли требовать раздела имущества при его жизни.⁴³

Все сказанное дает основание для предположения, что если среди дворянства могли преобладать малые семьи, то податные сословия горожан, включая крестьян, проживавших в городе, не могли по своей семейной организации в XVIII в. существенно отличаться от крестьян. Анализ данных о величине городских семей это подтверждает. В г. Устюжне-Железнопольской Новгородской губернии в 1713 г. средняя величина семьи посадских составляла 6.3 человека, рабочих — 4, дворян — 3.4, духовенства — 3.5 человека. Большинство посадских и приказных жили составными семьями, остальные сословия — малыми семьями.⁴⁴ То же наблюдалось в Вологде в конце XVII—начале XVIII в.: средняя людность дворов посадских составляла 6.2 человека, остальных горожан — 4—5 человек, а крестьянских дворов в уезде — 7 человек.⁴⁵ В начале XVIII в. в северных городах крестьяне не проживали, и мы не имеем возможности получить представление об их семейной организации в городе. Согласно церковному учету, в 1741 г. в восьми городах Нижегородской епархии средняя населенность двора составляла 6.2 человека, колеблясь в различных городах в зависимости от их величины и хозяйственного профиля от 5 до 8 человек.⁴⁶ **К 1897 г. средняя величина семьи у городских обывателей (бывших посадских) сравнительно с первой половиной XVIII в. уменьшилась с 6.2—6.3 до 4.2 человека, а у дворян и духовенства, наоборот, увеличилась — соответственно с 3.4 до 4.3 и с 3.5 до 4.7 человека.** Вероятно, отмена обязательной службы у дворян в 1762 г. и превращение в течение XVIII в. духовенства в привилегированное сословие, постоянно живущее на одном месте, привело наперекор общей тенденции к увеличению величины их семей, хотя и не изменило их типологии. Однако ввиду незначительности доли этих сословий в населении семейная организация городского населения складывалась главным образом под влиянием мещан, купцов и крестьян-иммигрантов, что видно, например, из того, что в целом величина городской семьи с начала XVIII в. по 1897 г. уменьшилась с примерно 6 до 4.3 человек.

В течение первой половины XIX в. по мере превращения аграрных городов в торгово-промышленные, а также под влиянием изменения законодательства о наследовании в семейной структуре городского населения произошли изменения (табл. IV.8 и IV.9). К середине XIX в. малая семья среди горожан, по-видимому, стала преобладающей формой семейной организации для христиан даже в сельскохозяйственных регионах, если судить по Киевской губернии, где в рамках малой семьи проживало 44% населения, а

на долю малых и расширенных семей приходилось 66% всех христианских семей. В регионах промышленной ориентации прогресс малой семьи был еще более впечатляющим, если судить по Ярославской губернии, где 87% всех семей не были составными и в них проживало 59% всего населения. Причем доля составных семей в аграрной Киевской губернии была в 3 раза больше, чем в промышленной Ярославской, а доля населения, проживавшего в них, — в 1.6 раза. Состав христианских семей киевских городов, можно полагать, являлся типичным для городского населения сельскохозяйственных регионов. Различие в типологии семей Киевской и Ярославской губерний показывает, что по мере индустриализации регионов и городов в структуре семей все более заметное место занимали малые семьи.

Таблица IV.8
Типология городских семей в Ярославской и Киевской губерниях в XIX в. (в %)

Тип семьи	Ярославская губерния				Киевская губерния							
	1850 г.		1897 г.		1845 г.						1897 г.	
					христиане		евреи		всево			
	число семей	насе- ление	число семей	насе- ление	число семей	насе- ление	число семей	насе- ление	число семей	насе- ление	число семей	насе- ление
Одинокие	39	12	11	3							7	1
Группа родствен- ников	11	6										
Малая	31	31	71	63	56	33	43	23	46	26	63	50
Расширенная	6	10	—	—	10	11	11	10	11	10	—	—
Составная	13	41	18	34	34	56	46	67	43	64	30	49
в том числе большая*	4	18	1	2	10	24	18	38	16	34	1	2

* С 11 и более членами.

Источники указаны в примечании к табл. IV. 2.

Таблица IV.9
Типология семей различных сословий Киевской губернии в 1850 г. (в %)

Сословие	Малая*		Расширенная		Составная**		Большая***	
	число семей	насе- ление						
Купцы-христиане	49	29	12	12	39	59	7	16
Купцы-евреи	15	5	6	3	79	92	50	72
Мещане-христиане	56	34	11	11	33	55	10	24
Мещане-евреи	44	24	11	10	45	66	17	36
Крестьяне:	37	18	13	11	50	71	18	35
казенные	32	15	12	9	56	76	23	41
помещичьи	42	21	13	12	45	67	14	30
дворовые	82	65	8	11	10	24	2	7

* Вместе с одинокими и группой родственников. ** Вместе с большой семьей. *** С 11 и более членами.

Источники указаны в примечании к табл. IV.2.

Весьма сомнительно предполагать, что в XVIII в., когда большинство российских городов являлось аграрными, составных семей было меньше, чем в первой половине XIX в. Скорее, наоборот, малых семей в XVIII в. должно было быть меньше, а составных — больше. Что же касается большой семьи, то, помимо ее распространения среди крестьян, в ярославских

городах эта форма семейной организации изживала себя (она охватывала менее 4% всех семей, даже если принять, что все семьи с числом членов более 10 были большими), а в киевских городах занимала заметное место среди евреев (менее 18% всех семей, при том же условии) в силу того, что при правовых ограничениях семейная кооперация помогала их выживанию.

Однако в разных социальных группах и, возможно, в разных регионах процесс происходил противоречиво. Например, среди фабрично-заводских рабочих Урала в течение XVIII—первой половины XIX в. по мере складывания постоянных кадров, наблюдалось увеличение доли составных семей и соответствующее уменьшение доли малых семей. В рабочих поселках, которые относились к городским поселениям, с 1788 по 1858 г. доля малых семей уменьшилась с 79 до 22%, а доля составных, наоборот, увеличилась с 21 до 78%, в результате чего рабочие с точки зрения семейной структуры стали напоминать крестьян. Но это явление носило временный характер, в пореформенный период и у рабочих, так же как у всего городского населения и крестьян, получила развитие малая семья.⁴⁷

Заслуживает особого внимания тот факт, что **типология городских семей в середине XIX в. напоминает типологию крестьянских семей в конце XIX в.** Мы имеем сопоставимые данные по двум губерниям — Ярославской и Киевской (табл. IV.4, IV.8 и IV.9). В Ярославской губернии доля малых, расширенных семей и одиночек в городе достигла 63% в 1850 г., а в деревне 65% — в 1897 г.; в Киевской губернии у горожан (христианского вероисповедания) 56% в 1850 г., а у крестьян — 59% в 1897 г. То же наблюдалось и в отношении процента составных семей: в Ярославской губернии доля составных семей в городах достигла 37% в 1850 г., а в деревне — 35% в 1897 г., в Киевской губернии доля составных семей у горожан — 44% в 1850 г., а у крестьян — 41% в 1897 г. Это говорит о том, что городское население с точки зрения семейной организации в принципе испытывало ту же эволюцию, что и крестьянство, только с большим опережением во времени. Данные на конец XIX в. подтверждают это наблюдение (табл. IV.10).

Таблица IV.10
Типология семей городского населения Европейской России по районам в 1897 г. (в %)

Район	Одинокие		Малая семья*		Расширенная и составная семья		Большая семья**	
	число семей	население	число семей	население	число семей	население	число семей	население
Промышленной ориентации	9.2	2.4	70.0	60.0	20.2	36.4	0.6	1.2
Северный	8.3	2.1	68.0	57.1	23.1	39.6	0.6	1.2
Северо-Западный	9.5	2.5	70.7	61.6	19.3	34.9	0.5	1.0
Северо-Восточный	8.3	2.2	69.7	59.2	21.5	37.6	0.5	1.0
Нечерноземный центр	8.1	2.0	68.6	56.6	22.4	39.6	0.9	1.8
Прибалтийский	11.2	3.0	72.4	65.5	16.1	30.9	0.3	0.6
Аграрной ориентации	6.3	1.4	64.1	49.0	28.4	47.2	1.2	2.4
Юго-Восточный	6.2	1.5	70.8	58.8	22.2	38.1	0.8	1.6
Восточный	6.2	1.4	66.0	51.6	26.7	44.9	1.1	2.1
Средне-Волжский	8.4	2.1	67.9	56.9	22.9	39.2	0.9	1.8
Черноземный центр	6.9	1.4	64.4	45.2	27.1	50.2	1.6	3.2
Белорусский	5.0	1.1	62.3	48.4	31.5	48.3	1.1	2.2
Украинский	5.4	1.2	61.2	46.8	32.3	49.8	1.1	2.2
Новороссийский	7.0	1.6	63.9	50.7	28.3	46.1	0.8	1.6
Европейская Россия	7.3	1.8	66.1	52.6	25.6	43.6	1.0	2.0

* Вместе с группой родственников. ** С 11 и более членами. Источники: Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 16—22.

В городах начала XX в. малая семья стала преобладать даже в аграрных регионах; в ее рамках проживало около 52,6 % горожан. Причем чем более продвинутом в промышленном отношении был какой-либо регион, тем большую роль там играла малая семья. И наоборот, чем более аграрным был регион, тем большее значение там имела составная семья. Что же касается большой семьи, то в больших городах она по существу вымерла и иногда как пережиток встречалась лишь в малых аграрных городах, некоторое число которых сохранилось еще и в конце XIX в., а также среди тех слоев городского населения (например, среди купечества), которые придерживались обычаев патриархальной старины.

На основании этих данных, а также принимая во внимание эволюцию семейной организации крестьянства, можно думать, что в течение императорского периода в среде горожан преобладающее развитие получила малая семья. Однако до середины XIX в. более половины городского населения на протяжении определенного периода своей жизни проживало в рамках составной семьи, так как малая семья перерастала в составную семью, а потом вновь распадалась на несколько малых. На рубеже XIX—XX вв. составная семья еще оставалась важной формой семейной жизни для меньшей части мещанства, купечества и крестьянства в период их детства, отрочества и старости. В городах появились такие значительные по численности группы населения, как профессиональная интеллигенция, рабочие, чиновники и некоторые другие, которые жили только малыми семьями.

Таким образом, как в деревне, так и в городе в течение императорского периода семейная организация населения изменялась. Малая семья постепенно становилась преобладающей формой жизни для большинства населения. **В изживании архаических форм семейной организации город обгонял деревню примерно на 50 лет**, т. е. на два поколения, а учитывая, что исходные данные преувеличивают долю составных семей среди городского населения, — возможно, и на три поколения. Типология семей, наблюдавшаяся в городах в середине XIX в., пришла в деревню лишь на рубеже XIX—XX вв.

РАЗВИТИЕ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Анализ внутрисемейных отношений представляет исключительный интерес, поскольку отношения в семье и большом обществе находились в тесном взаимодействии и обуславливали друг друга. По семье можно судить об обществе, и наоборот. Начну с крестьянской семьи, которая изучена несравненно лучше, а затем обратимся к анализу семьи других сословий.⁴⁸

Крестьянская семья

Как мы видели, крестьяне православного вероисповедания до отмены частного крепостного права в 1861 г. детство и отрочество, как правило, проводили в рамках составной отцовской семьи, включавшей два-три прямых нисходящих поколения, т. е. деда или отца с их сыновьями, женами и детьми. Этот тип семьи являлся не только родственной, но и, что не менее важно, хозяйственной организацией, основанной на разделении труда по половозрастному принципу. Главой этой семьи (патриархом, или большаком) являлся старший в отцовском роду прадед, дед или отец, которому принадлежало главенствующее положение в семье. Семейное имущество, за исключением приданого жены, находилось в коллективной собственности, но распоряжался им большак. Наблюдателям и исследователям крестьянского быта составная семья казалась идеалом, где соблюдались интересы каждого

и всех вместе, где царили порядок, мир и благоденствие.⁴⁹ Так ли было на самом деле?

Составная отцовская семья — это маленькое абсолютистское государство. Большак — обычно отец или дед домочадцев, самый опытный и старший по возрасту мужчина — осуществлял в своей семье, до некоторой степени подобно царю в XVII в. в государстве, патриархальное управление и традиционное господство, основанное на вере в законность и священность отцовской власти. Он распоряжался трудом членов семьи, распределял работу, руководил ею и наблюдал за ней, разбирали внутрисемейные споры, наказывал провинившихся, следил за нравственностью, делал покупки, заключал сделки, платил налоги, являлся ответственным перед церковным приходом за отправление православных обычаев внутри семьи, перед деревней и помещиком (во владельческих имениях) и администрацией за поведение членов семьи. Именно большак всегда и везде представлял интересы семьи. Его роль усиливалась тем, что члены семьи могли вступать в какие-либо сделки только через него. Большак мог отдать в работы своих детей или младшего брата против их воли. Под гнетом патриарха положение членов семьи бывало порой очень тяжелым. Однако обычай, по которому жили крестьяне, не признавал за детьми права отделиться от отца и требовать раздела имущества. Лишь тогда, когда большак расточал имущество, пьянствовал, наносил явный ущерб интересам семьи, обычай допускал раздел помимо его воли. В этом случае с санкции и под наблюдением общины производился раздел семьи с выделом части имущества отделившимся детям или родственникам.⁵⁰

В основе внутрисемейных отношений лежал иерархизм. Все подчинены главе семьи, женщины — большухе (жене главы семьи) и мужчинам, младшие по возрасту — старшим, дети — взрослым. Женщина находилась на заднем плане, должна была беспрекословно слушаться большака и своего мужа. На почве власти большака вплоть до начала XX в. в ряде губерний бытовало так называемое снохачество, когда свекор принуждал невестку к сексуальным отношениям.⁵¹ Отношение женщины к мужу напоминало отношение подданного к монарху или крепостного к помещику. «Русская женщина была постоянной невольницей с детства и до гроба», — писал Н. И. Костомаров о положении женщины в XVI—XVII вв. Мужчины пользовались правом закладывать своих жен, впрочем, как и детей. Ситуация мало изменилась к моменту эмансипации.⁵² «Положение женщины — тяжелое и приниженное», — отметил известный этнограф П. С. Ефименко применительно к Архангельской губернии 1860-х гг., где сравнительно с другими регионами России женщины имели более высокий статус в семье.⁵³

Статус большухи — обычно, но не всегда жены большака — был выше, чем у других женщин, так как она имела над ними власть, хотя сама также должна была беспрекословно повиноваться мужу. В случае смерти мужа и при отсутствии в доме взрослых мужчин к ней переходила власть большака и она в свою очередь выступала в качестве повелительницы семьи, полной распорядительницы ее имуществом, трудом и личной жизнью всех домочадцев. Однако свой высокий статус она сохраняла, как правило, лишь до того времени, когда дети становились взрослыми, женились и обзаводились детьми.⁵⁴ Впрочем, и большуха, по мнению крестьян, не заслуживала лучшего обращения, чем лошадь. «Да ведь жена не лошадь: надо же с ней по-человечески», — заметил этнограф-дворянин П. И. Небольсин крестьянину в самый канун отмены крепостного права в ответ на его рассказ, что женщина перед родами работает, а после родов на третий день идет работать. «Эх, барин-барин! Да как можно лошадь! И сравнения нет! Баба свалится, так ты только корми ее. Ну, а как лошадка заболит, так тут вся семья без хлеба проголодает — вот оно что». Спустя 29 лет другой этнограф Н. А. Иваницкий свидетельствовал: «Женщина не пользуется уважением в народе,

Рис. 46. Детский сад в деревне. Новолодожский уезд, С.-Петербургская губ. 1910-е гг.

как существо глупое от природы. Она считается бездушной тварью. Душа у женщины не признается. Не признавая женщину за человека и отвергая в ней душу, крестьянин обращается с женщиной хуже, чем с лошадью и коровой. <...> Бить женщину считается необходимостью».⁵⁵

Дети, по крайней мере до женитьбы, находились в полной зависимости от родителей и должны были быть абсолютно им послушны под страхом наказания. В XVIII—первой половине XIX в., как и в более раннее время, власть отца над детьми была столь велика, что их продавали, отдавали в кабалу и зажив, т. е. в услужение в оплату за долги.⁵⁶ После эмансипации положение изменялось медленно. П. С. Ефименко писал в 1869 г.: «К власти отца у крестьян естественное уважение, нередко соединяемое со страхом. <...> Особа отца — священна».⁵⁷ До 7 лет дети воспитывались исключительно матерями, но с 7 лет мальчики постепенно переходили под наблюдение отца, передававшего им навыки и умения, которые необходимо было знать крестьянину, а девочки оставались под надзором матери, она обучала их всему, что необходимо было знать крестьянке. Мы уже видели, что дети, начиная с раннего возраста, участвовали наряду со взрослыми почти во всех домашних и сельскохозяйственных работах, исключая самые трудные и ответственные. Обучение трудовым навыкам стояло на первом месте; к 15 годам девушки и юноши становились полноценными работниками, способными выполнять все крестьянские работы.⁵⁸ Целью воспитания являлось также развитие страха Божьего, покорности родителям, церкви и властям. Вследствие того что именно в лоне семьи в основном происходила социализация, дети рано взрослели и становились как бы двойниками своих родителей. «Маленькие дети в крестьянском быту очень скоро развиваются, — отмечала О. П. Семенова-Тян-Шанская. — Какой-нибудь малыш сплошь и рядом рассуждает, как взрослый. Это объясняется несложностью крестьянского обихода главным образом, затем участием ребенка во всех почти работах и

во всех событиях крестьянской жизни, где все налицо. <...> Ребенок смотрит глазами старших. Нет специальной детской точки зрения. Детское представление о мире в сущности не разнится от представлений взрослых». ⁵⁹ «Подростки 10—13 лет столь же развиты, как взрослые крестьяне, — отмечал другой знаток крестьянского быта Н. Н. Златовратский, — с ними можно побеседовать столь же обстоятельно, как с их отцами. <...> Это результаты воспитания самой жизнью, а не школой, общиной, а не казенным педагогом». ⁶⁰

Народная педагогика признавала принуждение и насилие нормальными и важными формами воздействия на непослушных. Дети наказывались физически, особенно часто маленькие; но розга не обходила и взрослых детей. Крестьяне считали, что родительская любовь состоит в строгом отношении к детям, что наказание всегда идет на пользу ребенку, и поэтому не упускали случая наказать его, искренне полагая при этом, что «они обходятся с детьми ласково и балуют их». ⁶¹ Известный в первой половине XIX в. артист М. С. Щепкин, сын крепостного крестьянина, пишет в своих воспоминаниях: «Отец мой полагал, что только строгостью можно заставить детей любить и почитать родителей, то есть, по его мнению, бояться и любить было одно и то же». С четырехлетнего возраста «дети видели от отца одну только строгость, никогда ласки», убеждение в необходимости строгого отношения к детям было общим мнением «не только в том сословии, в каком находились мои родители, но и в высшем сословии». ⁶²

Страдали от побоев и женщины: за любые провинности, по разумению мужчины, они подлежали наказанию. ⁶³ Контроль за чистотой нравов начинался еще до замужества и продолжался всю жизнь. Если добрачные половые связи становились известными в деревне, то молодежь (например, в Киевской губернии) устраивала пародийные злые «свадьбы», во время которых голову девушки покрывали платком, но особым манером, чтобы было видно, что она не замужняя женщина и не девица. Соблазнительа секли розгами. ⁶⁴ Если девушка рожала внебрачного ребенка, то нередко родители отрекались от дочери и внука, и она вынуждена была переезжать на жительство в другое место. ⁶⁵

В комплексе свадебных обрядов были выработаны символические формы поведения, которые позволяли удостовериться, явно или метафорически, девственность невесты. И если оказывалось, что она потеряла целомудрие до брака (и об этом не было известно жениху), ее ждало суровое испытание: жених избивал ее до полусмерти и мог отказаться от брака. ⁶⁶ Родители и невеста также подвергались публичному посрамлению, ритуал которого варьировал от местности к местности. Большой изобретательностью на этот счет отличались украинские крестьяне. Например, в Подольской губернии гости пели родителям и родственникам похабные песни, вешали на дом старое разьеженное колесо, ломали крышу дома, мать невесты возили с издевательствами в соломенной коробке по деревне. ⁶⁷ Особенно жестоко обращались с женщиной, уличенной в измене мужу: она подвергалась страшным побоям и унижению. ⁶⁸

Интересно отметить, что в некоторых глухих местностях сохранялись архаические нравы XVI в., а может быть, и более раннего времени, когда допускалась значительная свобода в сексуальных связях. «Жены бегают от мужей и шатаются по разным местам», — сообщал в 1850 г. из Шадринского уезда Пермской губернии корреспондент Русского географического общества. ⁶⁹ «Господствующие пороки в сем народе, — сообщал туда же другой корреспондент-священник из Арзамасского уезда Нижегородской губернии, — кулачный бой и гулянья по ночам, соединенные с развратом. Женихами в расчет не принимается, честно ли вела себя девица или нет». ⁷⁰ Именно в этих местностях еще в 1850-е гг. сохранились и другие архаические

Рис. 47. «В своей избе»: дети играют в дочки-матери. Новолодожский уезд, С.-Петербургская губ. 1910-е гг.

обычай: похищение невест и развод по обоюдному желанию без церковного суда.⁷¹ Православная церковь постепенно переориентировала семейные отношения с языческой на христианскую модель, поэтому в середине XIX в. архаические нравы существовали как пережитки, да и то в основном на окраинах государства. В целом пуританство в семейных отношениях простого народа — результат долгой и кропотливой работы православной церкви. Еще в первой половине XVIII в. семейные нравы были достаточно свободны, как об этом свидетельствуют многочисленные дела о разводах, прелюбодеянии, внебрачных детях, вторых браках при живых женах, разбираемые в духовных судах.⁷²

Таким образом, в крестьянской семье господствовали коллективизм и неравенство, общие интересы семьи, как их понимал большак, являлись главенствующими, интересы отдельных членов семьи в расчет мало принимались. Это наглядно проявлялось, например, в том, что молодые вступали в брак по родительской воле. Личность в большой семье была унижена, широко распространены были принуждение и регламентация. Статус и роль человека строго дифференцировались по полу и возрасту. Большак и большуха, женатые мужчины и женщины, неженатые парни и девушки, мальчики и девочки, младенцы носили особую одежду и прическу как символы их статуса.⁷³

С точки зрения межличностных отношений крестьянскую семью, согласно современной классификации, можно отнести к семье авторитарного типа в том смысле, что она основывалась на абсолютной власти большака, который учитывал индивидуальные интересы и склонности членов семьи, если только они не противоречили общим.⁷⁴ Семейный авторитаризм в то время носил патриархальный характер: во-первых, он основывался на авторитете самого достойного, по мнению домочадцев, человека, каковым являлся отец или дед; во-вторых, домочадцы не претендовали на власть и права и свое подчинение ему считали нормальным, неизбежным и оправданным; в-

Рис. 48. Детские игры. С.-Петербург. 1910-е гг.

третьих, домочадцы отождествляли себя с главой семьи и насилие со стороны большака не казалось им нарушением их прав. Наконец, большак вносил наибольший вклад в общее благосостояние и в конечном счете преследовал прежде всего интересы семьи.

В середине XIX в. авторитарно-патриархальная семья преобладала в среде православного крестьянства от севера до юга и от запада до востока.⁷⁵ «В семейном быту молдаван-поселян господствуют патриархальное уважение и подчиненность главе семьи».⁷⁶ У белорусских, как и у украинских, крестьян «муж имеет верховную власть в доме и деспотически обращается не только с детьми, но и с женой».⁷⁷ Лишь в Прибалтийском регионе у эстонских, латышских и литовских крестьян внутрисемейные отношения были менее патриархальными и положение женщины было более независимым.⁷⁸

Каждая крестьянская семья поддерживала тесные отношения со всеми родственниками, которые образовывали целые кланы. Важные решения, вроде свадьбы или раздела имущества, принимались на общем совете родственников. Кроме того, крестьянская семья жила в рамках и под опекой сельской общины, которая по обычаю имела право вмешиваться во внутрисемейные отношения и регулировать их. Сравнивая общину с семьей, мы обнаруживаем между ними много сходства в принципах организации и функционирования. И здесь, и там мы наблюдаем приоритет общих интересов над индивидуальными стремлениями и интересами, принуждение, господство мужчин над женщинами, детьми и молодежью, регламентацию жизни, обезличивание, коллективизм, основанный на коллективной форме собственности (в общине — на землю, в семье — на все имущество), строгое разделение ролей по возрасту и полу, приоритет роли над личностью. Семья и община органически дополняли друг друга и, естественно, поддерживали друг друга.

Современники отмечали, что, чем больше была семья, тем больше была власть большака. Здесь-то и обнаруживается основное противоречие большой семьи и основная пружина ее жизни. Чем больше становилась семья,

Рис. 49. Трудовое воспитание. С.-Петербург. 1910-е гг.

тем строже был контроль за ее членами, так как каждый из них, в особенности каждая брачная пара, имел свои особенные интересы, стремился их удовлетворить и искал способ уклониться от опеки большака. Например, уклонялись от работы, а по более поздним свидетельствам, относящимся к началу XX в., скрывали свои заработки, если случалось заработать где-нибудь на стороне, и даже иногда воровали и продавали семейное имущество.⁷⁹ Чем взрослее становились дети, тем больше росло их стремление к самостоятельности, и требовались дополнительные усилия со стороны большака, чтобы удержать семью в целостности. Вследствие этого принуждение и контроль усиливались. Но вряд ли этого было достаточно для сохранения семьи, если бы на помощь патриархам не приходили община, помещик и администрация, которые всячески оберегали большие семьи и власть большаков и принимали всевозможные меры для ограничения семейных разделов, вплоть до полного их запрещения.⁸⁰ А. Т. Болотов, помещик и управитель государственными крестьянами, передает свои впечатления от знакомства в 1792 г. с одной большой семьей, в которых легко просматривается заинтересованность землевладельца в сохранении больших семей. «Я не мог налюбоваться великости его (старика-хозяина.—Б. М.) семьи. Было у него два сына, таких же стариков, как он сам, более десяти внучков и множество правнучат. Одного мужского пола душ с лишком 20, а женского почти столько

же. Он был, как Авраам, почитаем и любим всем своим многочисленным семейством и держал оно в должном подобострастии. Я не мог не похвалить старика за то, что он детей своих не допускает делиться <...> При вопросе, не бывает ли в семье его каких несогласий и раздоров, как то многочисленным семействам бывает свойственно, показал он мне свой нарочито толстый посошок и сказал только: „А это что?“ — давая тем знать, что он умеет их держать в узде. Сие увеличило еще более мое о сем старике хорошее мнение».⁸¹

Субъекты властных отношений — помещик и государство — поддерживали патриархальную семью, в особенности в форме составной семьи, по политическим и экономическим соображениям. Во-первых, патриархальная семья являлась носителем авторитарных установок, основывалась на безоговорочном подчинении членов семьи патриарху, на поглощении отдельной личности семейным коллективом. Власть над крестьянством помещик и государство осуществляли в союзе с патриархами. В свою очередь власть патриархов над домочадцами поддерживалась помещиками и государством.⁸²

Публицист А. Л. Леопольдов в 1851 г. проницательно заметил: «Иметь одного старшего в доме и слушаться его во всем — это одна из отличительных черт характера русского народа. Мило смотреть на это маленькое патриархальное управление (в крестьянской семье. — *Б. М.*). Вот где зародыш безусловного повиновения русского народа властям, от Бога поставленным».⁸³ Во-вторых, составная семья обеспечивала более высокий уровень благосостояния и, следовательно, платежеспособности крестьянства, в чем нуждались и община, и помещик, и государство. В этом заключался источник постоянной поддержки составной патриархальной семьи со стороны власти имущих.

Крестьянская семья при помощи общины, помещика и государства воспитывала в крестьянах специфические черты. Русские крепостные крестьяне испытывали потребность в сильной власти и руководстве. Они легко мирились с принуждением и регламентацией. Им были свойственны уравнилельные тенденции при разделе как общинного пирога, так и общинных повинностей. Они не любили значительную дифференциацию в чем бы то ни было. Они ориентировались на устоявшиеся авторитеты, боялись нарушить многочисленные запреты, правила, требования и негативно относились ко всякого рода переменам и нововведениям. Им не чужд был плюрализм мнений, однако они стремились к единомыслию. Крестьяне способны были к проявлению жестокости и агрессивности (примеры тому — жестокие расправы с помещиками во время бунтов, с неверными женами и непослушными детьми), испытывали неприязнь к представителям привилегированных сословий и интеллигенции, которую они отождествляли с дворянством, к нарушителям принятых норм. Бунтарский, анархический дух, эмоциональность и стихийность легко обнаруживались во время социальных выступлений. Предрассудки и фатализм пронизывали всю деревенскую жизнь.⁸⁴

Таким образом, в XVIII—первой половине XIX в. внутрисемейные отношения и в составных, и в малых семьях оставались патриархально-авторитарными, что было естественным: малые семьи со временем превращались в составные и, наоборот, составные семьи после раздела становились малыми. Однако, оставаясь центральной фигурой семьи, глава семьи в пореформенное время мало-помалу утрачивал свои неограниченные полномочия над домочадцами, его власть теряла свой безраздельный характер благодаря тому, что законом и инструкциями постепенно ставилась в широкие, но определенные рамки. В последней трети XIX—начале XX в. можно говорить о постепенном ослаблении власти главы семьи над домочадцами, мужа над женой и родителей над детьми в среде крестьянства. Причем в данном случае жизнь обгоняла право (у крестьян обычное право), и только конкретные исследования открывали степень происходивших изменений.⁸⁵

По мере уменьшения числа людей в семье и ограничения семьи только прямыми родственниками права женщин и детей возрастали, с их интересами начинали понемногу считаться. При заключении брака за родителями оставалось решающее слово, но к голосу молодых прислушивались. «Нельзя сказать, чтобы молодое поколение вершило свои браки, не спрашиваясь воли родительской, но это время близко. Все более и более захватывает себе право сельская молодежь, а в делах брака особенно падает авторитет родительский».⁸⁶ В случае отказа невесты идти замуж после помолвки штраф отменялся. Нарушение супружеской верности становилось делом самой семьи, а не общины. Женщины без разрешения мужей решались уходить на заработки за пределы деревни, а если мужья или свекры злоупотребляли своей физической силой, пьянствовали и расточали имущество, то обращались в суд и могли получить защиту.⁸⁷ «При крепостном праве мужик делал с бабою, что хотел, истощал ее непосильною работой, куражился над нею, часто забивал ее до полусмерти. Теперь женщины стали поднимать голову, как и младшие в семье».⁸⁸ Женщинам удавалось даже добиваться через суд развода

Рис. 50. Сваха. Кострома. 1870-е гг.

с супругом, чего вовсе не было в первой половине XIX в. В случае неспособности супруга руководить хозяйством суд мог передать управление хозяйством в руки женщины, и тогда она представляла семью на сельском сходе. Укреплялись имущественные права женщин (после смерти мужей жены получали вдовью долю, дочери при живых братьях — часть семейного наследства), возрастала их роль в управлении хозяйством.⁸⁹ Ф. Покровский, проведший полевое исследование в 1896 г. в Костромской губернии, отмечал, что отношения в семье гуманизировались, женщина до некоторой степени была защищена судом, ее интересы учитывались, и полного самовластия мужа уже не наблюдалось.⁹⁰ Успехи женщин в отстаивании своих прав в значительной степени объяснялись тем, что большая часть семейных дел между супругами перешла из общинного в мировой суд (существовал до 1889 г. и состоял из образованных дворян) или волостной суд, хотя и состоявший из крестьян, но не обязательно той общины, из которой была истица. Мировой суд и волостная администрация находились под большим влиянием земства и новых либеральных идей, поэтому оказывали значительное покровительство женщинам, страдавшим от жестокости и самоуправства своих мужей.⁹¹

В семьях появилась личная собственность отдельных ее членов. Каждый взрослый человек имел право на обладание благоприобретенным имуществом, заработанным не общим семейным трудом или с помощью семейного имущества, а личным трудом в свободное от семейных

обязанностей время.⁹² Право большака наказывать членов семьи в некоторых местностях стало распространяться только на детей и жену, на прочих членов семьи он был должен обращаться с жалобой в общину или волость.⁹³

Ярким показателем изменения положения женщин в семье и деревенском обществе может служить их активность в отхожих промыслах по той причине, что участие в отхожих промыслах означало признание за женщиной равноправия с мужчиной, трансформацию традиционного взгляда на роль женщин в семье и крестьянском хозяйстве. Само участие в отходничестве давало женщине экономическую независимость, расширяло ее кругозор, развивало ее самостоятельность, независимость, чувство собственного достоинства и нарушало сложившийся уклад деревенской жизни.⁹⁴ В XVIII в. женщины среди отходников насчитывались единицами, в первой половине XIX в. — десятками, а в конце XIX — начале XX в. — тысячами (табл. IV.11 и IV.12).

По отношению ко всему женскому населению доля отходниц колебалась от 0,3% в Вятской губернии до 8% в Московской. В абсолютном значении и по проценту от женского населения опять лидировали губернии Промышленного центра и столичные. В отходничестве участвовали преимущественно две категории женщин: во-первых, молодые незамужние женщины, которые после нескольких лет жизни в городе возвращались в деревню, выходили замуж и ста-

новились крестьянскими матронами; во-вторых, вдовы без детей или чьи дети стали взрослыми, а также одинокие незамужние женщины, потерявшие шансы выйти замуж. Те и другие находились в возрасте 30—40 лет и старше, часто они пытались поселиться в городе постоянно.⁹⁵ Наибольшее влияние на изменение традиционного семейного уклада оказывали молодые незамужние женщины. Занимались отходничеством и замужние женщины, но сравнительно редко. Многие главы семей и мужья препятствовали уходу женщин в города на заработки, и тогда некоторые женщины пытались получить паспорт, дававший право на отход, через суд, а наиболее упорные обращались с просьбой на высочайшее имя выдать паспорт на право отлучки вопреки воле мужа. В 1895—1902 гг. таких ходатайств поступало около 4 тыс. в год. После определения Сената в 1903 г. рассматривать дела о выдаче соответствующих документов в местных по крестьянским делам учреждениях, число просьб пошло на убыль: в 1903 г. — 2,8 тыс., в 1908 г. — 1,5 тыс.⁹⁶ Сам факт массового обращения крестьянок на высочайшее имя свидетельствует о росте социальной активности женщин.

Т а б л и ц а IV.11
Участие женщин в отхожих промыслах в 1880—1913 гг. по губерниям
(% женщин к общему числу отходников)

Губерния	Доля женщин	Губерния	Доля женщин	Губерния	Доля женщин
Калужская	2	Волынская	9	Владимирская	22
Симбирская	2	Смоленская	10	Полтавская	22
Вятская	3	Вологодская	13	Петербургская	22
Орловская	4	Тверская	13	Новгородская	25
Воронежская	6	Тульская	13	Херсонская	27
Рязанская	7	Саратовская	17	Харьковская	31
Ярославская	8	Московская	19	Таврическая	32

И с т о ч н и к: *Свавицкая З. М., Свавицкий Н. А.* Земские подворные переписи... Таблицы. С. 6, 16, 26, 36, 46, 56, 76—77, 98—99, 120—121, 142—143, 164—165, 193, 217, 239, 253.

Общее смягчение внутрисемейных нравов коснулось разных регионов России в разной степени. Не все перечисленные изменения произошли повсеместно. Большинство свидетельств современников, говорящих о повышении роли и статуса женщины, о падении авторитета отцовской власти, о детях, не слушающихся отцов, относилось к губерниям промышленной ориентации и к селениям, активно участвовавшим в отходничестве в большие индустриальные города. По свидетельству современников, именно отхожие промыслы и преимущественно те из них, которые надолго отрывали крестьянина от дома, от земледелия и приводили его в большой индустриальный город (Петербург, Москву, Одессу, Ригу и некоторые другие), оказывали существенное влияние на семейную жизнь крестьян. Крестьянин, занятый местными промыслами, ни от дома, ни от земли, как правило, не отрывался. Крестьянин, уходивший на земледельческие заработки в другие губернии, получал мало новых впечатлений, идей, которые могли бы повлиять на его менталитет. В окраинных и земледельческих губерниях гуманизация семейных отношений проходила медленнее.⁹⁷ Один характерный пример. В земледельческих губерниях до начала XX в. сохранился обычай публичного истязания женщин за супружескую измену. М. Горький лично наблюдал такое наказание в деревне Кандыбовке Херсонской губернии в 1891 г. Пострадавший супруг привязал обнаженную, связанную жену к телеге, сам залез на телегу и оттуда хлестал ее кнутом. Телега в сопровождении улюлюкающей толпы двигалась по деревенской улице. В других черноземных губерниях с

изменницами обходились не менее жестоко: «Женщин обнажают, мажут дегтем, осыпают куриными перьями и так водят по улице; в летнее время мажут патокой и привязывают к дереву на съедение насекомым».⁹⁸ В Рязанской губернии «гулящих» женщин избивали, затем поднимали рубашку и связывали на голове, чтобы голова женщины находилась как бы в мешке, а до пояса она была голая, и пускали так по деревне.⁹⁹ В промышленных губерниях в пореформенное время эти обычаи выходили из употребления, и деревенская общественность реагировала на адюльтер иначе: в одних местностях ворота дома, где жила «изменница», мазали дегтем, в других — супружеская измена стала рассматриваться как личное дело супругов.¹⁰⁰ М. Я. Феноменов отмечал в Новгородской губернии начала XX в.: «Здесь смотрят на добрачные связи снисходительно: девицу, покинутую любовником, брали и берут замуж довольно охотно. <...> Внебрачный ребенок не рассматривается парией, и мать его не теряет честь, как в земледельческом центре. <...> Взаимная склонность при заключении браков играет такую же роль, как и в городе». Однако, отмечая, что «семейные нравы мягче», что «отношение к женщинам и детям сравнительно мягкое», что «женщина пользуется большей самостоятельностью и зверских расправ над ними нет», автор вместе с тем указывает, что «положение женщин и детей — подчиненное».¹⁰¹

Почему длительный отход в города оказывал серьезное воздействие на семейный уклад? С одной стороны, когда из дома уходил мужчина, его место занимала женщина. На ее плечи ложились все заботы по хозяйству и дому, она представляла отсутствующего домохозяина на сходах, заключала сделки и т. д. Словом, она выполняла роль большака.¹⁰² Естественно, длительное выполнение этой роли в какой-то мере перевоспитывало женщину, изменяло ее мировоззрение. С другой стороны, мужчина в городе усваивал до некоторой степени новые идеи и новые отношения и был более склонен изменить свои традиционные представления. Участие женщин в отходничестве еще сильнее расшатывало старые взгляды на семью и женщину. Уже в 1853 г. один корреспондент Русского географического общества отметил, что положение в семье крестьянок из Ярославской губернии, население которой давно и активно вовлечено в отходнический промысел, отличалось от положения женщин в чисто земледельческих губерниях: «Замужняя женщина — не госпожа дому, но и не раба, а середка о половине».¹⁰³ Но помимо психологического фактора действовал не менее могущественный экономический фактор. Крестьяне покидали деревни вынужденно, ввиду растущего малоземелья и малой доходности земледелия. Не заниматься отходничеством они просто не могли — альтернативы не было.¹⁰⁴ Поэтому и с последствиями отходничества приходилось мириться.

Среди современников¹⁰⁵ и историков¹⁰⁶ не наблюдалось единства в оценках развития пореформенной деревни. Те, которые основывались в большей мере на данных, относящихся к промышленному крестьянству, подчеркивали изменения,¹⁰⁷ те же, которые имели в виду Россию в целом или аграрные губернии, — стабильность в крестьянском мировоззрении и образе жизни.¹⁰⁸ Вопрос, таким образом, сводится к следующему: что преобладало в семейных отношениях — изменения или преемственность и насколько быстро проходили изменения в отдельных регионах? Для ответа на этот вопрос оценим, какая часть крестьянства была охвачена интенсивными неземледельческими занятиями. Промышленно-промысловые занятия в большей или меньшей степени были связаны с оставлением родной деревни. Из всех лиц, занятых неземледельческими занятиями в 1900 г., 73% находили себе работу в местных промыслах и 27% — в отхожих.¹⁰⁹ Для разделения промыслов на местные и отхожие принимались два критерия: возможность поддерживать постоянную рабочую связь с собственным хозяйством и расстояние промысла от дома.¹¹⁰ Лица, занятые на промыслах за пределами 50-верстного рас-

стояния, обязаны были брать специальные разрешения (паспорта на определенный срок), и такие промыслы назывались отхожими. Таким образом, разница между отхожими и местными промыслами состояла не в характере труда, а в отдаленности человека от дома и в тесноте связи его с собственным хозяйством. К сожалению, историки редко проводят различия между местными и отхожими промыслами, между отходом на сельскохозяйственные работы и в большие города и объединяют их вместе, что создает преувеличенное представление о количестве крестьян, отрывающихся от дома и земли и попадающих в существенно иные условия жизни.¹¹¹ О масштабах развития отхожих промыслов дает представление число паспортов, взятых крестьянами на право отхода. Паспорта были одно-, трех- и шестимесячными, годовыми и многолетними. В табл. IV.12 они приведены к общему знаменателю путем перевода всех видов паспортов в годовые. Следует иметь в виду, что поскольку данные о паспортной статистике относятся ко всему населению, а горожане были более активно вовлечены в отходничество, чем крестьяне, то цифры табл. IV.12 завышают процент отходников-крестьян и, наоборот, занижают процент отходников-горожан.

Таблица IV. 12

Число паспортов на 100 душ обоого пола всего населения по регионам Европейской России (в переводе на годовые)

Район	1861—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.	1906—1910 гг.
Промышленной ориентации	2.5	4.5	4.7	8.1	9.5
Столичный*	4.0	5.7	6.1	9.6	9.4
Северо-Западный**	1.7	3.5	3.4	6.5	7.7
Северо-Восточный	0.6	1.6	1.9	4.4	5.4
Нечерноземный центр	3.9	7.2	7.7	11.1	14.6
Прибалтийский	1.0	1.4	1.6	5.1	5.8
Аграрной ориентации	0.9	1.9	2.3	4.2	4.4
Юго-Восточный	0.2	0.7	1.1	2.5	1.3
Восточный	0.3	0.8	0.7	1.6	2.1
Средне-Волжский	1.1	2.7	3.0	5.4	6.4
Черноземный центр	1.4	2.8	3.3	6.0	7.0
Белорусский	0.9	1.7	2.3	4.0	4.0
Украинский	0.5	1.4	2.0	3.7	3.7
Новороссийский	0.6	1.4	1.7	2.6	2.5
Европейская Россия	1.4	2.7	3.0	5.3	6.0***

* С.-Петербургская и Московская губернии. ** Вместе с Западным районом. *** Число всех видов паспортов (без перевода в годовые) на 100 душ обоого пола составляет 8.4%.

Источники: Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 222—227; Ч. 3. С. 226; Минц Л. Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1925. С. 16—24.

Как следует из приведенных данных, доля крестьян, занятых в отхожих промыслах, в целом по стране и в большинстве губерний, исключая столичные и губернии Промышленного центра, была незначительной даже в начале XX в., несмотря на четырехкратное увеличение процента отходников за 50 лет в регионах промышленной ориентации и пятикратное его увеличение в губерниях сельскохозяйственной ориентации. Необходимо принять во внимание, что крестьяне-отходники из неземледельческих районов работали преимущественно в промышленности, строительстве и на транспорте больших городов, а из аграрных районов — в сельском хозяйстве южных, восточных и степных губерний.¹¹² Например, в 1890-е гг. 70% отходников из Ярославской губернии находили работу в Петербурге и Москве.¹¹³ Именно столичные и центрально-промышленные губернии и имели в виду современники, когда говорили о существенных переменах в крестьянском укладе жизни к началу XX в. В этих губерниях проживало всего 15% населения Евро-

Рис. 5 1. На перевозке бревен. Олонецкая губ. 1900-е гг.

пейской России. Причем крупные перемены захватывали не сплошь губернии, а лишь те уезды, волости и селения, которые не только глубоко, но и давно были вовлечены в отходничество. Крестьянство этих губерний активно занималось отходничеством с начала XVIII в., со времени строительства Петербурга. К 1760-м гг. в 25 уездах центрально-нечерноземных губерний отходничество, в значительной степени в Петербург и Москву, превратилось в важный промысел, которым занималось около 4% крестьянства, в том числе в уездах будущей Ярославской губернии — 7%.¹¹⁴ В 1790-е гг. процент отходников из Костромской и Московской губерний увеличился до 5, а из Ярославской губернии — до 10%.¹¹⁵ Этот уровень ярославские отходники превзошли только в 1870-е гг., так как в 1798 г. они взяли 74 тыс. паспортов всех видов, а в 1860-е гг. — 72 тыс.¹¹⁶ В губерниях Черноземного центра отходничество стало развиваться позже и намного медленнее. В конце XVIII в. там, если судить по Курской губернии, отходом занимались не более 1% крестьян, причем большая их часть уходила на сельскохозяйственные работы в южные степные губернии. В целом в 50 губерниях Европейской России накануне отмены крепостного права, в 1857—1859 гг., в среднем в год покупалось 1012,5 тыс. паспортов (в переводе на годовые), т. е. в отходничестве было занято около 1,7% всего крестьянства. После временного снижения в 1860-е гг. число отходников стало вновь и на этот раз безостановочно расти с 1870-х гг.¹¹⁷

Земледельческие губернии по уровню отхода отставали от столичных и центрально-промышленных губерний примерно на 50 лет, так как только на рубеже XIX—XX вв. они в отношении отходничества достигли уровня, который последние имели в середине XIX в., а от некоторых губерний, таких как Ярославская, Московская, Калужская и Тверская, — на 100 лет. Между тем в середине XIX в. мы еще не слышим жалоб на разрушение традиционного менталитета и жизненного уклада крестьянства в губерниях с развитым отходничеством. Напротив, отмечалось положительное влияние

отхода, который развивал в крестьянах «понятия, деятельность и предприимчивость».¹¹⁸

Второе обстоятельство, которое необходимо принимать во внимание, состоит в том, что крестьянство, остававшееся в деревне, принимало меры, чтобы защитить свой уклад жизни, свои традиции и свой менталитет от городского влияния.¹¹⁹ Ошибочно полагать, что крестьяне в массе положительно относились к городской культуре и без сопротивления поддавались ее влиянию. Они неохотно и только вынужденно обращались к отходничеству.¹²⁰ Дж. Паллот обнаружила парадоксальное влияние кустарных и отхожих промыслов на крестьянских женщин Промышленного центра. С одной стороны, повышался вклад женщин в семейный доход за счет увеличения трудовой нагрузки, они активно включались в занятия земледелием и кустарной промышленностью на дому, что приводило к нарушению традиционного разделения труда по полу, с другой стороны, неравенство с мужчинами в новых условиях воспроизводилось вновь и всюду — в кустарных промыслах, промышленности и т. д.¹²¹

Третье обстоятельство состоит в том, что не следует преувеличивать различия во внутрисемейных отношениях в городе и деревне: взгляды мещанства, купечества и крестьянства на брачно-семейные отношения были весьма похожи.

Таким образом, **в последней трети XIX—начале XX в.** под воздействием города, отходничества, коммерциализации хозяйства, более активного вовлечения женщин в хозяйственную деятельность **внутрисемейные отношения гуманизировались среди всего российского крестьянства.** Крестьяне с помощью своих традиционных институтов с большим успехом в аграрных и окраинных регионах и с меньшим успехом в губерниях Промышленного центра и столичных противодействовали этим изменениям. В результате традиционные патриархальные семейные отношения постепенно демократизировались примерно среди 15% крестьянства, проживавшего в столичных и центрально-промышленных губерниях, и подвергались слабой эрозии среди остальных 85% крестьян.¹²² Мужчины медленно и с большой неохотой сдавали свои позиции, уступая пожеланиям и требованиям женщин.¹²³ Тяжелые хозяйственные и семейные обязанности женщин, частые беременности и роды, семейные стереотипы способствовали сохранению «грубоспартанского воспитания» детей,¹²⁴ тормозили перемены в семейном укладе, особенно земледельческих губерний. В результате абсолютизм патриарха во внутрисемейных отношениях не отменялся, а лишь мало-помалу смягчался и ставился под контроль суда и закона.¹²⁵ Роль общины в регулировании внутрисемейных отношений оставалась значительной, а в некоторых случаях даже увеличилась.

О том, что ломка традиционных внутрисемейных отношений в пореформенной деревне происходила, но болезненно, свидетельствует *рост* «преступлений против союза брачного и родственного» (как они назывались в законодательстве), которые включали прелюбодеяния, жестокое обращение супругов по отношению друг к другу, злоупотребление властью родителей и опекунов над детьми, преступления детей против родителей, отказ детей доставлять пропитание престарелым родителям, кровосмешение. С 1843 по 1863 г. во всей России по этой категории преступлений число возбужденных дел (следствий) возросло с 893 до 1196, с 1874 по 1892 г. (в 33 губерниях) — с 2048 до 3126, к 1913 г. (во всей России) — до 5365. На долю крестьянства приходилось около 75% всех преступлений этого рода.¹²⁶ Это примерно соответствовало его доле в населении. Среднегодовой темп роста преступлений данной категории составлял в 1843—1863 гг.— 1,5%, а в 1863— 1913 гг.— 3,8%, т. е. увеличился почти в 2,5 раза, обгоняя рост населения в 2 раза. Рост преступлений против брачного союза обгонял рост других преступлений.¹²⁷

Еще два вида преступлений — убийство супругов и родителей — также характеризуют напряженность межличностных отношений в семье. В 1835—1846 гг. за убийство супруга ежегодно осуждались и ссылались в Сибирь со всей России 21 мужчина и 35 женщин, за убийство родителей — соответственно 5 и 1.¹²⁸ В 1874 г. было осуждено по 33 губерниям за убийство супруга 35 мужчин и 28 женщин, за убийство родителей — соответственно 10 и 0, в 1892 г. по 33 губерниям за убийство супруга — соответственно 86 и 51, за убийство родителей — 22 и 1, в 1913 г. (по всей России) за убийство супруга — 298 и 107, за убийство родителей — 86 мужчин и 4 женщины.¹²⁹ Обращает на себя внимание одно обстоятельство в убийстве супругов: до 1860-х гг. среди преступников преобладали женщины, а после — мужчины. Объяснение этого, возможно, состоит в том, что до 1860-х гг. страдающей стороной в семейных отношениях чаще всего оказывались женщины, которые не имели защиты со стороны закона, суда и общественного мнения, а развод в деревне не практиковался. Некоторые из них, доведенные до отчаяния, и решались на убийство ненавистного мужа. Начиная с последней четверти XIX в. страдающей стороной постепенно становились мужчины в том смысле, что безраздельная власть от них начала мало-помалу ускользать, женщин стали защищать закон и суд, они становились требовательнее и настойчивее. Это психологически травмировало мужчин и провоцировало их на эксцессы. Убийства супругов и родителей совершались почти исключительно крестьянами, и рост этого рода преступлений обгонял рост многих других видов преступлений, включая убийства.

Городская семья

Пониманию характера внутрисемейных отношений способствует знание моральных и правовых норм, которые регулировали эти отношения. В этом плане исключительно важное значение имеют литературное произведение середины XVI в. «Домострой», представлявший собой свод правил поведения горожанина, которыми он должен был руководствоваться в отношении к светским властям, церкви и семье, и Уложение 1649 г., регламентировавшее внутрисемейные отношения, так как установленные ими правила сохраняли свою актуальность в XVII—XVIII вв. Согласно «Домострою», «следует мужьям воспитывать жен своих с любовью примерным наставлением; жены мужей своих вопрошают о всяком порядке, о том, как душу спасти, Богу и мужу угодить и дом свой подобру устроить и во всем покоряться мужу; а что муж накажет, с любовью и страхом внимать и исполнять по его наставлению». «Заботиться отцу и матери о чадах своих; обеспечить и воспитать в доброй науке: учить страху Божию и вежливости и всякому порядку. А со временем, по детям смотря и по возрасту, учить их рукоделию, отец — сыновей, мать — дочерей, кто чего достоин, какие кому Бог способности дал. Любить и хранить их, но и страхом спасать». Специальная глава посвящена тому, как спасать детей страхом. «Наказывая сына своего в юности его, и успокоит тебя в старости твоей. И не жалея, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочь у тебя, и на нее направь свою строгость, тем сохранишь ее от телесных бед: не посрамишь лица своего, если в послушании дочери ходят <...> Воспитай детей в запретах и найдешь в них покой и благословение. Понапрасну не смейся, играя с ним: в малом послабишь — в большом пострадаешь скорбю. Так не дай ему воли в юности, но пройдишь по ребрам его, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой и болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укором соседей, и насмешкой врагов, и пеней (штрафом. —Б. М.) властей, и злою досадой». «Чада, любите отца

своего и мать свою и слушайтесь их, и повинуйтесь им во всем, и старость их чтите, и немощь и страдание всякое от всей души на себя возложите <...> С трепетом и раболепно служите им <...> Кто бьет отца или мать — тот отлучится от церкви и от святынь, пусть умрет он лютою смертью от гражданской казни».¹³⁰ «Домострой» провозглашал, что если глава дома не исполняет своих обязанностей, не учит страхом своих домочадцев, то ответ будет держать на страшном суде перед Богом, дети же — перед гражданским судом. Так в действительности и было. Обязанности главы семьи перед детьми и женой имели исключительно моральный характер, в то время как обязанности детей перед родителями определялись законом. По Уложению 1649 г., дети подвергались наказанию кнутом, если они говорили родителям грубые слова, поднимали на них руку, отнимали у них имущество, переставали почитать и кормить в старости. Закон запрещал детям жаловаться на родителей, судиться с ними, предъявлять какие бы то ни было иски. За подобные поступки детей независимо от их возраста били кнутом и выдавали родителям.¹³¹ Родители же не несли никакой ответственности за превышение родительской власти, исключая убийство детей, за что они, начиная с Уложения 1649 г., приговаривались к году тюрьмы и церковному покаянию, в то время как любое другое убийство без смягчающих обстоятельств каралось смертной казнью. Правда, за разные убийства полагалась разная казнь. Например, за убийство мужа жена независимо от смягчающих обстоятельств приговаривалась к закапыванию живой в землю, а муж, если убивал жену безвинно, подвергался смертной казни через отсечение головы.¹³² Реальная жизнь строилась соответственно наставлениям. «Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикритый ложной святостью патриархальных отношений», — констатировал Н. И. Костомаров.¹³³

В XVIII в. вопросы внутрисемейных отношений и семейного воспитания касались многие авторы, включая И. Т. Посошкова (ему принадлежит «Завещание отеческое», написанное в 1719 г., но которое иногда называют Домостроем XVII в.), В. Н. Татищева и Екатерину II («Наставление к воспитанию внуков», 1784). Деликатного вопроса внутрисемейных отношений коснулся Устав благочиния или полицейский 1782 г., в котором обязанности супругов и детей обозначены следующим образом: «Муж да прилепится к своей жене в согласии и любви, уважая, защищая и извиняя ее недостатки, облегчая ее немощи, доставляет ей пропитание по состоянию и возможности хозяина»; «жена да пребывает в любви, почтении и послушании к своему мужу и да оказывает ему всякое угождение и привязанность аки хозяйка»; «родители суть властелины над своими детьми, природная любовь к детям предписывает им долг дать детям пропитание, одежду и воспитание доброе и честное по состоянию»; «дети имеют оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь и служить им самим делом, словами и речами отзываться об них величайшим почтением, сносить родительские поправления и увещания терпеливо, без ропота, и да продолжится почтение и по кончине родителей».¹³⁴ Эти постановления вошли в Свод законов 1832 и 1857 гг. с одним характерным изменением для обязанностей жены — она должна пребывать «в *неограниченном послушании* (курсив мой. — Б. М.)». Как видим, закон конца XVIII—первой половины XIX в. мало ушел от «Домостроя» и Уложения 1649 г. И жена, и дети должны были находиться в неограниченном послушании по отношению к «хозяину» семьи, власть мужа над женой и родителей над детьми ограничивалась только моральным долгом, из которого не вытекали права иска для жены и детей, за исключением обеспечения их пропитанием.¹³⁵ В 1775 г. закон предоставил родителям право заключать своих детей, «кои им непослушны, или пребывают злого жития (ведут плохой образ жизни. — Б. М.), или ни к чему доброму не склонны», в смиренные дома, которые для этой цели и были учреждены.¹³⁶ В новом Уложении о наказаниях уголовных 1845 г. (ст. 19283)

этот пункт получил более развернутое толкование: «За упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки дети по требованию родителей без всякого судебного рассмотрения подвергаются заключению в смиренном доме на время от трех до шести месяцев. Родителям в сем случае предоставляется право уменьшить по усмотрению своему время заключения или совершенно простить виновных».

Хотя закон на протяжении XVIII—первой половины XIX в. определял внутрисемейные отношения как патриархально-авторитарные, тем не менее под влиянием частных законодательных актов власть главы семьи над домочадцами постепенно ослабевала и, самое существенное, ставилась в рамки закона. В XVI в. отец имел право продать детей в рабство, в XVII в. — только в кабалу (в зависимость до смерти господина) или отдать в монастырь, а в начале XVIII в. — лишь отдавать детей в услужение или в заклад за долги на срок не более 5 лет. При Петре I отдача детей в монастырь не запрещалась, но осуждалась «как душепагубный обычай». До Уложения 1649 г. закон не устанавливал никакого наказания за убийство несовершеннолетних детей, Уложение предусматривало легкое наказание, а в начале XVIII в. это преступление стало караться смертной казнью через колесование (в дальнейшем, правда, наказание было смягчено). В XVIII в. закон не устанавливал пределов наказания детей, исключая убийство, но само право наказания детей стало трактоваться как право наказания в интересах воспитания. В 1845 г. родители, нанесшие увечье или рану своим детям, подлежали наказанию. В XVII в. ссылка родителей в Сибирь не лишала их власти над несовершеннолетними детьми. Указы 1720 и 1753 гг. прекращали союз родителей и детей, а также и супругов: жены и дети освобождались от обязанности следовать в ссылку за мужем, а дети — за родителями. С 1802 г. власть родителей над дочерью заканчивалась с ее замужеством. Как уже было сказано, в 1782 г. закон стал требовать, чтобы отец обеспечивал детей пропитанием, одеждой и воспитанием по состоянию, что прежде являлось лишь моральной обязанностью. С 1787 г. оскорбление родителей детьми перестало быть уголовным преступлением, а стало рассматриваться как тяжелая обида, подлежащая юрисдикции совестного суда. В 1824 г. неотделенные дети получили право вступать в обязательства и выдавать крепости и векселя по своему усмотрению, на что прежде закон требовал согласия родителей. Петр I в 1722 г. запретил женить детей против их воли. Родители обязаны были перед венчанием приносить присягу, что они не принуждают их к вступлению в брак, хотя, с другой стороны, согласие родителей считалось необходимым условием для вступления детей в брак.¹³⁷

Власть мужа над женой со временем ослабевала в той же мере и в тех же аспектах, как и власть родителей над детьми. При жестоком обращении мужа с женой или при несогласии супругов с начала XVIII в. разрешалось их раздельное жительство без развода. Этот обычай в 1819 г. был отменен, но «самовольные», т. е. разводы безо всякой санкции церкви и светских властей, существовали в течение всего XIX—начала XX в., и со временем их число увеличивалось не только в городе, но и в деревне.¹³⁸ Рядом указов при Екатерине II установилось правило, что дворянка, вышедшая замуж за недворянина, сохраняла свое дворянское достоинство, а свободная, вышедшая замуж за крепостного, не теряла свободы. Но если женщина выходила замуж за мужчину более высокого социального положения, то на нее распространялись права ее мужа. В первой четверти XIX в. закон установил общее правило, согласно которому женщина, вступавшая в брак, не теряла своего высшего состояния по замужеству. В 1845 г., с изданием нового Уложения о наказаниях, муж потерял юридическое право наказывать свою жену, за нанесение побоев он привлекался к уголовной ответственности.

Постепенно увеличивались имущественные права женщин. В XVII в. дочери получили право наследовать своим отцам (при живых братьях), же-

ны — своим мужьям не только движимое, но и недвижимое имущество.¹³⁹ При Петре I женщина получила исключительное право на свое приданое, которым до тех пор на время замужества распоряжался муж. С начала XVIII в. имущественные отношения между супругами основывались на принципе раздельности, причем жена по указам 1715 и 1753 г. получила полную правоспособность в отношении своего приданого или имущества, которое она получала по наследству, покупала или приобретала иными способами, в то время как до этого требовались разрешительные письма от мужа. Единственное ограничение имущественной правоспособности, введенное в 1832 г., состояло в запрещении выдавать векселя без согласия мужа.

Закон взял под защиту внебрачных детей. В 1716 г. на отца была возложена обязанность содержать незаконнорожденных детей вместе с матерью.¹⁴⁰ Внебрачных детей можно было усыновлять по ходатайству отца и при вступлении в брак родителей, но только в исключительных случаях — в виде награды за особые заслуги и с разрешения государя. Николай I в 1829 г. запретил усыновление, что, впрочем, строго соблюдалось лишь в отношении дворянства. Городские сословия могли усыновлять подкидышей, приемышей, не помнящих родства, что открывало возможность усыновления и внебрачного ребенка. В 1859 г. был восстановлен порядок усыновления, существовавший до 1829 г.¹⁴¹ Для подкидышей Петр I в 1715 г. учредил сиротские приюты, которые были открыты в Петербурге, Москве и других городах. В московских приютах в 1719 г. находилось 90, а в 1724 г. — 865 подкидышей, среди которых были дети от новорожденных до 8 лет.¹⁴² Однако после смерти Петра I сиротские приюты закрылись и возродились вновь только при Екатерине II в виде С.-Петербургского и Московского воспитательных домов, а также приютов во всех губернских и многих уездных городах.

Таким образом, законы, регулирующие семейную жизнь горожан, становились с течением времени либеральнее и к середине XIX в., не затрагивая основ семейной жизни, предусматривали смягчение авторитаризма в семьях, так как ставили весьма большие права главы семьи в отношении всех домочадцев, а родителей в отношении детей в рамки закона.¹⁴³ Произошедшие изменения привели к тому, что свадебные обряды середины XIX в. оторвались от жизни. Один современник заметил, что «при свадебных обрядах нигде не упоминается ни слова о взаимной любви вступающих в супружество; это чувство, которым наполнены все прочие народные песни, почитается совершенно чуждым браку». Жених везде говорит, что «он женится по приказу отца и матери; а невеста горько жалуется на то, что отец и мать продают ее в неволю, на чужую дальнюю сторону», выражает страх идти к чужим людям и сожаление о потерянной девичьей воле. После венчания, когда молодых оставляют одних в спальне, молодая жена в знак покорности разувает своего мужа и просит позволения лечь подле него. Однако эти свадебные обычаи, замечает исследователь, отстают от жизни и указывают на явления, уже изжитые или умирающие, не соответствующие современным понятиям и нравам жителей: они *«могут служить материалом для изучения нравов о старинной России»* (курсив мой. — Б. М.).¹⁴⁴

К середине XIX в. самые существенные ограничения для горожанок состояли в следующем: 1) жена всегда была обязана находиться при муже, который имел право иска о принудительном возвращении ушедшей от него жены; 2) брачное право регулировалось исключительно церковными законами; 3) дочери имели меньшие наследственные права, чем сыновья; 4) жена без разрешения мужа не могла получить паспорт, дававший право на временное оставление дома; 5) очень трудно было получить развод; 6) в случае развода мужчины, как правило, не принуждались к уплате алиментов ни жене, ни детям, а если принуждались, то в незначительном размере; 7) невозможно было наняться на работу или идти учиться без разрешения му-

жа.¹⁴⁵ Следует отметить, что трудность развода в одинаковой мере касалась и мужчин и что мужчины, находящиеся на военной или гражданской (с 1833 г.) службе, должны были спрашивать разрешение начальства на вступление в брак. Хотя смягчение правовых норм, регулировавших семейные отношения у крестьянства, как мы видели, произошло позднее, чем в городе, важно отметить, что закон в городе и обычай в деревне до 1850-х гг. утверждали семьи с патриархально-авторитарными отношениями внутри них.

Общественный подъем в России в 1850—1860-е гг. способствовал повышению интереса образованного общества к женскому вопросу. В прессе развернулась широкая критика семейного права. Под влиянием требований общественности была предпринята попытка создания нового Гражданского кодекса, который обеспечивал правовое равенство всех членов семьи, защищал их права, расширял автономию супругов и детей, не устранив их общих обязательств перед семьей как целым, словом, создавал новый морально-юридический порядок в семье. Однако проект нового либерального Гражданского кодекса не был утвержден и введен в жизнь, усовершенствование законодательства происходило путем внесения частных дополнений в существующий Свод законов.¹⁴⁶

В 1860 г. было принято дополнение к статье 103 Свода законов об обязательном совместном проживании супругов, дававшее право женщинам без развода уклоняться от совместного жительства, если муж отправлен в ссылку, выселен по приговору корпорации, к которой он принадлежал, если жестоко обращался с женой или отличался «развратным поведением». Кассационные департаменты Сената толковали эту поправку достаточно широко, что открывало многим женщинам возможность устраивать свою жизнь самостоятельно. Это дополнение было компромиссом между церковными и светскими властями: брак формально сохранялся, развод церковь не давала, но женщина получала фактическую самостоятельность.¹⁴⁷ В 1863 г. были отменены телесные наказания для женщин непривлекательных сословий, в 1893 г. закон был распространен и на ссылаемых в Сибирь за тяжкие уголовные преступления.

С 1891 г. последующий брак родителей автоматически приводил к узаконению внебрачных детей. Без брака отец мог официально узаконить ребенка только по высочайшему разрешению. Но этой возможностью пользовались привилегированные слои населения. Крестьяне и городские низы, у которых не имелось сколько-нибудь значительной собственности, обходились без официальной санкции. В 1902 г. внебрачные дети перестали считаться незаконными и получили право носить фамилию отца, наследовать его имущество. И все же в ряде случаев, когда речь шла о больших состояниях, по-прежнему требовалось высочайшее разрешение на усыновление. В первой четверти XIX в. в среднем в год император санкционировал 45 усыновлений, в 1908 г. — 358, или в 8 раз больше. Несмотря на либерализацию и закона, и практики, львиная доля внебрачных детей по-прежнему не усыновлялась.¹⁴⁸ В 1912 г. Государственная дума приняла закон о частичном уравнивании женщин и мужчин при наследовании. Впервые после Уложения 1649 г. было узаконено равенство при наследовании движимого и недвижимого имущества в городах — родового и приобретенного; при наследовании земли равенства не было, но имущественная доля дочери при живом брате поднялась с 1/14 (по Уложению 1649 г.) до 1/7.¹⁴⁹

Итак, в течение XVIII—начала XX в. закон, действие которого распространялось на купцов, мещан, ремесленников, а также дворян независимо от места жительства — в городе или деревне, предусматривал гуманизацию внутрисемейных отношений, повышение прав женщин и детей и возможность их защиты, если они нарушались.¹⁵⁰ А какова была действительность?

Обратившись к массовым сведениям о внутрисемейных отношениях в городе, которые дают нам ответы на анкету Русского географического об-

Рис. 52. Семья ткачей Румянцевых. С.-Петербург. 1900-е гг.

щества,¹⁵¹ мы обнаруживаем, что среди купцов, мещан, ремесленников и крестьян, проживавших в городах постоянно, вплоть до середины XIX в. преобладали составные семьи, а в них — патриархально-авторитарные отношения. Глава семьи управлял всем домом, всеми членами семьи и домочадцами. Его приказания должны были выполняться беспрекословно, к непослушным и провинившимся применялись наказания, в том числе физические. Он представлял семью во внешних отношениях, перед городской общиной и государством. Внутри семьи его власть была практически неограниченна, он распоряжался имуществом семьи и судьбой каждого ее члена, женил детей по своей воле и мог отдавать их в работы против их воли на определенный срок. Сыновья жили с отцом, как правило, до его смерти, а если отделялись от него, то имущество делилось между братьями поровну, а младший сын оставался с родителями. Как и в крестьянских семьях, все работы делились на мужские и женские, и первые выполнялись под надзором хозяина, а вторые — хозяйки. Жена подчинялась мужу, но в своей женской сфере хозяйства имела большие полномочия. В случае смерти хозяина вдова до совершеннолетия детей становилась главой семьи и выполняла все его функции; на нее записывалось хозяйство. Если у нее был сильный характер, то и взрослые женатые сыновья не выходили из-под материнской власти, но это все же были редкие случаи. Дети находились в полном подчинении у родителей, с раннего детства помогали им по хозяйству, воспитание и образование получали главным образом дома и, когда вырастали, как правило, занимались тем же делом (ремеслом, торговлей и т. п.), что и их родители.¹⁵² Возрастом зрелости считались 15—16 лет, и с этого времени дети полностью включались в семейное дело, начинали принимать участие в деловых операциях отца.¹⁵³

Нравы были строгие, сексуальные отношения находились под неусыпным контролем общественного мнения, в особенности для женщин. Девушка до замужества не могла выйти из дома без разрешения родителей, а если ей

нужно было куда-нибудь сходить, то, спросившись у родителей, она непременно брала с собой ведра на коромыслах, чтобы соседи о ней не подумали, что она праздно шатается по улицам.¹⁵⁴ В первой половине XIX в. в некоторых малых городах к уличным «в прелюбодеянии» молодым людям применялся уничижительный ритуал «вождения». Их заставляли обмениваться одеждой, т. е. на женщину надевали мужскую одежду, и наоборот, и в таком виде водили по всем улицам города.¹⁵⁵ По-видимому, в более раннее время обычай практиковался повсеместно так же, как в деревне.

Важная особенность внутрисемейных отношений среди городских сословий состояла в том, что они, как и в деревне, носили публичный характер. Отдельные семьи не представляли из себя крепости, куда запрещен был вход посторонним лицам. Напротив, каждая семья находилась, с одной стороны, в тесном контакте с родственниками, с другой стороны — с соответствующей корпорацией: мещанская семья — с мещанским обществом, купеческая — с купеческой гильдией, ремесленная семья — с цехом. Семья являлась как бы продолжением, проекцией корпорации, и наоборот — корпорация была проекцией и продолжением семейных отношений.

Вот краткая характеристика семейных отношений у различных сословий Пермской губернии, сделанная одним из современников. В купеческих семьях «отец или муж имеет неограниченную власть, которой все остальные члены семейства повинуются беспрекословно. Со своими домашними он обращается по большей части сурово и повелительно. Нежное и ласковое обращение с женой и детьми считается у них чем-то вроде слабости. В этом отношении здешний купец не опередил простого крестьянина, всегда отличавшегося грубым обращением». О семейных отношениях мещан «можно сказать то же, что сказано о купцах, с той только разницей, что здесь проявляется еще более грубости и своеволия со стороны главы семейства. Ссоры и драки — весьма обыденные явления в семействах мещан». «Крестьяне в своем семейном быту чрезвычайно постоянны, строго держатся старины и не допускают никакого постороннего влияния. Что было сто лет назад, то существует и теперь. <...> Их семейные отношения носят отпечаток патриархальности. <...> Жена находится в полном повиновении у мужа. В случае проступка жены муж является строгим судьей и исполнителем собственного приговора, причем мера взыскания доходит иногда до жестокости». Образованный купец Н. П. Вишняков объяснял это: «Как все в тогдашней России, строй семейный построен был на самодержавном начале. <...> В русской семье почти неограниченная власть принадлежала отцу семейства».¹⁵⁶

Словом, мы не видим существенных различий во внутрисемейных отношениях между крестьянством и торгово-ремесленным населением городов, за одним исключением: как свидетельствуют некоторые купеческие мемуары, авторитаризм семейных отношений был в городе мягче, закон несколько лучше защищал женщин и детей от произвола патриархов, чем обычай в деревне.¹⁵⁷ Богатые купцы старались дать своим сыновьям образование, необходимое и для успешного ведения дела, дочерям — скромное, для престижа семьи, а с образованными детьми приходилось больше считаться.¹⁵⁸ Причина схожести брачно-семейных отношений в городе и деревне объяснялась тем, что в подавляющем большинстве городских поселений культура и быт народных масс имели, как говорили современники, во многом деревенский характер. Только в больших городах с населением свыше 25 тыс. человек, которых в 1856 г. насчитывалось в Европейской России (без Польши и Финляндии) всего 28 и где проживало около трети городского населения, или менее 4% всего населения страны,¹⁵⁹ наблюдались серьезные различия в обычаях и нравах жителей сравнительно с деревней, а в малых городах эти отличия были минимальны.¹⁶⁰

Во второй половине XIX—начале XX в. в среде городского населения гуманизация внутрисемейных отношений продолжалась. Но она чрезвычай-

но тормозилась миграцией в города крестьян, которые несли с собой стереотипы, свойственные внутрисемейным отношениям деревни. Это в равной мере относилось как к крестьянам, переселявшимся в города на постоянное или временное жительство без перемены своей сословной принадлежности, так и к тем, которые переходили в состав мещан и купцов. С 1858 по 1897 г. доля крестьян в постоянном городском населении Европейской России увеличилась с 21 до 44%, а в наличном — с 30 до 45%, соответственно доля всех остальных сословий на столько же понизилась.¹⁶¹ Многие крестьяне-горожане имели корни в деревне и были с ней тесно связаны родственными и экономическими отношениями. Наиболее состоятельная часть крестьянства переходила в состав купечества и мещанства — за 39 лет, 1858—1897 гг., в городское сословие перешло около 340 тыс. крестьян.¹⁶² Если учесть также огромное число крестьян, приходивших в города временно, на короткий срок, то можно без преувеличения говорить об окрестывании городского населения. Массовая миграция крестьянства в города замедляла изменение характера внутрисемейных отношений среди городских сословий, что хорошо видно на следующем примере. За 43 года, 1869—1910 гг., в городе женихи помолодели на 1.8 года, а невесты постарели на 0.1 года, в то время как в деревне женихи постарели на 0.5 года, а невесты — на 1.3 года.¹⁶³ Крестьяне-мигранты принесли в города деревенский стандарт для возраста вступления в брак. Аналогичные явления происходили и в других аспектах брачно-семейных отношений.

И все же, несмотря на трудности, условия жизни в городах, особенно в больших и индустриальных, число которых в России росло, распространение образования, более либеральные законы, пресса и литература способствовали мало-помалу улучшению правового и фактического положения женщин и детей в семье и обществе. Но гуманизация внутрисемейных отношений в семьях мещан и ремесленников делала более скромные успехи, чем в семьях богатых купцов-предпринимателей.¹⁶⁴ Священник Г. С. Петров в 1907 г. в своей проповеди мягкого, сердечного отношения к детям с горечью писал о господствующих методах воспитания детей в городских семьях: «Родители учат детей: трепки, потасовки, подзатыльники, щелчки, грозный окрик старших и испуг младших. Одни трясутся от гнева, другие дрожат от страха».¹⁶⁵ В семьях рабочих изменение традиционных семейных стереотипов происходило еще медленнее.¹⁶⁶ Вряд ли можно считать случайностью, что все дети в рассказах А. П. Чехова — «существа страждущие или же угнетенные и подневольные». То же следует сказать и о детях в произведениях В. Г. Короленко.¹⁶⁷

Дворянская семья

Среди дворянства рано утвердилось правило женатым детям жить отдельно от родителей, благодаря чему среди них уже в XVIII в. безраздельно преобладала малая семья. Это объяснялось сначала обязательностью (до 1762 г.), а затем необходимостью государственной службы для всех совершеннолетних мужчин. Но внутрисемейные отношения как в составных, так и в малых дворянских семьях строились на тех же принципах: на иерархизме, всевластии главы семьи, на зависимости функций, прав и обязанностей члена семьи от пола и возраста, на господстве общих семейных интересов над индивидуальными, на приоритете роли, которую играет человек в семье и обществе, на слабой автономии семьи от общества и на огромном значении общественного мнения для семьи.¹⁶⁸ Дети подчинялись родителям, жены — мужьям. Это казалось необходимой и незыблемой основой общественного порядка.¹⁶⁹ Известный русский историк XVIII в. И. Н. Болтин писал в 1788 г.: «Природа учинила жену, подвластную мужу. Давши жене равные

права правам мужним в противность законов природы, превращается домашнее устройство в нестроение, тишина и спокойствие — в молву и мятеж. <...> Хотеть сделать мужа и жену равными есть противоборствие порядку и природе, есть буйство, бесчиние, безобразие. <...> Государственная польза требует, чтобы жена была подчинена мужу; требует того польза сочетавшихся и польза их детей и домашних». ¹⁷⁰

В дворянских, как и в крестьянских, мещанских и купеческих, семьях, а также в школах преобладало суровое отношение к детям, в большой чести были физические наказания. Подобное отношение к детям в период их воспитания и обучения в лучших сочинениях XVIII в. оправдывалось тем, что «детская натура по существу зла и что необходима усиленная борьба с заложенными в душе ребенка зачатками пороков», что дети, воспитанные в строгости, «более наклонны будут к добру». ¹⁷¹ «Отец мой чрезвычайно был к детям своим строг и взыскателен, и я в жизнь свою ничего так не боялся, как гнева отца моего», — засвидетельствовал В. Н. Геттун (1771—1848), родившийся на Украине в семье помещика и ставший впоследствии крупным чиновником. ¹⁷² В воспитании «главным принципом было держать детей в черном теле», подтверждает Е. А. Сабанеева (1829—1889), выросшая в помещицкой семье среднего достатка. ¹⁷³ Известный писатель граф В. А. Соллогуб (1813—1882), вспоминая свое детство в богатой дворянской семье, говорит о том, что «в то время любви детям не пересаливали. <...> Их держали в духе подобострастия, чуть ли не крепостного права, и они чувствовали, что созданы для родителей, а не родители для них». ¹⁷⁴ Разумеется, в каждой семье дети росли и воспитывались по-разному, так, как казалось правильным их родителям. Существовали семьи, где детей баловали, предоставляя им большую свободу, но они были немногочисленны — общий дух времени откладывал свою печать на обращение с детьми в большинстве семей. ¹⁷⁵ Сказанное о трудном детстве в дворянских семьях как будто противоречит хорошо известным классическим художественным произведениям, имеющим автобиографический характер, таким как «Детство» Л. Н. Толстого (1852), «Детские годы Багрова внука» С. Аксакова (1856) и др. Но, как показал американский историк А. Уачтел, это были псевдоавтобиографии, в которых отражено не столько истинное положение детей, сколько дворянский миф о прошедшем золотом веке, когда все было прекрасно. ¹⁷⁶

Телесные наказания применялись к детям и в дворянских семьях, преимущественно к мальчикам, ¹⁷⁷ но более всего в школах. Начиная с XVII в. ¹⁷⁸ и до 1860-х гг. телесные наказания считались главным воспитательным средством. О жестоких телесных наказаниях в Морском кадетском корпусе в конце XVIII—начале XIX в. пишет в своих воспоминаниях декабрист В. И. Штейнгейль: «Способ исправления состоял в истинном тиранстве. Капитаны, казалось, хвастались друг перед другом, кто из них бесчеловечнее и безжалостнее сечет кадет. Каждую субботу подавались ленивые сотнями, и в дежурной комнате целый день вопль не прекращался. Один прием наказания приводил сердца несчастных детей в трепет. Подавалась скамейка, на которую двое дюжих барабанщиков растягивали виновного и держали за руки и за ноги, а двое со сторон изо всей силы били розгами, так что кровь текла ручьями и тело раздиралось в куски. Нередко отсчитывали до 600 ударов и более, до того, что несчастного мученика относили прямо в лазарет». В лучшей школе Петербурга 1830-х гг. — Аннинском училище «кроме многих легких наказаний за леность и шалости, — вспоминал его ученик В. Я. Стоюнин, — пользовались и другими, более чувствительными — обыкновенным сечением, карцером и сечением по ладоням. К двум первым прибегали редко, зато последнее было почти в ежедневном ходу». ¹⁷⁹ О широкой распространенности телесных наказаний говорят следующие данные. В 1858 г. в 11 гимназиях Киевского учебного округа из 4109 учени-

ков телесному наказанию подвергся 551, или 13%, в одной гимназии — даже 48% учеников.¹⁸⁰

Между матерями и дочерьми и между отцами и сыновьями было мало истинной любви и эмоциональной привязанности, преобладали отношения идентификации и руководства.¹⁸¹ В идеале — брак по любви, в жизни — по указанию родителей, которые, однако, принимали во внимание прежде всего семейные интересы и материальные выгоды и во вторую очередь — склонности детей. В некоторых, в том числе переводных с французского языка, руководствах для женщин, которым русские дамы особенно доверяли, рекомендовалось: «...девица, желающая быть супругой, не должна опираться на столь слабый тростник, как страсть, любовь, отвергающую всякий порядок, обещающую земной рай своим слепым последователям».¹⁸² На первом месте при заключении брака находились не чувства или даже не интересы жениха и невесты, а интересы двух семей, поскольку брак являлся соглашением не двух человек — жениха и невесты, а двух семей, двух родов. Такой подход к браку был типичным для дворян, начиная от бедных и кончая титулованными и императорскими особами.¹⁸³

Но указ Петра I о запрещении принуждать к вступлению в брак тем не менее соблюдался. У детей спрашивали согласия и приватно, и публично и, как правило, его получали. А. Т. Болотов в подробностях описывает в своих мемуарах сватовство, помолвку и свадьбу своей дочери в 1793 г. Он и его жена два дня добивались согласия дочери на очень перспективный с точки зрения фамильных связей и материальных выгод брак, так как «не хотели ее неволить». Но что могла ответить девушка, если с женихом не была знакома, а лишь несколько раз его видела? Естественно, дочь ориентировалась на мнение родителей. В первый день, по словам Болотова, «дочь не имела от жениха отвращения и почти выттичь (выйти замуж. — *Б. М.*) за него согласилась». На второй день «наконец, сочтя, что по стечению всех обстоятельств оказывалось, что была на сие воля Господня, и предавшись на Его святой произвол, решила она изъявить свое согласие и дала слово».¹⁸⁴ О формальном соблюдении требования согласия жениха и невесты на вступление в брак писали и юристы, указывая многочисленные способы, которыми пользовались родители при давлении на детей.¹⁸⁵

При добровольно-принудительном характере заключения браков отношения супругов лишались любви и сильной привязанности, были слабо эмоционально окрашены. Применительно к XVI—XVII вв. американская исследовательница Е. Левин считает, что понятия любви и эмоциональной привязанности между супругами были чужды русским в то время (надо заметить: западным людям — почти в той же мере).¹⁸⁶ Сам Болотов был жертвой такого брака, но все его дети в матримониальных делах пошли по стопам родителя. Он жаловался в своих записках, что после его свадьбы в 1765 г. «свычка наша (с женой. — *Б. М.*) шла очень медленными стопами <...> Но что всего важнее, то к самому себе не мог я от ней (иметь. — *Б. М.*) ни малейших взаимных ласк и приветливости». Его надежда найти в жене человека, с которым бы он мог «разделять все свои душевные чувствования и все радости и утехи в жизни, сообщать обо всем свои мысли, заботы и попечения, пользоваться советами и утешениями», не сбылась. Такого человека он, однако, нашел в своей матери. И это было общим правилом. Женщина, не имевшая глубокой эмоциональной привязанности к своему мужу, находила ей компенсацию в любви к сыновьям, но не к дочерям, которых она была обязана наставлять, учить, но не любить.¹⁸⁷ Такие же отношения были характерны и для русских императорских семей.¹⁸⁸

Возможно, мужчины, которым позволяли средства, находили выход в бигамии,¹⁸⁹ другие — в интимных связях со своими крепостными девушками, что, несмотря на запрещение закона, было довольно распространено. Неко-

торые помещики не довольствовались одной любовницей и заводили целые гаремы.¹⁹⁰

Отсутствию глубоких эмоциональных привязанностей между родителями и детьми способствовали способы воспитания и образования дворянских детей. В зажиточных семьях сразу после рождения ребенок переходил на попечение кормилицы и нянек. С 5—7 лет к нему приставляли домашних учителей и гувернеров. Затем он поступал в какое-нибудь учебное заведение, по окончании которого мужчины шли на службу, а женщины выходили замуж. В бедных дворянских семьях до поступления в учебное заведение воспитанием и образованием занимались сами родители.¹⁹¹ Для дворян в XVIII в., так же как для крестьян, мещан и купцов, самостоятельная жизнь начиналась рано. Как правило, всякое учение заканчивалось к 16 годам, если образование продолжалось за границей, — к 18—20 годам.¹⁹² С этого возраста молодые люди вступали на поприще, какое кому предназначалось по положению и образованию, — военное, гражданское, придворное. «В 15 лет уже оканчивалось воспитание мальчиков, — писал крупный чиновник Ф. Ф. Вигель (1786—1856). — Полагали, что они уже всему выучены, и спешили их отдать в службу, чтобы они ранее могли выйти в чины».¹⁹³ Гражданская служба могла начинаться еще раньше — с 13—14 и даже с 10 лет. Дети бедных дворян и чиновников нередко были вынуждены заниматься какой-нибудь канцелярской работой с детского возраста.¹⁹⁴ Эта традиция XVII в. просуществовала до начала XIX в., постепенно отмирая по мере повышения требований к служебной годности чиновников. Но 16—18 лет считались нормальным возрастом для начала службы и в первой половине XVIII в.

Зависимость детей от родителей и значение родственных, фамильных связей имели столь большое значение, что даже после женитьбы взрослые дети, которые, как правило, жили отдельно от родителей, обязаны были считаться с их мнением, принимать важные решения после совета с ними, демонстрировать им свою любовь, преданность и покорность. Таковы были правила, и нарушение их влекло за собой потерю доброго имени в обществе и лишение наследства, которое при нормальных обстоятельствах переходило к женщинам после смерти матери, к мужчинам — после смерти отца, но в конечном счете зависело от завещания.¹⁹⁵

Как видим, дворянская семья строилась на тех же принципах, что и семьи крестьян и торгово-промышленного населения города. Она так же была интегрирована в дворянскую корпорацию, как крестьянская семья — в общину, мещанская — в мещанское, купеческая — в купеческое общество. Но между дворянской семьей и семьями простого народа существовали различия. Господство главы семьи в дворянских семьях носило утонченный, просвещенный характер.¹⁹⁶ Детей физически наказывали, но не столь сильно, как в крестьянских или мещанских семьях. Однако как просвещенный абсолютизм не переставал быть абсолютизмом, так и просвещенный авторитаризм оставался авторитаризмом. Известный юрист М. А. Филиппов считал, что положение женщин и детей в семьях привилегированных сословий ничем практически не отличалось от положения крепостных: во всех важных вопросах они должны были получать согласие-благословение главы семьи.¹⁹⁷ Лишь в семьях, где женщины имели значительную собственность и в материальном отношении были абсолютно независимы от своих мужей, они имели самостоятельность. Но это были немногочисленные семьи богатых и знатных фамилий.

Второй существенной особенностью дворянских семей являлось то, что в течение XVIII в. дворянство постепенно отказывалось от традиционных русских обрядов и принимало европейские ритуалы семейной жизни. Возьмем, к примеру, свадьбу. Известный бытописатель А. Гершенко заметил в 1848 г.: «Обряд свадеб боярских, дворян и простого звания был весьма дол-

гое время единообразно общий и отличался только пышностью». Но начиная с царствования Петра I обряды стали быстро европеизироваться. «В царствование Елизаветы изменились свадьбы еще более, а ныне дворянство и простое сословие отправляет их совершенно отдельно (по-разному. — *Б. М.*). Дворянство, особенно живущее в столицах, в больших городах, заимствуя иностранные обыкновения, отчуждалось от отечественных <...> Венчание сопровождается пышным поездом, а свадьба заменяется нередко балльною музыкою и роскошным вечерним угощением <...> Вообще едва остались следы прежних свадеб между дворянством, и должно сказать к чести купеческого сословия, особенно простого, что оно бережет еще предания старины».¹⁹⁸ Однако случилось это далеко не сразу. В 1760-е гг. в дворянских семьях еще практиковался обычай публичной проверки целомудрия невесты путем демонстрации простыни. После застолья молодые удалялись, а гости дожидались свидетельства целомудрия, чтобы поздравить невесту и ее родственников. «Сие обыкновение почиталось так свято, — свидетельствовал А. Т. Болотов, — что и помыслить было невозможно о преступлении оногo».¹⁹⁹

Во второй четверти XIX в. русское образованное общество захватили идеи просвещения и романтизма, которые поднимали значение личности, женщины, любви, детей в жизни человека.²⁰⁰ Тогда же появились журналы для женщин, и вопрос о женской эмансипации впервые стал предметом внимания русского общественного мнения.²⁰¹ Под влиянием новых идей внутрисемейные отношения в дворянских семьях мало-помалу начали гуманизироваться. По свидетельству Е. П. Яньковой (1768—1861) — представительницы богатого и культурного дворянства, отношения между родителями и детьми в 1850-е гг. решительно отличались от того, что было в конце XVIII—начале XIX в. «В то время дети не бывали при родителях неотлучно, как теперь, и не смели прийти, когда вздумается, а приходили поутру поздороваться, к обеду, к чаю и к ужину или когда позовут за чем-нибудь. Отношения детей к родителям были совсем не такие, как теперь; мы не смели сказать: за что вы на меня сердитесь, а говорили: за что вы изволите гневаться <...> Мы наших родителей боялись, любили и почитали. Теперь дети отца и матери не боятся. В наше время никогда никому и в мысль не приходило, чтобы можно было ослушаться отца или мать и беспрекословно не исполнить, что приказано», дети не смели при родителях сесть без разрешения, отвечали не иначе, как стоя, и т. д. «Такого панибратства, как теперь, не было; и, право, лучше было, больше чтли старших, было больше порядка в семействах и благочестия <...> Теперь все переменялось».²⁰² Особенно сильно изменились отношения между матерями и дочерьми. Лишенные возможности найти применение своим силам на общественном поприще, образованные дворянские женщины стали активно заниматься воспитанием и образованием своих дочерей, так как образование мальчиков по традиции было прерогативой отцов и выбранных последними домашних учителей и учебных заведений. Уже в середине XIX в. влияние матерей оказалось очень существенным: они поощряли дочерей к отходу от традиционно уготованной роли женщины, замкнутой в среде семейных отношений, пробуждали в них интерес к общественной и политической жизни, воспитывали в дочерях чувство личности, самостоятельности. Плоды такого воспитания сказались через 10—20 лет: русское революционное движение привлекло в свои ряды десятки женщин из привилегированного класса.²⁰³

В пореформенное время процесс демократизации семейных отношений пошел значительно быстрее, так как получил поддержку в общественном мнении и в правительственной политике по женскому вопросу. Педагогическая наука, а вслед за ней и общественное мнение выступили решительными поборниками партнерских, гуманных отношений между родителями и детьми. Ребенок больше не рассматривался как существо,

Рис. 53. Группа сотрудников редакции газеты «Ведомости С.-Петербургского градоначальства» у редактора М. Г. Кривошлык в день празднования «золотой свадьбы» его родителей. С.-Петербург. 1900 г.

наполненное злыми чувствами и помыслами, которые следовало вышибать из него строгим наказанием. Книга В. Н. Жук «Мать и дитя», посвященная пропаганде новых отношений между родителями и детьми с первых лет жизни ребенка, в течение 1880—1914 гг. выдержала 10 изданий. Большой популярностью пользовались книги Е. И. Конради²⁰⁴ и П. Ф. Каптерева,²⁰⁵ посвященные той же проблеме. Телесные наказания были запрещены в школе и вытеснялись из семьи. По мнению некоторых педагогов, в 1860—1870-е гг. родители в своем либерализме зашли так далеко, что забыли о всякой дисциплине. «Прежде (в крепостное время. — Б. М.) воспитывали только страхом. Служебные отношения низших к высшим, крепостных к господам, детей к родителям—все сдерживалось только страхом, боязнию прогневать власть имеющего и получить за это возмездие. Никто не думал, чтобы приучить ребенка или подчиненного исполнять свою обязанность из сознания долга, общественной необходимости, из уважения и любви к личности власти имеющего. Вселять страх было единственным стремлением начальства и родителей, чтобы сдерживать в узде детей и подчиненных, чтобы заставлять их повиноваться и выполнять обязанности. В освободительный период родители поняли, что страх плохой воспитатель, и гнушались внушать его своим детям. Многие не понимали в то время, что, изгоняя из воспитательной практики страх, необходимо ввести последовательную дисциплину и необходимо обращать особенное внимание на развитие в ребенке деликатности и уважения к близким».²⁰⁶

В пореформенное время в педагогической науке и общественном мнении укрепилась идея, что между отношениями в семье и отношениями в обществе существует тесная связь и невозможно исправлять одно, не исправляя другого. «Семья есть микрокосм того общества, которое ее создало, и потому между обществом и семьей существует самая тесная солидарность, — считал популярный в пореформенное время публицист Н. В. Шелгунов. —

Каждая семья настолько дурна или хороша, насколько дурно или хорошо создавшее ее общество. Созданная сама обществом, она в свою очередь воспитывает для него членов, и в этом заколдованном круге вращается воспитание».²⁰⁷ Отсюда большое внимание уделялось положению в семье не только детей, но и женщины, гармоническим отношениям между супругами. Изменяющийся менталитет образованного русского общества оказывал положительное влияние на демократизацию отношений в семье, на превращение патриархальных семей в эгалитарные, в которых отношения между супругами строятся на основе равенства. Подтверждение этому мы находим во многих мемуарах. «Прежнего страха перед отцом дети уже не испытывали, — отмечала О. П. Верховская (1847—?). — Никаких розог, никаких наказаний, а тем более истязаний не было и в помине. Очевидно, крепостная реформа оказала свое влияние и на воспитание детей».²⁰⁸

Однако не следует преувеличивать степень демократизации отношений даже в семьях интеллигенции. Например, известная общественная деятельница конца XIX—начала XX в. А. К. Черткова (1859—1927) пишет в воспоминаниях о своих родителях: «Отец во всех своих вкусах, привычках, отношениях к людям, женщинам, детям скорее был азиат, чем европеец», он считал, что «девочек наказывать нельзя, а мальчиков нужно, иначе из них выходит „размазня“: когда бьешь с умом, за дело, всегда впрок идет». Он признавался дочери, что когда служил офицером, то бил солдат «в морду».²⁰⁹ Утрата девственности до брака по-прежнему считалась предосудительной, и на этой почве совершались преступления. В 1880 г. петербуржец, занимавший значительный пост в страховом обществе, и его жена убили мужчину, соблазнившего последнюю в бытность ее гувернанткой. Мотив — месть за утрату девственности. Известный художник К. Коровин (1861—1939) рассказывает в своих воспоминаниях, как он с братьями побил свою сестру за «прелюбодеяние», и все знакомые и родственники были согласны с суровым наказанием, включая саму девушку.²¹⁰ Патриархальные отношения доминировали и в императорских семьях.²¹¹ Например, Александр III был «суров по отношению к своим детям: решительно ни в чем не сносил ни малейшего противоречия».²¹² Вероятно, только в семье Николая II под влиянием его жены произошел переход к отношениям, «свойственным мещанскому немецкому семейству», хотя он и старался подражать своему отцу даже в житейских мелочах.²¹³

Весьма архаичная черта брачно-семейно-сексуальных отношений даже среди дворянства и интеллигенции заключалась в том, что они не рассматривались как личное дело каждого человека, а являлись отношениями публичными или общественными, что выражало глубокую преемственность с XVII в.²¹⁴ Это хорошо видно из того факта, что адюльтер, кровосмешение, бисексуализм, неуважение к родителям, злоупотребление родительской властью, аборт и некоторые другие проступки или виды отклоняющегося поведения вплоть до 1917 г. рассматривались как уголовные преступления, т. е. как преступления против общества и общественного порядка, а не как частные дела.²¹⁵ Таким образом, даже среди немногочисленной элиты русского общества брачно-семейные отношения вплоть до 1917 г. сохраняли многие черты традиционного семейного порядка. Русская художественная литература дает многочисленные примеры существования пережитков патриархально-авторитарных отношений в семьях дворян и интеллигенции в конце XIX—начале XX в.

Во второй половине XIX в. популярным сюжетом было сравнение положения женщины по закону и обычаю, т. е. в семьях городского сословия и дворян, с одной стороны, и в семьях крестьян — с другой. Некоторые современники-юристы приходили к выводу, что обычай обеспечивал большие личные права крестьянке, чем закон — горожанке.²¹⁶ Среди историков мнения также разделились.²¹⁷ В действительности все зависит от того, какой

аспект иметь в виду. С точки зрения имущественных и наследственных прав, возможностей получения образования, защищенности от притеснений мужа преимущество было на стороне дворянок и женщин из городского сословия, с точки зрения права на работу крестьянки, как в значительной мере и мещанки, имели больше прав, но по необходимости это право являлось обязанностью работать и в доме, и в хозяйстве. Во внутрисемейных отношениях женщины из привилегированных слоев имели преимущество более гуманное с ними обращение — по крайней мере в прессе и литературе не слышно жалоб на избивание женщин мужьями как постоянном факте семейной жизни. Но женщины из высшего и среднего дворянства до середины XIX в. сравнительно мало общались со своими детьми и не наслаждались в полной мере радостями материнства; лишь во второй половине XIX—начале XX в. отчуждение между родителями и детьми постепенно исчезало; оно отчасти сохранилось только в очень богатых семьях. Напротив, воспитание детей до 7 лет у крестьян и городских сословий являлось обязанностью исключительно женщин. Но, по-видимому, обремененные тяжелой работой по хозяйству и большим количеством детей, женщины низших классов не испытывали особых радостей материнства.

Другой спорный вопрос состоял в оценке положения женщины в семье в России и западноевропейских странах. И здесь мнения разделились. Одни отдавали предпочтение законодательству и практике в России, другие — на Западе.²¹⁸ «Иностранцев всегда поражало то сравнительно более выгодное положение, в которое поставлена как законом, так и общими нравами и обычаями русская женщина, несмотря на общую отсталость нашего законодательства в деле гарантий личных прав граждан», — отмечал известный юрист И. Г. Оршанский. Если разделить вопрос о правовом положении женщины на отдельные аспекты, то оказывается, что в XIX—начале XX в. русские женщины перед западноевропейскими имели единственное преимущество в правах собственности и наследования.²¹⁹

И Т О Г И : О Т С О С Т А В Н О Й С Е М Ь И К М А Л О Й И О Т А В Т О Р И Т А Р Н О С Т И К Д Е М О К Р А Т И З М У В О В Н У Т Р И С Е М Е Й Н Ы Х О Т Н О Ш Е Н И Я Х

В современной социальной психологии существует ряд научных школ, которые считают, что социализация личности — результат ее взаимодействия со всей совокупностью социальных явлений, окружающих личность. Но среди разнообразных агентов социализации именно семье принадлежит ведущее место в современных европейских обществах, несмотря на важную роль дошкольных и школьных учреждений, высшего образования, средств массовой информации. Родители дают модель поведения детям, отклонения от которой редки. Хотя личность складывается не только в семье и не только в первые годы жизни и в принципе способна изменяться, однако ни один факт в человеческой жизни не свободен от влияния межличностных отношений в семье в период детства. Наиболее стабильные черты личности обусловлены генетически и закладываются в младенчестве и детстве.²²⁰ Если применительно к современным западноевропейским странам это положение можно подвергать сомнению, то применительно к дореволюционному русскому обществу оспаривать его вряд ли возможно из-за крайне низкого уровня грамотности, а также из-за того, что в русском обществе до 1917 г. все агенты социализации, кроме семьи, были развиты неизмеримо слабее, чем в современных обществах.

В течение XVIII—начала XX в. в области грамотности был достигнут существенный прогресс, однако вплоть до 1917 г. как городское, так и сель-

Рис. 54. «Заседание» детской общины. Новолодожский уезд, С.-Петербургская губ. 1910-е гг.

ское население России оставалось малограмотным. Грамотность среди мужчин старше 9 лет составляла в конце XVIII в. — 6%, в 1850 г. — 19%, в 1913 г. — 54%, у женщин — соответственно 4, 10 и 26%. К началу XX в. только дворянство и духовенство (2% всего населения России) достигли почти полной грамотности; остальные сословия по степени грамотности находились на уровне западноевропейских стран XVII в.²²¹ Функциональная грамотность была намного ниже, так как не все грамотные люди имели возможность читать литературу. Вследствие этого в середине XIX в. читательская аудитория России насчитывала всего от 600 тыс. до 1 млн человек, что составляло лишь 1—1.5% всего населения, а к концу XIX в. — 3—4 млн, или 3—4% населения. Малограмотность и отсутствие привычки у крестьянства и городских низов черпать нужные знания в печатном слове обуславливали устный по преимуществу характер их культуры, передачу знаний и опыта посредством прямых примеров и подражания, что чрезвычайно повышало роль семьи и, наоборот, сужало значение книги, школы, средств массовой информации в социализации молодого поколения.²²²

Следует иметь в виду также, что система дошкольных учреждений зародилась в России в самом конце XIX в. и к 1917 г. насчитывала около 200 детских садов, в которых воспитывалось всего 5.4 тыс. детей. Численность учащихся начальных и средних общеобразовательных школ составляла на тысячу человек населения в 1840 г. 5 человек, в 1890 г. — 21, в 1914 г. — 59. Для сравнения укажем, что на тысячу человек населения в 1840 г. приходилось в США 74 учащихся, в Великобритании — 78, во Франции — 85, в Германии — 113, а в 1914 г. в США — 213, Великобритании — 152, Франции — 148 и Германии — 175. В 1880 г. во всей России (без Польши и Финляндии) насчитывалось 145 массовых библиотек с 1 млн книг — по 0.01 книги на одного человека, а в США книг в массовых библиотеках на человека было в 5 раз больше, чем в России, в Великобритании — в 10 раз, во Франции — в 20 раз, в Германии — в 9 раз. В России в 1913 г. разовый тираж всех 1055

наименований газет составлял 3,3 млн экземпляров, или по 21 экземпляру на тысячу человек населения, а в США разовый тираж 16 944 наименований газет составлял 67,1 млн экземпляров, или по 677 экземпляров на тысячу человек населения — в 32 раза больше.²²³

Приведенные данные дают основание полагать, что центр тяжести в воспитании подрастающего поколения в течение XVIII—начала XX в. ложился на семью. Они подтверждают тем самым выводы социальных психологов психоаналитической ориентации о характере социализации. Отсюда можно предположить, что именно межличностные отношения в семье, стереотипы поведения родителей формировали личность ребенка. Начиная с раннего детства, ребенок твердо, хотя и бессознательно перенимал от родителей язык и веру, нормы поведения, образ мышления, социальные установки, систему ценностей. Усвоенное в детстве определяло всю его дальнейшую жизнь, и изменения в модели поведения случались чрезвычайно редко. Когда ребенок становился взрослым, то идеальные, с его точки зрения, отношения в его собственной семье, а также и социальные, экономические и политические отношения в обществе моделировались и структурировались в его сознании по образцу межличностных отношений, свойственных главным образом семье его родителей. Например, если отношения родителей между собой и между родителями и детьми в семье, в которой рос и воспитывался человек, были патриархально-авторитарными, то, во-первых, он в своей собственной семье воспроизводил патриархально-авторитарную модель родительской семьи и, во-вторых, мог чувствовать себя комфортно в крепостническом обществе, без проблем включался в экономические и политические структуры, свойственные командной экономике и абсолютистскому государству. Разумеется, отношения в семье не были автономными, они испытывали в свою очередь влияние всего общества, и характер этих отношений накладывал на отношения в семье свой сильный отпечаток, особенно тогда, когда все другие агенты социализации — церковь, государство, институты народного образования — действовали не против семьи, а вместе с ней в одном направлении.

В течение XVIII—начала XX в. во всех сословиях формы семейной организации и вместе с ними характер межличностных отношений в семье изменялись. Дворянство и интеллигенция первыми прошли путь от составной семьи к малой. Они же с середины XIX в. стали пионерами перехода от патриархально-авторитарных к эгалитарным семьям и от патриархальных к демократическим отношениям в семье. Однако сильные пережитки крепостничества, стойкая патриархальность внутри семьи, слабое развитие феминистского движения в России помешали завершению этого процесса даже среди элиты русского общества, если иметь в виду основную массу семей привилегированных слоев. Феминизм в России не получил распространения, хотя женское движение, начавшись на рубеже 1850—1860-х гг., постепенно развивалось: к концу XIX в. сформировалась целая сеть женских организаций по всей стране, добивавшихся равноправия женщин; в 1905 г. возникли женские политические организации, которые выступили с политическими лозунгами.²²⁴

Семейная организация крестьянства в течение императорского периода также развивалась в направлении малой семьи. Вместе с тем значительная часть жизни крестьян, главным образом детство, отрочество и старость, проходила в рамках составной семьи, которая являлась обязательной стадией развития семьи до эмансипации для всего крестьянства, а после нее — для его значительной части. Малая семья как преобладающая форма организации жизни пришла в город раньше — уже к концу XIX в. Но ни в среде крестьянства, ни в среде городских низов патриархально-авторитарная основа внутрисемейных отношений не была серьезно подорвана и в основных чертах сохранилась к 1917 г. Об этом свидетельствует тот факт, что даже в российской деревне 1920-х гг., как показали специальные исследования, тра-

диционные взгляды на семью и женщину оставались очень прочными.²²⁵ Однако некоторый прогресс в гуманизации отношений между супругами и между родителями и детьми был достигнут, в городах и промышленных губерниях — в большей степени, в деревне и аграрных губерниях — в меньшей. Этот прогресс выражался в смягчении насилия над слабыми в семье и в установлении известного контроля со стороны общества и закона за соблюдением интересов женщин и детей. Авторитарность внутри семьи была в большей или меньшей степени поставлена в рамки закона.

До середины XIX в. в семьях разных сословий преобладали патриархально-авторитарные отношения, так как они строились на господстве мужчин над женщинами и главы семьи над всеми домочадцами, на иерархии, строгом разделении ролей по половозрастному признаку, приоритете общих семейных интересов над индивидуальными, включенности семей в жизнь соответствующих сословных корпораций, которые имели право вмешиваться во внутрисемейные отношения. По-видимому, превалирование патриархально-авторитарных отношений в семьях всех сословий поддерживало крепостнический характер социальных отношений в обществе и политический абсолютизм в государстве по той причине, что авторитарные семьи воспитывали в людях черты авторитарной личности,²²⁶ а такие люди, можно предполагать, становились благодатной социальной базой для политического абсолютизма и крепостничества со всеми вытекающими из этого экономическими и социальными последствиями. Известный немецкий исследователь русской жизни середины XIX в. А. Гакстгаузен утверждал, что отец в семье, староста в общине и неограниченный царь во главе государства находились друг с другом в неразрывной связи, обусловленной историческим развитием и преемственностью.²²⁷ Сами русские крестьяне полагали, что миром правит Бог, государством — царь, семьей — отец: «Царь-государь — наш земной Бог, как, примерно, отец в семье».²²⁸ Глубинная связь между патриархальной организацией семьи и политическим абсолютизмом — не национальная русская, а историческая особенность, типичная для всех до-индустриальных, традиционных обществ. На это неоднократно указывали исследователи еще в XIX в. Достаточно вспомнить известного французского социолога и историка А. де Токвиля.²²⁹ Не прошли мимо этого и современные исследователи. Ж.-Л. Фландрен считает, что европейская семья в прошлом формировалась по «монархической модели» и что не только абсолютизм государственной власти, но и христианство, как, впрочем, и другие монотеистические религии, находят питательную почву в патриархальности повседневной жизни. «Авторитет отца семейства и авторитет Бога не только освящали друг друга: они узаконивали все другие авторитеты. Короли, сеньоры, патроны, священники — все выступали как отцы и как заместители Бога». Еще в Западной Европе XVII в. «назвать власть отцовской значило указать на ее законность и на долг абсолютного повиновения ей».²³⁰

В пореформенное время начались изменения в семейном укладе жизни всех сословий. Но даже среди образованной части общества эти изменения зашли не слишком далеко. Социальная неполноценность не только детей, но и женщин оставалась непреложным фактом российской действительности, о чем красноречиво свидетельствует следующее. Конец XIX—начало XX в. отмечены возникновением профессиональных групп и организаций, которые стали заменять прежние сословные структуры. Однако и в новых профессиональных обществах женщины оказались внизу иерархизированной системы. Например, внутри учительской профессии, где женщины составляли большинство, мужчины смотрели на женщин как на неполноценных коллег: и способности у них ниже, и знаний у них меньше, и думают они не о деле, а о замужестве, и внешность у них нигилистская, и эмоции у них доминируют над разумом, словом, случайные и бесполезные они люди

Рис. 55. И. С. Смоленков, владелец чугунолитейного и механического завода, с членами семьи у своей дачи под С.-Петербургом в день свадьбы. 1909 г.

среди учителей, причем обусловлено это именно их женской сущностью, а не какими-нибудь внешними факторами.²³¹

Господствующая в массовом сознании авторитарно-патриархальная модель отношения к детям и человеческих отношений вообще находила свое яркое проявление в закрытых учебно-воспитательных учреждениях вплоть до 1917 г. Воспитанница Московского Николаевского института З. Жемчужная, проведшая там 1899—1906 гг. в возрасте 12—19 лет, вспоминала: «Как волосы у вновь поступавших стриглись под гребенку, так и умы и души шестисот девочек подчинялись одинаковой, без малейшего внимания к индивидуальности ребенка, бездушной, беспощадной дисциплине. С одной стороны — авторитет, с другой — послушание. Ни участия, ни понимания и ни капельки любви, без которой душа ребенка высыхает, как пустыня. <...> В течение семи лет мы слушались и повиновались. Перед нами не вста-

вал вопрос „что делать?“, „как поступить?“. Все за нас было решено начальством. Свободная воля не имела никакого шанса для своего проявления».²³²

Замедленность демократизации внутрисемейных отношений и раскрепощения женщин, молодежи и детей, надо полагать, задерживала разрушение парадигмы господства и подчинения в массовом сознании, на которой покоился монархический политический менталитет народа почти до конца императорского режима, тормозила изменение политической структуры общества: привычку к насилию, освящаемую авторитетом старшинства, люди уносили из детства в большую жизнь — на службу в армию и учреждения, на заводы и фабрики.

Как ни парадоксально, пережитки прошлого живы до сих пор, спустя почти столетие. Например, то, что называется в настоящее время дедовщиной, существует в России по крайней мере два с половиной века, с середины XVIII в. По утверждению генерала Н. А. Епанчина, бывшего долгое время начальником Пажеского корпуса, издевательство старших над младшими под названием «цуканье» было распространено в русской армии, включая Пажеский корпус, со времени Петра III (по мнению Епанчина, в подражание прусской армии) и до конца империи.²³³ Это подтверждается другими свидетельствами. Декабрист В. И. Штейнгейль отмечал в Морском кадетском корпусе в конце XVIII в. «господство гардемаринов и особенно старших в камерах над кадетами. Первые употребляли последних в услугу, как сущих своих дворовых людей: я сам, бывши кадетом, подавал старшему умываться, снимал сапоги, чистил платье, перестилал постель и помыкался на посылках с записочками, иногда в зимнюю ночь босиком по галерее бежишь и не оглядываешься. Боже избави послушаться! — прибьют до полусмерти. <...> Зато какая радость, какое счастье, когда произведут, бывало, в гардемарины: тогда из крепостных становишься уже сам барин, и все повинуются».²³⁴ Трудно сомневаться, что дедовщина — проявление патриархально-авторитарной парадигмы человеческих отношений, усвоенной в детстве, и, если она до сих пор существует, значит, традиции не забыты окончательно. Слушаешь иногда, с каким удовольствием современные российские мужчины зрелого и старшего возраста поют «Из-за острова на стрежень» — стихотворение Д. Н. Садовникова, ставшее народной песней, в которой в романтической форме отражен в сущности жестокий и патриархальный взгляд, дававший мужчине право распоряжаться жизнью женщины и жены, и приходит на ум: не ностальгия ли это о временах патриархата? К счастью, молодое поколение отдает предпочтение другим песням.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Boh K. et al. (eds.). *Changing Patterns of European Family Life: A Comparative Analysis of Fourteen European Countries*. London; New York, 1989; Laslett P., Wall R. (eds.). *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 31.

² Александров В. А. 1) Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // ИСССР. 1981. № 3. С. 78—96; 2) Черты семейного строя у русского населения Енисейского края // Потанов А. Т. (ред.). *Сибирский этнографический сборник*. М.; Л., 1961. С. 3—26;

3) Обычное право крепостной деревни России: XVIII—начало XIX в. М., 1984. С. 42—69; Бояришинова З. Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Разгон И. М., Боженко Л. И. (ред.). *Вопросы истории Сибири*. Томск, 1967. С. 34—57; Власова И. В. *Семья* // Чистов К. В. (ред.). *Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры*. М., 1987. С. 366—367; Гришкина М. В. *Семья у удмуртского и русского крестьянского населения Удмуртии в XVII—первой четверти XVIII века* // Майер В. Е. (ред.). *Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии XVII—первой половины XIX века*. Ижевск, 1981. С. 61—97; Жданко Т. А. (ред.). *Семейный быт народов СССР*. М., 1990.

С. 25; *Люцидарская А. А.* Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки: XVII—начало XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 96—98; *Миненко Н. А.* Крестьянская семья Западной Сибири в первой половине XIX века: (Численность и структура) // *Громыко М. М., Миненко Н. А.* (ред.). Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII—начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 3—29; *Окладников А. П.* (ред.). Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 400—413; *Преображенский А. А.* (ред.). 1) История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 508—509; 2) История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3: Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1993. С. 240—247; *Прохоров М. Ф.* О генеалогии крестьянской семьи в России в XVII—первой половине XIX в.: (По материалам Покровской вотчины Нарышкиных) // *Муравьев В. А.* (ред.). Генеалогические исследования. М., 1994. С. 160—167; *Чистов К. В.* Севернорусские причитания как источник для изучения крестьянской семьи XIX в. // *Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами.* Л., 1977. С. 131—143.

³ *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере: Конец XVII—начало XVIII в. М., 1976. С. 32—34; *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири: (XVIII—первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 43—48.

⁴ *Czap P., Jr.* 1) The Perennial Multiple Family Household: Mishino, Russia 1782—1858 // *Journal of Family History.* 1982. Vol. 7, No. 1. Spring. P. 5—26; 2) A Large Family: «The Peasant's Greatest Wealth»: Serf Household in Mishino, Russia, 1814—1858 // *Wall R. et al.* (eds.). *Family Forms in Historic Europe.* Cambridge University Press, 1983. P. 105—150; 3) Marriage and the Peasant Joint Family in Russia // *Ransel D. L.* (ed.). *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research.* Urbana et al.: University of Illinois Press, 1978. P. 103—123; *Hoch St. L.* *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, A Village of Tambov.* Chicago, London: The University of Chicago Press, 1989. P. 65—91; *Kaiser D. H.* Urban Household Composition in Early Modern Russia // *Journal of Interdisciplinary History.* 1992. Vol. 23, No. 23. P. 39—71; *Rudolph R. L.* Family Structure and Proto-Industrialization in Russia // *Journal of Economic History.* 1980. Vol. 40. P. 111—122; *Worobec Ch. D.* 1) Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 76—117; 2) Victims or Actors? Russian Peasant Women and Patriarchy // *Kingston-Mann E., Mixer T.* (eds.). *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia: 1800—1921.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 177—206.

⁵ Известные исследователи А. В. Чайнов, А. Н. Челинцев, Н. Н. Черненко полагали, что в течение XVIII—XIX вв. крестьянское хозяйство имело примерно одинаковую численность: *Черненко Н. Н.* К характеристике крестьянского хозяйства. М., 1918. С. 34—41, 68—69.

⁶ Семья в России: Статистический сборник. М., 1996. С. 29. Средний размер всех домохозяйств равнялся в городских поселениях 2.84, в сельских — 2.85: Там же. С. 21.

⁷ *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община... С. 38; *Власова И. В.* Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII—первой половине XIX в. // *СЭ.* 1980. № 3. С. 44; *Зверев В. А.* Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX—начале XX в. // *Русакова Л. Н., Миненко Н. А.* (ред.). Культурно-бытовые процессы у русских Сибири: XVIII—начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 84—85; *Столяров А. А.* К вопросу изучения структуры русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI—начале XX в. // *Бусыгин Е. П., Катафутдинов Р. Г.* (ред.). *Вопросы этнографии Среднего Поволжья.* Казань, 1980. С. 110—115.

⁸ *Перковский А. Л.* Эволюция семьи и хозяйства на Украине в XVII—первой половине XIX в. // *Демографічні дослідження.* Киев, 1979. Вып. 4. С. 37—46; *Czap P., Jr.* The Perennial Multiple Family Household. P. 11; *Hoch St. L.* *Serfdom and Social Control.* P. 80—81.

⁹ *Свавицкая З. М., Свавицкий Н. А.* Земские подворные переписи, 1880—1913: Поуездные итоги. М., 1926. С. 1—68.

¹⁰ Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 216—221; См. также: *Щербина Ф. А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 215—216.

¹¹ Экономическая ориентация губерний определялась по числу крестьян, вовлеченных в несельскохозяйственные занятия, по уровню урбанизированности и степени развития промышленности. Данные об этом см.: *Материалы Комиссии 1901 г.* СПб., 1903. Ч. 1. С. 218—219. В пореформенной Сибири типология семей напоминала Европейскую Россию: *Зверев В. А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма: (Историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991. С. 16—36; *Соловьева Е. И.* Численность и структура русской крестьянской семьи Сибири во второй половине XIX в. // *Окладников А. П.* (ред.). *Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII—XX вв.).* Новосибирск, 1979. С. 126—140. В Прибалтике лодность крестьянских дворов со временем также уменьшалась: *Палли Х.* Естественное движение сельского населения Эстонии: 1650—1799: В 3 вып. Таллин, 1980. Вып. 1. С. 107—115; Вып. 2. С. 7—78; *Plakans A.* 1) Peasant Farmsteads and Households in the Baltic Littoral, 1797 // *Comparative Studies in Society and History.* 1975. Vol. 17, No 1. January. P. 2—35; 2) Family Structure in the Russian Baltic Provinces; The Nineteenth Century // *Conze W.*

(ed.). Sozialgeschichte der Familie in der Newzeit Europas. Stuttgart, 1976. S. 346—362.

¹² Вихляев П. А. Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. М., 1915. Вып. 9; Куценко Г. А. Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям 1882 и 1911 г. Чернигов, 1916; Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924; Румянцев П. П. К вопросу об эволюции русского хозяйства // Очерки реалистического мировоззрения: Сб. статей по философии, общественной науке и жизни. СПб., 1904. С. 453—547; Хрящева А. И. Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 гг.: Епифанский уезд. Тула, 1916. Ч. 1, 2; Черненко Н. Н. К характеристике крестьянского хозяйства.

¹³ Федяевский К. К. Крестьянские семьи Воронежского уезда по переписи 1897 г. СПб., 1905. С. 5—19. Hoch St. L. Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, A Village of Tambov. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1989. P. 87.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Колесников В. А. Последствия крестьянских семейных разделов. Ярославль, 1889. С. 3—4.

¹⁶ В. В. Семейные разделы и крестьянское хозяйство // ОЗ. 1883. № 1. С. 21—22; Колесников В. А. Причины крестьянских семейных разделов. Ярославль, 1898. С. 47; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 1. С. 319—321; Тарановский В. В. О делимости семейств в Малороссии // Черниговские губернские ведомости. 1853. № 49. С. 451—453.

¹⁷ Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Зорина Л. И. Русская сельская семья Чувашской АССР: (Историко-этнографическое исследование). Казань, 1980. С. 20—21; Колесников В. А. Крестьянское хозяйство большой и малой семьи. Ярославль, 1903. С. 1—56; Кузнецов. Крестьянское хозяйство в деревне Муре Корсунского уезда Симбирской губернии // Журнал сельского хозяйства и лесоводства. 1878. Ч. 128. С. 403; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья... С. 107—117; Семевский М. И. Историко-этнографические заметки о Великих Луках и Великолуцком уезде. СПб., 1857. С. 88; Семенова-Тян-Шанская О. П. Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 21—34; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России: Феодальная рента в XVII—начале XVIII в. М., 1974. С. 1—7, 155—156; Шапиро А. Л. Переход от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями // Яцунский В. К. (ред.). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г. Киев, 1962. С. 212; Чайнов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. С. 20—34.

¹⁸ Кузнецов. Крестьянское хозяйство в деревне Муре Корсунского уезда Симбирской губернии. С. 403; Руднев А. Село Голунь и Новомихайловское, Тульской губернии Ново-

сильского уезда // Этнографический сборник, издаваемый РГО. СПб., 1854. Вып. 2. С. 100, 106, 108; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 319; Стрелюхов Н. С. Мысли о возможности улучшения сельского хозяйства в России // Земледельческий журнал. 1829. Т. 25; Триогов Вл. Община и подать. СПб., 1882. С. 384; Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем, 1872—1887 М., 1937. С. 286—287.

¹⁹ Plakans A. Parentless Children in the Soul Revisions: A Study of Methodology and Social Fact // Ransel D. L. (ed.). The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research. Urbana et. al.: University of Illinois Press, 1978. P. 77—102.

²⁰ Szap P., Jr. Marriage and the Peasant Joint Family in the Era of Serfdom // Ransel D. L. (ed.). The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research. Urbana et. al.: University of Illinois Press, 1978. P. 103—123.

²¹ Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 218—219.

²² Гурвич И. А. Экономическое положение русской деревни. М., 1896. С. 60.

²³ Шмидт О. Ю. К вопросу о крестьянских семейных разделах // Рус. мысль. 1886. Кн. 1. С. 22—33.

²⁴ Исаев А. Значение семейных разделов крестьян (по личным наблюдениям) // ВЕ. 1883. Июль. С. 333—349; Покровский Ф. И. Семейные разделы в Чухломском уезде // ЖС. 1903. Вып. 1—2. Отд. 1. С. 1—51; Милогорова И. Н. Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Вестник МУ. 1987. Сер. 8: История. № 6. С. 37—46

²⁵ Архив РГО, разр. 29 (Пермская губерния), оп. 1, д. 41, л. 14—15.

²⁶ Вихляев П. А. Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. Вып. 9. С. 45—52; Хрящева А. И. Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 гг. Ч. 2. С. 218; Черненко Н. Н. К характеристике крестьянского хозяйства. Вып. 1. С. 20.

²⁷ Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований... С. 190—191.

²⁸ Бокарев Ю. П. Количественные методы в исследованиях по истории советского доколхозного крестьянства // Ковальченко И. Д. (ред.). Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983. С. 255—256.

²⁹ Черненко Н. Н. К характеристике крестьянского хозяйства. Вып. 1. С. 68—82.

³⁰ Гурвич И. А. Экономическое положение русской деревни. С. 146—147.

³¹ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России: 1881—1904 гг. М., 1980. С. 24—27; Тернер Ф. Г. (сост.). Вопросы, возникающие по предмету улучшения быта крестьян: Извлечения из данных, представленных губернскими совещаниями Министерству внутренних дел. СПб., 1902. С. 23 (погодные данные о числе разделов в России за 1861—1890 гг.).

- ³² Покровский Ф. И. Семейные разделы в Чухломском уезде. С. 1—51.
- ³³ Исаев А. Значение семейных разделов крестьян. С. 333—349.
- ³⁴ Федяевский К. К. Крестьянские семьи Воронежского уезда... С. 5—19.
- ³⁵ В. В. Семейные разделы и крестьянское хозяйство // ОЗ. 1883. № 1. С. 1—22; № 2. С. 137—161; Ефименко П. С. К истории семейных разделов // Киевская старина. 1883. Т. 14, № 3. Март. С. 593—598; К вопросу о массовых семейных разделах // Олонекские губернские ведомости. 1883. № 24; Колесников В. А. Причины крестьянских семейных разделов. С. 4—5; Личков Л. С. Семейные разделы в Саратовском, Петровском и Царицынском уездах Саратовской губернии. Саратов, 1885. С. 1—34; Семенова-Тян-Шанская О. П. Жизнь «Ивана». С. 85—86; Тютчев А. П. Семейные разделы у крестьян. СПб., 1912; Федоров В. А. Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Кондрашенков А. А. (ред.). Сельское хозяйство и крестьянство Северо-Запада РСФСР в дореволюционный период: Материалы межвузовской научной конференции. Смоленск, 1972; Frierson N. M. 1) Razdel: The Peasant Family Divided // The Russian Review. 1987. Vol. 46. January. P. 35—51; 2) The Peasant Family Division and the Commune // Bartlett R. (ed.). Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society. New York: St. Martin Press, 1990. P. 303—320.
- ³⁶ Богаевский П. М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Харузин Н. (ред.). Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 5.
- ³⁷ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 178—193.
- ³⁸ Там же. С. 181 (7,4 человека). Исследователи определяют населенность посадского двора по-разному: Водарский Я. Е. Население России в конце XVII—начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 130 (5,6 человека); Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве от времени Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 516—517 (6,6 человека); Чечулин Н. Д. К вопросу о численности посадского двора в XVII в. // Журнал МНП. 1891. Ч. 274. Март. С. 27 (7,2 человека).
- ³⁹ Водарский Я. Е. Население России... С. 48.
- ⁴⁰ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. С. 183.
- ⁴¹ Миронов Б. Н. Русский город в 1740—1860-е годы. Л., 1990. С. 201, 206.
- ⁴² Там же. С. 82—83, 91.
- ⁴³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1900. С. 440—467; Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи: (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909. С. 515—536; Маньков А. Г. Уложение 1649 года: Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 214—216.
- ⁴⁴ Баландин Н. И., Червяков В. П. Переписная книга Устюжны-Железопольской 1713 г. // Колесников П. А. (ред.). Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 196—252.
- ⁴⁵ Водарский Я. Е. Вологодский уезд в XVII в. // Там же. С. 257—258.
- ⁴⁶ Макарий. Материалы для географии и статистики Нижегородской губернии // Сб. статистических сведений о России, издаваемый РГО. 1858. Кн. 3. Табл. 1.
- ⁴⁷ Крутянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала: (конец XIX—начало XX в.). М., 1971. С. 244, 247.
- ⁴⁸ История русской семьи со времени Киевской Руси и до 1917 г. сжато изложена в: Atkinson D. Society and Sexes in the Russian Past // Atkinson D., Dallin A., Lapidus G. W. (eds.). Women in Russia. Stanford: Stanford University Press, 1977. P. 3—38.
- ⁴⁹ Калачов Н. В. Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. Кн. 2. С. 15—28; Красноперов И. Антошкина община // ОЗ. 1882. № 6. Июнь. Современное обозрение. С. 220—228; Харламов И. Женщина в русской семье // Рус. богатство. 1880. № 3. С. 59—107; № 4. С. 57—112; Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 169—177; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья. С. 123—170; Пушкарев Л. Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII—XVIII веков. М., 1993. С. 105—143.
- ⁵⁰ Ефименко П. С. Сб. народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869. С. 26—74; Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 40—90; Matossian M. The Peasant Way of Life // Vicinich W. (ed.). The Peasant in Nineteenth Century Russia. Stanford, CA: Stanford University Press, 1968. P. 1—40; Worobec Ch. D. Peasant Russia... P. 175—216.
- ⁵¹ Архив РГЭМ, ф. 7 (Этнографическое бюро В. Н. Тенишева), оп. 1, д. 45, л. 1—6; д. 499, л. 5; д. 552, л. 8; Снохачество в дер. Паниной, Васильевской волости, Егорьевского уезда // Приокская жизнь. 1911. № 3 (г. Егорьевск).
- ⁵² Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 138—145; Преображенский И. Нравственное состояние русского общества в XVI веке по сочинениям М. Грека и современным ему памятникам. М., 1881. С. 134—135; Семевский В. И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устои. 1882. № 2. С. 68—77, 100—107.
- ⁵³ Ефименко П. С. Сб. народных юридических обычаев... С. 42—43, 72—73.
- ⁵⁴ Пономарев С. М. Семейная община на Урале // Северный вестник. 1887. № 1. Отд. 2.

- С. 1—38; *Потехин А. А.* Хай-девка // Соч.: В 12 т. СПб., 1904. Т. 6; Очерки народного юридического быта // Казанские губернские ведомости. 1889. № 9.
- ⁵⁵ *Небольсин П. И.* Около мужичков // ОЗ. 1861. Т. 138. С. 313; *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Труды Этнографического отдела Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1890. Т. 69, вып. 1. С. 53—54; *Егоров Б. Ф.* Очерки по истории русской культуры // Из истории русской культуры. Т. 5. XIX век. М., 1996. С. 371.
- ⁵⁶ *Костомаров Н. И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. С. 145; *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья... С. 314, 345—348.
- ⁵⁷ *Ефименко П. С.* Сб. народных юридических обычаев... С. 42—43.
- ⁵⁸ Архив РГО, разр. 48, оп. 1, д. 150, л. 1—10 (*Маманин Н.* Наброски из мира народной педагогики); *Балов А.* Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // ЭО. 1890. № 3. С. 90—115; *Виноградов Г. С.* Народная педагогика. Иркутск, 1926. С. 1—30; *Гиляровский Ф. В.* Исследование о рождении и смерти детей в Новгородской губернии. СПб., 1866. С. XLI—LXVII; *Зверев В. А.* 1) Дети — отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX—начале XX в. Новосибирск, 1993; 2) Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири: (конец XIX—начало XX в.) // *Горюшкин Л. М.* (ред.). Земледельческое освоение Сибири в конце XVIII—начале XX в.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985. С. 112—128; *Лаврентьева Л. С.* Социализация девочек в русской деревне // *Островский А. Б.* (ред.). «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. Л., 1991. С. 27—36; *Ломанченкова Т. М.* Девочки-няни // Детский быт и фольклор. Л., 1930. С. 28—34; *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья... С. 123—170; Пермский сборник. М., 1859. Ч. 3. С. 3; *Покровский Е. А.* Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России: Материалы для медико-антропологического исследования. М., 1884; *Рыбников Н.* Крестьянский ребенок: Очерки по педологии крестьянского ребенка. М., 1930; *Чарушин А. А.* 1) Уход и воспитание детей у народа : Первое детство // Изв. Архангельского об-ва изучения Русского Севера. 1914. № 18. С. 589—600; 2) Воспитание детей у народа : Отрочество и юность // Там же. 1917. № 5. С. 203—211; *Федоров В. А.* Мать и дитя в русской деревне : (конец XIX—начало XX в.) // Вестник МУ. 1994. Сер. 8: История. № 4. С. 3—21; *Dunn P. P.* «That Enemy Is the Baby»: Childhood in Imperial Russia // *DeMause L.* (ed.). The History of Childhood. New York: Harper and Row, 1974. P. 383—406.
- ⁵⁹ *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». С. 21—31.
- ⁶⁰ *Златовратский Н. Н.* Очерки крестьянской общины // Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1913. Т. 8. С. 62. См. также: *Потехин А. А.* Крестьянские дети // Соч.: В 12 т. СПб., 1904. Т. 4.
- ⁶¹ *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877. Ч. 1. С. 162. См. также: *Крестинин В. 1)* Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей // Новые ежемесячные сочинения Академии наук. 1787. Ч. 17. Ноябрь. С. 3—12; Ч. 18. Декабрь. С. 20—49; 2) О употреблении над детьми мужского пола власти родительския и власти учительския, по старинному воспитанию двинского народа // Там же. 1790. Ч. 52. Октябрь. С. 27—44.
- ⁶² *Щепкин М. С.* Записки и письма. М., 1864. С. 53.
- ⁶³ *Зеленаго А. С.* О жестоком обращении крестьян с их женами // Современник. 1857. № 10.
- ⁶⁴ Архив РГО, разр. 16 (Киевская губерния), д. 29. Средства исправления от развратной жизни в крестьянском быту Малороссии. Рукопись 1892 г.
- ⁶⁵ Архив РГО, разр. 30 (Подольская губерния), д. 23, л. 22—23.
- ⁶⁶ *Кистьяковский А. Ф.* К вопросу о цензуре нравов у народа // Зап. РГО по отд-нию этнографии. СПб., 1878. Т. 8. С. 161—191; *Смирнов А.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877. С. 66.
- ⁶⁷ Архив РГО, разр. 30, д. 31.
- ⁶⁸ Архив РГО, разр. 16, д., 29; *Пономарев С. М.* Семейная община на Урале. С. 1—38.
- ⁶⁹ Архив РГО, разр. 29, д. 57.
- ⁷⁰ Архив РГО, разр. 23 (Нижегородская губерния), д. 88.
- ⁷¹ Архив РГО, разр. 23, оп. 1, д. 131; разр. 29, оп. 1, д. 12, 32—6, 63.
- ⁷² Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования императора Петра Великого: В 2 т. СПб., 1911. Т. 1. Стб. 138—139, 386—389, 525, 607—608, 677—678, 849, 1116, 1125, 1171, 1077—1079, 1086—1087, 1195. См. также: *Дубакин Д.* Влияние христианства на семейный быт русского общества до времени Домостроя. СПб., 1880; *Руцинский Л. П.* Религиозный быт русских по свидетельству иностранных писателей. М., 1871; *Сахаров И.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. СПб., 1836—1837. Ч. 1—3; *Шульгин В.* О состоянии женщин в России до Петра Великого: Историческое исследование. Киев, 1850. Вып. 1; *Levin E.* Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs: 900—1700. Ithaca; London: Cornell University Press, 1989. P. 79—135.
- ⁷³ Архив РГО, разр. 25 (Олонечская губерния) д. 5.
- ⁷⁴ *Давыдов В. В.* (ред.). Российская педагогическая энциклопедия. М., 1993. Т. 1. С. 16—17.

⁷⁵ Архив РГО, разр. 9 (Воронежская губерния), д. 63; разр. 10 (Вятская губерния), д. 26; разр. 14 (Казанская губерния), д. 83; разр. 16 (Киевская губерния), д. 21; разр. 24 (Новгородская губерния), д. 5; разр. 25 (Олонекская губерния), д. 5; разр. 34 (Самарская губерния), д. 16; разр. 26 (Саратовская губерния), д. 48; *Баранович М.* Рязанская губерния. СПб., 1860 (Материалы для географии...). С. 389; *Бобровский П.* Гродненская губерния. СПб., 1863. Ч. 1 (Материалы для географии...). С. 820; *Веймарн Ф.* Лифляндская губерния. СПб., 1864 (Материалы для географии...). С. 310; *Зацук А.* Бессарабская область. СПб., 1862. Ч. 1 (Материалы для географии...). С. 464—465; *Злобина И. В., Пихоя Р. Г.* Семья на Урале в XVIII—первой половине XIX в. // *Черкасова А. С.* (ред.). Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 131—144; *Калашиников И.* Жизнь крестьянки // БдЧ. 1836. № 23. С. 23—39; Общественная и семейная жизнь поселян или быт их // Тульские губернские ведомости. 1856. № 13—21; *Крживоблоцкий Я.* Костромская губерния. СПб., 1861 (Материалы для географии...). С. 500—502; *Мозель Х.* Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 2 (Материалы для географии...). С. 533—534; *Покровская М. И.* Женщина в крепостное время и ее психология // Женский вопрос. 1911. № 2. С. 43—47; № 4. С. 89—92; № 5—6. С. 125—128; № 10. С. 206—208; *Полевой П. Н.* 1) Русская крестьянская девушка // Рассвет. 1860. № 10. С. 107—127; № 11. С. 229—247; № 12. С. 359—382; *Попроцкий М.* Калужская губерния. СПб., 1864. Ч. 2 (Материалы для географии...). С. 183; *Рябинин А.* Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 1 (Материалы для географии...). С. 382; *Семевский В. И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устои. 1882. № 1. С. 90—132; № 2. С. 63—108; *Цебриков М.* Смоленская губерния. СПб., 1862 (Материалы для географии...). С. 290.

⁷⁶ *Зацук А.* Бессарабская область. С. 464.

⁷⁷ *Бобровский Я.* Гродненская губерния. Ч. 1 (Материалы для географии...). С. 820; *Довнар-Запольский М. В.* 1) Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках // ЭО. 1893. № 1. С. 61—88; № 2. С. 47—63; № 4. С. 26—83; 2) Очерки обычного семейного права крестьян Минской губернии. М., 1897.

⁷⁸ *Веймарн Ф.* Лифляндская губерния. С. 310.

⁷⁹ *Федяевский К. К.* Крестьянские семьи Воронежского уезда... С. 5—19; *Внуков Р. Я.* Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929. С. 20—22.

⁸⁰ *Hoch St. L.* Serfdom and Social Control in Russia. P. 91—132; *Пономарев С. М.* Семейная община на Урале. С. 1—38; *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 319—321.

⁸¹ [*Болотов А. Т.*] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: 1738—1795: В 4 т. СПб., 1873. Т. 4. Стб. 963—964.

⁸² *Hoch St. L.* Serfdom and Social Control in Russia. P. 187—190.

⁸³ *Леопольдов А. Л.* Большак и большуха // Саратовские губернские ведомости. 1851. № 9. С. 41—43.

⁸⁴ О психологии русского крестьянства см.: *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин, 1922; *Даль В. И.* Русский мужик // Соч.: В 8 т. СПб.; М., 1883. Т. 6; *Небольсин П. И.* Около мужичков. С. 141; *Одарченко К. Ф.* Нравственные и правовые основы русского народного хозяйства. М., 1897. С. 1—114; *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана»; *Успенский Г. И.* Из деревенского дневника; Крестьянин и крестьянский труд; Власть земли // Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 4, 5; *Энгельгардт А. Н.* Из деревни; *Ганжулевич Т.* Крестьяне в русской литературе XIX века. СПб., 1913; *Анохина Л. А. и др.* Русское крестьянство в освещении американских этнографов // СЭ. 1969. № 1. С. 164—172; *Бекстон Ч. Р.* В русской деревне. М.; Пг., 1923. С. 1—95; *Богданович А. Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: Этнографический очерк. Гродно, 1895; *Зотова О. И., Новикова В. В., Шорохова Е. В.* Особенности психологии крестьянства: (Прошлое и настоящее). М., 1983; *Кабитов Н. С.* Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев, 1990; *Клибанов А. И.* О методологии изучения религиозного сознания // *Окулов А. Ф.* (ред.). Вопросы научного атеизма. Вып. 14: Психология и религия. М., 1971. С. 82—112; *Литвак Б. Г.* О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // *Поринев Б. Ф., Анциферова Л. И.* (ред.). История и психология. М., 1971. С. 199—214; *Миронов Б. Н.* Историк и социология. Л., 1984. С. 140—162; *Wada H.* The Inner World of Russian Peasants // Annals of the Institute of Social Science (Tokyo). 1979. Vol. 20. P. 61—94.

⁸⁵ *Кузнецов Я. О.* Положение членов крестьянской семьи по народным пословицам и поговоркам. СПб., 1909. С. 40—46; *Тютрюмов И.* Крестьянская семья: Очерк обычного права // Рус. речь. 1879. № 4. С. 270—294; № 7. С. 113—156; № 10. С. 289—318.

⁸⁶ *Звонков А. П.* Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии // *Харузин Н.* (ред.). Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 68—69.

⁸⁷ *Farnsworth B.* The Litigious Daughter-in-Law: Family Relations in Rural Russia in the Second Half of the Nineteenth Century // Slavic Review. 1986. Vol. 45, No. 1. P. 49—64.

⁸⁸ *Скалдин А. Д.* В захолустье и в столице. СПб., 1870. С. 163.

⁸⁹ *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. Т. 2: Семейные права, наследство и опека. СПб., 1879. С. 15—17, 28—35, 141.

⁹⁰ *Покровский Ф.* О семейном положении крестьянской женщины в одной из местностей Костромской губернии по данным волостного суда // ЖС. 1896. Вып. 3—4. Отд. 1. С. 457—476.

⁹¹ Минх А. Н. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии / Собраны в 1861—1888 гг. СПб., 1890. С. 7; *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1894. Ч. 2. С. 354—355.

⁹² *Милогорова И. Н.* 1) Семья и семейный быт русской пореформенной деревни. 1861—1900 гг.: (На материалах центральных губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 11—17; 2) Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестник МУ. 1997. Сер. 8: История. № 2. С. 61—76; *Farnsworth B.* The Litigious Daughter-in-Law... P. 49—64.

⁹³ *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 2. С. 338.

⁹⁴ *Рындзюнский П. Г.* Крестьянский отход и численность сельского населения в 80-х годах XIX в. // *Сказкин С. Д.* (ред.). Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 428—433; *Engel B. A.* Peasant Morality and Pre-Marital Relations in Late Nineteenth Century Russia // *Journal of Social History.* 1990. Vol. 23, No. 4. P. 695—714.

⁹⁵ *Johnson R. E.* Mothers and Daughters in Urban Russia: A Research Note // *Canadian Slavonic Papers.* 1988. Vol. 30, No. 3. September.

⁹⁶ *Писарев С. Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений, приносимых на высочайшее имя. 1810—1910. СПб., 1909. С. 195—196.

⁹⁷ *Горбунова М. К.* По деревням // ОЗ. 1881. Т. 257. Август—октябрь; *Материалы по статистике народного хозяйства по С.-Петербургской губернии.* Вып. 1: Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. СПб., 1882. С. 27—30; *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1. С. 68—123; *Филлипов А.* Женщина в крестьянской семье // *Друг женщин.* 1883. № 4. С. 120—133; № 5. С. 56—77.

⁹⁸ *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1949. Т. 1. С. 5—7, 569. См. также: Архив РГО, разр. 16, д. 29; *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». С. 47—48; *Frank St.* Popular Justice, Community and Culture of the Russian Peasantry, 1870—1900 // *The Russian Review.* 1987. Vol. 46. P. 249—251; *Worobec Ch. D.* Temptress or Virgin? The Precarious Sexual Position of Women in Post-Emancipation Ukrainian Peasant Society // *Slavic Review.* 1990. Vol. 49, No. 2. P. 227—238.

⁹⁹ *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». С. 47—48.

¹⁰⁰ Архив РГЭМ, ф. 7 (В. Н. Тенишев), оп. 1, д. 25 (Владимирская губерния и уезд, 1898 г.), л. 1—39.

¹⁰¹ *Феноменов М. Я.* Современная деревня. Л.; М., 1925. Ч. 2. С. 18, 19, 21, 25, 113. Автор подчеркивает, что новые отношения не явились результатом революции, а существовали до 1917 г. (с. 19).

¹⁰² *Жбанков Д. Н.* Бабыя сторона. Кострома, 1891 (Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 8); *Энгел Б. Л.* Бабыя сторона // *Данилов В. П., Милов Л. В.* (ред.). Менталитет и аграрное развитие России: Материалы международной конференции (XIX—XX вв.). М., 1996. С. 75—91; *Engel B. A.* The Woman's Side:

Male Out-Migration and the Family Economy in Kostroma Province // *Slavic Review.* 1986. Vol. 45, No. 2. Summer. P. 695—714.

¹⁰³ *Преображенский А.* Волость Покрово-Сицкая Ярославской губернии Моложского уезда // *Этнографический сборник, издаваемый РГО.* 1853. Вып. 1. С. 104.

¹⁰⁴ *Кириллов Л. А. К* вопросу о внеземледельческом отходе крестьянского населения // *Труды ВЭО.* 1899. Т. 1, кн. 3. С. 259—299.

¹⁰⁵ *Frierson C. A.* Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth-Century Russia. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 161—180.

¹⁰⁶ Обзор американской историографии по женскому вопросу см.: *Eklöf B.* Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant: (1861—1914) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1988. Bd 36. Hf. 1; *Engel B. A.* Engendering Russia's History: Women in Post-Emancipation Russia and the Soviet Union // *Slavic Review.* 1992. Vol. 51, No. 2. P. 309—321.

¹⁰⁷ *Engel B. A.* Russian Peasant View of City Life: 1861—1914 // *Slavic Review.* 1993. Vol. 52, No. 3. Fall. P. 446—459.

¹⁰⁸ *Frank St.* «Simple Folk, Savage Customs?»: Youth, Sociability, and the Dynamics of Culture in Rural Russia: 1856—1914 // *Journal of Social History.* 1992. Vol. 25, No. 4. Summer. P. 711—736; *Worobec Ch.* Peasant Russia; *Ramer S. C.* Traditional Healers and Peasant Culture in Russia, 1861—1917 // *Kingston- Mann E., Mixer T.* (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 207—232.

¹⁰⁹ Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 3. С. 217.

¹¹⁰ *Свавицкая З. М., Свавицкий Н. А.* Земские подворные переписи... С. 48—52.

¹¹¹ См., например: *Engel B. A.* Russian Peasant Views... P. 446.

¹¹² *Рындзюнский П. Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. С. 109—110; *Руднев С. Ф.* Промыслы крестьян в Европейской России // Сб. Саратовского земства. 1894. № 6. С. 209—210.

¹¹³ *Свирицкий А. Р.* Обзор Ярославской губернии. Вып. 2: Отхожие промыслы крестьян Ярославской губернии. Ярославль, 1896. Табл. 14.

¹¹⁴ РГАДА, ф. 248 (Сенат), оп. 113, д. 1651, ч. 1, л. 1, 176, 189; ч. 2, л. 101—102, 324; *Прохоров М. Ф.* Отходничество крестьян в Москву в третьей четверти XVIII в. // *Янин В. Л.* (ред.). Русский город. М., 1984. Вып. 7. С. 150—171; *Федоров В. А.* Крестьянин- отходник в Москве: (конец XVIII—первая половина XIX в.) // *Янин В. Л.* (ред.). Русский го-

род : (Историко-методологический сборник). М., 1976. С. 165—180.

¹¹⁵ РНБ, отдел «Библиотека ВЭО»; *Андреев Ф.* Статистическое описание Ярославской губернии. Ярославль, 1815. Рукопись; Топографическое описание Ярославской губернии в 1802 г. Рукопись; Таблицы по Московской губернии за 1805 год. Рукопись; Описание Костромской губернии Нерехотского уезда 1805 года. Рукопись; Хозяйственное описание города Галича и его уезда 1806 года. Рукопись; Экономическое описание Костромской губернии городов Кологрива и Ветлуги 1805 года. Рукопись; Хозяйственное описание о Солигалицком уезде. Рукопись.

¹¹⁶ Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 224.

¹¹⁷ *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 310; Труды Комиссии, учрежденной для пересмотра Устава о паспортах. СПб., 1861. Ч. 1. С. 142, 145.

¹¹⁸ *Великосельцев П.* Рассказы из повседневной жизни поселян // Земледельческая газета. 1857. № 24—25; *Крживоблоцкий Я.* Костромская губерния. С. 500; Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1858. Вып. 1. С. 57—59; *Николаевский В.* Этнографический очерк Угличского уезда // Журнал МНП. 1852. Литературное прибавление. № 2. С. 1—22; *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1979. Т. 3. С. 7; *Плющевский Б. Г.* Воздействие отхожих промыслов на социально-психологический склад русского крестьянства // *Пауто В. Т.* (ред.). Социально-политическое и правовое положения крестьянства в дореволюционной России. Воронеж 1983. С. 173—177.

¹¹⁹ Эту тему неплохо разработали американские историки: *Burds J.* The Social Control of Peasant Labor in Russia: The Response of Village Communities to Labor Migration in the Central Industrial Region, 1861—1905 // *Kingston-Mann E., Mixer T.* (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 97—100; *Eklof B.* Russian Peasant School: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861—1914. Berkeley et al.: University of California Press, 1986. P. 474—482; *Johnson R. E.* 1) Family Relations and the Rural-Urban Nexus: Patterns in the Hinterland of Moscow, 1880—1900 // *Ransel D. L.* (ed.). The Family in Imperial Russia: New Lines in Historical Research. Urbana et al.: University of Illinois Press, 1978. P. 263—279; 2) Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1979. P. 155—162. См. также: *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России 1907—1914 гг. М., 1992. С. 62.

¹²⁰ *Ленский Б.* Отхожие земледельческие промыслы в России // ОЗ. 1877. Т. 231, № 12. С. 238; *Свидерский Ф. И.* Народные скитания // Земский сборник Черниговской губернии. 1889. № 11, 12; 1890. № 2.

¹²¹ *Pallot J.* Women's Domestic Industries in Moscow Province: 1880—1900 // *Clements B. E.,*

Engel B. A., Worobec Ch. D. (eds.). Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley, CA et al.: University of California Press, 1991. P. 163—184.

¹²² О семейных отношениях кроме указанных работ см.: *Весин А.* Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // Рус. мысль. 1891. № 9. С. 59—88; № 10. С. 37—65; *Желобовский А.* Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества : Историко-литературный очерк. Воронеж, 1892; *Никифоровский Н. Я.* Очерки простонародного жителя-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности : Этнографические данные. Витебск, 1895; *Триогов Вл.* Домохозяин в земельной общине // ОЗ. 1879. № 12. С. 181—194; *Успенский Г. И.* Крестьянские женщины // Рус. мысль. 1890. № 4. С. 137—154; *Чернышев Н. А.* Быт крестьянина Киевской губернии: (Родины, крестины и свадебные обряды) // Сб. статистических сведений о Киевской губернии. Киев, 1864. С. 63—94; *Бусьгин Е. П., Зорин Н. В., Михайловский Е. В.* Общественный и семейный быт русского населения среднего Поволжья : Историко-этнографическое исследование: (Середина XIX—начало XX в.). Казань, 1963. С. 91—103; *Горюшкин Л. М.* (ред.). Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1983. С. 317—326; *Кушнер П. А.* (ред.). Село Вириатино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958. С. 96—113; *Милоголова И. Н.* Семья и семейный быт русской пореформенной деревни. 1861—1900 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., Московский государственный университет, 1988; *Окладников А. П.* (ред.). Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. С. 400—413; *Громыко М. М., Листова Т. А.* (ред.). Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989; *Ядринцев Н. М.* Женщина в Сибири в XVII и XVIII столетиях // Женский вестник. 1867. № 8. С. 112—122. Достаточно полную библиографию о семейном быте в пореформенной России см.: *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 357—360; *Рубакин Н. А.* Среди книг: Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. М., 1913. Т. 2. С. 340—360; *Чистов К. В.* (ред.). Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 529—553; *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 1992. P. 114—127.

¹²³ *Дерунов С. Я.* Село Козьмодемьянское, Щетинской волости, Пошехонского уезда // Ярославские губернские ведомости. 1889. 5 сент. Часть неофициальная; *Дружинин Н. П.*

Юридическое положение крестьян. СПб., 1897. С. 240—250; *Титов Л. А.* Юридические обычаи села Николо-Перевоз, Сулостской волости, Ростовского уезда. Ярославль, 1888. С. 40—42. Обычай расправляться с неверной женой без обращения к суду «год от году слабеет от распространения более гуманного взгляда на личность женщины» (*Д. И.* Заметки о крестьянской семье в Новгородской губернии // *Пахман С. В.* (ред.). Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1900. Ч. 2. С. 265).

¹²⁴ *Покровский Е. А.* Физическое воспитание детей у разных народов... С. 370.

¹²⁵ *Аргамасова С.* Действительность, мечты и рассуждения провинциалки. СПб., 1897; *Беньковский И.* Народный взгляд на «нечистую» женщину // Киевская старина. 1899. № 6. С. 128—131; *Бобров Д.* По поводу бабьих стонов // ЮВ. 1885. Т. 20, кн. 2. С. 318—322; *Верецагин.* О бабьих столах // Там же. 1885. № 4. С. 750—761; *Лудмер Я. И.* Бабьи стоны: (Из заметок мирового судьи) // Там же. 1884. № 11. С. 446—467; № 12. С. 658—679; Положение женщины: Село Середнево Егорьевского уезда // Рязанский вестник. 1910. № 43; *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана»; *Шингарев А. И.* Положение женщины в крестьянской среде // Медицинская беседа. 1899. № 9. С. 251—262; № 10. С. 281—286; *Кушнер П. А.* (ред.). Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 80, 96—97. Огромный материал о внутрисемейных отношениях среди русского крестьянства находится в Архиве РГЭМ в фонде В. Н. Тенишева. См., например: ф. 7, оп. 1, д. 25, 32, 59, 66, 68, 107, 154, 184, 215, 216, 263, 353, 362, 400, 401, 410, 425, 429, 431, 435, 468, 469, 470, 473, 489, 499, 517, 519, 539, 552, 589. О фонде Тенишева см.: *Фирсов Б. М., Киселева И. Г.* (сост.). Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева: (На примере Владимирской губернии). СПб., 1993.

¹²⁶ Отчет Министерства юстиции за (1843, 1863) год. СПб., 1844, 1863; Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в [1874, 1883, 1892, 1913] году. СПб., 1875, 1887, 1896, 1916.

¹²⁷ Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. М., 1922. Т. 36, ч. 5. Стб. 628—642.

¹²⁸ *Анучин Е. Н.* Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827—1846 гг. // Зап. РГО по отд-нию статистики. 1871. Т. 2. С. 318—320.

¹²⁹ Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в [1874, 1892, 1913] году. СПб., 1876, 1896, 1917.

¹³⁰ Домострой. М., 1990. С. 134—136, 141, 146. См. также: *Буш В. В.* Памятники старинного русского воспитания: (К истории древнерусской письменности и культуры). Пг., 1918. С. 1—32; *Лавровский Н. А.* Памятники старинного русского воспитания // ЧОИДР. 1873. Кн. 3. Отд. 3. С. 1—71.

¹³¹ *Маньков А. Г.* (ред.). Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. Гл. 22. С. 129—131.

¹³² *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 443—444.

¹³³ *Костомаров Н. И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. С. 145. См. также: *Преображенский И.* Нравственное состояние русского общества в XVI веке. С. 134—135. В последнее время этот взгляд подвергся легкой ревизии: *Пушкарева Н. Л.* 1) Русская женщина в семье и обществе X—XX вв. // ЭО. 1994. № 5. С. 3—15; 2) Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: Перспективы сравнительного подхода // Там же. 1995. № 3. С. 56—70; 3) Мать и материнство на Руси (X—XVII вв.) // *Бессмертный Ю. Л.* (ред.). Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 305—344

¹³⁴ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 21. № 15379. Ст. 41.

¹³⁵ *Васильев И.* Фемида, или начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России, на основании существующих законов. М., 1827.

¹³⁶ ПСЗ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 391.

¹³⁷ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права... С. 440—471; *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 526—529.

¹³⁸ Архив РГЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 279, л. 2—3; д. 517, л. 16—19; д. 519, л. 27; д. 552, л. 2—3.

¹³⁹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 511; *Иванов С. С.* Государство и право в России в период сословно-представительной монархии. М., 1960. С. 46; *Kleimola A.* «In Accordance with the Canons of the Holy Apostles»: Muscovite Dowries and Women's Property Rights // *The Russian Review*. 1992. Vol. 1, No. 1. April. P. 204—229.

¹⁴⁰ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 455; *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 512—526.

¹⁴¹ *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 526—527; *Филатов С.* Положение незаконнорожденных по русскому законодательству // Друг женщин. 1883. № 9. С. 65—82.

¹⁴² *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1963. Кн. 9. С. 507.

¹⁴³ Наиболее полный обзор правового положения женщин до середины XIX в. содержится в: *Неволин К.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 1.

¹⁴⁴ *Крживоблоцкий Я.* Костромская губерния. С. 500—501.

¹⁴⁵ *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России в 50—60-е гг. XIX в. Л., 1984. С. 16—58.

¹⁴⁶ *Юшков С. В.* История государства и права СССР. М., 1961. Ч. 1. С. 544; *Wagner W. G.* 1) The Trojan Mare: Women's Rights and Civil Rights in Late Imperial Russia // *Crisp O., Edmondson L.* (eds.). Civil Rights in

- Imperial Russia. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 65—84; 2) Marriage, Property, and the Struggle for Legality in Late Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press, 1993. Об интенсивности обсуждения женского вопроса в обществе говорит обширная литература: Указатель литературы женского вопроса на русском языке // Северный вестник. 1887. Т. 7—8. С. 1—55; *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России в 50—60-е гг. XIX в. С. 59—133.
- ¹⁴⁷ *Бертгольд Г. В.* Законы о правах и обязанностях от супружества возникающих. М., 1881. С. 13—17.
- ¹⁴⁸ *Загорский А. И.* Курс семейного права. Одесса, 1902. С. 428—429; *Писарев С. Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений, приносимых на высочайшее имя. С. 178.
- ¹⁴⁹ *Гойхбарг А. Г.* Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений. СПб., 1912. С. 81.
- ¹⁵⁰ Законодательство по семейному праву см.: Женское право: Свод узаконений и постановлений, относящихся до женского пола. СПб., 1873; *Канторович Я. А.* Женщины в праве: С приложением всех постановлений действительного законодательства, относящихся до лиц женского пола. СПб., 1895; *Гуревич И. В.* Родители и дети. С приложением постановлений действующего законодательства, определяющих взаимные отношения родителей и детей. СПб., 1896; *Григорьевский С. П.* О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах: Сб. гражданских и церковных законов, с дополнениями и разъяснениями на основании циркулярных указов и отдельных определений Святейшего Синода, с отдельной статьей о родстве и свойстве и с приложением графических таблиц степеней родства. СПб., 1910.
- ¹⁵¹ Архив РГО, разр. 14, д. 40, 104; разр. 15 (Калужская губерния), д. 29; разр. 19 (Курская губерния), д. 20; разр. 24, д. 25; разр. 32 (Псковская губерния), д. 17; разр. 34, д. 15; разр. 36 (Саратовская губерния), д. 24 и др. См. также: *Рабинович М. Г.* Ответы на программу РГО как источник для изучения этнографии города // *Липец П. С.* (ред.). Очерки истории этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. 5. С. 36—61.
- ¹⁵² *Миненко Н. А.* Городская семья в Западной Сибири на рубеже XVII—XVIII вв. // *Вилков О. Н.* (ред.). История городов Сибири досоветского периода: (XVII—начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 175—195; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. С. 178—200; *Дмоховский А.* О правах женщин в России // БдЧ. 1862. № 7. С. 77—97.
- ¹⁵³ Журнал или записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М., 1974. С. 29—31; *[Ушаков А. С.]*. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М., 1865. Вып. 1. С. 48—50. По утверждению А. С. Ушакова, купеческая семья — «иерархическая лестница»: купец—купчиха—дети—приказчик—мальчик. (Там же. С. 49).
- ¹⁵⁴ Архив РГО, разр. 34, д. 15; разр. 36, д. 24.
- ¹⁵⁵ Архив РГО, разр. 34, д. 15, л. 84—89.
- ¹⁵⁶ *Мозель Х.* Пермская губерния. Ч. 2. С. 529, 533—534; *Вишняков Н. П.* Сведения о купеческом роде Вишняковых. М., 1911. Ч. 2. С. 147.
- ¹⁵⁷ *[Барков В. Д.]*. История Василия Дмитриевича Баркова, потомственного почетного гражданина. СПб., 1902. С. 4, 18—21; *Вишняков Н. П.* Сведения о купеческом роде Вишняковых. Ч. 2. С. 147—151; *Полилова Ю. Е.* Дневник купеческой девушки // *Полилов-Северцев Г. Т.* Наши деды-купцы. СПб., 1907. С. 83—142; *[Ушаков А. С.]*. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Вып. 1. С. 48—50.
- ¹⁵⁸ *Полилов-Северцев Г. Т.* Наши деды-купцы. С. 30.
- ¹⁵⁹ *Миронов Б. Н.* Русский город... С. 22—25.
- ¹⁶⁰ Архив РГО, разр. 9, оп. 1, д. 36; разр. 14, оп. 1, д. 7, 18, 55, 71, 87, 101; разр. 19, оп. 1, д. 8, 12; разр. 29, оп. 1, д. 47. Даже свадебные обряды в малых городах и деревнях мало отличались друг от друга: *Предтеченский Я.* О свадебных обрядах г. Чердыни // Пермский сборник. 1859. Кн. 1. Отд. 2. С. 1—107.
- ¹⁶¹ *Миронов Б. Н.* Русский город... С. 91; Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 104.
- ¹⁶² Эта цифра получена следующим образом. В 1858 г. насчитывалось 3051 тыс. мещан, купцов и ремесленников; при уровне естественного прироста в 1.1% (*Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике. СПб., 1916. С. 37, 48) их численность в 1897 г. должна была бы составить 5217 тыс., а фактически равнялась 5558 тыс. (*Миронов Б. Н.* Русский город... С. 91). Отсюда можно предположить, что чистый баланс социальных перемещений из крестьянства в городские сословия за 49 лет приблизительно достигал 340 тыс. человек.
- ¹⁶³ Движение населения в Европейской России за [1871, 1910] год. СПб., 1881, 1916.
- ¹⁶⁴ *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977. С. 27—278; *Будина О. Г., Шмелева М. Н.* Город и народные традиции русских: По материалам Центрального района РСФСР. М., 1989. С. 172—177; *Жирнова Г. В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем: (По материалам городов средней полосы РСФСР). М., 1980; *Мантейфель А. П.* Детское горе: (Из воспоминаний мирового судьи) // ЮВ. 1889. Т. 3, кн. 4. С. 584—598; *Тихонов А. А.* Как росла моя вера: Отрывки из автобиографии // ВЕ. 1909. Кн. 3. С. 154—193; *Шукин П. И.* Воспоминания. М., 1911. Ч. 2. С. 30.
- ¹⁶⁵ *Петров Г. С.* Живые цветы: (Дети и взрослые). СПб., 1907. С. 19.

- ¹⁶⁶ Абашкина М. и др. Повесть о трех. М., 1935. С. 7—55; Кореванова А. Г. Моя жизнь. М.; Л., 1936. С. 62—65, 69, 86—89, 104—105; Мухаркин Д. П. Жизнь у огня: Автобиография // Урал. 1967. № 11. С. 4—45; Семенова А. История одной жизни. М.; Л., 1927. С. 1—76; Glickman R. L. Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880—1914. Berkeley et al.: University of California Press, 1984. P. 28—29, 56—57; Engelstein L. The Keys to Happiness. P. 120—127, 284—288.
- ¹⁶⁷ Гитович Н. И., Федорова И. В. (сост.). А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1960. С. 30—31; Гольцев В. А. Дети и природа в рассказах А. П. Чехова и В. Г. Короленко. М., 1904. С. 6—7. См. также: Ransel D. L. Russia and the USSR // Hawes J. M., Hiner N. R. (eds.). Children in Historical Perspective: An International Handbook and Research Guide. New York et al.: Greenwood Press, 1991. P. 471—489.
- ¹⁶⁸ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства: (XVIII—начало XIX века). СПб., 1994. С. 104; Tovrov J. The Russian Noble Family : Structure and Change. New York; London: Garland Publishing, Inc., 1987.
- ¹⁶⁹ Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России : Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 118—122.
- ¹⁷⁰ Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя Россия г. Леклерка. СПб 1788. Т. 1. С. 473—474.
- ¹⁷¹ Чечулин Н. Д. Воспитание и домашнее обучение в России в XVIII в. // Дела и дни. 1922. Кн. 2. С. 40—41.
- ¹⁷² Геттун В. Н. Записки собственно для моих детей // ИВ. 1880. Т. 1. С. 33.
- ¹⁷³ Сабанеева Е. А. Воспоминания о былом : Из семейной хроники 1770—1838 гг. СПб., 1914. С. 15.
- ¹⁷⁴ Соллогуб В. А. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 152. См. также: Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891. Ч. 1. С. 39; Верещагин А. В. Дома и на войне, 1853—1881: Воспоминания и рассказы. СПб., 1886. С. 1—39.
- ¹⁷⁵ Чечулин Н. Д. Воспитание и домашнее обучение... С. 41—44. В обычае были брань, «постоянные колотушки», «холодная» (длительное нахождение в холодной комнате), «высаживание» (три-четыре часа на стуле без книги и работы), битье линейкой, порка (Верховская О. П. Картинки прошлого: Из воспоминаний детства. М., 1913. С. 49—58, 136—143).
- ¹⁷⁶ Wachtel A. B. The Battle for Childhood: Creation of a Russian Myth. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990. Ср.: Кантерев П. Ф. 1) Детские годы С. Т. Аксакова: (Психолого-педагогический этюд) // Педагогический сборник. 1890. № 3; 2) Детские годы Обломова: (Психолого-педагогический этюд) // Женское образование. 1891. № 3. Миф продолжает жить и в наши дни: Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995.
- ¹⁷⁷ [Пиштович А. С.]. Жизнь Пиштовича, им самим описанная: 1764—1805. М., 1885. С. 214—215.
- ¹⁷⁸ Ключевский В. О. Два воспитания // День. 1893. № 1702, 1703.
- ¹⁷⁹ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1: Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 91; Стоюнин В. Я. Избранные педагогические сочинения. М., 1954. С. 254—255.
- ¹⁸⁰ Стоюнин В. Я. Избранные педагогические сочинения. С. 300—305.
- ¹⁸¹ Heldt V. Terrible Perfection: Women and Russian Literature. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1987. P. 64—103.
- ¹⁸² Еллис Е. Обязанности замужней женщины и положение ее в обществе. СПб., 1848. С. 32.
- ¹⁸³ Благово Д. Д. Рассказы бабушки : Из воспоминаний пяти поколений. СПб, 1885. С. 145, 393.
- ¹⁸⁴ [Болотов А. Т.]. Жизнь и приключения Андрея Тимофеевича Болотова. Т. 4. Стб. 1119—1123.
- ¹⁸⁵ Филиппов М. А. Взгляд на русские гражданские законы // Современник. 1861. № 2. Отд. 1. С. 528.
- ¹⁸⁶ Levin E. Sex and Society... P. 95—101, 133—135.
- ¹⁸⁷ Tovrov J. Mother-Child Relationships among the Russian Nobility // Ransel D. L. (ed.). The Family in Imperial Russia : New Lines of Historical Research. Urbana et al.: University of Illinois Press, 1978. P. 15—43.
- ¹⁸⁸ Wortman R. The Russian Empress as Mother // Ibid. P. 60—76.
- ¹⁸⁹ Щербатов М. М. Соч.: В 2 т. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 220—221; Загоровский А. И. О разводе по русскому праву. Харьков, 1884. С. 311.
- ¹⁹⁰ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. С. 108—109; Семейский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 318—319.
- ¹⁹¹ Андреевский Л. И. Образование и воспитание в барской семье Вологодской губернии в начале XIX века: Из архива села Куракина // Север. 1928. № 7—8. С. 17—29.
- ¹⁹² Семенова Л. Н. Очерки истории быта... С. 100.
- ¹⁹³ Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 1. С. 39.
- ¹⁹⁴ Чечулин Н. Д. Воспитание и домашнее обучение... С. 111.
- ¹⁹⁵ Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 1. С. 39; Tovrov J. The Russian Noble Family... P. 378—394.
- ¹⁹⁶ Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века: Исторический очерк. СПб., 1889. С. 37, 43—45, 81—82, 95.
- ¹⁹⁷ Филиппов М. А. Взгляд на русские гражданские законы. С. 530.
- ¹⁹⁸ Тереженко А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 2. С. 107—115.
- ¹⁹⁹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова. М., 1986. С. 501.

- ²⁰⁰ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. С. 114—115; *Tovrov J.* The Russian Noble Family... P. 348—377. Некоторые авторы связывают возникновение в русском образованном обществе вопроса о положении женщины с движением декабристов: *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России... С. 6—8.
- ²⁰¹ *Вишневецкая Г. А.* Вопросы женской эмансипации в русских журналах 1830—1840-х годов // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. 1957. Т. 117, кн. 9. Вып. 1. С. 87—92.
- ²⁰² *Благово Д. Д.* Рассказы бабушки. С. 27—28.
- ²⁰³ *Engel B. A.* Mothers and Daughters: Family Patterns and Female Intelligentsia // *Ransel D. L.* (ed.). The Family in Imperial Russia. P. 44—59. См. также: *Ефремова Н. П.* Шестидесятницы // ВИ. 1978. № 9. С. 76—82; *Никитина Т. Б.* Женщины в русском революционном движении 60—70-х годов XIX в. Ростов н/Д., 1971.
- ²⁰⁴ *Конради Е. И.* 1) Исповедь матери. СПб., 1876; 2) Общественные задачи домашнего воспитания: Книга для матерей. СПб., 1883.
- ²⁰⁵ *Кантрев П. Ф.* 1) Задачи и основы семейного воспитания. СПб., 1898; 2) О природе детей. СПб., 1899; *Кантрев П. Ф.* (ред.). Энциклопедия семейного воспитания: В 59 вып. СПб., 1898—1910.
- ²⁰⁶ *Водовозова Е. Н.* Умственное и нравственное развитие детей от первого появления сознания до школьного возраста : Книга для воспитателей. 4-е изд. СПб., 1891. С. 107.
- ²⁰⁷ *Шелгунов Н. В.* Избранные педагогические сочинения. М., 1954. С. 264. См. также: *Сикорский И. А.* Воспитание в возрасте первого детства. СПб., 1884. С. 29—31; *Острогорский А. Н.* Семейные отношения и их воспитательное значение // Острогорский А. Н. Избранные педагогические произведения. М., 1985. С. 272—305, 277—278.
- ²⁰⁸ *Верховская О. П.* Картинки прошлого: Из воспоминаний детства. С. 280. См. также: *Гнинский Б. Б.* Из летописи усадьбы Сергеевки // ИВ. 1894. Т. 58, № 10. С. 57—85; *Купрянова А. Н.* Из семейных воспоминаний // Богословский вестник. 1914. Т. 1, № 4. С. 650—663; Т. 2, № 5. С. 9—24; № 6. С. 265—274.
- ²⁰⁹ *Черткова А. К.* Из моего детства : Воспоминания. М., 1911. С. 24, 91, 122.
- ²¹⁰ *[Путилин И. Д.]*. Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сысковой полиции И. Д. Путилиным. М., 1990. С. 79—80; *[Коровин К.]*. Константин Коровин вспоминает. М., 1990.
- ²¹¹ *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора : Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 69; *Wortman R.* Images of Rule and Problems of Gender in the Uprbringing of Paul I and Alexander I // *Mendelsohn E., Shatz M. S.* (eds.). Imperial Russia 1700—1917. State, Society, Opposition. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1988. P. 58—75.
- ²¹² *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. С. 71.
- ²¹³ Там же. С. 79—80, 131.
- ²¹⁴ *Levin E.* Sex and Society. P. 297, 301—302.
- ²¹⁵ Об обсуждении этого вопроса в русском обществе конца XIX—начала XX в. см.: *Engelstein L.* 1) Abortion and the Civic Order: The Legal and Medical Debates // *Clements B. E., Engel B. A., Worobec Ch. D.* (eds.). Russia's Women : Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley, CA et al.: University of California Press, 1991. P. 185—207; 2) The Keys to Happiness. P. 106—114, 334—358.
- ²¹⁶ *Рейнгардт Н. В.* О личных и имущественных правах женщин по русскому праву. Казань, 1885. С. 33; *Савельев А.* Юридические отношения между супругами, по законам и обычаям великорусского народа. Нижний Новгород, 1881.
- ²¹⁷ *Семенова Л. Н.* Очерки истории быта... С. 13—14, 33; *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России... С. 19—20.
- ²¹⁸ *Гойхбарг А. Г.* Замужняя женщина как неравноправная личность в современном гражданском праве // Право. 1914. № 51. Стб. 3542—3544; *Рейнгардт Н. В.* О личных и имущественных правах женщин... С. 4—5; *Хвостов В. М.* Женщина накануне новой эпохи. С. 107.
- ²¹⁹ *Орианский И. Г.* Исследование по русскому праву семейному и наследственному. СПб., 1877. С. 155, 346; *Hutton M. J.* Russian and Soviet Women, 1897—1939: Dreams, Struggles and Nightmares. Ph. D. The University of Iowa. 1986. P. 22—109, 344—430; *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism: 1860—1930. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978. P. 27.
- ²²⁰ *Гарбузов В. И.* От младенчества до отрочества : (Размышления врача о развитии и воспитании ребенка). Л., 1991. С. 31—33, 168—186; *Кон И. С.* Психология юношеского возраста : (Проблемы формирования личности). М., 1979. С. 17; *Fiscalini J., Grey A. L.* (eds.). Narcissism and the Interpersonal Self. New York: Columbia University Press, 1993. P. 3—4, 7—8; *Scott W. A. et al.* Children's Personality as a Function of Family Relations within and between Cultures // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1991. Vol. 22, No. 2. June. P. 182—208; *Shaw M. E., Constanzo P. R.* Theories of Social Psychology. New York, 1970; *Shengold L.* The Boy Will Come to Nothing! Freud's Ego Ideal and Freud as Ego Ideal. New Haven; London: Yale University press, 1993.
- ²²¹ *Миронов Б. Н.* Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет: X—XX вв. // Studia Humanistica. 1996. Исследования по истории и филологии. С. 24—46.
- ²²² *Фролова И. И.* (ред.). Книга в России: 1861—1881. М., 1991. Т. 3. С. 69—86.
- ²²³ См.: Статистическое приложение. Табл. 10—16, т. 2 наст. изд.
- ²²⁴ *Кечеджи-Шаповалов М. В.* Женское движение в России и за границей. СПб., 1902. С. 132—203; *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в

истории России // Тишкин Г. А. (ред.). Феминизм и российская культура. СПб., 1995. С. 138—167; Федосова Э. П. У истоков феминизма в России : Первые женские организации // Там же. С. 96—101; Edmondson L. H. The Feminist Movement in Russia: 1900—1917. Stanford, CA: Stanford University Press, 1984; Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia...

²²⁵ Феноменов М. Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни (деревня Гадыши, Валдайского уезда, Новгородской губернии). М.; Л., 1925. Ч. 2. С. 98—106; Яковлев Я. 1) Деревня как она есть. М., 1923; 2) Наша деревня : Новое в старом и старое в новом. М., 1924; Farnsworth B., Viola L. (eds.). Russian Peasant Women. New York: Oxford University Press. 1992.

²²⁶ Adorno Th. W. et al. The Authoritarian Personality. New York: Harper and Brothers, 1950.

²²⁷ Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. XVIII—XIX. См. также: Дружинин Н. М. Крестьянская община в оценке А. Гакстгаузе-на и его русских современников // Ежегодник германской истории. 1968 год. М., 1969. С. 34.

²²⁸ Архив РГО, разр. 23, д., 150, л. 27.

²²⁹ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 425—437.

²³⁰ Flandrin J.-L. Families in Former Times. Kinship, Household and Sexuality. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1979. P. 120. См. также: Dicks H. V. Some Notes on the Russian National Character // Black C. E. (ed.). The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 636—651.

²³¹ Ruane Ch. Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers: 1860—1914. Pittsburgh, Penn; London: University of Pittsburgh Press, 1994. P. 65—71.

²³² Жемчужная З. Пути Изгнания: Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзинь : Воспоминания. Тенесси, NJ: Эрмитаж, 1987. С. 19.

²³³ Епанчин Н. А. На службе трех императоров: Воспоминания. М., 1996. С. 69—70, 275.

²³⁴ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1. С. 91.

ГЛАВА V

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Традиционно принято рассматривать и анализировать город и деревню порознь. Такой подход затрудняет понимание особенностей городского и сельского образа жизни. Значительно легче выяснить, чем похожи и чем различаются город и деревня. Поэтому в данной главе сделана попытка провести сравнительный анализ развития города и деревни на протяжении XVII—начала XX в., чтобы выяснить, в чем заключалось их своеобразие в демографическом, административном, юридическом, социальном, экономическом и культурном отношениях и как город и деревня взаимодействовали. Говоря более конкретно, будут рассмотрены три блока вопросов. Первый: какова была численность городских и сельских поселений, какие поселения считались городскими, какие сельскими и почему, какова была их населенность и экономическая ориентация, когда город отделился от деревни. Второй блок включает следующие вопросы: сколько людей и какие сословия проживали в городской и сельской местностях и чем они занимались. Третий блок вопросов касается особенностей менталитета городского и сельского населения. Все перечисленные вопросы изучаются в исторической перспективе. С точки зрения различий между городом и деревней можно выделить четыре периода: 1) до середины XVII в.: город и деревня не были отделены друг от друга, а представляли как бы единое административное, социальное, экономическое и культурное пространство; 2) середина XVII в.—1775—1785 гг.: происходило отделение города от деревни во всех аспектах; 3) 1785—1860-е гг.: город отделился от деревни экономически, и их дифференциация во всех отношениях достигла своего апогея; 4) 1860-е гг.—1917 г.: дифференциация города и деревни сменилась процессом их интеграции.

ГОРОДСКИЕ И СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Городские поселения

Среди исследователей нет общей точки зрения ни относительно критериев разделения поселений на городские и сельские, ни относительно определения понятия города.¹ Большинство историков склоняются к точке зрения о невозможности найти общее определение города для всех времен как в мировом масштабе, так и в пределах одной страны. Действительно, нет города и деревни вообще — в каждую эпоху и в каждой стране эти понятия имеют конкретное экономическое, социальное и политическое содержание. Мне кажется, что самое старое мнение — городами являются те поселения, которые признавали городами современники, — не устарело до сих пор. В силу этого целесообразно признать, что мы имеем дело с городом всякий раз, когда его жители полагали, что они проживали в городе. Такой подход позволяет исторически подойти к городу и объективно оценить, что пред-

ставляли собой города в каждый момент своей истории и как они развивались.

Применительно к России впервые понятие «город» возникло во времена Киевской Руси, в X—первой трети XIII в., и оно означало укрепленное поселение, крепость, в которой укрывались и оборонялись от неприятеля. Само слово «город» произошло от «ограда», «забор». ² Городами назывались как постоянные, так и временные укрепления, а также и место, окруженное укреплением, например, городом назывался монастырь, огражденный укреплением. Понятие «город» использовалось и для обозначения проживавшего в крепости населения, которое обычно состояло из князя с войском и слугами и духовенства. ³ В городах находились княжеский двор, церковь, площадь для веча, располагались светские и духовные власти, происходили народные собрания, из города осуществлялось управление землями, подчинявшимися городу. Вследствие этого первоначально город был прежде всего военно-административно-религиозным центром. В Киевской Руси возникло и понятие «посад» для обозначения части города вне крепости, где располагалось население, занятое торговлей, ремеслом и другими промыслами. Слово «посад» произошло от «посадить», «садить». ⁴ В московский период все перечисленные значения города — как крепости, военно-административно-религиозного центра и населения, жившего в нем, — сохранились. Новое состояло в том, что посады стали сливаться с крепостью в одно целое и это целое стало называться городом, а крепость, раньше называвшаяся городом, стала чаще именоваться кремлем. ⁵ Понятие «посад» тоже расширилось и стало обозначать не только предместье города, но и населенный пункт или торгово-ремесленный центр без крепости, а также и население, жившее на посаде. ⁶

С начала XVIII в. и вплоть до 1917 г. городом назывался населенный пункт, признанный таковым официально государством. Население официального города автоматически приобретало юридические права городских обывателей. Жалованная грамота городам 1785 г. более четко сформулировала юридические права городского населения и определила формальные критерии города. Чтобы считаться городом, поселение должно было иметь собственную жалованную грамоту от императора, которая создавала самоуправляющееся городское общество с правами юридического лица (на основе Жалованной грамоты городам 1785 г.), а также утвержденный императором герб и план города. Официальные города были иерархизированы, так как имели разные ранги: столица, губернский, уездный город и безуездный, или заштатный, город, т. е. город, не имевший округа, или уезда. До 1860-х гг. к городским, или административно-промышленным, поселениям (но не к городам!) относились другие виды неземледельческих поселений: 1) местечко — торгово-промышленный центр без крепости, заселенный преимущественно евреями, на территории, присоединенной в результате разделов Польши; 2) посад; 3) отдельно стоящее промышленное заведение; 4) духовное, или религиозное, поселение; 5) военное поселение. Городских поселений имелось в несколько раз больше, чем городов, например, в 1857 г. их было 2876, или в 4.3 раза больше, чем городов. ⁷ Значительную их часть составляли местечки и города, утратившие свое былое значение, не получившие жалованной грамоты, не имевшие герба и плана, но не разжалованные формальным узаконением в деревни. Некоторые из них со временем превращались административным порядком в деревни. Но большинство пользовалось некоторыми привилегиями городского поселения де-факто, другие полностью «одеревенились», но назывались по традиции городами, не имея на то права. ⁸ Это создает большие трудности при подсчете общего числа городов и городских поселений до середины XIX в. После 1860-х гг. номенклатура городских поселений, кроме городов, ограничивалась посадами и местечками, причем, чтобы считаться городским поселением, те и дру-

гие должны были быть заселены мещанами, образующими мещанское общество.

В официальных городах складывался специфический уклад общественной жизни, они являлись центрами административной, судебной, военной и религиозной власти. Они имели преимущества в учреждении ярмарок, базаров и особенно пунктов стационарной торговли, которая запрещалась в деревнях. В последней четверти XVIII—первой половине XIX в. понятие «город», главным образом в научной литературе, стало ассоциироваться с поселением, имевшим значительное население, занятое преимущественно в торговле и промышленности, а деревня рассматривалась как противоположность городу.⁹ Такого же взгляда придерживалось и правительство. В Своде законов была статья, гласившая, что если в сельском поселении промышленность и торговля усиливались до такой степени, что население получало средства к жизни в большей степени от этих промыслов, чем от земледелия, то правительство должно давать распоряжение об обращении такого поселения в посад или город.¹⁰ Поскольку и правительство, и ученые того времени прекрасно сознавали, что такому понятию соответствуют далеко не все российские города, то для обозначения городов, адекватных идеальному понятию, использовалось словосочетание «настоящий, или истинный, город», а для остальных городов — «ненастоящий, или не истинный, город». Например, в 1819 г. известный русский статистик К. Ф. Герман отмечал: «Многие места называются городами единственно по важности оных в рассуждении управления, рекрутских наборов, собирания податей, отправления правосудия и, наконец, для облегчения крестьян, кои часто принуждены бывают ходить за 500 верст (530 км. — *Б. М.*) и более для взноса денег, для провода рекрут и колодников и по делам своим в судебные места. Другие названы городами по хозяйственным видам, для размножения ярмарок, для средоточения мануфактурной промышленности в выгодных для нее местах; наконец, по торговым видам. Иногда предприятия сии были успешны, но много раз неудачны. Российские государи умножали, особливо в XVIII веке, число городов не столько для ободрения мануфактурной и торговой промышленности, сколько по видам управления; и хотя место называлось городом, но промышленность оного всегда оставалась земледельческой и народонаселение не умножалось до той степени, чтобы доставить оному поистине наименование города».¹¹ Во второй половине XIX—начале XX в. понятие города как крупного поселения преимущественно торгово-промышленной ориентации прочно вошло в массовое сознание. Однако формальные критерии для отнесения поселения к городам оставались прежними: статус города присваивался поселению правительством, в городе должны были существовать специфические общественные учреждения, соответствующие Городовому положению (в 1870—1891 гг. — Городовому положению 1870 г., в 1892—1917 гг. — Городовому положению 1892 г.), и т. д.¹² Юридические права жителей по-прежнему в значительной мере зависели от того, считалось ли данное поселение *официально* городом или деревней.

В XVIII—начале XIX в. число и состав городов еще не обрели постоянства. В 1708 г. официальных городов считалось 339, в 1719 г., после административной реформы, — 280, в 1727 г. — 342, в 1738 г. — 269, в 1760-е гг. — 337. В ходе реформы местного управления 1775—1796 гг. 271 сельское поселение было преобразовано в города и общее их число достигло 673. Павел I упразднил 171 город, Александр I частично их восстановил, и к 1811 г. число городов в Европейской России и Сибири составило 567. Изменяющиеся военные и административные потребности государства при подвижной границе, частые административные реформы, в ходе которых одни поселения приобретали статус городов, а другие его утрачивали, являлись главными причинами изменения числа и состава го-

Рис. 56. Перспектива главной улицы г. Курска. 1902 г.

родов в XVIII—начале XIX в. Однако города, которые когда-нибудь являлись крупными экономическими центрами, редко теряли городской статус. Большинство их, несмотря на длительную стагнацию, вызванную изменением торговых путей, истощением сырья для городской промышленности, появлением поблизости сильного конкурента в лице другого города, перемещением границы, как это случилось, например, с Новгородом, Псковом, Вологдой, Сольвычегодском, Солигаличем, Ростовом Великим и другими, оставалось губернскими или уездными городами. Древность происхождения помогала им сохранить если не экономическое, то административное и культурное значение. Напротив, города, которые временно выполняли административные, военные и конфессиональные функции, часто не только теряли свое важное значение по мере изменения границ государства или продвижения внутренней колонизации на юг и восток, но и утрачивали статус города, а иногда и статус городского поселения (Калитва Воронежской губернии, Починки Нижегородской губернии и т. д.). На смену им утверждались новые города.

К середине XIX в. границы государства в европейской части и Сибири стабилизировались, состав городов стал устойчивым применительно к столицам, губернским, уездным городам и посадам. Что касается безуездных городов, то их состав изменялся, ввиду того что, с одной стороны, правительство иногда жаловало некоторым развитым в торгово-промышленном отношении селам статус безуездного города (чаще статус посада), с другой стороны, некоторые заштатные города естественным путем обращались в сельские поселения. В 1857 г. в Европейской России (без Польши и Финляндии) насчитывалось 482 уездных и губернских города, 112 безуездных и 50 посадов, в 1897 г. — 494 уездных и губернских, 122 безуездных города и 52 посада, в 1914 г. — 494 губернских и уездных, 133 безуездных города и 51 посад; в Сибири в 1857 г. — 37 губернских и уездных и 10 безуездных городов, в 1897—1914 гг. — 47 губернских и уездных и 4 безуездных города

(посадов в Сибири не имелось).¹³ Однако все приведенные цифры не являются абсолютно точными, в особенности относящиеся к периоду до середины XIX в., на что указывали сами составители официальных сводок о числе городов и их населении.¹⁴

Итак, в середине XIX в. число городов и посадов в Европейской России и Сибири составляло 691, в 1914 г. — 729. Много это или мало? Учитывая территорию страны, сеть городов следует признать чрезвычайно редкой. В 1857 г. среднее расстояние между ближайшими городами и посадами в Европейской России (без Польши и Финляндии) составляло около 87 км, в Сибири — 516 км, в 1914 г. — соответственно 83 и 495 км. В наибольшей близости между собой находились города Прибалтики — около 50 км, дальше всего отстояли друг от друга города Якутской губернии — 887 км, а в Европейской России — города Архангельской губернии — 300 км.¹⁵ Это намного больше средних расстояний между соседними городами других европейских стран. В конце XVIII в. в Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, Испании и Франции среднее расстояние находилось в интервале от 12 до 30 км, в середине XIX в. — от 10 до 28 км, в начале XX в. — от 8 до 15 км.¹⁶ Следует иметь в виду, что сеть российских городов со временем существенно выросла. Это значит, что в XVIII в. расстояние между городами было намного больше. Сеть городов в странах Западной и Центральной Европы с конца средних веков и до середины XIX в. изменялась мало: уже в XV в. Европейский континент, исключая Восточную Европу, оказался покрытым густой сетью небольших городских поселений, находившихся друг от друга в среднем на расстоянии 20—30 км (в Италии и собственно Англии — на расстоянии около 10 км).¹⁷ При расстоянии 20—30 км любое сельское поселение находилось от ближайшего города не далее 10—15 км, т. е. на расстоянии одного дня пути, что позволяло крестьянину за один день добраться до города и вернуться домой даже пешком, а горожанину — достичь соседнего города. В России же, учитывая плохое состояние дорог, поездка человека на лошади из многих сельских поселений в ближайший город требовала нескольких дней, а из города в город и того больше, по крайней мере до создания в стране достаточно густой сети железных дорог в конце XIX в. Это чрезвычайно затрудняло сношения между городом и деревней и между городами, что хорошо сознавали современники. «При такой редкости поселений нетрудно объяснить себе весьма неутешительный факт русского экономического быта — дурное состояние путей и в особенности второстепенных проселочных дорог, дороговизну сообщений и вследствие этого несовершенство сельского хозяйства и промыслов вообще. Большие расстояния затрудняют поддержку путей сообщения, даже там, где они устроены, заставляют мужика пренебрегать лучшим сбытом своих произведений на рынках, которые от него слишком далеко. Таким образом, главное условие для экономического успеха — быстрота сообщений и обмена — в России пока находит коренное препятствие в рассеянности ее населения».¹⁸ Положение медленно изменялось к лучшему в течение второй половины XIX—начала XX в. не столько благодаря росту числа городов, сколько благодаря развитию путей сообщения.

Большой интерес представляет распределение городских поселений по числу жителей, так как от этого во многом зависело административное, экономическое и культурное значение города, характер общественного быта его населения. Данные табл. V.1 и V.2 дают представление о людности городских поселений с конца XVII по начало XX в.

Таблица V. 1

Распределение городов России по числу жителей в конце XVII—начале XX в. (без Кавказа, Польши, Финляндии и Средней Азии)

Города с населением, тыс.	Число городов, 1678 г.	Число городов, 1722 г.	Число городов, 1782 г.	Число городов, 1856 г.	Число городов, 1897 г.	Число городов, 1910 г.
Менее 1	71	60	70	41	18	15
1—1.9	52	29	112	92	49	45
2—4.9	63	54	209	231	154	151
5—9.9	9	36	111	188	185	173
10—19.9	4	8	33	77	129	148
20—29.9	—	1	4	20	49	60
30—39.9	—	2	—	9	12	27
40—49.9	—	—	—	3	14	15
50—99.9	—	1	1	7	31	43
100—499.9	1	—	2	3	12	19
500—999.9	—	—	—	—	—	2
1000+	—	—	—	—	2	2
Итого	200	191	542	672	655	700

Источники: *Смирнов П. П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1919. Т. 1, ч. 2. С. 346; *Водарский Я. Е.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // *Шунков В. И.* (ред.). Города феодальной России. М., 1966. С. 279; *Storch H.* Statistische Übersicht der Statthalterschaften des Russischen Reiches nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen in Tabellen. Riga, 1795. S. 118—122; Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб., 1858. С. 222—239; Города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей. СПб., 1905; Города России в 1910 году. СПб., 1914; Статистический ежегодник России 1915 г. Пг., 1916. Отд. 1. С. 1—15.

В середине XIX в. современники разделяли города в зависимости от численности их жителей на три группы: 1) малые — до 5 тыс. человек, 2) средние — от 5 до 25 тыс., 3) большие — свыше 25 тыс. человек. В начале XX в. наиболее распространенной классификацией стала следующая: 1) города-села — менее 5 тыс. жителей, 2) малые города — от 5 до 20 тыс., 3) средние — от 20 до 100 тыс., 4) большие города — свыше 100 тыс. жителей. Кроме того, вместе с городами стали рассматриваться сельские поселения, имевшие свыше 10 тыс. жителей.¹⁹

Таблица V.2

Распределение городов России по числу жителей в XVIII—начале XX в. (без Кавказа, Польши, Финляндии и Средней Азии)

Города с населением, тыс.	Число городов, 1782 г.		Число городов, 1856 г.		Число городов, 1897 г.		Число городов, 1910 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Менее 1	70	12.9	41	6.1	18	2.7	15	2.1
1—1.9	112	20.7	92	13.7	49	7.5	45	6.4
2—4.9	209	38.5	231	34.4	154	23.5	151	21.6
5—9.9	111	20.5	188	28.0	185	28.2	173	24.7
10—19.9	33	6.1	77	11.5	129	19.7	148	21.1
20—29.9	4	0.7	20	3.0	49	7.5	60	8.6
30—39.9	—	—	9	1.3	12	1.8	27	3.9
40—49.9	—	—	3	0.5	14	2.1	15	2.1
50—99.9	1	0.2	7	1.0	31	4.7	43	6.1
100—499.9	2	0.4	3	0.5	12	1.8	19	2.7
500—999.9	—	—	—	—	—	—	2	0.3
1000+	—	—	—	—	2	0.3	2	0.3
Итого	542	100.0	672	100.0	655	100.0	700	100.0

Источники указаны в примечании к табл. V.1.

Во всех классификациях городов в качестве порога, как правило, фигурирует цифра 20—25 тыс. Это не случайно: именно в городах, население которых превышает 20—25 тыс., создаются возможности для радикального изменения образа жизни сравнительно с деревней.²⁰ Исторически вполне оправданно считать большими городами в XVIII—первой половине XIX в. города, в которых проживало более 25 тыс., а в конце XIX—начале XX в. — более 100 тыс. жителей. Однако ради сопоставимости данных нам нужно принять единые критерии для разделения городов на большие, средние и малые, и в качестве таковых примем те, которые использовались в начале XX в. и применяются в настоящее время: большими будем считать города, имеющие более 100 тыс. жителей, средними — от 20 до 100, малыми — менее 20 тыс. (табл. V.3).

Т а б л и ц а V.3
Распределение населения больших, средних и малых городов в Европейской России без Польши и Финляндии в XVII—начале XX в. (в %)

Население города, тыс.	1678 г.		1782 г.		1856 г.		1897 г.		1910 г.	
	города	население								
100+	0.5	19.8	0.4	11.1	0.5	16.7	2.1	35.3	3.3	40.0
20—100	—	—	0.9	6.5	5.8	24.0	16.1	34.8	20.8	37.0
20-	99.5	80.2	98.7	82.4	93.7	59.3	81.8	29.9	75.9	23.0
В том числе:										
5—20	6.5	20.7	26.6	46.2	39.5	43.2	48.0	24.8	45.8	19.0
5-	93.0	59.5	72.1	36.2	54.2	16.1	33.8	5.1	30.1	4.0
2-	61.5	21.5	33.6	8.4	19.8	2.8	10.3	0.7	8.5	0.5
1-	35.5	7.1	12.9	1.7	6.1	0.4	2.8	0.1	2.1	0.06
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источники указаны в примечании к табл. V.1.

Из данных табл. V.3 можно видеть, что с конца XVII в. происходило укрупнение городов. В последней четверти XVII в. в России был один большой город — Москва, все остальные города имели число жителей менее 15 тыс. С конца XVII в. размеры малых городов стали увеличиваться, и они постепенно превращались в средние города. К 1722 г. население 3 городов, кроме Москвы, превысило численность в 20 тыс. человек; к 1782 г. — население 5 городов (Петербург стал вторым большим городом России); к 1856 г. 39 городов превратились в средние, Одесса стала третьим большим городом. С конца XVII в. маленькие города с населением до 2 тыс. жителей, а с середины XIX в. с населением менее 5 тыс. жителей либо становились средними городами, либо вымирали, превращаясь в села. Во второй половине XIX—начале XX в. процесс превращения малых городов в средние, средних — в большие продолжался с еще большей интенсивностью, вследствие чего происходило увеличение числа средних и больших городов за счет сокращения числа малых городов. Маленькие города доживали свой век. К 1917 г. в России насчитывалось 22 больших города, а число жителей в Петербурге и Москве превысило 1 млн. Темпы изменений в составе городов постепенно нарастали к началу XX в. Численность городского населения возрастала главным образом за счет роста числа жителей в старых городах. Даже в 1775—1860 гг., когда в результате административных реформ быстро увеличивалось число городов, городское население выросло лишь на 10% за счет вновь образовавшихся городов и на 90% — за счет роста числа жителей в старых городах. В основе урбанизации в России лежал процесс интенсивного развития старых городов, что было главным образом обусловлено их

удачным географическим расположением, способностью быть экономическим центром для округа.

Несмотря на изменения в составе городов, малые города с населением менее 20 тыс. вплоть до 1917 г. относительно преобладали: в 1917 г. их доля среди всех городов составляла около 75%, хотя среди малых городов маленькие города с населением до 5 тыс. жителей встречались все реже. Однако, если мы учтем население, проживавшее в городах разной величины, картина получится иной. Доля населения, проживавшего в больших городах, за 1722—1910 гг. возросла с 0 до 40%, в средних городах — с 2 до 37%, в малых городах, наоборот, сократилась с 98 до 23%. В 1910 г. 77% горожан проживали в большом или среднем городе и лишь 23% — в малом. В городских поселениях с населением менее 5 тыс., которые современники в начале XX в. стали называть «городом-деревней», к 1910 г. проживало всего 4% горожан, в то время как в 1678 г. — 60%, в 1782 г. — 36%, в 1856 г. — 16% всего городского населения. Перераспределение населения между средними и малыми городами обнаружилось с конца XVII в., а концентрация жителей в больших городах как непрерывная тенденция — с середины XIX в., что хорошо видно по следующим данным: в 1678—1782 гг. в малых городах проживало 80—82% всего городского населения, в 1811 г. — 67, в 1825 г. — 64, в 1840 г. — 61, в 1856 г. — 59, в 1870 г. — 52, в 1885 г. — 40, в 1897 г. — 34, в 1910 г. — 23, в 1914 г. — 20%. Средняя людность российских городов (Европейская Россия и Сибирь) непрерывно возрастала и с 1646 по 1910 г. увеличилась в 9.4 раза:

Год	1646	1722	1782	1825	1870	1897	1910
Средняя людность города, тыс.	2.7	4.6	4.7	5.6	11.1	21.2	24.9

К концу XIX в. «среднестатистический» русский город стал по своей величине средним. Это имело важные последствия. Социологи установили, что, чем крупнее город и чем выше в нем плотность населения, тем больше имеется оснований для трансформации социальных отношений от общинных к общественным, тем явственнее в нем проявляются черты городского образа жизни: деятельность людей становится профессионально разнообразной благодаря углублению разделения труда и росту специализации, причем они заняты в многочисленных отраслях неземледельческого труда; между ними увеличивается степень социальной дифференциации, поскольку социальная лестница становится длинной; роль традиций в общественной и личной жизни снижается, они утрачивают роль базиса для социальной солидарности; социальный контроль над поведением личности ослабляется, вследствие чего личность становится автономной и ее поведение индивидуализируется; падает социальное значение семьи, семейные, родственные и соседские связи ослабляются, межличностные отношения становятся более сложными и вместе с тем приобретают стандартизированный, поверхностный, анонимный характер.²¹

Сельские поселения

Сведения о числе сельских поселений и их распределении по числу жителей следует рассматривать как еще более приблизительные, чем данные о городах. Сельские поселения делились на две большие группы: 1) сплошные и крупные; 2) мелкие с числом жителей менее 10 человек и одиночные. В XVIII—начале XX в. повсеместно, исключая Курляндскую, Лифляндскую и Харьковскую губернии, численно преобладали сплошные и крупные посе-

Рис. 57. Украинская деревня. 1900-е гг.

ления. Сельские поселения, подобно городским, были иерархизированы. Имеющиеся данные о числе поселений в XVIII—начале XX в. говорят о том, что их число постоянно возрастало, в то время как в Западной Европе оно уменьшалось (в США и Канаде начиная с XIX в.).²² В 1857 г. в Европейской России (без Польши и Финляндии) насчитывалось 245 тыс. сплошных и 87 тыс. мелких и одиночных поселений, в 1882—1885 гг. — соответственно 407 и 148, в 1897 г. — 405 и 187. В результате столыпинской реформы 1907—1915 гг. возникло около 200 тыс. хуторов, в которых поселились крестьяне, вышедшие из сельских общин,²³ вследствие чего к 1917 г. число сельских поселений достигло 800 тыс. В Сибири число поселений росло очень медленно: в 1856 г. там насчитывалось 11 тыс. поселений, а в 1914 г. — 12,6 тыс. Что касается людности сельских поселений, то до эмансипации 1860-х гг. она увеличивалась, а затем стала уменьшаться: за 1859—1897 гг. по Европейской России она сократилась со 162 до 137 человек.²⁴ Рост числа поселений в пореформенное время, происходивший главным образом за счет разукрупнения крупных поселений, свидетельствует о том, что крепостное право сдерживало естественный процесс расселения крестьянства, вероятно, потому, что помещикам и коронной администрации было легче и дешевле управлять крестьянами, проживающими в крупных, чем мелких, поселениях, так как каждое новое поселение требовало управленческого аппарата.

В отличие от городских поселений, густота сельских поселений в Европейской России была достаточно высокой, о чем свидетельствует среднее расстояние между ближайшими селениями, равное в 1857 г. около 3,8 км, в 1885 г. — 2,9 км, в 1917 г. — 2,5 км (примерно такое же, как в США и Канаде, но больше, чем в Западной Европе); в Сибири среднее расстояние между поселениями вплоть до 1917 г. оставалось большим — соответственно 33,

32 и 31 км. В западных странах среднее расстояние между сельскими поселениями в XVIII—начале XX в. увеличивалось, так как их число уменьшалось. В течение XVIII—первой половины XIX в. происходило медленное увеличение числа сельских поселений и довольно быстрый рост их плотности (табл. V.4).

Таблица V.4
Распределение сельских поселений по числу жителей в Европейской России без Польши и Финляндии

Поселения с числом жителей, чел.	1850-е гг.*				1897 г.			
	поселения		население		поселения		население	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
10–	86.7	26	434	0.8	186.9	31.6	1120	1.4
11—50	71.0	21	1420	2.6	176.2	29.8	4250	5.2
51—100	56.9	17	3986	7.4	76.1	12.9	5593	6.9
101—200	50.2	15	7028	13.1	66.5	11.3	9484	11.6
201—300	23.4	7	5688	10.6	27.7	4.7	6771	8.3
301—400	12.7	4	3994	7.4	14.3	2.4	4961	6.1
401—500	6.9	2	2898	5.4	8.9	1.5	3990	4.9
501—1000	16.7	5	9615	17.9	19.2	3.2	13 454	16.5
1001—2000	6.7	2	9782	18.2	10.3	1.8	14 320	17.6
2001—5000					4.3	0.7	12 256	15.1
5001—10 000	3.3	1	8904	16.6	0.6	0.1	3847	4.7
10 000+					0.1	0.02	1425	1.7
Итого	334.5	100	53 749	100	591.1	100	81 471	100

* Реконструкция по данным о распределении 100 348 сельских поселений по числу жителей в 22 губерниях с населением около 29 486 тыс. человек и по данным об общей численности мелких и крупных поселений Европейской России.

Источники: *Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton: Princeton University Press, 1961. P. 504—506; *Бушен А.* (ред.). Статистические таблицы... С. 102; *Янсон Ю.* Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. СПб., 1876. С. 34—39; Распределение населенных мест Российской империи по численности в них населения. С. 1—3.

Однако после эмансипации ситуация изменилась: число поселений стало быстро расти, а их плотность снижаться. Причем число одиночных и мелких поселений увеличивалось намного быстрее, чем средних и крупных. За 1857—1897 гг. число поселений с населением менее 10 человек возросло в 2.2 раза, мелких поселений с населением от 11 до 50 человек — в 2.5, а число средних и крупных — всего в 1.3 раза. В результате доля одиночных и мелких поселений возросла с 48 до 61.5%, а средняя плотность селений понизилась со 161 до 138 человек.

Обращает на себя внимание наличие очень крупных сельских поселений, насчитывающих более 2 тыс. человек, что для многих стран (Германии, Франции, Италии, Испании и др.) являлось критерием разделения поселений на городские и сельские. В середине XIX в. их число превышало 3 тыс., и в них проживало около 1% сельского населения, в 1897 г. их насчитывалось 5 тыс., и в них проживало 0.8% населения. Наличие среди официальных городов поселений с населением менее 2 тыс. человек, а среди сел — поселений с населением более 2 тыс. человек, а также существование иерархической структуры городов и деревень по числу жителей указывают на то, что резкой грани между городом и деревней не существовало, что вся совокупность поселений образовывала континуум от идеальной деревни к идеальному городу, что городские и сельские поселения находились в тесной генетической

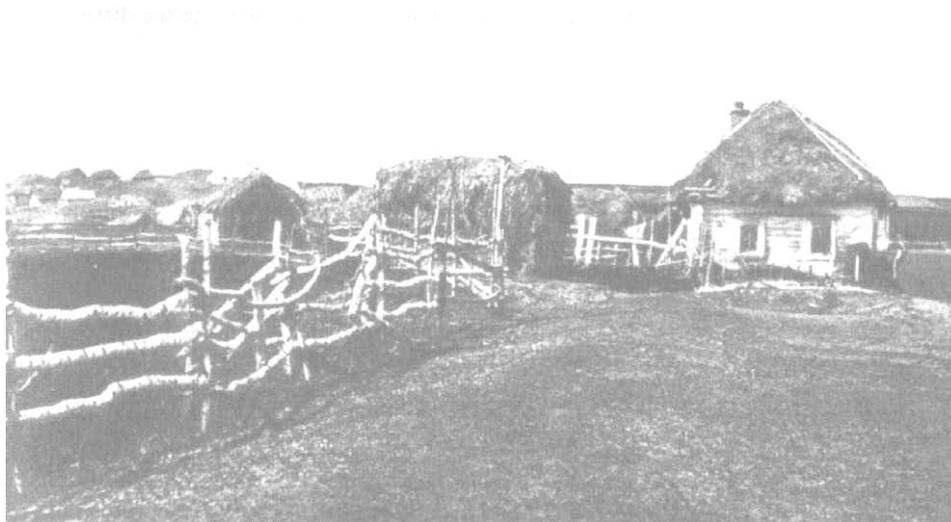

Рис. 58. Русская деревня. 1900-е гг.

связи: деревни при счастливом стечении обстоятельств превращались в города, а города при неудачном ходе дел обращались в деревни.

Распределение крестьян между поселениями различной людности показывает, что в XVII—XVIII вв. большая часть крестьян проживала в мелких (от 50 и менее жителей) и средних (от 51 до 500 жителей) селениях, а к середине XIX в. — в крупных селениях (более 500 жителей). В 1857 г. в мелких селениях проживало 3.4%, в средних — 43.9%, в крупных — 52.7% сельского населения. Отсюда следует, что в течение первой половины XIX в. произошло укрупнение сельских поселений.

После эмансипации распределение крестьян между селениями различной людности не претерпело радикальной трансформации, хотя некоторые изменения имели место. За 1857—1897 гг. доля крестьян, проживавших в мелких деревнях, увеличилась с 3.4 до 6.6%, в крупных — с 52.7 до 55.6% за счет уменьшения доли жителей в средних селениях с 43.9 до 37.8%. Происходила как бы дифференциация средних поселений на мелкие и крупные, так как в мелких было удобнее заниматься земледелием, а в крупных — промышленностью и торговлей. Увеличение доли сельского населения в мелких поселениях указывало, во-первых, на продолжение внутренней колонизации в Европейской России в пореформенное время; во-вторых, на то, что крепостное право сдерживало естественное расселение крестьянства до 1861 г.: помещики и коронная администрация из-за административно-полицейских соображений предпочитали крупные селения; в-третьих, на разукрупнение больших поселений с целью облегчения доступа земледельцев к своей земле; в-четвертых (что особенно важно в социальном отношении), на стремление значительного числа крестьян уйти из-под опеки общины, выделиться из нее и жить самостоятельно на собственной ферме.

То, что к середине XIX в. большая часть крестьянства стала проживать в крупных селениях, а после эмансипации эта тенденция усилилась, имело серьезные социально-экономические последствия. В крупных сельских поселениях активно развивались рыночные отношения, кустарная и фабричная промышленность, торговля и неземледельческие промыслы, включая отходничество; в них находилось много мещан и купцов из города, которые занимались разного рода предпринимательской деятельностью; эти селения

были тесно связаны с городами и испытывали их влияние. Все перечисленные особенности крупных поселений создавали предпосылки для эрозии в них патриархальных общинных отношений и для трансформации их в городские поселения если не формально, то фактически.

Административное и юридическое размежевание города и деревни

До 1775—1785 гг. город и деревня не различались строго в административном и юридическом отношениях. Эта слитность имела глубокие исторические корни. До середины XIII в. Киевская Русь разделялась на небольшие по территории суверенные волости-республики, или княжества, во главе с главным городом, который являлся отнюдь не центром ремесла и торговли, а крепостью, военным и административным центром волости, где находились верховная власть — народное собрание (вече), военная дружина во главе с князем и суд. Волость представляла собой объединение в единый политический и экономический комплекс главного города, малых городов (пригородов) и сельской округи.²⁵ Московское государство XV—XVII вв. с точки зрения взаимоотношения города и деревни имело много общего с киевским периодом. В административном отношении страна разделялась на уезды, которые территориально до некоторой степени совпадали с прежней волостью. Каждый из уездов объединял город и сельскую округу в единую административную единицу, управляемую коронной администрацией из главного города уезда или из Москвы. Еще более тесно были связаны города с округой в тех уездах, где большинство населения составляли государственные и дворцовые крестьяне. В таком уезде самоуправляющиеся городские и сельские общины составляли вместе всеуездную самоуправляющуюся структуру, состоявшую из всеуездного собрания (схода) и выборных на нем должностных лиц. Как и в киевский период, город и деревня не были вполне отделены друг от друга в территориальном, административном, финансовом и других отношениях. Они не отличались существенно также и профессиональной структурой населения, так как горожане имели право и занимались сельским хозяйством, крестьяне — торговлей или ремеслом. Лица, занимавшиеся торговлей, кроме обычных прямых налогов платили пошлины с торговых сделок.²⁶ Большая часть населения города и округи занималась земледелием и вела натуральное хозяйство, поэтому почти каждый уезд мог существовать совершенно автономно от внешнего мира, удовлетворяя все свои материальные и духовные потребности самостоятельно.

Важные шаги по административному отделению города от деревни были сделаны при Петре I. В 1699 г. специально для управления посадскими, или податным населением городов, были созданы центральный орган в Москве — Ратуша и местные органы в городах — бурмистерские избы; в 1720—1721 гг. Ратушу заменил Главный магистрат в Петербурге, а бурмистерские избы — городские магистраты. Однако с точки зрения коронного управления, город и округа по-прежнему строго не различались, поскольку не существовало отдельного коронного управления для города и уезда. Лишь в 1775 г. впервые были учреждены должности городничего как единственного представителя короны в городе и уездного воеводы как представителя короны в сельской округе. Только с этого времени город выделился в самостоятельную административную единицу со специфическими коронными органами управления, что способствовало окончательному размежеванию города и округи, горожан и крестьян в административном отношении.

Административное разделение города и округи постепенно подготавливалось социальным, профессиональным и юридическим размежеванием городского и сельского населения, которое началось со второй половины XV в., когда податное население городов получило специальное наимено-

вание посадских людей.²⁷ Сам по себе этот факт говорит о том, что посадские стали чем-то существенным отличаться от крестьянства. Действительно, в местностях, подверженных постоянным военным набегами татар, торгово-промышленное население стремилось ради безопасности селиться в пригородах городов, которые были укреплены и в случае необходимости могли предоставить убежище. Кроме того, посадские приобрели некоторую профессиональную специфику: они в целом больше, чем крестьяне, занимались торговлей и ремеслом. Наконец, по кругу своих обязанностей перед государством они стали отличаться от крестьян, в частности, они собирали многочисленные косвенные налоги.

Профессиональные и социальные различия между посадскими и крестьянами со временем увеличивались. В конце XVI в. крестьяне были прикреплены к месту жительства, т. е. закрепощены. Эта мера отделила их, в особенности тех из них, которые принадлежали монастырям и частным лицам, от посадских. Однако юридические различия между государственными и дворцовыми крестьянами, с одной стороны, и посадскими, с другой — по-прежнему были минимальными, а возросшие социальные перемещения городского и сельского населения грозили их вообще стереть. Дело в том, что в XVI—первой половине XVII в. вследствие роста безопасности границ Русского государства посадские стали активно переселяться в районы новой колонизации, а в силу стремления уклониться от налогов и повинностей — покидать свою общину и переходить под покровительство бояр и дворян (в то время это называлось «закладываться»). Во втором случае, не бросая своего промысла, закладчики либо оставались в городе, либо уходили в сельскую местность. Закладничество освобождало посадских от всех обязанностей перед городской общиной и государством. Уклонение значительной части посадских от тягла вызвало большое неудовольствие оставшихся, так как, будучи связанными круговой порукой, они были обязаны платить за ушедших налоги и нести повинности, а с теми, кто оставался в городе, конкурировать на неравных условиях. Посадские апеллировали к правительству с требованием остановить утечку людей из городских общин, что нашло у правительства понимание, поскольку оно теряло налогоплательщиков. В ответ на ходатайства были приняты меры по ограничению социальных перемещений посадских и по сосредоточению торговли преимущественно в городах. Для открытия торгового пункта в селе требовались распоряжение правительства и доказательство просителей, что его открытие не приведет к снижению торговых пошлин в ближайшем старом торговом пункте.

Однако принимаемые меры были недостаточны, и неудовольствие посадских не ослабевало. Их положение усугублялось также и тем, что дворянство, имевшее в городах дома, стало поселять в них своих крестьян, которые под прикрытием своего патрона занимались торговлей и ремеслом без уплаты каких-либо налогов и сборов в пользу городской общины. Крестьянское население городов стало довольно быстро расти и составлять серьезную конкуренцию тем посадским, которые занимались торгово-промышленной деятельностью. Переход посадских в закладчики и миграция крестьянства в города привели к серьезному сокращению доли посадских среди городского населения — только за 1626—1646 гг. с 51 до 34%.²⁸ Оставшиеся в городах посадские взбунтовались, и правительство в 1649 г. пошло на решительные меры, которые ему предложили сами мятежники в своих прошениях: 1) посадские были прикреплены наподобие крестьян к своим городам и к своей общине; 2) границы города были, с одной стороны, раздвинуты на две версты (2,2 км) по периметру, чтобы город имел больше земли для занятия сельским хозяйством, с другой — более или менее четко определены, чтобы сельские поселения не смешивались с городами, а крестьяне — с посадскими; 3) приписка к месту жительства — посадской или сельской общине, а также

род и величина повинностей стали административными, но не юридическими (правовыми) критериями принадлежности к посадским или крестьянам; 4) торгово-промышленная деятельность в черте города закреплялась за посадскими, хотя государственным и дворцовым крестьянам ею заниматься не возбранялось; 5) закладчики, где бы они ни проживали, должны были быть принудительно возвращены в посадские общины, и впредь выход из них был запрещен, за исключением случаев, санкционированных коронной администрацией. Реформа поначалу имела успех: численность посадских с 1646 по 1652 г. возросла примерно на 50 тыс., а их доля в городском населении увеличилась с 34 до 44%. Однако правительство не смогло строго проводить в жизнь намеченные меры. Под давлением дворянства оно стало делать послабления, и к 1678 г. доля посадских в городском населении вновь сократилась до 41%, к 1719 г. — до 39%, а среди всего населения страны — до 4.0% в 1678 г. и 3.6% в 1719 г., хотя абсолютная численность посадских за 1652—1719 гг. увеличилась с 216 до 462 тыс.²⁹ Правда, послабления в проведении закона в жизнь не означали отказа от самого закона. Тем более что не только посадские, но и все категории крестьян были прикреплены к своему месту жительства и своей общине и любые легальные перемещения из одного поселения в другое могли совершаться только с разрешения коронной администрации. Реформа создала предпосылки для юридического и профессионального размежевания между крестьянами и посадскими, между городскими и сельскими общинами, между городом и деревней. Несмотря на это, реформа не смогла провести четкое юридическое размежевание посадских и крестьян, так как различия в правах, т. е. сословные различия, между крестьянами, в особенности государственными, и посадскими не были установлены в законе — они различались фактически, административно, а не юридически, по закону.

Следующий важный шаг в размежевании посадских и крестьян, города и деревни был сделан магистратской реформой 1721—1724 гг. Во-первых, реформа способствовала консолидации бывших посадских, теперь называвшихся гражданами, не только в масштабе города, но — что чрезвычайно важно — и в масштабе всей страны. Во-вторых, учреждение специального органа управления всеми гражданами — Главного магистрата, состоявшего наполовину из членов по их выбору, наполовину по назначению коронной администрации, подтверждение привилегий на занятие торгово-промышленной деятельностью и первое определение в законе признаков принадлежности к гражданам (профессиональные занятия, жительство в городе, принадлежность к городской общине и права самоуправления) еще более отделили их от других социальных групп. Все это подготавливало почву для преобразования торгово-промышленного населения городов в сословие. Консолидация граждан сопровождалась ростом сословного самосознания, что нашло отражение в проведении ими под эгидой коронной администрации региональных и всероссийских собраний. В Москве в 1720-е гг. состоялись съезды купеческих депутатов для выработки типовой инструкции городским магистратам, в 1730—1740-е гг. прошли областные съезды купечества для обсуждения своих проблем и для выборов представителей граждан в елизаветинскую и екатерининскую законодательные комиссии 1761 и 1766 гг.³⁰

Жалованная грамота городам 1785 г. завершила размежевание города и деревни, горожан и крестьян, городских и сельских общин в юридическом отношении. Она впервые дала понятие городского общества как совокупности всех жителей данного города, обладающих правами самоуправления. В городах была введена городская обывательская книга, в которую должны были записываться все горожане. Книга служила основным документом, удостоверяющим принадлежность лица к горожанам. Статус «городового обывателя» давал право на жительство в городе (особого права жить в де-

ревне не требовалось) и на пользование преимуществами городской жизни: лечебными, учебными, благотворительными и другими учреждениями, стационарной городской торговлей (в деревне действовали, как правило, только ярмарки и базары), общегородскими земельными угодьями, городским комфортом, о котором стала беспокоиться коронная администрация.

Итак, в 1775—1785 гг. произошло окончательное административное отделение города от деревни и юридическое размежевание крестьянства и податного населения города. Однако это вовсе не означало, что все крестьянство стало жить в деревне, а все городское сословие — в городе и что город состоял преимущественно из купцов, мещан и ремесленников. Государственные крестьяне, которые до административного разделения города и деревни занимались в городе земледелием или, благодаря существовавшей в России свободе промысла, — торговлей и ремеслом, остались там и продолжали заниматься прежним своим делом. Помещичьи крестьяне с 1719 г. были привязаны не только к сельской общине, но и к своему владельцу, поэтому их местожительство зависело от воли последнего. Владельцы не только разрешали, но даже способствовали тому, чтобы их крестьяне жили в городе ради заработка, который уходил на уплату оброка и налогов. Около 4% помещичьих крестьян были дворовыми и переезжали в город вместе со своими владельцами. Вследствие этого в городе всегда имелось значительное число крестьян. С другой стороны, граждане, хотя и были приписаны к городу, без труда получали от своей общины разрешение на отлучку в любое место, в том числе и в деревню, где многие занимались торговлей или сельским хозяйством. Коронная администрация этому, как правило, не препятствовала. Что касается других категорий городского населения — дворянства, духовенства, военных и разночинцев, то они находились в городе на разных основаниях. До Манифеста о вольности дворянской в 1762 г. дворяне проживали в городах в связи с государственной военной или гражданской службой, так как они были приписаны не к месту жительства, а к месту службы. После 1762 г. каждый дворянин выбирал место жительства по своему вкусу и в зависимости от личных обстоятельств. Личные дворяне и часть потомственного дворянства по-прежнему оставались в городах в связи с вольной государственной службой, другая часть — ввиду предпочтения городской жизни. Значительное число дворян-землевладельцев зиму, раннюю весну и позднюю осень проводило в городе, а остальное время — в деревне. Проживавшие постоянно или регулярно в городах имели там дома и на этом основании, согласно Жалованной грамоте городам 1785 г., считались настоящими городскими обывателями, записанными в городскую обывательскую книгу. Приходское духовенство, освобожденное от налогов и рекрутской повинности, выбирало место жительства в городе или деревне в зависимости от расположения своего прихода. В принципе в административном смысле оно не было привязано к приходу, но воспользоваться своей свободой не могло, так как его численность всегда превосходила число приходов, в силу чего клирикам приходилось жить там, где имелась работа, а это обычно был приход отца. Число приходов контролировалось государством, поэтому соотношение духовенства, находившегося в городах и деревнях, было более или менее постоянным. Военные, в особенности рядовой состав, являлись подневольными людьми и распределялись между городом и деревней в соответствии с расположением полков, которое постоянно изменялось в зависимости от международной обстановки и разных военных и экономических соображений. Разночинцы были свободны от налогов и рекрутской повинности и, следовательно, — в выборе места жительства: они жили там, где находили средства к жизни. В результате этого в течение всего XVIII в. в городах проживало свыше 50% лиц, не принадлежавших к городскому сословию, а в деревне — до 10% лиц, не принадлежавших к крестьянству.

Экономическое отделение города от деревни

Занятия городского населения. Административное размежевание города и деревни и юридическое отделение городского сословия от крестьянства не означали, что все города к 1785 г. превратились в торгово-промышленные центры, а все сельские поселения имели сельскохозяйственную специализацию. Экономическое отделение города от деревни растянулось на более длительный срок. Рассмотрим, какие изменения произошли в функциональной структуре городов (табл. V.5).

Таблица V.5

Функциональная структура городов Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII—XIX вв. (в %)*

Тип городов по функциям	1760-е гг.	1790-е гг.	1850-е гг.	1897 г.
Административно-военные	4.6	3.9	5.0	0.3
Аграрные	58.9	54.4	22.0	8.5
Смешанного типа	30.6	36.6	20.0	89.2
Торговые	2.3	3.9	10.0	—
Промышленные	3.6	1.2	43.0	2.0
Итого	100.0	100.0	100.0	100.0

* За 1760-е гг. — данные по 131 городу, за 1790-е гг. — по 110, за 1850-е гг. — по 266, за 1897 г. — по 612 городам.

Источники: Миронов Б. Н. Русский город в 1740—1860-е годы. Л., 1990. С. 201; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1899—1905. Т. 1—50, 85, 86.

В табл. V.5 классификация городов проведена по преобладающему виду их деятельности, или по функциям. В соответствии с функциональным подходом, разработанным в экономической географии, под *функцией* понимается только та *деятельность городских жителей, которая производит продукцию или услуги на вывоз из данного города, обслуживает потребности жителей других населенных пунктов, т. е. направлена вовне, на связь города с внешним миром.* Деятельность, удовлетворяющая исключительно внутренние потребности жителей города, не относится к функциональной.³¹ В качестве количественного критерия при оценке значения различных функций города, так же как и деревни, обычно принимается число самодеятельного населения, которое реально их выполняет. В административно-военном городе большая часть самодеятельного населения занята на административной и военной службе; в аграрном городе — в сельском хозяйстве, а также рыболовстве и лесоводстве; в торговом городе — в торговле; в промышленном городе — в промышленности; в городе смешанного типа господствовавшая функция отсутствует, так как население более или менее равномерно распределяется между различными сферами материального производства и непроизводственных отраслей.

Прежде чем комментировать данные табл. V.5, необходимо, хотя бы кратко, объяснить, какова методика расчета самодеятельного населения, занятого в разных отраслях труда. В русской экономической статистике, когда учитывались сельскохозяйственные занятия населения, за единицу счета принимались двор-семья или глава семьи, который назывался самостоятельным хозяином, в то время как во всех других отраслях «понятие самостоятельности имело совершенно реальное значение непосредственного участия в занятии».³² Между тем типичное земледельческое хозяйство основывалось на половозрастном разделении обязанностей и включало не только полных взрослых работников, но также и так называемых полуработников — детей- подростков и пожилых людей, которые выполняли важные сельскохозяйственные работы. В ремесле, торговле и других отраслях несельскохозяйствен-

ной деятельности жены, дети и лица пожилого возраста тоже могли помогать главе семьи, но, в отличие от крестьянской семьи, такая помощь не имела принципиального характера и была незначительна. Вследствие этого если за число лиц, реально занятых той или иной деятельностью, принять всех лиц, получавших средства к жизни от того или иного промысла (т. е. включить детей, нетрудоспособных стариков и т. д.), то число работников будет преувеличено во всех отраслях, но в сельском хозяйстве в меньшей степени, чем в других отраслях труда. При такой методике счета будут неточны не только абсолютные цифры занятых, но и процент лиц, занятых в той или другой сфере труда, потому что только в сельском хозяйстве большинство членов семьи было занято земледелием, а в остальных сферах труда женщины и дети, как правило, не участвовали в деле главы семьи, с некоторыми исключениями для ремесленников и торговцев. Если же за число реальных работников принять только самостоятельных лиц, то, наоборот, число работников будет преуменьшено во многих отраслях, но в сельском хозяйстве в большей степени, чем в других отраслях труда. Проиллюстрируем сказанное на примере данных переписи населения 1897 г. (табл. V.6)

Т а б л и ц а V.6

Число лиц, занятых разными видами деятельности в Российской империи без Финляндии в 1897 г.

Отрасль занятости	Самостоятельные хозяева		Хозяева и члены семьи	
	тыс.	%	тыс.	%
Сельское хозяйство	18 232.3	54.93	93 681.4	74.56
Промышленность*	5174.5	15.59	12310.5	9.80
Банки, торговля**	1256.0	3.78	4142.8	3.30
Просвещение, наука***	376.1	1.13	820.4	0.65
Администрация, суд, полиция	331.1	1.0	949.3	0.76
Вооруженные силы	1132.2	3.41	1242.6	0.99
Религиозная служба	294.9	0.89	791.2	0.63
Прочие	6398.0	19.27	11 701.8	9.31
Итого	33 195.1	100.0	125 640.0	100.0

* Включая строительство, транспорт и связь. ** Включая страхование. *** Включая искусство и литературу.

Источник: Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. 296—297.

Как видно из данных табл. V.6, отраслевая структура самостоятельного и всего населения существенно различалась. Как и предполагалось, доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, среди самостоятельных хозяев была меньше, чем во всем населении (54.93% против 74.56%), наоборот, во всех остальных сферах труда — больше (45.07% против 25.44%). Таким образом, при использовании данных о самостоятельных хозяевах и абсолютное, и относительное число лиц, реально занятых в сельском хозяйстве, существенно занижалось, а абсолютное число лиц, реально занятых в других отраслях, более или менее соответствовало действительности. Данные сельскохозяйственных переписей второй половины XIX—начала XX в. показывают, что в типичной семье земледельцев, состоявшей из 6—7 человек, в сельскохозяйственных работах принимали участие глава семьи — мужчина-полный работник, его жена-работница и либо два подростка — один мужского пола, другой женского, либо два пожилых человека, частично сохранивших трудоспособность. Но вклад каждого трудоспособного члена семьи в производство был различным, так как находился в зависимости от физических сил, умения и возраста. Считалось, что если вклад взрослого мужчины в возрасте

18—60 лет принять за 100%, то вклад женщины-работницы в возрасте 16—50 лет и юноши подростка в возрасте 14—18 лет составлял примерно 35—40%, девушки в возрасте 12—16 лет — 10—15%, мужчины старше 60 лет и женщины старше 50 лет — от 10 до 40% в зависимости от возраста и здоровья.³³ Следовательно, типичная семья состояла примерно из двух полных работников. Поэтому, *чтобы определить более или менее реально число лиц, занятых в сельском хозяйстве, необходимо удвоить число самостоятельных хозяев.* Такая поправка позволит сделать данные о занятых в сельском хозяйстве и других сферах труда более или менее сопоставимыми, так как учет подавляющее большинство участвовавших в сельскохозяйственном труде и выразит общее число лиц, занятых в сельском хозяйстве, в мужчинах-работниках, что очень важно, поскольку доля самодельных мужчин во всех отраслях, кроме сельского хозяйства, в целом по Европейской России составляла в 1897 г. 71%, а женщин и детей — 29%.³⁴

Теперь вернемся к данным табл. V.5 о функциональной структуре городов. Согласно полученным результатам, **преобладающим типом городского поселения в 1760-е гг. (и несомненно в более раннее время) являлся аграрный город**, производительное население которого исключительно или главным образом занималось земледелием. Конечно, аграрный город отличался от деревни: он выполнял хотя бы одну типично городскую функцию — административную, поскольку более 80% городов являлись уездными или губернскими административными центрами. Большинство же городов выполняло по две и более типично городских функций: до 77% аграрных городов — торговую функцию, будучи центрами ярмарочной, базарной или стационарной торговли, и около 29% городов кроме административной и торговой — промышленную функцию; некоторые аграрные города были культурными центрами, так как в каждом третьем из них находилось какое-нибудь учебное заведение. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что сельскохозяйственная деятельность городского населения отличалась от таковой же в деревне: она ориентировалась в большей степени, чем в деревне, на рынок, в городах большее место, чем в деревне, занимали огородничество, садоводство, выращивание технических культур. Таким образом, хотя городская специфика деятельности населения аграрных городов была налицо, в 1760-е гг. они еще находились на пути превращения из типично сельских в типично городские поселения. Примерно 37% городов относились по преимуществу к торговым, промышленным или городам смешанного типа. Причем в экономике городов смешанного типа земледелие играло функциональную роль и лишь в торговых и промышленных городах обслуживало собственные потребности их жителей. Около 5% городов выполняли преимущественно административно-военную функцию.

К началу XIX в. функциональная структура городов не претерпела радикальной трансформации, что свидетельствует о том, что полного отделения города от деревни с экономической точки зрения еще не произошло. Стагнация функциональной структуры городов во второй половине XVIII в. была обусловлена реформой местного управления 1775 г., которая существенно увеличила сеть городов. В течение 1775—1796 гг. правительство в административном порядке преобразовало 271 сельское поселение в города, руководствуясь главным образом административными соображениями, а также преследуя цель количественно усилить городское сословие. Хотя коронная администрация выбирала достойных кандидатов в города, большинство преобразованных сел не были торгово-промышленными центрами, а их население не проявляло желания перейти в городское сословие. Об этом свидетельствуют ответы местной администрации в 1797 г. на запрос правительства о состоянии городов, образованных по реформе 1775 г. Местная администрация признала, что 63% новых городов являлись «недействительными городами», поскольку их жители занимались исключительно сельско-

Рис. 59. Общий вид губернского торгового г. Костромы. 1900-е гг.

хозяйственной деятельностью — и это через 10—20 лет после их образования. Оставшиеся 37% новых городов с большой натяжкой были признаны «настоящими городами». Итак, среди всех городов в 1790-е гг. аграрными являлись 55%, а среди новых городов, образованных по реформе 1775 г., — 63%. Отсюда ясно, что решение правительства о преобразовании сел в города отразилось на их функциональной структуре к началу XIX в.

К середине XIX в. функциональная структура городов радикально изменилась. Ведущее положение в системе городов заняли промышленные города (43% всех городов), до 10% увеличилась доля торговых городов; наоборот, города смешанного типа и особенно аграрные города резко сдали свои позиции — они составляли соответственно 20 и 22% всех городов. Одновременно с этим **земледелие потеряло свое прежнее значение в городах всех типов:** в 19% городов Европейской России земледелие вообще перестало фигурировать в качестве функционального вида деятельности, в 44% оно играло второстепенную роль, в 15% — важную и лишь в 22% городов — главную роль; городов, где сельское хозяйство являлось единственным источником средств существования, не осталось. Интересно отметить, что деградация аграрной функции города сопровождалась известным прогрессом городского земледелия там, где оно сохранилось, выражавшимся в замене экстенсивного хлебопашества интенсивным огородничеством и садоводством.

Города разного функционального назначения, если судить по данным за 1850-е гг., отличались друг от друга по всем признакам: экономической ориентацией, числом жителей, социально-профессиональным составом населения, структурой производства, количеством земли, городским бюджетом, другими характеристиками. По большинству показателей, причем и в абсолютном, и в относительном измерениях, промышленные города превосходили торговые, торговые — города смешанного типа, города смешанного типа превосходили аграрные города, аграрные — административно-военные. Например, среднее число жителей (в тыс.) в промышленных городах составляло 14,4, в торговых — 10,5, в городах смешанного типа — 5,9, в аграрных — 3,8, в административно-военных — 3; валовой продукт городской экономики (в тыс. р.) равнялся в промышленных городах 954, в торговых — 213, в смешанного типа — 108, в аграрных — 51, в административно-военных — 40; оборот торговли (в тыс. р.) — соответственно 3074, 861, 250, 107, 156; доходная часть городского бюджета (в тыс. р.) — соответственно 39,5, 7,1, 5,5, 2,4, 2,9 и т. д.

Города различной специализации отличались также уровнем экономического развития, который оценивался на основании 22 экономических признаков (среди них важнейшими были величина промышленного производства и оборот торговли за год). Если классифицировать города 1850-х гг. по этому признаку на три категории — слабо развитые, среднеразвитые и высокоразвитые, то окажется, что 74% всех городов были слабо развитыми, 8% — среднеразвитыми и 18% — высокоразвитыми. Такое распределение отражает общее экономическое состояние городов России середины XIX в. Между функциональным типом города и уровнем его экономического развития существовала достаточно тесная связь: 95% аграрных и 92% административно-военных городов являлись слабо развитыми, в то время как среди торговых таковых насчитывалось 63%, а среди промышленных городов — лишь 19%. Не было ни одного аграрного высокоразвитого города, а среди административно-военных их доля составляла всего 8%, в то время как среди торговых и промышленных 30% были высокоразвитыми. Это говорит о том, что специализация города оказывала влияние на общий уровень его развития. Доиндустриальные российские города середины XIX в. по общему уровню развития можно ранжировать следующим образом: административно-военные, аграрные, смешанного типа, торговые, про-

мышленные. Подобная ранжировка представляется вполне закономерной, ибо в ней отражается историческое развитие русских городов, начинавшихся как крепости, административно-военные пункты или аграрные поселения и со временем превращавшихся в промышленно-торговые. За столетие, 1760—1860 гг., из аграрных и административно-военных городов 14% остались в своей группе, 29% стали городами смешанного типа, 14% — торговыми, 42% — ремесленно-промышленными; из городов смешанного типа 19% остались в прежней группе, 10% стали торговыми и 71% — ремесленно-промышленными; из торговых городов 50% стали торгово-ремесленными и 50% — ремесленно-промышленными; все ремесленно-промышленные города остались в своей группе. **Разные функциональные типы городов середины XIX в. можно рассматривать как различные стадии эволюции городских поселений в России.**

Нет сомнения, что административная и военная функции поселений служили толчком к образованию и развитию города, а аграрная функция на первых порах давала ему материальные и людские ресурсы, чтобы стать важным экономическим центром. Однако поступательное развитие города было возможно только при условии возникновения и совершенствования промышленной и торговой функций, иначе он либо переживал застой, либо вообще утрачивал статус города. Сравнение списков городов на разные даты показывает, что из 316 городов Европейской России на 1745 г. к 1860 г. потеряли статус города 29% административно-военных поселений по той причине, что им не удалось развиваться в торгово-промышленном отношении. Такой была судьба военных городов по всем границам России. Зато те из них, которые сумели развить торговую либо промышленную функцию, превратились в крупные торгово-промышленные и одновременно административные центры, такие как Воронеж, Орел, Оренбург, Пенза, Самара, Саратов, Симбирск, Сызрань, Тамбов, Уфа и др. Города, выдержавшие конкуренцию и проверку временем, были готовы к промышленной революции, которая развернулась в России после эмансипации.

В пореформенное время в экономической структуре городов произошли новые изменения: уменьшалось число аграрных и административно-военных городов, узкая специализация городов на каком-нибудь одном виде деятельности сменялась многофункциональностью, почти во всех городах возникли культурный сектор и сфера обслуживания. К концу XIX в. «чисто» административно-военных, аграрных и т. д. городов осталось немного — всего 10.8% (66 из 612) сравнительно с 80% в 1850-е гг. Зато число городов смешанного типа возросло как абсолютно, так и относительно — с 20 до 89%. В 546 городах смешанного типа имела ведущая отрасль занятости населения, которая определяла экономическую физиономию города. Распределение городов смешанного типа по ведущей отрасли в 1897 г. дает следующую картину: промышленность и строительство являлись ведущей отраслью в 37.6% городов, сельское хозяйство — в 30.0%, сервис — в 17.4%, административно-военная сфера — в 9.7%, торговля, транспорт и финансы — в 0.7%, прочие отрасли — в 4.6%.

В экономической географии принято классифицировать города также на *доиндустриальные*, *индустриальные* и *постиндустриальные*. Доиндустриальный город выполняет главным образом административную, военную и аграрную функции, индустриальный город — промышленную, торговую и транспортную функции, а в постиндустриальном городе ведущее место принадлежит сервисной функции, в которую включается и культурная деятельность. Основываясь на этих критериях, получаем следующую типологию 612 российских городов на 1897 г.: 219, или 35.8% всех городов, относились к доиндустриальному типу, поскольку в сельском хозяйстве, администрации и армии было занято либо более 50% самодеятельного населения, либо больше, чем во всех отраслях городской экономики вместе взятых (т. е. без ран-

тье и пенсионеров); 390, или 63.7% всех городов, были индустриальными, так как главными или ведущими отраслями городской экономики являлись промышленность, торговля, транспорт и финансы; наконец, только в 3, или 0.5% всех городов (Петербурге, Одессе и Киеве), главным или ведущим стал так называемый третичный, сервисный вид деятельности.³⁵

Таким образом, в конце XIX в. одновременно сосуществовали умирающие доиндустриальные города, бурно развивающиеся индустриальные и зарождающиеся постиндустриальные города. Сильные позиции доиндустриальных городов говорят о том, что традиционный уклад городской жизни был еще весьма живучим. Сельское хозяйство, в частности огородничество, в конце XIX в., не говоря уже о более раннем времени, еще оставалось важной отраслью городской экономики даже в столицах. В Петербурге под огородами находилось в 1830-е гг. 14.3% всей площади города, к 1860-м гг. эта доля поднялась до 19.4% ввиду увеличения его территории за счет пригородных сел и деревень, где занятия сельским хозяйством были широко распространены. В 1897 г. огородничеством занимались 17.7 тыс. человек, или 2% самостоятельного населения столицы, в Москве — соответственно 15.4 тыс. человек и 2%.³⁶ Это можно считать вполне естественным: промышленная революция пришла в Россию только после эмансипации, а те изменения, которые она принесла в экономику городов менее чем за три десятилетия, следует признать существенным прогрессом.

Отраслевой состав занятости горожан углубляет наше представление о развитии российских городов в XVIII—начале XX в. (табл. V.7).

Таблица V.7
Отраслевая структура занятости самостоятельного городского населения Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII—XIX вв.

Отрасль занятости	1760-е гг.	1790-е гг.	1850-е гг.	1897 г.
Число занятых, в %				
Промышленность*	11.0	13.0	38.0	28.0
Торговля и транспорт	12.0	13.0	14.0	13.9
Сельское хозяйство**	48.0	46.0	18.0	7.9
Администрация, суд, полиция	1.4	1.7	2.0	2.6
Вооруженные силы	9.0	7.0	10.0	8.7
Религиозная служба	1.1	0.9	0.7	1.3
Прочие отрасли	17.5	18.4	17.3	37.6
Итого	100.0	100.0	100.0	100.0

* Вместе со строительством. ** Без животноводства, рыбной ловли, охоты и лесного хозяйства.

Источники: Миронов Б. Н. Русский город... С. 206; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 1—50, 85, 86.

В течение XVIII—первой половины XIX в. отраслевая структура занятости горожан радикально изменилась, главным образом в первой половине XIX в., за счет уменьшения числа лиц, занятых в аграрном секторе, и увеличения числа лиц, занятых промышленным трудом (на 25%), в незначительной степени — за счет увеличения числа лиц, занятых в торговле и на транспорте (на 1%), в администрации (на 0.6%) и в еще меньшей степени — за счет уменьшения занятости в прочих отраслях (на 1.3%). Поскольку доля лиц, охваченных сферой материального производства, осталась прежней — около 70%, изменение структуры занятости городского населения произошло за счет его перераспределения между сельским хозяйством, промышленностью и торговлей. Перемены, произошедшие в сфере нематериального производства, были крайне незначительны. Немного увеличилась доля лиц, занятых в администрации и культуре, а также в армии (число военных в

Рис. 60. В цехе машиностроительного завода. С.-Петербург. 1900-е гг.

середине 1850-х гг. возросло ввиду Крымской войны). Соотношение между занятыми в материальном производстве и непроизводственных отраслях на протяжении столетия оставалось как 70:30. Это свидетельствует о стабильном и невысоком уровне производительности общественного труда, вследствие чего общество не могло в середине XIX в. выделять на культурные и административные нужды больше средств, чем за 100 лет до этого. Структура занятости населения российских городов в середине XIX в. напоминала доиндустриальные города Западной Европы XVII—XVIII вв.

В пореформенное время отраслевая структура занятости городского населения претерпела новые существенные изменения. К концу XIX в. в материальных отраслях уменьшилась доля лиц, занятых в сельском хозяйстве (на 10%) и в промышленности (10%). Пришедшая в Россию промышленная революция способствовала вытеснению ремесла фабрикой, с одной стороны, и перемещению промышленного производства из города в деревню, с другой. Это и привело к снижению роли промышленности в городской экономике. Доля лиц, занятых в торговле и на транспорте, осталась прежней. В целом доля лиц, работающих в сфере материального производства, уменьшилась на 20%, а занятых в нематериальном производстве увеличилась на 20%. В важную отрасль городской экономики выдвинулась сфера обслуживания, которая поглощала около 17% рабочей силы городов. Значительное число лиц было занято в культуре, науке, просвещении, искусстве, литературе, на религиозной службе. В большом количестве появились рантье, пенсионеры и стипендиаты, на долю которых приходилось свыше 10% городского самостоятельного населения. Производительность труда существенно возросла, благодаря чему государство и общество стали намного больше, чем до эмансипации, расходовать средств на удовлетворение духовных потребностей людей. По структуре занятости населения российские города на рубеже XIX—XX вв. стали напоминать западные индустриальные города более раннего времени.

Занятия сельского населения. Российские деревни и села, так же как и города, отличались друг от друга не только величиной, но и занятиями своих жителей. Хотя в подавляющем числе сельских поселений жители были заняты преимущественно в сельском хозяйстве, среди них было немало таких, которые активно были вовлечены в кустарную и фабричную промышленность, торговлю. Начиная с XVII в. существовало значительное число промысловых и торговых сел, которое со временем увеличивалось.³⁷ Однако более или менее систематические данные об этом мы имеем только на конец XIX—начало XX в. Под руководством В. П. Семенова-Тян-Шанского была произведена оценка промышленно-торгового потенциала России на 1900 г. Были выделены все городские и сельские поселения в 64 губерниях Европейской России, имевшие сколько-нибудь значительную торговлю и промышленность. Таких пунктов оказалось 6769, из них 761 городских и 6008 сельских.³⁸ Таким образом, в каждом десятом сельском поселении имелись торгово-промышленные заведения и население, активно занимавшееся неземледельческими промыслами. Для разделения поселений на городские и сельские с экономической точки зрения Семенов-Тян-Шанский предложил два критерия — людность и величину торгово-промышленного оборота. Согласно его оценке, этим критериям в 1910 г. соответствовали 534, или 70.2%, города, и 703, или 0.1%, сельских поселения.³⁹ Хотя среди 1237 «истинных» городов на долю сельских поселений приходилось 57%, а на долю городских — 43%, очевидно, подавляющее число городов являлось важными торгово-промышленными центрами, в то время как среди сельских поселений таких насчитывалось в относительном смысле ничтожное число. Налицо явное экономическое размежевание города и деревни. Если принять во внимание, что в конце XVIII в. 54% городов были аграрными, а в прочих, за исключением 50 губернских и десятка крупных городов, промышленность и торговля имели скромные обороты, что в середине XIX в. в 81% городов

аграрная функция имела важное значение, то нам придется признать: к началу XX в. произошло окончательное экономическое отделение города от деревни. С другой стороны, около 10% сельских поселений успешно развивали промышленную и торговую функции. Они заполняли обширное переходное пространство между городом и деревней, благодаря чему вся совокупность сельских и городских поселений образовывала континуум от типичной деревни к типичному городу. Отраслевые структуры занятости городского и сельского населения существенно различались (табл. V.8).

Т а б л и ц а V.8

Структура занятости самодельного населения Европейской России без Польши и Финляндии (в %)*

Население**	Земледелие			Промышленность, строительство			Торговля, транспорт		
	1857 г.	1877 г.	1897 г.	1857 г.	1877 г.	1897 г.	1857 г.	1877 г.	1897 г.
Сельское	90.3	89.3	82.5	1.3	1.8	7.0	0.4	0.8	2.0
Городское	18.0	—	8.0	38.0	—	28.0	14.0	—	14.0
Всего	82.8	81.8	74.9	4.6	6.2	10.6	1.6	3.1	4.4

* За 1857 и 1877 гг. — реконструкция. ** Старше 20 лет.

Источники: *Миронов Б. Н.* История в цифрах. Л., 1991. С. 65—92.

Как видно из данных табл. V.8, в середине XIX в. и, вероятно, в более раннее время в деревне почти доминировало сельское хозяйство, в котором было занято около 90% самодельного населения, в то время как в промышленности и строительстве — всего 1.3%, в торговле — 0.4%, во всех остальных отраслях — 7.1% сельского населения. В отличие от деревни, в городе ни одна отрасль занятости не была преобладающей. Наибольшее число горожан было занято в промышленности (38% населения), следующая по важности отрасль — сельское хозяйство (18%), на третьем месте — торговля (14%), во всех оставшихся отраслях работало 30% городского самодельного населения.

На 1897 г. мы располагаем более подробными данными об отраслевой структуре занятости городского и сельского населения (табл. V.9).

В пореформенное время занятия сельского населения стали немного разнообразнее за счет переключения 7% крестьян из сельского хозяйства в промышленность и торговлю; во всех оставшихся отраслях труда были заняты те же 7% населения, как и до эмансипации. Отраслевая структура городского населения во второй половине XIX в. также стала более разнообразной. В основных сферах труда — промышленности, торговле и земледелии — процент занятых уменьшился на 20 пунктов и составил 50% самодельного населения. Важную роль приобрела сфера услуг (гостиницы и клубы, бани и парикмахерские, домовая прислуга и т. п.), дававшая работу почти 17% населения, армия поглощала 8.7% населения. Остальные работники были заняты в различных отраслях — от финансов до проституции.

С точки зрения профессиональных занятий деревня имела достаточно однородное население даже в конце XIX в., не говоря уже о более раннем времени. Согласно данным переписи 1897 г., из 506 уездов 50 губерний Европейской России в 493 более половины самодельного населения было занято в сельском хозяйстве, в 10 уездах — около половины и лишь в 3 уездах (Богородицком и Бронницком уездах Московской губернии и Покровском уезде Владимирской губернии) в земледелии было занято менее половины крестьян — соответственно 13, 42 и 42%. Несмотря на это, к концу XIX в. неземледельческие занятия в качестве основного, а не вспомогательного вида деятельности, достаточно глубоко проникли в деревню: в 56, или в 11.1% всех уездов, 30—55% крестьян получали главные жизненные средства от неземледельческих занятий, в 85 (16.8%) — 20—29% крестьян, в 306

(60.5%) — 10—19% крестьян и в 59 (11.7%) — 2—9% крестьян получали главный доход вне сельского хозяйства. Однако в отличие от города в деревне доля лиц, занятых в сфере нематериального производства, осталась на том же уровне, как и до эмансипации, — около 7%. Это говорит о том, что изменение структуры занятости крестьянства произошло за счет его перераспределения в отраслях материального производства и что в духовной сфере было занято крайне мало людей — в процентах столько же, как и до эмансипации. Крестьянство продолжало бороться главным образом за материальное выживание, для удовлетворения духовных потребностей у него было мало средств и возможностей. Сравнение процента лиц, занятых в различных отраслях хозяйства (табл. V.9), с долей различных отраслей в национальном доходе, показывает уровень производительности труда в каждой отрасли. В сельском хозяйстве производилось 47.8% национального дохода, вместе с лесоводством и рыболовством — 54%, в то время как в промышленности — 21.7%, строительстве — 7.1%, в торговле — 8.3%, на транспорте — 8.9%. Отсюда следует, что **наименее производительным был труд в сельском хозяйстве; труд в промышленности был примерно в 3 раза более результативным, в торговле — в 4 раза, в строительстве — в 6.6 раза, на транспорте — в 7.7 раза более производительным, чем в аграрном секторе.**⁴⁰

Таблица V.9

Отраслевая структура занятости самодеятельного населения обоего пола в Европейской России без Польши и Финляндии в 1897 г.

Отрасль занятости	Сельское население		Городское население		Всего	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Сельское хозяйство*	26 056.0	82.6	557.7	8.8	26 613.6	70.3
Промышленность	1874.0	5.9	1564.2	24.7	3428.2	9.1
Транспорт, связь, почта	262.1	0.8	300.1	4.7	562.2	1.5
Строительство**	339.9	1.1	206.4	3.3	546.3	1.4
Торговля***	396.8	1.3	581.7	9.2	978.5	2.6
Финансы, страхование	0.7	0.0	13.7	0.2	14.4	0.04
Сфера обслуживания	870.9	2.8	1047.3	16.6	1917.2	5.1
Здравоохранение	34.9	0.1	71.4	1.1	106.3	0.3
Просвещение, наука****	82.0	0.3	107.4	1.7	189.4	0.5
Администрация, суд, полиция	92.7	0.3	167.4	2.6	260.1	0.7
Вооруженные силы	1 2 1 .	0.4	550.7	8.7	671.8	1.8
	1					
Религиозная служба	167.4	0.5	80.5	1.3	247.9	0.6
Рантье, пенсионеры	512.2	1.6	657.5	10.4	1169.7	3.1
Прочие отрасли	718.7	2.3	426.3	6.7	1145.0	3.0
Итого	31 529.4	100.0	6332.3	100.0	37 861.6	100.0

* Включая пчеловодство, лесное хозяйство, рыболовство и охоту. ** Включая жилищно-коммунальное хозяйство. *** Включая общественное питание. **** Вместе с литературой и искусством.

Некоторые отличия в данных табл. У.7 и У.9 на 1897 г. объясняются тем, что учтены различные совокупности населения.

Источники: Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 2. С. 296—297 (группы занятий по переписи населения из табл. XX распределены между отраслями занятости следующим образом: № 17—21 — сельское хозяйство, № 22—37, 39, 40 — промышленность, № 41—45 — транспорт, связь, № 38 — строительство, № 47 —59, 61 — торговля, № 46 — финансы, страхование, № 13г — 13и, 60, 62, 64 — сфера обслуживания, № 11 — 12 — здравоохранение, № 9 —10 — просвещение, наука, № 1—3 — администрация, суд, № 4 — вооруженные силы, № 5—8 — религиозная служба, № 13а—13в, 63, 65 — прочие отрасли).

Таким образом, к моменту эмансипации разделение труда между городом и деревней и соответственно хозяйственный отрыв города от деревни

Рис. 6.1. Коробейник. С.-Петербург. 1900-е гг.

достигли своего апогея. Это способствовало усилению рыночных связей между ними, так как и город, и деревня могли нормально развиваться только при условии сотрудничества друг с другом, на что, в частности, указывает тот факт, что около 40% капиталов, занятых в торговле, находились в сельской местности даже в наиболее отсталом в экономическом отношении Черноземном центре.⁴¹ В пореформенное время, благодаря более интенсивному, чем прежде, развитию промышленности и торговли в сельской местности, экономическая противоположность между городом и деревней стала смягчаться.

Важно отметить, что как до, так и после эмансипации возможностей для приложения труда у женщин вне семейного хозяйства было меньше, чем у мужчин: женщины почти вовсе отсутствовали в строительстве, администрации, финансах и армии. Структура занятости крестьянок была намного беднее, чем горожанок. И все же после эмансипации роль женщин на рынке труда всюду заметно повысилась (табл. V.10). Женщины стали преобладать в сфере обслуживания, заняли заметное место в здравоохранении, просвещении, религиозной службе и в промышленности, причем как в городе, так и в деревне. Данные о доле женщин, имевших самостоятельное, независимое от мужчины занятие или дело, показывают, насколько далеко продвинулось освобождение российской женщины к началу XX в. В деревне доля самостоятельных женщин составляла 17.6% — на 4% больше доли вдов в женском населении. Горожанки добились

значительно больших прав в сфере труда, чем крестьянки, поскольку в городе доля самостоятельных женщин равнялась 29%, на 10% превышая долю вдов и на 11% — долю самостоятельных женщин в деревне. Сельское хозяйство оставалось оплотом патриархальности всюду, так как доля самостоятельных женщин там была весьма низкой, хотя именно в этой отрасли женщины фактически работали наравне с мужчинами (табл. V.10).

Т а б л и ц а V.10
Структура занятости самодельных мужчин и женщин в Европейской России без Польши и Финляндии в 1897 г. (в тыс.)

Отрасль занятости	Сельское население		Городское население		Всего	
	м	ж	м	ж	м	ж
Сельское хозяйство	13 028.0	13 028.0	278.8	278.8	13 306.8	13 306.8
Промышленность	1483.3	390.7	1205.0	359.2	2688.3	749.9
Транспорт, связь	248.6	13.5	294.3	5.8	542.9	19.3
Строительство	339.1	0.8	205.6	0.8	544.7	1.6
Торговля	348.7	48.1	498.9	82.8	847.6	130.9
Финансы	0.7	0.0	13.1	0.6	13.8	0.6
Сфера обслуживания	379.3	491.6	336.0	711.3	715.3	1202.9
Здравоохранение	23.7	11.2	41.9	29.5	65.6	40.7
Просвещение, наука	55.7	26.3	67.7	39.7	123.4	66.0
Администрация, суд	92.3	0.4	166.4	1.0	258.7	1.4
Вооруженные силы	121.1	0.0	550.7	0.0	671.8	0.0
Религиозная служба	126.9	40.5	44.3	36.2	171.2	76.7
Рантье, пенсионеры	245.4	266.8	320.6	336.9	566.0	603.7
Прочие отрасли	399.5	319.2	315.1	111.2	714.6	430.4
Итого	16 892.3	14 637.1	4338.4	1993.8	21 230.7	16 630.9

И с т о ч н и к : Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 82—83; Т. 2. С. 296—297.

Таким образом, на протяжении XVIII—начала XX в. дважды произошла радикальная трансформация в функциях городов и соответственно в отраслевой занятости горожан. Можно сказать, что **город XVIII в. был доиндустриальным, в первой половине XIX в. стал прединдустриальным, или протондустриальным, а на рубеже XIX—XX вв. — раннеиндустриальным.** Столь существенная перестройка городов предполагает столь же радикальные перемены в характере труда, в образе жизни городского населения, в значении городов в жизни страны. Сельский вид большинства русских городов XVIII в. и деревенский характер образа жизни городского населения⁴² следует считать закономерным следствием не сельского окружения, которое сохраняется во все времена, а аграрного по преимуществу характера городской экономики. Господствующий вид труда, как хорошо известно, накладывает неизгладимый отпечаток на занимающихся им людей, на их окружение и быт: он диктует тип жилища, застройку поселения и отдельной усадьбы, формирует режим работы и отдыха, формы общественной и семейной жизни, в значительной мере склад ума и психики. Если в 55—58% российских городов XVIII в. сельское хозяйство служило главным занятием жителей, а в остальных городах — важным, если общественный быт большей части городского населения проходил в рамках поземельной городской общины, мог ли типичный русский город не иметь сельского вида, а русский горожанин, не принадлежавший к дворянству и интеллигенции, не жить в формах общественной и семейной жизни, которые во многом напоминали формы, свойственные русскому крестьянину?! Не забудем, что около трети городского населения и по своей сословной принадлежности являлись крестьянами.

Преобразование города из преимущественно административно-военного и аграрного в преимущественно промышленно-торговый центр к середине XIX в. и в промышленно-торгово-культурный центр к началу XX в. сопровождалось изменением его застройки, которая утрачивала одноэтажность, путаность улиц и переулков, приобретала регулярность, становилась более плотной.⁴³ Вот несколько цифр, которые дают представление о внешнем виде и уровне комфорта русских городов в 1825 и 1910 гг. В первой четверти

XIX в. большая часть улиц и площадей оставалась незаасфальтированной, по вечерам они не освещались, общественная уборка улиц не производилась; водопровод, канализация, телефон и телеграф отсутствовали. Театры, музеи и общественные библиотеки были большой редкостью даже в губернских городах. В 1825 г. в «среднестатистическом» российском городе имелось 5 тыс. жителей, которые проживали в 583 домах по 8—9 человек в каждом; 91% домов были деревянными и 9% — каменными. На один город приходилось 5—6 церквей, 1—2 учебных и 2 благотворительных заведения, 3 трактира, одна общественная баня, 14—15 питейных домов и 51 лавка (маленькое стационарное торговое заведение). В 1910 г. число жителей в «среднестатистическом» городе увеличилось до 25 тыс., которые проживали в 2310 домах по 9—10 человек в каждом; из них 80% были деревянными и 20% — каменными. На один город приходилось 12 церквей, 13 учебных и 1 благотворительное заведение, 35—36 трактиров и 18—19 «пивных лавок и винниц». Вечернее освещение улиц имелось в 87%, водопровод — в 20% и канализация — в 5% городов. Практически в каждом городе были больница и аптека. Каждый третий город располагал театром, каждый второй — клубом или народным домом, каждый десятый — музеем. 60% городов имели типографии, 49% — библиотеки или читальные залы. В 4.5% городов действовали трамваи, в 2.6% — телеграфы и в 26.7% — телефоны. Прогресс, достигнутый городами за 85 лет, обгонял рост населения, даже если мы учтем, что число городских жителей за это время возросло почти в 4 раза. Но проблема состояла в том, что всеми этими достижениями пользовалась незначительная часть горожан, проживавшая в центре городов, в благоустроенных домах. Основная масса городского люда в начале XX в. пользовалась примерно тем же комфортом, что и в 1825 г., потому что водопровод и канализация, чистые и мощные улицы имелись в незначительном числе городов, да и то лишь в центре, где проживали зажиточные граждане.⁴⁴

Отрыв городского населения от земледелия и приобщение его к торговым и промышленным занятиям способствовали формированию особого городского быта, для которого были характерны меньшие замкнутость, догматичность, традиционность, связь с природой и ее циклами, чем для сельского быта, и особого городского типа личности, отличавшейся большей подвижностью, инициативой, предприимчивостью, кругозором, грамотностью и — что особенно существенно — индивидуализмом сравнительно с крестьянином. Под влиянием перестройки городской экономики и самого горожанина социальные отношения в городских корпорациях купцов, мещан и ремесленников трансформировались из общинных в общественные, как это будет показано в главе VII «Главные социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства: генезис личности и индивидуализма».

Преобразование большинства городов из аграрных и административных в промышленные, торговые и культурные центры знаменовало решительный шаг в отделении города от деревни в экономическом смысле и в основных чертах завершилось к середине XIX в., а в полной мере — к началу XX в. В основе этого процесса лежало сокращение ресурсов города, необходимых для поддержания его жизни, не говоря уже о совершенствовании аграрной функции. За 1742—1796 гг. население 273 городов, о которых имеются сведения, возросло на 24%, за 1797—1856 гг. население 538 городов — еще на 48%, за 1857—1910 гг. население 570 городов увеличилось еще на 210% в границах, которые практически не расширялись со дня основания города. Рост населения подрывал возможность ведения рационального сельского хозяйства из-за недостатка земли. Переход горожан от хлебопашества к интенсивному садоводству и огородничеству временно задерживал этот процесс, но остановить его не мог, так как для интенсивных форм земледелия все равно требовалась земля, но еще в большей степени — удобрения и вода,

добыть которые в городской черте в достаточном количестве становилось делом бесперспективным. В условиях беспрерывно растущей земельной тесноты городской аграрий не мог конкурировать с крестьянином и вынужден был переключать свой труд из сельского хозяйства в промышленность, на транспорт, в торговлю, в сферу услуг. Отделение города от деревни происходило в основном естественно, но этому процессу до некоторой степени помогало и правительство. Оно игнорировало ходатайства горожан увеличить городской фонд земли, поощряло переселение в города торгово-промышленного населения из сельской местности, стимулировало развитие в городе торговли и промышленности, много сделало для превращения городов в культурные центры.

Развитие деревни происходило противоречиво. Там, где имелись либо плодородные и обильные земли, либо хорошие средства сообщения, либо близость крупного городского или заморского рынка, сельские жители занимались главным образом сельским хозяйством. Там, где перечисленные условия отсутствовали, крестьянство активно подключалось к занятиям торговлей, кустарной и фабричной промышленностью, составляя серьезную конкуренцию городам. Например, на территории 6 промышленных губерний (Московской, Владимирской, Костромской, Тверской, Нижегородской и Ярославской) в 1897 г. имелось 650 промышленных селений (фабричных и кустарных сел и центров неземледельческого отхода).⁴⁵ Хорошей иллюстрацией к сказанному могут служить данные о размещении промышленных предприятий и торговых пунктов. Промышленность более быстрыми темпами развивалась в деревне, чем в городе, и соотношение постепенно изменилось в пользу деревни. В 1725 г. в городах находилось 78% крупных промышленных предприятий и 86% рабочей силы. Значительная часть мелкой промышленности, за исключением ручных домен, соляных варниц и горнов, также концентрировалась в городах.⁴⁶ Через 50 лет, в 1775 г., промышленность выросла в количественном и качественном отношении, однако теперь в городах находилось 60% предприятий и 57% рабочей силы. Тенденция более быстрого развития промышленности в уездах продолжала набирать силу, и в 1860-е гг. в городе сосредоточивалось менее половины предприятий и рабочих. В дальнейшем и доля рабочей силы, и доля промышленных предприятий, размещавшихся в городе, оставались на уровне 1868 г., составляя соответственно 41 и 39% (табл. V. 11).

Таблица V. 11

Распределение предприятий обрабатывающей промышленности и рабочей силы между городом и деревней в Европейской России в XVIII—начале XX в.

Показатели	1725 г.		1775—1778 гг.		1813—1814 гг.		1868 г.		1902 г.		
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
Число пред- приятий {	в городах	42	78	263	60	2145	57	4455	41	7854	41
	в уездах	12	22	174	40	1586	43	6404	59	11 311	59
Число рабо- чих, тыс. {	в городах	12	86	32	57	92	54	160	39	609	39
	в уездах	2	14	24	43	78	46	249	61	949	61

Источники: Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 330—333; Заозерская Е. И. Ведомость 1727 г. «О состоянии промышленных предприятий» // Материалы по истории СССР. М., 1957. Вып. 5. С. 205—282; Индова Е. И. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Нарочницкий А. Л. (ред.). Историческая география России: XII—XX вв. М., 1975. С. 248—345; РГАДА, ф. 199 (Г. Ф. Миллер, «портфели»), оп. 2, д. 385, т. 1, л. 18—63. Ведомость Мануфактур-коллегии о фабриках в 1778 г.; Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816; Статистический временник Российской империи. СПб., 1872. Сер. 2. Вып. 6; Бок И. Материалы для статистики заводско-фабричной промышленности в Европейской России за 1868 год. СПб., 1872. С. L—LXXIII; Погожее А. В. Учет численности и состава рабочих в России: материалы по статистике труда. СПб., 1906. С. 51.

Ситуация повторилась и в сфере торговли. В Европейской России с 1750-х по 1850-е гг. число городских поселений с правильно организованной ярмарочной, базарной и стационарной торговлей возросло со 191 до 630, или в 3.3 раза, а сельских поселений — с 267 до 1854, или в 6.9 раза.⁴⁷ Деревня явно обгоняла город. Только после эмансипации, когда ярмарки, базары и разносчики стали быстро вытесняться магазинами и биржами, город стал выигрывать конкуренцию за преобладание в торговле, хотя крестьяне не только не оставили торговлю, но стали принимать в ней более активное участие: в 1897 г. в торговле было занято 582 тыс. горожан и 397 тыс. крестьян. Успехи деревни в области промышленности и торговли до эмансипации объяснялись активным предпринимательством дворян, которые не только сами участвовали в промышленности и торговле, но поощряли к этому своих крестьян. Горожане начиная с XVII в. и до 1860-х гг. безуспешно боролись с дворянской и крестьянской конкуренцией и только после эмансипации отчасти взяли реванш. Однако в пореформенное время горожане-предприниматели нередко сами устраивали фабрики в сельской местности — поближе к сырью и дешевой рабочей силе, что сдерживало развитие городской промышленности.

Если мы учтем, какова была доля сельских и городских поселений, являвшихся торговыми и промышленными центрами, то успехи деревни сильно поблекнут. В 1750-е гг. 84%, а в 1850-е гг. 98% городских поселений были торговыми центрами и более половины из них являлись также и промышленными, в то время как в сельской местности около 0.5% сельских поселений в середине XIX в. и около 1% в начале XX в. являлись торговыми или промышленными пунктами с оборотами торговли и промышленности, как правило, меньшими, чем в городе. Таким образом, со временем города все более приобретали черты промышленного, торгового и культурного центра, а села и деревни, хотя некоторые из них также двигались в этом направлении, все же мало уклонялись от типичного сельского поселения и медленно приобретали черты городского поселения.

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Численность городского и сельского населения

Численность городского населения и его динамика до сих пор не достаточно изучены по нескольким причинам. Город как административная единица появился лишь в 1775 г., вследствие чего только с этого времени коронная администрация стала собирать демографические сведения о городе в целом, а не об отдельных сословиях, в нем проживавших. Администрация определяла численность городских жителей в отдельные годы по-разному: то учитывала *наличное*, т. е. все фактическое население городов, то *постоянное*, т. е. постоянно проживающее в городах, то *приписное*, т. е. прикрепленное к городу население; то включала жителей пригородов и предместий в состав горожан, то относила их в состав сельского населения, то учитывала временное население, то исключала его из расчетов; кроме того, сам учет населения производился в отдельные годы в разное время года, от чего существенно зависела численность наличного населения. Мешает изучению урбанизации и то обстоятельство, что среди российских историков нет единства по вопросу о том, какое поселение считать городом.⁴⁸

В соответствии с разделяемой мною точкой зрения, что в России к городам следует относить *официальные города* — те поселения, которые считались таковыми правительством и самим населением, все нижеприводимые данные о численности городского населения относятся к официальным го-

родам. Используются все имеющиеся в наличии сведения, в том числе данные церковного исповедного учета. Со времен Петра I православные священники по требованию коронной администрации ежегодно собирали сведения об исповедовавшихся и неисповедовавшихся прихожанах на Пасху и представляли их в духовные консистории и Синод. Духовное начальство ежегодно обобщало поступавшие сведения по городам и уездам в отдельности. Это создает возможность для учета отдельно городского и сельского населения, поскольку приходы делились на городские и сельские и их сеть весьма мало изменялась в течение XVIII—первой половины XIX в. Исповедная статистика давала сведения о членах прихода, т. е. о постоянном населении, жители пригородов и предместий городов, как правило, относились к сельскому населению. Достоинства исповедной статистики состоят также в том, что она фиксировала все социальные группы населения, принимала во внимание официальные города в неизменных границах и всегда придерживалась одного и того же порядка учета. Это делает церковные сведения сопоставимыми для большого отрезка времени. Главным недостатком исповедной статистики является то, что она учитывала только православных жителей, на долю которых в XVIII—первой половине XIX в. приходилось 85% всего населения. Из этого недостатка вытекал второй — небольшое, например в 1.03—1.05 раза в середине XIX в. и в 1.13 раза в 1897 г., занижение доли городского населения, если процент горожан среди православного населения принимать за процент городского населения для всего населения Европейской России. Причина этого состоит в том, что доля горожан среди протестантов, католиков и особенно евреев превышала долю горожан среди православных. Например, в 1858 г. по официальным данным среди наличного городского населения доля горожан-православных равнялась 8.8% от числа всех православных, а среди лиц других вероисповеданий — 13.0% от всего числа лиц других вероисповеданий.⁴⁹

Для XIX—начала XX в. историки обычно используют данные административной статистики за 1811, 1825, 1840, 1856, 1858, 1863, 1870, 1885, 1904—1917 гг. Однако и после реформ 1860-х гг., которые затронули и статистическую службу, официальные данные не избавились в полной мере от недостатков, свойственных дореформенному периоду, хотя и стали более точными и единообразными по методике сбора. В большинстве случаев и для большинства городов администрация учитывала наличное население городов, но до 1897 г., как правило, без пригородов, а после переписи — с пригородами. К сожалению, в одни годы административная статистика учитывала только официальные города, в другие — все городские поселения, а бывало — все городские поселения и сельские поселения с населением более 10 тыс. жителей. Практически только раз, во время переписи 1897 г., для счетчиков была четко составлена инструкция. В остальных случаях центральная администрация просто требовала от местной доставить «точные сведения» о городском населении, что провоцировало местную самодеятельность. В результате данные в различных городах собирались по-разному. Например, в 1904 и 1910 гг. в одних городах в число жителей включались войска, в других — нет, в большинстве случаев учитывались пригороды, но в отдельных случаях — нет.⁵⁰ С 1863 г. административная статистика стала часто учитывать кроме приписного населения и людей, живших в городах на постоянной основе, не приписанных к городу, так же и тех лиц, которые приходили на заработки в город всего на несколько месяцев, а затем возвращались к месту постоянного жительства. Это были в большинстве случаев крестьяне-отходники, которые не считали себя горожанами и жителями данного города.⁵¹ Пример Петербурга хорошо иллюстрирует, как администрация собирала сведения о городском населении. Данные за 1863 г. — полицейские данные о наличном населении столицы с пригородами за 1863 г., за 1870 г. — данные городской переписи 1869 г. о наличном населении без

пригородов, за 1885 г. — результаты городской переписи 1881 г. о наличном населении без пригородов, за 1904, 1910 и 1914 гг. — данные за соответствующие годы о наличном населении с пригородами.⁵² Перепись 1897 г. зафиксировала наличное и постоянное городское население, к которому относилась лиц, как сказано в переписной анкете, «обыкновенно проживающих» в данном месте «в зависимости от своей службы или постоянных занятий и т. д., не обращая внимания на то, где оно может быть приписано». Следует иметь в виду, что в промежуточные годы между переписями число городских жителей оценивалось на основе естественного и механического движения населения, т. е. к численности населения за прошлый год прибавлялся чистый прирост населения за счет естественного и механического движения. Поскольку после 1897 г. административная статистика вплоть до 1915 г. весьма неполно учитывала механическое движение населения, то численность наличного городского населения за 1897—1914 гг. и соответственно его доля во всем населении приуменьшалась. Так, согласно официальным сведениям, доля городского населения с 1897 по 1907 г. вопреки всякой логике якобы снизилась с 12,9 до 12,3%. Согласно анкетному обследованию городов в 1910 г., доля городского населения составляла 13,8%, а согласно официальной статистике — 13,0%.

Если объединить без поправок эти разнородные данные официальной статистики в один динамический ряд, мы получим неверную картину динамики городского, а значит, и сельского населения. Так, административная статистика зафиксировала увеличение доли городского населения в Европейской России за 1857—1870 гг. с 9,0 до 10,7%, или на 1,7%, вследствие учета в 1870 г. временного населения и в некоторых городах пригородного населения, которое прежде во внимание не принималось. Согласно переписи 1897 г., которая дала наиболее надежные из всех имеющихся данные, доля наличного городского населения составляла в 1897 г. всего 12,9%, или лишь на 2,1% больше, чем в 1870 г. Другими словами, получается так, будто 27 лет индустриализации и бурного развития капитализма в 1870—1897 гг. дали такое же увеличение процента городских жителей, как и 7 последних лет крепостного режима и первые 7 лет перестройки страны в результате проводившихся реформ. Этот нонсенс объясняется тем, что данные 1857 и 1870 гг. не были сопоставимы. Отсюда следует, что использовать данные административной статистики надо чрезвычайно осторожно, выясняя каждый раз для каждого крупного отдельного города, о каком городском населении идет речь — наличном, постоянном или приписном населении, с пригородами или без пригородов.

Учитывая дефицит и несопоставимость данных административной статистики особенно до 1860-х гг., мне представляется, что для периода до 1870 г. целесообразно использовать данные исповедной статистики, а затем данные административной статистики и переписи 1897 г., внося в них поправки. К сожалению, сводные данные исповедной статистики, относящиеся к периоду после 1870 г., были изъяты из Российского государственного исторического архива в 1918 г. и их местонахождение пока неизвестно; оставшиеся сведения за немногие годы не могут служить источниковой базой для изучения урбанизации. Вследствие этого за 1742—1914 гг. мы имеем не вполне сопоставимые данные: за 1742—1870 гг. — однородные данные исповедной статистики, за 1871—1914 гг. — разнородные данные административной статистики и переписи 1897 г. Чтобы все эти данные корректно соединить в один динамический ряд и получить более или менее адекватную картину динамики городского и сельского населения, необходимо сделать их однородными и сопоставимыми, используя несколько поправочных коэффициентов. Согласно данным исповедной и административной статистики за 1856—1858 гг. и переписи населения 1897 г., в целом по Европейской России включение пригородов в городскую черту увеличивало городское население примерно в 1,19 раза;⁵³ городское наличное население превышало

постоянное население в 1.01 раза, если к временным жителям относить только тех лиц, которые в момент учета населения находились в городах по паспорту, разрешавшему проживание за пределами места приписки менее трех месяцев;⁵⁴ население всех городских поселений превышало население только официальных городов и посадов в 1.04 раза.⁵⁵ Административная статистика после 1897 г. занижала численность городского населения по крайней мере в 1.06 раза. Ориентировочная численность сельского населения будет определена путем вычитания из общей численности населения по официальным данным численности городского населения. После этих разъяснений обратимся к данным табл. V.12, в которые внесены необходимые поправки, что делает их более или менее сопоставимыми и приблизительно верно отражающими *общую тенденцию динамики* городского и сельского населения почти за двухсотлетний период.

Данные табл. V.12 свидетельствуют об интересном явлении, до сих пор не замеченном историками: **с начала XVIII в. и до середины XIX в. происходило снижение процента городского населения** (доля наличного городского населения за 1742—1856 гг. упала с 13 до 9%), **при том что число городов, их средняя людность и абсолютная численность городского населения увеличивались.** Это явление было повсеместным, региональные различия выражались в темпах. Его начало, вероятно, восходит к концу XVII в.⁵⁶ В чем заключались причины данного явления? Одна причина состояла в превосходстве городской смертности над сельской. Более высокий уровень городской смертности объяснялся скученностью населения, способствующей распространению инфекционных заболеваний; худшими, чем в деревне, санитарными и гигиеническими условиями жизни; существованием в городе вредных для здоровья профессий; наличием в городах большего, чем в деревнях, числа военных, особенно отставных, нищих, люмпен-пролетариев, среди которых наблюдалась повышенная смертность; более тяжелыми условиями городского труда; большим распространением пауперизма, преступности, алкоголизма и проституции.

Таблица V.12
Численность городского и сельского населения Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII—начале XX в.

Население	1742 г.	1783 г.	1825 г.	1856 г.	1869 г.	1897 г.	1910 г.	1914 г.
Городское постоянное население, без пригородов, тыс.	1914	2677*	3511*	4320	5190	11914	13651	16346
Городское наличное население, с пригородами, тыс.	2266	3210*	4204*	5203	6242	12065	16371	19508
Сельское наличное население, тыс.	15400	24500	42000	52400	59500	81400	102300	108200
Все население, тыс.	17400	27600	46200	57600	65700	93400	118700	127700
Городское православное постоянное население, без пригородов, %	11.0	9.6	7.4	7.1	6.9	9.5	10.1	11.2
Городское постоянное население, без пригородов, %	11.0	9.7	7.6	7.5	7.9	12.7	11.5	12.8
Городское наличное население, с пригородами, %	13.0	11.6	9.1	9.0	9.5	12.9	13.8	15.3

* Экстраполяция по проценту городского православного населения.

Источники: Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963. С. 164—165; Миронов Б. Н. Русский город... С. 241—249; Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. С. 204—207; Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 10. Отд. 1. С. 18, 87—104; Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 1, 12—13; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 5. Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С. 5—24; Города России в 1910 году. СПб., 1914; Ежегодник России 1910 г. СПб., 1911. С. 49; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1916. С. 46—47.

Слабая миграция крестьянства в города являлась второй причиной снижения доли городского населения. Миграция крестьянства до эмансипации ограничивалась рядом факторов. В XVIII—первой четверти XIX в. в связи с российской революцией цен в стране держалась благоприятная аграрная конъюнктура, под влиянием которой сельскохозяйственный промысел был выгоднее торгово-промышленных занятий. Более быстрый рост цен на сельскохозяйственную продукцию по сравнению с промышленной и общее отставание зарплаты от роста цен отрицательно сказывались на жизненном уровне городских жителей, занятых в промышленности и ремесле. Вследствие этого приток крестьянства в город замедлился, а в ряде мест наблюдался даже отток известной части горожан в сельскую местность для занятия земледелием.⁵⁷ Сдерживала переселение крестьянства в города также и интенсивная колонизация Новороссии, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, принявшая громадные размеры с конца XVIII в., с выходом России к Черному морю и укреплением границ на Каспийском побережье. За 1782—1858 гг. в эти регионы мигрировало около 3,6 млн человек, в основном крестьянство и главным образом для освоения плодородных целинных земель.⁵⁸ Поток колонистов забирал из центральных районов потенциальных мигрантов в города и замедлял урбанизацию. Интересно отметить, что отрицательная связь между сельскохозяйственной колонизацией и городообразовательными процессами наблюдалась в США, где под влиянием сельскохозяйственного освоения территории страны доля городского населения снизилась с 9—10% в 1709 г. до 4—5% в 1790 г.⁵⁹

До эмансипации во владении крестьян находился значительный фонд земли. Это препятствовало процессу раскрестьянивания, который обычно предшествует или сопутствует переселениям крестьян в города. Там, где возникал недостаток земли, он компенсировался неземледельческими занятиями крестьянства, в особенности временным уходом крестьян с мест постоянного жительства на заработки в районы развитой промышленности и торговли. Но отходничество, которым в 1860-е гг. занимались 1,3 млн крестьян,⁶⁰ не приводило к стабильному росту городского населения. Если бы даже десятая часть отходников постоянно осела в городах, то доля горожан сразу бы поднялась на 2%. Заслуживает упоминания, что само по себе наличие у крестьян значительного фонда земли не могло бы остановить раскрестьянивание и соответственно миграцию в города, если бы не сельская передельная община, которая гарантировала каждому новому работнику участок земли.

В Россию с большим опозданием сравнительно с западноевропейскими странами — только после эмансипации — пришла промышленная революция, а доиндустриальный город не мог предоставить работу значительному числу переселенцев из деревни из-за слабого развития промышленности и торговли, которые к тому же, как было показано, не имели тенденции концентрироваться в городах.

Рост городов до середины XIX в. сдерживался правительственной политикой. Во-первых, закон допускал торгово-промышленную деятельность крестьян не только в сельской местности, но и в городе, и она до 1812 г. даже не облагалась промысловым налогом. Вследствие этого крестьянам, занимавшимся торговлей и промышленностью, невыгодно было переходить в городское сословие. Когда же промысловый налог был распространен на крестьянство, он до 1824 г. был меньшим сравнительно с тем, который уплачивался купечеством и мещанством, а с 1827 г. стал равным ему. Именно с этого времени миграция крестьян в города усилилась и падение процента городского населения замедлилось. Важнейшим фактором, сдерживавшим миграцию крестьянства в города, являлось крепостное право, которое, как показано в главе VI «Крепостное право от зенита до заката...», было

чрезвычайно сильным и многоуровневым — государственным, корпоративным и частновладельческим.

После эмансипации хотя падение доли городского населения и прекратилось, но урбанизация проходила все равно вяло: за 1856—1914 гг., до начала Первой мировой войны, доля городского наличного населения увеличилась с 9 до 15.3% — всего на 6.3%. Во время войны, к лету 1916 г. под влиянием массовых переселений призывавшихся в армию крестьян в города, доля городского населения увеличилась еще на 2.1% и составила 17.4%.⁶¹ И это притом, что в пореформенной России проходила индустриализация, в деревне росло малоземелье и крестьянство испытывало большие экономические трудности. Чем же можно объяснить медленные темпы урбанизации в пореформенное время? По моему мнению, и в новых условиях действовали в основном те же причины, которые вызвали падение доли городского населения в XVIII—первой половине XIX в. Во-первых, после эмансипации крестьяне сохранили лишь немного уменьшенный значительный фонд земель. Надельная земля постепенно выкупалась; естественно, крестьяне, вкладывавшие в нее большие средства, всеми силами стремились ее сохранить за собой, в чем русским крестьянам сильно помогала передельная сельская община. Процесс раскрестьянивания был в большой степени парализован. Даже те, кто постоянно жил в городе, воздерживались от разрыва с деревней. Многие из отходников, отправлявшихся на заработки в город, оставляли свои семьи в деревне. В 1856 г. доля женщин в возрасте 16 лет и старше в городском населении Европейской России составляла 45.3%, в сельском — 54.0%, в 1897 г. — соответственно 45.4 и 54.2%. Как видим, большое число мужчин в городе жило без жен, а женщин в деревне — без мужей. Неженатые и незамужние временные жители городов не торопились вступать в брак. В 1897 г. в городах только 60% мужчин бракоспособного возраста состояли в браке, а в деревне — 76%, женщин — соответственно 53 и 69%.⁶² Этот численный перевес мужчин над женщинами и большой процент холостых и незамужних в городе свидетельствуют о том, что не состоящие в браке крестьяне и крестьянки не стремились обзаводиться семьей в городе, а состоящие в браке не спешили перевозить семью в город. В результате один член семьи жил в городе, остальные — в деревне. Следовательно, мигранты не закреплялись в городе постоянно, а рассматривали свое пребывание там как временное. Если бы все разделенные семьи соединились в городе, доля городского наличного населения сразу бы поднялась на 4%. Например, среди населения Петербурга в 1900 г. родившиеся в нем составляли всего 31%, а вне его — 69%. Среди пришлого населения доминировали крестьяне — 861 тыс., или 72% общей численности некоренного населения, а среди них преобладали женатые мужчины, оставившие свои семьи в деревне. Среди женщин было больше крестьянок, но незамужних, которые приезжали в город, чтобы собрать приданое и вернуться в деревню.⁶³ Подобная ситуация наблюдалась во всех крупных городах.

Второй фактор, замедлявший рост городского населения, состоял в том, что индустриализация носила «рассеянный» характер — она в равной степени охватывала город и сельскую местность, вследствие чего и урбанизация была «рассеянной». По данным В. Семенова-Тян-Шанского, в 1910 г. в Европейской России насчитывалось 600 сельских поселений, которые по своему промышленно-торговому значению превосходили многие существовавшие города. В них проживало более 4 млн человек. Если население официальных городов увеличить на эту цифру, то оно превысило бы 20 млн, а доля городского населения поднялась бы до 17%.⁶⁴ **В 1916 г. в сельских поселениях городского типа проживало 3% населения, вместе с ним доля городского населения превышала 20%.⁶⁵**

Наконец, третий фактор, тормозящий урбанизацию, состоял в том, что статус города приобретался поселением не автоматически, после достижения определенной людности или определенного уровня промышленного и торгового развития, как это было во многих других европейских странах, а по правительственному указу. Поскольку в России критерий разделения селений на городские и сельские был юридический, то тысячи селений, по демографическим или экономическим показателям соответствовавшие городу, оставались в разряде сельских. Если бы в России сельские поселения по достижении числа жителей в 2 тыс., как в некоторых западноевропейских странах, например во Франции, автоматически переходили в число городских, то число городов в 1857 г. достигло бы 4000, численность городского населения — 14.3 млн, а доля городского населения — 24%, в 1897 г. число городов составило бы 5600, численность наличного городского населения — 30.2 млн и доля городского населения — 32.3%. И тогда Россия не казалась бы слабо урбанизированной страной.

Я далек от мысли, что все сельские поселения, насчитывавшие более 2 тыс. жителей, или все те 600 сельских промышленно-торговых поселений, которые В. Семенов-Тянь-Шанский считал «кисинными городами», действительно заслуживали названия города. Крупные сельские поселения с достаточно развитой торговлей и промышленностью были с точки зрения городской инфраструктуры устроены элементарно: они состояли из крупного промышленного заведения, окруженного бараками, или казармами, в которых жили крестьяне из окрестных деревень. Большинство таких поселений обладало только экономическим потенциалом малого или среднего города, но в них отсутствовала сколько-нибудь активная социальная и культурная жизнь, а образ жизни их обитателей и комфорт еще не соответствовали даже скромным стандартам российского города рубежа XIX—XX вв. Там не было ни театров, ни библиотек, ни собственной прессы. Там не было общества. В этих селениях не было чего-нибудь похожего на городскую думу, или посадскую ратушу, или даже на мещанскую общину. Жители не объединялись в какие-либо общественные корпорации, так как приписаны были к сельским общинам других сел и деревень, где нередко находились и их семьи. Они составляли только рабочую силу данного предприятия и находились в полной власти его хозяина.⁶⁶ Лишь немногие из промышленных селений действительно были похожи на город. И все же фабрично-заводские поселки уже не были и деревнями, и получение ими от правительства статуса города, наверное, способствовало бы их полному преобразованию в город.

Правительство проявляло интерес к образованию новых городов главным образом по административным соображениям. Во вновь колонизируемых районах оно преобразовывало в города и такие села, которые по своему экономическому развитию и отдаленно не были похожи на города. Например, между 1825 и 1856 гг. в города были преобразованы 11 сельских поселений Саратовской, Таврической, Херсонской, Ставропольской, Курской губерний и Земли Черноморского войска, в которых вовсе отсутствовали промышленные и торговые заведения. В этих обширных губерниях некоторые селения были удалены от ближайших городов на 320 км.⁶⁷ Но даже тогда, когда в городские поселения преобразовывались экономически развитые села (например, села Сухиничи в 1840 г., Вохна и Иваново в 1853 г. — соответственно в Калужской, Московской и Владимирской губерниях), правительство в первую очередь руководствовалось соображениями поддержания общественного порядка.⁶⁸ Образование новых городов требовало от правительства значительных средств, так как нужно было заводить административные учреждения, увеличивать численность чиновников, на что всегда не хватало денег. В некоторых случаях имелось и другое препятствие, затруднявшее преобразование промышленных селений в города: многие из них

до 1861 г. были частновладельческими и не могли быть превращены в города государством без согласия помещиков, а последние либо не соглашались, либо требовали огромный выкуп. С этой проблемой столкнулась администрация во время административной реформы 1775—1785 гг., когда, не имея возможности выкупить промышленные села у помещиков, правительство превращало в города государственные села, которые уступали по уровню экономического развития частновладельческим селениям. Подчеркнем, что в XVIII—первой половине XIX в. все преобразования сел в города происходили по инициативе правительства, которое всегда считалось с мнением населения и позволяло крестьянам, не желавшим переходить в городское сословие, оставаться на прежнем положении.

После эмансипации преобразования сел в городские поселения происходили так же редко: за 1863—1897 гг. на территории Европейской России был образован всего 31 новый город. Чаще всего это делалось по почину правительства в окраинных районах по административным соображениям, а в районах старого заселения — по почину самого сельского населения. Дело в том, что по закону, утвержденному в 1863 г.,⁶⁹ крестьянам было предоставлено право ходатайства о преобразовании их села в город. Правительство удовлетворяло просьбу при четырех условиях: 1) образование города поддерживает не менее чем две трети жителей села; 2) в селе существуют развитые промышленность и торговля; 3) жители имеют достаточно средств на устройство и содержание городского самоуправления; 4) помещик в бывших владельческих селах согласен на преобразование. Оказалось, что эти разумные условия преобразования сел в города было трудно исполнить. Например, ходатайства о преобразовании в города крупных промышленных сел Павлова и Лыскова Нижегородской губернии, Нижнего Тагила и Невьянска Пермской губернии и села Каменского Екатеринбургской губернии не были осуществлены из-за противодействия большинства их жителей. Желание крестьян села Кимры Тверской губернии не реализовалось по той причине, что его земельные владения находились в совместной собственности с соседними селениями и их было крайне трудно размежевать. Село Богоявленское Уфимской губернии и местечко Ивенец Минской губернии не стали городами из-за несогласия помещиков, которым они принадлежали до эмансипации и которые владели там землей.⁷⁰ Села Орехово, Зуево и Никольское Владимирской губерний не были преобразованы в города из-за того, что предприниматели, в руках которых находились промышленные селения, не захотели, чтобы «их» села преобразовывались в города, поскольку в этом случае возрастали налоги и издержки производства.⁷¹

Под влиянием трудностей с преобразованием сел в города правительство в 1897 г. попыталось пересмотреть законодательство по этому вопросу. С этой целью оно собрало от губернаторов предложения о том, какие села целесообразно превратить в городские поселения, с подробной мотивировкой такого преобразования. На запрос Министерства внутренних дел откликнулись 44 губернатора, из них 33, или 75%, ответили, что в их губерниях нет сельских поселений, заслуживающих превращения в города. По мнению 11 губернаторов, было целесообразно 17 сел превратить в города, 3 села — в местечки (городские поселения) и 3 села присоединить к существующим городам. В двух случаях инициатива губернатора сопровождалась прошениями самих крестьян; в 19 случаях прошений крестьян не было, но желание у части крестьян (неизвестно точно, у какой части) имелось; в двух случаях крестьяне выступили с собственной инициативой, которую губернаторы активно не поддержали. Всего, таким образом, местная администрация и крестьяне считали целесообразным изменить административный статус у 23 сел.⁷² Специальная комиссия, которая изучала вопрос о преобразовании сел в города, пришла к выводу, что большинство представленных селений — кандидатов в города до эмансипации принадлежало помещикам и что *глав-*

ными побудительными мотивами крестьян, ходатайствовавших об изменении статуса своего поселения, являлись стремление освободиться от обязанности выплачивать выкуп за землю, надежда улучшить условия земельной аренды и избавиться от помещичьей зависимости, а отнюдь не желание стать горожанами и заниматься промышленно-торговой деятельностью. Легко было предположить, что помещики в таких селениях будут либо против преобразования, либо предъявят такие имущественные и финансовые требования к крестьянам, удовлетворить которые они будут не в состоянии.⁷³ Вследствие этого дело с пересмотром законодательства об образовании новых городов остановилось.

Приведенные данные показывают, что правительство отнюдь не являлось тормозом для роста числа городов, поскольку селений, желавших стать городами, было крайне мало. В чем состояли причины нежелания крестьян переходить в городское сословие? Во-первых, получение статуса города неизбежно приводило к увеличению местных налогов на городское самоуправление и создание новых учреждений, которые полагалось иметь настоящему городу. Во-вторых, согласно закону, земли, принадлежавшие крестьянам, переходили в собственность всего города и в распоряжение городского самоуправления, в котором ведущее место обычно принадлежало не бывшим крестьянам, а купечеству. Крестьяне опасались — и, как показал опыт других городов, совершенно справедливо, что городские власти будут распоряжаться землями в интересах нового города, а не только бывших крестьян, ставших мещанами. В-третьих, для крестьян с 1812 г. и особенно после эмансипации существовали легальные возможности заниматься предпринимательством: они могли купить промысловые свидетельства на право заниматься любым видом бизнеса. Таким образом, та, как правило, большая часть населения промышленных селений, чьи доходы существенно зависели от сельского хозяйства и которая бы понесла существенный ущерб в случае преобразования их села в город, парализовала желание переходить в городское сословие тех крестьян, которые порвали с земледелием и занимались промышленным или торговым предпринимательством или стали пролетариями. А для образования нового города необходимо было, чтобы две трети жителей поддерживали преобразование села в город.

Итак, **официальные данные о городском населении скрывали истинные размеры урбанизации, произошедшей после эмансипации**, и преуменьшали степень модернизации России к 1917 г. Для получения полной картины необходимо учесть также масштабы *скрытой и рассеянной урбанизации*, которая происходила более быстрыми темпами, чем урбанизация официальная. Истоки рассеянной урбанизации заключались в том, что в течение нескольких столетий крестьянство было вынуждено обеспечивать себя всем необходимым, так как ближайший город находился в десятках, иногда сотнях верст от места жительства. По этой причине, а также из-за свободы любого промысла и особенностей климата, вынуждавшего земледельца на несколько месяцев в году забрасывать сельскохозяйственные работы, кустарная промышленность, сельское ремесло, промыслы и торговля стали неотъемлемой частью сельского быта. Интересно отметить, что в Финляндии, где крестьяне жили в сходных с российскими условиях, кустарная промышленность, сельское ремесло и торговля не получили столь широкого распространения, как в России, в значительной мере потому, что в стране со времен шведского владычества действовали законы, ограничивавшие сбыт продуктов крестьянских промыслов, крестьянскую торговлю и ремесло.⁷⁴ Аналогичные законы действовали в средневековой Западной Европе.⁷⁵ Как видим, не только климат, но и законы определяли ход урбанизации.

Социальная структура городского и сельского населения

Вместе с переменами в функциональной структуре города изменялось его население не только с точки зрения занятости, но и в социальном отношении, ибо в России почти до конца императорского периода существовала довольно заметная связь между социальным статусом и занятием человека, в особенности до эмансипации. В середине XVII в. население русских городов на 66% состояло из служилых по отечеству и по прибору с их семьями и крепостным и лишь на 34% из посадских. Сразу после посадской реформы 1648 г. доля посадских возросла на 10%, но затем опять начала снижаться, составив в конце 1678 г. 41%, в 1730-е гг. — около 40%.⁷⁶ В середине XVII в. из 226 городов 66, или 29%, не имели посадской общины, являясь исключительно административно-военными центрами. Они находились на западной, южной и восточной границах. Города с посадским населением располагались в безопасных центральных и северном районах. По мере расширения государства масса городского военного населения перемещалась из центра страны на границы, создавая настоящее запустение в оставляемых центральных городах, которые переставали существовать как крепости. Переселяясь в пограничные города, ратные служилые люди одновременно теряли свое значение в центре, где усиливались посадские, и в конце концов почти целиком утратили право городского торгова, составлявшего один из источников их существования. Одновременно с перемещением служилых людей из центральных городов из них выдворялись землевладельцы в лице церкви и бояр, вся городская земля переходила к государю, а непосадское население обращалось в посадских. Все эти процессы означали отрыв города от деревни, отделение горожанина от землевладельца, служилого человека от крестьянина.⁷⁷

С установлением стабильных границ в европейской части страны в XVIII в. военные и административные функции городов уступали место промышленным, торговым, культурным, соответственно изменялся социальный состав населения. В табл. V.13 приведены данные о социальной структуре приписного, или прикрепленного, к населенному пункту населения и наличного, что позволяет до некоторой степени судить о масштабах географической мобильности населения, связанной с тем, что горожане и селяне искали более выгодные сферы приложения труда и капитала.

Прежде чем комментировать табл. V.13, необходимо отметить, что абсолютные численности и соответственно доли отдельных сословий в составе городского и сельского населения существенно зависели от того, о каком — приписном (постоянном) или наличном — населении идет речь, хотя направления в динамике того и другого, за исключением дворянства, были согласованными. Как можно видеть из данных табл. V.13, социальная структура городского населения была более изменчива, чем сельского. В составе городского населения постоянно увеличивалась доля дворян, из которых формировалась не только бюрократия, но и интеллигенция, что отражало рост управленческой и культурной функций города и появление профессиональной интеллигенции. Доля духовенства сокращалась как среди городского, так и среди сельского населения, в чем проявлялась политика светских и церковных властей, намеренно сдерживавших рост его численности, чтобы улучшить его материальное положение. Доля военных колебалась в зависимости от военной обстановки. Доля разных мелких социальных групп снижалась в результате того, что государство производило постоянные чистки их состава, прикрепляя их членов к основным сословиям общества. Указанные изменения происходили в составе как приписного, так и наличного населения.

Таблица V.13
Социальная структура городского и сельского населения Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII—XIX вв. (в %)

Сословие	Приписное городское население					Приписное сельское население				
	1744 г.	1782 г.	1811 г.	1858 г.	1897 г.	1744 г.	1782 г.	1811 г.	1858 г.	1897 г.
Дворянство	5.0	5.0	4.4	5.4	6.6*	1.4	0.4	1.9	1.1	0.7
Духовенство	3.1	2.6	2.1	1.7	1.2*	1.8	1.4	1.1	0.9	0.4
Городское сословие	44.0	35.7	44.5	56.2	46.4	2.2	1.3	1.5	2.3	6.0
Крестьянство	17.0	33.0	25.1	20.8	43.5	92.6	94.6	92.8	89.1	91.2
Военные	15.4	11.4	6.7	14.1	—	0.8	1.0	1.2	5.5	—
Прочие	15.5	12.3	17.2	1.8	2.3*	1.2	1.3	1.5	1.1	1.7
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	Наличное городское население					Наличное сельское население				
Дворянство	2.6	3.0	4.2	6.0	6.6	0.3	0.2	0.2	0.5	0.7
Духовенство	2.4	2.4	2.0	1.9	1.2	2.0	1.5	1.7	1.1	0.4
Городское сословие	39.8	38.3	39.1	46.8	44.9	4.2	2.0	2.6	3.4	6.3
Крестьянство	32.0	37.6	38.3	30.4	45.0	90.6	92.0	90.5	87.3	91.7
Военные	10.0	11.9	11.8	12.4	—	2.0	3.4	3.5	7.7	—
Прочие	13.2	6.8	4.6	2.5	2.3	0.9	0.9	1.5	—	0.9
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Постоянное население.

Источник: Миронов Б. Н. Русский город... С. 83—84, 91.

Наибольший интерес представляют изменения в численности крестьян и городского сословия. В составе горожан доля крестьян в XVIII в. увеличивалась, в первой половине XIX в. снижалась, а после эмансипации вновь увеличивалась. Причем среди наличного городского населения крестьян было всегда намного больше, чем среди приписного населения, — свидетельство постоянной миграции крестьян в город, которая то ослабевала, то возрастала. **Процент городского сословия изменялся в обратном направлении сравнительно с процентом крестьян: чем больше в городе было крестьян, тем меньше городского сословия, и наоборот.** В конце концов к началу XX в. крестьяне в составе наличного городского населения стали самой многочисленной социальной группой — на их долю приходилось 45% всех горожан. Но купцы и мещане взяли реванш на деревенских просторах. Их доля среди сельского населения постоянно увеличивалась, за исключением второй половины XVIII в., и к 1897 г. достигла 6.0—6.6%. Причем в наличном сельском населении их было всегда больше, чем в приписном, что как раз и свидетельствует о росте миграции городского сословия в деревню.

Представляет интерес распределение представителей отдельных сословий между городом и деревней (табл. V.14).

До освобождения от обязательной службы в 1762 г. большую часть своего времени в зрелом возрасте дворянство проводило на службе. После 1762 г. служилое дворянство в основном проживало в городе, а неслужилое — в деревне. На рубеже XVIII—XIX вв. более половины всего дворянства уже проживало в деревне, а к моменту эмансипации крестьян — более двух третей. В пореформенное время наблюдался отток дворянства из деревни в город, что указывало на его переквалификацию из помещиков главным образом в профессиональную интеллигенцию и чиновников. Соотношение духовенства, проживавшего в городе и деревне в XVIII— первой половине XIX в., оставалось стабильным, после реформ 1860-х гг. наблюдалось его перемещение в город главным образом в связи с тем,

что паства быстрее росла в городе, чем в деревне. **Значительная доля городского сословия всегда жила в сельской местности:** в XVIII в. там проживало около 40%, в 1802 г. — 42%, в 1825 г. — 47%, в 1857—1897 гг. — почти половина всех купцов и мещан. Как видим, на протяжении всего XIX в. деревня давала работу почти половине мещан и купцов. С другой стороны, значительное число крестьян находило работу в городе. Хотя в процентах ко всему крестьянству эта цифра невелика, но в абсолютном значении весьма значительна: например, в 1858 г. — 1.2 млн, в 1897 г. — 5.4 млн человек. Крестьяне же составляли от 32 до 45% наличного населения городов.

Таблица V.14

Распределение населения по сословиям между городом и деревней в Европейской России в XIX в. (в %)

	1802 г.	1857 г.	1897 г.
Дворянство			
город	48.0	32.9	57.6
деревня	52.0	67.1	42.4
Духовенство			
город	11.1	11.1	28.5
деревня	88.9	88.9	71.5
Городское сословие			
город	59.0	50.2	51.0
деревня	41.0	49.8	49.0
Крестьянство			
город	3.4	2.5	6.7
деревня	96.6	97.5	93.3
Военные			
город	21.9	20.9	—
деревня	78.1	79.1	—
Прочие			
город	20.6	11.9	28.4
деревня	79.4	88.1	71.6

Источники указаны в примечании к табл. V.12 и V.13.

Чем занимались крестьяне в городе, а мещане и купцы в деревне? Каковы были взаимоотношения между крестьянами и некрестьянами в городе и деревне? В 1865 г. Министерство внутренних дел задало эти вопросы местной администрации и получило на них исчерпывающие ответы из 34 европейских и сибирских губерний.⁷⁸ Обобщение этих ответов приводит к следующим выводам. Крестьяне проживали в городах в качестве постоянных и временных жителей (первых я буду дальше называть крестьянами-горожанами, вторых — крестьянами-отходниками). Одна часть крестьян-горожан проживала в старых городах с XVII в., в то время, когда город и деревня не были разделены в административном отношении. В новых городах, образованных в XVIII—XIX вв., многие крестьяне-горожане проживали там со дня их основания, так как не захотели перейти из государственных крестьян в мещане. В городах, где таких крестьян насчитывалось несколько десятков, они жили, как правило, обособленно от остальных горожан, в отдельных слободах или предместьях, имели собственную наделную землю, составляли крестьянскую общину и не входили в городское общество. Со временем число таких крестьян уменьшалось, так как многие из них переходили в городское сословие и полностью с ним сливались. В тех городах, где таких старожилов оставалось мало, крестьянская община распадалась и крестьяне-горожане были вынуждены приписываться к ближайшей к городу сельской

Рис. 62. На вокзале в зале ожидания. С.-Петербург. 1900-е гг.

общине, поэтому они также не входили в городскую общину. Но поскольку крестьяне-горожане жили в черте города чересполосно с другими горожанами и имели собственный домик, то платили в городскую казну налог с недвижимых имуществ и все сборы, налагавшиеся на всех городских обывателей,— за очистку и освещение улиц, на содержание противопожарных команд и других отраслей городского хозяйства. Крестьяне-горожане чаще всего продолжали заниматься сельским хозяйством, но, если земли было мало, они за дополнительные сборы включались в торговые или ремесленные промыслы.

Вторая группа крестьян-горожан проживала в городе также постоянно, вместе с семьями, но по паспорту, выдаваемому им сельским обществом, к которому они были приписаны. Эти крестьяне поселялись в городе для занятий торговлей или ремеслом на основании купленных промысловых свидетельств. Они не входили в состав ни городских, ни сельских общин, если последние имелись в городе, и не участвовали в городском самоуправлении. Эта группа крестьян-горожан, как правило, имела в городе свой дом, платила в городскую казну сборы, причитающиеся с городских обывателей. До эмансипации крестьяне-горожане считались государственными крестьянами и в административном отношении подчинялись Министерству государственных имуществ.

Крестьяне-отходники проживали в городе временно, на правах отходников, по краткосрочному паспорту, как правило, без семьи. Часть года они жили в деревне, часть — в городе, но иногда по несколько или по многу лет не покидали город. Большинство из них были заняты сезонными работами — строительством, разгрузкой судов и т. д., рекрутировали ряды лиц наемного труда — рабочих, прислуги, дворников, извозчиков и т. п. Они не имели никакого отношения к городскому обществу и не платили никаких налогов и сборов в городскую казну. До эмансипации 1861 г., будучи выходцами из всех категорий крестьян, они в административном отношении

подчинялись соответствующему ведомству, а частновладельческие крестьяне — помещикам. После эмансипации бывшие государственные крестьяне, проживавшие в городе, подчинялись Министерству земледелия, бывшие помещичьи крестьяне (так же как и до эмансипации) — Министерству внутренних дел. **До 1870 г. ни крестьяне-отходники, ни в большинстве случаев крестьяне-горожане не принимали участия в городском самоуправлении.** Но во всех городах крестьяне-горожане участвовали в принятии городским обществом решений, которые непосредственно их касались, а в некоторых городах, например в Тамбове и городах Полтавской губернии, крестьяне-горожане, имевшие дома в городе, даже участвовали в городском самоуправлении на правах городских домовладельцев. По Городовому положению 1870 г. все крестьяне-горожане получали это право, если удовлетворяли цензам.

До эмансипации в городах в значительном числе вместе со своими владельцами проживали крестьяне-дворовые в качестве слуг, домашних ремесленников, поваров, артистов и т. д. По мере развития сферы услуг в городах и роста заинтересованности помещиков в увеличении своих доходов от оброка и барщины их число уменьшалось. В 1730-х гг. на их долю приходилось 12% всего городского населения, в 1802 г. — 8, в 1857 г. — 4%.⁷⁹

Отношения между крестьянами-горожанами, с одной стороны, и мещанами и купцами, с другой — были мирными, так как строились на основе закона и уважения прав друг друга. Городское общество постепенно ассимилировало крестьян-горожан благодаря бракам, соседским и деловым связям и отказу крестьян от земледелия. После 1870 г. сословные различия между крестьянами-горожанами и мещанами стали минимальными и ассимиляция происходила еще быстрее. Отношения же горожан с крестьянами-отходниками в продолжение XVIII—начала XIX в., вплоть до 1824 г., были напряженными, особенно с теми, кто занимался торговлей и ремеслом, так как крестьяне, как правило, не платили налогов по городскому сословию. После введения обязательных платежей отношения стали более спокойными, но все же они никогда не были вполне хорошими прежде всего потому, что крестьяне составляли горожанам сильную конкуренцию.

Мещане и купцы в сельской местности большей частью проживали постоянно вместе с семьей в своих домах или у родственников. В течение короткого периода, между 1746 и 1801 гг., им запрещалось владеть землей за пределами городской черты. Но в 1801 г. они получили законное право покупать землю, а в 1822 г. — и дом в сельской местности. Как до, так и после эмансипации они занимались торговлей, держали фабрики и заводы, арендовали мельницы, переправы, рыбные тони, содержали кабаки, харчевни и т. п. Некоторые арендовали или покупали землю (получив это право по закону 1801 г.) и вели на ней хозяйство фермерского типа, поскольку не входили в состав сельских общин.⁸⁰ С 1842 г. по закону занимавшиеся сельским хозяйством должны были платить налоги и по городскому сословию, и по крестьянству. Однако большинство мещан и купцов, пользуясь слабым надзором полиции, проживало в деревнях без паспортов и налогов по крестьянскому состоянию не платило. Отношения между ними и крестьянами были большей частью мирными, крестьяне на них не доносили и не жаловались начальству. Меньшая часть мещан и купцов, занимавшихся преимущественно сезонной торговлей, проживала в сельской местности временно, но также имела тесные контакты с крестьянами как покупателями и продавцами.⁸¹ Тесно взаимодействовали крестьяне и с разночинцами как до эмансипации, так и после нее.⁸²

Таким образом, крестьяне и некрестьяне всегда и везде — в городе и деревне — жили бок о бок, некрестьянские сословия никогда не концентриро-

вались в городе, более того — от начала XVIII до середины XIX в. наблюдалось перемещение представителей некрестьянских сословий в деревню, и лишь после эмансипации обнаружилось обратное движение в город. Можно предположить, что такое совместное существование крестьян и некрестьян в каждом городском и сельском поселении приводило к тесным межличностным и культурным контактам, что подтверждается распространенностью межсословных браков.

Мы располагаем данными о числе внутри- и межсословных браков, заключенных представителями различных сословий, за 1764—1820 гг. в г. Екатеринбурге Пермской губернии — крупном промышленном центре России второй половины XVIII—первой половины XIX в., насчитывавшем в конце XVIII в. более 10 тыс. жителей.⁸³ Ранжируем сословия по проценту внутри-сословных/межсословных браков:

духовенство	— 17.3/82.7%	разночинцы	— 35.3/64.7%
дворянство	— 21.6/78.4%	крестьяне	— 40.8/59.2%
военные	— 25.8/74.2%	городское сословие	— 62.7/37.3%
прочие группы	— 33.8/66.2%	(купцы и мещане)	

Как следует из приведенных данных, наиболее открытыми сословиями являлись духовенство и дворянство, поскольку в их среде совершалось наибольшее число межсословных браков — соответственно 82.7 и 78.4%, наименее открытыми были городское сословие и крестьянство, где доля межсословных браков равнялась соответственно 37.3 и 59.2%. Если мы сгруппируем сословия на привилегированные (дворянство и духовенство), непривилегированные (городское сословие и крестьянство) и полупривилегированные (разночинцы, военные и прочие), то доля браков, заключенных представителями привилегированных сословий между собой, составит 20.2%, представителями непривилегированных сословий между собой — 56.6%, представителями полупривилегированных сословных групп между собой — 29.7%, а доля браков между представителями привилегированных и непривилегированных сословий поднимается до 72.5%. Как видим, дворянство, разночинцы, военные и разные мелкие сословные группы интенсивно пополнялись за счет представителей всех сословий, включая и непривилегированные, поэтому доля межсословных браков у них выше. Межсословная мобильность купцов, мещан и крестьянства благодаря бракам ограничивалась главным образом пределами этих двух податных сословий, отсюда и доля межсословных браков у них наименьшая. Из приведенных данных следует, что брак являлся важным каналом вертикальной социальной мобильности.

Насколько представительны данные о браках в Екатеринбурге, если иметь в виду всю Европейскую Россию? Мне кажется, что выводы, полученные на основе этих данных, могут характеризовать уровень межсословных браков в провинциальных городах России. В Петербурге, Москве, Одессе и немногих крупных городах этот уровень был, вероятно, несколько выше. Зато в деревне, где население на 87—93% состояло из крестьян, браки заключались почти исключительно между ними, и лишь в пригородных селениях были распространены браки между крестьянами и мещанами. Довольно значительное число межсословных браков указывает на то, что сословия не были закрытыми, возможно, потому, что сословный строй в России возник поздно и не успел пустить глубоких корней в обществе.

В результате тесного взаимодействия различных сословий между собой, в особенности купцов, мещан и крестьян, на территории города формировалась единая субкультура городских низов и крестьянства, что почти единодушно отмечали современники.

МЕНТАЛИТЕТ СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Понятие *менталитет* не приобрело в исторической науке строгих очертаний, не имеет общепринятого четкого определения.⁸⁴ В данном параграфе под ментальностями будут подразумеваться социально-психологические стереотипы, автоматизмы и привычки сознания, заложенные воспитанием и культурными традициями, ценностные ориентации, значимые представления и взгляды, принадлежащие не отдельным личностям, а той или иной социально-культурной общности, в нашем случае — тому или иному сословию или социальной группе. Ментальности можно назвать парадигмами или референтными моделями восприятия, понимания и оценки действительности, выработанными общественным, или массовым, сознанием в рамках данной общности; они разделяются всеми или подавляющим большинством ее членов. Взятые в совокупности ментальности образуют менталитет — некую систему, нередко противоречивую, которая тем не менее обеспечивает отдельного человека моделью видения мира, способами постановки и решения проблем, с которыми ему приходится сталкиваться. Будучи обусловленными культурными традициями и усвоенными с детства, ментальности обеспечивают отдельного человека и ту общность, к которой он принадлежит, глубинной программой деятельности, правилами или алгоритмами поведения, своего рода инструкциями на все или по крайней мере на важные случаи жизни.⁸⁵

Менталитет крестьянства и городских низов до эмансипации

В устной культуре менталитет хорошо отражается в фольклоре и особенно в пословицах. Поэтому корпус русских пословиц (около 30 тыс.), собранный В. И. Далем во второй трети XIX в. и опубликованный в 1861—1862 гг., может служить хорошим источником для характеристики менталитета не только крестьянства, но также и городских низов в период до эмансипации, потому что до 1860-х гг. корпус пословиц был общим для крестьян, живших в деревне и городе, а также и для мещан, ремесленников и рабочих людей.⁸⁶ Нередко пословицы предлагают две-три точки зрения на какой-то вопрос или для решения какой-либо проблемы, что объяснялось противоречивостью самой жизни и ситуаций. В таких случаях я буду указывать частоту пословиц, выражающих различные взгляды, предполагая, что частота до некоторой степени соответствует распространенности той или иной точки зрения.

В системе ценностей крестьянина в порядке важности находились достаток, понимаемый как удовлетворение скромных материальных потребностей,⁸⁷ уважение односельчан, праведность поведения, дети. Счастье, или, как сказал бы современный человек, жизненный успех, по мнению крестьян, состояло в том, чтобы прожить жизнь, умеренно трудясь, здоровым, в скромном достатке, обязательно в соответствии с обычаями и традициями, завещанными от предков, по правде и по совести, чтобы иметь большую семью и много детей, пользоваться уважением односельчан, не совершить много грехов, по возможности не уезжать из своей деревни и умереть на родине в кругу близких и друзей, успев покаяться перед священником в совершенных прегрешениях.

К власти и славе, в современном понимании этих слов, крестьянин относился равнодушно, к богатству — противоречиво. С одной стороны, он понимал, что деньги могут дать власть, силу и материальное благополучие. С другой стороны, считал, что богатство аморально, так как всегда нажито не по совести и правде, в ущерб и за счет других. Оно не приносит душевного спокойствия, наоборот, обладание им сопряжено с большими хлопот-

тами, волнениями и страхом за свое будущее на том свете, в вечной потусторонней жизни. В комплексе пословиц о богатстве есть 12 пословиц, развивающих идею «богатство нажить — в аду быть», и ни одной пословицы, в которой бы содержались идеи о том, что богатство приносит моральное удовлетворение и является наградой за труды, энергию, инициативу.⁸⁸ Из этого противоречия крестьянин вышел с убеждением, что материальные и духовные потребности должны быть минимальными: «Хлеба с душу, денег с нужу, платья сношу»; «Кто малым доволен, тот у Бога не забыт».

Такой взгляд на богатство predetermined потребительское Отношение крестьянина к земле, собственности вообще и к труду. Крестьянам было чуждо понятие частной собственности на землю, хотя они признавали право собственности на движимое имущество. Земля представлялась им не объектом собственности, а условием труда, на которое имеет право каждый мужчина по достижении совершеннолетия. Землю крестьяне считали Божьей, смотрели на нее как на общее достояние тех, кто ее обрабатывает. В основе такого понимания лежало убеждение, что только труд, приложенный к земле, обращал ее во владение тех, кто трудился на ней. Отсюда представление, что земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает, т. е. крестьянам. До отмены крепостного права крестьяне полагали, что им принадлежит та земля, которая находилась в пользовании общины, в пореформенное время этот взгляд трансформировался: крестьяне стали считать, что им должна принадлежать также и помещичья земля.⁸⁹

Землю, принадлежавшую общине, крестьяне рассматривали как свое общее достояние, поэтому доходы и убытки от ее использования должны распределяться по справедливости, по совести, т. е. уравнительно между всеми. Нарушение равенства воспринималось пострадавшим как ущерб не только материальный, но и моральный, почти как оскорбление. Земля не подлежала ни наследованию, ни завещанию как собственность, но могла передаваться одним членом общины другому как объект временного пользования. Земля принадлежала всей общине в целом, передавалась в пользование не отдельному крестьянину, а *крестьянскому хозяйству, двору, семье*, причем временно, пока члены хозяйства на ней работали.

Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как на источник богатства и власти. По его мнению, собственность должна обеспечивать человека элементарными средствами к жизни. Использование ее для эксплуатации и обогащения греховно. Источником существования каждого человека должен быть личный труд. Накопление собственности не имеет большого смысла, так как не гарантирует общественного признания, уважения, не помогает осуществлению главных целей жизни, порождает эгоистические чувства и вражду, отвлекает от мыслей о Боге. Крестьянин негативно смотрел на ростовщичество и прибыль. Ему было свойственно понятие *справедливой цены*, которая компенсировала затраты, и чуждо понятие рыночной цены, которую устанавливают рынок, спрос и предложение. В 1850-е гг., после того как на водку установились цены, которые крестьяне считали несправедливыми, среди них распространилось трезвенное движение.⁹⁰

Труд должен быть умеренным («Подать оплачена, хлеб есть, и лежи на печи»), ибо работа сверх меры — своего рода алчность и не может быть богоугодным делом («У Бога дней впереди много — наработаемся»). Работа не имеет конца и края, поэтому важно не терять чувства меры и вовремя остановиться, чтобы оставить время для удовлетворения других, не менее важных духовных человеческих потребностей («На острую косу много сенокосу»; «На ретивую лошадку не кнут, а вожжи»).⁹¹ Одним из способов регулирования продолжительности рабочего времени являлись праздники, работа в которые считалась грехом, запрещалась, осуждалась общественным мнением и преследовалась не только по обычаю, но и по закону.⁹²

Крестьяне полагали, что праздник — не менее богоугодное дело, чем работа. Праздники не только приносили отдых от тяжелого труда, но и имели сакральный характер, так как предназначались для посещения церкви и исполнения религиозных обрядов. Крестьяне искренне верили, что работать в воскресенье и церковные праздники грешно и бессмысленно: то, что приобретается в праздник, теряется в будни («Кто в воскресенье орет (пашет. — Б. М.), тот в понедельник кобылы ищет»). Старый украинский крестьянин, сосланный в 1879 г. в ссылку в далекую Вятскую губернию за то, что умудрился лично передать крестьянское прошение Александру II, был, по свидетельству очевидца, потрясен, когда узнал, что местные крестьяне, плохо знавшие христианское учение, работали в некоторые церковные праздники. Он был озабочен вопросом: простит ли его Бог, что его старые очи на склоне дней видели такой грех? Он пытался убедить вятичей в греховности и бессмысленности работы в праздник: «Попробуйте нарочно — смелите на мельнице зерно в Благовещение. После нарежьте на дереве кору и посыпьте той мукой. Чтоб мне не увидеть родную сторону, чтобы тут у вас закрылись мои старые очи, коли то дерево не усохнет <...> А вы такой хлеб в утробу принимаете».⁹³ Светские праздники, которые считались «царскими днями», тоже имели сакральный характер, так как не почитать царя — источник благоденствия, правды и защитника крестьян — считалось грехом («Царский праздник — не наш день, а царский»).

У праздников имелся и еще один важный аспект: это был способ выйти за пределы каждодневных забот и рутины, подняться над повседневностью со всеми ее невзгодами, трудностями, лишениями, повинностями, обязанностями, социальным неравенством и несправедливостью, зависимостью от властей и окунуться в мир радости, беззаботного веселья и свободы. В праздник крестьянин никому не подчинялся, никого не боялся — это была зона, недоступная для помещика и властей («Всякая душа празднику рада»; «В праздник у Бога все равны»; «В такой день и грешников в аду не мучат»). Оторваться от повседневности, конечно, помогал алкоголь; опьянение являлось главным условием праздничного состояния, поэтому праздники сопровождалась обильными возлияниями («В праздник и у воробья пиво»), и это не считалось грехом.⁹⁴

Согласно крестьянским представлениям, от отдельного человека мало что зависит в жизни. «Богатство и бедность воспринимались как дар или наказание, ниспосланные Богом, — свидетельствовал крестьянин И. Столяров. — На Бога же жаловаться нельзя. Бог волен наградить милостью своей или наказать гневом своим. Его пути неисповедимы». По наблюдениям знатоков народного быта, в частности С. В. Максимова, крестьяне были уверены, что не сам человек, не все люди вместе, не естественная эволюция, а крестная сила (Бог, ангелы, святые и т. п.), нечистая сила (черти, домовые и т. п.) и неведомая сила (огонь, вода и другие природные явления) определяли ход вещей в природе и обществе. Поэтому сборник заговоров являлся, по выражению Г. И. Успенского, «лечебником от всех болезней, помощником и указателем во всех житейских бедах, несчастьях и затруднениях, в том числе помощником и от начальства».⁹⁵ Отсюда проистекали пассивность, равнодушие к будущему («Хватает каждому дню своих забот»; «Завтрашнему дню не верь!»), вера в чудесное избавление от всех бед и страданий, вера в доброго царя, словом, вера в чудо, которое может все переменить к лучшему. Вместе с тем крестьянин считал, что усилия отдельного человека могут быть предпосылкой для достижения жизненных целей. В комплексе пословиц по проблеме «кто определяет ход вещей и жизнь отдельного человека» в 39 пословицах утверждается мысль, что «все в мире творится не нашим умом, а Божьим судом», в 21 пословице выражена идея: «чему быть, тому не миновать», в 3 — «все во власти Божьей и государевой» и в 7 пословицах — «на Бога надейся, а сам не плошай». И все же общий итог

размышлений на эту тему, по всей видимости, подводится в пословице: «Живи не как хочется, а как Бог велит».⁹⁶ Другими словами, человек может жить, желать и вести себя по-особенному, «как хочется», но лучше жить по-Божьему, по правде и традиции.

Крестьянин считал, что если все люди равны перед Богом и царем, то и внутри общины все должны быть во всем равны: иметь равные права и обязанности, одинаковый достаток и т. д.; отклонения от равенства ведут к греху и потере уважения: «Богатство перед Богом грех, а бедность — перед людьми».

Крестьянин воспринимал время движущимся по кругу, циклическим и соответственно этому представлял, что все в мире повторяется, а не изменяется. Отклонение от нормального, т. е. повторяющегося, хода вещей казалось ему чем-то исключительным, делом рук нечистой силы, результатом козней колдунов и потому временным и преходящим: «Обомнется, оботрется — все по-старому пойдет». Отсюда проистекали его недоверчивость ко всяким переменам, всяким нововведениям, будь они хорошими или плохими, и традиционализм, который по крайней мере гарантировал сохранение того, чем человек обладает в данный момент. Крайние формы проявления традиционализма встречались у старообрядцев, которые, например, считали «предосудительным» всякий новый способ, облегчающий труд земледельца, так как верили, что «при уменьшении трудов в земледелии человек будет недостоин уже того, чтобы Господь одолжил его ниву»,⁹⁷ т. е. дал ему урожай.

Вместе с тем в фольклоре настойчиво проводится мысль о том, что прошлое лучше настоящего («Прежде жили не тужили; теперь живем — не плачем, так ревом»)⁹⁸. Не нашла ли здесь отражения идея движения, развития, хотя и регрессивного? Мне кажется, что нет. Мысль о том, что старое лучше нового, используется не для отрицания идеи повторяемости, не для утверждения идеи развития, а прежде всего для осуждения настоящего плохого положения дел, которое стало следствием изменений, следовательно, для осуждения вообще всяких изменений, которые всегда ухудшают положение дел и крестьян. В правильности такой интерпретации убеждают пословицы, прямо осуждающие изменения: «Много нового, мало хорошего, что новизна, то и кривизна»; «Все по-новому, а когда же по-правому?», и серия из 9 пословиц, выставляющих старину в качестве идеала и образца для подражания: «Как отцы и деды, так и мы»; «Отцы и деды не знали этого да жили не хуже нашего».⁹⁹ Цель сельской общины состояла в том, чтобы обеспечить воссоздание традиционного крестьянского строя жизни во всех отношениях — экономическом, демографическом, культурном и т. д. Поэтому любое деяние, способное нарушить обычай и традиции, будь даже рациональное с точки зрения современного общества действие, как-то: накопление денег, агротехническое нововведение, развитие грамотности — с точки зрения крестьян являлось неразумным. Вследствие этого они относились настороженно либо пренебрежительно к новшествам, осуждали личную инициативу, ставили препоны развитию образования и т. д.¹⁰⁰

Крестьянство оценивало свою конкретную деревню, общину, родину как лучшее на Земле место для жизни. Из корпуса пословиц, которые содержат оценку родины и чужбины, только в одной можно обнаружить предпочтение чужбины («Жить в деревне — не видать веселья»), в трех — идею равноценности родины и чужбины («Где не жить, только бы сыту быть»). Остальные 49 пословиц выражают привязанность и любовь к родной земле, на разные лады варьируя мысль, что «родимая сторона — мать, а чужая — мачеха». В 5 пословицах содержится мысль, что на чужбине можно попытаться найти счастье, но родину не любить — невозможно: «Ищи добра на стороне, а дом любви по старине».¹⁰¹

Крестьянин верил, что община являлась источником правды и справедливости, надежной защитой от нарушителей обычая и традиции, от барина и чиновника, что она была самой целесообразной формой человеческого общежития («Крепче мирского лаптя мужику не найти»). Он не мыслил себя вне ее («Где у мира рука, там моя голова»), полагая, что только община в состоянии примирить разные интересы, найти приемлемое для всех решение и что как только погибнет община, так и крестьянство разорится и пропадет («Никакой мирянин от мира не прочь»). Вместе с тем сознаются трудности достижения общего согласия («Артели думой не владати. Сто голов — сто умов») и то, что сход, поддавшись какому-нибудь влиянию или эмоциям, может принять и неправильное решение («Мужик умен, да мир дурак»; «Силен, как вода, а глуп, как дитя» (о крестьянской общине)). Но этими двумя пословицами и ограничивается порицание общины, в остальных 19 пословицах, содержащих оценку общинной формы общежития, она считается наилучшей.¹⁰²

Земледельческий труд представлялся крестьянину наполненным большим смыслом, имеющим важное значение для всего государства («Мужик — Богу свеча, государю — слуга»). Землепашец признавал, что все сословия выполняли полезные функции: мужик живет и служит для того, чтобы пахать, косить, платить подати и всех кормить; барин — чтобы следить за мужиком, выколачивать недоимки и получать жалованье; священник — чтобы венчать, крестить, хоронить; монахи — чтобы за всех молиться; солдаты — чтобы охранять государство, купцы — чтобы торговать. Однако, по его мнению, именно крестьянин являлся центром святорусской земли, единственным кормильцем, остальные живут за его счет. Отсюда его негативное отношение к другим сословиям как к дармоедам, которые сидят на крестьянском горбу,¹⁰³ и требование к власти имущим, чтобы они обеспечили крестьянину достойное существование.¹⁰⁴

Славянофилы, на мой взгляд, правильно полагали, что еще накануне отмены крепостного права крестьянство в своем мировоззрении сохранило если не во всей чистоте и неприкосновенности, то в значительной степени предания, обычаи и нравы допетровского времени. А западник К. Д. Кавелин сформулировал это мировоззрение следующим образом: «Крестьянин прежде и больше всего — безусловный приверженец обряда, обычая, заведенного порядка, предания. Весь его домашний и хозяйственный обиход предопределен тем, как его завели и устроили отцы и деды. Быт его меняется, но эти перемены являются в его глазах результатом деятельности судьбы и тайных невидимых сил, которые управляют жизнью. Полное отсутствие самостоятельности, безграничное подчинение тому, что приходит извне, — вот основной принцип всего мировоззрения крестьянина. Им определяется вся его жизнь. Его воззрения по принципу исключают творческую деятельность людей как источник материальных и духовных благ, как орудие против зол и напастей».¹⁰⁵

Как видно из вышеизложенного, **менталитет крестьянства находился в соответствии с идеалами православия¹⁰⁶ и его было бы правильно назвать традиционным православным менталитетом.** Не случайно слово «крестьянин» имело два значения в древнерусском литературном языке и разговорном русском языке XVIII—XIX вв.: 1) крещеный, православный, житель Русской земли и 2) мужик, землепашец, земледелец.¹⁰⁷

Горожане в социальном и культурном отношениях были намного разнороднее сельского населения, вследствие чего общая характеристика особенностей их менталитета вряд ли возможна. Но если анализ ограничить ментальностями тех, кто, по определению образованных современников, относился к простолюдинам, простонародью, или к городским низам, т. е. к мещанам, ремесленникам и работным людям, а также крестьянам-горожанам, составлявшим вместе от 72% всего городского населения в

1730-е гг. до 90% в 1897 г., то общие черты в менталитете можно обнаружить. Данные о занятиях, семейном и общественном быте, мировоззрении, брачных, похоронных и других обычаях, об играх и развлечениях, круге чтения показывают, что городские низы в подавляющем большинстве российских городов до середины XIX в., исключая, может быть, немногие большие города, обладали примерно той же духовной культурой и менталитетом, что и крестьяне, хотя отличались своей материальной культурой (одеждой, жилищем и т. п.).¹⁰⁸ Современники постоянно подчеркивали деревенский характер семейного и общественного быта городских низов.¹⁰⁹ И. Г. Георги в описании образа жизни петербургских жителей конца XVIII в., которые более, чем жители других городов, были затронуты европейскими влияниями, отмечал, что нравы и обычаи у простого народа изменились мало и только у дворянской элиты — радикально.¹¹⁰ Корреспонденты Русского географического общества в 1840—1850-е гг. привели обильный материал, иллюстрирующий сходство быта и мировоззрения крестьянства и городских низов малых и средних городов.¹¹¹ «Духовный уровень купцов и мещан» Казани — крупного торгово-промышленного университетского города, находившегося в первой десятке российских городов середины XIX в., с населением около 60 тыс., по мнению корреспондента Е. Т. Соловьева, был весьма похож на крестьянский даже в начале 1870-х гг.¹¹² Нередко корреспонденты давали общую характеристику быта и нравов «простолюдинов» города и его уезда, настолько мало имелось различий,¹¹³ отмечали, что «простонародье» города и уезда не имело особенностей в языке, что у тех и других был общий фольклор и, в частности, общий словарь пословиц.¹¹⁴ В Нижегородской семинарии в 1840-е гг. был составлен сборник религиозных предрассудков и суеверий, в равной мере свойственных городскому и сельскому «простонародью» (чтобы будущие пастыри были готовы бороться с ними).¹¹⁵ Чем меньше был город и чем больше его жители занимались сельским хозяйством, тем меньше горожане отличались от крестьян во всех отношениях, в том числе по своему менталитету. В малых городах, как и в деревнях, устраивались кулачные бои, вечёрки и посиделки,¹¹⁶ практиковались колдовство и магия, коллективные молебны по случаю засухи,¹¹⁷ архаические обычаи, встречавшиеся в деревне, такие, например, как опахивание города во время эпидемий и эпизоотий (в ночное время женщины запрягались в соху и проводили борозду вокруг города),¹¹⁸ коллективная проверка девственности невесты¹¹⁹ и прочие. Последний обычай сохранился даже в некоторых крупных городах, например среди мещан г. Астрахани с населением около 50 тыс. жителей. Вот как описывает этот обычай современник в 1851 г. Сорочку новобрачной после первой брачной ночи выносили гостям. В неблагоприятном случае жених давал своей жене две оплеухи и наносил жестокие побои ее родителям, гости уходили, надорванная сорочка вывешивалась на шесте. Если сорочка имела надлежащие приметы, то 15 женщин устраивали скачки по астраханским улицам на шесте, во время которых их предводительница размахивала сорочкой, как флагом.¹²⁰ Языческие воззрения среди горожан малых провинциальных городов бытовали до начала XX в.¹²¹

Менталитет крестьянства и городских низов после эмансипации

В результате реформ 1860-х гг. система ценностей крестьянства и городских низов переживала трансформацию, в их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма. Народнический писатель Н. Н. Златовратский, проводивший, как мы бы сейчас сказали, полевые исследования крестьян, писал о деревне 1870—1880-х гг.: «В жизни крестьянской общины изо дня в день идет глухая борьба двух противоположных течений: глубокого, органического, почти бессознатель-

Рис. 63. Рабочие писчебумажной фабрики «Кресть» на гулянье у реки в воскресный день. Царкосельский уезд. С.-Петербургская губ. 1900-е гг.

ного стремления к солидарности, „равнению“ (равенству. — *Б. М.*) и общности интересов, с одной стороны, и тяжелого, развращающего произвола и экономического гнета, с другой», т. е. общинных и индивидуалистических начал,¹²² вся жизнь деревни «происходит в атмосфере двоедушия и двуличия».¹²³ Г. И. Успенский и другие писатели-деревенщики подобно Златовратскому с горечью отмечали рост расчетливости и эгоизма как главных мотивов поведения крестьян.

Изменения затронули и другие стороны менталитета. В традиционных представлениях крестьянства капиталистическая прибыль в любых ее проявлениях оценивалась отрицательно. Еще в середине XIX в. находились крестьяне, которые «почитали за грех продавать хлеб — Божий дар».¹²⁴ В 1870-е гг. для массы крестьян еще была чужда идея денежного займа под проценты и прибыли на капитал. Односельчане давали друг другу в долг продукты и деньги без процентов. Процент считался делом греховным, а на ростовщика смотрели как на человека, посягающего на благо ближнего.¹²⁵ Ростовщики в деревне были, как правило, не из крестьян. Землевладельцы и богатые крестьяне давали в долг деньги под будущую работу, ценность которой обычно превышала величину займа и поэтому фактически включала процент.¹²⁶ Однако все-таки это не была настоящая кредитная операция. Успенский в 1880 г. описал показательный случай, свидетелем которого он был. Старик-крестьянин пришел в банк, чтобы сделать вклад-завещание для внука в размере 42 р., но при условии, что никаких процентов начислять не будут: «Росту мне не надо. Этого — сохрани Бог! Что положу, то и отдайте, а этого греха не возьму!». Старика долго убеждали, чтобы ради внука он согласился на начисление процентов. Когда его с большим трудом уговорили, он сказал: «Соглашаюсь! Пушай мой внук получит с ростом. Принимаю грех на себя. Потому Господь видит, времена подходят точно гонимые, лютые».¹²⁷ «Теория хищничества» входила «в моду в деревне».¹²⁸ Представления народа о торговой прибыли и установлении цен на товары также стали вполне рациональными: прибыль — плата за капитал и усилия купца, цены — результат соотношения спроса и предложения.¹²⁹ Это можно считать прогрессом, поскольку в соответствии с народными взглядами XVIII в., которые отразил известный народный политэконом начала XVIII в. И. Т. Посошков, цены товаров и денег, а также торговая прибыль устанавливались государем.¹³⁰

Традиционные взгляды на деньги как на некапитал вытеснялись медленно, но верно, что ярко проявилось в отношении к кредитным институтам, которые в 1870—1880-е гг. считались крестьянами благотворительными учреждениями. Они полагали, что задача этих учреждений состояла в том, чтобы делить пожертвованные в пользу крестьян деньги между всеми ими поровну. «Царь деньги всем прислал, значит, и делить нужно поровну», — заявляли крестьяне руководителям кредитных кооперативов.¹³¹ Но в начале XX в., после революции 1905—1907 гг., произошел перелом в отношении к кредитным учреждениям, так как многие крестьяне наконец осознали и приняли идею займа и процента. Число кредитных учреждений в деревне стало быстро расти. В 1896—1900 гг. они объединяли всего 160 тыс. человек, или около 0.2% всех крестьян, на 1 января 1915 г. — почти в 60 раз больше, 9.5 млн, или 9% всех крестьян.¹³² В 1915 г. еще многие крестьяне стояли в стороне от кредитных учреждений и вступали в них только в случае нужды. На вопрос: «Состоите ли в кредитном товариществе?» — часто слышался ответ, сопровождаемый вздохом облегчения: «Нет, слава Богу, и так своего хватает».¹³³ Но масштабы распространения кредитных учреждений свидетельствуют о том, что брешь в традиционных представлениях крестьянства была сделана.

Учрежденная в 1872 г. Александром II Комиссия для исследования нынешнего положения сельского хозяйства в России собрала письменные

сведения от 958 разных лиц — представителей местной администрации, священников, торговцев, землевладельцев; пригласила в Петербург и застенографировала показания 181 человека, преимущественно землевладельцев, земских деятелей и предводителей дворянства.¹³⁴ Общее мнение всех информаторов сводилось к тому, что сразу после отмены крепостного права в крестьянах обнаружилось развитие чувства личности, независимости, индивидуализма, особенно заметное в общинах, имевших тесные связи с городом благодаря отходникам. Это проявилось в падении нравственности, дисциплины, покушениях на помещичью собственность, неуважении к родителям, участвовавшим семейных разделах, росте пьянства, ослаблении уважения к церкви и религии,¹³⁵ в «шегольстве», т. е. в стремлении заменить традиционную крестьянскую одежду городской, следовать городской моде.¹³⁶ Известный социолог пореформенного времени Н. Флеровский дает психологическое объяснение этому стремлению крестьянина к улучшению материальной культуры: «Ему стыдно плохо одеваться, жить в дурной избе, а действительно увеличить свой комфорт средств не хватает. Он приучается жить напоказ. Во всем, что можно скрыть, он подвергает себя величайшим лишениям, все семейство будет у него голодать, дети будут умирать, — а у дочери будет шелковое платье, и избу он украсит резной работой. <...> Из последних сил бьется, самый тяжелый крест несет, чтобы быть не хуже других».¹³⁷

В 1902 г. информаторы высочайше учрежденного Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, организованного с большим размахом С. Ю. Витте, констатировали рост новых тенденций во взглядах и поведении крестьянства, наметившихся в 1860-е гг., и считали необходимым корректировать их развитие через систему народного образования.¹³⁸ За изменениями в поведении, конечно, стояли новые ментальности, на что прямо указывали наиболее проницательные современники: «Замечаются отступления от традиционного мировоззрения, — отмечал, например, Д. К. Кавелин уже в конце 1870-х гг., — и мы здесь и там видим признаки зарождения другого (мировоззрения. — Б. М.), признающего участие человека в собственной судьбе».¹³⁹

Среди городских низов и молодых крестьян, тесно связанных с городом, изменение менталитета проявлялось рельефнее. Дж. Брукс провел интересное исследование, посвященное лубочной, или народной, литературе, переориентированной после эмансипации на вкусы и требования крестьянской молодежи и городских низов.¹⁴⁰ Изучение трактовки проблемы свободы и порядка обнаружило, что до конца XIX в. свобода и порядок рассматривались как альтернативные категории: либо свобода, либо порядок. Этот конфликт традиционно персонифицировался в разбойнике, который восстает против власти и путем бунта добивается свободы. Поднимая бунт, разбойник противопоставлял себя царю (государству), церкви и общине, в результате чего конфликт между свободой и порядком перерастал в конфликт между обществом и индивидом. В ранних трактовках этой проблемы считалось, что бунт всегда незаконен, а свобода нарушает общественный порядок. Бунт давал свободу, но она становилась тяжелым бременем для разбойника. Если он не раскаивался и не винился, он погибал. Если раскаивался, то должен был попросить прощения у царя и совершить ряд подвигов во имя царя и церкви. Царь, народ, община всегда правы и сильнее разбойника-индивида. В новых произведениях народной литературы, опубликованных после 1905—1907 гг., трактовка традиционной проблемы изменяется — противопоставление свободы и порядка исчезает. Новый герой — частный детектив — свободен, как разбойник, но он герой общественного порядка и справедливости. Детектив свободен, но он не стоит вне общества, как разбойник, и не страдает комплексами одиночества и вины, а живет полноценной жизнью и пользуется уважением общества.¹⁴¹

На рубеже XIX—XX вв. кроме детектива появился другой новый рациональный активный герой, добивающийся успеха в жизненной борьбе благодаря личным усилиям. Он заменяет традиционного героя волшебной русской сказки, который полагался на магию и вмешательство потусторонних сил. В новой литературе для народа, отражавшей изменившиеся представления в пореформенное время, успех ассоциировался с богатством и комфортабельной жизнью в городе, а отнюдь не с крестьянским трудом или неквалифицированной работой на фабрике. Контент-анализ моделей успеха и средств его достижения показал, что жизненный успех имел несколько вариантов: усыновление богатым покровителем (20% случаев), владение торговым или промышленным предприятием (20%), получение статуса купца (18%), удачная женитьба на богатой невесте (15%), приобретение капитала (11%), получение дворянства и слава артиста (6%) и только на последнем месте — честный земледельческий труд (2%). Достижение успеха обеспечивали образование и чтение (15% случаев), труд, смелость, воля, энергия, способности, ум, хитрость (35%), страдание, терпение и честность (более 12%), судьба (менее 9%). Мы видим, что **в новой народной литературе успех в решающей степени обуславливался личными усилиями и мало зависел от судьбы и Божественного провидения.**

Достижение успеха сопровождалось конфликтами, соперничеством, ревностью, напряжением в человеческих отношениях. Успех был сопряжен также с отречением от таких традиционных ценностей, как семья, община, сословие. Все это порождало у героя чувство вины и отравляло радость от успеха. Традиционное противоречие между душевным спокойствием и успехом/богатством сохранялось. Чтобы сгладить это противоречие, народные писатели делали своих героев сиротами, что избавляло их от необходимости порывать с семьей и общиной, а сам успех рассматривался как возвращение потерянного или награда за долгое терпение и страдание. Однако для полноты счастья этого оказывалось недостаточно, так как народ в принципе подозрительно относился к успеху кого бы то ни было, полагая, что счастье одного достигается за счет другого. Чтобы помириться с людьми, удачливый герой делал большие вклады на церковь и благотворительность.¹⁴²

Как видим, новая народная литература начала XX в. несла и, надо думать, отражала новое мироощущение, выражая потребность если не всего народа, то значительной его части в новом менталитете. Новая литература публиковалась наряду со старой, которая в количественном отношении даже превалировала: в начале XX в. на долю религиозной литературы приходилось до 60%, а на все прочие жанры около 40%.¹⁴³ Это говорит о том, что противоречивые представления и системы ценностей парадоксально сосуществовали в головах людей, что является характерной чертой любой переходной эпохи. Известный писатель В. Г. Короленко в своих воспоминаниях привел поразивший его факт: один ссыльный из мещан не верил в Бога, ругал его нехорошими словами и в то же время верил в колдовство и чертовщину, не видя в этом ничего противоестественного.¹⁴⁴ Подчеркнем также, что новый менталитет, хотя и довольно громко заявил о себе, не стал господствующим до конца императорского периода. Он получил распространение среди горожан, а в деревне завладел умами небольшой части молодежи, грамотной и связанной с городом. Данные, которыми мы располагаем о менталитете, быте и общественной жизни деревни после 1917 г., до коллективизации, предостерегают от преувеличения масштабов изменений, произошедших в пореформенное время. Недаром литература 1920-х гг. оказалась впоследствии в спецхранении. Но приведенные факты свидетельствуют о начале деградации традиционного менталитета.¹⁴⁵

Борьба менталитетов: традиция против модернизма

Ослабление традиционного и формирование нового менталитета происходили, с одной стороны, стихийно, под влиянием новых условий жизни, с другой стороны, образованное общество и правительство намеренно принимали многообразные меры (создавали клубы, общества трезвости, читальни, народные библиотеки, изобретали даже новые праздники и т. п.), чтобы изменить традиционное мировоззрение народа.¹⁴⁶ Но, несмотря и на эти меры, изменения происходили медленно по нескольким причинам. Во-первых, вследствие инерции, свойственной всем традиционным, сакральным образцам, идеалам и установкам сознания. Во-вторых, благодаря поддержке традиционного менталитета широкими слоями русской интеллигенции. Русская литература и серьезная пресса второй половины XIX—начала XX в. пронизаны критикой буржуазной морали и системы ценностей, отрицательным отношением к русской буржуазии, которая с середины XIX в., после знаменитых пьес А. Н. Островского и критических статей Н. А. Добролюбова, олицетворяла собой «темное царство», где господствовали произвол, насилие, жестокость, самодурство, невежество, преступление. Русская религиозная философия отрицала буржуазную этику и противопоставляла ей нравственные установки православия. Известный философ В. Ф. Эрн в 1905 г. написал работу, доказывающую тезис, что «личной собственности у верующих не должно быть. Кто не отрешается от личной собственности, тот не христианин, а язычник».¹⁴⁷ Русская церковь проявляла активность, чтобы удержать паству под своим влиянием.¹⁴⁸ «Главная обязанность Ваша, благочестивые супруги, — наставляли священники вступающих в брак в начале XX в., — для настоящей жизни та же, какая лежит на каждом христианине, именно: приготовление к жизни вечной через веру и соблюдение заповедей Божьих. Эту обязанность вы должны всегда помнить и носить в своем сердце. Старайтесь блюсти себя столь чистыми и святыми, чтобы ваши супружеские взаимные отношения не только не препятствовали вам в достижении спасения, но, напротив, содействовали и облегчали для вас шествие к небесному отечеству». И далее перечислялись традиционные обязанности мужа и жены, как и тысячу лет до этого.¹⁴⁹ Попытки церкви приспособиться к новым условиям путем изменения доктрины были крайне редки.¹⁵⁰ Активное и весьма популярное в среде интеллигенции общественное движение под названием народничества поддерживало тезис о самобытном историческом пути России, который избавит ее от ужасов капитализма. Вера в самобытность и исключительность России, в возможность избежать язв буржуазного общества, разделяемая последними русскими императорами и консерваторами, была достаточно популярной в правящих сферах до начала XX в.¹⁵¹ В-третьих, **сельские мигранты в городе и крестьяне сопротивлялись проникновению светской, буржуазной культуры в свою среду.** В записках И. Столярова, крестьянина по происхождению, родившегося в 1874 г., проведенного в воронежской деревне Карачун детство и юность, закончившего впоследствии во Франции Тулузский университет и ставшего инженером-агрономом, мы находим много интересных наблюдений о борьбе традиций с модернизмом. «Русский народ был так сильно привязан к традициям,— свидетельствует Столяров, — что недоверчиво относился ко всем новшествам. <...> Крестьянство не спешило идти по стопам города. Оно продолжало еще питаться соками старины. Разрыв между городом и деревней был не только экономический, но и психологический и даже языковой. Культурный городской слой плохо понимал язык деревни и даже отвергал его, а деревня совсем перестала понимать городской культурный язык. Они плохо понимали друг друга и расходились, не договорившись ни до чего <...> Так образовалось две культуры: городская и крестьянская, два разных мира. Город

был ближе к миру европейскому, деревня не отличалась от мира, каким он был при Петре Великом, до реформ». Крестьяне особенно энергично, используя разные средства, защищали свой уклад жизни, свои традиции, так как они в массе негативно относились к новой культуре. «В ответ на наступление города деревня насторожилась, стала пассивно сопротивляться, но иногда сопротивление было активное».¹⁵² Благодаря институту землячества, тесным связям отходников с родной деревней крестьянству, занимавшемуся отходничеством, удавалось в значительной мере сохранять традиционный крестьянский менталитет не только в деревне, но и в условиях города.¹⁵³ В обществе земляков, в котором новичок, прибывший в город, и на работе, и на досуге постоянно находился среди своих, и в городском окружении сохранялись привычные крестьянину социальные нормы поведения. Например, отношения между хозяевами и служащими в торговом или ремесленном заведении носили патриархальный характер: хозяин играл роль строгого, но справедливого деревенского большака.¹⁵⁴ То же наблюдалось во всех крупных городах. «Быть может, наибольшая оригинальность Петербурга заключается в том, — писал известный публицист В. О. Михневич в 1886 г., — что огромное большинство его жителей — торговая и промышленная масса — не ассимилируется и, живя иногда целый век здесь, чрезвычайно редко отрешается от родного пепелища, свято храня все его обычаи и весь житейский склад. Такая характерная черта может быть объяснена только тем, что здесь каждый, в работе или торговле, в товарищах или помощниках, встречает одних почти земляков, нередко родственников и односельчан».¹⁵⁵ В Петербурге существовали общества взаимопомощи уроженцев тех губерний, которые давали наибольшее число отходников в столицу, — Олонецкой, Вологодской, Костромской, Рязанской, Тамбовской, Архангельской, а отходники из Ярославской губернии имели даже три благотворительные организации.¹⁵⁶ А. Мехов, изучавший быт угличан-отходников в Петербурге, отмечал, что общение отходников почти не выходило из тесного деревенского земляческого круга. «Вино, карты, поездки друг к другу в гости, целые земляческие заседания в квартирах и ресторанах, фланирование по улицам, садам, посещение пошлых театральных „новинок" — вот почти постоянное провождение свободного времени. <...> Тайная мечта каждого угличанина — сколотить копейку в этом Петербурге и как можно скорее уехать „на покой в деревню". <...> Скупой, практичный и эгоист по отношению к другим — для земляка, если случится, угличанин сделает все. С большим или меньшим кругом своего знакомства угличанин не пропадет. Его безработного и поить и кормить будут, и уложат на одной кровати, и в деревню отправят».¹⁵⁷

Замкнутость отходников, их оторванность от городской жизни, конечно, не следует преувеличивать. Они находились в изоляции от образованного общества, исключая тех, кто был в домашнем услужении, но не от городских низов, с которыми они имели постоянные контакты на работе и отдыхе. «Пустится ли мещанин в личные услуги, сделается ли он ремесленником, пойдет ли он на фабрику или на другую работу, — писал Н. Флеровский, — везде он встретится с крестьянином».¹⁵⁸ Отходники не являлись непроницаемой для внешних влияний кастой и со временем мало-помалу если не усваивали городские стандарты мышления и поведения, то во всяком случае знакомились с ними. «Какой-нибудь деревенский олух, — сообщал в Географическое общество Н. Анимелле, вольноотпущенный помещика, в 1848 г., — взятый в господский двор для прислуги барину, побывав с ним несколько раз в Петербурге, года через три-два делается уже совершенно не тем „мальцем": в нем видны и сметливость, и понятливость. Все это развивается в нем в короткое время». Женщины, «пожив года два-три по паспорту в Петербурге, так переменяются, что когда они возвращаются домой, то не хочется верить глазам своим, что это те же самые женщины: они делаются

расторопны и в обхождении, и в разговорах. В тех, которые ходят сряду по несколько лет на заработки в Петербург, также появляется более расторопности, сметливости и прозорливости; жаль только, что у них там портится нравственность и вместе с тем постепенно исчезает привязанность к сельской жизни и охота к сельским хозяйственным занятиям». ¹⁵⁹ Известный петербургский журналист Н. Н. Животнов в 1893 г. решил познакомиться с жизнью извозчиков, рекрутировавшихся из отходников. Но его попытки завязать с ними разговор и собрать необходимую информацию не увенчались успехом: они скрывали от посторонних свою жизнь или не умели о ней рассказать, как казалось журналисту. Тогда он решил сам поработать некоторое время на козлах. Результатом его эксперимента явился интересный очерк, из которого мы узнаем, что «серые» и «неразвитые» извозчики хорошо знали жизнь своих седоков. «Если бы владельцы экипажей знали, как тонко кучера изучили их жизнь и дела, как громко и без церемоний они повествуют (в компании извозчиков. — *Б. М.*) о самых сокровенных тайнах и интимных подробностях жизни их господ! — восклицает Животнов. — Когда барин был пьян, сколько должен и кому, как он ругается с женой и за что, как он морочит кредиторов, похищает сабинянок, ловит жену в амурах и т. д. и т. д. Все это рассказывается цинично, с собственными умозаключениями и с кучерским остроумием». Существенно, что извозчики подражали своим седокам и обманывали их так же, как они своих кредиторов и жен. ¹⁶⁰

Проявляла бдительность в отношении чуждых влияний и деревня. Сельские общины в ответ на развитие отхода после эмансипации усилили свое вмешательство в жизнь крестьянских семей и в особенности крестьян-отходников, предпринимая изощренные меры для сохранения контроля над ними, что замедляло разрушение традиционной крестьянской культуры. ¹⁶¹ Яркий пример самозащиты крестьянства от разрушающего влияния образования на молодое поколение обнаружил Б. Эклоф. Родители совершенно сознательно разрешали своим детям учиться в школе лишь 1.5—2 года, чтобы не потерять над ними полный контроль и чтобы дети «не испортились». Дети успевали овладеть минимальной грамотностью, которая не позволяла им слишком подняться над родителями в интеллектуальном отношении. ¹⁶²

И все же, несмотря на все принимаемые крестьянством меры по защите своего образа жизни, город — прежде всего большие города — мало-помалу оказывал «разлагающее» влияние на отходников, а через них — сначала на материальную, а затем и на духовную культуру деревни. ¹⁶³ Отходничество расширяло кругозор, повышало общий культурный уровень, делало крестьян восприимчивыми к иным системам ценностей и способам поведения, к новшествам. «Отчего промышленный ярославец, которому больше хлопот и беготни, нежели земледельческому крестьянину, смышленнее нашего пензенца, и нравом мягче, и ко всякому усовершенствованию способен, не дичится никакого улучшения, и сына непременно учит грамоте, и дети опрятны и не ходят в оборвышах, да и дом его зажиточен? Леность? Нет. Пензенский крестьянин трудолюбив, не глуп, но страдает вредною болезнью — ленью не тела, но ленью ума, и ничто в его быту не подстрекает избавиться от этой болезни. Пензенский крестьянин недоступен никакому улучшению в своем быте, едва он уступит самым настойчивым усилиям, самым многочисленным практическим доказательствам пользы какого-нибудь нового приема или орудия в земледелии, тогда как ярославец хватает это на лету». ¹⁶⁴ Так один помещик изобразил различия между крестьянином-отходником и чистым земледельцем в 1857 г. После 1861 г. различия в их быте сохранились. Известный земский врач Д. Н. Жбанков писал в 1887 г.: «Отхожие (крестьяне. — *Б. М.*) живут богаче, у них меньше недоимки. Они значительно превосходят земледельческие и лесные местности по устройству своей жизни: постройки у них гораздо просторнее и лучше, содержатся чи-

ще, скот пускают в жилые помещения очень редко, избы преимущественно белые (имеют печь с трубой.—Б. М.). Одежда гораздо чище, шеголоватее и гигиеничнее, ребята (дети. —Б. М.) содержатся чище, почему у них реже встречается чесотка и кожные болезни. <...> Резкое отличие в образе жизни встречается даже в пределах уезда, в соседних волостях, если одни волости занимаются отходничеством, а другие нет».¹⁶⁵

Под влиянием отходничества крестьянство знакомилось с ценностями и стилем поведения светских, секулярных людей, и это постепенно оказывало влияние не только на их материальный быт, но и на их менталитет. До эмансипации, отмечал Н. Н. Златовратский, идеалами крестьянина были терпение, самопожертвование, солидарность, равенство, справедливость и взаимопомощь, а после реформы на смену им шла «умственность», как говорили крестьяне, т. е. рациональность и расчет. Златовратский считал, что «умственность» шла в деревню из города. «„Умственный" мужик и душой, и мыслью тяготеет к городу: там ключ к экономическому благосостоянию и гарантия человеческих прав».¹⁶⁶ По свидетельству современников, крестьяне- отходники, а среди них особенно молодежь,¹⁶⁷ являлись «пионерами городской культуры», которая «рушит заветы старины, сложившиеся веками; воспринимая ее, крестьяне, особенно молодежь, начинают презрительно относиться к старым дедовским обычаям, которые дали русскому народу и форму общежития (общину. — Б. М.) и веками выработали его мировоззрение. Не будучи в состоянии понять этой культуры, крестьяне, лишь в силу того, что ее источником являются „господа", бросают свое и обращаются к ней. В результате получается самая безотрадная картина. Семейное начало с каждым годом слабеет все более и более, правовые воззрения, выработанные и проверенные веками, забываются, свое родное мировоззрение заменяется чуждым, наносным. Лишь малейшее облегчение сношений глухого уголка с центром — сейчас же замечается падение нравов, падение всякого уважения к старине и стремление, хотя бы внешним образом, походить на носителей так называемой культуры».¹⁶⁸ Известный исследователь конца XIX—начала XX в. Н. Новомбергский обнаружил, что даже в далекой Сибири «скитальчество по отхожим заработкам» (вместе с другими факторами, такими как капитализация земледельческих занятий, мощное развитие крупного фабрично-заводского производства, всеобщая воинская повинность) «подтачивает мало-помалу свежесть пасторального взгляда деревенского обывателя. Все городское или вываренное в котле новых экономических отношений становится как бы правым (правильным. — Б. М.) и все, на чем еще лежит печать семейного-общинного суверенитета, почитается несправедливым (т. е. не имеющим силы закона, незаконным. — Б. М.)».¹⁶⁹ Современники отмечали, что влияние города было тем заметнее, чем ближе находилась сельская местность к крупным городским центрам, чем удобнее с ними была связь и чем больше крестьян занималось отходничеством. «Мрачное умственное состояние крестьянства поддерживается замкнутостью местности и усидчивостью народа дома, обыкновенно не допускающими смены понятий с людьми более образованными», — констатировал один корреспондент Географического общества в 1858 г.¹⁷⁰ То же самое отмечал другой наблюдатель сельской жизни С. Я. Дерунов 40 лет спустя: «Чем глуше село, уезд, деревня, чем дальше от центров культуры, тем темнее, сувернее крестьяне».¹⁷¹

Однако как до, так и после эмансипации крестьянство не было пассивной средой, лишь испытывавшей «разлагающее» городское влияние, — оно само весьма активно влияло на ментальности горожан, в свою очередь «разлагающим» образом действуя на складывавшийся в городе светский и буржуазный менталитет. До эмансипации специфические условия жизни и хозяйствования способствовали возникновению у городского сословия буржуазного менталитета, а крестьянская миграция вследствие своей незначительности этому не препятствовала. Однако после эмансипации резко усилившийся поток мигрантов из деревни повлек за собой окрестьянивание городского населения как по социальному составу, так и по образу мысли и образу жизни, что стало тормозить (остановить процесс было невозможно) созревание светского буржуазного менталитета. С 1858 по 1897 г. среди постоянного городского населения Европейской России доля собственно крестьян за счет миграции возросла более чем в 2 раза — с 21 до 43%, соответственно доля всех остальных сословий, кроме дворян и чиновников, на столько же понизилась.¹⁷² В результате за 49 лет численность крестьян-горожан возросла в 4.6 раза, а прочих жителей городов — лишь в 1.5 раза. Среди крестьян-горожан в 1897 г. неместные уроженцы составляли 62%,¹⁷³ 27% постоянного городского населения относились к недавним выходцам из деревни. Остальные 16%

Рис. 64. Дети бедных мещан. С.-Петербург. 1900-е гг.

крестьян-горожан имели корни в деревне и были с ней тесно связаны родственными и экономическими отношениями. Причем чем крупнее был город, тем больше была там доля крестьян-мигрантов, например, в Петербурге и Москве в 1897 г. она достигала 69—70%.¹⁷⁴ Одновременно доля коренных горожан уменьшалась вследствие огромного потока мигрантов, а также потому, что большинство мигрантов приезжало в город не навсегда, а на больший или меньший срок. Это хорошо видно на примере Петербурга. Число столичных жителей за 1869—1900 гг. увеличилось с 668 тыс. до 1248 тыс., в том числе на 69% — за счет мигрантов и на 31% — за счет естественного прироста уроженцев города, т. е. родившихся в Петербурге. Доля коренных жителей уменьшилась на 2% — с 33 до 31%. Согласно данным переписи 1900 г., 9.7% общего числа мигрантов поселились в городе 30—40 и более лет назад, 11.5% — 20—30 лет тому назад, 18.4% — 10—20 лет назад, 41.9% — менее чем 10 лет назад и 15.9% приехали в столицу в 1900 г.¹⁷⁵ Львиная доля мигрантов (90%) приезжала в Петербург в возрасте после 16 лет, и если бы значительная их часть за 5—40 лет жизни в городе обзаводилась семьями, то очевидно, что доля коренных петербуржцев повысилась бы, а не понизилась. Аналогичное положение наблюдалось в Москве¹⁷⁶ и, вероятно, во всем городском населении (прямых данных об этом нет, так как всероссийская перепись прошла единожды — в 1897 г.). Основываясь на результатах переписей столиц и нескольких крупных городов, можно предположить, что если в целом по стране доля коренных жителей в городах в 1897 г. составляла 56% всего числа горожан (среди них были и крестьяне), то накануне

эмансипации она была на несколько процентов больше. К тому же среди уроженцев городов было немало горожан в первом поколении, которые не успели еще вполне «перевариться» в городском котле.

Из-за постоянного уменьшения доли потомственных горожан в составе городского населения как за счет числа крестьян-мигрантов, так и за счет их детей и внуков и происходил процесс, который можно назвать окрестьяниванием городского населения. Естественно, крестьянская миграция стала тормозить процесс формирования буржуазного менталитета, если иметь в виду городское население в целом и особенно городские низы, вследствие того что мигранты и их потомки не успевали перевариться в городском котле и полностью освободиться от деревенского менталитета. Мигранты приносили в городскую жизнь деревенские стандарты поведения, что находило многообразные проявления. Грамотность населения в больших городах, куда направлялся основной поток мигрантов, росла медленнее, чем в малых городах и в деревне. Например, грамотность петербургского населения обоего пола в возрасте старше 6 лет за 1869—1900 гг. возросла с 60 до 70%, или на 10 пунктов, а грамотность всего населения Европейской России в возрасте старше 9 лет за эти же годы — с 19 до 33%, или на 14 пунктов, в том числе сельского населения — с 16 до 27 %, или на 13 пунктов.¹⁷⁷ По мнению Дж. Брэдли, «утечки мозгов» из деревни в город не наблюдалось.¹⁷⁸

Влияние сельских мигрантов сказалось на демографическом поведении горожан, в особенности в крупных городах: увеличилась доля лиц, состоявших в браке, и вариация браков и рождений по месяцам, приближаясь к сельской модели; уменьшились доля холостых и неженатых, доля профессионально-смешанных браков, средний брачный возраст. Так, средний возраст вступления в брак в деревне у мужчин и женщин слегка повысился, в городе у мужчин понизился, а у женщин повысился; в больших же городах, где больше было мигрантов из деревни, наблюдалось снижение возраста и женихов, и невест, причем более существенное, чем в прочих городах, в чем проявилось влияние сельских стандартов на город (табл. V.15).

Таблица V.15
Средний возраст вступления в брак городского и сельского населения Европейской России в 1867—1910 гг.

	1867 г., м.	1910 г., м.	1867 г., ж.	1910 г., ж.
Сельское население	24.3	24.8	21.3	21.6
Городское население	29.2	27.4	23.6	23.7
Население Петербурга	31.3	28.6	25.5	23.9

Источники: Движение населения в Российской империи за 1867 год. СПб., 1872. С. 40—407, 412—415; Там же. 1910 год. Пг., 1916. С. 88—89.

В городах начала XX в. легко можно было обнаружить деревенские стандарты социального и политического поведения. Вот любопытный пример. В 1906 г., после Манифеста 17 октября 1905 г., возвестившего в России начало политических свобод, в Министерство торговли и промышленности посыпались многочисленные ходатайства об учреждении всевозможных союзов. С подобной просьбой обратились и сапожники г. Уральска (с 41-тысячным населением) Уральской области. К своему ходатайству они приложили примерный устав союза, который главной целью союза ставил «стремление к улучшению материального положения и содействие умственному и нравственному развитию своих членов (курсив мой. — Б. М.)». Для достижения этих целей в уставе предусматривалось: «а) принимать на свою ответственность заказы от частных лиц и учреждений, б) распределять заказы между членами равномерно и безобидно для более нуждающихся,

в) наблюдать за своевременностью и добросовестностью исполнения заказов, г) устроить совместную закупку материалов и других предметов, необходимых для ремесла, д) устроить комиссионную продажу своих изделий с выдачей авансов, е) открыть общественную лавку для продажи работ своих членов и материалов, необходимых для ремесла, ж) открыть общественную мастерскую, з) оказывать всевозможную помощь нуждающимся своим членам, и) заботиться и предпринять все, что союз найдет возможным, для умственного и нравственного развития членов и их семей, к) иметь товарищеский суд для улаживания недоразумений между членами и их рабочими, а также между членами их семей, л) обсуждать неблагоприятные поступки членов». Исключению из союза подлежали лица, которые действовали во вред ему, после трехкратного несвоевременного или недобросовестного исполнения заказа, а также «в случае чрезмерного злоупотребления алкоголем и нехорошего, несправедливого отношения к своим рабочим, ученикам, семье (курсив мой. — Б. М.)».¹⁷⁹ Соблюдение устава должно было бы превратить союз сапожников в синтез средневекового цеха и сельской общины с всесторонней опекой союза над своими членами. Если принять во внимание, что в составе жителей Уральска крестьяне и казаки составляли 79%, а купцы и мещане — 8%, то удивляться следам традиционного менталитета не приходится.

Особенно большое влияние крестьянские мигранты оказывали на рабочих— новый класс, сформировавшийся после эмансипации, поскольку в последней трети XIX в. он примерно на 80% рекрутировался из крестьянства и лишь на 20% — из представителей других сословий, преимущественно мещан и ремесленников; к 1914 г. кадровые рабочие составляли всего около 50%, из которых на долю женщин и детей приходилось 55%.¹⁸⁰ Именно поэтому рабочий класс более всех других городских групп населения сохранил следы традиционного крестьянского менталитета. О массовом сознании рабочих написано много.¹⁸¹ Одни подчеркивают его крестьянские черты, другие — пролетарские, третьи говорят о симбиозе тех и других.¹⁸² Некоторые полагают, что крестьянское влияние не было сколько-нибудь серьезным и не помешало сложиться пролетарскому сознанию.¹⁸³ По моему мнению, ближе к истине те, кто считает, что крестьянское происхождение рабочих оказало большое влияние на их менталитет, на их политическое поведение и на их готовность принять социал-демократическую программу.

В конце XIX—начале XX в. рабочие были религиозны, в принципе лояльны к существующему строю и хотели улучшения своей жизни в его рамках. Они понимали самодержавие как произвол администрации, а не как государственное устройство. Представления о социализме в их среде были неопределенны. Сколько-нибудь сильной любви к собственности не наблюдалось, а к чужой собственности отношение было резко негативным. Воровство изделий и деталей с предприятий было таким же массовым явлением, как кража крестьянами помещичьего леса, сена, фруктов, плодов, и рассматривалось как источник дополнительного заработка. Крестьянское происхождение рабочих мы обнаруживаем во всем: в организации рабочих коллективов, в обычаях и ритуалах, в неуважении к собственности, в отношении к буржуазии как к паразитам, в монархических симпатиях, в склонности к стихийным разрушительным бунтам, в негативном отношении к интеллигенции и либеральному движению и т. д. В рабочей среде сложились обычаи, которые в большинстве случаев являлись репликой крестьянских обычаев в условиях промышленного предприятия («замочка машин», «засидки», «спрыск», «могарыч», «посиделки» в рабочее время, «пропой», кулачные бои, самосуд, женские сходки), что говорит о крестьянском происхождении рабочих. Некоторые оригинальные обычаи: «вывоз на тачке мусора», первомайские демонстрации, «красные похороны» — вряд ли указывают на постепенное превращение рабочих в класс. Нет достаточных оснований думать, что в большинстве рабочие осознавали себя особым классом. Они

прочно сохраняли в своем сознании традиционные общинные ценности, под влиянием которых де-факто сложились **рабочие коллективы, воспроизводившие в специфических условиях промышленного предприятия самоуправляющиеся сельские общины**. В 1905—1907 гг. рабочие пошли дальше — они требовали утверждения за ними права на рабочее самоуправление по образцу крестьянского самоуправления де-юре. Общинные традиции отчетливо проявились также в антипредпринимательской, антибуржуазной направленности рабочего движения, которую оно отчетливо продемонстрировало в годы первой российской революции.¹⁸⁴ Патриархально-патерналистские отношения между хозяевами и рабочими господствовали до 1905 г. даже среди самой грамотной прослойки кадровых рабочих полиграфической промышленности, менее всего связанных с крестьянством.¹⁸⁵ Таким образом, **менталитет рабочих** (за исключением сравнительно небольшого слоя так называемых сознательных рабочих) **оставался в целом в рамках традиционных крестьянских представлений**. Революционные события 1905—1907 гг. произвели его корректировку: к 1914 г. рабочий уже не связывал всех своих надежд на благополучие и счастье только с землей, его религиозность ослабла, он стал менее терпелив и покладист, но смелее, грамотнее и социально агрессивнее, его кругозор, тяга к новому, чувство собственного достоинства и социальной справедливости были более выражены, чем у крестьянина. Это существенные, но не радикальные изменения — последние требуют большего времени. Легко понять, почему рабочие стали легкой добычей социал- демократов, а крестьяне в деревне — добычей социалистов-революционеров. Социал-демократическая программа по своим целям и средствам их достижения полностью соответствовала крестьянским представлениям о правильной жизни. Принципиальные пункты этой программы в 1917 г. включали насильственную экспроприацию собственности и передачу ее рабочим, введение рабочего контроля и передачу власти советам. Эти требования были рождены отнюдь не пролетарским сознанием рабочих, они отражали парадигмы крестьянского массового сознания, адаптировали к новым городским условиям принципы, на которых строилась жизнь сельской передельной общины, а также частично — ремесленного цеха и мещанской общины до Великих реформ: в требовании насильственной экспроприации, с одной стороны, отражалось убеждение крестьян, что если не собственность, то уж во всяком случае богатство есть кража,¹⁸⁶ с другой — проявлялось крестьянское обычное право, допускавшее самосуд над ворами; в требовании рабочего контроля легко просматривается многовековая практика контроля общины над хозяйственной деятельностью ее членов; в требовании ввести советы слышится желание ввести самоуправление наподобие крестьянского общинного самоуправления, во главе которого много веков стоял крестьянский сход. Не случайно и рабочий контроль как подготовительный этап к экспроприации заводов и фабрик, и советы как форма политической организации рабочих были придуманы самими рабочими.¹⁸⁷ В русской деревне земля принадлежала общине и все ее члены пользовались ею на равных основаниях, производственная деятельность каждого осуществлялась по общему плану, который принимался на общем собрании крестьян, всей жизнью крестьян руководил сельский сход. Начиная с 1861 г. сокровенным желанием крестьян была конфискация всех помещичьих земель и передача их в общинную собственность, а после столыпинской реформы — «черный передел», т. е. экспроприация всех частновладельческих земель — и помещичьих, и выделившихся из общины крестьян — в пользу крестьянской общины.¹⁸⁸

Таким образом, **крестьянская концепция справедливого общественного устройства и способов ее достижения была принесена в город крестьянами и, естественно, усвоена рабочим классом**. Предрасположенность к социал- демократической программе обеспечила успех социалистов в среде рабочих, а большая организационная работа большевиков, но, главное, бедствия двух

неудачных войн подряд превратили рабочих больших городов в движущую силу революции. Сами большевики не обольщались на этот счет. В. И. Ленин писал в 1917 г.: «Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, может быть, очень короткое время застрельщиком революционного пролетариата всего мира».¹⁸⁹

ИТОГИ: ОТ СЛИТНОСТИ К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ОТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ К ИНТЕГРАЦИИ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ

И город, и деревня, и горожане, и крестьяне, в течение XVII—начала XX в. проделали большую эволюцию. **До середины XVII в. город и деревня представляли собой в социальном, экономическом и культурном отношениях единое пространство.** Это не значит, что города ничем не отличались от сел и деревень: и по размерам, и по общественным функциям, и по занятиям жителей, и по социальной структуре различия, хотя и не слишком большие, существовали. Однако между городом и деревней не было четкой правовой, культурной, социальной, административной и экономической границы. Ввиду этого различия в экономическом, общественном и домашнем быту горожан и сельских жителей были несущественными, а культура, сложившаяся к середине XVII в., была в принципе общей для городского и сельского населения. Может быть, только культура образованных клириков обладала некоторой спецификой. Благодаря этому массовое сознание и менталитет всех социальных групп являлись достаточно едиными.

С середины XVII в. впервые законодательство и правительственная практика стали вводить более или менее четкие административные границы между городом и деревней, а также устанавливать социальные различия между городским и сельским населением. Одновременно с этим во второй половине XVII в. в быт высшего класса стала активно проникать западноевропейская материальная культура.¹⁹⁰ Постепенное накопление предметно-обиходных новшеств западноевропейского производства готовило предпосылки для более широких культурных преобразований Петра I. «Часы, картины, покойная карета, музыкальный инструмент, сценическое представление — вот чем сначала мало-помалу подготавливались русские люди к преобразованиям», — отмечал С. М. Соловьев.¹⁹¹

Под влиянием петровских реформ модернизация российского общества пошла более быстрыми темпами. Она затронула все стороны жизни, но более всего — городскую материальную культуру и государственные институты и учреждения. Реформы подтолкнули естественный процесс дифференциации города и деревни, который пошел быстрее. Несмотря на полученное ускорение, потребовалось еще столетие, прежде чем в 1775—1785 гг. произошло их окончательное размежевание в административном, а городского и сельского населения — в социальном отношении, и еще полстолетия для того, чтобы город четко отделился от деревни и в экономическом отношении. Только после 1775—1785 гг. мещане, купцы и городские ремесленники стали превращаться в городское сословие, и лишь к середине XIX в. большинство российских городов трансформировалось из аграрно-административных в ремесленно-промышленные и торговые центры. **Накануне эмансипации разделение города и деревни достигло своего апогея** в экономическом, юридическом и культурном отношениях, хотя и тогда они не превратились, как принято говорить в марксистской литературе, в противоположности. Однако параллельно с этим между городом и деревней

происходил рост контактов, так как благодаря экономической дифференциации они стали более зависимы друг от друга, а ушедшая вперед городская материальная и отчасти духовная культура стала служить для сельского населения образцом для подражания.¹⁹² После эмансипации экономические и культурные связи между городом и деревней усилились, создались предпосылки для постепенного объединения их в единое экономическое и культурное пространство, основанное на этот раз не на полном сходстве, как это было до XVIII в., а **на интеграции экономически специализированного и взаимно нуждающегося друг в друге городского и сельского населения.** Таким образом, в течение XVIII—начала XX в. город и деревня прошли две стадии в своем взаимодействии: от слитности к дифференциации и от нее к интеграции. Вторая стадия не успела завершиться к 1917 г.

Если материальная культура горожан отличалась от деревенской, то в духовной сфере различия между городскими низами, составлявшими в середине XIX в. около 90% городских жителей, и крестьянами, жившими в сельской местности, носили скорее количественный, чем качественный характер. В сущности горожане, исключая немногочисленное образованное общество, и крестьяне были носителями единой народной, во многом сакральной культуры, но городские низы сравнительно с деревенским крестьянством были несколько менее традиционными, немного более грамотными и рациональными, более тесно связанными с рынком и потому более мобильными, больше ценившими деньги и собственность, более восприимчивыми к светской культуре, центрами которой являлись большие города, главным образом Петербург и Москва.¹⁹³ Постоянное проживание крестьянства в черте города, часто в рамках своей крестьянской общины, отражало факт принципиального единства культуры и менталитета городских низов и крестьянства.

До эмансипации особой субкультурой, светской по своему существу, и специфическим менталитетом обладало только образованное общество, включавшее главным образом дворянство и разночинную интеллигенцию, которое четко отделялось от простого народа в социальном и культурном отношении. «До того времени (середина XIX в. — Б. М.) понятия дворянина, военнослужащего (офицера. — Б. М.), чиновника, землевладельца и образованного человека почти совпадали, так что присвоенные дворянству сословные права были в сущности принадлежностью всего контингента в известной мере просвещенных людей России», — справедливо указывал один историк русского дворянства.¹⁹⁴ Для простого человека все представители образованного общества относились к категории барина, а для образованных людей все остальные были простолюдинами, или мужиками. «Начитанный, богатый купец-старообрядец с бородой и в русском длиннополом платье, талантливый промышленник-хозяин для сотен, иногда тысяч, человек рабочего люда и в то же время знаток русского искусства, археолог, собиратель русских икон, книг, рукописей, разбирающийся в исторических и политических вопросах, любящий свое дело, но полный и духовных запросов, такой человек был „мужик“, — с горечью писал в своих воспоминаниях предприниматель В. П. Рябушинский, — а мелкий канцелярист, выбритый, в западном камзоле, схвативший кое-какие верхушки образования, в сущности малокультурный, мужика глубоко презирающий, один из предков грядущего русского интеллигента, — это уже „барин“. Так продолжалось до половины 19 века почти без изменения, но некоторые черты такого разделения дожили и до начала 20 века, вплоть до революции».¹⁹⁵

Известный в свое время социолог и экономист Н. Флеровский написал в 1860-е гг. книгу «Положение рабочего класса России», в которой дал широкую картину быта и нравов «рабочего класса»; к нему он относил не только всех работников физического труда, но и мелких торговцев, т. е. крестьян, мещан, ремесленников, кустарей и рабочих. На мой взгляд, он убедительно доказал правомерность такого объединения: все эти группы насе-

ления отличались сходством своего материального положения, домашнего и семейного быта, мировоззрения и менталитета. «Во всех частях России, — резюмировал он свои наблюдения, — работник, несмотря на несомненные природные способности, в главных и общих проявлениях своей жизни всего более руководствуется стремлением к минутному удовлетворению своих потребностей без всякой мысли о будущем или предрассудками, которые он никогда не пытался анализировать или разоблачать. Можно сказать, что *рационально* (курсив мой. — Б. М.) он поступает только в необыкновенных случаях своей жизни, когда у него нет рутинного правила, которое закачивает до дремоты его ум и его сердце. <...> В промышленных губерниях он как будто пробуждается к жизни. Он впервые покидает это пассивное существование, в котором человек живет, как живется, без страстных стремлений, без борьбы с жизнью, богатеет, если богатство легло случайно на его пути, беднеет точно так же. Он впервые выходит из той жалкой сферы, в которой каждый думает о своих потребностях только тогда, когда они явились, и удовлетворяет их первым попавшимся способом».¹⁹⁶ Мы не можем заподозрить автора в сгущении красок, ибо он был народником и, следовательно, был склонен к идеализации простого народа.

Эта **общность культуры и менталитета простолюдинов** на первый взгляд может показаться парадоксальной. Городское сословие сравнительно с крестьянством находилось в привилегированном положении: оно имело право на частную собственность, было защищено законом, имело сословный суд, самоуправление, индивидуально вело свое хозяйство, купечество было даже освобождено от круговой ответственности, подушной подати и телесного наказания. И несмотря на это, городское сословие обладало общим с крестьянством менталитетом. Думаю, причин было несколько. Мещане, ремесленники и крестьяне-горожане не были предпринимателями в истинном смысле этого слова. Подобно крестьянам, целью их хозяйства являлось получение только пропитания, а общей жизненной целью — не богатство и слава, а спасение души. Накопление богатства среди них осуждалось общественным мнением. Протестантская экономическая этика была им совершенно чужда. По наблюдениям Н. Флеровского над мещанами, «солидный первостепенный работник всегда возбуждает зависть или даже ненависть; про работника же тщеславного и мота», готового честно и с трудом заработанные деньги легкомысленно пропустить сквозь пальцы, лишь бы пустить пыль в глаза, люди «отзываются очень хорошо: „Это добрая душа и золотые руки — через него еще ни один человек не сделался несчастным. Много он заработает в месяц или в два, закутит, всех угостит, все раздаст, ничего себе не оставит"».¹⁹⁷ Наконец, всеобщая бедность и малограмотность служили препятствием для накопления капитала и превращения мещан и ремесленников в предпринимателей. В пореформенное время духовное единство крестьянства и городских низов сохранилось благодаря окрестьянванию города, вызванному огромной миграцией крестьян в города. Новые тенденции в менталитете были отмечены и среди горожан, и среди крестьян, но, как всегда, город несколько опережал деревню. До эмансипации даже среди богатого гильдейского купечества можно было встретить людей, лишь отдаленно напоминавших предпринимателей буржуазного типа. Их профессионализм находился на низком уровне, примером чему является способ подсчета издержек производства, к которым относились не только производственные, но и личные расходы семьи.¹⁹⁸ Предпринимательской активности у купца хватало лишь на то время, пока он не достигал богатства. Идеалом разбогатевшего купца становилось не приумножение капитала и развитие производства, а комфортабельная, шикарная, тщеславная жизнь наподобие той, какую вели богатые дворяне. Однако такая жизнь вскоре приводила к разорению.¹⁹⁹ Отсюда отсутствие длительной преемственности в семейном капитале: первое поколение создавало значительный капитал,

второе поколение его в основном проматывало, а третье поколение, как правило, окончательно разорялось и опускалось в мещанство. Разорение наступало в результате ослабления предприимчивости, огромных непроизводительных расходов, благотворительности и широкого меценатства. Только в пореформенное время появилось новое поколение истинно буржуазных предпринимателей с менталитетом, который можно назвать буржуазным.

Город и деревня, крестьянство и городское сословие находились в постоянном взаимодействии, включая матримониальное. М. Г. Рабинович определил суть взаимоотношений между городом и деревней в течение 1000 лет, с середины IX до середины XIX в., как обмен культурными ценностями: «Почти каждое явление материальной и духовной культуры, общественного и семейного быта горожан коренилось в крестьянском быту, но серьезно перерабатывалось в городах и снова возвращалось в сельскую местность значительно измененным. Такой обмен культурными ценностями, формирование общих явлений культуры в результате взаимосвязей и взаимовлияний происходили непрерывно и играли большую роль в создании народной культуры как целого».²⁰⁰ Думаю, однако, что о культурном обмене между городом и деревней до XVII в. можно говорить весьма условно, так как до этого времени город не был еще отделен от деревни, а каждый элемент культуры горожан в такой же степени коренился в крестьянском быту, как и каждый элемент культуры крестьян — в городском. Обмен ценностями начался в XVIII в., когда город размежевался с деревней и приобрел культурное своеобразие, которое было делом прежде всего социальной элиты. Через дворянство элементы западноевропейской культуры должны были бы в одинаковой степени переходить и к крестьянам, и к горожанам. Но, вероятно, из-за большей восприимчивости горожан, с одной стороны, и большей враждебности крестьянина к дворянину, с другой — новая культура усваивалась сначала и лучше горожанами, а через них — крестьянами. Хотя и крестьяне подражали «господам».²⁰¹ Зонами соприкосновения между городским и сельским населением долгое время служили ярмарки, богомолья, монастыри, городские базары, переносчиками новых идей — торговцы, отходники, мигранты, профессиональные нищие, странники, богомольцы. После эмансипации мощными трансляторами новой культуры стали книги, пресса, выставки, воскресные чтения, школы и другие средства.

До последней трети XIX в. можно говорить скорее о влиянии города на деревню, чем деревни на город. Причем это влияние распространялось главным образом на материальную культуру. Духовная культура крестьянства проявляла завидную устойчивость. Но с конца XIX в. она постепенно стала сдавать свои позиции не столько под влиянием города, сколько под влиянием изменившихся условий и правил жизни в деревне. Традиционные стандарты мышления, поведения, человеческих взаимоотношений теряли в глазах крестьян свою безусловность, абсолютность, непререкаемость, напротив, авторитет светских, буржуазных стандартов повышался, и именно последние постепенно становились эталонными, в большей степени в тех местностях, которые находились в зоне интенсивной индустриализации и урбанизации. Постепенно, шаг за шагом, новая светская, буржуазная культура приходила на смену традиционной, а вместе с ней новый менталитет. Трансформация начиналась с использования отдельных вещей, что влекло за собой значительные изменения в материальной культуре, за этим следовали перемены в домашнем и общественном быту, затем затрагивалось мировоззрение, и наконец, изменялся менталитет. Все стадии этого цикла (материальная культура — быт — духовная культура — менталитет) в свое время прошло дворянство, потом — все городское образованное общество, затем начали, но не успели пройти городские низы, рабочие и крестьяне.

В пореформенное время с началом массовой миграции крестьянства в города деревня стала оказывать мощное влияние на культуру и менталитет горожан, прежде всего рабочего класса. Д. Броуэр одним из первых обратил внимание на огромное значение миграции для всех сторон городской жизни больших и средних городов. Он показал, что крестьянская миграция создала особый, доминирующий в России конца XIX—начала XX в. тип «города мигрантов», который обладал специфическими экономическими, демографическими и культурными характеристиками. В городе мигрантов происходило столкновение традиционного стиля жизни и менталитета («традиции»), носителями которых были мигранты, с новым, городским, образом жизни и менталитетом («модернизмом»), носителем которых выступало образованное общество. Это столкновение порождало много серьезных проблем и создавало острую социальную напряженность в городах, чреватую серьезными социальными взрывами.²⁰² Мне хотелось бы подчеркнуть другой аспект влияния массовой миграции. Поскольку новые горожане, формировавшиеся из крестьянства, несли на себе печать традиционной крестьянской культуры, миграция тормозила формирование буржуазного менталитета среди широких масс городского населения. **Окрестнянивание горожан означало реанимацию в среде городского населения стандартов и стереотипов крестьянского сознания, являлось одним из важных факторов успеха социал-демократической пропаганды среди рабочих и роста социальной напряженности не только в городах, но в сельской местности,** так как мигранты были переносчиками революционной инфекции в деревню. В тяжелые для страны моменты эта напряженность разрядилась тремя революциями в 1905 и 1917 гг., третья из которых изменила вектор развития российского общества. Нужно отдать должное пронциательности большевиков, которые провозгласили и пытались на деле реализовать союз рабочих и крестьян, понимая, что те и другие имели в принципе единый менталитет.

Приведенные в главе данные не позволяют согласиться с распространенным в конце XIX—начале XX в. мнением, что крестьянство в течение XVIII—начала XX в. самоизолировалось от города и превратилось в особый мир, со своей культурой, своим правом, своей общественной организацией. Это мнение потом было поддержано марксистским тезисом о противоположности города и деревни при капитализме. Как мы видели, **деревня всегда была тесно связана с городом и никогда не являлась его противоположностью,** даже если под городом иметь в виду столицы, а под горожанами — образованное общество. Значительная часть русской интеллигенции второй половины XIX—начала XX в. находилась под сильным влиянием народного мировоззрения и крестьянской системы ценностей. Можно говорить об общих парадигмах, свойственных сознанию интеллигенции, городских низов и крестьянства, об общности моральных ценностей, в основе которых лежала этика православия (подробнее об этом см. в гл. XI «Итоги социального развития России и советская модернизация» в т. 2 наст. изд.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Wirth L. A Bibliography of the Urban Community // Park R. E. et al. The City. Chicago; London: Chicago University Press, 1968. P. 165—169.*

² *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 1. С. 443; *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1. С. 206—207.

³ *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1977. Вып. 4. С. 90—91.

⁴ *Фасмер М.* Этимологический словарь... Т. 3. С. 338.

- ⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 64; Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. М., 1959. С. 23.
- ⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1991. Вып. 17. С. 149—150.
- ⁷ Бушен А. (ред.). Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2. С. 90—91.
- ⁸ Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб., 1858. С. 249.
- ⁹ Словарь русского языка XVIII века. Л., 1989. Вып. 5. С. 175—176.
- ¹⁰ СЗРИ. СПб., 1857. Т. 2, ч. 1. Общее губернское учреждение. Ст. 1491.
- ¹¹ Герман К. Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819. Ч. 1. С. 230—231.
- ¹² Города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.). СПб., 1905. С. 1.
- ¹³ Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. С. 248—250; Бушен А. (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 90—91; Распределение населенных мест Российской империи по численности в них населения. (Разработано Центральным статистическим комитетом по данным Первой всеобщей переписи населения). СПб., 1902. С. 1—33; Города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей...; Статистический ежегодник России 1915 г. Пг., 1916. С. 1—25. См. также: Fedor Th. S. Patterns of Urban Growth in the Russian Empire during the Nineteenth Century. Chicago: The University Chicago Press, 1975. P. 182—214.
- ¹⁴ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 277; Бушен А. (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 77, 89.
- ¹⁵ Среднее расстояние между ближайшими городами (R) подсчитывалось по формуле: $R = S : N$, где S — административная территория страны, N — число городов. О расчете среднего расстояния см.: Гольц Г. А. Динамические закономерности развития системы городских и сельских поселений // Ланно Г. М. и др. (ред.). Урбанизация мира. М., 1974. С. 54.
- ¹⁶ Гольц Г. А. Динамические закономерности... С. 58—61; Кольб Г. Ф. Руководство к сравнительной статистике. СПб., 1862. Т. 1. С. 1, 4, 51, 60, 104, 110, 134, 139 (подсчитано мною).
- ¹⁷ Муравьев А. В., Самаркин В. В. Историческая география эпохи феодализма: (Западная Европа и России в V—XVII вв.). М., 1973. С. 26—27.
- ¹⁸ Бушен А. (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 96.
- ¹⁹ Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 0440; Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 58, 339—340 и др.
- ²⁰ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. СПб., 1905. С. 117—136; Воейков А. И. Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб., 1909. Вып. 1. С. 656; Семенов-Тянь-Шанский В. Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910. С. 73.
- ²¹ Долгий В. М., Левада Ю. А., Левинсон А. Г. Урбанизация как социокультурный процесс // Ланно Г. М. и др. (ред.). Урбанизация мира. С. 19—31; Яницкий О. Н. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. М., 1975. С. 132—159; Wirth L. Urbanism as a Way of Life // Wirth L. On Cities and Social Life. Chicago; London: University of Chicago Press, 1964. P. 60—83; Park R. E., Burgess E. W., McKenzie R. D. The City. Chicago: University of Chicago Press, 1968. P. 142—155.
- ²² Гольц Г. А. Динамические закономерности... С. 59—60.
- ²³ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 249.
- ²⁴ Бушен А. (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 90; Сборник сведений по Европейской России за [1882, 1885] год. СПб., 1884, 1887. С. 48—49; Распределение населенных мест Российской империи по численности в них населения; Статистический ежегодник России 1915 г. Отд. 1. С. 15; Власова И. В. Русские сельские поселения XVIII в. // Российский этнограф. М., 1993. I. С. 103—141.
- ²⁵ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 184—188; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 163—167; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 265—267.
- ²⁶ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С. 285—288.
- ²⁷ Несмотря на это, еще в начале XVI в. название «крестьяне» применялось также для обозначения жителей городов: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 1228, 1230; Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1917. Т. 1, вып. 1. С. 8—9; Градовский А. Д. История местного управления в России. СПб., 1868. С. 147.
- ²⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1961. Кн. 5. С. 297—298; Водарский Я. Е. Численность и размещение посадского населения России во второй половине XVII в. // Шунков В. И. (ред.). Города феодальной России. М., 1966. С. 279.
- ²⁹ Водарский Я. Е. 1) Население России в конце XVII—начале XVIII века. М., 1977. С. 133—134; 2) Численность и размещение посадского населения России во второй половине XVII в. С. 279; Миронов Б. Я. Русский город в 1740—1860-е гг. Л., 1990. С. 82 (1737 г.); Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1919. Т. 1, вып. 2. С. 346; Маньков А. Г. (ред.). Со-

борное Уложение 1649 года. Л., 1987. С. 292—309.

³⁰ *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 654—655.

³¹ *Божё-Гарнье Ж., Шабо Ж.* Очерки по географии городов. М., 1967. С. 105.

³² Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. XLVI—XLVII.

³³ Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1858. Вып. 1. С. 1—4; *Вихляев П. А.* Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. М., 1915. Вып. 9. С. 1—42.

³⁴ Проблема определения числа лиц, занятых в сельском хозяйстве, но не учтенных переписью 1897 г., решалась по-разному. Одни исследователи предлагали разделить аграрное население на самостоятельных и несамостоятельных по их соотношению в промышленности: *Лосицкий А. Е.* Этюды о населении России по переписи 1897 г. // Мир Божий. 1905. № 8. С. 224—244; другие к данным переписи о самостоятельных хозяевах прибавляли 8.1 млн человек по числу семей, состоявших из 6 и более человек, полагая, что в этих семьях имелся по крайней мере один самостоятельный мужчина: *Шейтау Г. Г.* Профессии и занятия населения: (Опыт критико-методологического исследования в области экономической статистики). СПб., 1909. С. 294—295. Предлагаемые решения не кажутся мне убедительными.

³⁵ В Гатчине, Кронштадте, Павловске, Петергофе, Царском Селе, Ямбурге (С.-Петербургская губ.) и Пятигорске (Терская губ.) благодаря большой доле военнослужащих сфера услуг была также ведущим сектором, но отнеси эти города к постиндустриальным весьма проблематично.

³⁶ Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836. С. 66; Санкт-Петербург: Исследования по истории, топографии и статистике столицы. СПб., 1870. Т. 2. С. 149, 163. См. также: *Кичунов Н. И.* Огородничество в России. Вып. 5: Огородный промысел и промышленно-ягодные культуры под Петроградом. СПб., 1914; *Бахтияров А.* Огородничество в Москве и Петербурге // Плодоводство. 1896. № 1. С. 34—44.

³⁷ *Водарский Я. Е.* Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972; *Панкратова А. М.* Формирование пролетариата в России: (XVII—XVIII вв.). М., 1963; *Разгон А. М.* Промышленные и торговые слободы и села Владимирской губернии во второй половине XVIII в. // Изв. 1950. Т. 32. С. 133—172; *Ра-шин А. Г.* Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки. М., 1958; *Рындзюнский П. Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России: (60—80-е гг. XIX в.). М., 1966; *Сербина К. Н.* Крестьянская железодельная промышленность Центральной России XVI—первой половины XIX в. Л., 1978.

³⁸ Торговля и промышленность Европейской России по районам: Общая часть и приложения. СПб., 1904. Приложение 3. С. 1—62.

³⁹ *Семенов-Тянь-Шанский В.* Город и деревня в Европейской России. С. 16—11.

⁴⁰ Отраслевая структура занятости городского и сельского населения на 1897 г. подсчитана мною по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1899—1905. Т. 1—50, 85, 86. О структуре национального дохода в 1900—1913 гг. см.: *Прокопович С. Н.* Опыт исчисления народного дохода в 50 губерниях Европейской России: 1900—1913 гг. М., 1918. С. 64.

⁴¹ *Рындзюнский П. Г.* Городские и внегородские центры экономической жизни среднеземледельческой полосы Европейской России в конце XIX в. // *Черепнин Л. В.* (ред.) Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 117.

⁴² *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 53—66, 284—285.

⁴³ *Кириллов В. В.* Русский город эпохи барокко: Культурный и эстетический аспект // *Янин В. Л.* (ред.) Русский город. М., 1983. Вып. 6. С. 162—163; *Шквариков В. А.* Очерки истории планировки и застройки русских городов. М., 1954. С. 63—117.

⁴⁴ *Штер.* Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб., 1829. С. 94—95; Города России в 1910 году; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. Отд. 5. С. 1—19.

⁴⁵ *Водарский Я. Е.* Промышленные селения... С. 8—9.

⁴⁶ *Кириллов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 309—333.

⁴⁷ *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Л., 1981. С. 56—57.

⁴⁸ Историографию по вопросу определения понятия «город» можно найти в книге: *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII—начале XVIII века. С. 115—117.

⁴⁹ *Бушен А.* (ред.) Статистические таблицы... Вып. 2. С. 230—231.

⁵⁰ Города России в 1904 году. С. IX.

⁵¹ Санкт-Петербург... Т. 3. С. 14.

⁵² Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. Вып. 1. Отд. 1. С. 18, 24; Там же. СПб., 1875. Сер. 2. Вып. 10. Отд. 1. С. 12, 15; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской области. 1922 г. Пг., 1922. С. 1; Санкт-Петербург... Т. 3. С. XVIII—XIX; Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901—1902 гг. СПб., 1905. С. 7—13.

⁵³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 5. Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С. 40.

⁵⁴ Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 12—13.

- ⁵⁵ Процент населения, проживавшего в официальных городах и посадах Европейской России в 1856 г., составил 9,03, а во всех городских поселениях в 1858 г. — 9,41: Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. С. 262; Бушен А. (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 182—183.
- ⁵⁶ Волков М. Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России: Первая четверть XVIII в. М., 1994. С. 61—63.
- ⁵⁷ Миронов Б. Я. Хлебные цены в России за два столетия: (XVIII—XIX вв.). Л., 1985. С. 170—172.
- ⁵⁸ Брук С. И., Кабузан В. М. Миграция населения в России в XVIII—начале XX века // ИСССР. 1984. № 4. С. 41—59.
- ⁵⁹ Харитонов В. М. Урбанизация в США. М., 1983. С. 8.
- ⁶⁰ Материалы Комиссии 1901 г. СПб., 1901. Ч. 1. С. 226.
- ⁶¹ Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. Европейская Россия. Пг., 1916. С. 624—625.
- ⁶² Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. С. 206; Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 62—64, 82—83.
- ⁶³ Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901—1902 гг. С. 7—18.
- ⁶⁴ Подсчитано мною по данным: Семенов-Тянь-Шанский В. Город и деревня в Европейской России. С. 76—77, 79—187.
- ⁶⁵ Огановский Н. П. (ред.). Сельское хозяйство России в XX веке: Сб. социально-экономических сведений за 1901—1922 гг. М., 1923. С. 20—21.
- ⁶⁶ Водарский Я. Е. Промышленные селения центральной России... С. 53—197.
- ⁶⁷ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1852. С. 14—15, 26—29, 32—33; Рындзюнский Я. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 528—523.
- ⁶⁸ Рындзюнский Я. Г. Городское гражданство дореформенной России. С. 488—503.
- ⁶⁹ ПСЗ-II. СПб., 1866. Т. 38. Отд. 2. № 40261.
- ⁷⁰ Рындзюнский Я. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 238—261.
- ⁷¹ Водарский Я. Е. Промышленные селения Центральной России... С. 73.
- ⁷² РГИА, ф. 1287 (Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел), оп. 38, 1897 г., д. 3439.
- ⁷³ Там же, д. 3380, л. 307—357.
- ⁷⁴ Вирранкоски Я. Домашняя промышленность в Финляндии в конце допромышленного периода // Носов Н. Е. (ред.). Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике. Л., 1975. С. 32—47.
- ⁷⁵ Сванидзе А. А. Деревенские ремесла в середине века. М., 1985. С. 78—79, 122.
- ⁷⁶ Смирнов П. П. Города Московского государства... Т. 1, вып. 2. С. 346; Водарский Я. Е. Численность и размещение посадского населения России... С. 279; Миронов Б. Я. Русский город... С. 82.
- ⁷⁷ Смирнов П. П. Города Московского государства... Т. 1, вып. 2. С. 345—355.
- ⁷⁸ РГИА, ф. 1287, оп. 39, д. 2572, л. 1—145.
- ⁷⁹ Миронов Б. Я. Русский город... С. 83—84.
- ⁸⁰ РГИА, ф. 558 (Государственная экспедиция для ревизии государственных отчетов Министерства финансов), оп. 2, д. 128, л. 180—195. См. также: Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 28—38.
- ⁸¹ РГИА, ф. 571 (Департамент разных податей и сборов Министерства финансов), оп. 1, д. 1474, л. 1—70.
- ⁸² Рахматуллин М. А. 1) К вопросу о влиянии разночинных элементов города на крестьянское движение в 20-е годы XIX в. // Шунков В. И. (ред.). Города феодальной России. М., 1966. С. 547—558; 2) Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг. М., 1990. С. 83—89.
- ⁸³ Злобина И. В., Пихоя Р. Г. Семья на Урале в XVIII—первой половине XIX в. // Черкасова А. С. (ред.). Деревня и город Урала в эпоху феодализма : Проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. См. также: Жомова В. К. Материалы по изучению круга брачных связей в русском населении // Вопросы антропологии. 1966. Вып. 21. С. 111—114.
- ⁸⁴ Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Данилов В. П., Милое Л. В. (ред.). Менталитет и аграрное развитие России: Материалы международной конференции (XIX—XX вв.). М., 1996. С. 7—21; Burguière A. (ed.). Dictionnaire des sciences historiques. Paris: Press Univ., 1986. P. 450—456.
- ⁸⁵ Гуревич А. Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // СЭ. № 6. 1988. № 6. С. 16—24; Зубкова Е. Ю., Куприянов А. И. Ментальное измерение истории : Поиски метода // ВИ. 1995. № 7. С. 153—160; Куприянов А. И. Историческая антропология : Проблемы становления // Бордюгов Г. А. (ред.). Исторические исследования в России : Тенденции последних лет. М., 1996; Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994; Ретина Л. П. Социальная история и историческая антропология : Новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Гуревич А. Я. (ред.). Одиссей. М., 1990. С. 167—181.
- ⁸⁶ Архив РГО, разр. 8 (Волынская губерния), д. 8, л. 1—7; разр. 15 (Калужская губерния), д. 19, л. 1—10; д. 34, л. 1—75; разр. 24 (Новгородская губерния), д. 29, л. 1—55.
- ⁸⁷ Жуков А. Я. Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством. М., 1848. С. 177—178.
- ⁸⁸ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 79—86.

⁸⁹ Лалои А. Сельская община в Олонецкой губернии // ОЗ. 1874. № 2. С. 227.

⁹⁰ Christian D. The Black and the Gold Seals: Popular Protest against the Liquor Trade on the Eve of Emancipation // Kingston-Mann E., Mixer T. (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 261—293.

⁹¹ Даль В. И. Пословицы... С. 501, 502, 513.

⁹² Mironov B. N. Work and Rest in the Peasant Economy of European Russia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Blanchard I. (ed.). Labour and Leisure in Historical Perspective, Thirteenth to Twentieth Centuries. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. P. 55—64.

⁹³ Короленко В. Г. Собр. соч.: В 5 т. Л., 1991. Т. 5. С. 39. Эти взгляды на праздник разделялись духовенством и крестьянами в дореформенное время, см.: Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 4. С. 103.

⁹⁴ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. Л., 1988. С. 213—230.

⁹⁵ Столяров И. Записки русского крестьянина // Вострышев М. И. (сост.). Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 335; Максимов С. В. Неизвестная, нечистая и крестная сила. СПб., 1994; Успенский Г. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 4. С. 227—242. См. также: Познанский Н. Ф. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917

⁹⁶ Даль В. И. Пословицы... С. 35—43, 54—58, 243—245, 829.

⁹⁷ Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII—первой половине XIX в. Новосибирск, 1991. С. 15.

⁹⁸ Например, в сборнике В. И. Даля ей посвящено 29 пословиц: Даль В. И. Пословицы... С. 299—303.

⁹⁹ Там же. С. 299—300.

¹⁰⁰ Громыко М. М. Территориальная община Сибири (30-е гг. XVIII в.—60-е гг. XIX в.) // Горюшкин Л. М. (ред.). Крестьянская община Сибири XVII—начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 92, 101—102.

¹⁰¹ Даль В. И. Пословицы... С. 324—327.

¹⁰² Там же. С. 404—406.

¹⁰³ Кузнецов Я. Характеристика общественных классов по народным пословицам и поговоркам // ЖС. 1903. Вып. 3. С. 396.

¹⁰⁴ Р. Бохак правильно подчеркнул, что крестьяне боролись не столько за уменьшение повинностей, сколько за справедливое к себе отношение, за истинный патернализм между помещиками и крестьянами: Bohac R. Everyday Forms of Resistance: Serf Opposition to Gentry Exactions, 1800—1861 // Kingston-Mann E., Mixer T. (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 207—233.

¹⁰⁵ Кавелин К. Д. Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 539—540. О менталитете крестьянства см. также: Moon D. Russian Peasants and

Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825—1855. London et. al: The Macmillan Press, 1992. P. 165—218.

¹⁰⁶ Клибанов А. И. 1) Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977; 2) Народная социальная утопия в России: XIX век. М., 1978.

¹⁰⁷ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1, ч. 2. Стб. 1343—1345; Т. 3, ч. 2. Стб. 1403—1404; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1905. Т. 2. Стб. 493—494. О менталитете крестьян до эмансипации см.: Божковский К. О народном суеверии и влиянии его на жизнь // Светоч. 1860. № 2. С. 45—98; Горелкина О. Д. К вопросу о магических представлениях в России XVIII в.: (На материале следственных процессов по колдовству) // Москаленко А. Г. (ред.). Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 289—305; Громыко М. М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII—XIX вв. // Громыко М. М., Миненко Н. А. (ред.). Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVIII—начале XX в. Новосибирск, 1975. С. 71—109; Малороссийская лень // БдЧ. 1839. Т. 33. Отд 1. С. 17—54; Машкин. Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда // Этнографический сборник. СПб., 1865. Вып. 5; Никонов Ф. Быт и нравы поселян-великороссов Павловского уезда, Воронежской губернии // Труды ВЭО. 1861. Октябрь—ноябрь; Новомбергский Н. Я. Колдовство в Московской Руси XVII века. СПб., 1906; Нравы, обычаи и образ жизни в Судженском уезде, Курской губернии // Моск. телеграф. 1831. Ч. 39. № 10. С. 255—271; № 11. С. 369—377; Покровский Н. Н. Материалы по истории магических верований сибиряков // Громыко М. М., Миненко Н. А. (ред.). Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVIII—начале XX в. Новосибирск, 1975; Смелянская Е. Б. Следствия по «духовным делам» как источник по истории общественного сознания в России первой половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; Соколов Г. Этнографические сведения о государственных крестьянах Тульской губернии // Тульские губернские ведомости. 1861. № 8—17, 25—27, 40—52. Часть неофициальная; [Судерберг Г.]. Бывшего полкового священника, магистра Генриха Судерберга, заметки о религии и нравах русского народа во время пребывания его в России с 1709 по 1718 год // ЧОИДР. 1873. Кн. 2. Отд. 4. С. 1—38; Шапов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия (православного и старообрядческого). СПб., 1863.

¹⁰⁸ Куприянов А. И. 1) Общественные праздники в Омске в первой половине XIX в. // Русакова Л. М., Миненко Н. А. (ред.). Культурно-бытовые процессы у русских Сибир-

ри XVIII—начала XIX в. Новосибирск, 1985. С. 53—62; 2) Празднично-общественные обряды и развлечения городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. // *Миненко Н. А.* (ред.). Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 23—33; 3) Правовая культура горожан Сибири первой половины XIX в. // *Миненко Н. А.* (ред.). Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVIII—первой половине XIX века. Новосибирск, 1990. С. 81—101; *Мосин А. Г.* Круг чтения крестьян, горожан и мастеровых Вятского края XVIII—первой половины XIX в.: Общие и специфические черты // *Черкасова А. С.* (ред.). Город и деревня Урала в эпоху феодализма: Проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 117—131; *Рабинович М. Г.* 1) Очерки этнографии русского феодального города; 2) Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988; 3) Город и городской образ жизни // *Рыбаков Б. А.* (ред.). Очерки русской культуры XVIII века. М., 1990. С. 252—298; *Смирнов Д. Н.* Нижегородская старина. Нижний Новгород, 1995.

¹⁰⁹ *Беллостин.* Внутренняя жизнь наших уездных городов // *День.* 1864. № 47—48; Быт простого народа в Бобринце // *Одесский вестник.* 1856. № 26, 27; Главные черты фабричного быта Москвы // *Биржевые ведомости.* 1862. № 199—212; *Свечин.* Московская губерния. СПб., 1853. С. 122, 133, 150 (Военно-статистическое обозрение Российской империи); *Терещенко А.* Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 1. С. 386—387.

¹¹⁰ *Георги И. Г.* Описание российско-столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного: 1794—1796 гг. СПб., 1996. С. 442—452.

¹¹¹ Архив РГО, разр. 2 (Астраханская губерния), д. 17, л. 1—3; разр. 7 (Вологодская губерния), д. 62, л. 1—84; разр. 9 (Воронежская губерния), д. 36, л. 1—58; разр. 14 (Казанская губерния), д. 18, л. 1—4; д. 87, л. 1—16; разр. 15, д. 10, л. 1—27; д. 11, л. 1—4; д. 48, л. 1—3; д. 55, л. 1—11; разр. 19 (Курская губерния), д. 14, л. 1—11; д. 21, л. 1—15; д. 29, л. 1—34; разр. 22 (Московская губерния), д. 19, л. 1—4; разр. 23 (Нижегородская губерния), д. 74, л. 1—18; д. 78, л. 1—12; д. 83, л. 1—16; д. 103, л. 1—56; разр. 24, д. 25, л. 1—119; д. 29, л. 1—55; разр. 25 (Олонецкая губерния), д. 10, л. 1—27; разр. 27 (Орловская губерния), д. 5, л. 1—31; разр. 28 (Пензенская губерния), д. 1, л. 1—46; д. 3, л. 1—3; разр. 29 (Пермская губерния), д. 23, л. 1—12; д. 29, л. 1—68; разр.

32 (Псковская губерния), д. 17, л. 1—22; разр. 33 (Рязанская губерния), д. 5, л. 1—10; разр. 34 (Самарская губерния), д. 15, л. 1—123; разр. 36 (Саратовская губерния), д. 24, л. 5—9. Историко-ведческий анализ этих материалов см.: *Рабинович М. Г.* Ответы на программу Русского Географического общества как источник для изучения этнографии города // *Липец П. С.* (ред.).

Очерки истории этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. 5. С. 36—61.

¹¹² Архив РГО, разр. 14, д. 55, л. 1—77. См. также: [*Ушаков А. С.*]. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М., 1865. Вып. 1. С. 73—80.

¹¹³ Архив РГО, разр. 5 (Витебская губерния), д. 6 «Этнографические сведения о жителях города Суража и его уезда», л. 1—16; разр. 9, д. 9 «Описание народной жизни г. Валук и части одного уезда», л. 1—57; д. 32 «Город Бирюч и окрестности его», л. 1—125; разр. 10 (Вятская губерния), д. 29 «Описание города Яранска и его уезда», л. 1—26; разр. 14, д. 71 «Сведения по г. Ядрину с принадлежащими к нему двумя деревнями», л. 1—11; разр. 18, д. 14, л. 1—12; разр. 19, д. 12 «Сведения о нравах, обычаях, поверьях и преданиях у курских горожан средних классов и у простого сельского народа Курского уезда», л. 1—11; разр. 25, д. 30 «Этнографические сведения о г. Пудожье с окрестными селениями», л. 1—70; разр. 27, д. 6 «Краткие сведения, выведенные из наблюдения над жителями г. Ливен и его уезда», л. 1—36; разр. 29, д. 56 «Замечания о жителях г. Камышлова и в окрестностях оного находящихся», л. 1—18; разр. 32, д. 14 «Этнографические сведения о жителях Великих Лук и окрестностей оного», л. 1—8.

¹¹⁴ Архив РГО, разр. 8, д. 8, л. 1—7; разр. 15, д. 19, л. 1—10, д. 34, л. 1—75; разр. 24, д. 29, л. 1—55.

¹¹⁵ Архив РГО, разр. 23, д. 97, л. 1—57.

¹¹⁶ Архив РГО, разр. 14, д. 7, л. 1—21; разр. 29, д. 47, л. 1—62; разр. 32, д. 17, л. 5—7. Кулачные бои были запрещены законом в 1832 г., но продолжали существовать как в деревне, так и в городе, включая столицы: *Горбунов Б. В.* Традиции народных кулачных боев в Петербурге в начале XX в. // *Юхнева Н. В.* (ред.). Этнография Петербурга—Ленинграда: Материалы ежегодных научных чтений. СПб., 1994. С. 22—32.

¹¹⁷ *Лесков Н. С.* Собр. соч. Т. 4. С. 102, 150—151; Т. 6. С. 219.

¹¹⁸ Архив РГО, разр. 14, д. 87, л. 8; д. 101, л. 101; разр. 19, д. 8, л. 1—4.

¹¹⁹ Архив РГО, разр. 6 (Владимирская губерния), д. 43, л. 60—67.

¹²⁰ Архив РГО, разр. 2, д. 75, л. 1—16.

¹²¹ *Короленко В. Г.* Глушь. Отрывки из дневника учителя // Собр. соч.: В 5 т. М., 1960. т. 3.

¹²² Сборник материалов для изучения русской поземельной общины. СПб., 1880. Т. 1. С. 175. То же отмечали: *Качоровский К. Р.* Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? : (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1906. Т. 1. С. 290—300, 315, 329; *Пругавин В. С.* Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888. С. 268.

¹²³ *Златовратский Н. Н.* Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1913. Т. 8. С. 263—292.

¹²⁴ *Тургенев И. С.* Соч.: В 12 т. М., 1979. Т. 3. С. 59.

¹²⁵ Успенский Г. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 5. С. 161.

¹²⁶ Сборник материалов для изучения... общины. Т. 1. С. 60—61, 372.

¹²⁷ Успенский Г. И. Собр. соч. Т. 4. С. 172—177.

¹²⁸ Там же. Т. 5. С. 417.

¹²⁹ Невзоров А. Торговый оборот в пословицах русского народа. СПб., 1906. С. 1—35.

¹³⁰ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 123—125, 236—239.

¹³¹ Кулыжский А. Мелкий кооперативный кредит в России // Вестник кооперации. 1909. Кн. 2. С. 73; Соколовский П. А. Ссудно-сберегательные товарищества по отзывам литературы. СПб., 1889. С. 254, 278, 284.

¹³² Статистический сборник за 1913—1917 гг. М., 1921. С. 128; Хейсин М. Л. История кооперации в России: все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени. Л., 1926. С. 215.

¹³³ Кредитная кооперация в Московском уезде. М., 1911. С. 15.

¹³⁴ Доклад Комиссии 1873 г. СПб., 1873. Доклад. С. 1—3.

¹³⁵ Там же. Доклад. С. 49—51; Приложения. I. С. 225—256; Приложения. VI. Ч. 1. С. 25, 26, 35, 40, 57, 60, 62, 68, 70, 77, 92—93, 112, 117, 124, 150, 275; Ч. 2. С. 95, 104 и др.

¹³⁶ Там же. Приложения. I. С. 225—256; Приложения. VI. Ч. 1. С. 35, 73, 86, 145, 150; Ч. 2. С. 69, 79, 103, 109 и др.

¹³⁷ Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. М., 1938. С. 460 (1-е изд.—1869 г.).

¹³⁸ Петерсон Н. Л. (сост.). Просвещение: (Особое совещание. Свод трудов). СПб., 1904. С. 1—41.

¹³⁹ Кавелин Д. К. Собр. соч. Т. 2. Стб. 540.

¹⁴⁰ Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Princeton: Princeton University Press, 1985. См. также: Brower D. R. The Penny Press and Its Readers // Frank St. P., Steinberg M. D. (eds.). Culture in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 147—167; Рейтблат А. И. Читатель лубочной литературы // Ансберг О. Н. (ред.). Книжное дело в России во второй половине XIX—начале XX века. Л., 1990. Вып. 5. С. 125—137.

¹⁴¹ Brooks J. When Russia Learned to Read. P. 171—210.

¹⁴² Ibid. P. 268, 286—289, 369; Brooks J. Competing Modes of Popular Discourse: Individualism and Class Consciousness in the Russian Print Media, 1880—1928 // Ferro M., Fitzpatrick Sh. (eds.). Culture et révolution. Paris, 1989.

¹⁴³ Рейтблат А. И. Читатель лубочной литературы. С. 133.

¹⁴⁴ Короленко В. Г. Собр. соч. Л., 1991. Т. 5. С. 42, 67.

¹⁴⁵ Богословский Н. Общий очерк образа жизни и характера жителей Новгородской губернии // Новгородский сборник. Новгород, 1865. Вып. 1. С. 1—17; Добрынкин Н. Г. 1) Вяз-

никовский уезд: Этнографический очерк // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1868. Т. 7. С. 42—77; 2) Жизнь, нравы и обычаи крестьян в Меленковском уезде: Этнографический очерк // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1868. Т. 1, вып. 1. С. 69—118; Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России: Сб. трудов. М., 1994; Заварин Н. О суевериях и предрассудках, существующих в Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. 1870. № 1, 3—5; Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1995; Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России, собранные по распоряжению министра государственных имуществ. СПб., 1880. Вып. 1. С. 43—51; Рудинский Н. Знахарство в Скопинском и Данковском уездах Рязанской губернии // ЖС. 1896. Вып. 2. С. 169—201; Фон-Кремер А. Обычаи, поверья и предрассудки крестьян села Верхотишанки, Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1870—71 год. Воронеж, 1871. С. 274—305; Харузин Н. Н. 1) Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 302—346; 2) К вопросу о религиозных воззрениях крестьян Калужской губернии // ЭО. 1892. № 2—3.

См. также: Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины... С. 260—275; Будина О. Р., Шмелева М. Н. Русская народная культура // Эсалнек А. Я., Зиновьева М. Д. (ред.). Русская духовная культура. М., 1995; Вьюнов Ю. А. Истоки и основные свойства русского национального характера // Там же; Кусков В. В. Православие в жизни русского народа // Там же; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 267—275; Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской культуры // Егоров Б. Ф., Кошелев А. Д. (сост.). Из истории русской культуры. Т. 5. XIX век. М., 1996. С. 51—79, 351—382; Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994; Кремлева И. А. Об эволюции некоторых архаических обычаев у русских // Громыко М. М., Листова Т. А. (ред.). Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989. С. 248—264, 323—484; Тульцева Л. А. Община и аграрная обрядность рязанских крестьян на рубеже XIX—XX вв. // Там же. С. 45—62; Kingston-Mann E. Breaking the Silence: An Introduction // Kingston-Mann E., Mixter T. (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 3—20; Mixter T. The Hiring Market as Workers' Turf: Migrant Agricultural Laborers and the Mobilization of Collective Action in the Steppe Grainbelt of European Russia, 1853—1913 // Ibid. P. 337—340; Steinberg M. D., Frank St. P. Introduction // Frank St. P., Steinberg M. D.

(eds.). *Culture in Flux. Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 3—10.

О менталитете деревни после 1917 г. см.: *Бекстон Ч. Р.* В русской деревне. М., 1923; *Большаков А. М.* Очерки деревни СССР: 1917—1926. М., 1928; *Внуков В. А.* Миф и действительность: Опыт психологии социального быта. М., 1924; *Зернова А. Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // СЭ. 1932. № 3. С. 15—52; *Крестов Ф. Д.* Деревня после Октября. М., 1925; *Мурин В. А.* Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926; *Росницкий Н.* Лицо деревни. М.; Л., 1926; *Смирнов М. И.* Култ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде: (По этнографическим наблюдениям). Переславль-Залесский, 1927; Старый и новый быт. М., 1924; *Феноменов М.* Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни (деревня Гадыши, Валдайского уезда, Новгородской губернии). М.; Л., 1925. Ч. 1, 2; *Яковлев Я. 1)* Деревня как она есть. М., 1923; 2) Наша деревня: Новое в старом и старое в новом. М., 1924. См. также: *Бердинских В.* Очерки крестьянской цивилизации // Волга. 1991. № 1—3.

¹⁴⁶ *Frank St. P.* Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and Its Enemies in Fin-de-Siècle Russia // *Frank St. P., Steinberg M. D.* (eds.). *Culture in Flux. Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 74—107.

¹⁴⁷ *Эрн В. Ф.* Христианское отношение к собственности // *Исупов К., Савкин И.* (ред.). Русская философия собственности: XVIII—XX. СПб., 1993. С. 194—227.

¹⁴⁸ *Freeze G. L.* «Going to the Intelligentsia»: The Church and its Urban Mission in Post-Reform Russia // *Clowes E. W., Kassow S. D., West J. L.* (eds.). *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 215—232.

¹⁴⁹ *Преображенский А.* Семья православного христианина: Сб. проповедей, размышлений, рассказов и стихотворений. 2-е изд. СПб., 1902. С. 161—167.

¹⁵⁰ *Rosenthal B. G.* The Search for Russian Orthodox Work Ethic // *Clowes E. W., Kassow S. D., West J. L.* (eds.). *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 57—74.

¹⁵¹ *Бурькикин П. А.* Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. С. 40—71.

¹⁵² *Столяров И.* Записки русского крестьянина. С. 394—395. См. также: *Ленский Б.* Отхожие земледельческие промыслы в России // ОЗ. 1877. Т. 235, № 12. С. 207—258; *Свидерский Ф. И.* Народные скитания // Земский сборник Черниговской губернии. 1890. № 2; *Engel V. A.* Russian Peasant View of City Life: 1861—1914 // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52, No. 3. P. 446—459.

¹⁵³ *Johnson R. E.* 1) Family Relations and the Rural-Urban Nexus: Patterns in the Hinterland of Moscow, 1880—1900 // *Ransel D. L.* (ed.). *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*. Urbana et al.: University of Illinois Press, 1978. P. 263—279; 2) Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1979. P. 155—162.

¹⁵⁴ *Bradly J.* Muzhik and Moskovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 116; *Johnson R. E.* Peasant and Proletarian. P. 67—79, 155—162.

¹⁵⁵ *Мухомов В. О.* Петербург весь на ладони. СПб., 1874.

¹⁵⁶ Об их деятельности см.: Отчет общества вспомоществования уроженцев г. Углича. СПб., 1905; Отчет Ярославского благотворительного общества в Санкт-Петербурге за 1913 год. СПб., 1914; Устав Мышкинского благотворительного общества в Санкт-Петербурге. СПб., б. г.

¹⁵⁷ *Мехов А.* Землячество // «Угличанин»: Сб. Углич, 1908. С. 79—82.

¹⁵⁸ *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. С. 445.

¹⁵⁹ *Анимелле Н.* Быт белорусских крестьян // Этнографический сборник, издаваемый РГО. СПб., 1854. Вып. 2. С. 250.

¹⁶⁰ *Животнов Н. Н.* Петербургские профили. Вып. 1: На извозчицких козлах. СПб., 1897.

¹⁶¹ *Burds J.* The Social Control of Peasant Labor in Russia: The Response of Village Communities to Labor Migration in the Central Industrial Region, 1861—1905 // *Kingston-Mann E., Mixer T.* (eds.). *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 97—100. См. также: *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России 1907—1914 гг. М., 1992. С. 62.

¹⁶² *Eklof B.* Russian Peasant School: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861—1914. Berkeley et al.: University of California Press, 1986. P. 474—482.

¹⁶³ О влиянии отходничества и городов на крестьянство имеется большая литература, укажем на наиболее важные работы, кроме тех, на которые будут далее сделаны ссылки: *Весин Л. П.* Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. 1886. № 7. С. 127—155; 1887. № 2. С. 102—124; № 5. С. 161—204; *Высочков Л. В.* Влияние Петербурга на хозяйство и быт государственных крестьян Петербургской губернии в первой половине XIX в. // *Юхнева Н. В.* (ред.). Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 129—146; *Плющевский Б. Г.* 1) Воздействие отхожих промыслов на социально-психологический склад русского крестьянства // *Пауцто В. Т.* (ред.). Соци-

ально-экономическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 173—177; 2) Разработка вопроса о крестьянских отхожих промыслах периода разложения крепостничества в советской исторической науке // *Сюзюмов М. Я.* (ред.). Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967. Свердловск, 1967. Вып. 1. С. 59—64; *Прохоров М. Ф.* Отходничество крестьян в Москву в третьей четверти XVIII в. // *Янин В. Л.* (ред.). Русский город. М., 1984. Вып. 7. С. 150—171; *Федоров В. А.* Крестьянин-отходник в Москве: (конец XVIII—первая половина XIX в.). // Там же. М., 1976. Вып. 1. С. 165—180; *Рындзюнский П. Г.* 1) Крестьяне и город в дореформенной России // *ВИ.* 1955. № 9. С. 26—40; 2) Крестьяне и город в капиталистической России...; *Титов А. А.* Статистико-экономическое описание Ростовского уезда Ярославской губернии. СПб., 1885; *Юхнева Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: Вторая половина XIX—начало XX века. Л., 1984. С. 146—163.

¹⁶⁴ *Великосельцев П.* Рассказы из повседневной жизни поселян // *Земледельческая газета.* 1857. № 24—25.

¹⁶⁵ *Жбанков Д. Н.* Влияние отхожих промыслов на движение народонаселения Костромской губернии по данным 1866—1883 гг. Кострома, 1887. С. 39.

¹⁶⁶ *Златовратский Н. Н.* Собр. соч. Т. 8. С. 322.

¹⁶⁷ *Звонков А. П.* Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии, Елатомского уезда // *Харузин Н.* (ред.). Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 70.

¹⁶⁸ *Богаевский П. М.* Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда, Вятской губернии // Там же. С. 1—2.

¹⁶⁹ *Новомбергский Н.* По Сибири: Сб. статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903. С. 201.

¹⁷⁰ Архив РГО, разр. 7 (Вологодская губерния), оп. 1, д. 29, л. 102.

¹⁷¹ *Дерунов С. Я.* Из русской народной космогонии // *Харузин Н.* (ред.). Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 325.

¹⁷² *Миронов Б. Н.* Русский город... С. 91.

¹⁷³ Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 104.

¹⁷⁴ Там же. С. 102, 104, 118—119; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 85. С.-Петербург. СПб., 1905; Т. 86. Москва. СПб., 1905.

¹⁷⁵ Подсчитано по данным: Санкт-Петербург... Т. 3. С. 14—20; Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901—1902 гг. С. 3—13, 68—69, 82—83.

¹⁷⁶ *Трифонов А. А.* Формирование населения Москвы в дореволюционный период // *Янин В. Л.* (ред.). Русский город. М., 1984. Вып. 7. С. 195.

¹⁷⁷ *Миронов Б. Н.* История в цифрах. Л., 1991. С. 82; Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901—1902 гг. С. 24.

¹⁷⁸ *Bradley J.* Patterns of Peasant Migration to Late Nineteenth-Century Moscow: How Much Should We Read into Literacy Rates // *Russian History.* 1979. Vol. 6. Part 1. P. 38.

¹⁷⁹ РГИА, ф. 23 (Министерство торговли и промышленности), оп. 7 (отдел 1, стол 3), д. 801, л. 6—8.

¹⁸⁰ По свидетельству министра финансов Е. Ф. Канкрин (1834), в России в отличие от западноевропейских стран «работники на городских фабриках почти исключительно состоят из приходящих крестьян», которые «при остановке в работах возвращаются домой, не оставаясь вовсе без пропитания» (цит. по: *Китанина Т. М.* Рабочие Петербурга, 1800—1861 гг.: Промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение. Л., 1991. С. 277). Через 60 лет, в 1893 г., положение, по словам главного фабричного инспектора Я. Т. Михайловского, мало изменилось: «Фабричный рабочий есть в то же время и землевладелец, по крайней мере, в громадном большинстве случаев: для него фабричный труд обыкновенно не составляет профессии, а только лишь подспорьем к труду земледельческому. Землю свою он любит, для фабрики неохотно ее покидает, с деревнею своею он поддерживает постоянные отношения, отправляется туда ежегодно для свидания с родными, а чаще всего для полевых работ» (цит. по: *Фабрично-заводская промышленность и торговля России.* СПб., 1893. С. 274). См. также: *Иванова Н. А.* Промышленный центр России 1907—1914 гг. М., 1995. С. 239, 246—260, 272; *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса в России в 1900—1914 гг. Л., 1976. С. 131—159; *Крюков П.* Очерк мануфактурных сил Европейской России, служащий текстом промышленной карты. СПб., 1853. Ч. 1—2. С. 62; *Рауш А. Г.* Формирование рабочего класса России. С. 532—544; *Kahan A.* The «Hereditary Workers»: Hypothesis and the Development of a Factory Labor Force in the Eighteenth- and Nineteenth-Century Russia // *Anderson C. A., Bowman M. J.* (eds.). Education and Economic Development. Chicago: University of Chicago Press, 1965. Даже в 1929 г., за который мы имеем самые полные данные, доля кадровых рабочих во всей промышленности составляла 52%: *Бинеман Я. М.* (ред.). Труд в СССР: Справочник 1926—1930. М., 1930. С. 28—29.

¹⁸¹ Интересный анализ этой литературы см.: *Kojima Sh.* Peasant Migration to Cities in Late Tsarist Russia: A Comparison to the Japanese Experience // *Konan Journal of Social Sciences.* Kobe, Japan, 1994. Vol. 5. P. 11—28. Дискуссию о сознании русских рабочих в начале XX в. см.: *Slavic Review.* 1982. Vol. 41, No. 3. P. 417—453 (участники: Д. Р. Броуэр (D. R. Brower), Р. Е. Джонсон (R. E. Johnson), Д. Конкер (D. Koenker), Р. Г. Суни (R. G. Suny)).

¹⁸² Бернштейн-Коган С. Численность, состав и положение петербургских рабочих: Опыт статистического исследования. СПб., 1910; Пешехонов А. В. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях. СПб., 1905; Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала: (конец XIX—начало XX в.). М., 1971; Bonell V. E. Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organization in St. Petersburg and Moscow, 1900—1914. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 439—455; Donnorummo R. P. The Peasant of Central Russia: Reactions to Emancipation and the Market, 1850—1900. New York; London: Garland Publishing, 1987. P. 293—311; Johnson R. E. Peasant and Proletarian. P. 37; Laue Th. H. von. 1) The Chances for Liberal Constitutionalism // Slavic Review. 1965. Vol. 23, No. 4. P. 619—642; 2) Russian Peasant in the Factory: 1892—1904 // Journal of Economic History. 1961. Vol. 21, No. 1. P. 61—80; 3) Russian Labor between Field and Factory: 1892—1903 // California Slavic Studies. 1964. No. 3. P. 33—65; McDaniel T. Autocracy, Capitalism, and Revolution in Russia. Berkeley et al.: University of California Press, 1988. P. 174—176; McKean R. B. St. Petersburg Between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907—February 1917. New Haven; London: Yale University Press, 1990. P. 14—29, 477—494; Smith S. A. Red Petrograd: Revolutions in the Factories, 1917—1918. New York: Cambridge University Press, 1983. P. 21; Winn Ch. Workers, Strikes, and Pogroms: The Donbass-Dnepr Bend in Late Imperial Russia, 1870—1905. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 254—268; Zelnik R. E. 1) The Peasant and the Factor // Vucinich W. S. (ed.). The Peasant in Nineteenth Century Russia. Stanford, CA: Stanford University Press, 1968. P. 183—190; 2) Labor and Society in Tsarist Russia: The Factory Workers of St. Petersburg, 1855—1870. Stanford, CA: Stanford University Press, 1971. P. 17—21, 370—371; 3) Russian Rebels: An Introduction to the Memoirs of the Russian Workers Semen Kanatchikov and Matvei Fisher // Russian Review. 1976. Vol. 35, No. 3. P. 249—289; No. 4. P. 417—447; и др. М. Штейнберг полагает, что даже самые грамотные рабочие воспринимали себя не рабочими или крестьянами, а, скорее, человеческими существами: Steinberg M. D. Worker-Authors and the Cult of the Person // Frank St. P., Steinberg M. D. (ed.). Culture in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 184.

¹⁸³ Советские историки и ряд зарубежных полагали, что крестьянское происхождение рабочих мало влияло на их сознание: Крузе Э. Э. Положение рабочего класса в России... С. 131—159; Иванов Л. М. (ред.). Рабочий класс и рабочее движение в России 1861—1917 гг. М., 1966. С. 58—140; Koenker D. Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1981; Koenker D., Rosenberg W. G. Strikes and Revolution in Russia: 1917. Princeton: Princeton University Press, 1989; Mandel D. 1) The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime: From the February Revolution to the July Days 1917. London:

Macmillan, 1983; 2) The Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power: From the July days 1917 to July 1918. London: Macmillan, 1984. P. 9—43; Suny D. G. Towards a Social History of the October Revolution // The American Historical Review. 1883. Vol. 88, No. 1. P. 33—34, 46—47. Л. Хеймсон, не отрицая двойственности рабочего сознания, рассматривает ее как производную от рабочего стажа. Квалифицированные рабочие с многолетним стажем избавились от пережитков крестьянской ментальности, а молодые рабочие, только что пришедшие в город, находились еще в ее власти: Хаймсон Л. К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX—начале XX в.: Роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией // Потолов С. И. (ред.). Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861—февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 28—54; Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917 // Slavic Review. 1964. Vol. 23, No. 4. P. 619—642; А. Мендель и В. Бонелл считают, что следы крестьянского менталитета обнаруживаются в сознании рабочих, но они все-таки выработали специфическое пролетарское сознание, которое, если бы не было войны, эволюционировало в тредюнионистском направлении: Mendel A. R. Peasant and Worker on the Eve of the First World War // Slavic Review. 1965. Vol. 24, No. 1. P. 23—33; Bonell V. E. Roots of Rebellion. P. 439—455.

¹⁸⁴ Кирьянов Ю. И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX—XX в. // Потолов С. И. (ред.). Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861—февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 55—76; Полищук Н. С. Обычай и нравы рабочих России: (конец XIX—начало XX в.) // Там же. С. 114—130, 184; Михайлов Н. В. 1) Самоорганизация трудовых коллективов и психология рабочих в начале XX в. // Там же. С. 149—165; 2) Петербургский совет безработных и рабочее движение в 1906—1907 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 27; Полищук Н. С. Обычай фабрично-заводских рабочих Европейской России, связанные с производством и производственными отношениями: (конец XIX—начало XX в.) // ЭО. 1994. № 1. С. 73—90; Bonell V. E. Roots of Rebellion. P. 64—65; Колоницкий Б. И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазное» сознание // Черняев В. Ю. (ред.). Анатомия революции. СПб., 1994. С. 188—202.

¹⁸⁵ Штейнберг М. Д. Представление о «личности» в среде рабочих интеллигентов // Потолов С. И. (ред.). Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861—февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 96—113; Steinberg M. D. Moral Community: The Culture

- of Class Relations in the Russian Printing Industry, 1867—1907. Berkeley; Oxford: University of California Press, 1992.
- ¹⁸⁶ Это парадигма крестьянского массового сознания, официальной советской полит-экономии и советского массового сознания. См.: *Латынина Ю.* Собственность есть кража? // *Исупов К., Савкин И.* (ред.). Русская философия собственности: XVIII—XX. СПб., 1993. С. 427—444.
- ¹⁸⁷ *Черняев В. Ю.* Рабочий контроль и альтернативы его развития в 1917 г. // *Потопов С. И.* (ред.). Рабочие и российское общество: Вторая половина XIX—начало XX в. СПб., 1994. С. 164—177.
- ¹⁸⁸ *Байрау Д.* Янус в лаптях: Крестьяне в русской революции 1905—1917 гг. // *ВИ.* 1992. № 1. С. 19—32.
- ¹⁸⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М., 1962. Т. 31. С. 91.
- ¹⁹⁰ *Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л., 1925. С. 124.
- ¹⁹¹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 7. С. 135.
- ¹⁹² *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. С. 414, 420; *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 267.
- ¹⁹³ Эти различия существовали уже в XVII в.: *Булгаков М. Б.* О менталитете посадского сословия в XVII в. // *Горский А. А.* (ред.). Русская история: Проблема менталитета. М., 1994. С. 81—84.
- ¹⁹⁴ *Евреинев Г. А.* Прошлое и настоящее русского дворянства. СПб., 1898. С. 48.
- ¹⁹⁵ *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство: Русский хозяин : Статьи об иконе. Москва; Иерусалим 1994. С. 41.
- ¹⁹⁶ *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. С. 413.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 414—415.
- ¹⁹⁸ *Вишняков Н.* Сведение о купеческом роде Вишняковых. М., 1911. Ч. 3. С. 8.
- ¹⁹⁹ *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. С. 123—132, 165—166; *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 140—143; *Миронов Б. Н.* Социальная мобильность российского купечества в XVIII—начале XIX века // *Пуллат Р. Н.* (ред.). Проблемы исторической демографии в СССР. Таллин, 1977. С. 207—217; *Платонов О.* (ред.). 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. М., 1995; *Приселков М. Д.* Купеческий бытовой портрет XVIII—XX вв. Первая отчетная выставка Историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал накануне революции». Л., 1925.
- ²⁰⁰ *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 266.
- ²⁰¹ *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. С. 414, 420.
- ²⁰² *Brower D. R.* The Russian City between Tradition and Modernity, 1850—1900. Berkeley and al.: University of California Press, 1990. P. 75—91, 222—228.

ГЛАВА VI

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО ОТ ЗЕНИТА ДО ЗАКАТА: ЗАРОЖДЕНИЕ СВОБОДЫ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Среди историков нет единства взглядов относительно степени распространения крепостнических отношений, а также факторов, породивших крепостное право и обусловивших через два с половиной столетия его отмену.¹ Детальное изложение существующих в литературе точек зрения заняло бы слишком много места. Поэтому, опуская нюансы, сведем в три группы существующие в литературе мнения.

В дореволюционной российской историографии происхождение крепостного права относилось к XVI—XVII вв. и связывалось с потребностью государства в прикреплении населения к определенному месту жительства и социальной группе с целью облегчения контроля за сбором налогов и выполнением повинностей. Закрепощение крестьянства ставилось в зависимость от роста его экономической задолженности и необходимости обеспечения находившихся на государственной службе лиц гарантированной рабочей силой. Раскрепощение началось в XVIII в. с дворянства и завершилось в 1860-е гг. освобождением помещичьих крестьян. В конечном счете государственные соображения и потребности, прежде всего в социальном порядке и стабильности, являлись главным фактором как закрепощения, так и раскрепощения всех сословий.²

В советской историографии было принято говорить о закрепощении только крестьянства и лишь в ограниченном смысле низших слоев городского населения, так называемых посадских. При этом одни историки объясняли происхождение крепостного права ужесточением внеэкономического принуждения, в частности развитием барщины, другие — побегам крестьянства и посадских, вызванными увеличением налогов и повинностей, третьи — интересами служилых людей.³ Отмена крепостного права связывалась с кризисом крепостнической системы хозяйства, с экономической неэффективностью крепостного труда и развитием капитализма.⁴

В западной историографии в принципе поддерживается точка зрения дореволюционных русских историков о закрепощении всех сословий государством, но когда речь заходит собственно о крепостном праве, то, как правило, в качестве закрепощенного сословия имеется в виду только крестьянство. Согласно преобладающему мнению, два фактора — экономическая задолженность крестьянства и заинтересованность помещиков в рабочей силе в условиях развития внутреннего рынка и барщины — способствовали закрепощению крестьянства.⁵ Отмена крепостного права объясняется потребностями государства, в частности военными нуждами, культурными факторами, страхом перед крестьянскими волнениями и кризисом крепостной системы хозяйства.⁶

Все историки, правда, единодушны в одном: крепостное право имело отрицательное влияние на все стороны российской жизни. Но для советских историков крепостное право вместе с монголо-татарским игом стало главной причиной экономической и культурной отсталости России от западноевропейских стран, а для западных историков — следствием отсталости.

КТО БЫЛ ЗАКРЕПОЩЕН В РОССИИ?

Чтобы разобраться в вопросе, кто был закрепощен в России, необходимо обратиться к понятию «крепостное право». Крепостное право — совокупность юридических норм, закреплявших личную зависимость человека от его господина. Оно могло принимать мягкие и суровые формы, могло включать все или только некоторые формы внеэкономического принуждения. В суровых формах, в которых крепостничество существовало в XVI—XVIII вв. во многих странах Центральной и Восточной Европы, включая Россию, оно означало лишение человека большей части личных прав, а также и права владеть собственностью и совершать от своего имени гражданские сделки, другими словами, быть субъектом гражданского права, что приближало юридический статус крепостного к статусу раба. В мягких формах, которые практиковались в западноевропейских странах XI—XV вв., крепостное право было лишено своих наиболее стеснительных и грубых норм, таких как запрет приобретать недвижимость, участвовать в гражданских сделках, служить объектом купли и продажи и некоторых других, и сводилось к той или иной форме личной и поземельной зависимости. Кроме того, была известна и такая форма крепостнических отношений, которую можно назвать патриархальным крепостничеством, когда крепостные принимались в семью господина как домочадцы, жили под одной крышей с хозяином, выполняя более тяжелую работу, чем остальные члены семьи, были принижены и бесправны. Примером тому может служить отношение учеников и мастеров. Ученики жили в семье мастера фактически как члены семьи, но в сильнейшей от него зависимости. По российскому Ремесленному положению 1785 г., в отношении к мастерам («хозяевам») ученики должны были быть послушны, прилежны, верны и почтительны, а мастера пользовались правом наказывать своих учеников лично и с помощью полиции.

Таким образом, объем понятия «крепостное право» исторически весьма существенно варьировал от мягкой формы до полной всеобъемлющей формы зависимости человека от его господина. Основные признаки крепостной зависимости применительно к конкретно-историческим российским условиям XVIII—первой половины XIX в. можно сформулировать следующим образом: 1) внеэкономическая, личная зависимость от господина: отдельного лица, корпорации или государства; 2) прикрепление к месту жительства; 3) прикрепление к сословию; 4) ограничения в правах на владение частной собственностью и на совершение гражданских сделок; 5) ограничения в выборе занятия и профессии; 6) социальная незащищенность: возможность лишиться достоинства, чести, имущества и подвергнуться телесным наказаниям без суда, по воле господина.

Крепостничество могло существовать как государственное, корпоративное или частное в зависимости от того, кто являлся субъектом крепостнических отношений — государство, корпорация или отдельный человек.

Обратимся теперь к конкретным фактам, характеризующим положение главных сословий, или состояний, в начале XVIII в. — дворянства, духовенства, посадских и крестьянства.

Дворянство

В начале XVIII в. дворянство обладало всеми признаками государственного крепостного состояния. Все дворяне были обязаны нести государственную службу, военную или гражданскую, начиная с 15 лет и непременно с самого низшего ранга, в армии — с солдата. Служба была бессрочной — до болезни или смерти. Две трети членов каждой фамилии должны были состоять на военной службе, одна треть — на гражданской. Дворянство пред-

почитало военное поприще, которое считалось более престижным и скорее обеспечивало карьеру. Каждый дворянин был приписан к полку или государственному учреждению, где он проходил службу. Тяжесть службы породила массовое укрывательство дворян от явки на службу и смотры, так называемое нетство, с которым правительство боролось с помощью жестоких кар, начиная со штрафов и телесных наказаний и кончая конфискацией имущества и «шельмованием» — лишением всех прав состояния. Например, в 1711 г. 53 офицера, не явившиеся после отпуска в полк в Киевскую губернию, были лишены поместий, а их жены с детьми были выслены из имений.⁷ По указу 1720 г. дворянам, уклоняющимся от службы, грозили наказание кнутом, вырывание ноздрей и вечная каторга. Имена таких дворян прибавлялись к виселице с барабанным боем для всеобщего известия. Доносчики на уклоняющихся от службы получали вознаграждение из их имущества; укрыватели же строго карались. Военная служба была настолько тяжелой, что некоторые дворяне предпочитали записываться в купцы или даже в крестьяне, чтобы только от нее избавиться.⁸

Наряду с обязанностью нести государственную службу дворяне должны были получить образование, неграмотным запрещалось жениться. Обладание основами знаний сделалось необходимым условием для успешной карьеры. В обязанности дворянина входили также поддержание своей служебной годности, подготовка к службе своих детей, которые регулярно проходили смотры-проверки, осуществление управления своими крестьянами, которое включало вотчинный суд и полицию, сбор государственных налогов, социальное признание и др. Для управления имениями дворяне получали отпуск со службы на известный срок с обязательством явиться обратно по первому требованию. По воле государя любой дворянин был обязан изменить место жительства, и это право Петр I при надобности использовал, например при заселении Петербурга, когда десятки дворянских фамилий были вынуждены переселиться из родных мест на отведенные им участки земли с обязательством в указанный срок построить усадьбу.

Дворяне не освобождались и от телесного наказания и терпели розги, палки и плети наравне с «подлыми людьми». Вот одна характерная иллюстрация. В 1722 г. во время производства переписи населения, или ревизии, в Великолукской провинции по подозрению в утайке от переписи людей в полном соответствии с царским указом были подвергнуты пытке и биты кнутом или батогами 11 дворян и 85 крестьян, из них от побоев умер один дворянин и 10 крестьян; арестованы 7 дворян и 6 дворянских жен и детей, из них один скончался от ужасных условий содержания.⁹ Как видим, дворянство подвергалось столь же жестоким наказаниям, как и крестьянство. Но в отличие от лиц податных состояний, так называемых подлых людей, дворяне не платили прямых налогов, были освобождены от всех видов денежных и натуральных повинностей как в пользу государства, так и городских и сельских общин, поскольку считалось, что вместо них они несут службу.¹⁰ Дворянство не имело полных прав собственности ни на землю, ни на крепостных. Меньшая часть дворянства владела землей и крепостными на правах вотчинной собственности, большая часть — на правах поместной собственности. Между этими видами собственности имелись сходство и различие. И за вотчину, и за поместье дворяне были обязаны нести «государеву службу» в соответствии с размерами землевладения и числом крепостных. Вотчинное право в отличие от поместного включало право владеть и распоряжаться землей и крепостными, но государство ограничивало права наследования, распоряжения и пользования вотчинной собственностью: все сделки с вотчиной совершались с санкции государства, ее следовало передавать по наследству в род, а не по желанию вотчинника; если вотчина уходила из рода, то представители рода имели право родового выкупа. К началу XVIII в. произошло бытовое сближение этих двух видов собствен-

ности, хотя они и не стали тождественными. Помещики продавали, передавали по наследству, меняли свои поместья, но все сделки совершались с разрешения государства и в строгих рамках: например, продать можно было лишь другим помещикам, которые вместе с землей приобретали все те обязанности, которые лежали на ее прежнем владельце. Реальное расширение прав не было зафиксировано в законе. Говоря строго юридически, помещики продавали, передавали по наследству, меняли и т. п. лишь право пользования своим имуществом. Современники прекрасно сознавали различия между вотчиной и поместьем, что отражалось в ценах на них: вотчины стоили дороже.

Можно вполне согласиться с историком русского дворянства А. Романовичем-Славатиным, который утверждал, что дворянство при Петре I «находилось почти в такой же крепостной зависимости от правительства, в какой от него (дворянства. — *Б. М.*) — крестьяне».¹¹ Следует иметь в виду, что при первом императоре государственное закрепощение дворянства, как и других состояний, достигло своего апогея, хотя в общих чертах произошло во второй половине XVI—первой половине XVII в.

Духовенство

Положение духовенства было еще тяжелее, так как оно находилось под гнетом светских и духовных властей. Напомним, что духовенство разделялось на черное, или монашеское, и белое, или приходское. Последнее делилось на священнослужителей (священников и дьяконов) — старших членов церковного причта — и церковнослужителей, или причетников (дьячков, пономарей, псаломщиков), — младших членов причта. В 1711 г. черное духовенство теряет свободу передвижения и прикрепляется к тому монастырю, за которым записано по переписи. Численность его, поступление и выход из монашества строго ограничиваются. В 1719 г. та же участь постигла приходское духовенство: оно прикрепляется к церквям и приходам, и ему запрещается менять место службы и свое состояние без разрешения духовных и светских властей. Как в 1592—1597 гг. было отменено право перехода для владельческих крестьян, так теперь лишилось свободы передвижения и духовенство. Оно было стеснено светскими и духовными властями и в других отношениях. Клирикам запрещалось заниматься какой бы то ни было предпринимательской деятельностью, как торговой, так и промышленной; даже сдача внаем своих домов считалась предосудительным занятием. Духовенству запрещалось участвовать в собраниях, вмешиваться в мирские дела, ходатайствовать и поручаться за кого-либо, а также посещать театры, играть в карты, курить, плясать и смотреть на пляски, стричь бороду и волосы на голове, предписывалось носить одежду скромную, преимущественно темных цветов и особого покроя (рясы и подрясники).

Коронная администрация постоянно вмешивалась в жизнь духовенства и другим способом: она строго регулировала численность духовенства путем принудительного перевода избыточного числа духовных лиц в другие состояния. Основу этой практики заложил Петр I. В 1722 г. он приказал ограничить численность белого духовенства, исходя из следующего соотношения: один священник и два причетника на 100—150 приходских дворов — это называлось «вести духовные штаты». В соответствии с царским указом строго определенное число лиц вместе с прямым потомством было зачислено на действительную службу по духовному ведомству в качестве штатного духовенства, а все лица духовного звания, оставшиеся вне штата, были переведены в податные состояния. В дальнейшем заштатные клирики, если они к моменту очередной ревизии не состояли на духовной или государственной службе, причислялись к податным состояниям со всеми вытекающими по-

следствиями — уплатой подушной подати, выполнением рекрутской повинности и т. п. А поскольку число приходов и соответственно церковных должностей строго ограничивалось, а естественный прирост у духовенства был велик, то светская администрация регулярно, вплоть до 1831 г., проводила чистку, или так называемые разборы. В результате множество лиц духовного звания, не обеспеченных церковными должностями, принудительным путем отчислялись в солдаты и податные состояния, главным образом в крестьянство и посадские, а грамотные — в канцеляристы в казенные учреждения.¹² Доступ в приходское духовенство для лиц недуховного происхождения был стеснен, духовенство обязывалось учить своих детей и готовить их к занятию священнических и дьяконских должностей, которые передавались по наследству. Во второй половине XVIII в. наследственный характер приобрели также и причетниковские должности, причем дьячки и пономари, подобно священникам и дьяконам, стали проходить специальный ритуал посвящения в должность, называемый посвящением в стихарь. Все это способствовало превращению клириков в замкнутое сословие. Церковные места вместе с доходами от них и земель, закрепленной за ними (от 33 до 99 десятин, или 36—108 га, на причт), превратились в фактическую собственность семьи и не только переходили по наследству, но и стали предметом гражданских сделок: они продавались, завещались и т. п. Однако юридически приходское духовенство не могло иметь землю в собственности. Церковные должности отцов (и доходы с них) передавались детям с санкции епископа. Сохранение должности было обусловлено надлежащим ее исполнением и волей епископа.

Служебные обязанности белого духовенства при Петре I были велики. На него, как и на дворянство, была возложена обязанность учиться, которая воспринималась как повинность. Лица, не прошедшие обучения, не могли занимать церковные должности под страхом наказания епископов, которые назначали на должности. Духовенство должно было нести не только пастырскую службу, но и выполнять некоторые административно-полицейские обязанности, правда, тесно связанные с основной деятельностью: вести метрические книги, составлять ежегодные отчеты о вступивших в брак, родившихся и умерших; ежегодно составлять списки раскольников и пропустивших исповедь и причастие и передавать их светским властям, которые штрафовали провинившихся; доносить об уклонившихся от переписи и налогов; бороться с раскольниками; прочитывать почти поголовно неграмотному населению царские указы во время церковной службы; исполнять роль нотариусов; контролировать лояльность пасты: священники были обязаны доносить администрации о раскольниках, о распространении суеверий, о систематическом непосещении прихожанами церкви, о несоблюдении постов и даже об «открытых им на исповеди преднамеренных злодействах, если исповедающиеся в оных не раскаялись и намерения своего совершить их не отложили». Замечу, что многочисленные обязанности духовенство выполняло бесплатно, под страхом наказания, не исключая и телесного. Правда, в награду священнослужители и их дети до достижения совершеннолетия были освобождены от рекрутской повинности и прямых налогов, хотя исполняли некоторые натуральные (постоянную, пожарную, полицейскую и др.) повинности и платили определенные денежные сборы. Но низшая прослойка духовенства — церковнослужители — не получила этих льгот: они несли все повинности наравне с податными состояниями — крестьянами и посадскими.¹³ Принудительные и обременительные обязанности духовенства, не имевшие ничего общего с ролью пастырей, проповедников, служителей церкви, являлись по сути казенной, или государевой, барщиной. Учитывая это, а также прикрепление к месту жительства и службы, можно сказать, что духовенство, как и дворянство, являлось крепостным состоянием. Субъектом его зависимости в данном случае выступало государство.

Зависимость духовенства от епископа была еще сильнее, чем от государства. Епископ являлся полным хозяином в епархии по отношению к духовным лицам, как царь по отношению к дворянину или помещик по отношению к крестьянину. Епископ определял служебную годность духовных лиц в ходе специального экзамена, возводил их в сан, назначал на должность, собирал с причта установленный обычаем ежегодный оброк — «*епископское тягло*» соответственно числу приходских дворов и богатству прихода. Епископ мог отнять должность и передать другому, перевести клирика в другой приход, лишить сана. Вплоть до 1841 г. управление епархией осуществлялось по инструкции того епархиального архиерея, который в данный момент занимал кафедру епископа, лично ему были подчинены все епархиальные учреждения (консистория, училища, семинарии и т. д.). Церковный суд также находился в руках епископа. Как верно заметил Г. Фриз: «Церковь являлась зеркальным отражением светского общества: епископ был духовным князем, духовенство — его подданными».¹⁴

Все сказанное позволяет заключить, что приходское духовенство являлось крепостным, или, как говорили современники, «тяглым», не только по отношению к государству, но и по отношению к епископу. Зависимость от епископа внешне носила персональный характер. Но поскольку епископ имел власть над духовенством своей епархии, будучи представителем церкви как корпорации, зависимость духовенства от него правильнее интерпретировать как корпоративное, а не частное крепостничество.

Посадские

Податные жители городов (до 1721 г. они назывались посадскими людьми, затем гражданами, купцами, с 1785 г. — купцами, мещанами и ремесленниками) были наследственно приписаны, или прикреплены, к конкретному городу, посадской общине. Только с разрешения коронной и общественной администрации они могли перейти в другое состояние, изменить профессию, место жительства или просто отлучиться из города по делам. Самовольные переселения и переходы в другие состояния рассматривались как преступление, виновные за это подлежали наказанию и возвращались в родной посад. Посадские бесплатно, лишь под страхом сурового наказания, включая телесное, выполняли множество обременительных для них натуральных повинностей, называемых «казенными службами», в сущности несли государственную барщину: «служили», говоря современным языком, счетоводами, бухгалтерами, сборщиками налогов, экспертами во всех государственных учреждениях не только в своем городе, но и далеко за его пределами; собирали налоги, продавали казенную водку и соль, несли полицейскую «службу» в своем городе, участвовали в проведении переписей, выполняли разные торговые и финансовые поручения правительства. Всюду, где нужны были грамотные исполнители каких-либо государственных функций, связанных с финансами, принудительно и бесплатно привлекались посадские. На обязательной казенной службе находились около 10% от номинального (по ближайшей переписи) и 24% от фактического наличного числа взрослых посадских мужского пола. Эти данные, по-видимому, приуменьшают реальное бремя государевой барщины. Отметим, что казенные обязанности были связаны с финансами, и посадские отвечали за исправность службы и казенные деньги всем своим имуществом, что нередко приводило к разорению. Если своего имущества не хватало на покрытие долга, должники ставились на правож — привязывались к столбу у административного учреждения и истязались до тех пор, пока родственники или кто-нибудь не уплачивал их долг.¹⁵ При исполнении казенных служб личность, имущество и время посадских находились в полном распоряжении коронной админи-

страции. Ввиду трудности задачи никто не пытался оценить тяжесть государственной барщины граждан. Но если на казенной службе были заняты около 24% взрослых мужчин, то можно предположить, что она поглощала около 24% рабочего времени.

Кроме прямого налога и государственной барщины посадские платили также и оброк (формально за земельный участок, который они занимали в городе). Во второй четверти XVIII в. он был в 2 раза меньше оброка государственных крестьян, в 3 раза меньше оброка помещичьих крестьян и составлял около 70% от прямого налога посадских. В сумме повинности посадских составляли внушительную величину и не были существенно меньше, чем барщинно-оброчные повинности крестьянства, по крайней мере казенного. Вряд ли можно относить службу в разряд государственного натурального налога. Служба носила принудительный характер, назначалась коронной администрацией в зависимости от государственных потребностей в данный момент, мало соотносилась с доходами и возможностями посадских. Оброк был весьма далек от арендной платы по той причине, что его величина устанавливалась не в результате соглашения между посадскими и администрацией, а произвольно и принудительно определялась последней. Ни службы, ни оброка избежать было невозможно, так как посадские были прикреплены к месту жительства и состоянию.

Приведенных фактов достаточно для вывода о том, что в первой четверти XVIII в. посадские находились в крепостной зависимости от государства. С. М. Соловьев совершенно правильно указывал: «Те самые крепостные отношения, которые существовали у нас до последнего времени относительно крестьян и дворовых людей, в старину существовали относительно посадских, или тяглых, людей, крепких своему городу».¹⁶

Крестьянство

В течение XVI в. в деревне под влиянием экономической задолженности стихийно и постепенно развивалось частное крепостное право. В конце XVI в. серия закрепостительных указов правительства Бориса Годунова, в особенности указы 1592 и 1597 гг., завершила юридическое оформление крепостного права на всей территории Русского государства, прикрепив крестьян к земле, на которой они находились в момент издания указа, и к владельцам этой земли — помещикам, государству, монастырям и т. д. В начале XVII в., в ходе Смутного времени, закрепостительные указы потеряли свою силу, но в полной мере были восстановлены Уложением 1649 г.¹⁷

Крестьянство всех разрядов было прикреплено к земле и владельцам, будь то помещики, церковь, казна, царь, и не могло без их согласия и разрешения коронной администрации изменить место жительства и состояние. При Петре I была введена паспортная система, и без паспорта, выдаваемого администрацией с согласия общины, нельзя было отлучиться от места жительства далее чем на 30 верст. Крестьяне несли барщину или оброк либо смешанную повинность в пользу своих владельцев, а также выполняли многочисленные государственные натуральные повинности (рекрутскую, постоянную, подводную, дорожную и т. п.). Побег и недоимки рассматривались как преступления. Пойманные беглые подвергались суровому телесному наказанию (их секли, клеймили, обрезали уши, вырывали ноздри), после чего возвращались владельцам.¹⁸ Помещики имитировали государственные порядки. Каждое имение представляло из себя «государственное управление в миниатюре».¹⁹ Однако в помещицком, как и в государственном, управлении нельзя не видеть некоторых положительных моментов. Помещику и казне приходилось, хотя бы ради самосохранения, проявлять попечительство о своих крестьянах, которое приобретало разнообразные формы: ссуда, наде-

ление скотом и инвентарем, помощь во время неурожая продовольствием и семенами, защита в суде и от притеснений полиции, призрение старых и больных, просвещение.²⁰

Многие права относительно крепостных помещики приобрели в силу обычая, некоторые из прав были закреплены сепаратными указами правительства. Например, огромное негативное влияние на положение помещичьих крестьян оказало уничтожение в 1719 г. юридической грани между холопами, чье положение действительно было близко к рабству, и крепостными, чье положение до этого было близко к положению свободных крестьян. Объединение в один разряд податного населения произошло путем распространения обязанности платить государственные налоги на холопов, которые до тех пор от этого были освобождены. В результате помещики в отношении крепостных стали пользоваться правами, принадлежавшими прежде господам в отношении холопов, хотя в законе на этот счет не сохранилось никаких указаний.²¹

Дворянство постоянно добивалось от правительства ясного определения своих прав по отношению к крестьянам. Но государство долго не шло ему навстречу, опасаясь недовольства со стороны крестьян и не желая четко ограничивать свое собственное право вмешиваться в отношения между помещиками и крепостными. Впервые отношения крепостных и помещиков нашли четкое юридическое оформление лишь в первом Своде законов Российской империи 1832 г.²² При этом объем прав помещиков оказался близок к действительности и к тому идеалу, который дворяне сформулировали 80 лет тому назад в проекте законодательной комиссии в 1750-е гг.²³

Положение государственных крестьян также было четко закреплено в Своде законов 1832 г., хотя и прежде оно регулировалось законом, а не усмотрением казенного управления.²⁴ Существование особенностей в правах помещичьих и казенных крестьян дало некоторым исследователям повод считать последних свободными от крепостного права.²⁵ Это не кажется убедительным. Во-первых, так называемые государственные крестьяне в строго правовом смысле принадлежали не российскому государству как политической организации населения, а казне как частнопроводному, или юридическому, лицу. Понятие *казенные крестьяне* правильно отражает юридическое положение данной категории крестьян, точно указывая на субъект и объект власти. Казенные крестьяне подобно владельческим имели конкретного владельца, и их зависимость от казны была также крепостной. Различие в положении казенных и владельческих крестьян, несущественное в начале XVIII в. и весьма существенное впоследствии, происходило не столько из права, сколько из фактического различия характера их владельцев.²⁶ Во-вторых, в правовом положении владельческие и казенные крестьяне не только в начале XVIII в., но и в более позднее время различались непринципиально: и те и другие несли оброчные или барщинные повинности, прикреплялись к месту жительства и состоянию, были связаны круговой порукой, находились под неусыпным контролем своих владельцев, ограничивались в правах (им запрещалось заниматься откупам и подрядами, вести портовую торговлю, открывать фабрики и заводы, обязываться векселями). Разница состояла лишь в степени зависимости: у владельческих крестьян, особенно у барщинных, крепостная зависимость была сильнее и грубее, у казенных — мягче. Коронная администрация рассматривала зависимость государственных крестьян от казны по аналогии с зависимостью владельческих крестьян от помещиков, что хорошо видно из следующего факта. Проводя налоговую реформу в 1724 г., правительство обязало казенных крестьян сверх общей для всех крестьян 74-копеечной подушной подати платить еще по 40 коп. с души, «вместо тех доходов, что платят дворцовые (крестьяне. — Б. М.) во Дворец, Синодского ведения — в Синод, помещиковы — помещикам». Средние размеры денежных оброков владельческих крес-

стьян в 1720-е гг. составляли около 40 коп., т. е. действительно равнялись оброчной подати казенных крестьян.²⁷

В силу вышеизложенного совершенно закономерным выглядит утверждение министра государственных имуществ в правительстве Николая I П. Д. Киселева, что в 1830-е гг. положение казенных крестьян ничем, в сущности, не отличалось от положения помещичьих крестьян. Как известно, принципиальное значение всегда имеет самоидентификация. Согласно авторитетному мнению видного чиновника Министерства государственных имуществ В. И. Вешнякова, государственные крестьяне, по крайней мере до реформы 1839—1841 гг., считали себя «крепостными правительства или властей».²⁸

КОРПОРАТИВНОЕ, ИЛИ ОБЩИННОЕ, КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

Люди, принадлежавшие к податным состояниям, — крестьяне и посадские — были закрепощены также теми корпорациями, в состав которых они входили. Члены одной корпорации были связаны круговой порукой и несли коллективную ответственность перед государством за своевременную уплату налогов, за выполнение натуральных и денежных повинностей, за преступления на территории общины, за уход с места жительства без разрешения.²⁹

Сельская община имела особенно большую власть над крестьянами. Она устанавливала систему полеводства, время сельскохозяйственных работ, порядок пользования пастбищами, лесами и другими угодьями, собирала налоги, управляла религиозной жизнью, судила нарушителей закона, которых могла даже сослать в Сибирь, разрешала крестьянам отлучаться из деревни и т. д. Вся жизнь крестьянина, по сути, находилась под жестким контролем общины. Большая власть общины объяснялась тем, что земля находилась в общинном, чересполосном владении и регулярно перераспределялась между крестьянами. Принудительный севооборот приводил к необходимости регламентации труда и отдыха крестьянина со стороны общины.

Податное население одного города составляло посадскую общину. В течение XVIII в. в городе возникли и другие корпорации: ремесленники объединялись в цехи, мещане — в мещанские общества, купцы — в купеческие общества. Городские корпорации не столь сильно опекали своих членов, как сельские общины. И тем не менее их власть была настолько велика, что каждый их член не мог без их ведома и разрешения принять какое-нибудь важное решение: отлучиться из города, перейти в другой разряд населения, распорядиться по своему усмотрению своим временем и т. д. Степень зависимости городского человека от своей корпорации определялась многими факторами, среди которых важнейшими были характер городской экономики и величина города. В малых аграрных городах, в которых жители занимались главным образом земледелием, власть корпораций была большей, уклад их жизни очень напоминал деревенский; в больших торгово-промышленных городах люди пользовались большей свободой, социальный контроль был слабее. Поскольку в России XVIII в. среди городов преобладали аграрные и малые города с численностью населения менее 5 тыс. человек, а городские земли и имущество находились в коллективной собственности, то естественно, что большинство горожан находилось под сильным контролем городских корпораций и посадской общины в целом.

Необходимо отметить, что корпоративное крепостное право, в отличие от частного и государственного, не только не тяготило людей, но, наоборот, с их точки зрения выполняло полезные для них функции: оно консолидировало и защищало своих членов от произвола коронной администрации и от конкуренции представителей других общин, сдерживало социальную и экономическую дифференциацию, способствовало справедливому распределе-

нию налогов и повинностей. При существовании государственного и частного крепостного права **в жестких корпоративных связях люди находили защиту от административного и помещичьего произвола.** Вероятно, поэтому корпоративное крепостничество сформировалось стихийно и было законодательно оформлено государством к середине XVII в. в ответ на просьбы населения. Во всяком случае, в городах оно было окончательно утверждено Уложением 1649 г. в ответ на петиции горожан.³⁰

Можно полагать, что аналогичным образом сложилось корпоративное крепостничество и в деревне. Об этом свидетельствует история распространения общинно-передельного землевладения — важнейшей предпосылки корпоративного крепостничества в деревне — в поселениях казенных и дворцовых, или удельных, крестьян Севера, Урала и южных районов. В начале XVIII в. у казенных крестьян Севера и Урала (Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Вятская, Пермская и Казанская губернии) не было передельной общины. Земля находилась в свободном обороте, крестьяне продавали и покупали землю, среди землевладельцев были лица различных состояний. Однако, несмотря на то, что фактически крестьяне распоряжались землей, ее верховным собственником выступало государство, которое до поры до времени не заявляло о своих правах на землю, как бы временно делегировало их крестьянам. В силу свободного оборота земли существовало большое имущественное неравенство между крестьянами. Неимущие и малоимущие крестьяне добивались от правительства запрещения на владение землей некрестьянами и введения переделов. Правительство пошло навстречу этим пожеланиям, тем более что они соответствовали его интересам. В 1754 г. последовал указ о запрещении продажи крестьянских земель лицам других состояний и о конфискации имевшейся у них земли в пользу крестьян. В 1766 г. был запрещен свободный оборот земель также и между самими крестьянами, что лишило крестьян права распоряжаться своими участками. В 1781 г. были введены переделы, в результате чего земельные порядки среди государственных крестьян во всей Европейской России были постепенно унифицированы по образцу передельной общины. Введение общинно-передельных порядков в землепользовании повлекло за собой установление корпоративного крепостничества или, по крайней мере, его резкое усиление.

Развитие крестьянского землевладения на дворцовых землях, принадлежавших императорской фамилии на Севере, в принципе повторило вышеописанную историю. Аналогичной была судьба землевладения однодворцев — потомков московских служилых людей, поселенных на южной окраине страны. К началу XVIII в. у них не было ни общины, ни переделов, земля находилась в их фактической собственности при юридической верховной собственности государства. Но постепенно, в течение XVIII—первой половины XIX в., шаг за шагом с помощью правительственных распоряжений свободный оборот земли был запрещен, и однодворцы по собственному желанию перешли к земельным порядкам по модели передельной общины.³¹

Таким образом, в течение XVIII в. в Европейской России произошла унификация земельных прав и отношений у всех категорий российского крестьянства по модели передельной общины, с круговой порукой, принудительным севооборотом и чересполосицей. Реформа казенной деревни 1837—1839 гг. и реформы 1860-х гг. способствовали дальнейшему укреплению общинного землевладения и, естественно, корпоративного крепостничества. Принципиально важно подчеркнуть, что переход к передельной общине происходил по желанию подавляющего большинства крестьян, без принуждения со стороны государства: государство просто шло навстречу требованиям большинства, как и в случае с посадскими.

ВСЕОБЩНОСТЬ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И ЕЕ ПРИЧИНЫ

Если понимать крепостное право в очерченных выше пределах, то оказывается, что в России в начале XVIII в. свободным человеком был только царь, а все остальные были в той или иной степени закрепощены. Причем большинство было закрепощено на нескольких уровнях: священник — государством и епископом; посадский человек — государством и посадской общиной; помещичий крестьянин — государством, дворянином и сельской общиной; казенный крестьянин — казной и сельской общиной; и лишь дворянин был закрепощен только государством.³² Крепостное право было всеобщим, в дальнейшем будем постоянно иметь в виду, что существовало крепостничество трех видов — государственное, или казенное, частное и корпоративное.³³

Предложенная конструкция крепостнических отношений может показаться слишком абстрактной. Однако некоторые просвещенные современники именно так понимали сущность общественного устройства России в начале XVIII в. Например, известный историк и государственный деятель петровского царствования В. Н. Татищев (1686—1750) в своем труде «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», написанном в 1730 г., выделил «три вида неволи» в России: 1) «по природе» — подчинение власти отца и монарха; 2) «по своей воле» — в результате общественного договора или же конкретного соглашения между людьми (холопство, служба по договору и т. д.); 3) «по принуждению» — «рабство, или невольничество», в результате насильственного порабощения. Эти три вида неволи как раз и соответствуют предложенной конструкции: государственное — корпоративное — частное крепостничество. По мнению Татищева, все виды неволи по своим последствиям для человека равнозначны: в какой бы неволе ни находился человек, он «не может уже по своему хотению покоиться, веселиться, чести, имения снискивать и оные содержать, но все остается в воле того, кто над его волею властвует». Причина неволи, полагал Татищев, состояла в том, что «человеку и в лучшем возрасте и разуме на себя единого надеяться небезопасно, и потому видим, что воле человека положена узда неволи для его же пользы».³⁴ В России «вольность» невозможна в силу того, что она «с нашей формою правления монаршеского не согласует(ся) и вкоренившийся обычай неволи переменить небезопасно».³⁵

В чем причины столь широкого и глубокого закрепощения человека? Первый фактор — традиционный характер русской государственности и патриархальный характер верховной власти. Население считало царя верховным собственником земли, сувереном всех подданных, отцом отечества и хозяином и на этом основании (как указывал В. Н. Татищев, «по природе вещей») признавало за ним право распоряжаться свободой, здоровьем, жизнью и имуществом подданных. Вот несколько характерных примеров.

В 1701 г. Петр I учредил по случаю войны Монастырский приказ, который взял под свое управление все церковные имения (патриаршие, архиерейские и монастырские) со всеми принадлежавшими им крестьянами (около 154 тыс. крестьянских дворов). Из доходов церковных имений государство стало выдавать на нужды церкви определенные суммы.³⁶ Эта фактическая секуляризация церковного имущества была не случайным эпизодом, обусловленным деспотическим характером Петра I, а отражением традиционного в русском обществе взгляда на царя как на истинного хозяина Русской земли. Еще в 1649—1652 гг. правительство конфисковало у церкви принадлежавшее ей недвижимое имущество в городах, причем сделало это с одобрения посадского населения и с санкции Земского собора 1649 г.

В 1714 г. Петр I ввел ограничения на право собственности на землю: все частные рыбные ловли были отобраны в казну, а пчельники и бортные угодья, а также все частные мельницы объявлены казенными и на этом осно-

вании обложены платежом (1704); все фабрики и заводы были также объявлены казенными и обложены платежами, контроль за их деятельностью осуществляла Мануфактур-коллегия; права на недра земли передавались казне (1719); все леса Европейской России были объявлены государственными заповедниками (1723).

Во всех перечисленных случаях мы встречаемся не с произволом царя, а с последовательным отражением в жизни взгляда на царя как на верховного собственника земли, имевшего полное право распоряжаться ею по своему усмотрению. То же наблюдалось в отношении земель, занимаемых казенными крестьянами. В указе 1719 г. о проведении переписи населения предписывалось «переписать всех крестьян», в том числе «дворцовых и прочих государевых», под которыми разумелись многочисленные группы государственных крестьян: однодворцы, черносошные и т. п.³⁷ Выделенные слова указывают на то, что государственные крестьяне, подобно дворцовым, т. е. лично принадлежавшим царю, считались «государевыми». Между тем доходы с дворцовых имений шли на личные нужды царя, а с государственных — в государственный бюджет. Нет ли здесь противоречия? Ни в малейшей степени. В данном случае наглядно проявились различные права царя: с одной стороны, право царя как верховного собственника земли, с другой стороны, право царя как частного лица. Именно поэтому, вполне распоряжаясь государственными землями (в царствование Петра были розданы десятки тысяч государственных крестьян в собственность дворянства), царь не использовал доходы с них на свои личные нужды. Презумпция принадлежности всей земли царю как верховному ее собственнику сохраняла свою силу.

В царствование Петра I мы встречаемся с многочисленными случаями, когда царь распоряжался не только земельной, но и движимой корпоративной или личной собственностью своих подданных, а также их трудом. В 1700 г. ввиду недостатка артиллерии для русской армии Петр приказал снять с церкви колокола и перелить их в пушки, что и было исполнено. В 1714 г. царь запретил строительство каменных домов во всей стране, кроме Петербурга, и повелел прислать определенное число плотников и каменщиков в Петербург с целью ускорить развитие новой столицы. В 1724 г. по случаю коронации жены Петра I Екатерины царь приказал конфисковать у русского и иностранного купечества в Петербурге 60 лучших лошадей для роты кавалергардов, участвовавших в коронационных торжествах, что также было исполнено.³⁸

Второй фактор широкой распространенности крепостничества носил военно-политический характер. Русскому государству постоянно требовались огромные средства для укрепления вооруженных сил и ведения активной внешней политики. Эти средства могло бы дать население, если бы оно имело их благодаря хорошо развитой экономике. В условиях отсталой сравнительно с западноевропейскими странами экономики лишь чрезвычайная государственная эксплуатация населения могла обеспечить необходимые средства. Однако повышение эксплуатации наталкивалось на сопротивление населения, прежде всего в форме побегов. Только всеобщее закрепощение, причем в самых грубых формах, могло в какой-то мере удержать население на месте, изъять у него финансовые средства и сохранить социальный порядок. Так и поступило самодержавие. Подчеркнем, что само население шло навстречу этим объективным требованиям, так как видело в прикреплении людей к городским и сельским общинам средство защитить себя от самовольного ухода налогоплательщиков, связанных круговой порукой.

Слабое развитие рыночных отношений в стране, отсутствие в казне денежных средств для содержания армии, церкви и государственного аппарата заставили верховную власть обратиться к натуральной оплате служилых людей в форме пожалования за службу земли с крестьянами, обязанными пла-

тить оброк или выполнять барщину. По сути дела, частное крепостничество происходило из делегирования самодержавием значительной части своей власти над личностью крестьянина и его трудом помещику.

Для утверждения крепостничества имелись культурно-психологические предпосылки: неразвитость индивидуализма, недостаток самосознания и самоконтроля, склонность к подчинению только грубой силе. Известный эксперт по крестьянскому вопросу в 1830—1860-е гг. А. П. Заблоцкий-Десятовский констатировал, что «у помещичьих крестьян понятие личности не существует. Часто помещик нарушает права супружеские, не щадит целомудрия (жен и дочерей крестьян. — *Б. М.*), и это нередко сносится крестьянами терпеливо; в особенности должно сказать о женщинах».³⁹ Людям XVI—XVIII вв. казалось естественным существование принудительного труда и насилия. Приведу лишь два характерных факта. 14 сентября 1702 г. в Москву привели около 800 шведских пленных — мужчин, женщин и детей, которых продавали по 3—4 гульдена «за голову», но спустя несколько дней под влиянием большого спроса цена повысилась до 20 и даже 30 гульденов. Пленных покупали преимущественно русские, но также и иностранцы из Западной Европы с той разницей, что первые превращали их в холопов, а вторые покупали их как слуг на время войны, чтобы по окончании войны возвратить им свободу.⁴⁰ Второй показательный факт: широкое распространение самозакрепощения, которое было законодательно отменено лишь в 1783 г., причем по инициативе императрицы, а не по требованию самих закрепощенных.⁴¹ Но и после 1783 г. это явление не исчезло, находилось немало людей, которые самозакрепощались. Известный историк права и современник заката крепостничества в России, кстати, сам помещик, К. Д. Кавелин справедливо полагал, что источник крепостного права заключался «в народных нравах и убеждениях и поддерживался не насилием, а сознанием». В соответствии с «патриархальными понятиями» людей подчиненный считал себя «темным человеком», которого следует наставлять, и наказание считал наукой.⁴²

Сказанное вовсе не означает, что народу были чужды понятие свободы, любовь и стремление к ней. Однако народные представления о свободе и об идеальном общественном устройстве расходились с тем, как понимали их государь и дворянская элита, и потому не сдерживали, а подталкивали самодержавие к решению социальных и политических проблем с помощью крепостничества. Свобода в народном понимании означала полную автономию от государства и освобождение от всех обязательств, налогов и повинностей в пользу как государства, так и частных лиц. Народным идеалом служило казацкое устройство, подразумевавшее полное самоуправление, решение всех вопросов на общем сходе, выборные власть и суд, полное равенство, уравнительное распределение земли и прочей собственности между всеми. Эти идеалы ярко проявились во время восстаний под руководством народных героев, чья жизнь кончилась казнью, — С. Разина (1667—1671), К. Булавина (1707—1709), Е. Пугачева (1773—1775), а также и во время многочисленных локальных крестьянских бунтов XVIII—первой половины XIX в.⁴³ Подобное понимание свободы вступало в непримиримый конфликт с существовавшим общественным порядком, поэтому исполнители народных идеалов становились государственными преступниками и кончали свою жизнь на плахе. Народ это понимал: он рассматривал свободу и общественный порядок как альтернативные понятия — либо свобода, либо общественный порядок. Свободным может быть только разбойник — любимый народный герой. Путем бунта разбойник добывается свободы, но одновременно нарушает законный порядок и вследствие этого противопоставляет себя государю (государству), церкви и оказывается вне общества, конфликт «свобода—порядок» перерастает в конфликт «общество—человек». Бунт всегда

вне закона, свобода всегда нарушает общественный порядок, не раскаявшегося вовремя бунтаря ждет гибель.⁴⁴ Самодержавию и его администрации были хорошо известны народные идеалы, и ради поддержания социальной стабильности государство использовало крайние формы насилия, которое стало привычкой, нормой, законным средством наведения порядка. По-видимому, отклонение от этой нормы служило для управляемых признаком слабости власти, дезориентировало их и являлось причиной или поводом для неповиновения. Известный агроном и помещик, администратор и писатель XVIII в., человек для своего времени вполне просвещенный, А. Т. Болотов, прослуживший управляющим нескольких тысяч казенных крестьян в течение 22 лет (1774—1796), в своих мемуарах делает интересное признание о том, как необходимость вынуждала его применить в отношении управляемых крестьян жестокие наказания для поддержания порядка. «Будучи от природы совсем не жестокосердным, а напротив того, такого душевного расположения, что не хотел бы никого оскорбить и словом, а не только делом, и не находя в наказаниях никогда ни малейшей для себя утехи, и увидев тогда сущую необходимость оказывать жестокости и с теми бездельниками (крестьянами. — *Б. М.*) для унятия их от злодейств (воровства. — *Б. М.*) драться, терзался я от того досадою и неудовольствием. Но нечего было делать. Необходимо надлежало их от воровства и от всех шалостей отваживать и унимать, и я скоро увидел, что добром и ласковыми словами и не только увещаниями и угрозами, но и самыми легкими наказаниями тут ничего не сделаешь, а надобно было неотменно употребить все роды жестокости, буде хотеть достичь тут до своей цели». И вот пойманных воров Болотов жестоко наказал следующим образом: «Велел их раздеть донага, вымазать всех дегтем и водить с процессией по всей улице села. <...> Маленьких же ребятишек велено всех согнать к мосту и кричать: „Воры! Воры!“ и кидать в них грязью». Кроме того, он пригрозил крестьянам, что каждого третьего заставит ночью нести караул. Наказание, соединенное с угрозой, «не только нагнало действительно на всех страх, но произвело вождеднейшее действие, и мужички мои смолвились (согласились. — *Б. М.*), чтобы бросить все шалости, смотреть пристально (друг за другом. — *Б. М.*) и за другими, представлять виновных для наказания. <...> С того самого времени все крестьяне ровно как переродились. Зато после и сами они меня полюбили и, благодаря меня за то, были мною весьма довольны».⁴⁵ Подобного образа мысли и действия придерживалась преобладающая масса и управляющих, и управляемых, они откровенно и без малейшего чувства неловкости признавались в этом.⁴⁶ «Право

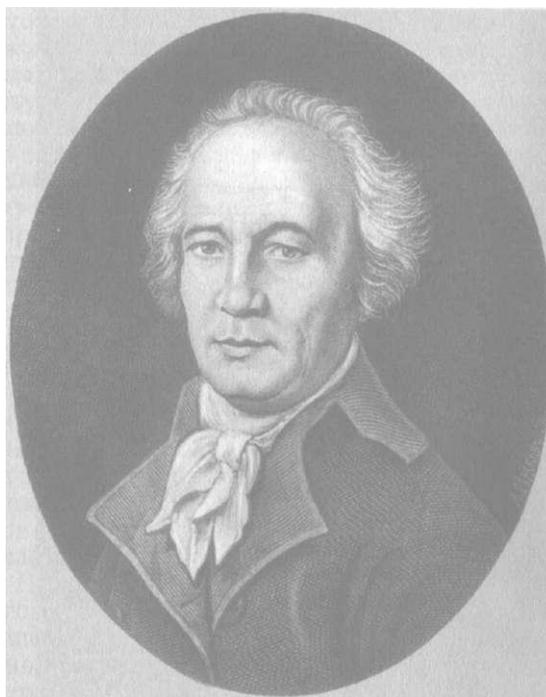

Рис. 65. А. Т. Болотов (1738—1833), агроном, администратор, историк

Рис. 66. В учениках (в людях). С.-Петербург. 1900-е гг.

телесного наказания не только по закону составляло существенную принадлежность крепостного права, но и вследствие существующих понятий того времени считалось безусловно необходимым для поддержания власти и крепостных отношений. Современное той жизни понятие дворовых людей иначе (без телесных наказаний. — *Б. М.*) не признавало власти».⁴⁷

Уровень насилия настолько серьезно варьировал в зависимости от времени, состояния (податные или неподатные, благородные или нет), от человека, имевшего власть и право на насилие, что невозможно установить, если так можно выразиться, норму насилия, его средний уровень. Но он был постоянно высок (см. подробнее об этом далее), хотя взгляды людей на насилие и жестокость в течение XVIII—первой половины XIX в. эволюционировали в сторону гуманности. До 1760-х гг. насилие считалось необходимым инструментом поддержания общественного порядка. Со времени Екатерины II просвещенная часть общества начинает мало-помалу негативно относиться к насилию. В конце XVIII в. раздаются первые голоса (А. Н. Радищев) протеста против насилия и крепостного права в целом. В первой половине XIX в. наблюдалась дальнейшая гуманизация взглядов. «То, что в настоящее время (1880-е гг. — *Б. М.*) считается жестоким, — писал один из исследователей крепостнических отношений и их современник, — в описываемое время (в первой половине XIX в. — *Б. М.*) было для многих негуманно, для

большинства — безразлично, и для всех не было преступно, не заключало в себе понятия о таких деяниях, совершение которых должно влечь безусловную кару закона».⁴⁸

Н. С. Лесков, давая характеристику доктору Петербургского кадетского корпуса в первой четверти XIX в. Зелинскому, упоминает о его привычке к зуботычинам и дает такое объяснение: «Не исполнено или неточно исполнено его приказание — не станет рассуждать, а сейчас же щелк по зубам, и пошел мимо. Мне немножко жаль сказывать об этой привычке скорого на руку доктора, чтобы скорые на осуждение современные люди не сказали: „вот какой драчун или Держиморда“, но чтобы воспоминания были верны и полны, из песни слов не выкинешь. Скажу только, что он не был Держиморда, а был даже добряк и наисправедливейший и великодушнейший человек, но был, разумеется, человек *своего времени*, а время его было такое, что зуботычина за великое не считалась. Тогда была другая мерка: от человека требовали, чтобы „никого не сделать несчастным“, и этого держались все хорошие люди, в том числе и доктор Зелинский».⁴⁹

Важным экономическим фактором всеобщности крепостного права являлось *отсутствие найма в буржуазном смысле этого термина*. В рассматриваемое время, а также и в более раннее, господствовал обычай, согласно которому всякий свободный, поступивший в услужение, на работу, на службу к другому, превращался в зависимого человека, а его наниматель — в господина.⁵⁰ И хотя это не было закреплено в письменном законе, но в то время в России фактические общественные отношения, прецеденты имели тенденцию превращаться в норму обычного права, а иногда и в закон. Во время второй ревизии в 1743 г. правительственным указом все наемные работники были превращены в крепостных своих работодателей.⁵¹ Уход вольнонаемного рабочего с фабрики в XVIII—первой половине XIX в. приравнивался к побегу и рассматривался как уголовное преступление.⁵²

Среди государственных крестьян Севера существовало такое явление, как *половничество*. Оно возникло задолго до XVIII в., но сохранилось до 1860-х гг. Суть его состояла в том, что разорившиеся крестьяне, продавшие свои земельные участки, когда это еще на Севере разрешалось (до 1754—1766 гг.), брали в аренду землю на договорных началах. Крестьяне назывались половниками. Согласно договору, землевладельцы платили за половников налоги и повинности, снабжали их семенами, давали ссуду при первом обзаведении, а половники отдавали землевладельцам обычно половину урожая (отсюда и наименование «половник») и выполняли различные полевые и строительные работы. Половники пользовались правом перехода от одного землевладельца к другому, но только в пределах одного уезда и после уплаты прежнему землевладельцу «пожилых денег». Юридически половники считались государственными крестьянами, но фактически находились на положении крепостных землевладельца, на чьей земле они работали и жили.⁵³ Здесь мы имеем типичный пример того, как договорные отношения превратились в крепостнические вследствие того, что в русском обществе земельная собственность и власть были нерасторжимы. Собственность давала власть: в начале XVIII в. царь господствовал над всеми в государстве, потому что он являлся верховным собственником всей земли; помещик — над крестьянами в силу того, что они жили на его земле; хозяин фабрики — над рабочими, потому что они работали на его фабрике, и т. д. В свою очередь власть давала права собственности: обладание административными, судебными, полицейскими функциями влекло за собой превращение сферы, на которую они распространялись, в объект владения лица, располагавшего этой властью. Царь стал верховным собственником земли не сразу, а спустя много времени, в течение которого он выполнял военные, судебные и другие государственные функции. Помещик стал собственником крестьян после длительного исполнения административных и других функций в поместье. Земля и крестьяне, закрепленные правительством в 1721 г. за купеческими заводами и фабриками на посессионном праве, с течением времени сначала фактически, а потом и юридически превратились в собственность заводоладельцев.⁵⁴ В буржуазном обществе арендные и вообще договорные отношения никогда не перерастают в крепостнические.

Считали ли все люди начала XVIII в. себя закрепощенными? Думаю, что нет, даже в тяжелые петровские времена, когда царь напрягал общество до крайней степени и пытался на каждого человека, не исключая и себя лично, возложить экстраординарные обязанности. Все социальные слои, исключая холопов и, может быть, помещичьих крестьян, по понятиям того времени и по внутреннему убеждению считали себя свободными, хотя в обращениях на высочайшее имя вплоть до царствования Екатерины II самый первый вельможа называл себя рабом. Свобода мыслилась тогда как альтернатива рабству и холопству, потому что несвобода всех социальных групп, кроме холопов, не была равнозначна бесправью, не закрывала возможности искать

правды в суде, у администрации, у царя. Каждый имел определенные права, закрепленные если не законом, то обычаем, и сам всеильный монарх, и его администрация вынуждены были считаться с этим. Важно отметить следующее принципиальное обстоятельство: государь и коронная администрация преимущественно имели дело не с отдельными индивидами, а с людьми, объединенными в корпорации. И как ни слабы были сравнительно с Западной Европой корпорации дворян, духовенства, купцов, ремесленников и крестьян, у них хватало достаточно сил, чтобы защитить своих членов от монаршего или административного произвола, если под последним иметь в виду несоблюдение обычаев, традиций и закона.

Даже помещичьи крестьяне, в том числе после первой ревизии, уравнившей их с холопами, не были столь бесправны ни юридически, ни фактически, как часто изображается в литературе. Хотя они и признавались до некоторой степени собственностью помещика, это не привело к полной деперсонализации крестьян: они продолжали считаться податным состоянием, платили государственные налоги, несли обязательную воинскую повинность наряду с посадскими и государственными крестьянами, имели право обращаться в коронный суд, минуя вотчинный, могли с согласия помещика вступать в гражданские обязательства и переходить в другие сословия, а также жаловаться на своего владельца. Последнее право было ограничено при Екатерине II, в 1767 г., однако лишь в том смысле, что нельзя было жаловаться непосредственно императрице («дабы никто е. и. в. в собственные руки мимо учрежденных на то правительств и определенных особо для того персон, челобитень подавать отнюдь не отваживался»),⁵⁵ а не вообще, как часто трактуется в литературе. Убийство крепостного рассматривалось как тяжкое уголовное преступление. Крепостные имели право на защиту от бесчестья: оскорбивший крепостного словом платил штраф в пользу пострадавшего, а за оскорбление его жены — вдвойне (в 1842 г. размер штрафа был увеличен). Интересно отметить, что штраф за бесчестье владельческих и казенных крестьян был одинаков. Отношения крестьян и помещика также регулировались законом, который обязывал последнего заботиться о своих крестьянах, не доводить их до разорения, обеспечивать пропитанием в случае неурожая, не злоупотреблять своей властью под страхом конфискации имения или взятия его в опеку.⁵⁶ Не менее существенно, что крепостной крестьянин был защищен общиной, членом которой он являлся. Преодолеть сопротивление общины помещикам удавалось редко, и победа никогда не была полной и окончательной.⁵⁷ Известный публицист петровского царствования, экономист-самоучка, предприниматель из крестьян, ставший помещиком и душевладельцем, И. Т. Посошков в своем труде «О скудости и богатстве», написанном в 1724 г., утверждал, отражая крестьянские представления, что «крестьянам помещики не вековые владельцы, а прямой им владелец всероссийский самодержец, они (помещики. —Б. М.) владеют временно. И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянинское богатство — богатство царственное».⁵⁸ Это утверждалось спустя 127 лет после закрепощения крестьянства и спустя 12 лет после того, как поместья вместе с жившими там крестьянами по закону превратились в собственность помещиков.

Таким образом, **всеобщность крепостнических отношений, приоритет общества над личностью, подавление индивидуализма не являлись следствием имманентной склонности Российского государства к принуждению, а объективно порождались совокупностью многих факторов**, ибо часто лишь командно-административные, включая плетейные, методы воздействия оказывались эффективными и считались таковыми самим населением. По-видимому, потребность в таких методах ощущается всеми традиционными аграрными обществами и сохраняется до тех пор, пока они существуют. Во

всяком случае в России она не умерла вместе с крепостничеством и императорским режимом в 1917 г. В первые годы советской власти, когда старый государственный аппарат был разрушен, оказалось, как констатировал В. А. Шишкин, что «рабочий класс и беднейшее крестьянство еще в большей степени, чем образованное дворянство или буржуазия, создавали почву для консервации и постоянного подпитывания традиций российской государственности, основанной на функционировании мощной и разветвленной бюрократической системы».⁵⁹ Другими словами, необходимость обращения к административно-командным методам управления далеко не была еще изжита даже в начале XX в.

В средневековом обществе Запада было много насилия, но господствовало право. В русском обществе начала XVIII в., возможно, было еще больше насилия. Но все же **общественные отношения регулировались правовыми нормами, которые допускали насилие**. Само внеэкономическое принуждение серьезно ограничивалось традицией, обычаем, стариной. Частновладельческое крепостничество, как и государственное, основывалось главным образом на официальном праве, отсюда его название *крепостное право*, корпоративное крепостничество держалось преимущественно на обычае, поэтому его можно назвать *крепостным обычаем*. Все три вида крепостничества опирались на право.

ОТМЕНА КРЕПОСТНИЧЕСТВА

Чтобы определить хронологические границы существования крепостного права и его отмены для отдельных сословий, сформулируем критерии личной свободы, которые логически вытекают из признаков крепостного состояния, сформулированных выше: 1) свобода от всех форм внеэкономической, личной зависимости; 2) свобода в выборе места жительства; 3) свобода социальных перемещений; 4) приобретение полного и неограниченного права на частную собственность любого движимого и недвижимого имущества; 5) свобода в выборе занятия и профессии; 6) социальная защищенность: лишение достоинства, чести, имущества только по суду.

Подобно тому как закрепощение населения происходило постепенно, так и раскрепощение совершилось не сразу и включало освобождение от государственного, частного и корпоративного крепостничества.

Освобождение дворянства

Освобождение дворянства происходило в несколько приемов и сопровождалось рецидивами крепостничества. Манифестом от 31 декабря 1736 г. Анна Иоанновна сократила срок обязательной службы с бессрочной до 25 лет, освободила одного из нескольких сыновей или братьев в семье от службы для управления имением, но с обязанностью учиться, чтобы быть годным в случае надобности к гражданской службе, установила возраст поступления на службу в 20 лет. Выходящие в отставку и остающиеся в своих поместьях дворяне обязаны были поставить определенное число рекрутов соответственно числу своих крепостных. Почти одновременно с этим в 1737 г. были усилены требования к дворянскому обучению. Отныне дворянство до поступления на службу 4 раза проходило освидетельствование (в 7, 12, 16 и 20 лет), а во время трех последних смотров сдавало экзамены по чтению, письму, Закону Божьему, арифметике, геометрии, географии, истории и фортификации. При Анне Иоанновне возник обычай записывать недорослей в службу с малых лет, так что они, находясь дома, «проходили» службу в нижних чинах и к 20 годам — моменту поступления на действительную службу — являлись в полк прямо офицерами. Эти при-

вилегии были дарованы дворянству в награду за освобождение императрицы от власти аристократии, удивившей ее при воцарении отказаться от самодержавных прав.

Елизавета Петровна внесла дальнейшие послабления в служебные обязанности дворян и увеличила их вотчинные права из-за необходимости вознаградить гвардейцев-дворян за участие в дворцовом перевороте, приведшем ее на трон, и под влиянием их настойчивых требований. 18 февраля 1762 г. Петр III отчасти из-за страха перед дворянством, отчасти из-за угрозы дворцового переворота, а также руководствуясь государственными и династическими соображениями, издал Манифест о вольности дворянской, который освободил дворян от обязательной службы государству: все служащие к тому времени могли по собственному усмотрению оставаться на службе или уйти в отставку (исключение делалось лишь для военных на время кампаний). Неслужащий дворянин получал даже право ехать за границу и служить там. Обязанность обучения, впрочем, оставалась, но и она была выражена в виде повелительного совета: «...чтобы никто не дерзал без обучения науке детей своих воспитывать». Интересна мотивировка отмены обязательной службы. Обязательная служба, по словам Манифеста, сделала свое дело: она дала государству много сведущих и полезных людей, истребила в дворянской среде «грубость и невежество», воспитала благородные мысли, вследствие этого необходимость принуждать дворян к службе отпала. Манифест вызвал сильное движение дворян в отставку.⁶⁰ По иронии судьбы Манифест о вольности дворянской не спас жизнь Петру III.

Екатерина II после продолжительных колебаний, убедившись, что дворянская вольность не подрывает основ общественного порядка, не только подтвердила Манифест Петра III, но и увеличила личные права дворян в Жалованной грамоте дворянству в 1785 г. Екатерина колебалась тогда, когда положение ее как императрицы было не слишком устойчивым, а расширила дворянские привилегии тогда, когда оно стало прочным. Это показывает, что она не только считалась с дворянскими требованиями, но и принимала во внимание также государственные потребности.

Жалованная грамота дворянству подтвердила на вечные времена «вольность и свободу»: 1) отменила обязательную службу и предоставила право поступать на службу союзных европейских держав; следует иметь в виду, что в 20-й статье содержалась существенная оговорка: «Во всякое таковое российскому самодержавию нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякий благородный дворянин обязан по первому призыву от самодержавной власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной»;⁶¹ 2) даровала особые привилегии при поступлении на военную или гражданскую службу и при чинопроизводстве; 3) разрешила выезжать за границу для обучения; 4) освободила от личных налогов и повинностей; 5) освободила от телесных наказаний; 6) гарантировала неприкосновенность дворянского достоинства (имелось в виду, что только по суду и при императорской конфирмации этого решения возможно было лишить человека дворянства, имущества и жизни); 7) закрепила за дворянством монопольное право владеть землей и крепостными (правда, те из недворян, кто уже владел землей и крепостными, этого права не лишались). Жалованная грамота вполне удовлетворила дворянство, так как соответствовала его взглядам на вольность и свободу. Интересно отметить, что эти взгляды во многом напоминали крестьянское представление о вольности как свободе от всяких обязанностей перед государством. Кроме вольности дворянство получило право создавать в каждом уезде и губернии дворянские общества и регулярно проводить дворянские собрания, а также иметь особый суд, состоявший исключительно из дворян. Полноправными членами дворянских корпораций могли быть только потомственные дворяне, состоявшие на государственной службе и имевшие офицерский чин. На-

помним, что корпоративные права в несколько меньшем объеме были пожалованы дворянству еще в 1775 г.

Император Павел I в 1797 г., сразу по восшествии на престол, отменил некоторые принципиальные пункты Жалованной грамоты дворянству, в частности восстановил обязательную службу. Но при следующем императоре, Александре I, в 1801 г. Жалованная грамота вновь обрела силу, теперь уже окончательно.

Освободившись от государственного крепостного права, дворянство еще долгое время продолжало чувствовать себя перед самодержавием подчиненно, несамостоятельно. «Здесь, собственно, нет того, что называют джентльменом; каждый измеряет свое достоинство мерой царской милости», — считала, например, Е. Р. Дашкова.⁶² Это происходило, с одной стороны, как бы по социальной инерции, с другой — вследствие того что фактически дворянство продолжало находиться в сильнейшей зависимости от верховной власти. Для многих дворян государственная служба оказывалась необходимой по причине материальных трудностей (ибо огромное большинство дворян было бедно и существовало только на жалованье), для немногих — в силу честолюбия. Но служащий дворянин не мог ни чувствовать, ни вести себя независимо, как неслужащий английский джентльмен. Неслужилое дворянство также нуждалось в благодеяниях монарха, поскольку оно постоянно испытывало финансовые трудности: к 1861 г. две трети дворянских имений были заложены в казенных кредитных учреждениях, и добрая воля монарха (уплата долга, отсрочка его уплаты, какое-нибудь пожалование или льгота) могла спасти помещика от продажи имения с молотка. В большом и малом дворянство чувствовало твердую руку верховной власти. Император мог разрешать или запрещать выезд за границу, устанавливать полицейский надзор за нелояльным дворянином, коронная администрация контролировала отношения помещиков с крепостными и могла привлечь дворянина к ответственности за превышение власти. Особенно много подобных ограничений было введено в царствование Николая I. Например, в 1831 г. император запретил молодым людям младше 18 лет выезд за границу с целью обучения. В 1834 г. дворянам было запрещено пребывать за границей более 5 лет, а в 1851 г. — более 3 лет. Тогда же для стеснения заграничных путешествий была введена огромная плата за заграничный паспорт, равная годовому жалованью среднего чиновника. Дворянин, желавший поступить на службу, должен был обязательно начинать ее в провинции. На губернаторов в 1837 г. была возложена обязанность надзирать за вновь поступающими на службу и каждые полгода доносить императору об их поведении.⁶³

То, что русские императоры и после дарования дворянству вольности не потеряли полностью власти над ним, дало основание некоторым современникам и вслед за ними исследователям полагать, что освобождение дворянства было фиктивным. «Я смотрю на каждого русского плантатора как на железное звено в огромной цепи, оковывающей это царство, — писала в начале XIX в. Е. Р. Дашкова, — и когда я встречаюсь с ними в обществе, невольно думаю, что они сами крепостные люди деспота».⁶⁴ М. М. Сперанский в либеральное царствование Александра I утверждал, что нет разницы «между отношениями крепостных к их помещикам и отношениями дворян- помещиков к самодержавному государю». Историк права В. И. Сергеевич подводил под эту точку зрения теоретическую базу, доказывая, что «патримониально-патриархальный характер самодержавия» не был исчерпан даже во второй половине XIX в.⁶⁵ Эти утверждения не согласуются с фактами. Дворянство в начале XIX в. и юридически, и фактически освободилось от государственной крепостной зависимости и имело весь набор личных прав, свойственных свободному человеку, хотя и не имело политических прав в современном смысле этого понятия, а русская государственность еще при Петре I утратила свой патриархальный характер. В данном случае пере-

житки умерших структур и явлений принимаются за свидетельства их жизнеспособности.

Те немногие из дворян, которые тяготились пережитками крепостного состояния и отсутствием политических свобод, пытались обрести их либо путем бунта, как декабристы, либо путем бегства на Запад, как А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. А. Бакунин и др. Одним из таких людей был В. С. Печерин. Дворянин, получивший хорошее образование в Петербургском и Берлинском университетах, в 1836 г. в 29-летнем возрасте бросил все в России — профессорскую кафедру, обещавшую ему достаточно высокий социальный статус, материальный достаток, свое поместье и т. п. — и бежал на Запад. «Я потерял все, чем человек дорожит в жизни: отечество, семейство, состояние, гражданские права, положение в обществе — все, все! Но зато я сохранил достоинство человека и независимость духа».⁶⁶ Что же не устраивало Печерина в России? Отсутствие свободы вероисповедания, слова, печати, возможности свободно ездить за границу и участвовать в политической жизни, нежелание *служить* в русском университете в качестве профессора-чиновника.⁶⁷ Эти высокие требования европейски образованного и мыслящего человека не могли быть удовлетворены в России, но это вовсе не означало, что дворяне остались холопами императора.

Формальное освобождение дворян от государственного крепостного права, несмотря на длительное сохранение его пережитков, повлекло за собой реальное освобождение; провозглашенные в Жалованной грамоте права со временем не превращались в фикцию, а, наоборот, входили в привычку и обычай. Петр I пытал и казнил заговорщиков тысячами, взяточников — десятками, невзирая на чины, титулы и богатство, часто без суда, по личному усмотрению. Отрицательного отзыва о царе или его правлении, фантазии на тему заговора, помыслов или желания на устранение монарха от власти, любовной интриги с царицей было достаточно для казни. Со времени Екатерины II это стало невозможно. Выступление декабристов 1825 г. закончилось тем, что после шестимесячного следствия и суда 289 человек из дворян получили различные наказания, из них казнены 5. Среди солдат за участие в восстании был приговорен к телесному наказанию 201 человек, а 4 тысячи были отправлены в действующую армию на Кавказ.⁶⁸ «Ужасно!» — думали современники. Но вот финал неудачного восстания стрельцов в 1698 г.: казнено 1166 человек, при этом сам Петр I рубил головы заговорщикам, среди которых были и дворяне.⁶⁹ При Николае I, который стремился подражать первому российскому императору, расправиться подобным образом с дворянами и недворянами было уже невозможно.

Освобождение дворянства проходило параллельно с развитием частновладельческих прав на земли и крепостных. К началу XVIII в. большая часть дворянства владела ими на правах поместной собственности, обусловленной службой, с большими ограничениями в правах распоряжения. Петр I придал поместьям гражданско-юридический статус вотчин по политическим соображениям. Дело в том, что одновременно с этим он ввел неизвестный в России *порядок единонаследия*, который дворянству не нравился. Чтобы ослабить недовольство и примирить дворян с новым порядком, царь и увеличил их имущественные права, подняв поместное право до вотчинного. Это было также компенсацией за усилившуюся в его царствование службу и наградой за победу в русско-шведской войне. Но при Анне Иоанновне дворянство добилось отмены единонаследия, сохранив вотчинные права на свое имущество. Похожая история произошла с крепостными крестьянами. До первой ревизии в 1719 г. права дворян на крестьян и их труд были ограничены. Но кроме крестьян у дворянства были холопы, составлявшие около 10% от числа крестьян.⁷⁰ Социальный статус всех разрядов холопов был ниже крестьянского, а юридическое положение некоторых категорий холопов было тождественно положению раба. Холопы не платили государственных налогов,

что было выгодно их владельцам. Петр I в целях увеличения числа налогоплательщиков заставил холопов, а фактически их владельцев платить налоги. Но этот удар для помещиков был смягчен тем, что в юридическом отношении крестьяне были уравнианы с холопами. Потеряв в одном, дворянство с лихвой выиграло в другом: как помещики они расширили свои права над крепостными, почти превратив их в свою крещеную собственность.⁷¹

В дальнейшем, вплоть до 1785 г., дворянство расширяло свои права на землю, крепостных и все прочее движимое и недвижимое имущество. При Екатерине II, в течение 1760—1780-х гг., все ограничения на право дворянства на частную собственность были упразднены, за одним исключением — за государством было удержано право экспроприации частной собственности для государственных потребностей в исключительных случаях и при условии компенсации. Этим правом государство не злоупотребляло, но иногда пользовалось, например в 1861 г., когда вопреки желанию большинства помещиков принудительно выкупило у них землю для крестьянства. В Жалованной грамоте дворянству 1785 г. право на частную собственность для дворянства было торжественно подтверждено, и нужно сказать, что в дальнейшем оно не нарушалось. Таким образом, дворянство получило вольность одновременно с правом на частную собственность и с правом полной собственности на свое имущество. Интересно отметить, что до середины XVIII в. в русском законодательстве отсутствовали абстрактные понятия «собственность, недвижимая и движимая собственность». Только при Екатерине они были введены в законы.⁷²

Почему дворянство получило личную свободу первым и какие факторы этому способствовали? Дворянство долго и упорно боролось за свое освобождение и пользовалось каждым удобным случаем, чтобы вырвать у самодержавия привилегии. Верховная власть шла на уступки неохотно, постепенно, нередко в моменты слабости, после дворцовых переворотов. Пожалуй, только Екатерина при издании Грамоты принимала во внимание государственные интересы: пыталась в меру возможности превратить Россию в правомерное сословное государство, основанное на власти закона, и, преследуя эту цель, даровала не только дворянству, но и купечеству личные права жалованными грамотами. Она хотела это сделать и для государственных крестьян, но, уступая возражениям своих советников и опасаясь, что помещичьи крестьяне могут потребовать и для себя жалованной грамоты, отступила от своего намерения.⁷³

Освобождению дворянства чрезвычайно способствовало приобретение им права частной собственности на свои имения. После того как оно получило землю и крепостных в свою собственность, оно, естественно, захотело освободиться от обязательной службы и всех ограничений, которые она накладывала, сохранив при этом все права.⁷⁴ Дворяне преуспели и в этом в значительной степени потому, что их сословные интересы совпадали с интересами верховной власти.

Значение западноевропейского влияния в деле освобождения дворянства было велико, хотя и меньшим, чем при освобождении других состояний. Уже при Петре I приобщение к новой западной культуре стало социальным признаком дворянства, во всяком случае его высшего слоя, что имело серьезные социальные последствия. Новая культура отрывала дворянство от остального населения, проводя резкую и зримую культурную грань между податными, или «подлыми», и «благородными» людьми. Известный историк XVIII в. князь М. М. Щербатов имел все основания писать в 1787 г.: «Воистину могу я сказать, что если, вступя позже других народов в путь просвещения, нам ничего не оставалось более, как благоразумно последовать стезям прежде просвещенных народов; мы подлинно в людкости (приличиях, пристойности, во внешности. — *Б. М.*) и в некоторых других вещах удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению

наших внешностей».⁷⁵ Это обстоятельство послужило важным фактором для роста дворянского самосознания, а «участие в дворцовых переворотах воспитало в дворянстве сословный дух и сознание своей силы».⁷⁶ Дворянство более не могло мириться с тем, что «благородные» вместе с «подлыми» одинаково должны служить государству. Освобождение от обязательной службы стало для дворянства вопросом чести.

Свидетельство вышесказанному находим в главе «О дворянах и их преимуществах» проекта нового Уложения, подготовленного дворянством в 1757—1762 г., и в дворянских наказах в Комиссию для составления нового Уложения 1767 г. И в проекте, и в наказах мы встречаем четко выраженную идею «дворянского корпуса» как особого благородного, обособленного от «подлых» классов сословия, которое заслужило привилегии долгой и верной службой государству. Именно эта идея была реализована в Жалованной грамоте дворянству.⁷⁷ То, что дворяне видели в других европейских странах готовую модель «благородного» сословия, разумеется, ускорило созревание в массовом дворянском сознании идеи о необходимости эмансипации.

Освобождение духовенства

Освобождение духовенства от крепостной зависимости началось почти одновременно с дворянством, но происходило медленнее. Уже при Петре I сначала священники и дьяконы, состоявшие в штате, и их дети, а затем и штатные причетники (после того как Синоду в 1722 г. удалось отстоять их принадлежность к духовному званию) были освобождены, как и дворянство, от подушной подати и рекрутской повинности, что в то время считалось важнейшими признаками социальной привилегированности. К середине XVIII в. духовенство освобождается от всех натуральных повинностей (пожарной, караульной, постоянной и т. п.). В 1764 г. с клириков был отменен оброк, или «*епископское тягло*». В 1767 г. Синод запретил духовному начальству употреблять телесные наказания по отношению к священникам, в 1771 г. запрещение распространилось на дьяконов, в 1811 г. — на монахов. От телесных наказаний по приговорам светских судов священники и дьяконы были избавлены в 1801 г., их жены и вдовы — в 1808 г., их дети — в 1835 г. Церковнослужители (дьячки, пономари и другие второстепенные служители культа) и их дети были освобождены от телесных наказаний по духовному и светскому суду лишь в 1862 г. В 1797 г. Павел I пожаловал монахам и священникам право получать все ордена, кроме Св. Станислава, что открыло путь к получению потомственного дворянства по ордену и, следовательно, к приобретению имени с крепостными. В 1849 г. духовенству была предоставлена свобода от обязательного обучения.⁷⁸

Таким образом, к концу XVIII в. белое духовенство избавилось от всех признаков «подлого» состояния, кроме телесного наказания для церковнослужителей, и освободилось от государственного и корпоративного крепостничества. По своим правам в начале XIX в. священников и дьяконов можно сравнить с личными дворянами, свидетельством чего может служить тот факт, что их вдовы пользовались правами личного дворянства.

Освобождению духовенства в решающей степени способствовало то, что с начала XVIII в. правительство стало смотреть на духовных лиц как на свою социальную и идеологическую опору в обществе, призванную распространять идеи самодержавия и православия. Но для того чтобы духовенство могло справиться с этой задачей, необходимо было дать ему образование, упорядочить его службу, поднять социальный престиж, словом, превратить в привилегированное сословие. Эта идея была симпатична духовенству. Правительство и Синод вместе с иерархами в течение XVIII в. совместными усилиями провели это намерение в жизнь и дали белому духовенству личные

права, привилегии и образование.⁷⁹ О правах уже было сказано. Что касается образования, то в начале XVIII в. среди духовенства вообще не было лиц со специальным духовным образованием из-за отсутствия духовных школ, в начале XIX в. до трети священников имели полное семинарское образование, к 1860 г.— 83%.⁸⁰ Однако духовенство оставалось уязвимым в материальном отношении: его благосостояние сильно отставало от его потребностей и не соответствовало его образованию и привилегированному социальному статусу. Это обстоятельство травмировало духовенство и препятствовало ему в полной мере воспользоваться теми благами, которые теоретически давали личные права.⁸¹

Освобождение приходского духовенства проходило параллельно с развитием его прав на собственность. Церковные здания вместе с церковным инвентарем и предметами культа всегда принадлежали приходу, а не причту. Дома, в которых проживали духовные лица, могли принадлежать либо общине, либо духовенству в зависимости от того, на чей счет они были построены. Земля, на которой дома располагались (дворовые места), к началу XVIII в. в городах принадлежала посадской общине (при верховном праве собственности государя), а в деревнях — помещику, государству или сельской общине в зависимости от того, на чьей земле находилась церковь. В 1700 г. городские дворовые места были признаны собственностью духовных лиц, проживавших на них. Полное и окончательное юридическое признание дворовых мест частной собственностью духовенства завершилось в 1785 г.

Судьба дворовых мест в сельской местности была иной: до 1860-х гг. они оставались в собственности тех юридических лиц, на чьей земле находилась церковь. По распоряжению правительства сельское духовенство вместо фиксированного жалованья, которого оно добивалось, получило землю (от 33 до 99 десятин на причт) от собственника той земли, на которой находилась церковь. Но эта земля отдавалась причту во владение и при условии исполнения церковной службы. В силу этого городское духовенство могло совершать сделки со своей землей, а сельское — нет. В 1804 г. закон признал за духовными лицами право приобретать в собственность земли, но без крепостных. Следовательно, только с этого времени и сельское духовенство получило право на земельную собственность. Однако из-за бедности оно не могло сколько-нибудь широко воспользоваться этим правом. Лишь в 1860-е гг. дворовые места сельского духовенства перешли в его частную собственность, хотя причтовая земля за ним не осталась, а перешла в собственность сельской общины. Одновременно с этим оно получило полное право приобретать и отчуждать недвижимое и движимое имущество (землю, дома и пр.). В течение 1700—1917 гг. духовенство не имело права заниматься какой-либо предпринимательской деятельностью и владеть фабриками, заводами и другими средствами производства. Длительное ограничение прав на недвижимую собственность, отсутствие сколько-нибудь значительной собственности в любых ее видах служили важным фактором бедности приходского духовенства и порождали его зависимость от государства даже после его эмансипации.

Если имущественные права белого духовенства все же понемногу расширялись, то черное духовенство их постепенно утрачивало. До XVIII в. церкви в лице патриарха, епископов и монастырей принадлежали наиболее полные права собственности на треть всей земли и крепостных в стране, а также на огромное количество другой недвижимой и движимой собственности. Субъектом прав на церковные имущества не являлась церковь как целое учреждение или духовенство как сословие. Каждым в отдельности имуществом владели и распоряжались те или иные церковные учреждения — епископии, монастыри и отдельные соборные церкви (главным образом находившиеся в Московском Кремле). Права церкви на собственность фактически приближались к правам государства, хотя закон никогда не давал

на это санкции. Достаточно сказать, что церковные учреждения раздавали земли своим служилым людям на вотчинном или поместном праве и что церковные имущества отчуждались всеми способами. В государственном и общественном сознании постепенно умирала мысль о зависимости прав собственности церкви от государства и о том, что все имущества перешли к церкви с помощью авторитаризации государства.

Петр I вспомнил об этом. В 1701 г. по его распоряжению управление церковными имениями из рук церкви перешло в специально созданное для этого государственное учреждение — Монастырский приказ, который стал выдавать церковным учреждениям определенное содержание. Церковное имущество было как бы взято в опеку. С учреждением Синода в 1721 г. оно было передано ему как государственному учреждению. Но церковь интерпретировала это как возвращение управления имениями ей, церкви, поскольку Синод являлся до некоторой степени самостоятельным органом церковного управления. При Петре I это не представляло опасности для государства, но после его смерти Екатерина I в 1726 г. поспешила передать управление церковным имуществом вновь созданному государственному учреждению — Коллегии экономии. Елизавета Петровна, благоволившая церкви, по ходатайству Синода возвращает ему управление имениями. Но теперь субъектом права на них сделалась церковь как институт, как цельное учреждение, что облегчило путь к последующей полной секуляризации церковных имений. Петр III — протестант по происхождению, принявший православие по необходимости, презиравший русскую церковь, издал в 1762 г. указ о секуляризации церковных имений. Екатерина II в 1764 г. завершила секуляризацию, исполнив заветную мечту дворянства. Так длительная борьба за церковные имущества закончилась полной победой государства.⁸² Потеряв собственность, церковь попала в зависимость от государства и вынуждена была проявлять в отношении к нему гораздо больше лояльности, чем ей того хотелось. Иначе сложилось дело в Западной Европе. В католических странах Европы церковь отстояла свое имущество перед натиском государства, что помогло ей сохранить большую автономию в государстве сравнительно с православной русской церковью.

Освобождение городского сословия

Торгово-промышленное население городов более, чем какая-либо другая социальная группа русского общества, понимало важность личных прав для успешной экономической деятельности в сфере торговли, ремесла и промышленности. Посадские упорно боролись за утверждение за ними монопольного права на торгово-промысловые занятия, за переход городского имущества, включая землю, в собственность посадской общины, за отмену казенных служб и конфискаций частных имуществ в пользу казны, за утверждение сословного суда и права частной собственности. Петр I, сознававший значение торгово-промышленного класса для благосостояния государства, начал удовлетворять эти требования: при нем был утвержден сословный суд, расширены права самоуправления, купечество получило возможность откупаться от рекрутской повинности. После его смерти эти привилегии, кроме последней, были утрачены, и только при Екатерине II усилия верховной власти в данном направлении возобновились.

Правительство особенно благоволило к верхушке городского сословия — гильдейскому купечеству, поскольку в его руках находились городское самоуправление, торговля и промышленность страны. В 1775 г. купечество, на долю которого приходилось около 40% общей численности городского сословия в 1740—1760-е гг.,⁸³ 30% — в 1800 г. и 10% — в 1854 г.,⁸⁴ было освобождено от подушной подати и от натуральных казен-

ных повинностей, которые были заменены определенным процентом с объявленного капитала, и от круговой поруки. Эта мера имела серьезные социальные последствия: купечество стало больше платить налогов в казну, но получило за это больше свободы, фактически оно освободилось от корпоративного и государственного крепостничества. Можно сказать, что купечество выкупило свою свободу, но не сразу и навсегда, а на один финансовый год. Любой член городских корпораций имел право объявить капитал, наличие которого коронной администрацией не проверялось, и записаться купцом той или иной гильдии. Одновременно с этим он получал личные права купечества на год. Если он вовремя вносил причитающиеся с него налоги, он мог продолжить договор на следующий год и т. д. При неуплате налога он должен был уплатить штраф и налог и возвратиться в состояние государственного и корпоративного крепостного. Таким образом, свобода как бы каждый год выкупалась.

Жалованная грамота городам 1785 г. даровала большую часть личных прав всему городскому сословию. Она упразднила все казенные службы и тем самым государственную барщину, ввела сословный суд и этим ослабила зависимость сословия от коронной администрации в юридическом отношении. Грамота закрепила за городским сословием монопольное право на торговое предпринимательство (так как дворяне и крестьяне могли продавать только произведенные в их хозяйствах продукты) и утвердила за ним право иметь в частной собственности дворовые места внутри города, а также дома, лавки, амбары, фабрики и заводы внутри города и в пригороде, а именитые граждане получили право владеть и загородными дворами, т. е. дачами и садами. Земельные угодья, рыбные ловли, мельницы, которые находились во владении городской общины, перешли в ее корпоративную собственность. При этом Грамота установила принцип неотъемлемости дарованных сословных прав, которых можно было лишиться только по суду за тяжкие преступления, и увеличила штраф за бесчестье (обидчик должен платить штраф, равный годовому платежу, вносимому оскорбленным в государственную и городскую казну). Жалованная грамота подтвердила привилегии купечества, полученные в 1775 г., и дала дополнительные, в частности освободила от телесного наказания купцов первых двух гильдий (около 3% от всей численности городского сословия в последней четверти XVIII в. и менее 1% в первой половине XIX в.), разрешила поступление на государственную службу, фактически сняла ограничения на изменение места жительства.

Грамота удовлетворила основные требования бывших посадских, получивших наименование купцов и мещан, и стала твердой юридической базой их правового положения в обществе.⁸⁵ В одном отношении их желания не были удовлетворены: они не получили права владеть крепостными как без земли, так и с землей. При Петре I посадские лишились права владеть холопами и крепостными. Но у тех, кто владел ими до издания указа, они не отбирались. В 1746 г. все посадские обязаны были продать в течение шести месяцев имевшихся у них крепостных. Политика в отношении крепостных, принадлежавших купцам, была ответом на требования дворянства, которое претендовало на монопольное владение крепостными и заселенными имениями. Но и в этом вопросе верховная власть по необходимости пошла на уступки купечеству. В 1721 г. Петр I разрешил купцам, владевшим фабриками и заводами, приобретать к ним населенные крепостными крестьянами имения на посессионном праве: купленные фабрикантом крестьяне (до 1811 г. они назывались приписными, после — посессионными) приписывались к промышленному заведению, а не к его владельцу; при продаже фабрики или завода вместе с заведением к новому владельцу переходили и крестьяне.⁸⁶ Эта уступка была продиктована крайней нуждой государства в развитии отечественного производства во-

оружения и амуниции для армии. К 1762 г. помещики развили вотчинную промышленность, и по требованию дворянства купечество было лишено права покупать новых крестьян к своим предприятиям, но сохранило за собой тех, которых имело до указа. Павел I в 1798 г. вновь разрешил покупку крестьян к предприятиям. Посессионные крестьяне считались формально государственными крестьянами, но фактически являлись собственностью предпринимателей, хотя государство регулировало отношения между ними и крестьянами. В 1863 г. все посессионные фабрики были обращены в частную собственность их владельцев, а приписанные к ним крестьяне освобождены на правах свободных сельских обывателей.

Итак, Жалованная грамота городам освободила купечество от всех признаков казенного и корпоративного крепостничества, а мещанство — от казенного и лишь частично от корпоративного крепостного права, так как оно по-прежнему прикреплялось к месту жительства и состоянию и было ограничено в выборе занятий. Привилегии, полученные купечеством, послужили основанием для разделения бывших городских обывателей, как они назывались в Жалованной грамоте, на две группы: привилегированное купечество и непривилегированное мещанство. Однако купечество и мещанство не были разделены непроходимым барьером: все купечество происходило из мещан и крестьян, и львиная часть купечества со временем становилась мещанами. Закон создавал для всех городских обывателей реальную возможность навсегда избавиться от всех форм крепостной зависимости через постоянное пребывание в купечестве. Эта задача была из трудных, потому что купцы часто разорялись. Но в 1831 г., с введением звания потомственного почетного гражданства, которое навсегда и с правом передачи потомству закрепляло за человеком, носившим это звание, все права купечества, задача была облегчена. Достаточно было состоять в купечестве первой гильдии 10 лет и в купечестве второй гильдии — 20 лет, чтобы стать потомственным почетным гражданином. Если говорить о всех городских обывателях в целом, то окончательно от всех форм крепостничества они освободились в результате Великих реформ. Телесные наказания для купцов третьей гильдии и мещан были отменены в 1863 г., круговая порука и подушная подать с мещанства — в 1866 г., рекрутская повинность в 1874 г. была заменена всеобщей воинской повинностью. С отменой круговой поруки и подушной подати с мещанства оно фактически также освободилось от корпоративного крепостничества.

Таким образом, в 1785 г. купечество первых двух гильдий юридически освободилось от всех признаков крепостного состояния, купечество третьей гильдии от всех, кроме одного — телесного наказания. Что же касается мещанства — около 90% всего городского сословия, то его полное освобождение произошло лишь в 1860-е гг.

Что помогло посадским освободиться от крепостничества? Правительство с пониманием относилось к их нуждам, ценило их «службу» и — что очень важно — боялось возникновения недовольства со стороны горожан в значительно большей степени, чем со стороны крестьян. Беспорядки в городе, как показали городские движения середины и конца XVII в., представляли огромную опасность для социальной стабильности и положения правящей династии, так как они легко могли распространиться на другие города и местности, поскольку города не были так сильно изолированы от внешнего мира, как деревни. Самодержавие извлекло из этого урок и в течение XVIII в. постепенно удовлетворило основные требования посадских.

Освобождению способствовало и осознание верховной властью необходимости предоставить посадским право иметь защищенную законом собственность и экономическую свободу ради развития в стране торговли и промышленности. В XVII в. и начале XVIII в. правительство нередко прак-

тиковало экстраординарное налогообложение посадских и даже конфискации их имущества для государственных нужд. Под влиянием протестов и осознания пагубности подобной политики, которая отнимала у людей стимул к накоплению, вела к укрывательству имущества и доходов от налогов, государство начинает проводить в отношении собственности и доходов горожан либеральную политику, основанную на праве. В 1700 г. им было дозволено совершать сделки с городскими дворовыми местами, что означало фактическое признание их частной собственностью лиц, на них проживавших. Грамота городам 1785 г. юридически утвердила права городских обывателей на движимое и недвижимое имущество в черте города и в пригородах. В 1801 г. купцы и мещане получили право покупать в сельской местности землю без крепостных, а в 1822 г. — дома, что позволило им легально жить и вести предпринимательскую деятельность в деревне, правда, при условии уплаты налогов и повинностей по двум состояниям — купеческому или мещанскому и крестьянскому.

Укрепление прав на частную собственность служило стимулом для накопления имущества без опасения, что оно может быть в любой момент конфисковано государством. Накопленное богатство усиливало чувство независимости от государства и позволяло купечеству оказывать влияние на его политику, и не только экономическую. Примером может служить борьба старообрядцев за свободу вероисповедания. Правительство пошло им на уступки в 1760-е гг., осознав экономическую силу старообрядческого купечества, его большое влияние на ход внутренней торговли и развитие промышленности. В начале XIX в. старообрядцы добились фактической легализации своей веры. Не обошлось без подкупа некоторых должностных лиц. Но и подкуп оказался возможным благодаря тому, что старообрядцы накопили значительные богатства, а их имущество стало их полной и независимой от государства собственностью.⁸⁷ Капиталы и некоторые сословные права способствовали нобилизации купечества: одни поступали на государственную службу и получали дворянство по чину, другие становились родственниками дворян через браки своих дочерей, третьи за заслуги в благотворительности или в развитии промышленности получали высочайшее благоволение, награждались орденом или чином и становились дворянами.

Чрезвычайно способствовала освобождению городских обывателей коммерциализация экономики. По мере ее развития купечество превращалось в экономически влиятельную группу, с которой верховной власти приходилось считаться и идти навстречу ее требованиям, среди которых самое главное состояло в освобождении от всех форм крепостничества.

Освобождение крестьянства

Помещичьи крестьяне

Если крепостная зависимость дворянства, духовенства и посадских начиная со второй четверти XVIII в. постепенно ослабевала, то у крестьянства, наоборот, она усиливалась и в царствование Екатерины II достигла своего апогея. Печальнее всего было положение помещичьих крестьян. Закон дал помещикам право ссылать их без суда и следствия, по собственному усмотрению, в Сибирь, в ссылку или на каторгу, отдавать в солдаты. Помещики (либо их управляющие) вмешивались в личную жизнь крестьян, им принадлежало право на имущество своих крепостных. Правительство возложило на них обязанность лично собирать с крестьян государственные налоги и вносить их в казну. Это отстранило помещичьих крестьян от не-

посредственного общения с коронной администрацией: между ними стал помещик — «полицмейстер над крестьянами», по выражению Павла I. У крестьян осталось право свидетельствовать в суде, подлежать общей подсудности в уголовных преступлениях, платить государственные налоги, служить в армии, иметь небольшую материальную компенсацию за бесчестье, получать помощь от помещиков во время неурожая и других бедствий. При Елизавете Петровне была отменена присяга помещичьих крестьян на верность воцарившемуся императору и его наследнику. Как уже упоминалось, Уложение 1649 г. запрещало помещикам разорять, мучить и убивать своих крестьян под угрозой взятия имения в опеку. Вопреки распространенному в литературе мнению, крестьяне и юридически, и фактически вплоть до 1861 г. имели право жаловаться на своих помещиков и активно им пользовались.⁸⁸

До Манифеста о вольности дворянской (1762) крепостная зависимость крестьян от помещиков имела некоторое оправдание: помещики служат государству (царю), крестьяне — помещику, помогая тем самым государству. С освобождением дворянства от обязательной службы частновладельческое крепостное право утратило всякое государственное и моральное оправдание. Делегировав свои права помещикам, государство сохранило за собой контроль за отношениями между помещиками и крестьянами, в частности оно регулировало власть помещика. Однако в течение всего XVIII в. для облегчения крепостной зависимости помещичьих крестьян было сделано немного. Указом 1721 г. запрещалось при продаже крестьян разбивать семьи; указ 1771 г. вводил запрет на продажу крестьян без земли на аукционе с молотка. Оба указа исполнялись плохо. Несколькими указами при Екатерине II было сокращено число источников крепостного права: через куплю и продажу иностранцев азиатского происхождения и плен (1776), через брак (1781), самозакрепощение (1783); с 1764 г. дети рекрутов, рожденные после поступления отца на службу, становились свободными. Эти меры оказали некоторое влияние на сокращение численности крепостных людей.

С конца XVIII в. правительство стало делать более решительные попытки по ограничению власти помещиков и возвращению крестьянам некоторых утраченных прав. Павел I в 1797 г. специальным указом ограничил барщину тремя днями в неделю. В 1803 г. указ о вольных хлебопашцах разрешил помещикам отпускать на волю целые деревни по договору со своими крестьянами. В 1842 г. этот указ был дополнен так называемым законом об обязанных крестьянах, разрешавшим помещикам по согласованию с крестьянами давать им свободу в обмен на уплату четко фиксированных повинностей; при этом земля оставалась в собственности помещиков. Указы 1802, 1804, 1808, 1827, 1833 и 1841 гг. ограничили некоторыми условиями право помещиков продавать и дарить своих крепостных и ссылать в Сибирь, что, по-видимому, не имело серьезных последствий, так как в 1827—1831 гг. помещики сослали в Сибирь 1249 человек, а в 1842—1846 гг. — 2715 человек. Крестьяне получили право выкупаться на волю как при согласии помещика, так и без его согласия, правда, лишь в том случае, если помещичье имение продавалось на аукционе. В этом им помогало государство. Созданное в 1837 г. Министерство государственных имуществ к 1861 г. выкупило у помещиков 178 имений с переводом крестьян в разряд государственных.⁸⁹

Свод законов 1832 г. издания урегулировал порядок наказания, а Свод законов 1845 г. четко определил компетенцию помещичьего суда и смягчил наказания крестьян помещиками. За последними сохранилось право на следующие наказания: розги — до 40 ударов, палки — до 15 ударов, заключение в сельской тюрьме до двух месяцев и в смиренном доме до трех месяцев, отдача в арестантские роты на срок до шести месяцев, а также в рекруты и удаление навсегда из имения с предоставлением в распоряжение местной государственной администрации. Помещики нередко превышали

Рис. 67. Крестьяне сжигают имущество помещиков. Лифляндская губ. 1905 г.

свои права. Когда это происходило, коронная администрация, согласно указам 1817 и 1826 гг., привлекала помещиков к суду или брала их имения в опеку. Имеющиеся данные, несмотря на свою неполноту, позволяют думать, что число помещиков, привлеченных к суду и осужденных за злоупотребление властью, было достаточно велико. Например, в 1834—1845 гг., за 12 лет, было привлечено к суду 2838 человек, из них осуждено 630. В 1836, 1851—1853 гг. в среднем в каждом году в опеке находилось 212 имений. Однако еще до вступления в силу указа верховная власть демонстративно наказывала помещиков за бесчеловечное обращение с крестьянами. Например, по распоряжению Александра I в 1802 г. помещик майор Орлов был заключен на покаяние в монастырь на 10 лет, а имение его перешло в дворянскую опеку; помещик генерал-майор Побединский был отдан под суд дворянского собрания Ярославской губернии, а имение его перешло в дворянскую опеку. Интересно отметить, что преследование государством помещиков за злоупотребление властью и крестьян за неповиновение помещикам находилось примерно на одном уровне: за указанные правонарушения в 1834—1845 гг. по всей России было осуждено 0.13% крестьян и 0.13% помещиков от общего числа тех и других в стране.⁹⁰

Вся тяжесть тройного крепостничества помещичьих крестьян — со стороны помещика, государства и общины — без существенных перемен продолжалась до 1861 г., когда была отменена самая тяжелая для них частная крепость. С момента обнародования Манифеста 1861 г. об освобождении крестьяне переставали рассматриваться как собственность помещиков: их нельзя было продавать, переселять и т. п., они получили ряд личных прав — свободу вступления в брак, самостоятельное заключение гражданских сделок и ведение судебных дел, беспрепятственное занятие промышленностью и торговлей, право отлучаться с места своего жительства, поступать в любые учебные заведения, переходить в другие состояния. Они официально получили право самоуправления, которым фактически обладали до реформы. Но по закону реализация многих из провозглашенных личных прав ставилась

Рис. 68. Старшины — земские деятели по крестьянскому вопросу. С. Ивановское, Владимирская губ. 1863 г.

в зависимость от решения общины, а для отдельного крестьянина, который не являлся главой домохозяйства, — и от решения главы семьи. Например, крестьянин мог отлучиться в город, если были разрешения главы семьи и общины и местная администрация выдала паспорт. Разрешения давались не формально, а при соблюдении существенных условий: отсутствии недоимок, хорошего поведения и т. п. Крестьянин мог перейти в мещанство, если имелись разрешения главы семьи, общины и администрации, если мещанское общество данного города согласилось принять его в свои члены и крестьянин полностью отказывался от своих прав на общинную землю (до 1870 г. крестьянин по закону не имел права отказаться от надела, т. е. фактически был прикреплен к земле).

Устранение помещика от вмешательства в крестьянские дела затянулось на многие годы. Земля, которой пользовались крестьяне до 1861 г., была признана полной собственностью помещиков. Если крестьяне желали выкупить эту землю по утвержденным государством правилам и расценкам, они должны были заключить с помещиком договор и перейти на выкуп. Государство предоставляло крестьянам выкупную ссуду со сроком погашения в течение 49 лет, до 1910 г. До заключения договора о выкупе, а это происходило по инициативе помещика, крестьяне становились «временнообязанными» и в этот период за пользование землей должны были по-прежнему платить оброк или нести барщину. На период временнообязанных отношений помещики сохраняли за собой некоторые права вотчинной полиции: могли требовать смены сельского старосты и других лиц сельской администрации, предъявлять крестьянам различные требования по сохранению общественного порядка и т. д. К 1870 г. на выкуп перешли и, следовательно,

получили статус крестьян-собственников 66.6% бывших помещичьих крестьян, к 1881 г. — 84.7%, и только с 1 января 1883 г. государство перевело оставшихся крестьян на выкуп и временнообязанные отношения прекратились.

Ввиду необходимости выплачивать выкупные платежи и проценты за ссуду государству зависимость от него бывших помещичьих и удельных крестьян в экономическом отношении даже увеличилась по сравнению с дореформенным временем. И все же, несмотря на это, государственное крепостничество начало постепенно ослабевать: в 1874 г. рекрутство заменяется всеобщей воинской повинностью; в течение 1883—1906 гг. в России подушный налог заменяется государственной оброчной податью (комбинацией поземельного налога и арендной платы); в 1895 г. вводятся в действие новые паспортные правила, значительно облегчившие передвижение крестьянства; в два приема, в 1899 и 1903 гг., отменяется круговая порука; в 1907 г. ликвидируются выкупные платежи. Телесные наказания для крестьянства сохраняются до 1904 г., хотя широта их применения была существенно ограничена по закону 17 апреля 1863 г. С этого времени телесные наказания сохранились для крестьян, не имеющих образовательного ценза, не занимающих должностей, не страдающих предусмотренными в законах болезнями и не достигших 60-летнего возраста; женщины были освобождены от телесных наказаний. Отметим, что с 1863 г. телесные наказания сохранились только для крестьян, арестантов и ссыльнокаторжных.⁹¹

Что же касается корпоративного крепостничества крестьян, то оно в полной мере удержалось до начала столыпинской реформы 1906—1915 гг., так как в стремлении компенсировать ликвидацию помещичьей власти государство усилило роль сельской общины. **1906 год, когда каждый отдельный крестьянин получил право выделиться из общины, несмотря даже на ее возражения, можно считать вторым раскрепощением крестьянства.** Кстати, именно так некоторые современники называли предоставленную российским парламентом свободу выхода из общины. Это выражение было введено в употребление во время обсуждения столыпинского законодательства в Государственной думе; первым его использовал депутат от Бессарабии, крестьянин Гулькин. Известный русский историк и октябрист В. И. Герье заметил в 1910 г.: «Пятидесятилетие (освобождения крестьян. — Б. М.) завершилось на наших глазах вторым раскрепощением. Если Положение 19-го февраля 1861 г. освободило их землю из-под власти помещиков, то Закон 14-го июня 1906 г. обеспечил за ними личную, наследственную собственность их надела. <...> Эти два великих законодательных акта составляют одно целое: второй из них является логически необходимым дополнением первого».⁹²

Таким образом, первую русскую революцию 1905—1907 гг. можно считать тем рубежом, когда бывшие помещичьи крестьяне, как и все другие категории, по крайней мере юридически, получили право освободиться от всех форм крепостничества.⁹³ Этим правом, однако, за период 1906—1917 гг. воспользовалось всего около 29% крестьянства. Оставшиеся в общине, а их было большинство, продолжали находиться в состоянии корпоративной зависимости.

Казенные крестьяне

Положение казенных крестьян в течение XVIII в. в целом ухудшалось. Однако их права не подверглись таким ограничениям, как помещичьих крестьян, их администрация не приобрела таких широких прав в отношении суда, наказаний, ссылки и отдачи в рекруты, какие имели помещики. Личность казенного крестьянина была более защищена, что нашло отражение в том факте, что казенные крестьяне приносили присягу верности при восшествии

на престол нового императора. В глазах помещичьих крестьян положение казенных крестьян было настолько предпочтительнее, что они мечтали о том, чтобы перейти под юрисдикцию казенного ведомства.⁹⁴

Освобождение казенных крестьян началось с реформ П. Д. Киселева в 1837—1839 гг., которые существенным образом улучшили их положение в хозяйственном, судебном, административном и культурном отношениях, расширили их права самоуправления. Крестьяне по закону получили право выбирать место жительства, состояние, род занятий, поступать в любое учебное заведение, подавать прошения даже на высочайшее имя, вступать в гражданские сделки. В. И. Вешняков на этом основании считает, что реформы Киселева освободили казенных крестьян от крепостничества. Этот вывод представляется поспешным. Во-первых, новые законы о казенных крестьянах вплоть до 1860-х гг. содержали ограничения на получение провозглашенных прав и — что самое существенное — не были вполне реализованы. Во-вторых, крестьяне продолжали сохранять ряд признаков крепостного состояния: прикрепление к сельскому обществу, рекрутскую повинность, круговую поруку, подушную подать и т. п. Освобождение казенных крестьян от государственного крепостничества в основных чертах произошло в 1866 г., а удельных крестьян — в 1863 г. Дальнейшее освобождение от пережитков государственного крепостного права и общинной зависимости происходило по аналогии с помещичьими крестьянами постепенно и к 1917 г. в основном завершилось.

Большой интерес представляет история развития права частной собственности у крестьянства. В императорский период крестьяне были юридически ограничены в имущественных правах: по закону они не имели права покупать и продавать землю, вступать в подряды и откупа, заниматься торговлей и промышленностью, не могли обзаводиться векселями, вступать в поручительства. Эти запрещения, правда, обходились (крестьяне совершали гражданские сделки на имя подставных лиц), но все равно серьезно сдерживали развитие прав собственности крестьян. Например, частновладельческие крестьяне совершали сделки на имя помещиков, но в этом случае все приобретенное имущество числилось за последними. По обычаю, помещичьи крестьяне вполне распоряжались своим движимым имуществом, а также всем тем имуществом, включая землю и крепостных, которое они приобретали на имя помещиков. Нарушение этого обычая считалось неприличным даже в дворянской среде. И все же, несмотря на это, некоторые помещики, в особенности попадавшие в серьезные материальные затруднения, игнорировали обычай. Закон в таких случаях стоял на их стороне. Что касается имущественных прав государственных крестьян, то сравнительно с помещичьими крестьянами они имели одно серьезное преимущество: сохранили право собственности на движимое имущество.

С конца XVIII в. имущественные права крестьян стали постепенно расширяться. Указы 1798, 1799 и 1812 гг. возвратили крестьянам право заниматься торговой деятельностью, указы 1818 и 1824 гг. — также и промышленной деятельностью. В 1827 г. крестьянам разрешили иметь собственные дома в городах, кроме столиц, а в 1848 г. и в столицах. В 1801 г. казенные крестьяне и вольноотпущенники получили право покупать землю. И лишь в 1848 г., 47 лет спустя, помещичьи крестьяне также получили право покупать землю с согласия помещиков и на их имя. Перечисленные прогрессивные явления коснулись главным образом крестьян-предпринимателей, связанных с городом, где процесс приватизации государственной собственности интенсивно происходил начиная с 1700 г. Что касается имущественных, в особенности поземельных, отношений в деревне, то там, напротив, наблюдался отход от тех частновладельческих тенденций в области развития крестьянского права на собственность, которые наметились в некоторых регионах в XVII в.⁹⁵

В течение XVIII в. к передельной общине переходят государственные крестьяне Севера, Урала и южной окраины Европейской России, а в конце XIX—начале XX в. — сибирские крестьяне. Следовательно, можно констатировать, что если в городе с 1700 г. происходило развитие частной собственности, то в деревне вплоть до начала XX в. преобладающее развитие получала коллективная общинная собственность. Это обстоятельство имело принципиальное значение для судьбы города и деревни, городского сословия и крестьянства, ибо исторически право на обладание собственностью развивалось параллельно с другими правами человека. Отставание деревни в сфере имущественных отношений соответствовало ее отставанию по всем другим аспектам ввиду их взаимообусловленности. Город развивался в направлении расширения индивидуальной свободы и прав человека, по пути рыночной экономики, модернизации и секуляризации массового сознания; город втягивал Россию в мировой рынок, в тесные контексты с западноевропейскими странами. Деревня же в социальном и экономическом отношениях с начала XVIII в. стала отставать от города, в

среде крестьянства до некоторой степени консервировалось все традиционное. Только в последней трети XIX—начале XX в. наметились пробуждение крестьянства, тяга к новым формам жизни. Однако неблагоприятные обстоятельства в 1914—1917 гг. помешали этому процессу завершиться.

Вопрос о том, почему было отменено частное крепостничество, до сих пор остается спорным и, значит, открытым. В советской литературе было распространено мнение, согласно которому крепостные крестьяне работали малопродуктивно, труд свободных работников был намного эффективнее, а крепостное право было упразднено в силу того, что, во-первых, помещичье хозяйство стало в экономическом смысле нерентабельным, вступило в состояние перманентного кризиса и крепостное крестьянство под его влиянием постепенно вымирало в буквальном смысле этого слова, во-вторых, под влиянием развития товарно-денежных отношений, в-третьих, под давлением крестьянского движения.⁹⁶ Западные историки объясняют отмену частновладельческого крепостного права страхом перед крестьянскими бунтами, военными нуждами страны, культурными факторами, государственными соображениями о необходимости модернизации России для преодоления ее отсталости.⁹⁷ Пока историки не располагают полными и точными массовыми данными о прибыльности помещичьих хозяйств и доходности крестьянских хозяйств в крепостное время, отсутствует также

Рис. 69. Вид сожженного замка барона Розена постройки 1263 г. Лифляндская губ. 1905 г.

точная информация, которая требуется для расчета доходности крепостного труда. Помещики, как правило, либо вовсе не вели учета, либо делали это весьма несовершенно; крупных помещиков сильно обманывали их управляющие. Крестьяне учета не вели по причине неграмотности, страха перед своими господами, а также потому, что считали грехом учитывать урожай, который посылает им Бог.⁹⁸ Имеющиеся данные позволяют лишь приблизительно оценить эффективность хозяйствования, основанного на крепостном труде.

Приносил ли труд крепостных доход помещикам?

В течение XVIII—первой половины XIX в. рост цен на крепостных людей и на населенные помещичьи имения обгонял рост хлебных и еще более промышленных цен. Это косвенно указывает на рост доходности крепостного труда или по крайней мере на то, что крепостное хозяйство давало прибыль.⁹⁹ Весьма показателен постоянный рост денежной компенсации за рекрута, которая рассматривалась современниками как цена рекрута. Согласно закону, желающие освободиться от рекрутской повинности могли вместо службы внести определенную сумму, величина которой определялась казной, а казна ориентировалась на рыночные цены крепостных. В солдаты принимались мужчины, соответствующие определенному возрастному и физическому цензу, и более чем на 90% они состояли из крестьян. В силу этого динамика цены рекрута может служить другим косвенным показателем доходности крепостного труда. С 1720-х по 1850-е гг. цена рекрута увеличилась в постоянной валюте, т. е. с учетом инфляции и изменения денежной системы, в 4,5 раза.¹⁰⁰ Среднероссийские хлебные цены в серебре с 1721—1730 по 1851—1860 гг. увеличились в 3,5 раза, а цены промышленных товаров возросли еще в меньшей степени.¹⁰¹ Как видим, цены рекрутов обгоняли рост цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, а это также предполагает, что помещики получали прибыль от эксплуатации крепостных.

Прямые данные о росте оброков подтверждают вывод о росте доходности помещичьих имений. За 1701—1800 гг. доходы помещиков от каждого оброчного крестьянина мужского пола (с поправкой на инфляцию и рост хлебных цен) возросли примерно на 69%,¹⁰² за 1801—1860 гг. — еще приблизительно на 70—90%.¹⁰³ Если мы примем во внимание кроме оброка еще и государственные налоги с крепостных, то общая сумма платежей одного оброчного крепостного в пользу помещика и государства за XVIII в. (с учетом инфляции и роста хлебных цен) возросла примерно на 14%, за первую половину XIX в. — еще на 27%.¹⁰⁴ Отсюда следует, что доходы от крепостного труда в оброчных имениях никак не уменьшались, так как управленческие затраты помещиков в отношении оброчных крестьян были минимальны и стабильны. Полученный вывод может быть распространен на барщинные имения, потому что на сельскохозяйственных работах труд барщинных крестьян был существенно (по некоторым оценкам вдвое) более производителен, чем труд оброчных крестьян. Поэтому в XVIII—первой половине XIX в. всюду, где земледелие являлось главным занятием, помещики предпочитали барщину оброку: в 1850-е гг. на барщине находились 96,1% крестьян 9 западных губерний, 81,6% крестьян 21 черноземной и восточной губерний и только 43,2% крестьян 15 нечерноземных губерний.¹⁰⁵ По-видимому, именно ввиду доходности имений ни один представитель либерального или радикально-революционного мира, за исключением Н. П. Огарева, не отпустил своих крепостных на волю в 1840—1860-е гг., включая Самариных, Аксаковых, Киреевских, Кошелевых, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, К. Д. Кавелина, Л. Н. Толстого, а две трети дворянства, по оценке П. Д. Боборыкина, были против отмены крепостного права. «Дворянство отнеслось к вопросу освобождения крестьян нехотя, отрица-

тельно, пассивно и было обойдено, — отметил Кавелин. — Ему осталось на долю одно напрасное сетование и бессильная злоба».¹⁰⁶

Кто успешнее хозяйствовал: помещичьи или казенные крестьяне?

Сравнение основных показателей уровня развития сельскохозяйственного производства у сильно закрепощенных помещичьих крестьян и менее закрепощенных казенных крестьян по 13 губерниям (Владимирской, Воронежской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской) в 1842—1853 гг. показывает, что хозяйственная деятельность помещичьих крестьян была более результативной. Казенный крестьянин, располагавший большей степенью хозяйственной свободы, обладавший большим количеством земли, обремененный меньшими налогами и повинностями, чем помещичий крестьянин, имел сравнительно с ним посевов на 42% меньше, урожайность — на 16% ниже, держал скота на 7—12% меньше, выращивал хлеба на 63% меньше и в итоге производил сельскохозяйственной продукции примерно в 1.5 раза меньше. Разумеется, львиная доля дополнительных доходов присваивалась помещиком.¹⁰⁷

Данные по 13 губерниям следует рассматривать как весьма ориентировочные, учитывая низкое качество статистики изучаемого времени. Но они, по-видимому, правильно отражают господствующие тенденции, так как урожайные данные за 1842—1853 гг. по 13 губерниям подтверждаются данными по 50 губерниям Европейской России за 1851—1860 гг.: урожайность зерновых у помещичьих крестьян была выше, чем у казенных крестьян, примерно на 6—7%.¹⁰⁸ Различие, правда, очень невелико и может объясняться неточностью исходной информации. Но вот более убедительные данные. У казенных крестьян сумма оброка и прямого государственного налога в постоянной валюте возросла с 1719—1724 гг. по 1850-е гг. примерно в 2.8 раза, у помещичьих крестьян — в 5 раз.¹⁰⁹ Чтобы выплатить налоги и повинности, помещичьим крестьянам приходилось работать намного больше, чем казенным, и именно поэтому они приносили больше дохода своим владельцам, чем казенные крестьяне. При этом по уровню жизни помещичьи крестьяне, по одним сведениям, уступали, а по другим сведениям, превосходили казенных крестьян.¹¹⁰ Например, П. Д. Боборыкин свидетельствует, что «у государственных крестьян водились школы и даже сберегательные кассы; но быт их не отличался от быта крепостных, и, в общем, они не считались зажиточнее».¹¹¹ Если судить по качеству обработки полей и динамике урожайности, то известный прогресс наблюдался повсеместно, но в барщинных имениях он был заметнее, чем в оброчных, в тех и других — заметнее, чем у казенных крестьян. Главным источником роста урожайности являлось улучшение обработки полей за счет роста интенсивности труда. Например, с середины XVIII в. до середины XIX в. интенсивность труда в барщинных имениях, по некоторым приблизительным оценкам, выросла в разных районах России от 20 до 40%.¹¹²

Таким образом, напрашивается вывод, что помещичьи крестьяне под более строгим надзором своих владельцев работали не только больше, но и качественнее, чем казенные крестьяне. «Помещичьи крестьяне платят вдвое более оклада государственных крестьян, но, живя рядом с государственными крестьянами и владея землей чересполосно, живут едва ли не лучше последних: *за ними строго смотрит вотчинное начальство* (курсив мой. — Б. М)».¹¹³ В свете этих данных становится понятным главный лозунг всех выступлений помещичьих крестьян в XVIII—первой половине XIX в. — перейти в казенное ведомство.

Рис. 70. Домашние занятия крестьян. Землянский уезд, Воронежская губ. 1850-е гг.

Как работали вольные хлебопашцы и белопашцы?

С 1804 г. существовала еще одна немногочисленная категория крестьянства — вольные хлебопашцы. Это были крестьяне, выкупившиеся на волю у помещиков целыми деревнями и имевшие собственную землю на общинном праве. Они платили только государственные налоги, несли рекрутскую повинность, но были свободными от оброка, барщины, власти помещика и в значительной мере от опеки государства. К 1858 г. вольных хлебопашцев насчитывалось около 216 тыс. обоого пола, считая численность мужчин и женщин равной. Можно было ожидать, что они воспользуются хозяйственной свободой и добьются хороших экономических результатов. Действительно, ревизия хозяйства вольных хлебопашцев, произведенная государственными чиновниками в 6 губерниях в 1847—1848 гг., обнаружила, что они «в отношении хозяйственного обзаведения и вообще внутреннего быта представлялись почти повсеместно в положении зажиточном». Известный помещик и общественный деятель славянофильской ориентации А. И. Кошелев в 1858 г. в своей записке по крестьянскому вопросу как будто подтверждает заключение ревизоров, когда говорит об обеднении только тех сел вольных хлебопашцев, которые перешли от общинного к подворному землевладению. Из этого следует, что те деревни вольных хлебопашцев, где сохранилось общинное землевладение, находились в удовлетворительном состоянии.¹¹⁴

Чем же объяснялось благополучие большинства вольных хлебопашцев? Прежде всего благоприятными условиями освобождения. Например, в 1844—1858 гг. вольные хлебопашцы получили при освобождении в среднем по 6,9 десятины (7,5 га) земли на ревизскую душу населения, в то время как помещичьи крестьяне владели в 1861 г. перед освобождением всего 3,5 десятины (3,8 га) на душу.¹¹⁵ Помещики, отпуская крестьян в вольные хлебопашцы, являлись большей частью богатыми и либеральными людьми, преследовали благородные, а не меркантильные цели и не стремились нажиться на своих крестьянах.¹¹⁶ Поэтому они уступали крестьянам землю на благоприятных для них условиях, по умеренным ценам (как правило, ниже рыночных) и к тому же очень часто продавали им все имение целиком, т. е.

со всеми угодьями, что было очень выгодно крестьянам. Вольные хлебопашцы платили примерно по 11 р. за десятину, при рыночных ценах 15—17 р.¹¹⁷ Для сравнения укажем, что при освобождении помещичьих крестьян в 1861 г. они должны были платить по 27 р. за десятину, что на 59% превышало рыночную цену выкупаемой крестьянами земли.¹¹⁸ Те же вольные хлебопашцы, которые в силу ряда обстоятельств оказались в стесненных условиях после освобождения, перешли в казенные или удельные крестьяне.¹¹⁹ Таким образом, вольные хлебопашцы имели относительный достаток не только благодаря благоприятным условиям освобождения, но и вследствие того, что те из них, у кого после освобождения дела шли неудачно, переводились в разряд государственных крестьян. Хлебопашцы, однако, не проявляли никакой предприимчивости, а продолжали жить в соответствии с традицией, как их предки. Вопреки закону, который требовал ликвидировать общину и перейти к подворному землевладению, вольные хлебопашцы сохранили передельную общину и восстановили ее там, где она по закону была ликвидирована.¹²⁰

Нельзя не принять во внимание, что вольные хлебопашцы существовали слишком непродолжительное время, чтобы можно было сделать заключение об эффективности их хозяйствования. А какова была бы их судьба, если эта социальная группа крестьян возникла раньше и просуществовала дольше? Контрфактическую ситуацию мы находим в самой жизни. В 1619 г. царь Михаил Федорович пожаловал зятю Ивана Сусанина — легендарного героя Смутного времени, пожертвовавшего своей жизнью, как полагали, ради царя, землю на их родине в Костромской губернии, в деревне Коробово, и навсегда освободил его и потомков от всех налогов и повинностей. Заметим, кстати, что крестьяне получили полную вольность, которая абсолютно соответствовала их идеалу свободы. В 1632 г. пожалованная земля составляла 90 десятин (98 га). Потомки Сусанина получили наименование белопащцев. Их финансовое положение было еще предпочтительнее, чем у вольных хлебопашцев, так как они не платили ни выкупа, ни налогов. К 1767 г. их насчитывалось 153 человека, к 1834 г. — 226 человек. В 1834 г. Николай I во время своего путешествия по России обратил внимание на бедственное состояние белопащцев и учредил комиссию для выяснения причин такого положения и оказания им помощи. Комиссия установила, что *главная причина тяжелого положения белопащцев состояла в их привилегиях*. Свобода от всех обязанностей по отношению к государству и обществу, полная независимость от всех властей, обилие земли, констатировала комиссия, ослабляли их энергию и предприимчивость. Со временем белопащцы перестали проявлять заботу об улучшении своего положения. «В противоположность предприимчивому духу крестьян Костромской губернии коробовские белопащцы весьма мало деятельны и вообще не предприимчивы, а от того большею частью очень бедны». Второй причиной упадка белопащцев комиссия признала наличие индивидуальной, а не общинной формы собственности: *передель отсутствовали, земля передавалась от отца к детям равными долями, участки постоянно мельчали. Земельные сделки с пожалованной землей совершались только в пределах Коробовки. Постепенно земля сконцентрировалась в руках немногих крестьян, разбогатевших за счет других и почти наследственно сохранявших в своем роде пожизненное звание старосты. Вследствие постоянного дробления земли, непрекращающихся имущественных споров между наследниками, ленности белопащцев их земли обрабатывались дурно и давали очень низкие урожаи (ниже, чем у окрестных крестьян)*.

По распоряжению Николая I белопащцев в 1836 г. вновь наделили большим количеством земли — по 8 десятин на мужскую душу, но на праве общинной формы собственности. Все прежние льготы были за ними сохранены. Но и новая царская милость не привела к существенным переменам в

жизни белопашцев. Лень и инертность, ставшие почти наследственными, по-прежнему мешали им воспользоваться выгодами своего исключительно привилегированного положения. Пользуясь отсутствием административного контроля, белопашцы стали раскольниками и превратили свое село, по сведениям администрации, в убежище для единоверцев и преступных элементов. Ввиду этого над ними с начала 1860-х гг. учреждается надзор со стороны Удельного ведомства, которому раньше они подчинялись лишь номинально. Но и это не помогло. Несмотря на все предпринятые администрацией меры и заботы по улучшению материального благосостояния белопашцев, потомки Сусанина в начале XX в. не достигли благосостояния. Хотя имущественная дифференциация, благодаря тому что администрация ввела общинное землевладение, свелась на нет, вся деревня, состоявшая в 1910 г. из 267 человек обоого пола, превратилась в бедное селение.¹²¹

Не разделили ли бы со временем вольные хлебопашцы судьбу белопашцев?! Мне кажется, что ответ на этот вопрос дает Г. И. Успенский в своей известной работе «Из деревенского дневника», написанной на основе наблюдений крестьянской жизни, сделанных в 1877—1879 гг. главным образом в селе Сколково Самарского уезда Самарской губернии, где он проводил полевое исследование под маской писемоводителя сельского ссудно-сберегательного товарищества. В очерке «Три деревни» он дает реалистическое изображение жизни крестьян в трех деревнях — Гвардейцы, Разладино и Сколково, выведенных под названиями Солдатское, Разладино и Барское. В Солдатском жили потомки гвардейцев, щедро награжденных Екатериной II за верную службу плодороднейшими землями, угодьями и всевозможными льготами, которые позволяли им жить «лучше не надо — кататься как сыр в масле». За 100 лет, прошедших со дня пожалования, крестьяне значительную часть принадлежавшей им земли продали, а деньги пропили. Однако в 1870-е гг. они еще владели тремя общественными мельницами, рыбными ловлями и двумя кабаками, которые им давали доход, покрывавший абсолютно все причитающиеся с них платежи, благодаря чему весь доход, получаемый от своего хозяйства, они могли тратить исключительно на свои личные нужды. Разладино долгое время находилось в Удельном ведомстве, но 70 лет назад оказалось в руках доброй помещицы, которая крестьян не угнетала, так что «и в крепостной зависимости они все-таки избегли всех суровостей барщины». После смерти она завещала крестьянам всю землю даром. В результате разладинцы не платили выкупа за землю и были обременены весьма незначительными налогами. Барское — «обыкновенная русская, бывшая крепостная деревня. У нее мало земли, она платит большие налоги и не имеет почти никаких посторонних доходов и работает в поте лица. Она знала крепостные порядки доподлинно; знала барщину, барина, дворню, претерпела все крепостные тяготы и теперь несет на плечах своих новые порядки». Успенский отмечает, что три деревни, несмотря на то что они почти уже слились друг с другом, «разнятся друг от друга самым существенным образом» и во всех отношениях. «Народ Солдатского неряшлив, распушен, нагл, жаден и глупо-форсист. <...> Пьянствует на сходах то и дело. <...> В селе разгильдяйство, общественная бессвязица и бестолковщина: куча нищих, есть воры, куча мирских грабителей». У разладинца «изба гнилая, солома гнилая, сам мужик вял, туп и понятием не тверд. <...> Никакой „ряды“ (дела. — Б. М.) правильно с ним сделать нельзя или очень трудно. <...> Взвываясь за дело, только клянчит, удивляется, как это все трудно, и беспрестанно ропщет на цену. Словом, мужик „брюзга“. <...> Как ни покажется странным, а лучше всех живет и умней всех крестьянин деревни Барской. Он есть истинный современный крестьянин, несущий всю массу крестьянской тяготы без всякого послабления испокон веку. Он платит большие подати и бьется круглый год исключительно над земледельческой работой, и покрывает подати, да мало того: живет несравненно аккуратней,

чище и разладинских, и солдатских. В Барском не редкость встретить умницу, человека твердого, железного характера. <...> До последнего времени они не заводили кабака. <...> Разделов семейных у них мало; работа у них на первом плане и действительно кипит в руках. Работают все отлично. <...> Словом — крестьянин, более других претерпевший на своем веку, более угнетенный, наделенный плохой землей, обремененный налогами, вопреки всем смыслам, вопреки всем таблицам умножения всех частей света, оказывается порядочнее, умнее, даровитее, зажиточнее и честнее того крестьянина, который, имея доходы, покрывающие все посторонние платежи, или платя сущую безделицу, следовательно, имея все условия для того, чтобы собственная его домашняя, личная жизнь была лучше, достаточней, вольней, чтобы забота его о мирском деле была шире, — оказывается, что такой крестьянин ничего не выдумал, кроме кабака, живет бедно, пьяно, фальшиво, к ближнему равнодушен, равнодушен к миру, к себе, к семье! Деревня как бы лишена даровитых людей. Есть мироеды и мироопивалы, а умного, характерного мужика нет; взамен того имеется обилие фальшивых мужичонков, которые за рубль продадут отца родного, наобещают с три короба, а ничего не сделают, недорого возьмут соврать и надуть. Что же означает эта непонятная тайна непонятной деревенской таблицы умножения?» — спрашивает Успенский. Это исследование привело его к следующему ответу: «Главную нить к познанию существа деревенского житья-бытья дает барщина. В современной деревне нет такого явления, нет в характере деревенских людей ни одной существенной черты, нет даже ни одного обычая, которые бы вполне не объяснились барщиной, а главное, *только* барщиной». Крестьяне Барского в течение нескольких поколений под давлением барина привыкли «без отговорок, без возражений работать изо дня в день, из года в год. <...> Такой, оставленный нам барщиной в наследство, крестьянин — неустанный, неусыпный работник: „биться на работе" — вот цель его жизни, нить связующая дни и годы в целую жизнь человеческую. Во имя этого-то идеала и продолжает жить крестьянин, как жил при барщине. Там, где барщина царила вполне, там мужик в буквальном смысле остался таким же, каким был при крепостном праве».¹²² Как было показано, помещичьи крестьяне работали больше и лучше, чем государственные, а среди помещичьих — именно барщинные. Круг замкнулся. Успенский считает, что «неустанный, неусыпный работник» населял «громоздкое большинство русских деревень». Но здесь, мне кажется, автор впадает в преувеличение, так как барщинные крестьяне составляли менее пятой части всего числа дореформенных крестьян: более половины были государственными и удельными, остальные — оброчными. Следовательно, лишь каждый пятый крестьянин, по классификации самого Успенского, мог соответствовать идеальному типу мужика- труженика.

Как работали русские и европейские крестьяне и американские фермеры и рабы?

Интересные результаты дает также сравнение интенсивности ручного труда русских крепостных и свободных или полусвободных крестьян в других европейских странах и в США во время сельскохозяйственных работ в 1820—1850 гг. В среднем за день работы русский казенный крепостной намолачивал 118 кг пшеницы или ржи,¹²³ т. е. на 39—78% больше, чем бельгийские, датские, австро-венгерские крестьяне, примерно столько же, сколько немецкие крестьяне, но на 39% меньше, чем английские, и на 85% меньше, чем американские фермеры. При жатве наблюдалась примерно та же картина, поскольку русские работники в день убирали около 180 кг пшеницы или ржи.¹²⁴ Заметим, что в России жали исключительно женщины, а молотили мужчины, так как жатва считалась женским делом, а молотба — муж-

ским. Мы уже видели, что помещичьи крепостные работали интенсивнее казенных крепостных, поэтому сделанный вывод тем более можно распространить на помещичьих крестьян.

Следует иметь в виду, что русские крепостные крестьяне столь интенсивно работали только в периоды посева, покоса и жатвы. В остальное время продолжительность и интенсивность труда были ниже по сравнению со свободными западноевропейскими фермерами и с крепостными крестьянами в странах Восточной Европы.¹²⁵ Отсюда напрашивается важный вывод: хозяйство, основанное на крепостном труде в России, в чисто экономическом смысле располагало резервами для своего развития, если иметь в виду увеличение продолжительности рабочего времени и повышение эффективности труда крепостных. И действительно, общая продолжительность труда взрослых барщинных крестьян мужского пола по ориентировочным оценкам в первой половине XIX в. составляла около 1350 ч. в год (принимая, что в год взрослый крестьянин работал 135 дней продолжительностью 10 ч.), из них половина проходила на барщине; дети от барщины освобождались.¹²⁶ Продолжительность рабочего времени американских рабов, занятых в сельском хозяйстве, была следующей: мужчин — 3055—3965 ч., женщин — 2584—3507 ч., детей — 1913—2549 ч. в год.¹²⁷ Крепостной мужчина работал примерно в 2.6 раза меньше, чем раб, и в 2.3 раза меньше, чем рабыня. Норма эксплуатации российского барщинного крестьянина составляла около 100%, а американского раба — 240%. После отмены рабства число рабочих часов в году у бывших рабов уменьшилось на 28—37%,¹²⁸ но все равно они работали больше, чем крепостные.

Как показал опыт Англии, при ручном труде без всяких технических нововведений возможно было существенно увеличивать производительность труда в сельском хозяйстве главным образом за счет интенсивности труда и лишь в незначительной степени за счет совершенствования агротехники и селекции. Во второй половине XIII—первой половине XIV в. английские фермеры собирали по 9 бушелей с акра (614 кг с гектара). Русские крестьяне через 500 лет, в 1860-е гг., — по 31 пуду ржи и пшеницы с десятины (466 кг с гектара), т. е. на 32% меньше. К середине XIX в., до промышленной революции в сельском хозяйстве, на основе ручного труда английские фермеры подняли урожайность пшеницы до 26 бушелей с акра (1773 кг с гектара), а американские фермеры на Севере США — до 21.2 бушеля с акра (1446 кг с гектара). Россия не достигла английского уровня начала XIX в. даже через два века: в 1986—1990 гг. урожайность зерновых, если верить советской статистике, составила всего 1590 кг с гектара.¹²⁹

Посмотрим, наконец, на Прибалтику. В первой половине XIX в. крепостные помещичьи хозяйства Эстонии, находившиеся, как правило, в худших природно-климатических условиях, чем хозяйства русских помещиков, превосходили последние по всем показателям примерно на 20%.¹³⁰ Эстонский опыт с очевидностью показывает, что крепостное хозяйство в великорусских губерниях к 1861 г. далеко не достигло своего экономического предела.

Итак, приведенные данные подкрепляют точку зрения тех исследователей, которые полагают, что хозяйства, основанные на крепостном труде, приносили их владельцам доход и вплоть до 1861 г. не испытывали экономического кризиса.¹³¹ Они показывают, что в условиях крепостничества, казенного или частного, чем больше была сила внеэкономического принуждения, тем больше и лучше работали крестьяне. Более того, можно сказать, что в XVIII—первой половине XIX в. хозяйства, основанные на крепостном труде, были доходнее, чем крестьянские хозяйства, которым была предоставлена экономическая свобода, например хозяйства вольных хлебопашцев

или белопашцев. Сказанное ни в коей мере не означает, что русские крестьяне могли хорошо работать только из-под палки. **И при свободе, и при ее отсутствии крестьянская экономика функционировала не слишком успешно: крестьяне работали ровно столько, сколько требовалось для удовлетворения минимальных потребностей.** Приведенные данные говорят только о том, что в массе своей крестьянство еще не было готово к предпринимательству и к эффективному ведению своего хозяйства самостоятельно, в условиях свободы. А. Н. Энгельгардт, известный ученый-агрохимик, аграрный предприниматель, славянофил и знаток крестьянского быта, писал в 1870-х гг.: «Между крестьянами есть много таких, которые не только не могут быть хорошими хозяевами, не только не могут работать иначе, как за чужим загадом (приказом. — Б. М.), но даже и работать хорошо не умеют. Преобладают средние люди, и в числе их наибольший контингент составляют люди, механически выучившиеся, вследствие постоянного упражнения с малолетства, более или менее хорошо работать, неспособные единично вести самостоятельное хозяйство, а способные работать только под чужим загадом, под чужим руководством. <...> Положительно можно сказать, что деревня и общинное владение землей спасают многих малоспособных к хозяйству от окончательного разорения».¹³²

Большая или равная производительность рабовладельческой или крепостной форм организации производства по сравнению со свободным трудом не должна удивлять. **Эффективность трех различных типов управления** — авторитарного, или директивного, демократического, или коллегиального, и либерального, дающего людям свободу, а событиям возможность идти своим чередом, **относительна не только в экономической, но и в политической жизни и зависит от времени, места, обстоятельств и сферы приложения.**¹³³

Почему крепостное право существовало так долго?

Что служило причиной малой результативности крестьянской экономики? Причин было много, и главная среди них, по-видимому, состояла в трудовом этосе крестьян, ориентировавшем их на такую трудовую активность, целью которой было удовлетворение элементарных материальных потребностей. В системе ценностей крестьянства материальное благополучие не занимало первого места. Поэтому для достижения значительных экономических результатов требовалось внеэкономическое принуждение. Мне кажется, что закрепощение крестьянства, господство передельной общины и обязательного для всех способа земледелия компенсировали отсутствие у крестьянства инициативы, предприимчивости, желаний (не способности!) добиваться максимально возможных экономических результатов. Напомню, что обычай запрещал начинать полевую работу раньше других, но разрешал быть последним. **Всестороннее закрепощение производителя — это оборотная сторона и следствие потребительского менталитета крестьянства.** Как правильно заметила О. Крипп, «Россия была экономически отсталой не потому, что крепостнические отношения доминировали в ее экономике; напротив, крепостное право было порождено ее отсталостью».¹³⁴ Подтверждение этому мы находим в большом числе праздников и вообще нерабочих дней в деревне в течение XVIII—начала XX в. В 1850-е гг., в канун отмены крепостного права, общее число нерабочих дней в году доходило до 230, в начале XX в. — до 258, в том числе общее количество воскресных и праздничных дней — соответственно до 95 и 123. Поскольку число праздничных дней после эмансипации увеличилось, можно полагать, что в крепостное время крестьяне работали больше, вероятно, под давлением помещиков и коронной администрации. Дело в том, что работа в воскресные и праздничные дни запрещалась законом, обычаем и церковью и считалась грехом и наруше-

нием традиции. Крестьяне, пытавшиеся работать в воскресенье и праздники, наказывались: их штрафовали, а нередко избивали и ломали их инвентарь. Низшая сельская администрация и община действовали в таких случаях солидарно. Сравнение числа праздничных дней в начале XX в. у крестьян православного и иных вероисповеданий, проживавших на территории Европейской России, обнаруживает, что у католиков и протестантов в Прибалтийских губерниях их было соответственно 38—48 и 13—23, у мусульман в Крыму и на Волге — 13—15, у православных — около 90. Можно предположить, что, поскольку крестьяне всех вероисповеданий России жили примерно в одинаковых социально-экономических условиях, в формировании праздничного календаря важную роль играл культурно-религиозный фактор.¹³⁵ Под культурным фактором имеется в виду не столько грамотность, хотя и она имела значение, сколько система ценностей, установок и норм поведения, принятых у крестьян разных конфессий и национальностей.¹³⁶ Приверженность сельскохозяйственной магии, отрицательное отношение к нововведениям, свойственные православным крестьянам, были порождены, может быть, в большей степени культурными установками, чем низким уровнем грамотности. Российскому правительству нередко приходилось своей властью вводить какие-либо новшества в крестьянский быт, например, запасные хлебные склады на случай неурожая в XVIII в., посадки картофеля у казенного крестьянства в 1840—1842 гг., частную собственность на землю в начале XX в. и т. п.¹³⁷

Разумеется, низкая грамотность также играла свою роль. Не случайно, наверное, у православных она была ниже, чем у католиков, протестантов, волжских и крымских мусульман. В целом по Европейской России в середине XVIII в. грамотность сельского населения обоего пола старше 9 лет не превышала 3%, в 1797 г. лишь 6% мужского и 5% женского сельского населения умели читать и иногда писать, в 1857 г. — соответственно 19% и 10%. Среди собственно крестьян грамотных было еще меньше, например, в середине XIX в. — всего 2—5%.¹³⁸ В 1880 г. сельская администрация — сливки крестьянского общества, состоявшая из сельских старост и волостных старшин, имела в своем корпусе лишь 19% грамотных.¹³⁹

Есть основания полагать, что освобождение крестьянства начавшееся с конца XVIII в., проходило такими темпами, которые соответствовали, с одной стороны, потребностям общества и государства, с другой стороны, стремлениям и возможностям самого крестьянства, может быть, даже обгоняя их. Возьмем такой принципиальный вопрос, как приобретение земли в частную собственность. Это право казенные крестьяне получили в 1801 г., помещичьи крестьяне — формально в 1848 г., но фактически пользовались им раньше. Результаты реализации этого права не были впечатляющими. За 1802—1858 гг. приобрели землю в собственность всего около 400 тыс., или 3%, казенных крестьян, в среднем по 4 десятины на душу мужского пола, т. е. около 1600 тыс. десятин.¹⁴⁰ Покупать землю в собственность владельческие крестьяне начали задолго до официального разрешения. Общая площадь приобретенной в крепостное время крестьянами земли не поддается учету. Но она, как выяснил Н. М. Дружинин, к 1861 г. намного превышала 123 тыс. десятин (при этом 31% купленной земли крестьяне приобрели в XVIII в., 40% — в 1801—1830 гг., 29% — в 1831—1861 гг.). Автор использовал тяжбные дела из фонда Главного комитета об устройстве сельского состояния, в которых отразились споры, возникшие при легализации сделанных крестьянами покупок после отмены крепостного права. Это занижает масштабы покупок земли, поскольку львиная часть сделок была помещиками признана. Сведения по отдельным имениям это подтверждают. Например, в огромных вотчинах Шереметьевых (200 тыс. крепостных в конце XVIII в. и 300 тыс. в 1860 г.) за 60 лет, 1770—1830 гг., крестьяне приобрели 33 тыс. десятин земли, т. е. 27% от 123 тыс. десятин. Однако даже если

допустить, что помещицы крестьяне купили столько же земли, сколько и государственные, т. е. они вместе купили около 3000 тыс. десятин, все равно это мало по сравнению с пореформенным временем, когда только за 1863—1892 гг. крестьянами было куплено более 7 млн десятин.¹⁴¹ Бедность не может служить достаточным объяснением, так как в 1801—1861 гг. среди казенных крестьян насчитывалось в разных губерниях от 19 до 21% зажиточных или богатых крестьян, а среди помещичьих — 14—19%, которые имели достаточно средств, чтобы купить землю.¹⁴² Более важной причиной представляется отсутствие желания у крестьянства (в массе, а не у отдельных его представителей) иметь собственную землю, заняться предпринимательством, ослабить зависимость от разных форм крепостничества своими собственными усилиями.

Возьмем другой принципиальный вопрос об обязательной принадлежности крестьянина к общине. Среди значительной части образованных людей русского общества еще в 1860-х гг. созрела мысль о целесообразности устранения общины как обязательного государственного института.¹⁴³ Правительство оставило решение вопроса о существовании общины за самими крестьянами, предоставив им в 1861 г. право решения двумя третями голосов на сельском сходе о переходе от общинного землепользования к подворно-наследственному, участковому. Правительство не хотело насильственно разрушать общину, и это соответствовало желаниям преобладающей части крестьянства, которое вплоть до 1917 г. в большинстве своем держалось за общину.

Не следует преувеличивать и предпринимательские качества русских помещиков. Как показало специальное обследование, проведенное Вольным экономическим обществом через администрацию 29 губерний в 1804—1805 гг., лишь немногие помещики занимались нововведениями и применяли усовершенствования в своем хозяйстве. На всю Россию нашлось всего 169 таких новаторов, главным образом помещиков.¹⁴⁴ Положение мало изменилось и через столетия. Накануне реформ 1861 г. всего около 3% всех помещиков занимались рационализацией, остальные держались традиции.¹⁴⁵ Русские помещики были посредственными коммерсантами и предпринимателями, им была чужда идея издержек производства, они боялись нововведений и риска, полагались главным образом на административные меры и находились под большим влиянием крестьянской агротехники и практики ведения хозяйства.¹⁴⁶ Даже более доходное помещичье барщинное хозяйство не развивало максимально возможной рентабельности и в целом уступало по доходности плантаторским хозяйствам США и фольваркам в восточноевропейских странах или крупным имениям, организованным на вольнонаемном труде в самой России. На этот счет имеются уникальные данные. В 1850-е гг. в ходе подготовки к отмене крепостного права Министерством государственных имуществ проводились опыты по изучению сравнительной эффективности барщинных и наемно-рабочих имений, находившихся примерно в равных условиях с точки зрения размеров, почвы, климата и т. д., в 19 черноземных и нечерноземных губерниях. Сравнение 26 пар имений по чистому доходу с десятины земли показало, что в 14 случаях доходность была выше в имениях с вольнонаемным трудом, в 12 случаях — в барщинных имениях. Средняя по 26 парам наблюдений доходность имений с вольнонаемным трудом оказалась на 25% выше.¹⁴⁷

Однако экспериментаторы не приняли в расчет два важных фактора: 1) общее состояние сельского хозяйства, т. е. агротехнику, общинное землевладение, инфраструктуру и 2) психологические издержки производства, основанного на насилии. Как показали экономические расчеты одного либерального помещика-предпринимателя, переход к вольнонаемному труду мог существенно повысить производительность труда в сельском хозяйстве

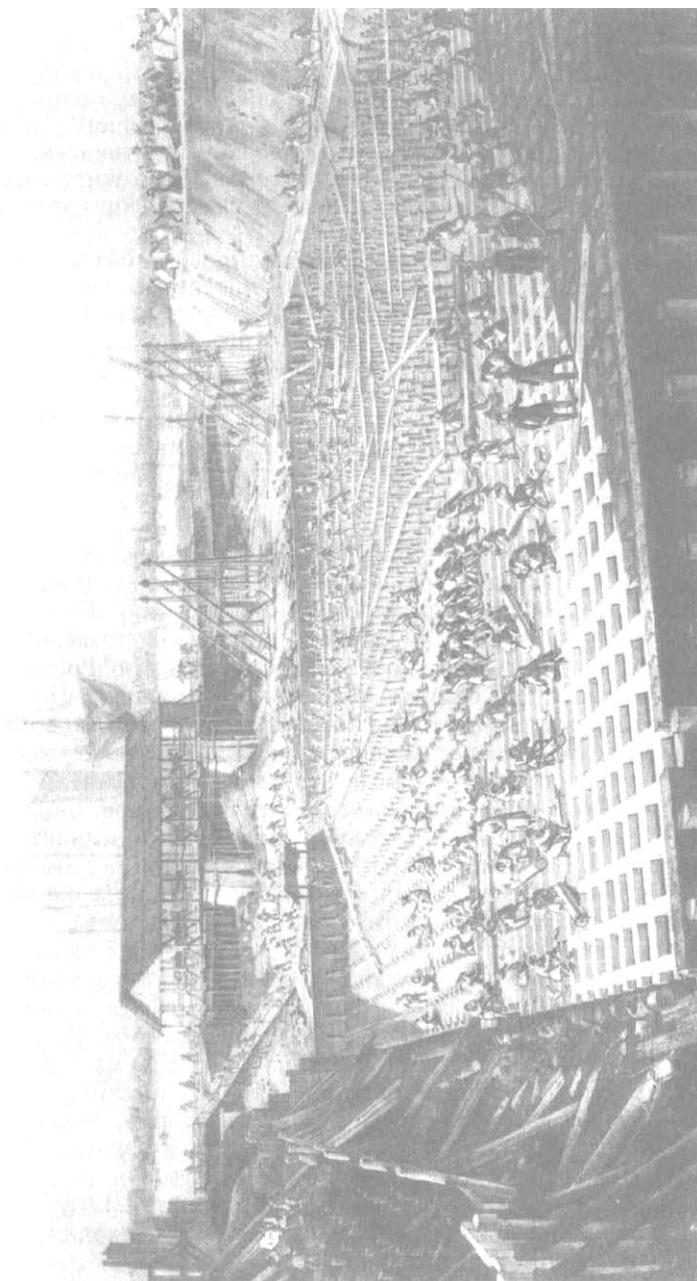

Рис. 71. Сооружение шлисельбургских шлюзов в конце XVIII в. трудом крепостных

и повысить доходность помещиков при трех условиях: 1) при одновременном уничтожении общинного, дробного и чересполосного землепользования, 2) при умении вести хозяйство рационально, при замене традиционной трехпольной системы земледелия плодосменной, 3) при наличии кредита для получения оборотного капитала, что предполагало существование развитой сети кредитных учреждений. Эти условия отсутствовали, и поэтому отмена частного крепостничества не сулила помещикам материальных выгод в ближайшее время после эмансипации.¹⁴⁸ Вот почему они в массе своей имели серьезные сомнения относительно экономической целесообразности немедленного освобождения, хотя мало кто сомневался в моральной и социальной необходимости отмены крепостничества. Пореформенное развитие сельского хозяйства это подтвердило: успешно хозяйствовать смогли весьма немногие помещики.

С другой стороны, экспериментаторы не приняли в расчет огромные психологические нагрузки управляющих в барщинном хозяйстве, так как свои доходы помещикам приходилось буквально выколачивать из крестьян с помощью строгого контроля и жестоких наказаний. Приблизительное представление об этом могут дать данные о наказаниях помещичьих крестьян за разные проступки. Имеются подсчеты нормы наказаний в одном барщинном имении Гагариных (данные за 1819—1858 гг., среднее число крепостных мужского пола в имении 640) и в одном оброчном имении Шереметьевых (данные за 1790—1809 гг., среднее число крепостных мужского пола в имении 4334). В барщинном имении в течение года получали телесные наказания около 25% взрослых крестьян мужского пола; в оброчном имении — 0.3% крепостных,¹⁴⁹ т. е. оброчные крестьяне наказывались в 83 раза реже, чем барщинные. Но в оброчном имении чаще наказывались одни и те же крестьяне. Поэтому с точки зрения общего числа наказаний в барщинном имении крестьяне наказывались в 25 раз чаще, чем в оброчном. Случалось, что наказания заканчивались для крестьян летальным исходом. По неполным сведениям III Отделения, в 1858 г. зафиксировано 46 случаев смертельного наказания и 16 случаев мертворожденных младенцев, вызванных жестоким наказанием женщин; в 1859 г. — соответственно 55 и 17, в 1860 г. — 65 и 22.¹⁵⁰ Таков диапазон насилия. Высший уровень насилия, вероятно, и обеспечивал высший уровень дохода: как упоминалось, в барщинных имениях доход был в среднем в 2 раза выше. На рабовладельческих плантациях США в 1840-е гг. телесным наказаниям подвергались от 70 до 100% рабов ежегодно.¹⁵¹ Даже принимая во внимание, что наказания рабов были более мягкими, приходится признать: на американских плантациях уровень насилия был выше, чем в русских барщинных имениях. Вероятно, поэтому плантации были доходнее. Однако отсюда не следует, что доход рос автоматически вместе с увеличением насилия. Скорее, здесь действовал закон падающей производительности насилия: дополнительный прирост насилия приносил меньшие дивиденды.

Проявлять подобную жестокость по отношению к крестьянам ради получения большого дохода было всегда нелегким делом, а со временем становилось еще труднее из-за роста крестьянского самосознания, развития чувства личности и усиления крестьянского протеста. Когда принуждение превосходило допустимые, по понятиям крестьян, пределы, они жаловались на помещиков и их управляющих за злоупотребления властью в органы коронной администрации,¹⁵² бунтовали и нередко убивали помещиков. Практически *на каждого помещика хотя бы раз в его жизни нападали крестьяне.*¹⁵³ Статистика крестьянского движения ясно показывает, что в течение XVIII—первой половины XIX в. крестьяне все чаще протестовали против злоупотребления властью со стороны крепостников. В 1796—1800 гг. в среднем в год происходило 39 крестьянских волнений, а в 1851—1856 гг. — 88, т. е. в 2.3 раза больше.¹⁵⁴ Бунтовали главным образом помещичьи крестьяне, и их

Рис. 72. Екатерина II присутствует при перевозке гром-камня — постамент для памятника Петру I в С.-Петербурге. 20 января 1770 г.

лозунгом было освободиться не вообще от крепостничества, а лишь от помещичьей власти и стать казенными или удельными крестьянами.¹⁵⁵ Видный чиновник Тайной полиции писал Николаю I о настроениях помещичьих крепостных: «Среди этого класса встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем можно было бы предположить. <...> Они хорошо знают, что во всей России только русские крестьяне находятся в состоянии рабства; все остальные — финны, татары, латыши, мордва, чуваша и т. д. свободны».¹⁵⁶ Кроме того, усиление нажима на крестьянство требовало роста административного аппарата, что увеличивало издержки производства.¹⁵⁷ Возникал своего рода замкнутый круг, общий для всякой экономики, основанной на принудительном труде: больше насилия — больше сопротивления.¹⁵⁸

Не менее существенно, что по мере общего смягчения нравов в обществе, повышения образовательного и культурного уровня помещиков, пробуждения самосознания у крестьянства жестокость, по мнению наиболее просвещенной части общества, становилась безнравственной.¹⁵⁹ В ее глазах и само крепостничество являлось моральным скандалом и социальным анахронизмом. Не все дворяне могли выдерживать противоречие между европейским воспитанием и необходимостью действовать по правилам, диктуемым суровой реальностью крепостничества. «Человек (имеется в виду образованный дворянин. — *Б. М.*) эпохи Пушкина и Вяземского в своем бытовом поведении легко перемещался из области прозы в сферу поэзии и обратно, — отмечал Ю. М. Лотман. — При этом, подобно тому, как в литературе „считалась“ только поэзия, прозаическая форма поведения как бы вычиталась при оценке человека, ее как бы не существовало». Такая раздвоенность позволяла ему сочетать любовь к свободе с владением крепостными. Но в 1850-е гг. «принципиальная двойственность» уступила место цельности, и комфортное в психологическом смысле существование образованного дворянина-помещика стало невозможным без освобождения крестьян.¹⁶⁰ Церковь негативно относилась к частновладельческому крепостному праву, и особенно к его злоупотреблениям, и боролась с этим злом, насколько позволяли обстоятельства.¹⁶¹ Многие помещики были уже не в состоянии долее принуждать своих крестьян работать сверх традиции, но в таком случае доходность имения начинала снижаться и крепостное право теряло экономический смысл. Например, П. Д. Боборыкин утверждает, что «нельзя сказать, чтобы тогдашняя барщина (1850-е гг. — *Б. М.*) подбедала хозяйство самих крестьян. Она усиливалась в рабочую пору, но если выгоняли на работу лишний раз против положения (то есть против трех-четырёх дней в неделю), то давались потом льготные дни или устраивали угощение, род помочи. <...> Дикостей крепостного произвола над крестьянами — за целых десять и более лет, особенно у отца моего (крупного тамбовского помещика. — *Б. М.*) — я положительно не видел и не хочу ничего приукрашивать в угоду известной тенденции».¹⁶²

Таким образом, крепостная система хозяйства заходила в тупик не из-за ее малой доходности, а по причине невозможности сохранения прежнего уровня насилия, тем более его усиления, без чего система переставала быть эффективной. «Не станем жалеть об утрате права, которое день ото дня становится нам все более и более тягостным, — призывал один рязанский помещик своих товарищей. — Много ли меж нами таких, которые еще в силах пользоваться им с действительною для себя выгодой? Не от этой ли привычки к полновластию все печали и все заботы нашего времени?».¹⁶³ Как работал крестьянин на барщине без применения жестокого наказания, описал помещик А. И. Кошелев, который прославился как превосходный хозяин: «Взглянем на барщинскую работу. Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше — ему не дело делать, а день убить. Господские работы, особенно те, которые не могут быть урочными (урочная — такая работа, по исполнению которой человек становится свободным. — *Б. М.*), приводят усердного надсмотрщика или

в отчаяние или в ярость. *Наказываешь нехотя, но прибегаешь к этому средству как единственно возможному, чтобы дело вперед подвинуть* (курсив мой. — Б. М.)».¹⁶⁴ Вот где причина того, что некоторые наиболее просвещенные помещики еще до отмены крепостного права отпускали крестьян на свободу за умеренный выкуп, переводили крепостных в обязанные крестьяне (личная свобода и фиксированная рента), предлагали правительству разные проекты отмены крепостного права.¹⁶⁵ Кошелеву, осознавшему тупик крепостного хозяйства ранее других, принадлежал проект освобождения крестьянства, поданный министру внутренних дел в 1847 г., где он указал: «При теперешних наших обстоятельствах нельзя и думать о существенных переменах и улучшениях в хозяйстве. Барщинская работа есть всегдашний камень преткновения для всех наших усилий по сему предмету. С другой стороны, крестьяне так убеждены в вспомоществовании со стороны помещика, что собственными работами занимаются они еще хуже, чем господскими. Одно средство выйти из сего ложного положения заключается в том, чтобы нам совершенно выделить свою собственность, а в крестьянах возбудить деятельность выгодами труда собственно для них самих».¹⁶⁶

Екатерина II и Александр I, не сочувствовавшие крепостному праву, не отменяли его из-за оппозиции влиятельных придворных кругов и дворянства. Николай I боялся отменить крепостное право из-за непредсказуемости последствий этого шага, хотя и завещал своему сыну отменить его. Александр II сделал решительный шаг не в последнюю очередь потому, что у помещиков, две трети которых все еще не желали расставаться с крепостным правом, уже не было морального и юридического права защищать устаревший институт, превратившийся в позор России. Они даже не мечтали о дворцовом перевороте, а лишь хлопотали о предпочтительных для них условиях отмены крепостничества. Время для отмены частновладельческого крепостного права наступило в конце 1850-х гг., когда общественное мнение склонилось к мысли о несовместимости крепостного права с духом времени. *«Подобный порядок вещей не мог быть нормальным при настоящем уровне общего образования и складе понятий* (курсив мой. — Б. М.), — правильно отметил наблюдательный современник, — вот почему так легок был успех уничтожения крепостного права».¹⁶⁷

Важной причиной отмены крепостного права служила также некоторая коммерциализация, или товарищизация, крестьянского хозяйства, которая развивала в крестьянине чувство собственности, самостоятельности, открывала ему ценность денег, прививала любовь к экономической свободе.¹⁶⁸ «За деньги русский мужик готов перехитрить англичанина, — заметил известный помещик-предприниматель А. И. Жуков, — а на барщине тот же человек делается неповоротливым медведем».¹⁶⁹ Схожий эффект оказывали на крестьян отходничество, город, фабрика.

Таким образом, частное крепостное право было отменено благодаря отрицательному отношению к нему со стороны верховной власти, церкви и прогрессивной части общества, смягчению нравов, повышению образовательного и культурного уровня населения, пробуждению самосознания у крестьянства и его настойчивой борьбе за свое освобождение, коммерциализации экономики.

ПЕРЕЖИТКИ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

Русское крестьянство после отмены частновладельческого крепостничества долго еще оставалось в тисках его пережитков, а также государственного и корпоративного крепостничества, которое сковывало инициативу крестьян, затрудняло их социальную и географическую мобильность, тормозило проникновение в деревню буржуазных отношений. Неполный харак-

тер раскрепощения имел следствием частичную ликвидацию крепостничества. Используя нужду крестьян в земле, их прикрепленность к общине, аграрное перенаселение, налоговый гнет и сохранившиеся возможности внеэкономического принуждения, помещики до некоторой степени реставрировали дореформенные порядки в виде отработочной системы. Напомню, что суть отработочной системы состояла в том, что помещичья земля обрабатывалась трудом и инвентарем освобожденных крестьян за арендованную землю, ссуду хлебом или деньгами, за лесные материалы и т. д. При *издольщине* крестьяне платили помещику за аренду земли определенной договором долей урожая, при *испольщине* — половиной урожая. Вплоть до 1917 г. в целом по стране преобладала отработочная и кабально-арендная система обработки помещичьих земель, а в собственно великорусских губерниях она господствовала, хотя небольшую часть своей земли помещики обрабатывали наемным трудом и собственным инвентарем. Естественно, что русское крестьянство было глубоко вовлечено в эту полукрепостническую систему и его собственное хозяйство также являлось полукрепостническим. На этом фоне в виде довольно редкого исключения существовали культурно-капиталистические частновладельческие, преимущественно помещичьи, хозяйства, использовавшие вольнонаемный труд и передовую агротехнику.¹⁷⁰

В чем причины длительного существования пережитков крепостного права? Как всякое важное социально-экономическое явление, пережитки крепостничества обуславливались взаимодействием нескольких факторов. **Крепостнические отношения были ликвидированы сверху, а не в силу своего внутреннего разложения;** в экономическом смысле они не достигли своего предела. Вследствие этого крестьянство и помещики в массе своей не имели опыта и не были готовы хозяйствовать по-новому, в условиях свободной рыночной экономики. Например, Юрьевское общество сельского хозяйства специально обсуждало этот вопрос в 1860 г. и пришло к выводу, что большая часть помещиков мало знакома с организацией хозяйства при наемном труде.¹⁷¹ Аналогичное заключение сделала правительственная комиссия, возглавляемая Валуевым, в 1870-е гг. По ее мнению, переходу владельческих имений к вольнонаемному труду мешали две причины: недостаток капитала, знаний и опыта у помещиков и «леность, недобросовестность, своеволие рабочих (из крестьян. — Б. М.) и непрочность заключаемых с ними договоров».¹⁷² В стране отсутствовали достаточные объективные условия для организации капиталистических и фермерских хозяйств: существовал дефицит капитала, отсутствовал рынок свободной рабочей силы и земли, поскольку до 1907 г. запрещалась свободная мобилизация крестьянской земли.

В странах Центральной и Восточной Европы отмена крепостного права проходила в два этапа. На первом этапе крепостнические отношения ограничивались, регламентировались, ставились в рамки закона и только спустя 150—200 лет полностью отменялись.¹⁷³ Благодаря существованию переходного периода помещики и крестьяне имели возможность постепенно перестроиться и подготовиться к полной экономической свободе, соответственно и экономика страны постепенно перестраивалась. Реформа в России не предусмотрела переходного периода, но ни одна экономическая система не может моментально перейти в другое состояние. Поэтому сама российская реальность устроила переходный период и, естественно, заполнила его крепостническими пережитками.

Нельзя не принять во внимание, что условия отмены крепостного права были тяжелыми как для помещиков, так и для крестьян. Помещики получили всего около 80% от капитализированной ренты, причем большую часть суммы — в кредитных бумагах, немедленная продажа которых приносила 10—20% убытка от их номинальной цены. Российские крестьяне освобождались на более тяжелых условиях, чем, например, крепостные в Пруссии и Австрии: они потеряли до 20% земли, находившейся в их пользовании до

отмены крепостного права, и, что еще более существенно, выкупали не только землю по ценам на 25% выше рыночных (в 1861 г. крестьянские наделенные земли по рыночной оценке стоили 647,8 млн р., а выкупная оценка составила 866,6 млн р.), но и свою свободу. Это доказывается тем фактом, что в более выигрышном положении, вопреки всем ожиданиям, оказались крестьяне-дарственники, решившиеся на рискованный шаг — освободиться сразу от крепостного права и его пережитков ценою потери 3/4 надела, установленного для данной местности. Оказалось, что они в конечном счете выиграли, так как не выкупали свободу и получили бесплатно 1/4 надела земли, в результате чего каждая десятина земли, которую они покупали после эмансипации, обошлась им дешевле по сравнению с той землей, которую выкупали крестьяне, получившие свободу на общем основании. Нехватка земли имела положительное последствие: дарственники с самого начала были вынуждены ориентироваться на более выгодные неземледельческие занятия и проявлять экономическую и социальную самостоятельность. Вследствие этого процессы социально-экономической дифференциации, разрушения общинного уклада и развития предпринимательских черт происходили у них быстрее, чем у других категорий крестьян. В итоге в начале XX в. дарственники находились в лучшем положении, чем крестьяне, выкупавшие землю, и, возможно, поэтому идея «черного передела» не нашла у них широкой поддержки. Очевидно, что крестьяне-дарственники, как и процветавшие в пореформенное время помещики, представляли собой наиболее активные в социальном, психологическом и экономическом отношениях слои бывших крепостных и помещиков.¹⁷⁴

Сохранению крепостнических пережитков в деревне способствовало и то, что наделенная земля не была признана частной собственностью крестьян и до 1907 г. была по закону исключена из рыночного оборота. Не только в народном сознании, но также и в сознании интеллигенции, в общественной и политической мысли России вплоть до 1917 г. доминировало отрицательное отношение к частной собственности на землю. Лишь после революции 1905—1907 гг. правые партии, октябристы и правительство, защищавшие поместное землевладение, стали твердо придерживаться принципа священности и неприкосновенности всякой частной собственности, в том числе на землю; кадеты допускали конфискацию помещичьей земли «по справедливой (не рыночной) оценке».¹⁷⁵ **В Манифесте от 17 октября 1905 г. среди дарованных гражданских свобод** мы находим неприкосновенность личности, свободу слова, собраний и союзов, Государственную думу с законодательными полномочиями, но там **не нашлось места для частной собственности**.¹⁷⁶ И вряд ли это было случайностью. В отличие от западноевропейской традиции, преобладающей массе населения, либеральным и социалистическим партиям частная собственность не казалась атрибутом гражданских прав. Дальнейший опыт социального и государственного строительства в России показал ошибочность такой точки зрения. Свобода личности обеспечивается всей совокупностью гражданских прав, включая и право на обладание любым движимым и недвижимым имуществом.

Таким образом, вследствие субъективной неготовности деревни перейти на рельсы рыночной экономики и отсутствия объективных условий для этого многие крепостнические элементы дореформенного порядка в деревне после 1861 г. оказались очень живучими. П. Б. Струве совершенно правильно это понял: «Пореформенный аграрный строй черноземного центра, представляя собой крайне цепкое переживание крепостного хозяйства, может быть выведенным из последнего со всеми своими отсталыми экономическими и общественными формами».¹⁷⁷ Вследствие этого между русским дореформенным и пореформенным сельским хозяйством существовала преемственность. Как до, так и после реформ 1861 г. помещичье хозяйство оставалось денежно-хозяйственным клином, глубоко вбитым в натурально-

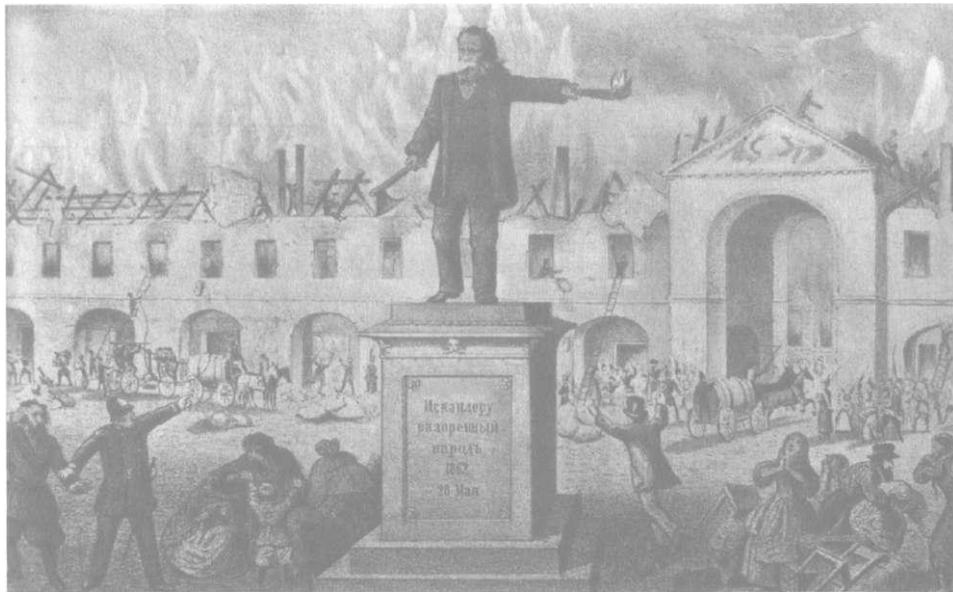

Рис. 73. Карикатура: Памятник А. И. Герцену «Искандеру. Разоренный народ. 28 мая 1862»

хозяйственное тело страны. Однако система пореформенного хозяйства не была простой регенерацией дореформенных порядков. Несмотря на тяжелый удар, лучшие помещичьи хозяйства оправились, стали приспосабливаться к изменившимся условиям и обнаружили в своей последующей аграрной эволюции признаки прогресса. В крестьянских хозяйствах также наблюдались позитивные изменения: улучшение агротехники, применение машин, рост урожайности.¹⁷⁸ Пореформенная деревня активнее дореформенной использовала рыночный механизм, о чем свидетельствует рост товарности сельского хозяйства: в середине XIX в. товарный хлеб в России составлял около 17%, в 1913 г. — около 36% чистого сбора.¹⁷⁹

Некоторые исследователи указывают на ряд, по их мнению, «ненормальных» для рыночной экономики явлений пореформенного аграрного развития: опережающий рост, иногда шестикратный, земельных цен сравнительно с доходностью земли; опережающее увеличение арендной платы за землю по сравнению с ценами земли, приведшее в начале XX в. к «ненормальному» соотношению цен на землю и арендных цен; колоссальная величина арендной платы, доходившая до 40% валового продукта. Они полагают, что в политико-экономическом смысле эти явления противоречат законам товарного производства. Но все перечисленные явления вполне соответствуют рыночной экономике, так как порождены законом спроса и предложения. Земельные цены опережали доходность земледелия потому, что рост спроса на покупную землю со стороны крестьян опережал рост ее предложения со стороны помещиков; арендная плата опережала земельные цены потому, что рост спроса на арендную землю со стороны крестьян опережал рост ее предложения со стороны помещиков. Все эти «ненормальности» создавал именно рынок, разумеется, при активном участии помещиков, которым все это было чрезвычайно выгодно, и крестьян, которые в преобладающем большинстве придерживались не капиталистической, а потребительской мотивации хозяйственной деятельности, которую А. В. Чаянов определил как «рабочий

Рис. 74. Извозчики. С.-Петербург. 1899 г.

на сдельщине, позволяющей ему определять время и напряжение своей работы».¹⁸⁰

Крестьянство с этим мирилось, потому что у него не было иного выхода. С 1861 г. быстрыми темпами развивалось аграрное перенаселение. Ни город, ни промышленность, ни переселения в Сибирь не могли поглотить огромного естественного прироста сельского населения, вследствие которого его численность за 1861—1910 гг., по некоторым оценкам, увеличилась на 87%. В результате к 1901 г. избыток рабочей силы в деревне достиг 23 млн, к 1914 г. — 32 млн, что составило 52% и 56% от всего наличного числа работников в деревне.¹⁸¹ А такой простой выход из тяжелого положения, как радикальное сокращение рождаемости с помощью контрацепции, абортов или безбрачия, противоречил религиозному мировоззрению российского крестьянина. Возможно, он предпочитал бороться с перенаселением с помощью увеличения числа праздничных дней, однако в конечном счете это проблемы не решало. Кроме того, общинная форма собственности на землю объективно способствовала быстрому росту населения, так как каждый новый работник автоматически обеспечивался землей.¹⁸² Лишние руки и рты создавали огромный спрос на землю и еще больше — на ее аренду (у крестьянина не было средств на покупку земли, но без ее аренды он обойтись не мог), что и породило так называемые ненормальности. Как известно, во время неурожая хлебные цены под влиянием неудовлетворенного спроса повышаются во много раз, нисколько не сообразуясь с издержками производства хлеба, что, однако, являлось не нарушением законов рыночной экономики, а, наоборот, подтверждением их действия. Аналогичное наблюдалось с арендной платой и ценой на землю.

ИТОГИ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ

В начале XVIII в. все население России было закрепощено, причем в большинстве случаев на двух или трех уровнях: духовенство — государством и епископами, посадские — государством и посадской общиной, государственные крестьяне — казной и сельской общиной, помещичьи крестьяне — казной, сельской общиной и помещиком, дворянство — государством. Крепостное право охватывало все общество снизу доверху, от крестьянской избы до императорского дворца, оно пронизывало все государственные институты. Как заметил один современник, «весь строй жизни был проникнут крепостными отношениями: крепостными были чиновники в отношении своего начальства, само начальство — в отношении низшего к высшему, крепостное было духовенство, крепостное было купечество, был взят в крепость суд, царила она в армии и в школе. Вся жизнь, все человеческие отношения были проникнуты крепостью, все было чему-нибудь крепко. Поэтому естественно, что крестьяне настолько же были крепостными своих помещиков, насколько последние были крепостными всего государства».¹⁸³ К счастью, разные формы крепостничества или, конкретно говоря, разные субъекты крепостнических отношений конкурировали друг с другом за власть, иногда даже парализуя и ослабляя друг друга. Например, помещики — субъекты частного крепостничества — конкурировали с государством — субъектом казенного крепостничества — за власть над крестьянами и крепостной труд; общины — субъекты корпоративного крепостничества — боролись с помещиками и государством; играя на их противоречиях, общинам удавалось отстаивать интересы крестьян. Кроме того, государственное крепостничество до некоторой степени уравновешивалось институтами сельского, городского и дворянского самоуправления.

Крепостное право было не просто одним из институтов русского государства, оно, особенно до 1860-х гг., являлось средой, в которой проходила жизнь каждого члена общества. Оно способствовало формированию командной экономики, политического абсолютизма, авторитарных отношений в обществе и семье. Крепостничество сдерживало развитие городов, буржуазии, частной собственности, личных и политических свобод, оно затрудняло социальные перемещения и переселения, развращало общественную психологию народа всеобщим похолоплением, воспитывало некоторые отрицательные черты в русском национальном характере.¹⁸⁴

Крепостничество возникло спонтанно, развивалось во многом стихийно и являлось органичной и необходимой составляющей российской действительности. С одной стороны, оно являлось результатом слабого развития индивидуализма, оборотной стороной широты русской природы и народного понимания свободы. Мы имеем множество свидетельств современников, которые никак нельзя игнорировать или списывать на счет пристрастности очевидцев, о том, что простой русский человек — крестьянин или горожанин — нуждался в надзоре, что он был склонен к спонтанности поведения из-за недостатка самоконтроля и дисциплины, что у него не доставало индивидуализма и расчётливости в поведении.¹⁸⁵ Эти свидетельства часто исходили от просвещенных и гуманных людей, таких как В. Н. Татищев,¹⁸⁶ А. Т. Болотов,¹⁸⁷ И. В. Лопухин, М. А. Дмитриев.¹⁸⁸ С другой стороны, крепостничество являлось реакцией на экономическую отсталость, по-своему рациональным ответом России на вызов среды и трудных обстоятельств, в которых проходила жизнь народа. Крепостное право использовалось государством как средство для решения насущных проблем — имеются в виду оборона, финансы, удержание населения в местах постоянного жительства, поддержание общественного порядка.

С 1762 г. одно за другим сословия стали освобождаться от разных видов крепостного права. В результате оно было постепенно упразднено сверху, по закону, как и должно быть в правомерном государстве. Однако падение крепостного права было делом не только государства, но и всего русского общества. Наибольшее значение для смягчения и отмены крепостного права имели требования предоставления свободы со стороны всех сословий, утверждение частной собственности, влияние европейских порядков, а также объективные политические, военные, экономические и культурные потребности общества и государства.¹⁸⁹ Один из главных правительственных деятелей, осуществлявших отмену крепостного права, Н. А. Милютин считал, что крепостнические отношения стали «невыгодны для успехов народного хозяйства, вредны для упрочнения народной нравственности и не совместимы с благоустройством государственным».¹⁹⁰ Импульсы к смягчению и отмене крепостного права, как правило, исходили от самого закрепощенного населения. Все — от крестьянства до дворянства — боролись за свое освобождение всеми доступными им средствами. Но люди боролись не за всеобщую свободу, а за сословные права и привилегии, поэтому разные состояния получали эти права в разное время, сильнее из них получали свободу раньше, а слабые — позже. Самый сильный удар по крепостничеству был нанесен реформами в 1860-х гг.: именно тогда крестьянство освободилось от частного, а городское сословие от государственного и корпоративного крепостничества. И это было не случайно: к середине XIX в. для верховной власти и всех мыслящих людей России стало очевидно, что Россия остро нуждается в проведении промышленной революции, в просвещении народа, которое находилось на уровне западноевропейских стран XVII в., в реформировании политической и правовой систем. Было также очевидно, что освобождение крестьян от власти помещика должно предшествовать другим реформам.¹⁹¹ К 1861 г. Россия оставалась единственной великой державой, где в полной силе сохранялось крепостное право для большинства населения страны.

Таким образом, не исчерпав всех экономических возможностей крепостного права и не доводя его до состояния внутреннего разложения, верховная власть под воздействием требований прогрессивной общественности и самого крестьянства, а также в силу государственной потребности в модернизации и более глубоком усвоении европейских культурных, политических и социально-культурных стандартов в 1860-е гг. наносит решительный удар по всему институту крепостничества. Великие реформы по своему смыслу и содержанию подвели итоги прошлому и настоящему, извлекли уроки из опыта Австрии, Пруссии и других германских государств и создали возможность для постепенной трансформации страны в правовое государство с рыночной экономикой.

Под влиянием ряда факторов в пореформенной деревне сохранилось много пережитков крепостного права. Их изживание в общих чертах завершилось только к 1907 г., вместе с прекращением выкупных платежей, отменой подушной подати и круговой поруки. Корпоративное крепостное право сильно ослабело, но оставалось еще достаточно прочным до 1917 г. В течение всего пореформенного периода не только промышленный, но и аграрный сектор экономики России функционировал на основе рыночного механизма, роль которого в регулировании экономической жизни непрерывно возрастала. Однако многочисленные крепостнические пережитки, потребительская природа крестьянских хозяйств, существование передельной общины, отсутствие нормального рынка рабочей силы и земли не позволяют говорить об утверждении капитализма в русской деревне к 1917 г. И, поскольку аграрный сектор оставался доминирующим, экономику России начала XX в. правильнее считать рыночной экономикой предкапиталистического, или переходного, типа. Отсюда следует, что **в России к 1917 г. еще**

не завершился переход к рыночной экономике, хотя рынок как регулятор экономических отношений в основном вытеснил внеэкономическое принуждение.

Пережитки крепостничества в общественном сознании, в социальных и экономических отношениях оказались столь живучими и глубокими, что, опираясь на них, большевикам удалось реставрировать некоторые черты старой командной социально-экономической системы, а при Сталине довести ее до такого беспредела, который и не снился крепостникам XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Свою точку зрения по вопросу крепостного права я имел возможность высказать в публичном докладе в СПб. ФИРИ РАН в 1993 г., на международной конференции в Манчестере в 1994 г. (*Mironov B. N. When and Why was the Russian Peasantry Emancipated?* // *Bush M. (ed.). Serfdom and Slavery. London; New York: Longman, 1996. P. 323—347*) и на «круглом столе» С.-Петербургского научного общества историков и архивистов в 1995 г. (Крепостное право в России: Материалы дискуссии // *Шепелев Л. Е. (ред.). Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С. 6—18*).

² См., например: *Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1: Население, экономический, государственный и сословный строй. М., 1918. С. 219—287*.

³ *Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). Л., 1987. С. 223—233; Каушанов С. М. К историографии крепостного права в России // Нечкина М. В. (ред.). История и историки. Историографический ежегодник. 1971. М., 1974. С. 126—141.*

⁴ *Зайончковский П. А. Советская историография реформы 1861 года // ВИ. 1961. № 2. С. 85—104; Крутиков В. И. Советская историография кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства в России // Колесников П. А. (ред.). Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 2. С. 3—21; Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856—1861. М., 1984. С. 3—16. Обзор зарубежной литературы по проблеме крепостного права см.: *Scheibert P. Die Russische Agrarreform von 1861: Ihre Probleme und der stand ihrer Erforschung. Köln; Wien: Bühlau, 1973; Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1971. P. 1—20.**

⁵ *Hellie R. Enserfment and Military Change... P. 1—20; Riazanovsky N. V. A History of Russia. Forth edition. New York, Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 185—187; Kolchin P. Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. P. 17—31.*

⁶ *Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961. P. 612—618; Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization: Russia, 1861—1917 // Habakkuk H. J., Postan N. (eds.). Cambridge Economic History of Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. Vol. 6. Part 2. P. 703—800; Rieber A. J. The*

Politics of Autocracy. The Hague; Paris: Mouton, 1966. P. 15—58; Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855—1861. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976. P. 96—101; Kolchin P. Unfree Labor... P. 359—369.

⁷ Доклады и приговоры Правительствующего Сената. СПб., 1880. Т. 1. С. 175—176.

⁸ *Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 373, 451.*

⁹ *Богословский М. М. Введение подушной подати и крепостное право // Дживелегов А. К. и др. (ред.). Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 1. С. 56.*

¹⁰ См., например: Доклады и приговоры Правительствующего Сената. Т. 1. С. 175—176.

¹¹ *Романович-Славянский А. Дворянство в России от начала XVIII столетия до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 147. См. также: Павлов-Сильванский Н. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. С. 253—255, 270—294.*

¹² *Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи. СПб., 1909. С. 164—165.*

¹³ *Верховской П. В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX столетии. Варшава, 1912. Вып. 1; Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 354—403; Freeze G. L. The Russian Levities. Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1977. P. 13—45. В литературе бытует утверждение о том, что Петр I обязал священников доносить о противоправительственных замыслах и деяниях, открытых им на исповеди (*Смирнов Н. А. (ред.). Церковь в истории России (IX в.—1917 г.): Критические очерки. М., 1967. С. 167, 181—182*). Указы требовали доносить о нераскаявшихся в намерениях (ПСЗ-1. Т. 6. № 4012, от*

17 мая 1722 г.). Такая постановка вопроса сводила на нет обязанность, потому что на исповеди могла речь идти только о раскаянии, а те, кто не оставил намерения, говорить об этом священнику на исповеди не станут. Поэтому не зафиксировано ни одного случая доноса священника на своего прихожанина, открывшегося ему на исповеди.

¹⁴ Freeze G. L. The Russian Levities. P. 46.

¹⁵ Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 170—248.

¹⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1962. Кн. 7. С. 86.

¹⁷ См., например: *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. М., 1970. С. 5—11, 301—304; *Каишанов С. М.* К историографии крепостного права в России. С. 126—141.

¹⁸ П. Г. О паспортах // ОЗ. 1860. Т. 129. Апрель. С. 393—426; *Blum J.* Lord and Peasant... P. 386—474.

¹⁹ *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России... С. 309—310.

²⁰ В литературе существует либо преуменьшение (чаще всего), либо преувеличение позитивной роли помещика в жизни крестьянства. Пример первого рода: *Повалишин А.* Рязанские помещики и их крепостные: Очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии. Рязань, 1903; пример второго рода: *Ладыженский Е.* Русский помещик // Труды ВЭО. 1856. Т. 2. № 4. С. 67—74.

²¹ *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 207—208.

Крутиков В. И. Законодательство о помещичьих крестьянах дореформенного времени (1801—1860 гг.) // *Пацуто В. Т.* (ред.). Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д., 1980. С. 112—120.

²³ *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 206.

Гуляев П. Систематическое собрание существующих прав и обязанностей управления казенными крестьянами. М., 1825.

²⁵ *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 7.

²⁶ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1900. С. 255.

²⁷ ПСЗ-1. Т. 7. № 4536. С. 329; *Кафенгауз Б. Б., Павленко Н. И.* (ред.). Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 162. См. также: *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946. Т. 1. С. 23—34; *Crisp O.* Studies in the Russian Economy before 1914. London; Basingstoke: The Macmillan Press, 1976. P. 73—95.

²⁸ РГИА, ф. 911, оп. 1, д. 6 «Сравнительный обзор положения государственных и помещичьих крестьян» (1850 г.), л. 1—30.

²⁹ Понятие «корпоративное крепостничество» до сих пор не использовалось в литературе. Однако исследователи XIX—начала XX в. говорили об «общинной неволе», имея в виду зависимость крестьянина от сельской общины. М. Вебер прямо отождествлял власть помещика над

крепостным с властью общины над крестьянином и считал, что после упразднения крепостничества крестьянин остался «рабом своей общины», как раньше был рабом помещика. *Вебер М.* Исторический очерк освободительного движения в России. Киев, 1906. С. 85. См. также: *Dewey H. W., Kleimola A. M.* Suretyship and Collective Responsibility in Pre-Petrine Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1970. Bd 18. Hf. 3.

³⁰ *Маньков А. Г.* (ред.). Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987. С. 293—308.

³¹ История уделов за столетие их существования. 1797—1897: В 3 т. СПб., 1901. Т. 2. Т. 37—41; *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 190—243; *Благовецкий Н. А.* Четвертное право. М., 1899; *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2.

³² Впрочем, некоторые исследователи отождествляют коллективную ответственность дворянских собраний XVIII—XIX вв. перед верховной властью с коллективной ответственностью крестьянской общины перед коронной администрацией: *Jones R. E.* The Emancipation of the Russian Nobility: 1762—1785. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1973. P. 229—239, 283—286. Но с этим трудно согласиться.

³³ Понятие «государственное крепостное право» ввел в употребление в 1855 г. известный русский историк права К. Д. Кавелин: *Кавелин К. Д.* Государственное крепостное право в России // *Голоса из России: Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева.* М., 1974. Кн. 3. С. 114—144.

³⁴ *Татищев В. Н.* Избр. произведения. Л., 1979. С. 121—122.

³⁵ *Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. М., 1968. Т. 7. С. 315.

³⁶ Сами же имения стали постепенно переходить в руки дворянства: только за 1701—1711 г. царь раздал 10 тыс. крестьянских дворов: *Смирнов Н. А.* (ред.). Церковь в истории России (IX в.—1917 г.). С. 163—166.

³⁷ ПСЗ-1. Т. 5. № 3287. 22 января 1719 г.

³⁸ *Семевский М. И.* Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс, 1692—1724: Очерк из русской истории XVIII века. СПб., 1884. С. 157—158.

³⁹ *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время: Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. СПб., 1882. Т. 2. С. 304.

⁴⁰ *Бруин К.* Путешествие в Московию // *Лимонов Ю. А.* (ред.). Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 95.

⁴¹ *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 211.

⁴² *Кавелин К. Д.* Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1897. Т. 1. Стб. 631—632.

⁴³ *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира: (На материале русской грамматики). М., 1997; *Вержбицкая А.*

- Язык. Культура. Познавание. М., 1996; *Костомаров Н. И.* Стенька Разин // *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее важнейших деятелей. М., 1991. С. 573—87; *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888. Т. 1. С. 179; *Рахматуллин М. А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг. М., 1990. С. 227, 228. *Смирнов И. И. и др.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1966. С. 144—147, 202, 227—228, 257—266; *Шмелев А. Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Рус. язык в школе. 1996. № 4. С. 83—90.
- ⁴⁴ *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature. 1861—1917. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985. P. 171—74, 189—91, 195—200.
- ⁴⁵ [Болотов А. Т.]. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986. С. 618—622.
- ⁴⁶ *Романович-Славянский А.* Дворянство в России... С. 308.
- ⁴⁷ *Повалишин А.* Рязанские помещики... С. 105.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 6. С. 337.
- ⁵⁰ Домострой. М., 1990. С. 140.
- ⁵¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 257.
- ⁵² *Zelnik R. E.* The Factory Workers of St.-Petersburg, 1855—1870. Stanford: Stanford University Press, 1971. P. 30.
- ⁵³ *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. Т. 183—380; *Семевский В. И.* Казенные крестьяне при Екатерине II (Половники) // РС. 1879. Т. 24.
- ⁵⁴ *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 1.
- ⁵⁵ ПСЗ-1. Т. 18. № 12966. С. 335.
- ⁵⁶ *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 206—231; *Маньков А. Г.* (ред.). Соборное Уложение 1649 года. С. 191—192.
- ⁵⁷ *Александров В. А.* Сельская община в России (XVII—начало XIX в.). М., 1976. С. 315—316; *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII—первой половине XIX века. Л., 1981. С. 185—209.
- ⁵⁸ *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 178.
- ⁵⁹ *Ананьич Б. В.* (ред.). Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 711.
- ⁶⁰ *Мыльников А. С.* Легенда о русском принце. Л., 1987. С. 110—122; *Jones R. E.* The Emancipation of the Russian Nobility. P. 240—265, 273—299; *Leonard C. S.* Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1994.
- ⁶¹ *Чистяков О. И.* (ред.). Российское законодательство X—XX веков: В 8 т. М., 1987. Т. 5. С. 29.
- ⁶² [Дашкова Е. П.] Записки княгини Е. Р. Дашковой. М., 1990. С. 472.
- Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 145.
- [Дашкова Е. П.] Записки княгини Е. Р. Дашковой. С. 480.
- Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 43; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 59.
- ⁶⁶ *Печерин В. С.* Замогильные записки (Arologia pro vita mea) // *Федосов И. А.* (ред.). Русское общество 30-х годов XIX в.: Мемуары современников. М., 1989. С. 163.
- ⁶⁷ Там же. С. 175—76, 161.
- ⁶⁸ *Габаев Г. С.* Солдаты-участники заговора и восстания декабристов // Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2. С. 357—364.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 7. С. 571—572.
- ⁷⁰ *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII—начале XVIII века. М., 1977. С. 94.
- ⁷¹ *Ключевский В. О.* Подушная подать и отмена холопства в России // Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 7. С. 318—402.
- ⁷² *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 595—605.
- ⁷³ *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1918. Ч. 1. С. 231.
- ⁷⁴ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 595—605.
- ⁷⁵ *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России. М., 1984. С. 59—60.
- ⁷⁶ *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. С. 231.
- ⁷⁷ *Латкин В. Н.* 1) Проект нового Уложения, составленный законодательной комиссией, 1754—1766 гг. СПб., 1893. С. 119—135, 174—188; 2) Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887. Т. 1. С. 253—424; *Богословский М. М.* Дворянские наказания в Екатерининскую комиссию // Рус. богатство. 1897. № 6. С. 46—83; № 7. С. 136—152.
- ⁷⁸ *Freeze G. L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. P. 459—474.
- ⁷⁹ *Знаменский И.* Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880. С. 145—158, 183—184; *Знаменский П. В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. С. 460—490; *Freeze G. L.* The Russian Levities... P. 13—45.
- ⁸⁰ *Freeze G. L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. P. 156, 159.
- ⁸¹ *Ibid.* P. 298—397.
- ⁸² Петр I не был пионером в этом деле. Задолго до него Иван Грозный в конце своего царствования (около 1580 г.) взял церковные имущества под контроль государства. Но под влиянием начавшейся вскоре Смуты мера эта не удержалась в государственной практике. См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 544—545.

- ⁸³ *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII столетия. С. 134—141.
- ⁸⁴ *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 98—103, 260—61.
- ⁸⁵ *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 175—190; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 253—260.
- ⁸⁶ Приписка крестьян к промышленным заведениям началась в 1637 г., но широкое распространение получила в царствование Петра I.
- ⁸⁷ *Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1931. С. 275—281.
- ⁸⁸ *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX—начала XX в. М., 1979. С. 267—286. Несмотря на формальное запрещение, жалобы на помещиков от крестьян принимались лично Екатериной II, см.: *Бартлетт Р. П.* Некоторые правовые аспекты взаимоотношений между государством и крестьянством в России во второй половине XVIII в. // *Нерсесянц В.* (ред.). История права: Англия и Россия. М., 1990. С. 128.
- ⁸⁹ *Ануцин Е. Н.* Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827—1846 гг. // Зап. императорского РГО по отд-нию статистики. СПб., 1871. Т. 2. С. 301—305; *Опалинская М. А., Синегубов С. Н., Шевцов А. В.* (сост.). История государства Российского: Жизнеописание, XIX век, первая половина. М., 1997. С. 344.
- ⁹⁰ *Рахматуллин М. А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях... С. 179—186; РС. 1870. Т. 1. С. 448—450.
- ⁹¹ *Тимофеев А.* История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1897. С. 83—129.
- ⁹² *Герье В. И.* Второе раскрепощение: Общественные прения по Указу 9 ноября 1906 г. в Государственной думе и в Государственном совете. М., 1911. Предисловие. Советские историки с Герье были не согласны: *Дякин В. С.* (ред.). Кризис самодержавия в России, 1895—1917. Л., 1984. С. 349—374.
- ⁹³ РГИА, ф. 911, оп. 1, д. 6, л. 20—21.
- ⁹⁴ *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 628—632.
- ⁹⁵ *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 41—66; *Сергеевич В. И.* Крестьянские права и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII в. // Журнал МЮ. 1907. № 2. С. 1—30.
- ⁹⁶ *Крутиков В. И.* Советская историография кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства в России. С. 3—25; *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России... С. 3—16; *Захарова Л. Г.* (сост.). Отмена крепостного права в России: Указатель литературы (1856—1989 гг.). Томск, 1993.
- ⁹⁷ *Blum J.* Lord and Peasant... P. 612—618; *Emmons T.* The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1968. P. 34—36; *Field D.* The End of Serfdom. P. 96—101; *Gershenkron A.* Agrarian Policies and Industrialization: Russia 1861—1917. P. 706—800; *Rieber A. J.* The Politics of Autocracy. P. 15—58.
- ⁹⁸ *Максимов С. В.* Избр. произведения: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 422.
- ⁹⁹ *Dotar E. D., Machina M. J.* On the Profitability of Russian Serfdom // The Journal of Economic History. 1984. Vol. 44, No. 4. P. 919—956; *Рубинштейн Л. Н.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: Историко-экономический очерк. М., 1957. С. 47—48.
- ¹⁰⁰ Подсчитано мною по: Столетие Военного министерства, 1802—1902: В 13 т. СПб., 1902. Т. 4, ч. 1—2; *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права... С. 455; *Обручев Н. Н.* (ред.). Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. СПб., 1871. Отд. 2. С. 11—12.
- ¹⁰¹ *Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.). Л., 1985. С. 46—47.
- ¹⁰² *Mironov B. N.* Consequences of the Price Revolution in Eighteenth-Century Russia // The Economic History Review. 1992. Vol. 45, No. 3. August. P. 457—478.
- ¹⁰³ Подсчитано по данным: *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян центральной России в конце XVIII—первой половине XIX в. // ИСССР. 1966. № 4. С. 55—80; *Рындзюнский П. Г.* Об определении интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII—первой половине XIX в. // Там же. № 6. С. 44—64; *Федоров В. А.* Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII—первой половины XIX в. М., 1974. С. 231—233; *Литвак Б. Г.* Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр, 1861—1895 гг. М., 1972. С. 124—127; *Миронов Б. Н.* Хлебные цены... С. 46—47, 54—55.
- ¹⁰⁴ Подсчитано мною по: *Неупокоев В. И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII—начале XIX века. М., 1987. С. 35; *Mironov B. N.* Consequences of the Price Revolution in Eighteenth-Century Russia. P. 457—478.
- ¹⁰⁵ *Прокопович С. Н.* Аграрный вопрос в цифрах. СПб., 1907. С. 7. Сводку мнений по данному вопросу см.: *Струве П. Б.* Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913. С. 154—156; *Карпович И. О.* Хозяйственные опыты тридцатилетней практики или наставление для управления именьями. СПб., 1837. С. 294—301; *Рубинштейн Л. Н.* Сельское хозяйство России... С. 82—91; *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 60—73.
- ¹⁰⁶ *Боборыкин П. Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 243, 296—297; *Кавелин К. Д.* Собр. соч. Т. 2. С. 125. См. также: *Джанишев Гр.* Эпоха Великих реформ. 8-е изд. М., 1900. С. 23—27.
- ¹⁰⁷ *Миронов Б. Н.* Влияние крепостного права на отношение русского крестьянина к труду // *Янин В. Л.* (ред.). Советская историо-

- графья аграрной истории СССР: (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 119—127.
- ¹⁰⁸ Подсчитано мною по данным: *Нифонтов А. С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 96—97, 129.
- ¹⁰⁹ Подсчитано мною по данным: *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 50; *Неупокоев В. И.* Государственные повинности крестьян... С. 35; *Миронов Б. Н.* Хлебные цены... С. 46—47.
- ¹¹⁰ РГИА, ф. 1589 (5-е отделение Собственной его величества канцелярии), оп. 1, д. 729 «По отчетам гражданских губернаторов о состоянии государственных крестьян», 1847 г.; оп. 2, д. 144 «Об обнищании крестьян Казанской губернии», 1831 г.; ф. 911, оп. 1, д. 6, л. 20—40; *Крживоблоцкий Я.* Костромская губерния. СПб., 1861 (Материалы для географии...). С. 198; *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне... Т. 1. С. 196—206, 472—475.
- ¹¹¹ *Боборыкин П. Д.* Воспоминания. Т. 1. С. 119.
- ¹¹² *Милов Л. В.* О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. // ИЗ. 1970. Т. 85. С. 264—226; *Милов Л. В., Вдовина Л. Н.* Культура сельскохозяйственного производства // *Горский А. Д.* (ред.). Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985. Ч. 1. С. 39—147.
- ¹¹³ *Вешняков В. И.* Крестьяне-собственники в России: Историко-статистический очерк. СПб., 1858. С. 72, 74. См. также: Архив РГО, разр. 15 (Калужская губерния), оп. 1, д. 60, л. 30—36 (1850-е гг.); Архив РАН, С.-Петербургское отделение, ф. 24 (К. С. Веселовский), оп. 1, д. 2, 3; *Блаткова В. В.* «Указ о вольных хлебопашцах» 20 февраля 1803 г. // Вестник С.-Петербургского ун-та. 1994. Сер. 6. Вып. 4. № 27. С. 98—101, 112.
- ¹¹⁴ [Кошелев А. И.]. Записки А. И. Кошелева. Берлин, 1884. С. 102—105.
- ¹¹⁵ *Вешняков В. И.* Крестьяне-собственники в России. С. 73; *Анисимов В. И.* Надель // *Дживелегов А. К. и др.* (ред.). Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: В 6 т. М., 1911. Т. 6. С. 90.
- ¹¹⁶ *Порошин В. С.* Дворяне-благотворители. СПб., 1856. С. 21—46.
- ¹¹⁷ Подсчитано по данным: *Вешняков В. И.* Крестьяне-собственники в России. С. 76; Сведения о продажных ценах на землю. СПб., 1859. Вып. 1—3.
- ¹¹⁸ *Шаховской Д. И.* Выкупные платежи // *Дживелегов А. К. и др.* (ред.). Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: В 6 т. М., 1911. Т. 6. С. 116.
- ¹¹⁹ РГИА, ф. 1284 (Департамент общих дел Министерства государственных имуществ), оп. 234, д. 149, 482, 623.
- ¹²⁰ *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России... Т. 1. С. 252—281; Т. 2. С. 209—254.
- ¹²¹ *Виноградов Н.* Исторический очерк условий жизненного быта белопащцев села Коробова // Костромская старина. Кострома, 1912. Вып. 7. С. 73; *Панкратов А. С.* Потомки Ивана Сусанина. М., 1913. С. 1—47.
- ¹²² *Успенский Г. И.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 4. С. 180—191.
- ¹²³ Подсчитано по данным: Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1859, 1861. Вып. 2. С. 188; Вып. 3. С. 26—27, 108, 112—113; Вып. 4. С. 63, 84; Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян. СПб., 1857. Вып. 2. С. 20, 26, 67, 72.
- ¹²⁴ *Clark G.* Productivity Growth without Technical Change in European Agriculture before 1850 // The Journal of Economic History. 1987. Vol. 47, No. 2. P. 427—429.
- ¹²⁵ *Джонс Р.* Экономические сочинения. Л., 1937. С. 36—40, 50—64 (по расчетам автора, в первой половине XIX в. производительность труда у русских крепостных была в 3—6 раза ниже, чем у свободных европейских крестьян); *Милов Л. В.* О производительности труда... С. 266.
- ¹²⁶ См. табл. XI.1 в т. 2 наст. изд.
- ¹²⁷ *Ransom R. L., Sutch R.* One Kind of Freedom: the Economic Consequences of Emancipation. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1977. P. 233
- ¹²⁸ *Kolchin P.* Unfree Labor... P. 108, 348.
- ¹²⁹ *Clark G.* Productivity Growth... P. 419—432; Материалы Комиссии 1901 г. СПб., 1903.
4. 1. С. 176—177; Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 471.
- ¹³⁰ *Кахк Ю.* «Остзейский путь» перехода от феодализма к капитализму. Таллин, 1988. С. 89, 93, 343—344.
- ¹³¹ *Струве П. Б.* Крепостное хозяйство... С. 154—156; *Beyrat D.* Agrarstrukturung Bauernprotest: Zu den Bedingungen der russischen Bauernbefreiung von 1861 // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschafts-geschichte. Wiesbaden, 1977. Bd 64. Hf. 2.
5. 179—236; *Domar E. D., Machina M. J.* On the Profitability of Russian Serfdom. P. 919—954; *Field D.* The End of Serfdom. P. 21—35; *Melton H. E., Jr.* Serfdom and the Peasant Economy in Russia: 1780—1861. Ph. D. diss. Columbia University, 1984.
- ¹³² *Энгельгардт А. Н.* Из деревни: 12 писем. 1872—1887. М., 1937. С. 284—287.
- ¹³³ *Панарин А. Т.* Политология. М., 1998. С. 200—223.
- ¹³⁴ *Crisp O.* Studies in the Russian Economy before 1914. P. 95.
- ¹³⁵ *Mironov B. N.* Work and Rest in Peasant Economy of European Russia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *Blanchard I.* (ed.). Labour and Leisure in Historical Perspective, Thirteenth to Twentieth Centuries. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. P. 55—64. По подсчетам земских статистиков, в начале XX в. один взрослый работник-крестьянин

трудился полных рабочих дней в год в Тамбовской губернии — 73,9, в Смоленский и Харьковский — 86,3, в Вологодский губернии — 88,8: *Челинцев А. Н.* Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919. С. 126. Мнение о сверхэксплуатации крестьян не соответствует действительности.

¹³⁶ Об «этике праздности» см.: Современные концепции аграрного развития // ОИ. 1995. № 4. С. 3—33; *Seavoy R. E.* Famine in Peasant Society. New York; London: Greenwood Press, 1986.

¹³⁷ Картофельный бунт в Пермской губернии // РС. 1874. Т. 10. С. 86—120; *Пономарев Н. П.* Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России. СПб., 1888.

¹³⁸ В 1897 г. по России уровень грамотности у православных составлял 19%, у католиков — 32, у протестантов — 70, у волжских и крымских татар — 25,3, у мусульман всей империи — 7%. См.: Общий свод данных переписи 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. XXXIX; Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Т. 14. Казанская губерния. СПб., 1904. С. 136—139; Там же. Т. 41. Таврическая губерния. С. 126—129; *Миронов Б. Н.* История в цифрах. Л., 1991. С. 80—83.

¹³⁹ Подсчитано по данным: Особая комиссия для составления проектов местного управления. Статистические материалы по волостному и сельскому управлению тридцати четырех губерний, в коих введены земские установления. Свод данных, доставленных по циркуляру Министерства внутренних дел, от 17 января 1880 г. СПб., 1880. Табл. 1-б.

¹⁴⁰ *Вешняков В. И.* Крестьяне-собственники в России. С. 9—11.

¹⁴¹ *Дружинин Н. М.* Купчие земли крепостных крестьян (по данным Главного комитета об устройстве сельского состояния) // *Устюгов Н. В.* (ред.). Вопросы социально-экономической истории и источниковедения период феодализма в России. М., 1961. С. 176—189. Площадь земли, купленной крестьянами (104,5 тыс. десятин), вычислена Дружининым на основании 85% сделок, документация о которых содержала соответствующую информацию. Поэтому в эту цифру внесена 15%-ная поправка. См. также: Библиотека РГИА. № 719. Свод данных о купле-продаже земель в 45 губерниях Европейской России за тридцатилетие 1863—1892 гг.; *Кашин В. Н.* 1) Землевладение крепостных крестьян // Крепостная Россия. Л., 1930. С. 180—242; 2) Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы. Л., 1934; *Щенетов К. Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметьевых. М., 1947. С. 16—26, 355.

¹⁴² *Миронов Б. Н.* Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности // *Янин В. Л.* (ред.). Проблемы аграрной истории (XIX—30-е годы XX в.). Минск, 1978. Ч. 2. С. 113.

¹⁴³ См., например, обсуждение этого вопроса в ВЭО в 1865 г.: Съезд сельских хозяев в С.-Петербурге в 1865 г. по случаю столетнего

юбилея Императорского Вольного Экономического Общества. СПб., 1866. С. 145—200.

¹⁴⁴ РГИА, ф. 91 (Вольное экономическое общество), оп. 1, д. 463. О хозяйствах, использующих различные нововведения и усовершенствования в своих имениях и на фабриках, 1804—1805 гг. См. также: *Климова С. Б.* Попытки помещичьего предпринимательства в России первой половины XIX в. // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. 1960. № 3. С. 43—59; *Яковкина Н. И.* О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX в. // *Мавродин В. В.* (ред.). Вопросы истории России XIX—начала XX в. Л., 1983. С. 45—56.

¹⁴⁵ *Рожкова М. К.* (ред.). Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959. С. 18.

¹⁴⁶ *Андреевский Л.* Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере. Вологда, 1922. С. 1—80; *Ковальченко И. Д.* К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права // *Яцунский В. К.* (ред.). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961. С. 191—227; *Греков Б. Д.* Тамбовское имение М. С. Лунина в первой четверти XIX в.: Материалы к вопросу о разложении крепостного хозяйства // Изв. АН СССР: Отд-ние общественных наук. 1932. № 6. С. 481—520; № 7. С. 623—648; *Насонов А. Я.* Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения в России // Изв. АН СССР: Отд-ние гуманитарных наук. Сер. 7. 1928. № 4—7. С. 343—374; *Повалишин А.* Рязанские помещики... С. 84—88; *Рубинштейн Л. Н.* Сельское хозяйство России... С. 131—202; *Confino M.* Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII siècle. Paris: Institut d'études Slaves de L'Université de Paris, 1963.

¹⁴⁷ РГИА, ф. 911, оп. 1, д. 29, л. 3—8.

¹⁴⁸ *Кисловский П.* Очерк доходности сельского хозяйства при свободном труде // Журнал сельского хозяйства. 1858. № 4. Отд. 5: Сельское благоустройство. С. 2—30.

¹⁴⁹ *Hoch S. L.* Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, A Village in Tamvov. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1989. P. 162—163; *Щенетов К. Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметьевых. С. 118—124, 348.

¹⁵⁰ *Богучарский В.* Третье отделение Собственной его величества канцелярии о себе самом // ВЕ. 1917. Кн. 3. С. 108.

¹⁵¹ *Kolchin P.* Unfree Labor... P. 123—124.

¹⁵² *Bohac R.* Everyday Forms of Resistance: Serf Opposition to Gentry Exactions, 1800—1861 // *Kingston-Mann E., Mixter T.* (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 236—261.

¹⁵³ *Волконский Н. С.* Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. Рязань,

1898. С. 42; *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России... С. 367—368.
- ¹⁵⁴ *Литвак Б. Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. С. 10.
- ¹⁵⁵ *Рахматуллин М. А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях... С. 226; *Литвак Б. Г.* О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // *Поршнев Б. Ф., Анциферова Л. И.* (ред.). История и психология. М., 1971. С. 199—214.
- ¹⁵⁶ Ежегодные отчеты третьего Отделения и корпуса жандармов. Граф А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. // Красный архив. 1929. Т. 37. С. 152.
- ¹⁵⁷ *Leonard C. S.* Landlords and the Mir: Transaction Costs and Economic Development in Pre-Emancipation Russia // *Bartlett R.* (ed.). Land Commune and Peasant Community in Russia. New York: St. Martin Press, 1990. P. 121—142.
- ¹⁵⁸ *Fenoaltea S.* Slavery and Supervision in Comparative Perspective: A Model // *Journal of Economic History*. 1984. Vol. 44, No. 3.
- ¹⁵⁹ *Кошелев А. И.* Записки. М., 1991. С. 78—83.
- ¹⁶⁰ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XX века). СПб., 1994. С. 384, 109, 189; *Field D.* The End of Serfdom. P. 100; *Emmons T.* The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. P. 35.
- ¹⁶¹ *Freeze G. L.* The Orthodox Church and Serfdom in Prereform Russia // *Slavic Review*. 1989. Vol. 48, No. 3. P. 361—387.
- ¹⁶² *Боборыкин П. Д.* Воспоминания. Т. 1. С. 119, 238—239.
- ¹⁶³ *К-н [Колемин А. И.]*. Об устройстве быта у помещичьих крестьян Рязанской губернии // Сельское благоустройство. 1858. Кн. 3. С. 30—31.
- ¹⁶⁴ *Кошелев А. И.* Записки. С. 200—201. Подобное описание барщинной работы встречается в источниках многократно, в том числе в XVIII в., см., например: Сто лет назад. Письмо [П. Рычкова] о земледельстве в Казанской и Оренбургской губернии // Записки имп. Казанского об-ва. 1859. № 1. С. 8.
- ¹⁶⁵ *Заблоцкий-Десятовский А. П.* О крепостном состоянии в России // *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 4. С. 281—342.
- ¹⁶⁶ *Кошелев А. И.* Записки. С. 219.
- ¹⁶⁷ *Липинский.* Симбирская губерния. СПб., 1868 (Материалы для географии...). Ч. 1. С. 512.
- ¹⁶⁸ *Donnorummo R. P.* The Peasants of Central Russia: Reactions to Emancipation and the Market. 1850—1900. New York: Garland, 1987. P. 227—252; *Melton E.* Proto-Industrialization // *Past and Present*. 1987. No. 115. P. 69—107; *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство... С. 384.
- ¹⁶⁹ *Жуков А. И.* Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством. М., 1848. С. 275.
- ¹⁷⁰ *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России: (Конец XIX—начало XX века). М., 1969. С. 176—188; *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе: 1861—1880 гг. М., 1978; *Л. Л.* Из Симбирска // *День*. 1861. № 12. С. 12—13; *Филд Д.* 1861: «Год Юбилея» // *Захарова Л. Г., Эклоф Б., Бушнелл Дж.* (ред.). Великие реформы в России: 1856—1874. М., 1992. С. 73—89; *Gatrell P.* The Tsarist Economy 1850—1917. London: V. T. Batsford Ltd, 1986. P. 105—118;
- ¹⁷¹ Зап. Юрьевского об-ва сельского хозяйства. Приложение к журналу «Сельское хозяйство». 1861. № 6. С. 17.
- ¹⁷² Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. Приложение 1. С. 6, 1—40. См. также: *Чернуха В. Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70 годы XIX в.). Л., 1972.
- ¹⁷³ *Кахк Ю.* «Остзейский путь»... С. 354—357.
- ¹⁷⁴ *Бурдина О. Н.* Крестьяне-дарственники в России 1861—1907. М., 1996. С. 158—159, 188—192; *Hoch St. L.* The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia, 1857—1861 // *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96, No. 3. P. 280—288. О рыночной и выкупной оценке надельной земли см.: *Прокопович С. Н.* Аграрный вопрос в цифрах. С. 7.
- ¹⁷⁵ *Зевелев А. И.* (ред.). История политических партий России. М., 1994. С. 70, 92, 117; *Кучер В. В.* Политические партии в России в начале XX века: Краткий очерк истории. Программные документы. Новосибирск, 1993. С. 137—138, 155—156, 163—165; *Wortman R.* Property Rights, Populism, and Russian Political Culture // *Crisp O., Edmondson L.* (eds.). Civil Rights in Imperial Russia. Oxford: Clarendon Press, 1898. P. 13—32; См. также: *Исупов К., Савкин И.* (ред.). Русская философия собственности: XVIII—XX. СПб., 1993.
- ¹⁷⁶ Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 90—91.
- ¹⁷⁷ *Струве П. Б.* Крепостное хозяйство... С. 159.
- ¹⁷⁸ *Gatrell P.* The Tsarist Economy: 1850—1917. P. 98—140; *Kingston-Mann E.* Peasant Communes and Economic Innovation: A Preliminary Inquiry // *Kingston-Mann E., Mixter T.* (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 23—51.
- ¹⁷⁹ *Яцунский В. К.* Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М., 1973. С. 104; *Струмилин С. Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 159.

¹⁸⁰ *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881—1904. М., 1984. С. 225; *Чаянов А. В.* Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. С. 10—11, 174—187.

¹⁸¹ Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 249; Ежегодник Министерства финансов на 1914 г. Пг., 1914. С. 3; *Лубны-Герцык Л. И.* (ред.). Материалы по вопросу об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР. М., 1926. С. 364.

¹⁸² *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX—начале XX в. // *Вишневский А. Г.* (ред.). Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 83—104. Связь между формой собственности и приростом населения установлена демографами на широком материале, см.: *Сови А.* Общая теория населения. М., 1977. Т. 1. С. 202—203.

¹⁸³ *Повалишин А.* Рязанские помещики... С. 96.

¹⁸⁴ *Ключевский В. О.* Соч. Т. 5. С. 130—185; *Чичерин Б. Н.* О крепостном состоянии // *Голоса из России: Сборники А. И. Герцена и Н. П. Огарева.* М., 1974. Кн. 2. С. 127—229.

¹⁸⁵ *Лавров И.* О причинах неудовлетворительного положения земледелия у крестьян // *Журнал МГИ.* 1852. Ч. 42. С. 145; *Карпович И. О.* Хозяйственные опыты тридцатилетней практики... С. 297—299; *Жуков А. И.* Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством. С. 187—189; *Кашкаров В.* О некоторых условиях, препятствующих развитию сельского хозяйства в России // *Сельское хозяйство.* 1860. Т. 3, № 7. С. 42—62.

¹⁸⁶ *Татищев В. Н.* Избр. произведения. С. 408.

¹⁸⁷ [*Болотов А. Т.*] Жизнь и приключения... С. 617—622.

¹⁸⁸ [*Лопухин И. В.*] Записки сенатора И. В. Лопухина. М., 1990. С. 195—196; *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 15.

¹⁸⁹ *Gerschenkron A.* Agrarian Policies and Industrialization: Russia 1861—1917. P. 706—800; *Blum J.* Lord and Peasant. P. 612—618; *Field D.* The End of Serfdom. P. 96—101; *Rieber A. J.* The Politics of Autocracy. P. 15—58; *Emmons T.* The Russian Gentry... P. 29—46.

¹⁹⁰ Цит. по: *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права... С. 48.

¹⁹¹ *Кавелин К. Д.* Собр. соч. Т. 2. Стб. 138.

ГЛАВА VII

ГЛАВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА, ГОРОДСКОГО СОСЛОВИЯ И ДВОРЯНСТВА: ГЕНЕЗИС ЛИЧНОСТИ И ИНДИВИДУАЛИЗМА

ДВЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ОБЩНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

Существуют две основные идеальные модели организации — *общность* (Gemeinschaft) и *общество* (Gesellschaft), соответственно две модели отношений — общностные (иногда их называют общинными) и общественные. Почти в чистом виде первые встречаются в современной семье, основанной на романтической любви, вторые — в крупной бюрократической корпорации. Наиболее полную характеристику этих моделей дал Ф. Теннис.¹ В общности господствуют социальные связи, основанные на соседстве и родстве, на привязанностях, душевной склонности и уважении. Эти связи отчасти поддерживаются сознательно, но главным образом бессознательно, автоматически, по традиции. В обществе доминируют социальные отношения, основанные на рациональном обмене услугами и вещами, каждый участник этих отношений сознает полезность и ценность, которой обладает, может или будет обладать один человек для другого. Эти отношения поддерживаются сознательно; эмоции при этом подавляются, так как они приводят к нерациональным решениям и затрудняют расчеты. В обществе взаимовыгодные отношения могут существовать между людьми, разделенными большими расстояниями, религией или системой ценностей, между людьми, не просто незнакомыми, но даже враждебными друг другу, если эти отношения им выгодны. В общности это невозможно. В обществе господствуют как бы стерильные, свободные от эмоций, рациональные формы социального поведения, направленные исключительно на достижение выгоды, а в общности преобладают формы социального поведения, ориентированные на духовные ценности. Отношения в обществе имеют рациональную подоплеку, а в общности — моральную. В обществе часть предшествует целому и социальное целое является совокупностью частей, а в общности, наоборот, социальное целое доминирует над частями и целое логически предшествует частям. В общности господствует единая воля, связь между ее членами органическая — один за всех и все за одного. Эта коллективная воля может быть разумной, но одновременно нерациональной, поскольку стремится к общему благу, избегая точных расчетов и руководствуясь нерациональными соображениями, такими, как честь, совесть, уважение и т. п. Напротив, в обществе царит индивидуальная воля, которая рациональна, так как построена на расчете и выгоде; связь между людьми является механической, или функциональной. Стремления членов общности направлены к достижению общей цели, а члены общества добиваются индивидуальных целей. Общность подразумевает спонтанное межличностное общение вне рамок социального времени и пространства, игнорирование ролей и статусов, создание равных, материально и социально недифференцированных отношений. Общество характеризуется признанием общественного статуса и роли человека, подчинением отношений между людьми определенным условиям, формальным

правилам.² Общностные отношения предполагают длительный социальный контакт или кровное родство. Они создаются и поддерживаются желанием участников, взаимным согласием, традицией, выступают как самоцель, а не как способ достижения специфических целей. Отношения в обществе вытекают из специфически рациональных целей, поставленных участниками, неформальность они заменяют официальной, чувство — расчетом, устную договоренность — письменным договором, постоянность объединения субъектов отношений — ограниченным участием. Юридическая основа отношений в общности — обычай и традиция, а в обществе — писанный закон. Экономическая основа отношений в общности — ремесло и натуральное семейное хозяйство в земледелии, в обществе — торговля и промышленность.

Общность и общество — это идеальные, абстрактно сконструированные типы социальных организаций, практически не встречающиеся в чистом виде в жизни; это два полюса, между которыми находится все многообразие реальных организаций. Почти каждая организация сочетает элементы обоих типов в разных пропорциях. Организации носят общее наименование социальной корпорации, если они обладают внутренней структурой, если лица, выбранные на общественные должности, выполняют определенные функции и, что важно, их действия являются актами данной организации.

Цель данной главы — выяснить, что из себя представляли и какую эволюцию с конца XVII до начала XX в. испытали сельские и городские общины, купеческие, мещанские, ремесленные и дворянские общества.

СЕЛЬСКИЕ И ГОРОДСКИЕ ОБЩИНЫ ДО КОНЦА XVII в.

С самого начала государственной жизни России самоуправляющиеся общины, объединяющие крестьян одного или нескольких селений, а также жителей части или целого города в общественный союз во имя интересов общего блага, на основе общности территории и коллективного владения землей, составляли неотъемлемую и необходимую часть общественного строя страны. **Общины складывались стихийно и до XVI в. являлись неофициальными демократическими организациями крестьян и посадских людей.**³ Для этих двух разрядов населения община была основной социальной группой, в которой проходила вся их жизнь от рождения и до смерти. Община, будь то городская или сельская, называлась *миром*. Не случайно это же слово использовалось и в других значениях, как «вселенная», «народ», «спокойствие», «согласие»; определение «община» развилось из понятий «мир, мирное сообщество».⁴ Действительно, община была и вселенной, и мирным сообществом, в котором люди должны жить мирно. «На обязанности членов мира лежало быть в миру смиренными, жить с миром „совестно“ и не совершать никаких действий, затрагивающих общие интересы, „без мирского ведома“».⁵ Крестьян и посадских объединяли в общинах общая собственность, совместное производство, коллективная ответственность перед государством за налоги и преступления, совершенные на территории общины, правосудие, религиозная жизнь, потребность в защите, организация досуга, взаимопомощь и другие групповые интересы. Такие социальные группы в социологии называются референтными, поскольку с их требованиями люди сознательно и бессознательно соразмеряют свои поступки или ссылаются на них, когда хотят объяснить свое поведение.

В течение долгого времени (до середины XIX в.) крестьяне объединялись на уровне одного поселения (деревни, села) — в деревенские общины, и на уровне нескольких поселений, образующих административную единицу под названием волость, — в волостные общины, а посадские люди до 1785 г. на уровне части города, которая называлась слободой или сотней, — в слобод-

ские общины и на уровне целого города — в общегородские общины. Волостные и деревенские общины имели одинаковое общественное устройство: непосредственные собрания всех членов общины (сходы), органы самоуправления во главе с выборными руководителями. Волостные миры у помещичьих крестьян после их окончательного закрепощения в 1649 г. перестали существовать, и государство стало иметь опосредованные отношения с помещичьими крестьянами через их владельцев. Самоуправляющиеся слободские общины со своими сходами, органами и руководителями соответственно числу слобод, или сотен, на которые делился город, существовали только в средних и крупных городах. Из слободских общин складывалась единая городская община, которая имела аналогичное с ними устройство только городского уровня — непосредственное собрание всех членов общины (общепосадский сход), общегородские органы самоуправления (земские избы) во главе с общегородскими старостами для решения общегородских дел. Лишь в одной Москве в XVI—XVII вв. не было единого органа самоуправления, который заменялся центральным правительственным учреждением — Земским приказом. В конце XVII в. в столице действовали 33 слободские общины, а общегородская община образовалась с учреждением ратуши в 1699 г. Малые города имели только одну общегородскую посадскую общину.

Таким образом, **как сельские, так и городские общины обоих уровней действовали как самоуправляющиеся организации.** Компетенция между общинами двух уровней была разделена: дела, которые они решали, различались номенклатурой и важностью (например, мелкие уголовные дела решались в деревенских и слободских общинах, крупные — волостным и общегородским судом посадских). Огрубляя действительность, можно сказать, что волостным и общегородским общинам принадлежали в основном административные и финансовые дела, касавшиеся всей волости и целого города, а также важные судебные дела, а в компетенцию деревенских и слободских общин входили вообще все дела, включая административные, финансовые и судебные, которые касались отдельного селения или слободы. При таком положении, естественно, большинство дел рассматривалось и решалось как в деревенских, так и в слободских общинах. В последующем изложении сельские общины первого уровня будем называть деревенской общиной, или деревенским миром, а второго уровня — волостной общиной, или волостным миром. Посадские городские общины первого уровня будут именоваться слободской общиной, а второго уровня — посадской или общегородской общиной. В качестве общего понятия для общин первого и второго уровней в деревне будем использовать понятие «сельская / крестьянская община», а в городе — «городская община», не забывая, что последняя обнимает только податную часть городского населения, которое до 1721 г. называлось посадскими людьми, в 1721—1785 гг. — гражданами, купцами, ремесленниками, с 1785 г. — купцами, мещанами, ремесленниками. Термин *община* будет общим наименованием для городских и сельских общин.

До XVIII в. почти каждая крестьянская община и те из посадских общин, население которых занималось главным образом сельским хозяйством (а таких было большинство), являлись в значительной мере *самодостаточными*: они могли существовать почти автономно от внешнего мира, так как большую часть своих материальных и духовных потребностей удовлетворяли самостоятельно. Отношения в общинах были неформальными, личностными. Внешние связи крестьян и посадских с государственными учреждениями, другими общинами и вообще с посторонними частными лицами осуществлялись, как правило, непосредственно через общину или ее руководителями по ее письменной доверенности. Выступая в качестве посредника в отношениях с государством и другими разрядами населения, община являлась той организацией, через которую отдельный человек (не самостоятельно, а как ее член) входил в большое общество. Руководители общины служили про-

водниками в нее тех установок и норм, на основе которых правительство стремилось утвердить общественный порядок в государстве, информаторами коронной администрации о требованиях и пожеланиях общин, которые она принимала во внимание при определении своей политики, и посредниками между населением и властями.

Коронная администрация использовала волостные и городские общины в качестве элемента низшей администрации, вступая в непосредственные отношения с волостными и городскими общинами, а не с отдельными лицами. Однако, привлекая общины для выполнения государственных функций, она не пыталась да и не имела сил и средств взять их под свой полный контроль, ибо, *по представлениям русских людей вплоть до XX в., кто контролирует, тот должен помогать, опекать и покровительствовать*. Правительство всегда признавало де-факто за общинами право самоуправления. Например, в XV—начале XVI в. местная администрация в лице наместников (в городе) и волостелей (в сельской местности), располагавшая небольшим аппаратом управления, могла исполнять свои функции (судебную, податную, полицейскую и нотариальную), только опираясь на волостные и посадские общины. Поэтому и поддержание общественного порядка, и суд, за исключением крупных уголовных преступлений, и полиция были де-факто также заботой самих этих общин. Что касается других жизненно необходимых для общин функций — поддержание благосостояния населения, организация хозяйственной, религиозной и культурной жизни, народное образование, социальная помощь, то они также по необходимости входили в компетенцию главным образом деревенских и слободских общин, а там, где их не было, — посадских общин, и осуществлялись практически вне правительственного контроля, согласно стихийно выработанным обычаям и традициям, не закрепленным в законе. Люди, составлявшие городскую или деревенскую общину, совместно владели землей, которая распределялась между ними в соответствии с принятыми в общине критериями. За участок земли посадский или крестьянин выполнял определенную часть повинностей, налагавшихся на всю общину. Члены деревенских и слободских общин (где их не было — посадских общин) были связаны круговой ответственностью. На своих сходах они избирали руководителей, или выборных, и решали все насущные проблемы жизни. Постоянное управление делами общины принадлежало выборным, которые регулярно переизбирались и за свою деятельность отчитывались на общих собраниях. Деревенские общины посылали своих представителей на волостные собрания, которые избирали волостных должностных лиц, или выборных. Однако до XVI в. право самоуправления общин не было поставлено на твердые юридические основания и осуществлялось исключительно на основе народного обычая как естественное и неизбежное восполнение недостаточности и несовершенства официальной великокняжеской администрации.

Во второй четверти XVI в. правительство по ходатайствам самих волостных и посадских общин начало официально, де-юре, признавать за ними право на самоуправление, упраздняя надзиравших за ними великокняжеских представителей (наместников и волостелей), а их функции передавать выборным общин. К 1555 г. реформа местного управления завершилась. Повсеместно коронные представители были отставлены от своих должностей, их функции переданы выборным губным и земским старостам, избираемым представителями волостных и городских общин. Сначала губные старосты избирались в отдельных городах и волостях, но впоследствии представители всех разрядов населения на общеуездном съезде избирали только одного губного старосту с несколькими помощниками (целовальниками) на целый уезд. Вместе с делопроизводителем (дьяком) они составляли канцелярию (губную избу). В ее компетенцию входили уголовная юстиция и полиция по важнейшим уголовным преступлениям — убийства, разбои, поджоги, а так-

же содержание тюрем. По одному земскому старосте с несколькими помощниками избиралось на волость, город и на весь уезд. В компетенции земских старост находилось все управление — полицейское, финансовое, экономическое и суд по гражданским и уголовным делам, за исключением наиболее опасных. Губные старосты избирались непременно из дворян, их помощники, а также земские старосты с помощниками — из посадских и крестьян. Для того чтобы выборные могли исполнять свои государственные функции успешно, они были поставлены под контроль не только коронной администрации, но и самого населения: выборные и население были связаны взаимной ответственностью — мирской выбор был коллективным поручительством общины за выбираемого человека. В результате реформы к середине XVI в. волостные и посадские общины (в Москве — слободские общины) как институты обычного права были введены в систему оформленных и признанных законом государственных институтов. С этого времени можно говорить о том, что волостные и посадские общины стали *юридическими лицами*, т. е. корпорациями, по закону обладавшими самоуправлением, правом вступать в обязательства, иметь и распоряжаться собственностью. По словам М. М. Богословского, мир стал «самоуправляющимся публично-правовым общественным союзом, связанным интересами общего блага».⁶ Общины первого уровня продолжали еще долгое время существовать без прав юридического лица, имели полуофициальный характер, осуществляли свою многообразную деятельность де-факто, а не де-юре.

Подчеркнем четыре существенных обстоятельства, сопровождавших реформу. Во-первых, реформа была проведена государством по ходатайству посадских и крестьян. Во-вторых, правительство официально возложило на выборных только те обязанности, которые лежали прежде на наместниках и волостелях: поддержание общественного порядка, суд и сбор налогов. Остальные функции волостных и посадских общин — религиозная, культурная и т. д. — не считались государственными и поэтому не были определены в законе; эти неофициальные функции по-прежнему исполнялись на основе обычного права. В-третьих, официально было признано мирское самоуправление только волостных и посадских общин. В-четвертых, волостные миры были связаны друг с другом и с посадской общиной уездного города и составляли вместе всеуездную организацию, состоявшую из всеуездного собрания (схода) и выборных на нем уездных должностных лиц. Город и деревня до XVIII в. не были вполне отделены друг от друга в территориальном, административном, финансовом и других отношениях.

В начале XVII в., в так называемое Смутное время, когда само существование Русского государства было поставлено под угрозу, была введена должность воеводы. Он со своим аппаратом в каждом городе и уезде представлял военную власть и связывал провинцию с центром. Воевода имел власть над всеми разрядами населения, а не только над посадскими и крестьянами. В его компетенцию (она каждый раз четко определялась в специальной правительственной инструкции, которая прочитывалась населению по прибытии воеводы на место службы) входил контроль над деятельностью общин и их выборных, но без вмешательства в их деятельность. Однако в течение первой половины XVII в. воевода мало-помалу превратился в начальника по отношению к выборным, так как к нему перешла административно-полицейская власть в городе и уезде. На этом основании воевода стал вмешиваться в полицейские дела волостных и посадских общин, но другие их функции — финансовая, экономическая, религиозная и т. д. — остались в их компетенции де-юре; что же касается деревенских и слободских общин (кроме Москвы), то они по-прежнему существовали и действовали де-факто. Воевода мало стеснял деятельность волостных общин из-за их отдаленности от города, где он имел резиденцию, и плохих коммуникаций, а деревенские общины вообще оставались вне сферы его влияния. Зато

некоторым городским общинам приходилось страдать от произвола воевод, особенно в финансовом и административном отношениях. Согласно сложившейся традиции, каждый новый воевода при вступлении в должность держал речь перед населением города. В типовой, официально утвержденный текст этой речи, составленной для всех воевод, была внесена сакральная фраза о том, что прежний воевода грабил и притеснял жителей, а царь смилостивился и прислал нового воеводу, который грабить и притеснять не будет. На этом основании некоторые историки делали заключение, что воеводы, как правило, были притеснителями населения. Это, конечно, преувеличение. Речь, составленная в Москве, должна была продемонстрировать отеческую заботу монарха о своих подданных. Общины имели право петиций на имя царя и правительства и широко этим пользовались. Монарх и центральная власть не оставались равнодушными к жалобам.⁷ К тому же и воеводы были разными. Бывали случаи, когда население просило заменить выбранного ими губного старосту воеводой. Известен, например, любимый населением боярин А. Л. Ордин-Нащокин, который ввел во время своего воеводства в Пскове в 1666 г. городское устройство, весьма сходное с магдебургским устройством немецких и польских городов.⁸

Таким образом, до конца XVII в. в городах⁹ и селениях¹⁰ России существовал во многом похожий общественный порядок.¹¹ В его основе лежала самоуправляющаяся община, которая решала, с одной стороны, насущные вопросы жизни своих членов, с другой — государственные задачи под общим руководством и контролем коронной администрации.¹² Один ряд функций общины вытекал из того факта, что община являлась неофициальной самоуправляющейся организацией, стихийно сложившейся в процессе трудовой деятельности и повседневного взаимодействия людей в силу соседства и необходимости поддерживать порядок на своей территории. Другой ряд ее функций обуславливался тем, что община использовалась в качестве низшего звена государственного управления. Функции первого ряда назовем неофициальными, или неформальными, так как формально они не санкционировались коронной администрацией и осуществлялись на основе обычая и традиции, а второго ряда — официальными, или формальными, как выполнявшимися по букве закона или инструкций. Двойственность стоявших перед общиной задач, ее функциональный дуализм — одновременное обслуживание потребностей живших на определенной территории людей и государства, интересы которых не всегда совпадали, предопределили и структурный дуализм общины — существование неофициальной, или неформальной, и официальной, или формальной, структур в общине. Но государство, не имея возможностей, в первую очередь финансовых, создать в общинах свою независимую структуру, нашло оригинальный способ решения проблемы — использовать существовавшую в общине неофициальную структуру (органы самоуправления и его руководителей), возложив на нее исполнение также и государственных функций. Такое решение удовлетворяло крестьян и посадских, которые прекрасно понимали, что создание по-настоящему новой структуры потребует от них увеличения повинностей. Официальная структура общины — это ее формальная организация, иерархия должностных лиц, официально одобряемые нормы поведения, система санкций, утвержденных государством. Официальная структура являлась составной частью государственной, а в помещичьих имениях также и вотчинной систем управления, она обеспечивала выполнение общиной тех функций, которые удовлетворяли потребности коронной администрации в управлении и поддержании общественного порядка. Неофициальная структура общины — это неформальная организация, лидеры, нормы поведения и санкции, возникшие стихийно и поддерживаемые обычаем и традицией, — предназначалась для реализации групповых интересов крестьян и посадских.

В государственном праве на рубеже XIX—XX вв., обобщившем историю местного управления, существовали две основные концепции самоуправле-

ния — *общественная и государственная*. Согласно первой концепции, местное общество и государство имеют разные интересы, цели и сферы деятельности (политические дела — прерогатива государства, общественные — общества); местное самоуправление — это реализация местным обществом своих специфических интересов независимо от государства. Государственная концепция исходит из того, что местное общество и государство имеют общие интересы, цели и сферы деятельности, а местное управление — это осуществление местным обществом задач по государственному управлению на местном уровне под контролем государства. Согласно постулатам государственной теории самоуправления, имеются следующие основания для отнесения учреждения к органам местного самоуправления: 1) истинный орган самоуправления в своей деятельности является представителем местного общества, проводником его особых интересов и стремлений; 2) его члены избираются местным населением; 3) он обладает самостоятельностью и инициативой в выборе способов осуществления возложенных на него государством задач; 4) сам орган (или представляемое им сообщество) обладает правами юридического лица (имеет собственность, берет обязательства, вступает с государством и другими субъектами права в юридические отношения); 5) он выполняет государственные задачи; 6) контролируется общественным мнением; 7) самостоятельно принимает постановления, которые могут отменяться и корректироваться государственными органами.¹³ В разное время и в разных странах находила свое применение та или иная концепция или их сочетание. Приведенные данные показывают, что **в России до XVIII в. население и коронная администрация придерживались и действовали согласно принципам самоуправления, близким к государственной концепции**. Они рассматривали самоуправление как службу местного общества в первую очередь государственным интересам и целям, во вторую очередь — местным интересам под контролем коронной администрации. В соответствии с таким взглядом сельские и городские общины, а также и дворянские корпорации осуществляли функции власти не по собственному усмотрению, а лишь по уполномочию государства. Право самоуправления считалось вместе с тем и обязанностью. Общины являлись субъектами самоуправления лишь настолько, насколько коронная администрация возлагала на них осуществление функций государственного управления. Делегирование им власти происходило, кроме всего прочего, потому, что только сами общины могли вести управление инициативно, сообразываясь с условиями места, времени и наличных средств. Избираемые самим населением руководители, связанные с ним множеством общих интересов и зависимые от него в своей деятельности и жизни, неизбежно подчинялись контролю общественного мнения, которое благодаря этому могло пресечь злоупотребления местных властей. Поскольку органы местного самоуправления осуществляли задачи государственного управления, коронная администрация имела не только право, но и обязанность контролировать их деятельность и влиять на их состав. Самоуправление рассматривалось не только как привилегия, но и как известного рода натуральная повинность, возложенная государством на население в интересах обеих сторон.

На рубеже XVII—XVIII вв. в структуре и функциях сельских и городских общин появилось много специфического, в последующие годы это только усиливалось, что делает целесообразным изучать их историю порознь.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

В XVIII—начале XX в. почти все крестьянство Европейской России, за исключением Прибалтики, проживало в составе социальной организации, которая называлась крестьянами «миром», образованными людьми — «об-

щиной» или «сельской общиной», коронной администрацией — «поземельной общиной» (я буду употреблять все четыре названия как синонимы).¹⁴ В казенных селениях с 1838 г. община как поземельный союз стала официально именоваться «поземельной общиной», а как административно-полицейская единица — «сельским обществом». С 1860-х гг. такое двойное наименование одной и той же социальной организации было официально распространено на все крестьянство.¹⁵ Как будет показано далее, двойное наименование общины имело глубокий смысл. До 1797 г. в казенных и до 1798 г. в удельных селениях община не считалась юридическим лицом, но пользовалась его правами де-факто и только в 1797/1798—1838 гг. — де-юре. С 1838 г. в казенных селениях и с 1863 г. в бывших удельных имениях сельскому обществу было дано право юридического лица. В помещичьих имениях до 1861 г. община не обладала правом юридического лица, но фактически пользовалась им, после эмансипации в 1861 г. право юридического лица было присвоено сельским обществам помещичьих крестьян. Таким образом, в 1861—1866 гг. право юридического лица получили **сельские общества** всех категорий крестьянства.

Община являлась гибким, живым и развивающимся организмом, отличавшимся существенными особенностями по отдельным категориям крестьян и по регионам.¹⁶ Это вполне естественно, если принять во внимание, что огромное число общин было разбросано на колоссальной территории со слаборазвитой инфраструктурой. Например, в 1905 г., когда появились первые более или менее полные данные, только в Европейской России насчитывалось 170,5 тыс. сельских общин.¹⁷ Если иметь в виду структуру, организацию управления и нормы общественной жизни, то среди общин наблюдалось разнообразие, которое определялось главным образом соотношением границ селения и общины, населенностью, характером производственной деятельности, а до 1860-х гг. и категорией, к которой принадлежали крестьяне данной общины, т. е. были ли они казенными, удельными или помещичьими. Общины делились на три группы в зависимости от соотношения границ общины и селения (деревни или села): *простые*, или однодеревенские, общины, когда совпадали границы общины и одного селения (обычно в таком селении проживало до 500 человек); *составные* общины, когда община объединяла две (или более) небольшие деревни; *раздельные* общины, когда в составе одного большого села имелось две (или более) общины, вследствие чего община являлась частью одного большого селения с числом жителей более 500.¹⁸

Составные общины, хотя и имели общие органы управления, распадалась на несколько — по числу деревень — самостоятельных единиц, которые официально общинами не признавались, но фактически таковыми являлись. Получалась община, в которой официальной общине, точнее — ее выборным органам, приходилось выполнять главным образом полицейскую функцию, а неофициальной или, лучше сказать, полуофициальной общине, поскольку коронная администрация принимала ее как данность, — управлять всей повседневной жизнью крестьян, входивших в ее состав.¹⁹ Раздельные общины до отмены частновладельческого крепостного права в 1861 г. существовали в селениях, которые принадлежали нескольким помещикам, и потому каждая община являлась вполне самостоятельной. Они возникли в результате того, что поселение, принадлежавшее одному владельцу, после его смерти переходило по наследству нескольким лицам. При отмене крепостного права условия освобождения для каждой общины, входившей в состав одного селения (раздельной общины), были различными, поэтому их обособленность сохранилась и после 1861 г., хотя наметилась тенденция к объединению их в единую общину: у них появилось много совместных дел и обязанностей, иногда они имели общих выборных. В 1858 г. в Европейской России было всего около 332 тыс. сельских поселений, в том числе

245 тыс., или 74%, сплошных и крупных селений, из которых образовывались простые и раздельные общины, и 87 тыс., или 26%, мелких и одиночных (состоявших из одного двора) селений, которые объединялись в составные общины.²⁰ В центральных губерниях доля простых общин колебалась от 70 до 94%, составных — от 2 до 11% и раздельных — от 4 до 28%,²¹ в губерниях Среднего Поволжья они составляли соответственно 61, 2 и 37%.²² В северных губерниях, где сельские поселения были менее населенными сравнительно с центральными губерниями и где было много мелких поселений, на долю простых общин приходилось около 60% всех общин, на долю составных общин, объединявших в среднем по 12 селений, — 40%, а раздельные общины отсутствовали.²³ В Западной Сибири преобладали простые общины, раздельные отсутствовали, а доля составных в 1830-е гг. равнялась 19%.²⁴ Со временем процент простых общин увеличивался, так как составные общины вследствие роста населения распались на простые.²⁵ Средняя людность общин до середины XIX в. увеличивалась, а после эмансипации уменьшалась, так как средняя людность одного сельского поселения в 1850-е гг. составляла 161, а в 1897 г. — 138 человек.²⁶

Большинство сельских поселений подходило под тип простой земледельческой деревни-общины с населением, занятым главным образом в сельском хозяйстве. В середине XIX в. на долю такой типичной общины, объединявшей от 8 до 80 хозяйств, или от 51 до 500 человек населения, приходилось около 45% всех общин, в которых проживало 44% крестьян, в 1897 г. — соответственно 33 и 38%. Однако, особенно после отмены крепостного права, имелись и такие сельские поселения-общины, население которых было занято преимущественно в торговле, промышленном производстве и других неземледельческих промыслах. Такие поселения имели значительную численность населения, достигавшую порой нескольких тысяч человек, разнообразный по сословиям и профессиям состав жителей. В результате этого в них сложился особый общественный и частный быт, отличавшийся от того, который наблюдался в земледельческих поселениях с более или менее однородным крестьянским населением. С точки зрения управления и общественного быта большие земледельческие поселения с населением свыше 500 и особенно более тысячи человек до некоторой степени напоминали неземледельческие поселения, в частности, в их управлении важное место принадлежало бюрократии, межличностные отношения приобретали формальный оттенок. На долю сельских неземледельческих и больших земледельческих поселений, большая часть которых относилась к раздельным общинам, в 1850-е гг. приходилось около 8% всех сельских поселений, в них проживало до 53% крестьян, а в 1897 г. — соответственно 6 и 56% (подробнее об этом см. в гл. V «Город и деревня в процессе модернизации»).

Крестьянская община в XVIII—первой половине XIX в.: стабильность против эффективности

В XVI—XVII вв. были заложены основы общинного строя крестьянской жизни, которые впоследствии в одних аспектах изменились, а в других сохранились до начала XX в.²⁷ Что же изменилось в структуре и функциях сельской общины в течение XVIII—первой половины XIX в.?

Основная тенденция в развитии сельских общин этого периода состояла в том, что под давлением коронной администрации и помещиков в Центральной России — в зоне старого заселения — происходило усиление формальной структуры общины, расширение ее полицейской и податной функций, а на окраинах — в зоне нового заселения — приспособление ее неформальной структуры для выполнения крестьянами обязанностей перед государством и помещиками, другими словами, происходило более актив-

Рис. 75. Крестьяне за обмолотом пшеницы. Д. Телешно, Ефремовский уезд, Тульская губ. 1913 г.

ное, чем прежде, включение общины в систему государственного управления.²⁸ Наделяя общину полицейской и податной функциями, власти оставляли за ней выполнение других функций, направленных на удовлетворение материальных, правовых и духовных потребностей крестьян. Вследствие этого шаг за шагом община из института преимущественно обычного права все более превращалась также в институт вотчинного и государственного права. Перестройку общины начали помещики, движимые стремлением увеличить свои доходы: они стали регулировать общинные отношения с помощью специально составленных инструкций, возложив надзор за их выполнением на органы общественного самоуправления.²⁹ Их примеру последовала администрация государственных (в 1797 г.) и удельных крестьян (в 1798 г.). Крестьянство в массе не противилось этому процессу по нескольким причинам. Во-первых, повышение роли общины как официальной организации устраняло опасность появления специальной правительственной службы в казенной деревне и уменьшало роль помещичьих агентов в помещичьей деревне. Во-вторых, усиление полицейской функции помогало миру поддерживать общественный порядок, наказывать нарушителей общинных норм, бороться с побегам, которые тяжелым бременем ложились на оставшихся в общине крестьян, связанных круговой порукой. В-третьих, признание общины государством и помещиками, хотя бы де-факто, легализовало общину и как институт обычного права.

История крестьянства окраин империи — Сибири, Европейского Севера, Урала и Юга, где процессы включения общины в систему коронного управления происходили позже, чем в Европейской России, — в XVIII—XIX вв. — и потому лучше документированы, показывает, как происходило

становление общины в качестве официальной организации. Например, в Сибири крестьянский мир существовал задолго до того, как стал официальной организацией. Не будучи формально признанным государством, он решал внутренние дела и вступал в официальные отношения с коронной администрацией. До легализации мир осуществлял самоуправление устно, без документального оформления своих решений, без всякого делопроизводства. По мере того как коронная администрация все более полагалась на органы общинного самоуправления, она официально наделяла их правом выполнять административные, финансовые, судебные и прочие функции в качестве представителя коронной администрации. Одновременно с этим общины получали инструкции, возникало делопроизводство, выборные приобретали официальную власть. Но крестьянство к этому относилось положительно, так как это легализовало общинное самоуправление, укрепляло общественный порядок, повышало авторитет выборных, помогало им лучше справляться со своими обязанностями.³⁰ Одновременно с этим постепенно развивалась передельная община. Сначала переделы появились в некоторых наиболее заселенных местностях Западной Сибири в первой половине XIX в., а затем, в конце XIX—начале XX в., распространились по всей Сибири благодаря наплыву русских переселенцев, которые принесли с собой свою систему ценностей.³¹ То же наблюдалось в других регионах России. В массе своей крестьяне Севера и Урала желали иметь передельную сельскую общину и для реализации этой цели апеллировали к государству, которое, будучи также в этом заинтересованным, охотно шло им навстречу. В течение второй половины XVIII—первой трети XIX в. с помощью правительства средние и малоимущие государственные и удельные крестьяне превратили подворную общину, т. е. общину без коллективной формы собственности и переделов, в передельную общину. Они добились консолидации всех земель, находившихся в частном владении, в общинную собственность и затем уравнительно переделали ее между всеми.³² То же самое произошло с землями мелких собственников — однодворцев — на юге страны к середине XIX в.³³ В результате в Европейской России за XVIII—первую половину XIX в. при взаимном интересе правительства и большинства крестьян произошла унификация общественного устройства деревни по модели передельной общины, что привело к усилению мирских принципов в жизни крестьян. Таким образом, развитие передельной общины с официальными и неофициальными функциями было компромиссом между крестьянством и правительством, а не насилием государства над крестьянством. Развитие общины по линии укрепления ее официального статуса происходило стихийно, потому что в нем было заинтересовано большинство крестьян; государство этот процесс поддерживало и ускоряло, потому что крестьяне согласились, чтобы мир выполнял государственные функции.

Приобретение общиной статуса официальной организации вело к некоторой бюрократизации общинной жизни. Сначала этот процесс в большей степени затронул помещичьих крестьян, а затем и государственных. Бюрократизация выражалась в том, что в общине увеличивалось число должностных лиц, которые имели специализированные обязанности и наделялись официальной властью, что исполнение общинной полицейской и финансовой функций стало в большей степени, чем прежде, строиться не на обычае, а на четких писаных инструкциях, что возникало и увеличивалось делопроизводство, в котором отражалась деятельность общины, в частности, все решения схода фиксировались в протоколах (приговорах). Например, в вотчинах крупнейших русских помещиков Шереметьевых с 1770 по 1794 г. состав вотчинно-мирского правления возрос в 2,3 раза, а население вотчин — в 1,2 раза.³⁴ Всякий уважающий себя средний или крупный помещик непременно давал своим крестьянам инструкции и возлагал ответственность за их исполнение на общину.³⁵ Традиционно принято рассматривать бюрокра-

тизацию общины как негативный процесс, ущемлявший интересы крестьян, усиливший эксплуатацию и угнетение. При этом упускается из виду, что **бюрократизация имела чрезвычайно важные позитивные последствия для крестьянства**. Во-первых, она поставила общинный порядок на прочное юридическое основание, тем самым трансформируя управление по устной традиции в управление по писаному закону. Во-вторых, сельская община превращалась в *сословную корпорацию крестьянства*, санкционированную государством и помещиками, благодаря чему крестьянство приобретало свою сословную организацию, что, как известно, являлось мощным оружием в борьбе за сословные или групповые интересы. В-третьих, четкое определение обязанностей общины как официальной организации в инструкциях и уставах в то же самое время в значительной степени ограничивало произвол коронной и помещичьей властей этими же инструкциями и уставами. Конечно, инструкции и уставы, даваемые короной и помещиками крестьянам, не являлись жалованными грамотами наподобие тех, которые Екатерина II дала дворянству и городам в 1785 г. Однако здесь присутствовала и общая цель: ввести в управление элементы законности, в которой нуждались как власть имущие, так и крестьяне.

Таким образом, в течение XVIII—первой половины XIX в. усилиями крестьян, государства и помещиков община, сохранившись как институт обычного права, приобрела также черты института вотчинного и государственного права, а также сословной корпорации крестьянства. В этом своем качестве она удовлетворяла интересы всех заинтересованных сторон — крестьян, государства и помещиков. Например, полицейская функция — самая официальная из всех функций общины — была равно необходима крестьянам, государству и помещикам, поскольку все три стороны одинаково нуждались в поддержании общественного порядка на территории общины. Однако в рассматриваемое время выборные не превратились в чиновников, власть не была отчуждена от рядовых членов, обычное право играло определяющую роль в жизни крестьян, межличностные отношения крестьян не потеряли своего соседского, товарищеского, персонального характера.

Оборотной стороной процесса легализации сельской общины было усиление ее полицейской функции, что превратило общину в один из субъектов крепостного права и создало еще один вид крепостнических отношений, который можно назвать *корпоративным крепостным правом*. Отдельный крестьянин попадал под столь сильную власть и опеку общины, что не мог предпринять какое-либо важное действие без ее санкции. Помещик и государство — два других субъекта крепостнических отношений — часто были далеко от крестьянина, а община со своими огромными административными правами — всегда рядом (подробнее об этом см. в главе VI «Крепостное право: от зенита до заката»).

Развитие корпоративного крепостничества до некоторой степени смягчалось второй важной тенденцией развития общинного строя — постепенной *гуманизацией социального контроля*. Я имею в виду уменьшение прямого физического насилия общины, а также коронной администрации и помещиков над крестьянами. В XVIII в. социальный контроль отличался суровостью, наказания — жестокостью, что отражало взгляды современников: не только дворянство, правительство, но и народ в массе своей считали это нормальным.³⁶ Например, по мнению народного философа-самоучки И. Т. Посошкова, крестьянина по происхождению, писавшего в 1724 г., главные причины распространенности в России грабежей и разбоев состояли в недостаточном контроле за крестьянством и в том, что власти и судьи «милостивы» к преступникам. Чтобы прекратить разбои, Посошков предложил следующие меры. Все население распределить по группам в 10, 50 и 100 человек и поставить во главе них выборных полицейских, которые бы строго и неусыпно за всеми следили. Ни один человек не должен был без

их разрешения покидать свое место жительства и без проверки приехать в какое-либо место. За простое невыполнение царского указа, не содержащее в себе состава преступления, наказывать в первый раз по закону (обычаю), во второй раз пытать в застенке, а в третий раз казнить; за оскорбление выборного полицейского словом или действием — строгое телесное наказание и штраф, а за любое уголовное преступление — немедленная смертная казнь или по крайней мере «жесточайшее наказание» и клеймение.³⁷ Крестьянское происхождение Посошкова несомненно оказало сильное влияние на жестокость предложенного им способа поддержания общественного порядка. Проекты борьбы с преступностью, выходявшие из-под пера дворян, не предусматривали мер, применение которых грозило бы истреблением значительной части населения страны. К середине XIX в. взгляды Посошкова выглядели анахронизмом и среди крестьян, и в еще большей степени среди помещиков. Экономисты и публицисты второй трети XIX в. в качестве средств повышения доходности имения, поддержания в нем социального порядка и общественного спокойствия рекомендовали помещикам заботиться о своих крестьянах, поддерживать с ними патерналистские отношения, ввести точность и законность в отношения между ними и отказаться от крайностей крепостного права, включая телесные наказания.³⁸ Эти рекомендации отражали изменившееся отношение крестьянства к жесткому контролю и жестокому наказанию.

Функции общины

К середине XIX в. сельская община достигла своего наивысшего развития, чему способствовали не только сами крестьяне, но и коронная, удельная администрация и помещики. Чтобы представить многообразную деятельность общины, рассмотрим ее функции в том виде, как они осуществлялись в первой половине XIX в.

1. Регулятивная: поддержание внутриобщинной дисциплины, обычно-правовых норм жизни и нравственности; санкционирование браков, разводов и семейных разделов; контроль за сексуальной моралью, за правильностью раздела и наследования имущества; разрешение внутрисемейных конфликтов по апелляции крестьян и т. п. — словом, управление теми аспектами жизни крестьян, которые не попадали под действие закона. Вся эта деятельность осуществлялась в форме неофициального социального контроля, через сходы и выбранных на них должностных лиц *по обычаю*.

2. Производственная: распределение пашни и угодий между хозяйствами, регулирование их использования; организация производства (выбор севооборота, определение начала и окончания сельскохозяйственных работ и т. п.); регулирование труда и отдыха *по обычаю*. Большая роль общины в организации производства была связана со следующими обстоятельствами — коллективностью землевладения, чересполосицей и круговой порукой в несении финансовых обязательств перед государством и помещиком. Не отдельное крестьянское хозяйство, а община выступала субъектом землевладения, крестьянам принадлежало только право временного пользования землей.³⁹ Государство или помещик передавали в пользование (но не в собственность!) общины землю, которая распределялась общиной между отдельными хозяйствами. В силу того, что *крестьяне владели землей чересполосно* (каждое хозяйство имело несколько, иногда до 30 небольших участков земли в разных местах), *землепользование непременно должно было регулироваться*: все должны были подчиняться единому севообороту, начинать и оканчивать сельскохозяйственные работы в одно время. Крестьянину, уклонившемуся от общего порядка, грозила потеря урожая, который вытоптал бы скот односельчан, запускаемый на поля после жатвы; он не смог бы проехать на свои поля, не повредив посевов соседей, и т. п.

Рис. 76. Русские крестьяне жнут рожь. 1900-е гг.

У русских крестьян, в отличие от украинских, белорусских и прибалтийских, община была передельной. В соответствии с нормами обычного права каждый мужчина по достижении 18 лет имел право на получение своей доли из общинной земли, эта доля удваивалась после его женитьбы. Наличный земельный фонд общины был достаточно стабильным, в то время как население возрастало и состав семей под влиянием рождаемости и смертности изменялся. Отсюда периодически возникала потребность в переделе земли между хозяйствами для поддержания между ними равенства в землепользовании. Переделы бывали коренные и частные. По коренному переделу хозяйство получало участки в других местах и иных размеров, чем прежде. В результате частного передела за хозяйством оставалось ядро старого надела, но к нему добавлялось или, наоборот, от него отнималось некоторое количество земли. Огороды, леса и сенокосы переделались довольно часто, пахотная земля — всегда. Практически не подлежала переделу только усадебная (дворовая) земля; выход усадьбы из переделов произошел постепенно и свидетельствовал о стремлении крестьян закрепить за собой в наследственное пользование землю, наиболее ухоженную и плодородную. Коренные переделы производились редко, как правило, после переписей населения (ревизий), которых за 1719—1857 гг. было 10. Частные переделы бывали по мере надобности, иногда ежегодно.⁴⁰ Переделы имели целью как можно более справедливо, или уравнительно, распределить землю между всеми хозяйствами с учетом количества, качества земли и ее отдаленности от селения. Отсюда, кстати, и проистекала чересполосица.

В передельных общинах все хозяйства имели равные права на землю. Если бы все они были одинаково платежеспособны, то земля распределялась бы между ними в соответствии с числом семейных пар или ревизских душ (лиц мужского пола, зафиксированных ревизией). Но платежеспособность была различной, ввиду этого земля распределялась пропорционально той доле налогов и повинностей — платежей, которая падала на данное хозяйство, а эта доля определялась общиной. Другими словами, доля платежей должна была соответствовать возможностям хозяйства, а доля земли — доле платежей. Для этого община определяла, сколько платежей приходится на единицу площади земли. Скажем, если на 1 га падал 1 р. платежей, то хо-

зайство, которому приходилось платить 5 р., получало надел в 5 га, и т. д. После того как община завершала распределение земли и платежей, отдельные хозяйства могли вступать в частные поземельные отношения между собой: сдавать часть земли в аренду, обмениваться участками. Вместе с землей переходили соответствующие этой земле платежи в пользу общины. В тех общинах, где усадебная земля перешла в наследственное пользование, разрешалось ее продавать. Все поземельные сделки заключались только между ее членами и с согласия общины. Поземельные сделки не подрывали коллективного характера общинного землевладения, они помогали найти оптимальное распределение земли и платежей между крестьянами, что было нелегко сделать, особенно в больших общинах.⁴¹ Принятый порядок распределения земли удовлетворял двум неперенным требованиям, выдвигаемым крестьянами, — равенство всех в праве на общинную землю и равенство всех в обязанности платить налоги и повинности.

В подворных общинах украинских и белорусских крестьян, которые уже в XVI—XVIII вв. перешли к индивидуальному, или подворному, землевладению и землепользованию, годовой оклад платежей распределялся между хозяйствами пропорционально земле, им принадлежавшей. Угодьями, находившимися в коллективном владении, — лесами, лугами и т. п. пользовались все сообща, но если у какого-либо хозяйства было много скота, с него взималась плата в общинную казну.

3. Финансово-податная: распределение и взимание общегосударственных и местных налогов и повинностей; организация крестьян на исполнение натуральных повинностей (рекрутской, дорожной и т. п.) по требованию коронной администрации и помещиков — *по обычаю и закону*. В этой сфере роль общины была очень значительна ввиду того, что обложение прямыми налогами, государственными, владельческими и всякими другими повинностями с начала XVIII в. строилось *на общинно-подушном принципе и на основе круговой ответственности* — один за всех и все за одного. Это означало, что коронная администрация устанавливала величину годового налога не отдельному человеку или хозяйству, а каждой общине в целом, исходя из числа душ мужского пола, числившихся в ней по последней переписи (ревизии), что за исправную уплату этой суммы несли ответственность выборные (один за всех) и вся община (все за одного). Например, если в данном году прямой налог государство определяло в 1 р., а в данной общине числилось 300 душ мужского пола, включая младенцев и стариков, то выборные общины должны были внести в казну 300 р. в год за всю общину. Если сумма в срок не уплачивалась, к финансовой и административной ответственности привлекались сначала выборные, затем состоятельные крестьяне, наконец, все остальные. Если крестьяне кроме государственных налогов платили оброк или исполняли барщину, то администрация казенного имения или помещик назначали годовой оброк или определяли количество барщинных дней в целом на всю общину. Этот суммарный оклад повинностей затем раскладывался самой общиной между всеми хозяйствами соответственно их платежеспособности.⁴² Все хозяйства в отношении платежа не только государственных налогов, но также всех вообще повинностей по закону были связаны круговой порукой. Поэтому распределение и сбор налогов являлись очень важной и деликатной процедурой, в которой, как и при распределении земли, принимали участие все главы хозяйств. По обычаю община имела право на самообложение, величина которого не контролировалась помещиками и коронной администрацией, что позволяло крестьянам собирать необходимые для общественных нужд деньги.

4. Правотворческая и судебная: расследование и суд по гражданским делам между крестьянами и уголовным преступлениям (кроме наиболее серьезных, таких как убийство, грабеж, святотатство и др.), совершенным на территории общины, — *по обычаю*, нормы которого в значительной мере

Рис. 77. Посиделки. Полтавская губ. 1900-е гг.

являлись результатом правотворчества крестьянства; расследование по распоряжению коронной администрации дел, подлежащих коронному суду, в порядке первичного рассмотрения с передачей его результатов в более высокую инстанцию. Суд вершили выборные лица, совет стариков или сход. По закону, в случае обнаружения преступников, крестьяне несли круговую ответственность за правонарушения, совершенные на территории общины. Деятельность в сфере права регулировалась законом и обычным правом, крестьяне стремились расширить прерогативы обычного права и, наоборот, сузить компетенцию закона.

5. Полицейская: поддержание общественного порядка; контроль за выходом из общины и припиской к ней, за временными миграциями; пресечение антиобщественного поведения; наказание с санкции схода крестьян за мелкие преступления, проступки, недоимки и т. п.; принятие мер при пожарах, наводнениях и других чрезвычайных происшествиях; задержание бродяг и дезертиров, наблюдение за исполнением паспортного режима; изгнание из общины за «дурное» или «развратное» поведение воров, лиц, подозреваемых в колдовстве, соблазнитель и т. п. (в этом случае сход обращался к коронным властям с соответствующим ходатайством, которое, как правило, удовлетворялось). Вся полицейская деятельность общины осуществлялась на основе писаного закона и точных инструкций.

6. Представительская: представительство и защита интересов отдельных крестьян и общины в целом перед помещиком, государственными, церковными и другими учреждениями; подача жалоб и прошений о своих нуждах в государственные институты; в случае необходимости — организация борь-

бы за свои интересы; поддержание отношений с местными коронными и церковными властями и учреждениями — *по обычаю и закону*.

7. **Социальная защита:** помощь бедным и пострадавшим от разного рода несчастий, призрение сирот, больных и одиноких в соответствии с нормами обычного права — *по обычаю*, содержание общественных хлебных складов, больниц, богаделен и других подобных заведений — *по закону*.

8. **Культурно-воспитательная и рекреативная:** проведение праздников; организация отдыха; содержание школ и библиотек; воспитание подрастающего поколения — *по обычаю*.

9. **Религиозная:** выборы священника (до начала XIX в.); попечение о состоянии церкви и причта; надзор за посещением церкви; проведение религиозных праздников и календарных земледельческих обрядов; организация коллективных молебнов в случае засухи, падежа скота и других происшествий — *по обычаю*.

Структуры и управление общиной

Как видим, община решала сложные задачи. В сущности, как и до XVIII в., каждая община оставалась самодостаточной, хотя ее связи с внешним миром посредством прежде всего рынка в течение XVIII—первой половины XIX в. возросли. По-прежнему двойственность стоявших перед общиной задач — служение крестьянству и государству — обуславливала наличие в ней двух структур — официальной и неофициальной. Официальная структура деревенской общины предназначалась для реализации государственных задач, неофициальная — для реализации групповых и сословных интересов крестьянства. Неофициальная структура не санкционировалась государством *де-юре*, но и не отвергалась им, так как взять на себя выполнение ее многочисленных функций государство и помещики не имели возможности. Обе структуры не могли быть разграничены друг от друга, соответственно и строгого разделения функций между ними не могло быть. Несмотря на это, крестьяне, государство и помещики отчетливо отделяли их друг от друга, основываясь на простом критерии: что существует по закону или распоряжению властей и удовлетворяет их интересы — то казенное и помещичье, что существует по обычаю и традиции и удовлетворяет потребности крестьян — то мирское. Попробуем и мы разделить и проанализировать порознь обе структуры с точки зрения: 1) права и морали, которые диктовали нормы жизни и поведения; 2) способов воздействия, с помощью которых поведение крестьян приводилось в соответствие с правом и моралью; 3) органов управления и руководителей, которые осуществляли текущее руководство.

В императорский период официальное право применялось главным образом к некрестьянам. По отношению к крестьянам закон имел силу в трех случаях: 1) когда они вступали в отношения с государством, например, при уплате налогов, выполнении рекрутской, дорожной и других повинностей; 2) когда они имели дела с некрестьянами, например, заключали с ними сделки, совершали в отношении их преступления и т. д.; 3) когда они сами обращались к коронным властям за помощью, с жалобами или в коронный суд. Большое число гражданских и уголовных дел, касающихся крестьян, регулировалось обычным правом. Оно не было кодифицировано, в применении его норм не было четкости и единообразия, дела решались *ad hoc*, т. е. применительно к конкретному случаю. Между законом и обычаем имелись серьезные различия, что являлось главным фактором частых конфликтов между крестьянами, с одной стороны, и помещиками и государством, с другой. В сущности все бунты крестьян имели правовую основу — расхождение между законом и обычаем, так как многое из того, что казалось справедливым крестьянам и соответствовало обычаю, не казалось правильным

администрации и помещикам и не соответствовало закону, и наоборот. В сборнике В. И. Даля все пословицы отзываются о законе отрицательно («Где закон, там и обида»; «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили»), напротив, обычай уважается, ставится выше закона («Обычай старше, сильнее закона») и рассматривается как выражение правды, как руководство к жизни («Не нами установилось, не нами и переставится»; «Не долго той земле стоять, где учнут уставы (обычаи. — *Б. М.*) ломать»).⁴³ (Подробнее об этом см. в главе VIII «Право и суд, преступления и наказания».) Несмотря на это, до середины XIX в. государству удавалось удерживать конфликт между законом и обычаем в определенных рамках, а многие нормы обычного права даже использовать в своих интересах, например, общинную форму собственности, переделы земли, круговую ответственность за налоги и нераскрытые преступления. Необходимо подчеркнуть, что **негативная оценка крестьянами закона вовсе не свидетельствует об их нигилизме к правовому регулированию общественных отношений**, как часто думают и ради доказательства чего цитируют эти пословицы. Негативизм к закону указывает лишь на наличие противоречий между ним и обычаем.

Противоречия наблюдались также между моральным кодексом крестьянства и кодексом, действовавшим в среде других сословий. Эти противоречия касались как существа этих норм, так и их применения. Например, с точки зрения крестьянина, было аморально не накормить незнакомого проезжего человека и не предоставить ему ночлег, или отказать нищему и сироте в помощи, или не угостить гостя; аморальным считалось брать проценты за данные в долг деньги, не прийти на помощь односельчанину, попавшему в беду (пожар, падеж скота и т. д.). С точки зрения крестьянина, обмануть соседа или родственника — аморально, а обмануть в интересах крестьян чиновника или барина — безнравственным не считалось; украсть что-либо у соседа, нарушить его межу, нарубить дров в общинном лесу — аморально, а нарвать фруктов в помещичьем саду, нарубить дров в его лесу или запахать его землю — вовсе не безнравственные поступки. Отсюда происходила противоречивость в оценках нравственных устоев крестьянства со стороны образованного общества. Одним «сельский люд представляется каким-то извергом, отребьем рода человеческого, лишенным всякого понятия о законе, нравственности, справедливости и долге», другие считали крестьян «чуть ли не аркадскими пастушками», а дворянство славянофильских убеждений переносило «на крестьян все самые светлые и высокие идеалы человеческого совершенства», — констатировал известный историк, публицист, бывший по совместительству и помещиком, К. Д. Кавелин.⁴⁴

На практике поведение отдельных крестьян нередко отклонялось от общепризнанных в общине норм. Тем не менее именно они являлись стержнем реальных взаимоотношений, на них ориентировалась община, заставляя отклонившегося от них человека вернуться на путь истинный с помощью хорошо разработанной системы социального контроля и наказаний. Наиболее действенными были неформальные социальные санкции. Нарушителя изводили «шпильками», прозвищами, пренебрежительным отношением, смехом, выставлением в смешном свете и переоценкой его качеств с помощью сплетни. Сплетня, или молва, была вездесуща, как говорила пословица: «Молва в окно влезет; молву поветрием носит; от молвы не уйдешь».⁴⁵ Она угрожала человеку потерей уважения, дурной славой и ухудшением его отношений с односельчанами: «Дурную славу нажать — как пить попросить; в хорошие люди попасть — не стожок скласть». Стандарты общины ощущались весьма сильно, и сообразовываться с ними приходилось со всей серьезностью, так как нарушать ожидания тех, с кем человек привык считаться, с кем себя отождествляет, к кому эмоционально привязан, психологически очень трудно и опасно. Мало кто мог долго вынести состояние враждебности с общиной. После того как неформальные санкции против нарушителя

оказывались бессильными, вступали в силу формальные санкции — штраф, наказания розгами, конфискация и распродажа имущества, арест, исключение из общины, сдача вне очереди в солдаты, отправление в ссылку или тюрьму. В редких случаях, когда речь шла о конокрадах, неисправимых злостных ворах, крестьяне применяли самосуд, кончавшийся, как правило, смертью. Несмотря на всю тяжесть формальных санкций, *неформальный контроль играл все же более важную роль*. Общественное мнение оказывало сильное и постоянное давление на крестьян, сводя на нет отклонения от принятых норм поведения. «Слово держат все; слово же, то есть мирское неодобрение, более всего наказывает. Телесные наказания употребляют для непослушных и невоздержанных. Денежного штрафа очень боятся, но еще больше — общественного неодобрения, бросающего порок на весь дом».⁴⁶ Общественное мнение иногда оформлялось письменными или устными приговорами крестьянских сходов, но чаще всего оно выражалось неформально, в устной форме — в насмешках, замечаниях, восхищении. Общественное мнение не только осуждало и высмеивало неловкость, физическую слабость, неспособность делать нормальную для крестьян работу, но и выражало одобрение лицам, добивавшимся успехов в хозяйстве, ремесле, пении и т. п.

Для крестьянина имело значение мнение не только односельчан, но и жителей ближайшей округи, с которыми он постоянно общался. Кавелин рассказывает показательный в этом отношении случай. В 1861 г. он как помещик составил полюбовно со своими крестьянами уставную грамоту о разделе земли и условиях ее выкупа. Но по закону грамота вступала в силу только после утверждения ее властями. Кавелин полагал, что до этого момента отношения между ним и его крестьянами должны были оставаться на прежних основаниях. Однако крестьяне отказались идти на барщину. «Слух о том, что мы вышли на чистую волю, — говорили пришедшие к нему объясняться старики, — *разошелся на сто верст кругом нас* (курсив мой. — Б. М.), а мы (на барщине. — Б. М.) будем работать? Каждый будет над нами смеяться; и то уже работники наши, глядя на наши сборы, дразнят нас: где же ваша чистая воля? Нам стыдно им в глаза глядеть. Уж если такой позор нам сносить, так пусть лучше нас мировой посредник разведет и пойдет дело по закону, как ему быть». Кавелин поделился с крестьянами своими опасениями в том, что они, когда уставная грамота будет утверждена, могут отказаться от достигнутых условий, а на барщину все равно не пойдут, ибо отмененную однажды барщину восстановить невозможно. Крестьяне попросили Кавелина провести на земле черту и сказали: «Кто согласен подписать грамоту, пусть становится по правую руку (от черты. — Б. М.), а кто не согласен — по левую. Да смотрите, старики! Кто теперь смолчит, а после станет спорить, того мы накажем розгами. Говори теперь: кто с чем не согласен». Все до единого перешли на правую сторону. «Давайте же руки для большей прочности вашего слова», — сказал Кавелин. Все до единого подали руки: *рукобיתье при заключении сделки было равноценно клятве*.⁴⁷

Наличие сильного социального контроля в общине, как мне кажется, находит свое объяснение в том, что в рассматриваемое время *крестьяне не обладали еще способностью к сильному внутреннему самоконтролю*. Как известно, самоконтроль может основываться на страхе наказания и ожидании награды (внешний самоконтроль) или на сознательном и добровольном следовании существующим правилам и нормам поведения (внутренний самоконтроль). При преобладании внешнего самоконтроля необходим аппарат наблюдения и принуждения, потому что человек, поступивший не по правилам, не «казнит самого себя», а, напротив, может быть довольным тем, что его проступок остался незамеченным. Так, например, ведут себя дети. Взрослые крестьяне в своем кругу, в своем мире отличались в целом моральным поведением и при совершении проступков, которые рассматривались не только как преступление, но и как грех, страдали угрызениями со-

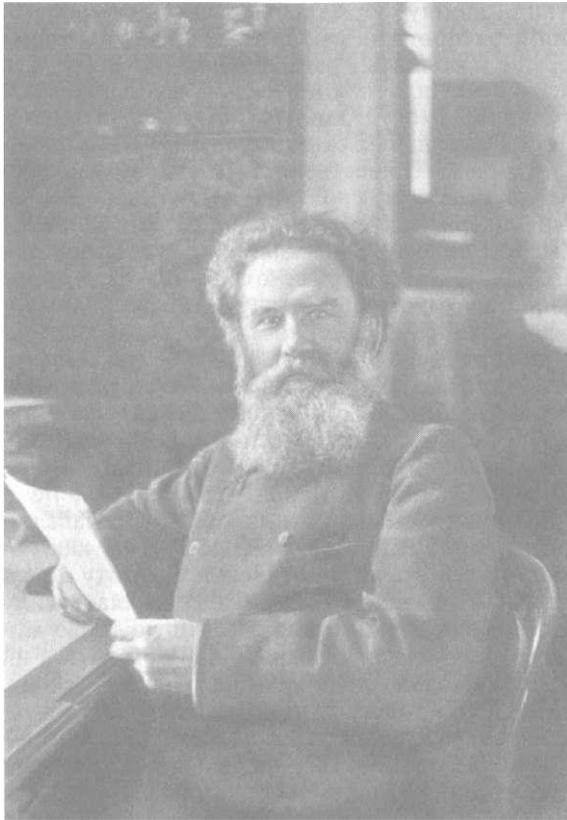

Рис. 78. В. Г. Короленко (1853—1921), писатель. 1890-е гг.

вести: «Злая совесть стоит палача»; «С совестью не разминуться, душа не сосед — не обойдешь». Однако имеющиеся данные позволяют думать, что поведение крестьян в большей степени основывалось на внешнем контроле, на убеждении, что все поступки человека учитываются Богом, на желании избежать наказания в этом или потустороннем мире, а также на стремлении иметь хорошую репутацию у односельчан, что нашло отражение в пословице: «Грех не беда, молва не хороша. Что-то скажут на улице». Угрызения совести, когда они случались, отражали не столько раскаяние перед внутренней совестью, сколько перед Богом, которому все грехи известны: «Все на свете по грехам нашим дается».

При недостатке внешнего контроля как христианские заповеди, так обычай и закон довольно легко нарушались («Без греха веку не изживешь, без стыда рожи не износишь»; «Кто Богу не грешен, царю не виноват?»). Этому имело даже моральное оправдание: «Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься». Крестьяне с легкостью присваивали найденные вещи, даже если они точно знали, кому они принадлежат: «Плохо лежит — брюхо болит, мимо пройти — дураком назовут».⁴⁸ Один современник отмечал:

«Мелкое воровство — дело самое обыкновенное и совершается на каждом шагу, так что его и преследовать нельзя: сил не хватит. Воровство съестного есть что-то физиологическое, такое же неотразимое и невольное, как страсть к вину», что отразилось в пословице: «Грех воровать, да нельзя миновать».⁴⁹ Известный писатель В. Г. Короленко, разделявший в молодости народнические иллюзии и веривший в глубочайшую нравственность крестьян и их неспособность нарушить нравственные законы, был глубоко разочарован, когда при близком знакомстве с крестьянами не обнаружил этого. «С глухими местами у нас вообще связано представление об элементарных, простейших добродетелях. Я сначала думал то же, видя, например, как хозяева оставляют избы без запоров. Значит, думал я, хоть кражи-то здесь неизвестны. Но и в этом я ошибся. Впоследствии меня поразило обилие глаголов, которыми обозначалось понятие кражи. <...> Вообще на прочность этой первобытной нравственности рассчитывать нельзя. Это какое-то странное состояние неустойчивого нравственного равновесия, могущее качнуться в любую сторону».⁵⁰

В общине существовала структура должностей: староста, сборщик податей, писарь, десятские, сотские и т. п. Коронная администрация в государ-

ственной деревне и помещики в своих вотчинах, как правило, не решались назначать на общественные должности своих, независимых от общины лиц — это было бы дорого и неэффективно. Они использовали руководителей, выдвигаемых самими крестьянами, контролируя их выбор. Но, делегируя выборным власть, они вместе с тем строго контролировали выполнение ими полицейских и податных обязанностей. Деятельность выборных по организации повседневной жизни деревни мало заботила власти, но зато очень волновала общину, и в этой своей ипостаси выборные находились под ее неусыпным контролем. За плохое выполнение официальных обязанностей выборных ожидало наказание со стороны коронной администрации и помещика, а за нерадение об общинных интересах — осуждение и санкции со стороны крестьян. Как показывает практическая деятельность выборных, они крайне редко выходили из-под контроля общины и превращались во враждебную и стоящую над крестьянами силу. Причины этого состояли в том, что выборные регулярно переизбирались, не имели никаких существенных привилегий (не освобождались даже от платежа налогов и повинностей), продолжали заниматься крестьянским трудом, находились под контролем общественного мнения, в случае злоупотребления властью им грозил крестьянский самосуд. Словом, выборные не теряли связи с крестьянством, и их интересы в большей мере совпадали с интересами общины, чем помещика или коронной администрации. Как правило, выборные выступали в роли защитников общины, ее ходоатаев, организаторов. Несмотря на угрозу наказания, часто именно выборные возглавляли крестьянские бунты. Естественно, положение выборных, обязанных служить двум господам одновременно, было нелегким, и важные общественные должности рассматривались крестьянами как почетная, но тяжелая обязанность. «В полах сидеть — кашу есть, а в сотских — оплеухи. На старосту не челобитчик, а от миру не прочь», — говорили крестьяне.

Когда же выборные забывали об интересах крестьянства — это иногда случалось в помещичьих имениях, против них принимались ответные меры. Такие выборные переизбирались, а если власти защищали их, крестьяне не останавливались и перед бунтом. Наиболее часто отрывались от крестьян писари, должность которых за отсутствием грамотных в деревне нередко превращалась в наследственную. Пользуясь неграмотностью крестьян, некоторые из них злоупотребляли властью, использовали общественную должность для личного обогащения. Но в конце концов, когда крестьянам становились известны злоупотребления выборных, они добивались их смещения, если власти не шли на уступки — применялся самосуд.⁵¹

Таким образом, выборные являлись одновременно официальными и неофициальными руководителями. Будучи утвержденными властями, они являлись официальными должностными лицами и обязаны были проводить в жизнь официальные интересы, но, как избранные на общественные должности по воле крестьян, они должны были выражать и в действительности выражали крестьянские интересы.

Мирские дела находились в руках наиболее солидной части крестьянства, поскольку важные выборные должности занимали «мужики зажиточные, порядочные и добрые», «честного поведения, предпочтительно грамотные, сметливые, рассудительные, во всех отношениях ловкие»,⁵² обычно в возрасте 40—60 лет. При избрании на самую важную должность старосты сход принимал решение, или выбор, которое включало формулу доверия («мы ему верим; понеже он человек добрый и правдивый, истинное его дело будет») и обязательство крестьян быть ему послушными («а нам, мирским людям, быть ему во всем послушным»). По окончании службы выборный получал утвержденный на сходе аттестат, в котором оценивалась его работа. Вот выдержка из типичного аттестата, выданного старосте: «В бытности его во управлении сей должности вел себя добропорядочно, с подчиненными

ему обходился благопристойно, ласково и снисходительно, в разбирательстве наблюдал долг присяги, предубежденьев (обид. — *Б. М.*) никому не чинил, и жалоб на него ни от кого не принесено, почему и заслужил себе справедливую от общества благодарность, которого впредь принимать в мирских советах за достойного в чести человека». ⁵³ Формулы избрания и аттестации были всюду похожими, потому, вероятно, что обобщали те качества, которые требовались от выборного лица. Как свидетельствуют аттестаты, положительной оценки заслуживала только та деятельность, которая была направлена на удовлетворение крестьянских интересов.

Подлинными неформальными лидерами общины являлись *старики* — мужчины в возрасте 60 лет и старше, сохранившие трудоспособность, ясный ум и являвшиеся главами хозяйств. Старики, обладавшие большим опытом, служившие в свое время по выборам, пользовавшиеся репутацией честных, справедливых людей, объединялись в неформальную организацию — «совет стариков» и составляли наиболее влиятельную группу лиц в общине. ⁵⁴ Любое важное дело рассматривалось прежде всего ими, и их мнение при обсуждении проблемы на сходе было решающим. Высокий престиж стариков объяснялся тем, что общинная жизнь строилась не по науке, не по книгам, а по устной традиции, переходившей от старшего поколения к молодежи. В такой ситуации самыми компетентными оказывались старики, так как именно они знали обычаи и традиции лучше других и являлись в полном смысле живой, ходячей энциклопедией. «В общественном быту здешних крестьян свято сохраняется порядок старинный, христианский. Всякая власть уважается, как данная от Бога. Главное основание общественного устройства есть уважение к старикам и их общему приговору. <...> Староста, сам собой, не решается ни на что важное, касающееся всего общества, без стариков. На мирских сходах редко крестьянин моложе сорока лет возвышает голос: взаимная доверенность к избираемому начальству и сонму стариков так велика, что молодежь считает предосудительным что-либо говорить на сходке», — засвидетельствовал один из современников — помещик Нижегородской губернии в 1848 г. ⁵⁵

Выборные являлись исполнительной властью в общине. С точки зрения коронной администрации и помещиков, во всех вопросах, касающихся общественного порядка, налогов и повинностей, выборные должны были исполнять их волю, в остальных вопросах крестьянской жизни — волю общины. Однако с точки зрения крестьян выборные должны были всегда и во всем служить общине и выполнять волю схода — общего собрания глав хозяйств. В сущности сход и олицетворял общину, поэтому когда речь идет об общине, то обычно имеется в виду именно сход. На практике получалось так, что ни выборные, ни отдельный крестьянин ничего не могли предпринять без решения схода. Даже указания администрации и помещика, прежде чем претвориться в жизнь, должны были получить мирское согласие на сходе. Правительство и помещики сознавали силу схода и поэтому стремились любыми средствами добиться от него одобрения своих указаний, особенно непопулярных у крестьян. ⁵⁶ Таким образом, не только в казенной или удельной деревне, но и в помещичьей вотчине община обладала значительной автономией от коронной и помещичьей власти, пользовалась самоуправлением и имела реальные средства отстаивать свои интересы.

Все ли крестьяне и в какой степени участвовали в самоуправлении? По обычаю, решения на сходах принимали только дворохозяева-мужчины (которые также назывались главами хозяйств, большаками или патриархами), хотя присутствие на сходе любого крестьянина не запрещалось. В XVIII—первой половине XIX в. средняя населенность двора составляла 8—9 человек, имелись одинокие и вдовы с детьми, поэтому патриархи составляли не более 10% всего населения общины. Следовательно, теоретически всего около 10% крестьян имели право участвовать в сходах, в крестьянских судах,

избираться на различные выборные должности. И фактически это право использовали все дворохозяева, хотя в разной мере. Когда в повестке схода стояли принципиальные вопросы, такие как передел земли, распределение налогов и повинностей, обсуждение какого-либо важного преступления, распоряжения начальства, то собирались все наличные здоровые патриархи, при решении второстепенных вопросов — наиболее заинтересованные. Но какие бы вопросы ни обсуждались на сходах, влияние отдельных крестьян на принятие решений было различным — пропорциональным их престижу. Голос патриарха зависел от величины и зажиточности семьи, которую он представлял. Поскольку именно размер семьи, как правило, в решающей степени определял ее благосостояние, а он колебался от 3 до 50 и более человек, то соответственно варьировало и влияние патриархов.

В больших общинах, по свидетельству современников, во главе мира находилась не очень многочисленная группа крестьян, пользовавшаяся особым влиянием и уважением — своего рода элита. В ее состав входили «лучшие старики», а также некоторые патриархи зажиточных семей в возрасте 40—60 лет.⁵⁷ Анализ подписей под мирскими приговорами обнаруживает, что под решениями сходов и различных комиссий, ими создаваемых, чаще всего подписывалась (за неграмотных — грамотные) одна и та же сравнительно узкая группа лиц. Например, в Никольском имении графа В. Г. Орлова в 1806—1814 гг. ежегодно действовали две комиссии — по финансовой проверке старост и по разверстке земли и повинностей. В обе комиссии за 9 лет было выбрано 158 крестьян, но в работе принимало участие 65 человек, из которых 31 человек — 1 раз, 26 человек — 2—4 раза, 8 человек — по 5—12 раз.⁵⁸ Однако существенно различная степень участия патриархов в органах самоуправления не дает основания полагать, что в общине действовало олигархическое, а не демократическое управление. Во-первых, высшим органом общины был все-таки сход всех патриархов, и ни один из них не мог быть устранен от принятия решений, даже если бы он сам этого хотел: во избежание будущих недоразумений община требовала от каждого личного участия в принятии принципиальных решений, так как это гарантировало их выполнение. И хотя патриархов было немного, они представляли все полноценные хозяйства, что позволяло учитывать интересы всей общины. Во-вторых, средние и низшие должности по общественному управлению занимали по очереди все дворохозяева без исключения. Наконец, элитарное управление практиковалось в основном в больших общинах, которых было немного; состав элиты постоянно изменялся, а важные выборные должности крестьяне занимали обычно год-два. Заметим, кстати, что более активное участие в управлении сравнительно немногочисленной части населения является типичным для всякого по-настоящему демократического режима.

Активное участие в управлении одних патриархов и слабое участие других было обусловлено двумя обстоятельствами. Для крестьянства «справедливое», т. е. уравнительное, распределение материальных благ имело большее значение, чем уравнительное распределение власти и влияния, поэтому они были чрезвычайно щепетильны относительно распределения земли и налогов и достаточно равнодушны относительно распределения власти.⁵⁹ Второе обстоятельство состояло в том, что активное участие в общественных делах требовало опыта и времени — оно поглощало до трети рабочего времени — и очень мало или вовсе не вознаграждалось, а иногда даже приносило убытки.⁶⁰ Жалованье и незначительные льготы не компенсировали потерь рабочего времени, особенно для лиц, занимавших наиболее важные выборные должности. Общественная служба была тяжелой обязанностью. Ввиду этого общественными делами могли и действительно активно занимались, во-первых, люди пожилые и опытные (пожилые люди не могли особенно активно участвовать в тяжелой крестьянской работе в своем хозяйстве, и их отвлечение на общественные дела наносило наименьший урон

хозяйству), во-вторых, люди из большой семьи, которая безболезненно могла обойтись без одного работника, в-третьих, люди зажиточные, могущие как-то компенсировать свою неполную занятость делами своего хозяйства. Большие семьи, как правило, были зажиточнее малых, а пожилые люди возглавляли эти семьи в качестве большаков. Ввиду этого именно большие семьи главным образом и поставляли выборных. Таким образом, неравномерное распределение общественных обязанностей между различными социальными группами крестьянства приводило к тому, что власть ложилась бременем на высшую страту крестьянства. За престиж, уважение и власть зажиточные крестьяне платили своего рода налог, и поэтому более активное их участие в общественных делах устраивало остальных крестьян. Случалось, что крестьяне под всякими предложениями уклонялись от общественной службы, например, специально совершали маловажные проступки, чтобы их оштрафовали и лишили чести занимать общественную должность.⁶¹ Как это ни парадоксально, но неравномерное распределение власти поддерживало экономическое равенство, а стремление к экономическому равенству приводило к концентрации власти в руках зажиточного крестьянства. Итак, при уравнительном распределении между крестьянами общинного имущества бремя власти между ними распределялось неравномерно. В этом смысле община напоминала патриархальную крестьянскую семью, где имущество принадлежало всем ее членам, а власть концентрировалась в руках большака.

Для понимания характера власти и управления в общине большое значение имеет процедура принятия решений. Согласно обычному праву, единогласие патриархов на сходе являлось неременным условием для принятия любого решения. Если хотя бы один человек был не согласен, решение не могло считаться окончательным и быть реализованным. Каким же образом достигалось единогласие? Несогласное меньшинство или убеждалось доводами большинства, или, не будучи убежденным, добровольно уступало, чтобы быть заодно со всеми, чтобы не вступать в конфликт с миром. Принуждение в психологическом, а тем более в физическом смысле не применялось, хотя случалось, что меньшинство оказывалось вынужденным согласиться с мнением большинства вопреки своему желанию. С другой стороны, бывало и так, что целое крестьянское общество на многих сходах выбивалось из сил, чтобы уговорить одного из своих сочленов согласиться со всеми, и, не получив его согласия, откладывало дело.⁶² Требование единогласия фактически давало каждому патриарху право вето, реализовать которое, однако, было нелегко. Право вето иногда использовали наиболее смелые крестьяне, чтобы противостоять помещикам или коронной администрации, вынуждая последних либо уступить, либо принять крайние меры в отношении несогласных, на что власти всегда шли неохотно. В основе правила единогласия лежало убеждение, что только согласие всех сделает решение прочным и справедливым, или божеским. Одна иллюстрация пояснит этот несовременный взгляд. В. Г. Короленко, около 10 лет проведенный в ссылке в глухих местах России и хорошо знавший народную жизнь, рассказывает в своих воспоминаниях примечательный случай. В 1879 г. он встретился в ссылке с двумя крестьянами, высланными за то, что не подписали соглашения между общиной и Министерством финансов, которое захватило у крестьян лес. «Оба они были уже старики. Оба были многодетные, и жизнь в ссылке отзывалась на них очень горько. Но они были уверены, что торжество злодея (Министерства финансов.—*Б. М.*) не может быть полным, пока они, два брата Санниковы, не смиряются и „не дадут рук“ (не подпишут соглашения.—*Б. М.*). А они решили не смиряться: лучше умереть за мир в неволе. И они сознательно несли на своих старых плечах тяготу своего мира».⁶³ Разумеется, принцип единогласия в крестьянской общине мог иногда маскировать власть наиболее влиятельных лиц, но, как правило, это бывало лишь в тех немногочисленных случаях, когда деревня была в имущественном от-

ношении резко дифференцирована, когда имелся действительно богатый крестьянин, закабаливший большинство односельчан. Значительно чаще консенсус прикрывал власть «верхушки» в посадских общинах в XVIII в., а в сельских общинах — лишь после эмансипации. Стоит добавить, что общинная этика в дореформенное время негативно оценивала оппозицию, открытое несогласие, настаивание на собственном мнении. Формально действовал принцип «один патриарх — один голос», но, поскольку голоса никто не считал, фактически уважаемый крестьянин «весил» больше, а менее влиятельный — меньше, чем один голос.

Итак, именно на неофициальную структуру общины ложилась основная нагрузка по организации жизни крестьян; значение официальной структуры было велико, но все же менее важным. Правительству удалось включить выборных в систему государственной администрации, а общину — в систему государственного управления. Однако **общинное самоуправление не стало простым придатком государственной машины, а община не превратилась в официальную организацию.** Коронная администрация признавала автономию общины, потому что это был единственно эффективный способ обеспечить сотрудничество крестьян с властью, которая не имела ни финансовых средств, ни соответствующего бюрократического аппарата, чтобы контролировать доходы крестьян и брать с них налоги, а тем более организовывать их хозяйственную и бытовую жизнь. Благодаря тому что мирские должности не закреплялись за отдельными лицами или семьями надолго, сход являлся постоянно действующим органом, а все патриархи в той или иной степени принимали участие в управлении и занимались общественными делами, **власть в общине не была отчуждена от рядовых ее членов** и носила демократический характер. Однако это была не западная либеральная, а иная форма демократии — ее можно назвать **демократией общинного типа** (в силу того что она могла действовать только в организациях общинного типа), или **патриархальной демократией** (в силу большой роли патриархов), или **традиционной демократией** (в силу того что ее идеалом была традиция). Общинная демократия существовала только для глав хозяйств, предполагая безусловное подчинение им женщин, молодежи и мужчин, которые не были большаками; она сочеталась с преклонением перед стариной, с негативным отношением к инакомыслию, личной свободе, к социальным нововведениям, инициативе и вообще ко всякому отклоняющемуся поведению; она была основана на уважении к коллективу, а не к индивиду, отдавала предпочтение интересам большинства перед интересами меньшинства и отдельных лиц. В отличие от нее либеральная демократия, принимая за основу мнение большинства, не запрещает и не подавляет меньшинство и инициативу отдельных лиц и уважает личную свободу и индивидуальные права. Точка зрения современных славянофилов, согласно которой в общине существовала органическая демократия в том смысле, что община являлась организацией, связанной полным единодушием всех ее членов, в которой личность не поглощалась коллективом, не подчинялась его силе, а добровольно присоединялась к его решению, сливалась с ним в любви и братстве, отчасти верна для дореформенной общины, хотя и ее, на мой взгляд, идеализирует.⁶⁴ В общине до середины XIX в. действительно существовали солидарность и ощущение единства между крестьянами, но вместе с тем она практиковала насилие над непокорными, изгоняла из своей среды лиц, не соответствующих ее эталонным нормам поведения; в общине происходили столкновения групповых интересов и кланов родственников, наблюдались противоречия между выборными и крестьянами,⁶⁵ иногда общественными делами управляли доморощенные кулаки.⁶⁶ Организация общины до некоторой степени повторяла в миниатюре устройство Московского государства XVI—XVII вв. (староста — царь, совет стариков — Боярская дума, сход — земский собор, главы семей — правящая элита), которое было названо патри-

архальной народной монархией (подробнее см. гл. IX «Развитие русской государственности: становление правового государства»). По-видимому, крестьянство XVIII—первой половины XIX в. хранило политические традиции XVI—XVII вв. и даже еще более далеких периодов русской истории.

Особенности общины у государственных, удельных и помещичьих крестьян

Рассмотрим теперь особенности общинного строя среди различных категорий крестьянства. В 1857 г. на долю государственных крестьян приходилось 49% всего крестьянства и 41% всего населения страны, на долю удельных крестьян — соответственно 3,9 и 3,3%. Община в казенной и удельной деревнях в наибольшей степени соответствовала общей модели мирского устройства, которая охарактеризована выше. Это было связано с тем, что коронная и удельная администрация мало вмешивалась в жизнь деревни, предоставив крестьянам право самоуправления и оставив за собой общий контроль в делах, касающихся общественного порядка, исправного взноса платежей и исполнения разного рода повинностей. Вмешательство в жизнь поселян происходило лишь тогда, когда нарушался порядок и возникали трудности с уплатой налогов и ренты. В остальном крестьяне были предоставлены самим себе. До конца XVIII в. самоуправление крестьян осуществлялось по нормам обычного права, которые существовали как устная традиция.⁶⁷ В 1797 г. коронная и в 1798 г. удельная администрация составили специальные руководства, в которых в общих чертах определили тот общественный строй, который должен был поддерживаться в казенных и удельных селениях. Уставы санкционировали выполнение общиной не только полицейской и податной, но и других функций, никогда прежде не регулировавшихся властями. Так, обязанности выборных состояли в следующем: 1) обнародование законов и распоряжений правительства; 2) наблюдение за нравственностью и исполнением обязанностей со стороны крестьянства; 3) принятие мер по поддержанию общественного порядка; 4) раскладка повинностей, сбор и доставление в казначейство податей; 5) рассмотрение мелких уголовных и гражданских дел, принятие по ним решения и его исполнение; 6) опека над малолетними, сиротами, вдовами, расточительными и нерадивыми крестьянами; 7) охрана и правильное использование принадлежавшего общине имущества; 8) попечение о развитии сельского хозяйства и промышленности; 9) организация выборов руководителей общины; 10) наблюдение за церквями и приходами; 11) поддержание в исправности дорог и мостов; 12) принятие мер по общественному призрению и прекращению нищенства; 13) наблюдение за состоянием продовольствия крестьян, создание хлебных запасов на случай неурожая; 14) контроль за отлучками крестьян.⁶⁸ Однако дуализм общины не был преодолен. *Коронная администрация проводила четкое различие между общиной как поземельным неформальным союзом крестьян и той же самой общиной как официальной административной единицей.* Как поземельный союз община отдавалась в руки самого крестьянства, как административная единица она подчинялась коронным властям, которые действовали в общине через выборных. Видный Чиновник Министерства государственных имуществ А. Заблоцкий-Десятовский свидетельствовал, что государство использовало общину только как административно-податную единицу, не вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь. Как образно выразился в 1837 г. ревизор вятской казенной деревни: «Крестьяне — это стадо, которое стригут, но которое идет, куда хочет. Казенные палаты в хозяйственном отношении и земские полиции в отношении к гражданскому быту поселян имеют единственным предметом: первые — раскладку податей и повинностей, вторые — надзор за своевременным поступлением и отысканием виновных. Но не были для них руководителем».⁶⁹

Одни и те же выборные выполняли обязанности начальников и лидеров. Согласно инструкциям, дела, касавшиеся административных и податных вопросов, имели приоритет и как государственные отделялись от всех других дел, называвшихся общественными. Полицейская и податная функции общины, структура органов самоуправления и обязанности выборных как представителей коронной администрации были определены детально, в то время как остальные функции только обозначены. В сущности в инструкциях была сделана попытка юридически, официально закрепить тот общинный строй, который фактически существовал в казенной и удельной деревнях, правда, в интерпретации администрации, вследствие чего неофициальная структура стала полуофициальной. С этого времени можно говорить также и о признании за общинами казенных и удельных крестьян права юридического лица де-юре. Крестьяне указанных категорий в целом были довольны сложившимся положением, о чем свидетельствует то, что волнения среди них были редки (они случались в 3—4 раза реже, чем среди помещичьих крестьян) и что помещичьи крестьяне всегда мечтали перейти в разряд государственных или удельных.⁷⁰ Порядки, установленные в 1790-х гг., сохранились в удельной деревне до 1863 г.,⁷¹ а в казенной деревне — до 1840-х гг.

В 1838—1843 гг. правительство провело реформу, ставившую целью, по словам Заблоцкого-Десятовского, «внести идею законности во внутреннюю организацию общин, придать общинам значение моральных лиц (юридических лиц. — *Б. М.*), сделать их членов гражданами, все отношения их определить положительными законами, конечная цель которых уже не фискальность, а ограждение личности, словом, преобразовать общину на юридических началах».⁷² Другими словами, замысел заключался в том, чтобы официальная и полуофициальная структуры общины слились в единую структуру, а ее официальные и полуофициальные функции образовали единый комплекс, служащий интересам как государства, так и крестьянства.

Реформаторы составили подробнейшие и весьма пространные инструкции, или уставы, на этот раз детально определявшие общинный строй казенной деревни. Эти уставы составлялись с учетом обычного права и фактически существовавших порядков. Однако во многих случаях от традиции отклонялись. *Община была названа «сельским обществом» и впервые официально признана самоуправляющейся хозяйственно-административной единицей.* Высшим органом по делам общественным был провозглашен сход, а по делам государственным — «сельское начальство». Сельское начальство в некоторых существенных отношениях стало отличаться от прежних выборных. Была утверждена номенклатура общественных должностей с точным расписанием обязанностей и порядка исполнения должности; выборные крестьяне должны были соответствовать определенным цензам и — самое существенное — утверждаться коронной администрацией. Сходу сельского общества был придан представительный характер: не все дворохозяева, как прежде, принимали в нем участие, а только сельское начальство и по два представителя от каждых 10 дворов. Лишь при переделах земли на сход приглашались все патриархи. Деятельность сходов была регламентирована: они должны были собираться не по мере надобности, как прежде, а только для избрания руководителей, проведения переделов и три раза в год по текущим делам с определенной заранее повесткой дня. Общинная полиция, как и раньше, выбиралась крестьянами, но выводилась из-под контроля общины и подчинялась непосредственно коронной полиции. Сельский суд утратил свой неформальный характер: теперь он должен был осуществляться специальными выборными и утвержденными администрацией заседателями и сельским старшиной по субботам.

Важное изменение касалось состава сельского общества, которое должно было включать 300—500 дворов. Если какое-нибудь отдельное селение отвечало этому требованию, в нем утверждалось сельское общество, и тогда,

как и до реформы, сельское общество совпадало с общиной и селением. Поскольку число таких селений не превышало 1%, то два или несколько селений меньшей населенности объединялись в одно сельское общество, но таким образом, чтобы расстояние между ними не превышало 16 км. Чтобы выполнить последнее требование, сельские общества утверждались и в селениях, не имевших установленного числа дворов. В результате реформы число составных сельских обществ, объединявших несколько селений, увеличилось, а простых обществ, состоявших из одного селения, уменьшилось, и соответственно многие отдельные селения лишились права юридического лица. Крестьянство было этим недовольно и нашло простой выход — оно сохранило простые общины всюду, где они существовали до реформы, что привело к тому, что наряду с официальным сельским обществом продолжала существовать де-факто деревенская община с прежними функциями и с прежней структурой, действуя по обычаю и традиции. Вследствие этого в составных сельских обществах дуализм общины усилился: в них существовали вполне отчетливо официальная и неофициальная структуры, официальные и неофициальные сходы, начальники и лидеры.

Реформаторы, по-видимому, находились в состоянии административной эйфории, надеясь улучшить положение крестьян с помощью инструкций. Это стремление к всесторонней регламентации заслужило не вполне справедливое нарекание со стороны некоторых современников и историков как попытка поставить живую жизнь в мертвые рамки инструкции, как попытка бюрократизации общины. В данном подходе заключалось и рациональное зерно — желание перейти от устного обычного права к письменному праву, к закону. Поскольку уставы и законы опирались главным образом на обычное право и традиции, то огромная работа по их составлению (Учреждение по управлению государственными имуществами заключало в себе более 4000 статей) явилась в сущности кодификацией обычного права, имевшей целью модернизировать порядок управления, поставить его в рамки писаного закона как для крестьянства, так и для правительства. Беда в том, что вследствие многовековой традиции управлять не по закону, а по совести и правде, ввиду низкой грамотности и слабого контроля со стороны коронной администрации, а также недостатка компетентных и порядочных чиновников быстрый переход государственных крестьян к правомерному общественному строю едва ли был возможен. Кроме того, крестьяне недоверчиво, а часто и враждебно встречали все, что исходило от коронной администрации. Наконец, закрывая дорогу произволу на почве отсутствия писаного закона, многочисленные и многословные уставы открывали путь другому злу — злоупотреблениям на почве плохого знания крестьянами законов, неправильного их толкования, т. е. злоупотреблениям на почве закона. Все перечисленные факторы способствовали тому, что крестьяне в целом негативно отнеслись к реформе, усматривая в ней усиление вмешательства в их жизнь.

Однако на деле реформа не разрушила традиционный общинный строй, как казалось некоторым историкам, хотя до некоторой степени его бюрократизировала и поставила на более четкие, чем прежде, юридические основания. Коронная администрация была слишком слаба, чтобы совершить радикальную перестройку, о которой она мечтала, а крестьянство не проявляло к такой реформе интереса. Благодаря этому **традиционный общинный строй полностью сохранился** и вмешательство администрации, как и прежде, касалось в основном административных и податных вопросов.⁷³ Государственные крестьяне по-прежнему обладали большой оперативной автономией, о чем, например, свидетельствует следующий факт. Чиновники, изучавшие распространение раскола в 1850-е гг., через 10—15 лет после реформы обнаружили, что именно в казенных селениях находились наиболее уважаемые раскольничьи молельни и самые ревностные руководители раскола по той

причине, что они живут там, «никогда и никогда не тревожимые и не видя стеснений в отправлении своих незаконных действий и обрядов».⁷⁴

Второй по численности категорией крестьян были владельческие крестьяне, в 1857 г. их доля среди крестьян составляла 47%, а во всем населении страны — 39%. Закон отдавал управление ими в основном в руки помещиков, оставляя за собой право высшего надзора и суда, а также и право вмешательства в случае необходимости. Закон поддерживал общину, но не регулировал ее прерогативы, поэтому ее роль варьировала от имени к имени. Однако все разнообразие форм общинного устройства у помещичьих крестьян можно свести к трем типам, и оно зависело от того, на барщине или оброке находились крестьяне, и от того, кто непосредственно управлял имением — помещик, приказчик (управляющий) или община.⁷⁵

Барщинные имения, где в середине XIX в. проживало около 56% владельческих крестьян, управлялись самими помещиками или их приказчиками, в то время как оброчные имения, где сосредоточивалось около 44% крестьян, находились под управлением самой общины. В мелких барщинных имениях с числом крепостных до 100 душ мужского пола (на их долю приходилось 19.1% всех помещичьих крестьян в 1857 г.) помещики обычно управляли самостоятельно, в средних с числом крепостных от 100 до 500 (37.2% крестьян) и больших имениях с числом крепостных более 500 (43.7% крестьян) — с помощью специального аппарата управления. Случалось, что в мелких барщинных имениях господствовал суровый вотчинный режим, а общинное самоуправление замирало. Однако в средних и больших барщинных имениях более обычной была практика разделения сфер влияния между помещиком с его аппаратом и общиной. Когда дело касалось собственно крестьянского хозяйства и быта, там большую роль играла община, вмешательство помещика происходило либо в кризисных ситуациях, либо по апелляции к нему самих крестьян.⁷⁶ Когда дело касалось барщины, выполнения тех или иных повинностей, там главенствовали помещик и его аппарат. Но и здесь без общины не обходилось. Она сопротивлялась увеличению повинностей и ужесточению надзора, и помещик был вынужден с этим считаться.⁷⁷ Управление с помощью приказчиков практиковалось преимущественно крупными, но также средними и мелкими помещиками, когда они находились на службе. В этом случае помещик сохранял мирское управление как на крестьянской, так и на барской половине имения в качестве противовеса управителю и контролеру за его действиями. В подобных имениях община играла более существенную роль по сравнению с имениями, которыми управлял сам помещик. Наконец, в оброчных имениях независимо от их численности, как правило, действовало крестьянское самоуправление в полном своем объеме. Под общим контролем помещиков и их доверенных лиц мир был активно вовлечен в управление вотчиной, и его значение было примерно таким же, как и в казенных селениях. Община распоряжалась надельными землями, выделенными ей помещиком, организовывала производство, регулировала внутريدеревенские отношения, вершила суд и т. д.⁷⁸

Итак, **управление крестьянами в помещичьей деревне строилось, с одной стороны, на слабой зависимости от коронной администрации, с другой стороны, при значительном участии мира.** Благодаря общине крестьяне либо осуществляли самоуправление, либо являлись соучастниками управления вместе с помещиком и его административным аппаратом. В имениях, насчитывавших менее двух десятков дворов, деятельность общины как важнейшего социального института крестьянства почти замирала, и крестьяне попадали под полное управление своего владельца. Хотя таких имений было много — 41% общей их численности, но в них проживало всего 3% крестьян.⁷⁹ Кроме того, в таких имениях дистанция между бедным барнином и крестьянами существенно сокращалась, и их отношения часто принимали достаточно патриархальный характер. Объяснялось это тем, что благосо-

стояние бедных мелких помещиков находилось в сильнейшей зависимости от каждого крестьянина, в силу этого они вынуждены были считаться с интересами крестьян, не злоупотреблять своей властью, а разделять ее так или иначе с крестьянами.⁸⁰ Высоко оценивал способность самоуправления крестьян с помощью общины А. Гакстаузен.⁸¹

Почему помещики признавали мирское самоуправление? Что лежало в основе преимущественно мирного сосуществования помещика и общины? Помещики были вынуждены переложить на общину большую часть своих обязанностей по управлению крестьянами, чтобы уменьшить расходы по управлению имениями и тем самым уменьшить издержки производства.⁸² Это вынуждало помещиков активно вмешиваться в крестьянские дела лишь в том случае, если задевались их личные интересы, и исполнять роль арбитра в спорах между крестьянами. Многие помещичьи инструкции прямо запрещали крестьянам обращаться к помещикам или в их конторы с «незначительными делами» и обязывали все частные иски, внутрисемейные ссоры и конфликты разбирать на общинных судах и сходах.⁸³

Само по себе существование общинного самоуправления служило серьезным препятствием на пути помещичьего произвола, и поэтому крестьяне, сознавая это, твердо защищали общину от покушения на нее помещиков.⁸⁴ Сопротивление крестьян было так велико, что даже в тех случаях, когда увеличение надзора за крестьянами за счет сокращения самоуправления сулило значительный рост ренты, помещики, как правило, сохраняли общинное самоуправление из-за страха бунта.⁸⁵

Государство рассматривало общину в качестве фактора, стабилизовавшего общественный порядок в деревне, поэтому вплоть до начала XX в. оно поддерживало общинный строй. Кроме того, коронная администрация сохраняла за собой право вмешиваться в дела частновладельческой деревни не только тогда, когда крестьяне выходили из повиновения, но и тогда, когда помещик злоупотреблял своей властью. Прежде всего закон Павла I от 1797 г. и последующее законодательство ограничили барщину тремя днями в неделю, а также запретили работать в воскресенье, в государственные и «в храмовые в каждом селении праздники».⁸⁶ Помещики преследовались в уголовном порядке за жестокое обращение с крестьянами. Например, с 1834 по 1845 г. было привлечено к суду за жестокое обращение с крестьянами по меньшей мере 2838 помещиков, из них 630 осуждены, остальные отделались внушением, предупреждением, у некоторых правительство забрало имения в опеку. В 1851—1853 гг. в среднем в год в опеку попадало 195 имений. С 1826 г. правительство через предводителей дворянства и губернские власти организовало секретное наблюдение за отношениями между помещиками и крестьянами.⁸⁷ Как видим, представление, согласно которому крепостные были всецело отданы под власть помещика, нуждается в корректировке.

Общинный строй у белорусского и украинского крестьянства имел некоторые особенности. У них была общинная собственность на землю, но не было переделов. Пахотная земля распределялась общиной в наследственное пользование, но чересполосно, а пастбища находились в общем владении. Существование подворно-общинного землевладения объяснялось тем, что эти территории перешли к России от Польши, где понятие частной собственности имело глубокие корни и традицию, уходящую в XVI в. Чересполосица вынуждала крестьян иметь единый севооборот, а общину — координировать время основных сельскохозяйственных работ. Круговая ответственность связывала крестьян также и в финансовом отношении. В результате основные функции общины были такими же, как в русской переделной общине, и здесь на общину падало все бремя по организации быта крестьян. Однако индивидуальное владение землей имело следствием более значительную, чем в великорусской деревне, имущественную дифференциацию крестьян, более сильное развитие индивидуализма, меньшую сплочен-

ность и слабую кооперацию. Этому способствовали и некоторые различия в эталонной системе ценностей, в которой коллективность, взаимопомощь занимали более скромное место, чем у русских. Современник писал в 1860-е гг. о белорусских крестьянах: «Общинное начало развито в крайне ограниченных размерах, поэтому к упадку отдельного хозяина прочие относятся безучастно; они не пренебрегают случаем поживиться на счет обедневшего, например, захватом его земли, накладом на него излишней натуральной повинности и т. п.»⁸⁸

Принципы общинной жизни

Суммируем наши наблюдения над жизнью крестьян в русской передельной дореформенной общине путем реконструкции тех принципов и эталонных норм поведения, которые определяли общинный строй жизни.

1. Каждый обязан трудиться и одновременно имеет возможность трудиться, так как община обеспечивает всех взрослых мужчин средствами производства: кто не работает, тот не ест («Хочешь есть калачи, так не сиди на печи»), кто работает, тот ест («Кто не ленив пахать, тот будет богат»), как работаешь, так и живешь («Что потрудимся, то и поедим»).

2. Труд должен быть умеренным («Работа не волк — в лес не убежит»); нельзя работать в воскресенье, церковные и светские праздники.

3. Каждый взрослый крестьянин имеет право на свою, равную с другими долю в доходах и имуществе общины. Мир обязан предоставить ему во временное пользование землю, находящуюся в общинном владении или собственности, за уплату падающих на эту землю платежей («На всякую душу Бог зарождает»; «Родись человек — и краюшка хлеба готова»). Крестьянин имеет право на достойное существование, т. е. на минимальный уровень дохода, который обеспечивают община, помещик, государство (царь, коронные власти) и Бог («На Руси никто с голоду не умирал. За голодного Бог заплатит»).

4. Община обязана помогать крестьянам в кризисных ситуациях, таких как пожар, потеря скота, инвалидность, болезнь, сиротство и т. п.

5. Интересы мира имеют приоритет перед интересами отдельных семей и крестьян («Кто больше мира будет? С миром не поспоришь»; «На мир и суда нет. Мир один Бог судит»).

6. В общине по всем общественным вопросам должно существовать согласие.

7. Моральный кодекс общины воплощает христианские заповеди, крестьяне обязаны его соблюдать.

8. Крестьяне обязаны поддерживать коллективизм и солидарность («Все за одного и один за всех»).

9. Все патриархи обязаны участвовать в общественных делах, присутствовать на сходах, занимать выборные должности.

10. Между всеми патриархами существует полное равенство в отношении прав и обязанностей, но старики имеют приоритет перед остальными на сходах, в принятии решений, в суде и других общественных делах.

11. Мужчины, не являющиеся патриархами, не участвуют на сходах, не принимают решений, их интересы, как и интересы всех других членов семьи, представляет большак.

12. Женщины не имеют никаких денежных и натуральных обязательств перед общиной и государством, но зато не имеют и никаких прав, в частности не участвуют в общественном управлении и не имеют доли в общинной собственности и права на земельный надел («Курице не быть петухом, а бабе — мужиком»; «Бабе дорога — от печи до порога»).

13. Мир уравнивает крестьян, стремится к тому, чтобы имущественные и всякие другие различия между крестьянами были минимальными, в свою

очередь отдельный крестьянин не должен выделяться из общего ряда («Вперед не забегай, а от своих не отставай»; «Ни на какое дело не называйся и ни от какого не отказывайся»).

14. Мир имеет право вмешиваться во внутрисемейные и личные дела крестьян, если они вступают в противоречия с обычаем и традициями, нарушают общественный порядок; если хозяйство неисправно платит налоги и вообще неисправно выполняет финансовые обязательства перед общиной, она назначает большаком другого члена того же двора. Человек безусловно подчиняется мирскому решению («Как мир захочет, рассудит, порядит, поставит, позволит, приговорит, положит; мирская воля»).

15. Община в целом и каждый крестьянин в отдельности в своей жизни ориентируются на старину как на образец («Как отцы и деды, так и мы. Отцы и деды не знали этого, да жили же не хуже нашего»).

16. За отдельным крестьянином признается инициатива («воля») настолько и до тех пор, пока она не нарушает обычая, традиций и интересов мира («Все можно, нельзя только на небо влезть»; «Своя волюшка доводит до горькой долушки»; «Безобычному человеку с людьми не жить»).

17. Мир является хранителем традиций, правды и справедливости, его решение — глас Божий («Что мир порядил, то Бог рассудил»)⁸⁹.

Сформулированные принципы определяли поведение всех и каждого, в них нашли свое отражение социальные, семейные, экономические отношения внутри общины. Следует иметь в виду, что, несмотря на социальную и имущественную однородность крестьянства, не всем *в каждый данный момент* хотелось в полную меру следовать этим принципам — кому-то они создавали неудобство, служили помехой, были невыгодны. Например, не для каждого хозяйства в момент передела он был целесообразен, не каждый крестьянин хотел платить за должника (недоимщика), особенно если это был нерадивый, ленивый крестьянин, и т. п. Сельская община, несмотря на коллективистский дух, не являлась благотворительным учреждением, а крестьянин, несмотря на его готовность поступиться личными интересами во имя общих, не был филантропом. Принципы были обязательными для крестьян, но это вовсе не означало, что всегда и безусловно все земледельцы им следовали. На практике принципы реализовывались в столкновениях и спорах, а иногда и в борьбе разных групповых интересов. Находились недовольные решениями сходов, случалось, что крестьяне жаловались властям на выборных. Не следует идеализировать общину, а крестьян представлять «аркадскими пастушками». Но все же до 1860-х гг. на сходах спорили люди одного мировоззрения и одной культурной ориентации из-за того, как эти принципы конкретно и наилучшим образом воплотить в жизнь.

В целом **принципы соответствовали потребностям и интересам большинства крестьян, их пониманию справедливости, а также и представлениям о настоящей, доброй христианской жизни, которые утверждала православная церковь.** Мы легко обнаруживаем проявление десяти заповедей Закона Божьего в принципах общинной жизни. Община согласно первой христианской заповеди требовала от крестьянина более всего полагаться не на себя, а на Бога и на бесконечное милосердие Божие. В соответствии со второй заповедью община отрицательно относилась к тому, чтобы крестьянин делал идол из богатства, пищи, власти, гордости или тщеславия. Клятва, данная именем Божиим, имела большое значение во всех делах общины, а нарушение обетов и клятвы рассматривалось в полном согласии с третьей и девятой заповедями как тяжкое преступление и грех. Строгий запрет работать в воскресные и другие праздничные дни находился в гармонии с четвертой заповедью, запрещавшей работать во все праздники и посты, безусловное требование подчиняться старшим и родителям — с пятой заповедью: почитай отца и мать свою (не забудем, что царь почитался как отец), строго негативное отношение к супружеской измене — с седьмой заповедью, к

убийству и воровству — с седьмой и восьмой, наконец, требование быть довольным тем, что имеешь, — с десятой заповедью. Таким образом, община стремилась организовать свою жизнь на христианских заповедях. Много правды в словах С. Ю. Витте: «Нигде в цивилизованных странах нет такого количества безграмотных, как у нас в России. Можно сказать, что русский народ, если бы он только не был народом христианским и православным, был бы совершенно зверем; единственно, что отличает его от зверя, — это те основы религии, которые переданы ему механически или внедрены в него посредством крови».⁹⁰

При полной реализации принципов получалась бы идеальная общность, по терминологии Ф. Тенниса, при полном их игнорировании — возникло бы общество. Но такие крайности в реальной жизни не встречались. Все реальные общины вместе образовывали длинный ряд от общин со слабым мирским духом до общин с сильным мирским духом. Можно сказать, что конкретные общины адаптировались к различным изменяющимся условиям существования, применяя разнообразные методы для достижения своих целей, но в рамках указанных принципов. Словом, социальная жизнь в отдельных общинах была разнообразна, но она не уклонялась существенно от эталонной модели общины, а важнейшие действующие лица — крестьяне, государство и помещик — были заинтересованы в том, чтобы отклонения были редкими и незначительными.

Эти принципы поддерживали общинный строй жизни, обеспечивали экономическую и социальную стабильность, общественный порядок, личностный характер отношений, консолидировали крестьян в корпорации, которые защищали их права и жизненный уровень от наступления государства и помещиков. Уверенность в том, что завтра будет так же, как сегодня, представляла для крестьянства более значимую ценность, чем движение вперед, обещавшее с большей или меньшей вероятностью, что завтрашний день будет лучше сегодняшнего. *Стабильность они ценили больше, чем эффективность, уверенность — больше, чем прогресс*, связанный с риском и неустойчивостью: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе».

Уместно вспомнить, что в 1840—1850-е гг. об общине много спорили славянофилы и западники — представители двух главных течений русской общественной мысли. Общинный строй жизни казался славянофилам воплощением высокого христианского идеала взаимных отношений между людьми, удержавшегося в полной мере только в России и притом только в среде русского крестьянства. Западники резко возражали. В их глазах русская сельская община была лишь запоздалым остатком патриархального быта, подавлявшим индивидуальное развитие, энергию и инициативу, без которых никакая «правильная общественная жизнь» немыслима. Единогласие, круговая порука представлялись западникам путями, которые принижали и умаляли личность. Славянофилы были правы в том, что вплоть до середины XIX в. в России община была живым, действующим организмом, удовлетворявшим потребности крестьян и соответствовавшим их идеалу общественной организации. Но они заблуждались относительно того, что община была уникальным русским институтом. **Общинный строй являлся типичной формой организации общественной жизни доиндустриальных обществ Европы**, он сохранился в России не в силу своеобразия ее исторического пути, а в силу замедленного развития, если, конечно, считать, что путь Запада универсален. Славянофилы переоценивали, а западники недооценивали социальную ценность и совершенство общины как общественной организации. Славянофилы идеализировали общину, западники завышали уровень развития русского крестьянства, для которого община еще отнюдь не была, как они полагали, «остатком варварских времен». Это признавали и некоторые западники. «Заведите в деревне западные порядки, — говорил К. Д. Кавелин в 1860 г., — близкий, быстрый и даже справедливый суд, но с книжными

понятиями о нерушимости обязательств — и вместо теперешней бойкой, размашистой жизни водворится вялость сделок и вялость людей; непременно будет кто-нибудь притеснять другого, но не попеременно, как теперь, а постоянно, под благовидным предлогом святости договора».⁹¹

Личность и внутриобщинные отношения

Все отношения между крестьянами имели личностный характер, так как они общались друг с другом непосредственно, лицом к лицу, что нашло отражение в пословице: «Жить в соседях — быть в беседах». Они строились, во-первых, на постоянной основе, так как продолжались всю жизнь, во-вторых, на родственной, товарищеской или соседской основе в большей степени, чем на меркантильных и рациональных расчетах. *Все это придавало межличностным отношениям целостный, персональный, эмоциональный, интимный характер.* Это нашло отражение в двух примечательных фактах: все крестьяне, в отличие от образованных классов населения, были друг с другом на «ты», что являлось признаком равенства и дружбы; все общинники имели прозвища и чаще называли друг друга не по имени, а по прозвищу: Хитра, Рябуха, Тигра, Телятник, Душечка, Волк, Дукач и т. п. В этих прозвищах отмечались отличительные, внутренние или внешние, особенности человека: Хитра — хитрый, Рябуха — рябая, Тигра — недобрый, Дукач — тяжелый, сварливый и дерзкий и т. д.⁹² Крестьянин был неотделим от своего социального окружения. У него не было сугубо личных дел, которые бы совершенно не касались его соседей, а тем более родственников. Это не значит, конечно, что за человеком не признавалось право на личную жизнь и индивидуальное решение, что он не имел тайн и не совершал поступков, не известных другим. Однако любое сколько-нибудь важное событие в его жизни было известно всей деревне. Вся жизнь каждого крестьянина проходила, что называется, на виду, поступки его открыто обсуждались и оценивались. Скрытность осуждалась, советы с родственниками по поводу своих проблем считались необходимыми. Семейные разногласия были достоянием всей деревни. «Деревенский человек привык жить открыто, большая часть его жизни проходит на улице, на глазах у всех. Даже самые интимные моменты своей жизни он не умеет скрыть от улицы: как, что и сколько он работает, как, что и сколько он ест, как и кого он любит, как воспитывает детей, каковы отношения в его семье — все это известно миру до мельчайших подробностей; точно так же как известно и то, кого он ненавидит».⁹³ Да и тайну, если она не имела криминального характера, не пытались скрывать. Даже обманутый муж не стеснялся провести изменившую ему жену обнаженной через все село. Крестьянин стремился к публичности, так как нуждался в санкции мира. Без этого одобрения ни свадьба, ни похороны, ни рождение не становились действительными событиями в глазах крестьянина. Чем больше людей были свидетелями того или иного события, тем значительнее казалось общественное одобрение, тем как бы реальнее становилось данное событие для крестьянина. Открытость личности являлась необходимым условием действительности личности, публичность общественных отношений — условием действительности этих отношений, словом, открытость и публичность были атрибутами действительности. Таким образом, общинные порядки связывали крестьян многочисленными взаимными обязательствами, ставили их в положение взаимной зависимости, а совместный труд и отдых вырабатывали в них чувство сильной привязанности и духовной близости: «Не купи двора, купи соседа»; «Близкий сосед лучше дальней родни». Одиночество рассматривалось как величайшее несчастье: «Один и в каше загниет (утонет)»; «Сам себе на радость никто не живет»; «Живи для людей — поживут люди для тебя»; «Моя радость хоть во пне, да не во мне».⁹⁴

Слитность крестьян одного селения в едином коллективе имела много проявлений, из которых, пожалуй, важнейшими можно считать братчины, хождение в кусочки и помочи. Братчины — обычай совместных трапез, посвященных общехристианским или местным религиозным праздникам. Общественные угощения почти всегда были связаны с обрядом и культом. Братчины устраивались для детей, для девушек, для пожилых людей, для всей деревни. На их проведение крестьяне вносили деньги и продукты, из которых готовили угощение и варили пиво. Коллективные застоля особенно часто устраивала молодежь. У русских были распространены коллективные трапезы по обету отдельных лиц или целого мира. В этих праздниках и застольях сохранилась память о древних языческих приношениях. Личные обеты давались обычно в случае болезни домашнего животного (обещают в память того или иного святого принести в жертву домашнее животное, когда оно вырастет или после его выздоровления), общие — при эпизоотии или другом несчастье, постигшем всю деревню. Празднество по коллективному обету происходило вблизи деревенской церкви или часовни, а по личному обету — во дворе владельца жертвенного животного. Из церкви приносились иконы, и совершалось богослужение, после чего все садились за общий стол. После еды пили пиво, устраивали хоровод или с песнями шли по деревне, заходя во все дома, чтобы попить пива. На такие празднества жители данного селения приходили без приглашения, а из соседних деревень — по приглашению.⁹⁵

Солидарность проявлялась в обычае коллективной поддержки человека, попавшего в силу непреодолимых обстоятельств в трудное положение. Считалось грехом отказать просящему милостыню, на чем был основан распространенный обычай «ходить в кусочки». Когда в семье кончались деньги и хлеб — основной продукт питания, то большак не торопился продать свое имущество. Он отправлял сначала детей, потом женщин и наконец сам шел просить ради Христа хлеба в своей деревне, а если этого не хватало, то и в соседние. Дать просящему хотя бы маленький кусочек хлеба считалось моральным долгом. Таким способом семья могла продержаться до нового урожая, сохранив в целостности скот и инвентарь.⁹⁶

Ярким проявлением солидарности являлся и обычай помочей — коллективной работы всей общины в пользу крестьянина, попавшего в тяжелое положение вследствие пожара, утраты скота, болезни и т. п. В течение целого дня односельчане исполняли трудоемкие и спешные работы (убирали урожай, косили, возводили дом и т. п.), как правило, за благодарность, иногда за угощение в конце работы.⁹⁷

Объединению жителей одного селения в сплоченный коллектив чрезвычайно способствовало совместное совершение всем миром календарных обрядов, которые сопровождалась молебнами, крестными ходами, театрализованными действиями и играми, некогда носившими языческий ритуальный характер и частично сохранившими его вплоть до начала XX в. Коллективные молебны совершались и вне привычного календаря, в ситуациях бедствия — по случаю засухи, эпизоотии и т. п. Кстати говоря, большое число праздничных дней не являлось, с точки зрения крестьянина, непроизводительной потерей времени, так как в праздники крепилась солидарность коллектива, обсуждались его дела, за выпивкой разрешались конфликты и снимались противоречия. Алкоголь же выполнял ценную социальную функцию — укреплял солидарность, снимал или ослаблял межличностные противоречия. Поэтому среди взрослых мужчин практически не было непьющих. Согласно некоторым обследованиям после эмансипации, данные которых, на мой взгляд, могут быть распространены и на дореформенное время, пили при всяком удобном случае 58% взрослых крестьян, всегда, когда были деньги, — 11%, употребляли алкоголь лишь по большим праздникам около 30%. Частое употребление алкоголя для 1—2% заканчивалось запоем (в 1990 г.

медицинские учреждения СССР признали алкоголиками 4.5% трудоспособных мужчин, а реальное число алкоголиков было, вероятно, раза в два больше).⁹⁸ Однако широко распространенное представление о том, что русские потребляли алкоголя значительно больше, чем другие европейские народы, не соответствует действительности. До 1913 г. на душу населения в России потреблялось намного — в 1.5—2 раза — меньше алкоголя, чем в западноевропейских странах, а печальные рекорды были установлены в 1980-е гг. (табл. 22 Статистического приложения, т. 2 наст. изд.).

Важная особенность сельской общины состояла в том, что **социализация подрастающего поколения происходила в самой деревне посредством прямой передачи опыта**, устной традиции, живых примеров, так как в XVIII в. крестьяне были сплошь неграмотны, а к середине XIX в. среди крестьян в возрасте старше 9 лет менее 10% умели читать (табл. 9 Статистического приложения, т. 2 наст. изд.). Подобный характер социализации привязывал детей к родителям и ставил первых в зависимость от вторых, возвышал авторитет старших, ориентировал молодое поколение на традицию, приводил к тому, что **в общине существовала бесконфликтная в культурном отношении преемственность поколений**. Конфликт поколений, или проблема отцов и детей, в истинном смысле этого слова возникает не из разницы возраста или характеров, а из различия систем ценностей, которых придерживаются отцы и дети. В дореформенной деревне у подрастающего поколения практически не было проблемы выбора системы ценностей, политических, религиозных и других концепций, почти не было проблемы выбора профессии. Отсутствие альтернатив и серьезных противоречий между поколениями обеспечивало мягкое вхождение молодежи в общий ход жизни общины. Разумеется, между отцами и детьми имелись житейские и психологические противоречия, но они, будучи преходящими, не могли подорвать культурную преемственность поколений.

С детских лет крестьянин привыкал следовать сложившимся в семье и общине стереотипам и образцам поведения, привыкал к строгой внешней регламентации своей жизни, к подчинению своего поведения семейным и общественным интересам, у него вырабатывалась способность к подчинению своего «я» общинному «мы». Благодаря этому ни отождествление себя с миром, ни вынужденное подчинение воле большинства не воспринимались им как насилие, нарушение его прав личности. Признание за коллективом высшего авторитета становилось частью характера, так как и за пределами общины крестьянин был покладистым и готовым пойти на все возможные уступки коллективу. Общность интересов большинства, социальная и имущественная однородность, частая конфронтация с помещиками и коронной администрацией поддерживали и развивали внутреннее единство и сплоченность общины.

Современники прозападной ориентации полагали, что всесторонняя и мелочная регламентация, сильное давление традиции и обычая сковывали человека, не оставляли малейших возможностей для проявления инициативы и выражения индивидуальности, приводили к полному поглощению личности общиной. Община бесспорно очень сильно ограничивала самостоятельность крестьянина, но превратить его в робота она не могла по той причине, что не существовало, да и не может существовать, правил на все случаи жизни. Жесткие нормы поведения были выработаны для некоторых принципиальных и часто повторяющихся случаев. Но в большинстве ординарных, а также и неординарных ситуаций, когда одни нормы поведения вступали в противоречие с другими и требовался выбор, крестьянин должен был самостоятельно применять общие руководящие принципы поведения, и здесь оставалось достаточно много места для личной инициативы.

Социальная и имущественная однородность крестьянства — источник согласия, или консенсуса, в общине — **поддерживалась уравнительным меха-**

низмом, действовавшим в общине. Этот механизм выработался стихийно и был продуктом коллективного социального творчества. В нем нашли свое выражение, с одной стороны, представления о справедливых, с точки зрения крестьян, общественных отношениях, а с другой стороны, нормы обычного права, сформировавшиеся под влиянием этих представлений и всей совокупности условий, в которых приходилось жить крестьянству. Этот механизм включал определенную систему мер, применяемых общиной для уменьшения любого рода дифференциации между крестьянами.

1. Систематическое уравнительное перераспределение земли между крестьянами путем переделов в соответствии с рабочими и платежеспособными возможностями каждого хозяйства. Эта мера препятствовала концентрации земли, подавляла стимул к повышению плодородия участков, находившихся во временном пользовании, и нивелировала доходы, так как установленный таким образом земельный надел для каждого хозяйства почти автоматически предопределял численность скота, количество сельскохозяйственного инвентаря и в конечном счете доход хозяйства.

2. Применение обязательного для всех севооборота и чересполосное наделение земель. Эта мера служила едва ли преодолимым препятствием для отдельных хозяйств, желавших получать более высокие, чем другие хозяйства, урожаи за счет нововведений и лучшей обработки земли.

3. Распределение налогов и повинностей, приходившихся на общину, соответственно доходам каждого хозяйства. Часто практиковалась прогрессивная раскладка налогов и повинностей, в результате чего налоговое бремя зажиточных хозяйств увеличивалось, а средних и бедных хозяйств уменьшалось.

4. Использование круговой податной ответственности богатых за бедных, когда последние не в состоянии оплатить свою долю налогов и повинностей.

5. Запрещение работать в праздники и воскресенья, на долю которых приходилось до трети дней в году. Эта мера до некоторой степени уравнивала все хозяйства в отношении общего баланса рабочего времени, значит, служила средством нивелирования имущественного неравенства между крестьянами, так как большое число праздников (около 95 в середине XIX в.) лишало возможности трудолюбивых и старательных крестьян повысить свое благосостояние.

6. Общественное осуждение чрезмерного трудолюбия, стремления к обогащению, к выделению из общего ряда и одобрение умеренности в потребностях и желаниях.

7. Распределение выборных должностей между крестьянами таким образом, чтобы зажиточные крестьяне занимали наиболее важные общественные должности, надолго отрывающие выборных от личного хозяйства, а бедные крестьяне — второстепенные должности, не требующие значительного времени.

8. Использование рекрутской повинности для чистки общины от бедных и опустившихся крестьян, для взятия своего рода выкупа с богатых крестьян, освобождавшихся от обязанности служить за деньги, и для выравнивания рабочей силы отдельных дворов, так как община освобождала от рекрутской повинности хозяйства с одним или двумя работниками."

9. Помощь вдовам, солдаткам, сиротам, крестьянам, не по своей вине попавшим в тяжелое материальное положение.

Уравнительный механизм поддерживался помещиками, коронной и удельной администрацией в своих имениях и, когда он хорошо действовал, практически исключал возможность концентрации у отдельных крестьян-земледельцев значительного капитала в виде земли, скота или денег. Этому способствовали также такие факторы, как низкий общий агротехнический уровень и низкая продуктивность крестьянского хозяйства (в 1850-е гг. сред-

няя урожайность зерновых на крестьянских землях составляла всего 4.5 центнера с гектара), высокий естественный прирост населения, обремененность крестьян налогами и повинностями в пользу помещика или казны. Не случайно почти вся сельская буржуазия выросла в промысловой деревне, в сфере торговли и промышленности, куда нивелирующая десница общины едва могла дотянуться. Крестьяне, имевшие собственные земли и крепостных, записанных, правда, на помещика, также разбогатели в сфере торговли.¹⁰⁰ Описанный механизм, разумеется, не мог устранить всякую имущественную дифференциацию, но в значительной степени сглаживал ее. **Традиционное разделение крестьян на три страты — богатые, средние и бедные — объяснялось главным образом циклической природой крестьянского хозяйства**, которое испытывало то рост, то упадок в зависимости от демографической структуры семьи. Различия между стратами были невелики, носили количественный характер и к тому же являлись преходящими. До эмансипации в 1860-х гг. не во всех общинах имелись богатые крестьяне. Например из 30 вотчин богатейшего русского помещика Шереметьева в 12, или 40%, отсутствовали богатые, или «капиталистые», крестьяне¹⁰¹ (подробнее об этом см. в главе II «Социальная структура и социальная мобильность»).

Социальный статус человека в общине зависел от пола и возраста, от имущественного положения его семьи и от той роли, которую он играл в семейных и общественных делах. Мужчины имели более высокий статус, чем женщины, старшие по возрасту — более высокий статус, чем младшие. Наиболее существенные различия наблюдались в статусах мужчин. Глава семьи имел более высокий статус, чем другие мужчины его семьи. Статусы большаков также различались и зависели от величины семьи, которую они представляли, и успешности ведения хозяйства. Большак зажиточного и, как правило, большого хозяйства имел более высокий статус, чем большак среднего хозяйства, а тот в свою очередь — более высокий статус, чем большак бедного хозяйства. И дело здесь состояло не только в материальном достатке: уважалось не столько благополучие, сколько честный труд, затраченный на его приобретение, ценились усилия, способности, знания патриарха и его возраст, ибо зажиточные люди были, как правило, одновременно и старшими по возрасту. Зажиточное хозяйство несло большую долю мирских повинностей и никогда не являлось обузой для общины, в то время как бедное хозяйство часто было бременем и требовало помощи. Статус большаков был также связан с той ролью, которую они играли в руководстве производственной, общественной, религиозной жизнью коллектива, и с тем влиянием, которое они оказывали на поступки других крестьян.

Женщины по традиции были устранены от руководства общиной. Они могли оказывать влияние только через своих мужей, естественно, скрытно и вопреки принятым нормам. Однако и сами женщины весьма редко стремились к участию в общественных делах. Это не должно вызывать удивления: почти все они были замужем и рожали помногу, нередко по 10 и более раз за свою жизнь, что не оставляло им ни времени, ни сил на участие в общественной жизни деревни. Н. С. Лесков, как мне кажется, дал лучшее описание положения крестьянской женщины в своей повести «Житие одной бабы».¹⁰² Социальный статус женщины зависел от положения мужа, возраста, количества детей и отчасти способностей. Например, уважением, хотя и смешанным со страхом, пользовались знахарки и колдуньи. В целом *в деревне существовали мир женщин и мир мужчин*. Работы делились на мужские и женские; изба (фактически комната) строго делилась на мужскую и женскую половины, и заходить без необходимости мужчинам на женскую и женщинам на мужскую запрещалось. Даже поза во сне должна была быть различной для мужчин и женщин: мужику полагалось спать навзничь, бабе — ничком или на левом боку (чтобы можно было перекреститься).¹⁰³

Таким образом, **половозрастная дифференциация среди крестьянства имела более важное значение, чем имущественная или образовательная**: пол и возраст упорядочивали людей, определяли их образ жизни и поведение (каждому возрасту соответствовали определенная одежда, прическа, именование, манеры и т. д.), структурировали отношения между ними. Женщина не могла быть старостой, молодой человек не мог быть большаком, зажиточные патриархи находились в солидном возрасте, молодые не бывали богатыми и т. д. Престиж человека в большей степени определялся влиянием, которое он имел на дела общины, и уважением, которым он пользовался у односельчан, чем другими факторами, например, материальным достатком. Дифференциация между крестьянами носила престижно-авторитетный характер и в существенной мере обуславливалась возрастом, хотя возраст автоматически не давал влияния и уважения: он являлся важным и необходимым, но все-таки недостаточным условием. Немало имелось старых людей, которые из-за недостатка способностей за всю свою жизнь не становились главами семей. Между мужчинами и внутри семьи существовала конкуренция за власть, и побеждали наиболее разумные и способные к управлению.

Крестьянская община после эмансипации: эффективность за счет стабильности

Структуры и управление общиной в новых условиях

Великие реформы 1860-х гг. внесли много нового в положение владельческих крестьян: они не только освободили их от помещичьей власти, но и поставили их отношения с коронными властями на твердое юридическое основание. С помещичьими крестьянами в 1861 г. произошло то же самое, что и с государственными крестьянами в 1837—1843 гг., после реформы казенной деревни: в их жизнь пришел писанный закон, основанный преимущественно на обычном праве. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, четыре положения, предназначенные для отдельных местностей со специфическими условиями жизни, и ряд частных законов, регулирующих порядок освобождения и устройства бывших помещичьих крестьян на новых принципах, *несли в их жизнь усиление законности*. При этом общинный строй жизни не только не был поколеблен новым законодательством, но еще более утвердился, так как реформаторы хотели, чтобы община помимо своих традиционных функций выполняла в отношении контроля над крестьянами и обязанности отстраненного от дел помещика. Законы 1861 г. утвердили единое для всех владельческих крестьян общинное устройство. А последовавшие реформы удельной (1863) и государственной (1866) деревень распространили его на другие категории крестьян. С этого времени все крестьяне находились в равных правовых условиях, и их жизнь регулировалась одними законами, исходившими от государства. Опекунство помещика устранялось, опека государства в бывшей казенной деревне ослабевала, жизнь крестьян в решающей степени ставилась в зависимость от них самих.¹⁰⁴

В основу нового и единого для всех крестьян общественного порядка было положено устройство казенных крестьян по реформе 1837—1843 гг., в который правительство, опираясь на двадцатилетний опыт управления государственной деревней, внесло существенные изменения.¹⁰⁵ Община была преобразована в сельское общество, которое официально стало рассматриваться как исключительно хозяйственная единица. Несколько сельских обществ, находившихся друг от друга на расстоянии не далее 13 км и составлявших один церковный приход, объединялись в низшую административную единицу — волость (если в приходе было меньше 300 душ мужского пола,

Рис. 79. Сельское начальство: старшина, староста, судья, писарь и урядник. Владимирская губ. 1900-е гг.

то в волость объединялись два или более приходов). Вследствие того что крестьяне каждого селения освобождались и получали землю по особому договору с помещиком, коронной администрацией или удельным ведомством, правительство отказалось от принудительного и чисто формального объединения бывших сельских общин в сельские общества, как это было во время реформы казенной деревни 1837 г. Большинство простых общин получило статус сельского общества, а там, где это по разным причинам сделать было невозможно, допускалось де-факто существование внутри сельского общества деревенских, или селенных, общин с той же структурой и теми же функциями, как и в сельских обществах. В 1899 г. существование таких общин, так же как и деревенских, или селенных, сходов, было санкционировано законом, и с тех пор они официально получили статус юридического лица.¹⁰⁶ Но и до этого времени именно в сельских, деревенских общинах сосредоточивалась жизнь крестьян, а на сельских, деревенских сходах принималось большинство решений.¹⁰⁷ **И сельское, и волостное управление основывалось на полном крестьянском самоуправлении.**

Самое существенное изменение, которое принесла реформа, состояло в том, что значение формальной структуры сельской общины повысилось, а неформальной — понизилось. Согласно новому законодательству, выборные, хотя и не нуждались в утверждении администрацией, считались сельским начальством со всеми вытекающими из этого последствиями. Закон четко определил их обязанности, усилил их подчиненность коронной администрации и их ответственность перед ней за все, что происходило в общине: за плохое с официальной точки зрения выполнение служебного долга выборные могли подвергаться штрафу, непродолжительному аресту и суду, а за неправильные, по мнению властей, решения схода, которые обязательно записывались в специальную книгу, они несли уголовную ответственность. Досрочное отрешение от должности старосты стало прерогативой администрации. Выполнение выборными полицейских обязанностей по закону ста-

вилось исключительно под контроль коронной администрации, и лишь их деятельность по регулированию хозяйственной и бытовой жизни деревни оставалась под контролем общины. Наиболее важные из выборных — староста и сборщик податей — были облечены официальными административными полномочиями и подчинены выборной волостной и уездной коронной администрации. Срок службы старост был установлен в 2 года. Администрация делегировала выборным более значительную власть, чем они имели прежде. Староста получил право без санкции схода наказывать крестьян за некоторые проступки денежным штрафом и двухдневным арестом. Это способствовало росту бюрократизации общины, создавало предпосылку для превращения выборных, особенно главного из них — старосты, из охранителей общинных интересов в низших агентов администрации, так как они, по крайней мере на срок своих полномочий, стали более независимы от крестьян и более зависимы от коронных властей.

В сельских сходах по-прежнему принимали участие все дворохозяева, пользовавшиеся долей общинной земли; собирались сходы, как прежде, по мере надобности, но их деятельность была определена законом. Требование единогласия было оставлено: решение считалось правомочным, если в сходе участвовало не менее двух третей дворохозяев и если за него проголосовало по важным делам (передел земли, раскладка податей, исключение из состава общины и некоторые другие) две трети присутствовавших, по второстепенным делам — простое большинство. Общинная полиция выбиралась крестьянами, но контролировалась не только ими, но и коронной полицией. Для всех крестьян был создан выборный сословный волостной суд, который официально считался судом первой инстанции.

Таким образом, **реформы 1860-х гг.**, в основном сохранив традиционное общинное устройство крестьян, внесли в него и много нового, особенно для бывших помещичьих крестьян. Они **превратили некогда неформальную самодетельную организацию из института обычного права в институт государственного права, в административную ячейку государственного управления, дали ей статус крестьянской сословной корпорации с правом юридического лица, регламентировали ее деятельность юридически и поставили под контроль администрации.** С 1889 г. этот контроль еще более усилился, во-первых, вследствие введения специальной коронной должности земского участкового начальника, которому поручалась опека над общинами, находившимися на территории его участка, и, во-вторых, ввиду необходимости утверждения решений сходов по важным делам коронной властью. Переименование общины в сельское общество имело поэтому глубоко символическое значение: оно знаменовало создание правовых предпосылок для превращения сельской общины, пользуясь понятиями Ф. Тённиса, из общности в общество.

Однако сам по себе закон не мог в одночасье радикально трансформировать сельскую общину из общности в общество. Это требовало времени, но именно этот процесс лежал в основе всех изменений в пореформенной деревне. Подчеркну, что изменения были процессом: происходило медленное вытеснение традиционного новым, новое сосуществовало или боролось со старым, в одних общинах прогресс был сильным, в других — заметным, в третьих — едва присутствовал. Именно поэтому в источниках встречаются различные оценки темпов происходивших социальных перемен. В конце XIX в. известный меценат князь В. Н. Тенишев составил анкету о быте русских крестьян, создал Этнографическое бюро, куда поступили 1873 ответа на его анкету из 23 губерний.¹⁰⁸ В ответах мы часто сталкиваемся с противоположными утверждениями корреспондентов, относящимися к быту крестьян одного уезда, не говоря уже о губернии. Так, из Владимирской губернии одни корреспонденты сообщали, что сходы происходили часто, крестьяне на сходы собирались охотно, коронных чиновников не боялись,

выборное начальство уважали, нравы имели твердые, общественное мнение — сильное и т. д.; другие корреспонденты утверждали обратное: сходы редкие, на сходы крестьяне собирались неохотно, коронного начальства боялись и не любили, выборных не уважали, нравы испортились и т. д.¹⁰⁹ При желании можно выбрать информацию, которая говорит только о стабильности или только об изменении общинного уклада жизни. Но это будет полуправдой, ибо в жизни было и то и другое. Тщательный и всесторонний контент-анализ всех ответов на программу Тенишева, наверное, помог бы ответить на вопрос, какая тенденция и в каких регионах доминировала. К сожалению, такая работа еще не произведена. Однако знакомство с материалами Этнографического бюро не оставляет сомнения в том, что **крестьянский быт после эмансипации находился в состоянии серьезной пертурбации, которая не означала полного и окончательного разрыва с прошлым.**

Изменения в общинной демократии происходили в направлении, намеченном реформой.¹¹⁰ Обнаружилась тенденция к превращению выборных в чиновников. Некоторые эксперты по крестьянским делам, например Г. И. Успенский, уже в конце 1870-х гг. утверждали, что староста и сборщик податей превратились в «лица официальные, имеющие дело с начальством, да и выбираются они для начальства больше (чем для крестьян. — *Б. М.*). Выбрать же своего человека, который бы блюл общие интересы так же точно, как и свои собственные, оказывается невозможным».¹¹¹ Действительно, имелись объективные предпосылки для отрыва выборных от крестьян. Во-первых, выборные подчинялись коронной администрации, а последняя обрушила на них карательные меры за плохое исполнение обязанностей. Например, за 1891—1894 гг. в 48 губерниях за накопление крестьянских недоимок была наказана почти треть старост, в том числе 36 322 человека — арестом, 14 873 — штрафом, среди прочих выборных пострадали 4978 человек.¹¹² Выборные поневоле должны были усиливать давление на крестьян, что не могло не создавать напряженности между ними и крестьянами. Во-вторых, наметилась тенденция к закреплению выборных должностей за определенными лицами на длительный срок. Если до отмены крепостного права староста обычно переизбирался ежегодно, по закону после 1861 г. должен был служить 2 года, то в 1880 г. в 34 губерниях средний срок службы 85.1 тыс. старост составил 2.4 года, из них 67% служили первый срок, 27% — второй, а 6% — третий и более срок; средний срок службы волостных старшин и писарей был еще больше — 3.2 года, из них 49% служили два и более срока.¹¹³

Однако на общинном уровне выборные не стали чиновниками. Общественное мнение, отсутствие у них значительных привилегий, постоянная связь с избирателями и материальная зависимость от них помешали этому. Выборные высших категорий получали жалованье, назначаемое общиной. Например, в 1880 г. деревенский староста получал в среднем в год 31 р., в начале XX в. жалованье выборных повысилось в 1.5 раза. Для сравнения укажем, что средний заработок фабрично-заводского рабочего России в 1913 г. составлял в год 264 р.¹¹⁴ Как видим, жалованье выборных деревенского уровня было невелико — его не хватало на покрытие элементарных потребностей семьи. Но в деревенских условиях и эти небольшие деньги имели значение, а поскольку община непосредственно выдавала им жалованье, выборные находились в финансовой зависимости от нее. Пока выборные выбирались и получали жалованье от общины, не могло быть и речи об их самостоятельности и независимости, ибо «лица, которые стараются лишь в точности исполнять требование начальства, обыкновенно едва дослуживаются до следующих выборов, и на второй срок их уже не избирают».¹¹⁵

По свидетельству современников, повышение служебной ответственности выборных перед администрацией, увеличение их обязанностей при небольшом жалованьи привели к уклонению крестьян от занятия выборных

Рис. 80. Волостное правление. Владимирская губ. 1900-е гг.

должностей в общине. Зажиточные крестьяне стали прибегать к разным уловкам, чтобы избежать службы, например, они нередко нанимали заместителей, которые за плату выполняли их общественные обязанности. Администрация боролась с этим, запрещая отказываться от общественной должности лицам, не служившим по выборам полный срок.¹¹⁶ Ввиду увеличения числа общественных должностей и малочисленности зажиточных крестьян на важные общественные должности стали избирать также середняков (бедняков в принципе не выбирали, так как они не имели достаточно имущества для покрытия растраты общественных денег, если такое случалось). Приход середняков, составлявших две трети крестьянства, на важнейшие общественные должности служил гарантией против отрыва выборных от общины. Однако, с другой стороны, выборные из середняков чаще попадали в одностороннюю зависимость от зажиточных крестьян.¹¹⁷ Вариантов взаимоотношения общины, выборных и мироедов (так назывались крестьяне, угнетавшие и эксплуатировавшие однообщинников) было множество — от полного подчинения общины вместе со старостой мироедам до полной независимости от них, от большого влияния старосты до роли марионетки в их руках. Именно поэтому крестьяне называли мироедов и «благодетелями», и «кровопийцами». Известный бытописатель крестьянства А. А. Потехин в очерках «Деревенские мироеды» дал, пожалуй, самое полное и глубокое описание их роли в пореформенной общине. В треугольнике крестьяне—выборные—мироеды преобладал все-таки вариант достижения согласия через взаимные уступки заинтересованных сторон.¹¹⁸ Таким образом, расчет властей на превращение выборных от крестьян в чиновников в значительной мере оправдался применительно к волостным выборным, которые фактически стали малозависимыми от крестьян должностными лицами. Жалованье волостного старшины к 1913 г. составляло около 280 р., а писаря — 380 р. в год, что превышало заработок рабочего, и получали они его от коронной

администрации, что делало их формально независимыми от крестьян. Один только факт, что крестьяне перед волостным старшиной снимали шапку, как перед бариним или чиновником, говорит об этом.

Вполне оправдались надежды правительства на изменение порядка принятия решений на сходах. Первые 20—25 лет после реформы крестьяне стремились к единогласию.¹¹⁹ Но затем под влиянием усилившихся противоречий в общине достижение общего согласия, так называемого консенсуса, стало невозможным и решения принимались простым или квалифицированным большинством (две трети против одной трети) голосов. Традиционные взгляды изменились до такой степени, что крестьяне перестали считать, что большинство всегда право. Меньшинство стало жаловаться властям на большинство в тех случаях, когда для принятия решения закон требовал квалифицированного большинства в две трети, а оно принималось простым большинством. И власти шли навстречу меньшинству и отменяли незаконные решения, принятые большинством, — так закон вытеснял обычай.¹²⁰ Сходы и до отмены крепостного права часто были ареной жарких споров. Но в пореформенное время по мере роста внутренних противоречий в общине сходы превращались в «настоящие парламенты» с партиями единомышленников, с «настоящей парламентской борьбой, так как парламентские приемы, подвохи, подходы отлично разработаны деревней».¹²¹

Новые объективные условия жизни в деревне также имели важное значение для изменений в общинном строе. В течение 1861—1917 гг. численность крестьянства росла быстрее, чем когда-либо прежде, вследствие понижения уровня смертности. Между тем фонд земли, полученный крестьянством после освобождения, уменьшился сравнительно с дореформенным временем примерно на 4% во всей Европейской России, в том числе в Черноземном центре — на 16%,¹²² а в дальнейшем оставался постоянным. Увеличить его можно было за счет аренды или покупки земли, но условия аренды были тяжелыми, на покупку земли не было средств, а кредита для крестьян не существовало. Возникло и быстро увеличивалось аграрное перенаселение. Выкупные платежи за землю, особенно в первые десятилетия после отмены крепостного права, не соответствовали платежеспособным силам деревни.¹²³ В первые десятилетия после эмансипации положение крестьян было порой столь тяжелым, что они с сожалением вспоминали крепостные порядки: «Что ж это за жизнь, — говорили они, — хуже барщины. При господах, бывало, плохо-плохо, а случится какая беда, идешь к барину, и он тебе поможет, потому что ты ему нужен. А теперь куда идти? Кому мы нужны?».¹²⁴ Лишь с конца XIX в. наметилось улучшение положения крестьян в связи с понижением выкупных платежей и повышением доходности крестьянских хозяйств.¹²⁵

Рост малоземелья заставлял крестьян, с одной стороны, интенсифицировать свое хозяйство, что усилило развитие рыночных отношений в деревне, с другой стороны, искать заработка на стороне, что стимулировало переключение крестьян на другие занятия — торговлю, кустарную и фабричную промышленность, отхожие промыслы. К 1900 г. число крестьян, занимавшихся неземледельческими промыслами по месту жительства, достигло 6.6 млн, а число лиц, занимавшихся отхожими промыслами, т. е. уходивших из своей деревни на заработки далее, чем на 30 км, — 3.8 млн, т. е. в 4.7 раза больше, чем в 1857—1859 гг. В целом в 50 губерниях Европейской России накануне отмены крепостного права, в 1857—1859 гг., в среднем в год покупалось 1241.7 тыс. паспортов, в 1906—1910 гг. — 9.4 млн, т. е. в отходничестве было занято соответственно около 2.1% и 8.4% от всего сельского населения, включая детей и стариков.¹²⁶ Благодаря втягиванию крестьян в рыночные отношения, развитию связей с городом и промышленностью социальная структура деревни мало-помалу трансформировалась, появлялись богатые крестьяне, которые были менее склонны считаться с общинными

традициями, стал развиваться индивидуализм, каждое новое поколение крестьян все менее слушалось стариков и все более хотело жить самостоятельно. У значительной части взрослых крестьян — к 1900 г. примерно у 31%, к 1913 г. у 38%, в том числе у 59.5% мужчин и у 15.7% женщин, — появились сторонние заработки, которыми они не хотели делиться ни с членами своей семьи, если она была большой, ни тем более с общиной. Все перечисленное стало отражаться на общинном укладе жизни.

Таким образом, новые правовые условия жизни сельской общины, с одной стороны, и объективные условия ее существования, с другой — способствовали ее преобразованию в общественную корпорацию.¹²⁷ К такому же выводу пришел крупный этнограф начала XX в. В. В. Тенишев, обобщивший ответы на анкету своего отца по вопросу о деятельности общинного самоуправления.¹²⁸

Функции общины

Изменения, которые происходили в общинном строе, были разноплановыми и противоречивыми и приводили к тому, что одни общинные функции и принципы укреплялись и развивались, другие — слабели и деградировали.

1. **Регулятивная** функция сохранилась в полной мере, однако она стала в значительно большей степени опираться на инструкции и закон и принимать форму официального социального контроля. Одновременно с этим неформальный социальный контроль становился менее строгим, особенно в местностях, охваченных отходничеством, где общественное мнение стало снисходительно относиться даже к таким явлениям, как аборт, адюльтер и проституция.¹²⁹ По сведениям корреспондента Этнографического бюро, в Калужском уезде с развитым отходничеством не более 2% парней и «мало» девушек сохраняли целомудрие до брака.¹³⁰ Понемногу развивалась терпимость к отклонениям от традиционных норм поведения, что способствовало развитию самостоятельности и инициативы у подрастающего поколения.

2. **Производственная** функция оставалась важнейшей. Изменение экономических условий жизни (рост малоземелья, увеличение цен на землю, падение доходов на душу населения и др.) существенно сказалось на хозяйственной деятельности общины, степень этого воздействия зависела от земледельческой или промысловой ориентации общины. Крестьяне, получавшие главный доход от сельского хозяйства, стали больше, чем прежде, ценить общинную форму собственности, которая гарантировала всем хоть какой-то прожиточный минимум; значение переделов и хозяйственной функции в целом повышалось. Современники отмечали, что в разверстке земли и платежей крестьяне достигли виртуозности: «Там, где касается земледельческого труда и земли, все выработано до высшей степени и точности, и аккуратности; в этой области все понятно всему земледельческому миру, все строго разработано, тут мирская жизнь много работала. <...> Нельзя обчитать общинника на вершок земли, нельзя наложить одной сотой лишних податей, нельзя потому, что тут — главный центр, на котором сосредоточилось общинное внимание».¹³¹ Напротив, для крестьян, получавших основной доход от неземледельческих промыслов, общинная земля, обремененная выкупными платежами, становилась обузой, и они проявляли к ней меньше интереса. В зависимости от экономических условий применялись разные системы разверстки земли между хозяйствами: по числу семейных пар, рабочих рук, работников-мужчин, мужских душ или едоков. Выбиралась та система, которая наилучшим образом обеспечивала всех членов общины средствами к жизни.¹³² Подчеркнем, что наиболее распространенным критерием разверстки земли, как и податей, стал человек, будь то едок, душа, работник, а не хозяйство или семья, как было до реформы.¹³³

Рис. 81. Домашнее производство гончарных изделий. Полтавская губ. 1900-е гг.

По мере усиления малоземелья и приближения окончания выкупной операции община стала ограничивать число полноправных своих членов, имеющих право на землю, теми, кто на ней работал и имел с ней прямую связь по отцовской линии. В результате права на землю лишились: а) внебрачные дети; б) мужчины, взятые в дом со стороны; в) лица, перешедшие в другие сословия; г) приписанные к общине крестьяне, но сами на земле не работавшие вследствие того, что жили в городе, занимались промыслами, сдавали надельную землю в аренду, нанимали наемных рабочих. Эта политика усилилась с 1907 г., после отмены выкупных платежей, когда земля перешла в полную собственность общины.¹³⁴

В ряде черноземных губерний исследователи зафиксировали случаи перехода от подворной общины к передельной,¹³⁵ а в некоторых промышленных губерниях, где значительную или большую часть дохода крестьяне получали от неzemледельческих занятий, наблюдался обратный процесс: интерес к земле падал, переделы земли прекращались, и происходил переход от передельной к фактически подворной общине. Переделы нередко прекращались и тогда, когда все выкупные платежи были досрочно уплачены.¹³⁶ Особенно много случаев перехода от передельной к беспередельной общине зафиксировано в западных и южных русских губерниях, граничивших с белорусскими и украинскими землями, где существовали подворные общины без переделов,¹³⁷ а в некоторых из них — в Витебской, Волынской; Могилевской, Смоленской, Псковской и С.-Петербургской губерниях — еще до столыпинской реформы отмечены массовые расселения на хутора.¹³⁸ В результате между белорусскими и украинскими губерниями, где преобладала подворная община, и центральными великорусскими губерниями, где господствовала передельная община, к 1905 г. образовалась зона беспередельных общин — свидетельство того, что **подворная община наступала на передельную общину**, а не наоборот. Иногда целые общины хотели перейти к подворному владению, но природные условия препятствовали этому, например, неудачное расположение общинной земли в виде длинной полосы, из-за чего нельзя

было размежевать землю с соблюдением полного равенства.¹³⁹ От переделов чаще отказывались бывшие помещичьи крестьяне, чей мирской дух был выражен слабее.

Необходимость повышать доходность хозяйства вынуждала крестьян лучше обрабатывать землю и вносить больше удобрений, о чем свидетельствует рост урожайности: с 1861—1870 по 1901—1910 гг. средняя урожайность на крестьянских землях повысилась с 5.2 до 7.8 центнеров с гектара.¹⁴⁰ Это способствовало усилению производственной функции общины. Там, где агротехнический прогресс был заметен, мир стал контролировать качество обработки почвы и удобрения полей и принимать меры против нерадивых хозяев, которых сначала увещевали на сходах, а потом временно лишали земельных наделов, передававшихся другим крестьянам. Крестьяне, отдававшие во время переделов лучше ухоженную землю в обмен на худшую, получали денежную компенсацию. Несмотря на эти меры, различия в качестве обработки земли и соответственно в урожайности между отдельными хозяйствами после 1860-х гг. увеличивались. Ухоженную землю не хотелось отдавать в передел, так как взамен ее по жребию могла достаться земля худшего качества и менее урожайная. Отсюда у крестьян, которые лучше обрабатывали свою землю, появился стимул откладывать переделы земли или заменять общий передел частичным, который затрагивал только некоторые земли. Такие крестьяне наталкивались на непонимание, и, как всегда и везде, новаторы оказывались в меньшинстве, им трудно было подвигнуть всю общину на изменение традиции переделов. На помощь им пришло государство, которое в 1893 г. отменило закон 1876 г., разрешавший проведение частных переделов без ограничений, и установило минимальный перерыв между коренными и между частными переделами в 12 лет. Причем решение схода о переделе должно было утверждаться коронной администрацией.¹⁴¹

3. Значение **финансово-податной** функции увеличилось. Снижение доходов на душу населения в не меньшей мере повысило значение податной функции общины: распределение налогов и повинностей становилось главным в ее деятельности. В течение 1860—1870-х гг. с целью установления большего соответствия между платежами и доходностью в разных местностях были выработаны специфические формы раскладки платежей: в одних общинах платежи находились в зависимости от количества наделной земли, в других — от количества скота, в третьих — от промысловых доходов, в четвертых — от общей доходности хозяйства. Причем разные виды платежей — прямой налог, выкупные деньги, мирские сборы и т. п. — могли распределяться как по разным, так и по единому критерию. Как и до эмансипации, разверстка платежей и повинностей происходила одновременно с разверсткой земли. Определялось, сколько земли, с одной стороны, и платежей, с другой — приходилось на мужскую душу, работника и т. д. В соответствии с этим между хозяйствами происходила разверстка платежей и пропорционального платежу количества земли. Далее отдельные хозяйства с согласия мира могли обмениваться участками, чтобы по возможности свести свои многочисленные участки в одно место, сдавать надел или часть его в аренду и т. д.; община следила только за тем, чтобы дворохозяин, получивший при разверстке надел земли, исправно вносил причитающуюся с него плату. Число внутриобщинных сделок с землей с 1860-х гг. сразу возросло сравнительно с дореформенным временем во много раз,¹⁴² и это приучало крестьян к практике земельных сделок, к идее о целесообразности для одного хозяйства иметь землю в одном месте, а не чересполосно с другими, и — самое главное — к мысли, что наделная общинная земля также может быть частной собственностью.

Для поддержания хозяйств, испытывавших временные трудности, а также бедных хозяйств некоторые общины предоставляли им временные льготы — освобождали от части платежей и недоимок, давали отсрочку или бес-

Рис. 82. Сельские старшины. Владимирская губ. 1863 г.

процентный заем и т. п. Вместе с тем при распределении платежей между крестьянами большинство общин постепенно отказывалось от прогрессивности в раскладке платежей и от учета зажиточности, платежеспособности двора и его доходов, что являлось почти общим правилом в дореформенное время.¹⁴³ Все меньше находилось желающих отчитываться за доходы, получаемые вне общины и помимо надела; зажиточные хозяйства не хотели больше платить за бедных, и заставить их это делать становилось все труднее. Отступления от равенства при раскладке платежей становились исключениями. Каждый стремился получить земли ровно столько, сколько ему положено, и платить за нее на равных со всеми основаниях. В таком важном принципе общинного строя, как «справедливость», изменился акцент: теперь он стал делаться не на уравнительности, как прежде, а на равенстве. Все это служило указанием на то, что в общине утверждался новый принцип — «каждый за себя».

4. Роль **правотворческой и судебной** функции уменьшалась. Как указывалось, по закону в качестве суда первой инстанции для крестьян был создан волостной суд. Однако де-факто сохранился традиционный сельский суд, который существовал в разных формах: суд стариков, соседей, старосты, сельского схода, семейный или третейский суд. Сельский суд фактически был для крестьян судом первой инстанции, а до начала 1880-х гг. во многих случаях подменял собой волостной суд. Однако значение волостного суда со временем повышалось, и в начале XX в. он стал главным в крестьянском юридическом быту — к такому выводу приводит обобщение ответов на анкету В. Н. Тенишева.¹⁴⁴ Крестьяне с большим уважением стали относиться также и к коронному суду.¹⁴⁵ В пореформенное время под влиянием требований жизни происходило изменение некоторых норм обычного права, что потребовало правотворчества со стороны крестьян.

5. **Полицейская** функция общины усилилась в связи с тем, что, во-первых, коронная администрация возложила на общину те обязанности, которые раньше исполняли помещики, удельная и коронная администрация;¹⁴⁶ во-вторых, у многих крестьян возникли трудности с уплатой в срок платежей, и общине приходилось применять самые разнообразные меры — от увещаний до ареста и продажи имущества; в-третьих, возросшая мобильность крестьян требовала усиления контроля за ними, опять же в целях своевременного взноса платежей. Если отходник не платил в срок податей, то община через коронную полицию принуждала его вернуться в деревню, где он подвергался наказанию, и, смотря по обстоятельствам, разрешала или запрещала ему заниматься впредь отходничеством.¹⁴⁷ Ссылка в Сибирь осталась в арсенале средств воздействия на лиц, отклонявшихся от общинных моральных стандартов, но при новой судебной системе это стало осуществлять труднее, чем прежде.

6. **Представительская** функция общины, по-видимому, не ослабла, так как перед внешним противником или конкурентом солидарность однообщинников была очень сильна вплоть до 1917 г.¹⁴⁸ Корреспондент Этнографического бюро В. Н. Тенишева сообщал, что крестьянин, если он один, в отношениях с начальством уважителен, «но, как только вступает в общество, он делается упрямым, настойчивым, требователем до приказа, крича во весь голос: „Мир велит, мир — велик человек!“». Требовательность крестьян, когда они выступают всей общиной, объясняет другой информатор: если бунт поддерживали все крестьяне, то считалось, что он справедлив и требования крестьян должны быть исполнены начальством.¹⁴⁹ Это ясно показали революции 1905 и 1917 гг.¹⁵⁰ «Несмотря на развитие индивидуализма, на ссоры, зависть, чуть дело коснулось общего врага: помещика, купца, чиновника, все стоят как один, — свидетельствовал А. Н. Энгельгардт. — Смешон тот, который думает, что в деревне, разделяя, можно властвовать».¹⁵¹ Именно крестьянская солидарность, проявленная в революции 1905 г., подтолкнула правительство к принятию мер на ускорение разрушения общины.¹⁵² В то же время роль общины как посредника между крестьянином и внешним миром после эмансипации уменьшалась. Отдельные крестьяне или хозяйства все чаще вступали во взаимодействие с посторонними людьми и учреждениями помимо общины благодаря росту отходничества, рыночных отношений, увеличению мобильности населения, ослаблению коллективной ответственности. С началом столыпинской реформы в 1906 г. наметившийся процесс пошел еще быстрее. Индивидуализация отношений — важный признак трансформации общности в общество.

7. **Социальная защита.** Обычай помощи лицам, не способным собственными силами обеспечивать себе пропитание, в 1860-е гг. стал законом, хотя возможности для его реализации уменьшились ввиду обеднения крестьянства.¹⁵³ Коллективные работы в помощь отдельным нуждающимся членам общины — помочи или толоки — также сохранились. Провести четкое различие между помочью и толокой вряд ли возможно. Однако к помочи обращались главным образом в ситуациях бедствия, а к толоке — при недостатке рабочей силы в хозяйстве. «Безусловно обязательною для себя крестьяне помочь не считают, но нравственная обязанность так глубоко ими сознается, что отказа в помочи почти не бывает. <...> Да и всякий помнит, что и он когда-нибудь сам будет нуждаться в помочи».¹⁵⁴ Безвозмездная помощь общины оказывалась тем крестьянам, которые попадали в тяжелое положение по уважительным причинам — пожар, смерть единственного работника, кража скота, несчастный случай, болезнь и т. п. Помощь выражалась в выполнении неотложных сельскохозяйственных работ, постройке сгоревшего дома, организации похорон и т. п. Иногда помощь оказывалась по личной инициативе. Чаще сход принимал решение о помощи больному или погорельцу, и тогда участие в ней считалось обязанностью, а уклоняющихся

принуждал староста. Общественное мнение осуждало уклонение от участия в помощи.¹⁵⁵

Толока после эмансипации зафиксирована у русских в 29 губерниях,¹⁵⁶ но обычай был повсеместным, бытуя также у украинцев и белорусов.¹⁵⁷ Обычно толока применялась в тех случаях, когда хозяйство не могло справиться самостоятельно со срочным и необходимым делом. С ее помощью выполнялись постройка дома, косьба и жатва, выкапывание колодца, а также женские работы — прядение или трепание льна и конопли, рубка капусты для засолки и квашения, чесание шерсти. В пореформенное время к толоке стали обращаться не безнадежные бедняки, а состоятельные люди, потому что в конце работы хозяин должен был выставить хорошее угощение, которое нередко обходилось ему дороже, чем наем рабочих. В конце XIX в. некоторые информаторы Этнографического бюро В. Н. Тенишева сообщали, что расчет на последующее угощение стал вытеснять нравственное побуждение при явке крестьян на толоку.¹⁵⁸ Прибегать к толоке, ввиду ее дороговизны, вынуждали срочность работы и невозможность нанять наемных работников.¹⁵⁹ В одних местностях, где рынок рабочей силы был достаточно развит, уже к 1870-х гг. толока исчезла,¹⁶⁰ в других — исчезала, мало-помалу заменяясь наймом, который был дешевле и обеспечивал более высокое качество работы.¹⁶¹ В начале XX в. наблюдалось повсеместное вымирание и замена толоки наймом.¹⁶²

Община оказывала помощь своим членам и в других формах. Она давала безвозмездные ссуды, разрешала взять участок в общественном лесу, отводила бесплатные участки земли вдовам, сиротам, одиноким старикам за деревней для постройки небольшого домика и огорода.¹⁶³ Под покровительство общины попадали круглые сироты. Попечение мира о сиротах заключалось в том, что сход устанавливал очередь, в соответствии с которой сироты поочередно переходили из одной семьи в другую. Каждый домохозяин обязан был заботиться о сироте, кормить, одевать и приучать его к сельским работам. Продолжительность пребывания сироты в каждом доме зависела от того, сколько рабочих душ числилось на дворе. Если у сирот после родителей оставалось имущество, то сход назначал для надзора за ним опекуна. По достижении совершеннолетия мужчины получали землю наравне со всеми, а девушки, вышедшие замуж, получали материальную помощь.¹⁶⁴ При болезни и хозяйственных нуждах друг другу помогали соседи.

Однако уже в 1870-х гг. встречаются жалобы на безразличие мира к нуждающимся в его помощи. Например, информатор из Псковской губернии жаловался в Вольное экономическое общество в 1880 г.: «Иной раз помогут миром, а иной раз и нет, и бедняк обращается к частной помощи; для этого нет регулирующих правил. <...> Довольно ясно можно заметить падение духа общинности и замену его духом личной инициативы, личной предприимчивости — духом индивидуалистическим, с его мажорасом, наживой и т. д.»¹⁶⁵ Еще быстрее значение коллективной помощи падало в подворных общинах.¹⁶⁶ В начале XX в. неоплачиваемые коллективные работы всей общины в помощь одному из ее членов сохранились лишь кое-где у белорусов.¹⁶⁷

8. Культурно-воспитательная и рекреативная роль общины имела тенденцию уменьшаться вследствие того, что земства, Министерство просвещения, церкви, многочисленные добровольные общества и другие организации усиливали свою деятельность в деревне. В конце XIX—начале XX в. в деревню пришли книги, пресса и даже передвижной театр,¹⁶⁸ развернули свою просветительскую деятельность представители интеллигенции, которые создавали общества трезвости, читальни, народные библиотеки, устраивали народные чтения, придумывали новые праздники и т. п.,¹⁶⁹ во многих общинах появились школы, которые в 1911 г. охватили 28% детей в возрасте

8—11 лет.¹⁷⁰ Школы и разные неформальные организации активно участвовали в социализации подрастающего поколения. Это приводило к тому, что семья и община теряли прежнюю монополию в воспитании молодежи.

9. В религиозной функции общины изменений не наблюдалось. Она по-прежнему организовывала проведение религиозных праздников и календарных земледельческих обрядов, осуществляла попечение о состоянии церкви и причта. Как и прежде, для того чтобы у человека была хорошая репутация, он должен был регулярно посещать церковь и аккуратно выполнять все религиозные обряды, за чем наблюдала вся деревня.¹⁷¹ Желание прослыть добрым христианином было велико, о чем можно судить на том основании, что с конца XVIII в. и до 1914 г. на Пасху в церковь исповедоваться неизменно приходило около 85—90% православного населения в возрасте старше 7 лет.¹⁷² Однако общественное мнение стало снисходительнее относиться к тем, кто нарушал церковную мораль. Хотя доброе имя женщины, забеременевшей в пост, могло пострадать,¹⁷³ за 1867—1910 гг. число зачатий во время Великого поста, когда церковь запрещала интимные отношения супругов, увеличилось на 12%.¹⁷⁴

Таким образом, номенклатура функций общины осталась прежней, но их значение претерпело изменения. Прежде всего отметим, что бывшее актуальным до эмансипации разделение дел на государственные и общественные утратило прежнюю четкость. Государство не просто вмешивалось в те сферы деревенской жизни, которые прежде являлись исключительной прерогативой мира (например, в регулирование переделов или семейных разделов), но в ряде случаев оно стало брать на себя некоторые его функции, например культурно-воспитательную — открытие школ, введение обязательного обучения. Благодаря этому функциональный дуализм общины (а вместе с ним и структурный дуализм) постепенно исчезал — **община все более превращалась в формальную организацию**, а неофициальная сфера жизни людей становилась их частной жизнью. Однако полностью дуализм исчезнуть не мог, так как интересы крестьянства и государства не стали тождественными, между ними оставались серьезные противоречия.

Второе важное изменение состояло в том, что **община перестала быть самодостаточной организацией**. В начале XX в. она многими нитями была связана не только с государственным учреждениями, но и с разного рода общественными организациями и политическими партиями, не только с ближайшей округой, но с близкими и дальними городами, не только с местным Торжком, но с отдаленными ярмарками и рынками. Каждая деревня вышла

Рис. 83. Деревенские музыканты. Полтавская губ. 1900-е гг.

за пределы своей околицы и не могла существовать в отрыве от внешнего мира.

Принципы общинной жизни

Изменения в структуре и функциях общины, а также в правовых основаниях крестьянской жизни сопровождались изменениями эталонных норм поведения. Рассмотрим, в чем эти перемены выразились.

1. Принцип «кто не работает, тот не ест» сохранялся в полной силе, а вот принцип «кто работает, тот ест» потерял свою прежнюю безусловность. Под влиянием естественного прироста населения в Европейской России появлялся избыток рабочей силы, который к 1900 г., по некоторым оценкам, достиг огромных размеров — 23 млн человек, или 52% общего числа работников — людей рабочего возраста обоего пола. Это не были безработные крестьяне, но они выполняли работу, с которой могли справиться и без них.¹⁷⁵ Работа и соответственно получаемый деревней доход распределялись между всеми, чего было недостаточно для поддержания достойного, даже по очень скромным крестьянским меркам, образа жизни всего сельского населения, несмотря на повышение урожайности. Продовольственные потребности крестьян в хлебе, который был главным продуктом их питания, удовлетворялись на рубеже XIX—XX вв. в целом на 80—90% ввиду недопотребления его низшими слоями деревни. Недостаточное питание приводило к тому, что калорийность потребления у низших слоев деревни оказывалась ниже той нормы, которая была необходима для ведения трудовой деятельности в полную силу. Возможно, вследствие недостаточного питания происходило ухудшение здоровья, если об этом судить по проценту забракованных при призыве в армию новобранцев из крестьян. Когорта, рожденная в 1853—1857 гг. и призванная на службу в 1874—1878 гг., дала 336 тыс. забракованных, или 26% от общего числа освидетельствованных призывников, а когорты 1876—1880 гг. рождения, призванная в армию в 1897—1901 гг., — 889 тыс., или 38%.¹⁷⁶

2. По поводу принципа умеренности труда и запрещения работы в праздники меньшинство пришло в столкновение с большинством. С одной стороны, устранение давления со стороны помещиков и коронной администрации в казенной деревне и рост аграрного перенаселения толкали крестьян к увеличению числа праздничных дней: в середине XIX в. их было около 95, в начале XX в. — 123 (табл. XI.1 в т. 2 наст. изд.).

Но, с другой стороны, появлялись крестьяне, которые хотели трудиться в праздники и поэтому тяготились запретом работать в эти дни. При крепостном праве в праздники никто не работал, и помещики, которые хотели, чтобы крестьяне их уважали, в эти дни устраивали в своих имениях для них угощение и развлечения. Теперь некоторые крестьяне стали нарушать запрет, что приводило к конфликтам с миром: у нарушителей ломали инвентарь, их штрафовали, общественное мнение их осуждало.¹⁷⁷ Крестьянин С. Т. Семенов рассказал в своих воспоминаниях о том, какие серьезные проблемы он имел со своими односельчанами в связи с тем, что вопреки решению схода работал в один второстепенный православный праздник. Крестьяне подали на него жалобу в суд с обвинением в кощунстве и выиграли дело.¹⁷⁸ Это случилось в 1901 г. в Волоколамском уезде, в нескольких десятках километров от Москвы. В черноземных губерниях крестьяне держались старины еще крепче. «Что он? Как жук, в земле копается с утра до ночи!», — насмешливо говорили о трудолюбивом крестьянине.¹⁷⁹ Таким образом, прежнего единомыслия в отношении к труду не стало.

3. В связи с растущим перенаселением деревни община стала не в состоянии гарантировать землю и достойное существование, все труднее ей было обеспечить простое выживание крестьянства. В поисках выхода крестьяне

повышали доходность хозяйства, занимались неземледельческими промыслами в деревне и за ее пределами, апеллировали к царю, от которого ожидали решения о передаче помещичьей земли в их владение, наконец, поддерживали политические партии, которые проповедовали насильственную экспроприацию этой земли.

4. Традиция помощи нуждающимся со стороны общины не умерла до 1917 г., но, как мы видели, со временем она слабела, причем не столько потому, что у крестьян стало меньше возможностей помогать, сколько потому, что постепенно утверждался принцип — каждый должен полагаться только на себя. Эволюция толоки очень показательна: безвозмездная помощь в дореформенное время, помощь со скрытой формой оплаты труда в виде богатого угощения в последней трети XIX в., замена толоки наймом в начале XX в. Это яркое свидетельство трансформации отношений общинного типа в отношения общественного типа.

5. Приоритет интересов общины над интересами отдельных семей и личностей сохранялся. Но вместе с тем появлялись люди, которые принимали во внимание в первую очередь свои интересы. Это приводило к конфликтам, и не всегда победа была на стороне общины: ей приходилось более, чем прежде, считаться с интересами отдельных хозяйств, так как от некоторых богатых и влиятельных крестьян зависела вся деревня. С отменой круговой поруки в 1899—1903 гг. отдельные хозяйства получили возможность еще меньше обращать внимание на коллективные интересы, что стимулировало развитие индивидуализма.

6. Консенсус в общине был постепенно подорван. От единогласия пришлось отказаться, так как практически ни одно решение не могло быть принято единодушно. В конце XIX в. в деревне возник *конфликт поколений*, который постепенно нарастал. После революции 1905 г. в деревню из города пришло так называемое хулиганство. В его основе лежало нигилистическое отношение к власти, будь то отцовская, общинная или государственная, к традициям и авторитетам. В хулиганских действиях отличалась деревенская молодежь из бедных и средних семей, занимавшаяся отходничеством. Возвращаясь в деревню, она пьянствовала и бесчинствовала, ее жертвами чаще всего становились помещики, духовенство, чиновники, богатые крестьяне, в особенности выделившиеся из общины на хутор. Одни исследователи находят параллель между хулиганством и революционными выступлениями крестьян, другие видят в хулиганстве проявление конфликта поколений. Хулиганство как социальное явление стало предметом обсуждения на конференции Русской группы Международного союза криминалистов в Петербурге в 1914 г., собравшей виднейших российских криминалистов и юристов. Были заслушаны 3 доклада и проведена обстоятельная дискуссия. Участники поддержали идеи докладчиков о том, что жалобы на хулиганство преувеличены и что нет необходимости в особых репрессивных мерах против хулиганства. Очень интересной представляется оценка хулиганства, данная в докладе В. Я. Гуревича. По его мнению, хулиганство — это «болезнь переходного возраста, свидетельствующая о росте народного организма». Автор перечислил следующие причины деревенского хулиганства: «крушение традиционной крестьянской морали; ломка патриархального чина деревенской жизни; падение авторитета стариков и старших; независимость молодежи благодаря денежному хозяйству и разрушение солидарности интересов членов двора; разница в развитии и кругозоре молодежи и стариков, отцов и детей; разрушение общественно-мирских начал и замкнутости прежней крестьянской морали, поддерживаемой принудительностью и силой общественной солидарности и коллективизма; разрушение общины и прежней общественности при не создавшейся новой; эмансипация личности от мира и конфликты личных интересов с мирскими; разложение единого обществен-

ного мнения; противопоставление личности обществу; повышение ощущения своего „я“ и значения своих интересов, личной независимости».¹⁸⁰

Таким образом, в поступках сельских хулиганов объективно, независимо от их мотивов, наблюдался и протест против существующего общественного порядка и официальной веры, и одновременно оппозиция общинным порядкам, патриархам и старикам. В широком смысле действия хулиганов были направлены против власти и авторитета традиционной системы ценностей, стандартов поведения, культурных образцов и людей, которые их олицетворяли и защищали. В более узком смысле это был конфликт поколений, так как именно старики олицетворяли и защищали старый порядок. В своем нигилизме хулиганство в социальном поведении до некоторой степени сродни футуризму в культуре, как полагают некоторые исследователи,¹⁸¹ но с существенным отличием: хулиганство только отрицало традиционные ценности, а футуризм также и утверждал новые ценности.

Возникновению конфликта между поколениями способствовало введение всеобщей воинской повинности. 5—7-летняя служба делала крестьянина грамотным, расширяла кругозор, приучала к иным, лучшим условиям жизни в отношении питания и гигиены. При возвращении после армии в деревню бывший солдат на все смотрел иначе, чем до службы, и многое в общинных порядках ему не нравилось.

7. Моральный кодекс общины, обычаи и законы стали нарушаться намного чаще, чем прежде, о чем говорит более чем двукратное увеличение преступности с 1861—1870 по 1911—1913 гг.¹⁸² Увеличилось число проступков, совершаемых внутри деревни. У многих крестьян наблюдалась эрозия чувства справедливости при распределении земли. Когда в 1906 г. закон разрешил выходить из общины и укреплять землю в частную собственность, то среди первых «укрепленцев» было много крестьян, поспешивших выделиться, чтобы сохранить за собой излишек земли, который у них оказался ввиду того, что давно не было передела. Традиционная мораль попала под сильное давление неблагоприятных объективных обстоятельств, чем воспользовались крестьяне, занимавшиеся предпринимательством, для которых общинные принципы становились помехой в их деятельности.

8. Коллективизм и солидарность стали ослабевать, что хорошо видно на примере круговой поруки. Официально отмена поруки началась в 1868 г. в небольших общинах, насчитывавших менее 21 мужской души, и распространялась лишь на некоторые платежи, затем постепенно охватывала все более крупные общины и все большее число платежей, пока не была окончательно упразднена в 1903 г.¹⁸³ Важно отметить, что неофициально многие общины по собственной инициативе стали отказываться от коллективной ответственности намного раньше, уже в 1870-е гг. Они предпочитали распродать имущество недоимщика, чем платить за него долги.¹⁸⁴ Эта тенденция со временем усиливалась. В 1900 г. лишь 139 общин, или 0.22% всех общин, обязанных круговой порукой, приняли на сходе добровольное решение разложить недоимки между всеми крестьянами, хотя бездоимочные общины встречались как исключения. Коронные податные инспекторы применили принудительную раскладку недоимок между крестьянами еще в 142 случаях.¹⁸⁵ Остальные 99.56% общин не применяли круговую поруку, и власти не могли их заставить это делать. **Коллективная ответственность изжила себя, так как пришла в противоречие с развивавшимся индивидуализмом крестьян.**

9. Участие в общественных делах стало рассматриваться многими крестьянами как тягость и повинность; привлекательность общественной службы заметно упала, обнаружился абсентеизм в посещении сходов и уклонение крестьян от исполнения общественных обязанностей.

10. Равенство между главами семей формально сохранилось, однако слово богатого значило на сходах и вообще в любом деле больше, чем бедного. «Богатый бедного всегда осилит», — стали говорить крестьяне.¹⁸⁶ Богатые

патриархи до некоторой степени взяли на себя функции дореформенных помещиков — помогали бедным, устраивали общественные дела, поэтому их влияние увеличилось, с ними стали больше считаться, чем до отмены крепостного права.¹⁸⁷ Роль стариков в общественной жизни оставалась важной до 1917 г.,¹⁸⁸ но их влияние и престиж постепенно падали.¹⁸⁹ «Старики, то есть люди, которые равно ничего не могут понимать в новых порядках, потому что всю жизнь прожили в старых», все реже могли дать полезный совет, принять правильное решение, так как жизнь ставила такие проблемы, с которыми они прежде не сталкивались.¹⁹⁰ Старики были главными противниками столыпинской реформы общины, препятствовали молодым крестьянам закрепить землю в собственность и выделиться на отруб.¹⁹¹

11. В новых условиях роль молодых крестьян, не являвшихся главами семей, в делах общины возрастала, так как часто оказывалось, что именно молодежь была компетентнее стариков-патриархов, ориентированных на старину. Если молодым не удавалось переубедить патриархов, то они требовали семейного раздела, покупали землю на стороне, чтобы хозяйствовать самостоятельно и по-новому. Многократно увеличившееся число разделов семей способствовало тому, что большаками становились молодые крестьяне, которые как главы семей приобретали право голоса на сходах. Это также приводило к *повышению роли молодого поколения в общественных делах.*

12. Социальная неполноценность женщин сохранилась. Вместе с тем роль женщин заметно повышалась в тех местностях, где мужчины на долгое время уходили из деревни на заработки, так как на их плечи ложились все обязанности и права глав семей. Вслух стали говорить невероятные прежде вещи: «В иной бабе больше толку, чем в мужике».¹⁹² С женщинами стали больше считаться и в сельскохозяйственных губерниях, и там они стали иметь больше прав. Например, женщины-вдовы при отсутствии в доме взрослых мужчин наследовали хозяйство до достижения детьми совершеннолетия, стали де-факто замещать умершего мужа, т. е. привлекаться к отбыванию повинностей, участвовать в сходах с правом голоса, выбирать должностных лиц и высказывать свои суждения. В семьях, где не было мужчины, способного руководить хозяйством, де-факто большуха становилась главой семьи, а формально главой считался ее муж, который по-прежнему выступал представителем двора на сходе, в сделках.¹⁹³ Но ни закон, ни местные обычаи не признали за женщиной права быть главой семьи наравне с мужчинами. В лучшем случае они видели в замужней женщине представителя ее мужа, когда он отсутствовал, в женщине-вдове — представителя ее детей, если они были мальчиками, и допускали ее участие в общественных делах лишь до тех пор, пока отсутствовал муж или дети были несовершеннолетними. Когда женщины пытались расширить практику своего участия в делах общины, это встречало сопротивление патриархов. Снисходительное отношение к женщинам все еще преобладало.¹⁹⁴ Что же касается незамужних женщин, то они даже не претендовали на какие-либо права.¹⁹⁵ В целом можно говорить о *повышении роли женщин в общественной жизни* общины, что само по себе являлось большой социальной новацией. Но сами женщины, как правило, выступали защитницами семейных и общинных традиций.¹⁹⁶

13. Возможности общины уравнивать крестьян существенно сократились, но отнюдь не свелись на нет.¹⁹⁷ С падением значения помощи и взаимопомощи снижалась эффективность уравнительного механизма. До эмансипации он действительно выравнивал имущественное положение крестьян, а в пореформенное время только до некоторой степени уравнивал. Этому чрезвычайно способствовало то, что из уравнительного механизма были исключены такие важные элементы, как помещик, казна и рекрутство. Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. лишило общину двух важных преград — возможности влиять на выбор рекрутов и посредством этого регулировать рабочую силу отдельных хозяйств и избавляться от лиц, не со-

ответствовавших традиционным моральным стандартам, посредством отдачи их в солдаты.

14. Право общины вмешиваться во внутрисемейные и личные дела по закону было увеличено, но фактически вмешательство со временем ослабевало и лишь тогда осуществлялось, когда нарушались общественные интересы либо когда крестьяне сами апеллировали к миру с просьбой разрешить внутрисемейный конфликт.

15. Ориентация на традицию утрачивала свое абсолютное значение, что проявлялось во всех сферах жизни. В хозяйственной сфере это выражалось в агротехнических нововведениях (применение удобрений, более совершенных сельскохозяйственных орудий, введение травосеяния, лучших сортов семян), в сфере образования — в отказе от недоверия к школе, в народной медицине — в использовании знахарями методов научной медицины и т. д., в женском вопросе — в допущении женщин к участию в сходах.¹⁹⁸ С. И. Шидловский, крупный чиновник МВД по крестьянским делам и помещик новой формации, отмечал, что «слепая вера в спасительность пространства» постепенно ослабевала; «когда крестьяне не стеснены невежественным влиянием сходов, они чрезвычайно восприимчивы ко всяким улучшениям земельной культуры. <...> Общинное распоряжение землею является самым крупным тормозом для улучшения земледельческой культуры». После 1905 г. на землях, свободных от влияния общины, техника земледелия стала прогрессировать «особенно заметно».¹⁹⁹ Конечно, традиция играла очень большую роль вплоть до 1917 г., и все нововведения носили половинчатый характер. Например, крестьяне различали грамотность и школьное образование, к грамотности они относились положительно, а к образованию — подозрительно, так как боялись потерять контроль над детьми.²⁰⁰ Знахари перенимали некоторые приемы лечения у врачей, но в принципе сохраняли верность традиционной практике; крестьяне обращались к врачам, но предпочитали знахарей.²⁰¹ Все нововведения пробивались в практику с трудом, и главным их носителем выступала молодежь, которая составляла ядро просвещенной прослойки крестьянства.²⁰² Упомянутый С. Г. Семенов был одним из новаторов в деревне и испытал все горести и радости быть пионером. «Старина оказывалась не так легко поколебимой. <...> В деревне шла борьба нарождающегося с отжившим, — писал он, имея в виду 1886—1911 гг. — Сильно старое, но и новое крепло, набиралось силы и с каждым годом давало больше и больше о себе знать. Несмотря на крепость старины, уже была струя нового отношения ко всему».²⁰³

16. Принцип ограниченной инициативы получил развитие благодаря тому, что традицию стало возможно нарушать без опасения подвергнуться наказанию и быть изгнанным из общины. Роль новаторов приняла на себя молодежь. «Развитие нововведений в крестьянском хозяйстве в нашем уезде (Волоколамском, Московской губернии.— *Б. М.*) развивалось главным образом при поддержке молодых хозяев, грамотных, поживших на стороне, поэтому способных попроворнее шевелить мозгами, — свидетельствовал Семенов. — Старое же поколение только выдвигало этому различные препятствия. Первые плуги у нас завелись и распространились в большинстве случаев при помощи жившей на стороне молодежи. Ими же покупались и семена лучших хлебов, сеянных трав, лучшей породы телята и жеребята, яблони и садовые кусты для посадки. Грамотным хозяевам сыновья присылали сельскохозяйственные издания. Старики не понимали, какой от печатной бумаги толк, и утилизировали ее для других целей». Своему отцу Семенов присылал «Земледельческую газету», а тот ею оклеил стены в избе. На вопрос: «Почему?» — старик самоуверенно ответил: «Пишут насчет хозяйства, да дураки пишут, дураки и читают; что они знают, то мы уже давно забыли».²⁰⁴

17. Община продолжала играть роль хранителя справедливости и традиции, но с гораздо меньшим успехом, чем прежде. Ее неспособность обеспечить всем своим членам достойное существование и помощь в тяжелой ситуации приводила к тому, что многие крестьяне теряли веру в общинный строй жизни как единственно возможный или лучший. Утрата единомыслия, возникновение противоречий между крестьянами указывали на то, что у них не стало единой для всех правды, что появились группы лиц с различными интересами, удовлетворить которые община в принципе была не способна. Поэтому хотя и не большинство, но *многие крестьяне теряли веру в общину как хранительницу справедливости*. Значение традиции в жизни крестьян упало, а вместе с этим уменьшилась и роль общины как института, оберегающего ее.

Крестьянская община к 1917 г.

Итак, с 1861 по 1917 г. сельская община развивалась противоречиво: одни ее функции совершенствовались, другие — атрофировались, третьи — оставались без изменения; одни крестьяне поддерживали традиционные устои, другие — были ими недовольны и хотели их перестройки, третьи — проявляли индифферентность. Какие же процессы доминировали, каких крестьян было больше, насколько прочным был общинный уклад крестьянской жизни к 1917 г.? Ни современники, ни историки не дали однозначного ответа. Противоречивость развития общины создает предпосылку для преувеличения значения той или другой тенденции. Правильно ответить на поставленный вопрос можно, опираясь на массовые статистические данные. Такую возможность дают сведения о степени разложения общинного строя с 1861 по 1906 г. и данные о проведении столыпинской аграрной реформы в 1906—1916 гг.

Несколько слов о самой столыпинской реформе. До 1906 г. государство всей силой своей власти поддерживало общину. В 1861—1893 гг. свободный выход из общины разрешался только при условии полной выплаты выкупа за землю, а при неуплате выкупа требовалось разрешение схода. Внести всю выкупную сумму могли немногие крестьяне, а разрешение на выход при неуплате выкупа получить было невозможно. С 1893 г. государственная поддержка общины стала еще более сильной: выйти из общины при уплате или без уплаты выкупа можно было только с разрешения схода и коронной администрации в лице земского начальника. Поскольку община соглашалась на выход очень неохотно, а земский начальник — еще неохотнее, то закон 1893 г. почти блокировал легальную возможность выхода из общины. В основе поддержки общины, как заметил С. Ю. Витте, лежало убеждение, что «с административно-полицейской точки зрения община представляла удобства — легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности».²⁰⁵ По закону от 9 ноября 1906 г. крестьяне получили право выходить из общины и укреплять землю *в личную собственность*²⁰⁶ без ее согласия, причем эти выходы государство всячески поддерживало. Поворот в аграрной политике был вызван тем, что во время революции 1905—1907 гг. община возглавила крестьянские беспорядки. Потеряв веру в ее лояльность, правительство сделало ставку на индивидуальные крепкие хозяйства и ради этого приняло ряд мер, стимулирующих выходы из общины.

В 1905 г. в Европейской России в передельных общинах насчитывалось 9.5 млн крестьянских дворов, в 1916 г. — 12.3, в среднем за 1905—1916 гг. — 10.9 млн дворов.²⁰⁷ За 1861—1906 гг. легально, пользуясь правом выхода при досрочном выкупе надельной земли, из передельных общин вышло 140 тыс. домохозяйств,²⁰⁸ или 1.5% (от 9.5 млн) дворов. Кроме того, в 1905 г. от 2.8 млн дворов (по данным К. Р. Качоровского) до 3.5 млн дворов (по данным Министерства внутренних дел) насчитывалось в общинах, числившихся

Рис. 84. П. А. Столыпин (1862—1911), государственный деятель. 1900-е гг.

передельными, которые на самом деле не производили переделов земли с 1861 г.²⁰⁹ Поскольку министерство стремилось доказать, что община сама по себе умирает, а Качоровский, наоборот, что она здорова и жива, то истинное число беспередельных общин, вероятно, находилось посередине приводимых ими цифр и равнялось около 3.15 млн дворов. Следовательно, кроме 140 тыс. дворов еще 3.15 млн из 9.5 млн дворов, или 33.2%, стихийно перешли от передельно-общинного к подворно-общинному землевладению. Поскольку переделы являлись важнейшим показателем отношения крестьян к традиционным общинным порядкам, эти данные свидетельствуют о том, что **около трети крестьян сделали шаг в сторону личной собственности на землю еще до столыпинской реформы.**

К числу крестьян, не удовлетворенных общинными порядками, мне кажется, следует отнести также и тех, кто приобретал в личную собственность землю отдельными участками за границами общины, но по разным обсто-

ятельствам не порывал связи с нею. Основания для такого заключения дают объяснения самих крестьян-собственников, которые мотивировали свое пребывание в общине тем, что на миру жить спокойнее, а на хуторе могут ограбить, а свои покупки земли — тем, что общинное землевладение не может гарантировать каждому землю.²¹⁰ К этому следует добавить, что крестьяне-собственники, которые имели личную землю, но оставались в общине, несомненно были зажиточными и занимались предпринимательской деятельностью, так как иначе накопить деньги на покупку земли было невозможно. До 1861 г. таких крестьян было немного. С 1802 г., когда государственным крестьянам было разрешено покупать землю в личную собственность, и до 1858 г. включительно, т. е. за 57 лет, было зафиксировано 400 тыс. покупок земли общей площадью 1.7 млн га, помещичьими крестьянами — примерно в 10 раз меньше.²¹¹ С 1863 по 1904 г., за 42 года, крестьянами 45 губерний Европейской России было совершено 463 тыс. покупок земли общей площадью 20.7 млн га, следовательно, среднегодовое число покупок земли возросло с 7—8 тыс. до реформы до 11 тыс. после реформы, а среднегодовое количество купленной земли — соответственно с 30—35 тыс. до 493 тыс. га. В данном случае важно отметить, что стремление крестьян к личной собственности зародилось до 1861 г. и что после эмансипации стремление к собственной земле неуклонно прогрессировало: среднегодовое число покупок земли в 1903—1904 гг. по сравнению с 1860-ми гг. возросло в 1.5 раза, а среднегодовое количество земли — в 15 раз; кроме того, крестьяне в 34 раза чаще покупали землю в личную собственность, чем в общинную.²¹² Благодаря тяге крестьян к частной земле в 1905 г. среди них имелось 490 тыс. собственников земли.²¹³ Все они состояли либо в подворных, либо в передельных общинах. Если эти 490 тыс. крестьян-собственников распределялись между передельными и подворными общинами пропорционально числу хозяйств в тех и других, т. е. как 77 и 23, то тогда число крестьян-собственников среди членов передельных общин составит около 377 тыс., а среди подворных — 113 тыс.

Таким образом, за 1861—1905 гг., к началу столыпинской реформы, всего около 3.7 млн дворов (0.140+3.150+0.377) из 9.5 млн, или **39% всех крестьян — членов передельных общин в 1905 г., разочаровались или не доверяли вполне передельной общине** и в большей или меньшей степени отказались от ее традиционных принципов. Приведенные данные не раскрывают всей глубины произошедших изменений, так как очевидно, что не все желавшие перейти к подворной общине или вообще расстаться с общиной могли это сделать из-за яростного противодействия тех, кто держался за старинный уклад жизни. Об этом можно судить по тому, что в 1907—1915 гг., после облегчения выхода из общины, 73% крестьян, вышедших из общины, сделали это против воли односельчан.²¹⁴ И, однако, эти данные свидетельствуют, что распад общины готовился изнутри и начался задолго до 1906 г.²¹⁵

В ходе столыпинской реформы, в 1907—1916 гг., официально и добровольно порвали с передельной общиной всего 3.1 млн дворов из 10.9 млн дворов, или 28%, т. е. не все из недовольных ею. Часть недовольных — 747 тыс. дворов, официально заявившая о выходе и укреплении земли в собственность, в конце концов осталась в передельной общине. Причины были самые разные — сомнения, скоростная смерть и т. п., но, по-видимому, важнейшая из них состояла в трудности выхода. Несмотря на поддержку государства и безусловное право выхода каждого желающего, осуществить его было нелегко, так как *в 73% случаев выход из-за противодействия общины был сопряжен с конфликтом*. При полюбовном расставании с общиной выделявшийся сам договаривался с ней, какую землю и где он получит, — таких случаев было всего 27%. При конфликтном расставании размежевание с общиной производили специальные государственные землеустроительные комиссии, и это, как правило, сопровождалось скандалом и насилием. Жить

во враждебных отношениях с общиной было крайне трудно, поэтому, сделав официальное заявление о выходе, многие не могли или боялись его реализовать. Какие бы обстоятельства ни заставили крестьян отказаться от намерения выйти из общины, мне кажется, тех, кто подал заявление о выходе из нее, но этого не сделал, нельзя считать вполне удовлетворенными общинными порядками. Другая, еще большая часть недовольных, но оставшихся в общине крестьян — 2,3 млн дворов к 1917 г. — проживала в общинах, которые не практиковали переделы с 1861 г. (в 1906 г. таких дворов насчитывалось 3,15 млн, но к 1917 г. осталось 2,3 млн). Вероятно, она была удовлетворена порядками, установившимися в беспеределной общине, которую можно считать промежуточной формой между традиционной переделной и подворной общиной.²¹⁶

Итак, к 1917 г. *полностью порвали* с общинным укладом жизни, укрепив землю в собственность, 3,1 млн дворов; *наполовину порвали* с переделной общиной, перейдя к фактически подворной собственности, 2,3 млн; *испытывали неудовлетворение* общинными порядками, но остались в общине 0,747 млн дворов. Следовательно, всего в той или иной степени недовольных общинным строем жизни в 1907—1916 гг. насчитывалось около 6,1 из 10,9 млн дворов, или 56% всех крестьян, живших до столыпинской реформы в условиях переделной общины. Приведенные данные позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, **общинные порядки не были насильственно сломаны столыпинской реформой: как до реформы, так и после нее проходил естественный процесс разложения общины и социальных отношений общинного типа**, что объясняет существование промежуточных форм разрыва с общинным укладом. Во-вторых, в пореформенное время доминировала тенденция, разрушающая общинный уклад жизни, а экономические и юридические препятствия для выхода из общины, существовавшие до 1906 г., тормозили ее распадение. Иначе трудно представить, учитывая традиционализм крестьян и их недоверие к переменам, как почти треть крестьянства в течение 9 лет, за 1907—1915 гг., могла расстаться с переделной общиной.

Приведенные данные дают также основание для заключения о том, что столыпинская реформа ускорила те процессы в деревне, которые и без нее проходили довольно интенсивно, что она являлась насилием над крестьянством главным образом в том смысле, что позволила меньшинству выйти из общины вопреки мнению большинства. Но, с другой стороны, *реформа прекратила насилие большинства над меньшинством*, которое не хотело продолжать жить в условиях общинного уклада: напоминая, что 73% крестьян укрепили землю в собственность против воли большинства односельчан. Оценивая результаты столыпинской реформы, следует принять во внимание, что проведение колоссальных по масштабам землеустроительных работ требовало огромного финансирования, специалистов и соответствующего ведомственного аппарата. Того и другого не хватало. На обустройство индивидуального хозяйства требовались инвестиции, которых также не хватало, а государство и земство могли оказать небольшую финансовую помощь около четверти хуторян. В силу этого, а не из-за недостатка желающих выйти из общины (число ходатайств о землеустройстве росло) механизм аграрной реформы стал давать сбои еще при жизни П. А. Столыпина, что несомненно замедляло ее ход. Кроме того, помещики и большинство правых также противодействовали буржуазной аграрной реформе, так как она подрывала дворянское землевладение, а с ним и политические привилегии дворянства. Это дает основание предполагать, что **социальные резервы реформы не были исчерпаны к 1915 г.** Таким образом, те немногие историки, которые оценивают результаты столыпинской реформы как позитивные и перспективные, на мой взгляд, ближе к истине.

Столыпинская реформа была прервана войной. С большой вероятностью можно предположить, что, если бы не война, распадение общины продолжилось бы, так как в 1917 г. существовал значительный резерв для продолжения реформы, во-первых, из крестьян, недовольных общинными порядками и изъявивших желание порвать с ними в 1907—1915 гг., но по разным причинам не сделавших этого (747 тыс. дворов), во-вторых, из крестьян беспердельных общин, официально не оформивших переход к подворно-участковому землевладению в течение 1907—1915 гг. (2,3 млн дворов).

Если говорить о всем крестьянстве Европейской России, то к 1917 г. крестьяне-собственники численно преобладали над крестьянами-общинниками. Крестьяне Украины и Белоруссии после реформ 1860-х гг. сразу перешли к подворной беспердельной общине; после отмены выкупных платежей с 1 января 1907 г. и закона о свободном выходе из общины 1906 г. они стали собственниками своей земли. Крестьяне Прибалтики общины вообще не знали. Всего в этих трех районах в 1916 г. насчитывалось примерно 3,8 млн дворов.²¹⁷ Таким образом, на 1 января 1917 г. в Европейской России из 15,5 млн дворов на долю крестьян-общинников (продолжавших жить в пердельной общине) приходилось 6,3 млн дворов, или 41%, на долю крестьян, проживавших в официально подворных беспердельных общинах, — 3,8 млн дворов, или 24%, на долю крестьян, проживавших в фактически беспердельных общинах, — 2,3 млн дворов, или 15%, на долю крестьян-собственников — 3,1 млн дворов, или 20% (из них землеустроенных, т. е. размежеванных с общиной, — 1,5 млн и выделенных на хутора и отруба — 1,6 млн дворов²¹⁸). Как видим, несмотря на ощутимые потери, общинный строй к 1917 г. был еще силен, в особенности в великорусских губерниях: **на традиционном общинном праве продолжали жить две трети русских крестьян**, из них чуть более половины хранили верность мирскому строю из принципа, остальные — из-за нерешительности и других причин; выход из общины наиболее недовольных ею, скорее всего, консолидировал оставшихся.

Возникает вопрос: если пердельно-общинные порядки приходили в упадок и имели много противников, если в их справедливости многие сомневались, почему после Октябрьской революции 1917 г. произошло оживление пердельной общины? (Напомним, что к 1922 г. в Советской России 85% всей земли находилось в общинной собственности, в 67% общин произошел общий передел земель²¹⁹.) Каким образом крестьянам, оставшимся в общине, удалось вернуть всех «столыпинцев» в общину и пустить земли, принадлежавшие им и помещикам, в общий передел? Вероятно, произошло следующее. К 1917 г. формально из пердельных общин вышла только треть крестьян, к тому же их силы были раздроблены, так как половина из них жила на хуторах и отрубках, а вторая половина оставалась в старых местах жительства и находилась в сложных отношениях с общинниками. Еще почти четверть крестьян колебалась, но все-таки оставалась в общине. В отличие от них 41% крестьян, принципиально сохранивших верность общине, был сплочен и решителен. Огромная потенциальная добыча в виде земель помещиков (49 млн га), хуторян и отрубников (19 млн га)²²⁰ превратила сомневающихся в сторонников пердельной общины, а объединившись с убежденными общинниками, они вместе стали непобедимой силой. Весьма существенно отметить, что **крестьяне не знали другого способа «переварить» около 68 млн га земли, кроме уравнительного передела добычи, — ведь землю нужно было поделить между всеми по справедливости**. Кроме того, в случае реставрации старого режима вернуть помещикам их земли, которые мир разделил между всеми, было просто невозможно, так же как и невозможно было наказать виновных. Как говорили русские пословицы: «На мир и суда нет, мир один Бог судит»; «В миру виноватого нет. В миру виноватого не сыщешь».²²¹ Добавим, что новая государственная власть и советские законы поддерживали политику возрождения общины, что также явилось немало-

важным фактором ее ренессанса, а точнее говоря — общинной контрреволюции. В пользу предложенной интерпретации говорит тот факт, что реставрация общины не сопровождалась реставрацией большой патриархальной семьи. Напротив, после того как деревня проглотила конфискованную землю, начались массовые семейные разделы, которые привели к уменьшению среднего размера семьи на 11% — с 6.1 в 1917 г. до 5.5 душ в 1922 г.²²² Как было показано, изменения в общинных и семейных порядках происходили всегда синхронно. Нарушение этой согласованности в 1917—1920 гг., на мой взгляд, свидетельствует о том, что возрождение общинного строя было обусловлено необходимостью мирно и без тяжелых последствий переварить конфискованную землю и потому носило кратковременный характер.²²³

Межличностные отношения в общине

Как уже указывалось, до середины XIX в. все отношения между крестьянами строились на родственной и соседской основе, имели неформальный, персональный характер и в значительной степени определялись полом и возрастом, личная жизнь была открыта. После эмансипации, по крайней мере до 1870-х гг., внешне многое выглядело по-старому.²²⁴ Однако мало-помалу крестьяне стали избегать публичности и открытости. «Если мужчины прислушивались к советам умной жены, то тщательно скрывали это от соседей», — сообщал один корреспондент в Этнографическое бюро. В некоторых местностях выходил из употребления обычай публичной проверки девственности невесты: «Девственность невесты не проверяется и не празднуется. Этот обычай умер 25 лет назад (1870-е гг. — Б. М.).»²²⁵ За человеком в большей степени стало признаваться право на личную жизнь и индивидуальное решение брачных и других дел. Многие крестьяне стали тяготиться регламентацией, давлением традиции и обычая, недостатком возможностей для проявления личной инициативы, выражения своей индивидуальности. Солидарность обнаруживалась только при отношениях с противниками и конкурентами. Внутри общины возникли серьезные противоречия, споры и взаимное неудовольствие, утрачивалось согласие, развивались формальные отношения за счет неформальных, что было зафиксировано даже народническими писателями, склонными к идеализации общины.

Наиболее известные из народнических писателей Г. И. Успенский и Н. Н. Златовратский, специально изучавшие вопрос об эрозии традиционных межличностных отношений в общине, пришли к сходным выводам, которые лишь незначительно отличались в оценках глубины «болезни». Успенский не только поставил диагноз, но и дал интересное социологическое объяснение процессу обезличивания внутриобщинных отношений. В 1877—1878 гг. после очередного полевого исследования он писал: «Первое, что бросается в глаза при наблюдении над современными деревенскими порядками, — это почти полное *отсутствие нравственной связи* между членами деревенской общины. При крепостном праве фантазия господина-владельца, одинаково обязательные для всех, сплачивали деревенский народ взаимным сознанием нравственных несчастий. <...> У них была общая мысль, общая нравственная забота. Теперь уже никто не вломится в семью; теперь всякой отвечай за себя, распоряжайся сам как знаешь. Каждый крестьянский двор представляет необитаемый остров, на котором изо дня в день идет упорная борьба с жизнью. <...> Сельское население все больше укрепляется в необходимости знать только себя, только свое горе, свою нужду как в городе, где, как известно, никакой общины не существует».²²⁶ Параллельно с формализацией отношений и распадом соседских связей усиливались противоречия между крестьянами, в основе которых, по мнению Успенского, лежало различие в интересах отдельных страт крестьянства.

«Взаимная рознь деревенского общества достигла почти опасных размеров, — констатировал он. — Состоятельные и слабые — две довольно ясно обозначенные деревенские группы — *не позволяют* осуществиться выгодному *для всех* делу. Слабые боятся, что состоятельные в большей степени воспользуются выгодами от сделки, чем они, и не дают своего согласия. И так во всех других делах. Все вместе, но никто не верит друг другу».²²⁷ Златовратский и другие народники большую роль в трансформации межличностных отношений в деревне отводили влиянию города, отхожих промыслов, проникновению в деревню чуждых ей культурных стандартов. По мнению представителей общественных течений западной ориентации, включая и марксистов, распад общинных отношений зашел намного глубже, чем полагали народники. Таким образом, утрата внутренней связи между членами общины, начавшаяся после эмансипации и со временем прогрессирующая, зафиксирована всеми наблюдателями.

По мнению Успенского, формализации межличностных отношений в деревне способствовала бюрократизация общины как социальной организации. В специальной статье «Канцелярщина общественных отношений в народной среде» он как народник с горечью писал: «„Канцелярщину“, заменившую собой „живое“ общественное дело, и вижу я в большинстве так называемых „общественных“ мирских дел современной нам деревни. Они делаются самым безукоризненным образом. С какими, например, церемониями происходит дележка земли, лугов, как тонко разработана общественная служба при постройке моста и т. п. А в частной жизни этих общественных людей даже и в приблизительной степени не уделено заботы на разработку простых человеческих отношений». Сравнивая «канцелярскую» общину с раскольничьей общиной, которая сохранила традиционный общинный дух, он указывает, что «в основание последней входит именно уважение и внимание к личности человеческой, к жизни человеческого духа, к нравственным обязательствам. <...> В то время как в канцелярской общине все делают, все меряют и никак не вымеряют, потеют и идола служат перед загородью, перед общественным быком или межевым столбом, в сектантской общине во имя человеческих нужд и скорбей, нравственных обязательств люди разгораживают изгороди, уничтожают колышки и соединяют все участки в один общий. <...> Канцелярская община не единит человека с человеком, а при всех своих канцелярских совершенствах она не достигает нравственного единения и взаимно человеческого внимания, она — пустая канцелярщина, многотомная тщательно разработанная переписка по вопросам, не стоящим выеденного яйца».²²⁸

Однако народники, осуждая бюрократизацию общины, рост индивидуализма, разрушение нравственной связи между крестьянами, утверждение принципа «каждый за себя», не заметили и не оценили позитивную сторону этих процессов. Ведь одновременно с этим **разрушалось корпоративное крепостное право**, ослабевали социальный контроль и давление коллектива на крестьян, благодаря чему они становились более свободными, инициативными и предприимчивыми; отношения между крестьянами, с одной стороны, и между крестьянами и некрестьянами, с другой — становились на юридическую основу, в жизнь деревни вместо патриархального обычая входил закон, уменьшалась возможность насилия коллектива над отдельным человеком, большинства над меньшинством; происходило становление гражданина, **возникла личность**, способная самостоятельно решать свои собственные проблемы; развивался самоконтроль, основанный не на внешнем страхе наказания, а на внутреннем желании поддерживать общественный порядок и стабильность. Наверное, разрушительные процессы были заметнее созидательных, как всегда бывает на начальных стадиях переходного периода. Однако не только разрушением, но и медленным созданием нового социального порядка отмечена жизнь российской деревни после великих реформ.

Еще одно принципиальной важности изменение наметилось в межличностных отношениях в общине. До эмансипации социальный статус крестьянина в общине, та роль, которую он играл в семейных и общественных делах, зависели в большей степени от пола и возраста, чем от имущественного положения и других факторов. После эмансипации ситуация стала изменяться: *значение половозрастного компонента для статуса человека стало снижаться, а социального, наоборот, возрастать*; хотя в начале XX в. пол и возраст все еще оставались важными для «упорядочивания людей, а также их образа жизни, функций и поведения». ²²⁹ Престижно-авторитетная дифференциация между людьми стала в значительно большей степени зависеть от их экономического положения, общественной должности, образования, связей с влиятельными людьми, личных способностей. Уважение к богатству как таковому находило разнообразные проявления. Крестьяне стали гордиться богатством, и у них появилось стремление возвыситься благодаря ему среди остальных. ²³⁰ Корреспонденты Этнографического бюро Тенишева сообщали, что не знания или грамотность, а богатство являлось способом возвышения. Умение нажать копейку стало служить мерилем оценки ума, характера и вообще достоинства человека. Зажиточные крестьяне пользовались уважением, они чувствовали себя независимо, к ним шли за советом. В отличие от бедных, которых называли только по имени, богатых величали полным именем и отчеством, так же как и представителей власти, при встрече с ними отвечивали глубокий поклон, в то время как богатый в ответ только приподнимал шапку. По прозвищу крестьяне называли друг друга за глаза, но трезвые, трудолюбивые, зажиточные мужики не имели прозвищ. С потерей имущества зажиточный крестьянин терял уважение. ²³¹ В некоторых общинах на сходах крестьяне рассаживались в соответствии со своим положением — богатые и уважаемые ближе к старосте, бедные — дальше. Бедные крестьяне испытывали к богатым неприязнь, в глаза оказывая им знаки внимания, а за глаза называя, как всех, — по имени или по прозвищу. ²³² Таким образом, **отношения между крестьянами до эмансипации имели характер общинных**, т. е. неформальных, личностных, основанных на эмоциях, привязанностях, душевной склонности, поле и возрасте, а **после эмансипации постепенно трансформировались в связи общественного типа**, основанные на прагматическом расчете, рациональном обмене услугами и вещами, на различии в имущественном положении. Этот процесс к 1917 г. еще был далек от завершения. О живучести общинной солидарности свидетельствует тот факт, что во время выборов в Учредительное собрание в 1917 г. часто на сходе решалось, за какую партию голосовать. ²³³ И тем не менее в XVIII—первой половине XIX в., как правило, крестьянин шел на толоку, чтобы помочь товарищу, попавшему в беду, в начале XX в., как правило, — чтобы хорошо угоститься после работы, оказать услугу влиятельному человеку или в силу взаимных обязательств, когда все участники толоки предварительно обязывались друг перед другом проделать ряд совместных работ. ²³⁴

ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА И ГОРОДСКИЕ КОРПОРАЦИИ

Накануне петровских преобразований: различия городских и сельских общин

Как уже указывалось, в конце XVII в. в своем устройстве городская и сельская общины имели много общего. Вместе с тем между ними имелись и существенные различия. Городская община являлась юридическим лицом, заключала договоры, сделки, подавала ходатайства, владела недвижимостью, брала обязательства, оформляя их на имя старост. Деревенская община стала юридическим лицом у государственных крестьян лишь в 1840-е гг., у удельных и помещичьих — в 1860-е гг. Только в 1899 г. практически все деревенские общины получили право юридического лица. Городская община находилась в большей зависимости от государства, чем деревенская, была более бюрократизирована, сильнее вовлечена в систему государственного управления как административная единица, отношения в ней строились в большей степени на законе, чем на обычае, в то время как в деревенской общине вплоть до начала XX в. обычай играл большую роль.

Земля в городе, как и в казенной деревне, считалась государственной («государевой») и находилась во владении всей общины, которая распределяла ее между своими членами. В общинном владении посадских могло находиться любое другое недвижимое имущество, например помещения для торговли, мельницы, бойни и т. д. В XVI—XVII вв. во всех городах существовали переделы пахотной земли, лугов и других угодий, принадлежавших посадской общине.²³⁵ В аграрных городах, которые еще в начале XIX в. составляли большинство городских поселений, переделы земли сохранились до 1870-х гг. В городах торгово-промышленной ориентации имелись общественные выгоны для скота, остальная земля была разбита на дворовые участки под дома и огороды, находившиеся в индивидуальном владении с правом отчуждения, но только членам общины.²³⁶ Связь населения с землей и сельским хозяйством составляла характерную черту города. Но сфера личной собственности в городе уже в конце XVII в. была шире, чем в деревне.

Главным распорядительным органом самоуправления городской общины, как и деревенской, было общее собрание (сход) глав семей, на котором избиралась исполнительная власть — староста и совет при нем, включавший до 10% общего числа дворохозяев, называемых выборными. Но не каждый посадский мог быть избранным на общественную должность, а лишь «лучшие люди», т. е. наиболее богатые и уважаемые, — те, на кого городская община могла вполне положиться в финансовом отношении. Главная причина этого состояла в том, что должностные лица несли материальную ответственность за общину перед государством, в их распоряжении находились значительные суммы. В случае неправильного распоряжения деньгами община взыскивала их с выборных, поэтому последние должны были быть состоятельными людьми. Староста не получал никакого вознаграждения за свою общественную работу, которая полностью отрывала его от профессиональных занятий. Естественно, только зажиточный человек мог занимать эту должность. Управление в городской общине отличалось значительным олигархизмом. Многие решения от имени общины принимались выборными без утверждения их на общих собраниях. Еще одна особенность городской общины состояла в том, что единодушие при принятии решений на общих собраниях не требовалось, так как его уже в конце XVII в. невозможно было достичь ввиду разнородности посадского населения, серьезного расхождения интересов между отдельными его группами, значительного имущественного расслоения и частых противоречий, возникавших на этой почве²³⁷ (см.

подробнее об этом в главе II «Социальная структура и социальная мобильность»).

Таким образом, в конце XVII в. характер управления в городской общине был менее демократическим, солидарность ее членов выражалась слабее, число членов было больше, однородности в занятиях и имущественном положении наблюдалось меньше, закон в ее жизни играл более заметную роль, межличностные отношения носили более формальный характер, чем в деревенской общине, хотя до XVIII в. они еще оставались преимущественно неформальными. Городские общины различались между собой намного больше, чем деревенские. Вследствие этого община в больших городах отличалась от деревенской общины весьма существенно, а община в малых городах, население которых было занято главным образом в сельском хозяйстве, — наоборот, весьма незначительно. Органы городского самоуправления и местной коронной администрации не смешивались друг с другом (в городе одновременно существовали земская изба как орган посадского самоуправления и воеводская изба как орган местного коронного управления над всем городом), их функции достаточно четко разделялись. Контроль над органами самоуправления со стороны воеводы ограничивался вопросами администрации, финансов и суда и оставлял для самоуправления широкое поле деятельности. Коронная власть де-юре признавала городскую общину как корпорацию посадских людей.

Что же касается функций посадской общины, то они были в принципе те же, что у сельской общины: управленческая, производственная, финансово-податная, судебная, полицейская, представительская, социальная защита, культурно-воспитательная, религиозная. И круг обязанностей в рамках каждой функции в принципе тот же. Поэтому даже нет смысла повторять то, что было уже сказано о круге деятельности крестьянской общины. Однако было и существенное различие: несмотря на похожую структуру, на одинаковый набор функций, посадская община оставляла больше места для самостоятельности и инициативы своих членов, чем сельская община, она меньше порабощала — в городе было больше простора для человека.

1699—1775 гг.: консолидация и дезинтеграция городской общины

В XVIII в. городское самоуправление трижды преобразовывалось государством, одновременно с этим проводились социальные реформы, что ускоряло естественный ход трансформации традиционной городской общины. В 1679—1681 гг. правительство запретило городским воеводам вмешиваться в финансовые дела городских общин. В 1699 г. должность воеводы была вообще упразднена, а дела воеводской канцелярии, относящиеся к посадскому населению, перешли к органам самоуправления (земской избе). Московская земская изба стала органом всех московских посадских и одновременно центральным органом для земских изб во всех городах и получила название Бурмистерской палаты, или Ратуши, члены которой также избирались посадскими Москвы. Эта реформа способствовала консолидации посадских в общегородские общины и отделению коронной администрации от посадского самоуправления. В начале XVIII в. последовала новая полоса преобразований, которые по отношению к предыдущим выглядели контрреформами. В 1702 г. были упразднены губные старосты вместе с их аппаратом, а в ходе двух реформ местного управления 1708 и 1719 гг. — и всеуездные земские старосты; их функции были переданы воеводам (с 1708 г. они назывались комендантами, с 1719 г. — земскими или дистриктными, комиссарами, с 1727 г. — городскими воеводами), в руках которых до 1719 г. сосредоточилось управление сельской округой (уездом) и непосадским населением в городе (отправление суда с 1719 г. перешло к специально созданным судеб-

ным учреждениям). В результате этого на короткое время, в 1708—1721 гг., Ратуша как орган центрального управления была упразднена и органы самоуправления были вновь подчинены местной коронной администрации.

В 1721—1724 гг. произошло возвращение к началам реформы 1699 г. В городах были созданы новые учреждения — магистраты,²³⁸ в ведении которых находились финансы и сбор податей, управление городским хозяйством, народное образование, полиция, суд, признание. Магистрат являлся коллегиальным учреждением, состоявшим из выборных, но несменяемых президента, бурмистров и ратманов. Магистраты были изъяты из ведения воевод и подчинены Главному магистрату, который находился в столице и включал в свой состав наряду с выборными от посадских Петербурга также и коронных чиновников. Главный магистрат утверждал избранных членов городских магистратов. Петровские реформы местного управления способствовали административному отделению городской общины от сельской, посадских (не всего городского населения!) от крестьянства. В 1727 г. Главный магистрат был на 15 лет упразднен, магистраты переименованы в ратуши и подчинены губернаторам и воеводам, введена ротация членов магистрата. В 1743 г. Елизавета Петровна возвратила городские учреждения к началам городской реформы 1721 г.: Главный магистрат, городские магистраты были восстановлены на прежних основаниях.

Административные реформы первой половины XVIII в. сопровождалась социальными реформами. Вместе с учреждением магистратов и ратуш в 1720—1724 гг. посадские были переименованы в граждан, которые разделялись на регулярных и нерегулярных. К первым относились лица, имевшие капитал, ремесло и профессию, — банкиры, торговцы, ремесленники, живописцы, врачи и т. п., а ко вторым — люди наемного труда и огородники, т. е. граждане, получавшие средства к жизни от пашни или огорода. Только верхняя ступень регулярных граждан получила право избирать на специальных избирательных собраниях из своей среды членов магистрата. Все регулярные граждане в зависимости от состоятельности были распределены по двум (с 1724 г. по трем) гильдиям, а ремесленники — между вновь созданными цехами. Все граждане, включая нерегулярных, сохранили право участвовать в традиционных сходах и часто по-прежнему назывались посадскими или купцами.

При близком рассмотрении оказывается, что **ни городская община, ни основы самоуправления, существовавшие к концу XVII в., не были разрушены петровскими реформами.** Даже магистратская реформа не упразднила прежде существовавшие органы самоуправления, а лишь создала еще один орган самоуправления — магистрат, который был призван консолидировать все торгово-промышленное население данного города в единую городскую общину и контролировать деятельность традиционно существующих органов самоуправления. Община, ее традиционные органы и руководители признавались новыми законами и продолжали действовать на прежних основаниях, а магистраты служили, с одной стороны, высшим органом самоуправления посадских в городах, а с другой — передаточным колесом между общиной и коронной администрацией. Одни историки считали магистрат учреждением самоуправления,²³⁹ другие — коронного управления.²⁴⁰ По мнению А. А. Кизеветтера, магистраты являлись органами самоуправления, но «глубоко архаического характера»: выбираемые населением члены магистрата «делались не слугами избравшего их общества, а агентами правящей бюрократии. <...> Самоуправление в истинном его значении начиналось лишь за дверями магистратского присутствия. Его органом служил мирской посадский сход, исполнительной инстанцией являлась „старостинская изба" или „старшинское правление". Не магистратский бургомистр, а посадский староста был настоящим представителем земского мира».²⁴¹

Рассмотрим магистрат в связи с другими органами городской общины, так как вместе они представляли собой единую систему самоуправления. Городская община имела два вида сходов — собрание всех граждан и собрание верхней страты для избрания членов магистрата. Первое собрание избирало мирское управление и земских старост, второе — членов магистрата. Во главе городской общины оказывались два учреждения — земская изба и магистрат — и два руководителя — мирской староста и президент магистрата. Первое учреждение преследовало преимущественно групповые, сословные цели граждан и служило специфическим интересам данной городской общины, второе руководствовалось главным образом (но не только!) интересами коронной администрации и решало государственные задачи. В данном случае мы имеем **классический пример самоуправляющейся общины с двумя группами функций — официальных, или государственных, и неофициальных, или общественных, и с двумя структурами — официальной и неофициальной**. Поскольку две структуры принадлежали одной и той же корпорации и являлись как бы двумя головами одного тела, они находились в постоянном взаимодействии. Городского старосту выбирало общепосадское собрание, но утверждал магистрат. Состав земской избы избирался общим собранием, но она подчинялась магистрату и являлась исполнительным органом как общего собрания, так и магистрата. Борьба разных групповых интересов на общем собрании переходила в борьбу за магистратские должности на избирательном собрании, в котором активное участие принимали городские низы. Старосты боролись с членами магистрата, а члены магистрата — друг с другом за власть и влияние на граждан. Богатое купечество часто превращало магистратскую власть в орудие своих интересов для борьбы против конкурентов, получения в аренду леса, земли и т. п., но главным образом для влияния на раскладку посадских платежей и повинностей.²⁴²

Магистрат избирался общиной, но формально был подотчетен только Главному магистрату. Однако фактически члены магистрата во многих отношениях зависели от общины. Они оставались ее членами, не освобождались от налогов и были связаны круговой порукой со всеми остальными. Они получали жалованье от общины и освобождались от сборов на общественные нужды не по закону, а по обычаю и усмотрению схода. По закону община должна была отпускать средства на ремонт здания магистрата и канцелярские расходы. Как правило, именно члены магистрата выступали в роли ходатаев общины перед государственными учреждениями, в том числе ездили в столицу, на что посадские отпускали деньги. Община могла пожаловаться на членов магистрата, и в случае ее правоты виновные освобождались от должности. Все это неизбежно вынуждало членов магистрата в своей деятельности принимать во внимание общественное мнение, под постоянным контролем которого они находились.²⁴³

Городские общины, так же как и крестьянские, действовали в соответствии с государственной концепцией самоуправления: городское общество на местном уровне и своими силами осуществляло задачи государственного управления и самоуправления. Магистрат в большей степени был официальной структурой, а старостинское правление — неофициальной структурой. Деятельность магистрата ориентировалась главным образом на выполнение государственных функций, а правления — общественных. А. А. Кизеветтер всесторонне осветил деятельность городской общины как неформальной организации, а в трудах других исследователей проанализирована деятельность магистратов как официальных организаций.²⁴⁴ К сожалению, никто не попытался посмотреть на все городские учреждения и институты вместе, как это было в жизни. Тогда бы не пришлось из магистрата делать исключительно государственное учреждение.²⁴⁵ Хотя магистрат был главным образом официальной структурой, он, будучи органом самоуправления, отличался от нормального государственного учреждения тем, что был ближе к

нуждам местного населения, считался с общественным мнением, зависел от городской общины, и это делало его также и институтом самоуправления. В доказательство этого приведем один характерный для того времени случай из жизни магистрата г. Белгорода в 1745—1747 гг.

В 1745 г. белгородские купцы обратились в Сенат с ходатайством утвердить решение избирательного собрания граждан (оно избирало членов магистрата), которое отрешило от должности президента и двух бургомистров магистрата, поскольку они были выбраны недостаточным числом голосов, были недостойны по своим личным качествам занимать столь ответственные должности, поступали противозаконно, нарушали казенные интересы, а один из них «не только не старался охранять купечество от всяких нападков и налогов, но и сам отягощал его неуказанными (незаконными. — *Б. М.*) поборами». Купечество обратилось в Сенат, минуя Главный магистрат, потому что отрешенные от должностей члены магистрата имели там покровителей. Сенат проверил достоверность сообщаемых фактов и временно утвердил отрешение одних и назначение новых членов магистрата. Он распорядился также, чтобы окончательное решение о новых членах магистрата было принято после нового избирательного собрания и чтобы не сословный суд посадских, находившийся под полным контролем городского магистрата, а белгородская губернская коронная администрация при участии незаинтересованных членов магистрата разобралась с обвинениями старых членов магистрата в нарушении казенного интереса. Последнее решение мотивировалось просьбой самого купечества, не доверявшего ни белгородскому магистрату, ни Главному магистрату, хотя купцы не подлежали суду коронной администрации.²⁴⁶ Из этого типичного дела можно видеть, что, по мнению членов городской общины, магистрат в своей деятельности должен защищать интересы общины; что, когда он уклонялся от своего долга «охранять купечество», он встречал противодействие со стороны по крайней мере части посадских; что члены магистрата могли принимать самостоятельные решения (в данном случае противозаконные решения), но находились под бдительным контролем общественного мнения; что в общине существовали противоборствующие партии во главе со своими лидерами, которые отстаивали свои групповые интересы, не брезгуя нарушением закона, вследствие чего вмешательство коронной администрации в роли судьи или арбитра было необходимым. Добавим, что вопреки закону на избирательных сходах членов магистрата повсеместно численно преобладали представители средней и низшей страт граждан, которых в погоне за голосами привлекали на сход претенденты на магистратские должности.²⁴⁷ Это пример самостоятельности и инициативы в выборе посадскими способов осуществления своих местных задач. Коронные власти принимали это как данность и не противодействовали этому.

Представление о том, что городское самоуправление в XVIII в. только на бумаге являлось независимым от коронной администрации, также нуждается в корректировке. С одной стороны, имелось много жалоб на вмешательство администрации в дела самоуправления. С другой стороны, в вышеприведенном примере о белгородском магистрате видно, что суд посадских был отделен от администрации не на бумаге, а на деле, что рядовые граждане умели бороться со злоупотреблениями центральных государственных учреждений (в данном случае с Главным магистратом). Известны случаи, когда граждане успешно боролись и с местной администрацией. Воевода уездного города Серпейска, пытавшийся вмешиваться в дела самоуправления, многократно (значит, безуспешно) жаловался в 1740-е гг. в Главный магистрат на то, что граждане (всего их в городе числилось около 300) во главе со старостой толпами подстерегали на улицах его самого, его семью и слуг, били и ругали их так, что воевода чувствовал себя в управляемом им городе как в осаде.²⁴⁸ Если это было возможно в Серпейске, находив-

шемя в 250 км от Москвы, то несомненно происходило и в других городах. Свидетельств об этом осталось мало, поскольку воеводы в таких случаях предпочитали не жаловаться, чтобы не обнаружить свою неспособность управлять, а меняли место службы.

Магистратская реформа повлияла и на другие стороны жизни городской общины. В конце XVII—начале XVIII в. коронная администрация управляла торгово-промышленным населением городов через центральные коронные учреждения (приказы) и воевод, с 1721 г. — через Главный магистрат и городские магистраты, состоявшие из выборных (Главный магистрат наполовину). Магистраты официально признавались органами всех посадских, благодаря чему во всех городах, включая и большие, **возник официально санкционированный общегородской уровень самоуправления**, естественно, более бюрократический и олигархический, чем первый его уровень — слободской. До 1721 г. общегородской уровень самоуправления не играл важной роли в больших городах, например в Москве, но создание магистратов стимулировало развитие самоуправления на общегородском уровне во всех посадах. В XVII в. самоуправление находилось в руках богатой верхушки посадских, после петровских реформ олигархический характер городского самоуправления усилился, так как этого требовал закон. В XVII в. суд второй инстанции по гражданским и уголовным делам для посадских принадлежал дворянам и воеводам, с 1721 г. — магистратам. Поскольку суд первой инстанции по-прежнему оставался в городской общине, то суды обоих уровней стали сословными судами посадских, слабо зависимыми от коронной администрации. Благодаря магистратской реформе произошла консолидация посадских не только на уровне города, а до некоторой степени и на уровне страны, поскольку появился Главный магистрат — орган всех посадских (граждан); **посадские отделились от крестьян не только в административном, но и в судебном отношении.**

Магистратская реформа создала в городе новые самоуправляющиеся корпорации с правами юридического лица — сначала две, затем три гильдии для купцов²⁴⁹ и цехи для ремесленников. Каждая гильдия имела свой сход, на котором избирались староста и его помощники (старшины), пользовалась правом устанавливать денежные сборы на нужды гильдии, иметь собственность и капиталы, заниматься призрением больных, старых и сирот. Ремесленники объединялись по профессиям в цехи, состоявшие из мастеров, подмастерьев и учеников. Последние проходили семилетний курс обучения, после которого сдавали экзамены и получали аттестат. Высшим органом цеха было собрание мастеров, избиравшее главу цеха (альдермана), который наблюдал за качеством изделий, изготовлявшихся ремесленниками. На русской почве гильдии и цехи существенно отличались по своей организации и функциям от своих западноевропейских прототипов. Тем не менее они способствовали разрушению слободской организации посадских, так как являлись общегородскими профессиональными организациями, которые объединяли купцов и ремесленников независимо от места проживания и принадлежности к той или иной слободе. **Гильдии и цехи (эти корпорации объединяли около половины всех посадских — регулярных граждан), а также переселения постепенно разрушали традиционный характер городской общины как соседской корпорации.** Посадские, стоявшие вне новых корпораций (нерегулярные граждане), тем не менее также постепенно теряли связь со слободской общиной вследствие переселений. Хотя приписка к какой-либо слободской общине оставалась обязательной, перемена места жительства в пределах одного города не встречала ограничений. Свободное распоряжение дворовыми участками земли и своими домами способствовало перемещениям внутри города; новые семьи, образовавшиеся в результате разделов, селились на свободных участках городской земли, как правило, в другой слободе. Можно было жить в одной слободе, а числиться в другой

слободской общине; каждая слобода становилась местом жительства представителей разных слободских общин. Этот процесс превращения соседской общины в территориальную общность особенно быстро прогрессировал в больших городах. Например, в Москве слободская организация уже в 1745 г. пришла в упадок и была заменена гильдейской, повинности и службы купцов стали осуществляться не по слободам, а по гильдиям, хотя слобода сохранялась как административная единица. В других городах приписка к слободской общине сохранялась, но слободские старосты превратились в подчиненных гильдейских старшин, а последние — в подчиненных городского старосты, образуя своего рода коллегию при нем.²⁵⁰

Эрозии соседского характера общегородской, в особенности слободской, общины способствовали и такие факторы, как поселение в слободах представителей других сословий, переход посадских в другие сословия или на государственную службу без изменения места жительства, а также переезд их в другой город. Введение рекрутской повинности в 1699 г. и бегство посадских из городов, к которым они были приписаны и которые они не имели права покидать без разрешения общины и государства, буквально обескровливали городские миры. Они особенно пострадали в петровское время как от безжалостной эксплуатации государства, так и от бегства. В целом по стране за 1678—1710 гг. доля посадского населения сократилась по разным оценкам от 7 до 20%.²⁵¹ В последующие годы этот процесс замедлился, однако вплоть до 1760-х гг. доля посадских во всем населении страны продолжала сокращаться, достигнув 2.8% в 1762 г. против 4.2% в 1678 г. (см. подробнее в гл. II «Социальная структура и социальная мобильность»). Депопуляция в большей степени затронула крупные города. Например, в Москве в 1648 г. доля посадских среди населения достигала 42%, в 1701 г. — 40%, а в 1737 г. — 17%.²⁵² В 1719 г. коренные жители Москвы составляли всего третью часть населения города. С 1719 по 1782 г. численность посадских мужского пола сократилась с 13.9 до 8.2 тыс.²⁵³

Разрушительное влияние на патриархальный соседский характер отношений в общине оказали ее бюрократизация и переход от обычая к закону. До конца XVII в. «письмоводства, отчетности, канцелярского порядка почти не было, потому что в них не нуждались. Крестное целование, выборы за руками (утвержденные подписями выборщиков. — *Б. М.*), поручные записи (письменное поручительство выборщиков за выборных на общественные должности. — *Б. М.*), возможность всем и каждому все лично видеть и все на себе испытать — таковы были обеспечения древнерусского порядка».²⁵⁴ С начала XVIII в. отношения между разными звеньями механизма самоуправления стали приобретать более формальный характер, поскольку строились по определенным в законе правилам, на юридических основаниях, по инструкциям или наказам. Главный магистрат получал инструкции от императора или Сената, городские магистраты — от Главного магистрата. Магистрат давал инструкции городским старостам, гильдейским и цеховым старшинам. Старосты получали также указы и от самих избирателей, в которых перечислялись обязанности и права старосты в отношении избирателей и последних в отношении старосты. Наказы подписывались, скреплялись печатями и хранились в архиве. Отношения в общине стали субординированными: магистраты выступали в качестве вышестоящего органа по отношению к общегородским общинам, последние — по отношению к слободским, члены магистрата являлись начальниками по отношению к слободским, общепосадским старостам и рядовым гражданам. Старшина первой гильдии считался старшим по отношению к старшинам второй и третьей гильдий и т. д. Все это говорит о сильной бюрократизации городской общины в первой и второй третях XVIII в. Этот процесс, как указывалось, в деревенской общине обнаружился лишь через 100 лет, после реформ 1860-х гг.

С постепенной бюрократизацией городской общины, ростом числа ее членов, утратой соседского характера межличностные отношения теряли патриархальный, соседский характер, особенно между представителями разных социальных страт, так как социальное превосходство высшей страты было закреплено в законе. Развивался индивидуализм. Отражением этого может служить переход от представительного (по одному представителю от двора, как было в XVII в.) к поголовному участию на городских сходах всех мужчин, которые платили налог. В 1740—1760-е гг. только в некоторых городах сохранился старый обычай представительства.²⁵⁵ Другим свидетельством развития индивидуализма может служить переход граждан по собственной инициативе вопреки закону от круговой ответственности при уплате недоимок к индивидуальной. Зажиточные слои стремились освободиться от круговой поруки также и по платежам налогов, но этого им удалось достичь только в 1785 г. Зато индивидуальная ответственность за недоимки в магистратский период применялась очень широко, переходя и на наследников неплательщиков. Община не давала недоимщикам ни льгот, ни рассрочки, ни других облегчительных мер и не останавливалась перед распродажей их имущества.²⁵⁶

Разрушение патриархальных отношений в разных городских общинах протекало с разной интенсивностью, которая убывала от столиц к крупным, средним и малым городам. Последние особенно долго сохраняли традиционный общинный быт. По данным переписей (ревизий) населения 1719 и 1744 гг., городские общины по числу посадских мужского пола распределялись следующим образом:²⁵⁷

	1719 г.	1744 г.
Города с числом посадских более 1 000 чел.	64, или 34.6%	72, или 35.9%
Города с числом посадских от 500 до 1 000 чел.	36, или 19.4%	40, или 19.5%
Города с числом посадских от 100 до 499 чел.	63, или 33.6%	66, или 32.7%
Города с числом посадских менее 100 чел.	23, или 12.4%	24, или 11.9%

В Москве — самом крупном городе России насчитывалось около 14 тыс. посадских мужского пола, вторым городом по числу граждан был Ярославль — около 8 тыс., третьим — Калуга — около 6 тыс. Как видим, большинство общин было невелико по численности своего населения, поэтому в целом процесс модернизации общинных отношений проходил в умеренном темпе.

В 1775 г. городское самоуправление вновь подверглось реформированию. Магистраты были преобразованы по образцу государственного учреждения, их структура и порядок работы приняли сугубо бюрократические формы. Произошло окончательное выделение города в самостоятельную административную единицу со специфическими коронными органами управления, что способствовало полному размежеванию города и уезда, горожан и селян в административном отношении. Но еще более существенное влияние на городскую общину оказала социальная реформа, проведенная в том же году.²⁵⁸ Она ввела новое разделение податного городского населения на купцов трех гильдий, мещан и ремесленников, каждый из этих разрядов населения получил корпоративную организацию в виде купеческого, мещанского и ремесленного обществ. Купцы были превращены в привилегированную корпорацию, так как рекрутская повинность для них была заменена фиксированным денежным взносом, прямой налог (подушная подать) — денежным сбором в размере 1% с объявленного капитала, а круговая порука вовсе отменена. В результате этой реформы **собрания всего городского сословия прекратили свое существование.**

1775—1869 гг.: превращение городской общины в общество

Жалованная грамота городам 1785 г., утвердившая новое Городовое положение, завершила реформу городской общины, начатую в 1775 г. Городовое положение имело целью заменить сословную городскую общину *общесословным обществом всего городского населения*. Оно рассматривало весь город, все население, проживающее в нем, как юридическое лицо, как самоуправляющееся общество, имеющее свои, особые от государственных интересы и нужды. Именно с этого времени возникли понятия «общество градское» и «гражданское общество» для обозначения общегородской общины. Реформа предусматривала создание общесословных городских органов, составленных из представителей всех сословий городского населения, кроме военных и крестьянства: Собрания общества градского — общего собрания цензовых горожан, Общей городской думы — представительного собрания всего городского населения и Шестигласной городской думы — исполнительного органа городского самоуправления. Эти учреждения являлись общегородскими и по объему их компетенции, которая распространялась на весь город. Думы были провозглашены «главой и начальством» всего населения города, хотя и с ограниченной властью и компетенцией сравнительно с предшествующим периодом вследствие того, что многие функции прежних магистратов отошли к коронной администрации. **Жалованная грамота городам завершила размежевание города и уезда, горожан и крестьян, а значит, городских и сельских общин в социальном отношении.**

Как и при проведении магистратской реформы, новые учреждения не отменили старые, а ввели их в новую систему самоуправления. Создавая общесословную городскую общину, реформатор сохранил магистрат как судебный и административный орган исключительно для купцов, мещан и ремесленников. Функции городских дум и магистратов были размежеваны очень приблизительно: руководство общественными финансами, общегородским хозяйством и общегородскими делами отдавалось думами, а сословный суд, заведование казенными сборами и налогами и управление делами, касавшимися только купцов, мещан и ремесленников, оставлялись за магистратами. Таким образом, магистрат становился органом суда и самоуправления только для городского сословия, дума — органом самоуправления всех горожан.

При проведении городской реформы 1775—1785 гг. в жизнь произошли существенные отклонения от замысла, с которыми правительство было вынуждено смириться и признать их (одни — де-факто, другие — де-юре) сепаратными законодательными актами, корректирующими Городовое положение 1785 г. Эти отклонения — убедительное доказательство того, что не только государство творило социальную историю страны, но и само население, и объективные социально-экономические процессы, проходившие в стране. Городское самоуправление к середине XIX в. приобрело следующий вид. Собрание городского общества не стало ни общесословным, ни собранием всей городской элиты. Дворянство, разночинцы и духовенство не участвовали в нем, считая это ниже своего достоинства, а крестьянство, составлявшее около трети постоянного городского населения, и военные были лишены избирательных прав. Имущественный ценз для участия в общегородских собраниях был настолько высоким, что во многих городах находились единицы или вовсе отсутствовали люди, которые бы ему соответствовали. Городские думы и коронная администрация были вынуждены допускать на собрания лиц по своему усмотрению, часто всех желающих, которых все равно находилось не так много. Возникали трудности с комплектованием дум. Во-первых, дворянство, разночинцы и духовенство отказались в них участвовать, крестьянство и военные не имели права, в результате *думы превратились в органы только городского сословия*. Во-вторых,

купцов первых двух гильдий, которые соответствовали цензу, в большинстве городов было очень мало, поэтому сначала фактически, а затем указами от 1824 и 1836 гг. было разрешено при недостатке купечества избирать на все городские общественные должности мещан и ремесленников, а купцам отказываться от второстепенных должностей. Из-за отказа дворян, духовенства и разночинцев участвовать в городском самоуправлении, а также по причине абсентеизма образовать общие городские думы в соответствии с законом оказалось невозможно, и в большинстве городов они прекратили свое существование, а шестигласные думы по той же причине превратились в орган городского сословия, состоявший из четырех купцов, одного мещанина и одного ремесленника. В результате *органы городского самоуправления не стали ни элитарными, ни сословными*. Напротив, можно говорить о строго сословном и демократическом характере их состава сравнительно с магистратами. Они формировались в ходе прямых и по существу всеобщих для мужчин выборов: избирательные права в большинстве городов предоставлялись «старожилам» мужского пола в возрасте 25 лет и старше. Несмотря на демократизацию, все самые влиятельные и почетные должности в городском самоуправлении принадлежали купечеству, которое, как и в магистратский период, являлось лидером городского общества.

Таким образом, вопреки замыслам Екатерины II, **реформы 1775—1785 гг. не создали общесословного городского общества**. Неспособность представителей всех групп населения преодолеть сословную парадигму, укоренившуюся в общественном сознании, осознать необходимость и важность существования единого городского общества парализовала намерения правительства, прежде всего императрицы, чьи замыслы обгоняли время. О том, что главное препятствие для осуществления реформы заключалось в самом населении, а не в плохом законодательстве, хотя и Городовое положение 1785 г. страдало многими изъянами, говорит следующий факт. В городах Прибалтийского региона, особенно в Риге, намерения императрицы более или менее реализовались благодаря предшествующему опыту, накопленному бюргерами при магдебургском праве, действовавшем там до 1785 г.²⁵⁹

Вопреки Городовому положению 1785 г., которое формально лишало городское сословие права на сословное самоуправление и даже не предусматривало общего собрания его представителей, **возникло именно общество всего городского сословия**, которое заменило существовавшую несколько столетий посадскую общину. Этому способствовало несколько факторов: прекращение существования слободских общин; социальное, профессиональное и имущественное расслоение; усиление наметившейся еще в магистратский период бюрократизации самоуправления и формализации межличностных отношений; рост численности городского населения и его социальной и горизонтальной мобильности; развитие рыночных отношений в городе; изменение менталитета городского населения. Специального упоминания заслуживает изменение порядка деятельности органов самоуправления. Посадские и слободские сходы до последней четверти XVIII в. собирались часто, по мере необходимости, никто не регламентировал повестку дня, процедуру и т. д. Это были собрания, где все члены общины встречались лицом к лицу, коллективно и заинтересованно обсуждали свои проблемы, принимали важные решения. Сходы контролировали деятельность выборных, с которыми рядовые их избиратели постоянно и непосредственно общались. По Городовому положению 1785 г. общие городские собрания формировались на представительной основе, к тому же они собирались всего раз в три года, главным образом для выбора должностных лиц по общественному управлению. Хотя выборы членов городских дум и магистратов были демократическими, для рядовых людей вся их деятельность проходила за закрытыми дверями, непосредственные отношения избирателей и избранников прекратились. Деятельность органов самоуправления была бюрократ-

тизирована почти в такой же степени, как и коронных учреждений. Возьмем, к примеру, Петербургскую думу. В 1832 г. она включала городского голову и 6 представителей от городского сословия — 4 от купеческого общества, 1 от ремесленного общества и 1 от мещанского общества. Аппарат думы состоял из 55 чиновников, 48 писцов и нескольких служителей (сторожей, курьеров и т. п.). В 1833 г. штат чиновников увеличился на 4 человека, в 1834 г. — еще на 4 человека и т. д. В думу в 1838—1840 гг. ежегодно поступало 35 105 различного рода документов и исходило из нее 50 245 документов, она решала ежегодно 11 074 дел. При таком объеме делопроизводства общественные представители не могли вникнуть в каждое дело, и, естественно, вершителями дел становились чиновники аппарата.²⁶⁰

Более традиционно проходила жизнь купеческого,²⁶¹ мещанского²⁶² и ремесленного²⁶³ обществ. По-прежнему довольно часто собирались общие собрания этих обществ, даже в больших городах, на которых обсуждались разнообразные вопросы их внутренней жизни. Все общественные должности занимали сами члены обществ. Небольшое количество канцелярских служителей нанималось для письмоводства, и на ход дел они не оказывали влияния. Однако складыванию крепкой общины в рамках купеческого общества серьезно мешали несколько обстоятельств: постоянная изменчивость их состава, подвижный образ жизни купцов, отмена для купечества коллективной ответственности и вообще дисциплинарной власти общества над его членами, индивидуальный характер деятельности каждого купца. Купцы, не заплатившие полагавшегося гильдейского сбора, автоматически переходили в мещанство. О масштабах этих социальных перемещений дают представление следующие данные. Среди московского купечества в 1795—1811 и 1811—1815 гг. не подтвердили свои капиталы 60% общего числа купцов, в 1815—1833, 1833—1850 и 1850—1857 гг. — 40%. Кроме того, многие купцы уехали в другие города или перешли в другие сословия.²⁶⁴ Высокая мобильность купцов наблюдалась повсюду. В Петербурге лишь за 8 лет, с 1847 по 1855 г., из купеческого общества, включавшего в 1847 г. 6389 душ мужского пола, по разным причинам вышли 33% членов, а вновь вступили 29%, старожилов на 1855 г. осталось 70%.²⁶⁵ По несколько месяцев в году купцы проводили вне дома в связи со своей предпринимательской, главным образом торговой, деятельностью.²⁶⁶ До реформы 1775—1785 гг. посадская община пользовалась дисциплинарной властью, что лежало в основе корпоративного крепостничества. Община имела право приговаривать к телесному наказанию или заключать под арест за проступки, за неуплату в срок налогов и т. п., отдавать за частные долги на определенный срок в принудительные работы, а также ссылать «порочных членов» в Сибирь в зачет рекрутов. После 1785 г. такое право сохранилось только у мещанских и ремесленных обществ. Купцы освободились от дисциплинарной власти как городского, так и купеческого обществ, что способствовало их освобождению от корпоративного крепостничества.

Община у ремесленников плохо развивалась из-за того, что они, согласно Ремесленному положению 1785 г. и Уставу цехов 1799 г., были сильно разобщены по многим цехам (даже в малых городах до 1852 г. ремесленники состояли в разных цехах по профессиям), внутри цехов они разделялись на вечно-цеховых и временно-цеховых, а также на три категории (мастеров, подмастерьев и учеников), весьма сильно различавшиеся своими правами и обязанностями. Только потомственные горожане-ремесленники, так называемые вечно-цеховые, на долю которых приходилось менее половины всех цеховых, обладали сословными правами и участвовали в самоуправлении. Временно-цеховые, т. е. ремесленники, принадлежавшие к другим социальным группам и временно приписанные к цеху ради получения разрешения заниматься ремеслом в городе, никакими корпоративными правами не пользовались; это был текучий элемент в составе цехов, затруднявший форми-

рование крепкой общины среди ремесленников. Среди вечно-цеховых только мастера имели корпоративные права и власть, в то время как подмастерья и особенно ученики находились в подчиненном и приниженном положении.²⁶⁷ При такой сильной правовой дифференциации между ремесленниками отношения общинного типа в цехе или ремесленном обществе имели мало шансов для развития, хотя цеховое устройство к 1860-м гг. получило распространение в 180 наиболее крупных городах России.

Более благоприятные условия для сохранения общины существовали в мещанском обществе, так как мещане были самой однородной в материальном, культурном и социальном отношениях группой городского сословия. Но и здесь имелись препятствия для образования прочной общины. Мещане тоже различались по своему имущественному положению; в 1824 г. они даже формально были разделены на две подгруппы в зависимости от занятий, имущества и промыслового свидетельства. Мещане, так же как и купцы, отличались высокой мобильностью. Например, из состава петербургского мещанского общества (18 802 души мужского пола в 1834 г.) за 1834—1850 гг. выбыли 77% членов, к 1850 г. старожилов осталось всего 18%.²⁶⁸ И все же **именно среди мещан более чем среди других разрядов городского сословия наблюдались отношения, приближавшиеся к отношениям общинного типа**, благодаря тому что во многих городах имелось много мещан-земледельцев, объединенных в поземельные мещанские общины.

Рассмотрим, что нового внесла городская реформа 1775—1785 гг. во взаимоотношения городского сословия с коронной администрацией. Как и прежде, каждое общегородское общество имело официальную и неофициальную структуры и выполняло официальные, или государственные, и неофициальные функции, имевшие целью удовлетворение потребностей данного местного общества. Таким же дуализмом отмечены структуры и деятельность мещанского и ремесленного обществ. В отличие от них купеческое общество, освободившись от круговой поруки и утратив дисциплинарную власть над своими членами, избавилось от выполнения государственных функций, что повлекло за собой и утрату им официальной структуры, предназначенной для выполнения этих функций. Отличие от предшествующего периода состояло также в том, что структурный и функциональный дуализм общегородского общества, существовавший де-факто, был закреплен в законе. В 1775 г. городские магистраты,²⁶⁹ а в 1785 г. городские думы были официально включены в систему местного государственного управления.²⁷⁰ Правительство и население по-прежнему смотрели на городское самоуправление как на служение государственным и местным сословным интересам, как на обязанность и право, как на повинность и привилегию («выгоды и преимущества»). Эти положения были развиты в Своде законов Российской империи 1831, 1842 и 1857 гг. издания. Закон различал дела «общего благоустройства», или дела «по охранению тишины и порядка среди городского общества посредством внутреннего, кругового между его членами надзора за бытом каждого», и дела «общего благосостояния» и «общественного хозяйства». Первые должны были исполняться органами самоуправления в тесном контакте и под контролем коронной администрации, вторые находились в полном и исключительном ведении органов самоуправления. В силу этого все органы самоуправления за исполнение государственных функций были подотчетны перед коронной администрацией, а за исполнение общественных дел — перед избирателями и общиной.²⁷¹ **Органы городского самоуправления входили в систему общих губернских учреждений**, а после образования в 1802 г. Министерства внутренних дел относились к его ведомству. На время службы лица, занимавшие общественные должности, приравнивались к чиновникам, им присваивались чины соответственно их должности, и все они считались состоящими на государственной службе, но без привилегий (жалованья, пенсий, орденов и т. п.),

которыми располагали чиновники. Коронные учреждения стремились постоянно направлять деятельность городских дум, особенно в столицах и крупных городах.²⁷² Такое положение, естественно, вполне устраивало правительство и, как это ни парадоксально, в не меньшей степени само население, потому что **коронная администрация не имела возможности серьезно контролировать деятельность органов городского самоуправления**, благодаря чему оно осуществлялось более или менее независимо от органов государственной администрации.²⁷³

Однако компетенция органов самоуправления в результате реформ 1775—1785 гг. была сужена. Общегородские органы сосредоточились на суде, финансах и городском хозяйстве, купеческие общества — на представительской функции и благотворительной деятельности, а мещанские и ремесленные общества хотя и продолжали исполнять все прежние функции, но в урезанном объеме. Полицейская функция перешла в руки государства в значительной степени,²⁷⁴ культурно-воспитательная и функция социальной защиты — частично; религиозная функция в большей мере оказалась в руках церкви; хозяйственная функция стала сокращаться в связи с уменьшением городского земельного фонда, а финансовая — вследствие отмены круговой поруки для купечества и падения ее роли для мещанства и ремесленников. Сужению компетенции органов городского самоуправления весьма способствовало возникновение в рамках местных коронных учреждений особых ведомств, специализировавшихся на отдельных сторонах местного хозяйства и благоустройства. С 1813 г. такие сферы городской жизни, как санитария, пути сообщения, социальное призрение, народное продовольствие и другие, постепенно переходили в компетенцию специальных комитетов и комиссий. Хотя все они состояли наполовину из представителей короны, наполовину из горожан, тем не менее это означало, что коронная администрация стала принимать участие в осуществлении всех важнейших муниципальных функций. Роль коронной администрации была большей в столицах и губернских городах, где эти комитеты и комиссии располагались, в большинстве уездных городов забота о городском хозяйстве в основном лежала на обязанности городских дум.²⁷⁵

Уже упоминалось, что характер общественного быта в городах существенно зависел от численности их населения и экономической ориентации. Только в поселениях с населением свыше 5 тыс. общегородские общины под влиянием реформ 1775—1785 гг. и объективных социально-экономических процессов к началу XIX в. превратились в общества. **В малых, преимущественно аграрных городах**, состоявших главным образом из мещан-земледельцев, быт которых мало отличался от деревенского, **общегородское общество и после реформы оставалось по существу традиционной посадской общиной. В больших и средних городах отношения общинного типа сохранились в купеческих, мещанских и ремесленных обществах.** Эти профессиональные корпорации объединяли небольшое число людей, имевших общие интересы, общее имущество, общих врагов и конкурентов. Особенно это относится к мещанским обществам аграрных городов. Из мещан-земледельцев образовывались поземельные передельные общины, по своему быту ничем существенно не отличавшиеся от крестьянских передельных общин.²⁷⁶ В 1782 г. малые города с населением менее 5 тыс. составляли 72% всех городов, в них проживало 36% всего городского населения, в 1856 г. — соответственно 53 и 16%.²⁷⁷ Группировка городов по их экономической ориентации показывает, что на долю аграрных городов, где большинство населения было занято в сельском хозяйстве, приходилось в 1782 г. 54% всех городов, в 1856 г. — 22%. Однако и в 1850-е гг. земледелие играло важную роль в экономике большинства городов. В 44% городов в земледелии было занято до 25% населения, в 15% городов — до 50%, в 22% городов — более 50% всего городского населения. Лишь в 19% городов отсутствовало население, для

которого земледелие являлось важным источником средств существования.²⁷⁸ Во всех городах, где земледелие служило хотя бы для части городского населения источником жизненных средств — это значит в 81% городов, существовали общины мещан-земледельцев, близкие по своему общественному быту к крестьянским общинам. Следовательно, для общинных отношений в городах даже к середине XIX в. еще оставалось достаточно много места, главным образом среди мещанства.

После Великих реформ 1860-х гг.: упадок традиционных городских корпораций

Городская реформа 1870 г. нанесла сильнейший удар по общинным отношениям в среде городского сословия.²⁷⁹ Реформа наконец *создала всесословное общество горожан* ценой лишения 95% городского населения избирательных прав вследствие имущественного ценза, в принципе небольшого, но оказавшегося для 95% бедных российских горожан непреодолимым. Процедура выборов коренным образом изменилась: население голосовало не по сословным группам и не по сословно-профессиональным корпорациям, а по трем имущественным куриям. Ввиду этого купеческие, мещанские и ремесленные общества, гильдии и цехи потеряли значение в городском самоуправлении. Власть в городской думе перешла к цензовым горожанам, среди которых численно преобладало богатое купечество, а в политическом и идеологическом отношениях — профессиональная интеллигенция.²⁸⁰

Реформа внесла также коренное изменение в отношения между городским обществом и коронной администрацией и вследствие этого изменила традиционный дуализм городского общества. Городская реформа, как и земская реформа 1864 г., проводилась на принципах общественной концепции самоуправления, согласно которой местное общество и государство имеют разные интересы, цели и сферы деятельности. Соответственно этому закон провел размежевание государственных и общественных функций, передав податные и полицейские вопросы коронной администрации, судебную функцию — всесословным судебным органам, а вопросы городского хозяйства (транспорт, водоснабжение, связь, канализация и т. п.), общественного призрения, здравоохранения, культуры и образования — городским думам в городе и земствам в уезде. Компетенция городской думы была сужена, но зато по закону она получила автономию от коронной администрации. Новая элита городского общества в большинстве своем также была приверженцем общественной концепции самоуправления. Ввиду этого новые городские думы больше не считали себя слугами государства, ответственными перед ним за свою деятельность. Они полагали, что у городских дум есть своя, четко очерченная законом сфера деятельности, и государство не должно в нее вмешиваться. Многие думы под влиянием либералов заходили дальше: они не хотели ограничивать свою деятельность рамками, очерченными Городовым положением 1870 г., они желали активно участвовать в политической жизни страны, не останавливаясь перед использованием городской думы как трибуны для выражения оппозиционных настроений, что противоречило закону. В ряде городов думы отказывались выполнять распоряжения коронной местной администрации, которые они считали незаконными, жаловались на ее действия в Сенат, повторно избирали на руководящие общественные должности не утвержденных ею лиц, прибегали к бойкоту выборов. В возникавших конфликтах нередко обе стороны нарушали Городовое положение, интерпретируя его статьи в своих интересах. В конечном счете это испортило отношения между думами и правительством.²⁸¹ Пытаясь изменить неблагоприятно складывающуюся для него ситуацию, правительство в 1892 г. вводит новое Городовое положение, которое увеличило цензы и

Рис. 85. Заседание С.-Петербургской городской думы. 1913 г.

уменьшило электорат. Однако эта мера, вопреки ожиданиям, усилила конфронтацию, поскольку вместо лояльных правительству гласных из среды мелких собственников в городские думы пришли образованные и политически более активные представители дворянства и интеллигенции. В результате общественный, негосударственный характер органов городского самоуправления, возникших в 1870 г., не изменился, а оппозиционный дух возрос.²⁸² Начиная с 1870 г. можно говорить о том, что **органы городского самоуправления утратили свой двойственный характер учреждений государственных и общественных: с этого времени они стремились отстаивать только общественные интересы и ради этого готовы были вступать в конфликт с коронной администрацией.**

Претерпела изменения и деятельность купеческих, мещанских и ремесленных обществ. Общие собрания купцов, мещан и ремесленников стали созываться только раз в три года и лишь для выборов «опытнейших из среды себя» в правления общества, «всякие же рассуждения по делам общественным воспрещены этим собраниям».²⁸³ Право быть избранным на общественные должности предоставлялось лицам, отвечавшим тем же трем цензам, которые требовались для получения избирательных прав по выборам в городскую думу, — имущественному, возрастному и оседлости. Если среди купцов цензам отвечало более половины лиц, то среди мещан и ремесленников — лишь около 5%. Правление, состоявшее из цензовых граждан, получило право заниматься делами общества, рядовые граждане были фактически отчуждены от управления и принятия решений, им оставалась роль статистов. Так **прекратила свое существование непосредственная демократия и в обществах купцов, мещан и ремесленников.** Новые правила, радикально изменившие характер самоуправления и взаимоотношений между цензовыми и нецензовыми гражданами в обществах, в 1846 г. были введены в Петербурге, в 1862 г. распространены на Москву и Одессу, а в 1870 г. — на все города. Таким образом, Городовое положение 1870 г. отняло у городского сословия политический смысл поддерживать свои сословно-профессиональные общества, где «всякие рассуждения по делам общественным» стали невозможны.

В 1860-е гг. изменились и другие правовые и экономические условия, влиявшие на состав купеческих, мещанских и ремесленных обществ. До 1870 г. в каждом городе, где проживало купечество, по закону существовало купеческое общество, где имелись ремесленники — ремесленное общество, в каждом городском поселении, будь то город, посад или местечко, — мещанское общество. В результате все представители городского сословия объединялись в эти корпорации. Вследствие того что подушная подать (прямой налог) была заменена индивидуальными денежными сборами, круговая порука по сбору налогов и выполнению повинностей — индивидуальной ответственностью (для купечества в 1775 г. и для остальных разрядов городского сословия в 1866 г.), а рекрутская повинность — всеобщей воинской повинностью (с 1874 г.), общества в значительной мере утратили административную, дисциплинарную и финансовую функции. Это привело к тому, что корпоративное крепостное право мещанских и ремесленных обществ на своих членов было уничтожено (купечество освободилось еще в 1785 г.), но также и к тому, что пребывание мещан и ремесленников в обществах потеряло экономический смысл, так как их деятельность стала носить преимущественно благотворительный характер,²⁸⁴ что хорошо видно по бюджетам купеческого, мещанского и ремесленного обществ.

Особенно сильно в экономическом и социальном отношениях реформа 1870 г. ударила по мещанам-земледельцам, которые несколько столетий жили в условиях поземельной мещанской общины. Дело в том, что мещане, как правило, в думы не попадали из-за высокого для них имущественного ценза, их интересы в думах защищать было некому, чем и воспользовались

городские думы, которые, став распорядителями городских земель, изменили порядок их использования. Мещанские общества, распоряжавшиеся землей до реформы, потеряли на нее права и не получили никакой компенсации. Думы для увеличения городских доходов стали сдавать землю в аренду. В больших и развитых торгово-промышленных городах, где земледелие давно утратило важное значение, эта перемена мало отразилась на хозяйственном быте мещан. Но в малых городах, сохранивших в значительной мере аграрный характер, а также в средних городах, где часть мещан была занята в сельском хозяйстве, поземельные мещанские общины попали в тяжелейшее экономическое положение и стали быстро разрушаться и разоряться.²⁸⁵ Последние островки, где господствовали общинные отношения в городах, постепенно исчезли к концу XIX в.

Обязательная административная приписка к соответствующим обществам, наличие у них капиталов и имуществ, традиции и пережитки сословного менталитета сдерживали общества от окончательного распада. Но из-за отсутствия серьезных стимулов пребывания в обществах, развития индивидуальной ответственности, а также вследствие объективных социально-экономических процессов (ремесло вытеснялось промышленностью, и цехи становились анахронизмом; мещане из мелких собственников превращались в наемных рабочих и нуждались в иных общественных организациях, чем мещанское общество) распад обществ остановить было невозможно. Вопреки закону, который не отменил приписку к сословно-профессиональным обществам, начался стихийный массовый отток купцов, мещан и ремесленников из обществ.

В 1893 г. Министерство внутренних дел получило от местной коронной администрации через анкету сведения о состоянии цехов и ремесленных обществ. Обобщение ответов на анкету о состоянии ремесленных обществ дало следующие результаты.²⁸⁶ В 8 губерниях Европейской России (Виленской, Витебской, Екатеринославской, Ковенской, Новгородской, Олонекской, Орловской и Оренбургской), в 4 губерниях Сибири (Амурской, Забайкальской, Приморской и Якутской) и 5 губерниях Кавказа и Средней Азии (Акмолинской, Бакинской, Семипалатинской, Семиреченской и Тургайской) не существовало цехового устройства. В остальных губерниях цехи сохранились лишь в 142 из 1522 городских поселений империи (без Польши и Финляндии), а ремесленные общества — только в 29 городах, в остальных 113 городах ремесленники входили в состав мещанских обществ.²⁸⁷ Цехи объединяли примерно 164,7 тыс. ремесленников.²⁸⁸ В ответах на анкету не учтены ученики, которые обычно составляли около 19% всех ремесленников.²⁸⁹ Основываясь на этом, можно полагать, что число всех ремесленников, объединенных в цехи, в 1893 г. достигало 203,3 тыс., что было на 75,1 тыс., или на 27%, меньше, чем в 1858 г.²⁹⁰ Уменьшение числа ремесленников было результатом главным образом стихийного процесса самоликвидации цехов. Газета «Волгарь», выходившая в крупнейшем русском торгово-промышленном центре Нижнем Новгороде, писала о состоянии городского цехового общества в 1893 г.: «Ремесленники относятся очень хладнокровно к общественным интересам: собрания малолюдны и вялы, даже некоторые бумаги иными подписываются не только без прочтения, но подчас и без всякого осведомления о содержании их, а к предложениям ремесленного головы очень многие относятся с полным невниманием, и ему даже печатно приходится жаловаться на членов своего общества и через местные „Губернские ведомости“ призывать к исполнению требований ремесленной управы».²⁹¹

Ремесленные общества имели скромные капиталы: 28 обществ располагали недвижимым имуществом и капиталом, 33 — только капиталом и 13 — только недвижимым имуществом. Средний капитал одного общества (из тех, кто им обладал) составлял 11,5 тыс. р., а без обществ 7 крупных городов

(Москвы, Ревеля, Риги, С.-Петербурга, Тамбова, Харькова и Ярославля) — всего 2,4 тыс. р. Недвижимое имущество большинства обществ состояло в здании, где помещалось ремесленное управление. В 6 городах (Нижем Новгороде, Москве, Самаре, Харькове, Ярославле и Владикавказе Терской области) имелись специальные дома для ремесленных училищ, в 6 городах (Казани, Москве, Ревеле, С.-Петербурге, Харькове и Ярославле) — для богаделен и в 2 городах (Казани и Костроме) — для больниц. Стоимость одного здания составляла около 2—5 тыс. р., что говорит о том, что это были небольшие деревянные дома, и только в Казани, Москве, Риге и С.-Петербурге средняя стоимость здания равнялась 72 тыс. р. На доходы от капиталов и аренды зданий ремесленные общества занимались в основном благотворительной деятельностью (содержали богадельни, давали пенсии и пособия бедным, старым, больным и сиротам, на похороны, содержание церкви и т. п.), на что уходило до 70% их бюджета. Остальные доходы расходовались главным образом на содержание управления и в немногочисленных случаях на училища; в Риге отмечен расход на выставку ремесленных изделий.

Процесс стихийного умирания цехов, наметившийся в последней трети XIX в., был ускорен антицеховой политикой правительства, которое считало цехи экономическим анахронизмом в эпоху промышленной революции. Юридическим основанием для наступления на цехи послужил закон, разрешавший состоять в цехе и иметь самоуправление только вечно-цеховым ремесленникам, т. е. коренным городским жителям, постоянно живущим в городе и занимающимся ремеслом, и соответственно запрещавший цеховое устройство временно-цеховым ремесленникам, т. е. временным жителям города. Основываясь на этом законе, толкование которому дали Государственный совет и Сенат, Министерство внутренних дел, в чьей компетенции находился контроль за цехами, в 1880-е гг. закрыло цехи, состоявшие только из временно-цеховых ремесленников, в некоторых городах Минской, Киевской и Гродненской губерний,²⁹² в 1901—1904 гг. — в остальных 108 городах. Фактически это означало подрыв всей цеховой системы, так как большинство ремесленников относилось к разряду временно-цеховых. К 1905 г. цеховое устройство сохранилось лишь в 34 городах, где имелись вечно-цеховые ремесленники.²⁹³ Наступление на цехи кроме экономических соображений имело, вероятно, и политическую подоплеку: Министерство внутренних дел не хотело, чтобы цехи использовались представителями других сословий, главным образом крестьянами-отходниками, для легализации своего пребывания в городе, чтобы цехи предоставляли всем желающим охраняемое законом убежище в виде ремесленной корпорации и тем самым способствовали миграции крестьян в города и уклонению некоторых лиц от административного учета.

В 1905 г. было организовано новое Министерство торговли и промышленности, в ведение которого перешли ремесленные общества. По сведениям министерства, к 1910 г. ремесленные общества остались лишь в 28 или 29 городах,²⁹⁴ что свидетельствовало о том, что процесс умирания цехов продолжался. Министерство в 1910 г. выступило с предложением восстановить упраздненные общества ремесленников и реформировать цехи в свободные профессионально-ремесленные организации. Инициатива нашла поддержку Второго всероссийского съезда по ремесленной промышленности, проходившего в Петербурге в 1911 г. Его делегаты, состоявшие главным образом из профессиональной интеллигенции, а не из самих ремесленников, направили соответствующее ходатайство на имя председателя Совета министров П. А. Столыпина. Съезд также выработал новый Ремесленный устав. Но предложение Министерства торговли и промышленности не получило широкой поддержки со стороны ремесленников (в адрес министерства поступили лишь два, вероятно организованные делегатами съезда, ходатайства

от ремесленников двух городов — Николаева в 1912 г. и Севастополя в 1913 г.). Не поддержали инициативу и другие заинтересованные министерства, возможно, потому, что общий правительственный курс в эти годы был направлен на упразднение крестьянской общины и общинного духа вообще. В частности, Министерство внутренних дел заявило, что восстановление цехов, состоящих из временно-цеховых, противоречит закону и нарушает права вечно-цеховых, что для восстановления цехов необходимо дать новое толкование законам о цеховых со стороны Сената. Однако Сенат не отменил свое прежнего решения о противоречии закону существования цехов, состоящих только из временно-цеховых, а лишь принял решение о том, что временно-цеховые пользуются на ремесленных собраниях избирательными правами наравне с вечно-цеховыми (разумеется, речь шла только о тех городах, где цехи все еще существовали).²⁹⁵ Тогда Министерство торговли и промышленности решило обойти закон: оно постановило приписать ремесленников, проживавших в пригородах, к ремесленным обществам и подчинить их ремесленным управам, сохранившимся в крупных городах (например, в Москве, Ростове-на-Дону и Козлове). Эта мера, однако, не изменила ситуацию, так как укрепляла цехи только на бумаге. В 1913 г. министерство начало хлопоты о полном уравнении в правах временно-цеховых с вечно-цеховыми, надеясь, что изменение законодательства приведет к восстановлению цехов.²⁹⁶ Начавшаяся в 1914 г. война прервала эту кампанию. Оставшиеся цехи просуществовали до 1917 г. и были ликвидированы советской властью. Таким образом, **цехи в последней трети XIX в. умирали стихийно**: в 1858 г. в цехах состояли около 278 тыс. ремесленников из 332 тыс., или 84%, в 1910 г. — 186 тыс. из 716 тыс., или 26% всех ремесленников России.²⁹⁷ Попытки коронной администрации спасти цеховую систему, предпринятые в 1910—1913 гг., оказались запоздалыми и не увенчались успехом.

В 1901 г. Центральный статистический комитет собрал данные о состоянии купеческих и мещанских обществ в империи, которые также рисуют картину медленного стихийного замирания их деятельности.²⁹⁸ К 1901 г. купеческие общества не существовали в 25 губерниях России (без Польши и Финляндии), в том числе в 7 европейских губерниях (Бессарабской, Воронежской, Гродненской, Могилевской, Олонецкой, Херсонской и Черниговской). Они остались лишь в 293 из 775 городов империи, или в 37.8%, в том числе в 274 из 611 городов Европейской России, или в 44.8%. Мещанские общества не существовали в 4 губерниях (Закаспийской, Карской, Уральской и Ферганской). Они сохранились в 1196 из 1522 городских поселений империи, или в 78.6%, в том числе в 1110 из 1388 городских поселений Европейской России, или в 80%. Купеческие общества объединяли в империи 46% всего купечества, в том числе 52% в Европейской России, мещанские общества — соответственно 79 и 80% всех мещан. В 1895—1900 гг. численный рост наблюдался всего в 19% купеческих и в 73% мещанских обществ, но он происходил главным образом за счет принудительной, т. е. вопреки желанию самих обществ, приписки к ним новых членов из других сословий. Сами общества не желали принимать в свои ряды лиц, не принадлежавших к обществу по рождению, чтобы не делиться с пришельцами своими льготами. С учетом принудительной приписки численный рост обществ все равно отставал от роста численности купечества и мещанства — общества не имели будущего.

Дальнейший анализ будет касаться только Европейской России, так как в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии общества возникли позднее, чем в европейской части страны. Лишь 21% купеческих и 97% мещанских обществ собирали со своих членов очень скромные по величине суммы на общественные нужды. Если купцы платили взносы своевременно, то мещане вносили их настолько неаккуратно, что образовалась большая недоимка, превышавшая почти в два раза общую сумму ежегодных сборов. Незначи-

Рис. 86. Группа членов С.-Петербургской городской думы. 1913 г.

тельность общественных сборов — свидетельство того, что общества не могли проводить активную деятельность, которая требовала средств. Об этом же говорит и тот факт, что собственные здания имели всего два купеческих и 95, или 9%, мещанских обществ — у подавляющей части обществ отсутствовали помещения для проведения общих собраний, культурных мероприятий и вообще постоянного общения членов обществ. Большинство обществ продало принадлежавшие им здания из-за отсутствия в них потребности и из-за финансовых трудностей. Лишь 15% купеческих и 36% мещанских обществ располагали недвижимым имуществом и капиталом, по 2.2 тыс. р. на одного члена у купцов и по 3 р. у мещан. Доходы с капитала использовались на благотворительную деятельность.

Весьма красноречивы данные о самоуправлении в обществах. Лишь 51% купеческих обществ имел специальный орган самоуправления, 36% управлялись городскими думами, а 13% существовали как своего рода клубы. Специальное самоуправление имелось в 84% мещанских, остальные управлялись городскими думами. Купеческие общества зашли по пути дезинтеграции дальше, чем мещанские, потому что они освободились от государственной опеки на 81 год раньше — в 1785 г.

В начале XX в. основные функции купеческих и мещанских обществ сводились к благотворительной деятельности, но и та была мизерной. Только 8% купеческих и 4% мещанских обществ имели собственный Сиротский суд, занимавшийся опекунскими и сиротскими делами. Лишь 10% купеческих и 16% мещанских обществ содержали собственные богадельни для престарелых и воспитательные дома для сирот, на что расходовалось в год 1120 тыс. р. всеми купеческими и 1125 тыс. р. всеми мещанскими обществами, т. е. по 41.5 тыс. р. на одно купеческое и по 6.3 тыс. р. на одно мещанское общество. Еще 11% купеческих и 36% мещанских обществ оказывали материальную помощь своим нуждающимся членам в общей

сложности на 61 и 154 тыс. р. в год. Хотя мы не располагаем сведениями о числе нуждающихся, можно уверенно думать, что помощи явно не хватало. Во-первых, ее оказывали только каждое десятое купеческое и каждое третье мещанское общество, между тем как нуждающиеся имелись во всех обществах. Во-вторых, расходы в абсолютных цифрах были невелики со стороны купеческих и просто ничтожны со стороны мещанских обществ.

Право присуждения к исправительным наказаниям и к ссылке «порочных членов» — так назывались лица предосудительного и преступного поведения — было предоставлено городским и сельским общинам еще в середине XVIII в. Купеческие общества практически отказались от судебно-карательной функции (за 1895—1900 гг. они отправили в ссылку только одного человека), мещанские общества действовали активнее. В течение 1895—1900 гг. правом присуждения к исправительным мерам — к сдаче на принудительные работы на срок от одного до шести месяцев — воспользовались 16%, а правом ссылки в Сибирь — 24% мещанских обществ. В среднем в год всеми мещанскими обществами ссылались 370 человек. Дисциплинарная власть мещанских и ремесленных обществ над своими членами была отменена в 1901 г. как нарушающая гражданские права человека, а вместе с ней — и ссылка по приговорам обществ. Это окончательно превратило мещанские и ремесленные общества в преимущественно благотворительные учреждения, что раньше случилось с купеческими обществами.

И все же **мещанские общества деградировали медленнее ремесленных и купеческих**, в особенности в небольших уездных городах, обладавших значительной землей, позволявшей мещанам заниматься сельским хозяйством. Деятельность мещанских обществ, хотя и серьезно сузилась по сравнению с дореформенным временем, оставалась после Великих реформ достаточно обширной, по крайней мере по закону и на бумаге. Они выполняли полицейскую функцию (следили за паспортным режимом, учитывали население, обеспечивали пожарную безопасность, поддерживали общественный порядок, выбирали членов податных присутствий и оценочных комиссий), хозяйственную (регулировали землепользование), благотворительную (помощь бедным, воспитание сирот, содержание богаделен) и культурно-религиозную (организация религиозной жизни, поддержание храма и причта, проведение праздников). Продолжали действовать мещанские сходы, выбирались старосты или в крупных общинах мещанские управы, разные комиссии и попечительные советы.²⁹⁹ Однако вся эта деятельность, очень часто значительная на бумаге, стала осуществляться не столько по внутренней потребности, как было прежде, сколько в силу обязанности перед государством, по инерции, чисто формально и просто по принуждению — свидетельство трансформации общинных соседских отношений в формальные, общественные. Дело в том, что сословный строй фактически умирал, но юридически еще сохранялся. А раз он продолжал существовать, то закон требовал, чтобы сословные организации также продолжали действовать и выполнять возложенные на них государством функции. Эти функции кое-как и выполнялись. Что же касается самых важных прежде функций — производственной, фискальной, социальной защиты и судебной, то они либо умерли, либо умирали. Свободной земли в большинстве городов было очень мало, а в тех городах, где она имелась, роль сельскохозяйственных занятий свелась к минимуму, отсюда хозяйственная функция мещанского общества угасала. Уплата налогов стала личным делом каждого человека. Здравоохранение, социальная помощь, народное образование перешли в руки земств и городских дум, обеспечение общественного порядка и противопожарной безопасности — коронной полиции, а суд — к новым всесословным судам. Получение паспорта мещанами после отмены подушной подати и круговой поруки по сбору налогов и выполнению повинностей у всех разрядов городского сословия в

1866 г. стало формальностью: при отсутствии недоимок по уплате копеечных общественных сборов каждый при желании получал его на 5 лет. А в 1901 г. мещанское общество полностью утратило дисциплинарную власть над своими членами. В итоге некогда сильное мещанское общество перестало выполнять жизненно важные функции. Таким образом, если сравнивать мещанское общество рубежа XIX—XX вв. с мещанским обществом рубежа XVIII—XIX вв., то по всем параметрам мы наблюдаем деградацию. В начале XX в., в особенности после революции 1905—1907 гг., этот упадок еще более усилился вследствие того, что сословный строй быстро разрушался, появлялось много новых общественных организаций, профсоюзов, политических партий. Формально мещанские общества прекратили свое существование в конце 1917—начале 1918 г. с отменой сословий и закрытием сословных организаций. Но эта смерть была тихой и закономерной. Не случайно попытки мещанских обществ после Февральской революции реорганизоваться и реанимироваться успеха не имели.

Известный московский купец П. А. Бурьшкин, избранный в 1913 г. в управление Московского купеческого общества — самого крупного, богатого и активного в России, в своих воспоминаниях пишет, что «за свое вековое существование оно сильно утратило свое значение, можно сказать, сошло почти на нет». Вся деятельность общества сводилась к управлению благотворительными организациями, выборам и ассигнованиям на ремонт. Собрания членов бывали редко и плохо посещались. Сравнивая Московский биржевой комитет с купеческим обществом, автор заметил: «Насколько в первом жизнь была ключом, настолько в управе (общества. — *Б. М.*) была мертвечина». Причина, по его мнению, состояла в том, что обсуждавшиеся в купеческом обществе вопросы не представляли общего интереса и что центр общественной жизни купечества в начале XX в. переместился в другие организации — Биржевой комитет, Общество заводчиков и фабрикантов Московского района, Общество оптовых торговцев мануфактурой и другие профессиональные организации.³⁰⁰ Наблюдения Бурьшкина служат яркой иллюстрацией к сухим цифрам анкеты о состоянии купеческих обществ России к началу XX в. и помогают объяснить причины умирания не только купеческих, но и мещанских и ремесленных обществ. Если функции обществ свелись почти исключительно к благотворительности, то они могли представлять интерес только для обедневшей или разорившейся части городского сословия. Энергичные и процветающие лица не имели стимула состоять их членами. Внимание деловых людей привлекали другие организации, пребывание в которых давало полезные связи и помогало профессиональной или политической деятельности.

Итак, в конце XVII в. различия в общественном быте посадского и крестьянского населения были несущественными, посадская община выполняла те же функции, что и крестьянская община; та и другая были отмечены функциональным и структурным дуализмом и выступали субъектами корпоративного крепостничества. Магистратская реформа 1721 г., с одной стороны, консолидировала посадскую общину, с другой — разделила ее на гильдии и цехи, что создало предпосылки для фрагментации единой посадской общины. Компетенция и структура посадской общины оставались в основном прежними, но деятельность органов самоуправления стала приобретать черты бюрократической организации, что постепенно изменяло характер межличностных отношений в общине. Реформы 1775—1785 гг. имели более серьезные последствия. Они, во-первых, усилили структурный и функциональный дуализм органов самоуправления, деятельность которых была формализована и бюрократизирована в такой же степени, как и коронных учреждений, а компетенция сужена, во-вторых, освободили купечество от

корпоративного крепостничества, в-третьих, разделили прежде единую посадскую общину на купеческое, мещанское и ремесленное общества, слабо связанные между собой. Члены каждой сословно-профессиональной корпорации были в достаточной мере солидарны, имели самоуправление, общие потребности, общее имущество, активно взаимодействовали друг с другом, а члены мещанских и ремесленных обществ были также связаны круговой ответственностью. Это создавало предпосылки для сохранения в них отношений общинного типа. Реализации этих предпосылок в крупных и средних городах препятствовали рост населения, возрастающая мобильность, а также имущественная и социальная дифференциация между членами обществ. Но в малых городах с однородным мещанским населением, занятым преимущественно в сельском хозяйстве, где центром общественной жизни являлась поземельная община, а не городская дума и магистрат, образование специальных мещанских корпораций способствовало временному укреплению в них общинных отношений. Реформы 1860-х гг. и Городовое положение 1870 г. освободили мещан и ремесленников от корпоративного крепостничества, но одновременно нанесли мощный удар по общинным отношениям в среде городского сословия, составившего свыше половины всего городского населения. Реформы превратили городские общества из сословных во всесословные, изъяли большую часть государственных функций из компетенции органов самоуправления, тем самым ликвидировав их функциональный и структурный дуализм. На всех уровнях непосредственная демократия была заменена представительной, но высокие цензы отдали самоуправление в городских думах и сословно-профессиональных корпорациях в руки немногочисленной элиты, составлявшей 4—5% всего городского населения. С этого времени можно говорить об отчуждении власти от рядовых граждан, о юридическом разделении горожан на элиту и плебеев. Это решительно подорвало общинные отношения в традиционных корпорациях городского сословия, которые до 1917 г. теплились лишь в поземельных общинах мещан-земледельцев. Освобожденные в результате Великих реформ 1860-х гг. от многовековой опеки традиционных корпораций каждая отдельная семья, каждый человек должны были самостоятельно заботиться о своем благополучии, контролировать свое поведение, защищать себя и т. д. Хотя некоторая помощь оказывалась государством, городским обществом, сословными корпорациями, разного рода частными организациями, но основная забота падала на семью и самого человека, который стал гражданином, свободным и сам на себя полагающимся индивидуумом. **В больших и средних городах** с числом жителей от 20 тыс. и больше, где в 1910 г. проживало 77% городского населения, в среде городского сословия в начале XX в. межличностные отношения общинного типа превратились в отношения по преимуществу общественного типа во всех корпорациях, включая купеческие, мещанские и ремесленные общества. Островки традиционных общинных отношений до некоторой степени сохранялись в аграрных городах — в 1897 г. около 6 десятков (8.5% от числа всех городских поселений), где проживало менее 8% всего городского населения (табл. V.5 и V.7 в главе V «Город и деревня в процессе модернизации»), и повсеместно в среде рабочего класса. Процесс модернизации социальных отношений в рабочих коллективах на заводах и фабриках тормозился вследствие того, что их кадры формировались из крестьянства и разорившегося мещанства.³⁰¹

ДВОРЯНСКИЕ КОРПОРАЦИИ В РОССИИ

Зарождение дворянских корпораций

Дворянство с самого своего возникновения, в отличие от крестьянства и городского сословия, не знало организации типа общины. Во второй половине XVI—первой половине XVII в. дворянин в мирное время должен был нести военную службу в том уезде, где находилось его поместье. Вследствие совпадения места службы и землевладения дворяне, жившие в одном уезде (их число колебалось от нескольких десятков до нескольких сотен, но редко превышало тысячу человек), объединялись в замкнутую территориальную корпорацию под названием «*служилый город*» и в рамках ее несли пограничную, полковую службу и участвовали в военных действиях, потому что военные подразделения (сотни, полки) формировались из земляков. Военная служба носила периодический характер, потому что дворянин столько же был воином, сколько помещиком. Получая за службу не денежное жалованье, а землю и крестьян, он должен был иметь время для управления своим хозяйством. Поэтому в мирное время он проводил весну и лето на службе, а осень и зиму — в поместье или год — на службе, год — в поместье. Даже во время войны военные действия на зиму прерывались. Члены служилого города делились на сотни и во время прохождения службы находились между собой в отношениях начальников, подчиненных и сослуживцев. Как члены военной территориальной корпорации дворяне постоянно общались между собой как в мирное, так и в военное время, а также во время периодических военных смотров, которые проводили московские ревизоры для определения имущественной состоятельности и служебной годности дворян.

Служилый город был прежде всего военной организацией, предназначенной государством для контроля за несением службы. Но на практике он являлся также корпорацией уездного дворянства с элементами самоуправления. Служилые города самостоятельно формировали конные сотни, выбирали своих начальников (голов) и знаменщиков, определяли и контролировали размеры и формы службы, чтобы повинность, падавшая на служилый город, распределялась между всеми его членами равномерно. Члены служилого города были связаны взаимными обязательствами, правда, не в форме круговой поруки, как крестьяне и посадские, а в форме поручительства двух-трех дворян за одного. Поскольку каждый из поручителей должен был иметь своих поручителей, то все дворяне одного служилого города оказывались взаимно связанными. Дворянство использовало служилый город для отстаивания своих местных и сословных интересов. Служилые города различались между собой по старшинству и чести, которым соответствовали различия в служебном положении дворян, например величина земельных пожалований. Местом данного служилого города в иерархии служилых городов определялись место службы, порядок следования на смотре, очередь при раздаче жалованья и его размеры. В силу этого члены служилого города внимательно следили за тем, чтобы на честь их корпорации никто не покушался, и боролись со всеми случаями ее ущемления. Служилый город выбирал из своей среды представителей для службы в Москве и на земские соборы. От имени служилых городов дворяне обращались с прошениями к царю, и если их требования не удовлетворялись, они объединялись и поднимали мятеж, который напоминал выступления польской шляхты за получение льгот и привилегий от короля.

Служилый город заключал в себе зародыш будущей уездной дворянской корпорации, но в его структуре и функциях имелись лишь некоторые элементы общинной организации: уравнительная раскладка служебных обязанностей между членами, групповое поручительство, выборы должностных

лиц, за которых они ручались перед государством. Во всем остальном служилый город напоминал не общину, а общество. Члены служилого города жили в одном уезде, но они не были соседями в истинном значении этого понятия — их поместья находились на большом расстоянии друг от друга. По причине плохих коммуникаций они не имели постоянных контактов во время своего пребывания в деревне, а на службе были связаны формальными отношениями. В свободное от службы время каждый дворянин жил сам по себе со своей семьей в деревне. Он нес индивидуальную ответственность за свою службу, преступления, обязательства и долги. Все обязанности перед государством или другими юридическими лицами выполнял также индивидуально. К дворянам не применялась круговая порука, они не ручались один за всех и все за одного. Они не знали коллективной собственности на землю и другое имущество, которым владели индивидуально и распоряжались по своему личному усмотрению. Отношения между членами города носили характер не общинных, а общественных. Они были разделены на несколько разрядов (статей) в зависимости от имущества, происхождения и служебного положения и боролись друг с другом за землю и крепостных. «Эта борьба за землю образовывала насыщенную страстями атмосферу обиденной жизни и повседневного быта, окрашивала собой самые близкие родственные отношения».³⁰² Постоянные грабежи, свозы крестьян из одного поместья в другое, порубки, захваты земли, потравы, подлоги и подкупы чиновников ради легализации захвата земли у другого помещика или крестьян — обычная картина провинциальной жизни — были порождены взаимным отчуждением и враждебностью, слабостью социальных связей между дворянами. Дворяне одного служилого города консолидировались лишь в тех случаях, когда им приходилось выступать против другого города за нарушенную городскую честь или когда они требовали привилегий у царя.

Таким образом, служилый город по основным своим характеристикам приближался к обществу, по определению Ф. Тённиса. В то же время, подобно крестьянской и посадской общинам, в его самоуправлении участвовали все члены корпорации, и он обладал структурным и функциональным дуализмом: выполнял государственные задачи, но не забывал и о своих дворянских интересах, обладал самоуправлением, но оно использовалось короной для целей государственного управления, имел выборных, но они являлись не только защитниками интересов избирателей, а и командирами над ними. Концепция государственного самоуправления распространялась на дворянство в гораздо большей степени, чем на другие сословия.

Достигнув своего апогея во второй половине XVI в., служилый город как военная и социальная организация в XVII в. вступил в стадию упадка под действием нескольких причин. Добровольные переезды и массовые переводы правительством дворян из одного уезда в другой нарушали принцип совпадения землевладения с местом службы. Снятие с поместья оков условного и ограниченного землевладения вело к усиленной мобилизации земель одними дворянами в ущерб другим. Рост противоречий внутри самого служилого города подрывал внутреннюю солидарность. Наконец, постепенный переход от ополчения к постоянной армии делал ненужной для государства поддержку служилого города путем законодательных мер.³⁰³ С введением рекрутской системы в 1699—1705 гг. и в связи с полным переходом к регулярной армии дворянское ополчение потеряло всякое значение, а вместе с ним распался и служилый город. С этого времени и до 1762 г. военная или гражданская служба дворян стала постоянной и проходила в полках, разбросанных по территории всей страны, и в государственных учреждениях, находившихся в городах, вдали от дома. С распадением служилого города от корпоративной организации дворянства мало что осталось. При Петре I уездное дворянство по закону должно было участвовать в местном управлении: выбирать дворянские советы в помощь коронному уездному воеводе

для управления уездом и земских комиссаров с разнообразными полицейскими обязанностями в помощь губернатору. Но из-за обязательной пожизненной службы вдали от дома это участие в местном управлении носило символический характер и, возможно, лишь поддерживало в сознании дворян идею об уездной корпорации.

Мы видели, что община достаточно успешно защищала крестьян и посадских от чрезмерных требований со стороны государства и помещиков, всегда помогала своим членам в трудных ситуациях, создавала атмосферу социального комфорта. Дворянин после распада служилого города поневоле стал индивидуалистом. Как же ему удавалось в одиночку устраивать свою карьеру, защищать себя перед лицом сильного государства? Очевидно, *дворянство находило поддержку в покровительственных, или патронажных, связях*. На их основе складывались кланы и клики. Дворянин, не входивший в какой-либо сильный клан, руководимый могущественным патроном, не мог сделать карьеру. С кланами считались императоры, и когда они пытались бороться с системой патронажных отношений, как например Екатерина II, им не удавалось ее сломать. Патронаж занимал важное место в системе социальных отношений дворянства. Он являлся важным способом консолидации и защиты дворян, не имевших своей корпоративной организации, в условиях, когда государство не способно было оказать правовую защиту отдельному человеку и даже имело склонность к насилию и принуждению ради общего блага. Кроме защиты человека — главной функции патронажа — он помогал дворянину в получении выгодной службы, способствовал его карьере, увеличивал его доходы через подарки и взятки. Патронажные отношения консолидировали дворянство, способствовали развитию корпоративного сознания, уменьшали фрагментацию сословия, монарх мог успешно осуществлять свою власть, только опираясь на патронов. До конца XVIII в., когда на помощь дворянину пришли губернские дворянские общества, выражавшие общественное мнение дворянства, с которым считался даже император, патронаж имел исключительно большое значение для дворянства.³⁰⁴

То, что дворянин никогда не знал отношений общинного типа, являлось важной предпосылкой для его европеизации в XVIII в. Над ним не было постоянной опеки коллектива, он не был так скован в своем поведении общественным мнением, как это наблюдалось в крестьянской или городских корпорациях, и поневоле был более свободен и индивидуален во всех своих проявлениях. Отсюда большая склонность дворянства сравнительно с другими сословиями к новациям, его готовность к усвоению новых образцов культуры и стандартов поведения. То, что социальное бытие дворянства происходило в организациях необщинного типа, способствовало также более раннему проявлению в его среде *индивидуализма*. Уже «Домострой», предназначенный для лиц состоятельных, которыми в середине XVI в. были прежде всего служилые люди по отечеству, ясно рекомендует тщательно оберегать внутрисемейные отношения от людской молвы — «от людей смех и осуждение» — самого страшного после Божьего суда наказания. Сами внутрисемейные отношения, хотя еще не рассматривались автором как частная жизнь с правом на тайну и невмешательство со стороны, тем не менее переживаются как приватные. В то время как семейные отношения в среде городских низов и крестьянства вплоть до XX в. являлись достоянием улицы. В среде высших классов в XVII в. обнаружилось проявления индивидуализма и в религиозной сфере.³⁰⁵

Дворянское общество в конце XVIII—начале XX в.

Дворянская корпорация в истинном смысле этого слова стала складываться при Екатерине II, после отмены обязательной службы в 1762 г. Дворяне немедленно и широко воспользовались предоставленной им свободой; многие из них оставили службу и устремились в свои поместья устраивать свой быт на новый лад. За 1762—1771 гг. примерно 7,5 тыс. человек, главным образом военнослужащие, уволились с государственной службы; около 20% отставных офицеров поступили на гражданскую службу, остальные отправились в поместья. С приездом значительной части дворян в деревню у них стали складываться общие интересы на почве жизни в своих поместьях, между ними возникла общая связь и солидарность. Все это способствовало возрождению провинциального дворянского общества.³⁰⁶ В 1766 г. в связи с выборами депутатов от дворян в Комиссию для составления проекта нового Уложения дворянство каждого уезда официально приобрело характер общественной организации со своими представителями — предводителем дворянства, избираемым на два года на общем собрании дворян уезда, и депутатом в Комиссию, снабженным от избирателей наказом, в котором были выражены пожелания дворян данного уезда. В 1775 г. уездная дворянская корпорация получила более правильную организацию, право иметь сословный дворянский суд и комплектовать из своей среды путем выборов коронную уездную администрацию. В 1785 г. Жалованная грамота дворянству даровала ему право создавать губернские дворянские общества — дворянские корпорации, которые просуществовали без принципиальных изменений до 1917 г.

Согласно Жалованной грамоте, дворяне каждой губернии (но не уезда!) составляли особое *дворянское общество со статусом юридического лица* и с соответствующими привилегиями и атрибутами — правом владеть имуществом и капиталом, заключать имущественные сделки, вступать в обязательства, иметь собственное помещение для собрания, печать, делопроизводство и архив. Дворянское общество полностью освободилось от всех элементов общинности, которыми обладал служилый город, кроме одного: оно сохранило структурный и функциональный дуализм, поскольку служило не только местным дворянским интересам, но и государственным потребностям. Отличия дворянского общества от общины отчетливо видны при анализе деятельности органов дворянского общества: 1) губернского и уездного дворянских собраний; 2) дворянского депутатского собрания; 3) губернского и уездного предводителей дворянства; 4) уездных дворянских опеков.

Дворянское собрание

Губернские и уездные собрания являлись представительными органами дворянского общества. Участвовать в собрании можно было в трех формах: 1) присутствовать; 2) пользоваться пассивным избирательным правом — занимать выборную должность и голосовать за всякие решения, принимаемые дворянскими собраниями, но без права выбирать должностных лиц по дворянской и коронной службе; 3) пользоваться активным избирательным правом — голосовать за всякие решения, выбирать и быть избранным на должности по дворянской и коронной службе. Присутствовать в дворянском собрании имели право (а не обязанность!) практически все потомственные дворяне мужского пола в возрасте 25 лет и старше, внесенные в родословную книгу данной губернии, не опороченные по суду и не исключенные из общества по его приговору. Для получения *пассивного избирательного права* достаточно было кроме перечисленных условий располагать ежегодным доходом не менее 100 р., а для получения *активного избирательного права* не-

обходимо было иметь классный чин или орден и владеть населенным имением в данной губернии. Чтобы иметь доход в 100 р. в конце XVIII в., необходимо было обладать по крайней мере 20 крепостными мужского пола, поскольку средний оброк с души в год в 1780-е гг. составлял примерно 5 р. Таких помещиков в Европейской России насчитывалось тогда около 29 тыс. Цензы лишали всех личных дворян (на их долю приходилось 44% всего дворянства) даже права присутствовать на дворянском собрании, давали пассивное избирательное право лишь 40%, а активное избирательное право — лишь около 16% потомственных дворян, или 8% всех дворян мужского пола.

Цензы на право присутствия в дворянском собрании в дальнейшем не изменялись, за исключением возрастного, который был понижен до 21 года. Имущественный ценз для активного избирательного права в 1831 и 1836 гг. был повышен: требовалось владеть 100 крепостными мужского пола либо 3000 десятин (3270 га) незаселенной земли. Полковникам или действительным тайным советникам достаточно было иметь 5 душ крепостных или 164 га земли. Мелкие помещики, имеющие не менее 1/20 полного ценза, т. е. 5 крепостных или 164 га земли, могли получить активное избирательное право в складчину. Они объединялись в группы таким образом, чтобы в сумме их крепостные и земли составляли не менее 100 душ или 3270 га земли. Такая группа выбирала из своего состава одного уполномоченного, который располагал в собрании одним голосом. В результате этой реформы около 40% дворян-помещиков потеряли право голоса в дворянском собрании. Активное избирательное право сохранили примерно 13 тыс. помещиков, что составляло около 5—6% потомственных, или 3% всех дворян мужского пола.³⁰⁷ Ценз для пассивного избирательного права, наоборот, был понижен: все потомственные дворяне губернии старше 21 года, не привлекавшиеся к суду, получили право избираться на все выборные должности, а личные дворяне — на должности заседателя земских судов (правления уездной полиции) и земского исправника (начальника уездной полиции). Разрешение избирать личных дворян на некоторые выборные должности устанавливало связь между ними и дворянским обществом, но эта тенденция не получила развития. В 1889 г. в связи с полицейской реформой личные дворяне утратили это право и тем самым потеряли последнюю реальную связь с дворянским обществом.

В пореформенное время имущественный ценз для получения пассивного избирательного права остался прежним, а ценз для обладания активным избирательным правом стал понижаться. В 1870 г. он составил 218—327 га в основных земледельческих и обеих столичных губерниях и 327—654 га в промышленных, лесных и степных губерниях. Соответственно уменьшился ценз для получения права голоса через уполномоченных. Для владельцев иного рода недвижимости был установлен другой ценз — ценность их имущества должна была быть не менее 15 тыс. р. Благодаря этому число членов в дворянских собраниях с активным избирательным правом существенно возросло — теперь ему соответствовало около 80 тыс. помещиков в Европейской России, или 30% потомственных и 20% всех дворян мужского пола.³⁰⁸ В 1890 г. ценз для получения активного избирательного права был вторично понижен до 164—218 га в земледельческих губерниях и 327—545 га — в промышленных, лесных и степных. Однако на этот раз уменьшение ценза не привело к росту электората, так как многие дворяне разорились и продали землю. В конце XIX в. этому цензу соответствовало примерно 55 тыс. дворян Европейской России, что составляло около 13% от числа потомственных и 8—9% от общего числа дворян мужского пола.³⁰⁹ Процент цензовых дворян через 100 лет после введения дворянского самоуправления вернулся к исходному рубежу конца XVIII в.

Таким образом, дворянское собрание находилось в руках дворянской элиты, доля которой редко поднималась выше 10% общей численности дво-

Рис. 87. Бал в С.-Петербургском дворянском собрании. 1850 г.

рянского общества. Основу дворянского собрания как до, так и после 1861 г. составляло потомственное поместное дворянство, которое после освобождения от обязательной службы в 1762 г. в массе своей проживало в своих поместьях. В 1858 г. 67% от общего числа дворян находились в деревне.³¹⁰ Поскольку, по данным 1897 г., доля потомственных дворян в сельской местности в 2,2 раза превышала долю проживавших там же личных дворян,³¹¹ то можно предположить, что в 1858 г. около 80% потомственных дворян жили в деревне. К 1897 г. эта доля существенно понизилась — до 53%.³¹² Следовательно, социальная база дворянских обществ всегда находилась не просто в провинции, а в деревне; интересы дворянских обществ всегда должны были иметь аграрную окраску, так как их выражали помещики — члены дворянского собрания. Однако в силу того, что значительная часть потомственного и большинство личных дворян имели местожительство в провинциальных городах, дворянство не было совсем безразличным к тому, что происходило в городах. Порядок участия дворян в собраниях, так же как и процедура их проведения, носил строго формальный характер, никаких признаков непосредственной демократии, свойственных крестьянским или городским сходам, там не наблюдалось.

Далеко не все цензовые дворяне пользовались своим правом участвовать в самоуправлении, был широко распространен абсентеизм, что следует признать нормальным явлением. Всюду, где не было принуждения, общественные мероприятия, включая выборы, редко привлекали более половины тех лиц, кто имел на это право. Подъем общественной активности наблюдался в 1785—1796 гг., при Павле I (1796—1801) он упал и сами собрания были запрещены. В начале царствования Александра I активность вновь возросла, а в 1820-е гг. — упала. Ввиду этого Николай I в 1831 г. признал участие дворян в собраниях обязанностью, уклонение от которой каралось штрафом и временным исключением из собрания. Но это постановление не имело серьезных последствий. В период подготовки Великих реформ и их проведения в 1860-х гг. без всякого принуждения сверху обнаружился спонтанный рост общественной активности дворян, в том числе и в их обществах. Но затем активность вновь пошла на убыль, и в конце XIX в. в дворянских собраниях принимали участие около 21% из имевших на это право. Обычно наибольшую активность в дворянских собраниях проявляли средние и крупные помещики, наименьшую — мелкие и крупнейшие помещики. Мелкие помещики игнорировали собрания из-за бедности и страха попасть в униженное положение, крупнейшие — из-за спеси и стремления продемонстрировать свою независимость от местного дворянского общества. Богатейшие помещики, как правило, были близки ко двору, занимали влиятельное положение в столице, были тесно связаны друг с другом и считали излишним свое непосредственное участие в жизни местного дворянского общества.³¹³

Часто факт абсентеизма приводится в доказательство того, что дворянское самоуправление было не правом и привилегией, а обязанностью дворян поставлять чиновников в коронные учреждения.³¹⁴ Однако, во-первых, по закону нельзя было заставить дворянина служить против его воли,³¹⁵ как это было в городских и крестьянских общинах; во-вторых, абсентеизмом отличались преимущественно крайние страты дворянства; в-третьих, дворянство уклонялось от участия в собраниях и от выборной службы не потому, что не ценило дворянское общество и не дорожило выборной службой, а потому, что искало более выгодную и престижную службу в центральных учреждениях, особенно по военной части.³¹⁶ После неудачных поисков в столицах желающие служить возвращались в провинцию и поступали на службу в какое-нибудь местное учреждение. Поскольку неудачниками, как правило, были бедные и незнатные дворяне, то дворянские выборы превращались в раздачу богатым дворянством должностей беднейшим дворянам для доставления им средств существования и ради поддержания чести всей дворянской

корпорации. Поэтому выборная служба высоко ценилась большей частью дворянства.

Дворянское собрание всегда имело в глазах дворянства большую социальную значимость, потому что оно выполняло две важные и высоко им ценимые общественные функции: во-первых, ограничивало произвол коронной администрации, защищая своих членов от ее злоупотреблений, и, во-вторых, служило выразителем общественного мнения (до 1861 г. это было мнение всего образованного общества, а после Великих реформ — мнение дворянского сословия), с которым коронная администрация всегда считалась.³¹⁷

В конце XVIII—первой половине XIX в. дворянские общества отсутствовали в Архангельской, Вятской, Олонекской, Пермской, в некоторых уездах Астраханской, Вологодской и Оренбургской губерний, а также в Сибирских губерниях в связи с малочисленностью местного потомственного дворянства. В 1863 г. в 9 Западных губерниях дворянские собрания были запрещены вследствие участия польской шляхты в восстании 1863 г. На Кавказе дворянское самоуправление было введено только в Тифлисской и Кутаисской губерниях, а в Средней Азии вообще отсутствовало. В полной мере дворянские собрания функционировали до 1863 г. в 44 губерниях, после 1863 г. — в 37, включая Тифлисскую и Кутаисскую губернии.

Дворянские собрания разделялись на губернские и уездные. С 1831 г. те и другие могли быть *обыкновенными* — для решения всяких дел, касающихся губернского дворянского общества, и *чрезвычайными* — для решения дел, не терпящих отлагательства. Первые созывались раз в три года губернатором, вторые — по мере необходимости губернским предводителем с разрешения губернатора. В день, назначенный для открытия собрания, губернатор приводил дворян к присяге в церкви, но сам не имел права присутствовать на собрании, хотя бы и был помещиком данного уезда или губернии. На уездном собрании председательствовал уездный предводитель дворянства, на губернском — губернский предводитель дворянства. В компетенцию обыкновенных губернских дворянских собраний входило: 1) избрание должностных лиц по дворянскому самоуправлению, в дворянский суд и в коронные учреждения; 2) представления и жалобы коронной администрации и государю об общественных нуждах и потребностях местного дворянства; 3) установление размеров денежных сборов на нужды дворянского общества; 4) исключение из среды собрания «порочных членов»; 5) проверка дворянских родословных книг; 6) распоряжения относительно использования имущества, принадлежавшего дворянскому обществу; 7) составление смет и раскладка земских повинностей с помещичьих имений (с 1805 г.). Обыкновенные уездные дворянские собрания имели ограниченные функции. Они собирались за три месяца до открытия губернского собрания с целью составления двух списков — списка дворян уезда, имевших право участвовать в губернском собрании, и списка лиц, изъявивших желание служить по выборам, а также для выборов лиц в комиссию по проверке финансового отчета и посредников полюбовного размежевания спорных земель между дворянами уезда. Таким образом, важнейшие решения, касающиеся местного дворянства, и выборы лиц на общественные и коронные должности являлись прерогативой обыкновенных губернских дворянских собраний. Чрезвычайные дворянские собрания и в губернии, и в уезде собирались редко и не имели сколько-нибудь серьезного значения.

В соответствии с законом дворянские собрания регулярно представляли правительству и государю свои ходатайства. В 1785—1831 гг. не существовало никаких ограничений относительно предмета прошений, а сами ходатайства по желанию дворянства могли представляться непосредственно государю через особо избранных самим дворянством депутатов. В 1831 г. Николай I постановил, чтобы дворянское собрание передавало свое хода-

тайство лично императору через своих депутатов только тогда, когда сам император вызовет депутатов, причем их не могло быть более трех человек. Предмет ходатайства был ограничен местными, но не обязательно сословными, дворянскими нуждами. В 1865 г. Александр II ограничил предмет ходатайства только дворянскими нуждами и ввел запрещение на то, чтобы одно какое-нибудь сословие (здесь имелось в виду прежде всего дворянство) говорило от имени других сословий и брало на себя инициативу в вопросах, решение которых зависело исключительно от верховной власти. В 1888 г. предмет дворянских ходатайств снова расширился до уровня местных нужд губернии. Конституция 1906 г. даровала всем сословиям право апелляции к верховной власти.

Дворянское собрание пользовалось правом налогообложения дворян на условиях как добровольности, так и обязательности. В дореформенное время облагалась только земля, с 1870-х гг. стали облагаться другие недвижимые имущества, в частности городские дома. Капиталы дворянских обществ пополнялись также за счет пожертвований и вкладов по завещаниям. Дворянские общества долго боролись за переход в их собственность выморочных дворянских имуществ и капиталов, которые по закону отходили к казне. Первую уступку в этом вопросе правительство сделало в 1883 г., а в 1902 г. полностью удовлетворило их желание. Благодаря этому дворянские общества стали получать значительные капиталы. Например, за 1883—1892 гг. по всем губерниям Европейской России дворянские общества получили выморочных земель, денег и ценных бумаг на 3 млн р.³¹⁸ Собранные разными способами средства расходовались на образование, благотворительность, пенсии, стипендии и т. п. С начала XIX в. по 1898 г. дворянские общества истратили на образование дворянской молодежи около 41 млн р., еще около 17 млн р. пожертвовали отдельные лица. Общества открывали пансионы, дворянские институты, выплачивали стипендии и пособия. К середине 1890-х гг. дворянские общества 28 губерний учредили 1889 стипендий, 186 человек получали пособия для подготовки к поступлению в учебные заведения. В 1901—1902 гг. при поддержке государства во многих губерниях были открыты пансионы-приюты для детей малоимущих дворян.³¹⁹ После 1861 г. расходы на материальную помощь бедным дворянам стали наиболее крупной статьей в бюджете дворянских обществ, которые учреждали и содержали богадельни, приюты, сиротские и воспитательные дома. В 1902 г. во всех губерниях с помощью государства были учреждены губернские дворянские кассы, призванные помогать местным потомственным дворянам в уплате долгов и по случаю разного рода «бедственных событий».

Дисциплинарная власть дворянских собраний состояла в их праве исключать из собрания дворян, бывших под судом, а также тех, которые не судились, но за которыми всем известен «явный и бесчестный поступок». Для исключения требовалось большинство в две трети голосов, решение не подлежало апелляции.

Дворянские общества в лице своих органов самоуправления использовали право заниматься предпринимательством. С 1805 г. они без очереди брали на откуп сбор земских налогов, с 1816 г. допускались к подрядам на поставки в казну провианта для войск и т. п. Наконец, с 1902 г. дворянские общества пользовались полной свободой в своей хозяйственной и предпринимательской деятельности.

Дворянские собрания долго и упорно ходатайствовали перед правительством о предоставлении им права возводить в дворянство и отказывать нежелательным лицам в записи в губернскую родословную книгу. Однако в этой сфере им удалось добиться немногого. По закону дворянские собрания сами устанавливали размер вступительного взноса, уплачиваемого при записи в родословную книгу, но его максимальный предел регулировался правительством. В 1895 г. максимум был повышен с 60 до 200 р. В 1900 г. дво-

рянские собрания получили право отказывать лицам, получившим дворянство, в записи в дворянскую книгу, если они не имели достаточного количества земли в губернии. Но без такой записи новоиспеченный дворянин не мог подтвердить своего дворянского достоинства, и правительство попадало в пикантную ситуацию: оно возводило в дворянство, а дворянское общество этого как бы не признавало. Тогда в 1904 г. была учреждена всероссийская родословная книга, которую вел департамент герольдии Сената, куда могли записаться лица, возведенные в дворянство, но получившие отказ от губернского дворянского общества записать их в дворянскую книгу.

Выборные должностные лица

Как до, так и после реформ 1860-х гг. губернские и уездные дворянские собрания избирали кроме лиц на службу в органы дворянского самоуправления множество лиц на службу в различные коронные губернские и уездные учреждения, правда, после 1860-х гг. число выборных чиновников существенно сократилось. Интересно отметить, что с 1797 по 1806 г. жалование этим лицам выплачивалось за счет сборов с дворянских имений, т. е. дворянство в существенной мере содержало местную коронную администрацию. Служба в коронных учреждениях официально считалась и в действительности являлась важнейшей государственной функцией дворянских обществ. Выборные чиновники не должны были забывать дворянские интересы и на коронной службе, а те, кто этим пренебрегал, не избирались на следующий срок.³²⁰ До 1831 г. служба лиц как по дворянскому самоуправлению, так и по местному коронному управлению не являлась в полном смысле коронной: хотя на время службы им присваивались чины, но повышение в чинах и представление к орденам происходило на других основаниях, чем на государственной службе. С 1831 г. по желанию самих дворян выборная дворянская служба во всех отношениях сравнивалась с государственной. Таким образом, дворянские выборные, подобно городским и крестьянским выборным, служили одновременно и своему дворянскому обществу, и короне. Дуализм их обязанностей оставался характерной чертой выборной дворянской службы вплоть до 1917 г.

Все лица на должности по дворянскому самоуправлению избирались во время проведения губернского дворянского собрания, при этом на должности губернского уровня (губернский предводитель дворянства, секретарь дворянского собрания, представители дворянства в губернские комитеты и комиссии, специализировавшиеся на особой сфере местного управления) — самим дворянским собранием, а на должности уездного уровня (уездные предводители дворянства, члены депутатских собраний, заседатели опеки и уездных судов и др.) — представителями каждого уезда, участвовавшими в дворянском собрании, которые собирались порознь. Выборы совершались тайным голосованием. Среди собственно дворянских должностей на первом месте стояли губернский и уездные предводители дворянства. Уездные предводители подлежали утверждению губернатором, губернские — до 1831 г. губернатором, после — императором, который выбирал одного из двух кандидатов, представленных дворянским собранием. Губернский и уездный предводители были независимы друг от друга, функции у них были во многом похожи, оба представляли типичный для России пример сословного лидера, который одновременно имел много обязанностей по коронному управлению.

В компетенцию губернского предводителя дворянства входило решение как чисто сословных, так и административных вопросов по местному коронному управлению. Из сословных дел на протяжении 1785—1917 гг. наиболее важные состояли в следующем: руководство деятельностью дворянских собраний, представления правительству о дворянских нуждах, хранение

и расходование казны дворянского общества, соби́рание сведений о рождении дворян, их поведении, образе жизни и имущественном положении и выдача о том свидетельств (в частности, свидетельств о бедности, которые требовались при получении государственной стипендии для учащихся дворян или для получения пособия). Что касается дел из сферы коронной администрации, то одни из них входили в компетенцию губернского предводителя вплоть до 1917 г. (например, посредничество между правительством и дворянским собранием, увольнение с выборной дворянской службы, участие в качестве члена во всех совещательных при губернаторе учреждениях — в губернской строительной комиссии, комитете о земских повинностях и т. д.), другие дела — только до 1860-х гг. (например, надзор за отношениями между помещиками и крепостными, участие в раскладке рекрутской повинности между помещичьими именьями до введения всеобщей воинской повинности в 1874 г., составление смет земских повинностей³²¹), третьи — появились после отмены крепостного права (например, участие в разрешении споров между помещиками и крестьянами).

В компетенцию уездного предводителя по сословному самоуправлению на протяжении 1785—1917 гг. входило ведение списков дворян уезда, председательство в дворянской опеке и ревизионной комиссии по проверке финансовой отчетности, а по коронному управлению до 1860-х гг. — надзор за детьми канцелярских служащих, сдача на откуп земских повинностей, выдача свидетельств о крестьянах, ссылаемых помещиками в Сибирь. Фактически уездному предводителю приходилось в той или иной форме участвовать практически во всех делах местного коронного управления на уездном уровне. Реформы 1860-х гг. увеличили его обязанности по коронному управлению, так как уездный предводитель стал председателем всех вновь созданных уездных совещательных при коронной администрации организаций, которые до 1860-х гг. существовали только на губернском уровне (например, уездные присутствия по крестьянским делам, по воинской повинности, по питейным делам и т. д.).

Депутатское собрание и дворянские опеки

Дворянское депутатское собрание включало губернского предводителя дворянства и по одному представителю от уезда, избираемому на три года. Оно рассматривало материалы и доклады к предстоящему губернскому собранию, ведало губернскими родословными книгами дворянства и формулярными списками лиц, служивших по дворянским выборам, выдавало свидетельства о дворянстве, составляло списки дворян, рассматривало вопросы об исключении дворян из членов собрания и взятии опеки над именьями. По существу депутатское собрание выполняло функции ревизионного органа, проверяющего мандат на принадлежность лица к дворянскому обществу и дворянскому собранию. В пореформенное время в компетенцию депутатского собрания вошло также обсуждение вопросов, переданных на его отзыв правительством, что стало также важнейшей государственной функцией всего дворянского общества. С 1880-х гг. в работе депутатского собрания стали принимать участие все уездные представители дворянства. С 1902 г. депутатское собрание губернского и уездных предводителей и уездных представителей дворянства получило статус отдельного дворянского корпоративного органа и подчинялось только Сенату.

Уездные дворянские опеки, включавшие уездного предводителя дворянства и заседателей, осуществляли опекунство над несовершеннолетними сиротами, престарелыми и «явными расточителями своих имуществ»; до отмены крепостного права в опеку брались именья помещиков, которые злоупотребляли своей властью над крестьянами. Под опекой находились тысячи имений, и масштабы этой деятельности постоянно расширялись.

Например, с 1885 по 1895 г. число дворянских опекунов увеличилось с 15 670 до 16 429, а стоимость имущества, подведомственного опекам, — до 243 млн р.³²²

Итак, дворянство никогда не знало организации общинного типа. Каждый дворянин всегда нес индивидуальную ответственность за свою службу, когда она была обязательной, за преступления, обязательства и долги; все обязанности перед другими юридическими лицами выполнял также индивидуально. Дворяне не знали круговой поруки, коллективной собственности на землю и другое имущество, которым владели индивидуально и распоряжались по своему личному усмотрению даже до 1762 г., когда земля не являлась их безусловной частной собственностью. Межличностные отношения между дворянами никогда не носили соседского, товарищеского характера. Дворяне одного уезда поддерживали довольно тесные контакты друг с другом, почти все они знали друг друга лично, так как считалось неприличным не делать ежегодных визитов друг к другу. Но личные, земляческие контакты не создавали интимных, эмоциональных связей, как в сельской общине, поскольку они, как правило, не переходили грани вежливых, уважительных, формальных отношений.

В XVI—XVII вв. дворянская служба протекала в рамках служилого города — корпорации, мало напоминавшей общинную структуру. К началу XVIII в. служилый город перестал отвечать требованиям времени и прекратил свое существование, но дворянская корпорация не умерла вместе с ним. На новых основаниях она возродилась в течение 1761 — 1785 гг. и получила законодательное оформление в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. как губернское дворянское общество. Возникшее спонтанно и поддержанное законом, *дворянское общество принципиальным образом отличалось от крестьянской или посадской общин*: оно объединяло свободных людей высокого социального статуса, управлялось представительным собранием и выбранными на нем должностными лицами, не имело принудительного характера и административно-полицейской власти над своими членами, его организация и компетенция были четко определены в законе. Дворянское общество, подобно крестьянским и городским общинам, отличалось структурным и функциональным дуализмом, поскольку обслуживало как местные, сословные, так и государственные интересы, но оно было теснее связано с государством, которое считало дворян своей социальной опорой в провинции и возлагало на них большие обязанности по местному коронному управлению. Поэтому дворянские общества всегда получали от государства поддержку.

Еще до Великих реформ 1860-х гг. *каждое дворянское общество представляло собой сложившийся элемент гражданского общества*, поскольку являлось автономным от государства сообществом свободных граждан со своей организацией, через которую они имели право и возможность влиять на политику правительства. Органы дворянского общества действовали по закону и на основе разделения властей: распорядительная власть принадлежала дворянскому собранию, исполнительная — предводителям, ревизионная — депутатским собраниям, судебная — уездному и верхнему земскому суду. Закон установил компетенцию всех органов дворянского самоуправления, определил отношения между ними и между ними и членами дворянских обществ, установил четкие процедуры для дискуссий, принятия решений и их реализации. Дворянское общество имело свой представительный орган в лице дворянского собрания, в деятельности которого можно видеть зачатки парламентаризма: там действовали заинтересованные группы лиц, иногда с различными политическими взглядами; эти группы по определенным правилам и в рамках закона вели борьбу за достижение своих целей. Не случайно именно в дворянских обществах впервые зарождались идеи введения в России конституционного порядка, ограничения самодержавия, создания

всероссийской политической организации. Дворянские общества имели реальную возможность влиять не только на губернскую коронную администрацию, но и на правительство.

ИТОГИ: ОТ ОБЩНОСТИ К ОБЩЕСТВУ

В продолжение периода империи в России главными социальными организациями российского населения являлись крестьянская и городская общины, купеческое, мещанское, ремесленное и дворянское общества. Разнообразная деятельность, или функции, этих корпораций была направлена на удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей своих членов. Функции корпораций обуславливали их структуру, которая включала нормы жизни и поведения, способы воздействия, органы управления и руководителей. Первоначально, когда корпорации выполняли лишь функции неофициальной, соседской организации обычного права (производственную, судебную, управленческую, представительскую, культурно-воспитательную, религиозную и социальной защиты), они имели только одну — неформальную структуру, когда же стали выполнять функции официальной, государственной организации (главным образом полицейскую и финансово-податную), они приобрели также и вторую — формальную структуру. В течение более чем двух столетий социальные организации претерпели значительные изменения благодаря тому, что эволюционировали в направлении от общности к обществу (от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*). В XVIII—первой половине XIX в. крестьянская община развивалась преимущественно как общность и поэтому к моменту эмансипации в 1861 г. оставалась в главных своих чертах общностью. После реформ 1860-х гг. она стала приобретать некоторые характеристики общества и к 1917 г. превратилась в организацию смешанного типа, сочетавшую черты общности и общества с преобладанием первых. Однако в ходе столыпинской реформы 1906—1916 гг. 20% от общего числа крестьян Европейской России вышли из передельных общин, полностью порвав с общинными порядками, и еще 24% — из числа прибалтийских, украинских и белорусских, ставших по закону собственниками земли, также в основном перешли к отношениям типа общественных.

Посадская община до конца XVII в. также являлась общностью, но уже к началу XIX в., если брать город в целом, она трансформировалась в общество. Отношения общинного типа дольше сохранялись в купеческой, мещанской и ремесленной корпорациях в значительной степени благодаря тому, что они утрачивали свою роль главных социальных организаций городского сословия и либо совсем прекращали свое существование, как ремесленные общества, либо превращались в благотворительные организации, как купеческие и мещанские общества.

Дворянство не знало отношений общинного типа; в XVI—первой половине XVII в. его корпорация — служилый город обладал лишь некоторыми элементами организации типа общности. В 1775—1785 гг. возникли дворянские корпорации, в которых с самого начала преобладали отношения, свойственные обществу.

Главные организации главных русских сословий с точки зрения структуры, функций, управления, межличностных отношений, основополагающих принципов жизни с течением времени становились все более рациональными, формализованными, полагающимися в своей деятельности на твердые юридические основания; в них органическое единство превращалось в механическое, а солидарность, основанная преимущественно на соседстве и родстве, на уважении, привязанности и дружбе, заменялась объединением,

базирующимся главным образом на законном порядке и на обмене услугами. Другими словами, происходила рационализация, или, что то же самое, модернизация, социальных отношений — и в этом состояло одно из принципиальных изменений природы русского общества периода империи. Россия в этом смысле не отличалась от других европейских стран, которые при трансформации доиндустриального, или традиционного, общества в индустриальное изменили господствующий тип социальности, перейдя от социальности, покоящейся на отношениях общинного типа, к социальности, основанной на рациональных, индивидуалистических, рыночных отношениях, или отношениях общественного типа.³²³

Ввиду того что социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства изменялись разными темпами, в начале XX в. главные сословия России оказались на разном уровне социального развития. Крестьянская община, мещанская, ремесленная и купеческая корпорации, а также и дворянское общество представляли собой как бы три стадии развития социальной организации. Далее всего в направлении развития отношений общественного типа продвинулось дворянство, менее всего — крестьянство.

Перемены в структуре и функциях социальной организации приносили изменения в отношения между ее членами; в свою очередь возникновение новых моделей отношений между людьми вносило изменения в структуру и функции организации. Различия между сельскими, городскими и дворянскими корпорациями тесно коррелировали с характером господствовавших в них межличностных отношений. Пока эти отношения оставались преимущественно неформальными — товарищескими и соседскими, до тех пор и корпорация сохраняла характер общности. Как только они становились формальными — рациональными и договорными, корпорация превращалась в общество. Это хорошо видно из следующего факта. В начале XX в., как и в XVII в., все крестьяне обращались друг к другу на «ты» и по прозвищам, соответственно общность у них являлась преобладающей формой организации. Такая же форма обращения преобладала среди мещан и крестьян отходников в городе. «Тогда фамилии не употреблялись между своих, а больше по прозвищам да по приметам, — отметил известный московский журналист конца XIX—начала XX в. В. А. Гиляровский. — Клички давались по характеру, по фигуре, по привычкам. И что ни кличка — то сразу весь человек в ней. Иван Жесткий, Федор Горелый, Семен Рюмочка, Саша Пузырь, Маша Длинная. Иван действительно жесткий, Федор — всегда чуть не плачет, у Рюмочки — нос красный, Маша — длинная и тонкая, а Саша — маленький, прямо-таки пузырь».³²⁴ Купцы в случае подобного обращения были в обиде за фамильярность уже в середине XIX в.; соответственно мещанское общество изживало черты общности в начале XX в., а купеческое общество утратило их уже к середине XIX в. и в пореформенное время развивалось как корпорация особого рода — как клуб и благотворительная организация. Для любого дворянина обращение на «ты» или по прозвищу уже в конце XVIII в. стало оскорблением (за исключением обращения императора).³²⁵ Соответственно дворянин был членом дворянского общества — организации, весьма далекой от общности. Таким образом, характер межличностных отношений в корпорации может служить показателем ее принадлежности к организации общинного или общественного типа.

Юридическое признание стихийно сложившихся корпораций со стороны государства, приобретение ими официальных функций и формальной структуры играли важную роль в трансформации корпорации из общности в общество. Существенное влияние также оказывал рост числа членов корпорации. В крестьянской общине число членов постепенно увеличивалось благодаря естественному приросту населения, в городах — главным образом благодаря миграциям. В XVIII в. сельская община в 200—300 человек счи-

талась крупной, а в 1905 г. ее средняя населенность составляла 432 человека. Среднее число посадских/городских обывателей в одном городе равнялось в 1652 г. 1.3 тыс., в 1722 г. — 2.1 тыс., в 1825 г. — 2.5 тыс. человек; средняя людность города в 1856 г. достигла 8.5 тыс., а в 1910 г. — 25 тыс. человек.³²⁶ Поддерживать дружеские или просто соседские отношения с таким большим числом людей становилось затруднительно чисто технически, а также и потому, что, чем больше становилось людей в корпорации, тем меньше между ними было единодушия и единства взглядов, тем больше было несогласия и споров, тем больше возникало групп людей с различными интересами, тем неоднороднее во всех отношениях становились члены одной корпорации. Имея в виду сельскую общину, Г. И. Успенский в 1880-е гг. заметил, что «община наша только потому устояла и только до тех пор устоит, покуда членов ее соединяет *однородность* труда, *однородность* надежд, планов, волнений, забот, *однородность* семейных и общественных обязанностей».³²⁷ Это наблюдение касается любой организации общинного типа.

Разъедало общность вселение на территорию крестьянских и городских общин представителей других профессиональных и социальных групп, в деревне — мещан и купцов для занятия предпринимательской деятельностью, в городе — крестьян, дворян и т. д. За 1858—1897 гг. в Европейской России в деревнях (без военного сословия) доля некрестьян увеличилась с 5.7 до 9.7% всего сельского населения, в том числе мещан и купцов — с 2.5 до 6.1% (с 1249 до 4906 тыс.), а на территории города доля мещан и купцов уменьшилась с 63.6 до 22.3%.³²⁸ В том же направлении воздействовала культурная, политическая и экономическая деятельность множества новых организаций в деревне и городе, таких как земства, кредитные учреждения, благотворительные, женские, просветительские общества, политические партии и т. п., которые обогащали людей новыми идеями и моделями поведения.

Большая роль в распаде общностей принадлежала развитию товарно-денежных отношений и превращению самостоятельных хозяев в сельскохозяйственных и промышленных рабочих. В этом отношении городское сословие и крестьянство сделали огромный скачок. Среди городского сословия купцы были постоянно связаны с рынком, причем именно они играли главенствующую роль в самоуправлении городской общины. Контакты с рынком у мещан и ремесленников со временем существенно возрастали вследствие того, что они переходили с работы на заказ на работу на рынок, многие из них лишались своего собственного бизнеса и становились рабочими. Среди земледельцев процесс раскрестьянивания едва начался в конце XIX в., но зато товарность их хозяйства сделала значительный прогресс: в начале XIX в., по приблизительным оценкам, она составляла 9—12%, в 1850-е гг. — 17—18%, в 1909—1913 гг. — около 31% чистого сбора основных сельскохозяйственных продуктов.³²⁹ Товарная продукция в России на душу населения за 1749—1888 гг. возросла, по некоторым расчетам, в 2.2 раза.³³⁰ Г. И. Успенский тонко подметил, что при крепостном праве крестьянская община являлась органически связанным и самоуправляющимся союзом, потому что средства к существованию давал почти исключительно личный труд крестьян в земледели, различия в материальном положении между крестьянами обуславливались личным трудом — «богатели или беднели *не друг от друга*, а только от себя и своего счастья». После эмансипации крестьяне стали богатеть и беднеть также и «друг от друга», вследствие чего нравственная связь между ними стала разрушаться, а вместе с ней — и мир как организация общинного типа.³³¹

Повышение грамотности, секуляризация сознания, изменение менталитета различных сословий также способствовали трансформации корпораций из общности в общество. Здесь весьма существенным было утверждение в массовом сознании идеи о ценности самостоятельной и независимой личности. В дворянской и разночинной среде это произошло в конце XVIII—

начале XIX в., в разных стратах городского сословия — в течение XIX в., в среде крестьянства — после эмансипации. Известный писатель пореформенной России П. Д. Боборыкин считал, что **Великие реформы стали рубежом в истории индивидуалистического самосознания**, что именно с этого времени чувство личности, потребности личности стали важной побудительной силой поведения человека — он имел в виду образованные слои общества, прежде всего интеллигенцию (само слово «интеллигенция» было пушено им в печать в 1866 г.). «В Москве еще в 60-е годы (XIX в.—Б. М.) студенты выносили то, что им профессор Н. И. Крылов говорил „ты“ и язвил их на экзаменах своими семинарскими прибаутками до тех пор, пока нашелся один человек, который крикнул ему: „Не смеешь говорить мне ты!“».³³² По воспоминаниям Боборыкина хорошо видно, как в нем самом утверждалось чувство личности, насколько он был чувствителен к тому, воспринимали его самостоятельной личностью или нет. Как важное событие своей биографии он отметил тот факт, что в 1855—1859 гг. «отношение ко мне всех моих нижегородских родных, начиная с матушки, вступило в новую фазу. Время и та самостоятельность, которая развилась во мне в Дерпте, сделали то, что на меня все смотрели уже, как на *личность*».³³³

По единодушному мнению современников, врагом общины являлся индивидуализм. Ранее всего его проявления обнаружили у дворянства, затем — у городского сословия, в последнюю очередь — у крестьянства, соответственно от общинных форм жизни первыми отказывались дворяне, затем — купцы, потом — мещане и ремесленники и последними — крестьяне. Думаю, что народники, например А. Н. Энгельгардт, правильно отмечали неготовность многих крестьян даже в пореформенное время жить вне общины.³³⁴ К. Д. Кавелин настойчиво призывал: «Мы должны не упразднить, а, напротив, бережно охранять общинное владение и пронести его неприкосновенным до того времени, когда большая степень культуры, лучшее понимание частных и общественных интересов сделают ограждение его ненужным». Община «даст нам возможность спокойно и благополучно пережить трудный в жизни каждого народа период индивидуализации», начавшийся в России. «Для сильных, предприимчивых, способных, даровитых людей общинное владение слишком тесно и узко, и они будут из него выходить; но для слабых, посредственных, непредприимчивых, довольствующихся немногим, и для неудачников — а таких огромное большинство — общинное владение есть якорь спасения, тот челнок или спасительная доска, на которых они могут держаться около берега, посреди экономических тревожений и бурь, поодаль от ожесточенной борьбы за наживу».³³⁵ Это звучит весьма актуально и сейчас.

Сравнение эволюции крестьянской и посадской общин, а также дворянского общества позволяет сформулировать предварительные ответы на вопрос: почему социальная организация типа общности просуществовала дольше всего у крестьян, меньше у городского сословия, а у дворян ее практически не было вовсе?

Община долго соответствовала представлениям русского народа о правильной и справедливой организации социальной жизни людей, а существовавшие в ней межличностные отношения — религиозному идеалу человеческих отношений, который поддерживала православная церковь. Вот почему крестьяне и вслед за ними беднейшая и наиболее многочисленная часть городского сословия — мещане на протяжении всего периода империи проявляли особенно большую склонность к организациям общинного типа. Помимо сельской и посадской общин они выработали другую, родственную им по духу форму организации — артель, которую мы встречаем всюду, где народ занимался какой-нибудь специфической деятельностью вне крестьянской или посадской общин. Артель адаптировала общинные принципы и порядки к особенностям этой деятельности: солдаты создавали артели в ар-

ми, чтобы обеспечить себя продовольствием и деньгами для удовлетворения служебных и личных нужд,³³⁶ рабочие, крестьяне-отходники, сельские ремесленники, рыболовы, бурлаки, торговые крестьяне и т. д. объединялись в трудовые артели для защиты, борьбы с конкурентами, повышения доходности своего промысла и т. п.;³³⁷ с той же целью создавали артели нищие.³³⁸ Даже преступники в тюрьмах и ссыльные в Сибири соединялись в артели ради выживания в тяжелейших условиях. Власть и управление в тюрьме и ссылке принадлежали исключительно арестантской общине, организованной по аналогии с крестьянской, — со сходом, старостой и писарем.³³⁹

Такие принципиальные минусы общины, с точки зрения человека постиндустриальной эпохи, как традиционализм и замкнутость, сдерживание инициативы и индивидуализма, неспособность обеспечить высокую эффективность труда и непрерывное повышение жизненного уровня, казались людям доиндустриальной эпохи плюсами, поскольку создавали возможность для прямых и интенсивных человеческих контактов, не обремененных соображениями пользы и выгоды, гарантировали социальную защиту, сдерживали развитие всех видов неравенства и обеспечивали минимальными средствами к жизни. Община как форма социальной организации долго отвечала реальным потребностям крестьян и мещан — тех, кого называли народом и кто составлял свыше 90% населения страны. Совершенно прав был Э. Дюркгейм, когда писал: «Ни один человеческий институт не мог быть построен на ошибке или вымысле. Если бы он не основывался на самой природе вещей, он бы встретил в них сопротивление, которого он не мог бы преодолеть».³⁴⁰

Структурный и функциональный дуализм сельской и городской общин, их способность служить государству и интересам своих членов, обеспечивали им поддержку изнутри — со стороны крестьян и представителей городского сословия и извне — со стороны государства, которое до начала XX в. укрепляло общинную парадигму в реальной жизни и в народной психологии и само пыталось решать социальные вопросы с помощью общинных организаций. Так, в XVIII—начале XIX в. коронная администрация всячески способствовала утверждению передельной общины среди крестьян, вводила общинные формы организации труда на казенных предприятиях, после эмансипации и вплоть до 1906 г. повсеместно утверждала общинный порядок в деревне и еще в 1859—1865 гг. имела намерение решать рабочий вопрос также с помощью артелей и рабочих ассоциаций.³⁴¹

Общинная собственность на недвижимость также поддерживала стабильность крестьянской и посадской общин, о чем свидетельствует тот факт, что параллельно с ее вытеснением частной собственностью на землю и другое недвижимое имущество происходило и разрушение общинной организации. Право частной собственности на свои поместья дворянство приобрело фактически в 1714 г., а окончательно — в 1762 г. Право на частную недвижимую собственность, кроме земли, у городского сословия появилось в начале

XVIII в.; право же иметь землю в частной собственности городское сословие приобрело одновременно с государственными крестьянами — в начале

XIX в., а владельческие крестьяне — в 1860-е гг., но реальную возможность для всех крестьян превратить наделы в частную собственность дала только столыпинская реформа в 1906 г. Соответственно дворянство практически не знало общности, а у городского сословия она разрушилась быстрее и раньше, чем у крестьян.

Ограничение имущественной дифференциации, систематическое исключение из общин так называемых порочных членов, а также добровольный исход из общин лиц с отклоняющимся поведением долгое время поддерживали экономическую однородность и духовную близость членов общины и консолидировали ее. Уровень социальной мобильности, степень замкнутости и осведомленности ее членов об окружающем мире были намного ниже

в крестьянской, чем в городской общине, что обеспечило первой более долгую жизнь.

Долгое время существовавшая монополия сельской общины на формирование личности приводила к тому, что общинные ценности твердо усваивались крестьянами и становились их персональными ориентациями в жизни. Отсюда проистекали однородность крестьян, их похожесть друг на друга с точки зрения ментальности, образа жизни и поведения. Городские и дворянские корпорации такой монополией не обладали, и поэтому они намного раньше прекратили свое существование как общности.

Низкая грамотность и слабая распространенность школьного образования также поддерживали общности. Во-первых, любой факт, любое событие в жизни намного эмоциональнее переживаются неграмотным, чем грамотным, так как у первого отсутствует привычка, которую дает регулярное чтение, смотреть на все, в том числе на себя, со стороны, глазами постороннего. По необходимости у неграмотного более узкий кругозор, чем у грамотного, но зато неграмотный всегда чувствует более глубокую сопричастность со всем, с чем сталкивает его жизнь, к людям у него также более персональное и эмоциональное отношение, чем у грамотного. Во-вторых, при низкой грамотности социализация и все воспроизводство культуры данной корпорации происходят путем непосредственной передачи опыта от одного поколения к другому. А такой способ передачи культурного наследия обычно ориентировал человека на традицию, а не на изменение. В отношении грамотности крестьяне всегда уступали городскому сословию, а последнее — дворянству. В 1767—1768 гг. грамотность рекрутов в возрасте 18—35 лет равнялась 1.2%, в 1797 г. грамотность сельского населения старше 9 лет составляла 4%, а городского — 10%, в 1917 г. — соответственно 38 и 71%. По сословиям грамотность различалась еще резче: в 1767—1768 гг. грамотность рекрутов из крестьян составила 1.1%, из посадских — 6.7%; в 1847 г. грамотность крестьян равнялась 10%, городского сословия — 30, дворянства — 76%, в 1917 г. — соответственно 36, 64 и 90%.³⁴² Из сказанного вовсе не следует, что массовая грамотность автоматически вела к трансформации общности в общество. Однако грамотность являлась необходимым условием для этого.

Если иметь в виду Россию в целом, то **процесс преодоления общности в социальной жизни в XVIII—начале XX в. зашел достаточно далеко, но он не завершился к 1917 г.** В ходе столыпинской реформы около трети российского крестьянства вышло из сельской общины и сделало шаг навстречу новой жизни, которая строилась на других основаниях и в которой люди руководствовались другой системой ценностей. Если бы не революция 1917 г., этот процесс продолжился бы и, наверное, как обещал П. А. Столыпин, через 20 лет завершился бы в основных чертах и для крестьянства, и для страны в целом.³⁴³ Однако победа большевиков изменила вектор социального развития России. Она привела к ликвидации наметившихся тенденций, к возрождению общинных отношений там, где они уже умерли, как в деревне, так и в городе. Коллективизация³⁴⁴ и социалистическая индустриализация закрепили этот успех. Община умерла, да здравствует община!

Наблюдения о деятельности различных корпораций позволяют сделать еще один чрезвычайно важный вывод. **На протяжении всего императорского периода все социальные группы, все сословия обладали правом самоуправления** — одни в большей, другие в меньшей степени. Чем дальше от центральных и провинциальных коронных властей проживали люди, тем по общему правилу большим самоуправлением они пользовались. Как мы видели, государство никогда не желало установить полный контроль над жизнью городских и сельских общин, над дворянскими, купеческими, мещанскими, ремесленными и крестьянскими обществами, понимая недостижимость и бессмысленность этого. Верховная власть только стремилась, во-первых,

включить сословное самоуправление в систему государственного управления и, во-вторых, поставить самоуправление в рамки закона. И то и другое ей более или менее удавалось. Благодаря этому на всем протяжении императорского периода, как и в более раннее время, в России существовало **расщепление (разделение) властных и управленческих функций между верховной властью и ее администрацией, с одной стороны, и городскими и сельскими общинами, городскими и дворянскими корпорациями, с другой.** Разделенную форму власти, на мой взгляд, следует рассматривать как разумный компромисс между обществом и государством, обеспечивавший общественный порядок и соблюдение сословных прав. Компромисс обуславливался соотношением сил, а поскольку силы у сторон со временем изменялись, то и соглашение о компромиссе приходилось со временем перезаключать. Каждая реформа городского, сельского и дворянского самоуправления являлась в сущности новым компромиссом, который заключался обществом и государством на основе нового соотношения сил. До Великих реформ основная тенденция состояла в подчинении самоуправления коронному управлению. В результате Великих реформ тенденция на переплетение и слияние сменилась тенденцией на размежевание самоуправления и коронного управления, что являлось первой стадией становления гражданского общества в России. На этой первой стадии общество противопоставляло себя государству. С установлением конституционного порядка в 1906 г. общество стало стремиться к установлению полного контроля над государством, и в феврале 1917 г. это ему удалось. Неблагоприятные военные обстоятельства помешали узаконить и увековечить такой порядок. С октября 1917 г. начался новый цикл борьбы между обществом и государством, который на этот раз, вероятнее всего, завершится в начале XXI в. полной и окончательной победой общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Tönnies F. Fundamental Concepts of Sociology / Translated and supplemented by C. P. Loomis from «Gemeinschaft and Gesellschaft». New York, NY, 1940.* См. также: *Миронов Б. Н. Главные социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства // Acta Slavica Iaponica. 1998. Vol. 16. P. 158—180.*

² *Кон И. С. (ред.). История буржуазной социологии XIX—начала XX века. М., 1979. С. 164—179.* Идеи Ф. Тённиса ассимилированы современной социологией. В социологической литературе отношения общинного типа называются также коммунократическими, коммунитарными, коммуналистскими, солидаристскими отношениями, на основе которых складывается особый традиционный, или доиндустриальный, тип социальности. Соответственно отношения общественного типа называются рациональными, индивидуалистическими, рыночными отношениями; на их основе формируется индустриальный тип социальности. См.: *Ерасов Б. С. Социальная культурология. М., 1996. С. 332—346, 378—405.*

³ Посадские — часть, обычно бóльшая, городского населения, которая платила налоги и выполняла государственные повинности. Например, в 1626 г. среди городского населения насчитывался 51% посадских: *Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1961. Кн. 5. С. 297—298.* О посадских как социальной группе населения см. в главе II «Социальная структура и социальная мобильность» и в главе VI «Крепостное право: от зенита до заката».

⁴ *Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 165—166; Фасмер М. Эти-*

мологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. С. 626.

⁵ *Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере. М., 1909. Т. 1. С. 193.*

⁶ Там же. С. 192.

⁷ *Соловьев С. М. История России... Кн. 5. С. 94—95; Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. 1. С. 102—104.*

⁸ *Соловьев С. М. История России... Кн. 5. С. 95—96, 289.* Новое городское устройство Пскова было отменено царем по ходатайству следующего воеводы.

⁹ О городской общине XVI—XVII вв. см.: *Богоявленский С. К. Научное наследие: О Москве XVII века. М., 1980. С. 74—105; Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 316—323.*

- ¹⁰ О сельской общине XVII в. см.: *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII—начало XVIII в. М., 1976; *Богословский М. М.* 1) Земское самоуправление... Т. 1, 2; 2) Из истории поземельной общины на Русском Севере // Изв. Архангельского об-ва изучения Русского Севера. 1911. № 2. С. 128—136; № 4. С. 294—301; *Важинский И.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж, 1974; *Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 195—317; *Ефименко А. Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере // *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884. С. 185—382; *Иванов П. И.* Поземельные союзы и переделы на Севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян. М., 1901; *Островская М. А.* Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913; *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община в центре и на севере в XVII—первой четверти XVIII в. // *Эммаусский А. В.* (ред.). Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции. Киров, 1979. С. 13—23.
- ¹¹ *Лапто-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве от времени Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 112, 282; *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в Древней Руси. М., 1923. С. 160; *Щапов А. П.* 1) Сельская община // Соч.: В 3 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 760—781; 2) Городские мирские сходы // Там же. С. 783—803.
- ¹² *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев; СПб., 1900. С. 210—218; *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. СПб., 1883. Т. 3, ч. 1. С. 63—80; *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 208—227; *Швейковская Н.* Общинная власть в системе феодального административного управления России XVII в. // Чтения памяти В. Б. Кобрин: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 198—200.
- ¹³ *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1893. Т. 1. С. 265—277.
- ¹⁴ *Щербина Ф.* Русская земельная община // Рус. мысль. 1880. № 5. С. 1—32.
- ¹⁵ *Bartlett R.* Introduction // *Bartlett R.* (ed.). Land Commune and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society. New York: St. Martin's Press, 1990. P. 1—6 (далее — *Bartlett R.* (ed.). Land Commune); *Изгоев А. С.* Общинное право. СПб., 1906. С. 7—37; Сборник материалов для изучения общины. СПб., 1880. Т. 1. С. 1—2, 159, 257—259, 332.
- ¹⁶ *Власова И. В.* Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья // *Громыко М. М., Листова Т. А.* (ред.). Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989. С. 24—44; *Карелин А. А.* Общинное владение в России. СПб., 1893. С. 2—23; *Качоровский К. Р.* Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? : (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1906. Т. 1. С. 359—362; *Chamton J.* Regional Variation in the Commune: the Case of Siberia // *Bartlett R.* (ed.). Land Commune. P. 66—85; *Pallot J.* The Northern Commune: Archangel Province in the Late Nineteenth Century // *Ibid.* P. 45—65.
- ¹⁷ Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 128—129.
- ¹⁸ О разных типах общины см.: *Головин К.* Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887. С. 13—22; *Карелин А. А.* Общинное владение в России. С. 23—54; *Лалош А.* Сельская община в Олонецкой губернии // ОЗ. 1874. № 2. Современное обозрение. С. 218—237; *Щербина Ф.* Русская земельная община. С. 1—32.
- ¹⁹ *Lewin M.* The Obshchina and the Village // *Bartlett R.* (ed.). Land Commune. P. 20—35.
- ²⁰ *Бушен А.* (ред.). Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2. С. 92—95.
- ²¹ *Орлов В.* Формы крестьянского землевладения в Московской губернии // Сборник статистических сведений по Московской губернии. М., 1879. Т. 4, вып. 1. С. 250; *Worobec Ch. D.* The Post-Emancipation Russian Peasant Commune in Orel Province: 1861—1890 // *Bartlett R.* (ed.). Land Commune. P. 92.
- ²² *Бусыгин Е. П. и др.* Общественный и семейный быт русского сельского населения среднего Поволжья : Историко-этнографическое исследование: (середина XIX—начало XX в.). Казань, 1973. С. 41.
- ²³ *Колесников П. А.* Основные этапы развития северной общины // *Колесников П. А.* (ред.). Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. С. 29.
- ²⁴ *Жидков Г. П.* Кабинетское землевладение 1737—1917 гг. Новосибирск, 1973. С. 152—153.
- ²⁵ Там же. С. 152—153.
- ²⁶ Статистика землевладения 1905 г. С. 129; Статистический временник Российской империи. 1886. Сер. 3. Вып. 10. С. 42—43, 113, 121, 129; *Янсон Ю. Э.* Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. СПб., 1878. Т. 1. С. 34—39; *Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961. P. 504—506. С учетом составных и раздельных общин средняя людность общины была больше, например, в 1905 г. — 432 человека.
- ²⁷ *Александров В. А.* Сельская община // *Чистов К. В.* (ред.). Этнография восточных славян : Очерк традиционной культуры. М., 1987. С. 372—379; *Кауфман А. А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908. С. 408—440; *Колесников П. А.* Основные этапы развития северной общины. С. 3—35; *Пушкарев С. Г.* Происхождение крестьянской

- пердельной общины в России. Прага, 1939, 1940. Ч. 1, 2; *Шануро А. Л.* Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков // *Колесников П. А.* (ред.). Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. С. 36—46. Более полную библиографию по данному вопросу см.: *Архангельский П. Г.* К вопросу о происхождении русской общины // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913. С. 323—351; *Вдовина Л. Н.* Вопрос о происхождении крестьянской общины в русской дореволюционной историографии // *Вестник МУ.* 1973. Сер. 9: История. № 4. С. 33—50.
- ²⁸ *Меморандов.* Крепостная община в России // *Современник.* 1864. Т. 105, № 11—12. С. 293—344.
- ²⁹ *Богословский М. М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. М., 1906. С. 40.
- ³⁰ *Громыко М. М.* Территориальная крестьянская община Сибири // *Горюшкин Л. М.* (ред.). Крестьянская община Сибири XVII—начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 32, 44—50; *Мамсик Т. С.* Общинное самоуправление и взгляд крестьян на «мирскую» должность // Там же. С. 151—178; *Рабцевич В. В.* 1) Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири: (1775—1825 гг.) // Там же. С. 126—150; 2) Участие сибирских крестьян в самоуправлении как элемент политической культуры феодальной эпохи // *Соловьева Е. И.* (ред.). Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1983. С. 20—34.
- ³¹ *Громыко М. М.* Территориальная крестьянская община Сибири. С. 59; *Кауфман А. А.* 1) Крестьянская община в Сибири: По местным обследованиям 1886—1892 гг. СПб., 1897; 2) Русская община в процессе ее зарождения и роста. С. 404—407.
- ³² *Камкин А. В.* Воздействие крестьянства на законодательное оформление уравнительно-пердельной общины в конце XVIII века // *Ковальченко И. Д.* (ред.). XXVI съезд КПСС и проблемы аграрного развития СССР. Уфа, 1984. С. 432—438; *Островская М. А.* Земельный быт сельского населения...; *Семевский В. И.* Очерки из истории крестьянского землевладения на Севере России в XVIII в. // *Рус. богатство.* 1901. № 1. С. 29—74; № 2. С. 37—79; *Сергеевич В. И.* Крестьянские права и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII в. // *Журнал МЮ.* 1907. № 2. С. 1—30.
- ³³ *Shaw D. J. B.* Landholding and Commune Origins among the Odnodvortsy // *Bartlett R.* (ed.). *Land Commune.* P. 106—120.
- ³⁴ *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII—первой половине XIX века. Л., 1981. С. 40—41.
- ³⁵ См. список 50 опубликованных инструкций за 1709—1837 гг.: *Александров В. А.* Сельская община в России: (XVII—начало XVIII в.). М., 1976. С. 319—322.
- ³⁶ [*Болотов А. Т.*]. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986. С. 617—622, 632—635, и др.
- ³⁷ *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 151—165.
- ³⁸ *Безобразов Н.* 1) Об усовершенствовании узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства. Берлин, 1858. С. 18—19; 2) Две записки по вотчинному вопросу. Берлин, 1859; *Голицын С. П.* Печатная правда. СПб., 1858. С. 21, 32; *Грибовский М.* О состоянии крестьян господских в России. Харьков, 1816. С. 2; *Жуков А. И.* Руководство отчетливо, успешно и выгодно заниматься русским сельским хозяйством. М., 1848. С. 182, 192; *Ладыженский Е.* Русский помещик // *Труды ВЭО.* 1856. Т. 2, № 4. С. 67, 74; *Бланк Г.* Русский помещичий крестьянин // Там же. № 6. С. 125.
- ³⁹ *Пушкевич А.* О крестьянском способе землевладения // *Журнал сельского хозяйства.* 1857. № 6. С. 183—189.
- ⁴⁰ *Жуков А. И.* Руководство... С. 164—165.
- ⁴¹ *Вдовина Л. Н.* Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. М., 1988. С. 64—136; *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община... С. 94—110; *Aleksandrov V. A.* Land Re- Allotment in the Peasant Commune of Late- Feudal Russia // *Bartlett R.* (ed.). *Land Commune.* P. 36—44.
- ⁴² *Руковский И. П.* Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1862. С. 127—161.
- ⁴³ Здесь и далее пословицы из книги: *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 245—246, 680—686.
- ⁴⁴ *Кавелин К. Д.* Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 398.
- ⁴⁵ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. С. 688.
- ⁴⁶ *Бабарыкин В.* Сельцо Васильевское, Нижегородской губернии Нижегородского уезда // *Этнографический сборник, издаваемый РГО.* СПб., 1853. Вып. 1. С. 20.
- ⁴⁷ *Кавелин К. Д.* Собр. соч. Т. 2. Стб. 715—718.
- ⁴⁸ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. С. 175, 206, 210—211, 306.
- ⁴⁹ *Кавелин К. Д.* Собр. соч. Т. 2. Стб. 791; *Даль В. И.* Пословицы русского народа. С. 836.
- ⁵⁰ *Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 5 т. Л., 1991. Т. 5. С. 73.
- ⁵¹ *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община... С. 192—193, 195—201.
- ⁵² *Игнатович И. И.* Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963. С. 19; *Преображенский А.* Приход Станиловский на Сити // *Этнографический сборник, издаваемый РГО.* СПб., 1853. Вып. 1. С. 139; *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община... С. 36; *Селиванов В. В.* Соч. Владимир, 1902. Т. 2. С. 190—203.
- ⁵³ *Громыко М. М.* Территориальная крестьянская община Сибири. С. 36, 40—41;

Мамсик Т. С. Общинное самоуправление... С. 153.

⁵⁴ Морачевич И. Село Кобыля, Волынской губернии, Новгород-Волынского уезда // Этнографический сборник, издаваемый РГО. СПб., 1853. Вып. 1. С. 309; Юркевич И. Приход Остринский, Виленской губернии Лидского уезда // Там же. С. 290; Троицкий П. Село Липицы и его окрестности Тульской губернии Каширского уезда // Там же. Вып. 2. С. 94—95; Селиванов В. В. Соч. Т. 2. С. 190—203. См. также: Прокофьева Л. С. Крестьянская община... С. 138, 154; Рахматуллин М. А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг. М., 1990. С. 99—100.

⁵⁵ Бабарыкин В. Сельцо Васильевское... С. 20.

⁵⁶ Александров В. А. Сельская община в России... С. 178; Прокофьева Л. С. Крестьянская община... С. 136.

⁵⁷ Архив РГО, разр. 29 (Пермская губерния), оп. 1, д. 32-г (Зырянов А. Мирские сходы и свойства характеров поселян Далматовской волости, Шадринского уезда, Пермской губернии. 1850 г.); Морачевич И. Село Кобыля... С. 309; Юркевич И. Приход Остринский... С. 290; Троицкий П. Село Липицы... С. 94—95; Селиванов В. В. Соч. Т. 2. С. 190—203. Это мнение разделяется многими исследователями: Бусыгин Е. П. и др. Общественный и семейный быт... С. 41—69; Игнатович И. И. Крестьянское движение... С. 19; Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири: (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 323; Миненко Н. А. Старики в русской крестьянской общине Западной Сибири XVIII—первой половины XIX в. // Миненко Н. А. (ред.). Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII—начала XX в. Новосибирск, 1985. С. 89—104; Hoch St. L. Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1989. P. 91—132.

⁵⁸ Александров В. А. Сельская община в России... С. 153.

⁵⁹ Atkinson D. Egalitarianism and the Commune // Bartlett R. (ed.). Land Commune. P. 7—19.

⁶⁰ РГИА, ф. 91 (Вольное экономическое общество), оп. 2, д. 774, л. 14—15.

⁶¹ Архив РГО, разр. 29, оп. 1, д. 32-г; Мамсик Т. С. Общинное самоуправление... С. 170—173; Прокофьева Л. С. Крестьянская община... С. 35.

⁶² Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 2. Стб. 230—232.

⁶³ Короленко В. Г. Собр. соч. Т. 5. С. 37.

⁶⁴ Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 2. Стб. 230—232; Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991; Емельянов Н. Ф. и др. Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. Курган, 1994. С. 19—56.

Громыко М. М. Территориальная крестьянская община Сибири. С. 90—92.

⁶⁶ Ф. П. О сельских мироедах и их действиях на волостном сходе // Воронежский листок. 1866. № 43; Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. М., 1979. Т. 3. С. 124—137 (рассказ «Бурмистр»).

⁶⁷ Вяземский А. А. Примеченный образ правления в деревнях всякого рода // Архив СПб. ФИРИ РАН, ф. 36 (Воронцовы), д. 380, л. 143—149 (1790-е гг.); Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2. С. 102—107, 593—659.

⁶⁸ Зайцев К. И. Очерки истории самоуправления государственных крестьян. СПб., 1912. С. 1—82.

⁶⁹ РГИА, ф. 940 (Заблоцкий), оп. 1, д. 296, л. 6—7; ф. 1589 (5-е отделение собств. его величества канцелярии), оп. 1, д. 365, л. 200. См. также: Зайцев К. И. Очерки истории самоуправления государственных крестьян. С. 1—82, 196—197. Совершенно несостоятельными являются утверждения некоторых исследователей о декоративном характере крестьянского самоуправления: Блеклов С. М. Крестьянское общественное управление // История России в XIX веке. М., 1907. Т. 5. С. 139—164; Страховский И. М. Крестьянское сословное самоуправление // Мелкая земская единица. СПб., 1902. С. 240—280.

⁷⁰ Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. С. 10, 13, 14; Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 226.

⁷¹ Об общине в удельной деревне см.: Архив РГО, разр. 34 (Самарская губерния), оп. 1, д. 22, 1854 г., л. 1—117 (Кашинский А. Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарского удельного имени); Боголюбов В. А. Удельные крестьяне // Дживелегов А. К. и др. (ред.). Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 2. С. 232—254; В. В. [Воронцов В. П.]. Из истории общины в России: (Материалы по истории общинного землевладения). М., 1902; История уделов за столетие их существования: 1797—1897. СПб., 1901. Т. 1. С. 37—40, 432—471; Семевский В. И. Очерки из истории крестьянского землевладения на Севере России в XVIII в. // Рус. богатство. 1901. № 2. С. 67—79.

⁷² Источники указаны в сноске 71.

⁷³ Об общине государственных крестьян см.: Архив РГО, разр. 29, оп. 1, д. 32-г, л. 1—17; разр. 42 (Тульская губерния), оп. 1, д. 48, 1850-е гг., л. 1—301 (Этнографические сведения о быте государственных крестьян Тульской губернии); Сборник постановлений для руководства волостных и сельских управлений. СПб., 1853; Алексеев С. Г. Местное самоуправление русских крестьян XVIII—XIX вв. М., 1902. С. 99—159; Вешняков В. И. Экспедиция государственного хозяйства // РС. 1901. № 10. С. 195—205; № 11. С. 403—422; 1902. № 7. С. 155—170; № 8. С. 427—438; Дружинин Н. П. Юридическое положение крестьян. СПб., 1897. С. 279—285; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946. Т. 1. С. 52—54, 346—364; Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Кисе-

лев и его время. СПб., 1912. Т. 2; *Зайцев К. И.* Очерки истории самоуправления государственных крестьян. С. 82—107, 167—204; *Иловайский И. Б.* Земельный передел и община в государственной деревне Вологодской губернии // *Колесников П. А.* (ред.). Проблемы истории крестьянства Европейской части России: (до 1917). Пермь, 1982. С. 112—127; *Князьков С. А.* Граф Киселев и реформа государственных крестьян // *Дживелегов А. К. и др.* (ред.). Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 2. С. 209—233; *Mironov B. N.* Local Government in Russia in the First Half of the Nineteenth Century: Provincial Government and Estate Self-Government // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1994. Bd 42. Hf. 2. S. 161—201.

⁷⁴ РГИА, ф. 1284 (Департамент общих дел Министерства внутренних дел), оп. 20, д. 480. Отчет о современном положении раскола.

⁷⁵ *Вяземский А. А.* Примеченный образ правления в деревнях... С. 150—180; *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 101—138, 238—301.

⁷⁶ Это хорошо показал Д. Бушнелл на примере крестьянских матримониальных дел: *Bushnell J.* Did Serf Owners Control Serf Marriage? Orlov Serfs and Their Neighbors, 1773—1861 // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52, No. 3. P. 419—446.

⁷⁷ *Александров В. А.* Сельская община в России... С. 315; *Bartlett R. P. J.* Sievers and the Russian Peasantry under Catherine II // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1984. Bd 32. S. 16—33.

⁷⁸ *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 71, 187; *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община... С. 210—211; Сборник материалов для изучения общины. С. 89—92.

⁷⁹ *Тройницкий А. Г.* Крепостное население России по 10-й народной переписи. СПб., 1861. С. 67.

⁸⁰ Об общине помещичьих крестьян см. также: *Полонская Н.* Черты быта крепостных крестьян по данным вотчинного архива кн. Куракиных и господ Чичериных // *Костромская старина*. 1911. Вып. 7. С. 125—152; *Blum J.* Lord and Peasant in Russia... P. 504—535.

⁸¹ *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. XVIII—XXII, 77—83.

⁸² *Leonard C. S.* Landlords and the *Mir*: Transaction Costs and Economic Development in Pre-Emancipation Russia (Iaroslav Guberniia) // *Bartlett R.* (ed.). Land Commune. P. 121—142.

⁸³ *Александров В. А.* Общинное управление в помещичьих имениях XVIII—начала XIX в. // *Пауто В. Т.* (ред.). Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 109.

⁸⁴ *Аристов Н.* Заметки о сельском управлении в России // БдЧ. 1864. Август. С. 1—24.

⁸⁵ *Leonard C. S.* Landlords and the *Mir*. P. 121—142.

⁸⁶ СЗРИ. 1857. Ст. 1046.

⁸⁷ *Рахматуллин М. А.* Крестьянское движение... С. 167—204.

⁸⁸ РГИА, ф. 91, оп. 2, д. 771, л. 98.

⁸⁹ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. С. 502, 507, 508, 803 (1), С. 803 (2), С. 404, 405 (5, 7, 11), С. 405, 513 (10), С. 806 (13), С. 350, 351 (15), С. 680 (16), С. 842 (17) и др. В скобках указан номер правила.

⁹⁰ *Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3 т. Таллин; М., 1994. Т. 1. С. 378—379.

⁹¹ *Кавелин К. Д.* Собр. соч. Т. 2. Стб. 671. Русская крестьянская община, в особенности XVIII—первой половины XIX в., лучше описывается в понятиях «моральная экономика», «моральный крестьянин», которые используются исследователями для анализа современного крестьянства стран третьего мира или европейского крестьянства в доиндустриальную эпоху. См. об этом: «Моральный крестьянин» и «рациональный крестьянин»: (Проблемы социального развития и идеологии стран Азии, Африки и Латинской Америки: Сб. обзоров. Вып. 2). М., 1988; Проблемы социальной истории крестьянства Азии: Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях: Реферативный сб. М., 1986. Вып. 1; *Thompson E. P.* The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // *Past and Present*. 1971. No. 51. May. P. 76—136.

⁹² *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 6. С. 161.

⁹³ *Златовратский Н. Н.* Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1912. Т. 3. С. 119.

⁹⁴ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. С. 776, 778, 779. «До сих пор, — констатировал в 1878 г. один наблюдатель, — события брачного торжества составляют у крестьянина дело общественное» (*Кистяковский А. Ф.* К вопросу о цензуре нравов у народа // *Зап. РГО* по отд-нию этнографии. 1878. Т. 8. Отд. 1. С. 162).

⁹⁵ *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 132—146; *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 382—386; Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. 1. С. 416.

⁹⁶ *А. Г.* Записки южнорусского крестьянина // *Устои*. 1882. № 2. С. 140; *Энгельгардт А. Н.* Из деревни: 12 писем, 1872—1887. М., 1937. С. 15—16.

⁹⁷ *Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири. С. 77—83.

⁹⁸ Ориентировочные результаты обследования земским врачом в конце XIX в. Варгемьянской волости С.-Петербургского уезда: *Чермак Н. К.* Пьянство в деревне и возможности борьбы с ним // Шестой санитарный съезд земских врачей С.-Петербургской губернии. СПб., 1892. Вып. 1—2. С. 7—20. Данные, вероятно, можно считать завышенными, поскольку в округе больших городов потребление алкоголя было выше среднего: *Воронин Н.* Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения: Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 г. Пенза, 1913. О культуре потребления

- алкоголя в России см.: *Байрау Д.* Бахус в России // П. А. Зайончковский 1904—1983 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 352—377; *Семке В. Я.* (ред.). Алкоголизм: Региональный аспект. Томск, 1992. С. 19; *Christian D.* «Living Water»: Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation. Oxford: Clarendon Press, 1990; *Herlihy P.* Joy of the Rus': Rites and Rituals of Russian Drinking // *The Russian Review*. 1991. Vol. 50. April. P. 131—147; *McCarthy R. G.* (ed.). Drinking and Intoxication: Selected Readings in Social Attitudes and Controls. New Haven et al.: Yale Center of Alcohol Studies, 1959. P. 130—148; *Segal B. M.* The Drunken Society: Alcohol Abuse and Alcoholism in the Soviet Union. A Comparative Study. New York: Hippocrene Books, 1990; *Smith R. E. F.*, *Christian D.* Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. New York et al.: Cambridge University Press, 1984.
- ⁷⁴ *Александров В. А.* Сельская община в России... С. 242—293; *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община... С. 151—157.
- ⁷⁵ *Кашин В. Н.* Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы. М.; Л., 1935; *Кокорев И.* Кулак и барышник: (Нравоописательный очерк). М., 1848; *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община... С. 164—184; *Соколовский П. А.* Кулак // Народное богатство. 1862. № 16.
- ⁷⁶ *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община... С. 171.
- ⁷⁷ *Лесков Н. С.* Собр. соч. Т. 10.
- ⁷⁸ Там же. Т. 6. С. 177—178; *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. М., 1988. С. 207.
- ⁷⁹ *Захарова Л. Г.* Крестьянская община в реформе 1861 г. // Вестник МУ. 1986. Сер. 8: История. № 5. С. 36—42; *Корнилов А. А.* Крестьянское самоуправление по Положению 19 февраля 1861 г. // *Дживелегов А. К. и др.* (ред.). Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 6. С. 137—157.
- ⁸⁰ *Дружинин Н. П.* Очерки крестьянской общественной жизни. СПб., 1905. С. 224—252.
- ⁸¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 29. С. 379.
- ⁸² *Риттих А. А.* (сост.). Крестьянский правопорядок (Высочайше учрежденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Свод трудов местных комитетов). СПб., 1904. С. 143.
- ⁸³ ¹⁰⁸ *Фирсов Б. М., Киселева И. Г.* Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С. 23—24.
- ⁸⁴ Там же. С. 45—50, 54—55.
- ¹¹⁰ *Алексеев С. Г.* Местное самоуправление русских крестьян XVIII—XIX вв. С. 117—159, 193—263; Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России, собранные по распоряжению министра государственных имуществ. СПб., 1880. Вып. 1. С. 38—43; *Риттих А. А.* (сост.). Крестьянский правопорядок. С. 129—292.
- ¹¹¹ *Успенский Г. И.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 4. С. 128.
- ¹¹² *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 гг. М., 1984. С. 92.
- ¹¹³ Статистические материалы по волостному и сельскому управлению 34 губерний, в коих введены земские установления: (Составлено в канцелярии высочайше учрежденной Особой комиссии для составления проектов местного управления). СПб., 1885. Табл. 4.
- ¹¹⁴ Там же. Табл. 3-а; *Риттих А. А.* (сост.). Крестьянский правопорядок. С. 154; *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России. М., 1979. С. 108.
- ¹¹⁵ *Риттих А. А.* (сост.). Крестьянский правопорядок. С. 154—155.
- ¹¹⁶ Доклад Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. Доклад. С. 3 (далее — Доклад Комиссии 1873 г.).
- ¹¹⁷ Сборник материалов для изучения общины. С. 344; *Успенский Г. И.* Собр. соч. Т. 4. С. 217—223.
- ¹¹⁸ *Потехин А. А.* Соч.: В 12 т. Т. 12: Деревенские мироеды. СПб., 1905; *Бланк П.* Крестьянские выборы // День. 1861. № 4. С. 6—8; С. О крестьянском самоуправлении // Устои. 1882. № 2. С. 72—99; № 3—4. С. 142—182; Сборник материалов для изучения общины. С. 185, 198, 212, 266, 344; *Тенишев В. В.* Административное положение русского крестьянина. СПб., 1908. С. 4—42; *Ясницкий А.* Муранская община // Устои. 1881. № 1. С. 50—62.
- ¹¹⁹ Сборник материалов для изучения общины. С. 163, 185, 371; *Тенишев В. В.* Административное положение... С. 7—8, 44—53.
- ¹²⁰ *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России 1907—1914 гг. М., 1992. С. 234.
- ¹²¹ Там же. С. 233—237; *Успенский Г. И.* Собр. соч. Т. 4. С. 217.
- ¹²² *Анисимов В. И.* Наделы // *Дживелегов А. К. и др.* (ред.). Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 6. С. 98, 102; *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 237—240; *Литвак Б. Г.* Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861—1895 гг. М., 1972. С. 320.
- ¹²³ *Карелин Ап. А.* Общинное владение в России. С. 95—104.
- ¹²⁴ *Семенов С. Т.* Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915. С. 4.
- ¹²⁵ В последние годы традиционный взгляд на линейное ухудшение положения крестьян после Великих реформ подвергся справедливой критике: *Хок С. Л.* Мальтус: Рост населения и уровень жизни в России,

- 1861—1914 годы // ОИ. 1996. № 2. С. 28—54; *Gregory P.* Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan. Princeton: Princeton University Press, 1994; *Löwe H.-D.* Die Lage der Bauren in Russland: 1880—1905: Wirtschaftliche und soziale Veränderung in der ländlichen Gesellschaft des Zarenreiches. St. Catharinen: Scripta Mercaturae Verlag, 1987; *Plaggenborg St.* Who Paid for Industrialization of Tsarist Russia // *Revolutionary Russia*. 1990. Vol. 3, No. 2. P. 183—210; *Wheatcroft St. G.* Crisis and the Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia // *Kingston- Mann E., Mixer T.* (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia: 1800—1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 128—174; *Wilbur E. M.* Was Russian Peasant Agriculture Really That Impoverished? New Evidence from a Case Study from the 'Impoverished Center' at the End of the Nineteenth Century // *Journal of Economic History*. 1983. Vol. 43, No. 1. P. 137—144. См. также примеч. 109 к главе I «Территориальная экспансия и ее последствия...».
- ¹²⁶ Число отходников подсчитано по: Труды Комиссии, учрежденной для пересмотра Устава о паспортах. СПб., 1861. Ч. 1. С. 142, 145; Материалы Комиссии 1901 г. СПб., 1903. Ч. 1. С. 6, 226—227; *Миц Л. Е.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1925. С. 16—18; *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки. М., 1958. С. 328. Согласно Рашину, процент отходников составлял 9.4. Вероятно, это — опечатка. В 1906—1910 гг. при населении 112.6 млн (*Рашин А. Г.* Население России за 100 лет: (1811—1913 гг.). М., 1956) и числе отходников 9.4 млн доля последних составляет 8.4%. При переводе всех видов паспортов в годовые на 100 душ населения будет приходиться 6 паспортов. Подробнее об отходничестве см. в главе IV «Семья и внутрисемейные отношения...», табл. IV.12. О числе промышленников см.: *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. С. 311—312. Данные земской статистики, которые использует Рашин, по-видимому, преувеличивают число отходников и промышленников, так как по сведениям переписи 1897 г. всеми видами промыслов занимались 7.2% от всего сельского населения.
- ¹²⁷ *Краснова В. Б.* Крестьянское общественное управление в России в 60—80-е гг. XIX в.: (По материалам Центрально-промышленного района): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989; Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. СПб., 1903. Т. 2: Проект положения о крестьянском общественном управлении; *Цитович Н. М.* Сельское общество как орган местного управления. Киев, 1911. С. 1—126.
- ¹²⁸ *Тенишев В. В.* Административное положение... С. 1—129.
- ¹²⁹ Архив РЭМ, ф. 7 (Этнографическое бюро В. Н. Тенишева), оп. 1, д. 25, л. 1—4; д. 347, л. 13; д. 469, л. 1—39; д. 517, л. 27.
- ¹³⁰ Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 519, л. 1, 5.
- ¹³¹ *Успенский Г. И.* Собр. соч. Т. 5. С. 198—199.
- ¹³² *Качоровский К. Р.* Русская община. Т. 1. С. 216—269; Сборник материалов для изучения общины. С. 93—96, 115—123, 160—162, 181—183, 226—233, 259—287, 294—296, 308—312, 343—351; *Зырянов П. Н.* Крестьянская община... С. 35—62, 162—208.
- ¹³³ *Орлов В.* Формы крестьянского землевладения... С. 21.
- ¹³⁴ *Зырянов П. Н.* Крестьянская община... С. 47, 163—165.
- ¹³⁵ *Карелин Ап. А.* Общинное владение в России. С. 160—165; *Мамадышский. Н. Н.* Попытка перехода от участкового землевладения к общинному // Труды подсекции статистики X съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Киеве 21—30 августа 1898 года. Чернигов, 1900. С. 441—450.
- ¹³⁶ *Ермолинский К.* Выкупные платежи и коренные переделы мирской земли // Слово. 1881. № 4. С. 23—52.
- ¹³⁷ *Качоровский К. Р.* 1) Народное право. М., 1906. С. 68—73; 2) Русская община. Т. 1. С. 270—315. На Левобережной Украине до начала XVIII в. все земли и угодья принадлежали общине и находились в общинном пользовании; к началу XIX в. общинные земли перешли в личную собственность, переделы прекратились и община стала подворной; *Луццкий И.* Общинное землевладение в Малороссии (Золотоношский уезд Полтавской губернии) // Устои. 1882. № 7. С. 39—60; *Ковалевский М. М.* Общинное землевладение в Малороссии // ЮВ. 1885. № 1. С. 60—61.
- ¹³⁸ *Коробки Н. И.* Новое явление в крестьянской жизни // ЖС. 1903. Вып. 3. С. 279—296; *Огановский Н.* Первые итоги «великой» реформы // Рус. богатство. 1911. № 10. С. 124—162; № 11. С. 67—98.
- ¹³⁹ Сборник материалов для изучения общины. С. 182.
- ¹⁴⁰ *Яцунский В. К.* Изменение в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны // *Яцунский В. К.* (ред.). Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 140.
- ¹⁴¹ Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. 5. С. 156—210.
- ¹⁴² Сборник материалов для изучения общины. С. 120—121, 135, 171, 202—203, 220, 374—375, 392.
- ¹⁴³ Там же. С. 325.
- ¹⁴⁴ *Зарудный М. И.* Законы и жизнь: Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. С. 167—185; *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907. С. 33—53.
- ¹⁴⁵ Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 86, л. 1; д. 242, л. 1, 5.

- ¹⁴⁶ Сборник материалов для изучения общины. С. 133—134, 191, 220, 292—293, 374—375; *Соколовский П. А.* Очерк истории общины на Севере России. СПб., 1877. С. 167; *Тенишев В. В.* Административное положение... С. 54—59, 92—114.
- ¹⁴⁷ Сборник материалов для изучения общины. С. 294; *Burds J.* The Social Control of Peasant Labor in Russia: The Response of Village Communities to Labor Migration in the Central Industrial Region, 1861—1905 // *Kingston-Mann E., Mixer T.* (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia: 1800—1921. Princeton: Princeton, NJ: University Press, 1991. P. 52—100.
- ¹⁴⁸ *Карелин А. А.* Общинное владение в России. С. 53—54.
- ¹⁴⁹ Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 517, л. 5; оп. 2, д. 36, л. 5, 8.
- ¹⁵⁰ *Зырянов П. Н.* Крестьянская община... С. 63—66.
- ¹⁵¹ *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. С. 284.
- ¹⁵² Интересный случай крестьянской солидарности в 1905—1906 гг. исследован в: *Schneer M.* The Markovo Republic: A Peasant Community during Russian First Revolution, 1905—1906 // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53, No. 1. P. 104—119.
- ¹⁵³ *Карелин А. А.* Общинное владение в России. С. 51—53.
- ¹⁵⁴ Сборник материалов для изучения общины. С. 129.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 168—169, 200—201, 291, 367, 375; *И. Х.* Помочь: (Из обычно-общинных отношений) // Рус. богатство. 1879. Вып. 1. С. 66—74.
- ¹⁵⁶ *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения... С. 32—64.
- ¹⁵⁷ *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. С. 363; *Сержпуховский А.* Очерки Белоруссии, IV: Талака // *ЖС*. 1907. Вып. 4. С. 210—214.
- ¹⁵⁸ Архив РЭМ, ф. 7, оп. 2, д. 5, л. 13.
- ¹⁵⁹ Сборник материалов для изучения общины. С. 169, 201, 216, 235, 291, 315, 323, 331.
- ¹⁶⁰ Сборник материалов для изучения общины. С. 189.
- ¹⁶¹ Там же. С. 369.
- ¹⁶² *Куликовский Г. И.* Олонекские помочи // Олонекский сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 394—396; *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. С. 361—363; *Тихоницкая Н.* Сельскохозяйственная толока у крестьян // СЭ. 1934. № 4. С. 73—90.
- ¹⁶³ Сборник материалов для изучения общины. С. 235; *Орлов В.* Формы крестьянского землевладения... С. 262—274.
- ¹⁶⁴ Сборник материалов для изучения общины. С. 173—174, 192, 296, 376.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 216, 316, 323.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 200—201.
- ¹⁶⁷ *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. С. 361.
- ¹⁶⁸ *Семенов С. Т.* Двадцать пять лет в деревне. С. 77—83, 101—104, 128—131.
- ¹⁶⁹ *Frank St. P.* Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and Its Enemies in Fin-de-Siècle Russia // *Frank St. P., Steinberg M. D.* (eds). Culture in Flux, Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 74—107.
- ¹⁷⁰ *Днепров Э. Д.* (ред.). Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: (конец XIX—начало XX в.). М., 1991. С. 106.
- ¹⁷¹ *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения... С. 109.
- ¹⁷² РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 63, д. 123 (1780 г.); оп. 84, д. 901 (1802 г.); оп. 106, д. 1472-а, 6 (1825 г.); оп. 151, д. 285 (1869 г.); оп. 176, д. 3790 (1895 г.); оп. 184, д. 184, 5736 (1903 г.); оп. 440, д. 1244, 1245, 1248, 1249; оп. 442, д. 2570, 2578, 2394, 2591, 2603, 2604, 2662 (1910—1915 гг. данные по 12 епархиам).
- ¹⁷³ *Успенский Г. И.* Собр. соч. Т. 5. С. 184—186.
- ¹⁷⁴ Движение населения в Европейской России за [1867—1910] год. СПб., 1872—1916.
- ¹⁷⁵ Материалы Комиссии 1901 г. Ч. 1. С. 249.
- ¹⁷⁶ *Mironov B. N.* Diet, Health, and Stature of the Russian Population from the Mid-Nineteenth to the Beginning of the Twentieth Century // *Komlos J.* (ed.). The Biological Standard of Living on Three Continents: Further Essays in Anthropometric History. Boulder: Westview Press, 1995. P. 59—80; *Wheat-croft St. G.* Crisis and the Conditions of the Peasantry... P. 128—175.
- ¹⁷⁷ См. подробнее главу XI «Итоги социального развития России...» в т. 2 наст. изд.
- ¹⁷⁸ *Семенов С. Т.* Двадцать пять лет в деревне. С. 121—128.
- ¹⁷⁹ *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб., 1914. С. 105.
- ¹⁸⁰ *Гуревич В. Я.* Хулиганство // Отчет X общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов 13—16 февраля 1914 г. в Петербурге. Пг., 1916. С. 3—7, 128—130; *Трайнин А. Н.* Хулиганство // Там же. С. 8—9, 103—128; *Чубинский М. П.* О хулиганстве // Там же. С. 131—152; Дискуссия // Там же. С. 153—211, 344—353. См. также: *Зырянов П. Н.* Крестьянская община... С. 243—250; *Weisman N. V.* Rural Crime in Tsarist Russia. The Question of Hooliganism. 1905—1914 // *Slavic Review*. 1978. Vol. 37, No. 2. P. 228—240.
- ¹⁸¹ *Neuberger J.* Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900—1914. Berkeley: University of California Press, 1993.
- ¹⁸² См. подробнее главу VIII «Право и суд, преступления и наказания...» в т. 2 наст. изд.
- ¹⁸³ *Симонова М. С.* Отмена круговой поруки // *ИЗ*. 1969. Т. 83. С. 159—195. Отмена круговой поруки способствовала дифферен-

- циации крестьянства: *Щепотьев С. А.* Круговая порука в бытовом и фискальном отношениях // Северный вестник. 1886. № 7. Отд. 2. С. 1—19; № 8. С. 1—24.
- ¹²⁶ Сборник материалов для изучения общины. С. 236.
- ¹²⁷ *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян... С. 101.
- ¹²⁸ Сборник материалов для изучения общины. С. 163.
- ¹²⁹ Там же. С. 344; *Успенский Г. И.* Собр. соч. Т. 4. С. 217—223.
- ¹³⁰ Архив РЭМ, ф. 7, оп. 2, д. 43, л. 5; д. 66, л. 10; Сборник материалов для изучения общины. С. 163, 173, 311, 330, 340, 370, 381; *Астырев Н. М.* В волостных писарях. М., 1896. С. 246; *Дедюлин С. А.* Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом. СПб., 1902. С. 85; *Семенов С. Т.* Двадцать пять лет в деревне. С. 135—138; *Трирогов В.* Община и подать. СПб., 1882. С. 116—118; *Успенский Г. И.* Собр. соч. Т. 4. С. 192, 214.
- ¹³¹ Архив РЭМ, ф. 7, оп. 2, д. 6, л. 6; д. 51, л. 4; д. 177, 214.
- ¹³² *Семенов С. Т.* Двадцать пять лет в деревне. С. 117—120, 135—138; *Успенский Г. И.* Собр. соч. Т. 4. С. 405.
- ¹³³ *Семенов С. Т.* Двадцать пять лет в деревне. С. 245—367.
- ¹³⁴ Сборник материалов для изучения общины. С. 249, 378. См. об этом подробнее в главе VI «Семья и внутрисемейные отношения...».
- ¹³⁵ *Потехин А. А.* Хай-девка // Соч. СПб., 1891. Т. 1; Очерки народного юридического быта // Казанские губернские ведомости. 1889. № 9; Сборник материалов для изучения общины. С. 172—173.
- ¹³⁶ Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 66, л. 6; д. 364; *Фирсов Б. М., Киселева И. Г.* Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 45—46.
- ¹³⁷ *Дружинин Н. П.* Юридическое положение крестьян. С. 236—267; Сборник материалов для изучения общины. С. 118, 132, 135, 163, 172, 203, 249, 296, 328, 344, 376, 378, 391.
- ¹³⁸ *Engel B. A.* Women, Men, And the Languages of Peasant Resistance: 1870—1907 // *Frank St. P., Steinberg M. D.* (eds.). Culture in Flux. Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 34—53; *Glickman R. L.* Women and the Peasant Commune // *Bartlett R.* (ed.). Land Commune. P. 321—338; *Worobec Ch. D.* 1) Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton: Princeton, NJ: University Press, 1991. P. 175—216; 2) Victims or Actors? Russian Peasant Women and Patriarchy // *Kingston-Mann E., Mixer T.* (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia: 1800—1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 177—206.
- ¹³⁹ *Филд Д.* Расслоение в русской крестьянской общине: Статистическое исследование // *Ковальченко И. Д.* (ред.). Россия и США на рубеже XIX—XX вв. : Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 323—347; *С-кий П.* Упадок крестьянских хозяйств при общинном землевладении // Северный вестник. 1886. № 3. Отд. 2. С. 20—60; № 4. С. 21—51; № 5. С. 49—61.
- ¹⁴⁰ *В. В. [Воронцов В. П.]*. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892. С. 258—261; *Вихляев П. А.* Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. М., 1914. Вып. 8. С. 5—16; *Зырянов П. Н.* Крестьянская община... С. 217—223; Сельскохозяйственные сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1901, 1903, 1905. Вып. 10, 11, 12; *Семенов С. Т.* Двадцать пять лет в деревне. С. 104—108; *Bideleux R.* Agricultural Advance under the Russian Village Commune System // *Bartlett R.* (ed.). Land Commune. P. 196—218; *Kingston-Mann E.* Peasant Commune and Economic Innovation: A Preliminary Inquiry // *Kingston-Mann E., Mixer T.* (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 23—51; *Seregny S. J.* Peasants and Politics: Peasant Unions During the 1905 Revolution // *Ibid.* P. 341—377.
- ¹⁴¹ *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 33, 35—37, 136—147; Ч. 2. С. 198—213.
- ¹⁴² *Eklöf B.* 1) Face to the Village: The Russian Teacher and the Peasant Community, 1880—1914 // *Bartlett R.* (ed.). Land Commune. P. 339—362; 2) Russian Peasant School: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861—1914. Berkeley etc.: University of California Press, 1986. P. 474—482.
- ¹⁴³ *Ramer S. C.* Traditional Healers and Peasant Culture in Russia: 1861—1917 // *Kingston-Mann E., Mixer T.* (eds.). Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia: 1800—1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 207—233.
- ¹⁴⁴ Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 633, л. 10—15; *Прокопович С. Н.* Аграрный вопрос и аграрное движение. Ростов н/Д., 1905. С. 32; *Тан В. Г.* Новое крестьянство: Очерки деревенских настроений. М., 1905. С. 11.
- ¹⁴⁵ *Семенов С. Т.* Двадцать пять лет в деревне. С. 108, 115—116, 203.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 115—116.
- ¹⁴⁷ *Vumme C. Ю.* Воспоминания. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 404.
- ¹⁴⁸ Личная собственность не была вполне равна частной, так как крестьяне, владевшие землей на праве личной собственности, могли продавать ее только крестьянам, закладывая ее только в Крестьянском банке, а не в частных кредитных учреждениях.
- ¹⁴⁹ Статистика землевладения 1905 г. Приложение. Табл. 236. С. XXXII—XXXIII; Предварительные итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Пг., 1916. Вып. 1. С. 624. Отсутствующие сведения по Гродненской, Ковенской и Курляндской губерниям дополнены с поправками данными за 1905 г.

¹⁵⁰ Чернышев И. В. Община после 9 ноября 1906 г.: (По анкете Вольного экономического общества). Пг., 1917. С. VIII.

¹⁵¹ Качоровский К. Р. Народное право. С. 69, 72.

¹⁵² Доклад Комиссии 1873 г. Приложения. V. С. 5; VI. Ч. 1. С. 205.

¹⁵³ Вешняков В. И. Крестьяне-собственники в России: Историко-статистический очерк. СПб., 1858. С. 9—11.

²¹² Святловский В. В. Мобилизация земельной собственности в России : (1861—1908 гг.). СПб., 1911. С. 127—128. Данные относятся к крестьянам вместе с сельскими обывателями, земледельцами крестьянского типа — колонистами и т. п.

²¹³ Статистика землевладения 1905 г. С. 78—79.

²¹⁴ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 581.

²¹⁵ Лосицкий А. Е. 1) Распадение общины: Распадение общины до указа 9 ноября 1906 г. Укрепление наделов в личную собственность. Выходы на хутора и отруба. СПб., 1912; 2) К вопросу об изучении степени и форм распада общины. М., 1916; Чернышев И. В. Крестьяне общине накануне 9 ноября 1906 г.: К вопросу об общине. СПб., 1911; Macey D. A. J. Government and Peasant in Russia, 1861—1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1987. P. 219—236.

²¹⁶ О столыпинской реформе кроме работ, использованных в тексте, см.: Анфимов А. М. Новые собственники: (Из итогов столыпинской аграрной реформы) // Данилов В., Шанин Т. (ред.). Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 60—95; Бородин А. П. Объединенное дворянство и аграрная реформа // ВИ. 1993. №9. С. 33—44; Герасименко Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985; Дякин В. С. (ред.). 1) Кризис самодержавия в России: 1895—1917. Л., 1984. С. 349—374; 2) Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. № 12. С. 113—124; Ефременко А. В. Агрономический аспект столыпинской земельной реформы // ВИ. 1996. № 11—12. С. 3—15; Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа: (Мифы и реальность) // ИСССР. 1991. № 2. С. 52—72; Огановский Н. П. Революция наоборот: (Разрушение общины). Пг., 1917; Сидельников С. М. 1) Аграрная реформа Столыпина. М., 1973; 2) Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской реформы. Л., 1962; Теляк Л. В. Столыпинская аграрная реформа: Исторнография, 1906—1917 гг. Самара, 1995; Bilimovich A. D. The Land Settlement in Russia and the War // Russian Agriculture during the War. New York: Greenwood Press, 1968. P. 303—388; Conroy M. S. Peter Arkad'evich Stolypin: Practical Politic in Late Tsarist Russia. Boulder: Westview Press, 1976; Korelin A. P. The Social

Problem on Russia: 1906—1914: Stolypin's Agrarian Reform // Taranovski Th. (ed.). Reform in Modern Russian History. Progress or Cycle? New York: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1995. P. 139—162; Macey D. A. J. 1)

Agricultural Reform and Political Change: The Case of Stolypin // Ibid. P. 163—189; 2) The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906—1917 // Bartlett R. (ed.). Land Commune. P. 219—236; Treadgold D. W. Was Stolypin in Favor of Kulaks // Slavic Review. 1965. Vol. 17, No. 1. P. 1—14; Yaney G. L. The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861—1930. Urbana et al.: University of Illinois Press, 1982.

²¹⁷ Нам неизвестно число крестьян-подворников на 1917 г., так как сельскохозяйственная перепись зарегистрировала только общее число дворов. Их число определяется следующим образом. В Виленской, Витебской, Минской и Могилевской губерниях, где преобладали подворные общины, число дворов за 1905—1916 гг. увеличилось на 34%, в Лифляндской и Эстляндской губерниях, не знавших общины, — на 194%, а в целом по Европейской России — на 28%. Таким образом, можно предположить, что рост числа крестьянских дворов в подворных общинах не уступал росту числа дворов в передельных общинах, как полагают некоторые историки (Данилов В. П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Колесников П. А. (ред.). Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 6. С. 105). Основываясь на этих расчетах, следует заключить, что число хозяйств в подворных общинах с 1905 по 1916 г. увеличилось минимум на 34%, с 2.8 до 3.8 млн (2.8 млн х 1.34). Эта же цифра 3.8 млн приведена в книге: Перишин П. Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 1. С. 97.

²¹⁸ Перишин П. Н. Участковое землепользование в России: Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907—1916 гг. и судьба во время революции (1917—1920 гг.). М., 1922. С. 7—8, 46—47.

²¹⁹ Сборник статистических сведений по Союзу ССР: 1918—1923. М., 1924. С. 98 (Труды ЦСУ. Т. 18).

²²⁰ Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство в период империализма. М., 1975. С. 94—95, 191; Перишин П. Н. Участковое землепользование в России... С. 46—47.

²²¹ Даль В. И. Пословицы русского народа. С. 404—405.

²²² Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 106—138; Кабанов В. В. Октябрьская революция и крестьянская община // ИЗ. 1984. Т. 111; Atkinson D. The End of the Russian Land Commune: 1905—1930. Stanford: Stanford University Press, 1983. P. 165—188; Figes O. 1) Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917—1921. Oxford: Oxford University Press, 1989; 2) The Russian Peasant Community in the Agrarian Revolution, 1917—1918 // Bartlett R. (ed.). Land Commune.

- P. 237—253; 3) Peasant Farmers and the Minority Groups of Rural Society: Peasant Egalitarianism and Village Social Relations During the Russian Revolutions, (1917—1921) // *Kingston-Mann E., Mixer T.* (eds.). Peasant Economy. Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. P. 378—402; *Lewin M.* The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York: Panteon Books, 1985. P. 49—90. Об изменении лодности крестьянского хозяйства после революции см.: Сборник статистических сведений по Союзу ССР: 1918—1923. С. 107.
- ²²³ Сельской общине пореформенного времени посвящена огромная литература, насчитывающая несколько тысяч книг и статей. Кроме литературы, использованной в тексте, см.: *Альдин С. К.* Материалы для изучения сельской поземельной общины: Факты мирского землевладения в фабричных селениях Владимирской губернии // Рус. богатство. 1879. Вып. 1. С. 2—16; *Анфимов А. М., Зырянов П. Н.* Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период: (1861—1914 гг.) // ИСССР. 1980. № 4; *В. В. [Воронцов В. П.]*. Крестьянская община // Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. М., 1881. С. 1—600; *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991; *Зырянов П. Н.* Некоторые черты эволюции крестьянского «мира» в пореформенную эпоху // *Янин В. Л.* (ред.). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971 г. Вильнюс, 1974. С. 380—387; *Кучумова Л. И.* Сельская поземельная община Европейской России в 60—70-е гг. XIX в. // ИЗ. 1981. Т. 106. С. 323—347; *Кучумова Л. И.* (сост.). Документы по истории крестьянской общины 1861—1880 гг. М., 1987; *Лурье С. В.* Как погибла русская община // *Александров Ю. Г., Панарин С. А.* (ред.). Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 136—173; *Пругавин В. С.* Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888; *Grant S. A.* Obshina and Mir // Slavic Review. 1976. Vol. 35, No. 4. P. 636—652; *Pallo J., Shaw D. J. B.* Landscape and Settlement in Romanov Russia: 1613—1917. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 136—164; *Robinson G. T.* Rural Russia under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1969; *Shanin Th.* The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910—1925. Oxford: Clarendon Press, 1972. P. 32—44; *Watters F. M.* The Peasant and the Village Commune // *Vucinich W. S.* (ed.). The Peasant in Nineteenth Century Russia. Stanford, CA: California University Press, 1970. P. 133—152. Более полную информацию о литературе по проблеме общины см. в историографических работах: *Дубровский С. М.* Российская община в литературе XIX—начала XX в.: (Библиографический обзор) // *Яцунский В. К.* (ред.). Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 348—361; *Eklof B.* Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant, (1861 — 1914) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1988. Bd 36. Hf. 1. S. 57—79; *Petrovitch M. B.* The Peasant in Nineteenth Century Historiography // *Vucinich W. S.* (ed.). The Peasant in Nineteenth Century Russia. Stanford, CA: California University Press, 1970. P. 191—230.
- ²²⁴ *Златовратский Н. Н.* Собр. соч. Т. 3. С. 119.
- ²²⁵ Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 66, л. 6; д. 25, л. 1—3.
- ²²⁶ *Успенский Г. И.* Собр. соч. Т. 4. С. 117—118, 126.
- ²²⁷ Там же. С. 128—129.
- ²²⁸ Там же. С. 471—474.
- ²²⁹ *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. С. 260, 270.
- ²³⁰ Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 343, 415, 630; оп. 2, д. 275, л. 80.
- ²³¹ *Фирсов Б. М., Киселева И. Г.* Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 89—93, 179.
- ²³² Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 309, л. 2—3; д. 455, л. 1—45; оп. 2, д. 28, л. 41—42; д. 275, л. 2.
- ²³³ *Файджес О.* Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917—1918 гг. // *Черняев В. Ю.* (ред.). Анатомия революции. СПб., 1994. С. 273.
- ²³⁴ *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. С. 362.
- ²³⁵ *Соловьев С. М.* История России... Кн. 7. С. 82; *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства... С. 322.
- ²³⁶ *Загоскин Н.* О праве владеть городскими дворами в Московском государстве // Учен. зап. Казанского ун-та. 1877. Кн. 1.
- ²³⁷ *Богоявленский С. К.* 1) Состав московского слободского схода // Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 322—329; 2) Научное наследие. С. 74—137; 3) Московские слободы и сотни в XVII веке // *Бахрушин С. В.* (ред.). Московский край в его прошлом: М., 1930. Ч. 2. С. 115—131; *Соловьев С. М.* Русский город в XVII в. // Современник. 1853. № 1. С. 1—20.
- ²³⁸ В малых городах были созданы ратуши, имевшие упрощенное сравнительно с магистратами устройство. Во избежание путаницы для обозначения городских учреждений, созданных в 1721—1724 гг., я буду использовать только термин «магистрат».
- ²³⁹ *Муллов П.* Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864. С. 42—72; *Плюшинский Л. О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852. С. 167—193.
- ²⁴⁰ *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. Т. 1: Города России в XVIII столетии. СПб., 1875. С. 199—247,

- 327—354; *Пригара А.* Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. Ч. 1: Происхождение состояния городских обывателей в России и организация его при Петре Великом. СПб., 1868. С. 139—169.
- ²⁴¹ *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 620.
- ²⁴² Там же. С. 792—793.
- ²⁴³ Там же. С. 544—549.
- ²⁴⁴ Там же; *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов в России. Т. 1. С. 199—247, 327—354; *Плюшинский Л. О.* Городское или среднее состояние русского народа...; *Пригара А.* Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. Ч. 1. С. 139—169.
- ²⁴⁵ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 92.
- ²⁴⁶ *Соловьев С. М.* История России... Кн. 11. С. 403—404, 463—464.
- ²⁴⁷ *Кизеветтер А. А.* Посадская община... С. 739—742.
- ²⁴⁸ Там же. С. 637.
- ²⁴⁹ Купцы как сословная группа, а не как профессия. Разделение купцов на три гильдии фактически началось в 1724 г., постепенно вошло в практику, а юридически было утверждено в 1742 г. и подтверждено в 1775 г.: *Варадинов Н.* Гильдии: Историко-юридический очерк. СПб., 1861. С. 84—89.
- ²⁵⁰ *Кизеветтер А. А.* Посадская община... С. 630—633, 680.
- ²⁵¹ *Клочков М. В.* Население России при Петре Великом по переписям населения того времени. СПб., 1911. Т. 1. С. 71—79; *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 202.
- ²⁵² История Москвы. М., 1952. Т. 1. С. 450; *Забелин И. Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 184—185; Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1908. Т. 20. Стб. 891—894.
- ²⁵³ *Звягинцев Е. А.* Рост населения в московских слободах XVIII в. // *Бахрушин С. В.* (ред.). Московский край в его прошлом. М., 1930. Ч. 2. С. 133—148.
- ²⁵⁴ *Лешков В.* Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII века. М., 1858. С. 606—607.
- ²⁵⁵ *Кизеветтер А. А.* Посадская община... С. 640.
- ²⁵⁶ Там же. С. 453—456.
- ²⁵⁷ Там же. С. 120.
- ²⁵⁸ *Рындзюнский П. Г.* Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население // *Пауто В. Т.* (ред.). Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 86—95.
- ²⁵⁹ *Кизеветтер А. А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 388.
- ²⁶⁰ РГИА, ф. 1287 (Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел), оп. 37, д. 737, л. 258—260, 271.
- ²⁶¹ См., например: *Кизеветтер А. А.* Гильдия московского купечества: Исторический очерк. М., 1915; Материалы для истории московского купечества. Т. 3: Общественные приговоры 1828—1836 гг. М., 1896; Там же. Т. 4: Очередная книга. Перепись служащим и неслужащим из московского купечества, с означением кто, когда и где служил с 1791 года по 1802 год. М., 1899; *Постников И. Н.* Записки бежецкого городского старосты: Черты городского общественного быта конца XVIII столетия. Тверь, 1914; [*Ушаков А. С.*] Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М., 1865. Вып. 1. С. 80—110, 113—125.
- ²⁶² *Ган И. А.* О настоящем быте мещан Саратовской губернии. СПб., 1860. С. 1—42; *Стратилатов.* Несколько слов мещанина о мещанах // Парус. 1855. № 1.
- ²⁶³ *Пажитнов К. А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. С. 75—127; *Рабцевич В. В.* О цеховой организации ремесленников Западной Сибири в 80-х гг. XVIII—первой четверти XIX в. // *Вилков О. Н.* (ред.). Города Сибири: (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 134—142; Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. СПб., 1863. Ч. 1—2.
- ²⁶⁴ *Юрченко Н. Л.* Ревизские сказки как источник по социально-демографической истории: (Опыт обработки на ЭВМ ревизских сказок московского купечества XVIII—первой половины XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 18.
- ²⁶⁵ Отчет по управлению С.-Петербургского купеческого сословия с 1847 по 1856 г. СПб., 1858. С. 15—18; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1852. С. 24—25.
- ²⁶⁶ Журнал или записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М., 1974. С. 49, 58, 70, 108; *Постников И. Н.* Записки бежецкого городского старосты...
- ²⁶⁷ *Пажитнов К. А.* Проблема ремесленных цехов... С. 125—127, 134, 138; Труды Комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Ч. 2. С. 147, 169—172.
- ²⁶⁸ Отчет по управлению С.-Петербургского мещанского сословия с 1847 по 1856 г. СПб., 1858. С. 14—20.
- ²⁶⁹ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 20. № 14392. С. 229—304. Учреждения о губерниях 1775 г.
- ²⁷⁰ Там же. Т. 22. № 16188. С. 358—384. Грамота на права и выгоды городам Российской империи 1785 г.
- ²⁷¹ СЗРИ. 1842. Т. 2. Учреждения губернские. Ст. 12 и 3907.
- ²⁷² *Варадинов Н.* Указатель общих постановлений для руководства городских дум и заменяющих оные мест. СПб., 1854; Доклад особой комиссии, образованной для ревизии делопроизводства С.-Петербургской городской распорядительной думы. СПб., 1866; Инструкция С.-Петербургской городской общей

думе о порядке собраний и внутреннего делопроизводства. СПб., 1854; Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения министерства по 1 октября 1853 г. СПб., 1854. Т. 1. С. 207—273.

²⁷³ *Mironov B. N.* Bureaucratic or Self-Government: The Early Nineteenth Century Russian City // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52, No. 2. P. 233—255.

²⁷⁴ *Анучин Е. Н.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872. С. 1—34; [*Высоцкий И. П.*]. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703—1903 гг.): Краткий исторический очерк. СПб., 1903. С. 53—70.

²⁷⁵ *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М., 1912. С. 457—458; *Куприянова А. И.* Городское хозяйство Западной Сибири в первой половине XIX в. // *Миненко Н. А.* (ред.). Город и деревня Сибири в дореволюционный период. Новосибирск, 1984. С. 76—87; Обзорные действия Общей думы С.-Петербурга за [1847—1852] год. СПб., 1848—1853; *Ярославский Г.* Городское самоуправление Москвы // *Москва в ее прошлом и настоящем*. М., 1912. Вып. 3. С. 17—48.

²⁷⁶ Общественный быт в некоторых мещанских поземельных общинах обстоятельно изучен в конце 1870—начале 1880-х гг.: *Рева И. М.* Город-община // ЮВ. 1884. № 9. С. 68—89; *Абрамов Я.* Мещане и город // ОЗ. 1883. № 3. Современное обозрение. С. 1—21.

²⁷⁷ *Мионов Б. Н.* Русский город в 1740—1860-е годы. Л., 1990. С. 22—23.

²⁷⁸ Там же. С. 201—205.

²⁷⁹ Общей городской реформе 1870 г. предшествовали реформы городского самоуправления в Петербурге (1846 г.), Москве и Одессе (1862 г.). Но реформа 1870 г. не была простой их репликой, она пошла значительно дальше в изменении городского самоуправления.

²⁸⁰ *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х—начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. С. 51—81.

²⁸¹ Там же. С. 152—180.

²⁸² *Нардова В. А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX—начале XX века. СПб., 1994. С. 136—153.

²⁸³ Отчет по управлению С.-Петербургского купеческого сословия... С. XLVII; Отчет по управлению С.-Петербургского мещанского сословия... С. 153—157.

²⁸⁴ *Щепкин М. П.* Бюджеты трех московских сословий: купеческого, мещанского и ремесленного. М., 1865. С. 1—68.

²⁸⁵ *Абрамов Я.* Мещане и город. С. 1—21; *Карелин Ап. А.* Общинное владение в России. С. 229—235; *Рева И. М.* Город-община. С. 68—89; [*Южаков С. Н.*]. Записки публициста // ОЗ. 1884. № 3. Современное обозрение. С. 63—80.

²⁸⁶ РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 2859, л. 1—203.

²⁸⁷ По анкете в 117 городах. По другим источникам цеховое устройство имелось еще в 25 городах: РГИА, ф. 1288 (Главное управление по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел), оп. 10—1910 г., д. 69, л. 21.

²⁸⁸ Согласно анкете, цехи в 111 городах объединяли 147,5 тыс. мастеров и подмастерьев. В 31 городе с упрощенным цеховым устройством, по которым отсутствуют сведения о числе ремесленников, принимаем численность мастеров и подмастерьев в 556 человек в каждом, как в тех городах с упрощенным цеховым устройством, по которым имеются сведения, следовательно, в 31 городе могло быть около 17,2 тыс. ремесленников.

²⁸⁹ Ремесленники и ремесленное управление в России. Пг., 1916. С. 32.

²⁹⁰ *Бушен А.* (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 270—271.

²⁹¹ Волгарь. 1893. 24 февр. № 44.

²⁹² *Пажитнов К. А.* Проблема ремесленных цехов... С. 133.

²⁹³ РГИА, ф. 1288, оп. 10—1910 г., д. 69. По вопросу восстановления упраздненных цехов, л. 1—4.

²⁹⁴ Там же, л. 22. По другим сведениям, в 1910 г. цехи существовали в 29 городах: Ремесленники и ремесленное управление в России. С. 32.

²⁹⁵ РГИА, ф. 1288, оп. 10—1910 г., д. 69, л. 1—29.

²⁹⁶ РГИА, ф. 1288, оп. 11—1911 г., д. 53. О преобразовании ремесленных обществ и управ, л. 1—15.

²⁹⁷ Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Ч. 2. С. 326—327; *Бушен А.* (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 270—271.

²⁹⁸ РГИА, ф. 1290 (Центральный статистический комитет), оп. 5, д. 178, 179.

²⁹⁹ *Каплуновский А. П.* Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870—1918 гг. (Этно-историческое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

³⁰⁰ *Бурьшкин П. А.* Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. С. 238—240, 245—248. Потере интереса к купеческому обществу способствовал также и закон 1898 г. о промышленном налоге, давший право на свободу частного предпринимательства всем подданным независимо от принадлежности к купеческим гильдиям: *Барышников М. Н.* Политика и предпринимательство в России: (Из истории взаимодействия в начале XX века). СПб., 1997. С. 39—40.

³⁰¹ *Буйко А. М.* Путь рабочего: Воспоминания путиловца. Л., 1964; *Сергеевич В.* Завод — кузница революции: Рабочий о старом и новом житье-бытье. М., 1929; *Тимофеев П.* Чем живет заводской рабочий. СПб., 1906; *Bonnel V. E.* The Russian Worker, Life and Labor Under the Tsarist Regime. Berkeley, CA: University of California Press, 1983; *Bradley J.* Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 1985; *Engelstein L.* Moscow 1905: Working Class

- Organization and Political Conflict. Stanford: Stanford University Press, 1982; *Glickman R. L.* Russian Factory Women: Work-place and Society, 1880—1914. Berkeley, CA: University of California Press, 1984; *Johnson R.* Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1979; *Steinberg M. D.* Moral Community: The Culture of Class Relations in the Russian Printing Industry, 1897—1907. Berkeley; Oxford: University of California Press, 1992; *Smith S.* Craft Consciousness, Class Consciousness: Petrograd 1917 // *History Workshop*. 1981. No. 11; *Tsuchiya Y.* Notes on Working Class Culture in Late Imperial Russia // *Haza T., Matsuzato K.* (eds.). *Empire and Society: New Approaches to Russian History*. Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1997. P. 23—40.
- ³⁰² Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. С. 229; *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 139—161, 178—196.
- ³⁰³ *Новосельский А. А.* Распад служилого «города» в XVII в.: (по десятиям) // *Устюгов Н. В.* (ред.). Русское государство в XVII веке: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 231—253.
- ³⁰⁴ *Rancel D. L.* Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // *Maczak A.* (ed.). *Klientensystem im Europa der frühen Neuzeit*. München, 1988. S. 211—231. Патронажные отношения дожили до настоящего времени: *Афанасьев М. Н.* Клиентизм: Историко-социологический очерк // *Политические исследования*. 1996. № 6. С. 97—108; *Wilierton J. P.* Patronage and Politics in the USSR. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- ³⁰⁵ *Найденова Л. П.* «Свои» и «чужие» в Домострое: Внутрисемейные отношения в Москве XVI века // *Бессмертный Ю. Л.* (ред.). Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 290—304; *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York: Oxford University Press, 1992. P. 3—9, 176—179.
- ³⁰⁶ *Бегичев Д. Н.* Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни. М., 1851. Вып. 1, 2; *Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление за столетие: 1762—1855. СПб., 1906. С. 83—135; *Чечулин Н. Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб., 1889. С. 57—66; *Фаизова И. В.* Материалы Герольдмейстерской конторы о реализации манифеста о вольности дворянской службы // *Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрин*. М., 1994. С. 180—182; *Leonard C.* Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1994.
- ³⁰⁷ Цифры являются ориентировочными. Подсчитано по: *Кабузан В. М., Троицкий С. М.* Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782—1858 гг. // *ИСССР*. 1971. № 4. С. 153-169; *Шенукова Н. М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII—первой половине XIX в. // *Яцунский В. К.* (ред.). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 388—419.
- ³⁰⁸ Цифры ориентировочны. Подсчитано по: *Ершов Г.* Поземельная собственность Европейской России 1877—78 гг. СПб., 1886. С. 34—35; *Статистический временник Российской империи*. 1875. Сер. 2. Вып. 10. Отд. 2-а. С. 22—27.
- ³⁰⁹ Цифры ориентировочны. Подсчитано по: *Статистика землевладения 1905 г.* С. 78—79; *Общий свод данных переписи 1897 г.* СПб., 1905. Т. 1. С. 172—173.
- ³¹⁰ *Бушен А.* (ред.). *Статистические таблицы...* Вып. 2. С. 276—277.
- ³¹¹ *Общий свод данных переписи 1897 г.* Т. 1. С. 160—161.
- ³¹² Там же.
- ³¹³ *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России, 1861—1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 142.
- ³¹⁴ *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 491.
- ³¹⁵ Лишь при Павле I, в течение 1799—1801 гг., запрещалось отказываться от выборной должности.
- ³¹⁶ *Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление... С. 269, 436—447.
- Подробнее см. в главе X «Общество, государство, общественное мнение...».
- ³¹⁸ *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России... С. 158.
- Там же. С. 169—176.
- Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление... С. 443.
- Земские повинности — общесословные денежные сборы на нужды губернии.
- Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России... С. 167.
- Ерасов Б. С.* Социальная культурология. С. 332—346, 378—405.
- Гиллярковский В. А.* Москва и москвичи. М., 1978. С. 212.
- Дружинин Н. П.* Юридическое положение крестьян. С. 272.
- Подсчитано по: *Водарский Я. Е.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // *Шунков В. И.* (ред.). Города феодальной России. М., 1966. С. 280; *Статистика землевладения 1905 г.* С. 128—129; *Fedor Th. S.* Patterns of Urban Growth in the Russian Empire during the Nineteenth Century. Chicago: The University Chicago Press, 1975. P. 183—205.
- Успенский Г. И.* Собр. соч. Т. 5. С. 122—123.

- ³²⁸ Бушен А. (ред.). Статистические таблицы... Вып. 2. С. 276—293; Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 160—163.
- ³²⁹ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 96—98, 340; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М., 1973. С. 104; Кондратьев Н. Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 213.
- ³³⁰ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 160.
- ³³¹ Успенский Г. И. Собр. соч. Т. 5. С. 143—145.
- ³³² Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 109.
- ³³³ Там же. С. 175.
- ³³⁴ Энгельгардт А. Н. Из деревни. С. 286—287.
- ³³⁵ Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 2. Стб. 281.
- ³³⁶ Вейраи D. Militär und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland. Köln, 1984. S. 335—361; Bushnell J. The Russian Soldiers' Artel, 1700—1900: A Study and Interpretation // Bartlett R. (ed.). Land Commune. P. 376—394.
- ³³⁷ Артельное начало в русском сельском хозяйстве // ОЗ. 1865. № 8. С. 182—184; В. В. [Воронов В. П.]. Артель в кустарном промысле. СПб., 1895; Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири. С. 209—221; Добротворский Н. Торговые крестьянские артели // Северный вестник. 1886. № 3. Отд. 2. С. 131—139; Женские общины в Нижегородской губернии // Журнал МВД. 1847. Ч. 19, № 8. С. 268—285; Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России // Этнографический сборник, издаваемый РГО. СПб., 1864. Вып. 6. С. 1—93; Куликовский Г. И. Из общинно-артельной жизни Олонекского края. Петрозаводск, 1897; Пономарев С. М. Артельщина и дружба как особый уклад народной жизни // Северный вестник. 1888. № 10. С. 48—81; № 11. С. 135—174; № 12, ч. 2. С. 49—84; Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России: Его теория и практика. М., 1913. С. 32—69; Сборник материалов об артелях в России. СПб., 1873, 1874. Вып. 1, 2; Yosho I. The Artel' and the Beginnings of the Consumer Cooperative Movement in Russia // Bartlett R. (ed.). Land Commune. P. 363—375.
- ³³⁸ Ефименко П. Братство и союзы нищих // Киевская старина. 1883. Т. 7. Сентябрь—декабрь. С. 312—317; Максимов С. В. Избр. произведения: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 447—480.
- ³³⁹ Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 146—188; см. также: Wood A. Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia // Bartlett R. (ed.). Land Commune. P. 395—414.
- ³⁴⁰ Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1912. P. 3.
- ³⁴¹ Пажитнов К. Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при крепостном праве // Гессен Ю. (ред.). Архив истории труда в России. Пг., 1922. С. 97—106; Zelnik R. Labor and Society in Tsarist Russia: The Factory Workers of St. Petersburg, 1855—1870. Stanford: Stanford University Press, 1971. P. 144—146.
- ³⁴² Миронов Б. Н. История в цифрах. С. 82, 85. Среди 2084 рекрутов, взятых во флот в 1767—1768 гг. из Архангельской, Вологодской, Вятской, Казанской, Нижегородской, Новгородской, Олонекской и С.-Петербургской губерний (по административному делению конца XVIII—начала XX вв.), было всего 25 грамотных, в том числе 1 грамотный из 15 посадских: ЦГА ВМФ, ф. 173 (Дела адмирала Мордвинова), оп. 1, д. 140, 142.
- ³⁴³ Стихийный переход от общинного землевладения к подворному занял на Левобережной Украине менее 100 лет, так как до начала XVIII в. все земли и угодья принадлежали общине и находились в общинном пользовании, а к концу того же столетия общинные земли перешли в личную собственность и переделы прекратились: Лучицкий И. Общинное землевладение в Малороссии. С. 39—60; Ковалевский М. М. Общинное землевладение в Малороссии. С. 60—61. В великорусских губерниях разложение общинных отношений началось после эмансипации, до 1907 г. происходило медленно вследствие противодействия правительства, но во время столыпинской реформы ускорилось. Если ориентироваться на украинские темпы, процесс должен был бы завершиться к середине XX в., но, учитывая правительственную поддержку и бурное развитие капитализма в России, распад передельной общины должен был закончиться раньше.
- ³⁴⁴ Atkinson D. The End of the Russian Land Commune. P. 379—380.